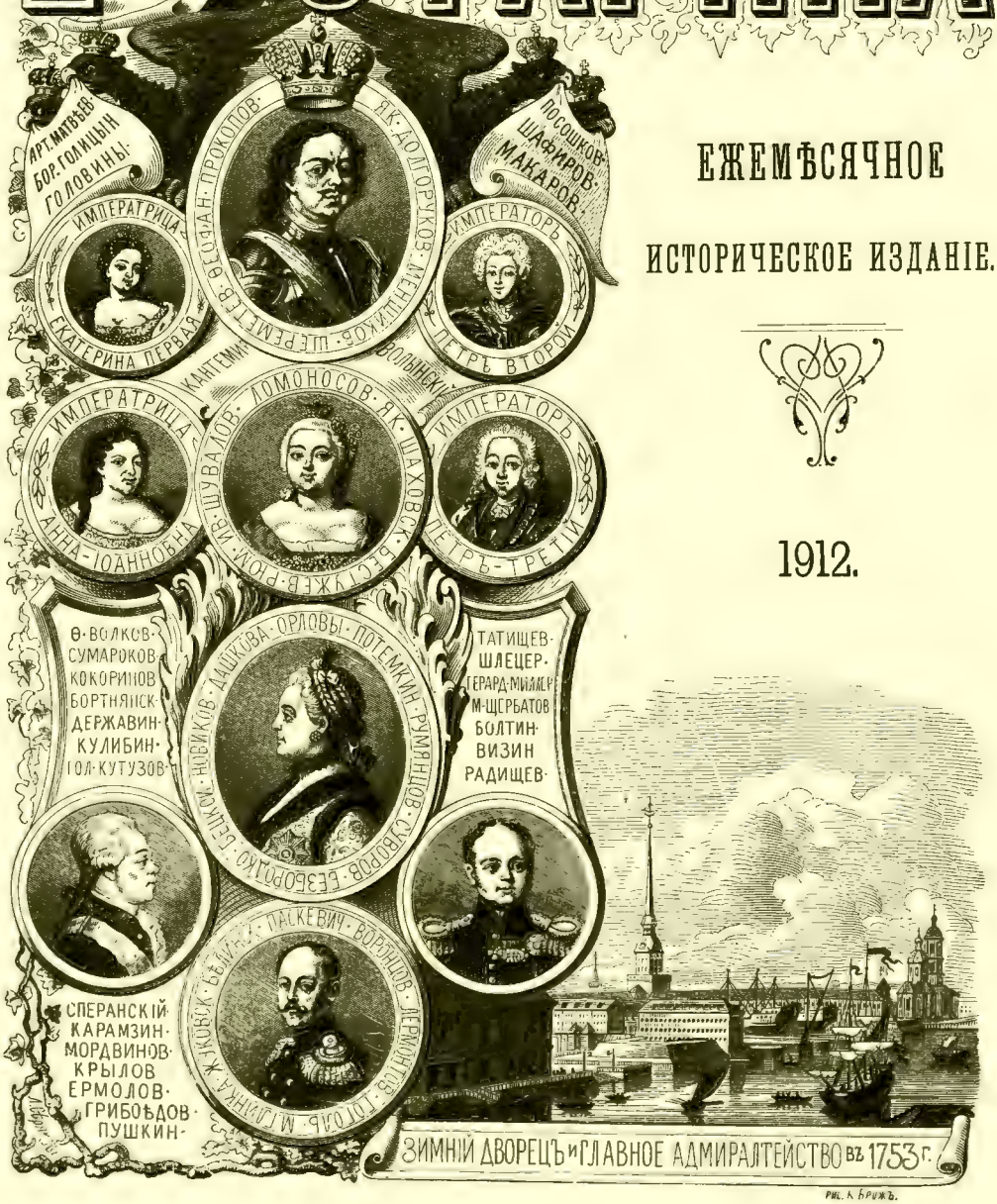
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1912.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1912.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТИДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1912.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. АПРѢЛЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 3— 12

II. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 13— 20

III. **Воспоминанія стараго педагога.** А. Ѳ. Андріяшевой. 21— 29

IV. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма П. П. Одонталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 31— 45

V. **Встрѣчи и столкновенія.** (М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Ѳ. Марксъ). Р. И. Сементковскаго. 47— 58

VI. **Памятники 1812 года въ Печерскомъ монастырѣ.** Сообщилъ П. Козыревъ. . . . . 59— 62

VII. **Н. Г. Чернышевскій.** (Наброски понеизданн. матеріаламъ). А. А. Лебедева. 63— 71

VIII. **Попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ Львовичъ Апухтинъ.** (Изъ воспоминаній педагога). В. Г. Смородинова. . . . . 73— 83

IX. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 85— 98

X. **О Пушкинѣ.** И. Лернера. . . . . 99—113

XI. **М. И. Драгомировъ, командующій войсками.** (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 114—120

XII. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. П. Козлова. . 121—161

XIII. **Наполеонъ на островѣ св. Елены.** Сообщила В. Тимощукъ. . . . . 162—179

XIV. **Яковъ Іоганъ Урсинусъ.** Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. А. Г. Воронова. . . . . 180—187

XV. **Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года?** Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами). В. Ф. . . . . 188—208

XVI. **Въ апрѣлѣ 1812 года.** Т. 209—221

XVII. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 30

б) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 46

в) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 72

г) **По поводу 4 апрѣля 1866 г.** Р. Р. Р. . . . 84

XVIII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

XIX. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 іюля по 4 августа 1911 г.** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Военноуполномоченные Россіи на Берлинскомъ Конгрессѣ: Георгій **Ивановичъ Бобриковъ, Андрей Андреевичъ Боголюбовъ** и **Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ.** 2) Къ статьѣ „Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 г.?“, планъ и 1, 2 и 3 №№ схемъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1912 года.

Библіотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Новгородъ. 1911 г. Составилъ С. Р. Минуловъ.

Авторъ книги въ своемъ предисловіи намѣчаетъ такимъ образомъ:

„Идея моя—дать читателю полный сводъ указаній на всякія сказанія о Россіи и о русскихъ людяхъ, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ такъ, чтобы всякій желающій ознакомиться съ той или другой эпохой, могъ сразу опредѣлить, кто именно писалъ о ней, и гдѣ можно найти его сказанья: мнѣ хотѣлось извлечь изъ забвенія весь циклъ именъ, затерянныхъ теперь въ первыхъ рядахъ книгъ, отмѣтить всѣ отзывы современниковъ объ авторахъ этихъ документовъ, что важно для выясненія степени достовѣрности показаній ихъ, и наконецъ, кратко изложить содержаніе каждаго документа".

Изданіе будетъ выходить выпусками, первый выпускъ охватываетъ эпоху отъ скиескихъ временъ до конца царствованія Императора Павла I. Отдѣлы выпуска: до XII вѣка, XII вѣкъ, XIII, XIV, XV, XVI, а затѣмъ по царствованіямъ до конца, при чемъ смутное время выдѣлено въ особый отдѣлъ.

Съ особымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ этотъ почтенный и прекрасный трудъ, въ которомъ чувствовалась такая настоятельная потребность для лицъ, занимающихся исторіей, и желаемъ успѣшнаго и скорѣйшаго окончанія этого выдающагося труда.

Походъ въ Москву Наполеона и бѣгство его изъ Россіи. Составилъ И. Н. Божеряновъ.—Москва 1912 г.

Прекраснымъ языкомъ и интересно разсказаны событія 1812 года. Въ текстѣ книги напечатаны портреты выдающихся русскихъ и французскихъ военачальниковъ, а также воспроизведено много интересныхъ рисунковъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 іюля по 4 августа 1911 г.

Грушевскій, Мих., проф. Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Кіевъ. 1911. Изд. 3-е. Тип. 1-й Кіевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвят., 5). 8° (16 × 24). 468+II нен. стр. Складъ: Кн. Литер. маг. Научн. Вѣстник. (Б.-Владимірская, 28). Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 1.200 экз.

Доможировъ, ген.-лейт. Бесѣды по русской исторіи, какъ пособіе для познанія исторіи своего отечества. Спб. 1911. Изд. газеты „Русское Чтеніе", 2-е (Надеждинская, 19). Тип. Бр. Лукшевицъ. 8° (15×22). 58 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Евдокимовъ, Л. В. „Бѣлый генералъ" М. Д. Скобелевъ, въ народныхъ сказаніяхъ. Съ 4-мя снимками народныхъ лубочныхъ картинъ. Спб. 1911. Изд. автора. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8°. (16×25). 31 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Каталогъ антикварной книжной торговли П. Шибанова. Новыя пріобрѣтенія. № 162. М. 1911. Изд. П. Шибанова (Никольская). Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12×17). 33 стр. Вѣсъ 2 л. 1.225 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ V. Трилогія. III. Антихристъ. Петръ и Алексѣй. Книга 6—10. Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 линія, собст. д.). 8° (16 × 23). 275 стр. Ц. 18 р. за 15 тт. Вѣсъ 30 л. 5.100 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ VI. Повѣсти и легенды. Спб. 1911. Изд. и тип. М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 лин., собств. д.) 8°(16×23). 248 стр. Ц. 18 р. за 15 тт. Вѣсъ 27 л. 5.100 экз.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Пушкинъ. Спб. 1911. Изд. т-ва „Общест. Польза" кн-ство „Прометей". Тип. т-ва „Общественная Польза" (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 23). 214 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 23 л. 2.000 экз.

Острогорскій, М. Краткая хронологія всеобщей и русской исторіи древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ съ картами и рисунками. Пособіе при изученіи элементарнаго курса исторіи (въ низшихъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ, прогимназіяхъ и др. учебныхъ заведеніяхъ низшаго разряда). Спб. 1911. Изд. 16-е. Тип. Тренке и Фюсно (Макспмиліановск. пр., 13). 8° (15×23). 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Станкевичъ, А. А. Первые шаги крестьянской реформы въ Сѣверо-Западномъ краѣ. (Историческая справка, доложенная въ торжественномъ засѣданіи Виленскаго Губернскаго Присутствія, 19-го февраля 1911 года). Вильна. 1911. Тип. Губернская. 8° (17×25). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Допетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія, словарь. М. 1911. Изд. 5-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 8° (17 × 24). VIII+477 стр. Съ рис. Складъ: Кн. маг. Сотрудникъ школъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 8.000 экз.

Божеряновъ, И. Н. Памятка двухсотлѣтія Прутскаго похода Петра Великаго 1711 — 12 Іюля — 1911 — 12 Іюля. Спб. 1911 Тип. Хром.-литогр. Т. Киббель. Тип. Бенке. 4° (25×35). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Аскольдова Могила. Повѣсть временъ Владиміра Перваго. Иллюстрированная библіотека соч. М. Н. Загоскина № 3. М. 1911. Изд. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9), 2-е. Тип. В. В. Чичерина (Марьинскій уч., св. д.). 16° (13 × 18). 296 + 8 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 20 л. 4.000 экз.

Библиотека "Руниверс"

Георгій Ивановичъ Бобриковъ. Андрей Андреевичъ Боголюбовъ. Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ.

(Къ дневнику Анучина).

Военноуполномоченные Россіи, отстоявшіе на Берлинскомъ Конгрессѣ границы Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, какъ того требовало достоинство Россіи.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Эллиота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18

Библиотека "Руниверс"

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Библиотека "Руниверс"

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Четвергъ 8/20 іюня. Въ ½ 11-го у Шувалова собрались: я, Бобриковъ и Убри. Я и Бобриковъ объяснили во всѣхъ подробностяхъ наше вчерашнее совѣщаніе съ англичанами и австрійцами и выставили на видъ все безобразіе англійскихъ домогательствъ. Всѣ согласились, что проведеніе границы Болгаріи сѣвернѣе Балканъ, съ оставленіемъ въ рукахъ Турціи всѣхъ проходовъ—немыслимо и не стоитъ оспариваній. Что засимъ, если несмотря на всю нелѣпость такой затѣи, англичане будутъ ее поддерживать, то придется прекратить частныя совѣщанія между Англіей, Австріей и Россіей и защищать свое дѣло прямо передъ конгрессомъ.

Отвѣтъ на депешу изъ Петербурга полученъ. Государь крайне недоволенъ требованіемъ англичанъ о допущеніи турецкихъ войскъ въ южную Болгарію. Оставляетъ Варну безусловно въ сѣверной Болгаріи, а на счетъ Софійскаго санджака еще не знаетъ, что сказать и выскажется, выслушавъ то, что привезетъ Боголюбовъ.

Вслѣдствіе выраженнаго нами удивленія по поводу непостижимой для насъ уступчивости Россіи, видимо заохочивающей Англію и Австрію къ возбужденію самыхъ оскорбительныхъ для нашего самолюбія и народной чести требованій, Шуваловъ сказалъ мнѣ и Бобрикову: „на послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ у Государя въ

[1]) См. „Русск. Старину“ мартъ 1911 г.

Библиотека "Руниверс"

Царскомъ Селѣ, подробно обсуждали наше положеніе и пришли къ заключенію, что оно таково, что слѣдуетъ многое уступить". А послѣ послѣдняго, дорогою въ Петербургъ, Милютинъ сказалъ мнѣ: „вы, графъ, съ потерею даже личныхъ выгодъ и самолюбія должны скорѣе все уступить, чѣмъ привести къ новой войнѣ, къ которой мы неготовы".—„Отчего же этого вы не сказали при Государѣ?—„Онъ это знаетъ".—„Однако онъ защищалъ то, что не слѣдовало бы защищать, зная сущность положенія".

Барятинскій, предполагавшійся передъ Наслѣдникомъ главнокомандующимъ противъ Австріи, говорилъ Шувалову, что при войнѣ съ Австріей полагалось отозвать Тотлебена изъ Болгаріи на лѣвый нашъ флангъ; въ центрѣ поставить войска Кіевскаго округа и Царства Польскаго, а на правый флангъ стянуть все, что есть до Балтійскаго моря. Всего могло бы быть 350 т. Очевидно Барятинскій перепуталъ.

Сегодня передъ пятью часами по полудни, стали собираться на Потсдамскомъ бангофѣ (около Тиргартена), приглашенные къ обѣду. Съѣзжались одновременно и вскорѣ собрались всѣ. Оказалось, что на этотъ обѣдъ приглашены только русскіе и австрійцы. Всего было человѣкъ сорокъ, считая прибывшихъ вновь и чиновъ посольствъ. Австрійскій посолъ графъ Кароли пріѣхалъ съ женой, прелестной женщиной лѣтъ 30, рожденной Ердеди (?) Говорятъ, лѣтъ десять тому назадъ, она и ея сестра сводили всѣхъ съ ума въ Эмсѣ.

Весьма смиренно взяли билеты взадъ и впередъ; особыхъ вагоновъ для насъ приготовлено не было. Шуваловъ, Андраши, я, Бобриковъ и еще Тёммель, австрійскій подполковникъ генеральнаго штаба, членъ нашей комиссіи, были въ военной формѣ, всѣ остальные въ вицъ-мундирахъ и лентахъ. Графиня Кароли была въ длинномъ бѣло-желтомъ пальто, подъ которымъ потомъ оказалось черное шелковое платье съ небольшими вырѣзами лифа спереди и сзади. Эти вырѣзы и рукава были изъ дырчатой матеріи и обшиты толстыми кружевами. На головѣ ничего, ни одного цвѣтка. При дворѣ трауръ по случаю смерти ганноверскаго короля. Горчаковъ все сидитъ дома.

Ѣзды до Потсдама—40 минутъ. Дорога идетъ нерѣдко между прекрасными дачами. На послѣдней станціи насъ ожидали придворные экипажи; я сѣлъ въ ландо съ гр. Адлербергомъ, Сороки-

Библиотека "Руниверс"

нымъ и Араповымъ, и насъ скоро, черезъ паркъ, привезли ко дворцу, въ которомъ, въ лѣтнее время, проживаетъ кронъ-принцъ.

Дворецъ хотя и называется Neues Palais, но онъ построенъ Фридрихомъ Великимъ съ 1763 по 1769 г. послѣ семилѣтней войны въ доказательство, что у него есть еще довольно денегъ. Отъ Санъ-Суси дворецъ отдѣляется превосходнымъ паркомъ.

Надъ фронтономъ дворца три женскія фигуры поддерживаютъ колоссальную корону. „Это три бабы, съ которыми я воевалъ,— говорилъ Фридрихъ Великій—Елизавета, Марія-Терезія и Помпадуръ; онѣ поддерживали мою власть и корону".

Во дворцѣ у него были роскошно отдѣланные покои, которые и до настоящаго времени сохраняются въ неприкосновенности. Жаль, что намъ ихъ не показали. Говорятъ, что Фридрихъ Великій всѣ счеты по постройкѣ сжегъ, такъ что о дѣйствительной стоимости дворца не знаютъ, но издержано на него очень много.

Черезъ обширный вестибюль, насъ ввели прямо въ огромную залу, которая занимаетъ среднюю часть нижняго этажа дворца; въ ней бьютъ фонтаны, а стѣны украшены на подобіе подземнаго грота, раковинами, сталактитами, пористыми камнями и проч. Это знаменитая salle des grottes (Muschelsaale). Она очень красива, въ старомъ затѣйливомъ вкусѣ.

Встрѣчали насъ придворные чины, камергеры или камеръ-юнкеры во фракахъ съ красными суконными воротниками и обшлагами. Некрасивая ихъ форма не мѣшала имъ быть изысканно любезными.

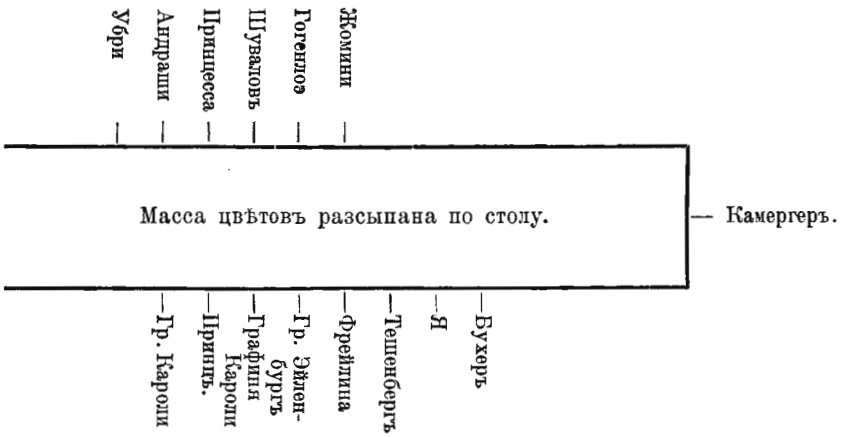
Принцъ вышелъ съ принцессой. Поклонъ въ обѣ стороны и глубокій реверансъ. Въ одну линію стояли уполномоченные, а потомъ группой всѣ остальные.

Принцесса подошла къ графинѣ Каролн, поцѣловалась съ нею и, сказавъ нѣсколько словъ, перешла къ Андраши и съ каждымъ

Библиотека "Руниверс"

изъ пяти уполномоченныхъ говорила по-немногу. Принцъ послѣ нея подошелъ къ Кароли и говорилъ съ нею и фрейлиной или статсъ-дамой, скверной нѣмкой. Переговоривъ съ уполномоченными, принцесса подошла къ принцу. Гофъ-маршалъ Эйленбургъ доложилъ, что обѣдъ готовъ, и принцъ, давъ руку принцессѣ, пошелъ въ сосѣднюю Мраморную Галлерею (Marmor Gallerie), гдѣ накрытъ былъ столъ на 48 кувертовъ. Принцъ сѣлъ противъ принцессы и въ обѣ отъ нихъ стороны по 11 человѣкъ, а по концамъ по камергеру.

Diner le 21 Juin 1878.

Potages: à la rouennaise
à la Princesse.
Hors d'oeuvres: Boudin de volaille à la Villeroy
Petits pâtés de poulet
Poissons: Turbot bouilli, sauce d'anchoix
Fruites au bleu.
Rélevés: Jambon au vin de Bourgogne
Filet de boeuf à la flamande.
Entrées: Poulets à la régence
Canetons aux ôlives
Foie gras de Strasbourg.
Pain de homards à l'anglaise.
Rôts: Poularde, Chevreuil } rôti { bread-sauce, sauce de groseilles.
Salade.

Библиотека "Руниверс"

Légumes: Asperges, sauce au beurre.
Entremets: Baba au chocolat
Pudding diplomat
Dessert.
Glaces.

Обѣдъ былъ прекрасный, но полуанглійскій. Столъ былъ уставленъ превосходными цвѣтами, преимущественно бѣлыми, желтыми и разныхъ оттѣнковъ розами. Принцесса—любительница цвѣтовъ и птицъ.

Сосѣди мои были очень интересны. Слѣва: „чрезвычайный посолъ и полномочный министръ е. и. апостолическаго величества Тешенбергъ". Это простой титулъ, онъ не былъ еще нигдѣ посланникомъ и состоитъ при австрійскомъ мин. ин. дѣлъ. Справа—Лотарь Бухеръ, теперь правая рука Бисмарка въ мин. ин. дѣлъ, а въ 1848 г. революціонеръ и строитель берлинскихъ баррикадъ. Не зная этихъ качествъ моего сосѣда, я преспокойно говорилъ съ нимъ о быломъ Потсдама, и онъ усердно и охотно поддерживалъ разговоръ, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о дворцѣ, Фридрихѣ Великомъ и проч. Съ видимымъ неодобреніемъ замѣчалъ, что въ семьѣ кронъ-принца все на англійскій манеръ, за что берлинцы мало симпатизируютъ кронъ-принцессѣ. Подъ конецъ обѣда онъ взялъ нѣсколько конфектъ и, завернувъ ихъ въ бумажку, сказалъ: „это я отвезу женѣ; я всегда привожу домой что-нибудь съ каждаго обѣда, на которомъ бываю одинъ, безъ семьи". Послѣ обѣда, баронъ Фредериксъ, сидѣвшій vis-à-vis со мной, объяснилъ мнѣ кто такой Бухеръ и сказалъ: „а мы (онъ сидѣлъ рядомъ съ мѣстнымъ губернаторомъ) удивлялись, глядя на васъ, о чемъ это вы такъ дружелюбно разговаривали съ такой букой, какъ Бухеръ". Очень можетъ быть, что, знай я біографическія подробности о Бухерѣ, я не обратился бы къ нему съ пустымъ вопросомъ и не далъ бы ему возможности оказаться занимательнымъ собесѣдникомъ.

Кромѣ знакомыхъ австрійцевъ былъ на обѣдѣ и Гербертъ Бисмаркъ въ военной формѣ, и всѣ мы дружно и весело разговаривали. Главнымъ предметомъ разговора была наша комиссія, слухи о дебатахъ которой уже разошлись и всѣ издѣвались надъ невозможными предложеніями англичанъ.

Послѣ обѣда вышли изъ дворца въ садъ на террасу. Принцъ подходилъ къ каждому изъ насъ. Мнѣ высказалъ сожалѣніе, что работы въ комиссіи помѣшали намъ быть вчера на смотру ихъ учебнаго батальона, который занимаетъ въ Потсдамѣ павильонъ

Библиотека "Руниверс"

дворца. Подходила и принцесса. Разспрашивала, когда я видѣлъ Императрицу, что она всѣхъ ихъ перепугала своею болѣзнью и проч. [1]). Была очень любезна. За обѣдомъ мнѣ со всѣхъ сторонъ поднимали бокали новые знакомцы; пили другъ за друга.

Въ 8 ч. безъ 10 минутъ ушла принцесса, простившись съ графиней Кароли и поклонившись намъ. Принцъ оставался до 8. Потомъ подали экипажи, прокатили насъ по парку и Санъ-Суси и подвезли ко второй станціи какъ разъ, когда къ ней подходилъ поѣздъ. Въ 9 ч. ровно мы были въ Берлинѣ, и гр. Шуваловъ довезъ меня въ своей коляскѣ.

Дорогою гр. Шуваловъ разсказалъ мнѣ, что вчера у него была стычка съ Биконсфильдомъ. Шуваловъ сказалъ, что Государь Императоръ желаетъ вопросъ о занятіи турками южной Болгаріи обсудить еще и просилъ отложить засѣданіе до субботы. *Биконсфильдъ*: „Мы пріѣхали сюда изъ Англіи, устроить здѣсь дѣла турецкаго султана и предоставить ему полную возможность проявлять свою власть въ Турціи; мы не можемъ терять времени. Этотъ вопросъ надо давно кончить; онъ самый главный, и если на него не согласятся, то и разсуждать нечего“.

Шуваловъ. „Напрасно вы говорите, что не любите терять время; я самъ тоже не люблю этого, но что же дѣлать, когда получаешь такія предложенія, какъ напр. сдѣланное вчера вашими офицерами о разграниченіи. Я принимаю его за шутку, и если вы его не измѣните, то нечего и толковать“.

Англичанинъ смягчился и сказалъ, что нѣтъ еще ничего рѣшеннаго.

На отложеніе 3-го засѣданія съ 21-го на 22-ое Конгрессъ согласился.

Бисмаркъ пришелъ въ ярость (по словамъ Шувалова), узнавъ о границѣ по Балканамъ съ англійской точки зрѣнія. Англичане хотятъ разорвать съ нами, вслѣдствіе обнародованія лондонскаго меморандума, несогласнаго съ мнѣніемъ ихъ партіи, громко протестующей по поводу уступокъ, сдѣланныхъ до Конгресса. „Слѣдовательно, сказалъ гр. Шуваловъ, я заставилъ англичанъ подписать такое обязательство, отъ котораго они теперь открещиваются“. Это его собственныя слова. Итакъ онъ думаетъ, что лондонскимъ меморан-

---

[1]) Я представлялся Государынѣ, передъ отъѣздомъ въ Радомъ, 20 мая, а заболѣла она 22-го мая.

Библиотека "Руниверс"

думомъ услужилъ Россіи! Стало быть онъ имѣлъ достаточную свободу дѣйствій и заключилъ условія 18 (30) мая не въ силу неизбѣжныхъ обстоятельствъ и точнаго приказанія изъ Петербурга, а по своей иниціативѣ, думая, что вынуждаетъ англичанъ къ невыгодной для нихъ сдѣлкѣ. Какое заблужденіе!

Австрія соглашается отказаться отъ Enclave, если мы дадимъ ей военный постъ въ Митровицѣ и затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, не будемъ препятствовать занять и всю Enclave. За это обѣщаютъ помогать намъ по вопросамъ о границахъ. Вотъ они торгуются на чистоту; знаютъ чего требуютъ и прямо высказываютъ, что прежде всего думаютъ о своихъ собственныхъ интересахъ, а не донкихотствуютъ объ участи христіанъ.

Посмотрѣвъ на часы и видя, что, судя по времени, поѣздъ Варшавской желѣзной дороги пришелъ уже въ Царское Село и довезъ Боголюбова, я говорю Шувалову: „вѣроятно, Государь теперь принимаетъ Боголюбова и чрезъ нѣсколько часовъ вы получите окончательный отвѣтъ о Софійскомъ санджакѣ“.

Отвѣта на запросы, посланные съ Боголюбовымъ, ожидаютъ только завтра и то среди дня, полагая, что только утромъ соберется въ Царскомъ Селѣ комитетъ по восточнымъ дѣламъ и выслушаютъ Боголюбова. Поэтому и совѣщаніе съ Англіей и Австріей по вопросу о границахъ назначено на завтра въ 5 ч. по полудни.

Разсказъ Шувалова поразилъ меня; о времена, о нравы! Интересно, какъ онъ понимаетъ бремя лежащей на немъ отвѣтственности.

На послѣднемъ засѣданіи, князь Горчаковъ по своей старческой разсѣянности снова произвелъ безобразіе. У него есть изъ военнаго министерства карта мало-азіатскаго театра войны съ показаніемъ на ней границъ прежнихъ и Санъ-Стефанскаго договора, а также съ проведенными чертами, означающими предѣлы возможныхъ уступокъ. Эту карту, составляющую, разумѣется, большой секретъ, князь Горчаковъ, неизвѣстно для чего взялъ на засѣданіе (о Малой Азіи на немъ разсуждать не предполагалось), развернулъ и положилъ передъ собою, какъ разъ подъ глазами своего сосѣда Одо-Росселя. Любопытные взгляды англичанина обратили на себя вниманіе Шувалова, и онъ взялъ карту къ себѣ. Секретныя карты теперь отобраны отъ Горчакова, ему дали обыкновенныя.

Библиотека "Руниверс"

Пятница 9/21 іюня. Собрались въ ³/₄ 5-го у Шувалова—Убри, я и Бобриковъ. Полученная изъ Петербурга депеша (отвѣтъ на посылку Боголюбова) извѣщаетъ, что окончательно согласны на присоединеніе Софійскаго санджака.

Итакъ, Македонія уступлена окончательно, и Болгарія съ Румеліей будутъ граничить съ Салоникскимъ вилайэтомъ. При такомъ порядкѣ вещей, намъ не только не придется ничего занимать вновь, но мы должны очистить Джуму, которая, какъ входившая въ демаркаціонную черту, была занята нашими войсками. Говоря о Софійскомъ санджакѣ, Шуваловъ передалъ о новой каверзѣ англичанъ. Видя, что мы придаемъ этому санджаку большое значеніе, они начали говорить, что никогда не соглашались на уступку намъ Софійскаго санджака, т. е. мѣстности, имѣвшей свои опредѣленныя административныя границы, а подразумѣвали только Софію съ нѣкоторымъ около нея пространствомъ и что потому необходимо особо опредѣлить, что именно должно быть отрѣзано отъ санджака какъ единицы административной. Главнымъ образомъ они настаиваютъ на томъ чтобы за Турціей остались верхній бассейнъ Искера и Ихтиманскій проходъ. Они полагаютъ, что въ будущемъ это путь сербовъ въ Турцію. Въ видахъ трудности точно формулировать ихъ требованія, они заявляютъ, что согласны будутъ на то, чтобы точную границу въ этомъ мѣстѣ опредѣлила, со временемъ, Европейская комиссія.

Въ 5 ч. было новое совѣщаніе Россіи съ Англіей и Австріей; точнаго ничего не опредѣлилось. Англія и Австрія рѣшили имѣть завтра въ 12 час. особое между собою совѣщаніе для установленія одинаковыхъ взглядовъ на границу. Сойдясь во взглядахъ, они обѣщали пригласить на то же засѣданіе и Россію съ тѣмъ, чтобы къ тому же времени въ англійское посольство, гдѣ будетъ происходить совѣщаніе, явились и военные представители, для окончательнаго, на случай надобности, разъясненія спора по картѣ. Шуваловъ поэтому пригласилъ меня и Бобрикова къ себѣ завтра въ субботу къ ³/₄ 12-го. На завтра же 10 (22) іюня назначено и четвертое засѣданіе. Конгрессъ, по обыкновенію, открывается въ два часа.

Всѣ недоразумѣнія о границахъ происходятъ, какъ мнѣ кажется, отъ того, что лица, первоначально объ этомъ переговаривавшіяся въ Лондонѣ, т. е. Биконсфильдъ, Салисбюри и Шуваловъ, не имѣли достаточныхъ географическихъ знаній и совершенно не были знакомы

Библиотека "Руниверс"

съ особыми свойствами нѣкоторыхъ пунктовъ, которые между тѣмъ вслѣдствіе своихъ стратегическихъ, этнографическихъ, или просто топографическихъ условій имѣли для той или другой стороны особую важность. Этимъ только и можно объяснить недоразумѣнія столь крупныя, какъ значеніе Балканъ, вопросъ о Софійскомъ санджакѣ безъ точнаго опредѣленія значенія этого понятія и проч. Что англичане отличались подобнымъ незнаніемъ, это показываетъ возбужденіе ими въ Берлинѣ вопросовъ, которые легко были бы разрѣшены и пожалуй въ ихъ смыслѣ, при первыхъ переговорахъ въ Лондонѣ, гдѣ мы такъ легко шли на уступки. Шуваловъ самъ говорилъ, что учился на мѣдныя деньги. Говорятъ, что передъ войною 1877—1878 г. къ нему въ Лондонъ посылали офицера генеральнаго штаба (А. А. Боголюбова?), чтобы на мѣстѣ, въ устной бесѣдѣ, разъяснить разницу между Босфоромъ и Дарданеллами. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать въ присутствіи лица, ѣздившаго будто бы для этого въ Лондонъ. Онъ можетъ подтвердить или отвергнуть эту ссылку на него.

Суббота 10/22 іюня. Въ назначенное время собрались у Шувалова и все толковали о тѣхъ же злополучныхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Вскорѣ, англичане и австрійцы, совѣщавшіеся въ англійскомъ посольствѣ, прислали за Шуваловымъ. Было ½ 2-го и всѣ мы—Шуваловъ, Убри, я и Бобриковъ—пошли къ англичанамъ. Шуваловъ и Убри прошли въ кабинетъ посла, а я съ Бобриковымъ остались въ залѣ, гдѣ уже находились офицеры англійскіе и австрійскіе. Переговоры уполномоченныхъ продолжались нѣсколько болѣе получаса. Затѣмъ двери кабинета отворились, и въ залѣ появился Биконсфильдъ. Вглядѣвшись въ него хорошенько, я замѣтилъ, что онъ шамкаетъ губами—совсѣмъ уже дряхлъ. Несмотря на это мозги у него цѣлы. И у нашего стараго канцлера живости много, за то мысли не въ порядкѣ—все забываетъ и перепутываетъ. Вскорѣ послѣ ухода Биконсфильда,—полюбопытствовавшаго посмотрѣть въ залѣ посла на голубятникъ, устроенный въ нижнемъ окнѣ, выходившимъ во дворъ—появились и прочіе уполномоченные. Нашихъ указаній не понадобилось, но результатовъ положительныхъ опять не достигнуто. Биконсфильдъ впрочемъ неодобрительно отозвался о дѣятельности своихъ офицеровъ: „мы государственные люди, а между тѣмъ цѣлый часъ толковали по поводу безразсудства какого-то англійскаго офицера“.

Едва-ли скоро придется возвратиться отсюда. Около мѣсяца дѣло протянется навѣрно. Спорятъ ужасно, но хотятъ добиться конца, а потому нѣтъ конца частнымъ совѣщаніямъ, на которыхъ-

Библиотека "Руниверс"

то и улаживается суть, а то бы дошло до свалки на самомъ Конгрессѣ.

Вечеромъ мы, т. е. пріѣхавшіе на Конгрессъ, приглашены въ зоологическій садъ, на большой военный концертъ. Присланы красивые билеты съ золотымъ обрѣзомъ. Приглашены, разумѣется, для увеличенія дохода сада, потому что, безъ сомнѣнія, явится масса охотниковъ посмотрѣть на M-rs les congréssistes. А любопытныхъ вездѣ много, и особенно въ жару, какая теперь здѣсь, прогуляться пріятно. Я не поѣду, уже былъ тамъ два раза въ этотъ пріѣздъ и новаго ничего нѣтъ, а теперь ѣхать—значитъ только выставлять себя—пожалуй для приглашенныхъ, которые явятся съ особыми билетами, будетъ отведено мѣсто, и всѣ станутъ на нихъ смотрѣть какъ на звѣрей.

Сегодня Горчаковъ ночью разболѣлся и не былъ на засѣданіи Конгресса. Вся тяжесть дѣла и безъ того лежитъ на Шуваловѣ, который, надо сказать правду, работаетъ усердно, отлично выслушиваетъ постороннія мнѣнія и, разъ понявъ дѣло, ведетъ его хорошо. Онъ совѣщается съ иностранными уполномоченными и Бисмаркомъ, подаетъ заявленія въ Конгрессѣ и самостоятельно телеграфируетъ въ Петербургъ. Переговоры его съ Горчаковымъ происходятъ кажется, только для виду; по крайней мѣрѣ, возбудивъ какой-либо вопросъ и потребовавъ нашего мнѣнія (офицеровъ генеральнаго штаба), онъ тутъ же, немедленно, принимаетъ то или другое рѣшеніе, дѣйствуя вполнѣ независимо. Это—очень способный и крайне любезный человѣкъ.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г. [1]).

Ноябрь 1. Четвергъ. Императрица сказала мнѣ вчера, что Государь сообщилъ Ей содержаніе полученныхъ имъ бумагъ, изъ которыхъ видна вся гнусность прусскаго министерства, такъ что неудивительно, если король окончательно впалъ въ уныніе и отчаяніе, и даже готовъ подписать раздѣлъ всего своего королевства, что онъ долженъ былъ возстановить Ломбара въ его должностяхъ, отставить: графа Шулемберга за намѣреніе защищать Штетинъ, и многихъ другихъ достойныхъ лицъ, которыя желали оказывать сопротивленіе; наконецъ, что вѣроятно французы находятся въ настоящую минуту въ Варшавѣ.

Послѣ пораженія пруссаковъ 14-го октября и любезностей, оказанныхъ Бонапартомъ курфирсту Саксонскому, я полагаю, что Бонапартъ имѣетъ слѣдующее намѣреніе: такъ какъ онъ возитъ въ свитѣ своего брата Іеронима, несмотря на то, что назначилъ его контръ-адмираломъ, т.-е., мѣсто далъ во флотѣ, а не въ войскахъ, дѣйствующихъ въ Пруссіи, то конечно намѣренія его касаются брата; возможно, что онъ заставитъ Іеронима жениться на единственной дочери курфирста и думаетъ: возложивъ польскую

[1]) Ввиду юбилейныхъ событій 1812 г. редакція не имѣетъ возможности печатать дневникъ Вилламова въ хронологическомъ порядкѣ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

корону на голову престарѣлаго курфирста, назначить Іеронима его наслѣдникомъ, предоставивъ Іерониму власть, а тестю только титулъ; отторгнуть отъ Пруссіи всѣ ея владѣнія въ Польшѣ, а можетъ быть и Силезіи, чтобы составить вмѣстѣ съ курфиршествомъ новое королевство, имѣя впослѣдствіи намѣреніе при первомъ удобномъ случаѣ соединить другія отторгнутыя польскія провинціи. Собственность курфирста, его драгоцѣнные камни и часть его галлереи съ избыткомъ заплатятъ Бонапарту за его труды и заботы.

Сегодня я былъ у графа Кочубея, чтобы переговорить съ нимъ, по повелѣнію Императрицы, о незаконныхъ дѣтяхъ, которыхъ хочетъ прислать могилевскій губернаторъ въ воспитательный домъ. Было рѣшено помѣшать этой присылкѣ, такъ какъ число ихъ невелико въ Могилевѣ, и лучше воспитывать ихъ тамъ вмѣсто перевозки. Онъ мнѣ сказалъ по этому случаю, что губернаторъ спрашивалъ его согласія на покупку каменнаго дома за 25.000 руб. для устройства воспитательнаго дома, но что онъ помѣшалъ устройству этого заведенія, такъ же какъ онъ отклонилъ подобный проектъ для Харькова. Я вернулся на службу во дворецъ. Императрица, которая должна была обѣдать у Государя, приказала мнѣ придти послѣ обѣда вмѣстѣ съ Россыхинымъ и утвердила новый штатъ для гатчинскаго госпиталя въ 14.800 руб. Вернувшись домой послѣ 8 часовъ, я въ половинѣ одиннадцатаго *началъ этотъ дневникъ.*

Согласно сегодняшней выпискѣ изъ отчета значится, что Императрица воспитываетъ въ разныхъ институтахъ на свой счетъ болѣе 200 дѣтей, а именно.

Въ Маріинскомъ 40 комплектныхъ и 24 пансіонер.	64
Въ Екатерининскомъ (Петербургскомъ)	31
тоже въ Московскомъ	7
Въ Смольномъ на благородной половинѣ	19
„ „ мѣщанской „	25
Въ Мѣщанскомъ Московскомъ Институтѣ	2
У М-мъ Ришаръ	12
Въ гимназіяхъ	8
Въ Московской Богадѣльнѣ	20
Въ Коммерческомъ Петерб. училищѣ	5
„ въ Московскомъ	3
Въ Воспитательномъ домѣ Петербург.	42
„ Московскомъ	5
Въ Петро-Павловской школѣ	1
Итого . .	244

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ того: слѣпыхъ дѣтей въ Гатчинѣ	50
глухо-нѣмыхъ „	12
Итого . .	306

2-го. Пятница. Я собирался уже идти на службу вмѣсто Полетики, котораго считалъ еще больнымъ, какъ я получилъ черезъ Кабанова извѣстіе о его выздоровленіи.

Написавъ письмо сестрѣ, я чувствовалъ безпокойство, какъ бы ожидая, что меня потребуютъ, я старался успокоить себя, что на этотъ разъ ожиданіе напрасно, но безпокойство продолжалось. Дѣйствительно камердинеръ Ея Величества Кириллъ Тимофеевъ былъ присланъ съ приказаніемъ явиться немедленно къ Императрицѣ. Я отправился. Прибылъ курьеръ отъ графа Карла Ливена, имѣвшаго порученія сопутствовать Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ въ Россію. Онъ писалъ изъ Кенигсберга, что такъ какъ фраицузы двигаются на Данцигъ, то они не могутъ продолжать путешествіе на сушѣ, а воспользуются датскимъ кораблемъ, чтобы переѣхать въ Копенгагенъ, тамъ потребуютъ хорошій фрегатъ для переѣзда Великой Княгини въ Либаву, если погода позволитъ ѣхать черезъ Швецію. Мнѣ поручено было отвѣтить письменно, обративъ его вниманіе на особую осторожность въ выборѣ путей. Повелѣно отправить экипажи въ Либаву въ ожиданіи пріѣзда Великой Княгини. Господарь Валахіи князь Ипсиланти пріѣхалъ сюда вчера и сегодня обѣдалъ у Государя.

Сегодня Степанъ Сергѣевичъ Ланской сообщилъ новость, что Булонскій портъ и вся флотилія сожжены англичанами; что Прусскій король находился въ Варшавѣ. Я узналъ еще, что наши войска вошли въ Молдавію, и нашъ кабинетъ потребовалъ сдачу всѣхъ турецкихъ крѣпостей на Дунаѣ, что великій визирь отставленъ, а Себастіани французскій посолъ выѣхалъ изъ Константинополя.

3. Суббота. Я былъ разбуженъ около 5-ти часовъ утра пушечными выстрѣлами, возвѣщавшими благополучное разрѣшеніе Ея Величества Императрицы Елисаветы Алексѣевны.—Вскорѣ пріѣхалъ ѣздовой съ приказаніемъ повѣстить членовъ опекунскаго совѣта, что пріема у Императрицы сегодня не будетъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что родилась Великая Княжна Елисавета Александровна.

Отправивъ ѣздового въ $5^1/_2$ часовъ, я написалъ своему тестю о счастливомъ событіи. Былъ по обыкновенію во дворцѣ и принесъ поздравленіе Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. О текущихъ дѣлахъ не было рѣчи. Она меня послала къ Будбергу съ просьбой отправить письмо къ маргравинѣ Баденской, къ Палатину, къ Великой

Библиотека "Руниверс"

Княгинѣ Луизѣ Виртембергской и Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Она еще послала эстафету въ Москву къ оберъ-камергеру князю Голицыну.

Я обѣдалъ въ кабинетѣ Ея Величества въ самомъ маленькомъ обществѣ. Послѣ обѣда о дѣлахъ не было рѣчи, и я отпущенъ домой послѣ 7 часовъ. Городъ былъ иллюминованъ.

4-го. Воскресенье. Собраніе во дворцѣ было блестящее и многочисленное, Дипломатическій корпусъ былъ на лицо.—О дѣлахъ не говорили, и я получилъ приказаніе прибыть послѣ обѣда. Такъ какъ я не имѣлъ еще случая принести поздравленіе Государю, то ожидалъ Его послѣ обѣда въ уборной Его Величества, и поздравилъ его тамъ. Государь меня поцѣловалъ. Императрица пошла посѣтить Августѣйшую роженицу и послѣ 7 часовъ занялась бумагами. Я вернулся въ канцелярію въ 9 часовъ, въ 10 ч. ушелъ домой.

Послѣ прочтенія бумагъ Государыня спросила мое мнѣніе о занимавшемъ ее намѣреніи. Вслѣдствіе разстройства финансовъ сказала она и тяготѣющей надъ нами войны, она хотѣла показать примѣръ жертвы, сокративъ свои расходы и отказавшись отъ третьей части своихъ доходовъ, и намѣревалась просить графа Васильева удерживать эту треть на нужды государства. Я позволилъ себѣ смѣлость выразиться, что подобное приношеніе могло заставить думать, что казна совершенно лишена всякихъ источниковъ. „*Да оно такъ и есть*“ [1]), возразила Императрица.—Я напомнилъ, что мы имѣемъ въ ломбардѣ 3 милліона въ серебрѣ, которые принадлежатъ казнѣ, и она можетъ потребовать ихъ ежедневно, что въ банкѣ есть то же количество, что эти капиталы не составляютъ еще всю сумму капиталовъ *остаточнаго казначейства,* а кромѣ того почтовые капиталы весьма значительны. Что же касается до долга передъ государствомъ, и что она считаетъ себя обязанною при настоящихъ обстоятельствахъ отдать все, что у ней есть лишняго, то вѣроятно потому, что она не помнитъ употребленія ея доходовъ и того, что ей остается, хотя она видѣла распредѣленіе своихъ денегъ, но вѣроятно позабыла, что употреблено 700.000 руб. на разныя учрежденія, милостыни, пенсіи и проч. Что изъ остающихся 300.000—*сто* составляютъ экстраординарную сумму, имѣющую то же назначеніе, что когда такимъ образомъ отдаютъ государству $^3/_4$ своихъ доходовъ, то больше сдѣлать невозможно, развѣ прибавить еще и четвертую четверть. Она согласилась, что всѣ учрежденія дѣлаются для государства, и все, что она выдаетъ на нихъ, обращается на пользу государства, но что она настаи-

[1]) Mais il l'est aussi.

Библиотека "Руниверс"

ваетъ, чтобы было составлено соображеніе на счетъ того, что можно сократить въ расходахъ. Я отвѣтилъ, что ничего не найдетъ для сокращенія, тѣмъ не менѣе, она приказала мнѣ совмѣстно съ Віолье составить вѣдомость ея расходамъ. Кажется, однако, что она отказалась отъ мысли сокращать то, что уже несократимо.

Императрица разсказала мнѣ о греческомъ пророчествѣ, приведенномъ сегодня княземъ Ипсиланти, относящемся къ XV и XVI вѣку, которое гласитъ, что франки распространятся по всей Европѣ и побѣдятъ (не знаю кого) и прусаковъ, но конецъ побѣдъ ихъ они увидятъ на поляхъ Сарматскихъ. Вчера г-нъ Новосильцевъ (камеръ-юнкеръ) привезъ Государю письмо отъ молодого Бенкендорфа (второе), гдѣ значится, что Бонапартъ поселился въ Санъ-Сусси; что французы позволяютъ себѣ всевозможныя выдумки на королеву и позорятъ всѣхъ тѣхъ, кто не расположенъ къ Гаугвицу, и выслали жандармскихъ офицеровъ въ Шпандау по той же причинѣ. Наконецъ, что колонна двигается на Варшаву, и что Данцигъ вѣроятно уже занятъ ими.

6-го. Вторникъ. Я получилъ приказаніе явиться къ Императрицѣ къ 3-мъ часамъ. Дюваль былъ тоже тамъ, рѣчь велась о подаркахъ, которые предполагалось сдѣлать по случаю рожденія В. К. Елисаветы Александровны. Обѣдалъ у Дюваля. Возвратясь домой, я получилъ около 10 часовъ вечера приказаніе идти къ Императрицѣ. — Мнѣ поручено было узнать у Раля, не привезено ли съ прибывшей сегодня эстафетой писемъ отъ Вел. Кн. Маріи Павловны. Я уже легъ спать, когда получилъ отъ Императрицы два письма на имя Вел. Кн. Маріи Павл., которыя я долженъ былъ препроводить къ Ралю для отправки, одно черезъ Швецію, а другое черезъ Либаву, а также еще одно письмо изъ Любека, переданное Ралемъ. Въ этомъ письмѣ сообщалось о кровавомъ сраженіи, происходившемъ между корпусомъ Блюхера и французами. Прусскіе бѣглецы прошли черезъ городъ, между которыми видны были и солдаты шведской кавалеріи; въ городѣ ожидали прибытія французовъ.

8-го. Четвергъ. Сегодня у меня былъ Баратынскій, пріѣхавшій изъ Тамбова. Онъ мнѣ разсказалъ о дѣлѣ, заставившемъ его пріѣхать сюда. Будучи предводителемъ дворянства, онъ довелъ до свѣдѣнія о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ губернатора, а противъ Баратынскаго возбудили дѣло и препроводили въ уголовную палату. Его обвинили за выраженіе, употребленное въ письменномъ отношеніи Дворянскаго Собранія, въ которомъ оно проситъ Губернское Правленіе *не утруждать его излишней перепискою;* вѣроятно, это только одинъ предлогъ, прикрывающій мщеніе губернатора.

Библиотека "Руниверс"

Между прочимъ Баратынскій разсказалъ про злоупотребленія, уже признанныя таковыми Сенатомъ. Дѣло касалось закупки хлѣба для казны въ количествѣ 50.000 четвертей. Губернаторъ приказалъ, чтобы продаваемые ему кули должны имѣть по 9 четвериковъ ржи, такимъ образомъ при сдачѣ въ казну онъ выигрывалъ четверикъ съ куля и даже болѣе, такъ какъ мѣра, имъ установленная въ 9 четвериковъ, въ дѣйствительности доходила до 10-ти и выше.

Дворянство жаловалось предводителю, а онъ довелъ до свѣдѣнія Сената, гдѣ не только жалоба признана справедливою, и установленная 9 четвериковая мѣра отмѣнена, но жалоба эта была поводомъ къ изданію общаго закона противъ подобныхъ злоупотребленій.

Онъ мнѣ разсказалъ тоже исторію о лошадяхъ. — Было приказано закупить лошадей для артиллеріи. Мѣрка для этихъ лошадей назначена была малая.—Дворянство предложило доставить лошадей даромъ, но гораздо лучшаго качества.—Пріемщикъ сталъ браковать такъ, что изъ 20—30 лошадей онъ выбиралъ одну, и на дѣлѣ патріотическое пожертвованіе обратилось въ оскорбленіе, что отвратило дворянство отъ подобныхъ пожертвованій.

Сегодня говорили, что французы не только заняли Любекъ, но что даже этотъ несчастный городъ былъ отданъ на грабежъ. Увѣряютъ, что французы заняли Гамбургъ.

Я получилъ приказаніе прійдти къ Императрицѣ послѣ обѣда.— У ней былъ большой обѣдъ по случаю тезоименитства В. К. Михаила. Государь обѣдалъ у Августѣйшей матери.

Передъ обѣдомъ Императрица говорила мнѣ о нелѣпости Будберга, который въ своихъ приглашеніяхъ на обѣдъ, данный имъ въ честь князя Ипсиланти, употребилъ слѣдующія выраженія: „Осмѣливаюсь надѣяться, что князь Ипсиланти мнѣ сдѣлаетъ честь... и т. д., я прошу такого-то... и т. д. [1])“; что Будбергъ одинъ изъ цѣлаго совѣта подалъ мнѣніе отказаться отъ субсидіи Англіи, и что онъ надѣлалъ много другихъ глупостей.

Я отвѣтилъ Императрицѣ шуткой, яко бы сказанной при назначеніи Будберга министромъ (хотя это было мое собственное сочиненіе), а именно его называли министромъ чуждыхъ ему дѣлъ. (Ministre des affaires étrangères à lui). Вечеромъ мнѣ Императрица сказала, что она не могла заняться послѣ обѣда, какъ хотѣла, и отпустила меня.

Еще утромъ она показала мнѣ письмо, полученное отъ графини

---

[1]) Osant espérer, que le P-ce Ipsilanti me fera l'honneur... etc., je prie un tel etc.

Библиотека "Руниверс"

Биландъ, въ которомъ она сообщаетъ примѣты французскаго шпіона. Я снялъ копію. Говоритъ, что Бонапартъ отдалъ Веймаръ—Вюртенбергу.

Крейтонъ сообщилъ, что вещи Великой Княгини, посланныя изъ Берлина, благополучно прибыли въ Кенигсбергъ.

9-го. Пятница. Императрица прочла мнѣ черновую записку о современномъ положеніи дѣлъ, которую она предназначаетъ послать Государю. И поручила мнѣ переписать ее. Она окончила вечеромъ черновое, а я переписывалъ набѣло, и потому вернулся домой только въ 10 ч. вечера. Въ этой запискѣ Императрица говоритъ между прочимъ, что Государя упрекаютъ въ лѣни, а его Кабинетъ или министровъ въ медленности и недостаткѣ дѣятельности и энергіи; что не видно, чтобы были приняты какія-либо мѣры и приготовленія на случай первыхъ неудачъ; что Будбергъ совершенно не способенъ быть во главѣ иностранныхъ дѣлъ; что Марковъ по своимъ свѣдѣніямъ и опытности былъ бы вполнѣ полезенъ на этомъ мѣстѣ; наконецъ, что она приглашаетъ Государя къ большей дѣятельности и энергіи.—Эта записка заняла цѣлый день, и текущія дѣла были отложены до завтра.

10-го. Суббота. Часть утра прошла опять въ перепискѣ вчерашняго письма, которое Императрица писала подъ мою диктовку послѣ нѣкоторой передѣлки относительно слога и ясности изложенія.

Фельдмаршалъ Каменскій, уѣзжающій къ арміи, обѣдалъ сегодня у Императрицы.—Караулъ, стоящій въ прихожей Императрицы, отдавалъ ему честь; это сдѣлано по особому повелѣнію для Каменскаго. Прусскій генералъ Пфуль былъ тоже приглашенъ къ обѣду. Послѣ стола Императрица долго разговаривала съ нимъ. Онъ говорилъ очень откровенно о настоящихъ событіяхъ и несчастіяхъ Пруссіи; между прочимъ онъ сказалъ: мы увидѣли, что какъ бы ни были пруссаки хороши на ученьяхъ, но они забыли сражаться, что хорошо производить ученья и сражаться суть двѣ вещи разныя; что слишкомъ большая привычка къ ученью портитъ солдата и приводитъ его природный здравый смыслъ къ привычкѣ формъ ученья, такъ что въ случаѣ если какая-либо форма отсутствуетъ, то солдатъ не знаетъ, что предпринять, и теряется, что одна изъ причинъ успѣховъ Бонапарта заключается въ томъ, что у нихъ (пруссаковъ) нѣсколько поваровъ портятъ супъ, а онъ одинъ; если послѣ сдѣланныхъ распоряженій является обстоятельство, требующее измѣненія ихъ, онъ приводитъ въ исполненіе немедленно, а ихъ генералы собираютъ военный совѣтъ, спрашиваютъ приказанія короля и проч. и теряютъ время...

Большая часть послѣобѣденнаго времени была занята г.г. чле-

Библиотека "Руниверс"

нами совѣта Воспитательнаго Дома, потомъ Императрица пошла навѣстить новорожденную, такъ что продолженіе того письма возобновилось нѣсколько поздно, и даже осталась часть его послѣ ужина, такъ что все было кончено послѣ полуночи, и я возвратился домой около часу.

Сегодня прибылъ изъ Этюна отъ Вел. Кн. Маріи Павловны курьеръ, выѣхавшій оттуда 21-го октября и привезшій отъ нея письмо, въ которомъ она сообщаетъ, что Веймаръ былъ разграбленъ французами, что безпорядки остановлены только послѣ того, какъ Мюратъ приказалъ разстрѣлять двухъ солдатъ; что Бонапартъ сначала обращался съ ней съ неуваженіемъ, но, поговоривъ съ ней, сдѣлался болѣе почтительнымъ: просилъ посмотрѣть бюстъ Императора и нашелъ его красавцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы наслѣдный принцъ возвратился, что тотъ исполнилъ, пробывъ 24 часа у Великой Княгини.

11-го. Воскресенье. Я отправился во дворецъ позже обыкновеннаго. Послѣ обѣдни Императрица занялась текущими бумагами двухъ прошедшихъ дней, но занятія ея были прерваны фельдмаршаломъ Салтыковымъ, Крейтономъ, Кочубеемъ. Я долженъ былъ возвратиться послѣ обѣда, и работа началась только въ 8 часовъ, такъ что я вернулся домой въ 10. Говоритъ, князь Ипсиланти возвращается скоро въ Молдавію.

12-го Понедѣльникъ. Я пошелъ къ сенатору Теплову для осмотра прядильныхъ машинъ, якобы его изобрѣтенія; оттуда отправился осмотрѣть больницу; тамъ я узналъ, что собирались дѣлать ампутацію руки у одного больного. Интересно было видѣть операцію, и я остался.

Возвратившись домой, я нашелъ записку Императрицы съ приказаніемъ явиться къ ней въ 12½ дня для чтенія очень важныхъ бумагъ (какъ сказано въ запискѣ), между тѣмъ былъ уже часъ, а у меня борода въ теченіе двухъ дней не брита. Выбрившись наскоро, я поѣхалъ во дворецъ. Государь былъ у Императрицы. Наконецъ въ два часа доложили обо мнѣ, но мнѣ объявлено было, что теперь уже поздно; возвращаюсь домой, тутъ привезъ ѣздовой извѣстіе, что Императрица требуетъ меня. Отправляясь во дворецъ, я встрѣтилъ въ воротахъ другого ѣздового, который объявилъ мнѣ, что приказаніе отмѣнено. Вечеромъ я былъ у графа Васильева, чтобы спросить его, въ состояніи ли Банкъ возвратить 100.000 руб. и даже болѣе изъ капиталовъ Великихъ Князей, которые хотятъ помѣстить въ сохранную казну, и гдѣ не хватаетъ наличныхъ денегъ. Не заставъ графа, вернулся домой.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія стараго педагога [1]).

Обращусь лучше къ тогдашнему положенію Кіевской первой гимназіи. Эта старѣйшая въ Кіевѣ гимназія, открытая въ 1812 г., находилась въ то время въ такомъ же броженіи, какъ и Черниговская; но въ Кіевѣ дѣльцы учители—поляки успѣли русское броженіе эксплоатировать для своихъ враждебныхъ Россіи цѣлей.—Прежде всего они успѣли провести даже въ средѣ высшей учебной администраціи убѣжденіе, что русская педагогія держится на плечахъ пановъ—добродѣевъ великихъ педагоговъ. Къ распространенію такого, въ сущности неосновательнаго мнѣнія, послужило то обстоятельство, что въ единственныхъ двухъ въ то время въ Кіевѣ гимназіяхъ было дѣйствительно нѣсколько выдающихся преподавателей польскаго происхожденія. Къ тому же нѣкоторые изъ этихъ господъ оказались весьма ловкими и вкрадчивыми, умѣющими пускать пыль въ глаза начальству и втираться въ его довѣріе. Все это дѣлалось не безъ цѣли. Въ то время имъ нужно было усыпить бдительность начальства, чтобы легче было подготовить изъ молодежи послушное орудіе польской справы. Я однако, будучи хорошо знакомъ со всѣми польскими тенденціями еще въ университетѣ, скоро разобралъ въ чемъ дѣло и сталъ на сторожѣ русскихъ интересовъ. Видя это, мои антагонисты постарались сформировать сильную оппозицію противъ меня въ совѣтѣ гимназіи, привлекши и русскихъ, попавшихъ въ ихъ сѣти. Началось для меня тяжелое время. Я ясно видѣлъ, что учители поляки своимъ популярничаньемъ съ учениками съ одной стороны и ловкимъ обращеніемъ съ товарищами съ другой, стараются только усилить

[1]) См. „Русскую Старину“ Декабрь 1911 г.

Библиотека "Руниверс"

свое вліяніе въ гимназіи съ тою цѣлью, чтобы разрушить всякую дисциплину и порядокъ въ заведеніи и тѣмъ подготовить почву для всякихъ безпорядковъ и, наконецъ, для самаго возстанія. Почти два года я боролся съ этими господами, умѣвшими дѣйствовать не прямо, а разными подпольными путями. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ за это время сошли со сцены два попечителя: успѣвшій не понравиться высшей мѣстной администраціи Николай Ивановичъ Пироговъ и затѣмъ баронъ Александръ Павловичъ Николаи, вызванный на высшій постъ товарища министра народнаго просвѣщенія. Явился изъ Петербурга новый попечитель Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте.

Быстрая перемѣна попечителя округа не осталась безъ вліянія на жизнь учебныхъ заведеній. Въ особенности рѣзко это вліяніе обнаружилось на Кіевской 2 гимназіи. Благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, тамъ поднялся въ полномъ значеніи бунтъ противъ директора, только что назначеннаго по представленію барона Николаи. Этотъ бунтъ, можно сказать, былъ пробнымъ шаромъ массоваго движенія молодежи противъ распоряженія правительства. Дѣло было такъ:

Въ 1860 г. Пироговъ представилъ къ увольненію директора 2 гимназіи Н. М. Гренкова, извѣстнаго дѣятеля прежней школьной системы, опиравшейся на розгу. Министерство уволило Гренкова. Но пріѣхалъ на мѣсто Пирогова главный попечитель баронъ А. П. Николаи; добрые люди увѣрили его, что Пироговъ уволилъ Гренкова несправедливо, и что этотъ старый служака, уже окончившій 25 лѣтъ службы, можетъ съ честью подвизаться снова на томъ же поприщѣ. Баронъ внялъ такимъ голосамъ, велѣлъ представить Гренкова, и министерство снова утвердило его директоромъ Кіевской 2-й гимназіи. Можно себѣ представить, какое непріятное впечатлѣніе это распоряженіе должно было произвести на учителей той гимназіи и на М. К. Чалаго, исправлявшаго должность директора почти въ теченіе года и сильно поджидавшаго получить вакантное, насиженное мѣсто. Драпируясь оскорбленною невинностью и либерализмомъ, они вопіяли и въ обществѣ, и въ гимназіи противъ появленія Гренкова въ должности директора. Вопли эти не были гласомъ въ пустынѣ и проникли и въ общество учащихся, предъ которыми педагоги не стѣснялись ругать Гренкова. Результаты оказались весьма печальные. Едва Гренковъ появился въ гимназіи, какъ со всѣхъ сторонъ раздался свистъ. Огорченный такой встрѣчей, начальникъ старался успокоить молодежь, но все напрасно. Инспекторъ Чалый и весь педагогическій персоналъ гимназіи, не сочувствуя директору, были нѣмыми зрителями буйства

Библиотека "Руниверс"

молодежи, предоставивъ Гренкову самому лично справлятьсѣ съ волненіемъ. Мало того, Чалый поспѣшилъ исходатайствовать себѣ отпускъ и выѣхалъ изъ Кіева. Тогда безобразія молодежи дошли до высшей степени. Гренкова чуть не побили при появленіи въ гимназію, такъ что онъ едва убѣжалъ въ инспекторскую. Дѣло дошло до попечителя. Баронъ поручилъ М. А. Тулову произвести разслѣдованіе скандала, а въ помощь ему нарядилъ комиссію изъ учителей бунтующей гимназіи. Комиссія поставила оригинальный вопросъ: кого оскорбляли ученики своимъ поведеніемъ: директора своего начальника, или Гренкова, какъ частное лицо. Ученики, разумѣется, отвѣтили, что они ничего не имѣютъ противъ директора и признаютъ его власть, а недовольны Гренковымъ. Произведенъ милостивый, но несправедливый судъ. Гренковъ чуть не побитый признанъ виновнымъ и уволенъ, наказано и нѣсколько учениковъ. Чалый превознесенъ комиссіею до небесъ въ представленіи попечителю, но тѣмъ не менѣе все-таки не получилъ должности директора 2 гимназіи, которой тщетно ожидалъ въ теченіе года.

Вспоминая эти печальныя событія, невольно задаешь себѣ вопросъ, кто виноватъ во всей этой исторіи? Виноватъ прежде всего Гренковъ, который, не испытавши броду, покунулся въ воду. Виновато начальство, поспѣшившее назначить его на мѣсто, на которомъ онъ не былъ желателенъ и въ то время, когда тамъ уже угнѣздился Чалый. Виноваты педагоги, сторонники Чалаго, возбудившіе агитацію противъ Гренкова. Но болѣе всего виноватъ, по нашему мнѣнію, Чалый, временно управлявшій бурной ладьей—Кіевской 2 гимназіей, который, предвидя неизбѣжные безпорядки въ заведеніи, не двинулъ пальцемъ, чтобы остановить бурю и поспѣшилъ удалиться изъ Кіева. Какъ инспекторъ гимназіи, онъ обязанъ былъ употребить все свое вліяніе и на учителей, и на учениковъ, чтобы предупредить скандалъ, деморализующій заведеніе. Тѣмъ не менѣе Чалый, несмотря на двусмысленную роль, разыгранную имъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ, по ходатайству Тулова получилъ повышеніе: назначенъ директоромъ Бѣлоцерковской гимназіи. Чалый и его партія смотрѣли на это какъ на ссылку невиннаго человѣка. Но мы полагаемъ, что эта ссылка была слишкомъ почетною для такого дѣятеля, который подобно своему однофамильцу Саввѣ Чалому превосходно сыгралъ свою роль въ руку поляковъ, готовившихся въ то время къ рухавкѣ. Они были очень обрадованы рухавкой Кіевской 2 гимназіи и долго указывали на нее, какъ на доказательство несостоятельности русскихъ порядковъ.

Библиотека "Руниверс"

X.

Польская смута,—Университетъ дѣлается главнымъ очагомъ смуты—Демонстраціи.—Обвиненія, направленныя противъ меня.—Назначеніе меня директоромъ Кіевской 1-й гимназіи.

Интересно прослѣдить совершенно объективно полную интригу теперь, сорокъ лѣтъ спустя, когда страсти нѣсколько уже улеглись, когда я совершенно спокойно могу припоминать всѣ перипетіи этой смутной эпохи.

Главный источникъ смуты и всѣхъ тогдашнихъ движеній было ненормальное положеніе дѣлъ или лучше броженіе въ самомъ русскомъ обществѣ и его полнѣйшій непотизмъ и неспособность дать отпоръ нелѣпымъ польскимъ претензіямъ того времени. Въ какіе-нибудь два, три года университетъ былъ неузнаваемъ. Всѣ дисциплинарныя требованія порядка признаны несовременными и отвергнуты: уничтожена форма, уничтожено всякое вліяніе какого бы то ни было начальства.—Студенты очутились свободными гражданами. Они раздѣлились на кружки и партіи, которые начинаютъ заправлять всѣми дѣлами—сначала своими студентскими, а потомъ берутъ въ руки и политическія движенія. Они дѣйствуютъ помимо всякихъ законовъ и начальства. Самый главный кружокъ польскихъ студентовъ состоялъ изъ ярыхъ польскихъ патріотовъ-революціонеровъ изъ породы красныхъ. Мало-по-малу эти красные успѣли занять господствующее положеніе въ средѣ польской молодежи. Второй кружокъ бѣлыхъ, т. е. кружокъ сторонниковъ отбудаванья Польши въ будущемъ; держался онъ въ сторонѣ, хотя при случаѣ непрочь былъ помогать краснымъ, если не самымъ дѣломъ, то полнѣйшимъ сочувствіемъ. Нѣсколько особнякомъ стоялъ польскій кружокъ, подъ названіемъ „Сичь“. Это поляки украинофилы, мечтавшіе о возстановленіи польской Украйны въ духѣ польской цивилизаціи и польскихъ вожделѣній. Кружокъ этотъ любезно протягивалъ руку украинофильскому кружку изъ малороссовъ, имѣвшему большое вліяніе на студентскія дѣла. Состоялись даже предварительныя совѣщанія о сліяніи кружка русскаго украинофильскаго съ партіею „Сичь“, но на первыхъ же порахъ делегаты поссорились изъ-за будущихъ границъ Польши и Маллороссіи, вслѣдствіе чего попытка соединенія на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско [1]).

[1]) Отношенія между польскими и русскими украинофилами обострились еще болѣе по случаю погребенія Т. Г. Шевченка, вслѣдствіе доноса поляковъ, возбудившаго подозрительность администраціи.

Библиотека "Руниверс"

Дѣло окончилось оффиціальнымъ протестомъ противъ польскихъ притязаній со стороны русскихъ студентовъ, протестомъ, поданнымъ Пирогову. Удаленіе Пирогова, сопровождавшееся большими овиціями, дало впрочемъ другой оборотъ общественному настроенію молодежи. Самые ярые оппоненты поляковъ, которые, при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могли бы составить надежный противовѣсъ всѣмъ послѣдовавшимъ затѣмъ польскимъ интригамъ въ средѣ молодежи университетской, замкнулись сами въ себѣ или примкнули къ партіи „Молодой Россіи“, начавшей уже формировать свои кадры для борьбы съ правительствомъ. Такимъ положеніемъ дѣлъ можно объяснить сильную оппозицію въ извѣстныхъ кружкахъ молодежи противъ замѣстителя Пирогова—барона Николай и тотъ рядъ подметныхъ писемъ угрожающаго свойства, которыя обыкновенно подбиралъ утромъ швейцаръ Кіевской гимназіи и доставлялъ мнѣ. Этимъ вполнѣ разъясняется также то буйное настроеніе польской партіи, партіи ничтожнаго меньшинства, среди тысячи русскихъ студентовъ, какъ бы наложившихъ на себя печать молчанія. Нѣчто подобное представляло и русское общество, которое спокойно и безучастно смотрѣло на все окружающее. Въ средѣ педагогической всѣ такъ называемые либералы были непрочь поддерживать партію недовольныхъ, лишь бы составлять оппозицію начальству.

Въ такомъ положеніи были кіевскія дѣла, когда въ Варшавѣ начались демонстраціи, закончившіяся кровопролитіемъ и бунтомъ. Въ это время образовался въ Варшавѣ тайный жондъ польскій чуть-ли не изъ студентовъ, едва вышедшихъ изъ-за скамьи. Тѣмъ не менѣе этотъ, въ сущности ничтожный, жондъ быстро пріобрѣтаетъ громадное вліяніе во всѣхъ бывшихъ частяхъ Рѣчи Посполитой: въ Польшѣ, Литвѣ и Руси. Орудіемъ силы тайнаго скопища является терроръ, который заставляетъ замолчать всякій голосъ благоразумія. Въ Кіевѣ, матери городовъ русскихъ, среди тысячъ русскаго православнаго населенія, нѣсколько сотъ уроженцевъ юго-западнаго края, ополяченнаго путемъ насилія, самозванно выступаютъ представителемъ польскаго общества и производятъ цѣлый рядъ демонстрацій на манеръ варшавскихъ, объявляютъ Кіевъ польскимъ городомъ, формируютъ банды и, наконецъ, выступаютъ бить русскихъ. Явленіе это въ высшей степени курьезно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно и можетъ быть объяснено слабостью и ненаходчивостью высшей администраціи края. Бывшій генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, но по самой натурѣ своей неспособный на энергическій способъ дѣйствія. Не болѣе доблести

Библиотека "Руниверс"

могъ оказать и назначенный по смерти Васильчикова старикъ уже дряхлый, Анненковъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько фактовъ, вполнѣ иллюстрировавшихъ направленіе и дѣятельность тогдашней высшей администраціи края.

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію польскихъ демонстрацій и отношенія къ нимъ высшей администраціи края, скажу нѣсколько словъ о моемъ личномъ положеніи. Въ самомъ разгарѣ произведенной мною реформы пансіонскаго хозяйства экономъ-полякъ и состоящіе съ ними въ близкомъ отношеніяхъ воспитатели-поляки стали распространять превратные слухи о моей строгости, о притѣсненіи подчиненныхъ и т. п. [1]). Они не остановились даже предъ самыми грязными обвиненіями и инсинуаціями и старались распространять самые нелѣпые слухи въ такомъ направленіи. Но нелѣпость такихъ слуховъ была слишкомъ очевидна и доказывалась слишкомъ ясными фактами. Тогда мои оппоненты начали распространять слухи о моей жестокости. Выдумывали самыя безсмысленныя обвиненія, которыя могла только изобрѣсть богатая польская фантазія. Такъ разсказывали, что я запираю дѣтей въ темные подвалы, въ карцеры, въ которые не проникаетъ ни свѣтъ, ни воздухъ; велю сѣчь дѣтей, посоливши розги, затѣмъ, чтобы не видно было слѣдовъ наказанія, велю обворачивать ихъ простынями. Напрасно люди болѣе знакомые съ заведеніемъ опровергали такія нелѣпости. Паны добродзѣи внимательно и важно выслушивали возраженія и доводы; но все-таки оставались при своемъ мнѣніи.

Но скоро польская смута такъ быстро разрастается и такъ охватываетъ всю жизнь интеллигентнаго общества, что всякія личныя обвиненія теряютъ значеніе. По удаленіи Пирогова, польская агитація постаралась это увольненіе по прошенію представить въ смыслѣ враждебной обществу реакціи и всячески эксплоатировала его въ пользу польской справы. Началась подпольная агитація по всѣмъ правиламъ искусства, которымъ, нужно признаться, владѣютъ

---

[1]) Замѣчательно, что въ то время, когда въ польскихъ кружкахъ распространялись слухи о моей жестокости, въ либеральныхъ русскихъ кружкахъ толковали о моей слабости. Эти толки дошли и до М. К. Чалаго, который въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что я и директоръ А. К. Долленъ распустили гимназію, хотя и приводитъ въ доказательство факты, случившіеся въ Кіевской 1 гимназіи за годъ до моего назначенія при инспекторѣ князѣ Дабижѣ. Что обвиненіе Чалаго лишено всякаго основанія, можно убѣдиться изъ того, что со времени моего назначенія инспекторомъ Кіевской 1 гимназіи во второй половинѣ 1860 г. и во все время моего инспекторства, до 1862 г. въ то время, когда во 2 гимназіи и въ университетѣ были безпорядки, въ первой гимназіи не было ни одного случая рѣзкаго нарушенія дисциплины.

Библиотека "Руниверс"

поляки въ совершенствѣ. Начались сначала подметныя письма, угрозы и предостереженія и затѣмъ демонстраціи. Замѣчательное явленіе представлялъ Кіевъ въ это время. Городъ, въ которомъ болѣе 200 т. православнаго населенія, благодаря нѣсколькимъ сотнямъ польскихъ недорослей, торжественно объявляется польскимъ городомъ и дѣйствительно дѣлается позорищемъ польскаго фанатизма. Нѣсколько сотенъ университетской молодежи, руководимые воспитателями-поляками, дерзко буйствуютъ среди бѣла дня и буйствуютъ почти безнаказано. Первая и самая, можно сказать, дерзкая демонстрація состоялась въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1862 г. Польскіе студенты, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ополяченныхъ русскихъ и евреевъ, сдѣлали сходку возлѣ университета, построились въ ряды и торжественно прошли чрезъ весь городъ въ городской костелъ. Тамъ избили до полусмерти полицейскаго пристава, распоряжавшагося возлѣ костела, и, пропѣвъ въ костелѣ свои гимны, въ такомъ же порядкѣ, какъ пришли въ костелъ, возвратились въ университетскій залъ, разбили шкафъ, въ которомъ вывѣшивались объявленія отъ начальства, изорвали правила университетскія и спокойно разошлись по домамъ. Странное дѣло! При всѣхъ этихъ безобразіяхъ власти какъ бы стушевались. Трудно рѣшить вопросъ, былъ ли то страхъ предъ разъяренной толпой, или просто умышленное попущеніе, съ цѣлью выяснить себѣ все безобразіе демонстраціи. Но какъ бы то ни было, бездѣйствіе власти при первой явной дерзости польской молодежи имѣло весьма дурныя послѣдствія. Благодаря слабости русской власти начали распространяться въ городѣ слухи, что русское правительство боится поляковъ и готово на всѣ уступки. Многіе повѣрили такой нелѣпости и начали либеральничать на тему снисхожденія. Такой взглядъ преобладалъ и между членами педагогическаго совѣта Кіевской 1 гимназіи. Я однако смотрѣлъ весьма серьезно на демонстрацію, какъ на прелюдію къ возстанію, и потому рѣшился твердо вооружиться всѣми силами власти и не допустить учениковъ къ участію въ демонстраціяхъ. Въ такомъ направленіи я велъ дѣло, внушая ученикамъ, что участіе ихъ въ демонстраціяхъ будетъ имѣть для нихъ самыя серьезныя послѣдствія. Между тѣмъ въ городѣ пошли слухи, что готовится вторая демонстрація, въ видѣ поминокъ по инсургентамъ, убитымъ въ Варшавѣ.

Ко мнѣ обратились ученики еще за два дня до этой демонстраціи и просили дозволить имъ отправиться въ городской костелъ. Я категорически отказалъ и строго приказалъ ученикамъ-полякамъ быть въ этотъ день въ гимназической каплицѣ. Нѣкоторые изъ учителей начали возражать противъ моего распоряженія, но я рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шительно заявилъ, что двери гимназіи будутъ заперты, что я буду у дверей, и что ученики только по мнѣ могутъ выйти изъ зданія. Не такъ разсудило высшее начальство. Посовѣтовавшись съ главными властями, оно секретно и словесно приказало отвести учениковъ въ университетскій костелъ. Эта полумѣра повела къ тому, что я долженъ былъ отмѣнить мое распоряженіе. Ученики съ надзирателями и педелями отправлены въ университетъ; но старшіе ученики, замѣшавшись въ ряды студентовъ, вопреки распоряженію, отправились въ городской костелъ, гдѣ именно готовилась демонстрація. Пришлось наказывать за ослушаніе; но либералы или лучше моя оппозиція постаралась до того обѣлить поступокъ учениковъ, что рѣшили ограничиться однимъ выговоромъ ученикамъ, мои же заявленія о серьезномъ значеніи ослушанія въ данномъ случаѣ остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Между тѣмъ послабленіе учащейся молодежи, допущенное самими властями, подало поводъ къ цѣлому ряду самыхъ строгихъ приказаній со стороны тѣхъ же властей о недопущеніи участія учащихся въ демонстраціяхъ. Но дѣло уже зашло такъ далеко, что остановить движеніе нельзя было никакими приказами; требовались мѣры рѣшительныя—это исключеніе и удаленіе молодежи изъ города, но никто не считалъ возможнымъ прибѣгнуть къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Между тѣмъ броженіе умовъ быстро усиливалось. Университетская молодежь, которая имѣла большое вліяніе и на младшее поколѣніе или на гимназистовъ, начала готовиться къ возстанію. Одни лили пули, другіе обучались верховой ѣздѣ, третьи занялись вербовкой повстанцевъ. Но все это дѣлалось тайно, подъ прикрытіемъ законной фирмы. Обнаружить или придраться къ подпольной дѣятельности было невозможно. Ходили только темные слухи, а по наружности все притихло.

Энергическій образъ моихъ дѣйствій во время польскихъ демонстрацій не мало способствовалъ къ тому, что я нажилъ враговъ. Они старались вредить моей репутаціи и въ особенности успѣли вооружить противъ меня человѣка мнѣ незнакомаго, но весьма вліятельнаго въ кіевскомъ образованномъ обществѣ. Это былъ инспекторъ института и профессоръ университета Виталій Яковлевичъ Шульгинъ, впослѣдствіи даже породнившійся со мною и хорошій знакомый, но во время польскаго возстанія еще мнѣ незнакомый. Послѣдствія предубѣжденія противъ меня Шульгина въ то время въ особенности обнаружились при моемъ назначеніи директоромъ Кіевской 1-й гимназіи, почти совпадающемъ съ эпохой польскаго возстанія. Дѣло въ томъ, что когда попечитель Витте обратился къ Шульгину съ предложеніемъ занять мѣсто директора 1-й гимназіи,

Библиотека "Руниверс"

то онъ, не будучи еще знакомымъ мнѣ, поставилъ условіемъ принятія предложенія мое удаленіе изъ гимназіи. Витте пригласилъ меня и предложилъ мѣсто директора въ Ровенской гимназіи. Но такъ какъ въ г. Ровно не было женскаго учебнаго заведенія, и я не имѣлъ возможности тамъ воспитывать своихъ дѣвочекъ, то на третій день, явившись къ Витте, отказался принять его предложеніе. Тогда попечитель пустился въ откровенность и объяснилъ поводъ къ его предложенію; я же съ своей стороны объяснилъ, что я не имѣю чести знать г. Шульгина, и что его предубѣжденіе противъ меня могло быть только внушено моими врагами. Витте призадумался и вслѣдъ затѣмъ просилъ меня занять мѣсто директора первой гимназіи, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что ему крайне не нравится условіе, поставленное г. Шульгинымъ. Такъ я сдѣлался директоромъ Кіевской первой гимназіи въ 1862 г. въ самую смутную эпоху, за полгода до начала польскаго возстанія въ Кіевѣ, или лучше до выхода изъ Кіева банды инсургентовъ въ 1863 г.

А. Ѳ. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

А. Г. Тройницкій, въ то время товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ членъ совѣта Павловскаго Института, узнавъ въ шестомъ часу дня, отъ своего сына (служившаго въ Государственной Канцеляріи) о счастливомъ избавленіи Государя Императора Александра II отъ произведеннаго на него Каракозовымъ покушенія, немедленно поѣхалъ въ Павловскій Институтъ, гдѣ въ присутствіи воспитанницъ и наличныхъ служащихъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ, а затѣмъ составлено было привѣтственное на имя Государя письмо съ поздравленіемъ и выраженіемъ чувствъ преданности и радости. Письмо это было представлено Императору Александру II на слѣдующее утро и оказалось первымъ письменнымъ поздравленіемъ, Имъ полученнымъ. Въ тотъ же день, 5 апрѣля 1866 г., Императоръ пріѣхалъ въ Институтъ, чтобы лично благодарить составъ его за поздравленіе. Затѣмъ, еще нѣсколько лѣтъ сряду Императоръ Александръ II посѣщалъ Павловскій Институтъ 5 апрѣля, при чемъ всякій разъ говорилъ, что Онъ не забываетъ, что отъ Павловскаго Института онъ получилъ первое письменное поздравленіе съ избавленіемъ отъ угрожавшей Ему опасности.

Р. Р. Р.

Библиотека "Руниверс"

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ.

Александръ Яковлевичъ Булгаковъ, впослѣдствіи извѣстный московскій почтъ-директоръ, въ 1811—1814 годахъ состоялъ при гр. Ѳ. В. Ростопчинѣ въ качествѣ домашняго секретаря, которому было поручено вести секретную переписку. Однимъ изъ корреспондентовъ Булгакова, сообщавшимъ петербургскія новости, былъ чиновникъ петербургскаго почтамта—Иванъ Петровичъ Оденталь, „газетеръ", какъ онъ себя называлъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь писемъ мало что извѣстно объ Оденталѣ. Родился онъ 16 февраля 1776 года. Служилъ въ петербургскомъ почтамтѣ еще при Ростопчинѣ и Трощинскомъ, о которыхъ вспоминаетъ съ благодарностью. „Мы, чиновники, до сихъ поръ не можемъ забыть ихъ. Это благодѣтели рода человѣческаго", пишетъ онъ отъ 13-го февраля 1812 г. Булгакову. Отношенія его къ министру Козодавлеву не таковы, и тотъ, въ свою очередь, его не долюбливалъ. Оденталь былъ женатъ и у него были малолѣтнія дѣти. Жалованье получалъ небольшое—750 р., и часто нуждался въ деньгахъ. Здоровье было плохое. Въ началѣ 1814 года какое-то несчастіе стряслось надъ Оденталемъ, и послѣднія письма его полны отчаянія. Съ 1815 года онъ уже не значится въ спискѣ чиновниковъ петербургскаго почтамта.

Въ то время, когда велась переписка, Оденталь былъ цензоромъ иностранныхъ газетъ при почтамтѣ и могъ потому сообщать политическія извѣстія Булгакову изъ самаго источника, кромѣ того

Библиотека "Руниверс"

имѣлъ большой кругъ знакомыхъ, и петербургскія новости и слухи доходили до него исправно. До 1812 года переписка Оденталя съ Булгаковымъ не регулярна, но съ начала 1812 года онъ пишетъ Булгакову почти каждый почтовый день. Извѣщаетъ рѣшительно обо всемъ и съ полной откровенностью; въ одномъ письмѣ къ Булгакову онъ говоритъ, что такъ откровенно онъ пишетъ только ему да Трощинскому. Первыя письма Оденталя довольно многословны и малосодержательны, но съ іюня мѣсяца, когда открылись военныя дѣйствія, письма пріобрѣтаютъ большой интересъ и содержатъ много свѣдѣній, заимствуемыхъ Оденталемъ изъ иностранныхъ газетъ, изъ частныхъ писемъ и со словъ курьеровъ изъ арміи. Почти изо дня въ день можно слѣдить по нимъ за перипетіями Отечественной войны и за настроеніемъ петербургскаго общества.

С. Долговъ.

1.

С.-Петербургъ. Марта 3-го 1811.

Простите, безцѣнный мой Александръ Яковлевичъ, что давно къ Вамъ не пишу. Истинно, одни токмо занятія и домашнія мои хлопоты тому причиною. Ежели Вамъ еще неизвѣстно, то сообщаю Вамъ, что герцогъ Висенскій оставляетъ навсегда Петербургъ и возвращается съ важными увертюрами къ могущему государю своему чрезъ Швецію. На его мѣсто присланъ сюда будетъ графъ Лористонъ [1])?

Въ городѣ, какъ можете себѣ представить, идутъ по случаю его отъѣзда неисчислимые толки.

Мы между страхомъ и надеждою ожидаемъ курьера изъ Молдавской арміи отъ врачей графа Каменскаго втораго [2]), который одержимъ жестокою нервною горячкою съ пятнами. Избави, Боже, отъ таковой потери Отечество наше!

Пріѣхавшій изъ Парижа Бутягинъ сказывалъ, что кн. Куракинъ [3]) опять опасно боленъ.

Изъ Финляндіи большая часть войскъ тянется къ границамъ Прусскимъ и Польскимъ.

Эртеля за расторопность въ продовольствіи Молдавской арміи провіантомъ пожаловали въ генералъ-лейтенанты.

---

[1]) Лористонъ, графъ Александръ-Жакъ-Бернардъ-Лау. Въ 1811 и 1812 г.г. французскій посолъ въ Петербургѣ.

[2]) Каменскій—второй, графъ Сергѣй Михайловичъ, генералъ-отъ инфантеріи. Род. 3 іюня 1772 † 8 декабря 1834.

[3]) Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ, русскій посолъ въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

Гр. Кочубей въ маѣ ѣдетъ на цѣлое лѣто въ малороссійскія свои деревни.

Заговорили было объ отправленіи курьеровъ къ гр. Маркову и Трощинскому, но я отъ достовѣрныхъ людей не слышу о семъ подтвержденія.

Наши флоты въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ велѣно поспѣшно приготовить и усилить къ выходу изъ портовъ при открытіи навигаціи.

Вотъ все, что узналъ, и что недосуги мои дозволили Вамъ кое-какъ кинуть на сей клочекъ бумаги.

Графъ Сологубъ, отецъ, умеръ въ Дрезденѣ. Пусть и это причислится къ сообщаемымъ мною новостямъ.

Вообразите, что по сей часъ нѣтъ еще иностранной почты, которая долженствовала еще придти во вторникъ рано по утру. Обстоятельство сіе заставляетъ неошибочное дѣлать заключеніе, что въ болѣе южныхъ странахъ прошли уже рѣки.

2.

С.-Петербургъ. Марта 17-го 1811.

Милостивый Государь мой
Александръ Яковлевичъ!

Вазлюбленный нашъ Государь за 160 верстъ отъ Васъ въ сію минуту. Не притянете ли Вы Его Вашими желаніями въ престольный градъ? При отъѣздѣ Его отсюда не хотѣлъ онъ однако же далѣе Твери простереть своего пути. И въ Сѣв. Поч. начитаете, что онъ изволилъ отъѣхать на короткое время.

Друзья Ваши гр. Воронцовъ и де Бальменъ получили новаго главнаго начальника. О прежнемъ говорятъ, что онъ употребленъ будетъ по совершенномъ обнеможеніи въ другой сторонѣ. Полагаютъ, что дѣла счастливца нашихъ временъ пришли въ запутанность. Хотятъ симъ воспользоваться. Дай Богъ! чтобы сей разъ нанесли ему метчѣе удары, и такъ, чтобы мы по крайней мѣрѣ могли избавиться отъ его вліянія. Иначе худая перспектива.—Ноты, помѣщенныя въ Монитерѣ, на рѣчь, говоренную въ парламентѣ отъ имени регента, дѣйствительно принадлежатъ въ произведеніямъ М. Серванта.—Въ скандинавской столицѣ Беарнскому уроженцу жить небезопасно.—Отъѣзжающій ради суровости здѣшняго климата дождется прибытія своего послѣдователя. Надобно вѣдь будетъ ознакомить его съ орудіями, чрезъ кои можно продолжать начатыя козни.

Библиотека "Руниверс"

Засимъ позвольте кончить. Болѣе ничего Вамъ ни дѣла, ни пустяковъ наврать не знаю. Долженъ еще успѣть отвѣчать съ нынѣшнею почтою на три письма. По случаю Вашего радостнаго событія получите настоящее во всей формѣ. И сей этикетъ долженъ Вамъ показать, что не токмо Васъ люблю, но и храню къ Вамъ уваженіе, яко преданный и покорнѣйшій Вашъ слуга.

И. Оденталь.

3.

С.-Петербургъ. Марта 28. 1811 г.

Въ пятницу ввечеру навѣщавшіе меня пріятели принесли мнѣ извѣстіе о разрѣшеніи французской императрицы принцемъ. Радость сію, которую здѣсь различно толкуютъ, праздновали уже въ четвертокъ иллюминаціею фран. посолъ и прочіе иностранные министры, коихъ дворы состоятъ почти въ зависимости Наполеоновой. Не перестаютъ здѣсь говорить, будто бы король шведскій Карлъ 13-й предоставилъ управленіе государствомъ своимъ посаженному ему на шею наслѣдникомъ, а самъ въ преклонныхъ лѣтахъ съ титуломъ королевскимъ рѣшился остаться во всегдашнемъ покоѣ.

О бывшемъ въ Гамбургѣ мятежѣ говорятъ различно, но, кажется, въ томъ согласуются, что онъ уже прекращенъ вооруженною рукою и стоилъ жизни тремъ тысячамъ человѣкамъ.

Не знаю, съ чего взяли, но слышу, что тверской вояжъ почитается важнымъ совѣщаніемъ съ двумя патріотами, пріѣзжавшими будто-бы отъ Васъ изъ Москвы. Вы, вѣрно, лучше о справедливости или лжи сего слуха можете судить.

На ноту, поданную въ весьма сильныхъ выраженіяхъ о забраніи всего владѣнія у князя Ольденбургскаго, ожидаютъ нетерпѣливо отвѣта.

Пріѣзжающіе изъ фран. столицы курьеры наши весьма немирныя дѣлаютъ предвѣщанія; да и движенія войскъ нашихъ къ западнымъ границамъ не могутъ внушать другихъ заключеній. О турецкихъ переговорахъ Вы должны имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія чрезъ братца Вашего; насъ же здѣсь утѣшаютъ, что миръ въ той сторонѣ весьма близокъ.

Сейчасъ узнаю, что сюда изволила пріѣхать Екатерина Павловна съ супругомъ своимъ, и что скоро ожидаютъ также и прибытія Маріи Павловны изъ Веймара.

Библиотека "Руниверс"

4.

С.-Петербургъ. Декабря 19. 1811.

Оденталь еще живъ, хотя безпрерывно почти возится съ тяжкими болѣзненными припадками. Не имѣетъ давно, слишкомъ давно никакого извѣстія о достойномъ сынѣ почтеннѣйшаго Якова Ивановича, умномъ, любезнѣйшемъ своемъ Александрѣ Яковлевичѣ. Такъ ли то помнитъ Булгаковъ Оденталя, какъ Оденталь Булгакова? Dieser ehrliche Sonderling Odenthal wünscht dem Herrn v. Bulgakow anegenehmett Weihnachten samt sainer werthesten Familie.

5.

С.-Петербургъ. Генваря 12. 1812 г.

Знаю, знаю, что братецъ Вашъ больше другихъ возится съ Машамушами. Я тутъ ничего ясно не вижу. Mais pourquoi ne charge t-on pas le comte de Koutousoff pour conduire les négociations? Про него и Великая Екатерина изволила говорить: Его не проведетъ и Рибасъ.—Je crains, que quelque Sébastiani n'arrive pas dans les entre'actes.—Пишите братцу, чтобъ онъ употребилъ всю тонкость ума своего, чтобы доставить намъ миръ. Удивляюсь, впрочемъ медленности и возвожу очи къ небу.—Je me serois jetté de tous les cotés pour soupirer avec Vous; mais à quoi conduiraient mes soupirs là, où il faudroit agir. Jl faut se taire et être sage. Остынешь наконецъ. Я ко всему, что не входитъ въ кругъ моей дѣятельности, сдѣлался уже льдомъ. Иначе бы истинно угодилъ въ домъ сумашедшихъ. У насъ есть и такіе, которые готовы упечь меня и далѣе. Да вразумитъ ихъ Богъ! Да отженетъ отъ нихъ нечистыхъ духовъ!—Погребаютъ, умный мой Александръ Яковлевичъ, любовь къ отечеству. Увы!—тому никто не препятствуетъ.—Предадимъ же себя въ руку Божію! Ахъ! потужите! Прекрасный Аничковскій дворецъ горѣлъ! Одна половина спасена, которая на Невской проспектъ, но другая, кромѣ нижняго этажа, вся учинилась жертвою огня. Сказываютъ, что камердинеръ Екатерины Павловны, который пріѣхалъ сюда передовымъ, въ самомъ верхнемъ этажѣ развелъ въ каминѣ огонь, заперъ комнату, ушелъ со двора: горящее полѣно упало на полъ:—какъ тутъ не быть пожару? Сіе несчастное происшествіе началось въ 9-мъ часу 7-го числа ввечеру, а продолжалось до 3-хъ часовъ по полудни 8-го генваря. 9-го числа загорѣлся Екатерининскій институтъ. Тутъ пожарная команда сдѣлала чудеса. Кромѣ

Библиотека "Руниверс"

кухни и лазарета не дала ничему горѣть.—Оберъ-полицеймейстеръ Горголи какое-то получилъ поврежденіе въ одну руку при тушеніи Аничкова дворца.—Долженъ взять другой листъ. Старинный газетеръ Якова Ивановича расписался. Берегитесь, чтобъ я Вамъ не надоѣлъ! Привяжусь, такъ не отцѣпитесь.

Слышу отъ знати, что дочь Дм. Александровича Гурьева помолвлена съ новымъ статсъ-секретаремъ Нессельродтомъ. Осипа Петровича Козодавлева племянница, княжна Хилкова, также объявлена уже невѣстою, токмо забылъ фамилію жениха. Есть, кромѣ этихъ фамилій, о чемъ думать со всѣхъ сторонъ озабоченному Оденталю! Я бы не зналъ, можетъ быть, никогда и Козодавлева, но теперь угодно было Государю сдѣлать его нашимъ министромъ: такъ всякая бездѣлица о немъ безпрестанно напоминаетъ не токмо мнѣ, но и женѣ моей. Стерпится, слюбится. Я увѣренъ, что Александръ Яковлевичъ не возгнушается для того мною, что я не имѣлъ счастья понравиться такому человѣку, отъ котораго прячусь. И за удаленіе жмутъ, давятъ. Однакожъ, слава Богу! Благодареніе добрымъ людямъ!—мы еще съ голоду не померли, и—въ Россіи отъ этой причины не умремъ.

Сенаторъ Саблуковъ, который тронутъ былъ предъ рождественскими праздниками параличемъ, оправляется.

Генералъ-лейтенантъ Бауверъ, толико прославившійся во всей Европѣ курьерскою своею ѣздою, умеръ на сихъ дняхъ въ Мраморномъ дворцѣ. Его уже и похоронили. Помните ли эпитафію, которую въ „Journal de l'Empire“ сдѣлали ему?

Я бы кстати сдѣлалъ Вамъ, тѣша себя, описаніе Крещенскаго парада; но онъ былъ отмѣненъ.—Въ самое Крещеніе пріѣхалъ рано поутру курьеръ изъ Молдавской арміи. О содержаніи депешъ я ничего не слыхалъ. Не знаю, былъ ли послѣ того и новый курьеръ?

Говорятъ, будто бы къ намъ пріѣхала отъ Васъ богатѣйшая россійская невѣста — графиня Орлова. Здѣсь нѣкоторые хотятъ знать, что она будетъ супругою принца Ольденбургскаго, который въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ. Много слышалъ я о новой живописи въ домѣ Вашего благороднаго собранія. Что за курьезность! Какъ же это допустили?

Ланскій не вышелъ на сумазбродный поединокъ съ Лачиновымъ и—благополучно женится на княжнѣ Одоевской. Принцесса Бирономъ выходитъ также за кого-то замужъ. — Вотъ сколько свадебъ возвѣстилъ я Вамъ, и, можетъ быть, такихъ, о которыхъ Вы, вѣроятно, знали прежде меня! — Это значитъ, что мнѣ хотѣлось къ Вамъ писать, но не зналъ, какъ начать и какъ кончить.

Это часто со мною бываетъ. Посмотрите на мой столъ. Кучами

Библиотека "Руниверс"

навалена моя работа. Весь истощенъ, а писать къ Александру Яковлевичу сердцемъ хочется! Мнѣ бы слѣдовало впрочемъ молчать, когда не могу подлаживать подъ строй Вашихъ писемъ. Да! такъ тогда бы въ вѣкъ не дождались отъ меня ни строчки. — Пишите! пишите чаще. Я буду Вами восхищаться. Ежели опять мною наскучите, бросьте меня. И тогда буду еще чрезъ другихъ о Васъ навѣдываться. Чего же Вы хотите? — Я, право, по-Оденталевски говорю Вамъ, что я люблю Васъ. Здѣсь есть одна дама, которая никакъ не можетъ забыть Васъ съ Неаполя. Elle sait vous apprécier, comme moi. Весьма часто говоримъ съ нею о Васъ. Желалъ бы, чтобъ она передала Вамъ мое мнѣніе о Васъ, мое расположеніе къ Вамъ! Je passe des moments délicieux avec cette personne. — Дай Богъ Вамъ всякаго благополучія съ любезною Вашею супругою. Будьте токмо здоровы. Право! съ здоровьемъ Булгаковъ и Оденталь не пропадутъ. Эдакая увѣренность основывается на истинныхъ нашихъ достоинствахъ. Je ne cesse de repéter avec une certaine élevation dans mon âme l'adage populaire: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Я боюсь быть съ Вами слишкомъ откровеннымъ; но не утерплю, любя Васъ, какъ брата моего, не сказать Вамъ, хоть въ полгубы: Вы не туда кидались, и не туда еще бьете по Вашему дѣлу. Mais pour vous parler plus franchement encore, je ne vois pas clair, comment on a embrouillé la chose jusqu'à un tel point!—Je vous respecte trop, pour vouloir violer votre secret. — Увижу, буду ли удостоенъ Вашей откровенности?—Простите, ежели я коснулся сей деликатной струны, изъ единаго человѣколюбія. Ахъ! какъ бы я желалъ Васъ видѣть счастливымъ! Какъ бы самъ былъ счастливъ, ежели бы могъ быть въ чемъ-нибудь Вамъ полезнымъ! — Nous envisageons les choses différemment. Тутъ и остановлюсь.—Обнимаю Васъ, какъ любовницу. Пишите ко мнѣ. Я Вамъ ни въ чемъ не измѣню.—Еще умоляю Васъ, ne me méconnaissez pas! Mes respects à madame Votre épouse.

Я весь Вашъ.

P.S. Графъ Завадовскій [1]) при смерти боленъ. Можетъ быть, въ сію минуту онъ болѣе уже не существуетъ. Вспомнилъ: женихъ кн. Хилковой князь Гагаринъ.

---

[1]) Завадовскій, графъ Василій Петровичъ. Родился въ 1739 г. † 10 января 1812 г.

Библиотека "Руниверс"

6.

С.-Петербургъ. Января 16. 1812 г.

Я слышалъ, что сюда около нынѣшнихъ чиселъ обѣщались негоціаторы прислать друга Вашего гр. Воронцова съ подписанными условіями. Какъ бы это насъ обрадовало, ежели бы оно состоялось.

У насъ 13-го числа былъ по случаю рожденія Ея Имп. Величества Елисаветы Алексѣевны великолѣпный парадъ вмѣсто того, который отмѣнили въ Крещеніе. Войска было слишкомъ 28 тысячъ. И я ходилъ имъ любоваться.

Завтра хоронятъ гр. Завадовскаго.—Говорятъ, что президентское его мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ заступилъ уже гр. Вик. Павл. Кочубей.

О смерти генерала Корсакова провралось. Смѣшали кончину генералъ-лейтенанта Андреевскаго съ прекращеніемъ его жизни. На этихъ дняхъ также уморили было генерала Николая Ѳедоровича Хитрова, живущаго въ Мраморномъ дворцѣ. Хотя онъ дѣйствительно боленъ; но дѣйствительно еще живъ и собирается для поправленія здоровья своего ѣхать въ Вѣну. Voilà les nouvelles, que Vous peut donner par ce courrier votre Zeitungschreiber. Онъ бы съ Вами пустился о чемъ-нибудь еще покалякать, но не токмо, что голова у него страшнымъ образомъ болитъ: къ этому онъ привыкъ,—потужите обо мнѣ, добрый Александръ Яковлевичъ, у меня на сердцѣ кошки скребутъ. Женѣ дѣлается день ото дня хуже. Не знаю, чѣмъ стеченіе въ ней разныхъ болѣзней кончится, а теперь она чрезмѣрно страдаетъ. Грудь уже такъ слаба, что она съ нуждою можетъ и очень тихо говорить. Дѣти, бѣдныя дѣти! не хотятъ отъ нея отходить; плачутъ, заставляютъ и ее плакать: извольте Вы тутъ быть съ сухими глазами!

Доктора имѣю весьма искуснаго. Богъ милосердъ! — на него возлагаю все упованіе мое.

Дайте мнѣ быть покойнѣе! Пожелайте, чтобъ я былъ утѣшенъ выздоровленіемъ моей Жюли! Je suis perdu, Boulgakoff, si je perds ma femme! — Je vous embrasse, tout triste, que je suis. Partagez, homme sensible, mes peines. Простите до слѣдующей почты. О! что-то тогда буду имѣть къ Вамъ писать? Радость, или мое несчастье?

О послѣднемъ да возвѣстятъ Вамъ другіе!

Adieu.

Библиотека "Руниверс"

7.

С.-Петербургъ. Января 19. 1812.

Гр. Воронцовъ, кажется, теперь ужъ не пріѣдетъ. Великаго визиря смѣнили. Себастьяни работаетъ. Вашъ братецъ, вѣрно, ногти кусаетъ; Вы хватаете себя за волосы, а я — ихъ рву на себѣ.

— Это Божеское попущеніе. — Остается намъ воздыхать, по елику дѣйствовать не можемъ. Я въ прошломъ году Вамъ писалъ, что бы я, встрѣтясь съ виновникомъ общаго зла, сдѣлалъ. Доколѣ онъ живъ, повѣрьте, онъ будетъ все доопрокидывать вверхъ дномъ. Voilà le plus grand malheur!—il réussira.

А отъ чего? Вы это должны видѣть.

О президентствѣ графа Кочубея не слышу подтвержденія, стало быть и нѣтъ ничего. Прошу въ циркулировавшемъ слухѣ меня не винить. Я думалъ Вамъ съ иголочки доставить новость: теперь прошу ее покамѣстъ ввести въ статью небылицъ.

Гр. Завадовскаго хоронили 17-го числа avec un grand appareil. Государь съ Цесаревичемъ изволилъ быть при выносѣ тѣла изъ дому. Городъ не былъ однако же въ такомъ движеніи, какъ при погребеніи графа Строганова. Пожалуйста извѣстите меня; Вы чрезъ тестя Вашего должны знать, ѣдетъ ли сюда кн. Алексѣй Борисовичъ.

На отдѣльномъ отрѣзкѣ листа:

Pardon, mille fois pardon de ce que je vais écrire sur ce bout de papier. Je veux Vous demander si la bibliothèque de monsieur Votre cher père se trouve entre Vos mains?—Ne soyez pas étonné de cette question. Въ Москвѣ у Васъ живетъ теперь хорошій мой знакомый Государевъ учитель адъютантъ Ставицкій. Онъ проситъ меня, чтобы я указалъ ему между моими знакомыми хорошую библіотеку.—Впрочемъ ежели хотите, я и безъ библіотеки Васъ съ нимъ познакомлю. Это умница, это другой Александръ Яковлевичъ. Государь поручилъ ему формировать въ Москвѣ бригаду. Sa Majesté l'aime beaucoup. Скажите мнѣ прямо: угодно или не угодно? J'aime la franchise. У всякаго должны быть свои правила. Я за отказъ на мои предложенія отъ добраго сердца никогда не сержусь. Soyez circonspecte sera mon dernier mot à mon Mitinka.—Простите, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, до слѣдующей почты. Буду теперь писать къ Ставицкому.

Библиотека "Руниверс"

8.

С.-Петербургъ Генваря 23. 1812.

Я опять тутъ. Однакожъ я не суюсь тамъ, гдѣ меня не спрашиваютъ.—Милый Александръ Яковлевичъ меня вызвалъ, выкликалъ на переписку: такъ пусть теперь узнаетъ, какого гостя взвалилъ себѣ на плечи! Si je suis susceptible, du moins je ne suis pas encore méfiant. Je Vous le prouve: puisque je crois qu'on Peut parler avec Vous, comme on s'applique avec un homme, qui a le coeur excellent, l'ésprit droit, le jugement parfait, les connaissances multipliées également par l'éducation, que par sa propre application à la lecture, par ses observations et par sa sagacité. Это значитъ, что меня одолѣваетъ fureur, rage (какъ хотите назовите) писать, т. е. бредить, врать, заглушать пареніе моихъ мыслей, отъ которыхъ кидаетъ меня въ потъ: ибо я чувствую, что не моя сфера гнить въ цензурѣ, гибнуть отъ сидячей жизни. Хочу себѣ пособить, и—не могу.

Стой, ярый Оденталь! укротись! смирись! Ты большую волю даешь надъ собою страстямъ твоимъ.

Вспомни, что ты человѣкъ!—Que je suis bête!—А я за минуту считалъ себя больше 10-ти Наполеоновъ.—Засмѣйтесь!—Да этого мало; считайте меня за помѣшаннаго; только не совсѣмъ покидайте меня. Сумасшествіе мое излѣчимо. Перемѣните мое положеніе, и я другой. Вы меня не узнаете, меня будете на рукахъ носить; а я Васъ посажу въ то же время за пазушку. Вѣдь это дѣло физически возможное. Я Васъ буду держать въ пазухѣ, а Вы меня понесете на рукахъ. Кто кого предупредитъ? Время покажетъ.

Не солгу, ежели скажу Вамъ, что одни сажаютъ въ Совѣтъ президентомъ на мѣсто гр. Завадовскаго Ивана Алексѣевича, а другіе сами подписываютъ указы о пожалованіи въ сіе званіе умнаго гр. Кочубея. Подите! разберите желающихъ все знать прежде самаго событія, которое единственно зависитъ отъ Высочайшей воли возлюбленнаго нашего Царя. Подите! послушайте и переслушайте, что говорятъ и о томъ, и о семъ. Извольте въ хаосѣ доходить до невѣроятностей. Не дойдете сами, такъ Васъ увѣрятъ ихъ событія.

Въ такое ужъ времячко живемъ, что не знаешь, чему вѣрить и чему не вѣрить! Совершится: и мы, вислоухіе, только что разѣваемъ рты.

Я къ Вамъ оттого такую чепуху пишу, что ничего порядочнаго не знаю. Ужъ этотъ разъ меня извините; случится, и впредь

Библиотека "Руниверс"

будьте снисходительны. Сегодня иду въ большую званую компанію обѣдать. Не наловлю ли для Васъ какихъ-нибудь снѣтковъ къ пятницѣ. Теперь истинно, кромѣ того, что достойнаго статсъ-секретаря Оленина украсили Владиміромъ 2-й степени,—ничего изъ путныхъ новостей не знаю.

9.

С.-Петербургъ. Генваря 26. 1812.

Безъ очковъ прочиталъ и письмо, и излитыя въ немъ чувствованія сердца Вашего отъ 19-го генваря, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ. Ежели *мнѣ* стало еще веселѣе: то не спрашивайте никого, кромѣ *самого себя*—отъ чего? Я не буду спрашивать, какъ Юсуфъ-паша: таковъ ли Вы? — Вещи, люди, конечно, познаются по сравненію, но я даю имъ вѣсъ по испытанію.—Я не принцъ де Линь, но, право, могу своимъ готшедовскимъ слогомъ написать портретъ Вашъ. Ручаюсь, что супруга Ваша нашла бы его похожимъ.—Меня разбираетъ досада, Вѣрю, что Вы можете быть Цинцинатомъ, но кто, зная Васъ такъ хорошо, какъ я, не воскликнетъ: Зачѣмъ Александръ Булгаковъ не министромъ нашимъ въ Лютеціи?—Батюшка Вашъ былъ *непоколебимъ*. Vous avez employé le terme imrgorge упрямъ: твердость, характерность теперь еще болѣе нужны, нежели когда-либо. Штыками, пушками должно подкрѣплять ихъ въ наши времена. Гдѣ жъ на свѣтѣ есть холодное ружье превосходнѣе русскаго? Пушки отдадимъ американцамъ. Полководцевъ сыщемъ въ географическомъ нашемъ положеніи. Будь только дипломатика хороша, внутреннее управленіе на Сюлліевскихъ правилахъ—нѣтъ во вселенной другой Россіи.—Куда же я бросился?

Вы говорите мнѣ о Вашей подмосковной; пускаете пробки по водамъ, исчерпываемымъ бутылками, вмѣсто утлыхъ британскихъ кораблей, которые тонутъ безъ сраженій; на бережку ихъ отираете потъ лица своего, возвратясь отъ сохи къ достойной супругѣ; забываете всѣ горести, потому что Вы видите суетное ихъ начало. Счастливъ умникъ мой! Стократъ блаженъ съ такою философіею милый Булгаковъ!

Оденталь не имѣетъ и курятника. Вотъ почему онъ не можетъ говорить о курятникѣ! Родился, живетъ, умретъ въ Россіи: вотъ почему Россію почитаетъ своею собственностью! Вотъ почему занимается Россіею! Подите, называйте его экстравагантнымъ! Онъ

Библиотека "Руниверс"

тотчасъ притворится, что слова сего не понимаетъ, когда сердиться не расположенъ. Да теперь оно будетъ для меня и чуждо: ибо поставилъ себѣ образцомъ любезнаго Александра Яковлевича. Погрязъ въ долготерпѣніе. — Alles, faites avec moi ce qui vous plaira; ma morgue n'existe plus. Il est temps, que je domine mes passions.

Я самъ дѣлаюсь образцомъ предъ моимъ Митею; а онъ всё уже примѣчаетъ, всё разбираетъ. Бѣдняжка со вчерашняго дня вдругъ заболѣлъ. Богъ вѣдаетъ! что съ нимъ сдѣлалось. Знаемъ токмо, что онъ горитъ, какъ каменная плита. Со свѣтомъ наравнѣ послалъ почталіона къ доктору. Я его цѣловалъ отъ Васъ. Онъ хочетъ теперь знать, что Вы за человѣкъ?—Отвѣтствую: желалъ бы, чтобъ ты также былъ уменъ, какъ онъ.—Онъ увѣряетъ меня, что будетъ, право, будетъ.—Я бы взялъ съ него росписку, но онъ еще не пишетъ.

Какъ я радъ, что Вы уже познакомились съ Ставицкимъ! Я завидую Вамъ, что Вы его посседируете.

Знаю нѣсколько и друга Вашего Волкова, ежели это тотъ, который женатъ на Корсаковой. Недавно обѣдалъ еще съ сестрою супруги его, которая теперь уже у Васъ въ Москвѣ. Я сидѣлъ подлѣ нея. Она съ изумленіемъ смотрѣла на заштопанный мой фракъ.

Меня удивительно это веселило.

Не думайте, чтобъ я Васъ затягивалъ въ мистификацію. Неаполитанская Ваша знакомая есть Анна Ефимовна, которая была тогда при гр. Головкиной, а теперь уже 9-й мѣсяцъ замужемъ за хорошимъ моимъ пріятелемъ Цирлейномъ. Мы Васъ съ ней называемъ колдуномъ. Mai qui ne dira pas cela parmi ceux, qui Vous connaissent, comme vous?

Она бранила меня, что я къ Вамъ долго не писалъ.

Кажется, что я теперь вину мою загладилъ.

Желалъ бы токмо для того быть близкимъ къ престолу нашего Монарха, чтобъ доказать искаверженной юриспруденціи, сколь далеко простирается правый Его судъ.

И это для Васъ, для братца Вашего, а не для себя: ибо я въ свою пользу ничего не умѣю дѣлать—Боже! Колтовская тѣшится надъ Вами!—Кириловъ! помнишь ли, какъ мы хаживали съ тобою мимо синяго деревяннаго дома въ Головинскій садъ. По ея физіономіи, съ кѣмъ мы ее сравнивали?—Этому назадъ 18 или 20 лѣтъ. Мы въ сравненіи нашемъ не ошиблись. Тогда живъ еще былъ мужъ ея съ пуклями и съ капелюже. Il faut véritablement avoir votre philosophie pour être en procés avec cette femme.—Но я

Библиотека "Руниверс"

вру. Простите! Tout se revolte en moi. Лишнее спустилъ съ пера, и, право, любя Васъ. Смиреніе, долготерпѣніе, да будетъ девизомъ нашимъ! Вы одолѣете супостата! Вспомните сіи слова! Не поручайте; но Вы будете имѣть адвоката.—Я все знаю, къ кому Вы здѣсь въ послѣдній Вашъ пріѣздъ сюда адресовались.—Cachons nous pour quelque temps!

Вотъ въ чемъ состоитъ нынѣ главное искусство!

Вы мнѣ хорошую дали идею о гр. Орловой. Имѣй я особую комнату: такъ я бы по Вашему отзыву написалъ ей панегирикъ, тѣша въ томъ единственно себя.

Помните ли, что я Вамъ говорилъ о Жоржъ?—Да какъ равняться она можетъ съ Семеновою!—Я, можетъ быть, много беру на себя, но скажу Вамъ (сколько мнѣ извѣстенъ французскій языкъ), что она уши деретъ своимъ выговоромъ, фальшивою интонаціею, заставляетъ отъ себя отворачиваться своими судорожными измѣненіями. Хорошъ токмо ея выходъ на сцену, удивительны аттитюды: рисуй ее, пока она не начнетъ говорить.—Когда видалъ я Семенову, то благопристойность удерживала меня токмо, чтобъ не вскочить на сцену къ ней.—Ежели бы я не былъ женатъ, то, вѣдайте мою неистовость, я бы для нее пошелъ въ актеры.—Ахъ! какъ бы я желалъ, чтобъ Вы меня видѣли въ акціи! Жофроа! съ кѣмъ бы ты меня сравнилъ? — Гемороидъ, проклятый гемороидъ! проклятое сидѣнье! Это все одно, куда уходитъ моя физика! За то дѣлаюсь институторомъ. Митя, живи! молись Богу, чтобъ и я скоро не умеръ! Будешь человѣкъ.

Что за стыдъ не читать доселѣ Лагарпа. Ежели Вы прежде читали Баттё, то можно обойтись и безъ Лагарповой фастидіозности, безъ его продигалитетности: Son style manque d'énergie, de circoncision, de ce type, qui marque le génie. Это человѣкъ начитанный и больше ничего. За то ужъ его не люблю, что онъ держался Вольтера. Это доказываетъ, что онъ былъ безъ характера.

Мужайтесь, крѣпитесь, не чуждайтесь меня.

Я очень страненъ, но во мнѣ не найдете никакого коварства: связь люблю однако же имѣть съ пройдохами. Какъ же иначе можно было узнать сердце человѣческое? Я радуюсь, когда меня со всѣхъ сторонъ разсматриваютъ. Это мой тріумфъ! Всѣ слабости мои напередъ обнаруживаю. Не удалятся отъ меня, такъ почему девелопироваться во всемъ. Не удалось быть на временной сценѣ актеромъ, такъ играю мою роль на всегдашнемъ театрѣ. Я даже и больной бываю очень интересенъ для психолога. Это время, когда я все запасаю.—Меня теперь начали нѣкоторые знатные фетировать. Имъ

Библиотека "Руниверс"

многія мои идеи нравятся. Я для нихъ созданъ. Quant aux parvenus, ich bin nicht ihr Mann.—Кажется мы, на одной доскѣ стоимъ съ вами. Cachons-nous pour quelque temps!

Теперь только скажу Вамъ, что Ваше письмо меня порадовало. Я вижу въ Васъ много достоинства. Дай Богъ, чтобы и во мнѣ не примѣчали Вы однихъ токмо недостатковъ, которыми изобилуетъ всякій смертный.

Когда увидитесь съ Максимомъ Ѳедоровичемъ, скажите ему тысячу обязательныхъ словъ отъ имени моего. Вамъ можно дать такое порученіе. Не знаю, захотите ли токмо исполнить?—Мнѣ жаль, что я не успѣлъ съ нимъ поговорить предъ самымъ отъѣздомъ.

Невзирая на то, что я на этихъ дняхъ былъ въ большихъ компаніяхъ, ничего новаго не слыхалъ. Видно и нѣтъ ничего. Заглохло что-то.

Вчерась встрѣтился съ гр. Кутузовою на набережной. Грызъ ногти за ея супруга. Онъ много сдѣлалъ. Я надѣюсь, что Вы со мною согласитесь.

Шведскій король Карлъ 13-й опять вступилъ въ управленіе государствомъ своимъ, и въ то число, когда открытъ въ Англіи парламентъ. Изъ сего коннсиданса хотятъ что-то выводить.

Пожалуй, выводи! Это значитъ пустяками заниматься. Ну, Александръ Яковлевичъ, записался я; не мудрено было и завраться. Одна надежда на Ваше снисхожденіе. Наше отличное почтеніе супругѣ Вашей. Расцѣлуйте малютку Вашу.

Es gehe, wie es gehe,
Der Vater in der Höhe
Weis zu allen sachen Rath.

Да будетъ съ нами воля Его святая! Je vous embrasse.

10.

С.-Петербургъ. Генваря 30. 1812.

Меня цѣлое нынѣшнее утро бѣсятъ: кого могъ, того выгналъ, отъ другихъ самъ отошелъ. Чтобъ забыть все худое, начинаю писать къ любезнѣйшему Александру Яковлевичу. Надобно же себя наконецъ поставить выше всѣхъ глупостей и скаредностей людскихъ, дабы наслаждаться тѣмъ, чего нечестивые отравлять не могутъ, когда умѣемъ презирать ихъ. Начало не такъ-то веселое; могъ бы его и выпустить, но я хочу, чтобъ Александръ Яковле-

Библиотека "Руниверс"

вичъ читалъ мое сердце. Какъ бишь пословица? Пусть что на умѣ, то и на языкѣ. Съ него ничего не сорвется, что бы могло мнѣ быть предосудительнымъ. Я не принадлежу ни къ какой сектѣ. Я эклектикъ.

Какъ у насъ весело! Балъ за баломъ, вечеринка за вечеринкою, праздникъ за праздникомъ. Радостныя обстоятельства, Александръ Яковлевичъ! Это всѣ видятъ, всѣ чувствуютъ, ежели не по себѣ, такъ по большинству недовольныхъ, угнетенныхъ и погибающихъ.—Опять сбился. Совсѣмъ не то хотѣлъ писать.

Займемся однѣми веселостями.

У госуд. канцлера въ прошедшій четвертокъ былъ большой балъ.—Сегодня, какъ мнѣ сказывали, церемоніймейстеръ Лаваль дастъ въ передѣланномъ своемъ домѣ спектакль и плясовой праздникъ.

За симъ забываю, или лучше сказать, путаюсь въ тѣхъ пирахъ, которые предстоятъ по случаю свадебъ.—Неужели Александръ Яковлевичъ пропуститъ эдакій хабаръ?—Не во время вздумалъ путешествовать.

Вотъ тебѣ разъ! Почта иностранная прикатила. Требуютъ. Il faut faire son métier avant tout. Adieu! Je suis resté au milieu de ma harangue. Ich umarme Sie.

С. О. Долговъ.

Библиотека "Руниверс"

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

Въ первые дни послѣ 4 апрѣля 1866 г., общіе разговоры неизмѣнно сосредоточивались на неудавшемся, къ счастью, покушеніи; высказывалось недовольство и недоумѣніе, что тайная полиція прозѣвала... Тогда ходилъ между прочимъ разсказъ, что генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ въ концѣ великаго поста получилъ письмо отъ Ножина, лежавшаго тогда въ Маріинской больницѣ, съ просьбою къ нему пріѣхать и лично выслушать отъ него секретъ большой важности, объ угрожающей Россіи бѣдѣ. Князь Суворовъ передалъ это письмо правителю своей канцеляріи Четыркину, сказавъ, что бреду больного едва-ли можно вѣрить; но на всякій случай на Ѳоминой недѣлѣ, когда возобновятся занятія въ Медико-Хирургической Академіи, гдѣ всегда есть сумасброды, надо усилить надзоръ за настроеніемъ студентовъ. Вспомнивъ объ этомъ письмѣ нѣсколько дней послѣ покушенія, князь Суворовъ послалъ въ Маріинскую больницу справиться, есть ли тамъ больной Ножинъ, что это за личность, въ какомъ онъ положеніи. Получился отвѣтъ, что Ножинъ былъ въ тифозномъ отдѣленіи, недавно умеръ и похороненъ. Дѣйствительно въ метрической книгѣ церкви Маріинской больницы за 1866 г. имѣется запись, что тамъ 3 апрѣля умеръ чиновникъ IX класса Николай Дмитріевичъ Ножинъ; 6 апрѣля онъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ. Изъ слѣдствія по дѣлу о Каракозовѣ и его сообщникахъ оказалось, что незадолго до своей предсмертной болѣзни Ножинъ жилъ на одной квартирѣ съ однимъ изъ немногихъ, близкихъ съ Каракозовымъ лицъ, знавшихъ о его замыслѣ.

Р. Р. Р.

Библиотека "Руниверс"

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Ѳ. Марксъ).

М. Е. Салтыковъ [1]).

Съ Михаиломъ Евграфовичемъ у меня завязались сношенія вотъ по какому поводу. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ нашей печати, какъ это бывало періодически и раньше, усиленно обсуждался польскій вопросъ. Всѣ разсужденія публицистовъ консервативнаго и либеральнаго лагеря мнѣ казались неубѣдительными. Объяснялось это вѣроятно слѣдующимъ. Во-первыхъ, я въ дѣтствѣ росъ въ Варшавѣ, а съ одиннадцати до двадцати-трехъ лѣтняго возраста ежегодно пріѣзжалъ въ Варшаву къ моему опекуну на Рождество и лѣтнія каникулы; я, слѣдовательно, былъ знакомъ съ польской жизнью непосредственно. Во-вторыхъ, умъ у меня по-преимуществу реальный въ томъ смыслѣ, что я отъ фактовъ восхожу къ теоріи, а не наоборотъ. Поэтому и въ польскомъ вопросѣ мнѣ также хотѣлось исходить отъ самой жизни, а не отъ тѣхъ или другихъ польскихъ или русскихъ теорій. И вотъ я рѣшилъ познакомиться, такъ какъ не могъ отлучиться изъ Петербурга, съ тогдашней польской жизнью по крайней мѣрѣ, насколько она отражается въ польской беллетристикѣ. Пришлось подучиться польскому языку, который я зналъ недостаточно, а затѣмъ я зашелъ въ петербургскій книжный магазинъ и попросилъ дать мнѣ новѣйшія польскія беллетристическія произведенія.

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

На мое несчастіе, мнѣ сперва все попадались книги, которыя меня гораздо больше знакомили съ ихъ авторами, чѣмъ съ польскою жизнью. Но вдругъ начинаю читать одну небольшую повѣсть и ужъ не могу отъ нея оторваться. Вотъ она жизнь безъ прикрасъ. Я былъ въ восторгѣ отъ повѣсти. Потомъ мнѣ подвернулись другія повѣсти, хотя и не такія сильныя, но устанавливавшія, какъ дважды два четыре, что польская жизнь удивительно похожа на русскую. А между тѣмъ наша либеральная печать, безъ всякаго видимаго результата, все толковала о польско-русскомъ сближеніи. Можетъ быть оно легче достижимо,—спрашивалъ я себя:—не на почвѣ политическихъ теорій или стремленій, а на почвѣ тѣхъ общихъ вопросовъ, которые вслѣдствіе поразительнаго сходства русской и польской жизни приходится рѣшать совмѣстно и полякамъ, и намъ русскимъ?

Отсюда до желанія познакомить русскихъ читателей съ прочитанными мною польскими беллетристическими произведеніями былъ только одинъ шагъ.

Хотя я никогда до тѣхъ поръ не занимался переводами, за исключеніемъ одного ученаго труда, я рѣшился перевести соблазнившую меня повѣсть и быстро справился съ этой работой. Она была изъ народнаго быта („Эскизы углемъ“ Сенкевича, столько разъ впослѣдствіи переведенные на русскій языкъ). Кромѣ того, я для достиженія поставленной себѣ цѣли былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы повѣсть появилась въ распространенномъ и вліятельномъ органѣ. Поэтому я рѣшилъ предложить ее „Отечественнымъ Запискамъ“. Салтыковъ ее принялъ съ большою готовностью и попросилъ меня черезъ Н. К. Михайловскаго зайти въ редакцію для переговоровъ. Вотъ тутъ-то и произошла моя встрѣча съ русскимъ сатирикомъ.

Это было въ квартирѣ Г. З. Елисѣева на Надеждинской. Когда я позвонилъ, и мнѣ открыли дверь, я невольно отшатнулся,—такъ былъ ошеломленъ потокомъ ругательствъ, несшихся изъ квартиры и извергаемыхъ густымъ басомъ. Я подумалъ, что попалъ не туда, куда слѣдуетъ, и хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но лакей успокоительно мнѣ ухмылялся.

— Ничего-съ,—сказалъ онъ:—это Михаилъ Евграфовичъ.

Я все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія.

— Пожалуйте,—приглашалъ онъ меня.—Вы въ редакцію?

Ругательства продолжали нестись изъ квартиры въ ускоренномъ темпѣ и съ удвоенною силою, но лакей мнѣ такъ добродушно улыбался, что я успокоился и вошелъ.. Меня провели въ гостиную, гдѣ никого не было. Вскорѣ ругательства прекратились, и въ ком-

Библиотека "Руниверс"

нату вошелъ... но кто не видѣлъ портрета Салтыкова? Скажу только, что, хотя ему было въ то время только 53 г., но онъ производилъ впечатлѣніе старика. Походка у него была медленная, грузная, и онъ тяжело опустился въ кресло, пригласивъ и меня сѣсть.

— Нечего Бога гнѣвить,—сказалъ онъ, и я въ его голосѣ призналъ басъ, только что извергавшій ругательства:—вещь хорошая... очень хорошая,—прибавилъ онъ съ оттяжкой.—И читается, точно русская,—только у насъ не умѣютъ такъ писать... Чего улыбаетесь,—повысилъ онъ голосъ и вперилъ въ меня свой неподвижный взглядъ:—говорю вамъ, не умѣютъ. У насъ не пишутъ—мазилкой мажутъ, какъ волостной старшина у вашего Сенкевича.

Впослѣдствіи онъ мнѣ часто повторялъ эту фразу „у насъ не умѣютъ писать“ и неизмѣнно прибавлялъ: „въ нашихъ повѣстяхъ идутъ съ неба какіе-то розовые дожди“, намекая на конецъ помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ повѣсти очень извѣстнаго русскаго беллетриста. Я уяснилъ себѣ только впослѣдствіи эти вѣчныя жалобы Салтыкова на нашихъ беллетристовъ: ужъ очень солоно ему приходилось отъ исправленія ихъ рукописей. Онъ не поступалъ такъ, какъ поступали и поступаютъ другіе редакторы, которые просто не принимаютъ для своего удобства и съ явнымъ ущербомъ для читателя и даже для литературы рукописей, требующихъ исправленія, какъ бы онѣ по своему содержанія ни были интересны. Салтыковъ, напротивъ, зная, что форма иногда далеко не соотвѣтствуетъ содержанію, что люди съ огромною наблюдательностью и съ богатѣйшимъ матеріаломъ, почерпнутымъ прямо изъ жизни, могутъ иногда грѣшить не только противъ стилистики, но даже и противъ грамотности, считалъ прямо преступнымъ отвергать рукописи, интересныя по содержанію, но неудовлетворительныя по формѣ и подвергалъ себя тяжелому труду, вызванному любовью къ литературѣ и добросовѣстностью по отношенію къ читателю. Поэтому впослѣдствіи, получая рукописи отъ лицъ, помѣщавшихъ свои произведенія въ „Отечественныхъ Запискахъ“, редакторы удивлялись, какъ Салтыковъ могъ принимать произведенія авторовъ, завѣдомо безграмотныхъ. При этомъ забывалось, что рукописи эти подвергались иногда полной переработкѣ Салтыковымъ, и что даже знаменитые наши писатели находятся иногда въ большихъ неладахъ съ орѳографіей, лексикологіей и синтаксисомъ.

Но возвращаюсь къ разсказу о моей первой встрѣчѣ съ Салтыковымъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ меня:—этотъ Сенкевичъ извѣстный польскій писатель?

Библиотека "Руниверс"

Я отвѣтилъ ему, что, сколько я знаю, онъ еще молодой человѣкъ, написалъ пока мало и не пользуется большою извѣстностью или симпатіей у поляковъ.

— Странно, странно,—отвѣтилъ Салтыковъ.—Большой онъ талантъ! Поляки, значитъ, какъ и русскіе, не умѣютъ цѣнить своихъ талантовъ.

Я возразилъ Салтыкову, что, насколько я успѣлъ познакомиться съ поляками, они напротивъ превозносятъ сверхъ мѣры своихъ писателей, но что вѣроятно тенденція Сенкевича имъ несимпатична, что онъ слишкомъ рѣзко осуждаетъ интеллигенцію, помѣщиковъ и духовенство.

Салтыковъ расхохотался такъ искренно, что я удивился: этотъ смѣхъ какъ-то странно противорѣчилъ его недавнимъ ругательствамъ и его мрачному виду.

— Да, ловко онъ ихъ отдѣлываетъ,—проговорилъ онъ сквозь смѣхъ:—даже завидно. И нашихъ бы слѣдовало больно постегать, нѣтъ больнѣе. У насъ что мужикъ, что помѣщикъ—порода одна, а въ Польшѣ мужикъ, хотя и соплеменникъ, а все же порода другая—малороссіянинъ, русинъ, что-ли...

Я рѣшился поправить Салтыкова, замѣтивъ, что мѣсто дѣйствія повѣсти Сенкевича не австрійская, а русская Польша.

— Да, да,—прервалъ онъ меня, видимо не понявъ значенія моей поправки—оттого-то я съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю вашу рукопись, что дѣло происходитъ въ нашей Польшѣ.

Не подлежало сомнѣнію, что Салтыковъ сваливаетъ Галицію и русскую Польшу въ одну кучу, что онъ не знаетъ, что въ нашей Польшѣ крестьяне вовсе не малороссы, а такіе же поляки, какъ и помѣщики.

Я конечно промолчалъ, но въ то же время подумалъ: Боже, какъ мы далеки отъ правильнаго рѣшенія разныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, если даже выдающіеся наши писатели такъ мало знакомы съ реальными условіями!

Салтыковъ просилъ меня почаще присылать ему переводы съ польскаго, и на этомъ мы пока разстались,

Я продолжалъ слѣдить внимательно за польской беллетристикой и часто давалъ „Отечественнымъ Запискамъ“ разсказы разныхъ авторовъ. Такъ я познакомилъ впервые русскихъ читателей, кромѣ Сенкевича, съ Оржешко и Гловацкимъ (Прусомъ), имена которыхъ, особенно первыхъ двухъ, сдѣлались въ Россіи популярными. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе журналы стали усердно переводить польскихъ авторовъ, и моя цѣль была достигнута: наше общество стало знакомиться съ реальною польскою жизнью.

Библиотека "Руниверс"

До какой степени Салтыковъ заинтересовался польскою литературою, показываетъ фактъ, что онъ постоянно самъ или черезъ Михайловскаго напоминалъ мнѣ, что я давно уже ничего не давалъ и что пора бы опять что-нибудь прислать. Разъ какъ-то я взялъ авансъ рублей въ 100, и Салтыковъ въ письмѣ мнѣ о немъ напомнилъ. Я тотчасъ же явился къ нему, чтобы расплатиться, но Салтыковъ мнѣ съ досадою сказалъ:

— Не видалъ я что-ли вашихъ денегъ! Мнѣ разсказъ нуженъ.

Оржешко была видимо польщена, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появлялись ея разсказы (я перевелъ „Могучаго Самсона“, „Милорда“, „Сильфиду“ и др.) и обратилась съ благодарственнымъ письмомъ къ Салтыкову. Онъ просилъ меня поскорѣе перевести ему это письмо, чтобы немедленно на него отвѣтить, и видимо былъ очень озабоченъ этимъ вопросомъ. Не знаю, сохранились ли письма Оржешко и отвѣтъ Салтыкова на него. Было бы жаль, если бы они пропали.

Во всякомъ случаѣ Салтыковъ очень внимательно отнесся къ польской литературѣ. Изъ моихъ бесѣдъ съ нимъ я убѣдился, что онъ вполнѣ оцѣнилъ мою мысль и старался ее осуществить, насколько можно было безъ ущерба для другихъ отдѣловъ журнала. Составить себѣ ясное понятіе о симпатіяхъ и намѣреніяхъ Салтыкова было нетрудно, потому что онъ былъ удивительно искренній человѣкъ по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ съ своей стороны признавалъ искренними. Его же отношеніе къ сотрудникамъ было просто образцовое. За первый, доставленный мною разсказъ, я былъ разсчитанъ по 25 р. за листъ. Плата эта по тогдашнему времени была недурная. Но вскорѣ меня въ конторѣ начали разсчитывать по 30 р., а черезъ мѣсяцъ или два вышло распоряженіе Салтыкова, чтобы меня разсчитывали по 35 р. И эти распоряженія послѣдовали proprio motu, безъ тѣни намека съ моей стороны, даже безъ сознаннаго мною желанія, такъ какъ я первоначальной платой былъ доволенъ, дорожа меньше заработкомъ, чѣмъ цѣлью, которой я задался.

Помню, я какъ-то долго не былъ у Салтыкова и зашелъ къ нему передъ самымъ лѣтомъ. Свертываю съ Невскаго на Литейный и вижу, у подъѣзда стоитъ коляска, и въ нее усаживается Салтыковъ, окруженный саками и плэдами, т. е. видимо собираясь въ дальній путь или по меньшей мѣрѣ на дачу. Онъ мнѣ привѣтливо улыбнулся.

— Опоздали, батюшка, опоздали, — привѣтствовалъ онъ меня издали:—только смотрите, присылайте: мнѣ перешлютъ.

И, протягивая мнѣ руку, онъ прибавилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Спасибо, спасибо за все.

Столько было добраго чувства въ этихъ словахъ, что я невольно задумался надъ вопросомъ, за что собственно онъ меня благодаритъ, и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ оглянулся и низко наклонилъ голову въ знакъ прощальнаго привѣта. Я вспомнилъ мою первую встрѣчу съ нимъ, какъ у входа въ квартиру Елисѣева меня ошеломилъ потокъ его ругательствъ, подумалъ, какъ иногда наружность бываетъ обманчива, и спросилъ себя, если онъ меня, бывшаго для „Отечественныхъ Записокъ“ рядовымъ и кратковременнымъ сотрудникомъ, такъ благодаритъ, то каковы его чувства по отношенію къ тѣмъ сотрудникамъ, которые серьезно поработали для этого журнала.

Впрочемъ, онъ, кажется, умѣлъ и сердиться не только на словахъ. Разъ—какъ-то я въ бесѣдѣ съ нимъ упомянулъ о Терпигоревѣ (это было тогда, когда тотъ уже работалъ въ „Новомъ Времени“).

Не успѣлъ я его назвать, какъ Салтыковъ выпалилъ:

— Слушайте, батюшка, я знавалъ въ жизни много негодяевъ и мерзавцевъ, но прохвостовъ только трехъ.

И онъ назвалъ Терпигорева и двухъ другихъ журналистовъ.

Я нисколько не сомнѣвался, что Терпигоревъ не былъ способенъ на поступокъ, который оправдывалъ бы столь сильное выраженіе. Поэтому я отвѣтилъ только улыбкой.

— Вы не вѣрите,—накинулся онъ на меня.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ онъ—прохвостъ.

Я заговорилъ о другомъ, потому что зналъ причину гнѣва Салтыкова: онъ очень горячо рекомендовалъ Терпигорева Стасюлевичу для его „Порядка“, а Терпигоревъ взялъ и перешелъ въ газету, враждебную „Порядку“, въ „Новое Время“. И въ то же время я спросилъ себя тогда, какъ спрашиваю и теперь,—откуда у Салтыкова взялась эта, по меньшей мѣрѣ странная, привычка уснащать свою рѣчь грубыми ругательствами. Какъ извѣстно, ни воспитаніе (лицейское), ни служебная карьера (онъ дослужился до вице-губернатора), ни общество, въ которомъ онъ вращался, не могли развить въ немъ этой привычки. Она остается для меня загадочнымъ фактомъ, который, понятно, не можетъ ни на волосъ уменьшить чувство глубокаго уваженія, которое внушилъ мнѣ Салтыковъ, какъ человѣкъ и какъ редакторъ. Вотъ уже скоро четверть вѣка, какъ его на свѣтѣ нѣтъ; сколько людей я встрѣчалъ съ тѣхъ поръ, а онъ словно живой стоитъ въ моей благодарной памяти, — благодарной за то, что, встрѣчаясь съ нимъ, я проникался увѣренностью, что въ человѣческихъ отношеніяхъ можетъ быть и доброжелательство, и правдивость. Вѣдь ихъ пока такъ мало на свѣтѣ.

Библиотека "Руниверс"

П. А. Гайдебуровъ.

Съ Гайдебуровымъ, извѣстнымъ издателемъ „Недѣли“, я поддерживалъ сношенія преимущественно въ 80-хъ годахъ, когда я сотрудничалъ, хотя и изрѣдка, въ этомъ журналѣ, занимавшемъ особое мѣсто въ либеральной журналистикѣ того времени. Опредѣлить это мѣсто, я думаю, затруднился бы и самъ издатель. Онъ вѣчно чего-то искалъ, по временамъ ему казалось, что онъ нашелъ искомое, но потомъ постоянно оказывалось, что это то да не то. Такъ въ вѣчныхъ поискахъ прошла вся его издательская дѣятельность, и если онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, то только потому, что въ обществѣ существовала потребность въ изданіи, которое стояло бы въ сторонѣ отъ либеральныхъ и консервативныхъ трафаретовъ. Но читатель не зналъ, чѣмъ ихъ замѣнить; Гайдебуровъ тоже этого не зналъ; оба понимали только, что надо нѣчто другое, и на этомъ сходились, поддерживаемые тѣми писателями, которые тоже искали новыхъ путей. Изъ умершихъ писателей этой категоріи назову хотя бы Юзова, Вл. Соловьева, Кигна (Дѣдлова).

Моя литературная дѣятельность была тогда почти безъ остатка поглощена другимъ изданіемъ, такъ что я въ „Недѣлѣ“ могъ участвовать лишь урывками, помѣщая небольшія статьи по финляндскому, польскому или общимъ вопросамъ. Впрочемъ, и одна моя большая вещь была помѣщена въ „Недѣлѣ“, именно моя первая повѣсть „Дѣвичьи Сны“. Вообще я не могъ пожаловаться на недостатокъ вниманія ко мнѣ Гайдебурова, но тѣмъ не менѣе я по указанной причинѣ былъ только случайнымъ гостемъ въ его журналѣ.

Можетъ быть, я и принялъ бы въ немъ болѣе дѣятельное участіе, если бы многое въ самой личности Гайдебурова этому не помѣшало. Проложить общественному сознанію новый путь — дѣло, требующее времени, а Гайдебуровъ ждать не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ. „Недѣля“ даже въ апогеѣ своей славы имѣла сравнительно лишь скромный успѣхъ, а въ началѣ держалась, лишь благодаря осторожности и бережливости ея издателя. Гайдебуровъ не былъ широкой натурой, склонной къ смѣлой предпріимчивости и способной на рискованныя жертвы. Онъ шелъ медленно и осторожно, выжидая частичнаго успѣха. Такіе люди охотно прислушиваются къ тому, что вокругъ нихъ говорятъ, особенно, когда они, какъ Гайдебуровъ, и въ идейномъ отношеніи несостоятельны. Онъ искалъ новаго пути, но дорожилъ старыми силами. Какъ онъ ухаживалъ за писателями, пользовавшимися успѣхомъ, и какъ онъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

дискредитировалъ, когда они не соглашались сотрудничать у него за скромный гонораръ! Зато, если популярный писатель на это соглашался или только подавалъ надежду, что согласится, то могъ разсчитывать на горячую поддержку со стороны „Недѣли“.

Эта погоня за знаменитыми или популярными писателями въ связи съ идейною неустойчивостью и недостаткомъ смѣлой предпріимчивости, эта осторожность, денежная и всякая иная, лишали Гайдебурова способности быть реформаторомъ, и успѣхъ его, повторяю, только доказываетъ, что уже въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка часть русскаго общества чувствовала потребность отрѣшиться отъ установленныхъ консервативнаго и либеральнаго кодексовъ. Потребность эта была вызвана событіемъ 1-го марта, такъ наглядно выяснившимъ, что вѣчныя колебанія между консерватизмомъ и либерализмомъ къ добру не приводятъ.

Въ 1892 г. я прочелъ въ тогдашнемъ „Русскомъ Литературномъ Обществѣ“ докладъ о современной русской беллетристикѣ, въ которомъ доказывалъ, что она гораздо вѣрнѣе критики оцѣниваетъ истинныя потребности, чаянія и надежды русскаго общества. Въ числѣ слушателей моихъ былъ и Гайдебуровъ. Когда я кончилъ, онъ первый сталъ мнѣ возражать. Видимо онъ не соглашался съ моими соображеніями, горячился, не находя вѣскихъ доводовъ, наконецъ, какъ-то безсильно поникъ головой, повторяя: „Вы меня не убѣдили, — новый путь еще не найденъ“. Мнѣ стало жаль бѣднаго Павла Александровича: онъ исповѣдывался въ трагедіи своей жизни.

Тогда онъ впрочемъ былъ уже больной и слабый человѣкъ. Передъ тѣмъ онъ побывалъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, совершилъ восхожденіе на Эйфелеву башню, но когда хотѣлъ тамъ росписаться въ книгѣ для посѣтителей, то вдругъ оказалось, что онъ писать не можетъ: у него въ рукѣ сдѣлалась судорога. „Что должны были подумать обо мнѣ французы? — разсказывалъ онъ шутя: — Русскій редакторъ... писать не умѣетъ“.

Онъ задумалъ побороть надвигавшіеся старческіе недуги входившей тогда въ моду ѣздой на велосипедѣ. Она-то, кажется, и ускорила его смерть.

А. Ѳ. Марксъ.

Разсказываютъ, что когда Марксъ и Гоппе были еще приказчиками въ книжномъ магазинѣ, они, сидя за бутылкой пива, хвастались другъ передъ другомъ. „Я создамъ русскую „Illustrirte Zeitung“,—

Библиотека "Руниверс"

говорилъ Гоппе, Марксъ ему немедленно отвѣтилъ: „А я создамъ русскую „Gartenlaube“.

Не знаю, насколько этотъ разсказъ достовѣренъ (какъ-то не пришлось спросить объ этомъ Адольфа Ѳедоровича, хотя я и работалъ съ нимъ десять лѣтъ), но онъ очень характеренъ. Мало ли похваляются люди за стаканомъ пива или вина, но отъ словъ до дѣла, особенно такого крупнаго дѣла, какъ созданіе „Нивы“—дистанція огромныхъ размѣровъ, а Марксъ эту дистанцію прошелъ такъ побѣдоносно, что „Нива“ все еще процвѣтала, когда ея прототипъ, нѣмецкая „Gartenlaube“ уже захирѣла.

Зачѣмъ однако понадобилось Марксу создать русскую „Gartenlaube“? Было ли это своего рода честолюбіе или жажда наживы? Хотя я познакомился и подружился съ Марксомъ уже на склонѣ его лѣтъ, я думаю, однако, что не ошибусь, сказавъ, что и честолюбія, и подавно любостяжанія въ немъ было очень мало; зато рабочая сила, рабочая энергія у него была поразительная.

Я засталъ его уже 57-лѣтнимъ старикомъ,—и что онъ въ мое время только не продѣлывалъ! Онъ чуть ли не первый былъ въ конторѣ, чуть ли не послѣдній уходилъ изъ нея, проводя въ ней 9, 10, иногда 11 часовъ. Одно дѣло смѣнялось другимъ; разные планы роились у него въ головѣ; полученныя деньги должны были немедленно быть пущены въ оборотъ; такъ, покупались усовершенствованныя машины, воздвигалось центральное зданіе для всѣхъ учрежденій: типографіи, цинкографіи, переплетной и т. д.; перенималось тотчасъ же все новое, полезное; создавалось картографическое заведеніе. И только-что одно дѣло было налажено, немедленно возникалъ новый планъ, иногда разсчитанный на много лѣтъ впередъ. Я въ душѣ недоумѣвалъ, какъ почти 60-лѣтній старикъ можетъ съ любовью, нѣтъ, съ воодушевленіемъ работать надъ задуманнымъ новымъ дѣломъ, которое разовьется, дастъ плоды черезъ много лѣтъ. Когда я присматривался къ его дѣятельности, мнѣ все казалось, что онъ проживетъ еще долго, долго: иначе не могло быть этого спокойствія, этой увѣренности, этой жизнерадостности. Разъ (за два года до смерти) съ нимъ случился обморокъ: шелъ онъ изъ конторы и вдругъ на лѣстницѣ упалъ. На другой день онъ опять такъ же бодро работалъ, повидимому, даже не задумавшись надъ полученнымъ имъ предостереженіемъ.

Этой-то рабочей энергіи онъ и обязанъ всѣмъ, что создалъ, а создалъ онъ большое дѣло,—большое не только въ смыслѣ денежныхъ затратъ и многочисленности издательскихъ учрежденій, но и въ смыслѣ идейномъ, т. е. въ смыслѣ созданія журнала, который нашелъ себѣ доступъ въ такія сферы, гдѣ прежде журналовъ не

Библиотека "Руниверс"

читали, и особенно въ смыслѣ распространенія выдающихся нашихъ писателей въ количествѣ экземпляровъ, о которомъ они и мечтать не могли. Въ рукахъ Маркса тиражи въ тысячу экземпляровъ превращались въ десятки тысячъ, а десятки тысячъ въ сотни тысячъ, и. если принять во вниманіе, что такое распространеніе онъ далъ и Гоголю, и Тургеневу, и Достоевскому, и Ал. Толстому, и Лѣскову и Писемскому, и Гаршину, и Чехову, не говоря о другихъ писателяхъ, которыхъ насчитывается очень много, то придется безъ преувеличенія сказать, что Марксъ передъ лицомъ русской литературы и русскаго просвѣщенія очень заслуженный человѣкъ.

Впрочемъ, я здѣсь не хочу дать характеристики этого замѣчательнаго человѣка. Я хочу только разсказать о моихъ столкновеніяхъ съ нимъ.

Вручаетъ мнѣ, скажемъ, Адольфъ Ѳедоровичъ рукопись извѣстнаго писателя съ просьбою просмотрѣть, ее, если возможно, поскорѣе. А нужно замѣтить, что я рукописей никогда не задерживалъ. Спросишь, почему требуется спѣшка. Да видите ли,—отвѣтитъ Марксъ:—авторъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ по секрету, что дня черезъ три ему надо платить по векселю.

— Значитъ, пригналъ окончаніе литературнаго произведенія какъ разъ къ сроку векселя. Странно!

Или, въ другой разъ онъ мнѣ сообщаетъ, что извѣстная писательница, жена очень богатаго человѣка, сильно нуждается въ деньгахъ, чтобы экипировать своего сына, поступающаго на военную службу, и поэтому предлагаетъ рукопись.

— И вы этой баснѣ вѣрите, Адольфъ Ѳедоровичъ?

— Надо вѣрить,—отвѣтитъ тотъ улыбаясь.

— Но вѣдь такъ вы играете въ руку нахаламъ. Развѣ можно ставить судьбу литературнаго произведенія въ зависимость отъ того, есть ли на меня срочный вексель или нужно ли мнѣ экипировать сына? Какое дѣло „Нивѣ“ до этого?

— Не у всякаго нахала большое имя,—возразитъ спокойно Марксъ.

Вообще дѣло у него стояло на первомъ планѣ. Угодничествомъ, лестью трудно было его подкупить, какъ и нельзя было повліять на него сплетнями. Вы могли ему угождать, сколько силъ хватитъ, но если вы дѣлу не были полезны, онъ старался васъ сплавить. Быть можетъ, въ этой способности отличать людей, умѣющихъ только болтать и угождать, отъ истинныхъ работниковъ и заключался одинъ изъ главныхъ секретовъ достигнутаго имъ успѣха, такъ какъ предпріятіе, руководитель котораго видитъ и чувствуетъ *себя* больше, чѣмъ *дѣло,* всегда рано или поздно прогоритъ.

Марксъ могъ годами поддерживать сношенія съ нравственно не-

Библиотека "Руниверс"

состоятельнымъ человѣкомъ, если тотъ былъ чѣмъ-нибудь полезенъ дѣлу. Это не значило, что онъ близко его подпускалъ къ себѣ, но онъ дѣлалъ видъ, что не чуждается его, былъ съ нимъ любезенъ, и тотъ часто не догадывался, что между нимъ и Марксомъ—пропасть. Я иногда убѣждалъ Маркса, что такъ нельзя: вѣдь дурной человѣкъ при малѣйшей оплошности можетъ подвести.

Марксъ добродушно улыбался.

— „Нива“, ничего себѣ, идетъ,—отвѣчалъ онъ:—а если бы я хотѣлъ имѣть дѣло только съ честными людьми (вы думаете, ихъ много?), то вѣроятно ея давно уже бы не было.

— А все-таки мошенникъ можетъ васъ подвести!—настаивалъ я.

— Не подведетъ, если у меня глаза есть, а если подведетъ,—кто будетъ виноватъ? Онъ? Нѣтъ, я.

Разъ какъ-то (мы были одни) онъ, несмотря на все свое расположеніе отзываться о людяхъ дурно, даже когда они этого вполнѣ заслуживали, не утерпѣлъ и долго честилъ одного очень популярнаго общественнаго дѣятеля, котораго я лично, какъ человѣка, ставилъ также невысоко. Онъ такъ погорячился, и это было ему такъ несвойственно, что я съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ:

— Да что же онъ вамъ собственно сдѣлалъ?

Оказалось, что онъ вторично потребовалъ гонораръ за окончательно проданную и щедро оплаченную вещь.

— Да что это васъ такъ возмущаетъ, Адольфъ Ѳедоровичъ?—спросилъ я.—Развѣ это первый случай въ вашей практикѣ?

— Первый случай?!. Но подумайте, кто это сдѣлалъ? Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ дѣятелей, человѣкъ, передъ которымъ всѣ благоговѣютъ.

— Но, надѣюсь, вы ему вторичнаго гонорара не дадите?

Марксъ на одну секунду задумался.

— Дамъ,—отвѣтилъ онъ, какъ бы извиняясь, и голосъ его какъ-то странно дрогнулъ.—Дамъ, говорю вамъ, дамъ. Ему повѣрятъ, мнѣ не повѣрятъ, и потомъ... онъ можетъ еще для дѣла пригодиться. Но я ему теперь цѣну знаю.

Послѣднія слова отъ произнесъ очень твердо, такъ что для меня стало ясно, что между нимъ, Марксомъ, и всѣми уважаемымъ общественнымъ дѣятелемъ образовалась пропасть, которую ничто уже не наполнитъ. Какъ человѣкъ, этотъ дѣятель пересталъ для него существовать: онъ могъ служить только той или другой фигурой на его шахматной доскѣ.

Такихъ столкновеній у меня было съ Марксомъ не мало, и я сталъ подъ конецъ замѣчать, что, когда ему приходилось потворствовать неумѣреннымъ аппетитамъ сотрудниковъ, онъ отъ меня это скры-

Библиотека "Руниверс"

валъ: онъ изъ деликатности скрывалъ отъ меня продѣлки моихъ товарищей, другихъ писателей, чтобы меня не огорчать.

Разскажу здѣсь еще о моемъ послѣднемъ столкновеніи съ Марксомъ.

Послѣ 33-лѣтней усиленной литературной дѣятельности здоровье мое расшаталось въ 1904 г. настолько, что я при лучшемъ желаніи не могъ продолжать редактировать „Ниву“ и долженъ былъ уѣхать за границу, чтобы подлечиться для другой менѣе утомительной дѣятельности. Для меня было ясно, что къ редакторскому труду я вслѣдствіе сильно расшатаннаго здоровья уже никогда не вернусь. Но Марксъ вѣрилъ въ крѣпость моей натуры и смотрѣлъ на мой отъѣздъ, лишь какъ на болѣе продолжительный отпускъ. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать его трогательную для меня заботливость о томъ, чтобы я время моего отпуска провелъ беззаботно и спокойно. Онъ потребовалъ даже, чтобы я оставилъ ему одному мой адресъ,—не то безпокоить будутъ.

Наконецъ канунъ отъѣзда насталъ. Я долго бесѣдовалъ съ Марксомъ о дѣлахъ. Главное было улажено,—оставались только мелочи. Но я зналъ, что онъ обыкновенно не упускаетъ изъ виду даже малѣйшей подробности, и поэтому былъ удивленъ, что онъ слушаетъ меня какъ-бы разсѣянно. Вдругъ онъ меня на чемъ-то прерываетъ и говоритъ:

— Все это хорошо, Ростиславъ Ивановичъ, но зачѣмъ вы уѣзжаете!

Меня эти слова поразили не потому, что въ нихъ было много добраго чувства ко мнѣ, а потому, что они звучали слишкомъ печально, какъ слова человѣка, для котораго съ моимъ отъѣздомъ было больше связано, чѣмъ могло быть для Маркса. Его печалила очевидно не разлука съ привычнымъ ему редакторомъ, а нѣчто большее, чего я въ данную минуту не понималъ. Къ сожалѣнію, я истолковалъ его печаль слишкомъ эгоистично, сказавъ себѣ: „Однако я не думалъ, что онъ меня такъ любитъ“, простился съ нимъ и уѣхалъ.

Только дней черезъ десять, уже будучи въ Ниццѣ, я узналъ, что въ день моего отъѣзда его, повидимому, еще полнаго силъ томило предчувствіе близкой смерти. Онъ умеръ черезъ день послѣ моего отъѣзда, въ хлопотахъ о доставленіи нашимъ раненымъ въ Манджуріи рождественскихъ подарковъ. Думая о себѣ, а не объ этомъ безконечно-добромъ человѣкѣ, я, уѣзжая въ близкій путь, не могъ дождаться двухъ дней, чтобы провести послѣдніе часы съ нимъ, уѣзжавшимъ въ тотъ далекій путь, откуда возврата нѣтъ.

Р. Сементковскій.

Библиотека "Руниверс"

Памятники 1812 года въ Печерскомъ монастырѣ.

Такими памятниками прежде всего являются соборъ архистратига Михаила, воздвигнутый гр. Витгенштейномъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ въ 1827 г., серебряныя доски-плиты, повѣшенныя на колоннахъ собора: одна „Именной списокъ“ о генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ направо по направленію къ алтарю, другая— количество нижнихъ чиновъ, павшихъ около Полоцка, затѣмъ интересная переписка между Императоромъ Александромъ I, гр. Витгенштейномъ, псковскимъ губернаторомъ и настоятелемъ Печерскаго монастыря, хранящаяся частью въ псковскомъ губернскомъ архивѣ, а въ болѣе значительномъ размѣрѣ въ архивахъ монастыря. Эта интересная историческая переписка остается до сихъ поръ неопубликованной и только часть ея, относящаяся непосредственно къ монастырю, напечатана въ брошюрѣ „Псково-Печерскій монастырь“.

Однако и опубликованіе „Именного списка“ важно не только для историковъ и въ особенности военныхъ, но важно и вообще для широкой публики, такъ какъ многимъ изъ числа потомковъ героевъ славнаго 1812 года пріятно отмѣтить, что имена ихъ предковъ не забыты, но увѣковѣчены. Приводимъ этотъ документъ, списанный съ сохраненіемъ орѳографіи:

„Имянной списокъ о генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ.

1-го отдѣльнаго корпуса, бывшаго подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи графа Витгенштейна убитыхъ въ компанію 1812 года Полковъ драгунскихъ рижскаго капитанъ Евграфъ Ивановъ сынъ Ершовъ подъ Клястицами Іюля 19. Прапорщикъ Феликсъ Тадеушевъ сынъ Валицкій подъ Полоцкомъ Октября 6. Литовскаго порутчикъ Нестеръ Васильевъ сынъ Панферовъ при мызѣ Казьянахъ Октября 4.

Библиотека "Руниверс"

Гродненскаго, что нынѣ Клястицкой: гусарскаго шефъ генералъ маіоръ Яковъ Петровъ сынъ Кульневъ подъ Клястицами Іюля 20, маіоръ Иванъ Ивановъ сынъ Кейпфертъ при пустынкѣ Октября 12-го, ротмистръ Алексѣй Васильевъ сынъ Дьяковъ, штабротмистръ Александръ Севастьяновъ сынъ Зброевскій подъ Полоцкомъ Августа 6, и октября 6 порутчикъ Федоръ Ивановъ сынъ Гротгусъ. Пѣхотныхъ Калугскаго капитанъ Василіи Андреевъ сынъ Горенкинъ Тенгинскаго порутчікъ Андрей Ивановъ сынъ Томара, Могилевскаго порутчики Осипъ Ивановъ сынъ Лобачевскій подъ Клястицами Іюня 20 Павелъ Венедиктовъ сынъ Бутовичъ подъ Полоцкомъ Августа 5 и 6 подпорутчики Августинъ Фадѣевъ сынъ Пуцеловскіи подъ Полоцкомъ Августа 5 прапорщикъ Аливиза Леоновъ сынъ Претигіевскіи 2-й подъ Чашниками Октября 19. Навагинскаго Маіоръ Василій Ивановъ сынъ Фоняевъ Капитанъ Василій Никаноровъ сынъ Стяшкинъ Штабсъ-капитанъ Александръ Астафьевъ сынъ! подъ Полоцкомъ Октября 6 і Августа 6 подпорутчикъ Алексѣй Александровъ сынъ! подъ Клястицами Іюля 20 Пермскаго капитанъ Егоръ Астафьевъ сынъ Тилінъ 1-й и штабсъ-капитанъ Антонъ Осиповъ сынъ Новацкой подъ Полоцкомъ Августа 5 порутчикъ Доримедонъ Захаровъ сынъ Полторацкій 3-й подпорутчикъ Федоръ Федоровъ Колычевъ подъ Полоцкомъ Октября 6. Севскаго маіоръ Иванъ Федоровъ сынъ Михайловъ подъ Борисовымъ Ноября 16 капитанъ Федоръ Федоровъ сынъ Трусовъ, Никита Ивановъ сынъ Харчовъ подпорутчикъ Иванъ Константиновъ сынъ Поливановъ подъ Полоцкомъ Октября 6 и Августа 5 Октября 6 прапорщики Александръ Федоровъ сынъ Мороковъ, Іванъ Фридриховъ сынъ Даннебергъ подъ Борисовымъ Ноября 16. порутчики Алексѣй Петровъ сынъ Леухинъ 3-й Ванифатій Ивановъ сынъ Добровольскій подъ Полоцкомъ Августа 5-го подпорутчики Николай Гавриловъ сынъ Шлингинъ подъ Чашниками Октября 19 Естлянскаго капитанъ Василій Францовъ сынъ фонъ Гальберхъ порутчикъ Гаврила Ефимовъ сынъ Максимовъ прапорщикъ Петръ Ивановъ сынъ Малевинскій подъ Полоцкомъ Августа 6 и 5 Егерскихъ 24-го командиръ подполковникъ Осипъ Григорьевъ сынъ Сомовъ, капитанъ Григорій Моисѣевъ сынъ Никитинъ подъ Клястицами Іюля 20 и 18 Петръ Михѣевъ сынъ Власовъ подъ Полоцкомъ 5 Августа порутчикъ Карлъ Ивановъ сынъ Ганнертъ подъ Клястицами Іюля 18 и 25 Шефъ полковникъ Степанъ Васильевъ сынъ Денисьевъ при Свольнѣ Іюля 30 подпорутчики Родивонъ Петровъ сынъ Дайнамовичъ подъ Клястицами Іюля 18 Максимъ Ивановъ сынъ Адамовичъ подъ Полоцкомъ Октября 6 и 25 порутчикъ Александръ Ивановъ сынъ Петелинъ подъ Клясти-

Библиотека "Руниверс"

цами Іюля 18 Федоръ Михайловъ сынъ Белелюбскій Александръ Семеновъ сынъ Мироновъ подъ Полоцкомъ Августа 6 и Октября 6-го.

Убитыхъ въ сраженіяхъ 1812 г. прапорщикъ Алексѣй Ивановъ сынъ Популовъ подъ Клястицами Іюля 20 Николай Григорьевъ сынъ Емельяновъ Іоганъ Готгардъ сынъ Шварцъ Мухаметъ Рахимъ сынъ Есифулинъ подъ Полоцкомъ Октября 6. 1 Піонернаго порутчикъ Яковъ Лаврентьевъ сынъ Сиверсъ подъ Борисовымъ Ноября 15 Запасныхъ Ескадроновъ Полковъ Кавалергардскаго порутчикъ Сергѣй Петровъ сынъ Васиковъ Лейбъ Гвардіи Конныхъ корнетъ Евграфъ Петровъ сынъ Кусовниковъ Драгунскихъ Московскаго порутчикъ Антонъ Александровъ сынъ Квятковскій подъ Полоцкомъ Августа 6 и Октября 6 Псковскаго что нынѣ Кирасирской прапорщикъ Капитанъ Ивановъ сынъ Денисовъ 2-й подъ Чашниками Октября 19 Запасныхъ Баталіоновъ полковъ Гранодерскихъ Екатеринославскаго прапорщикъ Владиміръ Павловъ Безстужевъ Рюминъ подъ Клястицами Іюля 20-го Таврическаго порутчикъ Иванъ Яковлевъ сынъ! Лейбъ Гранодерскаго, что нынѣ Лейбъ Гвардіи прапорщикъ Сергѣй Ивановъ сынъ Стрѣльниковъ подъ Полоцкомъ Октября 6 Пѣхотныхъ Полоцкаго маіоръ Тихонъ Денисовъ сынъ Медвецкій Псковскаго штабсъ капитанъ Матвѣй Леонтьевъ сынъ Омельченко, подъ Полоцкомъ Октября 6 и Августа 6 Либовскаго что нынѣ принца Карла Прусскаго прапорщикъ Деморъ подъ Полоцкомъ августа 6. По неполученію формуляра о имени и отечествѣ его неизвѣстно. Перновскаго: что нынѣ Гранодерской наслѣднаго принца Крусскаго корнетъ Степанъ Петровъ сынъ Скорняковъ при мѣстечкѣ Диснѣ Октября 4:

„Егерскаго порутчикъ Федоръ Васильевъ сынъ Семинъ Яковъ Петрова сынъ Хомякова подъ Полоцкомъ августа 5 Артиллерійскихъ ротъ батарейныхъ № 5-го прикомандированный къ оной Людзовскаго артиллерійскаго гарнізона подпорутчикъ Искрицкій подъ Чашниками октября 19. По неполученіи формулярнаго списка о имени и отечествѣ его неизвѣстно. № 35 подпорутчикъ Иванъ Савиновъ Вольскій второй октября 6 Легкой № 27 подпорутчикъ Андрей Александровъ сынъ Макшеевъ подъ Клястицами Іюля 20 Сан Петербургскаго ополченія надворный совѣтникъ Карлъ Жофрусі. Титулярный совѣтникъ Василій Семеновскій Н. Гурьевъ, Глинка, порутчикъ Голохвастовъ, подпорутчикъ Феофанъ Ружевскій прапорщикъ Павелъ Ивановъ сынъ Чистяковъ, Захаръ, Вильгельмъ. Ексингъ губернскій секретарь Михаилъ Разиновъ колегскій регистраторъ Филипъ Громинъ, Александръ Рублевъ подъ Полоцкомъ Октября 6 подъ Борисовымъ Ноября 6. О именахъ Глинки и Голохвастова и объ отечествахъ протчихъ чиновниковъ за неполуче-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ объ нихъ формуляровъ неизвѣстно. Сверхъ того умерло отъ ранъ состоявшій при корпусѣ инженеръ капитанъ Александръ Сергѣевъ сынъ Окуневъ подъ Борисовымъ Ноября 12. Полковъ Ямбургскаго, Драгунскаго, что нынѣ Уланской порутчикъ Георгій Христофоровъ сынъ Гернетъ подъ Клястицами Іюля 20 Гродненскаго что нынѣ Клястицкой Гусарскаго корнетъ Станиславъ Ивановъ сынъ Чистяковскій пѣхотныхъ Сѣвскаго порутчикъ Федоръ Федоровъ сынъ Михайловъ прапорщикъ Георгій Фридриховъ сынъ Плохъ 1-й подъ Полоцкомъ августа 6 и Октября 6 Естляндскаго подпоручикъ Титъ Ивановъ сынъ Ивановъ при Свольнѣ Іюля 30 Егерскихъ 23-го шефъ полковникъ Григорій Николаевъ сынъ Фроловъ подъ Полоцкомъ августа 6 подпоручикъ Карлъ Гофнакъ 26 подпорутчикъ Петръ Александровъ сынъ Фустовъ подъ Клястицами Іюля 19.

Сообщилъ Н. Козыревъ.

Библиотека "Руниверс"

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

VI. Женитьба Н. Г. Чернышевскаго [1]).

1. *Васильевы.*

Въ Саратовѣ, на Армянской улицѣ, въ домѣ, который до 1900-хъ годовъ принадлежалъ Ростовцевымъ (теперь принадлежитъ архіерейскому дому), жило семейство доктора удѣльной конторы, Сократа Евгеньевича Васильева, болѣе извѣстнаго въ городѣ подъ именемъ Сократа.

У Васильевыхъ было три сына и три дочери [2]).

Отецъ семейства имѣлъ нерусскій типъ лица и очень походилъ на негра: у С. Е. были курчавые и жесткіе волосы, черные глаза съ особымъ блескомъ, который пронизываетъ и жжетъ васъ; волосы были постоянно всклокочены. Малороссъ по происхожденію, воспитанникъ Харьковскаго университета, онъ постоянно слѣдилъ за наукой.

Сократъ Евгеньевичъ считался лучшимъ саратовскимъ докторомъ-діагностомъ и пользовался въ обществѣ большимъ уваженіемъ. Его слава, какъ врача, возросла съ тѣхъ поръ, какъ онъ вылечилъ вице-губернатора Александровскаго, страдавшаго какой-то болѣзнью, считавшейся неизлѣчимой. Особенно же извѣстности Васильева помогло леченіе извѣстнаго министра Перовскаго, путешествовавшаго по Россіи и заболѣвшаго въ Саратовѣ. Саратовцы гордились Васильевымъ. „Онъ спасъ Перовскаго“, говорили они.

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

[2]) Въ др. мѣстѣ у Ф. В. Духовникова: 4 сына и 4 дочери.

Библиотека "Руниверс"

Человѣкъ очень серьезный, Сократъ Евгеньевичъ любилъ своихъ дѣтей и, занятый массой дѣлъ, все-таки находилъ время, чтобы обратить вниманіе на ихъ воспитаніе.

Одинъ изъ его родственниковъ, взяточникъ и ханжа, постоянно произносившій вслухъ молитвы и изреченія изъ библіи, считалъ его чуть не дуракомъ.—„Какое богатое у тебя мѣсто“, говорилъ онъ, „а ты не хочешь заполучить деньгу на старость себѣ и дѣтямъ; богачемъ могъ бы быть“.

— „За то не подлецомъ“, искренно отвѣчалъ С. Е., и такъ поступалъ въ жизни. Однажды пришлось ему лечить милліонера, обѣщавшаго, въ случаѣ удачнаго исхода, дать за леченіе половину своего состоянія; по выздоровленіи же, милліонеръ ограничился 100 рублями, но Сократъ Евгеньевичъ не былъ корыстолюбивъ, и дѣло не разгорѣлось. Вообще, онъ не умѣлъ наживать деньги.

С. Е. отличался большими странностями. Всегда торопливый и быстрый въ движеніяхъ, даже когда въ этой быстротѣ не было никакой надобности, онъ невольно заставлялъ говорить о себѣ. Его забывчивость и разсѣянность часто ставили Сократа Евгеньевича въ комическія положенія. Посѣтивши всѣхъ своихъ паціентовъ, онъ пріѣзжаетъ домой; не успѣетъ еще войти въ дверь, какъ сбрасываетъ съ себя старую поношенную одежду и, не дойдя еще до кабинета, остается въ такомъ костюмѣ, при которомъ остается только надѣть халатъ (на Васильевѣ не было уже ни жилета, ни галстука). Халатъ былъ засаленный и запачканный. Будучи очень хорошимъ докторомъ, С. Е. почти никогда не мылъ ни лица, ни рукъ; въ его кабинетѣ были постоянный безпорядокъ и грязь. Усаживается С. Е. въ кресло, закуриваетъ сигару и, наслаждаясь куреньемъ, постоянно плюетъ въ потолокъ. У своихъ паціентовъ нашъ докторъ также часто курилъ и пилъ портеръ (даже когда его дочь, А. С., выходила замужъ за Малиновскаго, С. Е. тоже сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, куря сигары, и, по обыкновенію, плевалъ въ потолокъ, а мать невѣсты сидѣла у себя въ комнатѣ).

Сократъ Евгеньевичъ былъ острякъ, хотя самъ въ разговоръ вступалъ рѣдко. Любилъ онъ, когда дѣти повторяютъ его же остроты, каковы бы онѣ ни были, даже и сальныя; за это давалъ имъ подарки: лакомства и деньги. С. Е. былъ человѣкъ непомѣрной доброты.

— „Ну, что, на Пасху будешь веселиться?“ обращается онъ разъ къ знакомой женщинѣ.

— „Не до веселья, баринъ: всю обокрали меня“.

Онъ далъ ей десять рублей.

Со многихъ чиновниковъ онъ не бралъ даже за визиты. Разска-

Библиотека "Руниверс"

зываютъ, что одна и та же болѣзнь обходилась различно больнымъ, смотря по тому, у Васильева ли, или у другихъ докторовъ шло леченье. Онъ не имѣлъ сдѣлокъ съ аптеками, подобно другимъ докторамъ. Сравнивая леченье одной и той же болѣзни разныхъ докторовъ, приходили къ тому выводу, что леченье у Васильева обходилось разъ въ десять дешевле другихъ докторовъ. Самъ онъ жилъ безъ всякаго разсчета и тратилъ деньги совершенно безцѣльно.

Его жена, Анна Кирилловна, была побочная дочь генерала Козачковскаго, героя 1812 г., женщина — образованная, воспитанная, кажется, въ институтѣ, почему и знала французскій и нѣмецкій языки и хорошо рисовала. Говорятъ, что, вышедши замужъ за Васильева, по волѣ отца, она высказывала неудовольствіе по этому поводу на своего родителя, помѣшавшаго ей составить болѣе блестящую партію. По пріѣздѣ Васильевыхъ въ Саратовъ, она нѣкоторое время показывалась въ обществѣ, но затѣмъ повела затворническую жизнь, никуда не выѣзжала и ни до чего не касалась. Болѣе всего она боялась, какъ бы не согрѣшить.

Анна Кирилловна почти постоянно сидѣла одна въ своей комнатѣ, оттуда давала и всѣ распоряженія по хозяйству, тамъ же принимала и гостей. Только иногда, въ жаркую погоду, она выходила въ садъ. Прислуга и дѣти заботились объ ея здоровьѣ и удобствахъ. Въ сильный жаръ (лѣтомъ въ Саратовѣ бываетъ до 40 градусовъ тепла) они ставили въ саду столъ съ кресломъ; отъ комнаты и до стола стлался коверъ. А. К., надѣвъ теплый капотъ и шубу, въ сопровожденіи дѣтей и прислуги, выходила въ садъ и садилась за столъ, уставленный гофманскими каплями и иными снадобьями. Иногда она, не просидѣвъ въ саду и пяти минутъ, кричала: „Ведите меня отсюда,—здѣсь сквозной вѣтеръ!“ И ее опять уводили въ комнату.

Ея заботы о дѣтяхъ ограничивались выговорами и внушеніями. По праздникамъ, по приказанію матери, дѣти поочередно читали для нея акаѳисты. Она, говоря вообще, относилась къ нимъ строго,— но зато отецъ много баловалъ. Онъ снисходилъ къ дѣтскимъ слабостямъ и предоставлялъ имъ во всемъ полную свободу. Поэтому, дѣти росли почти безъ надзора. Ихъ называли дѣтьми природы.

Если мать дѣлала имъ замѣчанія, Сократъ Евгеньевичъ говорилъ: „Мамаша, вы стараго воспитанія, поэтому, вамъ кажется многое не такъ!“ Когда мать выходила къ обѣду изъ своей комнаты (что иногда случалось), то не садилась за столъ; при ней дѣти вели себя смирно. Обычно же обѣды отличались большой безпорядочностью; въ это время шелъ невообразимый гвалтъ, шумъ, крикъ. Самъ С. Е. разливалъ и раздавалъ кушанья дѣтямъ. Какъ

Библиотека "Руниверс"

малороссъ, онъ особенно любилъ вареники, которые всегда были первымъ блюдомъ за обѣдомъ Васильевыхъ. Когда ихъ подадутъ, дѣти кричатъ: „Мнѣ! мнѣ, папаша!“ Сначала онъ раздаетъ спокойно, а потомъ начинаетъ просто бросать галушки на тарелки, попадаетъ на столъ... Смѣхъ, хохотъ!..

Вотъ, какъ описываетъ свои впечатлѣнія, при входѣ къ Васильевымъ, одна ихъ знакомая.

Мать „пожелала видѣть меня, чтобы отблагодарить за то, что дѣти ея у меня бывали часто. Я отправилась. Дѣти приняли меня и доложили ей о моемъ приходѣ. Черезъ нѣсколько времени отворяется одна дверь, ведущая изъ залы въ гостиную, затѣмъ— другая и наконецъ, третья, ведущая въ спальню. Это—за тѣмъ, чтобы уравнять воздухъ во всѣхъ комнатахъ, хотя комнаты были натоплены хорошо. Прошло еще четверть часа, и меня ввели къ ней на аудіенцію, которая происходила въ гостиной. Мать, Анна Кирилловна, сидѣла въ креслахъ. На ней надѣтъ былъ ваточный капотъ, шуба и салопъ; на головѣ былъ теплый платокъ, а на ногахъ—оленьи сапоги. Она встрѣтила меня очень привѣтливо. „Извините, что я просила васъ къ себѣ,—я никуда не выѣзжаю изъ дома, и потому просила васъ, чтобы отблагодарить васъ за тѣ удовольствія, которыя находятъ мои дѣти въ вашемъ домѣ“.

Затѣмъ она стала вести очень оживленный и умный разговоръ, изъ котораго я заключила объ ея недюжинномъ умѣ. Во время разговора она сначала сняла салопъ, потомъ—шубу, затѣмъ ваточный капотъ, и, наконецъ, теплый платокъ. Такъ она продѣлывала съ одеждой не только въ этотъ разъ и при мнѣ, но и всегда и кто бы ни приходилъ къ ней; говорятъ, что у ней была болѣзнь“,

Старшая дочь и первенецъ—Ольга Сократовна—пользовалась особенной любовью отца. У матери были свои любимцы: Анна, Ростиславъ, Бенедиктъ.

Когда Васильевъ служилъ еще въ Камышинѣ, Ольгу Сократовну отдали учиться въ Лѣсной Карамышъ, къ пастору Конради, у котораго было нѣчто въ родѣ пансіона. Здѣсь, въ числѣ учительницъ, была и его дочь, впослѣдствіи занявшая должность начальницы саратовскаго Маріинскаго института. Хотя, по тогдашнему времени, дѣтей воспитывали въ пансіонѣ хорошо, однако, Ольгѣ Сократовнѣ, привыкшей къ домашней свободной независимости, пансіонская жизнь не нравилась; здѣсь она чуть было не произвела цѣлой революціи въ изумленію и ужасу пастора. Конради написалъ письмо къ ея отцу и матери, чтобы О. С. взяли отъ него, при чемъ, невольно высказалъ въ письмѣ много такого, что бросало тѣнь на самый пансіонъ.

Библиотека "Руниверс"

Сократъ Евгеньевичъ взялъ ее, а вмѣстѣ съ нею взяты были и другія дѣти.

Ольга Сократовна повела дома веселую и беззаботную жизнь. Окруженная постоянно мальчиками, товарищами ея младшихъ братьевъ, она держала себя мальчикомъ: бѣгала съ товарищами своихъ братьевъ, лазила по деревьямъ, по крышамъ, перелѣзала черезъ заборы; жмурки, кувырканье, бѣготня, смѣнялись поочередно. Однимъ словомъ, ее прельщали игры мальчиковъ, а не дѣвочекъ. Мальчики хорошо понимали Ольгу Сократовну. Хотя въ своихъ выраженіяхъ они и не стѣснялись при ней, но вели себя вполнѣ прилично. Точно также и она не стѣснялась мальчиковъ: бойкая и развязная, она брала перевѣсъ надъ ними и своей удалью, и своей находчивостью, а главное—своимъ бойкимъ языкомъ. За цвѣтъ лица и ухарство ее прозвали цыганенкомъ. Впрочемъ, она не оставалась въ долгу передъ товарищами и платила имъ такими же прозвищами. Привыкнувъ еще въ дѣтствѣ быть въ обществѣ мальчиковъ, О. С., и выросши и ставши невѣстой, постоянно находилась въ мужскомъ обществѣ; нисколько не стѣснялась она мужчинами, не оставляя и своихъ прежнихъ привычекъ. Такъ держала себя она и всегда. „Я была бѣдовая дѣвочка“, говорила она потомъ. Дѣйствительно, она была необыкновенно мила, кокетлива, игрива, забавна, весела, жива и бойка, за что нѣкоторые прозвали ее гусаромъ въ юбкѣ, кошечкой.

Этими качествами она затмевала другихъ тогдашнихъ саратовскихъ красавицъ: Е. Р. Терменъ, К. М. Патрикѣеву; Ольга Сократовна привлекала къ себѣ массу поклонниковъ и вздыхателей, которые постоянно сопровождали ее и соперничали другъ передъ другомъ. Въ обращеніи съ ними она не стѣснялась тѣми свѣтскими приличіями, которыя господствовали тогда въ обществѣ. Въ то время, когда считалось неприличнымъ для барышни выходить изъ дома одной, безъ сопровожденія старшихъ, Ольга Сократовна то и дѣло нарушала эти приличія: она ходила по городу въ сопровожденіи молодежи не только днемъ, но даже и по вечерамъ. Это большое число поклонниковъ и возбуждало недовольство тѣхъ маменекъ, дочери которыхъ нуждались въ женихахъ, отсюда масса сплетенъ про О. С. Маменьки всячески ее злословили и находили въ ней одни недостатки.

Наконецъ, Ольга Сократовна была изъ такихъ барышенъ, которыя всѣмъ говорили въ глаза правду, иногда даже нелестную и колющую; нѣкоторые говорили про нее: „Она и безъ бритвы голову обрѣетъ“.

Шалости ея выходили изъ ряду обыкновенныхъ. Разъ пришелъ

Библиотека "Руниверс"

къ Васильевымъ Д. А. Калмыковъ (впослѣдствіи—сенаторъ), большой любитель музыки,—послушать игру ихъ дѣтей, а Ольга Сократовна въ это время пошла въ его квартиру, сдѣлала изъ подушки куклу и накрыла ее одѣяломъ.

Когда Сократу Евгеньевичу говорили о проказахъ его дѣтей,—онъ замѣчалъ: „я самъ такой былъ въ дѣтствѣ".

Тетка водила О. С. въ церковь.

---

2. *Знакомство.*

Николаю Гавриловичу было 24 года [1]). Бывая у своихъ родственниковъ, Чесноковыхъ и Акимовыхъ, а также и на гуляньяхъ, онъ часто встрѣчалъ *смуглянку*, какъ многіе называли Ольгу Сократовну, но не обращалъ на нее никакого вниманія: Н. Г. вообще не считалъ нужнымъ говорить съ дѣвицами, какъ пустыми и неумѣющими говорить о чемъ-либо, кромѣ нарядовъ, танцевъ и т. п. Поэтому, чуждаясь женщинъ, онъ и не зналъ ихъ.

Однажды, совершенно случайно, на гуляньи, Н. Г. услышалъ разговоръ О. С. съ однимъ молодымъ человѣкомъ, и самъ заговорилъ съ нею. Оказалось, что говорить она можетъ о многихъ предметахъ, не относящихся ни къ баламъ, ни къ танцамъ. Скоро случай свелъ ихъ для болѣе продолжительнаго разговора. Далекій родственникъ Чернышевскихъ, брандмейстеръ Акимовъ, выдавалъ свою дочь замужъ и пригласилъ Чернышевскихъ на свадьбу. Занятый постоянно дѣлами, Гавріилъ Ивановичъ и болѣзненная Евгенія Егоровна не хотѣли принимать участія въ свадебномъ пиру, но Н. Г. никакъ не могъ отговориться.

Встрѣчаясь тамъ много разъ съ О. С., познакомившись и поговоривъ съ нею, онъ увидѣлъ, что Васильева—барышня очень дѣльная: ее и сравнить нельзя съ другими барышнями. Такъ Ольга Сократовна завладѣла сердцемъ Н. Г. Онъ составилъ о ней представленіе, какъ о дѣвушкѣ, выходящей изъ ряда другихъ и своимъ умомъ, и отступленіями отъ многихъ стѣснительныхъ, но общепринятыхъ обычаевъ. Любовь, говорятъ, слѣпа, и Н. Г. не замѣчалъ никакихъ недостатковъ О. С. Стали замѣчать, что Чернышевскій началъ часто говорить о необходимости любви для человѣка.

„Человѣкъ, не облагороженный любовью", говорилъ онъ, „хуже всякой скотины. Онъ только прозябаетъ, онъ не живетъ полною жизнію, и чувства у него загрубѣли".

---

[1]) У Духовникова—ошибочно указано: 25 лѣтъ. См. метрику.

Библиотека "Руниверс"

Стихотворенія, которыя онъ любилъ всегда читать вполголоса, теперь выбирались для чтенія главнымъ образомъ изъ Кольцова. Съ тѣхъ поръ онъ часто сталъ посѣщать домъ Васильевыхъ, гдѣ было постоянное веселье.

Въ то время, когда молодежь веселилась до упаду, танцуя, или играя въ жмурки, фанты, веревочку и т. п., Николай Гавриловичъ сидѣлъ одинъ въ сторонѣ и молча, за что кавалеры его не долюбливали. Иногда Ольга Сократовна подойдетъ къ нему, и скажетъ: „Что, курынъ, носъ повѣсилъ?“ А то во время игры въ жмурки влѣзетъ съ завязанными глазами на колѣни къ нему и сидитъ.

Романъ Н. Г. развивался все болѣе и болѣе. Дѣло шло къ рѣшительному концу. Надъ этимъ концомъ, видимое дѣло, Николай Гавриловичъ долго думалъ. Въ моемъ распоряженіи есть свѣдѣнія, сохраненныя однимъ изъ пріятелей Чернышевскаго и подробно говорящія о женитьбѣ Николая Гавриловича.

„Приходитъ разъ ко мнѣ Н. Г.“, говоритъ этотъ пріятель, „сѣлъ и молчитъ. Закурилъ папироску—потомъ—другую, третью, и все молчитъ.

Я спрашиваю, что съ нимъ?—Не отвѣчаетъ и только все куритъ. Видно, его что-то сильно безпокоитъ. Я говорю съ нимъ, но отвѣта по-прежнему нѣтъ.

— „Одѣвайся“, наконецъ, говоритъ онъ мнѣ, „пойдемъ ко мнѣ“. Приходимъ къ нему въ мезонинъ; опять Н. Г. молча выкуриваетъ одну за другой нѣсколько папиросъ. Наконецъ, проговорилъ, что хочетъ жениться на Ольгѣ Сократовнѣ и желаетъ слышать мое мнѣніе объ этомъ. Я чистосердечно высказалъ ему, что хотя у О. С. и много поклонниковъ,—въ томъ числѣ и я,—жениться на ней ни въ какомъ случаѣ я бы не сталъ, при чемъ указалъ ему много причинъ и замѣтилъ о различіи ихъ характеровъ.

— „Противоположности лучше сходятся“, проговорилъ онъ мнѣ на это. „Я ѣду теперь въ С.-Петербургъ: мнѣ нужна жена, чтобы останавливала меня, а то я увлекаюсь разными теоріями. Съ ней же, какъ женщиной умной, могу посовѣтоваться, и она можетъ настоять, чтобы я не увлекался... Только одну умную дѣвушку я и встрѣтилъ. Такая жена, какъ Ольга Сократовна, спасетъ меня отъ многихъ бѣдъ и остановитъ отъ увлеченій“.

О своемъ намѣреніи жениться Н. Г. передалъ своимъ родителямъ. Тѣ, оказалось, тоже давно уже рѣшили женить сына и даже намѣтили ему невѣсту.

Въ Саратовѣ въ то время жилъ предсѣдатель гражданской палаты, Кобылинъ, у котораго дочь была невѣста. Кобылины, зная Николая Гавриловича, дававшаго уроки ихъ сыну, же-

Библиотека "Руниверс"

лали видѣть Н. Г. своимъ зятемъ и даже заискивали у Чернышевскихъ: мать Кобылиныхъ бывала у Евгеньи Егоровны даже тогда, когда послѣдняя перестала отплачивать ей визиты, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе. Чернышевскіе очень хотѣли женить Н. Г. на дочери Кобылиныхъ, которая, по ихъ мнѣнію, была во всѣхъ отношеніяхъ хорошая невѣста: и скромна, и красива, и съ хорошимъ приданымъ. Но Николаю Гавриловичу не нравилась эта „оранжерейная“ барышня,—онъ и слышать не хотѣлъ о женитьбѣ не ней.

Сынъ поразилъ родителей своимъ выборомъ. Ольга Сократовна рѣшительно не подходитъ къ сыну, думали родители: она—дочь лекаря, у котораго было много дѣтей и никакого состоянія; къ тому же и въ обществѣ она пользовалась репутаціей, какъ дѣвица бойкая, рѣзкая и отступающая отъ многихъ правилъ и обычаевъ тогдашней общественной жизни.

Между тѣмъ, Николай Гавриловичъ уже вышелъ изъ гимназіи и намѣревался ѣхать въ Петербургъ, для чего нужны были средства, а ихъ у Чернышевскаго не могло хватить на семейную жизнь, особенно съ такой свѣтской дѣвушкой, какой была Ольга Сократовна. Отецъ же Н. Г., жившій исключительно на небольшіе церковные доходы, не могъ содержать его въ Петербургѣ.

— „Я не запрещаю тебѣ жениться“, говорилъ сыну Гавріилъ Ивановичъ, „но нужно обдумать, чѣмъ жить, нужно содержать жену, а потомъ пойдутъ дѣти“.

Но всѣ доводы, которые приводили родители Н. Г., чтобы отклонить его отъ женитьбы на О. С., не привели ни къ чему. Н. Г. просилъ отца дать денегъ только на дорогу, а въ Петербургѣ онъ заработаетъ; относительно же Ольги Сократовны онъ рѣшительно сказалъ, что если онъ не женится на ней, то уже и никогда не женится. Тогда родители, противъ своего желанія, дали согласіе на женитьбу сына.

Объясненіе Н. Г—ча съ О. С. было очень просто. Сдѣлавъ предложеніе (1853), онъ безапелляціонно проговорилъ: „Мнѣ нужна такая жена, какъ вы, а вамъ нуженъ такой мужъ, какъ я“. Ольга Сократовна ничего не могла возразить на это и согласилась на предложеніе, при чемъ взяла съ Н. Г. слово, что онъ выучится танцамъ. Николай Гавриловичъ свое слово исполнилъ. Какъ извѣстно, онъ выдѣлялся изъ среды молодежи тѣмъ, что не умѣлъ танцовать; впослѣдствіи ему пришлось изучить эту премудрость. Вотъ разсказъ на эту тему одной изъ знакомыхъ Чернышевскихъ.

Въ 1852 г. у меня умеръ сынъ Никаноръ. Его товарищи-гимназисты часто меня посѣщали и утѣшали, при чемъ высказывали со-

Библиотека "Руниверс"

жалѣніе, что, со смертію Никанора, у насъ прекратились танцовальные вечера, и потому имъ не у кого учиться танцовать (въ Саратовѣ тогда не было ни одного учителя танцевъ). Слушала я постоянно эти жалобы, и мнѣ стало ихъ жаль: вижу, гимназистамъ очень хочется выучиться танцамъ. „Хорошо“, говорю, „я выучу васъ танцовать“. Не вѣрятъ: „Какъ же такъ? Вѣдь, вы постоянно въ слезахъ по сынѣ“! Отвѣчаю имъ: „Я сказала, и сдѣлаю; вѣдь, я буду учить, а не веселиться. Вы—друзья моего милаго Никанора; на васъ я буду смотрѣть и учить васъ все равно, что Никанора“. Начались уроки. Услыхали и другіе объ этомъ, — стала я и ихъ учить, приходилъ и Николай Гавриловичъ. Я слышала, что Ольга Сократовна только въ томъ случаѣ выйдетъ за него замужъ, если онъ выучится танцовать. Хотя и неохотно, Н. Г. выучился танцовать всѣ танцы.

Я не брала никакой платы со своихъ учениковъ, но они дарили мнѣ что-нибудь на именины. Разъ вечеромъ, въ концѣ именинъ, пріѣхала Евгенія Егоровна поздравить меня со днемъ ангела. Свое позднее появленіе она объясняла тѣмъ, что ей обременительно быть при гостяхъ. Послѣ ея ухода, въ комнатѣ, подъ стуломъ, на которомъ сидѣла она, увидѣли кусокъ глясе. Вечеромъ же былъ и Н. Г., подарившій серебряную табакерку подъ чернью, съ надписью, изъ которой видно, что подарокъ—отъ него самого. Впослѣдствіи, когда онъ уѣзжалъ изъ Саратова, то подарилъ мнѣ цѣлый сундукъ книгъ, такъ какъ книги были мнѣ не нужны, то я и подарила ихъ въ Саратовскую семинарію; однѣ изъ нихъ были (бо́льшая часть) изданіями классиковъ, другія духовнаго содержанія, многія—на латинскомъ языкѣ. Отъ архіерея была мнѣ благодарность за пожертвованіе“.

Мать невѣсты, Анна Кирилловна, потребовала отъ жениха, чтобы тотъ написалъ ей, какъ онъ будетъ обращаться съ женой и какъ поведетъ семейную жизнь. Только тогда лишь, когда Николай Гавриловичъ письменно изложилъ свои взгляды на семейную жизнь, довольная написаннымъ, А. К. согласилась выдать за него свою дочь. Любящей матери, понятное дѣло, хотѣлось узнать, насколько уменъ будущій мужъ ея дочери.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

И. А. Гончаровъ разсказывалъ, что 4 апрѣля 1866 г. вечеромъ онъ пошелъ, по обыкновенію, прогуляться, въ тотъ разъ по Дворцовой набережной; кое-гдѣ дома были иллюминованы, по тогдашнему обычаю, выставкою плошекъ вдоль внѣшней линіи троттуаровъ и свѣчей на окнахъ нѣкоторыхъ квартиръ. На набережной было болѣе обычнаго народа, который иногда принимался кричать „ура“. Все это вызвало въ И. А. мысли о томъ, что очевидно празднуется день тезоименитства или рожденія кого-нибудь изъ Великихъ Князей, и что пора бы прекратить выраженіе по такимъ поводамъ радости разстановкою плошекъ, которыя своимъ чадомъ портятъ воздухъ, а главное подвергаютъ риску платье пѣшеходовъ. Съ такими мыслями И. А. возвратился домой и легъ спать. На слѣдующее утро его лакей—вѣроятно одинъ изъ описанныхъ въ разсказѣ „Наши слуги“,—войдя въ спальню, чтобы взять платье и сапоги для чистки, вмѣсто обычной ходьбы на цыпочкахъ вошелъ нѣсколько шумливою походкою, подвинулъ съ нѣкоторымъ шумомъ стулъ, на которомъ лежало платье. Это было совсѣмъ не обычно, и потому И. А. спросилъ слугу, почему онъ топчется и шумитъ. На это слуга отвѣтилъ вопросомъ: А вы баринъ къ обѣднѣ не пойдете?—Почему ты это спрашиваешь, вѣдь сегодня не воскресенье и не праздникъ. Слуга возразилъ: „потому нынче всѣ господа въ церковь идутъ, вчера въ Государя стрѣляли, но Онъ живъ и здоровъ, вотъ и въ газетахъ прописано“. Съ послѣдними словами слуга подалъ И. А. газеты, въ которыхъ онъ прочелъ извѣстія о происшедшемъ наканунѣ и тогда понялъ, что видѣнная имъ иллюминація и порывы народнаго восторга имѣли особую причину.

Р. Р. Р.

Библиотека "Руниверс"

Попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ Львовичъ Апухтинъ.

(Изъ воспоминаній педагога).

Александръ Львовичъ Апухтинъ назначенъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа въ 1879 году, послѣ смерти попечителя Витте. Въ годъ назначенія попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Апухтина происходили безпорядки и бунты почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Когда министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на избраніе кандидата на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, Императоръ Александръ II спросилъ его: „Въ какихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не было безпорядковъ?“ Министръ отвѣтилъ: „Въ Московскомъ межевомъ институтѣ“. На вопросъ Государя, кто состоитъ директоромъ Московскаго межевого института, министръ отвѣтилъ: „Апухтинъ, Ваше Императорское Величество“. Государь соизволилъ назначить Апухтина попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа. Такъ состоялось назначеніе на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа Александра Львовича Апухтина.

Александръ Львовичъ Апухтинъ въ своей дѣятельсти обнаруживалъ замѣчательный государственный умъ, обширный умственный кругозоръ, твердую непреклонную волю въ осуществленіи предначертаній, связанныхъ съ пользою и нуждами государства, и глубокій русскій патріотизмъ и преданность престолу и отечеству.

Въ своей многоплодной дѣятельности А. Л. Апухтинъ всегда обнаруживалъ драгоцѣнныя качества своей души: на высокомъ ад-

Библиотека "Руниверс"

министративномъ посту онъ являлся не только государственнымъ дѣятелемъ, но и гуманнымъ человѣкомъ, ратовавшимъ за благо и славу Россіи, за честь русскаго имени; онъ всегда отзывчиво относился къ интересамъ и нуждамъ русскаго человѣка, особенно къ такимъ, которыя вызывались нравственно-религіозными и національными потребностями русскаго человѣка и былъ чутокъ къ нуждамъ и горю своихъ подчиненныхъ. Гдѣ возникали подобныя потребности, онъ охотно несъ свою помощь, оказывалъ содѣйствіе активно и авторитетомъ своей власти и своего положенія.

Такую помощь оказывалъ онъ Радомскому православному обществу въ самую тяжелую и безвыходную для него пору. Когда въ концѣ 1887 года единственная въ Радомѣ приходская соборная церковь, вслѣдствіе обнаружившихся трещинъ и ветхости, была закрыта, православное общество г. Радома очутилось въ удручающемъ положеніи. Оторванное условіями службы отъ всего, что дорого сердцу русскаго человѣка на родинѣ, оно лишилось единственнаго утѣшенія, когда русскій человѣкъ чувствуетъ себя вполнѣ русскимъ и православнымъ,—утѣшенія молиться въ храмѣ и слушать величественныя пѣснопѣнія на славянскомъ языкѣ. Когда, за отсутствіемъ въ Радомѣ сколько-нибудь подходящаго помѣщенія для устройства временной церкви, назначенная по распоряженію радомскаго губернатора Майлевскаго комиссія, къ которой принадлежалъ и директоръ гимназіи, остановилась на мысли просить военное вѣдомство уступить часть казармы, находящейся за городомъ, въ мѣстности крайне неудобной, для устройства временной церкви, директоромъ было доложено объ этомъ Апухтину и высказана просьба православнаго русскаго общества ходатайствовать предъ его превосходительствомъ о разрѣшеніи устроить временную церковь въ актовой залѣ Радомской мужской гимназіи. Александръ Львовичъ Апухтинъ съ чувствомъ добраго христіанина, съ отзывчивостію истинно-русскаго человѣка, охотно далъ на это свое согласіе. При этомъ А. Л. Апухтинъ сказалъ директору гимназіи слѣдующія достопамятныя слова: „Временной церкви и не подобаетъ быть въ другомъ мѣстѣ, какъ только у Васъ въ гимназіи, въ нынѣшней актовой залѣ, гдѣ былъ уже христіанскій храмъ. Передайте губернатору и радомскому православному обществу, что я охотно принимаю къ сердцу положеніе православныхъ людей въ Радомѣ и разрѣшаю устроить церковь въ зданіи гимназіи, а Вамъ поручаю принять мѣры къ скорому устройству церкви и безпрепятственному отправленію богослуженія во внѣучебные часы“. Директоръ гимназіи спросилъ, какъ поступить съ помѣщающейся въ актовой залѣ фундаментальною библіотекою, закрыть ли стеклянные

Библиотека "Руниверс"

шкафы занавѣсками или перенести библіотеку въ нижній этажъ, при чемъ высказано было мнѣніе о затруднительности перемѣщенія десятиаршинныхъ шкафовъ, которые складывались на мѣстѣ. На эти слова директора гимназіи Александръ Львовичъ энергично отвѣтилъ: „Рубите шкафы, устройте катки для спуска шкафовъ въ нижній этажъ, но въ храмѣ не мѣсто библіотечнымъ шкафамъ. Если нужны будутъ средства для переноса библіотеки и приспособленія актовой залы подъ церковь, войдите съ ходатайствомъ объ ассигнованіи потребной суммы изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи". Временная церковь пробыла въ зданіи гимназіи 13 лѣтъ и, по созданіи новаго собора, была обращена въ гимназическую церковь. Оказанная Радомскому православному обществу Апухтинымъ услуга была весьма велика.

Апухтина многіе называли суровымъ, даже жестокимъ, относившимся къ людямъ безпощадно и приносившимъ часто человѣка въ жертву идеѣ, но это поверхностное мнѣніе ошибочно: подъ суровою наружностію, его нависшими бровями и часто хмурымъ лицомъ таилось гуманное, доброе и отзывчивое сердце. Онъ никого не сдѣлалъ несчастнымъ безъ крайней государственнаго характера необходимости, никого не оставилъ безъ куска хлѣба. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приведу примѣръ изъ практики Радомской гимназіи. Былъ въ гимназіи учитель польскаго языка, Л., не соотвѣтствовавшій своему назначенію и даже компрометтировавшій заведеніе. По временамъ онъ выпивалъ. Одно время начали замѣчать, что все то, что дѣлалось и говорилось въ засѣданіи педагогическаго совѣта гимназіи, на другой день съ мельчайшими подробностями было извѣстно всему городу. Долго недоумѣвали объ освѣдомленности горожанъ въ педагогическихъ дѣлахъ. Наконецъ, обнаружилось, что послѣ засѣданія педагогическаго совѣта Л. отправлялся въ одинъ изъ ресторановъ и за рюмкою вина передавалъ благопріятелямъ мельчайшія подробности всего, что происходило въ педагогическомъ совѣтѣ. Несмотря на дѣлаемыя директоромъ гимназіи Л. увѣщанія и предостереженія, онъ аккуратно и систематически продолжалъ роль ресторанаго репортера о дѣлахъ гимназіи, и чѣмъ серьезнѣе были дѣла и касались большаго числа заинтересованныхъ лицъ, тѣмъ болѣе повѣствованія Л. подслащались венгерскимъ и другими питьями, и выпивки эти настолько бывали чувствительны для Л., что послѣ засѣданія педагогическаго совѣта онъ почти всегда не приходилъ въ гимназію. Приходилось доложить дѣло о Л. Александру Львовичу Апухтину и просить о переводѣ Л. изъ Радома. Выслушавъ докладъ, попечитель спросилъ директора: „Что онъ семейный человѣкъ и, пожалуй, есть дѣти?"

Библиотека "Руниверс"

Когда директоръ доложилъ, что Л. семейный человѣкъ и имѣетъ четверыхъ дѣтей, Апухтинъ рѣшительно отвѣтилъ: „Я не выброшу на улицу семейнаго человѣка; терпите. Скажите Л., что я даю ему годъ времени на пріисканіе другой службы". Черезъ годъ Л. ушелъ. Доказательствомъ того, что Александръ Львовичъ щадилъ людей, служитъ одиссея нѣкоторыхъ учителей, перебывавшихъ во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ округа, которые, несмотря на такія принудительныя странствованія, были щадимы на службѣ до выслуги пенсіи.

Александръ Львовичъ любилъ дѣтей, участливо относился къ нимъ, понималъ дѣтскую натуру. Въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Радомскую гимназію, какъ-то директоръ сходилъ съ Александромъ Львовичемъ по гимназической лѣстницѣ; въ нижнемъ этажѣ передъ ними пара мальчугановъ рѣзвилась и шалила; увидя попечителя и директора, ученики раскланялись и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали свою возню. Нужно замѣтить, что если рѣзвость малолѣтнихъ учениковъ не носила рѣзкаго и небезопаснаго характера, директоръ не противился, если дѣти рѣзвились и въ его присутствіи, по этому-то мальчуганы и въ присутствіи попечителя не измѣнили своей тактики, справедливо разсуждая, что для нихъ ближайшее начальство важнѣе дальнѣйшаго, хотя бы оно было и болѣе высокаго сана. На вопросъ попечителя: „Чьи такія дѣти?", директоръ отвѣтилъ и прибавилъ, что хорошія дѣти, только очень рѣзвыя. На это попечитель директору отвѣтилъ съ чувствомъ: „Велика бѣда, если ребенокъ порѣзвится; когда же и порѣзвиться, если не въ дѣтскомъ возрастѣ: не намъ съ Вами рѣзвиться въ наши годы". Александръ Львовичъ Апухтинъ очень цѣнилъ въ ученикахъ примѣрное поведеніе, особенно при рѣшеніи вопроса о переводахъ и при присужденіи аттестата зрѣлости и не разъ говорилъ директорамъ гимназій: „Если, какъ Вы, государь мой, говорите, ученикъ отличнаго поведенія, почему же не сдѣлать такому ученику снисхожденія; если онъ въ аористѣ и не силенъ, то можетъ пополнить свои познанія впослѣдствіи, а можетъ быть знаніе аориста ему и не пригодится въ жизни; если изъ него выйдетъ хорошій человѣкъ и полезный гражданинъ, то это важно, и такому ученику всегда можно оказать снисхожденіе, особенно если онъ былъ прилеженъ". Александръ Львовичъ не любилъ, чтобы ученики были обременяемы занятіями чрезмѣрно; онъ требовалъ отъ учащихся труда посильнаго и равномѣрнаго; всегда заботился, чтобы учащіеся во время каникулъ могли надлежащимъ образомъ отдохнуть, а потому неоднократно, особенно если августъ мѣсяцъ былъ жаркій, частнымъ письмомъ директорамъ

Библиотека "Руниверс"

гимназій, черезъ посредство правителя канцеляріи округа, сообщалъ о неимѣніи съ его стороны препятствій къ началу уроковъ въ гимназіяхъ около 25 августа, вмѣсто 16 числа.

Попечитель Апухтинъ умѣлъ правильно взглянуть и на проступки учениковъ и на сопровождавшія ихъ обстоятельства. Когда обнаружено было пріобрѣтеніе учениками гимназіи темъ испытаній зрѣлости, то, наложивъ на учащихся, согласно винѣ каждаго, строгое наказаніе, Александръ Львовичъ просилъ, однако, директоровъ гимназій не уменьшать на аттестатѣ зрѣлости ученикамъ отмѣтки по поведенію, потому что, какъ онъ выразился: „очень ужъ былъ силенъ соблазнъ для учениковъ пріобрѣсть темы и трудно было не соблазниться“, и предложилъ директорамъ внушить провинившимся учащимся, чтобы они „во всю свою жизнь жили не ложью, а правдою“.

Но въ вопросахъ принципіальныхъ, общегосударственнаго характера Александръ Львовичъ не допускалъ никакихъ послабленій и компромиссовъ, не дѣлалъ никакихъ уступокъ и былъ непреклоненъ. Имъ руководили въ этихъ дѣлахъ только высшіе принципы права, справедливости и государственныхъ интересовъ. Въ этихъ случаяхъ онъ стремился непоколебимо къ достиженію намѣченной цѣли, къ преодолѣнію всѣхъ препятствій, иногда, казалось, непреодолимыхъ. Стремленіе въ такихъ случаяхъ къ достиженію интересовъ государственныхъ, высшая правда въ лицѣ Государя и милость Монарха доставляли ему побѣду. Вотъ фактъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ его службы въ Привислинскомъ краѣ. Въ журналѣ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, отъ 13 января 1881 года, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада варшавскаго генералъ-губернатора за 1880 годъ, говорится, что генералъ-адъютантъ Альбединскій, останавливая вниманіе, между прочимъ, и на томъ, „что преподаваніе, безъ законодательныхъ постановленій, производится на русскомъ языкѣ, полагаетъ, чтобы предоставить гминнымъ и сельскимъ сходамъ избирать учителей для своихъ училищъ, получившихъ образованіе въ учительскихъ семинаріяхъ; во-вторыхъ, предоставить священникамъ исключительное право занимать мѣста законоучителей начальныхъ школъ, и, наконецъ, польскій языкъ долженъ быть обязательнымъ предметомъ обученія въ народной школѣ Царства“. Предоставленіе гминнымъ сходамъ права избирать учителей для своихъ школъ вырывало начальную школу изъ рукъ правительства, несмотря ни на какой контроль, Апухтинъ видѣлъ, какая опасность угрожаетъ общественной школѣ Привислинскаго края, и сумѣлъ предовратить эту опасность.

Еще разительнѣе былъ слѣдующій фактъ. Когда между гене-

Библиотека "Руниверс"

ралъ-губернаторомъ Гурко и попечителемъ Апухтинымъ возникли служебныя тренія, и Гурко, помимо Апухтина, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе о предоставленіи ксендзамъ права быть попечителями мѣстной школы, и таковое Высочайшее повелѣніе было сообщено Апухтину къ исполненію, Александръ Львовичъ своимъ государственнымъ умомъ понялъ, какое направленіе приметъ начальная школа, если въ ней будетъ господствовать ксендзъ, и въ какую жалкую роль будетъ поставленъ назначаемый правительствомъ народный учитель,—безправный и находящійся всецѣло въ рукахъ ксендза. Получивши указъ, Александръ Львовичъ былъ въ великомъ горѣ, но не палъ духомъ: не такой онъ былъ человѣкъ. Предварительно приведенія въ исполненіе Высочайшаго указа, Апухтинъ, чрезъ министра народнаго просвѣщенія, исходатайствовалъ Высочайшую аудіенцію, отправился въ Петербургъ, представился Государю и доложилъ Его Величеству, какая опасность будетъ грозить начальной школѣ и спокойствію края, если судьба школы и направленіе въ ней педагогической дѣятельности будетъ находиться въ рукахъ ксендза. Чуткій русскою душою къ интересамъ государственнымъ, Императоръ Александръ III понялъ изъ доклада попечителя Апухтина, какая опасность грозила начальной школѣ при отдачѣ ея подъ контроль ксендза, и, чтобы ослабить дѣйствіе обнародованнаго уже указа, былъ изданъ дополнительный законъ, въ силу котораго назначеніе ксендза попечителемъ начальной школы могло послѣдовать не иначе, какъ съ согласія попечителя Варшавскаго учебнаго округа. Этимъ было ослаблено господство ксендза въ школѣ и въ попечители школы не могли пройти ксендзы, явно враждебные правительству и проникнутые антигосударственными и сепаративными тенденціями.

Апухтинъ не стѣснялся говорить правду и самому Государю. Когда въ одну изъ аудіенцій, Государь, видимо, недовольный и разстроенный волненіями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обратился къ Апухтину со словами: „у васъ и въ Ново-Александріи бунтуютъ“, вмѣсто прямого отвѣта Апухтинъ началъ докладъ Государю слѣдующими словами: „Ваше Величество! Первый бунтъ былъ такого-то числа въ такомъ-то учебномъ заведеніи; такого-то числа тамъ-то, при чемъ Апухтинъ перечислилъ послѣдовательно всѣ учебныя заведенія и время происходившихъ въ нихъ бунтовъ и затѣмъ доложилъ, что бунтъ въ Варшавскомъ университетѣ произошелъ послѣ того, когда произошли бунты во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и когда пріѣхали въ Варшаву изъ Имперіи агенты, а бунтъ въ Ново-Александрійскомъ институтѣ произошелъ уже послѣ бунта въ Варшавскомъ университетѣ, послѣднимъ, при

Библиотека "Руниверс"

этомъ относительно Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства Апухтинъ доложилъ, что тамъ студенты бунтуютъ прямо отъ нечего дѣлать, такъ какъ, вслѣдствіе отказа министра народнаго просвѣщенія въ средствахъ, институтъ не имѣетъ надлежаще оборудованныхъ кабинетовъ и лабораторій, и студенты, помимо лекцій, остаются совершенно безъ занятій. Государь милостиво согласился съ доводомъ Апухтина и повелѣлъ ассигновать необходимыя средства на оборудованіе Ново-Александрійскаго института учебными пособіями.

Вообще Императоръ Александръ III цѣнилъ дѣятельность Апухтина. Вотъ дословная копія изъ письма, въ которомъ Александръ Львовичъ описываетъ женѣ свою аудіенцію у Государя въ январѣ 1890 года: „у Государя я пробылъ около 15 минутъ. Его Величество изволилъ меня разспрашивать про университетъ, гимназію, про техническое образованіе, про недавно Имъ утвержденные планы французскаго и нѣмецкаго языковъ при первой женской гимназіи, и когда я доложилъ Ему, что графъ Иванъ Давыдовичъ приказалъ ихъ устроить по образцу класса учительницъ при Николаевскомъ институтѣ, Государь, сказалъ: „Это очень хорошо“. Затѣмъ Государь улыбнулся и сказалъ: „Вы хотите перейти въ Человѣколюбивое общество?“ Я отвѣтилъ, что уже отказался отъ новаго мѣста и остаюсь на своемъ прежнемъ. На это Государь изволилъ мнѣ сказать: „Я очень радъ, что вы остаетесь. На ваше мѣсто очень трудно найти человѣка, а если бы и найти, то во всякомъ случаѣ новый человѣкъ будетъ нѣчто въ родѣ лотереи; Богъ его знаетъ, каковъ бы онъ былъ, васъ Я знаю. Кромѣ того, новому человѣку въ Варшавѣ все будетъ ново, а вамъ, Я думаю, извѣстенъ въ округѣ всякій уголокъ“. За тѣмъ Его Величество отпустилъ меня и, удостоивши меня крѣпкаго рукопожатія, изволилъ сказать еще разъ: „Очень радъ, что вы остаетесь“. Когда я разсказалъ, прибавляетъ въ письмѣ Александръ Львовичъ, графу Ивану Давыдовичу мое представленіе Государю слово въ слово, то онъ выразился такъ: „Прекрасно, Александръ Львовичъ! Эти слова Государя выше всякой награды; это своего рода Андрей Первозванный“.

Главная заслуга Александра Львовича Апухтина, какъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, та, что онъ съ неутомимою энергіею и непреклонною желѣзною волею стремился поставить и поставилъ русскій языкъ въ школѣ, какъ языкъ государственный, и русскій языкъ сталъ языкомъ государственнымъ не по буквѣ только закона, но чрезъ надлежаще организованную школу проведенъ и въ самую жизнь. Эта заслуга Александра Львовича отмѣ-

Библиотека "Руниверс"

чена и въ Высочайшемъ рескриптѣ, при увольненіи его въ отставку, съ назначеніемъ сенаторомъ, данномъ на его имя Государемъ Императоромъ Николаемъ II. „Я почитаю, говорится въ рескриптѣ, отнестись съ полною признательностію къ достойному, свыше полувѣковому, служенію Вашему на военномъ и гражданскомъ поприщѣ и особенно къ семнадцатилѣтней дѣятельности Вашей на трудномъ и отвѣтственномъ посту въ Варшавѣ, куда, по волѣ дѣда моего Императора Александра II, Вы были призваны для высшаго руководства воспитаніемъ юношества въ Царствѣ Польскомъ.

„Ревностнымъ и неуклоннымъ стремленіемъ къ упроченію знанія русскаго языка въ многочисленныхъ школахъ края и всегдашнимъ стараніемъ поддержать единеніе его съ Имперіей Вы снискали себѣ довѣріе въ Бозѣ почившаго родителя Моего, Который, несмотря на Вашу просьбу о перемѣнѣ дѣятельности, призналъ необходимымъ продолженіе вашего служенія въ Варшавскомъ округѣ. Желаю, чтобы и преемники Ваши по должности твердо и неуклонно охраняли начала, кои положены Вами въ основу воспитанія польскаго юношества".

Служба при Апухтинѣ была не легка, но за то пріятна и плодотворна. Каждый бодро шелъ своею дорогою и дѣлалъ свое дѣло, ибо зналъ, въ чемъ оно состояло, и что отъ его дѣятельности требовалось; не было шатаній и компромиссовъ, было впереди только одно ясно опредѣленное дѣло. Это придавало каждому служащему бодрость въ дѣятельности и увѣренность, что въ лицѣ попечителя каждый найдетъ надлежащую оцѣнку своей дѣятельности и твердую защиту, поэтому учебныя заведенія въ лицѣ своихъ начальниковъ и русскаго персонала, а иногда и польскаго, умѣли цѣнить своего попечителя и выражали ему чувства своего расположенія и уваженія. Многія учебныя заведенія, въ свою очередь, пользовались такимъ же вниманіемъ и покровительствомъ Апухтина. Радомская гимназія, въ которой авторъ настоящихъ воспоминаній объ А. Л. Апухтинѣ состоялъ продолжительное время на службѣ, принадлежала къ числу учебныхъ заведеній, которыя умѣли цѣнить высокія заслуги своего попечителя и пользовались его покровительствомъ и расположеніемъ.

При попечителѣ Апухтинѣ въ Радомской мужской гимназіи устроенъ великолѣпный актовый и гимнастическій залъ, устроена въ старой актовой залѣ временная соборная Свято-Николаевская церковь, обращенная, съ возведеніемъ новаго собора, въ гимназическую церковь; устроенъ обширный, помѣщавшійся въ 46 комнатахъ, прекрасно обставленный, съ электрическимъ освѣщеніемъ, отдѣльными зданіями для больницъ, фруктовымъ садомъ, площад-

Библиотека "Руниверс"

ками для игръ и проч. интернатъ для учащихся на 120 душъ; за наемъ одного помѣщенія подъ интернатъ гимназія платила въ годъ, изъ суммъ пансіона, 4.500 рублей; помѣщенія гимназіи отремонтированы и расширены посредствомъ перестроекъ въ старыхъ флигеляхъ; устроено во всемъ зданіи электрическое освѣщеніе, а въ классахъ и залахъ электрическая вентиляція; устроена чайная для учащихся и столовая для завтраковъ учениковъ общежитія въ гимназіи; при гимназіи устроена метеорологическая станція, причисленная Главною физическою обсерваторіей въ С.-Петербургѣ къ станціямъ третьяго разряда; бюллетени метеорологическихъ наблюденій печатались при „Отчетахъ“ гимназіи и сообщались Главной обсерваторіи; открыта также Ссудо-сберегательная касса для служащихъ въ Радомской мужской гимназіи. Все сдѣлано при участливомъ отношеніи и покровительствѣ попечителя округа Апухтина, и гимназія, какъ упомянуто выше, умѣла цѣнить своего попечителя.

Въ день празднованія Александромъ Львовичемъ Апухтинымъ 50-лѣтія его государственной дѣятельности, ему отъ гимназіи былъ поднесенъ, въ великолѣпной папкѣ, адресъ слѣдующаго содержанія: „Педагогическій Совѣтъ Радомской мужской гимназіи почтительнѣйше привѣтствуетъ Ваше Превосходительство, своего досточтимаго начальника, твердаго и многоопытнаго руководителя въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества въ духѣ вѣрноподданнѣйшей преданности Царю и Россіи, съ полувѣковымъ юбилеемъ неутомимыхъ самоотверженныхъ трудовъ достославнаго служенія Вашего Престолу и Отечеству и въ этотъ знаменательный въ Вашей жизни день, отъ полноты признательныхъ сердецъ, выражаетъ самое искреннее и глубокозадушевное желаніе Вамъ долгой и счастливой жизни и дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія и для блага Россіи, которой дорога жизнь того, кому Державная воля ввѣрила на многотрудномъ посту попечителя Варшавскаго учебнаго округа осуществленіе своихъ мудрыхъ и благодѣтельныхъ предначертаній. Да хранитъ Васъ Богъ на многія лѣта“. Согласно опредѣленію Педагогическаго Совѣта на средства служащихъ Радомской мужской гимназіи сооруженъ для актовой залы гимназіи поясной портретъ А. Л. Апухтина въ богатой рамѣ, исполненный учителемъ рисованія И. А. Пинко. При выходѣ Александра Львовича Апухтина въ отставку ему отъ Радомской гимназіи были поднесены: адресъ, альбомъ видовъ Радомской гимназіи, а также „Отчеты“ и другія печатныя изданія гимназіи.

Вышедши въ отставку, Александръ Львовичъ Апухтинъ не переставалъ интересоваться дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ, поддержи-

Библиотека "Руниверс"

валъ доброжелательныя отношенія со многими изъ прежнихъ своихъ сослуживцевъ и весьма дорожилъ оказываемымъ ему вниманіемъ и памятью о прежней совмѣстной службѣ съ нимъ.

Вотъ какимъ задушевнымъ письмомъ отвѣтилъ онъ директору Радомской гимназіи, отъ 29 ноября 1898 года на посланную имъ Александру Львовичу телеграмму въ день его ангела. „Вы не повѣрите, какъ мнѣ было пріятно получить Вашу телеграмму и, слѣдовательно, знать, что съ перерывомъ служебныхъ отношеній не порвалась у меня связь съ дорогими моими прежними сослуживцами. Благодарю за это Бога. Значитъ, кромѣ службы, было у насъ съ Вами нѣчто человѣческое. Значитъ, что и служба наша совмѣстная была Вамъ по душѣ, мы съ Вами были одного направленія. Молю Бога, чтобы это направленіе, несмотря ни на что, удержалось бы".

Всякій успѣхъ учебнаго дѣла въ Варшавскомъ округѣ сердечно радовалъ Александра Львовича, ибо служилъ доказательствомъ того, что округъ оставленъ имъ не въ расшатанномъ состояніи. Вотъ какимъ доброжелательнымъ письмомъ, отъ 17 іюня 1897 года, отвѣтилъ директору Радомской гимназіи Александръ Львовичъ на письмо послѣдняго къ нему, въ которомъ онъ описывалъ Апухтину посѣщеніе Радомской гимназіи его преемникомъ попечителемъ В. Н. Лигинымъ и варшавскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Имеретинскимъ и извѣщалъ его о высказанномъ княземъ удовольствіи по поводу состоянія гимназіи. „Не знаю, какъ и благодарить Васъ, писалъ Александръ Львовичъ директору, за Ваше обстоятельное письмо отъ 11 іюня с. г. о посѣщеніи Вашей гимназіи генералъ-губернаторомъ и попечителемъ. Вездѣ, гдѣ они были, все найдено хорошо, а въ Вашей гимназіи, какъ видно, все найдено и прекраснымъ. За Васъ я этому радуюсь и особенно доволенъ тѣмъ, что Валеріанъ Николаевичъ, въ бытность мою на Троицу въ Варшавѣ, при свиданіи со мною, очень мнѣ Васъ хвалилъ, подтвердивъ тѣмъ мой отзывъ о Васъ. Для себя въ такомъ мнѣніи о Васъ и о Вашей гимназіи, какъ попечителя, такъ и князя, я нахожу то нравственное удовлетвореніе, что округъ далеко не таковъ, какимъ оклеветали его предъ княземъ, и директоры въ немъ не взяточники и не притѣснители дѣтей польскаго происхожденія, а почтенные и честные люди, умѣющіе воспитывать этихъ дѣтей въ преданности русскому Государю, и не ихъ вина, если университетъ и Варшава изъ гимназистовъ дѣлаютъ студентовъ повстанцевъ. Думаю, что, если князь честный человѣкъ, то о томъ, какъ онъ находитъ учебныя заведенія Варшавскаго округа, онъ засвидѣтельствуетъ предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія".

Библиотека "Руниверс"

Александръ Львовичъ очень скорбѣлъ, что, съ уходомъ его, все, что сдѣлано было въ Царствѣ Польскомъ съ такимъ трудомъ въ дѣлѣ присвоенія русскому языку значенія языка государственнаго, при новыхъ вѣяніяхъ будетъ разрушено. Эту мысль онъ высказалъ Государю Императору во время прощальной аудіенціи. Его Величество ободрилъ Апухтина, что „все, сдѣланное имъ, останется попрежнему“. На это Апухтинъ сказалъ: „Если, Ваше Императорское Величество, изъ зданія вынимать по бревну, то самое крѣпкое зданіе наконецъ рухнетъ“. Предчувствіе Александра Львовича оправдалось еще до начала революціи, когда только праздновали наступленіе „весны“.

Но заслуги Александра Львовича Апухтина останутся для Россіи незабвенны навсегда. Дѣятельность его для Россіи имѣетъ историческое значеніе, а по своему твердому характеру, непреклонной волѣ и непоколебимой настойчивости въ стремленіяхъ къ осуществленію общегосударственныхъ принциповъ, по преданности Престолу и Отечеству Александръ Львовичъ Апухтинъ достоинъ занять мѣсто на-ряду съ выдающимися государственными мужами и дѣятелями земли русской.

В. Смородиновъ.

Библиотека "Руниверс"

По поводу 4 апрѣля 1866 г.

По полученіи въ Государственномъ Совѣтѣ [1]) извѣстія о счастливомъ миновании опасности для Государя и Россіи, находившіеся на лицо члены Государственнаго Совѣта, а также служащіе въ Государственной Канцеляріи, чуть ли даже не курьеры и сторожа, отправились въ Дворцовую церковь, пославъ предварительно за дежурнымъ священникомъ, котораго просили отслужить благодарственный молебенъ. Черезъ залы дворца прошла довольно многочисленная группа лицъ, кто въ мундирахъ, кто въ вицъ-мундирахъ, а кое-кто и въ неформенномъ платьѣ. Когда эта разношерстная группа проходила мимо внутренняго караула, онъ отдавалъ честь Андреевскимъ кавалерамъ гр. В. Н. Панину и князю П. П. Гагарину. По выходѣ изъ церкви члены Государственнаго Совѣта хотѣли принести поздравленіе Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, но оказалось, что она въ то время почивала. Возвратившись въ свое помѣщеніе, члены Государственнаго Совѣта составили постановленіе о своихъ чувствахъ вѣрноподданнической радости. Въ слѣдующій понедѣльникъ, день общаго собранія Государственнаго Совѣта, былъ очень многолюденъ; разговоры, понятно, шли о только что пережитыхъ тревогѣ и радости; подписывалось участвовавшими въ постановленіи 4 апрѣля заготовленное бѣловое его воспроизведеніе. При этомъ произошло небольшое недоразумѣніе: генералъ-адъютантъ Веригинъ, не бывшій 4 апрѣля на молебствіи и не участвовавшій въ состоявшемся послѣ того постановленіи, пожелалъ, какъ и другіе члены Государственнаго Совѣта, прочесть означенное постановленіе и когда его прочелъ, высказалъ, что оно очень хорошо и хотѣлъ его подписать. На замѣчаніе кого-то изъ старшихъ чиновъ канцеляріи, что подписываютъ, по общему правилу, только лица, участвовавшія въ данномъ постановленіи, Веригинъ возразилъ, что онъ вполнѣ сочувствуетъ постановленію и какъ членъ Государственнаго Совѣта въ правѣ его подписать. Съ трудомъ убѣдили почтеннаго генерала, что въ его вѣрноподданническихъ чувствахъ никто не сомнѣвается, но что подписывать постановленіе, въ которомъ онъ не участвовалъ, ему не слѣдуетъ.

Р. Р. Р.

[1]) Помѣщавшемся тогда въ Зимнемъ Дворцѣ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XX.

Самосская Кліо вѣроятно обладала чудеснымъ свойствомъ удалять отъ себя политику на весьма приличное разстояніе, такъ какъ вокругъ ея миніатюрной фигурки немедленно создалась другая атмосфера, ничего общаго не имѣвшая съ проектами раздѣла турецкаго имущества.

Но чтобы сценка, которая сейчасъ будетъ иллюстрирована, не вызвала сомнѣнія у читателя, я добавляю сюда для характеристики эллинской женщины еще нѣсколько словъ, отвѣчающихъ правдѣ и дѣйствительности. По уровню умственнаго развитія, міровоззрѣніямъ и привычкамъ жизни она ушла совсѣмъ не далеко отъ мусульманки. Разница между ними лишь та, что гречанка ходитъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ, не кутается въ безобразное фередже, имѣетъ право разговаривать съ мужчиной у себя въ домѣ или у знакомыхъ; но внѣ стѣнъ жилища свобода ея также ограничена нравами Востока. За исключеніемъ пріѣзжихъ иностранцевъ даже европейцы соблюдаютъ обычай, требующій раздѣленія половъ на улицахъ и вездѣ въ публичныхъ мѣстахъ, благодаря чему влюбленныя парочки лишаются такимъ образомъ удовольствія „нечаянныхъ“ встрѣчъ и прогулокъ вдвоемъ.

Таковы условія быта въ жизни гречанки. Что же касается ея образовательнаго ценза въ общемъ значеніи этого понятія, то здѣсь

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

она еще ближе къ своей турецкой сестрѣ, а потому неудивительно, что хіосскія островитянки не имѣли никакого представленія объ историческомъ эпизодѣ съ Поликратомъ Самосскимъ.

Итакъ, я возвращаюсь опять къ разсказу.

— Ахъ, какой интересный и необычайный случай!—задыхаясь отъ волненія, говорили дамы, окружавшія княгиню:—а что, если бы выписать изъ Марселя хорошаго водолаза и поручить ему обшарить берега Самоса?...

Но свѣтлѣйшая клялась, что Поликратъ всего только одинъ разъ бросилъ кольцо въ море, да и то получилъ его обратно.

— Нѣтъ! нѣтъ, кирія Кліо, фактъ этотъ едва-ли доказанъ, и по всѣмъ даннымъ вы ошибаетесь,—убѣжденно возражали ей, уже не стѣсняясь границами фантазіи:—кто съ достовѣрностью скажетъ намъ, что онъ не набросалъ туда много и другихъ вещей?..

— Вѣроятно господинъ Поликратъ очень любилъ рыбъ и потому кормилъ ихъ брильянтами — счастливыя!.. прибавила хорошенькая Катина Ралли съ личикомъ куклы, по выраженію котораго легко было опредѣлить степень ея ума.

— Ну, конечно,—подхватили остальныя:—отъ сумасброда и не то станется! Однако, не всѣ же рыбы глотали кольца и попадали на обѣдъ: что-нибудь да осталось на днѣ? Непремѣнно и прежде всего надо пригласить водолаза...

— Tiens! mesdames, въ чемъ дѣло? водолазъ! sapristi, обойдемся безъ него—для васъ въ огонь и воду; бѣгу, ныряю, наполняю карманы драгоцѣнностями и украшаю ими ваши нѣжные, сладкіе какъ рахатъ-лукумъ пальчики, vingt dieux!

Залпъ хохота былъ отвѣтомъ всегда неистощимому въ остротахъ Хіосскому Донъ-Жуану.

— Ай, какая хитрая штучка эта Кліо!—шептались за ея спиной:—откуда ей извѣстно, что Поликратъ не каждый день забавлялся такимъ образомъ, просто боится, чтобы намъ не достались его сокровища!

Катина права: вѣроятно онъ, дѣйствительно, кормилъ своихъ рыбъ драгоцѣнными камнями, а иначе зачѣмъ писали бы о томъ въ книгахъ—она же сама увѣряетъ, что читала...

Насталъ конецъ банкету. Самосскіе повелители собрались въ путь, и отдано было распоряженіе причалить ближе къ набережной ихъ собственную яхту.

— Душечка!—позвалъ князь супругу:—надѣюсь, ты уже пригласила mademoiselle Eugénie погостить у насъ? Не все же только Хіосу любоваться вами,—дѣлая жестъ въ мою сторону, продолжалъ

Библиотека "Руниверс"

онъ:—позвольте также и Самосу хотя взглянуть на прекрасный цвѣтокъ далекаго сѣвера...

— Который, тѣмъ не менѣе, великолѣпно цвѣтетъ и подъ нашимъ горячимъ небомъ!—улыбаясь, перебилъ консулъ.

— Браво! браво! сказано хорошо—одобряю!—похвалилъ Карава, а чувствительная жена Мильтіади прижала меня къ своему сердцу и горестно вздохнула.

— Oh, ma belle russe,—залепетала самосская Кліо:—жду васъ къ себѣ на-дняхъ и пришлю за вами яхту. Вы пріѣдете ко мнѣ въ національномъ костюмѣ—не правда ли? Я сниму съ него фасончикъ и пущу въ моду—это будетъ восхитительно! Въ одномъ изъ французскихъ журналовъ я прочла недавно преинтересное описаніе Россіи—какіе тамъ страшные медвѣди, а какъ холодно!—поежилась она, точно и въ самомъ дѣлѣ прикоснулась ко льду.

Затѣмъ всѣ стали расходиться по домамъ, а мы съ дядей отправились также съ компаніей, провожавшей княжескую чету до набережной, чтобы оттуда переѣхать въ лодкѣ къ нашему агентству.

Душный, яркій день угасалъ въ розовыхъ лучахъ вечерней зари: огненный шаръ солнца уже погружался за вершины мало азіатскаго кряжа, а у подножія его ложились туманныя вуали.

Шуршали волны, бросаясь на песокъ и оставляя на немъ красивые разноцвѣтные fruti del mare. На всемъ протяженіи береговой полосы еще раздавался шумъ праздника въ честь Мурада V, побѣдившаго „Московскаго орла, залетѣвшаго не въ свои хоромы“ [1])—такъ озаглавлено было самое популярное тогда стихотвореніе на греческомъ языкѣ, и его распѣвали вездѣ на улицахъ.

Отважные, пылкіе сыны Эллады, размахивая флагами въ побѣдоносномъ азартѣ, безпечно, какъ птицы, носились по всему водному пространству между островами и материкомъ въ легкокрылыхъ, парусныхъ шлюпкахъ. Толпа гулявшихъ отвѣчала имъ ружейными залпами, криками vivat, а бродячіе оркестры итальянцевъ играли нѣжныя серенады, лаская воздухъ звуками гитаръ и мандолинъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани у цитадели, качался на якоряхъ довольно мизернаго вида деревянный пароходикъ съ надписью огромными золотыми буквами по кормѣ: „Prince de Samos“.

Это и была княжеская яхта. На сходняхъ трапа, опущеннаго къ водѣ, стояли при полномъ вооруженіи, даже съ примкнутыми штыками къ ружьямъ два тѣлохранителя изъ конвоя его свѣтлости.

---

[1]) Въ подлинникѣ: „въ чужой конакъ“.

Библиотека "Руниверс"

За исключеніемъ красныхъ фесокъ, обмундированіе ихъ ни въ чемъ не соотвѣтствовало общепринятой формѣ для оттоманскихъ солдатъ, напоминая собой что-то опереточное.

— Какіе нелѣпые мундиры на Самосскихъ гвардейцахъ и какъ эти фалдочки, бантики, воротнички не гармонируютъ съ турецкими фесками,—сказала я нашему спутнику, синьору Паскуа.

— Автономія и собственная армія!—разсмѣялся онъ:—тѣмъ болѣе, что по части фасоновъ прекрасная Кліо спеціалистъ!...

— Но, однако, сколько же тамъ войска?—спрашивала я.

— Кажется, 15 или 20 нижнихъ чиновъ, да 3 офицера!—былъ отвѣтъ.

Наконецъ, княжеская чета, окруженная свитой фрейлинъ, переѣхала въ каикѣ на яхту. Въ тотъ же моментъ солнце блеснуло своимъ послѣднимъ лучомъ надъ землей и утонуло за Тавромъ, а южная ночь, не давая сумерекъ, зажгла яркія звѣзды по всему небосклону.

Глава XXI.

Дѣйствительно, надежда моя оправдалась, и я получила письмо, переданное въ гаремъ Кіамиль-паши изъ Чесмы, куда оно попало совершенно случайно караваннымъ путемъ. Но, Боже мой, какимъ невѣроятнымъ хаосомъ чувствъ и мыслей дорогая вѣсточка наполнила меня: прелестный мой другъ, повторяя горячія слова любви увѣдомлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что раздѣлъ имущества и продажа земли требовали его присутствія въ Чифликѣ еще на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мечта была разрушена, и все опять уходило отъ меня въ потемки.

— Элиме, дорогая Элиме,—припадая къ ней на грудь, шептала я, заливаясь горькими слезами:—вамъ все извѣстно, скажите хоть одно слово утѣшенія: когда онъ пріѣдетъ? Боже Милосердный, сжалься надо мной!...

— А вы какому богу молитесь: нашему Аллаху, который создалъ всѣхъ, или вашему?—спросила она, зѣвая и, кажется, скорѣй можно было расшевелить камень, чѣмъ ее.

— Да, что вы говорите, Элиме!—возразила я съ негодованіемъ:—развѣ мы язычники? у васъ и у насъ Богъ одинъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ,—перебила турчанка, воодушевляясь:—оставьте Аллаха въ покоѣ — вы, франки, всѣ безъ исключенія, такъ ему надоѣли, такъ надоѣли, что онъ даже обѣщалъ погасить солнце надъ вашей землей... А! смѣетесь?—вспыхнула она, за-

Библиотека "Руниверс"

мѣтивъ невольную улыбку на моихъ губахъ:—тогда пусть сама ханумъ скажетъ вамъ, что говорилъ святой дервишъ, когда мы ходили къ нему въ текке [1]) за благословеніемъ?! А онъ все знаетъ:—Пророкъ открываетъ ему тайны міра...

Въ комнату, гдѣ мы сидѣли, вошла губернаторша; Базя и Лазя также явились, и мы стали обмѣниваться селямами.

— Въ чемъ дѣло, и почему у франки глаза красные?—сгорая отъ любопытства, разспрашивали онѣ мою собесѣдницу, которая охотно давала имъ за меня реплики, хотя къ тому времени я уже хорошо понимала турецкій языкъ, а потому съ нѣкоторымъ досаднымъ удивленіемъ слушала вольный переводъ своей рѣчи въ редакціонной обработкѣ этой дѣвицы, никогда не знавшей, гдѣ находились границы ея дикой фантазіи.

— Такъ вотъ оно что!—говорили между собой женщины:—значитъ, онъ написалъ ей дерзкое письмо? Ну, конечно, она скоро умретъ—смотрите, смотрите: на лицѣ у нея большая печаль!...

— Ахъ, зачѣмъ умирать!—возразила добродушная Ашима:—мы лучше постараемся въ ея пользу: она будетъ намъ благодарна, а у Тафти денегъ много...

— Развѣ и тебѣ франка обѣщала что-нибудь?—спросила толстая Базя:—ой, какая жадная, а мнѣ ничего!...

Элиме что-то сказала на это по-арабски, и турчанки замѣтно смутились; но я оставалась совершенно безучастна, думая только о томъ, какъ бы уйти поскорѣй изъ гарема, чтобы отправиться въ крѣпость къ Хассанъ-эфенди, вполнѣ увѣренная получить тамъ дѣльный совѣтъ и утѣшеніе.

— Нѣтъ! нѣтъ!—заволновались гостепріимныя хозяйки, когда я хотѣла проститься съ ними:—какъ можно! мы сейчасъ будемъ обѣдать—у насъ сегодня кёбабъ съ изюмомъ и мишвіѐ [2])...

— Сердечно благодарю васъ, но никакъ не могу,—въ рѣшительномъ тонѣ отвѣтила я, надѣвая шляпу:—тѣмъ болѣе, что у меня все равно нѣтъ аппетита, такъ какъ мнѣ очень нездоровится сейчасъ...

— Бѣдная дѣвушка!—прошептала за моей спиной застѣнчивая Лазя:—она, вѣроятно, скоро умретъ: сама же говоритъ, что уже ничего не ѣстъ...

— Ахъ, эти мужчины!... вздохнула Базя.

---

[1]) Монастырь дервишей.

[2]) Любимое арабское блюдо: рубленое мясо, поджаренное вмѣстѣ съ толченымъ пшеномъ.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, послѣ долгой церемоніи прощальныхъ селямовъ меня отпустили, и я сошла внизъ. Тамъ, на площадкѣ у входа въ конакъ встрѣтился мнѣ Ибрагимъ; но другіе солдаты изъ дворцовой стражи тотчасъ же затѣяли съ нимъ ссору, обличая его въ эгоизмѣ, въ жадности и требуя, чтобы онъ уступилъ имъ свою привилегію провожать меня. Но такъ какъ нельзя же было снять весь караулъ и увести за собой, то съ разрѣшенія дежурнаго адъютанта, я раздала нѣсколько серебряныхъ монетъ этимъ несчастнымъ голоднымъ людямъ, не получавшимъ долгими промежутками времени жалованья отъ казны, а затѣмъ ушла съ Ибрагимомъ.

Домикъ, въ которомъ жилъ Хассанъ-эфенди, поражалъ съ перваго взгляда убожествомъ своего вида, напоминая скорѣй простую хижину поселянина, чѣмъ квартиру начальника крѣпостной артиллеріи: плоская крыша, прикрытая дранками, стѣны, обмазанныя глиной, по фасаду два небольшихъ оконца за деревянными рѣшетками и узкое отверстіе для входа съ улицы; но если бы прохожій заглянулъ въ открытыя двери этой мизерной лачуги, то увидѣлъ бы квадратный дворъ, обнесенный каменной оградой, сложенной изъ песчаника, а тамъ въ глубинѣ его подъ тѣнью фруктовыхъ деревьевъ еще и другія постройки. Здѣсь надо непремѣнно объяснить читателю, не бывавшему въ мусульманскихъ странахъ, что внѣшняя сторона турецкаго жилища еще не знакомитъ наблюдателя съ внутреннимъ его содержаніемъ и не даетъ опредѣленнаго мнѣнія о богатствѣ или бѣдности хозяина дома.. Восточные народы охотно берутъ у Европы комфортъ, обстановку, моды, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ совершенную противоположность нашимъ вкусамъ и привычкамъ жить больше напоказъ, они чрезвычайно ревниво охраняютъ свой домашній очагъ и повседневный бытъ отъ любопытнаго взгляда иностранца.

Хассанъ-эфенди весьма часто нуждался въ кускѣ хлѣба для семьи, и мнѣ же нерѣдко приходилось выручать его изъ бѣды, а тѣмъ не менѣе у него было все, чего требовали обычаи и нравы Ислама: домъ, раздѣленный на двѣ самостоятельныя части—селямликъ и гаремъ; жена, правда, что въ единственномъ числѣ за неимѣніемъ средствъ, но за то еще три наложницы-рабыни и, наконецъ, евнухъ, исполнявшій также обязанности слуги на мужской половинѣ, а затѣмъ многочисленное потомство отъ всѣхъ четырехъ женщинъ.

Бѣдный другъ мой съ отчаянными усиліями бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы прокормить столько ртовъ, но измѣнить хотя что-нибудь въ обиходѣ своей домашней обстановки онъ не могъ, даже не имѣлъ права и вотъ подъ давленіемъ какихъ причинъ.

Библиотека "Руниверс"

Прежде всего не надо забывать, что у послѣдователей Ислама совершенно другія формы жизни, чѣмъ у насъ, другіе идеалы, міровоззрѣнія, воспитанные на догматахъ религіи, опредѣляющей все бытіе мусульманина здѣсь и за гробомъ. Коранъ управляетъ также и его семьей, подчиняя весь ея строй цѣлому ряду постановленій и правилъ нерѣдко даже слишкомъ интимнаго характера и удивительной съ нашей точки зрѣнія откровенности. Однако, чего нельзя не отмѣтить для тѣхъ, кто не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія о принципахъ Ислама, такъ это слѣдующее.

Общепринятое сужденіе о томъ, что ученіе Пророка лишаетъ женщину всякихъ человѣческихъ правъ, ошибочно и неосновательно, правда, что по всему Корану тянется красною нитью безусловное презрѣніе къ ней, но въ то же время законодатель обезпечиваетъ за мусульманкой въ домѣ мужа такія привилегіи, какими въ большинствѣ не пользуются европейскія дамы. Хотя бы, напримѣръ, не завидно ли это: Магометъ обязываетъ правовѣрнаго нѣжно и мягко обращаться съ женой, не раздражать ее и заботиться, чтобы она всегда находилась въ пріятномъ расположеніи духа. Затѣмъ, предписываетъ ему къ точному соблюденію не обременять законную супругу мелочами домашняго хозяйства и держать при ея особѣ, а если ихъ нѣсколько, то для каждой въ отдѣльности, по установленному также правилу, извѣстный штатъ служанокъ или рабынь.

Отсюда, пожалуй, и нравоученіе для нашихъ мужей, такъ какъ мнѣ кажется, что они совершенно напрасно питаютъ завистливыя чувства къ своимъ мусульманскимъ „коллегамъ“.

Но не странно ли то, о чемъ я сейчасъ разсказала, и не затемняетъ ли это идею Магомета? Нѣтъ, здѣсь не слѣдуетъ искать противорѣчія, и мысль его вполнѣ ясна: презирая дѣйствительно жену до отрицанія въ ней живой души, онъ только предписываетъ заботиться о ея матеріальномъ благополучіи, о здоровьѣ, чтобы она сохраняла такимъ образомъ свѣжесть и обаяніе красоты въ глазахъ мужа и рекомендуетъ послѣднему беречь ее, какъ временную утѣху въ земной жизни; но онъ не обѣщаетъ ей ничего за гробомъ, называетъ даже нечистой, и не пускаетъ въ свой рай, населенный для вѣчнаго блаженства правовѣрныхъ существами болѣе утонченной организаціи, свѣтлыми гуріями.

Кромѣ всего уже сказаннаго еще и служебное положеніе Хассанъ-эфенди заставляло его жить по опредѣленному масштабу, въ силу котораго вездѣ и въ каждой странѣ начальствующее лицо несетъ тяготу лишнихъ расходовъ. Вотъ почему финансы моего несчастнаго друга были въ такомъ плачевномъ состояніи.

Библиотека "Руниверс"

Ибрагимъ постучалъ деревяннымъ кольцомъ, придѣланнымъ къ одной изъ половинокъ дверей вмѣсто звонка, и тотчасъ же вышелъ ко мнѣ навстрѣчу съ восклицаніями привѣтствій самъ Хассанъ-эфенди:

— Драгоцѣнная жемчужина моей души, благоуханіе райскихъ цвѣтовъ!—говорилъ онъ съ порывомъ искренняго чувства, украшая свою рѣчь по обычаямъ турецкой вѣжливости красивыми оборотами сравненій:—освѣти лучомъ твоего благородства наше бѣдное существованіе, и пусть тѣнь всѣхъ твоихъ великихъ достоинствъ ляжетъ на эти стѣны

— Эфенди, выслушайте меня и помогите добрымъ совѣтомъ!— перебила я, сгорая отъ нетерпѣнія сообщить ему объ инцидентѣ съ Мавробіязи.

— Алмазъ мой прекрасный, сіяющій въ коронѣ утренней зори— вся глубина сердца Хассана у вашихъ ногъ! — воскликнулъ онъ, касаясь моей руки и цѣлуя послѣ того собственную ладонь въ знакъ исключительнаго вниманія ко мнѣ:—тогда пожалуйте въ гаремъ, чтобы обитатели его могли созерцать всѣ добродѣтели, а уши ихъ воспринимать перлы „великой мудрости“.

— О, нѣтъ, эфенди,—возразила я, еле удерживаясь отъ смѣха:— мнѣ бы не хотѣлось этого! Нельзя ли поговорить съ вами очень секретно и непремѣнно здѣсь?

Добрый старикъ растерянно оглянулся какъ бы застигнутый врасплохъ, съ минуту потоптался на мѣстѣ и вдругъ, неизвѣстно для чего, раздвинулъ, а затѣмъ опять сдвинулъ деревянную рѣшетку въ окнѣ.

Комната, гдѣ мы находились, составляла мужскую половину дома: здѣсь хозяинъ спалъ ночью, а днемъ принималъ своихъ гостей. Вся меблировка этого помѣщенія была слишкомъ даже неприхотливаго требованія: два широкихъ, низкихъ дивана безъ ножекъ вдоль стѣнъ, коверъ сомнительнаго достоинства, нѣсколько маленькихъ столиковъ по угламъ и больше ничего.

Впрочемъ слѣдуетъ добавить еще для яснаго изображенія привычекъ Ислама, что упрощенный до минимума стиль обстановки, уже мною описанный выше, господствуетъ только въ селямликахъ у мусульманъ, хотя и съ нѣкоторыми варьянтами въ пользу богатыхъ или бѣдныхъ; но гарему по указаніямъ Шаріата [1]) охотно разрѣшаютъ и роскошь убранства и затѣи европейскаго комфорта. Это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ характеру націи, въ идеяхъ которой интимная сторона жизни каждаго человѣка должна быть

[1]) Сводъ законовъ духовныхъ и гражданскихъ.

Библиотека "Руниверс"

скрыта въ тайникахъ его дома отъ всякихъ наблюденій изъ внѣшняго міра.

— Сюда могутъ зайти мужчины съ улицы, — еле уловимымъ шопотомъ отвѣтилъ, наконецъ, мой амфитріонъ и вдругъ залился горькими слезами.

Тогда я спохватилась и прочла у него на лицѣ всю драму его психологіи, которая въ данномъ случаѣ резюмируется такъ. Гостепріимство, завѣщанное Исламу Магометомъ, составляетъ одну изъ высочайшихъ добродѣтелей въ жизни мусульманъ. Одна изъ заповѣдей Корана гласитъ: „переступившій порогъ твоего жилища несетъ тебѣ даръ небесъ, пусть даже это будетъ врагъ твой", а потому сказать правовѣрному, что онъ не съ должнымъ благоговѣніемъ принялъ своего гостя, значило бы нанести ему жестокое оскорбленіе.

Хассанъ-эфенди, человѣкъ старыхъ традицій, держался культа древняго обычая съ пламеннымъ фанатизмомъ убѣжденнаго исламита, считая нарушеніе правилъ гостепріимства тяжкимъ преступленіемъ, и вотъ на этой для него священной почвѣ возникъ инцидентъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что строгость турецкихъ нравовъ не допускаетъ присутствія женщины въ селямликѣ, куда я попала только благодаря оплошности Ибрагима, наивно вѣрившаго, что для иностранцевъ законы не пишутся.

Однако, если читатель вспомнитъ, Хассанъ-эфенди, минуя фактъ, даже благословилъ мою тѣнь, якобы отразившуюся на стѣнахъ его комнаты, а затѣмъ уже пригласилъ въ гаремъ. Слѣдовательно, трагизмъ положенія заключался не здѣсь. Но такъ какъ анализъ мудреныхъ изгибовъ человѣческой души не всегда поддается перу автора, въ чемъ откровенно сознаюсь, то пусть лучше самъ герой этой сценки откроетъ намъ источникъ бурнаго смятенія и растерянности, захватившихъ его въ тотъ моментъ, когда я выразила желаніе остаться съ нимъ еще нѣкоторое время наединѣ для интимной бесѣды.

— Аллахъ никогда не проститъ мнѣ ослушанія его святой заповѣди!—горестно восклицалъ мой собесѣдникъ, смахивая рукавомъ потоки слезъ и заикаясь на каждомъ словѣ: — „О, великолѣпный сосудъ, наполненный до верху сладчайшимъ медомъ, золотое дно „учености" и благородства [1])! Камень грѣха всегда будетъ лежать у меня на сердцѣ за то, что я не подчинилъ себя твоей волѣ,

[1]) Любимые комплименты у турокъ.

Библиотека "Руниверс"

твоему распоряженію и оскорбилъ, такимъ образомъ, священный даръ небесъ, переступившій порогъ моего дома!..

Я прямо была ошеломлена такимъ непредвидѣннымъ оборотомъ дѣла, и возраженія ускользали отъ меня: да могло ли кому прійти на умъ, что принципы гостепріимства требовали непосильныхъ жертвъ, а нарушеніе ихъ вызывало чуть ли не катастрофу?

— У иныхъ людей языкъ длиннѣе, чѣмъ у собаки,—продолжалъ, сокрушаясь, злополучный хозяинъ:—именно такъ, мой серебряный лепестокъ лиліи, занесенный вѣткомъ на грѣшную землю изъ райскихъ садовъ [1])...

Но такъ или иначе, а надо было во что бы то ни стало придумать маневръ, лишь бы овладѣть позиціей, на которой держался фанатикъ идеи, вооруженный аргументами буквы Корана.

— Даже не понимаю, изъ-за чего вы такъ волнуетесь сейчасъ?!—въ дѣланномъ тонѣ крайняго изумленія спрашивала я:—прежде всего каждому хорошо извѣстно, что по законному праву гостепріимства честь и достоинство гостя охраняются хозяиномъ дома, который отвѣчаетъ за все. Я пришла въ комнату мужчины только по недоразумѣнію; но вашъ долгъ состоитъ въ томъ, чтобы предупредить всѣми зависящими средствами толки и сплетни въ обществѣ, а иначе скажутъ: вотъ Хассанъ-эфенди нарушилъ завѣтъ пророка...

— Да направитъ Аллахъ путь твоей жизни въ убѣжище радости и свѣта!—перебилъ старикъ, не давая мнѣ говорить дальше, такъ какъ послѣдній доводъ оказался самымъ убѣдительнымъ:—въ этой головкѣ мудрость родилась прежде, чѣмъ выросли на ней волосы! Шейхъ-уль-Исламъ не объяснилъ бы лучше!—разсуждалъ онъ, прикасаясь весьма осторожно рукой къ широкимъ полямъ моей шляпы и съ полнѣйшимъ восхищеніемъ цѣлуя затѣмъ свою же ладонь.

— Эфенди!—напомнила я:—проводите меня къ вашей женѣ...

— Пожалуйте, пожалуйте! —отвѣтилъ Хассанъ, торопливо распахивая секретныя двери къ выходу во дворъ, соединявшей мужскую половину съ женской, и тихо добавилъ:—не омрачайте блеска своего духа, лишнія уши будутъ закрыты, а перлы вашего краснорѣчія и алмазы вашей тайны останутся навсегда въ моемъ сердцѣ.

Глава XXII.

Дворъ, куда мы вошли, представлялъ собою квадратъ, замощенный битымъ кирпичемъ и съ водоемомъ въ центрѣ. Гаремъ, деревянное зданіе въ два этажа, выкрашенное голубой краской, находился

[1]) Метафора, очень часто употребляемая въ разговорной рѣчи.

Библиотека "Руниверс"

въ сторонѣ отъ домика, гдѣ помѣщался глава семьи; вдоль каменной изгороди, окружавшей усадьбу, лѣпились еще хозяйственныя постройки изъ глины, дощечекъ и дранокъ, вмѣсто крышъ прикрытыя негодными циновками; громадные кактусы и столѣтники бросали тѣнь надъ очагомъ, у котораго обыкновенно стряпаютъ, моютъ бѣлье, работаютъ, а въ жаркіе часы дня отдыхаютъ—вотъ несомнѣнно точная копія жилища турка средняго достатка: у зажиточныхъ людей, конечно, все это лучше и наряднѣе обставлено; но характеръ внутренняго расположенія дома одинъ и тотъ же.

Дѣти съ оглушительнымъ визгомъ кинулись мнѣ навстрѣчу. Ихъ черные, азіатскіе глазки впивались, какъ стрѣлы, въ мои руки—болѣе отважные даже полѣзли ко мнѣ въ карманъ; но когда и тамъ не оказалось соблазнительныхъ пакетиковъ, то разочарованію не было границъ. Одинъ шалунъ въ пылу негодованія крикнулъ по моему адресу: „дели гечи“—дурная овца, и мнѣ же ироніей судьбы пришлось спасать его отъ родительской палки.

Рабыни, молодыя черкешенки, тонкія, стройныя въ типѣ Лермонтовской Бэлы цѣловали на-лету концы моей вуали, оборочки платья, рукава, зонтикъ и, конечно, предпочли бы коснуться губами запыленнаго подола юбки, чѣмъ лица или рукъ невѣрной франки: „она хорошая, добрая,—такъ и читалось въ ихъ лукавой усмѣшкѣ:—а все-таки Аллахъ не любитъ гяуровъ“.

Ханумъ-Мабуле, хозяйка дома, послѣ обмѣна между нами традиціоннаго селяма, усадила меня на груду подушекъ и стала занимать пріятными разговорами на тему о моихъ необычайныхъ качествахъ души, высокихъ добродѣтеляхъ, премудрости и другихъ совершенствахъ, чего, къ моему огорченію, никто не признавалъ за мной въ такомъ необъятномъ масштабѣ кромѣ Хассанъ-эфенди и его супруги.

Затѣмъ послѣдовала церемонія угощенія шербетомъ и кофе. Невольницы также расположились группой вокругъ меня, съ жаднымъ любопытствомъ осматривая каждую складочку, пуговку, ленточку и каждую мелочь въ моемъ нарядѣ.

Замѣчательная особенность въ турецкомъ нарѣчіи: когда говорятъ между собой мужчины, то выходитъ какъ-то грубо, слишкомъ отрывисто для европейскаго уха. Зато интересно послушать турчанокъ въ интимной обстановкѣ: онѣ точно поютъ, и рѣчь ихъ звучитъ очень красиво. Это объясняется умѣньемъ тонировать, растягивая гласныя тамъ, гдѣ обыкновенно онѣ заглушаются шипящимъ или гортаннымъ произношеніемъ, а также манерой смягчать твердыя ударенія на буквахъ. Напримѣръ, „звѣзда“: мужчина рѣзко отрубитъ „ылдызъ“, а женщина нѣжно протянетъ „іылди...зъ“; или же

Библиотека "Руниверс"

привѣтствія „сабахларынызъ, Аллаха ысмарладыкъ“! Каждый со стороны подумаетъ, что люди вотъ-вотъ начнутъ лупить другъ друга; но турчанку вы сразу поймете. Много еще значитъ при этомъ ея выразительная мимика и плавная, граціозная жестикуляція.

Хассанъ-эфенди, видимо совершенно успокоенный и облегченный отъ тяжести угрызеній совѣсти, потребовалъ наргиле и удалился отъ нашей компаніи въ другой конецъ двора, такъ какъ по установленному этикету древняго обычая глава семьи въ присутствіи гостей-иностранокъ не разговариваетъ съ женщинами своего гарема.

Съ тоскливымъ нетерпѣніемъ я все оглядывалась, стараясь привлечь его вниманіе, въ то время какъ турчанки, не замѣчая моего печальнаго, унылаго вида, развлекали меня такимъ чудовищнымъ вздоромъ, да еще не ограниченнымъ никакими предѣлами яркой фантазіи, что повторять его прямо не рѣшаюсь.

Наконецъ, желанная минута наступила; но какъ это случилось, я не знала и даже не уловила мгновенія, на протяженіи котораго и толстая Мабуле и худыя черкешенки вдругъ, какъ фантомы передъ лучомъ солнца, исчезли и растаяли на глазахъ...

— Итакъ, мой алмазъ, вашъ другъ Хассанъ ждетъ драгоцѣнныхъ рѣчей своей благодѣтельницы,—сказалъ онъ, приближаясь ко мнѣ.

Тогда я откровенно, не стѣсняясь, передала ему рѣшительно все, что мучительнымъ трепетомъ уничтожало меня.

— Развѣ Тафти не знаетъ о вашемъ путешествіи въ Египетъ?— спросилъ онъ, и по лицу его скользнуло глубокое изумленіе:—Нѣтъ? ахъ, какъ не хорошо!..

— О, Боже мой, Боже мой, что теперь дѣлать?—заливаясь горькими слезами, говорила я:—къ несчастію, онъ самъ лишилъ меня возможности писать ему на томъ основаніи, что мѣстность, гдѣ находится его чифликъ, слишкомъ удалена отъ почтоваго тракта къ берегу, а караваннымъ путемъ, вѣроятно, также нельзя?..

— Дитя мое дорогое, не плачьте, не терзайте бѣднаго сердца преданнаго вамъ до гроба старика Хассана—простымъ языкомъ безъ вычурныхъ прикрасъ восточнаго стиля заговорилъ онъ:—прежде всего надѣйтесь и вѣрьте, что написанное въ книгѣ судебъ исполнится по неизмѣнной волѣ Создателя...

— О, нѣтъ!—перебила я съ живостью, чтобы оставить дальнѣйшее теченіе потока его краснорѣчія:—предопредѣленіе—великая истина, пусть будетъ такъ; но мы, христіане, подчиняемся еще и обстоятельствамъ...

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ это и плохо и очень даже!—горестно воскликнулъ онъ:—судьба рѣшаетъ всѣ вопросы и опредѣляетъ всѣ явленія въ жизни человѣка...

Тогда мнѣ пришла идея воспользоваться услугами магометанскаго „кэсмета“ и уговорить этого, дѣйствительно нелицемѣрно преданнаго мнѣ друга отправить съ нарочнымъ изъ подчиненныхъ ему солдатъ мое письмо къ Тафти, и когда я объяснила ему, въ чемъ заключалось дѣло, то онъ съ величайшей радостью взялся устроить придуманную мною комбинацію.

— Вполнѣ согласенъ—здѣсь именно кэсметъ!—убѣжденно повторялъ онъ мои же доводы:—а иначе такая мысль безъ участія воли судьбы могла ли родиться сама по себѣ? Нѣтъ! она была записана еще раньше начала вѣковъ въ святой книгѣ Предопредѣленія, которое и направило шаги ваши ко мнѣ!..

Добродушный, довѣрчивый, какъ ребенокъ, онъ даже не замѣтилъ, что попался на удочку, и немедленно занялся обсужденіемъ проекта экспедиціи въ глубь Малой Азіи—я, конечно, подсказала Ибрагима, надѣясь имѣть съ нимъ въ тотъ же вечеръ отдѣльный разговоръ.

Уже ночь ложилась на землю, украшая далекія небеса миріадами звѣздъ и обѣщая съ минуты на минуту зажечь яркую лампаду надъ горизонтомъ, чтобы освѣтить мой извилистый путь по темнымъ, кривымъ улицамъ турецкаго квартала. Ибрагимъ шелъ рядомъ со мной, разгоняя прикладомъ ружья стаи собакъ, бродившихъ въ поискахъ отбросовъ себѣ на ужинъ. Бѣдныя, несчастныя твари съ жалобнымъ визгомъ отбѣгали прочь, не понимая, за что ихъ били.

— Госпожа!—сказалъ Ибрагимъ, выслушавъ меня:—клянусь божественнымъ именемъ Пророка, что твое письмо будетъ въ рукахъ высокороднаго бея, и я умру на его порогѣ, если онъ не дастъ мнѣ отвѣта, чтобы порадовать твою душу.

— А вотъ и я!—сказалъ также мѣсяцъ, выглядывая изъ-за горки восточнаго кряжа и разбрасывая вокругъ снопы ярко-красныхъ лучей. Большая Медвѣдица даже поблѣднѣла отъ злости, а прелестная ея сосѣдка, блестящая Кассіопея также стала меркнуть въ ослѣпительномъ сіяніи золотого диска.

— Госпожа!—окликнулъ меня проводникъ:—смотри! смотри—звѣзды прячутся, ой, какъ онѣ боятся лампады Пророка! Но я не отвѣтила ему, зная прекрасно, что толковать съ мусульманиномъ объ астрономіи была бы вещь рискованная.

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ мы выбрались изъ области кривыхъ переулковъ и пришли къ набережной. Здѣсь ожидала меня наша агентская лодка съ двумя гребцами у веселъ. Съ надеждой въ сердцѣ, но съ непонятнымъ предчувствіемъ какой-то бѣды, вернулась я домой, затворилась на ключъ въ своей комнатѣ, чтобы провести безсонную ночь и приготовить къ отъѣзду Ибрагима длинное посланіе, которому суждено было рѣшить главный вопросъ моей жизни.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

О Пушкинѣ.

I.

Новооткрытыя записи народныхъ пѣсенъ.

Къ двадцати пушкинскимъ записямъ, напечатаннымъ мною въ январьской книгѣ „Русс. Старины“, извлеченнымъ изъ бумагъ П. В. Кирѣевскаго, присоединяю теперь еще семь, впервые мною опубликованныхъ недавно [1]). Отъ издающаго „новую серію“ „Пѣсенъ собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ Общества любителей россійской словесности и отъ редактирующаго это изданіе профессора М. Н. Сперанскаго я получилъ позволеніе опубликовать ихъ, за что приношу глубокую благодарность какъ уважаемому Обществу, такъ и профессору Сперанскому, обнаружившему ихъ въ бумагахъ незабвеннаго собирателя. О всѣхъ ихъ, кромѣ одной: „Ахъ ты, молодость, моя молодость“..., г. Сперанскій упоминаетъ въ своевременно цитированномъ мною предисловіи къ первому выпуску новой серіи. Эти записи особенно важны тѣмъ, что позволяютъ установить до извѣстной степени точно время и мѣсто данныхъ этнографическихъ наблюденій Пушкина и приближаютъ къ разрѣшенію общій вопросъ о территоріальныхъ и хронологическихъ предѣлахъ его занятій народнымъ творчествомъ. Воспроизводятся записи въ томъ порядкѣ, въ какомъ находятся онѣ въ систематизированномъ собраніи Кирѣевскаго.

---

[1]) „Рѣчь“ 29 января, № 28.

Библиотека "Руниверс"

I.

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала:
А свѣтъ моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебѣ не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиковъ не ѣдать.
Злодѣй Ванька воръ побѣдна голова
Кличетъ Дуньку изъ воротъ въ огородъ
Сорветъ Дунькѣ лопушокъ
Подъ самый корешокъ.
Сошьетъ Дунькѣ сарафанъ.
Китаичный голубой,
Снурочикъ-отъ павиличная трава,
А ниточки ковылокъ, ковылокъ,
А пуговки репеёкъ, репеёкъ.
Гдѣ не́—взялся тараканъ,
Проѣлъ Дунькѣ сарафанъ
Надъ самою надъ дырой,
А дядюшка Митрофанъ
Зашей Дунькѣ сарафанъ
Китаичный голубой.

II.

Калина, калина!
На задніемъ порядкѣ [1]),
Подъ горою три солдатки:
Одна Настька, другà Машка,
Какъ третія Наташка.
Повадилась Наташка
Во Царёвъ кабакъ ходить,
Зеленòе вино пить,
Цѣловальника любить.
Цѣловальникъ молодой,
Проводи меня домой
По улицѣ мостовой,
По дорожкѣ столбовой
До кроватки тесовой,
До перинки пуховой.
На перинѣ дѣвица,
Лежитъ она, нѣжится,
Лицё разгорѣлося.
Чего захотѣлося?
Не надо мнѣ, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладкіихъ яблочковъ,
Ни медовыхъ пряничковъ.
Приведи-ка, матушка,
Татарина съ скрыпкою,
Мордвинà съ волынкою,
Холостòва съ дудками.
На Бòлдинскомъ на плоту [2])
Она мыла, полоскала,
Фату въ воду опускала.
Милый фаточку ловилъ,
Кафтанъ съ шубою сронилъ:
Она губушки надула,
Пошла къ старостѣ на думу
И къ бурмистру на разсуду:
Какъ что староста-то скажетъ,
И бурмистръ-отъ что прикажетъ?
Ты поставься-ко въ попы!
Какъ и что это за попокъ
Въ сарафанѣ, безъ портокъ.

---

[1]) „Порядокъ“ здѣсь значитъ—сторона улицы, рядъ домовъ.

[2]) Во II записи, повидимому, соединены двѣ пѣсни; вторая начинается стихомъ:

„На Болдинскомъ на плоту“.

Библиотека "Руниверс"

III.

Я вечёръ, вечёръ, добрый молодецъ,
Вечёръ загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой,
Долго застоялся;
Я тайнаго ласкова словечка
Отъ ней дожидался.
Ничего-то моя сударушка
Она мнѣ не сказала,
Только сказала моя сударушка
Грубое словечко;
„Ты отстань, отстань, добрый молодецъ,
„Отстань по охотѣ,—
„Не отстанешь ты по охотушкѣ,
„Отстань по неволѣ“.
Тосковалъ-то я, добрый молодецъ,
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добромъ молодцѣ
Никто не потужитъ,
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая,
Что потужитъ ли, погорюетъ ли
Красная дѣвица,
Что назвàная моя прежняя
Милая сестрица!

IV.

Уродился я несчастливъ, безталанливъ,
Приневолили меня, малёшенька женили.
Молода была жена, я глупенекъ;
Сталъ я молодцемъ, жена стала старенька.
Полюбилась мнѣ молодка молодая,
Изсушила мое сердце ретивое.
Какъ вечёръ меня молодка огорчила,
Мнѣ несносную насмѣшку насмѣяла:
„Отступися, мнѣ сказала, отвяжися,
„У тебѣ своя жена, съ ней и цѣлуйся“.
Во бору ли, во сыромъ ли, стукъ-трескъ:
Бурлачки сосну подрубливаютъ,
Подрубливаютъ, поваливаютъ,
Изъ сыра бора по лугу волокутъ,
По крутому бережку покатываютъ,
Середь лодочки устанавливаютъ,
Тонкій парусъ навѣшиваютъ,
Уплываютъ внизъ по Волгѣ по рѣкѣ.
Вы постойте, добры молодцы, погодите,
Вы съ собой меня возьмите посадите,
Разлучите съ опостылой со женою.

V.

Ахъ ты молодость, моя молодость,
Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, когда миновалася,
Живучи съ женой не съ корыстною.
Не продать мнѣ жену, не промѣнять ее,
Что ни братцу, ни товарищу.

Библиотека "Руниверс"

Я пойду ли самъ крутымъ бережкомъ.
Я найду ль себѣ новыхъ плотничковъ.
Новыхъ плотничковъ, корабельщичковъ,
Я сострою новъ тесовъ корабль
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныихъ.
Я спущу корабль на сине море,
Посажу ли жену свою барыню,
Отпущу ли жену въ свою сторону,
А я самъ пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море:
А ужь корабль бѣжитъ — какъ соколъ летитъ,
А жена-то сидитъ точно барыня.
Ужь я вскрикну ли громкимъ голосомъ:
—„Воротись, жена моя барыня,
„А мы будемъ жить лучше прежняго,
„А я буду любить лучше стараго“.
—„Не обманывай ты, распостылый мужъ:
„Что не грѣть солнцу зимой, противъ лѣтняго,
„Не свѣтить мѣсяцу лѣтомъ противъ зимняго,
„Не любить тебѣ меня пуще прежняго“ [1]).

VI [2]).

Ужь какъ нонѣшніе люди,
Они молоды, лукавы,
Съ измаленька вороваты;
Не видавши много видятъ,
Не слыхавши много слышатъ.
Какъ сказали про дѣвицу
Напрасную небылицу:
Будто я, красна дѣвица,
Во всю темну ночь не спала,
Въ зеленомъ саду гуляла,
Сладко вишенье щипала,
(Показалось дѣвкѣ мало)
Виноградомъ забавляла,
На бѣлое блюдо клала,
Въ Итальянскій платъ вязала;
За вороты выходила,
Извощичка нанимала,
Извощичка молодого,
Не женатаго, холостого:
Вези меня поскорѣе,
Чтобы люди не видали,
Сосѣдушки не слыхали,
Мому батюшкѣ не сказали.
Мой батюшко очень грозенъ,
Посадилъ меня въ темницу:
Ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,
Одна труба, да малая.
Ахъ ты, батюшко родимый!
Проруби ты мнѣ окошко
На правую на сторонку,
Куда милый гулять ходитъ,
Добра коня поить водитъ.

---

[1]) Ср. конецъ „Яныша-Королевича“ („Пѣсни Западныхъ Славянъ“):
„Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
„Противъ милой жена не утѣшитъ“.

[2]) Къ VI-ой записи Кирѣевскій приписалъ варіантъ, встрѣчающійся „въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ“, и замѣчаніе, что конецъ ея (отъ стиха „Мой батюшко очень грозенъ“)—„очевидно изъ другой пѣсни“.

Библиотека "Руниверс"

VII.

Долина долинушка,
Раздолье широкое.
На той на долинушкѣ
Ничто не родилося:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зелёная.
Изъ-за той ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталося.
Грѣетъ, грѣетъ солнушко
Зимой не по-лѣтнему:
Любитъ, любитъ миленькій,
Любитъ не по-прежнему,
Любилъ все обманывалъ,
Другу подговаривалъ:
Поди, поди, дѣвица,
За меня замужъ,
За меня, за мо̀лодца,
За парня холо̀стова.
Нейду, нейду, дѣвица
Нейду, не подумаю.
Кого же мнѣ, дѣвицѣ,
Полюбить будетъ?
Полюбить холостова,—
Холостъ скоро женится;
Полюбить женатаго,—
Жена-то разсердится.
Полюблю я, дѣвушка,
Солдата гвардейскаго:
Солдатъ въ походъ пойдетъ,
Дѣвицу съ собой возьмётъ.

———

Привожу также списокъ „разгульныхъ“ пѣсенъ, составленный, по словамъ Кирѣевскаго, Пушкинымъ [1]). Для чего составилъ Пушкинъ этотъ списокъ, неизвѣстно. Надо думать, онъ хотѣлъ сообщить Кирѣевскому, какія пѣсни были ему извѣстны или имъ собраны, и едва-ли всѣ онѣ понадобились Кирѣевскому. Если сопоставить списокъ, въ который, надо помнить, вошли только пѣсни веселаго содержанія, съ тѣми отголосками народнаго пѣсеннаго творчества, которые слышатся въ пушкинской поэзіи, нельзя достаточно надивиться этому бережному и любовному вниманію, съ которымъ относился великій поэтъ къ творчеству народа.

Мучительно завидовавшій Пушкину, недоброжелательно къ нему относившійся Н. М. Языковъ писалъ 16 декабря 1831 г. своему брату Ал—дру Мих—чу: „Пушкинъ говоритъ, что онъ сличилъ донынѣ напечатанныя русскія пѣсни и привелъ ихъ въ порядокъ и сообразность, зане вѣдь онѣ издавались безъ всякаго толку; но онъ, кажется, хвастаетъ [2]). Пушкинъ, конечно, не хвасталъ, а вѣроятно не закончилъ этой работы, слѣды которой можно видѣть въ ниже-

[1]) М. Н. Сперанскій „П. В. Кирѣевскій и его собраніе пѣсенъ“ (вступительная статья къ „новой серіи“, вып. I, стр. LXXI).—Повтореніе въ спискѣ нѣкоторыхъ заглавій указываетъ, можетъ быть, на варіантныя записи нѣкоторыхъ пѣсенъ.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“ 1883 г., декабрь, 533—534.

Библиотека "Руниверс"

слѣдующемъ спискѣ „разгульныхъ“ пѣсенъ. Несомнѣнно, ему были извѣстны и всевозможныя пѣсни другого рода.

1) Ходилъ Ваня по лужочку. 2) Я по жердочкѣ шла. 3) Ахъ, деревня отъ деревни. 4) Не летай, мой соловей. 5) Наша Дуня не точетъ, не прядетъ. 6) Во лѣску, во лѣску текла рѣчка по песку. 7) Дѣвушки вино курили. 8) Противъ солнца на востокѣ. 9) Я вечеръ, молода, во пиру была. 10) Какъ по улицѣ идетъ молодецъ. 11) Сѣяли дѣвушки ярый хмѣль. 12) Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ. 13) Борозда моя, бороздочка. 14) Въ воскресенье на рыночекъ ходила. 15) Сгорѣло мое сердечушко. 16) Ахъ ты, Грунюшка, Груняша, Груня ягода моя. 17) Я млада... 18) Разыгрался Юрьевъ конь. 19) Ужъ какъ люди въ людяхъ-то живутъ. 20) Всѣ домой, всѣ домой. 21) Во полѣ рябинушка стояла. 22) Сколько мнѣ браженьки ни пити. 23) Во лугахъ, во зеленыхъ лугахъ. 24) У воротъ дѣвка стояла съ молодцемъ. 25) При зарюшкѣ, при зарѣ. 26) Возлѣ Дону, возлѣ Дону. 27) Ужъ и чей это терёмъ, побывалъ бы я въ немъ. 28) Мимо саду, мимо зелена садочку, дорожка лежала. 29) Зима моя, зима непогожая. 30) На что было городъ городить. 31) Не путемъ Ваня гуляетъ, трехъ дѣвушекъ любитъ. 32) Бѣлая моя, чернобровая моя. 33) Бѣлильцы румяницы мои. 34) Журушка журавель. 35) Молодушка молода. 36) Воробушка воробей. 37) У нашего сосѣда. 38) Васильюшка рыбачёкъ. 39) Ходитъ Васенька горой. 40) За рѣкой, рѣкой. 41) Не пора ли, не пора ли намъ домой. 42) У насъ по улицѣ, у насъ по широкой. 43) За рѣкою, за рѣкою солдатъ сѣно коситъ. 44) Какъ у вдовушки-вдовицы. 45) На улицѣ ромода. 46) Породила меня мати, недоноска. 47) Во городѣ городу. 48) По лугу я, дѣвица, гуляла. 49) Во лугахъ, лугахъ, лугахъ, во зелёныхъ лугахъ. 50) Пошелъ козелъ за лыками. 51) Туру туру пастушокъ. 52) При улицѣ, при широкой. 53) Чарочки по столику похаживаютъ. 54) Думай, моя головушка, да не продумайся. 55) Ты, Настя, Настюшка моя. 56) Авдотья вдовина. 57) На горѣ, горѣ. 58) Голосистой пѣтушекъ. 59) Калина, калина. 60) Какъ нонече куры. 61) Ахъ ты, матушка, голова болитъ. 62) Шелъ козелъ мостомъ. 63) Какъ во городѣ было во Казани. 64) Ягода моя, ягода виноградная. 65) Охъ ты ёжъ. 66) Пошла наша Дуня ленкомъ побираться. 67) Сидитъ птичка во садку. 68) За рѣкою диво. 69) Шла Анюта по воду. 70) Какъ по травѣ, какъ ходачъ гуляетъ. 71) Полоса моя, полосынька. 72) Тараканъ дрова рубилъ. 73) Охъ ты зять мой, зятюшко. 74) Ахъ ты, Катенька, Катюша. 75) Какъ подъ яблонью. 76) Какъ кума-то ко кумѣ въ рѣшетѣ приплыла. 77) Смолоду младешенька гульлива я была. 78) Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была. 79) Во саду былъ орѣшникъ. 80) Возлѣ рѣки Москвы-рѣчки.

Библиотека "Руниверс"

81) Таня по полю ходила, бѣлу пшёнушку полола. 82) Какъ у нашихъ у воротъ. 83) Ахъ ты бражка, ты бражка, ты сыченая. 84) Сколько мнѣ бражки ни пити. 85) Я вечёръ млада.

Пѣсню IV можно считать не простою записью, а либо передѣлкой народной пѣсни, либо даже оригинальнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ, возникшимъ, конечно, подъ вліяніемъ народныхъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ. По крайней мѣрѣ, первые десять стиховъ скорѣе принадлежатъ Пушкину, чѣмъ народу, и, быть можетъ, эта пѣсня изъ тѣхъ, о которыхъ великій поэтъ говорилъ великому знатоку: „Разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. Сохранился въ бумагахъ Пушкина черновой набросокъ стихотворенія, начинающагося словами: „Уродился я, бѣдный недоносокъ“... [1]) Въ имѣющейся у насъ копіи этого наброска есть стихъ: „Недоноска меня бѣднаго женили“... Характерно, что, переводя съ сербскаго, для „Пѣсенъ западныхъ славянъ“, пѣсню „Соловей“, Пушкинъ или не понялъ сербскаго текста: „Ме није мајка оженила млада“ (то есть „мать не женила меня“...), или нарочно измѣнилъ жалобу добраго молодца:

Какъ ужъ первая забота,—
Рано молодца женили...

Этого русскаго „бытового явленія“, обычнаго въ тѣ времена, Пушкинъ не забылъ, описывая нравы обитателей села Горохина. „Мужчины женятся обыкновенно на тринадцатомъ году на дѣвицахъ двадцатилѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья начинали бить женъ; и такимъ образомъ, оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено“.

До сихъ поръ у насъ было принято думать, что Пушкинъ интересовался народнымъ творчествомъ и записывалъ пѣсни только въ Михайловскомъ (1824—1826 г.г.). Кирѣевскій, которому онъ доставилъ свои записи безъ обозначенія, гдѣ онѣ собраны, думалъ, что „вѣроятно, онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“. Опубликованныя въ первомъ выпускѣ „новой серіи“ свадебныя пѣсни всѣ пріурочены къ Псковской губерніи, даже къ Опочецкому уѣзду и именно къ Михайловскому, правда, не безъ осторожнаго вопросительнаго знака. Несомнѣнно, нѣкоторыя пѣсни были записаны Пушкинымъ дѣйствительно въ Михайловскомъ, но что касается до воспроизводимыхъ нами здѣсь, то ихъ можно съ полною увѣренностью датировать временемъ не раньше знаменитой

[1]) См. „Пушкинъ и его современники“, IV, 23.

Библиотека "Руниверс"

„дѣтородной“ осени 1830 г. [1]) и во всякомъ случаѣ тридцатыми годами. Это соображеніе, высказанное мною вскользь въ газетной статьѣ, подтверждается болѣе вѣскими и обстоятельными доводами знатока русской географіи и этнографіи, къ тому же лично знакомаго съ Среднимъ Поволжьемъ и какъ разъ съ тѣми мѣстами, гдѣ находится Болдино, Р. Д. Семенова-Тянъ-Шаньскаго, любезно сообщившаго мнѣ ихъ.

„Пушкину“—говоритъ Р. Д. Семеновъ-Тянъ Шаньскій—„принадлежало село Малое Болдино (рядомъ съ которымъ есть еще и Большое Болдино); это въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, вблизи границы Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

Болдино—село русское, но кругомъ немало мордовскихъ деревень и селъ. Мордва здѣсь въ общемъ довольно сильно обрусѣлая: православные, говорятъ по-русски, мало отличаются бытомъ, хотя между собой говорятъ по-мордовски, а мѣстами и до сей поры сохранили свои костюмы, которые надѣваютъ въ праздники. Русскіе все-же ихъ отличаютъ, присоединяя къ собственнымъ именамъ и фамиліямъ (производнымъ отъ собствен. именъ) прозвище „Мордвинъ“.

Немало въ этой мѣстности и татарскихъ селеній; какъ разъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, по рѣчкѣ Пьяной въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегород. губ. и до самаго Васильсурска тянется сплошная полоса татарскихъ селеній. Татары сюда проникли должно быть въ XV вѣкѣ. Эта татарская окраина Нижегородской губерніи, болѣе сосредоточенная, чѣмъ мордовскія ея селенія, не чувствуя себя еще русскимъ краемъ, въ половинѣ XVII в. разыграла видную роль въ исторіи возстанія Стеньки Разина, но нынѣ ее можно считать порядочно обрусѣвшей, хотя татары не забыли своего языка и остаются мусульманами.

Въ предѣлахъ Лукояновскаго уѣзда въ 1670 г. происходили стычки передовыхъ отрядовъ правительственныхъ войскъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова съ шайками Стеньки Разина [2]), увѣнчавшіяся успѣхомъ правительства. Все это показываетъ, что мѣстность эта въ свое время не представляла изъ себя такого уголка, какъ теперь, и вліяніе близкаго сосѣдства съ Волгой, съ главнымъ пристанищемъ „вольницы“—Самарской лукой и Жигулями, должно было сказываться и въ характерѣ быта, и въ пѣсняхъ.

---

[1]) Въ первый разъ Пушкинъ побывалъ въ Болдинѣ осенью 1829 г., но очень недолго („Труды и дни Пушкина“, изданіе 2-е, стр. 198; „Пушкинъ и его современники“, I, 86).

[2]) Пушкинскія записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ относятся, судя по черновымъ тетрадямъ поэта, къ двадцатымъ годамъ. Н. Л.

Библиотека "Руниверс"

Что пѣсня II записана не въ Псковской губерніи, а въ Болдинѣ, доказывается не только встрѣчающимся въ ней наименованіемъ „Болдинскаго плота“, но и упоминаніемъ „Мордвина съ волынкой“ (между прочимъ, и теперь среди мордовцевъ имѣются музыканты, приглашаемые играть въ торжественныхъ случаяхъ и къ русскимъ) и „татарина съ скрыпкой“. Наконецъ, весь характеръ пѣсни болѣе подходитъ къ окраинной сторонѣ—къ Поволжью, чѣмъ къ исконному русскому псковскому гнѣзду.

Позволю себѣ высказать, что и I пѣсня записана Пушкинымъ въ Болдинѣ,—такъ какъ здѣсь упоминается о „ковылкѣ“,—т. е. ковылѣ, котораго въ Псковской губерніи не знаютъ; напротивъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ эта степная трава встрѣчается, и ея бѣлыя нитевидныя пряди во время цвѣтенія характерны, и сравненіе ихъ съ нитками очень тонко какъ поэтическій образъ.

Почти безъ всякаго сомнѣнія можно утверждать, что пѣсни IV и V—тоже Болдинскія или того времени, когда Пушкинъ ѣздилъ черезъ Волгу въ Оренбургскій край собирать матеріалы для „Исторіи Пугачевскаго бунта“ [1]). За то, что эти пѣсни относятся къ Болдинскому пребыванію Пушкина, говоритъ ихъ колоритъ, характерный для средняго Поволжья и Жигулей. Здѣсь упоминаются и сосна на высокомъ берегу, и то, что разочарованный молодецъ уходитъ къ поволжской вольницѣ, какъ извѣстно, имѣвшей свои притоны въ Жигуляхъ, слѣдовательно, не такъ далеко отъ юго-восточнаго угла Нижегородской губерніи“.

Пушкинъ старательно изучалъ русскую пѣсню, какъ научно образованный этнографъ, и, какъ поэтъ и вѣрный сынъ народа, онъ чувствовалъ ея элегическую тоску, ея буйный размахъ. ея умный и добрый юморъ, ея горячія слезы. И, быть можетъ, незамѣтно для себя, сливаясь съ народнымъ моремъ, онъ самъ создавалъ тѣ образцы, которые трудно было отличить отъ „настоящихъ“ даже такому призванному судьѣ, какъ Петръ Кирѣевскій. Послѣдній высоко цѣнилъ знанія Пушкина въ этой области и писалъ въ 1832 г. Н. М. Языкову, что Пушкинъ „намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, которыхъ у него собрано довольно много“. Кирѣевскій собирался даже послать Пушкину копію съ своего собранія [2]), очевидно отдавая ему даже преимущество, но Пушкинъ раздумалъ издавать народныя пѣсни, и Кирѣевскій съ усиленной

---

[1]) „Уральскихъ пѣсенъ, обѣщанныхъ передъ отъѣздомъ туда“,—писалъ П. В. Кирѣевскій Н. М. Языкову 17 января 1834 г.,—„онъ, кажется, ни одной не привезъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ“.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“ 1883, декабрь. 535—536.

Библиотека "Руниверс"

энергіей самъ взялся за это дѣло; Пушкинъ тогда обѣщалъ ему написать къ сборнику свое предисловіе [1]).

Хотя нѣкоторыя приведенныя и названныя пѣсни извѣстны въ старыхъ пѣсенникахъ и преимущественно въ записяхъ многихъ собирателей, но со всѣми ими необходимо при изученіи Пушкина считаться, такъ какъ великій поэтъ ихъ записывалъ и пользовался ими какъ поэтическимъ матеріаломъ и образцами народнаго языка, а иногда передѣлывалъ ихъ и самъ творилъ въ ихъ духѣ. Если нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго филолога Штейнталя, что ни одна народная пѣсня не можетъ быть записана съ совершенною точностью, и въ устахъ каждаго пѣвца она становится новою пѣснью, то по отношенію къ величайшему пѣвцу русскаго народа эти слова вѣрны. Каждый стихъ въ нихъ „авторизованъ“ Пушкинымъ. Много разсѣяно въ его поэзіи отраженій народнаго творчества. Вотъ, между прочимъ, одно изъ раннихъ, никѣмъ до сихъ поръ не отмѣченное. Восхитительный набросокъ (1821 г.) „Въ твою свѣтлицу“..., повидимому, навѣянъ популярной народной пѣсней [2]). И. А. Шляпкинъ [3]) указываетъ на весьма вѣроятную связь комическихъ стиховъ „Женись. На комъ?“... съ лубочной картинкой на тему „Разсужденіе холостого человѣка о женитьбѣ“.

II.

Хронологія пребыванія Пушкина въ Крыму.

Въ засѣданіи Таврической ученой архивной комиссіи 26 мая 1911 г. А. И. Маркевичъ — цитируемъ далѣе дословно протоколъ засѣданія [4]) — „доложилъ, что въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора, въ дѣлѣ за 1820 г. № 16 „О сенатскихъ подорожныхъ бланкетахъ“ имѣется подорожная отъ Севастополя до Симферополя, выданная супругѣ генерала-отъ-кавалеріи Раевскаго, Софіи Алексѣевнѣ Раевской, 2 октября 1820 г. адмираломъ Грейгомъ, на 12 лошадей. На этой подорожной сбоку приписка: „Записка въ казначейство о выдачѣ подорожной до Кіева на 8 лошадей. № 3567.

---

[1]) Ibid., 538.

[2]) См. „Современникъ“ 1836 г., № 1, стр. 140 (Бар. Е. Ѳ. Розенъ, „О риѳмѣ“); „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. А. И. Соболевскаго, т. VII, № 737.

[3]) „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, стр. 22.

[4]) „Извѣстія Таврической учен. архивн. комиссіи“, № 47, Симферополь, 1912 г. Протоколы, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

5 октября 1820 г.“ Важность этого документа состоитъ въ томъ, что имъ опредѣляется время возвращенія изъ Крыма А. С. Пушкина, который, по словамъ Екатерины Николаевны Раевской, послѣ посѣщенія Бахчисарая ѣхалъ съ ними до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа. Очевидно, Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября 1820 г. Къ пребыванію Раевскихъ, а съ ними и Пушкина, въ Крыму имѣетъ отношеніе и дѣло того же года за № 294 „О путешествіи разныхъ знатныхъ особъ по Таврической губерніи“. 17 августа, за № 2938, таврическій губернаторъ Барановъ писалъ ѳеодосійскому исправнику, чтобы онъ явился къ Его Высокопревосходительству генералу-отъ-кавалеріи Раевскому, и если онъ изъявитъ желаніе отправиться на южный берегъ, распорядиться о безостановочномъ проѣздѣ и заготовленіи потребнаго числа лошадей, для чего командировать особаго чиновника, а буде г. Раевскій ранѣе отправится въ Симферополь, равномѣрно оказать всякое содѣйствіе. На это предписаніе и. д. ѳеодосійскаго исправника засѣдатель Карпенковъ рапортовалъ губернатору изъ д. Азаматъ 20 августа: „по прибытіи Его Высокопревосходительства генерала Раевскаго въ Ѳеодосію я находился въ уѣздѣ, и потому повелѣніе Вашего Превосходительства отъ 17 сего августа за № 2938, съ нарочнымъ мнѣ присланное, доставлено 19 числа, при чемъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что Его Высокопревосходительство изволилъ отправиться изъ Ѳеодосіи на брандвахтѣ моремъ до Севастополя“.

Основанный на данныхъ подорожной выводъ г. Маркевича, что Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября, опровергается различными извѣстіями и соображеніями. Близкій кишиневскій знакомый поэта И. П. Липранди [1]) сообщаетъ точную дату его пріѣзда въ Кишиневъ — 21 сентября. На другой день Липранди видѣлъ Пушкина въ кишиневскомъ клубѣ, а 23 сентября обѣдалъ съ нимъ у генерала М. Ѳ. Орлова. 24 сентября Пушкинъ въ Кишиневѣ написалъ брату извѣстное письмо о своей поѣздкѣ на Кавказскія воды и въ Крымъ. Около 25 сентября Липранди видѣлъ Пушкина въ Кишиневѣ у Ѳ. Ѳ. Орлова и князя Г. М. Кантакузена [2]). 5 октября, какъ разъ въ тотъ день, къ которому г. Маркевичъ относитъ пребываніе поэта въ Симферополѣ, онъ написалъ стихотвореніе „Дочери Карагеоргія“, которое помѣтилъ Кишиневомъ. Е. Н. Орлова, рожд. Раевская, говорила Я. К. Гроту [3]), что послѣ

---

[1]) „Русс. Архивъ“ 1866 г., ст. 1263.

[2]) Ibid., 1237.

[3]) Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, стр. 53.

Библиотека "Руниверс"

посѣщенія Бахчисарая Пушкинъ доѣхалъ съ Раевскими „только до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа". На Перекопъ она указывала не безъ колебанія; что Пушкинъ съ Раевскими не доѣхалъ до Перекопа, видно изъ письма губернатора Баранова, который, по сообщенію А. И. Тургенева [1]), увѣдомилъ братьевъ Тургеневыхъ, „что Пушкинъ-поэтъ былъ у него съ Раевскимъ, и что онъ отправилъ его въ лихорадкѣ въ Бессарабію". Ясно, что въ началѣ второй половины сентября Пушкинъ уѣхалъ одинъ прямо изъ Симферополя въ Кишиневъ, а Раевскіе остались еще на нѣкоторое время въ Крыму и покинули его, согласно показанію подорожной, въ началѣ октября.

17 августа, въ тотъ день, когда губернаторъ послалъ ѳеодосійскому исправнику помянутое предписаніе, Пушкина и Раевскихъ видѣли въ Ѳеодосіи, у бывшаго ѳеодосійскаго градоначальника С. М. Броневскаго [2]). Изъ отвѣта исправника губернатору слѣдуетъ заключить, что 17 или 18 августа путешественники уѣхали изъ Ѳеодосіи, но не прямо въ Севастополь, а, какъ сообщаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату, въ Гурзуфъ [3]). „Тамъ прожилъ я три недѣли", писалъ Пушкинъ брату. Можно ли считать это категорическое опредѣленіе вполнѣ, день въ день, точнымъ, — вопросъ, но вѣроятно около 10 сентября Пушкинъ оставилъ Гурзуфъ, затѣмъ— установить точныя хронологическія даты невозможно—„объѣхалъ полуденный берегъ" [4]), посѣтилъ Кикинеизъ, Георгіевскій монастырь (вѣроятно, побывалъ въ Севастополѣ) и Бахчисарай. Приведемъ здѣсь интересныя хронологическія соображенія М. О. Гершензона [5]). Въ „Продолженіи путевыхъ записокъ", изданномъ отдѣльною книгою въ 1830 г., Гераковъ „разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисараѣ еще 19 и 20 сентября (стр. 24 и 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму... И. М. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.", стр. 47—48) разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Сабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати вер-

---

[1]) Письмо 3 ноября 1820 г. къ кн. П. А. Вяземскому („Остафьевс. Архивъ", II, 99).

[2]) Г. Гераковъ, „Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ, 1820 г.", Петроградъ, 1828, стр. 123.

[3]) М. О. Гершензонъ („Сѣверная любовь Пушкина"—„В. Европы" 1908 г., январь, 280) съ приблизительной точностью датируетъ этотъ переѣздъ 18 или 19 числомъ.

[4]) Письмо къ Дельвигу 1824 г. (Переписка Пушкина, академическ. изд., I, 160).

[5]) Названная статья, стр. 280—281.

Библиотека "Руниверс"

стахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ изъ Одессы въ Крымъ 11 сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и слѣдовательно не могъ пріѣхать въ Сабли раньше 18—20 сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидимому, еще оставилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина, видно изъ словъ самого Пушкина въ письмѣ къ Дельвигу 1824 года: „я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились".

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы пріѣхать въ Кишиневъ 21 сентября, Пушкинъ долженъ былъ выѣхать изъ Симферополя днями пятью или шестью раньше, т. е. 15—16 сентября. Посѣщеніе имъ Кикинеиза, Георгіевскаго монастыря, Бахчисарая и Симферополя мы можемъ датировать недѣлей 10—16 сентября. Сколько времени провелъ поэтъ въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, опредѣлить невозможно. По словамъ П. И. Бартенева [1]), изъ Гурзуфа генералъ Раевскій „вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуфѣ и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ".

III.

По поводу одного стиха въ „Онѣгинѣ".

Описывая въ „Евгеніи Онѣгинѣ (гл. 4, стр. XXVIII—XXIX) типичный альбомъ уѣздной барышни двадцатыхъ годовъ, Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

На первомъ листикѣ встрѣчаешь
Qu'écrirez vous sur ces tablettes;
И подпись: t. à v. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
„Кто любитъ болѣе тебя,
„Пусть пишетъ далѣе меня".

Послѣдніе два стишка до сихъ поръ не исчезли изъ альбомовъ провинціальныхъ дѣвицъ, гдѣ они, обличая незатѣйливое остроуміе ухаживателя или подруги хозяйки альбома, ютятся въ нижнемъ уголку внутренней стороны второй доски переплета.

Что касается до французской записи: „Qu'écrirez vous sur ces tablettes", то и она Пушкинымъ не выдумана, какъ не выдуманы другія комическія черты альбомной живописи и словесности: „два

[1]) „Пушкинъ въ Южной Россіи"—„Русс. Архивъ" 1866 г., ст. 1120.

Библиотека "Руниверс"

сердца, факелъ и цвѣтки“ или „злодѣйскій стишокъ“ армейскаго стихотворца [1]). Это — первый стихъ французской пьески, авторъ которой мнѣ неизвѣстенъ. Мнѣ довелось случайно наткнуться на нее при чтеніи одного подобнаго альбома пушкинской эпохи [2]), гдѣ она находится дѣйствительно, какъ и быть должно, „на первомъ листикѣ“. Привожу ее, благо она очень коротка.

Qu'écrirez vous sur ces tablettes?
Quels secrets leur confiez vous?
Ah! sans doute elles furent faites
Pour les souvenirs les plus doux!
En attendant qu'à cet usage
Ce souvenir soit employé,
Qu'il soit permis à l'amitié
D'en remplir la première page.

IV.

Поправка къ тексту „Скупого рыцаря“.

Во всѣхъ изданіяхъ „Скупого рыцаря“, начиная съ появленія его въ первой книгѣ „Современника“ 1836 года и кончая послѣднимъ капитальнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина (С. А. Венгерова), мы читаемъ (сцена I, слова Альбера о Жидѣ):

Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его.

Въ основу текста при переизданіи драмы слѣдуетъ, конечно, класть первое изданіе ея, напечатанное при жизни автора въ его журналѣ. Съ какого оригинала печаталась она въ „Современникѣ“, неизвѣстно. Рукопись существуетъ только одна, и хотя П. В. Анненковъ [3]) думалъ, что „печатный текстъ Современника совершенно сходенъ съ рукописью“, однако это не такъ, что констатируютъ цѣлымъ рядомъ сличеній Л. Бѣльскій въ послѣсловіи къ фототипическому изданію рукописи [4]) и П. В. Петровъ въ спеціальной статьѣ о текстѣ драмы [5]). Предположеніе г. Петрова, „что самъ Пушкинъ

---

[1]) См. мои примѣчанія къ Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. V, стр. XIV, № 552.

[2]) Изъ собранія Н. К. Синягина († 17 января с. г.). Возможностью познакомиться съ синягинскимъ собраніемъ я обязанъ любезности секретаря покойнаго библіофила, В. М. Андерсона.

[3]) Соч. Пушкина, изд. 1855 г., IV, 459—460.

[4]) Изданіе А. де-Біонкуръ. М., 1901 г.

[5]) Замѣтка о текстѣ драмы Пушкина „Скупой рыцарь“ („Литерат. Вѣстникъ“ 1901 г., т. I, стр. 432—436).

Библиотека "Руниверс"

корректуры не держалъ", представляется въ значительной степени вѣроятнымъ по всему, что извѣстно объ изданіи имъ „Современника". Конечно, мы должны принимать всѣ измѣненія, внесенныя поэтомъ въ печатную редакцію драмы, но въ одномъ случаѣ возникаетъ вопросъ: — можно ли считать результатомъ сознательнаго измѣненія печатную редакцію даннаго мѣста, или на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на ошибку либо описку? Вотъ какъ читаются въ рукописи цитированные выше два стиха:

Его червонцы пахнуть будутъ *а*домъ
Какъ сребрянники пращура его.

Ясно, что, хотя мы должны считаться съ разночтеніемъ печатной редакціи, окончательно исправленной поэтомъ, но здѣсь мы можемъ съ достаточнымъ основаніемъ усмотрѣть не поправку, а, напротивъ, ошибку. Въ самомъ дѣлѣ,—Іуда не отравилъ Іисуса, а предалъ его, и сказать, что полученные предателемъ сребренники пахли „ядомъ", значило бы приписать Пущкину слишкомъ натянутый образъ. Иное дѣло—адъ, въ понятіи о которомъ объединяются и предатель, и отравитель; какъ бы ни были различны преступленія, мзда за нихъ дѣйствительно одинаково „пахнетъ адомъ". Въ эсхатологической традиціи христіанства адъ неизмѣнно представляется смраднымъ, тогда какъ рекомендуемыя Жидомъ капли Товія, безвкусныя и безцвѣтныя, конечно, лишены всякаго запаха; къ тому же, Альберъ и не соглашается на предложеніе Жида, у котораго хочетъ взять червонцы подъ долговую расписку, безъ всякаго побочнаго преступнаго обязательства. Пушкинъ не могъ сознательно испортить удачную редакцію, и несомнѣнно въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ дѣло либо съ случайной опиской (едва ли самого поэта, а, вѣрнѣе, переписчика), либо съ ошибкой корректора, не замѣтившаго проскользнувшей опечатки. Весьма характерно, что и г. Петровъ, приводя изъ рукописи занимающій насъ стихъ и сопоставляя его съ печатной редакціей (гдѣ вмѣсто „пахнуть будутъ" сказано: „будутъ пахнуть"), не замѣтилъ очень четко написаннаго слова „*а*домъ" и, слѣдуя привычному, принятому во всѣхъ изданіяхъ начертанію, напечаталъ: „*я*домъ". Недоразумѣніе рѣшается просто, и, конечно, послѣдующіе издатели должны будутъ въ данномъ случаѣ пользоваться указаніемъ подлинной рукописи, которымъ устраняется очевидная ошибка.

Н. Лернеръ.

Библиотека "Руниверс"

М. И. Драгомировъ, командующій войсками [1]).

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Въ одинъ лѣтній жаркій день рано утромъ М. И. Драгомировъ прибылъ въ Кіевъ изъ своего конотопскаго имѣнія, въ которомъ оставилъ семью; онъ намѣтилъ пробыть въ Кіевѣ сутки, а на другой день, рано же утромъ, выѣхать для осмотра войскъ въ Каменецъ-Подольскъ,—куда уже заранѣе направилъ начальника штаба и другихъ чиновъ, обыкновенно сопровождавшихъ его въ предпринимаемыхъ поѣздкахъ по округу.

Принявъ въ день пріѣзда нѣсколько докладовъ, онъ занялся кое-какими дѣлами, когда ординарецъ, унтеръ-офицеръ, находившійся въ видѣ дежурнаго у него на парадномъ подъѣздѣ, доложилъ ему, что прибылъ и желаетъ представиться генералъ-маіоръ N.

— Здравствуйте, ваше новое превосходительство, сказалъ привѣтливо Мих. Ив. вошедшему къ нему въ кабинетъ генералу, очень радъ за васъ; присядемъ.

Генералъ N. человѣкъ вообще скромный, застѣнчивый, высказалъ М. И-чу, какъ умѣлъ, свою благодарность за оказанное лестное отличіе и за громадное довѣріе, а затѣмъ добавилъ о сожалѣніи, которое испытываетъ по поводу того, что пришлось выйдти изъ-подъ прямого непосредственнаго подчиненія его высокопревосходительству.

— Я также очень сожалѣю о томъ, что такъ вышло, но что дѣлать; —признаться, я васъ готовилъ себѣ въ иксную (х) бригаду, засмѣялся Мих. Ив., но въ военномъ министерствѣ, или вѣрнѣе, въ главномъ штабѣ вышла большая заминка изъ-за того, съ какимъ вознагражденіемъ отпустить генерала Z; это рѣдкій по заслугамъ своимъ слуга Царю; его уволить кое-какъ, не набравъ

[1]) См. „Русская Старина“, мартъ 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

ему въ пенсію все возможное и невозможное, было бы грѣшно; поэтому понадобилось задержать его отставку... Да, впрочемъ, вы, какъ мнѣ извѣстно, эту всю сказку знаете твердо, перебилъ Мих. Ив. самъ себя; извѣстно мнѣ и то, что вы ее узнали, не давая себѣ труда ходить для того по задамъ штабныхъ канцелярій, какъ дѣлаютъ это иные охотники до всякихъ искательствъ... Ну, Господь будь съ вами, служите вѣрой, какъ много и долго служили до сихъ поръ, будетъ вамъ вездѣ хорошо; только быть бы живу и здорову; всякое служебное дѣло у васъ всегда склеится... Вы вѣрно уже на отлетѣ? спросилъ М. И., немного помолчавъ.

— Собираюсь уѣхать завтра вечеромъ; уже почти совсѣмъ готовъ къ отъѣзду съ семьей. Хотѣлъ бы я съ вами напослѣдокъ повидаться и поболтать, а потому приходите сегодня въ пять часовъ, совершенно за-просто, малороссійскаго борща похлебать и закусить чѣмъ Богъ послалъ.

М. И. вообще отличался радушіемъ и большимъ хлѣбосольствомъ; каждый день у него обѣдало нѣсколько человѣкъ; онъ любилъ угостить.

Къ назначенному часу генералъ-маіоръ N. прибылъ въ кабинетъ командующаго и засталъ у него нѣсколько человѣкъ, среди которыхъ между прочимъ находился пожилой, но вполнѣ бодрый генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Н. Г. Столѣтовъ. Онъ нерѣдко пріѣзжалъ изъ Люблина къ находившимся на излеченіи въ Кіевѣ больнымъ членамъ семьи своей и всегда заѣзжалъ къ старому товарищу своему М. И.,—въ свою очередь М. И. къ нему относился очень хорошо, показывалъ ему много расположенія и подчеркивалъ, какъ его боевыя способности вообще, такъ въ частности обезсмертившую его имя заслугу, которую онъ оказалъ арміи и Россіи въ самую тяжелую минуту защиты шипкинскаго гнѣзда, сдѣлавшагося тогда орлинымъ.

Въ то время генералъ-лейт. Столѣтовъ командовалъ 14-мъ армейскимъ корпусомъ.—Это боевой генералъ, грудь котораго, между прочимъ, украшена знакомъ отличія военнаго ордена и орденомъ Св. Георгія IV-ой степени; первый изъ этихъ крестовъ онъ получилъ въ 1855 году въ Севастополѣ, или въ Инкерманскомъ сраженіи, состоя въ то время юнкеромъ 10-й артиллерійской бригады, а второй—за твердое сопротивленіе, которое онъ во главѣ болгарскаго ополченія оказывалъ на Шипкѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней бѣшенымъ атакамъ свѣжихъ войскъ Сулеймана-паши [1]).

---

[1]) Въ самомъ началѣ войны онъ, по приказанію главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, сформировалъ болгарское ополченіе изъ добровольцевъ-болгаръ; онъ имъ командовалъ и оно подъ его командой дралось съ врагомъ, не отставая въ бояхъ отъ славныхъ нашихъ войскъ.

Библиотека "Руниверс"

Объ этомъ, сказалъ Мих. Ив., видимо, отвѣчая Н. Г. Столѣтову и продолжая свой разговоръ съ нимъ—мы съ тобой уже не разъ говорили и переговорили,—дѣйствительно, когда въ самомъ началѣ августа, я стоялъ съ полками своей дивизіи въ Тырновѣ и въ окрестностяхъ этой древней столицы болгарскаго царства, ты съ Шипки присылалъ ко мнѣ, въ видѣ гонцовъ, нѣсколько разъ своихъ помощниковъ; пріѣзжали по очереди начальники дружинъ, кн. Вяземскій и гр. Толстой и начальникъ штаба болгарскаго ополченія, всѣ они просили присылки подкрѣпленій для тебя...

— Ты спокойно отвѣчалъ, поторопился объяснить Н. Г. Столѣтовъ, что опаснѣе всего, если непріятель полѣзетъ въ незапертыя двери, въ запертыя же ему нѣтъ хода; а мнѣ-то каково было, когда я ясно видѣлъ всю крайне опасную несуразность дѣйствій врага: Сулейманъ-паша со своими свѣжими, нетронутыми боемъ, войсками, ломился ко мнѣ на Шипку именно въ запертыя двери; я видѣлъ, что эти двери вотъ-вотъ должны будутъ раствориться и врагъ, проломившись, пойдетъ все косить головорѣзно...

— Это все такъ, возразилъ М. И., но намъ съ Ѳед. Ѳед. Радецкимъ тогда не приходилось произвольно и самостоятельно приниматься за нарушеніе общихъ по арміи распоряженій и начертаній; кромѣ того надо было держаться намѣченнаго нами къ точному исполненію для сохраненія прочности и увѣренности въ дѣйствіяхъ своихъ. Намъ было гораздо яснѣе видно, что ты, будучи обезпеченъ своей неприступной позиціей, могъ стойко держаться съ небольшими силами своего наэлектризованнаго врожденною ненавистью къ домашнему врагу и фанатизированнаго, молодого, хотя наскоро, но прочно обученнаго болгарскаго ополченія, имѣвшаго въ своихъ рядахъ немало „четниковъ“, привыкшихъ съ малолѣтства драться и нерѣдко бить исконнаго своего мучителя турчина.

— Ты держался успѣшно противъ ломившагося къ тебѣ Сулеймана-паши. Это были крѣпко запертыя двери; а въ это время тылу твоего лѣваго фланга и лѣвому флангу передовой линіи, занятой войсками, оставшимися подъ непосредственнымъ начальствомъ Главнокомандующаго, линіи Елена—Тырновъ—Плевна, сильно угрожалъ стоявшій противъ войскъ Цесаревича [1]) Мехмедъ-Али-паша.— Стоило ему, безъ особаго усилія, толкнуть лишь слегка припертую дверь праваго фланга этихъ войскъ, сходившихся угломъ съ той линіей, и вотъ гдѣ онъ пошелъ бы, какъ ты говоришь, косить, но косить съ полнѣйшею серьезностью и съ громадной опасностью для всего нашего расположенія.

---

[1]) Рущукскаго отряда.

Библиотека "Руниверс"

— Θед. Θед. Радецкій, пребывая въ увѣренности, что на тебя, т. е. на тебя и на горсть твоихъ храбрецовъ, защищенныхъ крѣпкою позиціей, надежда есть, условился со мной ни въ какомъ случаѣ не допустить врага, предводительствуемаго Мехмедомъ-Али-пашей, пройдти „въ незапертую дверь“ здѣсь.

Нашъ разсчетъ оказался вполнѣ вѣрнымъ.

О томъ, что мы къ тебѣ прибыли двумя-тремя днями позже,— ты забудь, изъ этого и для тебя, и для твоихъ болгарскихъ дружинъ, и для всей арміи и для Россіи, къ счастью, кромѣ самаго хорошаго ничего не вышло, твоею и твоихъ братушекъ стойкостью съ одной стороны, а съ другой вѣрнымъ разсчетомъ дѣйствій, предпринятыхъ Θ. Θ. Радецкимъ,—все дѣло склеилось къ полному спасенію всего дальнѣйшаго въ кампаніи. Посмотри хорошенько на планъ и ты увидишь, какой пагубный оборотъ все дѣло могло бы принять, если бы Мехмету-Али-пашѣ удалось пройти въ незапертую дверь; а это неминуемо произошло бы, если бы мы въ тяжелую минуту подумали только о томъ, чтобы поспѣшить къ тебѣ на Шипку, раньше, чѣмъ намъ удалось замѣнить себя у этой незапертой двери подошедшими къ намъ отъ главнокомандующаго подкрѣпленіями!

— И прославили бы мы себя на вѣки отмѣннымъ легкомысліемъ... Не дай Богъ!

* * *

Только къ половинѣ седьмого, эти интересныя бесѣды окончились и случайные гости разъѣхались; генерала N. немного смутило то обстоятельство, что въ этотъ первый и можетъ быть послѣдній разъ онъ оказался на обѣдѣ лишь вдвоемъ съ гостепріимнымъ хозяиномъ.—Но манера обращенія М. И-ча заставила его быстро освоиться и онъ почувствовалъ себя безъ стѣсненія.

— Прошу принуки не ожидать [1]) и кушать по-воинскому, безъ церемоніи совершенно просто, сказалъ М. И., наливъ двѣ большія рюмки зеленой, „настоенной на сорока травахъ“ водки и указавъ на загромоздившія столъ разнообразныя закуски. — Генералъ N. водки не употреблялъ, вообще не пилъ; но во 1-хъ счелъ на этотъ разъ неловкимъ отказаться, а во 2-хъ рѣшилъ, что, на радостяхъ, по случаю выпавшаго на его долю назначенія, нельзя было не сдѣ-

[1]) По малороссійскимъ обычаямъ гостепріимства принято вообще усиленно угощать своихъ гостей: вотъ такъ угощеніе! выражаютъ свое удовольствіе гости, какъ много было принуки; если же хозяева не усиливаются угощать, то гости, по возвращеніи домой, нерѣдко выражаютъ между собой претензію: э, что за угощеніе и принуки нэ було...

Библиотека "Руниверс"

лать исключенія.—Закусивши гречневой кашей съ бѣлыми грибами, королевской селедкой съ горчичнымъ соусомъ, сосиськами въ пикантной подливкѣ, ушками, рѣдькой, испанскимъ лукомъ, малороссійскимъ саломъ, онъ увидѣлъ, что М. И. налилъ себѣ вторую рюмку и, подмигнувши ему, спросилъ: „а вы какъ, вторую дерзаете? Машинально взявшись за рюмку, онъ выпилъ ее, при чемъ не отвѣтилъ ни слова, а затѣмъ, закусивъ еще немного, отправился, по приглашенію хозяина, къ столу „хлебать борщъ".

Поданные послѣ борща хересъ и мадера, въ смѣси съ перебивавшими ихъ, послѣ другихъ кушаній, разными винами, смѣнившимися подъ конецъ шампанскимъ, котораго, мимоходомъ сказать, М. И. вообще не пилъ, но захотѣлъ въ этотъ разъ выпить бокалъ за здоровье вновь испеченнаго генерала при пожеланіи ему счастливаго пути и хорошей службы, — съ непривычки сильно ударили генералу N. въ голову; послѣднее оставшееся въ его памяти было то, что онъ, взявши изъ рукъ человѣка бутылку шампанскаго и развязно наливъ себѣ и хозяину по большому стакану, сказалъ: нѣтъ, мнѣ позвольте выпить отъ всего сердца за ваше здоровье и за ваше благополучіе, а затѣмъ чокнулся такъ сильно, что въ его рукѣ стаканъ разлетѣлся; крѣпко смутившись, онъ, несмотря на ободренія со стороны М. И-ча, совершенно растерялся—и ни въ чемъ дальнѣйшемъ уже никогда впослѣдствіи не могъ отдать и рѣшительно не отдавалъ себѣ отчета.

* * *

На другой день, пріѣхавъ утромъ въ Кіевъ на почтовыхъ изъ уѣзда В. А. Воиновъ у подъѣзда своей квартиры встрѣтилъ генерала N., на которомъ лица не было.

— Что съ вами? вы больны? спросилъ Воиновъ.

— Хуже, отвѣтилъ N. и, нàскоро разсказавъ свой эпизодъ до момента разбитія стакана, добавилъ: я тѣшилъ себя надеждой, что вы, Влад. Алекс., доставили меня домой вчера вечеромъ; почему-то у меня сложилось убѣжденіе, что послѣ обѣда вы должны были пріѣхать къ командующему.—Денщикъ мнѣ просто сказалъ, что пріѣхалъ „какойсь ахвицеръ въ сѣромъ непромокательномъ пальтѣ, сдалъ меня съ рукъ на руки и только"... вы всегда ѣздите въ сѣромъ макинтошѣ, это меня укрѣпило въ той мысли, что домой привезли меня вы.—Теперь я съ отчаяніемъ, теряюсь въ догадкахъ, какъ и кто меня доставилъ домой?

Черезъ недѣлю послѣ этого случая, В. А. Воиновъ написалъ генералу N. въ Саратовъ длинное письмо, въ которомъ разсказалъ со словъ М. И. Драгомирова все то, что произошло послѣ разбитія стакана:

Библиотека "Руниверс"

„Видя его полное смущеніе, граничившее съ потерей разсудка, я предложилъ ему прилечь отдохнуть, но никоимъ образомъ нельзя было его къ этому склонить, разсказалъ М. Ив. — Разспросивъ людей, не знаютъ ли они гдѣ генералъ остановился и, узнавъ, что адресъ его неизвѣстенъ, я приказалъ заложить коляску и рѣшилъ, пока что, проѣхаться съ нимъ. Въ воздухѣ повѣяло прохладой и, какъ нельзя болѣе кстати, заморосилъ дождикъ; мой гость болтаетъ разную белиберду, а на мои разспросы объ его адресѣ, отвѣчаетъ совершенной чепухой, не отдавая себѣ никакого отчета въ томъ, о чемъ я завожу рѣчь“.

„Выѣхавъ на большой мостъ и проѣхавъ по Остерскому шоссе за Предмостную и Никольскую слободку, я имѣлъ терпѣніе въ теченіе двухъ часовъ слушать безсмысленную болтовню опьянѣвшаго съ непривычки человѣка и, лишь, повернувши экипажъ обратно въ городъ, я услышалъ отъ него безсвязно-произнесенное названіе улицы, на которую и приказалъ кучеру ѣхать.—Уже совершенно смерклось, когда мы въѣхали въ ту улицу; ни номера дома, ни фамиліи владѣльца его я никакъ не могъ добиться отъ своего превосходительнаго гостя-пассажира.—Однако, въѣхавши въ случайно названную имъ улицу, я рѣшилъ попытаться на авось разспросить городовыхъ; эта простая случайность помогла мнѣ распутать узелъ: третій изъ встрѣченныхъ и спрошенныхъ городовыхъ указалъ домъ, въ который дня за три передъ тѣмъ въѣхалъ какой-то военный „съ массой багажа и ребятишекъ“; онъ остановился во второмъ этажѣ.

М. И. приказалъ остановиться возлѣ того дома, а затѣмъ, вручивъ городовому нѣсколько монетъ, велѣлъ ему пойдти наверхъ и вызвать оттуда денщика, а если можно, то двухъ.

Пришелъ денщикъ; генералъ N., свернувшись въ углу коляски, спокойно спалъ богатырскимъ сномъ.

— Ты при комъ состоишь? спросилъ генералъ Драгомировъ.

— При Маріи Васильевнѣ служу.

— При какой Маріи Васильевнѣ?

— При енеральшѣ.

— Какъ ея фамилія?

— N....

— Она дома?

— Дома, ваше благородіе.

— А генерала N. развѣ нѣтъ?

— Есть и генералъ; онъ сегодня съ утра уѣхачи къ командиру.

— Къ какому командиру?

— Ко командиру, не могу знать, сказывалъ поѣду къ командиру являться и приставляться.

Библиотека "Руниверс"

— А ну-ка загляни въ коляску, не твой ли это генералъ?

— Такъ точно, ваше благородіе, осклабился денщикъ.

— Ну разбуди его; онъ боленъ, заснулъ немного, пояснилъ М. И., не зная, что изъ этого выйдетъ.

— Ваше превосходительство, ваше прев., а ваше прев-во, сталъ слуга громко окликать „своего барина".

Городовой догадался не позволять толпѣ собираться и скучиваться: не собирайтесь безъ толку, отходите, господа зрѣнія тутъ никакого нѣтути; расходитеся, пожалуйста.

Денщикъ тѣмъ временемъ продолжалъ стараться разбудить своего барина.

Наконецъ генералъ N. нѣсколько разъ промычалъ что-то, затѣмъ пошевелился, встряхнулся и пошелъ нетвердыми шагами во дворъ.

— Помогите, ребята, его превосходительству, сказалъ М. И. и городовому и денщику, вишь онъ больной, покачивается, доведите его, братцы, бережно до Маріи Васильевны.

* * *

Увидѣвъ всѣхъ ихъ взбиравшимися на лѣстницу, Мих. Ив. спокойно вздохнулъ; съ легкимъ сердцемъ онъ поѣхалъ домой, крайне довольный тѣмъ, что такъ удачно и благополучно доставилъ своего гостя по назначенію.

М. И. все это въ шуточномъ тонѣ разсказалъ В. А. Воинову въ Винницѣ (Подольской губ.), гдѣ они съѣхались; при этомъ, въ отвѣтъ на сообщеніе его о томъ, насколько эта исторія разстроила несчастнаго N., М. И. сказалъ: напишите ему, пожалуйста, чтобы онъ успокоился, не тревожился бы и забылъ бы объ этомъ досадномъ, но совершенно пустомъ эпизодѣ; преступленія онъ не сдѣлалъ, „а такая быль молодцу не укоръ".

„Вотъ кто васъ доставилъ домой, кончаетъ В. А. Воиновъ свое письмо къ N., и кто, вполнѣ по-товарищески пообережъ васъ отъ какихъ бы то ни было непріятностей, ни одной минуты не подумавъ въ тяжкій моментъ бросить васъ на произволъ судьбы"...

Изъ этого небольшого, невольно вышедшаго шуточнымъ, разсказа можно видѣть, какъ Драгомировъ привыкъ вообще оказывать поддержку и выручку и въ военное и въ мирное время.

А. Е. К.

Библиотека "Руниверс"

Николай Михайловичъ Пржевальскій [1]).

Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи.

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Дѣйствительно, чѣмъ-то сильнымъ, захватывающимъ вѣяло отъ экспедиціи и ея вождя, картинно описывавшаго эпопею словно сказочныхъ странствованій по пустынямъ и нагорью Тибета. Своими блестящими лекціями, страстный, увлекающійся Николай Михайловичъ привлекалъ многолюдныя аудиторіи... Ученыя общества создали повышенную географическую атмосферу, въ которой съ гордостью произносилось имя перваго русскаго изслѣдователя природы Центральной Азіи...

Примѣру столицы послѣдовалъ и родной Пржевальскому городъ—Смоленскъ, поднесшій ему адресъ на званіе почетнаго гражданина; Императорскій Московскій университетъ избралъ его почетнымъ докторомъ зоологіи и затѣмъ, въ томъ же году, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ: Императорскаго С.-Петербургскаго университета, С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей, Уральскаго Общества любителей естествознанія... Вѣнскаго, Италіянскаго и Дрезденскаго географическихъ обществъ и Сѣверо-Китайскаго отдѣленія Королевскаго Азіатскаго Общества въ Шанхаѣ. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль. „Принимая съ благоговѣйнымъ чув-

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

ствомъ, писалъ онъ президенту, столь лестную награду, тѣмъ болѣе для меня цѣнную, что она исходитъ отъ ученаго общества, плодотворная дѣятельность котораго обнимаетъ обширныя страны того же азіатскаго материка, я прошу васъ, милостивый государь, передать членамъ Королевскаго Географическаго Общества въ Лондонѣ искреннюю мою признательность за столь высокую оцѣнку моихъ посильныхъ изслѣдованій въ мало-извѣстныхъ странахъ Центральной Азіи".

Въ февралѣ 1881 года въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, академикъ А. А. Штраухъ заявилъ, что Николай Михайловичъ Пржевальскій принесъ въ даръ Зоологическому музею богатую коллекцію позвоночныхъ животныхъ, привезенную имъ изъ его послѣдняго путешествія. При этомъ Штраухъ ходатайствовалъ объ открытіи выставки всей коллекціи, собранной Николаемъ Михайловичемъ. „Знаменитый путешественникъ, — почетный членъ Академіи Наукъ Н. М. Пржевальскій, писалъ Штраухъ президенту Академіи графу Литке, собралъ во время своихъ путешествій въ Центральной Азіи богатѣйшія коллекціи животныхъ, которыя пожертвованы имъ въ Зоологическій Музей Академіи. Со времени основанія музея никто еще не приносилъ ему такого цѣннаго и единственнаго въ своемъ родѣ подарка. Коллекціи Н. М. Пржевальскаго даютъ возможность познакомиться съ фауной до сихъ поръ неизвѣстныхъ частей Центральной Азіи, гдѣ до него не былъ ни одинъ натуралистъ.

„Для ознакомленія публики съ результатами столь плодотворныхъ путешествій г. Пржевальскаго было бы очень полезно выставить три привезенныя имъ коллекціи особо, такъ какъ въ музеѣ выставлена только часть ихъ, которая кромѣ того теряется въ массѣ имѣющихся другихъ предметовъ. Поэтому имѣю честь обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ устроить въ большомъ конференцъ-залѣ Академіи выставку коллекціи г. Пржевальскаго. Входъ на выставку открыть по билетамъ и, если возможно, взимать за входъ небольшую плату. Изъ этого сбора можно бы основать при музеѣ особый капиталъ имени Пржевальскаго, предоставивъ ему лично указать назначеніе процентовъ съ этого капитала на пользу музея".

Выставка привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу главнѣйшіе результаты своихъ путешествій по Средней Азіи. Пржe-

Библиотека "Руниверс"

вальскій принялъ это приглашеніе съ глубокою благодарностью и имѣлъ счастье еще до начала лекцій поднести Его Высочеству коллекцію птичекъ, художественно расположенныхъ на деревѣ. Чтеніе августѣйшимъ слушателямъ Наслѣднику Цесаревичу и его покойному брату—великому князю Георгію Александровичу, въ Гатчинѣ, доставляло Николаю Михайловичу нравственное удовлетвореніе, и онъ, впослѣдствіи, объ этомъ нерѣдко вспоминалъ не только у себя на родинѣ, но и въ путешествіи.

Въ концѣ мая Пржевальскій могъ уѣхать въ деревню и тамъ, въ тиши начать трудную работу—описаніе послѣдняго своего путешествія. Жизнь въ деревнѣ шла регулярнымъ образомъ: Николай Михайловичъ вставалъ рано—въ семь часовъ утра, ложился также не поздно—въ десять вечера; по утрамъ, ежедневно, обливался холодною водою; обѣдалъ въ двѣнадцать часовъ, а ужиналъ въ девять... По праздникамъ не занимался, а обыкновенно писалъ письма или уѣзжалъ въ лѣсъ; какъ цѣльный человѣкъ, въ тѣсномъ общеніи съ природой онъ только и могъ найдти душевное успокоеніе. Прислушиваясь къ окружавшей его тишинѣ, изрѣдка нарушаемой голосами птичекъ, онъ мысленно переносился въ лѣса Гань-су, на берегъ Тэтунга, или въ лѣсныя ущелья верховья Желтой рѣки... Лѣто стояло сухое, травы выгорѣли, охота была плохая. Страсть къ охотѣ и сокращеніе лѣсовъ въ окрестности Отраднаго подталкивали Николая Михайловича пріобрѣсти себѣ имѣніе подальше отъ желѣзной дороги. Онъ больше чѣмъ прежде не выносилъ многолюдства, и чаще чѣмъ прежде его душа просила „тихій уголокъ для отдыха среди природы... Дайте мнѣ, говорилъ онъ, такой медвѣжій уголъ, въ который *цивилизація* не скоро дойдетъ“.

Для отысканія подходящаго имѣнія Николай Михайловичъ обратился за содѣйствіемъ къ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ и послалъ довѣренныхъ лицъ по всѣмъ концамъ Смоленской губерніи. Лѣтомъ желанное помѣстье было наконецъ пріискано въ Порѣчскомъ уѣздѣ. „Отличное имѣніе, писалъ Николай Михайловичъ; главное же три озера, изъ которыхъ одно передъ самымъ домомъ, имѣетъ верстъ семь въ окружности. Рыбы, звѣрей, птицъ—гибель. Имѣніе продается очень дешево. Послѣ завтра, третьяго іюня, поѣду самъ осматривать, и если не куплю, то больше уже и не буду хлопотать на этотъ счетъ“.

Поѣздка и личный осмотръ этого уголка окончательно рѣшили дѣло, и имѣніе Слобода, принадлежавшее помѣщику, отставному артиллерійскому поручику, Леониду Алексѣевичу Глинкѣ, было куплено за 26.000 рублей.—Соблазнился я, говорилъ Николай Михай-

Библиотека "Руниверс"

ловичъ, на эту покупку не для хозяйства, къ которому душа не лежитъ, а для охоты и рыболовства.

Имѣніе это, подъ названіемъ „Слобода“, находится въ сорока верстахъ отъ Порѣчья, въ шестидесяти верстахъ отъ Духовщины и въ восьмидесяти верстахъ отъ станціи Ярцево, Московско-Брестской желѣзной дороги. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, почти на половину покрытой лѣсомъ, „да и лѣсъ, какъ *сибирская тайга*, писалъ новый владѣлецъ, а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ“... Лучшимъ украшеніемъ Слободы служитъ большое живописное озеро съ высокими островами и нагорными берегами, по которымъ стелется хвойный лѣсъ. Сохранившаяся еще дѣвственность—присутствіе рысей, кабановъ, глухарей, медвѣдя и своеобразная красота озерной дали съ синѣющими островами положительно очаровывали Пржевальскаго. „Кругомъ все лѣсъ, говоритъ онъ, а изъ обрывистаго берега бьетъ ключъ. Мѣстность вообще гористая, сильно напоминающая Уралъ. Озеро *Сопша* въ гористыхъ берегахъ, словно Байкалъ въ миніатюрѣ“...

Вскорѣ, по пріобрѣтеніи Слободы, Николай Михайловичъ развелъ въ ней садъ, въ саду вырылъ прудъ, напустилъ рыбъ, построилъ домъ и приспособилъ старую, расположенную въ саду, хатку для писанія книги о путешествіи. Эта хатка была своего рода святая святыхъ души Пржевальскаго. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей-спутниковъ въ нее никто не допускался. Обыкновенные гости находили пріютъ въ „старомъ“ или „новомъ“ домѣ.

Наблюденіе за полевымъ хозяйствомъ Николай Михайловичъ ввѣрилъ въ высшей степени порядочному и симпатичному человѣку и образцовому сельскому хозяину, землемѣру по профессіи, Ефиму Сергѣевичу Денисову, а домашнее и молочное заведеніе своей нянѣ Ольгѣ Макарьевнѣ, къ которой привязался любящей душой, какъ къ матери... Денисовъ вѣдалъ многочисленнымъ мужскимъ персоналомъ служащихъ, Макарьевна—женскимъ... Перваго за справедливость и покладистость характера подчиненные очень любили, старуха же далеко не пользовалась такою симпатіей, въ особенности со стороны тѣхъ, кто попадалъ подъ ея злую руку и получалъ долго памятные „уроки совершенства“... Эти довѣренныя и близкія къ Николаю Михайловичу лица между собою старались быть корректными, хотя въ душѣ не выносили другъ друга, въ особенности ревнивая Макарьевна, позволявшая себѣ наговаривать на „управляющаго“, какъ всегда за-глаза называла Денисова... Николай Михайловичъ сглаживалъ отношенія полезныхъ ему людей

Библиотека "Руниверс"

и уговаривалъ Макарьевну побольше отдыхать и поменьше хлопотать и волноваться по хозяйству.

„Вотъ какимъ, говорилъ Пржевальскій, я сдѣлался крупнымъ землевладѣльцемъ. Но это все-таки не исключаетъ желанія, и даже весьма сильнаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховьяхъ Хуанъ-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь".

Пріятели съ улыбкой замѣчали, что съ покупкою имѣнія ему недостаетъ только хорошей хозяйки и что ему теперь слѣдуетъ жениться. Николай Михайловичъ отвѣчалъ на это категорическимъ „нѣтъ!"—Не измѣню я до гроба, говорилъ онъ, тому идеалу, которому посвящена вся моя жизнь. Написавъ что нужно, снова махну въ пустыню, гдѣ при абсолютной свободѣ и у дѣла по душѣ, конечно, буду стократъ счастливѣе, нежели въ раззолоченныхъ салонахъ, которые можно было бы пріобрѣсти женитьбой.

Зная взглядъ, характеръ Пржевальскаго, его страсть къ наукѣ и путешествію, нельзя было и думать, что имѣніе было пріобрѣтено съ цѣлью „сѣсть на землю"; напротивъ, всѣ знакомые были увѣрены, что онъ не усидитъ ни у себя въ деревнѣ, ни въ Петербургѣ, что природа и свобода увлекутъ его въ новое странствованіе. ....„Грустное, тоскливое чувство, говоритъ Николай Михайловичъ, всегда овладѣваетъ мною, лишь только пройдутъ первые порывы радостей по возвращеніи на родину. И чѣмъ далѣе бѣжитъ время среди обыденной жизни, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ эта тоска, словно въ далекихъ пустыняхъ Азіи покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найдти въ Европѣ. Да, въ тѣхъ пустыняхъ, дѣйствительно, имѣется исключительное благо—свобода, правда, дикая, но за то ничѣмъ не стѣсняемая, чуть не абсолютная. Путешественникъ становится тамъ цивилизованнымъ дикаремъ и пользуется лучшими сторонами крайнихъ стадій человѣческаго развитія: простотою и широкимъ привольемъ жизни дикой, наукою и знаніемъ изъ жизни цивилизованной. При томъ самое дѣло путешествія для человѣка, искренно ему преданнаго, представляетъ величайшую заманчивость ежедневною смѣною впечатлѣній, обиліемъ новизны, сознаніемъ пользы для науки. Трудности же физическія, разъ онѣ миновали, легко забываются и только еще сильнѣе оттѣняютъ въ воспоминаніяхъ радостныя минуты удачъ и счастія.

„Вотъ почему истому путешественнику невозможно позабыть о своихъ странствованіяхъ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ дальнѣйшаго существованія. День и ночь неминуемо будутъ ему грезиться картины счастливаго прошлаго и манить: промѣнять

Библиотека "Руниверс"

вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временамъ непривѣтливую, но за то свободную и славную странническую жизнь"...

Мечтая о новомъ путешествіи на болѣе широкихъ началахъ, Николай Михайловичъ пріискивалъ себѣ третьяго спутника. Кандидатовъ на подобную вакансію было огромное количество и ихъ всякаго рода заявленія, просьбы, рекомендаціи и прошенія направлялись къ Пржевальскому со всѣхъ концовъ Россіи... Одни просились сами, за другихъ ходатайствовали отцы, друзья или начальники. „Осмѣливаюсь заявить вамъ, писалъ одинъ изъ желающихъ путешествовать, о своемъ страстномъ желаніи сопутствовать вамъ и раздѣлять съ вами всѣ труды и опасности, вслѣдствіе чего и дерзаю просить васъ принять меня въ небольшое число вашихъ избранниковъ. Съ своей же стороны прибавлю, господинъ полковникъ, что если понадобится вамъ когда-нибудь *моя голова, мое умѣнье и мои руки—все, все сложу за успѣхъ вашего предпріятія.* Еще разъ прошу васъ, если есть какая возможность, возьмите меня съ собою. Это моя давнишняя и завѣтная мечта, за исполненіе которой я готовъ на все,—буквально на все. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего разрѣшенія и моего: „*быть или не быть*". При этомъ могу прибавить, что я, какъ казакъ, очень силенъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ. Быть можетъ и это не лишнее".

....Между тѣмъ съ пріобрѣтеніемъ Николаемъ Михайловичемъ Слободы въ собственность, начинается и мое личное знакомство съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Я жилъ тогда въ Слободѣ... я любилъ и продолжаю еще сильнѣе любить этотъ „далекій, дивный уголокъ"... Съ именемъ „Слобода" во мнѣ всегда просыпается первое самое сильное и самое глубокое воспоминаніе о Пржевальскомъ. Вѣдь такъ недавно еще я только мечталъ, только грезилъ, какъ можетъ мечтать и грезить шестнадцатилѣтній мальчикъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чтенія газетъ и журналовъ о возвращеніи въ Петербургъ славной экспедиціи Пржевальскаго,—мечталъ и грезилъ о далекихъ странахъ, о тѣхъ высокихъ нагорьяхъ Тибета, гдѣ картины дикой животной жизни напоминаютъ первобытный міръ, завидовалъ юнымъ сподвижникамъ Пржевальскаго, завидовалъ даже всѣмъ тѣмъ, кто могъ видѣть и слышать героя путешественника... мечталъ и грезилъ, будучи страшно далекъ отъ реальной мысли когда-либо встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ... И вдругъ мечты и грезы мои

Библиотека "Руниверс"

осуществились: вдругъ, неожиданно, тотъ великій Пржевальскій, къ которому было направлено все мое стремленіе, появился въ Слободѣ, очаровался ея дикой прелестью и поселился въ ней... При видѣ этого человѣка издали, при встрѣчѣ съ нимъ вблизи, со мною одинаково происходило что-то ужасное. Своей фигурой, движеніями, голосомъ, своей оригинальной орлиной головой, онъ не походилъ на остальныхъ людей; глубокимъ же взглядомъ строгихъ, красивыхъ голубыхъ глазъ, казалось, проникалъ въ самую душу... Когда я впервые увидѣлъ Пржевальскаго, то сразу узналъ его могучую фигуру, его властное благородное красивое лицо, его образъ—знакомый, родной мнѣ образъ, который уже давно былъ созданъ моимъ внутреннимъ воображеніемъ.

Отъ Николая Михайловича неслась какая-то особенная струя, особенный запахъ, которые опьяняли человѣка и отдавали во власть его несравненной силѣ воли, энергіи и того высокаго обаянія, которое составляло отличительную черту характера Пржевальскаго. Еще ярче встало въ моей памяти его живое описаніе красотъ горной природы, широкихъ пустынныхъ далей, навѣвавшихъ поэтическій просторъ и еще сильнѣе захвачена была вся моя душа, весь я, влеченіемъ къ Пржевальскому... Какъ истый путешественникъ и чуткій знатокъ природы, Н. М. Пржевальскій быстро зажегъ во мнѣ горячую любовь къ природѣ Азіи и какъ чистый и цѣльный человѣкъ подчинилъ силѣ своего обаянія. Въ его неимовѣрно жизненной энергіи мое личное я растворилось и стало частицею его общаго собирательнаго имени. Тотъ день, когда я увидѣлъ первую улыбку, услышалъ первый задушевный голосъ, первый разсказъ о путешествіи, впервые почувствовалъ подлѣ себя „легендарнаго“ Пржевальскаго, когда я съ своей стороны въ первый разъ самъ смѣло и искренне заговорилъ съ нимъ—тотъ день *я никогда*, *никогда* не забуду; тотъ день для меня изъ знаменательныхъ *знаменательный*; тотъ день рѣшилъ всю мою будущность, и я сталъ жить этою будущностью...

Осенью 1882 года, я уже перешелъ подъ кровъ Николая Михайловича и сталъ жить одною жизнью съ нимъ... Пржевальскій явился моимъ великимъ отцомъ: онъ воспитывалъ, училъ и руководилъ общей и частной подготовкой къ путешествію... Въ теченіе первыхъ дней, даже недѣль, подъ обаяніемъ новой свѣтлой жизни и постояннаго общенія съ Николаемъ Михайловичемъ, подъ обаяніемъ его восторженныхъ разсказовъ о прелестяхъ страннической жизни, о величіи и красотѣ излюбленныхъ имъ горъ восточнаго Нань-Шаня, о райскихъ уголкахъ Тэтунга, его дикой, чарующей и глазъ, и душу природѣ, подъ обаяніемъ всего слышаннаго и въ осо-

Библиотека "Руниверс"

бенности видѣннаго мною изъ предметовъ тѣхъ далекихъ странъ—мнѣ казалось, что я переживаю несбыточный сонъ; мнѣ чудилось, что я уже давно покинулъ Слободу какъ какой-то неизвѣстный уголокъ, что Слобода теперь стала своего рода центромъ, что она сдѣлалась извѣстной всѣмъ географамъ міра... Въ Слободѣ съ Пржевальскимъ, съ этимъ свѣточемъ живой науки, я увидѣлъ болѣе широкій горизонтъ.

Къ общему нашему удовольствію и радости въ январѣ 1883 года мнѣ удалось хорошо выдержать повѣрочное испытаніе при Смоленскомъ реальномъ училищѣ, затѣмъ вскорѣ поступить въ Москву на военную службу, въ званіи вольноопредѣляющагося, прослужить тамъ три мѣсяца и въ апрѣлѣ быть зачисленнымъ по Высочайшему повелѣнію въ составъ новой четвертой экспедиціи Пржевальскаго въ Центральной Азіи—сбылось несбыточное!... Я уже оффиціально состоялъ при начальникѣ экспедиціи, полковникѣ Пржевальскомъ, его спутникомъ... Первой сознательной тихой радости моей не было конца... Въ концѣ апрѣля и началѣ мая—въ лучшій періодъ весны, я уже былъ съ Николаемъ Михайловичемъ снова въ Слободѣ, и счастливый, безконечно счастливый переживалъ мою первую весну настоящей жизни...

Но я уклонился немного въ сторону, въ маленькую частность, вернемся къ главному. Третій спутникъ былъ подысканъ, и Николай Михайловичъ спокойнѣе могъ продолжать писать заключительныя главы своего третьяго путешествія. Свободное же время или время отдыха онъ по-прежнему удѣлялъ улучшенію молодого сада—подсадкѣ плодовыхъ деревъ и ягодныхъ кустовъ, осушкѣ излишнихъ болотъ, наконецъ любимой имъ охотѣ или просто прогулкамъ пѣшкомъ или въ экипажѣ вдоль возвышенныхъ береговъ Сопша, на такъ называемую Чортову гряду, откуда съ одной стороны открывался самый далекій и самый живописный видъ на всю зеркальную площадь озера и усадьбу Слободу,—съ другой же—тянулся дикій дѣвственный высокоствольный лѣсъ могучихъ стройныхъ сосенъ... При видѣ всего этого Николай Михайловичъ каждый разъ приходилъ въ восторгъ и вспоминалъ природу Нань-Шаня, или самое путешествіе, а этого уже было достаточно, чтобы придти въ лучшее состояніе духа и по возвращеніи домой успѣшнѣе продолжать утомительное писаніе книги.

На улучшеніе Слободы, въ смыслѣ удобствъ жизни, расширеніе охоты, рыболовства Николай Михайловичъ не щадилъ средствъ и о доходахъ съ имѣнія не думалъ.—Говорю же я вамъ, повторялъ часто Пржевальскій своему управляющему, что я доходовъ не хочу

Библиотека "Руниверс"

имѣть. Я смотрю на имѣніе не какъ на доходную статью, а какъ на дачу, въ которой можно бы было отдохнуть послѣ трудовъ. Для кого мнѣ собирать: дѣтей у меня нѣтъ и не будетъ, а для себя?—мнѣ много не надо.

Въ Слободѣ сѣялся овесъ не столько для продажи, сколько для домашняго обихода, а главное для пріученія медвѣдей ходить въ него и затѣмъ охотиться на нихъ. На охотѣ было сосредоточено все вниманіе владѣльца: лѣтомъ, или еще охотнѣе весной, напримѣръ, покупались маленькіе зайчата и отпускались на одинъ изъ острововъ Сопша—Большой или Погранный—а поздней осенью плавали туда въ лодкахъ поохотиться... Такая экскурсія устраивалась главнымъ образомъ для собственнаго пассивнаго удовольствія. Въ такомъ случаѣ Николай Михайловичъ не бралъ даже съ собою ружья, а лишь наблюдалъ за охотою другихъ, выбирая удобную вершину возвышающагося грядой острова... Лай гончихъ собакъ, мельканіе тамъ и сямъ испуганныхъ зайцевъ, крикъ взбудораженныхъ птицъ, выстрѣлы—все это вносило новую страницу въ охотничій спортъ тихой слободской жизни. Охота и дикость природы въ глазахъ Пржевальскаго имѣли особую прелесть.—Если въ Слободѣ, говорилъ онъ, проведутъ желѣзную дорогу, непремѣнно продамъ ее и не куплю другого имѣнія въ Европейской Ростіи, а поселюсь въ Азіи.

Радушіе и гостепріимство Николая Михайловича, его чистая, дѣвственная натура привлекала многихъ. Въ періодъ отдыховъ, онъ приглашалъ къ себѣ друзей и развертывался передъ ними во всю ширину русскаго радушія и своей могучей натуры. Подъ отдыхомъ онъ разумѣлъ полное отрѣшеніе отъ науки, даже отъ газетъ, и въ это время помимо повседневной обильной ѣды, въ большомъ количествѣ изводились, особенныя, какъ самъ хозяинъ называлъ, *закусочки*, *усладеньки*, *запивочки* [1]), и въ одинаковой мѣрѣ было ли это дома или же на охотѣ, рыбной ловлѣ, поѣздкѣ въ лѣсъ или на излюбленную Чортову гряду... Съ отъѣздомъ гостей, веселье проходило, и Николай Михайловичъ съ бо̀льшей энергіей отдавался прежнему писанію.

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржe-

[1]) Подъ словомъ закусочки подразумѣвались всякаго рода „вкусненькія“ закуски, подъ словомъ усладеньки—сласти вообще, а подъ запивочками—не крѣпкія вина, а фруктовыя воды или даже деревенскій квасъ.

Библиотека "Руниверс"

вальскій отправился черезъ Москву въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ же приступилъ къ печатанію своего труда. „Теперь, писалъ онъ, совѣту Императорскаго русскаго географическаго общества, когда результаты совершенной экспедиціи уже частью воплощены, да позволено мнѣ будетъ поднять вопросъ о новомъ путешествіи. Несмотря на удачу трехъ моихъ экспедицій въ Центральной Азіи и почтенныя здѣсь изслѣдованія другихъ путешественниковъ, въ особенности русскихъ—внутри азіатскаго материка, именно на высокомъ нагорьѣ Тибета, все еще остается огромнѣйшая площадь почти совершенно невѣдомая"...

Желая проникнуть въ Лхасу, Пржевальскій тѣмъ не менѣе не дѣлалъ ее исключительною и конечною цѣлью своего путешествія, наоборотъ онъ смотрѣлъ на свою общую задачу съ болѣе широкой точки зрѣнія, болѣе плодотворной для науки.—Если пустятъ насъ въ Лхасу, говорилъ онъ, то пойдемъ, а если нѣтъ—то и въ сторонѣ оставимъ, но до озера Тенгри-нора добраться постараемся.

Поставивъ себѣ главною задачею изслѣдованіе Сѣвернаго Тибета, Николай Михайловичъ набросалъ въ краткихъ чертахъ планъ будущей экспедиціи и предполагалъ имѣть въ ея составѣ трехъ помощниковъ и пятнадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ. Разсчитывая пробыть въ Тибетѣ два года, онъ исчислилъ расходы въ сорокъ три съ половиною тысячи рублей и объ отпускѣ ихъ просилъ ходатайства совѣта географическаго общества. Совѣтъ принялъ предложеніе съ большимъ сочувствіемъ, и вице-предсѣдатель общества П. П. Семеновъ черезъ посредство министра финансовъ и черезъ Государственный Совѣтъ испросилъ требуемую сумму, на что восемнадцатаго мая того же года послѣдовало Высочайшее утвержденіе.

Пока разрѣшался вопросъ о новой экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: „Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки". Книга была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и заслужила лестныя похвалы какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературахъ. Авторъ получилъ много восторженныхъ писемъ отъ соотечественниковъ и иностранцевъ, успѣвшихъ познакомиться съ увлекательнымъ разсказомъ путешественника.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Наслѣдникъ Цесаревичъ, при прощаніи, подарилъ Николаю Михайловичу зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился, и поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ Николай Михайловичъ направился въ свою родную губернію попрощаться; полюбивъ новое гнѣздо—Слободу, онъ въ то же время помнилъ и старое—Отрадное. Къ сожалѣнію, пребываніе въ послѣднемъ причинило ему и на этотъ разъ большое огорченіе: здѣсь его спутникъ Эклонъ, собираясь жениться, отказался отъ участія въ экспедиціи. Въ грустномъ раздумьи Пржевальскій замѣтилъ—теперь для меня Слобода еще дороже...

... Девятаго августа 1883 года, экспедиція выѣхала изъ Москвы, а четырнадцатаго—уже была въ Перми. „Грустныя минуты, пишетъ Николай Михайловичъ, разставанія съ людьми близкими при отъѣздѣ изъ Москвы скользнули темною тучкою по ясному небу нашего радостнаго настроенія: впереди на цѣлыхъ два года, или даже болѣе, предстояла теперь намъ жизнь, полная тревогъ, новизны, свободы, служенія славному дѣлу... Опять передо мною мелькнула Волга и Кама, по которымъ я направлялся также въ экспедиціи въ 1870 и 1876 годахъ. И какъ недавно, кажется, все это было, а между тѣмъ, сколько было испытано за это время разныхъ передрягъ“.

На дальнѣйшемъ пути къ Кяхтѣ, за Ураломъ, путешественники вновь поплыли сначала по Тоболу и Иртышу, а потомъ и по главной вѣтви бассейна—Оби. Новички цѣлыми днями не сходили съ палубы, любуясь оригинальною природою широкой Сибири. Пріятное водное сообщеніе въ Томскѣ смѣнилось длительнымъ, тяжелымъ почтовымъ передвиженіемъ до Байкала и за Байкалъ, самое же славное и священное въ глазахъ инородцевъ озеро это мы счастливо переплыли опять на пароходѣ, при чудной осенней погодѣ, когда прозрачный воздухъ прилежащихъ горъ былъ окрашенъ дивной синевою...

Знавшая и почитавшая Николая Михайловича, Кяхта встрѣтила и пріютила экспедицію самымъ радушнымъ образомъ. Въ Кяхтѣ же Пржевальскій получилъ письмо воспитателя царскихъ сыновей, генералъ-адъютанта Даниловича. „Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ, писалъ онъ, переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата. Исполняя это черезъ посредство главнаго штаба, желаю отъ души, чтобы эта посылка застала васъ до отправленія въ экспедицію. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы повторить вамъ еще разъ и мои искреннѣйшія пожеланія о томъ, чтобы предстоящее путешествіе совершилось съ тѣми же важными результатами *для русской науки и русской славы*, которыми отличались ваши прежнія

Библиотека "Руниверс"

путешествія. Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ нисколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою".

Письмо это доставило Пржевальскому новое удовольствіе, и онъ, принося почтительную благодарность за высочайшій подарокъ, писалъ Г. Г. Даниловичу, что исполнитъ *„въ высшей степени драгоцѣнное"* для него желаніе Государя Наслѣдника Цесаревича относительно сообщенія о ходѣ его путешествія.

Несмотря на огромную опытность и тонкое пониманіе организаціи каравана, экспедиція прожила въ Кяхтѣ около мѣсяца, прежде нежели все было налажено, устроено, сформировано, и Николай Михайловичъ могъ съ улыбкою сказать: „завтра, наконецъ, выступаемъ"! Такимъ днемъ было двадцать первое октября, когда, по желанію казаковъ, былъ отслуженъ напутственный молебенъ и, затѣмъ кяхтинскими купцами предложенъ экспедиціи прощальный обѣдъ. Ровно въ три часа по полудни верблюды были завьючены и выстроились на улицѣ, запруженной родственниками и посторонними зѣваками, собравшимися проводить казаковъ. Караванъ двинулся, и черезъ нѣсколько минутъ путешественники переступили границу и очутились на китайской землѣ. Солдатики, снявъ шапки, перекрестили груди; на душѣ каждаго было легко, радостно, свѣтло— всѣ глубоко вѣрили въ своего великаго начальника...

Началось четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Передъ нимъ снова лежало неизвѣстное будущее, снова судьба всего дѣла много разъ должна была висѣть на волоскѣ, но онъ твердо шелъ и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду. Радостный, какъ и его спутники, онъ запечатлѣлъ волненіе своей души поэтическимъ восторгомъ:

...„Въ бурю, въ бурю снова...
Отдохнувъ сказалъ пловецъ,
Знать я жребія такого,
Что въ затишьѣ не жилецъ"...

На десятый день слѣдованія къ югу, путешественники достигли Урги, гдѣ остановились въ знакомомъ домѣ русскаго консульства, открыто расположенномъ въ общей долинѣ Толы, противъ священнаго массива Богдо-ула, которымъ справедливо можетъ гордиться

Библиотека "Руниверс"

каждый монголъ, каждый лама, съ благоговѣніемъ вспоминающій имя мудраго китайскаго императора, положившаго начало къ сохраненію перваго природнаго памятника сѣверной Монголіи.

Въ Ургѣ было закончено снаряженіе экспедиціи пріобрѣтеніемъ собственныхъ животныхъ—верблюдовъ и лошадей и продовольственныхъ запасовъ, по части дзамбы и кирпичнаго чая... Персоналъ экспедиціи—все молодежь до единаго человѣка—былъ подобранъ счастливо. „Въ удачномъ выборѣ спутниковъ, говоритъ Николай Михайловичъ, заключается залогъ успѣха... Мое здоровье хорошо, расположеніе духа по большей части также хорошее, не то что бываетъ въ Петербургѣ“.

Распредѣливъ между нижними чинами должности, которыя каждый изъ нихъ долженъ былъ исполнять во время экспедиціи, Пржевальскій восьмого ноября выступилъ изъ Урги. Наканунѣ онъ прочелъ своему отряду слѣдующій приказъ: „Товарищи! Дѣло, которое мы теперь начинаемъ,—великое дѣло. Мы идемъ изслѣдовать невѣдомый Тибетъ, сдѣлать его достояніемъ науки. Государь Императоръ и вся Россія, мало того, весь образованный міръ съ довѣріемъ и надеждою смотрятъ на насъ. Не пощадимъ же ни силъ, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу до конца, и сослужить тѣмъ службу какъ для науки, такъ и для славы дорогого отечества“...

Общая картина каравана оставалась прежняя. Впереди всѣхъ слѣдовалъ Пржевальскій съ проводникомъ монголомъ и урядникомъ Телешовымъ, исполнявшимъ обязанность препаратора. Позади и поодаль велъ караванъ заслуженный урядникъ Иринчиновъ, назначенный вахмистромъ экспедиціоннаго конвоя. Затѣмъ остальные казаки ѣхали, частью въ серединѣ каравана съ вольноопредѣляющимся Козловымъ, а частью въ арьергадѣ съ подпоручикомъ Роборовскимъ, слѣдившимъ за общимъ порядкомъ. Хвостомъ каравана служило стадо продовольственныхъ барановъ, подгоняемыхъ конннымъ казакомъ или монголомъ.

За Ургой тотчасъ развернулась Гоби, поперекъ которой въ третій разъ шелъ Николай Михайловичъ... Миновавъ степной районъ, экспедиція вступила въ настоящую пустыню, тянувшуюся съ востока на западъ черезъ всю Центральную Азію до окраинъ горъ Нань-Шаня... По мѣрѣ движенія къ югу солнце ощутительнѣе грѣло путешественниковъ. Въ первый день новаго, 1884, года Пржевальскій со своими спутниками пилъ чай на открытомъ воздухѣ и любовался видомъ на Алашаньскій хребетъ... Въ самомъ Алашà было еще теплѣе—въ немъ по незамерзающимъ ключамъ, держались дупеля-

Библиотека "Руниверс"

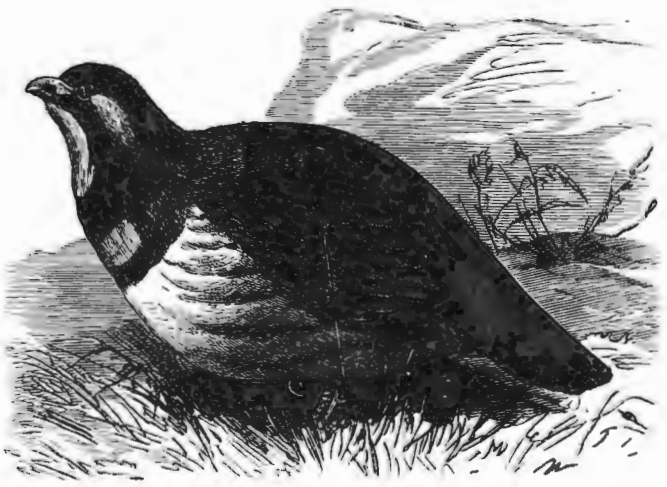
отшельники; но въ сосѣднихъ горахъ еще лежалъ снѣгъ; тѣмъ не менѣе Николай Михайловичъ не утерпѣлъ, чтобы не заглянуть туда; хотя его теперь больше всего тянулъ къ себѣ Тэтунгъ-голъ, котораго экспедиція достигла въ половинѣ февраля, расположившись противъ монастыря въ самомъ живописномъ мѣстѣ. „Здѣсь, говоритъ Николай Михайловичъ, прекрасные обширные лѣса съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе луга, устланные лѣтомъ пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, рядомъ съ дикими, недоступными скалами и голыми каменными осыпями самаго верхняго горнаго пояса, внизу же быстрый, извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ каменныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величіи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію. И еще сильнѣе чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшаго утомительно однообразныя, безжизненныя равнины Гоби...“

Здѣсь же на Тэтунгѣ впервые сознательно пробудилась и моя душа—я позналъ собственное влеченіе къ красотамъ дикой горной природы. Красавецъ Тэтунгъ то грозный и величественный, то тихій и ровный, часами удерживалъ на своемъ берегу Пржевальскаго и меня, и повергалъ моего учителя въ самое лучшее настроеніе, въ самые задушевные разсказы о путешествіи. Любуясь Тэтунгомъ, его прозрачными стремительными волнами, прислушиваясь къ голосамъ ушастыхъ фазановъ, зеленыхъ сэрмуновъ и мелодичному пѣнію всевозможныхъ синицъ и завирушекъ, Николай Михайловичъ мечтою уносился еще дальше—въ роскошную Сы-чуань, съ ея бамбуковыми зарослями, обезьянами, лафофорами... Никогда и нигдѣ мы не были такъ высоко счастливы, такъ чисты сердцемъ, такъ воспріимчивы ко всему прекрасному, святому, какъ только въ такихъ очаровательныхъ мѣстахъ, среди лѣсовъ и горъ, среди дикихъ рѣкъ и рѣчекъ, среди живой дѣвственной природы...

Въ самомъ монастырѣ великій путешественникъ былъ встрѣченъ довольно радушно, какъ старый знакомый, и по-прежнему получилъ разрѣшеніе охотиться въ монастырскихъ лѣсахъ, за исключеніемъ лишь ближайшей къ храмамъ святой горы, на которой благородные олени, не боясь человѣка и не зная въ немъ врага своего, держали себя подобно домашнимъ животнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ горахъ Гань-су мы, между прочимъ, поохотились за улларами... Вездѣ въ Центральной Азіи горная индѣйка, или улларъ (Megaloperdix thibetanus) является жителемъ высокихъ дикихъ горъ и при томъ самаго верхняго, альпійскаго ихъ пояса. Мѣстомъ своего ночлега эти птицы выбираютъ, обыкновенно, одинокія скалы на высокихъ, трудно доступныхъ вершинахъ. Подъ этими скалами, на землѣ, въ защитѣ отъ вѣтра, залегаютъ она на ночь плотною кучею. „Сидишь бывало въ засадкѣ, говоритъ Пржевальскій, и съ нетерпѣніемъ смотришь на солнце, которое какъ-то лѣниво прячется на

Улларъ (Megaloperdix thibetanus).

западѣ горизонта. Нижнія долины уже въ тѣни, а между тѣмъ, вершины горъ все еще освѣщены. Наконецъ, солнце заходитъ, и багровая заря разливается на мѣстѣ заката. Нетерпѣніе и охотничья ажитація увеличиваются—прислушиваешься къ каждому звуку, къ каждому шороху... Вотъ стая клушицъ усѣлась ночевать на ближайшей скалѣ; вотъ соколъ-пустельга прилетѣлъ туда же; но улларовъ все еще нѣтъ. Наконецъ, раздается вдали знакомый крикъ желанныхъ птицъ, и большой ихъ табунъ, обогнувъ дальнія скалы, быстро несется вверхъ, затѣмъ опускается за двѣ-три сотни шаговъ отъ мѣста ночлега. Усѣвшись на землю, уллары тотчасъ же бѣгутъ къ своему знакомому уютному уголку. Еще нѣсколько мгновеній— и весь табунъ длинною вереницею подбѣгаетъ къ охотнику въ мѣру

Библиотека "Руниверс"

близкаго выстрѣла. Желанная минута! Въ темнотѣ сумерекъ блеснутъ разъ за разомъ два огонька, и загремитъ по ущельямъ эхо двухъ выстрѣловъ. Уллары поражены неожиданностью... однако, не желая разстаться съ ночлегомъ, не улетаютъ, но лишь отбѣгаютъ въ сторону. Тѣмъ временемъ охотникъ спѣшитъ зарядить свое ружье, не показываясь изъ засадки. Проходитъ минутъ шесть—десять, и уллары, не замѣчая никого, снова бѣгутъ къ ночевкѣ, иногда только съ противоположной стороны. Теперь уже довольно темно, и птицъ издали не видно, слышенъ лишь голосъ вожака. Съ замирающимъ сердцемъ всматриваешься въ темноту и, наконецъ, различаешь близко бѣгущее стадо. Опять гремятъ два выстрѣла и опять уллары убѣгаютъ прочь; но спустя немного, снова возвращаются и снова попадаютъ подъ выстрѣлы. Между тѣмъ уже совершенно стемнѣло, вѣрно прицѣлиться невозможно. Тогда охотникъ выходитъ изъ засадки, собираетъ добычу и отправляется къ своему бивуаку, огонекъ котораго, словно маякъ, блеститъ внизу, въ ближайшей долинѣ...“

Изъ Чортэнтана экспедиція перенесла свой лагерь въ монастырь Чойбзэнъ, подлѣ котораго въ первый разъ встрѣтила хурдэ, или молитвенные цилиндры, вращаемые водою и устроенные тамъ и сямъ по горной рѣчкѣ, протекающей вдоль монастырскихъ холмовъ. Здѣсь также Пржевальскій былъ встрѣченъ радушно, и на другой день къ нему явился китайскій чиновникъ изъ Синина привѣтствовать экспедицію и передать ей письма, полученныя изъ Пекина. Воспользовавшись случаемъ, большинство путешественниковъ въ свою очередь также отправили вѣсти на родину. „У насъ все благополучно, писалъ Николай Михайловичъ, солдаты и казаки ведутъ себя отлично и живутъ дружно. Отрядъ совершенно на военномъ положеніи: всѣ мы ѣдемъ съ берданками и револьверами; днемъ и ночью очередныя дежурства, дисциплина неумолимая. Весело намъ и хорошо вдали отъ всѣхъ гадостей европейской жизни. Самъ я здоровъ совершенно; толстота пропала—похудѣлъ я теперь на четыре съ половиною вершка въ окружности.

„Теперь когда я въ своей юртѣ, на ящикѣ вмѣсто стола, пишу это письмо, на дворѣ идетъ небольшой снѣгъ, у насъ горитъ огонекъ. Козловъ и Роборовскій также пишутъ письма. Кончимъ свои писанія—будемъ ѣсть супъ изъ мяса яка съ рисомъ, затѣмъ пойдемъ на охоту. А кругомъ насъ тангуты, которые рады бы были проглотить нашу маленькую кучку, да только не легко это сдѣлать“.

Библиотека "Руниверс"

И дѣйствительно, прежнее поведеніе Пржевальскаго такъ напугало китайскія власти, что теперь сининскій амбань уже не пытался противиться движенію на Куку-норъ и далѣе въ Цайдамъ, но отказывался только дать проводника на истоки Желтой рѣки, говоря, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи людей, знающихъ эту мѣстность. При этомъ, для наблюденія за путешественниками,

Хурдэ, вращаемое водою.

но подъ видомъ почета, амбань прислалъ нѣсколько десятковъ китайскихъ солдатъ, при двухъ офицерахъ. Сопровождавшій экспедицію китайскій конвой занимался пьянствомъ, дракою и грабежомъ жителей. Пржевальскій послалъ нарочнаго къ сининскому амбаню, съ просьбой убрать своихъ солдатъ, но отвѣта не было. Тогда Николай Михайловичъ объявилъ грабителямъ солдатамъ, что если они не уйдутъ, то будетъ по нимъ стрѣлять. Эта угроза подѣйствовала, и наша экспедиція отдѣлалась отъ китайскихъ соглядатаевъ.

Библиотека "Руниверс"

Вскорѣ затѣмъ, караванъ благополучно поднялся на высокую долину озера Куку-нора и на сѣверномъ берегу его провелъ двое сутокъ по случаю праздника Пасхи. „Христосуясь съ казаками, пишетъ Пржевальскій, я далъ каждому, вмѣсто краснаго яйца, по полуимперіалу. Изъ запасовъ еще московскихъ, до сихъ поръ почти нерасходовавшихся, мы полакомились теперь коньякомъ и кое-какими резервами; подѣлились, конечно, и съ казаками. Словомъ, праздникъ встрѣченъ былъ и проведенъ съ нѣкоторымъ комфортомъ".

Отсюда не далеко было и до намѣченной станціи, или склада восточнаго Цайдама, котораго экспедиція достигла перваго мая. Мѣстный управитель Цзунъ-цзасакъ, получившій должныя секретныя инструкціи отъ китайцевъ, тормозилъ снаряженіе къ дальнѣйшему движенію въ Тибетъ, отговариваясь отъ знающихъ проводниковъ и продажи вьючныхъ животныхъ и продовольствія. Пржевальскій заявилъ, что если его требованія не будутъ исполнены, то онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, и далъ Цзунъ-цзасаку четыре дня на размышленіе. Когда все это ни къ чему не привело, „тогда, говоритъ Пржевальскій, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, я посадилъ Цзунъ-цзасака подъ арестъ у насъ въ лагерной палаткѣ, возлѣ которой былъ поставленъ вооруженный часовой; помощникъ князя, едва-ли еще не бо́льшій негодяй, былъ привязанъ на цѣпь подъ открытымъ небомъ, а одинъ изъ приближенныхъ, осмѣлившійся во время осмотра верблюдовъ ударить нашего переводчика Абдула, былъ тотчасъ же высѣченъ. Такія мѣры возымѣли желаемое дѣйствіе, какъ непосредственно на самого Цзунъ-цзасака, такъ и косвенно на его сосѣда, Барунъ-цзасака. У послѣдняго отыскался для насъ проводникъ, а черезъ два дня намъ были доставлены и проданы четырнадцать хорошихъ верблюдовъ, сорокъ шесть отличныхъ барановъ и часть продовольствія. Тогда арестованные были отпущены во-свояси".

Складъ свой экспедиція устроила въ хырмѣ Барунъ-цзасака. Весь оставляемый багажъ былъ помѣщенъ въ двухъ наиболѣе просторныхъ конурахъ укрѣпленія. Въ составъ караула были назначены шесть казаковъ, подъ начальствомъ Иринчинова. Для развлеченія казакамъ были даны книжки для чтенія и сѣмена кое-какихъ овощей на посѣвъ; однако, огородниками они оказались плохими, но книжки читали охотно. Остальные участники экспедиціи, въ числѣ четырнадцати человѣкъ, отправлялись въ предстоявшую экскурсію, срокъ которой опредѣлялся отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ.

„Снарядились мы налегкѣ, да не совсѣмъ, говоритъ Пржевальскій. Имѣя всѣ данныя разсчитывать на недружелюбную и даже

Библиотека "Руниверс"

враждебную встрѣчу со стороны независимыхъ тангутскихъ племенъ мы должны были запастись продовольствіемъ (кромѣ мяса) на четырехмѣсячный срокъ и достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ; затѣмъ различные препараты для коллекцій, ящики для ихъ помѣщеній, охотничьи принадлежности, инструменты и проч. представляли собою не малое количество багажа. Между тѣмъ въ разрѣженномъ воздухѣ высокихъ нагорій Тибета вьюкъ даже для сильнаго верблюда не долженъ превышать шести-сѣми пудовъ".

Девятаго мая экспедиція выступила въ новый путь, а черезъ недѣлю уже достигла истоковъ Желтой рѣки, переваливъ по номохунской дорогѣ сѣверную грань Тибета—хребетъ Бурханъ-Будда. „Еще не позднимъ утромъ, семнадцатаго мая, пишетъ Пржевальскій, перешли мы въ бродъ нѣсколько мелкихъ рукавовъ новорожденной Хуанъ-хэ и разбили свой бивуакъ на правомъ ея берегу, въ трехъ верстахъ ниже выхода изъ Одонь-тала. Такимъ образомъ давнишнія наши стремленія увѣнчались успѣхомъ: мы видѣли теперь воочію таинственную колыбель, великой китайской рѣки и пили воду изъ ея истоковъ. Радости нашей не имѣлось конца"...

Въ цѣляхъ болѣе широкаго обслѣдованія долины Хуанъ-хэ Николай Михайловичъ отправился въ экскурсію, съ двумя казаками, внизъ по теченію рѣки. Черезъ семнадцать верстъ встрѣтилось отличное кормное мѣстечко, и путники расположились на отдыхъ и завтракъ, отпустивъ и лошадей на свѣжую густую траву. Пока кормились лошади, Пржевальскій вздремнулъ, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ замѣтилъ въ сторонѣ двухъ медвѣдей и указалъ на нихъ начальнику. Схвативъ штуцеръ Ланкастера—завѣтный подарокъ офицеровъ генеральнаго штаба—Николай Михайловичъ, вмѣстѣ съ казакомъ Телешовымъ, отправились къ звѣрямъ. Вскорѣ выяснилось, что медвѣдей было не два, а четыре, изъ коихъ два были убиты охотниками на мѣстѣ, а третій—казакомъ, охранявшимъ лагерь, куда испуганные мишки набѣжали случайно. Такимъ образомъ, неожиданно были пріобрѣтены прекрасные экземпляры тибетскихъ медвѣдей. Пока возились съ препаровкой звѣрей, на землю спустились сумерки, а затѣмъ и ночь, въ которую разразилась сильнѣйшая снѣжная буря. Къ утру получился полный зимній пейзажъ съ морозомъ въ двадцать три градуса Цельсія—это двадцатаго мая! „Я долго не вылѣзалъ изъ своей берлоги, говорилъ потомъ Николай Михайловичъ, образовавшейся изъ войлоковъ, мѣхового одѣяла и толстаго слоя снѣга, прикрывшаго меня сверху"... Усталые и продрогшіе путники вернулись на главный бивуакъ лишь въ

Библиотека "Руниверс"

два часа пополудни, гдѣ за чашкой горячаго чаю съ восторгомъ дѣлились съ нами своими охотничьими впечатлѣніями.

Теперь положеніе экспедиціи было очень трудное; непривычныя къ тибетскимъ невзгодамъ животныя сильно страдали и на первомъ же слѣдующемъ переходѣ пришлось бросить верблюда и лошадь. Огромная высота, холодъ и сырость, а главное утомительные переходы вызывали головную боль; у нѣкоторыхъ казаковъ на лицѣ, преимущественно на губахъ и ушахъ, появилась особая сыпь, которую прижигали растворомъ карболовой кислоты; въ предупрежденіе лихорадокъ давался хининъ.

Только вступивъ въ бассейнъ Ян-цзы-цзяна, при устьѣ рѣчки Бы-чю, что означаетъ „Козявковая“, отъ обилія всякаго рода жуковъ въ этой долинѣ, путешественники вздохнули свободнѣе, такъ какъ здѣсь абсолютная высота оказалась значительно меньшей, и солнце порою пригрѣвало по-лѣтнему. Лагерь былъ устроенъ въ красивомъ мѣстѣ подъ скалами.

Но тутъ произошла другая непріятность. Николай Михайловичъ вмѣстѣ съ Роборовскимъ отправились полюбоваться Голубою рѣкою, опредѣлили ея ширину, температуру воды и затѣмъ спокойно усѣлись на камень. „Вдругъ, говоритъ Пржевальскій, со скалъ противоположнаго берега раздался выстрѣлъ, и пуля ударила въ песокъ возлѣ насъ. Сначала мы не знали въ чемъ дѣло, но вскорѣ послѣдовали еще два выстрѣла, и пули опять прилетѣли къ намъ. Теперь не оставалось сомнѣнія, что тангуты предательски стрѣляютъ именно въ насъ; сами же разбойники прятались видимо въ скалахъ. Лишь спустя немного показалось нѣсколько человѣкъ. перебѣгавшихъ отъ одной скалы къ другой, и я пустилъ въ нихъ съ десятокъ пуль изъ бывшей съ нами берданки. Были ли убитые или нѣтъ—не знаю.

„Случай этотъ ясно показалъ, что кругомъ насъ теперь враги, и что, слѣдовательно, необходимо быть на-сторожѣ. Поэтому, прежде всего, мы перенесли свой бивуакъ изъ-подъ скалъ, откуда тангуты могли задавить насъ камнями, на открытое мѣсто; ночной караулъ былъ усиленъ, да при томъ всѣ спали не раздѣваясь и съ оружіемъ наготовѣ; увеличено было число казаковъ, ежедневно наряжаемыхъ пасти верблюдовъ. Съ такими предосторожностями мы могли считать себя почти въ безопасности“.

Послѣ ознакомленія съ долиною верхняго Ян-цзы-цзяна, Пржевальскій, за невозможностью переправиться черезъ эту рѣку, повернулъ обратно на Хуанъ-хэ, и черезъ нѣсколько дней достигъ зна-

Библиотека "Руниверс"

комой, священной у тибетцевъ горы, гдѣ расположился на дневку... „Почти у самаго подножья обѣтованной горы, говоритъ Николай Михайловичъ, разбили мы свой бивуакъ. Громадныя отвѣсныя скалы, вѣнчающія ея вершину и разсыпанныя на западномъ склонѣ,

Снѣжный грифъ (Syps himalayensis).

гордо поднимались въ вышину; широкими полосами сбѣгали отъ нихъ каменныя осыпи; кое-гдѣ небольшими площадками являлись скудныя лужайки; на противоположномъ же скатѣ залегали отличные луга. Далеко по сторонамъ, во всемъ сонмѣ окрестныхъ горъ не было видно подобной каменной вершины, хотя послѣдняя и не выдѣлялась своею высотою. Коренные жители скалъ куку-яманы, грифы и уллары, нашли здѣсь для себя привольное убѣжище, тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе, что сама гора, сколько кажется, считается священною у мѣстныхъ тангутовъ.

„Съ самаго прихода осматривали мы въ бинокль заповѣдныя скалы, откуда изрѣдка доносился громкій крикъ улларовъ; громадные грифы [1]) садились по тѣмъ же скаламъ или плавно кружили въ вышинѣ надъ нашей стоянкой; по временамъ прилетала крикливая стайка клушицъ, или одиночный воронъ—и только.

„Но вотъ солнце порядочно уже опустилось къ западу, и словно изъ земли выросло на той же горѣ стадо куку-ямановъ. Они паслись на небольшой лужайкѣ возлѣ скалъ. Простымъ даже глазомъ хорошо было отъ насъ видно, какъ звѣри щипали траву, старые самцы пристально осматривались по сторонамъ, молодые барашки рѣзвились... Трудно было не искуситься подобнымъ соблазномъ—и, уступая общей просьбѣ своихъ спутниковъ, я отпустилъ нѣсколько казаковъ на охоту; самъ отправился съ П. К. Козловымъ на ту же гору, но только за птицами для коллекціи; поэтому мы взяли гладкоствольныя ружья. Казаки пошли нѣсколько раньше, въ обходъ наверхъ скалъ; мы полѣзли къ тѣмъ же скаламъ снизу. Планъ былъ тотъ, что спугнутые нами куку-яманы побѣгутъ вверхъ и наскочатъ на засѣвшихъ тамъ охотниковъ.

„Когда мы разошлись, звѣри, смѣтившіе недоброе, куда-то исчезли.

„Я поднимался вверхъ западнымъ бокомъ горы; Козловъ лѣзъ ея срединою. Условлено было первымъ намъ не стрѣлять, развѣ по какой-нибудь рѣдкой птицѣ, но таковой не отыскалось; мало было даже птицъ вообще. Раскаяніе брало меня, что не пошелъ со штуцеромъ за куку-яманами, но теперь дѣло это было непоправимо. Однако, на всякій случай, я вложилъ въ свое ружье Пёрде пульные патроны и присѣлъ за камень на боковомъ скатѣ горы. Черезъ нѣсколько времени вверху прогремѣли выстрѣлы, немного спустя раздалось эхо сброшенныхъ внизъ камней и, наконецъ, послышался глухой топотъ большого убѣгавшаго стада куку-ямановъ. Опрометью неслись они возлѣ высокихъ верхнихъ скалъ, перебѣжали на моихъ

---

[1]) Снѣжный грифъ (Gyps himalayensis) весьма распространенъ не только въ Гималаяхъ, но по всему Тибету и Тянь-Шаню. Никогда не преслѣдуемая въ Тибетѣ человѣкомъ, наоборотъ, постоянно получающая отъ него подачки въ видѣ мертвыхъ тѣлъ, эта громадная и осторожная птица ведетъ себя крайне довѣрчиво. Странно съ непривычки видѣть, какъ могучая птица, имѣющая около девяти футовъ въ размахѣ крыльевъ, пролетаетъ всего на нѣсколько десятковъ шаговъ надъ палаткою или надъ головою человѣка и тутъ же опускается на землю. Тотъ же грифъ, порою паритъ такъ высоко въ прозрачной синевѣ неба, что бываетъ замѣтенъ въ бинокль въ видѣ маленькой движущейся точки.

Библиотека "Руниверс"

глазахъ чуть не по отвѣсной каменной кручѣ, спустились въ небольшое ущелье, а затѣмъ... о, великая радость! прямехонько направились въ мою сторону. Пуще прежняго притаился я въ своей засадкѣ; даже боялся глядѣть черезъ камень и только слушалъ, какъ приближался ко мнѣ топотъ звѣрей. Думалось—подпущу ихъ какъ можно ближе и уложу пару изъ обоихъ стволовъ. Такъ дѣйствительно и случилось, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Предательскій вѣтерокъ выдалъ чуткимъ животнымъ мое присутствіе... Все стадо сразу пріостановилось, а затѣмъ быстро шарахнулось въ сторону и снова остановилось, столпившись плотною кучею шагахъ въ полутораста отъ моей засадки. Тогда разъ за разомъ пустилъ я двѣ пули, разсчитывая, что онѣ найдутъ виноватыхъ. Послѣ этихъ выстрѣловъ куку-яманы бросились на прежнія скалы; двое же остались на мѣстѣ убитыми наповалъ.

„Вскорѣ на верху опять начались выстрѣлы,—то казаки палили по возвратившимся звѣрямъ, но при наступавшихъ уже сумеркахъ сдѣлали много промаховъ. Одинъ изъ казаковъ въ это время даже стрѣлялъ, какъ онъ объяснилъ „большую лисицу съ длиннымъ хвостомъ“, оказавшуюся леопардомъ, пробѣжавшимъ потомъ невдалекѣ отъ Козлова.

„Тѣмъ и закончилась наша вечерняя охота.

„Назавтра утромъ, мы снарядились опять на ту же гору за куку-яманами. Подзадоривала насъ также и надежда встрѣтить видѣннаго наканунѣ леопарда, но отыскать его не удалось. Опять нѣсколько охотниковъ зашли напередъ вверхъ на скалы; другіе полѣзли снизу. Стрѣлять велѣно было лишь крупныхъ самцовъ, самокъ даромъ не бить.

„Я взялъ винтовку Бердана и отправился въ засадку невдалекѣ отъ вчерашняго мѣста. Здѣсь высилась громадная скала конгломерата, и по ея лишь слегка наклоненному боку, тамъ, гдѣ развѣ можно пробраться мыши, вчера пробѣжало благополучно цѣлое стадо куку-ямановъ. Несомнѣнно, звѣри знали эту дорогу, и послѣ выстрѣловъ нашихъ охотниковъ должны были опять здѣсь спасаться. Настороживъ винтовку, я прилегъ за большой камень. Ожидать пришлось довольно долго. Тихо и спокойно было вокругъ; лишь по временамъ накрапывалъ дождикъ изъ пробѣгавшихъ тучъ. Ягнятники и грифы, чуявшіе добычу, то высоко парили въ облакахъ, то спускались ниже скалъ и налетали на меня совершенно близко. Я слѣдилъ за полетомъ этихъ могучихъ птицъ и любовался ими. Наконецъ, отрывисто раздался гулъ одиночнаго выстрѣла... Довольно заниматься грифами, нужно пристально сторожить ближайшія скалы... Высоко на нихъ вскорѣ показалась стройная фигура куку-ямана и

Библиотека "Руниверс"

быстро исчезла. Еще напряженнѣе сосредоточилось мое вниманіе, еще сильнѣе забилось сердце страстнаго охотника... Вотъ, вотъ, думалось, явятся желанные звѣри, и руки невольно сжимали приготовленную винтовку... Но куку-ямановъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Видно бросились они на другую сторону горы и не подойдутъ къ засадкѣ... Сомнѣніе начинало брать верхъ надъ надеждою, радостное настроеніе замѣнилось унынiемъ, ажитація проходила... Вдругъ, какъ ошпаренный, выскочилъ впереди меня большой самецъ куку-яманъ, постоялъ нѣсколько секундъ и пустился легкою рысью поперекъ отвѣса конгломератовой стѣны, повыше ея средины. За вожакомъ показалось цѣлое стадо и тѣмъ же невѣроятнымъ путемъ бѣжало въ недальнемъ отъ меня разстояніи. Нѣсколько мгновеній я смотрѣлъ совсѣмъ озадаченный на такое необычайное искусство куку-ямановъ; мнѣ казалось, что это двигались тѣни, а не животныя, и только жалобное блеяніе барашковъ разрушило иллюзію. Передовые звѣри миновали уже средину каменной стѣны, когда я наконецъ опомнился и выстрѣлилъ въ рогатаго вожака. Словно оторванный отъ скалы камень, громыхнулся онъ внизъ, сдѣлалъ два-три рикошета по стѣнѣ и кувыркаясь покатился далеко по крутому луговому скату. Стадо на мгновеніе пріостановилось... Я послалъ второй выстрѣлъ—и другой самецъ еще съ большимъ грохотомъ полетѣлъ съ высоты, но, попавши внизу на камни, вскорѣ остановился. Между тѣмъ стадо частью продолжало бѣжать впередъ, частью повернуло по той же стѣнѣ вверхъ и взобралось по такой отвѣсной каменной кручѣ, что у меня, глядя снизу, морозъ далъ по кожѣ. Я даже не сталъ болѣе стрѣлять, соображая, что упавшій съ подобной высоты звѣрь едва-ли будетъ годенъ для коллекціи. Вернувшіеся назадъ куку-яманы вскорѣ опять попали подъ выстрѣлы нашихъ охотниковъ, пока наконецъ не залегли въ неприступныхъ скалахъ.

„Всего въ этотъ день убито было съ десятокъ звѣрей, но нѣкоторыхъ изъ нихъ достать мы не могли. Шерсть на шкурахъ, несмотря на конецъ іюня, была еще хорошая, зимняя. Мяса взяли немного, остальное пошло въ добычу грифамъ, которые еще во время нашей охоты слетѣлись сюда во множествѣ и устроили пиръ горою, лишь только мы возвратились на свой бивуакъ“.

На слѣдующій день, при переправѣ въ бродъ черезъ горную, вздувшуюся отъ дождя рѣчку, едва не утонулъ въ ней В. И. Роборовскій, спасавшій барановъ и едва не сдѣлавшійся жертвою своего ревниваго отношенія къ интересамъ экспедиціи.

Библиотека "Руниверс"

Въ первыхъ числахъ іюля караванъ поднялся вновь на плато Тибета и вновь попалъ въ стужу и сырость. „Сырость,—пишетъ Николай Михайловичъ,—была ужасная. Спали мы на мокрыхъ войлокахъ, носили мокрое платье. Оружіе наше постоянно ржавѣло,—собираемыя въ гербарій растенія невозможно было просушить, вьюки и войлочныя сѣдла верблюдовъ также почти не переставали мокнуть и черезъ то значительно прибавляли своей тяжести.

„Еще сильнѣе отзывались всѣ эти невзгоды на казакахъ. На бивуакѣ двое изъ нихъ ежедневно пасли караванныхъ животныхъ, нерѣдко подъ проливнымъ дождемъ, или сильною метелью. Дежурный и поваръ на такомъ же дождѣ или снѣгѣ варили чай и обѣдъ. Наконецъ, послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, измокшіе, озябшіе и усталые казаки становились по-очередно, обыкновенно также при непогодѣ, на двѣ смѣны ночного караула". Короче—жизнь экспедиціоннаго отряда была крайне трудная, но всѣ члены его держали себя молодцами и каждый свято исполнялъ возложенную на него обязанность. Эта стойкость въ борьбѣ съ природою и лишеніями побудила Николая Михаиловича увѣковѣчить дѣятельность экспедиціоннаго отряда въ тѣхъ мѣстахъ. Одно изъ озеръ верхней Хуанъ-хэ, а именно восточное Пржевальскій назвалъ *Русскимъ*, а западное—*озеромъ Экспедиціи*. „Пусть,—говоритъ онъ,—первое изъ названій свидѣтельствуетъ, что къ таинственнымъ истокамъ Желтой рѣки впервые проникъ русскій человѣкъ, а второе—упрочитъ память нашей здѣсь экспедиціи, которая, какъ будетъ разсказано ниже, оружіемъ завоевала возможность научнаго описанія тѣхъ же озеръ".

При слѣдованіи экспедиціи внизъ по долинѣ Джагынъ-гола, дожди не переставали ее донимать, холода также, въ особенности по ночамъ, когда тихая поверхность болотъ покрывалась ледяною коркой. По-прежнему жители отсутствовали, но звѣрей встрѣчалось множество. Только вблизи озера Экспедиціи, впервые послѣ долгаго промежутка, были обнаружены тибетцы, многочисленной конной партіей, расположившейся на ночлегъ верстахъ въ двѣнадцати отъ нашего бивуака. Предполагая, что это былъ проходящій караванъ, Николай Михайловичъ не обратилъ на него особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе что въ отрядѣ всегда соблюдалась должная осторожность и экспедиціонныя собаки, „Соловей" и „Машка", сторожили отлично.

Библиотека "Руниверс"

...„Наступившая теперь ночь, — пишетъ Пржевальскій — была облачная и очень темная, прошла она благополучно, только собаки сильно лаяли, но часовые наши этимъ не тревожились, предполагая, что кругомъ бивуака бродятъ дикіе яки, которыхъ днемъ очень много паслось по окрестнымъ долинамъ. На разсвѣтѣ дежурный казакъ разбудилъ П. К. Козлова, посмотрѣть показаніе термометра и побудилъ также своихъ товарищей, чтобы вставать; самъ же пошелъ къ огню и началъ раздувать его ручнымъ мѣхомъ. Въ эту минуту вдругъ послышался лошадиный топотъ, и тотчасъ же часовой увидѣлъ большую толпу всадниковъ, скакавшихъ прямо на нашъ бивуакъ; другая куча неслась на насъ сзади. „Нападеніе!“ крикнулъ казакъ и выстрѣлилъ. Тангуты громко, но какъ-то пискливо загикали и пришпорили своихъ коней. Въ одинъ мигъ выскочили мы изъ обѣихъ палатокъ и открыли учащенную пальбу по разбойникамъ, до которыхъ въ это время разстояніе было около полутораста шаговъ. Не ожидая подобной встрѣчи и, вѣроятно, разсчитывая застать насъ врасплохъ спящими, тангуты круто повернули въ стороны и назадъ отъ нашего бивуака. Мы провожали негодяевъ частою пальбою. Къ сожалѣнію, утро было сѣрое и еще не разсвѣло, такъ что нельзя было мѣтко прицѣлиться, въ особенности вдаль. Однако возлѣ нашего бивуака валялись двѣ убитыя лошади и одинъ убитый тангутъ. Кромѣ того, видно было, какъ падали и другіе разбойники, но ихъ ловко подхватывали съ собою товарищи...

„Выбравшись изъ сферы нашихъ выстрѣловъ, разбойники раздѣлились на нѣсколько кучъ и съ вершинъ ближайшихъ холмовъ стали за нами наблюдать. Мы же прочистили свои винтовки, напились чаю, завьючили верблюдовъ и рѣшили самимъ теперь напасть на тангутскій бивуакъ, перекочевавшій ночью не далѣе какъ верстъ на шесть отъ нашей стоянки. Необходимо было это сдѣлать, чтобы отогнать негодяевъ отъ близкаго сосѣдства и отбить у нихъ охоту къ дальнѣйшимъ на насъ нападеніямъ.

„Лишь только караванъ нашъ двинулся въ направленіи тангутскаго бивуака, всѣ до единаго разбойники мигомъ поскакали на свое стойбище. Мы продолжали медленно туда подвигаться съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами на поясѣ и съ сотнею боевыхъ патроновъ у каждаго въ запасѣ; вьючные верблюды и уцѣлѣвшія верховыя лошади шли плотною кучею. Когда такимъ образомъ мы приблизились къ стойбищу разбойниковъ версты на двѣ, то въ бинокль видно было, что вся ихъ ватага, человѣкъ около трехсотъ, выстроилась впереди бивуака верхомъ въ линію; сзади же стояли кучею запасныя и вьючныя лошади. Казалось, что тангуты

Библиотека "Руниверс"

рѣшили дать намъ отпоръ, но не тутъ-то было. Подпустивъ насъ еще немного, разбойники повернули своихъ коней и ну удирать. Но такъ какъ позади тѣхъ же разбойниковъ протекала непроходимая въ бродъ рѣка, то они вынуждены были двинуться наискось мимо насъ въ разстояніи около версты. Тогда, видя, что тангуты уходятъ, догнать же намъ ихъ невозможно, я рѣшилъ палить отсюда, и разъ за разомъ мы пустили четырнадцать залповъ. Несмотря на дальнее разстояніе, пули наши ложились хорошо въ кучу всадниковъ, которые въ топи мото-шириковъ не могли быстро ускакать. Наконецъ, тангуты вышли за предѣлъ самаго дальняго полета нашихъ пуль, и мы прекратили стрѣльбу. Всего, какъ теперь, такъ и утромъ, нами было выпущено около пятисотъ патроновъ. Число же убитыхъ и раненыхъ разбойниковъ мы полагали въ десять человѣкъ; убито было также нѣсколько лошадей.

„Раздѣлавшись съ тангутами, мы вскорѣ вышли на сухое мѣсто гдѣ и раскинули свой бивуакъ. На общей радости всѣ солдаты и казаки были произведены мною за военное отличіе въ унтеръ-офицеры и урядники. Грозная бѣда миновала удачно. Счастье опять намъ послужило, хотя бы и тѣмъ, что наканунѣ я не могъ переправиться черезъ Джагынъ-голъ и уѣхать втроемъ отъ своего крошечнаго отряда“.

На слѣдующій день караванъ пошелъ далѣе на югъ, переправился черезъ рѣчку, которая впадаетъ въ озеро Русское, и Пржевальскій въ память событія назвалъ ее „Разбойничьей“. Въ караванѣ теперь было всего семь лошадей и двадцать четыре верблюда, изъ которыхъ пять едва передвигали ноги. Для облегченія вьюковъ пришлось бросить часть дзамбы и идти по очереди пѣшкомъ. На случай нападенія тангутовъ, усилены были мѣры предосторожности: разъѣзды не посылались, бивуакъ располагался тыломъ къ болоту или озеру—и по ночамъ выставлялись парные часовые; караванныхъ животныхъ пасли у самаго бивуака, и всѣ ложились спать не раздѣваясь и съ оружіемъ возлѣ себя.

Предосторожность эта была не лишнею, такъ какъ, при изслѣдованіи озера Русскаго, нашъ отрядъ подвергся новому нападенію *н'голоковъ*—разбойниковъ, обитающихъ ниже по долинѣ Желтой рѣки. На этотъ разъ разбойники численностью также до трехсотъ человѣкъ напали на экспедицію днемъ и, казалось, дѣйствовали болѣе рѣшительно, нежели прежде.

...„Вся шайка разбойниковъ,—говоритъ Николай Михайловичъ,—приблизившись къ намъ на разстояніе около версты, съ громкимъ

Библиотека "Руниверс"

гиканіемъ бросилась въ атаку. Гулко застучали по влажной глинистой почвѣ копыта коней, частоколомъ замелькали длинныя пики всадниковъ, по встрѣчному вѣтру развѣвались ихъ суконные плащи и длинные черные волосы... Словно туча неслась на насъ эта орда дикая, кровожадная... А на другой сторонѣ, впереди своего бивуака, молча съ прицѣленными винтовками, стояла наша маленькая кучка— четырнадцать человѣкъ, для которыхъ теперь не было иного исхода, какъ смерть или побѣда...

„Когда разстояніе между нами и разбойниками сократилось до пятисотъ шаговъ, я скомандовалъ „пли“ и, полетѣлъ нашъ первый залпъ; затѣмъ началась учащенная пальба. Однако тангуты продолжали скакать, какъ ни въ чемъ нѣ бывало. Ихъ командиръ скакалъ нѣсколько влѣво отъ шайки берегомъ самаго озера и, ободряя своихъ подчиненныхъ (какъ намъ потомъ переводилъ китаецъ): „бросайтесь, бросайтесь, съ нами Богъ (курьезно!), онъ намъ поможетъ“. Черезъ нѣсколько мгновеній лошадь подъ этимъ командиромъ была убита, и самъ онъ, вѣроятно раненый, согнувшись побѣжалъ назадъ. Тогда вся шайка, не доскакавшая до насъ менѣе двухсотъ шаговъ, сразу повернула вправо и скрылась за ближайшій увалъ. Тамъ разбойники спѣшились и открыли въ насъ пальбу на разстояніи около трехсотъ шаговъ. Мы же не могли стрѣлять въ закрытыхъ уваломъ тангутовъ. Тогда я рѣшилъ наудалую штурмомъ выбить ихъ изъ этой засады. Все равно—тангуты могли насъ перестрѣлять на совершенно открытой мѣстности, или ободрившись нашею нерѣшительностью, снова броситься въ атаку. Теперь же роли выгодно для насъ перемѣнились—мы сами шли на разбойниковъ и такою дерзостью искупали свою малочисленность.

„Оставивъ для прикрытія бивуака поручика Роборовскаго съ пятью казаками, съ остальными семью я отправился выбивать тангутовъ. Эти послѣдніе, увидавъ, что мы бѣжимъ къ нимъ, открыли по насъ частую пальбу, которая затѣмъ вдругъ стихла. Когда же первый изъ насъ, именно урядникъ Телешовъ взбѣжалъ на увалъ, то оказалось, что разбойники бросили свою отличную позицію, чтобы успѣть вò-время сѣсть на коней. Конечно, при этомъ произошла немалая суматоха, пользуясь которою мы открыли съ занятаго теперь увала пальбу въ кучу разбойниковъ и убили нѣсколькихъ. Но, какъ и прежде, тангуты подхватывали на всемъ скаку почти всѣхъ погибшихъ или раненыхъ товарищей и увозили ихъ съ собою.

„Отбитые съ ближайшей къ намъ позиціи разбойники скрылись за слѣдующій увалъ. Тогда, воспользовавшись нѣсколькими свободными минутами, мы живо протерли смоченными тряпками закоптѣлые,

Библиотека "Руниверс"

сильно нагрѣвшіеся стволы своихъ винтовокъ и пополнили запасъ патроновъ. Ихъ принесъ къ намъ на увалъ переводчикъ-китаецъ, тотъ самый, который, при первомъ ночномъ нападеніи, забился въ палаткѣ подъ войлоки и долго не выходилъ оттуда. Теперь же онъ набрался храбрости и кромѣ патроновъ притащилъ ведро воды для питья.

„Засѣвшіе на второмъ увалѣ тангуты вскорѣ открыли опять по насъ стрѣльбу. Пришлось ихъ вновь выбивать. Но нельзя было оставить и занятый увалъ, иначе мы могли быть отрѣзанными отъ своего бивуака. Тогда я остался самъ-третей на этомъ увалѣ и послалъ вольноопредѣляющагося Козлова съ четырьмя казаками впередъ и нѣсколько въ сторону, на небольшую горку, откуда пальбою берданокъ разбойники вскорѣ были прогнаны изъ новой своей засады. Между тѣмъ часть шайки, человѣкъ около пятидесяти, полагая, что нашъ бивуакъ оставленъ безъ прикрытія, бросились туда, но были встрѣчены пальбою оставленныхъ людей и отбиты. Тогда, видя всюду неудачу, тангуты начали отступать къ горамъ, останавливаясь гдѣ можно за бугорками и небольшими увалами. Мы провожали негодяевъ пальбою, пока только могли долетать пули берданокъ. Наконецъ вся орда выбралась изъ сферы нашихъ выстрѣловъ и, собравшись въ кучу, остановилась, вѣроятно, для перевязки раненыхъ. Въ это время выѣхала изъ горъ новая партія человѣкъ въ пятьдесятъ, вѣроятно остававшихся на бивуакѣ; они присоединились теперь къ своимъ товарищамъ. Мы оставались на прежнихъ позиціяхъ, ожидая новаго нападенія. Но тангуты, простоявъ еще немного, направились, въ наступавшія уже сумерки, въ горы тѣмъ самымъ ущельемъ, которымъ выѣхали. Когда разбойники скрылись, мы вернулись на свой бивуакъ. Здѣсь оказалась раненою одна лошадь, которой тангутская пуля попала въ ногу. Всѣ же мы опять уцѣлѣли. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ, и за это время мы выпустили около восьмисотъ патроновъ. Разбойниковъ было убито и ранено, по нашему общему заключенію, до тридцати человѣкъ“.

Предполагая, что разбойники могутъ атаковать бивуакъ ночью, участники экспедиціи не спали до утра и просидѣли въ двухъ группахъ по флангамъ своего расположенія. Ночь была темная, шелъ дождь и бушевалъ сильный западный вѣтеръ, но къ счастью нападенія не послѣдовало.

„Товарищи! писалъ Пржевальскій въ приказѣ по своему отряду. Вчера было сдѣлано новое на насъ нападеніе разбойничьей тангутской шайки, численностью около трехсотъ человѣкъ. Вы мужественно встрѣтили лютаго врага въ двадцать разъ многочислен-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшаго, и послѣ двухчасового боя разбили и прогнали его. Этою побѣдою, равно какъ и предшествовавшею, куплено изслѣдованіе большихъ до сихъ поръ невѣдомыхъ озеръ верхняго теченія Желтой рѣки. Вы сослужили славную службу для науки и для славы русскаго имени! За таковой подвигъ я буду ходатайствовать о награжденіи каждаго изъ васъ знакомъ отличія военнаго ордена...“

Вслѣдъ затѣмъ, экспедиція направилась вдоль южной окраины озеръ и самой долины Хуанъ-хэ, къ Цайдаму, котораго успѣшно и достигла въ началѣ августа. На складѣ нашемъ все оказалось благополучнымъ. Отсюда были отправлены письма къ роднымъ и знакомымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пржевальскій просилъ русскаго консула въ Кашгарѣ, Петровскаго, похлопотать у хотанскихъ властей, чтобы они давали проводниковъ и содѣйствовали покупкѣ разныхъ продуктовъ. „Болѣе ничего не требуется, писалъ Николай Михайловичъ; никакихъ конвоевъ и парадныхъ встрѣчъ намъ не нужно, все это только великая помѣха для работъ экспедиціи. — Мы всѣ находимся въ вожделѣнномъ здравіи, живемъ дружно и помаленьку мастеримъ великое дѣло изслѣдованія Тибета. Мои спутники, казаки и солдаты, отличные люди, съ которыми можно пройдти вездѣ и сдѣлать все“.

— Собственно говоря, справедливо замѣчаетъ Н. Ѳ. Дубровинъ, Пржевальскій представлялъ собою имя собирательное—духъ цѣлой горсти людей. При его имени нельзя не вспомнить его спутниковъ: Ягунова, Пыльцова, Эклона, Роборовскаго, Козлова... нельзя не вспомнить замѣчательныхъ участниковъ конвоя: Иринчинова, Нефедова, Телешова, Иванова... Всѣ они подчинялись духу и волѣ Николая Михайловича. Его желанія были ихъ желаніями и другихъ имѣть они не могли. Своихъ спутниковъ онъ любилъ какъ дѣтей и искренно былъ благодаренъ, когда оказывали имъ вниманіе—оно было для него дороже, чѣмъ оказанное ему самому.

.... „Отъ посѣщенія Лхасы отказываюсь, писалъ Пржевальскій одному изъ друзей, въ виду важности намѣченныхъ изслѣдованій и возможности того, что насъ опять не пустятъ въ столицу Далай-Ламы, въ особенности послѣ двукратнаго побитія тангутовъ на Желтой рѣкѣ“.

Во время двухнедѣльнаго отдыха въ Цайдамѣ, караванъ успѣлъ отремонтироваться во многихъ отношеніяхъ и въ самое лучшее время года — осенью направился къ западу вдоль Цайдамской равнины. Невольная продолжительная остановка въ Номохунъ-хото,

Библиотека "Руниверс"

по случаю болѣзни верблюдовъ, дала возможность экспедиціи въ лучшемъ уголкѣ Цайдама, при рѣчкѣ и порядочной площади хлѣбныхъ полей, наблюсти осенній пролетъ пернатыхъ и добыть помимо птицъ еще и мѣстныхъ грызуновъ. За растительной полосой Цайдамской равнины потянулась пустыня то глинистая, то каменистая, до отличнаго урочища Гасъ, гдѣ экспедиція сосредоточила вторую свою базу.

Зимняя экскурсія на сѣверное тибетское нагорье исполнена съ большимъ напряженіемъ физическихъ силъ; холода, бури, разрѣженный воздухъ дали себя почувствовать даже нашимъ сильнымъ организмамъ. Только географическія открытія большой важности—открытіе новыхъ колоссальныхъ хребтовъ, озеръ, которымъ по праву перваго изслѣдователя Пржевальскій далъ свои названія, удачныя пополненія зоологическихъ коллекцій крупными формами млекопитающихъ въ родѣ, напримѣръ, каменнаго барана или аргали Дамы-Ламы (Ovis Dalai-Lamae),—только сознаніе важности задачи въ связи съ беззавѣтнымъ стремленіемъ къ общему познанію облегчали всѣ трудности и невзгоды и помогли обслѣдовать значительный районъ, не посѣщенный до насъ никѣмъ изъ европейцевъ. „Далѣе не пошли, говоритъ Николай Михайловичъ, ибо наши лошади въ конецъ устали, да и продовольственные запасы почти совсѣмъ истощились. Но чтобы осмотрѣть, на сколько возможно, мѣстность еще впереди, я отправился съ послѣдняго бивуака въ недалекую окраину Цайдамскаго хребта и, поднявшись здѣсь тысячи на полторы футовъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя засѣчки буссолью. Случайно выпавшая на нѣсколько часовъ хорошая, ясная погода, вполнѣ благопріятствовала этой экскурсіи. Высокія горы вверхъ и внизъ по долинѣ Хатынъ-зана были отлично видны на далекомъ протяженіи. Между ними громадная Джинъ-ри рельефно выдѣлялась на свѣтло-голубомъ фонѣ неба. Ея ледники блестѣли на солнцѣ, словно гигантскія зеркала. Гривою протягивалась отъ названной горы къ западу, верстъ на двадцать пять—тридцать, такая же громадная ледниковая масса, вѣроятно зачатокъ хребта Колумба. Долина наша къ востоко-юго-востоку уходила за горизонтъ. Въ ближайшей ея части замерзшій Хатынъ-занъ тянулся серебряною лентою и, заворачивая круто къ югу, прятался въ горахъ, вблизи своихъ истоковъ. Къ сѣверу совсѣмъ близко высилась западная снѣговая группа Цайдамскаго хребта и заслоняла собою болѣе далекій въ эту сторону горизонтъ.

„Такимъ образомъ, въ связи съ предшествовавшими изысканіями, достаточно выяснилось теперь положеніе какъ ближайшихъ

Библиотека "Руниверс"

намъ хребтовъ, такъ и долины Хатынъ-зана. Можно было возвратиться на складъ".

Одиннадцатаго января 1885 года тибетская экскурсія была окончена: путешественники всѣ собрались въ Гасѣ. Погода сдѣлалась теплѣе и, пользуясь этимъ, всѣ стали приводить себя въ порядокъ: стриглись, мылись, чистились, чинились, и на сколько позволяли средства отпраздновали Новый годъ.

Трое сутокъ было употреблено на просушиваніе собранныхъ зоологическихъ коллекцій, перекладку багажа, исправленіе вьюковъ и проч. Затѣмъ, мы покинули свою прекрасную стоянку и направились къ сѣверу на Лобъ-норъ, по пути, отысканному разъѣздомъ еще въ ноябрѣ прошлаго года.

Въ концѣ января экспедиція пришла на Лобъ-норъ и устроилась лагеремъ на старомъ, хорошо знакомомъ Пржевальскому мѣстѣ, возлѣ селенія Абдалъ. Лобнорцы оказались радушными и предупредительными. Продовольствія для чиновъ экспедиціи доставлялось въ изобиліи. Жизнь шла спокойно, ея однообразіе ничѣмъ не нарушалось. Симпатичнѣйшій старичекъ—Кунчиканъ-бекъ былъ нашимъ ежедневнымъ желаннымъ гостемъ...

Только, однажды, вскорѣ съ прихода на Лобъ-норъ, экспедицію побезпокоилъ царственный звѣрь—тигръ, задушившій ея огромнѣйшаго пса, пріобрѣтеннаго въ Цайдамѣ... Въ ту же ночь тигръ умертвилъ возлѣ Абдалъ корову и осла, и безнаказанно ушелъ въ глубь высокихъ камышей.

Между тѣмъ наступилъ февраль, съ которымъ объявилось весеннее тепло и полетѣли птицы. Лобъ-норъ пробудился, ожилъ. Появилось большое оживленіе и среди участниковъ экспедиціи. Больше другихъ охотился самъ Николай Михайловичъ и его ближайшіе сотрудники... Охоты предпринимались компаніей или въ одиночку по утрамъ, вечерамъ или даже во всякіе другіе часы теплаго солнечнаго дня, въ особенности въ періодъ валового пролета, когда въ воздухѣ ни днемъ, ни ночью не смолкали голоса пернатыхъ.

.... „Съ вечера приготовлены, пишетъ Николай Михайловичъ—ружье, патроны и охотничье одѣяніе. Дежурному на послѣдней смѣнѣ казаку приказано разбудить, чуть забрежжитъ заря. Быстро промелькнетъ ночь и живо откликнешься на будящій зовъ дежурнаго. Одѣнешься и тихомолкомъ выйдешь изъ юрты, въ которой крѣпкимъ сномъ спятъ товарищи. Едва замѣтная полоска свѣта начинаетъ отливать на востокѣ, но еще не слышно голосовъ птицъ;

Библиотека "Руниверс"

только изрѣдка гогочутъ гуси да гукаетъ выпь. Поспѣшно отправляешься къ своей засадкѣ. Тропинки туда хотя нѣтъ, но мѣстность хорошо знакома, такъ что и въ темнотѣ знаешь, гдѣ перейти поперечную канавку, или пролѣзть сквозь тростникъ. Нѣсколько утокъ и гусей, вспугнутыхъ по пути, шумно захлопали крыльями и отлетѣли въ сторону. Но вотъ и засадка — маленькій клочекъ полусырой земли среди разливовъ и тростника; послѣднимъ заранѣе огорожено то мѣсто, гдѣ нужно спрятаться. Снимешь фуражку, чтобы лучше укрыться, и садишься на тростниковую подстилку. Ждать приходится не долго. На востокѣ побѣлѣла уже порядочная полоска неба, и одна за другой начинаютъ просыпаться птицы. Громче и усерднѣе загоготали гуси, запищали въ тростникѣ лысухи, учащеннѣе раздается гуканье выпи и звонкій голосъ водяного коростеля, свистятъ, крякаютъ и кыркаютъ разныя утки; затѣмъ, когда еще посвѣтлѣетъ, запоютъ жаворонки, камышевыя стренатки и сорокопуты; по временамъ раздается отвратительное карканье вороны и крикъ лѣниво летящей чайки или сѣрой цапли... Не разнообразна и не богата серія лобъ-норскихъ пѣвцовъ, но и такимъ радуешься въ здѣшнихъ пустыняхъ; все-таки же это жизнь, а не могильное молчаніе безплодныхъ равнинъ, гдѣ только завываніе бури нарушаетъ вѣковую тишину...

„Однако наслажденіе природою не совершенно поглощаетъ вниманіе охотника. Онъ прислушивается и напряженно осматривается по сторонамъ, выжидая добычи.

„Нѣсколько разъ утки пролетали черезъ засадку, даже садились возлѣ на чистую воду, но на нихъ не обращается вниманіе. Гуси то парами, то небольшими стайками перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; передовые самцы гогочутъ—въ знакъ успокоенія товарищей. Но ошибся одинъ изъ такихъ вожаковъ и навелъ стадо на роковое мѣсто. Охотникъ издали замѣтилъ добычу и еще болѣе притаился въ своемъ уголкѣ. Когда же птицы налетѣли на голову—быстро вскинуто ружье и выстрѣлъ или два загремѣли въ тишинѣ ранняго утра. Тяжело шлепнулся на воду убитый гусь, съ громкимъ крикомъ начали улепетывать остальные... Грохотъ выстрѣла переполошилъ и другихъ птицъ по-близости. Бросились онѣ, которыя куда, сами не зная, въ чемъ дѣло и гдѣ опасность. По всѣмъ направленіямъ засновали утки; лысуха низко перелетѣла изъ одного тростника въ другой; ближайшіе гуси также поднялись и полетѣли въ стороны... Охотникъ тѣмъ временемъ вложилъ въ свое ружье новый патронъ и ждетъ новой добычи. Въ суматохѣ нерѣдко вновь налетаютъ гуси и опять раздаются по нимъ выстрѣлы. Затѣмъ, понемногу, все успокоивается и начинаетъ веселиться по-прежнему.

Библиотека "Руниверс"

„Между тѣмъ восходитъ солнце, но не яркое, какъ у насъ, а какимъ-то мутнымъ дискомъ, сначала чуть замѣтнымъ сквозь нижніе слои пыльной атмосферы; вверху же небо довольно чисто и лишь кое-гдѣ по немъ разсыпаны легкія перистыя облака. Теплота, несмотря на раннее утро, довольно значительная; росы нѣтъ, хотя кругомъ вода и болота. Съ восходомъ солнца начинается летъ утокъ вдоль Лобъ-нора—это запоздавшія пролетныя стаи направляются къ сѣверу, а нѣкоторыя изъ нихъ только что сюда прилетѣли. Такія стаи обыкновенно идутъ внѣ выстрѣла; шумъ ихъ крыльевъ напоминаетъ порывъ сильнаго вѣтра. Мѣстныя же птицы летаютъ низко, не торопясь и не въ одномъ направленіи, но какъ попало. Утокъ по-прежнему не стрѣляешь, развѣ изрѣдка пустишь зарядъ въ стайку красноносокъ—ожидаешь бѣлую цаплю или большую чайку, которыя нужны для коллекціи. Но эти птицы рѣдки на Лобъ-норѣ, такъ что, прождавъ иногда напрасно часовъ до семи утра, выходишь изъ засады и со скудною добычею возвращаешься на бивуакъ“.

Двадцатаго марта Пржевальскій во главѣ экспедиціи оставилъ Лобъ-норъ. Наступилъ послѣдній періодъ экспедиціи, въ который ставился на очередь изслѣдованія Восточный Туркестанъ. Начальный маршрутъ пролегалъ черезъ населенные магометанами пункты: Чаккаликъ, Черченъ и, особенно отрадный послѣ пустыни, оазисъ Ясулгунъ въ древне-историческій городъ Кэрію. „Въ Ясулгунѣ, говоритъ Николай Михайловичъ, была отпразднована нами шестая тысяча верстъ пути отъ Кяхты. Такія празднества, конечно, по средствамъ, какія имѣлись на лицо, мы устраивали послѣ каждой пройденной тысячи верстъ.

„Тѣ же ясулгунцы сообщили теперь намъ нѣсколько интересныхъ подробностей относительно нелѣпой трусости и секретныхъ козней противъ насъ со стороны китайцевъ. Эти послѣдніе не только всюду запретили туземцамъ входить съ нами въ близкія сношенія и сообщать правду на наши разспросы, но даже приказали увести въ горы мѣстныхъ верблюдовъ, также частью лошадей и вслѣдъ за ними прогнать стада барановъ, чтобы скрыть слѣды. Затѣмъ, узнавъ, что мы намѣрены пройдти въ Тибетъ изъ Кэріи, мѣстный китайскій начальникъ послалъ разрушить въ горахъ мостъ и испортить дорогу. Тотъ же начальникъ или, какъ его здѣсь величаютъ, амбань, приказалъ собрать въ Кэріи отъ жителей запасной хлѣбъ, сложилъ его въ восьми сакляхъ и подложилъ мину, чтобы взорвать ее въ случаѣ возстанія жителей по нашемъ приходѣ.

Библиотека "Руниверс"

Самъ амбань нѣсколько ночей сряду выѣзжалъ съ конвоемъ изъ города и ночевалъ въ палаткѣ, опасаясь быть застигнутымъ врасплохъ.

Ранѣе того, полицейскіе въ Кэріи отбирали у обывателей небольшіе ножи, носимые на поясахъ, и отламывали у этихъ ножей острые концы, дабы сдѣлать такое невинное оружіе еще болѣе безопаснымъ. Кромѣ того, китайцы, да и туземцы были убѣждены, что въ большихъ ящикахъ, гдѣ возились собранныя нами коллекціи, спрятаны наши солдаты. Словомъ, какъ теперь, такъ и послѣ не прекращались нелѣпые слухи и выходки, которыми китайцы старались повредить намъ, заявляли лишь свою трусость и дискредитировали себя въ глазахъ мѣстнаго населенія. Для насъ же ясно теперь стало, что изъ Восточнаго Туркестана мы не могли бы попасть въ Тибетъ и что весьма предусмотрительно нынѣшнее путешествіе начато было изъ Кяхты".

Перваго іюня экспедиція выступила изъ Ясулгуна въ Кэрію. „Это огромный оазисъ, пишетъ про Кэрію Николай Михайловичъ, въ которомъ до трехъ тысячъ фермъ. Фруктовые сады сплошь, и мы теперь объѣдаемся абрикосами... Намъ устроенъ былъ парадный пріемъ. Помимо солдатъ, собраны были всѣ власти Кэріи; въ воротахъ помѣщенія китайскаго начальника намъ салютовали тремя выстрѣлами и музыкою; хозяинъ встрѣтилъ насъ и проводилъ въ свою фанзу, гдѣ самъ подавалъ намъ чай". Эти любезности не мѣшали сдѣлать подъ рукою распоряженія иного рода—чтобы туземное населеніе не посѣщало русскихъ и не разсказывало бы имъ объ отношеніяхъ ихъ къ китайской администраціи. Любопытство однако же пересиливало угрозы, и туземцы постоянно приходили на нашъ бивуакъ. Не малою для нихъ приманкою была гармоника, на которой, по вечерамъ, играли казаки. Слухъ объ этомъ удивительномъ инструментѣ шелъ далеко впереди экспедиціи и притягивалъ многихъ. Рядомъ съ этимъ, китайскія власти принимали бо̀льшія мѣры къ тому, чтобы затруднить наше путешествіе на югъ; они не стѣснялись портить дороги, уничтожать мосты, горные карнизы и проч.

„Но опять не посчастливилось китайцамъ, говоритъ Пржевальскій, для насъ гораздо интереснѣе идти отъ Кэріи на юго-востокъ, чѣмъ прямо на югъ. При первомъ свиданіи, я объявилъ китайскому амбаню, что мы пойдемъ на юго-востокъ, и что если туземцы—показываю видъ, что китайцы этого не сдѣлаютъ—вздумаютъ испортить дорогу, то для починки ея, я призову русскихъ солдатъ изъ Кашгара. Китайцы даже глаза вытаращили при подобной угрозѣ и тотчасъ же обѣщали принять мѣры къ охраненію пути. Затѣмъ, по

Библиотека "Руниверс"

моему требованію, амбань приказалъ отвести въ Кэріи фанзу для склада нашего лишняго багажа, собранныхъ коллекцій и мѣста для пастьбы нашихъ верблюдовъ".

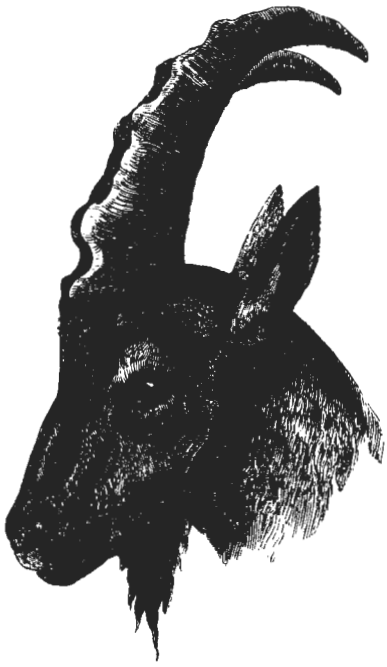
Туземцы очень скоро поняли настоящую суть отношеній китайцевъ и русскихъ и исправляя дороги по приказанію русскихъ, какъ приводили ихъ только недавно въ невозможный видъ по приказанію китайцевъ, еще болѣе возненавидѣли своихъ управителей и готовы были при первомъ удобномъ случаѣ вырѣзать ихъ.

— Прикажи, говорили они Пржевальскому,—мы сейчасъ пойдемъ рѣзать китайцевъ. Мы ничего не желаемъ, какъ только быть подъ властью Бѣлаго Царя. Мы знаемъ, какая теперь справедливость водворилась въ русскомъ Туркестанѣ... А у насъ—каждый китайскій чиновникъ, даже каждый китайскій солдатъ могутъ безнаказанно бить кого угодно, отнять имущество, жену, дѣтей. Подати съ насъ берутъ непомѣрныя. Мы не можемъ долго выносить подобнаго положенія; у многихъ изъ насъ заготовлено и спрятано оружіе. Одно только горе—нѣтъ головы, общаго руководителя. Дай намъ хотя простого казака; пусть онъ будетъ нашимъ командиромъ".

Съ Кэрійской рѣки экспедиція направилась вверхъ по лѣвому ея притоку—Курабу, въ долинѣ котораго встрѣтила колонію Пòлу, гдѣ и провела около недѣли времени. Получивъ отъ китайцевъ самые неодобрительные отзывы о русскихъ, о ихъ якобы грабежахъ и насиліяхъ, полу'сцы вначалѣ старались сторониться экспедиціи, не входили съ ней ни въ какія сношенія и даже спрятали лучшую одежду и лучшія вещи въ горахъ, но, когда увидѣли и убѣдились въ обратномъ тому, что говорили китайцы, то такъ подружились съ нами, что устроили „тамашу"—танцовальный вечеръ съ музыкою и скоморохами. „Наши казаки, говоритъ Николай Михайловичъ, также принимали участіе въ общемъ веселіи, лихо отплясывали по-своему, подъ звуки гармоники; инструментъ этотъ приводилъ слушающихъ въ восторгъ. Въ антрактахъ танцевъ появлялись скоморохи: одинъ наряженный обезьяною, другой козломъ, третій, изображавшій женщину, верхомъ на лошади, выдѣлывалъ очень искусныя штуки. Сначала наше присутствіе немного стѣсняло туземцевъ, которые даже извинялись, что ихъ женщины не могли хорошо нарядиться, ибо лучшее платье, вслѣдствіе китайскихъ навѣтовъ, далеко спрятано въ горахъ, потомъ всѣ освоились и веселились отъ души. Вообще, наши казаки до того очаровали мѣстныхъ красавицъ, что когда мы уходили изъ Пòлу, женщины плакали навзрыдъ, приговаривая: „уходятъ русскіе молодцы, скучно намъ безъ нихъ будетъ".

Библиотека "Руниверс"

Въ нагорной полосѣ, гдѣ слѣдовала экспедиція, дожди почти не переставали, караванныя животныя—лошади измучились и половина изъ нихъ была не годна для движенія по глинисто-каменистымъ скользкимъ дорогамъ. Между тѣмъ направленіе Кэрійскаго хребта [1]), его топографическій рельефъ, флора и фауна достаточно были обслѣдованы, и Николай Михайловичъ рѣшилъ спуститься съ горъ на

Горный козелъ (Capra sibirica).

Кэрійско-хотанскую дорогу, въ оазисъ Чира, куда, черезъ извѣстный промежутокъ времени, былъ доставленъ и экспедиціонный транспортъ, остававшійся на складѣ въ Кэріи.

---

[1]) Въ скалистыхъ частяхъ означеннаго хребта, вблизи альпійскихъ луговъ, держится очень осторожный звѣрь—горный козелъ (Capra sibirica), за которымъ охота еще болѣе затрудняется мало-доступной, по крутизнѣ, мѣстностью и осыпями скалъ, не дающими возможности подкрасться незамѣченнымъ къ звѣрю. Рисунокъ головы этого крупнаго млекопитающагося представленъ здѣсь вниманію читателя.

Библиотека "Руниверс"

Въ оазисѣ же Чира экспедиція получила почту, направленную сюда изъ Кашгара консуломъ Н. Ѳ. Петровскимъ, котораго Пржевальскій очень благодарилъ за это. „Словъ не придумаю, писалъ ему Николай Михайловичъ, какъ благодарить васъ за ваше заботливое вниманіе. Весь вчерашній день и сегодняшній для насъ великіе праздники. Не знаемъ съ чего начать читать; лихорадочно хватаешь то тотъ, то другой номеръ газетъ;—вездѣ новое и новое. Только грустно, что вездѣ одинъ и тотъ же напѣвъ—ссоры, драки, война, будто все это совершается не въ цивилизованномъ мірѣ, а среди кровожадныхъ дикарей...“

Въ концѣ августа экспедиція прибыла уже въ Хотанъ, но и тутъ не обошлось безъ непріятностей со стороны китайцевъ. Въ Хотанѣ всегда имѣется значительное количество русскихъ подданныхъ, мусульманъ, которые издавна ведутъ здѣсь торговлю, наравнѣ съ китайскими и мѣстными торговцами. Вотъ эти-то русско-подданные мусульмане-купцы и вздумали устроить экспедиціи встрѣчу съ „хлѣбомъ-солью“, съ дарами, что въ высшей степени не понравилось китайцамъ, и китайская чернь—солдаты напали на экспедиціоннаго переводчика Абдула и на сопровождавшаго его въ ямынь купца-мусульманина, и обоихъ порядкомъ поколотили.

Разгнѣванный Пржевальскій объявилъ, что оставитъ это дѣло только тогда, когда виновные будутъ наказаны на глазахъ экспедиціи или будутъ просить прощенія у переводчика и аксакаловъ—сѣдобородыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы быть болѣе обезпеченнымъ отъ нападенія и имѣть болѣе самостоятельности, начальникъ экспедиціи перенесъ свой бивуакъ на болѣе открытое мѣсто, дававшее полный просторъ для дѣятельности берданокъ и револьверовъ. „Отсюда, говоритъ Пржевальскій, были отправлены въ городъ поручикъ Роборовскій, г. Козловъ, переводчикъ и десять казаковъ *прогуляться* передъ китайцами. Посланные были вооружены винтовками, съ примкнутыми штыками и несли съ собою каждый по сотнѣ патроновъ. Роборовскому поручено было отъ меня пройти черезъ весь мусульманскій городъ въ китайскій, отдохнуть немного тамъ и вернуться обратно; въ случаѣ же нападенія китайскихъ солдатъ—стрѣлять въ нихъ. Страннымъ, невѣроятнымъ можетъ казаться издали, въ особенности по европейскимъ понятіямъ, подобный поступокъ, но въ Азіи, тѣмъ болѣе имѣя дѣло съ китайцами, малѣйшая уступчивость несомнѣнно приведетъ къ печальнымъ результатамъ; тогда какъ смѣлость, настойчивость и дерзость изъ десяти разъ на девять выручатъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ“.

При одобрительныхъ крикахъ толпы, молодцовато, стройно про-

Библиотека "Руниверс"

шли казаки въ крѣпость, сдѣлали тамъ привалъ и затѣмъ съ пѣснями возвратились обратно.

На другой день амбань прислалъ чиновника съ просьбою позабыть случившееся. При этомъ чиновникъ говорилъ, что солдаты не подчинены амбаню, не слушаются его и даже дѣлаютъ дерзости ему самому, что амбань писалъ объ этомъ по начальству, и нѣтъ сомнѣнія, что виновные будутъ наказаны. Тѣмъ не менѣе Пржевальскій настоялъ на пріѣздѣ въ лагерь экспедиціи самого амбаня и въ принесеніи имъ извиненій, что было весьма важно для уничтоженія среди туземцевъ тѣхъ толковъ, которые распускали китайцы. Только тогда взаимныя отношенія приняли дружественный характеръ, и о происшествіи болѣе не упоминалось.

Между тѣмъ близился конецъ путешествію, и этого конца экспедиція ждала съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ все китайское надоѣло страшнымъ образомъ; всѣ безконечно были счастливы, подняться на Небесный хребетъ—перевалъ Бедель въ Тянь-Шанѣ,—достигнувъ, такимъ образомъ, отечественной границы. На самой вершинѣ перевала, открывавшаго далекіе виды по сторонамъ, Пржевальскій поздравилъ всѣхъ насъ съ блестящимъ выполненіемъ задачи и подарилъ винтовки, съ которыми мы все время путешествовали. Стоя въ сосѣдствѣ снѣговыхъ, блестящихъ на солнцѣ, вершинъ, на высотѣ 13.700 футовъ надъ моремъ, стоя на грани китайско-русскихъ владѣній, мы сдѣлали залпъ изъ винтовокъ и револьверовъ и тѣмъ распрощались съ чужбиной.

...„Сегодня [1]) для насъ знаменательный день, взволнованнымъ голосомъ сказалъ намъ Пржевальскій, сегодня мы перешли китайскую границу и вступили на родную землю. Болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ мы начали изъ Кяхты свое путешествіе. Мы пускались тогда въ глубь азіатскихъ пустынь, имѣя съ собою лишь одного союзника—отвагу; все остальное стояло противъ насъ: и природа и люди. Вспомните—мы ходили то по сыпучимъ пескамъ Алашаня и Тарима, то по болотамъ Цайдама и Тибета, то по громаднымъ горнымъ хребтамъ, перевалы черезъ которые лежатъ на заоблачной высотѣ. Мы жили два года, какъ дикари, подъ открытымъ небомъ, въ палаткахъ или юртахъ и переносили то сорокаградусные жары, то ужасныя бури пустыни. Ко всему этому по временамъ прибавлялось недружелюбіе, иногда даже открытая

---

[1]) Двадцать девятаго октября 1885 года.

Библиотека "Руниверс"

вражда туземцевъ. Вспомните, какъ на насъ дважды нападали тангуты въ Тибетѣ, какъ постоянно обманывали монголы Цайдама, какъ лицемѣрно-враждебно относились къ намъ китайцы.

„Но ни трудности дикой природы пустыни, ни препоны со стороны враждебно настроеннаго населенія,—ничто не могло остановить насъ. Мы выполнили свою задачу до конца—прошли и изслѣдовали тѣ мѣстности Центральной Азіи, въ бо̀льшей части которыхъ еще не ступала нога европейца. О вашихъ подвигахъ я повѣдаю всему свѣту. Теперь же обнимаю каждаго изъ васъ и благодарю за службу вѣрную—отъ имени Государя Императора, насъ пославшаго, отъ имени науки, которой мы служили, и отъ имени родины, которую мы прославили..."

...Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мое юное сердце трепетало и билось при этихъ живыхъ словахъ незабвеннаго Пржевальскаго, но я ихъ помню какъ вчера, я помню и голосъ, и самое лицо вдохновеннаго учителя... я помню и тотъ горячій поцѣлуй, который объединилъ наши радостныя души...

Угрюмое плато Тянь-Шаня и дикое, красивое ущелье вывело экспедицію въ привѣтливую долину Иссыкъ-куля. Пахнуло чѣмъ-то радостнымъ, дорогимъ, счастливымъ,—пахнуло родиной! Первый человѣкъ, котораго мы здѣсь увидѣли, былъ русскій мужичекъ, везшій возъ сѣна на русской лошадкѣ, запряженной по-русски. Когда мы проходили вблизи него, когда онъ остановился и своимъ добродушнымъ взглядомъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на насъ, и одною рукою гладилъ свою русую бороду, а другою снялъ шапку, и особенно симпатично произнесъ на родномъ языкѣ: „здравствуйте!"—мнѣ хотѣлось подбѣжать къ нему и крѣпко-крѣпко его обнять,—такъ волновался я тогда отъ избытка чистаго восторга...

Вблизи перваго русскаго города Каракола мы были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими намъ, въ заранѣе приготовленной юртѣ, русскую „хлѣбъ-соль"... а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ осчастливленъ полученіемъ поздравительной депеши Наслѣдника Цесаревича „съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами".

„Такъ сегодня—седьмого ноября, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, окончилось четвертое мое путешествіе въ Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жалко, больно съ нею разставаться—быть можетъ надолго,

Библиотека "Руниверс"

если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти въ глубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣланномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукѣ...

„Снова бури миновали,
Снова невредимъ пловецъ...
Снова, снова не сказали,
Что для бурь насталъ конецъ“...

П. Козловъ.

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ на островѣ св. Елены [1]).

Обычною темою разговора между Наполеономъ и докторомъ О'Меара были тѣ безцѣльныя и излишнія строгости, какимъ стремился подчинить бывшаго императора Гудсонъ Лоу, назначенный губернаторомъ острова [2]).

На занимаемый имъ важный въ то время постъ нужно было послать человѣка твердаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливаго и гуманнаго, который съумѣлъ бы облечь всякій отказъ въ мягкую форму, съумѣлъ бы позолотить самую горькую пилюлю; Гудсонъ Лоу былъ далекъ отъ этого идеала.

Крайняя придирчивость и жестокость этого человѣка засвидѣтельствована не только всѣми французами, состоявшими при Наполеонѣ, но и комиссарами иностранныхъ державъ, которые были посланы для наблюденія за Наполеономъ. По ихъ отзыву это былъ человѣкъ холодный, недалекаго ума, котораго угнетала лежавшая на немъ отвѣтственность. Онъ боялся всякой бездѣлицы, которая могла уронить его въ глазахъ правительства. У него была одна мысль---устеречь Наполеона. „Онъ безустанно трудился надъ укрѣпленіемъ острова, ставилъ въ разныхъ мѣстахъ новые телеграфы и батареи, удвоивалъ караулы въ Лонгвудѣ. Его постоянно можно было видѣть верхомъ, окруженнаго инженерами и мчащагося галопомъ то туда, то сюда".

„Стоило ему задать вопросъ о Бонапартѣ, говоритъ русскій комиссаръ гр. Бальменъ, или о комъ-нибудь изъ французовъ, и

---

[1]) См. „Русск. Стар.": янв., февр. 1912 г.

[2]) Complément du Mémorial de Sainte Hélène. Napoléon en exil, par O'Meara. P. 1824 г. и 1897 г.

Napoléon à Sainte Hélène. Souvenir de Betzy Balcombe. Paris 1898 г.

Изъ бумагъ графа де Бальмэна. „Рус. Архивъ" 1868 г. и 1869 г.

Библиотека "Руниверс"

онъ начиналъ хмуриться, воображая, что ему разставляютъ сѣти, и отвѣчалъ полусловами. Если ему противорѣчили, онъ горячился, не помнилъ себя, не зналъ что сказать и терялъ окончательно голову. Имѣть съ нимъ дѣловыя сношенія и оставаться въ мирѣ невозможно".

„Не желаю произносить слишкомъ поспѣшнаго сужденія о мѣрахъ предосторожности", принимаемыхъ губернаторомъ, пишетъ Бальменъ графу Нессельроде вскорѣ по пріѣздѣ на островъ. „Но признаюсь, я не могу признать ихъ дѣйствительной необходимости. Островъ, столь отдаленный отъ материка, доступный кораблямъ только при извѣстномъ вѣтрѣ и только съ одной стороны, загроможденный скалами, которыя на каждомъ шагу образуютъ непроходимыя пропасти, могъ бы, мнѣ кажется, охраняться проще и съ меньшими издержками".

Въ чемъ же состояли мѣры предосторожности, принятыя англійскими властями для предотвращенія всякой возможности побѣга съ этого неприступнаго острова, гдѣ природа сама возвела величайшія и непреодолимыя препятствія къ побѣгу, и который въ этомъ отношеніи какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ своему назначенію?

Во-первыхъ, на островѣ находилось три пѣхотныхъ полка, пять ротъ артиллеріи, отрядъ драгунъ, которые составляли ядро гарнизона. Затѣмъ два фрегата, изъ коихъ одинъ 50-ти пушечный, нѣсколько бригадъ и вооруженныхъ шлюпокъ охраняли островъ съ моря. Съ 6 часовъ вечера до 6 часовъ утра вооруженныя шлюпки несли караульную службу вдоль берега. Число пушекъ, расположенныхъ по берегамъ и внутри острова, было громадное.

Послѣ 6 часовъ вечера всѣ лодки, принадлежавшія частнымъ лицамъ и судамъ, приказано было вытаскивать на берегъ, и если бы къ берегу подплыла какая-нибудь шлюпка, по ней приказано было стрѣлять. Вообще, даже днемъ,—ни одно постороннее судно не могло безъ особаго разрѣшенія пристать къ берегу. Плыть вдоль берега ночью изъ-за подводныхъ скалъ было чрезвычайно опасно, а буруны съ такой силой разбивались о берегъ, что и днемъ нерѣдко невозможно было причалить даже на большой шлюпкѣ.

При этихъ условіяхъ побѣгъ былъ физически невозможенъ; допустивъ, что самъ губернаторъ захотѣлъ бы способствовать ему, нужно было, чтобы и адмиралъ, командовавшій флотиліей, былъ въ заговорѣ и наоборотъ, если бы адмиралъ, воспользовавшись благопріятной погодой, спустилъ нѣсколько шлюпокъ, то онѣ подвергались бы обстрѣлу съ берега. Трудно себѣ представить, чтобы Наполеону удалось обмануть бдительность своихъ тюремщиковъ и

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ не менѣе, съ самаго пріѣзда Гудсона Лоу, его свобода была стѣснена во всемъ. Онъ подвергся всевозможнымъ стѣсненіямъ и самому строгому надзору. Это было особенно тяжело императору послѣ того, что вначалѣ надзоръ былъ не такъ строгъ, и исполнявшій обязанность губернатора, до пріѣзда Гудсона Лоу, Джемсъ Кокбернъ предоставлялъ императору извѣстную долю свободы. Наполеонъ, въ то время еще здоровый и сравнительно веселый, чувствовалъ себя сносно въ уютномъ домѣ мѣстнаго жителя Балькомба. Подлѣ дома было много зелени, были тѣнистыя аллеи, гдѣ онъ могъ прогуливаться.

У Балькомба были двѣ дочери, двѣнадцати и пятнадцати лѣтъ, и два мальчика, пяти и шести лѣтъ. Старшая дочь, Бетси, свободно говорила по-французски. Наполеонъ часто заходилъ къ нимъ побесѣдовать, любилъ поболтать съ дѣтьми и разъ, къ великому ихъ удовольствію, игралъ даже съ ними въ жмурки.

Его свита также пользовалась въ то время значительной свободой. Французамъ разрѣшалось ѣздить въ городъ въ сопровожденіи кого-нибудь изъ англійскихъ офицеровъ и посѣщать любое мѣсто на островѣ, за исключеніемъ фортовъ и батарей; никакихъ осложненій изъ этого не происходило. Имъ не возбранялось посылать запечатанныя письма мѣстнымъ жителямъ и другимъ французамъ, жившимъ на островѣ. Время отъ время они устраивали даже вечеринки, на которыя приглашали офицеровъ гарнизона.

Наполеонъ гулялъ въ то время безъ провожатаго, принималъ на лужайкѣ тѣхъ, кто желалъ быть ему представленъ, и разъ въ недѣлю приглашалъ къ обѣду офицеровъ 53 полка. Но все это рѣзко измѣнилось съ пріѣздомъ Гудсона Лоу и съ перемѣщеніемъ Наполеона въ Лонгвудъ—это „скучнѣйшее въ мірѣ и дорогое для жизни мѣсто“, по отзыву гр. Бальмена. По распоряженію вновь прибывшаго губернатора во всѣхъ пунктахъ острова, для прямого и косвеннаго наблюденія за Наполеономъ, были приняты самыя строгія мѣры.

Несмотря на то, что Лонгвудъ былъ окруженъ пропастями и туда вела всего одна дорога,—на всѣхъ скалахъ были разставлены часовые; куда бы ни упалъ взоръ, вездѣ виднѣлись патрули. При входѣ въ Лонгвудъ, въ ста шагахъ отъ дома стоялъ часовой и разъѣзжали патрули; вокругъ всего Лонгвуда была разставлена цѣпь часовыхъ и пикетовъ. Вдоль единственной дороги были разставлены часовые на такомъ разстояніи, что они видѣли другъ друга. Губернатору доносили ежечасно о томъ, что дѣлалось на островѣ, въ случаѣ какого-нибудь происшествія, минуты черезъ три—четыре, весь островъ могъ быть подъ ружьемъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ наступленіемъ ночи никто не могъ выходить изъ дома, въ которомъ жилъ Наполеонъ; онъ оцѣплялся часовыми, которымъ было приказано стрѣлять во всякаго выходящаго.

Какъ только Наполеонъ переѣхалъ въ Лонгвудъ, къ нему былъ назначенъ особый офицеръ, которому было поручено слѣдить за каждымъ его шагомъ внѣ дома. Если императору хотѣлось выйти за черту того пространства, „постоянно охраняемаго войсками и защищаемаго артиллерійскимъ паркомъ“, гдѣ ему было предоставлено право гулять одному, за нимъ всюду долженъ былъ слѣдовать офицеръ, обязанный ни на минуту не терять его изъ вида.

Разсказываютъ, что однажды (это было еще до пріѣзда Гудсона Лоу) Наполеонъ катался верхомъ въ сопровожденіи генераловъ Бертрана, Монтолона, Гурго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ; вдругъ онъ неожиданно свернулъ съ большой дороги, пришпорилъ лошадь и что есть духу помчался внизъ, прямо въ пропасть; только было слышно, какъ изъ-подъ копытъ его лошади покатились камни. Капитанъ Папплетонъ, которому была поручена его охрана, смотрѣлъ въ изумленіи, не зная, что дѣлать и не рѣшаясь послѣдовать за нимъ. Когда императоръ скрылся изъ вида, Папплетонъ поскакалъ къ Кокберну. Весь запыхавшись, онъ просилъ принять его по важному дѣлу и, войдя въ комнату, разсказалъ, взволнованнымъ голосомъ, о случившемся. Кокбернъ спокойно выслушалъ его и посовѣтовалъ вернуться въ Лонгвудъ, „гдѣ онъ вѣроятно найдетъ генерала Бонапарта, который посмѣется причиненному ему страху“.

Дѣйствительно, когда онъ вернулся въ Лонгвудъ, Наполеонъ преспокойно обѣдалъ.

Мало того, что за Наполеономъ долженъ былъ слѣдовать по пятамъ англійскій офицеръ, императору было запрещено во время прогулокъ говорить и слушать кого бы то ни было по пути и входить въ какой-либо домъ; если бы это случилось, часовымъ было приказано стрѣлять.

Эти унизительныя требованія и постоянное присутствіе офицера, неустанно слѣдившаго за нимъ, заставляли чрезвычайно страдать его самолюбіе, и были причиною того, что онъ очень скоро отказался отъ своего любимаго удовольствія—верховой ѣзды, не желая ѣздить въ сопровожденіи офицера.

„Это значило бы унизить себя, говорилъ онъ, признать себя плѣнникомъ, а я этого не признаю“. Хотя отсутствіе достаточнаго движенія гибельно отражалось на здоровьи Наполеона, но онъ говорилъ, что „готовъ лучше умереть, нежели подчиняться этому позорному надзору“.

Библиотека "Руниверс"

Губернаторъ не только ограничивалъ свободу Наполеона, онъ подвергалъ его безчисленнымъ стѣсненіямъ и мелкимъ нравственнымъ уколамъ, которые его болѣзненно раздражали. Такъ, напр., онъ строжайше запретилъ кому бы то ни было вести съ Наполеономъ малѣйшую переписку или имѣть съ нимъ сношеніе безъ его вѣдома. Въ числѣ жестокихъ и совершенно безцѣльныхъ мѣръ было лишеніе Наполеона газетъ и журналовъ; ему не давали ни французскихъ журналовъ, ни оппозиціонныхъ англійскихъ; но это не дѣлалось явно, такъ какъ въ Лонгвудъ посылались всѣ газеты, но онѣ посылались отдѣльными, разрозненными листами, не имѣвшими ни смысла, ни интереса.

Къ свитѣ императора Гудсонъ Лоу примѣнялъ тѣ же строгія правила, какъ къ самому Наполеону; личная свобода французовъ была также стѣснена, онъ вторгался даже въ область частныхъ отношеній, напр., купцамъ было запрещено продавать французамъ въ кредитъ и сообщаться съ ними подъ страхомъ быть изгнанными съ острова. Отъ всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ Лонгвудъ или гр. Бертрана, требовалось, чтобы они передавали губернатору свои разговоры съ французами; офицерамъ было запрещено посѣщать г-жу Бертранъ; около ея дома были разставлены часовые, которымъ было приказано не допускать посѣтителей и т. д.

Постоянно тревожась о томъ, дома-ли Наполеонъ, губернаторъ не только самъ часто бывалъ въ Лонгвудѣ, но то и дѣло посылалъ туда съ письмами и разными порученіями своихъ довѣренныхъ лицъ, которые должны были „видѣть и слышать“ Наполеона и доносить ему о слышанномъ. Наконецъ, онъ потребовалъ, чтобы одинъ изъ его офицеровъ непремѣнно видѣлъ Наполеона каждый день, такъ какъ императоръ, подъ предлогомъ болѣзни, часто отказывался принять самого Гудсонъ Лоу; послѣ свиданія съ нимъ онъ бывалъ обыкновенно грустенъ и раздраженъ.

Онъ терпѣть не могъ Гудсона Лоу и ненавидѣлъ Лонгвудъ, одинъ видъ котораго нагонялъ на него меланхолію. Губернаторъ предлагалъ построить для него домъ въ другой части острова. На вопросъ, какое мѣсто онъ предпочитаетъ, и не желаетъ ли вообще чего-нибудь, Наполеонъ отвѣчалъ:

„A questa casa, in questo luogo tristo, non voglio niente di lui. (Въ этомъ домѣ, въ этомъ печальномъ мѣстѣ, я ничего не хочу отъ него). Пусть онъ помѣститъ меня тамъ, гдѣ есть зелень, тѣнь, вода. Тутъ дуетъ ужасный вѣтеръ съ дождемъ и туманомъ, отъ котораго у меня захватываетъ духъ, или солнце жжетъ мнѣ мозгъ, когда я выхожу“.

„Но я думаю, что какъ только дѣла во Франціи уладятся, и все

Библиотека "Руниверс"

успокоится, англійское правительство разрѣшитъ мнѣ возвратиться въ Европу и закончить жизнь въ Англіи. Я не думаю, чтобы оно было настолько глупо, чтобы тратить 8 милліоновъ въ годъ, для того чтобы держать меня тутъ, когда меня нечего бояться, поэтому вопросъ о домѣ мало интересуетъ меня".

Заговоривъ затѣмъ о возможности побѣга, императоръ замѣтилъ, что хотя бы онъ и захотѣлъ бѣжать, у него на это не было ни малѣйшихъ шансовъ, „и несмотря на это, этотъ тюремщикъ такъ стѣсняетъ меня, какъ будто мнѣ стоитъ сѣсть въ лодку и скрыться. Правда, пока человѣкъ живъ, всегда можно думать, что онъ убѣжитъ, единственное средство помѣшать побѣгу—это покончить съ нимъ. Только мертвымъ нѣтъ возврата.

„Когда меня не будетъ, кончится тревога европейскихъ державъ и лорда Кастлери. Не будетъ болѣе расходовъ, не надо будетъ флота, чтобы стеречь меня. Тогда бѣдные солдаты не будутъ болѣе уставать до смерти, стоя на часахъ, и не будутъ замучиваться, таская тяжести на эти скалы"

По дневнымъ записямъ доктора О'Меара и другихъ лицъ, ежедневно видавшихъ императора, можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ сложилась домашняя жизнь Наполеона, и чѣмъ наполнялъ въ заточеніи свой досугъ этотъ человѣкъ, привыкшій къ самой разнообразной кипучей дѣятельности.

Наполеонъ вставалъ довольно рано; совершивъ свой туалетъ и почитавъ, онъ завтракалъ иногда у себя за маленькимъ круглымъ столикомъ или со всѣми вмѣстѣ въ 11 часовъ, послѣ чего нѣсколько часовъ подъ рядъ диктовалъ Ласказу или его сыну, читалъ, отмѣчалъ даты и собиралъ матеріалъ для исторіи своей жизни со своего прибытія во Францію и до возвращенія изъ Египта. Окончивъ эти занятія, онъ принималъ посѣтителей, гулялъ пѣшкомъ или катался въ коляскѣ, изрѣдка верхомъ, обѣдалъ въ 8 часовъ, при чемъ сидѣлъ за столомъ недолго. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ и очень скоро, охотнѣе всего баранину и бараньи котлеты; не любилъ острыхъ приправъ и рѣдко выпивалъ за столомъ болѣе полубутылки бѣлаго вина.

Въ послѣобѣденное время, когда не было гостей, императоръ либо игралъ на биллiардѣ или въ шашки и шахматы, либо читалъ вслухъ французскихъ классиковъ и декламировалъ что-нибудь изъ Корнеля, подражая Тальмѣ, либо просилъ г-жу Монтолонъ пѣть итальянскія аріи, или наконецъ бесѣдовалъ съ окружающими совершенно просто о своей прошлой жизни и въ своихъ разсказахъ былъ, повидимому, всегда правдивъ. Онъ удивительно хорошо помнилъ всѣ подробности событій. Любопытная черта: когда ему попадались

Библиотека "Руниверс"

пасквили на него, онъ читалъ ихъ удивительно равнодушно и не выражалъ ни малѣйшаго озлобленія.

Спалъ Наполеонъ мало; вставая иногда въ 3—4 часа утра для занятій, онъ читалъ часовъ до 6—7, затѣмъ снова ложился отдохнуть. Въ чудныя тропическія лунныя ночи онъ гулялъ взадъ и впередъ по саду. Когда ему не здоровилось, его камердинеръ Маршанъ читалъ ему вслухъ, пока онъ не засыпалъ.

Онъ очень любилъ брать ванну и нерѣдко просиживалъ въ ней часами, бесѣдуя со своимъ докторомъ и даже закусывая. Гудсонъ Лоу, по словамъ Ласказа, не понималъ, что „генералу Бонапарту нужно было *вариться* столько времени въ горячей водѣ и такъ часто повторять эту операцію".

Соблюдать діэту, пить много воды и брать ванну было, по мнѣнію Наполеона, наилучшимъ средствомъ при недомоганіи. „Лекарства, говорилъ онъ, хороши только для людей стараго режима",

Несмотря на неограниченную власть губернатора, Наполеонъ не допускалъ ни малѣйшаго съ его стороны вмѣшательства во внутренній распорядокъ своей жизни, онъ былъ у себя дома не только хозяиномъ, но императоромъ.

Русскаго комиссара поразило громадное вліяніе, какимъ онъ пользовался на умы окружающихъ. „Всѣми и всѣмъ чувствовалось здѣсь превосходство этого человѣка (окруженнаго скалами, пропастями и стражею), пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній. Французы дрожатъ при видѣ его и почитаютъ за счастье служить ему. Ласказъ говоритъ во всеуслышаніе, что блаженство его заключается въ ежеминутномъ созерцаніи героя-феномена".

„Англичане также робки въ обращеніи съ нимъ. Самые сторожа его добиваются его взгляда, слова и разговора; онъ съумѣлъ поставить ихъ такъ, что никто не осмѣливается обходиться съ нимъ какъ съ равнымъ; человѣкъ этотъ, рожденный для того, чтобы повелѣвать, съумѣлъ и тутъ поддержать достоинство своего сана и сохранилъ въ своемъ обращеніи пріемы императорскаго достоинства. Онъ достигъ этого тѣмъ, что „заперся въ своемъ убѣжищѣ, гдѣ никто не имѣлъ права контролировать его дѣйствій", рѣшительно отказался подчиняться унизительнымъ требованіямъ губернатора и поставилъ свой домъ такъ, что въ немъ соблюдался строгій придворный этикетъ, хотя въ немъ было всего шесть—семь царедворцевъ и 12 слугъ, но это импонировало окружающимъ.

„Домъ его, писалъ Бальменъ, настоящій дворецъ, при которомъ Бертранъ исполняетъ должность перваго маршала, Ласказъ—государственнаго секретаря, Монтолонъ—министра двора, Гурго—гене-

Библиотека "Руниверс"

ралъ-адъютанта, Понятовскій—главнаго конюшаго, г-жи Бертранъ и Монтолонъ—статсъ-дамъ.

Строжайшій этикетъ соблюдался во всемъ даже тогда, когда императоръ былъ одинъ со своими приближенными, тѣмъ болѣе когда за столомъ былъ кто-нибудъ посторонній. Это поражало пріѣзжихъ.

При императорѣ во время обѣда стояли мэтръ-д'отель и офицеръ, которые являлись къ столу въ зеленыхъ сюртукахъ съ серебрянымъ шитьемъ, бѣломъ жилетѣ, черныхъ шелковыхъ штанахъ, башмакахъ съ пряжками; при нихъ для помощи было два камердинера, одѣтыхъ точно также, но съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ, и три лакея.

Обѣдъ подавался на серебряной посудѣ; серебра было много: тарелки, миски, блюда, крышки съ орлами были серебряныя. Дессертъ подавался на сервизѣ изъ севрскаго фарфора съ видами городовъ и битвъ, который назывался сервизомъ „des quartiers généraux", къ дессерту подавались серебряныя вызолоченныя ложечки особаго фасона для компота, для сахара, для пудинга. Къ кофею, который наливался въ серебряный позолоченный кофейникъ, подавались чашки съ видами Египта; на блюдцахъ были изображены портреты беевъ и знатныхъ египтянъ по рисункамъ, исполненнымъ въ Египтѣ Денономъ.

Такъ сервировался обѣдъ, когда въ первое время по переѣздѣ въ Лонгвудъ къ столу приглашались ежедневно одинъ или два офицера 53 полка и сэръ Джоржъ Бингамъ, полковой командиръ.

„Это былъ роскошный обѣдъ", пишетъ Бингамъ: особенно поразили его чашки, изъ коихъ каждая, по его словамъ, стоила во Франціи не менѣе двадцати пяти гиней.

Со временемъ эта роскошь уменьшилась, такъ какъ императоръ вскорѣ пересталъ приглашать кого бы то ни было; часть серебра пришлось сломать и продать, и онъ отказался употреблять сервизъ изъ севрскаго фарфора, столь драгоцѣнный по воспоминаніямъ, приберегая его для подарковъ, но до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ былъ здоровъ, этикетъ соблюдался полный, и Наполеонъ требовалъ, чтобы всѣ были одѣты, какъ полагалось по правиламъ, и дамы какъ можно нарядпѣе.

Лица, желавшія представиться Наполеону или сообщить ему какое-нибудь дѣло, должны были обратиться къ главному маршалу. Добивавшіеся аудіенціи черезъ губернатора могли быть увѣрены, что получатъ отказъ. Отъ этого правила Наполеонъ никогда не отступалъ ни на іоту, не дѣлая исключенія и для дамъ. „Знатные иностранцы, обращавшіеся къ посредничеству Гудсона Лоу, никогда не могли добиться аудіенціи у императора".

Библиотека "Руниверс"

Однажды, проѣздомъ въ Индію, прибыла на островъ Св. Елены лэди Мойра. Гудсонъ Лоу, чтобы легче уладить свиданіе, вздумалъ пригласить къ себѣ на обѣдъ императора и ее; и съ этой цѣлью написалъ пригласительную записку въ Лонгвудъ—именуя по своему обыкновенію Наполеона генераломъ Бонапартомъ, чего бывшій императоръ не выносилъ. Наполеонъ ничего не отвѣтилъ на приглашеніе, какъ вообще никогда не отвѣчалъ на всѣ обращенія, адресованныя „генералу Бонапарту", и только послалъ извиниться передъ лэди Мойра, которая такъ и уѣхала, не видавъ его.

— Нельзя же, однако, обходиться съ вами какъ съ государемъ,—замѣтилъ Наполеону адмиралъ сэръ Малькольмъ, когда зашла однажды рѣчь объ его титулѣ.

— А почему нѣтъ?—возразилъ Наполеонъ,—пусть оставятъ мнѣ почести, какъ забаву. Въ моемъ положеніи, на этомъ утесѣ, какой вредъ это можетъ принести?

— Стало быть, васъ слѣдуетъ именовать императоромъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Наполеонъ послѣ минутнаго размышленія,—я подписалъ отреченіе.

— Вы не хотите, чтобы васъ называли генераломъ?

— Потому что съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ Египта, я болѣе не генералъ. Всякое другое имя идетъ ко мнѣ лучше. Пусть называютъ меня Наполеономъ.

— Я отказался отъ престола, а не отъ императорскаго титула,—сказалъ онъ другой разъ въ разговорѣ съ докторомъ О'Меара.—Я не называю себя императоромъ французовъ, а императоромъ Наполеономъ. Монархи сохраняютъ свой титулъ. Такъ напр. Карлъ испанскій сохранилъ свой титулъ, отрекшись въ пользу сына.

— Съ моей стороны по-истинѣ было бы смѣшно называть себя въ моемъ положеніи императоромъ, если бы ваши министры не вынуждали меня къ этому. Это напоминало бы несчастнаго обитателя Бедлама, мнящаго себя королемъ въ цѣпяхъ.

Чтобы только не называться генераломъ Бонапартомъ, Наполеонъ готовъ былъ даже принять фамилію частнаго лица, напр. Мальмезонъ или де-Мюрронъ (имя одного полковника, котораго онъ любилъ); по прибытіи своемъ на островъ Св. Елены онъ немедленно сообщилъ о томъ Кокберну и сдѣлалъ подобное же заявленіе Гудсону Лоу. И тотъ и другой отвѣчали, что заявленіе должно быть представлено на разсмотрѣніе министровъ. Отвѣта не послѣдовало, но если бы Наполеону было разрѣшено принять частное имя, это значительно упростило бы конечно всѣ вопросы этикета.

Давая аудіенціи пріѣзжимъ и мѣстнымъ жителямъ, Наполеонъ

Библиотека "Руниверс"

съ одними бесѣдовалъ долго съ глаза на глазъ, другихъ отпускалъ тотчасъ по представленіи. „Онъ никогда не приглашалъ посѣтителей садиться, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ лежалъ, и чрезвычайно боялся, чтобы кто-нибудь не позволилъ себѣ этой вольности, какъ это случилось однажды съ Кокберномъ; чтобы предупредить это, онъ принималъ всѣхъ стоя.

Адмиралу сэру Малькольму, съ которымъ Наполеонъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, случалось имѣть съ нимъ разговоры по три и по четыре часа, въ продолженіе которыхъ оба, изнемогая отъ усталости, прислонялись къ столу или къ стѣнѣ, но ничто не могло заставить императора отступить отъ принятаго рѣшенія".

Ходившій вначалѣ въ мундирѣ, Наполеонъ вскорѣ снялъ его и сталъ носить охотничій костюмъ: онъ являлся на аудіенціи въ зеленомъ поношенномъ платьѣ съ серебряными пуговицами, на которыхъ были изображены оленьи, кабаньи и лисьи головы, въ бѣлыхъ штанахъ и чулкахъ съ золотыми овальными пряжками на башмакахъ, со шляпою подъ мышкою, въ орденѣ Почетнаго легіона и съ табакеркою въ рукѣ.

Туалетъ Наполеона совершался очень торжественно; ему помогали Маршанъ, Сенъ-Дени и Наварра. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ держалъ передъ нимъ зеркало, другой—все нужное для бритья, между тѣмъ какъ Маршанъ подавалъ одежду, одеколонъ и пр. Обривъ одну сторону, Наполеонъ спрашивалъ у Сенъ-Дени или Наварра: „хорошо?" Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ начиналъ брить другую сторону. Когда эта операція была окончена, зеркало подносили къ свѣту, и онъ внимательно смотрѣлъ, чисто-ли выбрито лицо. Если замѣчалъ, что остались волосы, то онъ бралъ одного изъ нихъ за ухо или хлопалъ его слегка по щекѣ (обычная привычка Наполеона), приговаривая съ веселымъ видомъ:

„А, негодяй (coquin), зачѣмъ сказалъ, что хорошо?"

Вѣроятно, эта шутка дала поводъ говорить, что императоръ дурно обращался со слугами.

Выбрившись, онъ обмывалъ лицо водою съ небольшой примѣсью одеколона и слегка спрыскивалъ имъ себя. Послѣ этого онъ тщательно чистилъ зубы; часто просилъ растереть ему тѣло щеткой; затѣмъ мѣнялъ бѣлье, снималъ фланелевый жилетъ и надѣвалъ свой обычный костюмъ.

Когда процессъ одѣванія заканчивался, ему подавали его бомбоньерку, табакерку и платокъ, и онъ уходилъ изъ комнаты.

При маленькомъ дворѣ Наполеона происходили интриги и соперничества такъ же точно, какъ при всякомъ иномъ дворѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Каждый изъ приближенныхъ императора желалъ быть его любимцемъ; это давало поводъ къ весьма комическимъ столкновеніямъ. Монтолонъ, завѣдывавшій внутренней дворцовой частью, завидовалъ положенію Бертрана, министра внѣшнихъ дѣлъ. Гурго, наскучивъ парадировать въ передней, въ качествѣ генералъ-адъютанта, смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на болѣе интересныя занятія Ласказа, которому Наполеонъ диктовалъ свою исторію. Дамы также соперничали другъ съ другомъ".

Какъ ни мало было число приближенныхъ Наполеона, но содержаніе его двора стоило англійскому правительству огромныхъ денегъ. Жизнь европейца на островѣ Св. Елены стоила вообще такія неимовѣрныя суммы, повѣрить которымъ было бы трудно, если бы комиссары союзныхъ державъ не подтверждали ихъ единогласно.

Въ настоящее время, когда обнародованы ихъ донесенія, извѣстно положительно, что стоили на островѣ съѣстные припасы и все необходимое для жизни. Извѣстно, что комиссары находили недостаточнымъ жалованье въ 50.000 франковъ, назначенное имъ первоначально, и что они очень скоро стали получать 60.000 франковъ. Французскій комиссаръ, маркизъ Монтеню, настоятельно требовалъ 75.000 и даже 100.000 фр.

Между тѣмъ его домъ состоялъ всего изъ семи лицъ: его самого, адъютанта, повара, лакея, двухъ негровъ и горничной.

Содержаніе, ассигнованное комиссарамъ ихъ правительствами, составляло треть того, что англійское правительство рѣшило ассигновать на содержаніе императора, а домъ Наполеона въ Лонгвудѣ состоялъ вначалѣ не менѣе чѣмъ изъ 80 человѣкъ. Позднѣе ихъ было 50; и если судить по масштабу, принятому уполномоченными державъ, то императору нужна была сумма вдвое бо̀льшая по сравненію съ тѣмъ, что отпускало ему англійское правительство.

Что касается самого Наполеона, то онъ былъ непритязателенъ относительно ѣды; онъ ѣлъ мало и никогда не слылъ любителемъ изысканной кухни. Онъ довольствовался несравненно меньшимъ количествомъ блюдъ, нежели многіе герцоги и графы, но на островѣ Св. Елены; онъ хотѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ жить какъ императоръ, какъ онъ жилъ раньше. Это было его главной заботой, это было дѣломъ личнаго самолюбія и заботы о династіи.

Коль скоро Наполеону не хватало денегъ и приходилось тратить на содержаніе, на жалованье приближеннымъ и слугамъ, раздачу пособій бѣднымъ и на случайные расходы изъ своихъ собственныхъ средствъ до 200.000 франковъ въ годъ, ему нужно было гдѣ-нибудь

Библиотека "Руниверс"

найти эти деньги. Это послужило въ свою очередь поводомъ къ частымъ и острымъ столкновеніямъ съ губернаторомъ.

Пока не изсякли деньги, привезенныя изъ Европы, Наполеонъ былъ готовъ платить не только половину, но даже полностью все то, что стоило содержаніе его дома, но деньги уходили, а императоръ не хотѣлъ называть тѣхъ, у кого хранились его капиталы, такъ какъ ихъ не замедлили бы конфисковать, поэтому онъ хотѣлъ вести объ этомъ переписку закрытыми письмами, на что англійское правительство не согласилось.

Тогда императору пришлось прибѣгнуть къ продажѣ своего серебра.

— Комедія,—говорили англичане,—у императора были деньги.

Комедія или нѣтъ, но это возбудило шумъ, и Гудсону Лоу пришлось нарушить данныя имъ инструкціи и не препятствовать болѣе перепискѣ и ежемѣсячной присылкѣ денегъ изъ тайныхъ источниковъ. Съѣстные припасы на островѣ не только были неимовѣрно дороги, но вслѣдствіе несвоевременной ихъ доставки, въ Лонгвудѣ зачастую терпѣли недостатокъ во всемъ: въ винахъ, въ мукѣ, свѣжей говядинѣ; лошади должны были довольствоваться половинною порціей; къ тому же провизія была дурного качества: говядина чрезвычайно жестка, птица худа, овощи водянисты, мука затхлая.

Вотъ что говорилъ по этому поводу русскому комиссару генералъ Монтолонъ.

„Губернаторъ скупъ до невѣроятности. Съѣстные припасы, доставляемые въ Лонгвудъ, очень плохого качества, и отпускаются въ ничтожномъ количествѣ; часто изъ того, что отпущено, половину невозможно ѣсть. Мы можемъ получать наши обѣденныя деньги только по билетамъ Балькомба и К° (поставщика) и то не болѣе 50 ф. въ разъ. Случилось, что я однажды попросилъ 60, мнѣ представили затрудненія.

По дороговизнѣ здѣшнихъ припасовъ, судите сами, можетъ ли быть достаточна сумма въ 8.000 ф. ст., опредѣленная на содержаніе императора“.

„Губернаторъ тираннъ, темничный стражъ, облеченный полною властію, которому пріятно угнетать насъ. Всѣ его выдумки для предотвращенія побѣга отвратительны и смѣшны. Этотъ человѣкъ ниже занимаемаго имъ мѣста и мало понимаетъ своего плѣнника. Здѣсь надобенъ человѣкъ твердый, вѣрный своей обязанности, но человѣколюбивый, деликатный и не до такой степени ограниченный. Такой выборъ дѣлаетъ стыдъ Англіи“.

Съ пріѣздомъ на островъ Св. Елены комиссаровъ европейскихъ державъ подозрительность губернатора увеличилась; хотя ихъ роль

Библиотека "Руниверс"

была совершенно пассивная, но такъ какъ они не зависѣли отъ его власти, то онъ имъ не довѣрялъ и боялся, что черезъ нихъ жалобы Наполеона могли дойти до Европы, потому онъ былъ очень доволенъ, когда Наполеонъ отказался принять ихъ.

Миссія комиссаровъ, посланныхъ Франціей, Австріей и Россіей для надзора за Наполеономъ, въ силу конвенціи, заключенной между этими державами 2 августа 1815 г., состояла отнюдь не въ томъ, чтобы контролировать мѣры, которыя Англія сочла бы нужнымъ принять по отношенію къ отданному на ея попеченіе плѣннику, или усилить за нимъ надзоръ. Посылая на островъ Св. Елены своихъ уполномоченныхъ, державы имѣли въ виду лишь „придать дѣлу общеевропейскій характеръ, подтвердить и сдѣлать несомнѣннымъ, что Бонапартъ—плѣнникъ Европы, и успокоить общественное мнѣніе, которое сильно было встревожено во всѣхъ странахъ".

Роль ихъ слѣдовательно была пассивная, тѣмъ не менѣе она была очень трудная; не имѣя права ни во что вмѣшиваться и высказывать своихъ сужденій о дѣйствіяхъ англійскихъ властей, они должны были наблюдать за всѣмъ происходившимъ и обо всемъ давать отчетъ и въ то же время установить дружелюбныя отношенія съ губернаторомъ, а въ своихъ сношеніяхъ съ Наполеономъ—въ точности держаться правилъ, которыя „будутъ установлены на этотъ предметъ губернаторомъ".

Мы уже знаемъ, какія непріязненныя, обостренныя отношенія существовали между Наполеономъ и Гудсономъ Лоу, поэтому само собою ясно, что при этихъ условіяхъ миссія комиссаровъ не могла быть успѣшна: если бы они заслужили, какъ имъ предписывалось, довѣріе губернатора, то они неизбѣжно стали бы въ непріязненныя отношенія къ Наполеону и, слѣдовательно, не могли бы доставлять своимъ правительствамъ тѣхъ драгоцѣнныхъ о немъ свѣдѣній, какихъ отъ нихъ ожидали. Такъ оно и случилось.

Императоръ Александръ живо интересовался донесеніями русскаго комиссара и прочитывалъ ихъ самъ. Къ сожалѣнію, Бальмену приходилось сообщать о Наполеонѣ не по личнымъ наблюденіямъ, а со словъ другихъ лицъ, ибо бывшій императоръ, освѣдомившись о томъ, имѣютъ ли комиссары письма къ нему отъ своихъ монарховъ и получивъ отрицательный отвѣтъ, рѣшительно отказался принять ихъ. Положеніе получилось крайне затруднительное.

„Какая нелѣпость посылать сюда комиссаровъ, не возложивъ на нихъ никакой обязанности и никакой отвѣтственности, говорилъ онъ. Имъ остается только расхаживать по улицамъ и карабкаться по скаламъ. Прусское правительство поступило умнѣе и сберегло деньги".

Библиотека "Руниверс"

Узнавъ о томъ, что французскій и австрійскій комиссары обратились къ губернатору съ оффиціальною нотой, въ которой просили не только позволенія быть представленными Наполеону, но и содѣйствія къ этому, императоръ замѣтилъ, что „они прибѣгли къ плохому средству, чтобы увидѣть его, что всѣ державы Европы вмѣстѣ взятыя не заставятъ его принять ихъ какъ оффиціальныхъ лицъ, хотя бы они взломали двери къ нему или разрушили его домъ".

Графъ де Бальменъ, которому его инструкціи предписывали „въ сношеніяхъ съ Бонапартомъ соблюдать ту умѣренность и пощаду, которыхъ въ правѣ требовать положеніе столь деликатное и личное уваженіе къ нему", не присоединился къ домогательствамъ своихъ коллегъ силою заставить императора принять ихъ и насильственно вторгнуться въ Лонгвудъ и не подписалъ ноты, поданной ими въ этомъ смыслѣ губернатору.

Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ былъ очень доволенъ поведеніемъ Бальмена и увидѣлъ въ этомъ „великодушныя и возвышенныя чувства русскаго императора". Одинъ изъ французовъ, встрѣтивъ его въ городѣ, подошелъ къ нему и сказалъ:

„Императоръ знаетъ, что вы не подписали ноты комиссаровъ. Онъ тронутъ этимъ благороднымъ поступкомъ и поручилъ мнѣ благодарить васъ".

Когда Гудсонъ Лоу рѣшился, наконецъ, обратиться къ Наполеону и передать ему желаніе комиссаровъ, онъ отвѣчалъ:

„Если эти господа желаютъ быть представлены мнѣ, какъ частные посѣтители, я не вижу препятствія ихъ допустить. Они могутъ отнестись къ моему гофмаршалу; если же они хотятъ видѣть меня въ качествѣ комиссаровъ, пусть покажутъ мнѣ конвенцію 2 августа, и я подумаю".

Другой разъ, когда адмиралъ Малькольмъ завелъ въ Лонгвудѣ рѣчь о комиссарахъ, Наполеонъ воскликнулъ:

„Какъ приму я этихъ людей? отъ кого они присланы сюда? Не отъ Австріи ли, которая двадцать разъ лежала у ногъ моихъ; или, можетъ быть, баронъ Штюрмеръ привезъ мнѣ извѣстія о женѣ моей и о сынѣ? Не отъ Императора ли Александра, которому я не разъ дѣлалъ одолженіе послѣ Тильзитскаго мира? Что сдѣлалъ онъ съ своей стороны, чтобы облегчить несчастное мое положеніе? Принять комиссаровъ значило бы признать себя плѣнникомъ Европы. Я вашъ плѣнникъ на дѣлѣ, потому что вы держите меня, но не по праву".

Узнавъ, что французскимъ комиссаромъ былъ маркизъ Монтеню, императоръ разразился гнѣвомъ:

„Я знаю этого Монтеню, закричалъ онъ, это старый... враль,

Библиотека "Руниверс"

каретный генералъ, который въ жизнь свою и не нюхивалъ пороху; я не приму его".

Между тѣмъ Монтеню, съ дѣйствіями котораго австрійскому комиссару Штюрмеру предписано было сообразоваться, главнымъ образомъ испортилъ все дѣло, настаивая на томъ, что онъ не можетъ видѣть Наполеона иначе, какъ въ качествѣ комиссара, ибо въ противномъ случаѣ онъ унизилъ бы достоинство своего двора".

Время шло въ безплодныхъ переговорахъ; насталъ октябрь, а комиссары, пріѣхавъ въ іюнѣ, все еще не видѣли императора.

Въ исходѣ октября докторъ О'Меара встрѣтился съ ними за обѣдомъ у губернатора.

Комиссары выразили свое неудовольствіе по поводу того, что они еще не были приняты въ Лонгвудѣ: графъ Бальменъ въ особенности жаловался на это и замѣтилъ, что если бы онъ предвидѣлъ, какъ съ нимъ будутъ обращаться, то онъ бы не пріѣхалъ. Между прочимъ онъ сказалъ, что Императоръ Александръ очень заинтересованъ въ томъ, чтобы помѣшать побѣгу Наполеона, но онъ желалъ бы, чтобы съ нимъ обращались съ подобающимъ ему уваженіемъ. „Комиссары станутъ посмѣшищемъ Европы, говорилъ Бальменъ, если узнаютъ, что они провели столько мѣсяцевъ на островѣ, не видавъ того, чье присутствіе они обязаны были засвидѣтельствовать".

Отказываясь принять комиссаровъ, какъ оффиціальныхъ лицъ, Наполеонъ очень желалъ, чтобы они посѣтили его, какъ частныя лица; въ особенности онъ выражалъ желаніе видѣть гр. Бальмена: объ этомъ передавали графу разныя лица, въ томъ числѣ и „маленькая Бетси"; она увѣряла меня, писалъ Бальменъ графу Нессельроде, „что ея другъ Бони (какъ она фамильярно называла Наполеона) съ нетерпѣніемъ ждетъ случая говорить съ мной". Хотя Бальменъ и могъ бы, не отступая отъ своихъ инструкцій, представиться Наполеону частнымъ образомъ, но онъ рѣшилъ дѣйствовать единодушно со своими товарищами.

Въ исходѣ 1816 г. Наполеонъ испыталъ большое огорченіе: его секретарь и помощникъ въ литературныхъ трудахъ, графъ Ласказъ и его сынъ были арестованы по обвиненію въ подкупѣ одного изъ мѣстныхъ жителей, съ цѣлью переправить черезъ него въ Европу письма. Хотя въ нихъ не оказалось ничего преступнаго, и не было намека на какой-нибудь планъ побѣга, тѣмъ не менѣе губернаторъ вскорѣ отправилъ Ласказа на мысъ Доброй Надежды.

Это былъ единственный изъ французовъ, хорошо знавшій англійскій языкъ; безъ него Наполеонъ былъ лишенъ возможности просматривать англійскіе журналы и книги. Большимъ огорченіемъ для

Библиотека "Руниверс"

императора было то обстоятельство, что вмѣстѣ съ бумагами Ласказа были задержаны его собственныя бумаги. Онъ замѣтилъ доктору О'Меара, что если бы въ письмахъ Ласказа говорилось о какомъ-нибудь заговорѣ, то это можно было видѣть сразу при бѣгломъ просмотрѣ бумагъ. „Нѣсколько минутъ было достаточно для того, чтобы убѣдиться, что въ моемъ описаніи италіанскихъ походовъ не было ничего предосудительнаго, и губернаторъ не имѣлъ никакого права задержать его бумагъ".

„Могу ли я быть увѣренъ, что когда я окончу свою исторію, онъ не завладѣетъ ею? Правда, я могу хранить рукописи въ своей комнатѣ и защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и пустить пулю въ лобъ тому, кто захотѣлъ бы завладѣть ими; но это не особенно пріятно! Придется сжечь все то, что я написалъ; это было моимъ единственнымъ развлеченіемъ въ этомъ ужасномъ жилищѣ: быть можетъ, мои сочиненія заинтересовали бы кого-нибудь; но съ этимъ sbirro siciliano нельзя быть увѣреннымъ въ своей безопасности. Онъ нарушаетъ всѣ законы и попираетъ приличіе, вѣжливость и уваженіе, которое люди должны соблюдать взаимно въ цивилизованномъ обществѣ: когда онъ былъ здѣсь, въ его глазахъ свѣтилась дикая радость потому, что онъ нашелъ случай оскорбить насъ. Въ ту минуту, когда онъ со своимъ штабомъ отдавалъ приказаніе оцѣпить нашъ домъ (чтобы арестовать Ласказа, бывшаго въ тотъ моментъ у Наполеона), онъ напомнилъ мнѣ дикарей съ острововъ южнаго океана, которые танцуютъ вокругъ плѣнныхъ прежде, чѣмъ сожрать ихъ. Передайте ему то, что я сказалъ". И боясь, что я позабуду его слова о дикаряхъ, онъ повторилъ ихъ и заставилъ меня повторить.

„Какъ я былъ глупъ, отдавшись въ ваши руки! продолжалъ Наполеонъ. Я имѣлъ ошибочное представленіе о вашемъ національномъ характерѣ; я имѣлъ какое-то романическое понятіе объ англійской націи. Къ этому примѣшалась гордость: мнѣ было бы совѣстно отдаться въ руки одного изъ монарховъ, владѣнія коихъ были мною завоеваны, и въ чью столицу я вступилъ, какъ побѣдитель; это и побудило меня отдаться въ ваши руки, такъ какъ вы не были побѣждены мною. Я жестоко наказанъ за высокое мнѣніе, которое я составилъ о вашей націи, и за довѣріе, съ какимъ я къ ней отнесся, вмѣсто того, чтобы отдать себя въ руки моего зятя или Императора Александра, которые отнеслись бы ко мнѣ какъ монархи". Я замѣтилъ на это, пишетъ О'Меара, что Императоръ Александръ сослалъ бы его въ Сибирь.

„Ни чуть, отвѣчалъ Наполеонъ. Если бы я былъ во власти Императора Александра, желанія мои предупреждались бы. Это

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ благородный. Онъ заставилъ бы меня забыть мое несчастье". Помимо всякихъ соображеній интимнаго свойства, Александръ, изъ видовъ политики и изъ желанія быть популярнымъ, обращался бы со мною, какъ съ императоромъ; въ мое распоряженіе были бы предоставлены дворцы. Къ тому же Александръ великодушенъ, ему было бы пріятно обходиться со мною хорошо.

„Мой тесть, хотя человѣкъ не особенно далекій, но также религіозный; онъ не способенъ совершить преступленіе или быть столь жестокимъ, какъ здѣсь жестоки со мною".

Послѣ отъѣзда Ласказа Наполеонъ сталъ печаленъ. „Онъ старался казаться равнодушнымъ, но видимо страдалъ въ душѣ. Однажды у него вырвалось восклицаніе:

„Лучше бы мнѣ умереть разомъ!".

„Пускай отнимутъ у меня всѣхъ моихъ французовъ, я не хочу болѣе имѣть ихъ подлѣ себя, говорилъ онъ. Все равно, ихъ отнимутъ у меня подъ какимъ-нибудь предлогомъ".

И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за Ласказомъ изъ Лонгвуда были отправлены изъ соображеній экономіи капитанъ Піонтовскій и четверо слугъ.

„Я не могу понять поведенія вашихъ министровъ, говорилъ Наполеонъ доктору О'Меара. Они тратятъ 60—70 тысячъ ф. ст. на то, чтобы послать сюда мебель и строительный матеріалъ для новаго дома, и въ то же время ограничиваютъ меня во всемъ. Они заставляютъ меня отпустить слугъ и дѣлать экономію, которая не совмѣстима съ приличіемъ и благополучіемъ моего дома. Съ нами торгуются изъ-за бутылки вина или двухъ-трехъ фунтовъ мяса съ такимъ серьезнымъ и важнымъ видомъ, какъ будто дѣло идетъ о судьбѣ нѣсколькихъ королевствъ. Я вижу непонятныя противорѣчія: съ одной стороны огромныя и ненужныя траты, съ другой невѣроятное сквалыжничество и мелочность. Почему они не допускаютъ, чтобы я самъ покупалъ все необходимое, это было бы лучше, чѣмъ унижать достоинство націи.

„По правдѣ сказать, надобно большое мужество, чтобы переносить подобную жизнь въ этомъ ужасномъ мѣстѣ. Этотъ нахалъ наноситъ мнѣ каждый день новые удары въ сердце и находитъ наслажденіе дѣлать мнѣ больно. Это повидимому единственное его удовольствіе. Онъ каждый день выдумываетъ новое средство мучить и оскорблять меня и налагать на меня новыя лишенія; онъ хочетъ сократить мою жизнь, раздражая меня каждый день".

„Я увѣренъ, что ни одинъ изъ министровъ не далъ бы своего согласія на то, чтобы со мною обращались такъ, какъ обращается со мною этотъ тираннъ. Его стараніе держать все это втайнѣ пока-

Библиотека "Руниверс"

зываетъ, что онъ боится, чтобы его поступки не стали извѣстны. Вмѣсто того, чтобы соблюдать эту тайну и окружать меня шпіонами, онъ лучше бы сдѣлалъ, обращаясь со мною такъ, чтобы не бояться жалобъ съ моей стороны".

„Я не думаю, чтобы онъ поступалъ согласно полученнымъ имъ инструкціямъ, а если это такъ, то онъ опозорилъ себя, принявъ подобное назначеніе".

В. Тимощукъ.

Библиотека "Руниверс"

Яковъ Іоганъ Урсинусъ [1]).

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

До вступленія Урсинуса въ комиссію, Большая комиссія имѣла 56 засѣданій, во время которыхъ читались и обсуждались нѣкоторые изъ депутатскихъ наказовъ и дѣйствующіе законы о дворянствѣ. Затѣмъ комиссія приступила къ чтенію законовъ, „касающихся до купеческаго сословія и до торговли вообще“, и къ обсужденію вопросовъ, возбужденныхъ примѣчаніями, которыя дѣлали къ прочтеннымъ законамъ нѣкоторые изъ депутатовъ. Первый голосъ Урсинусомъ былъ поданъ въ 60-мъ засѣданіи комиссіи въ Москвѣ 13 ноября 1767 г. [VIII, 256]. Поводомъ къ его рѣчи послужило заявленіе князя М. М. Щербатова, сдѣланное въ засѣданіи 7 ноября [VIII, 222], т. е. въ слѣдовавшемъ непосредственно за тѣмъ, въ которомъ Урсинусъ былъ утвержденъ въ званіи депутата—о необходимости, въ интересѣ развитія внутренней торговли, учрежденія торжковъ и составленія для нихъ положенія.

Урсинусъ говорилъ, что по его мнѣнію въ каждой губерніи слѣдуетъ быть ярмаркамъ, но чтобы для установленія мѣста и времени для этихъ ярмарокъ собирались на совѣщаніе депутаты одной и той же губерніи или 2-хъ губерній. Удобнѣйшими мѣстами для ярмарокъ Урсинусъ полагалъ находящіяся въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ городовъ.

Тѣ же совѣщанія депутатовъ должны были по мнѣнію Урсинуса опредѣлять: „гдѣ удобнѣе можно будетъ заложить небольшіе города“. „Города же пространные—говорилъ Урсинусъ—полезно умень-

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

шить, ибо они по разнымъ причинамъ препятствуютъ умноженію народа, а для нашей Имперіи надобно еще 80 милліоновъ жителей". Это мнѣніе замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что имъ проектируется новое учрежденіе,—отчасти напоминающее введенныя въ царствованіе Императора Александра II губернскія земскія собранія—хотя и съ весьма ограниченною компетенціею. Во всякомъ случаѣ здѣсь можно видѣть зародышъ нашихъ земскихъ учрежденій.

Въ засѣданіяхъ 9, 12, 13 и 14 ноября были читаны вексельный уставъ и касающіеся до этого устава указы. Въ засѣданіи 9 ноября депутатъ Харьковскаго дворянства Куликовскій внесъ предложеніе о дозволеніи обязываться векселями дворянамъ и лицамъ другихъ званій. Послѣ этого по вопросу о распространеніи права обязываться векселями высказывались весьма многіе депутаты, въ продолженіе 7-ми засѣданій 12—22 ноября [VIII, 234—327]. Мнѣнія, поданныя депутатами, были весьма разнообразны. Сторонники распространенія права указывали большею частію на то обстоятельство, что существующія запрещенія не соблюдаются, но обходятся: лица, не имѣющія права обязываться векселями, составляютъ векселя на чужое имя, отъ чего происходятъ многіе споры о безденежности векселей, и кредиторы напрасно теряютъ права, несомнѣнно имъ принадлежащія. Другія лица, какъ напр. депутаты отъ дворянъ: Суздальскаго уѣзда гр. Толстой и Верейскаго уѣзда Степановъ, стояли за сохраненіе прежняго ограниченія. Депутатъ Степановъ объяснялъ при этомъ, что „купцы обязываются векселями для прибыли, а дворяне по нуждѣ", и что послѣдствія, происходящія отъ писанія векселей дворянами, часто служатъ къ ихъ разоренію.

Урсинусъ высказался по этому вопросу въ засѣданіи 15 ноября (VIII, 269—273). Указавъ на необходимость векселей въ случаяхъ переводовъ денегъ изъ одной страны въ другую, а равно и въ торговыхъ оборотахъ, при чемъ существенное значеніе получаетъ точность въ исполненіи обязательствъ въ опредѣляемые для нихъ сроки, Урсинусъ выясняетъ справедливость тѣхъ строгихъ постановленій, которыми обезпечивается довѣріе къ векселямъ, и которыми вообще характеризуется вексельное право. Сравнивая съ условіями торговыхъ оборотовъ тѣ условія, при которыхъ совершается заемъ денегъ членами дворянскаго сословія, Урсинусъ усматриваетъ между ними коренное различіе, не допускающее возможности установлять одинаковыя послѣдствія неточнаго выполненія обязательствъ,

Библиотека "Руниверс"

заключаемыхъ въ тѣхъ и другихъ случаяхъ. Въ однихъ случаяхъ обращеніе торговли не пресѣчется, и никто не разорится, если долговыя претензіи заплатятся нѣсколько недѣль позже договорнаго срока; напротивъ, въ другихъ общее обращеніе въ торговлѣ можетъ остановиться, когда по вексельнымъ бумагамъ не будетъ оказываемо скораго правосудія. Невозможно измѣнять столь совершенное вексельное право, какъ наше, въ пользу обязательствъ, носящихъ только имя векселя. Между тѣмъ несправедливо требовать $1^1/_2\%$ въ мѣсяцъ (18% годовыхъ) отъ такого человѣка, который не безъ великаго труда можетъ и самый капиталъ возвратить. „Я ожидаю“—говорилъ Урсинусъ—„отъ благородныхъ чувствъ всѣхъ высокопочтенныхъ г. г. депутатовъ, что они лучше будутъ помышлять о законахъ, которые бы доставили богатому заимодавцу капиталъ съ его указными процентами, а разореніе злосчастнаго должника отвратили, нежели ободрять безпорядки, чрезъ которые заимодавцу капиталъ его возвратится съ такимъ умноженіемъ процентами, что отъ того погибнетъ полезный гражданинъ“.

Урсинусъ предлагалъ, чтобы векселями могли обязываться и брать ихъ могли только дѣйствительные купцы, или когда дѣло касается до перевода денегъ въ иностранныя земли.

Послѣднія засѣданія комиссіи въ Москвѣ въ 1767 году были главнымъ образомъ посвящены слушанію и обсужденію эстляндскихъ и лифляндскихъ привилегій. За ихъ сохраненіе высказывались депутаты остзейскихъ губерній—какъ дворянства, такъ и городовъ. Депутаты коренныхъ русскихъ мѣстностей высказывались за введеніе и въ остзейскія провинціи общаго закона. Урсинусъ въ этихъ спорахъ участія не принималъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, онъ одинъ разъ сослался на привилегіи города Дерпта, котораго былъ представителемъ, но по совершенно особенному поводу: ссылаясь на эти привилегіи, онъ могъ противиться предлагавшемуся исключительному праву дворянъ на владѣніе землею.

Въ 1768 году засѣданія комиссіи возобновились—съ 18 февраля—въ Петербургѣ. Первыя засѣданія этого года были посвящены слушанію и обсужденію дѣйствующихъ законовъ, „касающихся до юстиціи“. По поводу чтенія этихъ законовъ Урсинусъ въ засѣданіи 14 мая подалъ письменное мнѣніе, изложенное въ дневной запискѣ (журналъ комиссіи) весьма кратко, съ пропусками существенно важнаго. Подлинное мнѣніе напечатано въ приложеніи къ XXXII тому

Библиотека "Руниверс"

Сборника Имп. Р. И. Общества подъ № 40, гдѣ занимаетъ слишкомъ 11 страницъ: 432—444 (соотвѣтствующее мѣсто дневной записки напечатано въ томъ же томѣ Сборника на стр. 68).

Мнѣніе Урсинуса, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ большой интересъ, какъ сущностью многихъ частей предлагаемаго авторомъ судоустройства—весьма напоминающихъ нѣкоторыя изъ чертъ 100 лѣтъ спустя осуществившейся судебной реформы Императора Александра II—такъ иногда и мотивами, приводимыми въ защиту предлагаемаго. Потому считаю необходимымъ остановиться на этомъ мнѣніи Урсинуса нѣсколько подольше. Въ то время, какъ представители и дворянства и другихъ сословій предлагали учрежденіе особыхъ судовъ для каждаго сословія изъ членовъ, сословіями же избираемыхъ, Урсинусъ предложилъ образованіе судебныхъ мѣстъ, общихъ для всѣхъ подданныхъ Императрицы, назначая судей изъ числа лицъ, свѣдущихъ въ законахъ. „Отъ такого человѣка"—говорилъ Урсинусъ—„который знанія не имѣетъ, уже нельзя требовать исправнаго рѣшенія по труднымъ и сплетеннымъ дѣламъ, а наказывать его за неправильное рѣшеніе столь же неприлично, какъ учинить незнающему медицинской науки наказаніе за то, что онъ, пользуя ближняго своего по лечебнику, принужденъ былъ его уморить. А какое преимущество сіе предложеніе имѣетъ предъ мнѣніемъ тѣхъ, кои утверждаютъ, чтобы нѣкоторые дворяне приставлены были къ воеводамъ для рѣшенія тяжбъ, о томъ упоминать уже излишне, потому что воеводы по большей части были неученые офицеры; а что до живущихъ по деревнямъ дворянъ касается, то цѣлому вѣку пройти надобно, пока они сдѣлаются юристами, тѣмъ меньше прозорливыми и трудолюбивыми судьями"...

Но, предлагая назначеніе судей изъ юридически-образованныхъ лицъ, Урсинусъ понималъ, что такихъ лицъ отыщется немного, а между тѣмъ для большого пространства Имперіи, при условіи близости судей къ населенію, можетъ ихъ потребоваться большое число. Близость же судей къ населенію, по мнѣнію Урсинуса, была дѣломъ огромной важности. „Отъ дальняго отстоянія" судебныхъ мѣстъ—говорилъ онъ—„въ провинціяхъ дѣлается то, что бѣдный челобитчикъ, начиная свою тяжбу, или больше издержать принужденъ, нежели чего искомое имъ въ судѣ стоитъ, или же не остается ему другаго удовольствія кромѣ грусти и соболѣзнованія, когда онъ по своему недостатку не въ состояніи нести необходимо-нужныя издержки. Но, какъ бѣдный согражданинъ, тратя нѣсколько рублей, больше разоряется, нежели богатый, теряя нѣсколько тысячъ, то въ законоположеніи не должно почитать страданіе бѣднаго человѣка маловажнымъ, ибо отъ жизни и небольшаго имѣнія нѣсколькихъ

Библиотека "Руниверс"

милліоновъ бѣдныхъ сыновъ отечества, а не отъ роскошной жизни малаго числа богатыхъ зависитъ богатство и сила нашей Имперіи, какъ нынѣ, такъ и въ будущія времена". Какъ же удовлетворить противоположнымъ другъ другу требованіямъ—приблизить судъ къ населенію и назначать судей изъ лицъ дѣйствительно къ тому способныхъ, число которыхъ не можетъ быть значительно? Урсинусъ предлагаетъ для этого учрежденіе разъѣзжихъ судей. Одинъ судья—„искусный въ правахъ"—по его предложенію былъ бы опредѣляемъ на нѣсколько провинцій. Изъ нѣсколькихъ погостовъ образовался бы судебный округъ, и въ каждомъ округѣ судья держалъ бы судъ 2 или 3 раза въ годъ, оповѣстивъ объ этомъ населеніе за 4 недѣли напередъ. Держа судъ, судья долженъ бы былъ разбирать какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть надзоръ за дѣйствіемъ опредѣленныхъ отъ судебныхъ мѣстъ опекуновъ. Тяжущіеся могли бы дѣйствовать передъ судьею и письменно и устно, только чтобы все производство суда было записано въ протоколъ. При каждой сессіи должны были бы присутствовать 3 или 4 человѣка изъ близъ живущихъ дворянъ, *по выбору жителей тѣхъ мѣстъ*, но тяжущіеся могли бы отводить „нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ и другихъ изъ своихъ собратій на ихъ мѣста неподозрительныхъ людей избирать". Выборные товарищи судьи должны „наблюдать, чтобы судья никому не отказывалъ въ судебныхъ преимуществахъ, и чтобы онъ предлагаемаго тяжебнаго дѣла неправильно въ протоколъ не записывалъ, но каждому самыя его слова изъ протокола прочитывалъ, дабы тѣмъ увѣриться въ подтвердительномъ его признаніи". Присутствующіе дворяне „отрицательный голосъ въ томъ случаѣ имѣютъ, когда оные всѣ единодушно въ томъ согласятся". Замѣчу, что послѣднее предложеніе Урсинуса сближаетъ проектируемое учрежденіе товарищей судей съ учрежденіемъ „немдемановъ" въ городскихъ судахъ Финляндіи.

На товарищей судьи Урсинусъ полагалъ также возложить обязанность послѣ публикаціи о времени производства суда въ каждомъ судебномъ округѣ вызывать къ суду отвѣтчиковъ.

„Если судьѣ будетъ назначенъ такой большой округъ, въ которомъ ему чрезъ весь годъ упражнену быть надобно въ произведеніи суда, то жалованье ему по нѣсколько сотъ рублевъ въ годъ производить, которое ни казнѣ, ни обывателямъ тягостно не станетъ тѣмъ, что *губернскія и воеводскія канцеляріи останутся такими, какими имъ быть надлежитъ*, а именно присутственными мѣстами по дѣламъ, до экономіи, полиціи и экзекуціи касающимся, и число членовъ и служителей уменьшится *отлученіемъ судебныхъ дѣлъ изъ сихъ мѣстъ*".

Библиотека "Руниверс"

„Въ каждой изъ самыхъ большихъ губерній, а въ 2-хъ и 3-хъ меньшихъ вмѣстѣ“ (при этомъ нужно вспомнить, что губерніи—которыхъ всего было тогда 20—были гораздо обширнѣе нынѣшнихъ) „опредѣлить надобно аппелляціоннаго судью, который бы въ 3-хъ или 4-хъ мѣстахъ губерніи или въ каждой провинціи 2 раза въ годъ держалъ аппелляціонный судъ, въ которомъ бы нѣкоторые дворяне могли быть его товарищами на такомъ же основаніи, какъ о первомъ судѣ упомянуто. Въ оном аппелляціонномъ судѣ рѣшаемы быть могутъ всѣ изъ перваго суда на аппелляцію взятыя дѣла безъ изъятія, хотя бы оныя были криминальныя или гражданскія; а изъ сихъ аппелляціонныхъ судовъ дѣла переносимы быть имѣютъ въ государственную юстицъ-коллегію, которой департаменты надлежало бы распредѣлить въ разныхъ мѣстахъ Имперіи. Вотчинная коллегія могла бы остаться только крѣпостною архивою“...

Для городовъ Урсинусъ предлагалъ особые городскіе суды, также изъ „людей въ правахъ искусныхъ“, при чемъ „могъ бы каждый меньшій городъ содержать одного ученаго бургомистра, а большіе города, кромѣ бургомистра, еще двухъ право знающихъ ратмановъ. Аппелляціонный судья могъ бы рѣшать и аппелляціонныя дѣла изъ городовъ, только бургомистры или другіе честные граждане, по избранію градскихъ жителей, должны, вмѣсто дворянъ, присутствовать тогда, когда аппелляціонныя дѣла изъ городовъ производятся, выключая бургомистровъ тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ аппелляціонныя дѣла подлежатъ рѣшенію“.

Въ изложенномъ планѣ судоустройства наше вниманіе останавливается болѣе всего на тѣхъ чертахъ, которыя сближаютъ его съ основными началами судебной реформы Императора Александра II. Это—отдѣленіе суда отъ администраціи, всесословность суда, назначеніе судей изъ юристовъ, опредѣленіе имъ достаточнаго содержанія, уменьшеніе числа судебныхъ инстанцій, образованіе округовъ, приблизительно соотвѣтствующихъ округамъ нынѣшнихъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, выѣздныя сессіи судовъ. Въ подробностяхъ плана Урсинуса, какъ судоустройства, такъ и судопроизводства, можно найти еще многіе другіе признаки сходства съ установленіями 1864 года. Согласно съ высказаннымъ уже нѣсколькими депутатами мнѣніемъ, Урсинусъ предлагалъ „опредѣленіе при всѣхъ судебныхъ мѣстахъ искусныхъ и ученыхъ стряпчихъ, которые бы тяжущимся могли учинить вспоможеніе“.

Для сокращенія времени производства тяжебныхъ дѣлъ Урсинусъ предлагалъ:

1) Ограничить число бумагъ, представляемыхъ тяжущимися,

Библиотека "Руниверс"

двумя съ каждой стороны въ аппелляціонныхъ судахъ и *одной* въ Правительствующемъ Сенатѣ;

2) Отмѣнить „худое обыкновеніе, чтобы присутственнымъ мѣстамъ самимъ черезъ справки требовать изъ разныхъ мѣстъ извѣстій и доказательствъ, на которыхъ одна изъ тяжущихся сторонъ ссылается, потому что тяжущійся самъ долженъ доставить себѣ доказательства и оныя во всякой готовности въ судъ предъявить (только никакое присутственное мѣсто не должно отрещися выдать кому то, что къ доказательству служить можетъ, если оное только находится въ дѣлахъ того мѣста)". Урсинусъ предлагалъ также въ интересѣ сокращенія времени производства дѣлъ, чтобы „до перваго начала тяжбы и въ первомъ судѣ представляемы были всѣ доводы, на которыхъ кто утверждается, а *аппелляціонные суды не должны* были *непосредственно принимать новыхъ доводовъ*, когда оные въ первомъ судѣ не представлены, потому что оный уже не преминулъ бы по онымъ доказательствамъ исправно рѣшить дѣло, не подавъ повода къ утружденію вышняго суда".

Извѣстно, что эта послѣдняя мѣра не принята современнымъ русскимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, который (ст. 747 устава для общихъ судебныхъ мѣстъ, для мировыхъ учрежденій—163) воспрещаетъ лишь предъявленіе въ аппелляціи новыхъ требованій, предъявленіе же аппелляціонной инстанціи новыхъ доводовъ тяжущимся разрѣшается на основаніи статей 331 и 777 устава.

Въ остальныхъ частяхъ записки Урсинуса особенное вниманіе обращаютъ на себя его заботы объ уменьшеніи числа случаевъ, въ которыхъ допускается личное задержаніе кого бы то ни было изъ судящихся.

Затѣмъ остановлюсь еще на одномъ мѣстѣ записки, имѣющемъ отношеніе ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, какъ къ судебнымъ, такъ и къ административнымъ. Урсинусъ высказываетъ желаніе, чтобы члены присутствій „сами упражнялись въ дѣлахъ, какъ то въ чужихъ краяхъ бываетъ", т. е. разбирали между собою дѣла, и сами ихъ докладывали, не допуская, чтобы судьба дѣла зависѣла отъ малаго знанія и неискусства канцелярскихъ служителей.

Но Урсинусъ хорошо понималъ, при какихъ условіяхъ подобное желаніе могло осуществиться, и не отказывался отъ указанія средствъ, которыя нужно было употребить для его осуществленія.

„Высокопочтеннымъ г.г. депутатамъ легко будетъ"—говорилъ онъ—„усмотрѣть, что по сему моему предложенію требуется отъ членовъ присутственныхъ мѣстъ больше знанія, нежели то, которое понынѣ въ нихъ почиталось довольнымъ. Полученіе ранга, ученіе

Библиотека "Руниверс"

2-хъ языковъ или больше, переводъ какой-либо театральной піесы или сочиненіе стиха еще не можетъ служить доказательствомъ, что такой человѣкъ имѣетъ способность заступить важное мѣсто ассессора, совѣтника или президента, ибо при всемъ томъ можетъ онъ быть ничего не вѣдающій въ законахъ и не имѣетъ довольнаго разсужденія, такъ какъ и одно природное умствованіе не составляетъ искуснаго судью; хорошій танцовщикъ не можетъ представить берейтора, а стихотворецъ не можетъ по причинѣ своихъ стиховъ почитаться домостроителемъ; и потому, какъ можетъ кто черезъ полученіе чина и ранга сдѣлаться въ правахъ, также въ дѣлахъ, до государственныхъ доходовъ, до коммерціи и мануфактуръ касающихся, искуснымъ. И потому не будетъ ли служить къ пользѣ нашего отечества, къ благосостоянію нашихъ согражданъ и позднѣйшихъ нашихъ потомковъ, если мы всеподданнѣйше попросимъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указать, чтобы никто не опредѣленъ былъ въ какое-либо присутственное мѣсто членомъ, пока онъ при нѣкоторыхъ людяхъ, коихъ отличное знаніе и искусство общевѣдомо, не объяснитъ принадлежащаго къ оному присутственному мѣсту труднаго дѣла; при томъ случаѣ скоро откроется его способность къ писанію, искусство въ законахъ, сила его разсужденія и пріобрѣтенное имъ объ интересѣ его отечества знаніе, безъ котораго никто не заслуживаетъ быть членомъ. Чрезъ такое учрежденіе присутственныя наши мѣста освобождены будутъ отъ множества подъячихъ, и мы не принуждены будемъ видѣть благосостояніе наше зависящимъ отъ такихъ людей, кои и въ рукахъ не имѣли тѣхъ книгъ, въ которыхъ законы написаны“.

А. Вороновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года?

Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами).

Прошло уже около 8 лѣтъ со времени злополучной вафангоуской операціи, но оцѣнка ея съ точки зрѣнія теоріи, особенно въ стратегическомъ отношеніи, еще далеко не можетъ считаться окончательно установившеюся. Фактическая сторона этого эпизода нашей войны съ Японіей, довольно подробно разработанная въ трудѣ Военно-Исторической комиссіи, тѣмъ не менѣе представляетъ пробѣлы, которые уже вызвали въ литературѣ нѣкоторыя возраженія и дополненія. Въ трудахъ другихъ авторовъ, пытавшихся подвергнуть критическому разбору наступленіе 1. Сиб. корпуса въ маѣ 1904 года, замѣтно стремленіе опорочить его замыселъ подведеніемъ подъ категорію „военныхъ авантюръ“, при чемъ авторы основываютъ свои выводы главнымъ образомъ на неудачѣ финала наступленія—боя 2 іюня 1904 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ литературныхъ трудахъ по вафангоуской операціи, какъ и въ другихъ изслѣдованіяхъ событій нашей несчастной Маньчжурской кампаніи, ярко проявилось подсказанное оскорбленнымъ національнымъ самолюбіемъ стремленіе искать и находить виновниковъ неудачъ и пораженій. При бѣдности фактическаго матеріала, которымъ могли располагать авторы, неудивительно, что нерѣдко упреки и обвиненія направлялись не по настоящему адресу. Но проходятъ года, страсти утихаютъ, событія разъясняются, и нелицепріятный судъ исторіи вступаетъ наконецъ въ свои права.

Настоящій трудъ является попыткой пролить свѣтъ на событія, разыгравшіяся на Южно-Маньчжурскомъ театрѣ войны отъ начала

Библиотека "Руниверс"

мая 1904 года до боя у Вафангоу включительно. Главный источникъ, которымъ авторъ пользовался—трудъ Военно-Исторической комиссіи [1]), краткій же ходъ дѣйствій изложенъ почти буквально по главѣ IX книги подполковника А. Свѣчина „Русско-Японская война 1904—5 гг.“ изд. 1910 г., составленной по тѣмъ же источникамъ, которыми пользовалась комиссія. Стараясь быть объективнымъ въ своемъ изслѣдованіи, авторъ не могъ однако не коснуться тѣхъ взглядовъ, которые высказывались раньше по тому же вопросу, и въ случаѣ разногласія представить на судъ читателей свои возраженія, касающіяся оцѣнки не только событій, но и лицъ, игравшихъ въ нихъ роль главныхъ дѣятелей.

Къ половинѣ мая группировка [2]) нашихъ силъ была нижеслѣдующая:

Южный авангардъ—34 баталіона, 23 эскадр. и сотни и 100 орудій—располагался въ раіонѣ Хайченъ-Инкоу-Гайчжоу-Далинскій перевалъ, наблюдая на 3 фронта: побережье Ляодунскаго залива, горные проходы на юго-востокъ и вдоль желѣзной дороги къ Пуланьдяну.

Восточный отрядъ—28½ баталіоновъ, 13½ сот. и 50 орудій—былъ разбросанъ на горныхъ позиціяхъ, пересѣкавшихъ пути отъ Фынхуанчена къ Ляояну.

Конница Мищенко—17 сот., 6 оруд.,—выдвинувшись въ окрестности г. Сюяня, являлась связью между обѣими группами, а конница Ренненкампфа, той же силы, прикрывала лѣвый флангъ Восточнаго отряда, имѣя главныя силы у Саймацзы.

Общій резервъ арміи—27 баталіоновъ, 8½ сотенъ, 78 орудій—группировался отъ Ляояна до Хайчена.

Всего, считая и нѣсколько меньшихъ отрядовъ, въ Маньчжурской арміи числилось до 100 баталіоновъ, 84 эскадроновъ, 250 орудій.

Японцы имѣли: три дивизіи Куроки (Гв., 2. и 12.) въ окрестностяхъ Фынхуанчена, 10. дивизія—ядро будущей IV арміи Нодзу—высадилась въ Дагушанѣ, три дивизіи Оку (II армія—3., 4., 5. дивизіи)—близъ Пуланьдяна. Наконецъ двѣ дивизіи—ядро будущей III арміи Ноги—прикрывали устройство въ Дальнемъ промежуточной базы со стороны гарнизона Портъ-Артура [3]).

---

[1]) Въ ссылкахъ на это сочиненіе приводятся только №№ томовъ, частей и страницъ, безъ указанія заглавія труда.

[2]) См. схему №2.

[3]) А. Свѣчинъ, стр. 116—117. Изъ этого же труда заимствованъ планъ поля сраженія.

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ перечисленіи надо отмѣтить неточности: а) 10. дивизія въ половинѣ мая не „высадилась“, а только высаживалась; къ 17 мая на берегу было 9 бат., 1 эск. и 24 гор. орудій, вся же дивизія съ тыловыми учрежденіями была готова только къ 27 мая (Т. II, ч. 1, стр. 373). б) Изъ дивизій, вошедшихъ въ составъ III арміи Ноги, къ 16 мая на Ляодунѣ была только одна 1. дивизія, участвовавшая въ Цзиньчжоускомъ бою; 11. дивизія 16—18 мая только начала высаживаться и кончила высадку 1 іюня (Т. VIII Ч. 1, стр. 339); 6. дивизія, предназначенная въ составъ III арміи, но въ дѣйствительности поступившая впослѣдствіи во II армію, начала высадку въ Таліенванѣ въ концѣ мая (Т. II, Ч. 1, стр. 328).

Приводя это исчисленіе японскихъ силъ, подполк. Свѣчинъ прибавляетъ: „Это развертываніе японскихъ силъ въ общихъ чертахъ было намъ извѣстно“. Это утвержденіе требуетъ серьезной оговорки, а именно было бы правильнѣе сказать: „было намъ извѣстно только въ отношеніи приблизительныхъ раіоновъ сосредоточенія японскихъ войскъ, что же касается силъ противника, то свѣдѣнія въ этомъ отношеніи были крайне неопредѣленныя и сбивчивыя [1]).

К—щій Маньчжур. арміей еще 3 мая исчислялъ силы двухъ только японскихъ армій, уже высадившихся на материкѣ, въ 100 бат-новъ (стр. 279, Т. II, Ч. 1) и еще ожидалъ высадки третьей арміи. Къ 22 мая въ штабѣ Маньчж. арміи силы японцевъ, по предположенію находившіяся уже на материкѣ, исчислялись въ 162 баталіона пѣхоты (Т. II Ч. 1, стр. 329), между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности къ концу мая у нихъ въ Маньчжуріи и на Ляодунѣ было не болѣе 120 б-новъ (тамъ же, стр. 330). Свѣдѣнія относительно большого превосходства силъ противника, которымъ склонны были вѣрить въ Маньчжурской арміи, встрѣчали, напротивъ, постоянное недовѣріе со стороны Намѣстника—Главнокомандующаго, г.-ад. Алексѣева, какъ видно изъ его переписки съ г.-ад. Куропаткинымъ (напр. Т. II, Ч. I, стр. 285, 342, Т. II, Ч. 2, стр. 363 и приложеніе № 44 стр. 26), но штабъ Намѣстника не располагалъ иными свѣдѣніями, кромѣ тѣхъ, которыя имѣлись въ штабѣ М. арміи.

Успѣхи японцевъ подъ Тюренченомъ и Цзиньчжоу вызвали серьезныя опасенія, выдержитъ ли неготовая крѣпость Портъ-Артуръ первый же натискъ японцевъ. Намѣстникъ признавалъ, что участь Портъ-Артура возбуждаетъ серьезныя опасенія. Ген.-адъют. Куропаткинъ не считалъ, что положеніе крѣпости Артуръ является на-

[1]) См. „Сводки свѣдѣній о противникѣ съ 25 марта по 15 сентября 1904 г.“ Изданіе Штаба Главнокомандующаго, 1905 г., стр. 14—50.

Библиотека "Руниверс"

столько критическимъ, чтобы требовалась немедленная помощь, и не былъ склоненъ выдвигать значительныя силы къ югу отъ Ташичао, но разногласіе рѣшено было въ пользу мнѣнія Намѣстника, который 24-го мая далъ директиву: выдвинуть на помощь Портъ-Артуру корпусъ въ составѣ не менѣе 48 баталіоновъ.

Еще 17 мая у ст. Вафангоу произошло столкновеніе коннаго отряда ген.-м. Самсонова (12 эск. и сот., 1 кон.-охотн. команд. 6 оруд.) съ отрядомъ ген.-м. Акіяма (8 эск., 2 роты, 8 пулем.). Преслѣдуя наши передовыя части, одинъ японскій эскадронъотдѣлился нѣсколько впередъ и, по приказанію ген.-м. Самсонова, былъ лихо атакованъ и разсѣянъ послѣ рукопашнаго боя двумя сотнями сибирскихъ казаковъ. Далѣе началъ развиваться стрѣлковый бой, и японская пѣхота потѣснила наши спѣшившіяся части.

Мы опредѣлили силу пѣхоты выдвинувшагося японскаго передового отряда въ одинъ полкъ. Явилось предположеніе разбить его въ отдѣльности, для чего рѣшено было сосредоточить къ Вафангоу сначала 2, а потомъ 1 полкъ. Вся 1. Восточно-Сибирская стрѣлк. дивизія была сосредоточена по желѣзной дорогѣ къ Вафангоу къ 25 мая, но уже 22 мая Японскій передовой отрядъ, замѣтивъ угрожавшую ему опасность, отошелъ на главныя силы ген. Оку.

Такимъ образомъ, ко времени полученія директивы Намѣстника одна дивизія уже была выдвинута на югъ, на 3 перехода отъ нашихъ силъ, и всего на 2 перехода отъ арміи Оку. Оставалось только усилить наши войска у Вафангоу и затѣмъ приступить къ дальнѣйшему наступленію на югъ. 1. сибирскій корпусъ, части котораго, охранявшія побережье Инкоу-Гайчжоу, смѣнялись прибывшимъ по желѣзной дорогѣ 4. Сибирскимъ корпусомъ, могъ сосредоточиться къ началу іюня. Онъ усилился бригадой 35. дивизіи, что доводило, однако, его составъ только до 32 баталіоновъ, вмѣсто предположенныхъ 48-ми; это рѣзко измѣняло отношеніе силъ не въ нашу пользу.

Общее начальствованіе надъ войсками, назначенными для наступленія къ Портъ-Артуру, было возложено на командира 1. Сиб. арм. корпуса, ген.-лейт. барона Штакельберга [1]).

По вопросу о силахъ, которыми могъ располагать этотъ генералъ, представляется интереснымъ провѣрить: дѣйствительно ли части 1. Сиб. корпуса, охранявшія побережье Инкоу—Гайчжоу, не могли быть смѣнены раньше, чѣмъ это произошло въ дѣйствительности?

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 117—119.

Библиотека "Руниверс"

Къ 16 мая, 9. В. С. стр. дивизія, была расположена въ Инкоу, въ Гайчжоу и въ Ташичао. Когда явилось предположеніе нанести отдѣльное пораженіе японскому передовому отряду, одинъ изъ полковъ дивизіи (36. В. С.) былъ еще 18 мая перевезенъ по жел. дорогѣ въ Вафангоу (т. II, ч. I, стр. 357); для охраны побережья оставлено $8^1/_4$ бат. 1 сот. 38 орудій (т. II, ч. I, стр. 360).

Въ первой половинѣ мая въ составъ арміи прибыла 2. Сибир. пѣх. дивизія, которая была направлена: 2. бригада въ Восточный отрядъ, 1.—въ Хайченъ (т. II, ч. I, стр. 351). Посылка 2. бригады была вызвана преувеличенно тревожными донесеніями изъ отряда ген. Ренненкампфа, которыя, какъ вскорѣ выяснилось, не имѣли серьезнаго основанія; въ сочиненіи анг. ген. штаба о Русско-Японской войнѣ по этому поводу говорится, что „появленіе японскаго разъѣзда было возвеличено въ угрозу русской линіи сообщенія посредствомъ сильнаго авангарда“ и имѣло въ результатѣ отправленіе къ графу Келлеру 2. бригады 2. Сиб. пѣх. дивизіи, которая могла бы быть „гораздо полезнѣе у Штакельберга“ [1]).

Но допустимъ соотвѣтственность этой мѣры обстановкѣ, какъ послѣдняя рисовалась Командующему маньчжурской арміей, согласимся также, что постановка 1. бригады той же дивизіи въ Хайченѣ была необходима для смѣны въ этомъ пунктѣ 2. бригады 35. пѣх. дивизіи, предназначенной въ составъ отряда ген. Штакельберга, тѣмъ болѣе, что къ половинѣ мая выяснилась высадка въ Дагушанѣ значительныхъ японскихъ силъ и возможность угрозы ихъ въ направленіи къ Хайчену и къ Гайчжоу. Но въ періодъ съ 19 по 28 мая на театръ войны успѣла прибыть и 3. Сибирская дивизія; изъ полковъ ея первые два по времени прибытія (Омскій—21 мая и Барнаульскій—22—23 мая), а также половина артиллеріи (3. дивизіонъ—19 мая), были высажены въ Ляоянѣ, а затѣмъ выступили 24 мая въ Хайченъ и Ташичао походнымъ порядкомъ (т. II, ч. I, Приложенія стр. 18 и 19). Если бы Омскій и Барнаульскій полки съ 3. дивизіономъ были вмѣсто Ляояна отправлены по жел. дорогѣ, хотя бы только до тѣхъ пунктовъ, до которыхъ были перевезены впослѣдствіи остальныя части 3. дивизіи (Хайченъ и Гайчжоу), то очевидно, что уже къ 24—26 мая 9. В. С. дивизія была бы полностью смѣнена на побережьи, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это случилось только 31 мая и 1 іюня (т. II, ч. I, стр. 382). По этому поводу напомню, что предписаніе К—щему М. арміей о безотлагательномъ приступѣ къ операціи по выручкѣ Портъ-Артура, съ назначеніемъ для этой цѣли не менѣе 4-хъ ди-

[1]) Русскій переводъ, вып. II, стр. 166 (Примѣчаніе).

Библиотека "Руниверс"

визій, было дано Намѣстникомъ 18 мая (т. II, ч. I, стр. 296). Въ періодъ между 16 и 25 мая со стороны противника не было предпринято никакихъ сколько-нибудь рѣшительныхъ дѣйствій и г. Саймацзы оказался имъ не занятымъ; въ теченіе этого времени Командующій арміей могъ убѣдиться въ неосновательности своихъ опасеній за восточный фронтъ, вызвавшихъ поспѣшную отправку туда 2. бригады 2. Сибир. дивизіи. Развѣдывательное отдѣленіе штаба арміи, на основаніи поступившихъ къ нему за указанный періодъ свѣдѣній, также склонялось къ выводу, что на Ляодунѣ сосредоточена главная масса японскихъ силъ (II и III арміи) въ то время, какъ противъ восточнаго фронта М. арміи находится, преслѣдуя демонстративныя цѣли, I армія, усиленная нѣкоторыми сомнительными частями другихъ дивизій. Связью между южной и восточной группами японскихъ силъ являлся, по предположенію развѣд. отдѣленія, отрядъ высаженный въ Дагушанѣ, сила котораго опредѣлялась отъ одной до двухъ бригадъ 10-й дивизіи и на усиленіе котораго была направлена изъ Фынхуанчена часть I арміи [1]).

Передовыя части восточной группы предполагались къ намъ не ближе линіи Саймацзы-Шаличжай (Салидзайпудза), т. е. по прямому направленію не ближе 100 верстъ отъ жел. дороги; считая же по дорогамъ,—раза въ полтора больше. Правда, что съ 25 мая снова обнаружилось наступленіе противника на фронтѣ Саймацзы—Сюянь, но только у послѣдняго пункта, занятаго японцами 26 мая послѣ боя съ конницей ген. Мищенко, наступленіе это могло вызвать нѣкоторыя опасенія, въ другихъ же направленіяхъ оно носило явно демонстративный характеръ и къ 27 мая прекратилось, съ отходомъ передовыхъ частей японцевъ (т. II, ч. I, ст. 401). Г. Саймацзы, занятый японцами 25 мая съ боя, былъ ими снова очищенъ (тамъ же стр. 411). Къ 29 мая пріостановилось наступленіе и отъ Сюяня (тамъ же стр. 379) и къ этому времени развѣд. отдѣленіе съ большою точностью опредѣлило силы восточной группы японцевъ (сводки къ 29 и 31 мая, стр. 64 и 71), высказавъ предположеніе, что „разброска 4-хъ дивизій на фронтѣ до 200 верстъ ясно показываетъ, что здѣсь японцы не могутъ разсчитывать на нанесеніе намъ рѣшительныхъ ударовъ. Переходъ ихъ въ наступленіе не болѣе, какъ демонстрація“. Заключеніе это въ частности тотчасъ же подтвердилось, т. к. предпринятая вновь противникомъ 31 мая попытка наступленія на Далинскій перевалъ была въ тотъ же день признана за демонстрацію (т. II, ч. II, стр. 12).

При такихъ условіяхъ не только 9. В. С. дивизія къ 27 мая

---

[1]) Сводки свѣдѣній, стр. 53—55. См. схема № 3.

Библиотека "Руниверс"

могла бы быть уже вся при своемъ корпусѣ въ Вафангоу (какъ было объяснено выше), но вслѣдъ за нею могли быть направлены и части 3. Сиб. дивизіи, оставшіяся за смѣной 9. В. С. дивизіи въ излишкѣ, т. к. высадка противника въ Ляодунскомъ заливѣ въ это время представлялась мало вѣроятной [1]). Если же резервъ у Ташичао признавался необходимымъ для прикрытія направленія на Сюянь, которое съ занятіемъ этого узла путей японцами казалось опаснымъ, то для замѣны частей 3. Сиб. дивизіи въ Ташичао могли быть привлечены части армейскаго резерва изъ Ляояна, гдѣ въ нихъ никакой надобности не было. Остальная часть того же резерва могла пойти на усиленіе отряда ген. Штакельберга, доведя силу его до намѣченныхъ 48 баталіоновъ. Резервомъ арміи въ концѣ мая можно было считать X арм. корпусъ, прибытіе головныхъ частей котораго въ раіонъ сосредоточенія ожидалось съ 7 іюня (т. II, ч. II, стр. 100). Указанную рокировку силъ къ югу вѣроятно и имѣлъ въ виду адмиралъ Алексѣевъ, когда въ помѣткахъ на депешѣ г.-ад. Куропаткина отъ 25 мая выражалъ мнѣніе о возможности усилить наступающій корпусъ бригадой 3. Сиб. дивизіи (т. II, ч. I, стр. 342); по этому поводу въ трудѣ В.-Ист. комиссіи высказывается какъ будто недоумѣніе, почему эти соображенія не были сообщены ген.-ад. Куропаткину; мнѣ кажется, что указаніе К—щему арміей, какія именно части должны находиться въ числѣ тѣхъ 48 б—новъ, которые Намѣстникъ считалъ необходимымъ сосредоточить въ рукахъ ген. Штакельберга, было бы неумѣстнымъ вторженіемъ Главнокомандующаго въ предѣлы правъ К—щаго арміей,—въ силу Высочайшаго повелѣнія совершенно самостоятельнаго въ своихъ дѣйствіяхъ и лично отвѣтственнаго (т. II, ч. I, стр. 29). Требованіе же о направленіи для выручки Портъ-Артура отряда не менѣе четырехъ дивизій или 48 б—новъ Намѣстникомъ подтверждалось неоднократно, напр. въ телеграммахъ отъ 18 и 22 мая, директивѣ отъ 24 мая и телеграммѣ отъ 28 мая (т. II, ч. I, стр. 296, 337, 340 и 342). Ген.-ад. Алексѣевъ (также, какъ и развѣд. отдѣленіе штаба арміи) далеко не раздѣлялъ преувеличенныхъ опасеній К—щаго арміей относительно возможности серьезныхъ активныхъ дѣйствій со стороны восточной группы противника (тамъ же стр. 342) [2]). Самъ бывшій к—ръ 1. Сиб. корпуса, ген. баронъ

---

[1]) Японская морская демонстрація на Сюньюченскомъ побережьи, предпринятая 25—26 мая, не произвела никакого впечатлѣнія (т. II, ч. I, стр. 365).

[2]) Въ частности, по поводу донесенія К—щаго М. арміей отъ 17 мая объ обозначившемся наступленіи противника на Саймацзы, г.-ад. Але-

Библиотека "Руниверс"

Штакельбергъ, какъ видно изъ его статьи „Бой подъ Вафангоу", помѣщенной въ № 136 Русск. Инвалида 1911 г., не только считаетъ, что прибытіе въ Вафангоу 34. и 35. В. С. стр. полковъ (9. В. С. дивизіи) и Тобольскаго пѣхотнаго полка (3. Сиб. дивизіи) до полудня 1 іюня было возможно, но утверждаетъ, что онъ разсчитывалъ на прибытіе перечисленныхъ частей именно къ этому времени на основаніи даннаго ему 31 мая обѣщанія. Въ дѣйствительности же названные три полка подошли къ нему только 2 іюня, когда ходъ боя сложился уже непоправимо не въ нашу пользу. Едва-ли вообще Тобольскій полкъ могъ быть особенно полезенъ ген. Штакельбергу, при условіи, что онъ предоставлялся въ распоряженіе к—ра 1. Сиб. корпуса только условно, на однѣ сутки, по истеченіи коихъ долженъ былъ вернуться въ Ташичао, „независимо отъ того, чѣмъ бы ни кончился бой съ японцами" (т. II, ч. 2, стр. 520). Непонятно также, почему не были притянуты къ ген. Штакельбергу два баталіона Воронежскаго полка изъ Сеньючена (т. II, ч. 2, стр. 10), гдѣ они стояли безъ всякой пользы со времени послѣдней морской демонстраціи японцевъ (т. II, ч. 1, стр. 365).

Инструкція, данная ген.-лейт. Штакельбергу К—щимъ М. арміей, гласила:

„Наступленіемъ въ направленіи на Портъ-Артуръ притянуть на себя возможно большія силы противника и тѣмъ ослабить его армію, оперирующую на Квантунскомъ полуостровѣ".

„Для достиженія этого, движеніе противъ выставленнаго на сѣверъ заслона должно быть произведено быстро и рѣшительно, имѣя въ виду скорѣйшее пораженіе передовыхъ частей непріятеля, буде таковыя окажутся слабыми. Съ превосходными же силами не доводить дѣло до рѣшительнаго столкновенія и отнюдь не допускать израсходованія всего вашего резерва въ бою, пока не выяснится обстановка".

„Конечной цѣлью нашего движенія на югъ ставится овладѣніе Цзинчжоуской позиціей и дальнѣйшее наступленіе затѣмъ къ Портъ-Артуру".

Армія Оку не стала однако пассивно выжидать развертыванія и наступленія силъ ген. Штакельберга. По мнѣнію подпол. Свѣчина положеніе арміи Оку послѣ высадки являлось сомнительнымъ. Дѣло въ томъ, что другія группы японскихъ силъ (I армія и Дагушан-

---

ксѣевъ въ своемъ отвѣтѣ высказываетъ предположеніе, что это „вѣроятно передвиженіе лишь небольшого отряда съ цѣлью развѣдки", какъ и оказалось въ дѣйствительности.

Библиотека "Руниверс"

скій отрядъ) не были еще готовы къ наступленію. Чтобы задержать *наступленіе русскихъ на югъ, котораго особенно опасались* [1]), особенно пока не удалось овладѣть Цзиньчжоуской позиціей, японцамъ пришлось прибѣгнуть къ демонстраціи крейсерской эскадрой на побережьѣ противъ Гайчжоу—Сеньючена [2]). Въ этой демонстраціи, такъ же какъ и подобной ей, предпринятой въ концѣ мая, отсутствовало то, что единственно могло придать ей вѣсъ: большой транспортный флотъ. Съ другой стороны, изъ сочиненія ген. Гамильтона видно, до какой степени въ первое время послѣ боя у Ялу опасался также и Куроки наступленія русскихъ, особенно въ обходъ его праваго фланга, и какое чувство облегченія испытывали въ I японской арміи, когда угроза, ожидавшаяся со стороны ген. Ренненкампфа, не осуществилась, благодаря чему армія могла спокойно закончить устройство своего тыла [3]).

Въ трудѣ В.-Ист. комиссіи говорится, что въ сочиненіи анг. ген. штаба японцамъ приписывается мнѣніе о „несоотвѣтствіи“ и даже „невѣроятности“ наступленія русскихъ для выручки П.-Артура (т. II, ч. 1, стр. 365). Я лично такого указанія въ имѣющемся русскомъ переводѣ труда Анг. ген. штаба не нашелъ [4]), а у Гамильтона, напротивъ, приводится высказанное ему мнѣніе начальника штаба I арміи, что *бездѣйствіе* Куропаткина признается невѣроятнымъ, *т. к. это было бы слишкомъ выгодно для японцевъ* [5]). Наименѣе же вѣроятной изъ возможныхъ операцій Куропаткина генераломъ Фуджіи (Фучжи) признавалась именно операція къ востоку, *а не къ югу* (стр. 163).

Сопоставляя эти данныя, можно придти къ заключенію, что въ періодъ, предшествующій вафангоускому бою, оба противника (изъ коихъ японцы были еще менѣе готовы къ наступленію, чѣмъ русскіе) внушали другъ другу серьезныя опасенія. Весь вопросъ о выходѣ

---

[1]) Курсивъ мой. В. Ф.

[2]) А. Свѣчинъ, стр. 119.

[3]) Записная книжка штабного офицера, русск. переводъ, т. I, стр. 165, 170.

[4]) Единственное, по смыслу нѣсколько подходящее къ указанному утвержденію, мѣсто въ сочиненіи англ. ген. штаба изложено слѣдующимъ образомъ: „очевидно, что операція, предпринятая при такомъ полномъ непониманіи трудностей, которыя она должна была, навѣрное, встрѣтить, была уже заранѣе обречена на неудачу; и эти трудности были еще увеличены самимъ Командующимъ, недавшимъ въ данное время своему подчиненному разрѣшенія на сосредоточеніе своихъ силъ“ (выпускъ II, стр. 52, русскій переводъ). — Отъ этой оцѣнки до признанія самой идеи операціи „несоотвѣтствующей“ и „невѣроятной“, какъ видно, далеко.

[5]) Курсивъ мой. В. Ф.

Библиотека "Руниверс"

изъ этого тягостнаго для обѣихъ сторонъ положенія заключался въ томъ, кто изъ соперниковъ съумѣетъ первый овладѣть охватившимъ его чувствомъ и, взявъ въ свои руки починъ, постарается нанести противнику ударъ, не давая себя поглотить заботамъ о парированіи предполагаемыхъ замысловъ врага. Обстановка, насколько она теперь выяснилась (но въ то время оцѣнивалась вѣрно лишь немногими), показываетъ, что мы были въ состояніи нанести японцамъ такой ударъ. Еще 6 мая, т. е. за недѣлю до паденія Цзиньчжоуской позиціи, въ штабѣ Намѣстника была составлена и представлена ген.-ад. Алексѣеву записка о наступленіи на Квантунъ, въ которой признавалось возможнымъ наступленіе это произвести силами около 60 баталіоновъ (т. II ч. 1, стр. 283), считая въ составѣ М. арміи 2. Сибирскую дивизію, которая въ это время подвозилась къ Ляояну[4]). Для этой цѣли оставлялось въ заслонахъ 29 бат., въ гарнизонахъ Мукдена, Ляояна и на охранѣ жел. дороги 6 бат., остальные 69 бат. предполагалось *немедленно* сосредоточить у Хайчена съ авангардами въ Инкоу, Гайчжоу и Ташичао. Въ это же время произвести энергичные поиски конницей въ направленіяхъ къ Пуланьдяню, Бицзыво и Дачжуанхэ. Въ зависимости отъ свѣдѣній, которыя должна была доставить конница, предполагалось наступленіе на Квантунъ силами около 60 б—новъ, оставивъ остальные 8—9 для наблюденія за побережьемъ Инкоу—Гайчжоу. (Дѣло В.-Ученаго Архива № 39027 стр. 21—22). По мнѣнію автора проекта уже одно сосредоточеніе указанныхъ силъ въ раіонѣ Хайченъ-Гайчжоу въ связи съ дѣйствіями конницы должно было внушить высадившимся на Квантунѣ японцамъ опасенія за ихъ тылъ и заставить ихъ израсходовать часть силъ на выставленіе заслоновъ къ сѣверу. *Въ армейскомъ резервѣ не оставлялось ничего*: таковымъ признавалась 3. Сиб. дивизія, которая ожидалась въ раіонѣ сосредоточенія во второй половинѣ мая, а затѣмъ подвозимыя изъ Евр. Россіи подкрѣпленія съ X корпусомъ во главѣ. Слабость заслоновъ противъ восточной группы противника оправдывалась по мнѣнію автора пассивностью этой группы и ея немногочисленностью (3—4 дивизіи); чтобы еще болѣе приковать ее къ мѣсту, проектировались энергичныя дѣйствія ей въ тылъ отрядомъ ген. Ренненкампфа.

Ген.-ад. Алексѣевъ одобрилъ предположеніе о переходѣ въ наступленіе, но по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, наступленіе въ то время не состоялось. Между тѣмъ, если бы было *только приступлено* къ исполненію изложеннаго плана, то уже это

---

[4]) Пѣхота сосредоточилась къ 8 мая, артиллерія нѣсколько позднѣе (т. II ч. 1, приложеніе стр. 18).

Библиотека "Руниверс"

одно могло отдалить паденіе Цзиньчжоуской позиціи, т. к. принудило бы Оку усилить выставленные на сѣверъ заслоны, соотвѣтственно ослабивъ войска, назначенныя для овладѣнія позиціей, или отложивъ атаку до высадки 11. дивизіи. Наступленіе же массы въ 60 баталіоновъ къ югу при необезпеченности базы японцевъ въ Бицзыво и удержаніи въ нашихъ рукахъ Цзиньчжоу, могло поставить Квантунскую группу противника въ самое тяжелое положеніе, т. к. восточная группа въ то время еще совершенно не была въ состояніи не только дѣйствительно угрожать нашимъ сообщеніямъ, но даже двигаться. Такимъ образомъ опасенія ген. Оку были не напрасны...

Овладѣніе Цзиньчжоускимъ перешейкомъ укрѣпило положеніе японцевъ, но оно еще оставалось тяжелымъ, такъ какъ общая обстановка все-таки давала намъ возможность, прикрывшись со стороны восточной группы противника, выставить противъ южной превосходныя силы.

Высадка у Инкоу—Гайчжоу, всегда казавшаяся маловѣроятной, въ виду постояннаго занятія этого побережья нашими войсками, становилась послѣ начавшейся 6 мая высадки японцевъ у Дагушана еще менѣе вѣроятной; если бы она тѣмъ не менѣе состоялась, то значеніе ея ослаблялось бы тѣмъ, что высадившимся съ боя войскамъ требовалось значительное время, чтобы изготовиться къ дальнѣйшему наступленію, какъ то признавалъ самъ К—щій М. арміей (Т. II, Ч. 1, стр. 303). То же самое можно сказать и про высадку у Дагушана, совершавшуюся при неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, въ виду чего для противодѣйствія наступленію высадившихся тамъ войскъ къ Хайчену или Гайчжоу мы всегда успѣли бы привлечь 3. Сибирскую дивизію. Еще меньше опасеній могла внушать Фынхуанченская группа, не выходившая изъ своей пассивности и удаленная отъ Ляояна на десятокъ переходовъ по горнымъ дорогамъ, къ тому же прегражденнымъ отрядами генераловъ гр. Келлера и Ренненкампфа. По отношенію къ этимъ отрядамъ роль резерва могъ безусловно играть X арм. корпусъ, который въ раіонѣ сосредоточенія ожидался въ іюнѣ. Такимъ образомъ еще около половины мая ни что не препятствовало направленію главныхъ силъ М. арміи противъ японцевъ, высадившихся на Квантунѣ.

Возвращаюсь къ прерванному изложенію хода военныхъ дѣйствій въ маѣ 1904 года.

Къ концу мая, когда сформировалось ядро арміи Ноги, и Оку не приходилось болѣе заботиться о прикрытіи со стороны П.-Артура, обстановка измѣнилась для японцевъ къ лучшему. 26 мая Дагу-

Библиотека "Руниверс"

шанская группа заняла городъ Сюянь, всего въ 4-хъ переходахъ отъ линіи Гайчжоу—Хайченъ [1]). Къ исчисленію этого разстоянія подпол. Свѣчинымъ надо ввести поправку; разстояніе Сюянь—Гайчжоу и Сюянь—Хайченъ равняются каждое по воздушной линіи 80 верстамъ; принимая во вниманіе извилистость горныхъ дорогъ, а также ихъ качество, разстоянія эти въ дѣйствительности соотвѣтствуютъ для крупныхъ отрядовъ каждое около 6—8 переходовъ, не считая сопротивленія, которое японцы могли встрѣтить съ нашей стороны на каждомъ изъ этихъ путей. Наступленіе Дагушанской группы сильно помогало арміи Оку, т. к. создавало сильную угрозу лѣвому флангу и сообщеніямъ русскихъ; *однако чтобы сохранить эти выгоды, необходимо было и арміи Оку продвинуться на сѣверъ, чтобы сблизиться и войти съ нею въ связь.* (Курсивъ мой). Подчеркиваю эти слова подпол. Свѣчина (стр. 120), которыя идутъ въ разрѣзъ съ ходячимъ мнѣніемъ о крайней опасности выдвиженія отряда ген. Штакельберга въ направленіи къ П.-Артуру; очевидно, японцы были другого мнѣнія объ условіяхъ нашей операціи, т. к. иначе простой здравый смыслъ долженъ бы подсказать имъ не только не мѣшать движенію 1. Сибирскаго корпуса, а напротивъ постараться втянуть его какъ можно глубже по направленію къ Цзиньчжоу, съ тѣмъ, чтобы дѣйствіемъ Дагушанской группы, усиленной частями I арміи, отрѣзать нашъ выдвинувшійся отрядъ отъ ядра Маньчжурской арміи и затѣмъ нанести ему отдѣльное пораженіе всѣми силами арміи Оку. Это должно было казаться тѣмъ заманчивѣе, что во второй половинѣ мая высаживалась на Квантунѣ новая дивизія (6.), которая могла усилить армію Оку, давъ ему превосходство надъ выдвигаемымъ къ югу русскимъ корпусомъ. Если японцы этого не сдѣлали, а напротивъ, поспѣшили выручкѣ навстрѣчу, оставивъ противъ 30 баталіоновъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона только слабый заслонъ, то это служитъ доказательствомъ, что они совершенно не разсчитывали на успѣхъ дѣйствій на наши сообщенія Дагушанской и Фынхуанченской группъ и что *въ наступленіи нашего отряда они усматривали опасность не для насъ, а для себя* [2]). Одинъ фактъ перехода въ наступленіе арміи Оку уже долженъ бы успокоить начальство М. арміи относительно его опасеній за лѣвый флангъ и побудить немедленно усилить ген. Штакельберга изъ оставленныхъ въ тылу резервовъ.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 120.

[2]) Въ японскихъ сочиненіяхъ о войнѣ эта опасность откровенно признается См. Приложеніе.

Библиотека "Руниверс"

Какъ повѣствуетъ дальше подпол. Свѣчинъ, причиной быстраго перехода въ наступленіе II японской арміи было между прочимъ имѣвшееся у ген. Оку свѣдѣніе, что у Вафангоу сосредоточены только двѣ русскія дивизіи [1]), которыя и было рѣшено разбить прежде, чѣмъ онѣ могутъ усилиться подкрѣпленіями. Стало быть и нашъ противникъ допускалъ возможность сосредоченія въ отрядѣ ген. Штакельберга болѣе значительныхъ силъ и успѣхъ своей операціи основывалъ не на дѣйствіяхъ на сообщенія, которыя намъ внушали такія преувеличенныя опасенія, а на превосходствѣ силъ въ простомъ фронтальномъ столкновеніи, чему способствовала допущенная нами разброска силъ въ глубину [2]).

Двѣ дивизіи—3. и 5., были направлены вдоль желѣзной дороги для атаки расположенія русскихъ у Вафангоу; кавалерійская бригада ген. Акіяма, усиленная 1 баталіономъ и 6 орудіями, прикрывала правый флангъ. Уступомъ, на отлетѣ къ западу, за лѣвымъ флангомъ, наступалъ общій резервъ—4. дивизія, которому указывалось продвинуться до р. Фучжоухэ и изготовиться къ дѣйствію противъ праваго фланга и тыла противника.

Въ случаѣ перехода противника въ наступленіе ранѣе готовности 1. Сибирскаго армейскаго корпуса къ движенію на выручку Портъ-Артура, ген.-лейт. Штакельбергъ „рѣшилъ завлечь его къ Вафангоу, гдѣ на избранной позиціи дать сильный отпоръ, съ переходомъ, при благопріятной обстановкѣ, въ контръ-атаку". Позиція была избрана только 26 мая; къ укрѣпленію ея хотя и было приступлено на слѣдующій день, но работы велись вяло, пока наступленіе японцевъ не обозначилось окончательно.

Въ полутора переходахъ передъ фронтомъ, въ соприкосновеніи съ противникомъ, находилась наша конница (15 эскадр. и сот. 1 кон. охотн. ком., 6 оруд.).

Чтобы облегчить условія ея работы, 28 мая къ Вафандяну былъ выдвинутъ авангардъ—бригада пѣхоты съ батареей.

31 мая наступленіе 3. и 5. японскихъ дивизій производилось настолько открыто, и мѣстныя условія представляли такія удоб-

---

[1]) Около 27 мая въ штабѣ ген. Оку считали, что стоящій противъ II арміи русскій отрядъ превосходитъ ее дивизіи на двѣ съ тремя или четырьмя полками конницы (Соч. Анг. ген. штаба вып. II стр. 55). Но позднѣе были вѣроятно получены болѣе точныя свѣдѣнія или стоявшій у Вафангоу корпусъ принимался японцами за далеко выдвинутый авангардъ болѣе сильнаго русскаго отряда.

[2]) „Шашлыкъ изъ кусочковъ на вертелѣ—желѣзной дорогѣ". (Помѣтка В. Министра г.-ад. Сахарова, на письмѣ г.-ад. Куропаткина Намѣстнику отъ 14 мая № 690 (Т. II Ч. I. Приложенія, стр. 97).

Библиотека "Руниверс"

ства для наблюденія, что наша конница безъ особаго труда опредѣлила ихъ силу и группировку. На нашемъ правомъ флангѣ свѣдѣнія о противникѣ не отличались опредѣленностью; одинъ разъѣздъ замѣтилъ движеніе по дорогѣ на г. Фучжоу бригады пѣхоты, но затѣмъ слѣдъ ея былъ потерянъ; повидимому, рѣшили, что эта колонна повернула на востокъ и присоединилась къ главнымъ силамъ, наступавшимъ вдоль желѣзной дороги.

Движеніе 4. японской дивизіи не было открыто и 1 іюня, несмотря на то, что она при своемъ наступленіи разрѣзала расположеніе нашей конницы.

На 1 іюня ген.-лейт. баронъ Штакельбергъ отдалъ приказъ о сосредоточеніи на позиціи у Вафангоу. Выдвинутая впередъ конница должна была отойти на правый флангъ и охранять его; авангардъ—въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ—долженъ былъ пройти мимо с. Вафанвопэнъ въ составъ лѣваго участка.

Сама позиція дѣлилась на три участка; правый участокъ на высотахъ къ сѣверо-западу отъ д. Сандзыиръ занимали 3 баталіона 9. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи съ 8-ю орудіями; средній, артиллерійскій, участокъ—долину отъ д. Сандзыиръ до желѣзной дороги—занимали 24 орудія, подъ прикрытіемъ 3-хъ ротъ; лѣвый участокъ, къ востоку отъ желѣзной дороги, занимала 1. Восточно-Сибирская стрѣлк. дивизія съ 32 орудіями. Горный массивъ передъ правымъ участкомъ (сѣвернѣе д. Тафаншинъ), съ котораго открывался обширный кругозоръ, занимался, какъ передовой пунктъ, однимъ баталіономъ. Общій резервъ — 2. бригада 35. пѣхотной дивизіи съ 2-мя батареями—располагался за правымъ флангомъ. Въ теченіе ночи по желѣзной дорогѣ должны были прибыть еще два полка 9. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи и Тобольскій пѣхотный полкъ, которые доводили численность нашихъ войскъ до 36 баталіоновъ—25.000 штыковъ при 96 орудіяхъ [1]).

Цифры эти, совпадающія съ данными, приведенными въ текстѣ труда В.-Ист. комиссіи, оспариваются самимъ ген. Штакельбергомъ (Р. Инвалидъ 1911 г. № 136), который всѣ силы, сосредоточенныя къ Вафангоу до конца боя 2-го іюня включительно, принимаетъ всего въ 32 баталіона, подробно указывая, въ какихъ именно частяхъ отсутствовали роты и баталіоны. Въ таблицѣ нашихъ потерь, помѣщенной въ приложеніи № 39 къ Т. II, ч. 2, при перечисленіи частей войскъ, принимавшихъ участіе въ бою (1. и 9. В.-Сиб. стр. дивизіи, 2. бригада 35. пѣх. дивизіи и Тобольскій пѣхотный полкъ) показаны недостающими всего 10 ротъ, въ примѣчаніяхъ

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 120—122.

Библиотека "Руниверс"

60, 62 и 63 показаны отсутствующими еще другія роты. Такимъ образомъ въ бою 2 іюня участвовало, считая и части, подошедшія къ концу боя, всего отъ 32 до 33 баталіоновъ, а не 36, какъ считаетъ подполк. Свѣчинъ, но надо принять во вниманіе, что и у японцевъ не всѣ дивизіи приняли участіе въ бою въ полномъ числѣ баталіоновъ; такъ напр. въ 6. пѣхотн. полку было на лицо только два баталіона (Т. II ч. 2-я стр. 14 и 36). Японскіе б—ны по числу штыковъ были сильнѣе нашихъ (стр. 35).

Протяженіе нашей позиціи—6½ верстъ [1]) соотвѣтствовало имѣвшимся силамъ и допускало возможность сохранить сильные резервы.

Высоты, тѣснившіяся передъ фронтомъ, скрадывали орудійный обстрѣлъ, представляли прекрасные наблюдательные пункты для противника и способствовали скрытному обходу обоихъ фланговъ.

Фронтъ былъ раздѣленъ на двѣ части долиной рѣки Фучжоухэ, совершенно открытой для непріятельскаго обстрѣла, почему сообщеніе между правымъ и лѣвымъ участками крайне затруднялось. Сама рѣка никакого препятствія не представляла.

Позиція образовывалась какъ бы рядомъ уступовъ; лѣвый флангъ былъ выдвинутъ впередъ, правый откинутъ назадъ. Такимъ образомъ, общій фронтъ получалъ направленіе на юго-западъ; противнику, наступавшему съ юга, охватъ лѣваго фланга давался совершенно естественно, въ предвидѣніи чего нашъ лѣвый участокъ былъ болѣе прочно занятъ и имѣлъ сильный частный резервъ (1. и 2. Восточно-Сибирскіе стрѣлк. полки—авангардъ, отходившій отъ Вафандяна).

Установка артиллеріи на высотахъ являлась крайне затруднительной, несмотря на разработку подъемовъ; орудія были поставлены совершенно открыто на гребнѣ высотъ для стрѣльбы по видимой цѣли; на расположеніи артиллеріи сказалось недостаточное знакомство и недовѣріе высшихъ артиллерійскихъ начальниковъ къ пріемамъ закрытой стрѣльбы.

Окопы были незакончены; площадки для орудій были тѣсны; блиндажей и траверсовъ не имѣлось; пѣхотные окопы въ скалистомъ грунтѣ большей частью были доведены только до колѣнной профили; на маскировку вниманіе обращено не было.

Мѣстность въ тылу допускала движеніе даже самыхъ легкихъ повозокъ только вдоль желѣзной дороги, да по пути на Цюйдзятунь, отходившему отъ лѣваго фланга [2]).

---

[1]) См. планъ.

[2]) А. Свѣчинъ, стр. 122—123. Исправлена очевидная ошибка въ наименованіи фланговъ въ строкѣ 3-й снизу на стр. 122.

Библиотека "Руниверс"

При всѣхъ недостаткахъ, отмѣченныхъ подполк. Свѣчинымъ, позиція у Вафангоу, представляя типичныя особенности, вообще свойственныя горнымъ позиціямъ—имѣла и свои достоинства. Ген. Гамильтонъ, лично ознакомившись съ нею, призналъ ее даже „почти безукоризненной“ съ узкой тактической точки зрѣнія. Англійскій военный писатель при этомъ отдаетъ должное искусству русскаго генерала, сумѣвшаго выискать „такую хорошую оборонительную позицію въ запутанной горной мѣстности, гдѣ такъ часто ищущему удобнаго поля сраженія трудно бываетъ остановиться и онъ все переходитъ отъ одного кряжа къ другому, т. к. надъ каждымъ изъ нихъ командуетъ другой“. Но съ широкой точки зрѣнія (имѣя въ виду главнымъ образомъ требованія активной обороны), Гамильтонъ находитъ позицію менѣе удовлетворительной. Она была слишкомъ стѣснена для имѣвшагося въ распоряженіи числа войскъ и орудій. Успѣшную контръ-атаку было трудно произвести. Правильный планъ, казалось, непремѣнно долженъ былъ заключаться въ томъ, чтобы защищать узкое ущелье у Вафангоу сравнительно слабыми силами, употребивъ главныя для удара въ лѣвое крыло японцевъ вдоль Фучжоуской дороги. Оку, безъ сомнѣнія, и ожидалъ и страшился подобной попытки“ (Записная книжка и т. д. Т. II изд. 1907 г. стр. 368—369). Направленіе вдоль Фучжоуской дороги цѣлой бригады 4. дивизіи и непринятіе ею участія въ боѣ 2 іюня было вѣроятно результатомъ этихъ опасеній Оку.

Японцы, слѣдуя за нашей отступавшей конницей, начали развертываться передъ нашей позиціей во второмъ часу дня 1 іюня; значительное число батарей открыло огонь, чтобы развѣдать расположеніе нашей артиллеріи, что и было достигнуто; японцамъ удалось выяснить, что передъ ними сгруппировано около 2-хъ дивизій, и что по желѣзной дорогѣ подкрѣпленія подвозятся непрерывно. На фронтѣ пѣхота не вступала въ бой, но лѣвый флангъ русскаго расположенія, у д. Вафанвопенъ, японцамъ удалось незначительными силами охватить и причинить 1. Восточно-Сибирскому стрѣлк. полку, при занятіи имъ новой позиціи фронтомъ на юго-востокъ, довольно значительныя потери. Такимъ образомъ, 1 іюня японцамъ удалось и развѣдать наше расположеніе, и притянуть наше вниманіе на востокъ.

2 іюня генералъ Оку рѣшилъ насъ атаковать по слѣдующему плану: 5. дивизія атакуетъ высоту сѣвернѣе Тафаншина; 4. дивизія одной бригадой атакуетъ съ запада правый флангъ русскихъ, а другой бригадой продолжаетъ обходное движеніе; 3. дивизія, сохраняя связь съ 5. дивизіей, продвигается впередъ, лишь когда послѣдняя, выяснивъ вступленіе въ бой 4. дивизіи, начнетъ даль-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшее наступленіе. Въ центрѣ дивизіонная артиллерія усиливалась батареями 1. отдѣльной артиллерійской бригады.

Въ резервѣ, въ непосредственномъ распоряженіи командующаго арміей, сохранялось только 2 баталіона.

Командиру 1. Сибирскаго корпуса обстановка рисовалась также довольно выясненной: конница, отошедшая къ Лункоо и которой указывалось связаться съ наблюдательной заставой у г. Фучжоу, повидимому, надежно обезпечивала правый флангъ; передъ фронтомъ находились 24 японскихъ баталіона, которые начали охватывать наше расположеніе съ востока [1]).

„Мы располагали, говоритъ далѣе подполковникъ Свѣчинъ, 36 баталіонами — полуторнымъ перевѣсомъ въ силахъ, который лучше всего было использовать, обрушившись на выдвинутое впередъ охватывающее крыло японцевъ, тѣмъ болѣе, что у Вафанвопена оно подставляло свой флангъ удару со стороны Цюйдзятуня". По этому поводу считаю необходимымъ повторить сказанное выше, что къ началу боя 2 іюня ген. Штакельбергъ ни въ какомъ случаѣ не располагалъ 36 баталіонами и что поэтому планъ его дѣйствій не могъ основываться на предполагаемомъ перевѣсѣ въ силахъ. Въ запискѣ, посланной имъ ген. Гернгроссу въ ночь на 2 іюня, имѣвшей цѣлью ободрить этого генерала, озабоченнаго понизившейся боеспособностью ввѣренныхъ ему войскъ, к—ръ 1. Сиб. корпуса, успокаивая своего подчиненнаго, говоритъ, что противникъ только „равносиленъ" намъ.

Соотвѣтственно этому, т. е. принятому плану дѣйствій, еще засвѣтло 1 іюня общій резервъ былъ передвинутъ въ раіонъ къ югу отъ Цюйдзятуня; командовалъ образовавшимся новымъ участкомъ ген.-маіоръ Гласко; силы его доходили до 8½ батал. пѣх. съ 32 орудіями. Задача была формулирована такъ: сговорившись съ генераломъ Гернгроссомъ, атаковать во флангъ японцевъ, дѣйствующихъ у Вафанвопена противъ стрѣлковъ.

Въ связи съ этимъ фланговымъ ударомъ, съ фронта на правое крыло японцевъ долженъ былъ обрушиться ген. Гернгроссъ; подчиненныя ему силы уменьшились до 8½ батал. и 4 слабыхъ конногорныхъ орудій пограничной стражи; одинъ его полкъ (4.) съ двумя его батареями входилъ въ правый участокъ, который долженъ былъ обороняться, а двѣ батареи съ прикрытіемъ въ 2 роты были переданы въ отрядъ г.-м. Гласко.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 123—124. По поводу боя 1 іюня, для сравненія, см. Приложеніе.

Библиотека "Руниверс"

Командованіе неподвижной частью боевого порядка—правымъ крыломъ, тянувшимся на 5 верстъ—было объединено въ лицѣ г.-м. Мрозовскаго (потомъ. г.-м. Кондратовича); здѣсь имѣлось всего 8 баталіоновъ и 40 орудій; артиллерія осталась въ тѣхъ же окопахъ, къ которымъ японцы уже пристрѣлялись, такъ какъ на постройку новыхъ окоповъ времени не имѣлось. По недоразумѣнію, передовой пунктъ—горный массивъ къ сѣверу отъ Тафаншина на ночь былъ нами очищенъ.

Конница наша, вмѣсто того, чтобы все время висѣть на лѣвомъ флангѣ японцевъ и вести широкую развѣдку, отошла, согласно буквѣ диспозиціи, слишкомъ скоро на сѣверъ и сама замкнула себя въ котловинѣ Лункоо. Вечеромъ, 1 іюня, конница получила приказаніе сдѣлать поискъ на флангъ и тылъ противника, но исполненіе отложила до утра 2 іюня и отошла на ночлегъ на 2 версты къ сѣверу отъ Лункоо.

Вмѣсто ушедшей бригады г.-м. Гласко къ утру 2 іюня у станціи Вафангоу были собраны 5 батал. и 8 ор.—новый резервъ, образованный подвезенными за ночь полками 9. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи [1]), одинъ изъ нихъ собрался полностью только къ 8 ч. утра (т. II ч. 2 стр. 34).

Еще вечеромъ г.-м. Гернгроссъ обратился къ г.-м. Гласко съ просьбой—выдвинуться на одну высоту съ 1. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіей, чтобы на разсвѣтѣ можно было съ успѣхомъ атаковать японцевъ. Съ разсвѣтомъ, однако, отрядъ ген. Гласко не появлялся, время уходило; моментъ для атаки, задуманной на разсвѣтѣ, былъ упущенъ; въ седьмомъ часу утра г.-м. Гернгроссъ, не дождавшись отряда ген. Гласко, приказалъ 2. и 3. полкамъ начать наступленіе, которое, за отсутствіемъ полевой артиллеріи, было лишено надлежащей огневой подготовки.

Около полудня въ наступленіе перешла и половина 1. полка. 1. Восточно-Сибирской стрѣлк. дивизіи удалось отбросить передовыя части японцевъ и продвинуться черезъ долину къ западу отъ Вафанвопена на дѣйствительный ружейный выстрѣлъ отъ японскаго боевого порядка; наши стрѣлки вошли въ мертвое для японской артиллеріи пространство, и вся 3. японская дивизія была прикована къ атакованнымъ нами высотамъ; правый флангъ ея еле держался, къ начальнику дивизіи одно за другимъ приходили донесенія о тяжеломъ положеніи войскъ; въ резервѣ дивизіи оставался только 1. баталіонъ, и командующій арміей въ 11 часовъ утра принужденъ былъ послать на подкрѣпленіе одинъ баталіонъ—половину своего резерва.

---

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 124—126.

Библиотека "Руниверс"

Задержка наступленія г.-м. Гласко произошла отъ того, что онъ не уяснилъ свою задачу, считая цѣлью своихъ дѣйствій только обезпеченіе лѣваго фланга г.-м. Гернгросса. Лишь послѣ долгихъ совѣщаній со своими подчиненными, въ исходѣ седьмого часа утра рѣшился онъ наступать, но въ 8-мъ часу утра получилъ записку изъ штаба корпуса, съ указаніемъ, какъ отступать въ случаѣ неудачи. Это условное распоряженіе было принято за полную отмѣну наступленія; авангарды были задержаны, а главныя силы оттянуты на тыловую позицію, на высоты къ сѣверо-западу отъ Цюйдзятуня. Въ 10 часовъ утра, съ полученіемъ категорическаго приказанія командира корпуса—немедленно наступать для поддержки г.-м. Гернгросса—попятное движеніе было остановлено и авангарды усилены. Но дорогое время было потеряно въ безцѣльномъ утомительномъ передвиженіи впередъ и назадъ.

Только послѣ полудня батареи были выставлены; наступленіе обозначилось лишь во второмъ часу дня, когда на правомъ флангѣ бой былъ уже проигранъ, и ген. Гернгроссъ отдалъ приказаніе объ отступленіи: ген. Гласко могъ его только обезпечить.

Помимо недоразумѣній, наступленіе г.-м. Гласко велось чрезвычайно медленно потому, что сразу не было обращено должное вниманіе на занятіе массива между дер. Вафанвопенъ и Чендзятунь. Дѣйствуя двумя авангардами по долинамъ у подошвы этого массива, мы давали малымъ силамъ японцевъ возможность задержать насъ и нанести потери.

Въ центрѣ бой сложился, главнымъ образомъ, въ видѣ артиллерійской дуэли. Японскія батареи, всего до 100 полевыхъ орудій, въ 5 часовъ утра вступили въ бой противъ 40 нашихъ; по техникѣ пристрѣлки мы отнюдь не уступали противнику; но въ тактическомъ отношеніи несомнѣнное превосходство было на сторонѣ японцевъ: ихъ батареи стояли укрыто и настолько низко за гребнями, что блеска выстрѣловъ не было видно, и батареи обозначались только пылью, вздымаемой выстрѣлами; онѣ очень хорошо сосредоточивали свой огонь въ важнѣйшія минуты боя.

Положеніе на позиціи 4. Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка было чрезвычайно серьезно; но объ этомъ въ штабѣ корпуса извѣстій не было, такъ какъ этимъ полкомъ, выдѣленнымъ изъ состава 1. дивизіи, въ сущности никто не распоряжался; у начальства 9. дивизіи имѣлось достаточно дѣла на правомъ крылѣ. Около полудня мы начали уводить батареи. Между артиллеріей и пѣхотой никакой связи не было, и при начавшемся отступательномъ движеніи отходъ батарей не былъ прикрытъ; японцы захватили 13 полевыхъ и 4 кон. горн. орудія.

Библиотека "Руниверс"

На своемъ лѣвомъ флангѣ японцы перешли въ наступленіе съ разсвѣтомъ. Къ 7 час. утра вся 5. японская дивизія со всей своей горной артиллеріей была уже на правомъ берегу р. Фучжоухэ и развертывалась на высотахъ праваго берега Лункооскаго ручья, къ югу отъ Лункоо. Противъ нихъ, на высотахъ между Лункоо и Сандзыиромъ, развернулся 2. бат. 36. Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, высланный для занятія передового пункта—высоты непосредственно къ сѣверу отъ Тафаншина, но не попавшій туда; тутъ же находилась и конница, которая въ 9 час. 30 мин. замѣтила, что у Лункоо и сѣвернѣе появилась еще свѣжая бригада, вышедшая со стороны Фучжоу. Въ 10 ч. дня объ этой бригадѣ узналъ и штабъ корпуса; такимъ образомъ, 4. японской дивизіи удалось совершить свой путь отъ Пуланьдяна до Лункоо совершенно скрытно.

Конница не стала ввязываться въ огневой бой съ японцами и около 9½ час. утра начала отходить въ направленіи на Лунтайху.

Для того, чтобы задержать охватъ японцами нашего праваго фланга, еще до полудня послѣдній баталіонъ частнаго резерва и пять баталіоновъ 9. Восточно-Сибирской стрѣлков. дивизіи, находившіеся у ст. Вафангоу въ общемъ резервѣ, были выдвинуты въ боевую часть и продолжили нашъ фронтъ на западъ, до параллели станціи Вафангоу.

Наступленіе японцевъ было задержано; но съ крайняго лѣваго фланга, куда выѣхалъ г.-л. Штакельбергъ, было ясно видно, что противникъ продолжаетъ свое обходное движеніе на сѣверъ и переходитъ въ долину Лунтайху. Въ 11 ч. 45 м. г.-м. Самсоновъ доносилъ, что „пѣхота японцевъ выходитъ на желѣзную дорогу между Цзяхосинъ и станціей".

Около 12 ч. 30 м. дня г.-л. Штакельбергъ отдалъ приказъ о постепенномъ отходѣ войскъ.

Еще до полученія этого приказанія, отступленіемъ уже распорядились по своей иниціативѣ: въ центрѣ г.-м. Мрозовскій, на лѣвомъ флангѣ г.-м. Гернгроссъ.

За исключеніемъ недоразумѣній въ центрѣ, отступленіе было выполнено въ порядкѣ, двумя группами: одна отступала вдоль желѣзной дороги, другая—на Цюйцзятунь. Ген.-м. Самсоновъ высадилъ два баталіона Тобольцевъ изъ вагоновъ и прикрылъ ими опасное направленіе на Лунтайху. Около трехъ часовъ дня пошелъ

Библиотека "Руниверс"

проливной дождь, остановившій преслѣдованіе японцевъ. Въ два форсированныхъ ночныхъ перехода 1. корпусъ отошелъ благополучно къ Сеньючену.

Нашъ уронъ достигалъ 128 офицер. и 3.435 нижнихъ чиновъ; японцы потеряли 53 офицер. и 1.137 нижнихъ чиновъ [1]).

В. Ф.

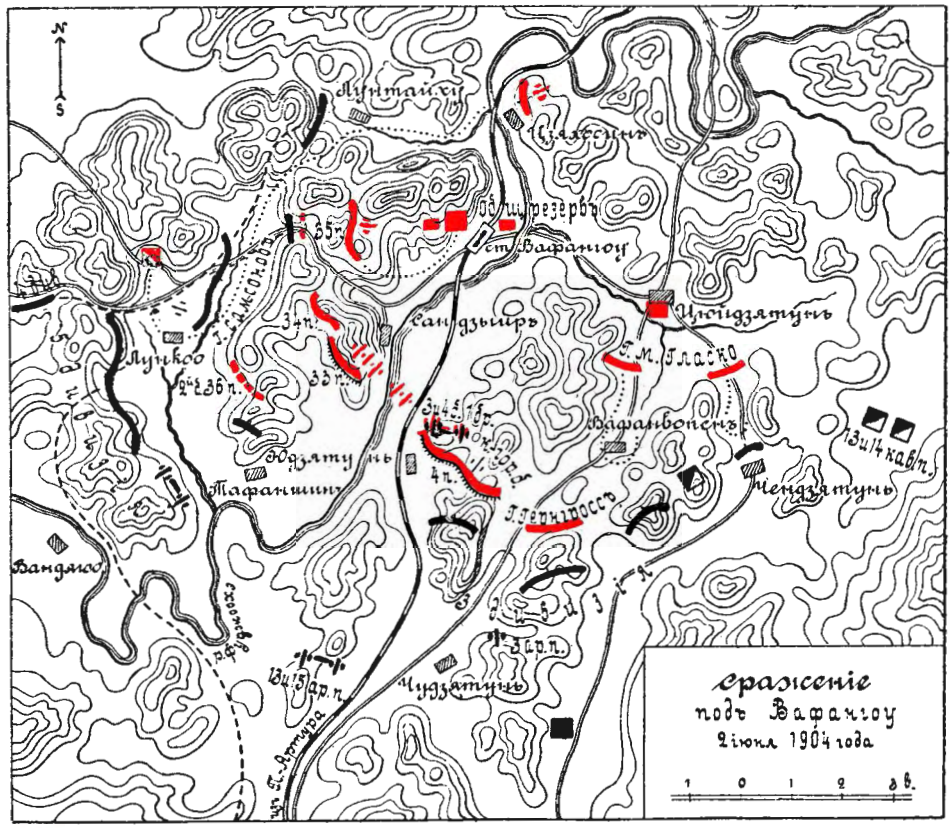
(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) А. Свѣчинъ, стр. 127—132. См. приложеніе.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Планъ.

Русскія войска.

Японскія „

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Не помѣстились на схемѣ:

Въ Мукденѣ: 5½ бат., 6 ор.
Въ Син-цзин-тинѣ: ½ бат., 2 сот., 2 ор.
На пути изъ Кореи въ Хуайжэнсянъ: 2 сот., 2 кон.-ох. к.
Кромѣ того части конницы, содержавшія летуч. почту и т. п.

Не показаны на схемѣ:

Войска Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

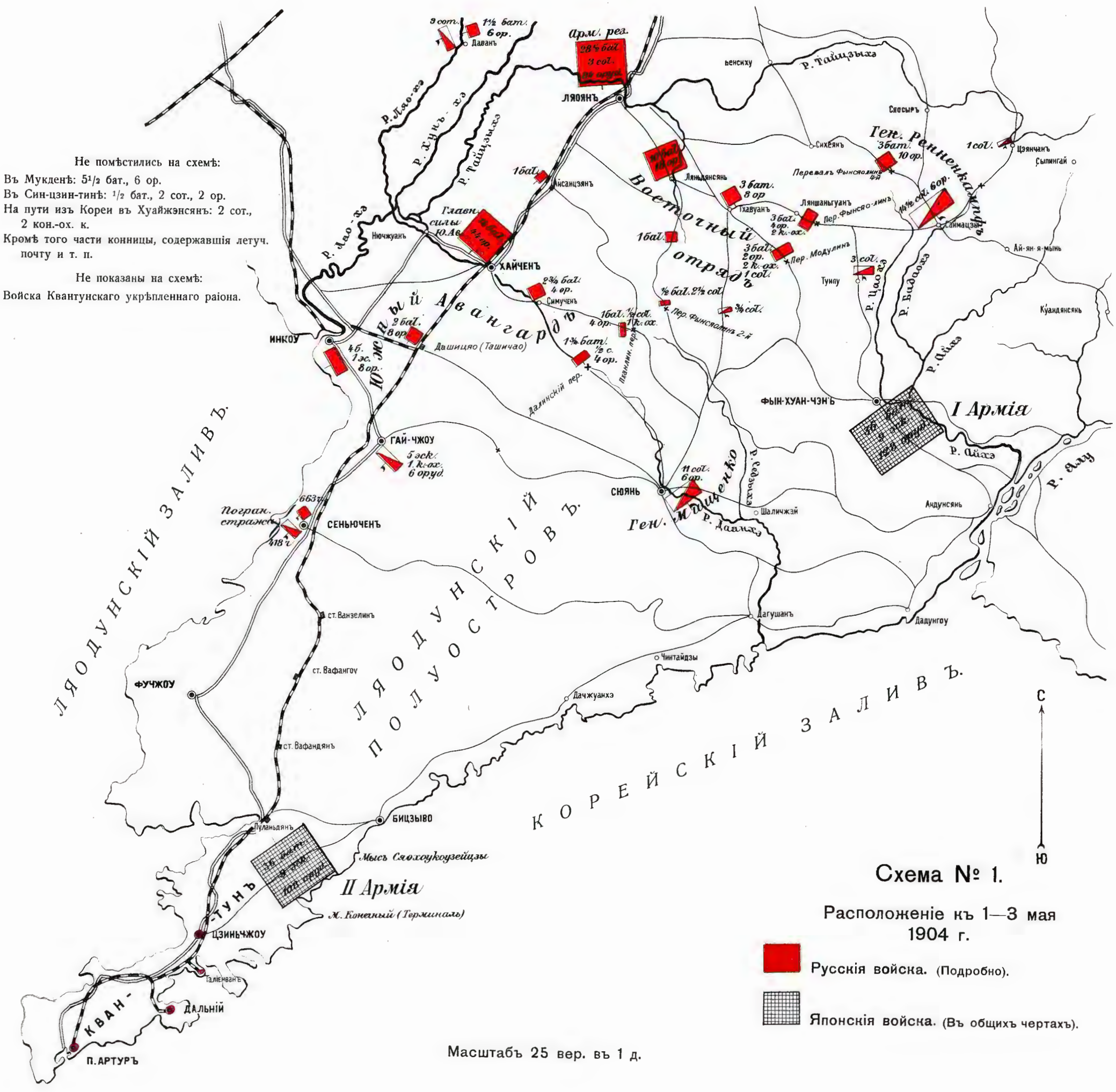

Схема № 1.

Расположеніе къ 1—3 мая 1904 г.

Русскія войска. (Подробно).

Японскія войска. (Въ общихъ чертахъ).

Масштабъ 25 вер. въ 1 д.

Библіотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Схема № 2.

Расположеніе къ 16 мая 1904 г.

Русскія войска. (Не показаны войска Квантунскаго укр. раіона).

Японскія войска.

Масштабъ 20 вер. въ 1 д.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Схема № 3.

Расположеніе къ 31 мая 1904 г.

Русскія войска. (Не показаны войска Квантунскаго укр. раіона и кромѣ того, за неизвѣстностью мѣста нахожденія, нѣсколько казачьихъ и артиллерійскихъ частей).

Японскія войска.

С

Ю

Масштабъ 20 вер. въ 1 д.

МУКДЕНЪ
ЯНЪЯНЪ
ХАЙЧЕНЪ
ИНКОУ
ГАЙЧЖОУ
СЮЯНЬ
ЯНЪХУАНЧЕНЪ
ИЧЖУ
ФУЧЖОУ
ЦЗИНЬЧЖУ
ДАЛЬНІЙ
П. АРТУРЪ
БИЦЗЫВО
Ст. Ванзелинъ
Ст. Вафангоу
Ст. Вафандянъ
Сюйчженъ
Симучженъ
Ляньдянсянь
Ицюцуанъ
Ихавуанъ
Сиховынь
Сяосыръ
Цзянчанъ
Сыпингай
Саймацзы
Тумпу
Ай-ян-янынь
Куандянсянь
Синцзинтинъ
Эрхулей
Хуаймэнсинъ
Беньсиху
Янтай
Айсянцзянъ
Ниючуанъ
Танчи
Шаличжай
Андунсянь
Дагушанъ
Дадунгоу
Чинтайдзы
Дачуанхэ
Ташичяо (Ташичао)
Барсичжай
Удеалуза
Сяндіаза
Селю-чжанъ
Ляодунскій заливъ
Корейскій заливъ
Генералъ Зарубаевъ
Генералъ Гернгроссъ
Генералъ Бильдерлингъ
Генералъ Штакельбергъ
Генералъ Ренненкампфъ
Генералъ Мищенко
Генералъ Самсоновъ
Генералъ Келлеръ
Генералъ Симоновъ
Арм. резервъ
I Армія
II Армія
III Армія
10 див.
(6. див.)
Подп. Куцелевскій
Подп. Мадритовъ
Подп. Ивановъ
Ген. Коссаговскій
Чит. п. п.
Р. Лао-хэ
Р. Хунь-хэ
Р. Тай-цзы-хэ
Р. Тайцзы-хэ
Р. Хунь-цзянь
Р. Ба. Оао-хэ
Р. Цзюхэ
Р. Ай-хэ
Р. Ялу
Р. Сайма-хэ
Р. Даянхэ
Р. Пузыхэ
Р. Бицзыхэ
Р. Мохэ
Семилакайзинскій полкъ (3. Сиб. п. д.)
Барнаульскій полкъ (3. Сиб. п. д.)
5. В. С. стр. див.
3. В. С. стр. див.
1. Сиб. п. дивизія
2. Сиб. п. дивизія
2. Сиб. арт. бр.
3. Сиб. арт. бр.
1 бат. 1/2 сот. 2 ор.
1/2 б. 6 ор.
5 с.
13 1/2 бат. 3 сот. 4 б. арт.
5 бат. 14 ор.
8 ор.
3 б. 12 ор.
23. В. С. стр. пл.
5 1/2 сот.
1 б. 2 ор.
2 б. 2 ор.
3 б. 2 ор.
22. В. С. стр. пл.
24. В. С. стр. пл.
2 с.
1 б.
2 1/2 с.
3 3/4 с.
2 (4?) с. 1 к.-ох.
3 сот.
1 с.
11 сот.
1 б. 16 ор.
1 б. 4 ор.
1 б. 2 ор.
1 б. 3 ор.
6 бат. 16 ор.
6 бат. 24 ор.
2 б. 2 ор.
1 б. 2 ор.
1 б. 4 ор.
1 б. 2 ор.
1 б. 3 ор.
1 б. 4 ор.
1 б. 2 ор.
1 б. 2 ор.
1 б. 2

Библиотека "Руниверс"

Въ группѣ армейскаго резерва у Ляояна вмѣсто 78 ор. слѣдуетъ читать: 54 ор.

Библиотека "Руниверс"

Въ апрѣлѣ 1812 года.

Нашимъ Военно-Ученымъ Архивомъ Генеральнаго штаба издаются крайне поучительные документы, относящіяся до Отечественной войны.

Приводимъ здѣсь въ подлинникахъ наиболѣе интересные изъ нихъ. (Томъ XI, — подготовка къ войнѣ въ 1812 г., апрѣль мѣсяцъ).

По прочтеніи этихъ документовъ можно составить понятіе о положеніи нашихъ войскъ и французскихъ, о свѣдѣніяхъ, которыя имѣлись въ Россіи о непріятелѣ, о намѣреніяхъ Барклая-де-Толли и Багратіона и т. д. *Т.*

Военный министръ Государю Императору, 1 апрѣля 1812 г. изъ Вильны, № 25. Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 1881, л. 172.

Его Императорскому Величеству военнаго министра рапортъ.

Имѣю счастіе поднести Вашему Императорскому Величеству приложенныя при семъ письма, мною полученныя отъ полковника Ареншильда на имя принца Голштейнъ-Ольденбургскаго, мое и ген.-лейт. барона Фуля и донесеніе полковника Турскаго.

Всѣ полученныя извѣстія изъ Пруссіи отъ 29 марта подтверждаютъ, что французы на четырехъ назначенныхъ мѣстахъ строятъ мосты у Маріенвердера, Маріенбурга, Торна и Диршау и имѣли намѣреніе переходить 28 числа марта черезъ Вислу.

Корпусу Даву назначено идти въ Кенигсбергъ. Полагаютъ, что главное намѣреніе французовъ состоитъ въ стремительномъ нападеніи на Курляндію, чтобы овладѣть Либавою, гдѣ полагаютъ найти самый большой запасъ провіанта и фуража.

Библиотека "Руниверс"

Въ французской арміи недостатокъ въ фуражѣ чрезвычайно великъ. Множество лошадей падаетъ, потому что самое большое число довольствуется соломой. Главный ихъ запасъ находится въ Эльбингѣ.

Прусскія войска выступаютъ изъ Мемеля въ самоскорѣйшемъ времени.

Дивизія Компана сего числа, то есть 29 марта, на лодкахъ у Нейенбурга и у Маріенвердера на обыкновенномъ мѣстѣ переходитъ чрезъ Вислу и около города будетъ ожидать повелѣнія о дальнѣйшемъ слѣдованіи. Вслѣдъ за оною дивизіею слѣдуютъ 3.000 кавалеріи.

У Диршау, Старгарда и Реве слѣдуютъ большія отдѣленія войскъ чрезу Вислу и далѣе на Маріенбургъ и Эльбингъ въ Кенигсбергъ и безъ сомнѣнія до Мемеля и Тильзита.

Главная квартира маршала Даву находится въ Вольценбургѣ, и корпусъ его слѣдуетъ по большой части чрезъ Познань.

Весьма благоразумно оставили странный планъ, чтобы построить на противной сторонѣ около Габра, въ Мемелѣ находящагося, окопы и блокгаузъ. Напротивъ того мемельскій гарнизонъ 31 марта начинаетъ выступать ежедневно по одной ротѣ чрезъ Нерунгъ въ Кенигсбергъ, а тамъ остается только команда, состоящая изъ 40 человѣкъ.

Корреспонденты полагаютъ, что если теперь Мемель не будетъ занятъ нашими войсками, то французы, конечно, постараются взять тамошніе провіантскіе запасы. Въ Мемелѣ уже находится французскій консулъ, и корабли нагружаются. Принцъ Гогенцоллернъ, командующій Мемельскимъ гарнизономъ, не имѣетъ еще повелѣнія собственной своей персоной оставить Мемель.

Всѣ сіи обстоятельства побуждаютъ насъ поспѣшить сколь возможно скорѣе, чтобы хотя нѣсколько предупредить непріятеля, дабы онъ небезпрепятственно могъ приступить къ нашимъ границамъ; я хотя и стараюсь приводить все къ сей цѣли, но многіе недостатки не позволяютъ мнѣ выполнить такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, о коихъ долгомъ себѣ поставляю Вашему Величеству донести.

1-е. Необходимо нужно начальникамъ армій и корпусовъ имѣть начерченные планы ихъ операцій, которыхъ они по сіе время не имѣютъ.

2-е. Генеральные штабы не совершенно еще устроены, и во ввѣренной мнѣ 1-й западной арміи начальника генеральнаго штаба по сіе время нѣтъ, но, дабы не могло произойти какой-либо остановки по сей части, я имѣю счастье представить на сіе мѣсто, впредь до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержде-

Библиотека "Руниверс"

нія, ген.-лейт. Лаврова, котораго нахожу достойнымъ къ исправленію сей должности.

3-е. Необходимо нужно имѣть въ арміи хотя малые подвижные магазины, и я полагаю на сіе употребить палаточные ящики, съ принадлежащими къ нимъ полковыми лошадьми, ибо въ палаткахъ на первый случай надобности настоять не будетъ.

4-е. Ни генералъ-отъ-кавалеріи Платовъ, ни корпусные начальники центра и лѣваго фланга арміи по сію пору къ арміи еще не прибыли.

5-е. *Не имѣю при арміи ни копѣйки денегъ* [1]), а потому вынужденнымъ нашелся требовать изъ Виленской казенной палаты, дабы выдала она въ мое распоряженіе всѣ имѣющіяся у нея деньги; имѣю то же самое намѣреніе сдѣлать съ деньгами, въ Бѣлостокѣ имѣющимися.

Несмотря на всѣ сіи затрудненія, войска могутъ однако жъ тотчасъ двинуться, если только получу я на то Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, но дабы операціи сіи производились генерально изъ всѣхъ пунктовъ, необходимо нужно назначить день, въ который всѣ колонны обѣихъ армій и корпусовъ должны перейти границу; сіе неожиданное движеніе нашихъ войскъ непріятеля можетъ ни мало обезпокоить.

При выступленіи нашемъ изъ Вильно нужнымъ считаю непремѣнно занять сей городъ запасными войсками и назначить сюда благоразумнѣйшаго и расторопнѣйшаго начальника.

Не имѣя достовѣрнаго свѣдѣнія, по какой дорогѣ Ваше Императорское Величество располагаете отправиться изъ С.-Петербурга въ Вильно, я рѣшился послать съ симъ донесеніемъ къ Вашему Величеству курьеровъ по двумъ дорогамъ, по Псковской и Рижской.

Подпись: Военный министръ Барклай-де-Толли.

Изъ письма сенатора Ланского ген. Барклаю-де-Толли, 4 апрѣля 1812 г., № 102 секретно. Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 219.

Сверхъ того увѣдомляютъ изъ Бреста по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ Варшавы, что тамъ на все страшная дороговизна и во всемъ недостатокъ, — войскъ весьма много, каждый жилецъ (не токмо хозяинъ дома), занимающій двѣ комнаты, обязанъ кормить офицера или рядового. Наполеона ожидаютъ туда непремѣнно и говорятъ, что онъ уже въ Дрезденѣ.

Оттоль же, что будто онъ имѣлъ свиданіе съ Императоромъ австрійскимъ и уже выѣхалъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ. *Т.*

Библиотека "Руниверс"

Военный министръ Государю Императору, 4 апрѣля 1812 г. изъ Вильно, № 26 [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. II, № 1881, л. 176.

Его Императорскому Величеству отъ военнаго министра рапортъ.

Счастіе имѣю представить Вашему Величеству нѣкоторыя заграничныя извѣстія, мною сейчасъ полученныя. Французы приближаются къ Кенигсбергу и можетъ быть теперь уже заняли сей городъ. Пруссаки берутъ позицію надъ Прегелемъ, и полагать можно, что маршалъ Д'Авустъ нынѣ уже переправился черезъ Вислу. Всѣ сіи обстоятельства даютъ видъ серьезный, и едва-ли можно будетъ намъ правымъ корпусомъ и первою арміею предпринять ни что другое, какъ только опустошенія нѣкотораго пространства непріятельской земли.

Мнѣ кажется, что корпусъ графа Витгенштейна, противъ котораго собирается значительное число войскъ, не довольно силенъ, и потому приказалъ я 17-й дивизіи быть готовою къ выступленію, а если Вашему Величеству угодно приказать, то оная дивизія можетъ тотчасъ слѣдовать къ Шавлѣ. Между тѣмъ предупредилъ я графа Витгенштейна, чтобы онъ на правомъ своемъ флангѣ имѣлъ въ готовности 6 батальоновъ пѣхоты, одну батарейную и одну легкую роты къ занятію Мемеля, буде получитъ на то повелѣніе Вашего Величества.

Изъ второй арміи 24-я дивизія уже подходитъ къ Пружанамъ; вслѣдствіе чего предписалъ я генералъ-лейтенанту Эссену 1-му, чтобы онъ отправилъ 23-ю дивизію къ 1-й арміи, а князя Багратіона увѣдомилъ, чтобы онъ съ своею арміей былъ во всей готовности къ начатію дѣйствій.

Иррегулярныя войска первой арміи расположилъ всѣ въ Бѣлостокской области. Нѣкоторые полки, какъ-то: Калмыкскій, Башкирскій и полкъ Донской, который предполагается взять изъ обсерваціоннаго корпуса, и на замѣнъ котораго идетъ Донской же полкъ изъ второй арміи, еще къ нимъ не соединились.

Всѣ войска, сколько я имѣлъ случай ихъ видѣть, наполнены духомъ, приличнымъ Россійскимъ воинамъ; но Всемилостивѣйшій Государь! нужно подкрѣпить ихъ физическія силы мясною и винною порціями. При всемъ моемъ усердіи я однако же по сему предмету ничѣмъ помогать не въ состояніи: *денегъ совсѣмъ нѣтъ* [2]); реквизиціею недостатокъ сей замѣнить не могу, ибо губерніи еще не объ-

[1]) Помѣтка ген. Барклая: „Государю читано и возвращено назадъ 13 апрѣля".

[2]) Курсивъ нашъ. *Т.*

Библиотека "Руниверс"

явлены въ военномъ состояніи; недостатокъ въ фуражѣ при войскахъ, въ Виленской губерніи расположенныхъ, начинаетъ уже быть чрезвычайно ощутителенъ, и я принужденъ былъ приказать довольствовать подъемныхъ лошадей рожью и сѣчкою, а строевымъ лошадямъ замѣнить пять фунтовъ сѣна соломою и мукою, сберегая овесъ въ запасныхъ магазинахъ на случай дѣйствій. Между тѣмъ закупаютъ сѣно и овесъ у Вилейкахъ и въ Столбцахъ, откуда изъ перваго мѣста сплавлено будетъ по Виліи къ Вильно, а изъ втораго мѣста по Нѣману въ Мосты, но все сіе такъ скоро поспѣть не можетъ.

Въ Гродно приказалъ я приготовить нѣкоторое количество фуража для сплавливанія оттуда къ Меречу и Олитѣ, яко къ пунктамъ для переправы предполагаемымъ, куда приказалъ также и свозить 10-ти дневный провіантъ въ сухаряхъ; но перевозка сія чрезвычайно затруднительна, ибо лошади обывательскія до крайности изнурены, и дорога почти непроходима.

Во всѣхъ полкахъ близъ Вильно умножается число больныхъ, и въ здѣшнемъ госпиталѣ имѣется ихъ уже до двухъ тысячъ. Болѣзни однако же не опасны и по большей части лихорадочныя.

Въ корпусѣ графа Витгенштейна и въ обсерваціонномъ корпусѣ больныхъ гораздо менѣе. Причина тому то, что они гораздо просторнѣе расположены.

Подпись: Военный министръ Барклай-де-Толли.

Сенаторъ Тейльсъ Государю Императору, 8 апрѣля 1812 г. изъ Тарнополя [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 308.

Его Императорскому Величеству отъ сенатора Тейльса всеподданнѣйшее донесеніе.

При семъ имѣю счастіе препроводить Вашему Величеству нѣкоторыя заграничныя свѣдѣнія, дошедшія до меня сего апрѣля въ 7 день, которыя кажутся довольно важными и заключаютъ въ себѣ много правдоподобнаго, я осмѣлился представить ихъ къ Вашему Величеству прямо, а не чрезъ г-на Мин. полиціи по той причинѣ, что здѣсь разнесся слухъ о Высочайшемъ отбытіи Вашемъ изъ С.-Петербурга.

Подпись: Игнатій Тейльсъ.

---

[1]) Помѣтка: „Получено 18 апрѣля“.

Библиотека "Руниверс"

Извѣстія изъ Герцогства Варшавскаго.

Новостей у насъ много; но я извѣщаю только о самыхъ важныхъ и вѣрнѣйшихъ, какъ-то:

Легіоны польскіе перевозятся на подводахъ поспѣшно въ ихъ отечество—двѣ дивизіи саксонскаго войска, составляющія 25.000 человѣкъ, пришли въ Калишъ 1 апрѣля (н. ш.), о чемъ нашъ министръ увѣдомилъ по эстафетѣ, равномѣрно 30.000 баварцевъ въ тотъ день вступили въ Познанскій департаментъ, а провіантскіе комиссіонеры, хлѣбники и пекарня французскіе прибыли въ Торунь; 5 же апрѣля (н. ш.) придетъ въ Познань авангардъ французскій, состоящій изъ одного полка конныхъ стрѣлковъ и 5.000 человѣкъ пѣхоты.

28 марта (н. ш.) полученъ здѣсь отъ Наполеона приказъ, который въ самый день Свѣтлаго Воскресенія и отданъ при вахтъ-парадѣ, и въ которомъ значится, что польскія войска отнынѣ имѣютъ составлять великой французской арміи 5-й корпусъ, подъ командой князя Іосифа Понятовскаго, у коего подъ начальствомъ быть еще 20.000 человѣкъ прусскаго войска, присоединяемаго къ одному польскихъ войскъ 5 корпусу и которое прибудетъ сюда 10 апрѣля (н. ш.): сего же дня пріѣхали уже ихъ комиссары и квартирмистры.

Вчера прислано сюда объявленіе войны французовъ съ Россіею и при ономъ воззваніе къ арміямъ французской, польской и нѣмецкой. Оное воззваніе печатное и очень пространное; почему только важнѣйшее содержаніе онаго сообщаю: въ немъ Наполеонъ говоритъ къ французамъ, что будетъ вести войну съ Россіею, которая препятствуетъ ему въ постановленіи всеобщаго на твердой землѣ мира, а что въ іюлѣ мѣсяцѣ придетъ со своимъ войскомъ въ С.-Петербургъ, что король прусскій его другъ и все свое храброе войско отдаетъ въ полное его распоряженіе,—полякамъ же говоритъ: „что край ихъ увеличитъ онъ такъ, что обширность онаго будетъ гораздо болѣе, нежели каковая была при королѣ Станиславѣ; что между югомъ и сѣверомъ поставитъ крѣпкую перегораду, а на польскій престолъ посадитъ своего дядю князя Вюрцбургскаго; что войска прусскія будутъ вмѣстѣ съ ними дѣйствовать, для чего и надобно полякамъ существующую въ нихъ издавна ненависть къ пруссакамъ прекратить.

Сверхъ того имѣемъ здѣсь подлинное извѣстіе, что въ Глоговѣ (въ Силезіи) отведено 80 домовъ, кои великолѣпно убираются для Императоровъ, королей и принцевъ, которые тамъ пробудутъ нѣсколько времени и потомъ отправятся въ Варшаву, да и здѣсь поспѣшно починиваютъ королевскій замокъ и много другихъ лучшихъ

Библиотека "Руниверс"

домовъ для пребыванія императора и принцевъ, даже въ Старомъ Городѣ, около замка, велѣно всѣмъ, по найму живущимъ уступить свои квартиры для двора императорскаго.

Польское войско въ готовности, раздѣлено на пять дивизій, и около Варшавы расположено онаго до 30.000 человѣкъ, которые по первому приказу перейдутъ черезъ Вислу поздороваться съ москалями.

Корпусъ маршала Даву, состоящій изъ 60.000 человѣкъ, идетъ съ поспѣшностью и къ 15 числу апрѣля (н. ш.) вступитъ въ Польшу.

Корпусъ маршала Удино прибылъ уже въ Берлинъ; оный составленъ изъ лучшихъ французскихъ войскъ, числомъ изъ 50.000 чел.

Корпусъ маршала Нея около Данцига состоитъ изъ 40.000 чел.

Вообще вся французская армія противъ Россіи заключаетъ въ себѣ 9 корпусовъ разнаго войска.

Всѣ сіи новости суть достовѣрнѣйшія, потому что обнародованы въ приказахъ при вахтъ-парадахъ.

Ген.-отъ-инф. кн. Багратіонъ Военному министру, 10 апрѣля 1812 г. изъ Луцка, № 121. Секретно [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 268—267.

Михаилъ Богдановичъ!

Я задержалъ дня два посланнаго отъ вашего высокоп-ства ожидая къ себѣ пріѣзда человѣка, возвратившагося изъ княжества Варшавскаго, отобранныя отъ него свѣдѣнія у сего включаю, которыя и другими, разными лицами подтверждаются. По сіе время нѣтъ почти никакихъ войскъ на сей сторонѣ Вислы, и всѣ запасы стягиваются къ оной, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ слухи, открывающіе обстоятельно какія-либо предпріятія и начертанные планы распускаются нарочно для сокрытія настоящихъ пунктовъ; должно ожидать, что для удостовѣренія въ оныхъ вышлются и нѣкоторыя части войскъ сообразно сдѣланному оглашенію; но усилія, кои употребляютъ они къ очищенію края между Буга и Вислы отъ жизненныхъ, и упраздненіе магазейновъ весьма кажутся быть противны предполагаемымъ намѣреніямъ къ дѣйствію на лѣвый нашъ флангъ.

Не оставляя дѣлать безпрестанныя развѣдыванія въ день границы нашей и внутрь княжества, я бы тотъ часъ извѣщенъ былъ о умноженіи войскъ на сей сторонѣ рѣки и о мѣстахъ ихъ расположеній; но по сіе время остается край ихъ въ прежнемъ откры-

[1]) Резолюція ген. Барклая де-Толли: „къ свѣдѣнію". Помѣтка: „Получено 13 апрѣля".

Библиотека "Руниверс"

томъ положеніи, и граница ихъ охраняется малымъ числомъ поселянъ.

Какъ скоро получу какія-либо свѣдѣнія достойныя особеннаго уваженія, каковыя ожидаю теперь въ непродолжительномъ времени, то поспѣшу съ нарочнымъ сообщить ихъ вашему высокоп-ству.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь . . . . слуга.

Подпись: Кн. Багратіонъ.

Приложеніе къ письму ген.-отъ-инф. кн. Багратіона.

Маршалъ Даву по письму изъ Варшавы, которое читано было въ Люблинѣ, дѣйствительно уже прибылъ назадъ тому 12 дней и командуетъ всею арміей.

Войско подѣлено на 5 корпусовъ: первыхъ командуетъ вице-король Италіанскій, 2-мъ—Ней, 3-мъ Даву, 4-мъ одинъ изъ французскихъ генераловъ, а 5-мъ—Понятовскій.

Всѣ сіи войска расположены по ту сторону Вислы, на сей же сторонѣ полкъ Тарновскаго расположенъ по-эскадронно въ разныхъ мѣстахъ.

Рекрутъ набирали три раза въ каждой по 12 тыс., а теперь дѣлается наборъ по жеребью со всей шляхты, но позволяется каждому вмѣсто себя поставить на службу другого, за вѣрность котораго обязывается отвѣтственностью.

Во всемъ краѣ сдѣлано извѣщеніе обывателямъ, что, по причинѣ ожидаемаго прибытія войскъ австрійскихъ, французскихъ и прусскихъ, доставляли бы въ Варшаву продукты свои на продажу.

Недостатокъ въ хлѣбѣ между Бугомъ и Вислою весьма ощутителенъ, во многихъ мѣстахъ отъ голоду люди пухнутъ и умираютъ, и даже не имѣютъ надежды, чтобы могли что-нибудь засѣять.

Сенаторъ Ланской Военному министру, 11 апрѣля 1812 г., № 108. Секретно [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 284.

Г-ну Воен. мин. главнокоманд. 1-ю западною арміею.

Имѣю честь препроводить вашему высокопр-ству выписку изъ письма мною полученнаго.

Сверхъ того извѣстія изъ Варшавы по слухамъ, будто и Н. намѣренъ короновать вице-короля италійскаго Богарне, королемъ италійскимъ, возвращаетъ папѣ Римъ со всею принадлежностью

[1]) Помѣтка: „Получено 15 апрѣля".

Библиотека "Руниверс"

церковнаго владѣнія и водворяетъ его въ столицѣ оной, австрійскому имп. уступаетъ обратно титулъ короля римскаго, а теперешняго короля римскаго, сына своего, дѣлаетъ королемъ польскимъ. Прусскому королю назначаетъ шведскую Померанію; извѣстіи сіи ничто иное суть какъ слухи; за всѣмъ тѣмъ я поставляю обязанностію и объ нихъ донести вашему высокопр-ству.

Влагаемое у сего таковое жъ донесеніе на имя господина министра полиціи покорнѣйше прошу передать посредствомъ вашимъ по адресу.

Подпись: Сенаторъ Ланской.

Гр. Ливенъ ген. Барклаю-де-Толли, 16 (28) апрѣля 1812 г. изъ Берлина [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 298, л. 378—379.

М. г. Михаилъ Богдановичъ!

Генералы и чиновники, составляющіе главную квартиру большой французской арміи. отправляются сего числа въ Познань, пробывъ здѣсь четыре недѣли.

Корпусъ маршала Удино такъ же отправляется къ Вислѣ. Вчера выступилъ отсюда 8-й легкоконный полкъ, а сего дня часть пѣхоты, которой завтра послѣдуютъ остальные полки первой дивизіи, которая здѣсь мѣсяцъ квартировала.

Сія дивизія пойдетъ прямо чрезъ Кюстринъ, на Маріенвердеръ; вторая и третья дивизіи сего корпуса, которыя стояли донынѣ на Одерѣ, отъ Кюстрина до Штетина, выступаютъ также сего числа и слѣдуютъ равномѣрно къ Вислѣ.

Корпусъ маршала Даву, какъ навѣрно полагаютъ, двинется отъ Торуни къ Элбингу, гдѣ уже прибыла дивизія генерала Гранжана, которая къ сему корпусу принадлежитъ.

Корпусъ маршала Нея, бывшій донынѣ еще на Одерѣ, слѣдуетъ къ Познани, но навѣрно полагаютъ, что онъ безъ отлагательства пойдетъ до Вислы и что самъ маршалъ будетъ имѣть главную квартиру въ Торунѣ.

Полагать должно, что маршалъ Жюно, который съ корпусомъ своимъ находится понынѣ около Глогау, также впередъ подвинется, но я о семъ еще не имѣю достовѣрнаго свѣдѣнія.

Дивизія генерала Легранъ, то есть первая Удинова корпуса, прибудетъ въ Маріенвердеръ около 3/15 мая.

---

[1]) Помѣтка: „Получено 26 апрѣля".

Библиотека "Руниверс"

Весь сей корпусъ имѣетъ предписаніе везти съ собою пятьдесятъ тысячъ раціоновъ и безъ необходимой надобности сей запасъ не употреблять. Самъ маршалъ Удино имѣетъ приказаніе дождаться здѣсь прибытія маршала Виктора, котораго ежечасно ожидаютъ. Сей будетъ имѣть здѣсь главную квартиру и, какъ увѣряютъ, командовать резервною армісю, простирающеюся до 70.000 человѣкъ. Изъ сего числа 12.000 имѣютъ быть расположены на правомъ берегу Эльбы, а прочія на лѣвомъ берегу сей рѣки: Сія армія составлена будетъ изъ депо конфедератскихъ войскъ, изъ 10.000 датчанъ, которые нынѣ въ Голштиніи собираются изъ присылаемыхъ сюда конскриптовъ для обмундированія, обученія и отсылки къ полкамъ.

Здѣсь на первый случай остается только одинъ баталіонъ вюрцбургскихъ войскъ, вступившій сюда 11-го числа сего мѣсяца.

Генералъ Дюрютъ, который теперь командуетъ въ побережныхъ городахъ Мекленбургіи, прибудетъ сюда для принятія должности здѣшняго военнаго губернатора.

Число чиновниковъ, принадлежащихъ къ большой арміи, часъ отъ часу умножается. Здѣсь между прочимъ прибыло множество почталіоновъ для расположенія по всѣмъ станціямъ большого военнаго тракта, что отъ Парижа до сего мѣста уже и приведено въ дѣйствіе. Они возятъ сами полевую почту въ своихъ повозкахъ и на своихъ почтовыхъ лошадяхъ. Сверхъ того отправляется и пріѣзжаетъ ежедневно поспѣшная эстафета, къ которой употребляются французскіе почталіоны.

Каждый день приходитъ по одиночкѣ множество ремесленниковъ всякаго рода, которые совершенно походятъ на выходцевъ, голодомъ изъ отечества своего вытѣсненныхъ. Здѣсь получаютъ они единообразную одежду и отправляются вслѣдъ за арміей; но никому не извѣстно съ какимъ намѣреніемъ.

Извѣстіе объ устроеніи тетъ-де-понтъ во Франкфуртѣ на Одерѣ не утвердилось.

Французская гвардія начала выступать въ Дрезденъ съ 11/23 сего мѣсяца.

Я имѣю честь доставить при семъ вашему высокопр-ству именной списокъ генераламъ, состоящимъ при большой главной квартирѣ [1]).

Съ отличнымъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть . . . . . слуга.

Подпись: Графъ Ливенъ.

---

[1]) Настоящаго документа въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива не оказалось. Ред.

Библиотека "Руниверс"

Кн. Багратіонъ Военному министру, 17 апрѣля 1812 г. изъ Луцка, № 132. Секретно[1]). Воен.-Учен. Арх., отд. II, № 1874, л. 161.

Г-ну военному министру ген.-отъ-инф. кн. Багратіона.

Спѣшу благодарить ваше высокопр-ство за увѣдомленія, полученныя мною въ отношеніи отъ 10 сего мѣсяца, за № 74; предметъ ихъ слишкомъ важенъ, чтобъ не заставить меня сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній о положеніи, въ которомъ находится командуемая мною армія.

Движеніе наступательное или оборонительное оной зависитъ точно отъ количества войскъ ей противупоставленныхъ. Полагаю, что при начатіи военныхъ дѣйствій, получу я на сей счетъ подробнѣйшія замѣчанія отъ вашего высокопр-ства, ибо вамъ болѣе извѣстны политическія дѣла и пункты, на которые непріятель устремитъ свои силы. До сихъ поръ кажется, что собираются оныя въ окружность Данцига, противъ же себя вижу я армію, изъ 70.000 человѣкъ баварцевъ, саксонцевъ, виртембергцевъ и баденцовъ состоящую. Письмо, при семъ оригиналѣ прилагаемое, извѣщаетъ о семъ, согласно съ слухами, до насъ изъ Галиціи доходящими. По сему предположенію движеніе мое должно быть наступательное, тѣмъ болѣе, что ваше высокопр-ство увѣдомляете меня въ прежнихъ письмахъ, что обсерваціонная армія, собранная между Житоміромъ и Тарнополемъ, будетъ надзирать движеніе австрійцевъ, въ окрестностяхъ Лемберга находящихся.

Я не могу скрыть отъ вашего высокопр-ства желаніе мое, чтобы наши арміи даже въ движеніяхъ оборонительныхъ, дѣлали непріятелю сильное сопротивленіе, удаляя его отъ границъ нашихъ въ продолженіи всей кампаніи. Его единственная надежда въ выигрышѣ сраженія, и хотя осторожность требуетъ, чтобъ мы сколь возможно отъ сего удалялись, но и въ случаѣ потери съ нашей стороны лишь въ самой крайности должно помышлять объ отступленіи, толико во всѣхъ отношеніяхъ вредоносномъ.

Впрочемъ всѣ предосторожности взяты будутъ въ подобномъ несчастіи. Наши магазейны простираются до Житоміра, въ одномъ Новоградѣ Волынскомъ ихъ не состоитъ, но я уже принялъ мѣры къ учрежденію и тамъ запасовъ, дороги осмотрѣны; что же принадлежитъ до праваго моего фланга, я предполагаю, что ваше высокопр-ство предписали, чтобы пункты: Брестъ-Литовскій, Пинскъ и Мозырь были довольно укрѣплены, дабы могли быть защищаемы ре-

[1]) Помѣтка: „Къ свѣдѣнію".

Библиотека "Руниверс"

зервными баталіонами, къ сему уже назначенными. Пункты сіи чрезвычайной важности, равно какъ и теченіе рѣки Припеть.

Что жъ принадлежитъ до позиціи Кіева, для рѣшительнаго сраженія, долгомъ поставляю донести вашему высокопр-ству, что я считаю оную совершенно невыгодной и по мѣстоположенію и по текущей въ тылу арміи рѣкѣ, переправа чрезъ которую, бывъ трудна во всякое время, еще болѣе невозможна въ случаѣ неудачи. Мнѣ кажется, что позиція на лѣвомъ берегу Днѣпра и подъ прикрытіемъ города была бы гораздо выгоднѣе для послѣдственныхъ операцій. Но должно полагать, что мы не будемъ никогда въ сей крайности, и помнить, что въ послѣднюю войну семьдесятъ тысячъ человѣкъ безъ запасовъ, въ открытыхъ мѣстахъ, шесть мѣсяцевъ противоборствовали побѣдоносной арміи Наполеона, и что силы, имъ нынѣ противъ насъ собираемыя, ежели и сравнятся съ нами числомъ, то вѣрно уступятъ въ усердіи и достоинствѣ.

Я послалъ нарочнаго въ Каменецъ-Подольской и Хотинъ, въ разсужденіи перевоза артиллеріи и укрѣпленія послѣдняго, и о полученныхъ оттолѣ извѣщеніяхъ не премину донести вашему высокопр-ству.

Прежде окончанія моихъ замѣчаній я обращаюсь вновь къ обсерваціонной арміи и полагаю, что весьма полезно бы было, когда бъ генералъ Тормасовъ занялъ уже важнѣйшіе пункты между Житоміромъ и Тарнополемъ прежде начатія движеній, ибо по всѣмъ слухамъ, до насъ доходящимъ, Австрія хотя сіе казалось бы невѣроятнымъ, беретъ дѣятельное участіе въ сей войнѣ, держась стороны нашего непріятеля; равномѣрно полезно бъ было, когда бъ находящіеся въ Мозырѣ резервные батальоны приступили къ укрѣпленію Пинска и позицій, которыя имѣемъ мы въ виду для отпора непріятеля.

Въ заключеніе позвольте мнѣ сказать, ваше высокопр-ство, что я крайне сожалѣю о начатіи нами движеній ранѣе, чѣмъ обстоятельства того требовали. Дожди и дурное время умножили число больныхъ въ арміи, надѣюсь однако же, что съ хорошей погодой уменьшится число оныхъ, чего я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Подпись: Ген.-отъ-инф. кн. Багратіонъ.

Собственноручное письмо Императора Александра I къ князю Николаю Ивановичу Салтыкову [1]). Воен.-Учен. Арх., отд. I, № 459.

---

[1]) Орѳографія подлинника сохранена. Ред.

Библиотека "Руниверс"

Имелъ я удовольствіе получить два письма вашего сіятельства отъ 11-го и 13-го апрѣля. Искренне васъ благодарю за чувства въ нихъ неизъясненныя; надеюсь что вы не сумнѣваетесь во всей моей привязанности къ вамъ. У насъ [1]) слава Богу все еще смирно и спокойно. Армія въ самомъ лутчемъ духѣ. Артилерія которую я успелъ осмотреть въ наипрекраснѣйшемъ состояніи. Возлагая все упованіе мое на всевышняго спокойно ожидаю дальнейшихъ событій. Прилагаю при семъ выписку изъ письма Сперанскаго, и пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ.

Александръ.

Въ главной квартирѣ
въ Вильнѣ, 19-го апрѣля
1812 года.

Приложеніе къ письму Императора Александра I. Собственноручно написанная Его Величествомъ „выписка изъ письма Сперанскаго".

Между бумагами въ одномъ изъ трехъ пакетовъ находящимся ваше Императорское Величество изволилъ найтить разшифрованныя перлюстраціи. Они мнѣ были доставляемы по временамъ отъ Бѣка, всемъ проступкѣ сознаю себя виновнымъ, и не ища оправданій, предаюсь милосердію Вашего Величества и протчая.

Т.

[1]) Императоръ Александръ I прибылъ въ Вильну въ Вербное Воскресеніе 12 апрѣля 1812 г. *Т.*

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Библиотека "Руниверс"

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“

Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Ч. Вѣтринскаго).

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

„ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ и ГОЛОДЪ“

Сборникъ подъ редакціей **Ч. Вѣтринскаго.**

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—Нѣсколько словъ о неурожаѣ въ Нижегор. губ. **Г. И. Сергѣева.**—Левъ Толстой и голодъ. **Ч. Вѣтринскаго.**—1. **Л. Н. Толстой.** Статьи о голодѣ 1873, 1891—2 и 1898 гг. 2. Письма **Л. Н. Толстого.** Воспоминанія и др. матеріалы: 1873 г.—**А. С. Пругавина, С. С. Кондурушкина,** 1891—2 г.—**А. И. Эртеля,** американца **Стадлинга, К. К. Арсеньева, Д. Н. Анучина, В. И. Скороходова, С. Т. Семенова, П. Н. Гастева;** 1898 г.—**гр. И. Л. Толстого;** 1907 г.—**Г. С. Рябова.**

Съ 2-мя портретами Л. Н. ТОЛСТОГО и 5-ю иллюстраціями.

Чистый сборъ отъ этого изданія будетъ полностью переданъ въ распоряженіе Нижегородскаго отдѣла Русскаго общества охраненія народнаго здравія на устройство столовыхъ для голодающихъ.

ЦѢНА 1 руб., съ пересылкой 1 р. 25 к.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Н.-Новгородъ, Новобазарная пл., д. Васильевой, у В. Е. Чешихина.

При выпискѣ изъ главнаго склада не менѣе 10 экземпляровъ пересылка за счетъ книгоиздательства.

СКЛАДЪ ВЪ МОСКВѢ:

Б. Никитская, 10. Книжный магазинъ „НАУКА“.

Библиотека "Руниверс"

Загоскинъ, М. Н. Вечеръ на Хопрѣ. Отрывокъ изъ манускрипта подъ заглавіемъ „Мое отдохновеніе, или современные разсказы и были прошедшихъ двухъ столѣтій". Иллюстрированная библіотека соч. М. Н. Загоскина № 10. М. 1911. Изд. М. В. Клюкина (Ваганьковскій пер., 9). Тип. В. В. Чичерина (Марьинскій уч., св. д.). 16⁰ (14×18). 111 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 5.000 экз.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга VI, т. XXVI—XXIX. Спб. 1911. Изд. 3-е и тип. Общ. Польза (Б. Подъяч., 39). 8⁰ (20×23). 1178 стр. (въ 2 ст.) Складъ: Б. Подъяческая, 39. Ц. 29 т. 25 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 3.500 экз.

Становскій, И. Къ 50-лѣтію освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. 19 февраля 1861 г.—19 февраля 1911 г. Вильна. 1911. Изд. 2-е. Тип. М. А. Дворжеца. 16⁰ (11 × 17). 32 стр. Съ портр. Вѣсъ 2 л. 1 500 экз.

Толстой, А. К. Полное собраніе сочиненій. Томъ III. Драматическая трилогія. I. Смерть Іоанна Грознаго. II. Царь Ѳедоръ. III. Царь Борисъ. Спб. 1911. Изд. Луковникова, П. В., 25-е. (Спб., Лештуковъ пер., 2). Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8⁰ (16×26). 559 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 6.200 экз.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга III. Спб. 1911. Изд. 2-е. Тип. М. М. Стасюлевича. 8⁰ (17×25). VII+387 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 400 экз.

Булгаковъ, С. Д. Святитель Іоасафъ (Горленко), епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (род. 1705 г., скончъ. 1757 г.). (Къ торжеству церковнаго прославленія Святителя Іоасафа въ 4-й день сентября 1911 г.). Курскъ. 1911. Изд. губ. Статистич. Комитета Тип. Губ. Правл. 8⁰ (18×26). 26 стр.+2 листа рис. Вѣсъ 4 л.

Вилинскій, С. Г. Личность В. Г. Бѣлинскаго. (Рѣчь). Одесса. 1911. Тип. Техникъ (Успенская, 56). 8⁰ (17×24). 15 стр. Вѣсъ 2 л.100 экз.

Военная энциклопедія. Подъ ред. В. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ-Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ-Шульца. Т. VI. С.-Петербургъ. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина. 4⁰ (19×28). 161—318+8 лист. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 10.000 экз.

Жураковскій, Евгеній. Краткій курсъ исторіи русской живописи XIX вѣка. Индивидуализмъ въ новой русской живописи. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8⁰ (15 × 21). 108 + 1 нен. стр. Съ рис. +4 табл. Ц. 85 к. Вѣсъ 14 л. 3.000 экз.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1911 г. Книжка 1-я тома XVI. Спб. 1911. Тип. Имп. Академіи Наукъ. (В. Ост., 9 л., д. 12). 8⁰ (17 × 25). 350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 830 экз.

Содержаніе: Соболевскій, А. И. Русскій Паломникъ. Соболевскій, А. И. Былина. Петровъ, А. Л. Когда возникли русск. поселенія. Рожнецкій, С. Изъ исторіи Кіева. Грушевскій, А. С. Работы Костомарова. Полонская, Н. IV археолог. съѣздъ въ Костромѣ. Розановъ, С. П. Источники Ѳеодосіев. редакціи Житія Саввы. Снитко, А. К. Описаніе рукописей въ Слуцкомъ монастырѣ. Бенешевичъ, В. Н. Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію.

Корыкъ, Г. Энциклопедія сочиненій для учащихъ и учащихся. Вып. 7-й А. С. Грибоѣдовъ. Комедія „Горе отъ ума": подлинный текстъ и разборъ въ пересказахъ, планахъ и образцовыхъ сочиненіяхъ, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ на темы, предложенныя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ на конкурсныхъ испытаніяхъ съ 1891 г. по настоящій годъ. Одесса. 1911. Тип. Одесскихъ Новостей (Екатеринен., 8). 8⁰ (17×25). 116+16 стр. Складъ: Кн. маг. Одесскихъ Новостей (Дерибасовская, 20). Ц. 65 к. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Крыловъ, И. А. Басни. Съ біографіею и отзывомъ В. Г. Бѣлинскаго. М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8⁰ (15 × 23). 270+II стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 22 л. 6.000 экз.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Ничипоръ Бородай. Изъ украинскихъ преданій. Съ рис. А. А. Кучеренко и др. М. 1911. Изд. Д. П. Ефимова, 2-е. Тип. Вильде (Малая Кисловка, соб. д.). 8⁰ (15×22). 48 стр. Съ рис. Складъ: (Моховая, д. Бенкендорфа) кн. маг. А. Д. Друтманъ. Ц. 30 к. Вѣсъ 7 л. 4.000 экз.

Майковъ, В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому .конца XVI в. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (18 × 22). XLVIII + 307 стр. + 4 таб. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 200 экз.

Масловскій, С. Д. Лѣтопись военной печати 1910 (годъ первый). Извѣстія Императорской Николаевской Военной Академіи. Указатели. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8⁰ (17 × 25). VIII + 113 стр. 1.000 экз.

Никольскій, Николай, свящ. Матеріалы по описанію Троице-Пятницкаго женскаго монастыря, Весьегонскаго уѣзда, Тверской епархіи. Весьегонскъ. 1911. Тип. А. П. Виноградова. 8⁰ (17 × 22). 64 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Семеновъ, М. Исторія и теорія русской словесности. Для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ, торговыхъ школъ и низшихъ техническихъ училищъ. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина, 4-е (Пятницкая, соб. д.). 8⁰ (15×23). 336 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 28 л. 5.000 экз.

Сиповскій, В. В. Исторія литературы какъ наука. Свободное знаніе. Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціей Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, пр.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича. Спб. 1911. Изд. 2-е и тип. т-ва М. О. Вольфа (Вас. О., 16 лин., соб. д.). 8⁰ (16 × 23). 60 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Шведеръ, Е. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій. Біографическій очеркъ. Образцовая Библіотека. № 28. Біографическіе очерки. Кн. 1-я. Вильна. 1911. Изд. Книгоизд. Едиторъ. Тип. І. Завадзкаго. 16⁰ (10 × 14). 77 + 2 нен. стр. + 1 портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.** Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой“. Спб. Знаменская, 27.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. МАЙ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 223—236

II. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщ. П. А. Вилламовъ. 237—244

III. **Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года?** Психолого-стратегическій очеркъ. В. Ф. . . . . 245—289

IV. **Въ Румыніи передъ войной 1877 г.** Г. И. Бобрикова. . . . . 290—295

V. **Н. Г. Чернышевскій.** (Наброски по неизданн. матеріаламъ). А. А. Лебедева. 296—309

VI. **Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ.** (Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 г. по 30 іюля 1905 г.). Г. А. Данилова . . . . 310—322

VII. **Въ дружескомъ кругу.** (Изъ воспоминаній о графѣ Д. А. Милютинѣ). С. Лаврентьевой. . . . 323—331

VIII. **Встрѣчи и столкновенія.** (И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкинъ, П. Я. Горловъ). Р. П. Сементковскаго. 333—352

IX. **Яковъ Іоганъ Урсинусъ.** Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. А. Г. Воронова. . . . . 353—360

X. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** Преждевременная смерть у порога пятаго путешествія. П. Козлова. . . . . 361—385

XI. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.** Е. А. Рагозиной. . . . 386—395

XII. **Настроеніе русской арміи на поляхъ Венгріи въ 1848—49 г.г.** В. Т. 396—408

XIII. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма П. П. Одинталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 409—429

XIV. **Въ маѣ 1812 года.** Т. . . 430—444

XV. **Изъ записной книжки „Русской Старины":**

а) **Рескриптъ Императора Павла I новгородскому губернатору Митусову.** Сообщ. С. Н. Митусовъ. 332

XVI. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) **Памятникъ Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куля.** 2) Портретъ путешественника **Николая Михайловича Пржевальскаго.**

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва и. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.
1912.

У-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1912 года.
Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый. (А—Г). Спб. 1912.

Цѣнная работа эта, полезная для хронологическихъ, біографическихъ и генеалогическихъ справокъ, составляется по порученію Августѣйшаго издателя извѣстнымъ знатокомъ русской исторіи В. П. Саитовымъ, выпустившимъ въ 1883 г., подъ тѣмъ же заглавіемъ, списокъ петербургскихъ могилъ. Послѣдній поглощенъ настоящимъ сборникомъ, въ который вошли имена многихъ погребенныхъ на петербургскихъ кладбищахъ отъ основанія столицы до нашихъ дней. Составитель пользовался не только сохранившимися надгробными надписями, но и указаніями печатныхъ источниковъ. Въ виду огромности матеріала въ списокъ внесены не всѣ погребенные, а лишь носители болѣе или менѣе выдающихся именъ и представители наиболѣе культурныхъ общественныхъ круговъ. Наведеніе справокъ облегчено введеніемъ въ общій алфавитъ дѣвическихъ и первобрачныхъ фамилій, свѣтскихъ именъ монашествующихъ, псевдонимовъ актеровъ и писателей.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ третій. (1833—1837). Спб. 1911.

Этимъ прекраснымъ томомъ почтенный редакторъ закончилъ изданіе текста переписки Пушкина, и теперь остается ждать примѣчаній. В. И. Саитовъ старательно провѣрилъ текстъ по подлинникамъ, одно обнаруженіе и добываніе которыхъ было серьезной работой, побѣдилъ немало хронологическихъ трудностей и далъ русскому читателю полное изданіе корреспонденціи великаго поэта. Всякое другое изданіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ малозначительныхъ частностей, по необходимости будетъ сводиться къ простой перепечаткѣ саитовской редакціи. Сорокъ писемъ и записокъ Пушкина и къ Пушкину опубликовано въ третьемъ томѣ впервые. Перечислимъ ихъ подробно, чтобы читатель могъ сразу обратить вниманіе на эти новинки. Пушкину принадлежатъ двадцать четыре №№—715 (кн. В. Ѳ. Одоевскому), 797 (А. В. Никитенкѣ), 857 (Ваттемару), 864 и 865 (С. А. Соболевскому), 875 (графу А. Х. Бенкендорфу), 949, 955, 956 и 965 (кн. Одоевскому), 981 (кн. П. А. Вяземскому), 1020 (С. С. Хлюстину), 1043 (И. А. Яковлеву), 1110 (кн. В. Ѳ. Одоевскому), 1125 (С. Л. Пушкину, отцу), 1132 (А. И. Тургеневу), 1151 (Ѳ. Н. Глинкѣ), 1152 (неизвѣстному), 1153 (гр. Ѳ. И. Толстому), 1155 и 1156 (кн. В. Ѳ. Одоевскому), 1159 (С. Д. Нечаеву), 1161 (П. П. Каверину) и 1173 (гр. А. Х. Бенкендорфу). Корреспондентамъ поэта принадлежатъ шестнадцать №№: 702 и 716 (письма гр. А. И. Чернышева), 881 (княг. Трубецкой), 903 (гр. К. Л. Фикельмонта), 982, 1004, 1060, 1080, 1099, 1103 (кн. П. А. Вяземскаго), 1016 (П. Я. Чаадаева), 1100 (гр. В. А. Сологуба, французскій текстъ), 1105 (гр. Е. Ф. Канкрина), 1128 (П. А. Осиповой), 1144 (A. Magenis) и 1150 (Н. И. Павлищева).

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1905 годъ. Спб. 1912.

Отчеты Публичной Библіотеки служатъ для ученыхъ работниковъ полезнымъ справочникомъ, хотя главная цѣль ихъ—представить жизнь высшаго книгохранилища въ теченіе даннаго времени. Въ отчетномъ году библіотека, по обыкновенію, обогатилась множествомъ старинныхъ и рѣдкихъ книгъ и рукописей. Между прочимъ, въ нее поступило обширное собраніе иностранныхъ книгъ, относящихся до русско-японской войны, коллекція оффиціальныхъ актовъ крымскаго ханства XVII—XVIII столѣтій, двадцать восемь рукописей изъ собранія купца Плигина, матеріалы, относящіеся до польскаго возстанія 1863 г., нѣкоторыя бумаги А. Т. Болотова, записки по законовѣдѣнію, читанныя К. П. Побѣдоносцевымъ въ 1885—1888 г.г. Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, нынѣ царствующему Государю Императору.

Ив. Федоровъ. Опытъ хронологической канвы къ біографіи В. Г. Бѣлинскаго, съ приложеніемъ библіографическаго указателя. Смоленскъ. 1911.

Книжка небезполезная, хотя составлена очень небрежно, „кустарнымъ“, такъ сказать, способомъ. Составитель работалъ, повидимому, безъ достаточнаго вниманія къ матеріалу, которымъ пользовался, и, что гораздо хуже, не выяснилъ себѣ необходимыхъ методическихъ пріемовъ. Поэтому онъ далъ лишь первоначальный черновой очеркъ. „1837 ноября 21. Горькая участь Бѣлинскаго“, указываетъ г. Федоровъ, хотя отлично знаетъ, конечно, что участь Бѣлинскаго была горька не только въ названный день его жизни. „1840—46 г. Появленіе знаменитыхъ статей Бѣлинскаго“,—слишкомъ многообъемлющее указаніе: въ этотъ періодъ создалось болѣе трехъ четвертыхъ всего литературнаго наслѣдія Бѣлинскаго, съ „знаменитыми“ и отнюдь не знаменитыми статьями включительно. Переговоры съ Пушкинымъ, хотѣвшимъ пригласить Бѣлинскаго въ „Современникъ“, велись вовсе не черезъ И. И. Панаева, а черезъ Нащокина. Библіографическій указатель литературы о Бѣлинскомъ составленъ тоже небрежно, по случайнымъ даннымъ. Книжка нуждается въ основательной переработкѣ.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. I. Спб. 1911.—Т. II. Спб. 1912.

Послѣ покойнаго М. М. Стасюлевича, выдающагося общественнаго дѣятеля и ученаго, остался огромный архивъ, хранящій слѣды его живыхъ и крѣпкихъ связей съ многими крупными людьми и основными теченіями русской жизни послѣдняго полусто-

Библиотека "Руниверс"

Памятникъ Пржевальскому
на берегу Иссыкъ-Куля.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсинусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Библиотека "Руниверс"

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Библиотека "Руниверс"

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Воскресенье 11 (23) іюня. Здѣсь насъ собираются развозить. Ѣздили въ Потсдамъ, еще туда же поѣдемъ, а потомъ на маневры хотятъ звать въ Магдебургъ. Такъ что неизвѣстно, чѣмъ начнемъ день и чѣмъ окончимъ.

Жара продолжается здѣсь сильная. Не знаю куда сегодня поѣду—собирался въ Шарлотенбургъ, тамъ прекрасныя пальмы, говорятъ, почти столь же хорошія, какъ и въ Франкфуртѣ. Кромѣ того тамъ чудный памятникъ королевѣ Луизѣ, матери императора — я всегда подолгу имъ любуюсь.

Обѣдаютъ здѣсь теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде; я съ удовольствіемъ ѣмъ даже здѣшніе супы, можетъ быть это оттого, что съ 77 года отвыкъ въ походѣ отъ хорошей русской кухни? Весьма вѣроподобно, но во всякомъ случаѣ я доволенъ здѣшними обѣдами и нахожу ихъ только черезчуръ длинными—шесть, семь блюдъ, насилу переплывешь.

Ягодъ здѣсь бездна, а клубника огромнѣйшая. У кронъ-принца давали чуть ли не въ полъ-кулака и сочная.

Иду сейчасъ въ посольскую церковь. Къ сожалѣнію, она нехороша, а хоръ пѣвчихъ положительно плохъ. Походомъ мнѣ приходилось

---

[1]) См. „Русск. Старину“ апрѣль 1911 г.

Библиотека "Руниверс"

часто слушать небольшой, но чудесный хоръ великаго князя. Здѣсь какая-то балалайка. Послѣ обѣдни узнаю подробности о вчерашнемъ засѣданіи Конгресса.

Прилагаю копію съ предложенія Англіи, внесеннаго на четвертое засѣданіе Конгресса (10 (22) іюня):

„Admission de la frontière des Balkans pour la principauté de la Bulgarie; la province au sud des Balkans assumerait le nom de Roumélie orientale.

„L'incorporation de sandjak de Sophia avec rectification strategique des frontières dans la principanté serait consentie soit contre le maintien de Varna dans les mains des Turcs, soit contre l'exctusion des bassins du Mesta Karasou et Strouma Karasou de la Rumélie orientale. La Roumélie orientale sera placée sous l'autorité politique et militaire directe du sultan, qui l'exercera dans les conditions suivantes:

„Il aura le droit de pourvoir à la défense des frontières de terre et de mer de la province, de pourvoir y tenir des troupes et de les y fortifier.

„L'ordre intérieur sera maintenu par la milice, dont les officiers seront nommés par le sultan, qui tiendra compte de la religion de la population.

„Le gouverneur général aura le droit d'appeler les troupes ottomanes dans le cas où la sécurité intérieure se trouverait menacée".

„Границею княжества Болгарскаго будутъ признаны Балканы съ присвоеніемъ провинціи, лежащей къ югу отъ Балканъ, названія восточной Румеліи.

„Согласіе на включеніе Софійскаго санджака въ княжество, съ стратегическимъ исправленіемъ границъ, можетъ быть дано либо при условіи оставленія Варны въ рукахъ турокъ, либо изъятія бассейновъ Места-Карасу и Струма-Карасу изъ восточной Румеліи. Восточная Румелія, въ политическомъ и военномъ отношеніи, будетъ подчинена непосредственной власти султана, которому будетъ предоставлено право осуществлять эту власть при соблюденіи ниже слѣдующихъ условій:

„Ему будетъ предоставлено право обороны сухопутныхъ и морскихъ границъ провинціи, право содержать въ ней войска и возводить для оныхъ укрѣпленія.

Библиотека "Руниверс"

„Внутренній порядокъ будетъ поддерживаться милиціей, коей офицеры будутъ назначаться султаномъ, который долженъ при этомъ принимать во вниманіе религію мѣстнаго населенія.

„Генералъ-губернатору предоставляется право вызывать турецкія войска въ томъ случаѣ, когда внутренней безопасности будетъ угрожать опасность".

Далѣе говорится о западной и южной границахъ еще неопредѣленныхъ.

Графъ Шуваловъ заявилъ съ своей стороны, что русскіе уполномоченные, согласившись на образованіе Болгаріи и Румеліи въ предположенныхъ для нихъ Англіей границахъ, и значительно уменьшивъ предѣлы Болгаріи Санъ-Стефанскаго договора—сдѣлали все, что могли, и то съ крайнимъ сожалѣніемъ и тяжелымъ чувствомъ, но затѣмъ не могутъ не протестовать противу требуемыхъ султану правъ. Англія, говорилъ онъ, хочетъ защищать сильнаго противу слабаго, Турцію противу Болгаріи, — мы въ правѣ требовать защиты слабаго противу сильнаго, и предложилъ Конгрессу такое письменное контрпредложеніе:

„1) Le sultan aura le droit de pourvoir à la défense des frontières de terre et de mer de la province et celui de pouvoir y tenir des troupes et de les y fortifier.

„2) L'ordre intérieur de la Roumélie orientale sera maintenu par les milices, dont les officiers seront nommés par le sultan qui tiendra compte de la religion de la population.

„Les plénipotentiaires de Russie pensent toutefois que le principe sur lequel on est d'accord, que l'intérieur de la Roumélie orientale ne soit occupé que par des milices indigènes—devrait être sauvergardé. Il ne pourrait l'être, selon leur opinion, que si une commission européenne était chargée de fixer les points que le gouvernement ottoman pourrait occuper sur les frontières et la force approximative de ces occupations. (См. запись подъ 3 (15) іюня).

„Les plenipotentiaires de Russie sont également autorisés à accepter le point relatif au droit du gouverner général d'appeler des troupes ottomanes dans les cas où la sécurité intérieure ou extérieure se trouverait menacée.

„Mais ils croient nécessaire de ne point se departir du principe que le congrès statue sur les cas et le mode de l'entrée des troupes ottomanes dans la Roumélie orientale. Ils demandent en conséquence que le congrès, discute cette eventualité, car si elle se présenterait, elle serait un sujet d'alarmes pour l'Europe".

Библиотека "Руниверс"

„1) Султану предоставляется право обороны сухопутныхъ и морскихъ границъ провинціи, право содержать въ ней войска и возводить для оныхъ укрѣпленія.

„2) Внутренній порядокъ въ восточной Румеліи будетъ поддерживаться милиціей, коей офицеры будутъ назначаться султаномъ, который долженъ сообразоваться при этомъ съ религіей мѣстнаго населенія.

„Уполномоченные Россіи полагаютъ однако, что принципъ, относительно котораго достигнуто соглашеніе, — а именно, чтобы внутреннія части восточной Румеліи были заняты исключительно турецкой милиціей — долженъ быть соблюденъ, а это возможно, по ихъ мнѣнію лишь въ томъ случаѣ, если комиссіи европейскихъ державъ будетъ поручено опредѣлить всѣ пункты, каковые оттоманское правительство имѣло бы право занять на границѣ и приблизительную численность силъ оккупаціонныхъ войскъ (см. запись подъ 3 (15) іюня).

„Уполномоченнымъ Россіи предоставляется также принять тотъ пунктъ, коимъ генералъ-губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска въ случаяхъ, когда внутреннему или внѣшнему спокойствію будетъ угрожать опасность.

„Но они полагаютъ нужнымъ не отступать отъ принципа, установленнаго конгрессомъ относительно случаевъ и способа вступленія оттоманскихъ войскъ въ восточную Румелію. На этомъ основаніи они находятъ необходимымъ, чтобы конгрессъ обсудилъ эту возможную случайность, ибо иначе, въ случаѣ ея возникновенія, она могла бы вызвать тревогу въ Европѣ“.

Конгрессъ принялъ къ свѣдѣнію согласіе на включеніе въ Болгарію Софійскаго санджака и на безусловное оставленіе за ней же Варны и ея окрестностей. Что касается до права занятія Румеліи турецкими войсками и поддержанія въ ней порядка мѣстными милиціями, то по этому поводу окончательная редакція къ двумъ предложеніямъ (Россіи и Англіи) будетъ составлена къ слѣдующему засѣданію Конгресса — первымъ уполномоченнымъ Франціи — Ваддингтономъ.

„Наше положеніе день ото дня становится хуже и хуже, встрѣтилъ насъ графъ Шуваловъ въ ½ 2-го сегодня. Я только что продиктовалъ донесеніе въ Петербургъ, и вотъ каково его содержаніе:

„Обстоятельства настолько выяснились, что теперь мы ясно ви-

Библиотека "Руниверс"

димъ противъ насъ всю Европу, за исключеніемъ Германіи [1]). Европа ничего не сдѣлала для насъ, но произведетъ репрессію, чтобы поддержать противу насъ Австрію и Англію. Если бы только нашлась возможность безъ войны—которой не хотятъ—отнять у насъ все нами достигнутое, то отняли бы охотно. Германія съ нами, но ничего сдѣлать не можетъ для насъ, и князь Бисмаркъ преспокойно уѣдетъ въ Киссингенъ, оставивъ насъ драться съ Англіей и Австріей, а можетъ быть и еще съ кѣмъ-нибудь. Что мы можемъ выиграть? а) *въ нравственномъ смыслѣ* — 1) независимость Румыніи, но это мало насъ занимаетъ; 2) независимость Сербіи—но ей хотятъ дать больше, чѣмъ мы желаемъ; 3) образованіе княжества Болгарскаго; б) *въ матеріальномъ:* Бессарабію, часть Малой Азіи съ Карсомъ и Батумомъ. Объ остальномъ думать невозможно. Я буду просить Государя положительно выразить его волю на этотъ счетъ, и если возможно замѣнить князя Горчакова; пусть пришлетъ первымъ уполномоченнымъ Милютина, это будетъ для насъ большая поддержка—онъ пользуется царскимъ довѣріемъ и можетъ, видя наши затрудненія, положительно сказать: слѣдуетъ ли поддерживать наши требованія или отказаться отъ нихъ, въ виду, извѣстной ему, степени готовности нашей къ войнѣ. Назначеніе Жомини третьимъ уполномоченнымъ ничему не поможетъ; онъ и теперь работаетъ, слѣдовательно, только отнимутъ его".

„Андраши мнѣ (Шувалову) многіе часы развивалъ идею, что въ виду общественнаго мнѣнія, крайне возбужденнаго въ Венгріи, Австрія не можетъ оставаться на случай войны нейтральною. Скажутъ—Россія отдѣлается отъ Турціи и Англіи и ударитъ на насъ. Лучше же теперь драться съ нею, совокупно съ союзниками".

Въ три часа собрались у Убри: онъ, Шуваловъ, я и Нелидовъ. Разсуждали о VII и VIII ст. Санъ-Стефанскаго договора, подлежащихъ обсужденію завтра, на 5-мъ засѣданіи Конгресса. Статья VII—о выборѣ князя и устройствѣ государственнаго порядка; ст. VIII—о русской оккупаціи.

Разумѣется, какъ знакомый со всѣми подробностями дѣла, я долженъ былъ передать все, что мнѣ было извѣстно о заведенныхъ въ Болгаріи порядкахъ и о томъ, какъ мы хотѣли сдѣлать выборъ князя. Моя записка объ этомъ еще изъ Санъ-Стефано пошла къ

---

[1]) Печальное заблужденіе нашей дипломатіи. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Горчакову и теперь находится здѣсь въ копіи и переводѣ на французскій языкъ, для представленія Конгрессу.

Шуваловъ остался очень доволенъ моимъ разсказомъ.

„Теперь я все знаю; все ясно понимаю и могу отлично отвѣтить на всѣ вопросы, которые могутъ встрѣтиться на Конгрессѣ. Это объ устройствѣ теперешнемъ, перейдемъ къ выбору князя“.

— По введеніи во всемъ краѣ первоначальнаго гражданскаго управленія—говорилъ я,—мы полагали, примѣрно въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года, собрать въ Филиппополѣ нотаблей болгарскихъ—въ лицѣ: представителей духовества всѣхъ исповѣданій, предсѣдателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ. По произведеніи выборовъ, на основаніи выработаннаго земскими людьми, выборнаго закона, полагалось созвать новыхъ, правильно избранныхъ представителей страны для написанія, при русскомъ и турецкомъ коммиссарахъ, конституціи для Болгаріи. Затѣмъ должно было приступить къ выбору князя, что по нашимъ разсчетамъ могло послѣдовать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора послѣ заключенія мира.

И это все было понято, найдено основательнымъ и вполнѣ объясняющимъ, почему нельзя немедленно приступить къ выбору князя, а слѣдовательно почему замедляется пребываніе тамъ нашего коммиссара.

Затѣмъ говорю я, можетъ быть вамъ зададутъ вопросъ: что же это за избирательный законъ, на какихъ основаніяхъ онъ будетъ обсуждаемъ? То мы полагали: *право избирать* предоставить всѣмъ безъ различія гражданамъ, достигшимъ 25-и лѣтняго возраста и имѣющимъ собственность или платящимъ какія-либо подати. *Право быть избраннымъ* имѣлось въ виду поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью; такъ полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по цензу, установленному для различныхъ мѣстностей края. Неграмотнымъ не предоставлялось бы права быть избранными.

Шуваловъ, обращаясь ко мнѣ—„вотъ что я вамъ скажу на это; всегда я находилъ и считалъ васъ способнымъ отстаивать подобныя идеи и не сердитесь, что выскажусь прямо—настаивалъ, чтобы за подобные ваши взгляды не давали вамъ тѣхъ назначеній, какія для васъ предлагали. Развѣ вы не знаете, что это соціализмъ? Что духовенство и учителя вездѣ ведутъ къ революціи? Развѣ можно предложить это Конгрессу? Кромѣ Ваддингтона всѣ будутъ противъ насъ. Я не могу взять на себя подобнаго предложенія, чтобы имъ

Библиотека "Руниверс"

окончательно не возбудить всѣхъ противъ Россіи". Шуваловъ разгорячился и говорилъ очень возбужденнымъ тономъ.

Я спокойно отвѣтилъ, что мнѣ весьма пріятно узнать, что для меня имѣлись въ виду другія и вѣроятно высшія назначенія, но что я всегда говорю и дѣйствую въ силу убѣжденія, стараясь имѣть о всемъ свое собственное мнѣніе и не желая угождать чужимъ взглядамъ и требованіямъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, я говорю именно такъ, какъ слѣдуетъ сообразно съ обстоятельствами и какъ иначе быть не можетъ. Затѣмъ я началъ доказывать, ссылаясь на составленную мною еще въ Санъ-Стефано записку, одобренную главнокомандующимъ и, сколько мнѣ извѣстно, присланную сюда въ дѣлахъ канцеляріи князя Горчакова.

Относительно вѣрности описанія мною мѣстныхъ средствъ, полномъ почти отсутствіи въ Болгаріи другой интеллигенціи кромѣ духовенства и учителей, подтверждалъ и Нелидовъ, сказавшій, что онъ безусловно соглашается со всѣмъ высказаннымъ мною.

Шуваловъ сказалъ, что онъ не будетъ противъ этого спорить и такъ будетъ говорить на Конгрессѣ, но что у себя въ Россіи онъ всегда былъ, есть и будетъ противникомъ подобныхъ взглядовъ. Разстались мы однако друзьями. „Не сердитесь же на меня", сказалъ онъ. Я поблагодарилъ его за откровенность.

Условились сойтись опять у Убри завтра въ 11 ч. утра.

Вечеръ провелъ не особенно пріятно. Хорошо узнать, что меня имѣли въ виду на высшія должности, но досадно, что недруги мои успѣли создать мнѣ совершенно ложную репутацію, разумѣется съ цѣлью вредить мнѣ. Невольно припомнилась мнѣ исторія 1868 г., когда гр. Шуваловъ, совершенно не зная меня лично и даже не видавъ въ глаза, по нелѣпымъ навѣтамъ жандармовъ, требовалъ моего удаленія съ должности губернатора въ царствѣ Польскомъ.

Понедѣльникъ 12 (24) іюня. Въ 11 ч. утра, придя къ Убри, я засталъ у него Шувалова. Видя, что они заняты разговоромъ по другимъ вопросамъ, я пошелъ въ канцелярію. Взявъ тамъ Annuaire diplomatique за 1877 г., я нашелъ, что совершенно такія же основанія выборовъ, какія приводилъ я, предлагались на Константинопольской конференціи представителями Европы [1]). Нашелъ

[1]) Въ проектѣ органическаго регламента для Болгаріи, выработаннаго конференціей, значилось: An. dipl. 1877 стр. 317).

«Serons électeurs et eligibles:

«1) tous les habitans de la province à partir de l'age de 25 ans, possedant une propriété ou payant une contribution quelconque;

Библиотека "Руниверс"

также свою записку и въ ней то же самое. Кромѣ того убѣдился, что въ инструкцію, данную князю Дондукову-Корсакову, включены главнѣйшія мѣста изъ моихъ записокъ о томъ, что нами сдѣлано въ Болгаріи и что предполагалось, съ поясненіемъ, что всѣ эти мѣры, а въ томъ числѣ и предположенія о выборахъ, одобрены мин. вн. дѣлъ и рекомендуются для руководства въ будущемъ.

Собравъ все это—иду въ кабинетъ къ Убри. Показываю Шувалову. Онъ смѣется.—„Это вы все о вчерашнемъ?“—Да, о вчерашнемъ. Какъ видите, я говорилъ слово въ слово то, что предлагала Константинопольская конференція.—„А что такое кон. конференція? Кто тамъ былъ? говоритъ Шуваловъ. Салисбюри—ничего не понимаетъ, остальные тоже; орудовалъ всѣмъ Игнатьевъ и такъ вы единомышленникъ Игнатьева—въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго“.—Въ такомъ случаѣ скажите соумышленникъ.—„Ну да, да, да“, отвѣчалъ Шуваловъ, смѣясь. Тѣмъ все и окончилось. Убри взялъ сдѣланныя мною по этому выписки, на засѣданіе Конгресса.

Сегодняшнее 5-ое засѣданіе Конгресса назначено раньше, въ часъ дня, потому что представители Франціи и Италіи обѣдаютъ въ Потсдамѣ у кронъ-принца.

Вторникъ 13 (25) іюня. Жара преслѣдуетъ насъ. Дышать свободно можно часовъ съ 4, а до того пробираться по тѣни. Въ послѣдніе годы нѣмцы насадили много деревьевъ въ Берлинѣ, и зелени здѣсь довольно; устроили прекрасныя лужайки и довольно мизерные цвѣтники, но видно, что очень занимаются городомъ; улицы постоянно политы и чистота вездѣ нѣмецкая. Пріятно смотрѣть на такіе порядки и на такія мостовыя.

Долго ли мы здѣсь пробудемъ? Никто ничего не знаетъ. Главное дѣло въ нашемъ вопросѣ сдѣлано. Сѣверной Болгаріи обиженной, урѣзанной, но все-таки свободной, даны, по возможности, самыя пространныя границы и этимъ обязаны нашимъ мнѣніямъ, которыя мы высказали на первомъ нашемъ засѣданіи 3-го іюня (я, Бобриковъ и Боголюбовъ). Въ Петербургѣ ихъ вполнѣ одобрили. Третьяго дня вечеромъ, возвратился оттуда Боголюбовъ и тогда же уѣхалъ въ Маріенбадъ, гдѣ очень заболѣлъ раненый его братъ.

«2) le clergé et les ministres des differents cultes;
«3) les professeurs et les maîtres d'ecole».

Библиотека "Руниверс"

Горчаковъ лежитъ въ постели, и здоровье его особыхъ опасеній не возбуждаетъ, но онъ такъ старъ, что нельзя предвидѣть, чѣмъ все это можетъ кончиться. Все бремя свалилъ на Шувалова, который и есть первымъ уполномоченнымъ съ самаго начала Конгресса.

Съ Биконфильдомъ говорятъ по-французски. Онъ говоритъ по-французски плохо, но понимаетъ до такой степени, что свободно слѣдитъ за ходомъ дебатовъ на Конгрессѣ. Сперва было давали ему разныя записки, но нашли это неудобнымъ. Биконсфильдъ бралъ ихъ и, отговариваясь невозможностью отвѣчать немедленно, откладывалъ до слѣдующаго засѣданія. Теперь записокъ не даютъ болѣе или стараются не давать, и онъ ограничивается одними устными дебатами. Это ускоряетъ дѣло. Жидовина онъ порядочная и по физіономіи и по своимъ дѣйствіямъ.

Андраши тоже порядочно антипатиченъ. Это худой, поджарый человѣкъ съ лохматой головой и отвратительными руками, которыя онъ всегда выставляетъ впередъ, передъ грудями, съ согнутыми пальцами. Всѣ свои рѣчи на Конгрессѣ и частныхъ совѣщаніяхъ онъ начинаетъ заявленіемъ, что совершено раздѣляетъ все высказанное Биконсфильдомъ. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ развитіи разговора, онъ иногда отступаетъ отъ принциповъ своего друга-еврея. Шуваловъ отлично представляетъ его и говоритъ, что безъ содроганія и безъ гадливости не можетъ видѣть его руки.

Надо справедливо сказать—и это отзывъ всѣхъ вообще—нашъ Шуваловъ (Горчаковъ не бываетъ на всѣхъ засѣданіяхъ) смотритъ истымъ джентльменомъ, grand seigneur'омъ и производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Приличенъ также толстенькій и чистенькій Убри.

Турки, говорятъ, сидятъ чурбанами. Шуваловъ разсказывалъ, что когда обсуждался вопросъ о правѣ султана—охранять границы Румеліи и имѣть въ ней войска, первый турецкій уполномоченный Каратеодори-паша (министръ публичныхъ работъ) ограничился только неидущимъ къ дѣлу объясненіемъ, что болгары въ теченіе многихъ вѣковъ были вѣрными и спокойными подданными имперіи, сдѣлавшими большіе матеріальные успѣхи, и что до послѣдняго времени гармонія царствовала между различными группами населенія. По существу онъ не сказалъ ни одного слова, такъ что рѣшительно ничѣмъ не поддержалъ выставленныя на Конгрессѣ предложенія о правахъ султана [1]). Изъ турокъ я двухъ много разъ

---

[1]) Случай этотъ, въ смягченномъ видѣ, занесенъ въ протоколъ 4-го засѣданія Конгресса.

Библиотека "Руниверс"

видѣлъ въ Адріанополѣ—Садулла-Бея и Санъ-Стефано—Мегеметъ-Али-пашу. Его здѣсь называютъ клоуномъ и шутомъ. Въ Санъ-Стефано же, окруженный блестящимъ военнымъ эскортомъ, онъ производилъ весьма недурное впечатлѣніе своею физіономіею; здѣсь же въ простомъ черномъ казакинѣ и фескѣ онъ дѣйствительно выглядитъ неказисто.

Вчера было 5-е засѣданіе. Поговаривали сперва, что на восьми засѣданіяхъ все покончатъ. Едва-ли это такъ. Много разъ еще придется собираться, да дай Богъ, чтобы только окончили скорѣе и благополучнѣе для насъ. Для Россіи этотъ Конгрессъ большое испытаніе и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, общественное наше мнѣніе будетъ сильно недовольно его результатами, но надо видѣть, что дѣлается здѣсь, чтобы понять всю трудность нашего положенія передъ возможностью образованія сильной противу насъ коалиціи, а главное намъ ужасно повредила наша податливость въ отношеніи Австріи—еще до начала войны получившей согласіе на занятіе Босніи и Герцоговины и Англіи—успѣвшей заручиться компрометтирующимъ насъ лондонскимъ меморандумомъ. Кромѣ того промахнулись еще при заключеніи перемирія 19 (31) января, не опредѣливъ время передачи намъ крѣпостей Варны и Шумлы. А незанятіе Галиполи и Константинополя, а отмѣна отправленія готовыхъ совсѣмъ войскъ въ Македонію! Да что и говорить, ошибокъ и самыхъ фатальныхъ множество, одна сидитъ на другой.

Среда, 14 (26) іюня. Въ 11 ч. утра было совѣщаніе у Шувалова. Онъ передалъ намъ, что на 5-мъ и 6-мъ засѣданіяхъ Конгресса происходило слѣдующее:

1) Ваддингтонъ заявилъ, что изготовляемый имъ текстъ соглашенія о правахъ султана охранять границы Румеліи и имѣть въ ней войска—еще не выработанъ.

2) Что предложеніе наше о необходимости общаго согласія великихъ державъ на выборъ болгарскаго князя—принято; хотѣли было остановиться на большинствѣ голосовъ.

3) Наша оккупація 9 мѣсяцевъ и 3 мѣсяца на очищеніе; срокъ этотъ считается со времени утвержденія рѣшеній Конгресса.

Бисмаркъ сказалъ ему: „я и слышать не хочу о болгарахъ; чего вы отъ нихъ ожидаете? Не только бы шесть мѣсяцевъ, но если бы и шесть лѣтъ сидѣли ихъ нотабли, не выдумать имъ ничего путнаго. Важно, чтобы турки не перерѣзали имъ горла, а больше не мое дѣло. Если мнѣ станутъ говорить о болгарахъ, я предпочитаю уѣхать въ Киссингенъ“.

Библиотека "Руниверс"

— Говорилъ я, продолжалъ Шуваловъ, обращаясь ко мнѣ, и о вашихъ съ Черкаскимъ дѣйствіяхъ въ Болгаріи. Андраши очень васъ одобрилъ; говоритъ, что система ваша очень проста и практична, да тутъ же прибавляетъ: „а потому срокъ оккупаціи можетъ быть сокращенъ". Каковы выводы! Я лучше переношу грубости Биконсфильда, чѣмъ вѣжливости Андраши.

4) Этотъ Андраши еще на пятомъ засѣданіи (12 (24) іюня) предложилъ во всѣхъ статьяхъ Санъ-Стефанскаго договора слова: „русскіе комиссары", „русско-турецкая комиссія" замѣнить словами „европейскіе комиссары" и „европейская комиссія". На шестомъ засѣданіи (13 (25) іюня) англичане не только поддержали это, но Салисбюри внесъ предложеніе о замѣнѣ, безъ замедленія, военнаго нашего управленія по вопросамъ административнымъ и финансовымъ—европейскою комиссіею въ Болгаріи и правительствомъ султана въ Румеліи [1]). Конгрессъ, по предложенію итальянскаго уполномоченнаго Корти, поручилъ ему посредничество между Россіей и Англіей съ Австріей. По этому поводу, сегодня въ 12 ч., въ англійскомъ посольствѣ должно состояться, передъ засѣданіемъ Конгресса, совѣщаніе Австріи, Англіи, Италіи и Россіи.

По замѣчанію Шувалова, Салисбюри въ Лондонѣ объяснялъ, что Англіи нѣтъ дѣла до Сѣверной Болгаріи, а потому возбужденный на Конгрессѣ вопросъ слѣдуетъ цѣликомъ отнести къ происканъ Австріи.

Шуваловъ рѣшился не уступать и сказалъ: „мы были готовы на соглашеніе по Южной Болгаріи, гдѣ—ошибочно или правильно—вы видѣли свои интересы, но не допустимъ Европу испортить намъ дѣла въ Сѣверной Болгаріи. Не хотимъ никакой европейской комиссіи, но если нашъ комиссаръ, по Санъ-Стефанскому договору, долженъ былъ вести дѣло въ присутствіи турецкаго комиссара, то ничто не мѣшаетъ Европѣ наблюдать чрезъ своихъ консуловъ [2]).

---

[1]) Когда принесли протоколъ 6-го засѣданія, я прочелъ въ немъ, что Салисбюри не устыдился заявить Конгрессу, что англійскій посланникъ въ Константинополѣ телеграфируетъ ему самыя тревожныя свѣдѣнія „о поведеніи военнаго губернатора въ Болгаріи, принимающаго мѣры, могущія повліять на политическое и финансовое будущее края". Это ни на что не похоже.

[2]) По этому поводу, въ Берлинскій трактатъ вошла слѣдующая статья VI. „Временное управленіе Болгаріи, до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи, будетъ находиться подъ руководствомъ Россійскаго Императорскаго Комиссара. Для содѣйствія ему, съ цѣлью наблюденія за ходомъ временнаго управленія, будутъ призваны Императорскій Оттоманскій Комиссаръ и Консулъ, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія

Библиотека "Руниверс"

Въ ½ 12-го у Горчакова. Онъ сидѣлъ въ креслѣ въ халатѣ и ермолкѣ. Очень измѣнился, какой-то налитой, но собирается на сегодняшнее засѣданіе. Знаешь, что онъ такой безобразный старикъ, а все-таки, глядя на него, нельзя не признать его—по виду—почтеннымъ и пріятнымъ старикомъ.

1) Шуваловъ объяснилъ, что разсказано выше.

2) По соглашенію съ Горчаковымъ и выслушавъ Жомини и меня, рѣшили твердо остановиться на консулахъ, которые и безъ того были прежде и будутъ впредь, слѣдовательно, пусть они наблюдаютъ и пишутъ своимъ посламъ въ Константинополѣ, а тѣ представляютъ изъ себя какъ бы аппелляціонную инстанцію въ качествѣ конференціи.

3) Болгарія не отдѣляется отъ Турціи, слѣдовательно, по международному праву, нельзя на нее возложить часть долга. (Совѣщаніе съ нѣкоимъ юристомъ Брунсвикомъ (?), который утверждаетъ то же самое).

4) Дань будетъ опредѣлена черезъ годъ, когда приведутся въ извѣстность средства страны. Часть дани можетъ и должна пойти на уплату долга Турціи по европейскимъ займамъ.

Убри не было; у него особое совѣщаніе съ Гаймерле, Нелидовымъ и Швёгелемъ, о выкупѣ желѣзной дороги въ Южной Болгаріи.

А. И. Нелидовъ сегодня вечеромъ ѣдетъ въ Петербургъ, доложить о всемъ Государю.

NB. Въ день послѣдняго засѣданія Конгресса, (13 (25) іюня) не во время преній, Андраши просилъ Салисбюри сдѣлать письменное заявленіе о занятіи Австріей Босніи и Герцеговины. Тотъ отказался. Бисмаркъ соглашался взять это на себя, но съ тѣмъ, чтобы заявленіе было подписано и Андраши. На это Андраши не согласился, такъ какъ занятіе Босніи и Герцеговины — *должно быть навязано Австріи.* Вотъ какъ обдѣлываются дѣла! Кажется, Шуваловъ заявитъ объ этомъ отъ себя, такъ какъ на счетъ дозволенія Австріи занять Боснію и Герцеговину есть между нами и ею соглашеніе. Ну, соглашеніе соглашеніемъ, зачѣмъ же самимъ подставлять голову.

между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ Императорскимъ Россійскимъ Комиссаромъ или съ Императорскимъ Оттоманскимъ Комиссаромъ, представители въ Константинополѣ державъ, подписавшихъ трактатъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе".

Библиотека "Руниверс"

Четвергъ 15 (27) іюня. Утромъ видѣлъ Шувалова на самое короткое время. У него былъ Салисбюри; говорили о Черногоріи. Потомъ оба вмѣстѣ пошли въ англійское посольство. Салисбюри очень типичная личность, бѣгаетъ по городу, заломивъ шляпу назадъ и въ разстегнутомъ длинноломъ сюртукѣ.

Пятница 16 (28) іюня. Утромъ, въ 11 ч. передъ восьмымъ заданіемъ Конгресса, мы собрались у Шувалова.

На 7-мъ засѣданіи (14 (26) іюня) конченъ былъ вопросъ о Болгаріи, при чемъ князь Горчаковъ сказалъ блестящую, но безсодержательную рѣчь, въ которой однако довольно ехидно выразилъ, что двое его коллегъ сдѣлали въ послѣднихъ засѣданіяхъ, на которыхъ онъ не былъ, большія уступки, показывающія, до какой степени Россія, дѣлая подобныя жертвы, желаетъ мира [1]).

Образована особая редакціонная комиссія, изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ державъ, для установленія окончательнаго текста мирнаго трактата.

Рѣшено приступить къ вопросамъ о Босніи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи.

Турція представила предложеніе о границахъ Сербіи; оно сегодня было уже напечатано и разослано (№ 6).

Выйдя къ намъ, Шуваловъ прочиталъ полученную вчера отъ Государя телеграмму отъ 15 (27) іюня. Изъ депеши видно, что Государь остается вѣрнымъ конвенціи съ Австріей о предоставленіи ей занятія Босніи и Герцеговины, но *„желаетъ и требуетъ“*, чтобы Австрія дала свой голосъ за возвращеніе намъ Бессарабіи [2]).

„Австрія напугала Англію, представивъ ей, что со временемъ Сербія, Черногорія и Болгарія образуютъ на Балканскомъ полуостровѣ большое славянское государство. Австрія во всемъ поддерживала Англію противу насъ, теперь эта хочетъ отплатить подругѣ. Я (гр. Шуваловъ) смѣялся подобной выдумкѣ. Весьма вѣроятно, что Черногорія возьметъ Сербію или обратно, но болгарскій элементъ совершенно противный, и потому я хочу, чтобы для защиты Болгаріи отнюдь не давать Сербіи Пирота.

„Сегодня, кажется, Салисбюри предложитъ, чтобы Австрія заняла войсками Боснію и Герцеговину въ виду улаженія вопроса о

---

[1]) Изъ всѣхъ 20-ти засѣданій Конгресса, князь Горчаковъ не былъ только на 4, 5 и 6-мъ, а именно 10/22, 12/24 и 13/25 іюня. Остерманомъ онъ не прикидывался и былъ дѣйствительно боленъ.

[2]) Если Россія хотѣла остаться вѣрною конвенціи съ Австріей, зачѣмъ же было забыть объ этомъ при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора? Были ли и какія даны по этому поводу инструкціи Н. П. Игнатьеву?

Библиотека "Руниверс"

водвореніи бѣглецовъ и поддержанія спокойствія въ этомъ краѣ. Андраши, вѣроятно, скажетъ, что, принимая это на себя, Австрія считаетъ необходимымъ обезпечить себѣ гражданскую администрацію въ этихъ мѣстахъ. Я противъ не скажу ничего.

„Объ Enclave говорить не будутъ до рѣшенія вопроса о Босніи и Герцеговинѣ“.

На вопросъ Боголюбова: „кому должны и могутъ Божо Петровичъ и Радоничъ передать Черногорскій меморандумъ?“—Шуваловъ отвѣчалъ: „скажите, что въ моихъ рукахъ дѣло ихъ будетъ лучше, но если сегодня вопросъ ихъ не разрѣшится благопріятно, то тогда могутъ подавать кому хотятъ“.

„Австрія требуетъ проведенія желѣзной дороги отъ Митровицы по южному направленію, а не на Новый Базаръ. За симъ говорятъ, что окрестности желѣзной дороги должны принадлежать Турціи, дабы дорога не была подъ выстрѣлами сербовъ и черногорцевъ. Турецкое предложеніе, которое мы сегодня читали (№ 6), сходно съ австрійскимъ“.

Греки будутъ допущены на Конгрессъ по греческимъ дѣламъ, и на сегодняшнемъ засѣданіи Бисмаркъ заявитъ о назначеніи греческимъ правительствомъ своихъ уполномоченныхъ. Французы предлагали Шувалову, чтобы онъ далъ имъ письменное заявленіе о томъ, чего мы хотимъ для Греціи. Онъ обѣщалъ справиться.

Обращаясь къ намъ, Шуваловъ спрашиваетъ:

— „Не знаете ли вы чего-нибудь по этому вопросу?“

Мы всѣ отвѣчаемъ, что ничего не знаемъ.

— „Я тоже; министерство иностранныхъ дѣлъ тоже. Горчаковъ можетъ быть что-нибудь и зналъ, да перезабылъ“.

Бывшій на совѣщаніи Сорокинъ (архиваріусъ русскаго отдѣленія Конгресса) сказалъ, что, сколько ему помнится, въ Петербургѣ, на совѣщаніи 20-го апрѣля, рѣшено было сопротивляться насчетъ присоединенія Enclave къ Босніи и Герцеговинѣ въ томъ случаѣ, если Грецію получитъ Ѳессалію и Эпиръ. Вотъ и все. Итакъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ не приготовило ничего на счетъ Греціи.

— „Придется, сказалъ Шуваловъ, предоставить Франціи сдѣлать заявленіе и принять его ad referendum“.

Печальное положеніе! Какое у насъ ко всему равнодушіе.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г. [1]).

13 ноября. Вторникъ. Графъ Васильевъ обѣщалъ собрать свѣдѣнія и сообщить, можетъ ли банкъ помочь намъ. Отъ него я пошелъ къ графу Кочубею, чтобы переговорить объ отправленіи сестеръ милосердія. Онъ посовѣтовалъ нанять извощиковъ для ихъ перевозки, такъ какъ вслѣдствіе частой отправки курьеровъ и офицеровъ по тракту, по которому имъ предстоитъ ѣхать, почтовыя лошади до того измучены, что одинъ изъ послѣднеприбывшихъ курьеровъ долженъ быть пройти нѣсколько станцій пѣшкомъ.

Въ числѣ бумагъ, представленныхъ сегодня Императрицѣ, была вѣдомость о воспитывающихся на средства ея дѣтяхъ въ разныхъ заведеніяхъ и о суммахъ, которыя на это расходуются. Цифра была та же, какъ приведена мною 1-го ноября, т. е. 246, воспитаніе которыхъ стоитъ 60.735 руб. Когда я показалъ ей эту бумагу, Императрица сказала мнѣ: *А Я все-таки держу пари, что есть лица, которыя найдутъ, что не дѣлаю достаточно добра* [2]).—Пусть онѣ сдѣлаютъ десятую долю этого, возразилъ—я, тогда онѣ увидятъ. Императрица мнѣ назвала дамъ, которымъ предназначены ордена Св. Екатерины по случаю предстоящихъ крестинъ. Это были: суп-

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

[2]) Et je paris pourtant qu'il y a des personnes qui trouvent que je ne fais pas encore assez de bien.

Библиотека "Руниверс"

руга фельдмаршала Ельмитъ, графиня Завадовская, г-жи Гурьева, Ламбздорфъ, княгиня Шаховская, графиня Ожаровская, которой былъ почти обѣщанъ орденъ еще въ 1797 году, и г-жа Тутолмина, супруга московскаго военнаго губернатора. Еще она хотѣла сказать Государю относительно Степана Сергѣевича Ланскаго и Лунина, вѣроятно, чтобы назначили ихъ сыновей камеръ-юнкерами, послѣдній желалъ этого, а также хотѣла сказать о князѣ Лобановѣ о принятіи его вновь на службу, то же и о Тутолминѣ (Иванѣ Ѳедоровичѣ). Наконецъ она мнѣ говорила о Загряжскомъ, который проситъ какъ особую милость о назначеніи камеръ-юнкеромъ Гончарова, который женится на его племянницѣ. Эта просьба ей казалась крайне неумѣстной, такъ какъ молодой человѣкъ не имѣлъ другихъ заслугъ кромѣ женитьбы на племянницѣ Загряжскаго и тѣмъ болѣе нескромной просьбой, что пять племянницъ Загряжскаго были взяты послѣдовательно ко двору. Единственно, что она обѣщала ему, это—передать письмо, написанное имъ, Государю.

Императрица сказала мнѣ, что Великая Княгиня Марія Павловна по послѣднимъ извѣстіямъ была намѣрена ѣхать въ Шлезвигъ или Альтону; что есть извѣстіе о подписаніи мира, хотя послѣднее еще не достовѣрно, но одно вѣрно, что Домбровскій устраиваетъ возстаніе въ польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Пруссіи, и идетъ рѣчь о протекторатѣ Бонапарта. Виро Кюльвейнъ сообщилъ мнѣ, что Беннигсенъ, перейдя Вислу и двигаясь навстрѣчу французамъ, едва не былъ окруженъ ими, но узнавъ, что двойныя, противъ его, силы двигаются по различнымъ направленіямъ, принялъ благое намѣреніе перейдти обратно Вислу и теперь находятся:—французы въ Варшавѣ, а наши напротивъ ихъ;—что Галь былъ опустошенъ за то, что нѣсколько студентовъ, хорошихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ ружьями, стрѣляли по Бонапарту, и изъ шести, семи пуль ни одна не задѣла его, но убили генерала, ѣхавшаго рядомъ съ нимъ. Между тѣмъ фельдмаршалъ Каменскій еще здѣсь и ѣдетъ только завтра, какъ говорятъ, черезъ Москву. Кюльвейнъ также сообщилъ мнѣ, что вчера согласились на условія, поставленныя Каменскимъ, при которыхъ онъ принимаетъ командованіе, а именно: 1) Чтобы солдаты были одѣты по-старому, безъ косъ и пудры. 2) Чтобы ему дано право производить и разжаловывать до чина полковника. 3) Чтобы онъ могъ распоряжаться тѣми генералами, которыми онъ захочетъ, и не обязанъ принимать всѣхъ тѣхъ, которые будутъ присланы изъ Петербурга. 4) Что онъ не обязанъ спрашивать, ни получить диспозиціи и плановъ кампаніи изъ Петербурга, на что ему предоставляется право дѣйствовать по его усмотрѣнію.

Если дѣйствительно онъ поставилъ такія условія (о чемъ я

Библиотека "Руниверс"

слышалъ и отъ другихъ), то я его еще болѣе уважаю и вижу въ немъ человѣка, который имѣетъ желаніе быть полезнымъ и, нахожу, что хорошо сдѣлали, если приняли эти условія. Я обѣдалъ у Императрицы и генералъ Кнорингъ, который ѣдетъ въ армію то же. Послѣ обѣда я прочиталъ нѣсколько газетъ и былъ отпущенъ въ 7 часовъ.

15. Четвергъ. Императрица сообщила мнѣ, что ордена Св. Екатерины пожалованы согласно ея представленія, что сынъ Сергѣя Степановича будетъ назначенъ камеръ-юнкеромъ, но Лунинъ нѣтъ, такъ какъ всѣхъ назначено уже шесть, но что Государь далъ слово назначить его при первомъ случаѣ: въ Новомъ Году или ко дню Св. Пасхи и приказала мнѣ сообщить объ этомъ письмомъ Лунину.

16. Пятница. Я пошелъ на службу вмѣсто Полетики (у котораго въ домѣ корь) и потомъ былъ въ банкѣ для полученія капитала Великаго Князя Николая, для помѣщенія въ ломбардъ, но еще облигаціи, посланныя къ графу Васильеву, не были получены въ Банкѣ.

Только сегодня фельдмаршалъ Каменскій уѣхалъ къ арміи.

17. Суббота. Вечеромъ Императрица подписала 7 рескриптовъ о пожалованіи орденовъ Св. Екатерины особамъ, поименованнымъ выше. Обѣдали въ кабинетѣ въ самомъ маленькомъ обществѣ и такъ какъ вчера Императрица предоставила мнѣ на выборъ остаться обѣдать или нѣтъ, то, напротивъ, сказала мнѣ, что на сегодняшній день она мнѣ этого выбора не предоставляетъ. Вечеромъ послѣ 9 часовъ она поручила мнѣ чтеніе нѣмецкихъ газетъ, полученныхъ ею отъ Николая Романцова, послѣдніе №№ отъ 15 ноября, изъ нихъ было видно, что владѣнія Пруссіи въ Германіи были раздѣлены на 4 департамента, что Ганноверъ присоединенъ къ королевству Нидерландскому, равно какъ и Ольденбургъ, что наша Великая Княгиня находится въ Шлезвигѣ, а наслѣдный принцъ вернулся въ Веймаръ; что Магдебургъ сдался черезъ 15 дней, Штетинъ и Кюстринъ тотчасъ же; что Гессенъ принялъ законы Наполеона, тамъ же была помѣщена прокламація къ полякамъ Домбровскаго; подробности отступленія генерала Блюхера къ Любеку и сраженія, продолжавшагося на улицахъ города, и, наконецъ, сдачи Блюхера и Гогенлое. Это чтеніе продолжалось до полуночи.

18. Воскресенье. Сегодня день крестинъ Вел. Княжны Елисаветы Александровны.—Высочайшее семейство собралось у Императрицы Маріи и оттуда состоялся выходъ въ церковь. Новорожденную несла принцесса Амалія. Подушку поддерживали фельдмаршалъ Салтыковъ и графъ Строгановъ (отецъ). Государь ушелъ во время службы въ сосѣднюю комнату. Я былъ въ церкви. Какъ только началось

Библиотека "Руниверс"

молебствіе, былъ произведенъ 301 выстрѣлъ изъ крѣпости. Сегодня же появился манифестъ, возвѣщающій о рожденіи Великой Княжны, и другой, содержащій въ себѣ объявленіе войны французамъ.

Второй отлично написанъ и гораздо лучше, нежели объявленный 30 августа. Я его приписывалъ перу Завадовскаго, узнавъ, что онъ въ настоящее время состоитъ въ тайномъ комитетѣ и почтенъ довѣріемъ, но впослѣдствіи узналъ отъ Императрицы, что манифестъ писанъ Сперанскимъ. Я по случаю объявленія войны сказалъ въ шутку (но дай Богъ, чтобы шутка была пророчествомъ) нѣсколькимъ лицамъ, что пришелъ въ церковь, чтобы слышать, на какомъ языкѣ будетъ говорить новорожденная Вел. К-на, и что она начала съ русскаго, прокричавъ: ура! ура! Это должно быть хорошее предзнаменованіе.

Кромѣ крестовъ Св. Екатерины, данныхъ сегодня, были еще слѣдующія милости.

Старая супруга фельдмаршала Кутузова Авдотья Ильинишна, генеральша Гудовичъ, супруга командующаго въ Грузіи и княгиня Голицына Наталья Петровна получили портреты. Вчера еще Императрица говорила мнѣ, что она противилась пожалованію послѣдней, такъ какъ она была вдова бригадира, но Государь отвѣтилъ, что теперь уже поздно, такъ какъ онъ пообѣщалъ. Я полагалъ, что пожалованіе произошло вслѣдствіе просьбы Императрицы Елисаветы, и потомъ узналъ, что я былъ правъ.

Въ этомъ случаѣ справедливо было исполнить ея просьбу, такъ какъ Императрица Елисавета нечасто испрашивала милости у своего Августѣйшаго супруга.

Князь Волконскій Григорій Семеновичъ получилъ голубую ленту, графъ Кочубей и генералъ Вязмитиновъ (военный министръ)—ордена Св. Владимира 1-й степени. Генералъ Тутолминъ, московскій военный губернаторъ—брилліантовую табакерку съ портретомъ Его Величества; графъ Толстой оберъ-гофмаршалъ 50.000 руб. Говорятъ, что ему предлагали тоже голубую ленту, но онъ замѣтилъ, что это ему доставитъ много завистниковъ, и предпочелъ деньги, въ которыхъ нуждался.

Г-нъ Гурьевъ получилъ брилліантовые знаки Св. Александра, Мухановъ и Ланской (Степанъ) Св. Анны съ брилліантами, Дмитрій Сергѣевичъ Ланской—Св. Анны 1-й степени. Назначено 6 камеръ-юнкеровъ, въ числѣ ихъ сынъ Степана Сергѣевича. Всѣ, которые слышали, что княгиня Голицына попала въ число дамъ съ портретами (Dames à portrait), улыбались и высказывали свои мнѣнія на это пожалованіе, не забывая того обстоятельства, что она вдова бригадира.

Библиотека "Руниверс"

Былъ обѣдъ для первыхъ 2-хъ классовъ.

19. Понедѣльникъ. Такъ какъ Императрица вчера не занималась бумагами, у меня ихъ было за два дня, и еще прибывавшія съ почтой изъ Москвы. Она взяла бумаги и отпустила меня въ банкъ для полученія денегъ Вел. Кн. Николая. Я получилъ 103.155 р. и отнесъ ихъ въ депозитъ Воспитательнаго Дома. Вернулся во дворецъ въ 2 часа, а когда возвратилась Императрица, то было 3 часа. Я остался обѣдать. Послѣ обѣда занимались бумагами, что продолжалось до 9-ти часовъ. Изъ дворца я пошелъ пѣшкомъ, чтобы посмотрѣть иллюминацію; она была блистательная.

20. Вторникъ. Прибывъ во дворецъ, я узналъ, что Императрица вслѣдствіе нездоровья ночью не выходила изъ спальни до часу дня. Я отправился домой и нашелъ связку шведскихъ газетъ, въ которыхъ были сообщены подробности о дѣлахъ, въ которыхъ участвовали шведскія войска въ Помераніи, о сдачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, объ отступленіи другихъ на Лауенбургъ и Любекъ, гдѣ посажены на суда. Тамъ же говорили, что Стральзундъ приведенъ въ оборонительное положеніе и объявлено осадное. Я перевелъ эти статьи, что заняло меня до полуночи.

22. Четвергъ. Императрицѣ было лучше, но еще не совсѣмъ оправилась. Работа началась поздно, а ея было много. Императрица спросила меня, не слыхалъ ли я, что предполагается *поголовное ополченіе*, что она слышала, какъ будто объ этомъ былъ поднятъ вопросъ, но не знаетъ положительно и спросила мое мнѣніе по этому поводу.

Я сказалъ, что не считаю эту мѣру хорошей, что къ этому не прибѣгали даже въ самыя критическія минуты, тогда, когда непріятель проникалъ, такъ сказать, въ сердце государства, что новизна этого дѣла должна убѣдить, что оно повлечетъ къ безпорядкамъ, степень которыхъ трудно предвидѣть, такъ какъ требуетъ особой, новой организаціи. Въ Пруссіи дѣло другое, гдѣ каждый полкъ имѣетъ свой раіонъ комплектованія, тамъ можно брать столько, сколько нужно, ничего не нарушая; въ Швеціи то же самое, тамъ каждый полкъ имѣетъ свой округъ и можно брать $^1/_3$, $^1/_2$ и даже все, не измѣняя общей организаціи. У насъ же не то, одна мысль объ этомъ можетъ напугать все населеніе и вызоветъ большія затрудненія (чтобъ не сказать несчастія).

Она, кажется, согласилась съ моимъ мнѣніемъ, но судя по манерѣ, какъ она вела этотъ разговоръ, мнѣ пришла мысль, что вопросъ о поголовномъ ополченіи исходитъ отъ нея лично, и что она имѣла намѣреніе предложить его. Но однако съ тѣхъ поръ я не слыхалъ ничего такого, что бы могло меня утвердить или разубѣдить въ

Библиотека "Руниверс"

томъ. Говорятъ, что сегодня осужденъ или, лучше сказать, конфирмованъ приговоръ надъ чиновникомъ канцеляріи генерала-адъютанта графа Ливена Степановымъ за сообщеніе важныхъ бумагъ еврею—французскому шпіону.—Онъ приговоренъ къ преломленію шпаги надъ головой и лишенію всѣхъ правъ.—Енгельсонъ разсказалъ мнѣ это дѣло такъ: еврей получилъ подрядъ на поставку въ нашу армію въ Польшѣ и просилъ свѣдѣнія о полкахъ. Такъ какъ онъ торопился, а канцелярія Ливена не удовлетворила его требованію (не знаю почему и какъ), онъ обратился къ Степанову и, какъ говоритъ, хорошему человѣку и по недостатку времени для составленія выписки, еврей пригласилъ его къ обѣду. Тотъ пришелъ и принесъ рапортъ Беннигсена, въ которомъ значилось все расположеніе его корпуса и названіе полковъ, входившихъ въ составъ его. Еврей переписалъ, что ему было нужно, потомъ это открылось, не знаю какъ, еврей уже уѣхалъ, но говорятъ, арестованъ въ дорогѣ, а Степановъ осужденъ.

23. Пятница. Императрица была въ 10 часовъ уже въ кабинетѣ и несмотря на то, что чувствовала себя еще нехорошо, приняла меня и дала перевести для Государя выписку изъ Альтонской газеты.—Это воззваніе Бонапарта солдатамъ.—Вотъ оно.

Императорская квартира. Потсдамъ

26 октября 1806 г.

„Солдаты! Русскіе хвастаютъ, что хотятъ идти къ намъ. Мы пойдемъ имъ навстрѣчу и избавимъ ихъ отъ половины пути; они найдутъ въ Пруссіи свой Аустерлицъ.

Нація, которая такъ скоро забыла великодушіе, съ которымъ мы отнеслись къ ней послѣ сраженія, въ которомъ Императоръ, его дворъ и остатки его арміи спаслись благодаря капитуляціи, дарованной нами, эта нація не способна драться съ успѣхомъ противъ насъ.

Въ то время какъ мы двигаемся навстрѣчу Русскимъ, новыя арміи, сформированныя внутри Имперіи, заступятъ наше мѣсто, чтобы охранить наши побѣды. Весь мой народъ было возсталъ, возмущенный постыдной капитуляціей, предложенной намъ въ своей продерзости прусскими министрами“.

Это воззваніе было дополнено слѣдущимъ по словамъ Бранденбургской газеты:

„Изъ уваженія къ собственности Фридриха Великаго, жители Потсдама освобождаются отъ всякой контрибуціи“.

Послѣ обѣда прислали за мной, чтобы написать обязательство въ 10.000, которые заняла Императрица для передачи Вел. Кн. Екатеринѣ Павловнѣ, какъ подарокъ къ завтрашнему дню.

Библиотека "Руниверс"

Я узналъ новость, которую привезъ курьеръ, что корпусъ Буксгевдена перешелъ Вислу. Только что пріѣхалъ новый курьеръ. Графъ Толстой сказалъ, что Хотинъ взятъ нашими войсками, а черезъ минуту послѣ этого Крыловъ принесъ Толстому отъ Государя рапортъ генерала Эссена, который, принося поздравленіе съ высокой новорожденной, прибавляетъ, что молебенъ по этому случаю былъ отслуженъ въ Хотинѣ, который занятъ безъ кровопролитія.

Императрица сказала: Бонапартъ пророчествуетъ, что въ день новаго года онъ будетъ обѣдать въ Петербургѣ.

24. Суббота. По случаю нездоровья Императрицы при дворѣ общаго съѣзда не было. Я видѣлъ Ея Величество только около 2-хъ часовъ по полудни.

25. Воскресенье. Сегодня Императрицѣ было лучше, но все еще не совсѣмъ поправилась. Настоящія обстоятельства и безпокойства, повидимому, способствовали столько же болѣзни, сколько и физическія страданія. Она занялась дѣлами не прежде 2-хъ часовъ. Покончивъ, приказала мнѣ пріѣхать послѣ обѣда, чтобы заняться ея духовнымъ завѣщаніемъ, къ чему приглашали настоящія обстоятельства, хотя она вовсе не имѣла желанія умирать. Я пришелъ въ 6 часовъ, въ 7 она занялась завѣщаніемъ, и мы окончили занятія позже 8-ми. Я взялъ съ собой замѣтки относительно распредѣленія мелкихъ вещей и брилліантовъ, записанныя ранѣе еще мною карандашемъ подъ ея диктовку, чтобы привести все въ порядокъ. Она мнѣ сказала утромъ еще, что мысль о поголовномъ ополченіи, кажется, оставлена, такъ какъ почувствовали неудобство ея. На это я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и выразилъ опасенія, что подобная мѣра, не обусловленная ранѣе прочно установленной организаціей, можетъ вызвать громадные безпорядки.

Наконецъ почта привезла газеты. Императрица сказала мнѣ, что тѣ, которыя задержаны, заключаютъ въ себѣ ужасныя вещи, она прочла нѣкоторыя статьи, какъ напр. письмо Бонапарта прусскому королю, въ которомъ онъ говоритъ рѣзко правду обо всемъ, что уже случилось, т. е. что онъ будетъ разбитъ, что теперь (это было до разрыва) еще онъ можетъ съ нимъ (съ Бонапартомъ) вести переговоры, какъ равный и даже съ выгодой, но что послѣ будетъ иначе; вообще онъ обращается къ нему свысока. Сегодня говорили, что курфирстъ Саксонскій умеръ—и умеръ отравленнымъ.

26. Понедѣльникъ. Георгіевскій праздникъ. Кавалерамъ ордена посланы приглашенія вчера нѣсколько поздно, и потому съѣздъ ко двору былъ немногочисленный.

Великій Князь Константинъ шелъ въ процессіи, какъ простой кавалеръ сообразно старшинству. Императрица приказала мнѣ про-

Библиотека "Руниверс"

честь сегодня проектъ новой организаціи для рекрутскаго набора, представленный г-ломъ Тутолминымъ Государю и сообщенный имъ же князю Куракину и Императрицѣ. Проектъ мнѣ показался разумнымъ и хорошимъ. Онъ предвидитъ организацію милиціи, очень схожей съ принятой въ Швеціи,—а именно всѣ крестьяне дѣлятся на маленькіе кантоны изъ 100 ч., которые должны каждый содержать одного человѣка; въ мирное время человѣкъ или солдатъ остается въ деревнѣ у себя и занимается своей работой за исключеніемъ извѣстнаго времени, назначеннаго для ученья, такимъ образомъ получая содержаніе, онъ быть можетъ потребованъ въ случаѣ войны на укомплектованіе арміи, а кантонъ ста долженъ содержать другого на его мѣстѣ. Нѣсколько кантоновъ составитъ когорту, а нѣсколько когортъ—легіонъ и т. д. Онъ ратуетъ противъ настоящаго рекрутскаго набора, который является всегда неожиданно и приводитъ въ отчаяніе сельское населеніе, между тѣмъ какъ его система доставитъ постоянно и вѣрно рекрутовъ, уже нѣсколько болѣе развитыхъ для арміи и подготовленныхъ заранѣе своими кантонами, и не будетъ ложиться тягостно, такъ какъ всѣ будутъ готовы къ этому. Въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ брать этихъ рекрутъ, онъ желаетъ, чтобы это дѣлалось не по произволу, а по извѣстной очереди или по жребію. Вообще проектъ мнѣ нравится. Императрицѣ значительно лучше, но ее все еще безпокоятъ приступы кашля.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года[1])?

Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами).

Такъ неудачно окончилась попытка перехода въ наступленіе для выручки П.-Артура; какъ уже говорилось выше, исходъ боя 2 іюня не мало способствовалъ тому, чтобы опорочить вмѣстѣ съ нимъ идею всей операціи. Но на войнѣ важно не то, *что* дѣлается, а *какъ* оно дѣлается; о томъ, какъ „дѣлалась“ вафангоуская операція, начальникъ штаба Намѣстника г.-л. Жилинскій телеграфировалъ 4 іюня Военному Министру въ слѣдующихъ выраженіяхъ:.. „Несмотря на энергичныя настоянія Намѣстника, чтобы для дѣйствій на южномъ фронтѣ назначены были силы, дающія намъ перевѣсъ или равенство съ непріятелемъ, именно, не менѣе 48 б-новъ, ген. Куропаткинъ не выполнилъ этихъ требованій и на каждое изъ нихъ отвѣчалъ длинными письмами и отповѣдями... Ген. Куропаткинъ принялъ планъ идти къ Артуру, выставивъ достаточной силы заслонъ противъ Куроки... Но если этотъ, по моему мнѣнію, рискованный планъ, былъ принятъ, то надлежало уже выполнить его быстро и рѣшительно. Вмѣсто этого.... выдвиженіе частей впередъ шло такъ вяло и неохотно, что къ тому времени, когда японцы начали наступленіе четырьмя дивизіями, мы встрѣтили ихъ 26 баталіонами“ (т. II ч. 2 стр. 121, 122).

Изложеніе хода боевыхъ дѣйствій 1 и 2 іюня, на которыхъ я нарочно подробнѣе остановился, показываетъ, что если бы мы съумѣли

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

только *во время* сосредоточить къ полю сраженія тѣ силы, которыя съ самаго начала предназначались въ составъ отряда ген. Штакельберга, то еще неизвѣстно, на чьей сторонѣ была бы побѣда, несмотря на крупныя тактическія ошибки, допущенныя нами въ вафангоускомъ бою.

Теперь приступаю къ болѣе подробной оцѣнкѣ всей операціи въ стратегическомъ отношеніи. Для этого постараюсь отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Преслѣдовала ли задуманная операція дѣйствительно важную и реальную цѣль.

2) Было ли выбрано для нея удобное время.

3) Имѣлись ли налицо необходимыя средства, чтобы достигнуть поставленной цѣли.

Первый вопросъ—о поставленной цѣли, въ свою очередь, разбивается на два: а) заслуживалъ ли П.-Артуръ по своему значенію на театрѣ войны, чтобы ради него не вполнѣ готовая еще М. армія перешла въ наступленіе, рискуя до извѣстной степени этимъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ всей войны, б) была ли ему дѣйствительно необходима та помощь, которую полагали ему оказать высылкой отряда изъ состава М. арміи.

Несомнѣнно П.-Артуръ стоилъ того, чтобы изъ-за него рискнуть. Въ военномъ отношеніи онъ являлся убѣжищемъ нашего флота, который, пока П.-Артуръ держался, сохранялъ возможность угрожать морскимъ коммуникаціоннымъ линіямъ противника, а впослѣдствіи, по прибытіи на Д. Востокъ Балтійской эскадры, могъ расчитывать, совмѣстно съ нею, даже оспаривать у японскаго флота господство въ морѣ. Сочиненіе Англ. ген. штаба о войнѣ 1904—1905 г.г. признаетъ П.-Артуръ „пунктомъ наивысшаго стратегическаго значенія“ (вып. II стр. 2).

Въ политическомъ отношеніи значеніе П.-Артура было не менѣе велико. Изъ-за него въ сущности велась японцами вся война, т. к. отторженіе его въ 1895 г. отъ Японіи коалиціей державъ съ Россіей во главѣ и было источникомъ той смертельной ненависти, которую съ тѣхъ поръ питалъ къ намъ японскій народъ. Взятіе П.-Артура было бы такимъ удовлетвореніемъ его національнаго самолюбія, что международный престижъ страны Восходящаго Солнца поднялся бы на значительную высоту, а нашъ въ такой же мѣрѣ упалъ. Это могло бы повлечь за собой вмѣшательство въ нашу распрю съ Японіей нашихъ многочисленныхъ иностранныхъ недоброжелателей и принудить насъ къ преждевременному заключенію мира. Возможность такого исхода предусматривалась еще до

Библиотека "Руниверс"

разрыва и учитывалась при составленіи плана войны (т. I стр. 255, 257, 264 и др.).

Едва-ли въ отношеніи оцѣнки значенія Артура могло быть какое-нибудь различіе во взглядахъ Намѣстника—Главнокомандующаго и К-щаго М. арміей, но не такъ обстояло съ вопросомъ о необходимости для П.-Артура помощи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, находясь въ П.-Артурѣ, адмиралъ Алексѣевъ уже сталъ питать нѣкоторыя опасенія, что японцы могутъ высадиться сразу въ большихъ силахъ на Квантунѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ П.-Артуромъ, и произвести отчаянную попытку, не считаясь съ потерями, овладѣть крѣпостью открытой силой или ускоренной атакой. Предположеніе о возможности такого образа дѣйствій противника основывалось на поступившихъ свѣдѣніяхъ о планахъ японской главной квартиры (т. II ч. 1 стр. 104) и казалось правдоподобнымъ: 1) въ виду пріобрѣтеннаго японцами дѣйствительно подавляющаго морского превосходства, благодаря нанесеннымъ нашему флоту 31 марта новымъ потерямъ, между тѣмъ, какъ поврежденія, понесенныя нашими судами въ ночь на 27 января, еще не были исправлены; 2) въ виду малопонятнаго промедленія японцевъ въ исполненіи того плана, который приписывался имъ какъ наиболѣе вѣроятный, а именно: сосредоточить подавляющія силы въ южной Маньчжуріи и бить ими по частямъ наши войска, по мѣрѣ ихъ подхода въ намѣченный раіонъ сосредоточенія.

Исходя изъ такого взгляда, ген.-ад. Алексѣевъ въ первой половинѣ апрѣля предложилъ К-щему М. арміей быть готовымъ оказать П.-Артуру быструю и энергичную поддержку, въ случаѣ, если бы крѣпость подверглась атакѣ противника (т. II ч. 1 стр. 104). Это было еще до боя на Ялу, когда армія Куроки находилась въ 220 верстахъ отъ нашей линіи сообщеній, для достиженія которой ей предстояло совершить переправу черезъ большую рѣку на виду войскъ нашего Восточнаго отряда, и затѣмъ форсировать трудно проходимую горную мѣстность, лежащую между р. Ялу и жел. дорогой. При этомъ условіи опасность, угрожавшая нашей арміи съ востока, представлялась менѣе близкой и грозной сравнительно съ той, которая могла возникнуть для П.-Артура въ случаѣ высадки въ южной части Квантуна 8—10 японскихъ дивизій (т. II ч. 1, стр. 102) съ цѣлью овладѣнія Портъ-Артуромъ во что бы то ни стало. Въ М. арміи въ это время насчитывалось около 75 бат. пѣхоты съ болѣе чѣмъ 200 орудіями; къ нимъ въ короткое время могли присоединиться еще 12 баталіоновъ 1. Сибирской пѣх. дивизіи, которые были задержаны въ Харбинѣ.

Библиотека "Руниверс"

Когда началась высадка II японской арміи въ сѣверной части Квантунской области, опасенія за П.-Артуръ должны были уменьшиться, т. к. для достиженія крѣпости японцамъ приходилось предварительно овладѣть подготовленной Цзиньчжоуской позиціей, и отрядъ, назначенный для ея обороны, уже не рисковалъ быть отрѣзаннымъ отъ П.-Артура, а, напротивъ, влившись въ общій гарнизонъ крѣпости, усиливалъ его до 30 баталіоновъ пѣхоты. Но т. к. къ этому времени армія Куроки успѣла переправиться черезъ Ялу, нанеся серьезное пораженіе Восточному отряду, то опасность для М. арміи съ востока казалась усилившейся и заставила отнестись съ осторожностью къ вопросу о выдѣленіи значительныхъ силъ къ югу для выручки П.-Артура. Въ виду такихъ соображеній, Намѣстникъ 24 апрѣля уже не требовалъ отъ К-щаго арміей оказанія активной поддержки П.-Артуру, а признавалъ достаточнымъ ограничиться высылкой небольшого отряда съ демонстративной цѣлью по направленію къ ст. Пуландянь [1]). Отрядъ этотъ, будучи высланъ подъ начальствомъ ген.-м. Зыкова, въ составѣ 4 б-новъ, 3 эск. и сот. и 4 орудій, въ дѣйствительности до Пуландяня не дошелъ, а остановился у ст. Вафандянъ (т. VIII ч. 1 стр. 160), но возможно, что его присутствіе отсрочило перерывъ сообщеній съ П.-Артуромъ и позволило провезти въ крѣпость нѣсколько поѣздовъ съ запасами. Вышеизложенное объясняетъ, почему въ письмѣ К-щему арміей отъ 28 апрѣля (т. II ч. 1, стр. 276—277) Намѣстникъ не высказываетъ (какъ то подчеркивается въ трудѣ комиссіи) опасеній за судьбу П.-Артура; это тѣмъ болѣе понятно, что въ указанномъ письмѣ онъ исходитъ изъ предположенія, что противъ М. арміи будутъ дѣйствовать двѣ японскія арміи, а противъ П.-Артура только одна.

Намѣренія Командующаго I японской арміей послѣ боя у Тюренчена оставались пока невыясненными и казалось вѣроятнымъ, что японцами уже подготовлено все необходимое для безостановочнаго, послѣ переправы, наступленія, которое едва-ли могло бы встрѣтить серьезное сопротивленіе со стороны разстроеннаго неудачнымъ боемъ у Ялу Восточнаго отряда [2]).

---

[1]) См. схему № 1.

[2]) Къ сожалѣнію, впечатлѣніе, произведенное на нашъ высшій начальствующій персоналъ въ Маньчжуріи неудачей на Ялу и началомъ высадки японцевъ на Квантунѣ, было гораздо сильнѣе, чѣмъ эти два эпизода по существу заслуживали. Явилось безпокойство за возможность быстраго наступленія японцевъ къ раіону нашего сосредоточенія и опасеніе за разброску нашихъ войскъ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего была, ненужная по обстановкѣ, оттяжка 1. Сиб. корпуса (расположеннаго въ качествѣ Южнаго

Библиотека "Руниверс"

Но время шло, а армія Куроки не двигалась. Свѣдѣнія, полученныя въ первыхъ числахъ мая, сводились къ тому, что I армія сосредоточивается къ Фынхуанчену, оттянувъ въ окрестности этого города свои, выдвинутыя было, передовыя части (Сводки и т. д. стр. 25). Предположеніе о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противника въ Южной Маньчжуріи, казавшееся въ началѣ войны наиболѣе правдоподобнымъ, потеряло значительную долю своего вѣроятія; въ то же время стали опять съ настойчивостью повторяться свѣдѣнія, что главнымъ объектомъ дѣйствій японцы поставили себѣ П.-Артуръ, рѣшивъ овладѣть имъ во что бы ни стало (Сводки стр. 15, 16, 17).

Къ 1 мая въ раіонѣ нашего сосредоточенія въ Южной Маньчжуріи находилось уже $85^3/_4$ бат. 60 эск. и сот., 218 орудій и 17 инженер. ротъ (т. II ч. 1 стр. 199); въ теченіе мая долженъ былъ прибыть 4. Сибирскій корпусъ, доведя силы арміи до 118 баталіоновъ пѣхоты. Тѣмъ временемъ и Восточный отрядъ успѣлъ оправиться отъ понесеннаго пораженія и приготовиться къ отпору на перевалахъ Фынсяолинъ (Фыньшуйлинъ) и Модулинъ, на пути наступленія противника къ Ляояну. Новая остановка послѣ занятія Фынхуанчена указывала или на неготовность I японской арміи къ наступленію, или на выжиданіе ею высадки на материкѣ остальныхъ японскихъ силъ для совмѣстныхъ дѣйствій; при этомъ условіи моментъ представлялся благопріятнымъ для перехода Маньчжурской арміи въ наступленіе, пользуясь ея внутреннимъ положеніемъ относительно двухъ группъ противника—одной, перешедшей р. Ялу и другой, высадившейся у Бицзыво,—съ цѣлью нанесенія одной изъ нихъ отдѣльнаго пораженія. Въ такомъ смыслѣ была составлена въ штабѣ Намѣстника и представлена 6 мая г.-ад. Алексѣеву записка, о которой сказано выше. За проектированнымъ наступленіемъ, помимо достиженія имъ указанной стратегической цѣли, признавалось и значеніе фактора, могущаго освѣтить неопредѣленную для насъ обстановку театра войны, а также благопріятно отразиться на духѣ нашихъ войскъ. Проектъ былъ одобренъ адмираломъ Алексѣевымъ, который вообще былъ сторонникомъ рѣши-

---

авангарда въ раіонѣ Инкоу-Гайчжоу-Сеньюченъ-Ташичао), къ Хайчену и Айсянцзяну, въ ущербъ связи съ П.-Артуромъ и плану его выручки впослѣдствіи. Мало того, былъ отозванъ и вышеупомянутый отрядъ ген. Зыкова и даже его конница, выдвинувшаяся въ направленіи къ Пуландяню, чѣмъ мы добровольно лишили себя чрезвычайно важнаго въ данномъ случаѣ соприкосновенія съ южной группой противника и бросили на произволъ судьбы участокъ жел. дороги Вафангоу-Гайчжоу, который 2—3 недѣли спустя пришлось снова приводить въ порядокъ для перевозки войскъ и въ качествѣ коммуникаціоннаго пути.

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ дѣйствій, въ особенности въ отношеніи японцевъ (т. II ч. 2 стр. 122). Но не признавая въ то время, чтобы положеніе П.-Артура требовало *немедленной* выручки или поддержки, Намѣстникъ расширилъ рамки предполагаемаго наступленія, допуская возможность дѣйствій М. арміи не только противъ южной, но вообще противъ любой изъ двухъ большихъ группъ противника. Въ этомъ смыслѣ было написано К-щему арміей письмо отъ 8 мая, въ которомъ Намѣстникъ, подчеркнувъ важное значеніе для насъ сохраненія П.-Артура, какъ базы и убѣжища флота, заканчивающаго исправленіе нанесенныхъ ему поврежденій, между тѣмъ, какъ непріятельскій флотъ только-что понесъ серьезныя потери (потопленіе двухъ броненосцевъ 2 мая)—*признавалъ минуту вполнѣ благопріятной для перехода М. арміи къ активнымъ дѣйствіямъ.* Послѣднія по мнѣнію г.-ад. Алексѣева могли выразиться въ одномъ изъ слѣдующихъ способовъ: а) сначала разбить восточную группу японцевъ, послѣ чего двинуться на помощь П.-Артуру, б) перейти въ наступленіе прямо противъ южной группы противника, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, противъ группы противника, неявлявшейся непосредственнымъ объектомъ дѣйствій, долженъ былъ быть выставленъ достаточной силы заслонъ. Выборъ изъ указанныхъ двухъ способовъ дѣйствій предоставлялся К-щему арміей. Въ этомъ письмѣ интересно указаніе, что энергичныя дѣйствія ген. Ренненкампфа на правомъ флангѣ I яп. арміи, между прочимъ, произвели удручающее впечатлѣніе въ Японіи. Дошедшее объ этомъ до Намѣстника свѣдѣніе очевидно являлось отголоскомъ тѣхъ упомянутыхъ выше опасеній, которыя существовали въ арміи Куроки за сообщенія съ Кореей, угрожаемыя, по мнѣнію японскаго начальства, Ренненкампфомъ (т. II ч. 1 стр. 286—287). Письмо Намѣстника было передано г.-ад. Куропаткину 10 мая посланнымъ къ нему для личныхъ переговоровъ начальникомъ полевого штаба Намѣстника г.-л. Жилинскимъ.

Взглядъ близкій къ тому, котораго держался Намѣстникъ относительно положенія дѣлъ на театрѣ войны къ началу мая, высказывалъ также и тогдашній Военный Министръ. На телеграммѣ К-щаго М. арміей отъ 29 апрѣля, которой г.-ад. Куропаткинъ сообщалъ о своихъ распоряженіяхъ, покойный г.-ад. Сахаровъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее:... „Вмѣсто того чтобы сосредоточить значит. силы, взять починъ въ свои руки, мы подчиняемся волѣ японцевъ, оставляя имъ свободу приводить безпрепятственно ихъ планы въ исполненіе; они будутъ ожидать подхода подкрѣпленій, а мы будемъ относиться къ этому пассивно, не пользуясь опасностью ихъ выдвинутаго положенія пока съ сравнительно незначительными силами“...

Въ то время, какъ Намѣстникъ, а судя по приведенной вы-

Библиотека "Руниверс"

держкѣ и Военный Министръ, считали переходъ въ наступленіе Маньчжурской арміи вполнѣ своевременнымъ, К—щій этой арміей проявлялъ тенденцію скорѣе противоположнаго свойства. Это выразилось въ многочисленныхъ заявленіяхъ г.-ад. Куропаткина, встрѣчающихся въ его служебной перепискѣ съ адмираломъ Алексѣевымъ, изъ которой вообще явствуетъ, что главною цѣлью К-щій арміей ставилъ себѣ удержаться въ раіонѣ сосредоточенія, а въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ противника—отходить далѣе на сѣверъ (т. II ч. I, стр. 208). Такъ, между прочимъ, въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо отъ 28 апрѣля (стр. 276—277), въ которомъ ген.-ад. Алексѣевъ высказывалъ довольно бодрый взглядъ на общее положеніе, считая, что въ Южной Маньчжуріи мы въ состояніи оказать отпоръ противнику, ген.-ад. Куропаткинъ отвѣтилъ пессимистически настроенной депешей, въ которой указывалось на возможность отступленія даже за Тѣлинъ. То же, въ еще болѣе категорической формѣ, повторено въ депешѣ отъ 30 апрѣля, написанной подъ вліяніемъ преувеличенныхъ донесеній о дѣйствіяхъ хунхузовъ на нашихъ коммуникаціонныхъ линіяхъ [1]). Конечно при такихъ условіяхъ предложеніе Намѣстника о переходѣ М. арміи къ активнымъ дѣйствіямъ не могло встрѣтить сочувствія К-щаго М. арміей. Признавая наступленіе противъ Куроки въ данное время практически неосуществимымъ, генералъ Куропаткинъ считалъ движеніе къ П.-Артуру стратегически опаснымъ до тѣхъ поръ, пока не получится бо́льшая увѣренность, что главныя усилія японцевъ направлены именно на П.-Артуръ. Въ дневникѣ г.-ад. Куропаткина приведенные наступательные планы Намѣстника были охарактеризованы крылатымъ выраженіемъ „авантюристической стра-

[1]) Оспаривая такой взглядъ К-щаго арміей, Намѣстникъ 3 мая (т. II ч. 1, стр. 278) указалъ ген.-ад. Куропаткину, что отступленіе наше вглубь Маньчжуріи, должно, между прочимъ, повести къ отсрочкѣ выручки П.-Артура, который, по мнѣнію Намѣстника, „едва-ли въ состояніи продержаться болѣе 2—3 мѣсяцевъ“. На этомъ основаніи г.-ад. Алексѣевъ находилъ необходимымъ дать японцамъ рѣшительный отпоръ, не отступая изъ района сосредоточенія арміи у Ляояна, и запрашивалъ заключенія К-щаго арміей по этому предмету. Такимъ образомъ въ депешѣ отъ 3 мая былъ поднятъ вопросъ *не объ активной выручкѣ П.-Артура*, какъ утверждаетъ трудъ В.-И. комиссіи (стр. 279), а объ оказаніи японцамъ отпора при настоящемъ положеніи арміи, что ясно видно изъ текста телеграммы („при расположеніи арміи у Ляояна, каждый успѣхъ нашъ надъ японцами на горныхъ перевалахъ и Ляохэйской равнинѣ отразится невыгодно на операціяхъ японцевъ подъ П.-Артуромъ, вызоветъ опасеніе ихъ за свой тылъ и облегчитъ оборону крѣпости“). Слабая же обороноспособность П.-Артура была приведена только какъ доводъ, подкрѣпляющій мнѣніе о невыгодности отступленія вглубь Маньчжуріи.

Библиотека "Руниверс"

тегіи" (стр. 288). Въ отвѣтномъ письмѣ г.-ад. Алексѣеву отъ 14 мая, К-щій арміей заявлялъ, что для принятія опредѣленныхъ рѣшеній у насъ недостаетъ главныхъ данныхъ—*гдѣ будутъ находиться главныя силы японцевъ и какой окончательно планъ они примутъ* (стр. 290) Относительно наступленія къ югу въ этомъ письмѣ высказывалось, что выдѣлить для этой цѣли болѣе 24-хъ баталіоновъ невозможно; если же опредѣлится, что у Дагушана высадились значительныя силы и не получится новыхъ данныхъ, что противъ П.-Артура дѣйствуютъ бо́льшія силы, чѣмъ тѣ, которыя тамъ высадились, то выдѣлять для похода на П.-Артуръ корпусъ указанной силы весьма опасно.

Ко времени полученія Намѣстникомъ письма ген.-ад. Куропаткина у насъ еще не было извѣстно о взятіи японцами 13 мая Цзиньчжоуской позиціи; свѣдѣніе объ этомъ боѣ получилось только 16 мая.

Какъ видно, отмѣченное разногласіе въ мнѣніяхъ старшихъ начальниковъ нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ зависѣло, между прочимъ, отъ разницы во взглядахъ на силы противника и на группировку его войскъ. Въ то время, какъ Намѣстникъ послѣ совершившейся высадки у Бизцыво признавалъ, что бо́льшая часть (2/3) вооруженныхъ силъ противника уже находится на материкѣ, и что выяснившаяся группировка ихъ даетъ основаніе къ принятію опредѣленнаго рѣшенія, при чемъ не допускалось, чтобы противникъ имѣлъ надъ нами матеріальное или моральное превосходство (т. II, ч. 1, стр. 285), Командующій арміей, напротивъ, считалъ, что направленіе ½ — 2/3 японскихъ вооруженныхъ силъ еще не опредѣлилось и что, предпринимая при этихъ условіяхъ какой-нибудь опредѣленный планъ, сопряженный съ удаленіемъ отъ раіона сосредоточенія, мы подвергаемъ себя возможнымъ ударамъ со стороны японскихъ силъ, могущихъ быть выброшенными (благодаря господству въ морѣ) въ любомъ пунктѣ побережій Ляодунскаго и Корейскаго заливовъ, при чемъ, какъ уже отмѣчалось выше, относительно численности противника у Командующаго арміей всегда была тенденція къ преувеличенію [1]). Но предположеніе, что японцы могутъ направить главный ударъ на П.-Артуръ, ген.-ад. Куропаткинымъ вообще не отрицалось, и иногда онъ

[1]) Напр., мнѣніе, что со стороны Ялу и Дагушана угрожаютъ 6 японскихъ дивизій (стр. 339). Въ письмѣ Намѣстнику отъ 26 мая, ген.-ад. Куропаткинъ оцѣниваетъ эти силы въ 70—90 тысячъ (т. II, ч. 1. Приложеніе № 31, стр. 103). Между тѣмъ во всѣхъ *трехъ* японскихъ арміяхъ, сосредоточенныхъ *въ августѣ* къ Ляояну, насчитывалось всего 112 т. (т. III, ч. 2, стр. 270).

Библиотека "Руниверс"

признавалъ за этимъ предположеніемъ даже значительную долю вѣроятія, какъ видно напр. изъ записки его на имя начальника штаба арміи отъ 13 мая, въ которой, на основаніи вновь полученныхъ свѣдѣній о противникѣ, Командующій арміей признавалъ необходимымъ поспѣшить начинаніями по оказанію помощи Артуру (т. II, ч. 1, стр. 305). Подобнымъ же образомъ въ телеграммѣ на имя командира 1. Сиб. корпуса отъ 26 мая Командующій арміей считаетъ *маловѣроятнымъ*, чтобы главной цѣлью дѣйствій японцевъ была Маньчжурская армія (т. II, ч. 1, стр. 367). Но для того, чтобы приступить къ рѣшительному осуществленію операціи по выручкѣ П.-Артура, цѣлесообразности которой ген.-ад. Куропаткинъ принципіально не отрицалъ, *онъ желалъ видѣть обстановку настолько разъясненной, чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно безопасности движенія отряда на югъ*. Въ данное же время (около половины мая) обстановка казалась Командующему арміей еще настолько темной, что заставляла даже считаться, какъ было указано выше, съ возможностью отступленія арміи къ Тѣлину и далѣе, о чемъ ген.-ад. Куропаткинъ упоминаетъ въ письмѣ Намѣстнику отъ 11 мая (стр. 285).

Но вотъ 13 мая произошло событіе, которое снова возбудило у ген.-ад. Алексѣева усиленныя опасенія за участь Портъ-Артура. По первоначальнымъ свѣдѣніямъ о боѣ у Цзиньчжоу въ немъ со стороны японцевъ приняли участіе три дивизіи. Укрѣпленная позиція, вооруженная орудіями крѣпостныхъ калибровъ и защищаемая цѣлой дивизіей, — позиція, которая признавалась надежнымъ запоромъ къ воротамъ П.-Артура, пала послѣ двухдневныхъ атакъ японской арміи. Свѣдѣнія объ этомъ боѣ, полученныя изъ нейтральныхъ источниковъ, единогласно свидѣтельствовали о крайнемъ ожесточеніи атакъ и о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ японцами.

Въ то время еще не было извѣстно, что Цзиньчжоуская позиція оборонялась въ сущности однимъ только полкомъ изъ отряда ген. Фока.

Вопросъ о выручкѣ П.-Артура послѣ 13 мая становился еще болѣе труднымъ, такъ какъ надобность въ помощи увеличилась, а возможность оказанія ея затруднялась переходомъ Цзиньчжоускаго перешейка въ руки противника. При этомъ условіи, разъ выручка признавалась необходимой, надо было съ ней торопиться, пока противникъ не утвердился окончательно на Цзиньчжоускомъ перешейкѣ. Но еще важнѣе матеріальныхъ послѣдствій побѣды японцевъ были ея моральные результаты: главное начальство Квантунскаго укрѣпленнаго раіона въ лицѣ ген. Стесселя пало духомъ и утратило вѣру въ способность крѣпости оказать дли-

Библиотека "Руниверс"

тельное сопротивленіе такому противнику, какъ японцы, которые, судя по бою 13 мая, не стѣснялись завалить трупами своихъ солдатъ какія угодно искусственныя препятствія, чтобы сдѣлать ихъ проходимыми для штурмовыхъ колоннъ. Въ періодъ съ 13 по 15 мая генераломъ Стесселемъ было отправлено нѣсколько депешъ (полученныхъ въ Ляоянѣ 18 мая), въ которыхъ положеніе П.-Артура рисовалось въ мрачномъ видѣ. Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона высказывалъ категорическое мнѣніе, что главный ударъ японцевъ направляется именно на него, и что для облегченія его положенія необходима „немедленная и очень сильная, не менѣе трехъ дивизій, съ дивизіей кавалеріи, помощь; потомъ будетъ поздно; здѣсь, заключалъ Стессель, кончится все...“ (Т. VIII, ч. 1, стр. 290).

21 мая въ армію прибыли два офицера, посланные изъ П.-Артура съ порученіемъ доложить Командующему арміей о тревожномъ недостаткѣ въ крѣпости артиллерійскихъ снарядовъ и мяса, а также что П.-Артуру требуется немедленная помощь въ размѣрѣ $3^1/_2$—4 дивизій (т. II, ч. 1, стр. 338).

Къ донесеніямъ Стесселя Намѣстникъ и Командующій арміей отнеслись различно. Ген.-ад. Куропаткинъ выразилъ сомнѣнія въ томъ, чтобы положеніе П.-Артура было таково, какъ его рисовалъ ген. Стессель; между прочимъ ген.-ад. Куропаткинъ указывалъ на нѣкоторыя явныя преувеличенія (въ отрицательную сторону) въ отношеніи недостатка въ крѣпости снарядовъ и продовольствія, допущенныя Стесселемъ въ его донесеніи, и выражалъ мнѣніе, что П.-Артуръ можетъ продержаться столько времени, насколько хватитъ продовольствія. Ободряя своего упавшаго духомъ подчиненнаго, Командующій арміей, по поводу просьбы о помощи, высказывалъ, что П.-Артуру нужна выручка, а не пораженіе Маньчжурской арміи по частямъ (т. II, ч. 1, стр. 336).

Что касается ген.-ад. Алексѣева, то въ донесеніяхъ изъ П.-Артура онъ усмотрѣлъ подтвержденіе своего взгляда относительно необходимости оказанія крѣпости немедленной помощи. Еще 18 мая онъ телеграфировалъ Командующему арміей о безотлагательномъ приступѣ къ выполненію операціи по выручкѣ П.-Артура (т. II, ч. 1, стр. 296). 22 мая была снова послана телеграмма Командующему арміей, въ которой, высказывая свое мнѣніе, что для овладѣнія П.-Артуромъ японцы, вѣроятно, не остановятся ни передъ какими усиліями и потерями и что изъ М. арміи для операціи на югъ можно безъ особаго риска направить 48 баталіоновъ, Намѣстникъ просилъ отзыва Командующаго арміей по вопросу о немедленной выручкѣ П.-Артура указанными силами. Положеніе у Ляояна

Библиотека "Руниверс"

ген.-ад. Алексѣевъ въ этой депешѣ охарактеризовалъ, какъ „прочное“ (т. II, ч. 1, стр. 337).

По поводу указаннаго различія въ мнѣніяхъ относительно своевременности или несвоевременности перехода арміи въ маѣ 1904 года къ активнымъ дѣйствіямъ для выручки П.-Артура, въ письмахъ ген.-ад. Куропаткина и его отчетѣ, а также въ нѣкоторыхъ появившихся въ печати трудахъ другихъ авторовъ высказывалось осужденіе по адресу ген.-ад. Алексѣева, который, будто бы, подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ неудачъ, испытанныхъ нашими войсками и флотомъ въ первые мѣсяцы кампаніи, отъ преувеличенной оцѣнки силы П.-Артура перешелъ въ самое короткое время къ діаметрально противоположному взгляду на обороноспособность крѣпости и благодаря этому безъ надобности вовлекъ Маньчжурскую армію въ вафангоускую „авантюру“, между тѣмъ, какъ П.-Артуръ послѣ того продержался еще почти семь мѣсяцевъ.

Дѣйствительно, въ февралѣ мѣсяцѣ Намѣстникъ во всеподданнѣйшей депешѣ высказывалъ взглядъ, что „ускоренная атака П.-Артура не обѣщаетъ японцамъ успѣха“, 3 мая предполагалъ возможнымъ сопротивленіе П.-Артура осадѣ, но лишь въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, а во второй половинѣ мая уже не признавалъ его обезпеченнымъ даже отъ атаки открытой силой (т. II, т. 1, стр. 343). Такія колебанія во взглядахъ адмирала Алексѣева на обороноспособность крѣпости ген.-ад. Куропаткинъ приписываетъ вліянію тревожныхъ донесеній Стесселя, въ которыхъ отразился упадокъ духа этого генерала.

О возможномъ вліяніи упадка духа ген. Стесселя на Намѣстника, а также и на силу сопротивленія самого П.-Артура, я скажу впослѣдствіи, теперь же постараюсь выяснить, что и помимо этого фактора событія первыхъ мѣсяцевъ войны могли дѣйствительно постепенно вызвать сомнѣнія относительно способности Квантунскаго укрѣпленнаго раіона съ П.-Артуромъ включительно оказать противнику то сопротивленіе, которое отъ него ожидалось по предварительнымъ разсчетамъ мирнаго времени.

Дѣло въ томъ, что до войны 1904—1905 гг. преобразованная японская армія не имѣла случая проявить во всей полнотѣ свои боевыя качества. Въ обѣихъ предъидущихъ войнахъ 1894—1895 гг. и 1900 г. японцы, хотя и дрались храбро и выказали основательную подготовку во всѣхъ отрасляхъ военнаго дѣла, но, имѣя и въ томъ и въ другомъ случаѣ противникомъ нестройныя полчища китайцевъ, они не могли дать для посторонняго наблюдателя необходимыхъ данныхъ, чтобы судить, каковы они будутъ, когда встрѣтятся лицомъ къ лицу съ европейскимъ противникомъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ I томѣ труда Военно-Историч. комиссіи приведены отзывы многихъ лицъ, изслѣдовавшихъ вопросъ о достоинствахъ японской арміи; отзывы эти вообще очень разнорѣчивы: есть между ними крайне пренебрежительные, рисующіе армію микадо чуть не въ каррикатурномъ видѣ, есть другіе, которые вполнѣ приравниваютъ японскія войска къ ихъ европейскимъ собратіямъ. Вообще же говоря, среди нашихъ начальствующихъ лицъ и войскъ, расположенныхъ на Дальнемъ Востокѣ, преобладалъ взглядъ на японцевъ, какъ на серьезнаго противника, усвоившаго себѣ все лучшее, что можно найти въ европейскихъ войскахъ, но въ характерѣ ихъ скорѣе склонны были видѣть методичность и осторожность; въ отношеніи военной мысли — нѣкоторую инертность, зависимость отъ германскихъ вліяній, вообще недостатокъ самостоятельности, въ отношеніи же воинскаго духа — отдавая должное личной храбрости и преданности долгу японскаго солдата и офицера,—мало склонны были ожидать отъ нихъ въ массѣ особенно высокаго одушевленія. Въ частности, что касается дѣйствій въ сферѣ крѣпостей, предполагали въ нашемъ будущемъ противникѣ скорѣе тенденцію къ осторожнымъ и медленнымъ способамъ дѣйствій; мнѣніе это въ первыя недѣли войны находило себѣ подтвержденіе въ томъ, что японцы, хотя и пріобрѣли сразу господство въ морѣ, не воспользовались однако этимъ преимуществомъ и неготовностью П.-Артура, чтобы попытаться атаковать его открытой силой. Но дальнѣйшія событія были таковы, что могли поколебать мнѣніе о японцахъ, какъ объ осторожномъ и не склонномъ рисковать противникѣ: отчаянныя попытки запереть входъ въ гавань П.-Артура посредствомъ брандеровъ, для чего надо было имѣть контингентъ людей, готовыхъ идти на вѣрную смерть, — высокое одушевленіе, съ которымъ сражались японцы въ бояхъ на Ялу и подъ Цзиньчжоу, особенно въ послѣднемъ, гдѣ они въ короткое время понесли громадныя потери (13—14% всего состава арміи) [1]), а также и другіе факты первыхъ мѣсяцевъ войны — все это указывало на такой высокій подъемъ духа, на такую популярность войны съ Россіей въ народныхъ массахъ, что предположеніе объ использованіи главной квартирой этого настроенія для самыхъ рискованныхъ военныхъ предпріятій, въ родѣ овладѣнія П.-Артуромъ ускоренной атакой или посредствомъ штурма, стало пріобрѣтать значительное вѣроятіе, тѣмъ болѣе, что вообще создавшаяся за первые 3—4 мѣсяца войны об-

[1]) Убитыми и ранеными 133 оф. и 4.071 нижн. чиновъ, всего около 4.200 чел. на 30 — 32 тысячи, принимавшихъ участіе въ бою (А. Свѣчинъ, стр. 87 и 95).

Библиотека "Руниверс"

становка заставляла, казалось, нашего противника торопиться нанесеніемъ намъ рѣшительнаго удара, который могъ бы служить поводомъ для иностраннаго вмѣшательства и начала переговоровъ о мирѣ.

Если бы П.-Артуръ на самомъ дѣлѣ представлялъ крѣпость въ настоящемъ значеніи этого слова, пунктъ дѣйствительно *технически* обезпеченный отъ атаки открытой силой, то можно бы и при вновь открывшихся о противникѣ данныхъ не особенно безпокоиться за его участь въ ближайшіе мѣсяцы, но какъ видно изъ отзывовъ ген.-ад. Алексѣева въ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ и въ предъидущей перепискѣ съ ген.-ад. Куропаткинымъ (т. II, ч. 1, стр. 51, 343) основаніемъ для признанія П.-Артура обезпеченнымъ отъ покушеній противника являлось не столько его техническое оборудованіе, сколько стойкость и доблесть защитниковъ крѣпости.

Если затѣмъ внимательно проанализировать послѣдующіе факты, то окажется, что едва-ли Намѣстникъ особенно ошибался, допуская возможность близкаго паденія крѣпости въ случаѣ избранія ея главнымъ объектомъ дѣйствій противника тотчасъ же послѣ Цзиньчжоускаго боя. Не надо забывать, что сила сопротивленія П.-Артура до войны опредѣлялась, исходя изъ предположенія, что непріятель не пріобрѣтетъ господства въ водахъ, омывающихъ Ляодунскій полуостровъ. При этомъ условіи подходъ осадной арміи къ Кванскому укрѣпл. раіону долженъ былъ произойти сухимъ путемъ, со всѣми сопряженными съ этимъ способомъ неудобствами и потерей времени, имѣя далѣе въ перспективѣ, ранѣе достиженія собственно Артура, овладѣть безъ содѣйствія флота укрѣпленной Цзиньчжоуской позиціей.

Въ дѣйствительности противникъ высадился въ разстояніи какихъ-нибудь двухъ переходовъ отъ Цзиньчжоу; послѣ двухдневнаго боя, съ помощью флота, овладѣлъ позиціей на перешейкѣ, чѣмъ открылъ себѣ доступъ къ Таліенванскому заливу съ портомъ Дальнимъ и возможностью, вмѣсто длительной сухопутной перевозки, быстро подвезти къ своей осадной арміи многочисленную артилерію крупныхъ калибровъ.

Владѣя Цзиньчжоу и моремъ, противникъ, какъ казалось, могъ, демонстрируя противъ того или другого изъ сухопутныхъ фронтовъ крѣпости и привлекая на себя бо́льшую часть гарнизона, выбросить въ одной изъ бухтъ Квантунскаго побережья новый сильный десантъ, который быстро двинуть противъ какой-нибудь слабой точки длиннаго сухопутнаго обвода крѣпости. Напомню, что послѣ 31 марта у насъ оставалось только два неповрежденныхъ броненосца (т. II, ч. I, стр. 107) и ко второй половинѣ мая поврежденія

Библиотека "Руниверс"

судовъ еще не были исправлены[1]), хотя и у японцевъ выбыли 2 мая два броненосца (Хацузе и Яшима), но намъ достовѣрно извѣстна была гибель только одного изъ нихъ.

Въ бояхъ у Тюренчена и Цзиньчжоу, особенно послѣднемъ, японцы показали, что они не считаются ни съ какими потерями; при этомъ условіи овладѣніе неготовой крѣпостью открытой силой не казалось невозможнымъ. Что сами японцы считали этотъ способъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, видно изъ того, что они дѣйствительно къ нему прибѣгли 2½ мѣсяца спустя; что они не сомнѣвались въ успѣхѣ такой атаки, усматривается изъ хвастливаго заявленія генерала Ноги, сдѣланнаго 6 августа иностраннымъ корреспондентамъ, что въ ближайшіе дни они будутъ свидѣтелями паденія Портъ-Артура (А. Свѣчинъ, стр. 273); что японцы въ дѣйствительности были близки къ успѣху въ послѣдній день атаки (10 августа) доказывается тѣмъ, что отбитіемъ штурма, несмотря на всю проявленную войсками доблесть, мы обязаны были случайнымъ факторамъ (тамъ же, стр. 285). Въ общемъ резервѣ крѣпости у насъ въ этотъ день былъ *одинъ баталіонъ*, на восточномъ же фронтѣ *весь резервъ былъ израсходованъ*. И все-таки, несмотря на неудачу всего штурма въ совокупности, японцы одержали нѣсколько частныхъ успѣховъ. Въ августовскихъ штурмахъ со стороны японцевъ участвовало три дивизіи и двѣ резервныя бригады, всего около 54 баталіоновъ (А. Свѣчинъ, стр. 269); гарнизонъ крѣпости, хотя со времени Цзиньчжоускаго боя и понесъ нѣкоторыя потери въ людяхъ въ пѣхотныхъ частяхъ, но взамѣнъ того усилился морскими командами; артиллерійское вооруженіе крѣпости усилилось снятыми съ судовъ орудіями, фортификаціонная готовность увеличилась[2]). Такъ какъ ко времени Цзиньчжоускаго боя въ Маньчжуріи было только четыре японскія дивизіи, то не было ничего невозможнаго въ предположеніи, что на Квантунѣ могло быть высажено 6—8 дивизій; это нисколько не противорѣчило и свѣдѣніямъ о мобилизаціонной готовности и транспортныхъ средствахъ противника, которыми мы располагали. Оставивъ въ качествѣ за-

---

[1]) Исправленія были окончены къ 1 іюня (т. VIII, ч. I, стр. 334).

[2]) Между прочимъ были укрѣплены сыгравшія видную роль въ оборонѣ Портъ-Артура горы: Высокая, Угловая и Дивизіонная (т. VIII, ч. I, стр. 327). Бывшій комендантъ Портъ-Артура генералъ Смирновъ въ своемъ послѣднемъ словѣ Верховному суду заявилъ, что отвлеченіе арміи Оку отъ Квантуна, благодаря нашей диверсіи къ Вафангоу, дало крѣпости выигрышъ времени въ два мѣсяца, *позволившій подготовить Портъ-Артуръ къ оборонѣ*. (Дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Отчетъ, составленный подъ редакціей В. А. Апушкина, изданіе 1908 г. стр. 454. Курсивъ мой).

Библиотека "Руниверс"

слона на Цзиньчжоускомъ перешейкѣ 1—2 дивизіи, они для атаки Портъ-Артура, какъ казалось, могли располагать 5—6 дивизіями. И въ самомъ дѣлѣ, японцы къ концу мая имѣли на Ляодунскомъ полуостровѣ шесть дивизій (1., 3., 4., 5., 6. и 11.), изъ коихъ пять возможно было назначить для атаки Портъ-Артура; но едва-ли что-нибудь могло помѣшать притянуть туда же въ случаѣ надобности еще одну—двѣ дивизіи изъ числа трехъ, находившихся въ то время въ Японіи (7., 8. и 9.). Духъ японцевъ въ августѣ и маѣ былъ одинаково высокъ, между тѣмъ, какъ у насъ начальство укрѣпленнаго раіона и крѣпости, которое послѣ Цзиньчжоускаго боя до такой степени растерялось, что готово было безъ боя уступить японцамъ выгодныя позиціи „на перевалахъ“ и „Зеленыя горы“ (А. Свѣчинъ, стр. 99), къ августу замѣтно воспряло духомъ; также и гарнизонъ успѣлъ оправиться послѣ понесенной въ маѣ неудачи и нѣсколько закалиться въ бояхъ на передовыхъ позиціяхъ.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что едва-ли ген.-ад. Алексѣевъ ошибался, высказывая въ письмѣ К—щему М. арміей отъ 22 мая, что ген. Стессель въ своихъ донесеніяхъ даетъ вѣрную оцѣнку общаго положенія Портъ-Артура (т. II, ч. I, стр. 337). Но если даже допустить, что Стессель грубо ошибался въ оцѣнкѣ матеріальныхъ данныхъ обстановки, то одно несомнѣнно явствовало изъ его депешъ, а именно, что самъ онъ палъ духомъ и утратилъ вѣру въ возможность отстоять ввѣренную ему крѣпость. При этомъ условіи можно ли было оставаться спокойнымъ за участь Портъ-Артура, хотя бы обороняемаго самыми доблестными войсками?

Не даромъ личности коменданта крѣпости приписывается такое исключительно важное значеніе. „Лучше, говорили древніе, стадо барановъ, предводимое львомъ, чѣмъ стадо львовъ, предводимое бараномъ“. Вспомнимъ только, что 17 дней спустя послѣ гибели генерала Кондратенко, единогласно признаннаго душою защиты Портъ-Артура, крѣпость, несмотря на предшествовавшую доблестную оборону, была сдана японцамъ, когда еще не были истощены всѣ средства обороны. Можно ли предсказать, что бы было, если бы этотъ богатырь палъ четырьмя мѣсяцами раньше, что являлось однако простою случайностью? Такое значеніе личности въ успѣхѣ обороны крѣпости признаетъ и г.-ад. Куропаткинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Намѣстнику, относящемся къ концу мая. Онъ пишетъ: „нѣтъ такой твердыни, которая могла бы устоять противъ энергичнаго и храбраго противника, если вѣра въ возможность отстоять эту твердыню исчезла изъ сердца начальника и если недовѣріе къ своимъ силамъ и преувеличенное мнѣніе о силѣ про-

Библиотека "Руниверс"

тивника сообщилось отъ начальника войскамъ. Такъ было съ Карсомъ, съ Измаиломъ". Но если г.-ад. Куропаткинъ въ этомъ мнѣніи не расходился съ Намѣстникомъ, и оно дѣйствительно соотвѣтствовало фактическому положенію дѣлъ во второй половинѣ мая 1904 г., то естественно возникаетъ другой вопросъ, кто же былъ виновникомъ того, что во главѣ нашихъ войскъ Квантунскаго раіона, войскъ, покрывшихъ себя впослѣдствіи громкой славой защитниковъ Портъ-Артура, стояло лицо, которое могло погубить все дѣло обороны крѣпости уже въ концѣ четвертаго мѣсяца войны и, если не погубило, то только благодаря оплошности противника? Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, ограничусь ссылкой на матеріалъ, имѣющійся въ изданіи В.-Ист. комиссіи [1]).

Доводомъ въ пользу того, что Портъ-Артуръ въ половинѣ мая вовсе не былъ въ отчаянномъ положеніи, едва-ли можетъ служить то обстоятельство, что прибывшій 17 мая изъ Портъ-Артура съ порученіемъ отъ коменданта крѣпости капитанъ ген. штаба Гурко доложилъ, что гарнизонъ достигалъ 45.000 чел., запасовъ имѣлось на продолжительное время и подавляющаго превосходства противника обнаружено не было (т. II, ч. I, стр. 332). Хотя К—щій М. арміей и старался опереться на этотъ доводъ при защитѣ своего мнѣнія о преждевременности перехода въ наступленіе, но въ дѣйствительности свѣдѣнія, привезенныя кап. Гурко, обезцѣнивались его же докладомъ (о чемъ трудъ В.-Ист. комиссіи умалчиваетъ) о намѣреніи ген. Смирнова, въ виду полнаго упадка духа у ген. Стесселя, устранить своего начальника насильственнымъ образомъ въ ту минуту, когда его настроеніе угрожало бы стать опаснымъ для дальнѣйшаго сопротивленія крѣпости [2]). Послѣдующія событія показали, что Смирновъ не привелъ своей угрозы въ исполненіе, когда Стессель 19 декабря, вопреки рѣшенію совѣта обороны, вступилъ съ ген. Ноги въ переговоры о капитуляціи...

Итакъ, изслѣдуя вопросъ о томъ, была ли въ половинѣ мая 1904 г. Портъ-Артуру дѣйствительно необходима безотлагательная помощь, прихожу къ слѣдующему заключенію: Если бы японцы, оцѣнивъ моральное впечатлѣніе, произведенное на противника потерей Цзиньчжоу, развили свой успѣхъ 13 мая неотступнымъ преслѣдованіемъ, то они могли бы подойти къ Портъ-Артуру двумя мѣсяцами раньше, нежели они сдѣлали въ дѣйствительности; а къ концу мая возможно было сосредоточить тамъ и силы, превосхо-

---

[1]) Т. VIII, ч. I, стр. 128—129.

[2]) Дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Показаніе подполковника Гурко. стр. 193. Ген. Смирновъ не отрицаетъ этого въ своихъ показаніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

дящія тѣ, которыя были собраны къ августовскому штурму. Если и нѣтъ твердыхъ данныхъ къ утвержденію, что и всѣ остальныя приготовленія для атаки (напр. доставка осадной артиллеріи) могли быть значительно ускорены [1]), то во всякомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе при условіи, что имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о противникѣ настойчиво приписывали ему намѣреніе направить главный ударъ на Портъ-Артуръ, адмиралъ Алексѣевъ, такъ же какъ и ген. Стессель, имѣлъ основаніе предполагать полную готовность противника къ производству ускоренной атаки крѣпости уже вскорѣ послѣ овладѣнія имъ Цзиньчжоуской позиціей. То обстоятельство, что въ августѣ, при болѣе благопріятныхъ для насъ условіяхъ, участь Портъ-Артура держалась, какъ говорится, на волоскѣ, доказываетъ, что удача атаки въ іюнѣ отнюдь не представляется невѣроятной, и что слѣдовательно г.-ад. Алексѣевъ вѣрно оцѣнивалъ обстановку, какъ она могла создаться послѣ Цзиньчжоускаго боя.

Но японцы не уяснили себѣ положенія и вмѣсто того, чтобы использовать успѣхъ, одержанный 13 мая, и энергично наступать къ П.-Артуру на плечахъ нашего отступающаго отряда, они, упорствуя въ выполненіи первоначальнаго плана концентрическаго наступленія въ Южную Маньчжурію (для котораго время было уже упущено) [2]), направили армію Оку на сѣверъ, подвергая ее опасности отдѣльнаго пораженія. При этомъ условіи вопросъ о деблокадѣ Артура сводился къ результату фронтальнаго столкновенія между тремя дивизіями Оку и отрядомъ ген. Штакельберга.

Отъ насъ зависѣло шансы предстоящаго столкновенія перевести на свою сторону, обезпечивъ себѣ превосходство силъ въ бою. Насколько задача эта представлялась разрѣшимой, уже говорилось раньше, а теперь постараюсь отвѣтить на второй изъ поставленныхъ вопросовъ: *было ли для движенія на выручку П.-Артура выбрано подходящее время?*

Попутно съ разборомъ перваго вопроса, я старался выяснить, что въ стратегическомъ отношеніи операція по выручкѣ П.-Артура была предпринята слишкомъ поздно. Наиболѣе подходящимъ для нея временемъ являлась первая половина мая, когда Цзиньчжоуская позиція была еще въ нашихъ рукахъ, армія Куроки не была

---

[1]) Вполнѣ возможно, что доставка осадной артиллеріи замедлилась благодаря только такому случайному обстоятельству, какъ потопленіе нѣсколькихъ японскихъ транспортовъ владивостокскими крейсерами (т. II ч. II, стр. 109).

[2]) Это упрямство привело японцевъ въ августѣ къ Ляояну, т. е. къ возможной *катастрофѣ*,—только по недоразумѣнію обратившейся для нихъ въ неполную стратегическую побѣду.

Библиотека "Руниверс"

способна къ наступленію, а высадка въ Дагушанѣ, едва только начатая (съ 6 мая), не могла быть для насъ опасной. Быстро сосредоточивъ 1. Сиб. корпусъ и всѣ резервы, эшелонированные вдоль жел. дороги, мы располагали бы для наступленія силою до 60 баталіоновъ [1]); если бы у насъ было стремленіе даже не къ наступленію, а только къ связи съ отрѣзаннымъ японцами укрѣпленнымъ раіономъ, то кавалерія наша находилась бы не въ Гайчжоу, а въ Вафандянѣ или Пуландянѣ, въ соприкосновеніи съ противникомъ, имѣя позади себя исправную линію желѣзной дороги до раіона сосредоточенія; если бы всѣ наши дѣйствія были проникнуты наступательнымъ духомъ, ген. Стесселю было бы указано упорно отстаивать Цзиньчжоускую позицію (Т. VШ Ч. 1 стр. 161), имѣя въ виду совмѣстныя дѣйствія съ подходящей съ сѣвера выручкой. Надо замѣтить, что ген. Оку, со времени своей высадки и до боя у Цзиньчжоу включительно, охранялся съ сѣвера всегда очень сильно, такъ напр. во время боя охрана эта по книгѣ подполковника А. Свѣчина (стр. 87), состояла изъ 9 баталіоновъ, по труду же В.-Ист. комиссіи (Т. П Ч. 1 стр. 271—272) даже изъ всей 5. дивизіи съ придачей еще 4-хъ б-новъ. Это показываетъ, насколько Оку опасался за свой тылъ и за базу, гдѣ въ то время продолжалась высадка войскъ и обозовъ. Даже только демонстрація въ это время со стороны М. арміи или сборъ большихъ силъ въ раіонѣ Хайченъ—Гайчжоу заставила бы Командующаго II японской арміей еще болѣе ослабить войска, назначенныя для атаки позиціи, а рѣшительное наступленіе съ сѣвера въ связи съ серьезнымъ отпоромъ всѣми силами (а не однимъ только полкомъ) у Цзиньчжоу, было бы для японской арміи, не обладавшей въ то время обезпеченной базой, такими тисками, изъ которыхъ ей трудно было бы выбраться. При этихъ условіяхъ восточной группѣ японцевъ дѣйствительно только и оставалось, *хотя съ рискомъ голодной смерти въ горахъ*, броситься, какъ то было предписано главной квартирой въ Токіо (Т. П Ч. 1 стр. 348), на наши сообщенія. Но для отпарированія такихъ отчаянныхъ попытокъ мы располагали заслонами на путяхъ, ведущихъ съ востока къ Хайчену и Ляояну, а дальнѣйшей опорой могли служить войска, непрерывно подвозимыя въ раіонъ сосредоточенія.

Если нельзя считать блестящимъ стратегическое положеніе арміи, которой приходится прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ, какъ обреченіе своихъ солдатъ на голодную смерть, то во всякомъ случаѣ готовность прибѣгнуть къ нимъ для выручки своихъ уже является

[1]) См. схему № 1.

Библиотека "Руниверс"

серьезнымъ шансомъ на побѣду. Не таково было, къ сожалѣнію, настроеніе на нашей сторонѣ. По словамъ полковника графа Бобринскаго, приписываемымъ ему маіоромъ бар. Теттау [1]), генералъ Куропаткинъ, даже рискуя паденіемъ П.-Артура, *не намѣренъ былъ идти выручать его, пока не сосредоточитъ всѣхъ войскъ.* При такихъ условіяхъ наступленіе въ первой половинѣ мая конечно не могло состояться; время ушло на безплодную переписку между Намѣстникомъ и К-щимъ арміей, переписку, которая грозила затянуться до безконечности, если бы не послѣдовавшее Высочайшее указаніе, которымъ подтверждалась основательность опасеній Главнокомандующаго за участь П.-Артура и отвѣтственность за дальнѣйшее промедленіе въ оказаніи ему помощи возлагалась на ген.-ад. Куропаткина (т. II ч. 1, стр. 340). Указаніе это было сообщено ген.-ад. Алексѣеву телеграммой отъ 23 мая. Хотя обстоятельства были для насъ уже не такъ благопріятны, какъ до паденія Цзиньчжоу, тѣмъ не менѣе время для наступленія къ П.-Артуру еще не было окончательно упущено, мы все еще располагали возможностью выставить противъ Оку превосходныя силы, но теперь уже не демонстрація могла помочь П.-Артуру, а только рѣшительный ударъ превосходными силами. Время полумѣръ прошло. Если К-щій М. арміей, изъ чрезмѣрной осторожности, не считалъ возможнымъ собрать подъ начальствомъ ген. бар. Штакельберга такія силы, которыя обѣщали вѣрный успѣхъ, то слѣдовало совершенно отказаться отъ попытки выручки П.-Артура. До періода дождей, наступающаго обыкновенно въ началѣ іюля, оставалось еще около мѣсяца, времени было достаточно, но въ обрѣзъ—дальнѣйшее промедленіе становилось опаснымъ.

Въ общемъ на второй поставленный вопросъ отвѣтъ можетъ быть данъ такой.

Операція для выручки П.-Артура, хотя и обѣщала больше результатовъ, если бы была предпринята въ первой половинѣ мая, но и въ концѣ того же мѣсяца время для нея еще не было упущено. Даже въ томъ неудачномъ видѣ, въ который она въ концѣ концовъ вылилась, съ понесеніемъ нами частнаго пораженія подъ Вафангоу, она все-таки облегчила положеніе П.-Артура и отсрочила его паденіе. Возможно, что самое выдвиженіе арміи Оку къ сѣверу (хотя и предусмотрѣнное планомъ кампаніи) было бы замѣнено, болѣе отвѣчавшею обстановкѣ, атакою П.-Артура всѣми

[1]) Восемнадцать мѣсяцевъ въ Маньчжуріи съ русскими войсками. Переводъ полковника Грулева, 1907 г. стр. 130. Фактъ отнесенъ къ 20—21 мая стар. стиля.

Библиотека "Руниверс"

силами, высадившимися на Квантунѣ, если бы не серьезная угроза со стороны нашего Южнаго авангарда, существованіе которой признаютъ японскіе источники (т. VIII ч. 1, стр. 339). Во всякомъ случаѣ 6. дивизія, притянутая въ II армію въ виду грозившей послѣдней опасности (тамъ же стр. 341), предназначалась для III арміи, которая, лишившись этой дивизіи, оказалась въ крайне тяжеломъ, *даже критическомъ* положеніи (тамъ же стр. 340) и должна была отсрочить до августа подготовлявшуюся на П.-Артуръ ускоренную атаку.

Для отвѣта на третій вопросъ—*имѣлись ли* къ распоряженіи Командующаго Маньч. арміей *необходимыя средства, чтобы достигнуть поставленной цѣли*—выручки П.-Артура,—разберемъ сначала, на какія ближайшія задачи эта цѣль распадалась.

Первая задача была—разбить заслонъ, выдвинутый японцами для обезпеченія блокады П.-Артура, т. е. армію Оку. Къ концу мая II японская ярмія состояла изъ трехъ дивизій, 3. 4. и 5.; такой цифрой она оцѣнивалась и нами, только №№ двухъ дивизій въ нашихъ свѣдѣніяхъ были не тѣ: вмѣсто 3. и 4.—8. и 11 (т II, ч. 1, стр. 101). Сверхъ того въ составъ арміи была впослѣдствіи зачислена 6. дивизія, но она въ концѣ мая только кончала высадку въ Таліенванѣ и къ глав. силамъ арміи присоединилась уже послѣ боя у Вафангоу.

Итакъ, прежде всего предстояло разбить три дивизіи II японской арміи, т. е. 36 баталіоновъ пѣхоты; Намѣстникомъ было указано нашъ наступающій отрядъ сдѣлать силою не менѣе 48 баталіоновъ. Хотя бой у Вафангоу показываетъ, что если бы у насъ 1 іюня было сосредоточено даже не 48, а только 36 баталіоновъ, то и въ этомъ случаѣ успѣхъ могъ легко склониться въ нашу сторону: правое крыло не было бы принуждено къ преждевременному отступленію, что дало бы возможность лѣвому крылу использовать одержанный имъ надъ 3. японской дивизіей успѣхъ, которымъ, какъ мы видѣли, послѣдняя была поставлена въ крайне тяжелое положеніе [1]); между тѣмъ сбитіе 3. дивизіи угрожало японцамъ потерею пути отступленія на Пуландянь и Цзиньчжоу. Введеніе же съ нашей стороны въ дѣло 48 баталіоновъ обѣщало еще болѣе рѣшительный успѣхъ. Естественно возникаетъ вопросъ: но сталъ ли бы ген. Оку наступать противъ нашего отряда, если бы въ составѣ послѣдняго дѣйствительно было 48 баталіоновъ? Японцы обы-

[1]) См. приложеніе.

Библиотека "Руниверс"

кновенно бывали освѣдомлены лучше насъ, и опасеніе встрѣтить превосходныя силы побудило бы, можетъ быть, к—щаго японской арміей повременить наступленіемъ до присоединенія къ нему 6. дивизіи? По этому поводу надо замѣтить, что пресловутая освѣдомленность японцевъ была, какъ и вообще многія положительныя качества, которыя мы приписывали своему противнику, сильно преувеличена. Въ меньшей, можетъ быть, степени, чѣмъ мы, но и японцы нерѣдко ошибались въ исчисленіи силъ противника [1]). При наступленіи къ Вафангоу, ген. Оку, повидимому, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній о составѣ отряда ген. Штакельберга, по крайней мѣрѣ еще 27 мая въ штабѣ II арміи русскій отрядъ считали превосходящимъ японскую армію дивизіи на двѣ, не считая конницы (соч. анг. ген. штаба вып. II, стр. 55). Въ противоположность этому подпол. Свѣчинъ считаетъ, что ген. Оку оцѣнивалъ находившіяся у Вафангоу силы русскихъ въ двѣ дивизіи (стр. 120), что однако не исключало возможности, чтобы туда были быстро притянуты значительныя подкрѣпленія изъ Гайчжоу, Инкоу и Хайчена. Во всякомъ случаѣ, зналъ или не зналъ точно Оку, съ какими силами противника ему придется имѣть дѣло, это едва-ли остановило бы его наступательный порывъ. Характеризуя к—щаго II японск. арміей, А. Г. Елчаниновъ говоритъ: „ген. Оку, не взирая на полную неудачу подъ Цзиньчжоу [2]), все же дѣлаетъ *„послѣднее отчаянное усиліе“* и онъ же подъ Вафангоу *ставитъ на карту все* [3]), лишь бы побѣдить“. (Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями, 1910 г., стр. 239). Проникнутые еще до войны германской доктриной („всегда впередъ, чего бы это ни стоило“), японскіе генералы, послѣ одержанныхъ ими успѣховъ у Тюренчена и Цзиньчжоу, успѣли оцѣнить характеръ своего противника (т. II, ч. 2, стр. 108) и стали еще смѣлѣе. Впослѣдствіи ихъ смѣлость возрасла до дерзости и несмотря на это оставалась безнаказанной, подтверждая афоризмъ: удивить противника значитъ его побѣдить. По той же причинѣ и смѣлое выдвиженіе Оку съ тремя дивизіями, грозившее ему катастрофой, обратилось въ успѣхъ. Въ противоположность этому, анг. ген. штабъ въ своемъ сочиненіи о войнѣ (вып. II переводъ, стр. 175) говоритъ про насъ, что *отличительная черта всѣхъ русскихъ плановъ заключалась въ недостаткѣ рѣшимости*.

Такъ было и передъ Вафангоускимъ боемъ: желая все прикрыть (qui trop embrasse mal étreint!), у нашего начальства не хватило

---

[1]) Напримѣръ во время Ляоянской операціи, см. т. II, ч. 2. стр. 278.

[2]) Первоначальную. В. Ф.

[3]) Курсивъ мой. В. Ф.

Библиотека "Руниверс"

рѣшимости изъ имѣвшихся сильныхъ резервовъ направить къ ген. Штакельбергу столько, чтобы обезпечить ему перевѣсъ надъ Оку. Этого вопроса я уже касался, возвращаюсь къ нему еще разъ, чтобы свои выводы подтвердить болѣе точными расчетами.

Къ 1 мая въ Маньчжурской арміи числилось, не считая Портъ-Артурскаго гарнизона, 85¾ баталіона пѣхоты, изъ коихъ 80 въ непосредственномъ распоряженіи К—щаго арміей. Орудій было 218 [1]) (т. II, ч. 1, стр. 199). Въ это время у японцевъ было на материкѣ три дивизіи I арміи, а II армія, того же состава, только высаживалась на Квантунѣ (тамъ же стр. 231—232). I армія еще совершенно не была готова къ наступленію по неустройству обозной и продовольственной части и только *къ 7—9 іюня* она получила возможность продолжать наступленіе отъ Фынхуанчена (т. II, ч. 2, стр. 107—108). Разстояніе отъ послѣдняго до Ляояна по этапной дорогѣ около 160 верстъ, о качествѣ дороги можно судить по тѣмъ затрудненіямъ, которыя испытывалъ Восточный отрядъ при отступленіи отъ Ялу къ переваламъ (т. II, ч. 1, стр. 245); для боковыхъ отрядовъ можно было располагать только болѣе кружными и еще худшаго качества путями. При движеніи къ Ляояну японцы могли встрѣтить сопротивленіе со стороны нашихъ войскъ на многочисленныхъ горныхъ позиціяхъ, которыя, если бы даже рѣшено было оборонять ихъ только демонстративно, и то должны были значительно задержать противника, заставляя его терять время на развертываніе и движеніе по кружнымъ дорогамъ и тропамъ. Сила позиціи на перевалахъ Фынсяолинъ (Фыньшуйлинъ) и Модулинъ еще до войны была выяснена и оцѣнена развѣдками нашихъ войскъ и офицеровъ генеральнаго штаба, и нашъ планъ стратегическаго развертыванія предусматривалъ оказаніе на этой позиціи упорнаго сопротивленія противнику; по занятіи ея Восточнымъ отрядомъ она была укрѣплена. Впослѣдствіи японцы, а вмѣстѣ съ ними и ген. Гамильтонъ, удивлялись, что русскіе безъ выстрѣла отдали такую великолѣпно-укрѣпленную позицію, которую, кстати сказать, они нѣсколько дней спустя неудачно атаковали сравнительно небольшими силами (Гамильтонъ, т. I, стр. 206). Въ сочиненіи анг. ген. штаба приводится, что дороги, по которымъ приходилось въ іюнѣ наступать I арміи, „были чуть-чуть получше тропъ, такъ что во многихъ мѣстахъ пѣхота могла идти только гуськомъ; въ этой мѣстности предпріимчивый непріятель могъ бы надолго задержать наступленіе, если совсѣмъ не остановить, но русскіе не использовали выгоды, представляемыя мѣстностью, и отступили, не оказавъ

[1]) См. схему № 1.

Библиотека "Руниверс"

сопротивленія" (т. II, ч. 2, стр. 235—236). Изложенное съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ, что если бы во время движенія на выручку П.-Артуру армія Куроки перешла въ наступленіе къ Ляояну, то, при твердой рѣшимости оказать ей серьезный отпоръ Восточный отрядъ могъ-бы на названныхъ перевалахъ и другихъ позиціяхъ надолго задержать ее [1]). Правда, для этого надо было отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ уже отчасти укоренившихся въ Маньчжурской арміи взглядовъ и привычекъ, какъ-то: боязни встрѣчи съ „превосходными силами", опасеній израсходовать свои резервы, прежде чѣмъ „опредѣлилось направленіе главнаго удара противника" (А. Свѣчинъ, стр. 159) и страха передъ потерей орудій, что заставляло убирать артиллерію изъ боя раньше, чѣмъ она успѣвала оказать требуемое отъ нея содѣйствіе пѣхотѣ (тамъ же стр. 158). Графъ Келлеръ не принадлежалъ однако къ числу тѣхъ генераловъ, которые уже успѣли подпасть подъ вліяніе этихъ „навязчивыхъ идей", а положеніе его облегчалось тѣмъ, что Куроки въ теченіе мая ослабилъ себя выдѣленіемъ по бригадѣ пѣхоты въ направленіяхъ къ Сюяню и къ Саймацзы; для активныхъ дѣйствій у него въ окрестностяхъ Фынхуанчена оставалась только 2. дивизія и по бригадѣ гвардейской и 12. дивизій; хотя по нашимъ развѣдкамъ въ его арміи числились сверхъ того резервныя войска, но въ настоящее время изъ труда В.-Ист. комиссіи и другихъ источниковъ извѣстно, что въ періодъ Вафангоуской операціи, если и были на театрѣ войны резервныя войска, то въ ничтожномъ количествѣ и не для боевыхъ назначеній [2]). Между тѣмъ эти войска были однимъ изъ жупеловъ, который постоянно возбуждалъ тревогу въ штабѣ Маньч. арміи и служилъ опорной точкой для оправданія въ нужныхъ случаяхъ колебаній и нерѣшительности.

Итакъ, если бы изъ Маньч. арміи для наступленія на югъ въ началѣ мая были назначены 1. Сибирскій Корпусъ—24 бат., 5. В.-С. стр. д—ія—12. бат. и 2. бригада 35. пѣх. дивизіи—8 бат., всего 44 батал.; въ заслоны противъ Куроки 3. и 6. В.-С. стр. дивизіи—24 бат. (изъ нихъ собственно въ Восточн. отрядѣ 18 бат.), на побережье Инкоу—Сюнеченъ—2. бригада 31. пѣх.

---

[1]) Напр. во время Шахэйскаго наступленія въ сентябрѣ 1904 г. нашъ сильный Восточный отрядъ былъ задержанъ сравнительно ничтожными силами противника.

[2]) По Гамильтону два баталіона Коби (резервныхъ) были въ маѣ направлены на Саймацзинскую дорогу для защиты сообщеній I арміи отъ ген. Ренненкампфа (ч. I, стр. 165); послѣ этого о резервныхъ войскахъ при арміи Куроки упоминается только при описаніи дѣйствій въ іюлѣ мѣсяцѣ (стр. 257) и позднѣе.

Библиотека "Руниверс"

дивизіи—8 б—новъ, то еще оставалась бы, за вычетомъ гарнизоновъ Мукдена и Ляояна, часть 1. Сиб. дивизіи (около 8 бат.) для назначенія въ составъ болѣе мелкихъ отрядовъ и заслоновъ. Хотя при такомъ распредѣленіи активная сила и была бы почти полностью израсходована, но непосредственной опасности арміи не грозило бы, т. к. наиболѣе чувствительное мѣсто (сѣверо-восточное побережье Ляодунскаго залива, на которомъ къ тому же высадка была маловѣроятна), было бы подъ надежной охраной, а въ случаѣ высадки противника на побережьи Корейскаго залива (какъ то дѣйствительно и случилось въ Дагушанѣ), заслонъ на Далинскомъ перевалѣ могъ бы быть усиленъ подвозимыми войсками 4. Сибирскаго корпуса; другая часть этого корпуса могла бы быть направлена въ составъ наступающаго къ П.-Артуру отряда, доведя силу его до 60 баталіоновъ. Но еще вѣроятнѣе предположить, что рѣшительное наступленіе къ югу, грозя серьезной опасностью высадившимся частямъ арміи Оку, заставило бы японцевъ отказаться отъ высадки въ Дагушанѣ, съ направленіемъ предназначенной для этого 10. дивизіи на усиленіе высадившейся на Квантунѣ арміи, что дало бы намъ возможность весь 4. Сиб. корпусъ направить въ составъ Южнаго отряда. Такимъ образомъ это наступленіе Южнаго отряда обратилось бы въ сущности въ наступленіе *главныхъ силъ* Маньчжурской арміи. Куроки, какъ мы видѣли, не былъ способенъ къ наступленію раньше начала іюня, хотя въ началѣ мая уже можно было догадаться о неготовности I японск. ярміи, но допустимъ, что изъ осторожности все-таки необходимо было обезпечить себя съ этой стороны: это достигалось категорическимъ распоряженіемъ Восточному отряду оказывать Куроки сопротивленіе на всѣхъ встрѣчающихся на пути его наступленія позиціяхъ; усиленіемъ Вост. отряда конницей, если бы таковая оказалась свободной, энергичными дѣйствіями коннаго отряда ген. Ренненкампфа на сообщенія I японск. арміи (мы видѣли, какъ японцы опасались этого); наконецъ,—если бы наступленіе японцевъ приняло угрожающій сообщеніямъ Маньчжурской арміи характеръ—4. Сибир. корпусъ вмѣсто Южнаго отряда могъ бы быть направленъ въ Восточный; слѣдующимъ резервомъ служилъ бы X арм. корпусъ, войска котораго стали подходить въ раіонъ сосредоточенія въ началѣ іюня. Но, какъ мы видѣли, I японск. ярмія въ началѣ мая могла продвинуться только на ничтожное разстояніе, а когда она получила способность наступать, въ это время война уже могла бы быть рѣшена дѣйствіями на Квантунѣ. Изъ сдѣланнаго очерка видно, что наступленіе, предпринятое въ началѣ мая, давало намъ громадной важности преимущество—*за-*

Библиотека "Руниверс"

хватъ почина дѣйствій, благодаря совершенно неожиданной, но довольно опредѣленно выяснившейся въ началѣ мая новой данной: неготовности японскихъ армій къ открытію противъ насъ наступательныхъ дѣйствій.

Энергичное преслѣдованіе поставленной цѣли спутало бы противнику всѣ его карты, которыя онъ приготовился разыграть въ Южной Маньчжуріи, слишкомъ самоувѣренно расчитывая на нашу неготовность и слабую провозоспособность желѣзной дороги (т. I, стр. 255).

Далеко не такъ благопріятны были для насъ виды во второй половинѣ мая. Вслѣдствіе недостаточно упорной обороны и отсутствія поддержки съ сѣвера, Цзиньчжоуская позиція 13 мая оказалась въ рукахъ японцевъ. Съ другой стороны, предпринятая противникомъ съ 6 мая высадка въ Дагушанѣ уже начала принимать характеръ угрозы для линіи сообщенія отряда, предназначеннаго для выручки П.-Артура. Иниціатива ускользала изъ нашихъ рукъ, но, усиливъ энергію дѣйствій до крайней степени, можно было еще вырвать ее изъ рукъ противника. Хотя свѣдѣнія о размѣрѣ высадки были довольно неопредѣленны, но твердыхъ данныхъ къ тому, чтобы считать количество высадившихся тамъ войскъ болѣе 1—2 бригадъ, не было. Генералъ Мищенко, расположенный со своимъ коннымъ отрядомъ въ раіонѣ ближайшемъ къ Дагушану, больше склонялся къ тому, что размѣръ десанта не превосходитъ одной дивизіи (т. II, ч. 1, стр. 272). Развѣдыват. отд—іе хотя и допускало возможность высадки въ Дагушанѣ арміи изъ нѣсколькихъ дивизій, но къ 19 мая имѣло опредѣленное свѣдѣніе о нахожденіи тамъ только 10. дивизіи (сводка стр. 46), по другимъ свѣдѣніямъ большая часть высадившихся войскъ направлялась береговой дорогой на Бицзыво; въ направленіи на Сюянь оперировали сравнительно небольшія силы: 1—2 бригады (т. II, ч. 1, стр. 377, Сводки свѣдѣній къ 18 и 19 мая). 14 мая К—щій М. арміей опредѣлялъ силу высадившихся въ Дагушанѣ войскъ въ одну дивизію (т. II, ч. 1, стр. 305). Во всеподданнѣйшей депешѣ отъ 16 мая ген.-ад. Алексѣевъ высказываетъ категорически, что предположенія о высадкѣ у Дагушана новой арміи не оправдались: „высажена дивизія или нѣсколько болѣе, вѣроятно, лишь подкрѣпленіе I арміи“ (стр. 294). Во всякомъ случаѣ совершившаяся тамъ высадка еще болѣе уменьшала вѣроятность десанта на сѣверномъ побережьи Ляодунскаго залива, такъ какъ трудно было предположить, чтобы

Библиотека "Руниверс"

противникъ допустилъ такую разброску войскъ и рѣшился на трудную десантную операцію небольшими сравнительно силами въ раіонѣ, занятомъ нашими войсками. Это признавалось и К—щимъ М. арміей, какъ видно изъ его предписанія К—ру 4. Сиб. корпуса отъ 25 мая (т. II, ч. 1, стр. 364). Наши силы въ Ю. Маньчжуріи къ 15 мая возросли до 102 баталіоновъ, 84 эск. и сотенъ и 250 орудій (не считая пограничн. стражи), изъ коихъ К—щій арміей не могъ располагать только 4-мя б—нами въ Мукденѣ; у японцевъ въ это время въ составъ арміи вошли: I-й—гв., 2. и 12. дивизіи, II-й—3. 4. и 5. дивизіи, III-й—1. 6. и 11. дивизіи, но изъ нихъ двѣ послѣднія только къ концу мая кончили высадку; также и 10. дивизія—ядро будущей IV арміи только къ 17 мая успѣла высадить въ Дагушанѣ 9 б—новъ, 1 эск., 24 гор. орудія и 1 сапер. б—нъ; высадка всей дивизіи закончилась только 27 мая (т. II, ч. 1, стр. 373). Для усиленія передовыхъ частей 10. дивизіи была направлена изъ I арміи одна бригада гвард. дивизіи, которая подошла къ 24 мая и вмѣстѣ съ частями 10. дивизіи участвовала въ занятіи 26 мая г. Сюяня. I японская армія все еще не была способна къ наступленію (т. II, ч. 1, стр. 394) [1]); передвиженіе частей ея, принятое нами было за начало обхода нашего лѣваго фланга въ направленіи на Саймацзы, не подтвердилось; къ 18 мая г. Саймацзы былъ нами снова занятъ и никакихъ сколько-нибудь значительныхъ силъ на дорогѣ оттуда въ Фынхуанченъ не оказалось (т. II, ч. 1, стр. 393).

Во всякомъ случаѣ къ половинѣ мая еще ни одна изъ японскихъ армій не была готова къ наступательнымъ дѣйствіямъ и числомъ баталіоновъ Маньчжурская армія превосходила имѣвшіяся противъ нея силы японцевъ (если не считать III-й японск. арміи, связанной П.-Артуромъ). Но, къ сожалѣнію, прибывшая за первую половину мая въ раіонъ сосредоточенія 2. Сибирская дивизія, подъ вліяніемъ различныхъ опасеній, являвшихся у К—щаго арміей, разошлась на усиленіе заслоновъ, выставленныхъ къ сторонѣ Фынхуанчена и Дагушана, между тѣмъ, какъ она могла быть вся направлена въ составъ отряда, назначеннаго для выручки П.-Артура. При тщательномъ разсмотрѣніи дѣйствительной группировки Маньчжурской арміи къ 16 мая (т. II, ч. 1, стр. 350—353) [2]) оказывается, что для наступленія къ югу можно было рас-

---

[1]) Тоже у Гамильтона Т. I стр. 166—167, Соч. Апг. ген. штаба вып. II стр. 168.

[2]) См. схему № 2.

Библиотека "Руниверс"

полагать слѣдующими частями: изъ состава Южнаго авангарда—1. Сибирскимъ корпусомъ (24 батал.); изъ состава общаго резерва—5. В.-С. стр. дивизіей (11½ бат.) и вторыми бригадами 31. и 35. п. дивизій (13 бат.), итого около 48 баталіоновъ; побережье Инкоу-Гайчжоу могла занять 1. бригада 2. Сиб. дивизіи, прибывшая 18 мая въ Хайченъ; заслономъ противъ Дагушанской группы служилъ 21. В.-С. полкъ (3 бат.), находившійся на Далинскомъ и Иханлинскомъ перевалахъ, поддержкой ему на случай перехода японцевъ въ наступленіе могла служить 2. бригада 2. Сиб. п. дивизіи, которую для этой цѣли слѣдовало отозвать изъ Вост. отряда, въ которомъ все еще оставалось бы 20½ б—новъ, не считая трехъ б—новъ отряда Ренненкампфа. 3. Сиб. дивизія, которая ожидалась въ періодъ между 20 и 28 мая, должна была разсматриваться, какъ общій резервъ арміи.

Чтобы сосредоточить для наступленія на югъ указанную массу 48 б—новъ, надо было проникнуться суворовскимъ завѣтомъ: „идешь въ бой, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникаціи“... надо было отрѣшиться отъ стремленія признавать противника вездѣсущимъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ, а себя ни къ чему неспособнымъ и безпомощнымъ... Операція главными силами М. арміи противъ Куроки была признана невыполнимой, въ виду гористости, бездорожья, отсутствія мѣстныхъ средствъ въ раіонѣ между Ялу и жел. дорогой;—если эти обстоятельства представляли препятствіе для насъ, почему же считалось, что для японцевъ все это ни по чемъ и они, оперируя арміями по нѣсколько дивизій, могутъ переноситься по дикой, горной мѣстности, какъ птицы, не нуждающіяся, ни въ обозахъ, ни въ устроенныхъ комуникаціонныхъ линіяхъ? На такую тенденцію начальства Манчжур. арміи обратилъ вниманіе и тогдашній Военный Министръ ген.-ад. Сахаровъ, который на доставленной ему копіи письма ген.-ад. Куропаткина къ ген.-ад. Алексѣеву отъ 14 мая сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующія помѣтки: „Странно, что намъ мѣшаютъ и горы, и дожди, а японцамъ—ничто не мѣшаетъ“; противъ мѣста письма, къ которомъ К—щій арміей ссылается на отсутствіе у насъ транспортовъ, необходимыхъ для подвоза продовольствія въ случаѣ наступленія на востокъ: „А у японцевъ есть?“ (Т. II, ч. 1. Приложеніе № 29, стр. 94). Такія же мысли высказывалъ и начальникъ Вост. отряда ген. гр. Келлеръ, который въ письмѣ К—щему арміей отъ 22 мая, осуждая предписанный его отряду пассивный образъ дѣйствій, писалъ между прочимъ слѣдующее:..... „Отказавшись отъ всякой иниціативы на всей нашей восточной линіи, мы тѣмъ самымъ вполнѣ

Библиотека "Руниверс"

подчиняемся иниціативѣ японцевъ"—„Мы ихъ всюду боимся,— они намъ мерещатся вездѣсущими..." (Т. II, ч. 1, стр. 394).

Такъ же смотрѣлъ на дѣло адмиралъ Алексѣевъ, который въ своей перепискѣ съ К—щимъ арміей постоянно предостерегалъ отъ преувеличенія силъ и предпріимчивости противника.

Такимъ образомъ, еще въ половинѣ мая было возможно приступить къ быстрому сосредоточенію для наступленія къ Портъ-Артуру не менѣе 48 баталіоновъ и обстановка на театрѣ войны, правильно понятая въ то время Намѣстникомъ, безусловно допускала, безъ особеннаго риска, направить такую массу противъ арміи Оку.

При изложеніи хода вафангоуской операціи было объяснено, что то же самое было возможно и въ концѣ мая, при чемъ ничто не мѣшало сосредоточить подъ начальствомъ ген. Штакельберга 48 баталіоновъ еще къ 31 мая, ко дню перехода въ наступленіе арміи Оку. Хотя къ концу мая Дагушанская группа противника (10. дивизія) успѣла высадиться полностью и усилилась гвардейской бригадой, что дало ей возможность овладѣть Сюянемъ, но къ дальнѣйшему наступленію она, по неустройству сообщеній, еще не была готова (т. II, ч. 1, стр. 381) [1]). Дѣйствія японцевъ въ концѣ мая въ направленіи отъ Фынхуанчена къ Ляояну, а также на Саймацзы носили явно демонстративный характеръ (т. II, ч. 1, стр. 399—402), указывая на неготовность I арміи къ наступленію. Между тѣмъ къ намъ въ теченіе второй половины мая подошла 3. Сибирская дивизія, что доводило силы наши въ южной Маньчжуріи до 118 бат., противъ 120 баталіоновъ японцевъ, изъ коихъ 24 были связаны П.-Артуромъ.

Вопросъ о необходимыхъ „средствахъ" для исполненія операціи къ югу подразумѣваетъ также и административную подготовку. По нѣкоторымъ намекамъ въ текстѣ труда В.-Ист. комиссіи (напр. т. II, ч. 1, стр. 360—361), можно думать, что наступленіе могло встрѣтить препятствія въ отношеніи обезпеченія отряда продовольствіемъ. Но болѣе подробное ознакомленіе съ этимъ вопросомъ по главѣ XIII, т. II, ч. 2 (Организація ближняго тыла) выясняетъ, что ни обезпеченіе отряда продовольствіемъ, ни устройство его

---

[1]) Для угрозы, согласно полученнаго 31 мая изъ главной квартиры предписанія, линіи сообщенія русскихъ въ направленіи въ Гайчжоу, ген. Кавамура (нач. 10. див.) предполагалъ только „занять" перевалы между Сюянемъ и Гайчжоу, назначивъ для этой цѣли два отряда, силою, въ общей сложности, *въ 6 б—новъ* (Соч. Анг. ген. шт. II стр. 129).

Библиотека "Руниверс"

комуникаціонной линіи — желѣзной дороги, по существу не представляли никакихъ затрудненій (стр. 517 — 520) и если и встрѣчались нѣкоторыя шероховатости, то происходили онѣ отъ той же основной причины, отъ которой зависѣлъ медленный и несвоевременный притокъ въ отрядъ подкрѣпленій: отъ отсутствія твердой постановки цѣли и отъ постоянныхъ колебаній въ исполненіи принятаго плана. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что въ первой половинѣ мая, когда уже былъ выдвинутъ на очередь вопросъ о переходѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и происходило непрерывное сосредоточеніе войскъ въ раіонѣ Ляоянъ-Гайчжоу, продовольственные запасы вывозились изъ Ляояна *на сѣверъ* для образованія промежуточныхъ магазиновъ.

Слѣдующая частная задача, которую, послѣ разбитія японскаго заслона, предстояло выполнить М. арміи, было овладѣніе Цзиньчжоуской позиціей. Если для рѣшенія первой задачи было достаточно только сосредоточить силы, превосходящія армію Оку, то при выполненіи второй необходимо было прибѣгнуть къ широкому содѣйствію техническихъ средствъ. Этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь, но въ концѣ мая получилъ только частичное разрѣшеніе въ видѣ начала образованія въ Харбинѣ осаднаго парка (т. II, ч. 1, стр. 349). Во всякомъ случаѣ сосредоточеніе къ Цзиньчжоускому перешейку необходимыхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ средствъ потребовало бы не мало времени, что сильно усложняло вопросъ о выручкѣ П.-Артура послѣ потери нами Цзиньчжоуской позиціи; въ какую форму могло бы вылиться обратное овладѣніе нами этой позиціей, сказать трудно, т. к. это зависѣло бы и отъ размѣра пораженія, понесеннаго арміей Оку, отъ степени энергіи, съ которой была бы использована побѣда, отъ готовности къ началу іюня японскихъ работъ на горѣ Самсонъ и на перешейкѣ (о чемъ свѣдѣній не имѣется), и отъ содѣйствія, котораго могла ожидать М. армія со стороны нашей П.-Артурской эскадры. Куроки и Кавамура въ это время навѣрное напрягли бы всѣ усилія, чтобы, дѣйствуя на наши заслоны, заставить насъ оттянуть войска Штакельберга къ сѣверу. Но волшебное слово „побѣда“, все-таки, впервые послѣ четырехъ мѣсяцевъ войны, гордо прозвучало бы въ рядахъ нашей арміи. Можно ли предсказать, каково было бы его вліяніе на моральное состояніе войскъ и ихъ начальниковъ? Можно ли предвидѣть, каковъ при этомъ условіи былъ бы результатъ неготовыхъ еще къ наступленію японскихъ войскъ восточной группы? Не воспрянулъ ли бы духомъ и П.-Артурскій гарнизонъ и не почувствовалъ ли бы себя въ силахъ сбить слабый японскій заслонъ, угрожая его еще неустроенной базѣ въ Дальнемъ? Не былъ ли бы

Библиотека "Руниверс"

значительно сильнѣе произведенный на противника эффектъ выхода русской эскадры изъ П.-Артура,—выхода, который такъ ошеломилъ японцевъ даже послѣ одержанной 2 іюня побѣды (т. II, ч. 2, стр. 109)?—Все это должно конечно навсегда остаться въ области догадокъ. Ограничиваясь лишь самымъ скромнымъ изъ возможныхъ предположеній, можно съ увѣренностью сказать, что энергичныя дѣйствія съ нашей стороны противъ Цзиньчжоу отвлекли бы отъ П.-Артура часть силъ и осадныхъ средствъ III японской арміи; это обстоятельство, въ связи съ возможностью установленія болѣе тѣсной связи, а также моральнымъ значеніемъ близости выручки, способствовало бы совмѣстнымъ дѣйствіямъ гарнизона съ деблокаднымъ корпусомъ, что по меньшей мѣрѣ дало бы значительный выигрышъ времени. Какое это могло имѣть вліяніе на участь П.-Артура—ясно само собою.

Довольно вѣрную оцѣнку общаго положенія на театрѣ войны можно встрѣтить въ письмѣ тогдашняго Военнаго Министра къ К—щему М. арміи отъ 31 мая, въ которомъ ген.-ад. Сахаровъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующія мысли: „Событія..... происшедшія въ теченіе второй половины мая мѣсяца, повидимому, не оправдали предположеній..... о наступленіи противъ М. арміи двухъ японскихъ армій, общей численностью до 100 б—новъ. Напротивъ, армія Куроки, одержавъ успѣхъ на Ялу и продвинувшись къ Фынхуанчену, тѣмъ и ограничилась, что съ довольно большой вѣроятностью объясняется ея численной слабостью сравнительно съ М. арміей. Повидимому, армія Куроки имѣла цѣлью приковать къ себѣ вниманіе, дабы дать возможность безпрепятственно высадиться другимъ японскимъ войскамъ, назначеннымъ дѣйствовать противъ П.-Артура. Преслѣдуя эту цѣль, Куроки, мелкими отрядами и не имѣющими значенія серьезныхъ попытокъ дѣйствіями противъ передовыхъ частей М. арміи, достигъ своей задачи... армія оставалась въ выжидательномъ положеніи противъ слабѣйшаго Куроки, а тѣмъ временемъ значительныя силы японцевъ высадились на побережьи Ляодунскаго полуострова, одержали крупный успѣхъ у Цзиньчжоу и отрѣзали П.-Артуръ...“ (Т. II, ч. 1, стр. 418—419).

Когда отправлялось это письмо, автору его еще не было извѣстно, что на Южно-Маньчжурскомъ театрѣ назрѣвали новыя событія, которыя должны были окончиться неудачнымъ для насъ боемъ у Вафангоу. И подобно тому, какъ ничтожныя передвиженія войскъ генерала Куроки помѣшали оказать помощь Цзиньчжоускому отряду, когда на него были направлены силы трехъ японскихъ дивизій, такъ же и на этотъ разъ слабыя демонстраціи японцевъ на востокѣ задержали въ тылу 1. Сибирскаго корпуса сильные

Библиотека "Руниверс"

резервы, которые, будучи брошены 2 іюня на вѣсы боя, могли склонить побѣду на нашу сторону [1]).

Но помыслы К—щаго М. арміей по-прежнему были поглощены заботами о томъ, какъ бы преградить всѣ пути, по которымъ противникъ, такъ или иначе, могъ намъ угрожать. Одинъ взглядъ на схему расположенія нашей арміи къ 31 мая (№ 3) показываетъ, путемъ какой разброски, можно сказать „распыленія“ силъ, эта цѣль была, и все-таки не вполнѣ,—достигнута. Заботливость простиралась до того, что армейскій резервъ, который въ виду предстоящаго наступленія къ югу, конечно, долженъ бы быть отправленъ въ составъ отряда ген. Штакельберга, мало того, что былъ оставленъ въ Ляоянѣ, но одну бригаду его К—щій арміей еще 28 мая готовъ былъ отправить въ поддержку Восточному отряду (т. II, ч. 1, стр. 408). Но такъ какъ всѣмъ частнымъ начальникамъ постоянно строго-настрого указывалось не ввязывается въ бой съ превосходными силами, то закупорка вездѣ выходила слабой, и наши передовыя части отходили подъ ничтожнымъ натискомъ противника, а иногда даже передъ воображаемымъ непріятелемъ, какъ было напр. съ отрядомъ ген.-м. Грекова, отошедшимъ 28 и 29 мая къ Сихеяну. На рѣшеніе ген.-м. Грекова отступить на переходъ назадъ, вслѣдствіе полученныхъ фантастическихъ свѣдѣній объ обходѣ его отряда японцами, несомнѣнно могла оказать вліяніе данная ему К—щимъ арміей инструкція, которая между прочимъ заключала такое классическое указаніе: „обезпечивать.... задерживая противника, стремясь выяснить его силы и направленіе движенія, но не ввязываясь въ упорный бой, *дабы ни подъ какимъ видомъ не подвергнуться пораженію, но и не упуская случая нанести вредъ противнику*“ (т. II, ч. 1, стр. 387. Курсивъ мой). Опасенія за дальніе обходы фланговъ заставляли отбрасывать войска для ихъ обезпеченія, растягивая и безъ того растянутый фронтъ. Появились не только отряды, обезпечивающіе напр. лѣвый флангъ, но и „крайній“ лѣвый флангъ и чуть-ли не „самый крайній“ лѣвый флангъ. Наступательныя попытки частныхъ начальниковъ не встрѣчали со-

---

[1]) Изъ телеграммы н—ка пол. штаба М. арміи № 5270, имѣющейся въ дѣлѣ В.-Уч. Архива № 39027 стр. 16, видно, что 1 іюня выступили изъ Ляояна 19. В.-С. стр. полкъ съ батареей, изъ Ляндяньсяна шесть баталіоновъ 2. бр. 2. Сиб. дивизіи, которые 3 іюня утромъ должны были прибыть въ Хайченъ; 2 іюня выступила изъ Ляояна въ Хайченъ 1. бр. 5. В.-С. стр. дивизіи съ артиллеріей. Вѣроятно, эти передвиженія войскъ въ южномъ направленіи были вызваны извѣстіемъ о переходѣ 31 мая арміи Оку въ наступленіе; такимъ образомъ для *отпарированія удара* резервы нашлись, но для *нанесенія удара* ихъ не оказалось.

Библиотека "Руниверс"

чувствія со стороны начальства арміи, какъ напр. задуманное графомъ Келлеромъ послѣ занятія 18 мая Саймацзы и отмѣненное распоряженіемъ свыше, наступленіе къ Айянямыню; какое угнетающее впечатлѣніе эта отмѣна произвела на войска, видно изъ письма названнаго генерала къ К—щему арміей отъ 22 мая (т. II, ч. 1, стр. 393—394). Такимъ же образомъ не было одобрено ген.-ад. Куропаткинымъ и предположенное н—комъ Вост. отряда вторичное наступленіе на Саймацзы, откуда ген. Грековъ былъ оттѣсненъ японцами 25 мая. Распоряженіе въ виду этого было гр. Келлеромъ отмѣнено, также какъ и выдвиженіе 29 мая передовыхъ частей Вост. отряда въ направленіи на Фынхуанченъ, кончившееся отозваніемъ этихъ частей обратно на перевалы, съ отказомъ отъ порученной имъ развѣдки (т. II, ч. 1, стр. 411—413). Въ директивахъ ген.-ад. Куропаткина, относящихся къ этому времени, все чаще начинаютъ встрѣчаться выраженія: „озабоченъ“, „тревожусь“, „безпокоюсь“, „опасайтесь“, и предупрежденія о возможности встрѣчъ съ „большими силами противника“ [1]), что въ концѣ концовъ должно было оказывать подавляющее вліяніе на психику подчиненныхъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ постоянныхъ тревогъ и опасеній, такъ сказать видимымъ результатомъ неспокойнаго состоянія духа вождя, было нарушеніе постоянной организаціи войскъ, т. к. для устраненія предполагаемой опасности, на угрожаемое направленіе бросалась первая попавшаяся часть;—такимъ образомъ въ маѣ мѣсяцѣ разошелся по мелочамъ только-что прибывшій на театръ войны 4. Сибирскій корпусъ. Вліяніе въ указанномъ смыслѣ К—щаго М. арміей на душевное состояніе подвѣдомственнаго ему генерала можно прослѣдить на примѣрѣ к—ра 1. Сибирскаго корпуса. Во время подготовки къ наступленію на югъ настроеніе ген. бар. Штакельберга было въ общемъ приподнятое. 17 мая, въ соображеніяхъ, представленныхъ К—щему арміей, названный генералъ находилъ немедленное выдвиженіе на югъ до Пуландяня, и даже далѣе, отряда въ 19—27 баталіоновъ вполнѣ исполнимымъ, достаточно безопаснымъ и вполнѣ своевременнымъ для отвлеченія части силъ противника отъ П.-Артура; высадка противника на побережьи Инкоу—Сюнеченъ признавалась мало вѣроятной, также какъ и нахожденіе у Дагушана цѣлой непріятельной арміи (т. II, ч. 1, стр. 356). Но не такъ смотрѣлъ на это К—щій М. арміей; признавая обстановку еще не достаточно выясненной для перехода въ наступленіе указанными силами, онъ полагалъ достаточнымъ

[1]) Напр. телеграммы гр. Келлеру отъ 19 и 20 мая, приведенныя въ Т. II Ч. I, стр. 390—391.

Библиотека "Руниверс"

первоначально ограничиться разбитіемъ передовыхъ частей японцевъ, если бы они намъ таковыя подставили, для чего разрѣшилъ отправить до станціи Вафангоу, въ раіонъ, занятый передовой конницей, сначала два стрѣлковыхъ полка, а затѣмъ выдвинуть ихъ до ст. Вафандянъ и довести до бригады съ артиллеріею. Постоянно вращаясь въ кругѣ опасеній за возможность пораженія противникомъ нашихъ передовыхъ частей, умъ К—щаго арміей естественно долженъ былъ склониться къ тому же предположенію въ обратномъ смыслѣ: нельзя ли нанести отдѣльное пораженіе какой-нибудь зарвавшейся небольшой части противника? Эта мелкая цѣль въ продолженіе нѣсколькихъ дней занимаетъ вниманіе ген.-ад. Куропаткина, но, настойчиво рекомендуя ее въ телеграммѣ отъ 21 мая къ исполненію к-ру 1. Сиб. корпуса, онъ не забываетъ все-таки предостеречь своего подчиненнаго отъ вступленія въ бой съ превосходными силами противника и напомнить о необходимости сохраненія готовности для быстраго отхода (стр. 359). Въ той же депешѣ К—щій арміей предусмотрительно освѣдомляетъ ген. Штакельберга объ „активной дѣятельности японцевъ противъ лѣваго фланга арміи“ и объ „обнаруженіи ихъ присутствія въ Сыпингаѣ“: послѣднее было основано на непровѣренномъ донесеніи изъ отряда ген. Ренненкампфа, которое оказалось совершенно невѣрнымъ (т. II, ч. 1, стр. 391); что же касается вообще дѣятельности японцевъ на лѣвомъ флангѣ, то выше было объяснено, насколько она заслуживала названія „активной“. Въ телеграммѣ 22 мая К—щій арміей высказываетъ ген. Штакельбергу свою *озабоченность* „возможностью быстро изнурить конницу его отряда“. Едва-ли такое настроеніе, ставъ извѣстнымъ конницѣ, могло благопріятно отразиться на энергіи ея дѣйствій (стр. 361).

28 мая, потерявъ надежду на нанесеніе отдѣльнаго пораженія передовымъ частямъ Оку, которыя успѣли уклониться, К—щій М. арміей отнесся уже неодобрительно къ рѣшенію ген. Штакельберга выдвинуть бригаду стрѣлковъ изъ Вафангоу къ Вафандяну въ качествѣ поддержки для передовой конницы, встрѣчавшей затрудненія въ производствѣ развѣдокъ со стороны кавалеріи противника, которая опиралась на свою пѣхоту (т. II. ч. 1, стр. 368). Между тѣмъ въ это время было уже рѣшено „энергичное и быстрое“ движеніе 1. Сиб. арм. корпуса къ югу, дабы отвлечь на себя возможно больше силъ для облегченія положенія П.-Артура и въ соотвѣтствіи съ этимъ к—ру корпуса 25 мая была дана инструкція (т. II, ч. 1, стр. 363). Но устанавливая въ качествѣ общей цѣли ослабленіе арміи противника, оперирующей на Квантунѣ, инструкція запрещала „доводить дѣло до рѣшительнаго столкновенія

Библиотека "Руниверс"

съ превосходными силами" и „расходовать въ бою весь резервъ, пока не выяснится обстановка". Рекомендовалось сверхъ того тщательное наблюденіе за флангами и высказывалось предостереженіе относительно возможности новой высадки на Ляодунскомъ полуостровѣ, „дабы ни въ коемъ случаѣ не допустить себя до обхода съ того или другого фланга" [1]).

Подъ вліяніемъ приведенныхъ указаній наступательное настроеніе к—ра 1. Сиб. корпуса нѣсколько упало, и 26 мая онъ уже рѣшаетъ „завлечь" противника „возможно дальше отъ Пуландяня и при первомъ удобномъ случаѣ атаковать" (стр. 366—367). Но къ 31 мая, расчитывая на прибытіе подкрѣпленій, ген. Штакельбергъ снова предполагаетъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и составляетъ соображенія объ атакѣ противника 5 іюня у Пуландяня [2]). Предположеніе это не осуществилось, т. к. Оку предупредилъ насъ переходомъ въ наступленіе. Оно впрочемъ и безъ этого не состоялось бы, т. к. ген.-ад. Куропаткинъ 2 іюня телеграфировалъ ген. Штакельбергу: „Непріятель изъ Сюяня перешелъ въ наступленіе... еще не извѣстно, не послѣдуетъ ли главный ударъ на Гайчжоу; предлагаю даже въ случаѣ побѣднаго боя не увлекаться преслѣдованіемъ, ибо Куроки... можетъ временно выйти на Ваши сообщенія..." (т. II, ч. 2, стр. 69).

„Я предвижу", писалъ 29 мая ген.-ад. Куропаткинъ Намѣстнику, „что начало дѣйствій къ югу Штакельберга совпадаетъ и съ началомъ энергичнаго наступленія Куроки". Это пророчество, какъ извѣстно, не сбылось, но высказанное въ немъ опасеніе не могло не отразиться на энергіи приготовленій къ наступленію 1. Сиб. корпуса.

Такимъ образомъ, привычка К—щаго арміей возбуждать въ своихъ подчиненныхъ тревогу мало-по-малу приносила свои плоды: частные начальники начинали смотрѣть на обстановку глазами ген.-ад. Куропаткина, т. е. тоже чего-то опасаться, тревожиться и безпокоиться и, какъ въ такихъ случаяхъ водится, ссылаться на свою слабость и просить о присылкѣ подкрѣпленій. Такія просьбы

---

[1]) По этому поводу г. Г. Штакельбергъ говоритъ слѣдующее: „Подобныя указанія, противорѣчащія другъ другу, были трудно выполнимы; но они безспорно давали возможность впослѣдствіи заявлять: „Я же вамъ приказалъ дѣйствовать энергично" или „вамъ же было указано избѣгать боя съ превосходными силами", что дѣйствительно имѣло мѣсто не разъ; укажу лишь на упрекъ послѣдней категоріи, которому подвергся командиръ 1. Сиб. корпуса... послѣ боя подъ Вафангоу". (Военно-Историческій Сборникъ 1911 г. № 4 статья „Ташичао" стр. 103).

[2]) Т. II ч. 2. Приложеніе № 35, стр. 5—7.

Библиотека "Руниверс"

въ свою очередь утверждали К—щаго арміей въ его собственныхъ опасеніяхъ, въ результатѣ чего получался заколдованный кругъ, изъ котораго, чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было выбраться.

За короткій промежутокъ времени—май 1904 года, уже можно подмѣтить зачатки такой эволюціи въ умахъ начальствующаго персонала Маньчжурской арміи и уже по одной этой причинѣ переходъ въ наступленіе въ началѣ мая обѣщалъ больше успѣха, нежели предпринятый въ концѣ этого мѣсяца. Но во всякомъ случаѣ духъ нашихъ войскъ и ко времени Вафангоускаго боя былъ еще на надлежащей высотѣ и главной данной, обѣщавшей намъ успѣхъ въ болѣе раннее время, была *неготовность* противника, которую мы, къ сожалѣнію, въ то время не съумѣли учесть и использовать.

При существующихъ, во многомъ превратныхъ, взглядахъ, которые распространены въ нашемъ обществѣ со времени печальной памяти событій 1904—5 годовъ, взглядахъ, полагающихъ въ основаніе оцѣнки этихъ событій нашу якобы неготовность, нашу неосвѣдомленность (Ils ne savaient pas!), подавляющія силы, будто бы выставленныя Японіей въ самомъ началѣ войны, и тому подобные жупелы, которые для многихъ затмили истинный смыслъ совершившихся фактовъ, утвержденіе о неготовности японцевъ, которой мы, будто бы, не съумѣли воспользоваться, должно казаться фантастическимъ. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ событіями, хотя бы по описанію войны, составленному В.-Ист. комиссіей, оцѣнка эта должна отпасть.

Уже къ 15 марта 1904 г. выяснилось, что предположенія наши о готовности японцевъ были преувеличены и что, напротивъ, наше сосредоточеніе въ Ю. Маньчжуріи происходитъ, благодаря успѣшной работѣ жел. дороги, быстрѣе противъ тѣхъ расчетовъ, которые были положены въ основаніе нашего плана стратегическаго развертыванія (см. всеподданнѣйшую телеграмму Намѣстника отъ 15 марта, т. II ч. 1 стр. 35). Вмѣсто 6—8 японскихъ дивизій, которыя ожидались у р. Ялу не позже половины марта, ихъ оказалось тамъ всего три и то только въ концѣ марта (т. II ч. 1. стр. 119); переправа ихъ черезъ Ялу состоялась только 17—18 апрѣля. У насъ же вмѣсто ожидаемыхъ 40 баталіоновъ къ 15 марта въ Ю. Маньчжуріи было 55, не считая четырехъ баталіоновъ, на которые былъ за это время усиленъ П.-Артуръ противъ первоначальныхъ предположеній (стр. 36). Трудно думать, чтобы при своей мобилизаціонной готовности и обиліи морскихъ транспортныхъ средствъ японцы не въ состояніи были въ продолженіе первыхъ полутора мѣсяцевъ войны сосредоточить на Маньчжурско-Корейской границѣ силы вдвое большія противъ тѣхъ, которыя они дѣйствительно тамъ

Библиотека "Руниверс"

выставили; но, судя по тому, какъ пренебрежительно японцы оцѣнивали нашу общую готовность къ борьбѣ (т. I. стр. 255), имѣвшіяся къ началу войны русскія силы на Дальнемъ Востокѣ и провозоспособность Сибирской жел. дороги (А. Свѣчинъ стр. 36), надо полагать, что ради избѣжанія административныхъ неудобствъ, которыя должно было вызвать сосредоточеніе большихъ силъ на нижней Ялу, а также для улучшенія условій мобилизаціи, они рѣшили приведеніе войскъ на военное положеніе и отправленіе ихъ на Маньчжурскій театръ войны производить не торопясь, по мѣрѣ готовности, и высаживать свои арміи въ разныхъ мѣстахъ, для достиженія охватывающаго относительно насъ положенія (тамъ же стр. 35). При этомъ японцы совершенно пренебрегали нашей арміей, которая могла быть собрана въ Южной Маньчжуріи въ первые мѣсяцы войны. Затѣмъ, мало того, что они готовились вести сразу двѣ главныя операціи — на П.-Артуръ и на Ляоянъ: они допускали возможность веденія еще и третьей операціи—на Владивостокъ (тамъ же стр. 36). „Эти ошибки“, говоритъ подполковникъ Свѣчинъ, „поставили японскую армію въ дни Ляоянской битвы въ критическое положеніе“. „При составленіи плана войны, учитывая силы врага, осторожнѣе погрѣшить въ бо̀льшую сторону, нежели въ меньшую“, прибавляетъ наставительно авторъ. Ошибки, которую ставитъ подпол. Свѣчинъ въ упрекъ японцамъ, не было сдѣлано въ русскомъ планѣ, который, какъ выше указывалось, скорѣе склоненъ былъ преуменьшать свои силы, чѣмъ японскія, почему по прошествіи трехъ мѣсяцевъ войны положеніе для насъ на Маньчжурскомъ театрѣ войны оказалось не только болѣе благопріятнымъ, чѣмъ можно было ожидать по предварительнымъ соображеніямъ, но даже настолько для насъ выгоднымъ, что еще въ маѣ (а не въ августѣ, какъ полагаетъ подпол. Свѣчинъ), мы могли поставить японцевъ въ критическое положеніе, если бы у вождей нашихъ хватило прозорливости для уясненія себѣ обстановки и порыва впередъ, чтобы взять въ свои руки починъ, упущенный самонадѣяннымъ врагомъ. Наступало время возмездія за 26 января, за Ялу, за дерзкое пренебреженіе къ намъ, которое позволили себѣ японцы, наступалъ тотъ „переломъ войны“, который, по словамъ г. А. Г. Елчанинова, явно чувствовался даже и въ *запоздалые* дни 31 мая, 1 и 2 іюня. (Тактика въ дѣйствіяхъ и т. д. стр. 243). Не одну узкую цѣль выручки П.-Артура, а болѣе грандіозную задачу захвата въ свои руки почина дѣйствій, преслѣдовали возникшія въ маѣ 1904 года предположенія о переходѣ М. арміей къ активнымъ дѣйствіямъ. Паденіе Цзиньчжоуской позиціи и возникшія опасенія за участь П.-Артура дѣлали задачу эту болѣе настоятельной, до из-

Библиотека "Руниверс"

вѣстной степени предрѣшали вопросъ о направленіи операціи, но не мѣняли сути дѣла, которая заключалась въ томъ, чтобы, пользуясь разбросной противника и неготовностью отдѣльныхъ его группъ, сосредоточенными силами Маньчжурской арміи бить его по частямъ. Въ предъидущемъ изложеніи я старался доказать, что препятствія, которыя усматривалъ К—щій арміей къ осуществленію этой задачи, не имѣли реальнаго значенія, а зависѣли исключительно отъ склада его ума и отсутствія рѣшительности въ его характерѣ. „Постоянное давленіе на нѣсколько пунктовъ оборонительной линіи русскихъ... породитъ въ ген. Куропаткинѣ сомнѣнія... и принудитъ его скорѣе разбросать свои силы, чѣмъ сосредоточенно бросить ихъ въ какомъ-либо одномъ направленіи“ (Т. II Ч. 2. стр. 108). Такъ говорили японскіе генералы про нашего командующаго арміей, строя на этой чертѣ его характера успѣхъ своихъ предпріятій, становившихся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дерзкими. Смѣлость нашего наступленія къ П.-Артуру, которое, только благодаря его неудачному финалу, было охарактеризовано, какъ безразсудство, не можетъ по степени своей рискованности идти ни въ какое сравненіе съ позднѣйшими операціями японцевъ, какъ напр. обходъ слабыми силами Куроки (первоначально 1½ дивизіями) нашего лѣваго фланга подъ Ляояномъ и фланговый маршъ арміи Ноги въ февралѣ 1905 г. въ одномъ переходѣ отъ 2. Маньчж. арміи.

Но въ первые мѣсяцы войны, пока противники еще не успѣли другъ друга изучить, обѣ стороны были склонны опасаться разныхъ неожиданностей. Мы боялись движенія Куроки на перерѣзъ нашихъ сообщеній съ Харбиномъ, на столько же, на сколько онъ опасался предпріятій противъ своего тыла со стороны отряда ген. Ренненкампфа [1]); мы учитывали тяжелыя послѣдствія отъ возможной высадки японцевъ у Инкоу или Гайчжоу, въ то время когда Оку былъ охваченъ ужасомъ за исходъ своей рискованной высадки близъ Бицзыво (Т. II Ч. 1 стр. 231); мы дрожали за цѣлость своей желѣзной дороги, японцы готовы были впасть въ панику, подъ вліяніемъ потопленія двухъ—трехъ транспортныхъ судовъ крейсерами адмирала Безобразова и выхода Портъ-Артурской эскадры на нѣсколько часовъ изъ гавани (Т. II Ч. 2 стр. 109—110). Если намъ было крайне трудно пріобрѣсти моральное превосходство надъ противникомъ впослѣдствіи, послѣ Мукдена и Цусимы, то это было

[1]) Чувствительность японцевъ къ ихъ тылу и путямъ сообщенія отмѣчалась и развѣд. отдѣленіемъ штаба арміи, напр. въ сводкѣ къ 22 мая, стр. 54.

Библиотека "Руниверс"

сравнительно легко въ маѣ 1904 года, когда рѣшительныхъ столкновеній еще не было, и когда японцы были до извѣстной степени ошеломлены нашей неожиданной для нихъ готовностью. Надо было постараться первому выйти изъ состоянія гипноза, первому обрушиться на врага, забывъ свои собственные страхи и тревоги. Этого психологическаго момента не учелъ К—щій М. арміей.

Кажется, Наполеонъ говорилъ: „если бы военныя операціи подчинялись точному математическому расчету, военное дѣло было бы удѣломъ посредственности“ (цитирую на память). Переиначивая это изреченіе, можно сказать, что тотъ, кто хочетъ наносить удары, самъ ничѣмъ не рискуя, всегда будетъ битъ. При условіи, что исполнителемъ плана перехода Маньчжурской арміи въ маѣ 1904 г. въ наступленіе было то самое лицо, которое руководило впослѣдствіи дѣйствіями нашихъ войскъ въ Ляоянскомъ, Шахейскомъ и Мукденскомъ сраженіяхъ, Вафангоуская операція должна была кончиться тѣмъ, чѣмъ она кончилась, т. е. неудачей. Совершенно вѣрно говоритъ одинъ изъ участниковъ войны 1904—5 г.г., что тѣ рѣшенія, которыя составляли основу высшаго управленія событіями въ февральскіе дни 1905 года, неизмѣнно носили характеръ *предпочтенія, отдаваемаго частнымъ успѣхамъ* передъ *рѣшительнымъ могучимъ ударомъ*, неизбѣжно связаннымъ съ *рискомъ*. „Но такія черты нашей стратегіи сказались значительно раньше Мукденскихъ боевъ, съ *первыхъ же дней* кампаніи,—и въ нихъ отразился *духовный складъ* бывшаго Главнокомандующаго“ [1]).

Получившій боевое воспитаніе въ средне-азіатскихъ походахъ, въ условіяхъ малой войны, одаренный блестящей личной храбростью, обширнымъ аналитическимъ умомъ и громадной работоспособностью, нашъ вождь не обладалъ въ равной мѣрѣ рѣшительностью характера и непреклонной волей, а также не понималъ природы современной большой войны.

Мнѣніе это, которое я позволяю себѣ здѣсь высказать, довольно близко подходитъ къ представленію, которое составили себѣ о ген.-ад. Куропаткинѣ иностранцы, занимавшіеся его личностью. Вотъ напр. какъ оцѣниваетъ его характеръ извѣстный германскій военный писатель Балкъ: весьма знаменательна для характеристики искусства вождя заботливость о постоянномъ наличіи... стратегическаго резерва. Для Куропаткина сильный резервъ служилъ наглядной гарантіей обезпеченія себя отъ всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей въ бою. „Могу ли я цѣлесообразно использовать свой

---

[1]) Бар. А. В. Кульбарсъ. 2-я Армія подъ Мукденомъ. 1908 г. Часть II, стр. 147. (Курсивъ автора).

Библиотека "Руниверс"

армейскій резервъ, если я не получаю никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ",—эту въ своемъ родѣ классическую фразу приписываетъ авторъ К—щему Маньчж. арміей. Оцѣнивая полководческій талантъ генерала Куропаткина съ точки зрѣнія событій Ляоянскаго боя, полк. Балкъ говоритъ: „Едва-ли въ военной исторіи можно встрѣтить еще другой примѣръ того, какъ близокъ былъ полководецъ къ побѣдѣ, какъ Куропаткинъ 21 августа. Этотъ день долженъ былъ для японцевъ закончиться катастрофой, которая, вѣроятно, рѣшила бы не только участь сраженія, но и всей кампаніи". (В. Сборникъ 1911 г. №10 стр. 214).

Еще одна крупная ошибка была допущена при веденіи Вафангоуской операціи: это отсутствіе, одновременно съ наступленіемъ отряда съ сѣвера, активныхъ дѣйствій гарнизона крѣпости противъ японскаго заслона, находившагося въ очень тяжеломъ положеніи, т. к. онъ, хотя и состоялъ въ концѣ мая изъ двухъ дивизій, но одна изъ нихъ понесла большія потери въ бою 13 мая (1.), а другая (11.) едва только окончила высадку; всего это составляло около 25 т. бойцовъ, неустроившихся и неокрѣпшихъ. „Сбивъ этотъ заслонъ, отбросивъ его за Цзиньчжоу, какія могли бы мы имѣть послѣдствія, особенно при дѣйствіяхъ въ связи съ Штакельбергомъ", говоритъ по этому поводу авторъ „Тактики въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями" (стр. 234). Интересно, что такой образъ дѣйствій и именно въ связи съ дѣйствіями выручки съ сѣвера предлагалъ никто иной, какъ самъ ген. Стессель, правда, не съ цѣлью продлить сопротивленіе крѣпости, а ради спасенія гарнизона посредствомъ прорыва черезъ блокадный корпусъ противника (Т. II Ч. 1, стр. 338).

Почему бы К—щему арміей, если онъ дѣйствительно былъ озабоченъ оказаніемъ П.-Артуру помощи, не использовать такого наступательнаго порыва защитниковъ крѣпости, заключивъ его въ должныя границы? Едва-ли впрочемъ донесенія Стесселя встрѣчали послѣ Цзиньчжоу вѣру у ген.-ад. Куропаткина; не особенно довѣрялъ его наступательному духу также и адмиралъ Алексѣевъ, что вѣроятно и было ближайшей причиной, почему вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ выручки и гарнизона больше не возбуждался. Надо имѣть въ виду и то, что связь съ П.-Артуромъ, хотя и не была въ то время совершенно прервана, но имѣла все-таки случайный характеръ, что должно было затруднить согласованіе операцій.

Библиотека "Руниверс"

Подробное изслѣдованіе Вафангоуской операціи, на основаніи имѣющагося нынѣ военно-историческаго матеріала, приводитъ къ заключенію, что планъ этой операціи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предложенъ былъ адмираломъ Алексѣевымъ, *основывался на расчетахъ, получившихъ полное оправданіе въ дѣйствительности*, и что неудача операціи зависѣла исключительно отъ тактическихъ причинъ, а не отъ тѣхъ опасностей стратегическаго характера, которыя выдвигались, какъ доводъ противъ осуществленія предложеннаго плана. Если бы во время наступленія отряда ген. Штакельберга къ югу, восточной группой японцевъ были бы произведены серьезныя атаки со стороны Сюяня и Фынхуанчена, и эти атаки были бы нами отбиты только благодаря участію удержанныхъ въ тылу сильныхъ резервовъ, тогда дѣло другое; но въ дѣйствительности резервы эти, какъ мы видѣли, бродили безъ всякой пользы между Ляояномъ и Хайченомъ: восточнымъ заслонамъ они не понадобились, а къ бою южнаго корпуса—не поспѣли.

Напрасно ген.-ад. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ о войнѣ (Отч. т. III стр. 12) иронизируетъ надъ Куроки, что будто тотъ „не понялъ критическаго положенія нашего на восточномъ фронтѣ во время операціи къ Вафангоу“ и упустилъ случай „уже въ первыхъ числахъ іюня овладѣть Ляояномъ“. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ ген.-ад. Куропаткинъ и ген. Куроки должны бы перемѣниться ролями, ибо, какъ было объяснено, японскій Командующій арміей, *не будучи въ самомъ дѣлѣ въ состояніи наступать*, съумѣлъ однако въ теченіе всего мая мѣсяца держать К—щаго нашей арміей подъ угрозой своего наступленія и этимъ настолько ослабилъ силы, направленныя изъ М. арміи противъ Оку, что возможное пораженіе своего товарища обратилъ въ побѣду [1]). Причину же успѣха демонстрацій Куроки надо искать главнымъ образомъ въ томъ моральномъ превосходствѣ, которое японцамъ удалось пріобрѣсти послѣ частныхъ успѣховъ, одержанныхъ въ первые мѣсяцы кампаніи. Видимымъ проявленіемъ этого превосходства явилось преувеличеніе нашимъ высшимъ управленіемъ Маньчжурской арміи военныхъ силъ и средствъ японцевъ, что повело къ добро-

[1]) Въ сочиненіи Анг. ген. штаба сказано, что, получивъ отъ глав. квартиры, въ нач. іюня (нов. ст.) приказаніе приступить къ активнымъ дѣйствіямъ, I армія не была въ состояніи двинуться изъ-за продовольственныхъ затрудненій. Пришлось ограничиться выдвиженіемъ отрядовъ съ демонстративными назначеніями... *„Такимъ образомъ, въ продолженіе болѣе мѣсяца... Генералу Куроки удалось скрыть отъ противника не только свои намѣренія, но также численность и группировку своихъ войскъ*, чѣмъ онъ значительно облегчилъ наступленіе Второй арміи“ (вып. II стр. 168, Курсивъ мой).

Библиотека "Руниверс"

вольному отказу отъ почина дѣйствій. „Численное превосходство“, говоритъ въ своемъ трудѣ подпол. Свѣчинъ, „представляетъ ту главную выгоду, что рождаетъ увѣренность въ своихъ силахъ и даетъ сверхъ матеріальнаго и чисто моральный перевѣсъ. Вмѣсто того, чтобы опереться на это сознаніе, мы сами создавали иллюзію превосходства японцевъ въ числѣ... Это преувеличеніе являлось, какъ слѣдствіемъ плохой развѣдки, *такъ и постояннаго стремленія оправдать наше отступленіе численнымъ превосходствомъ противника* [1]). На это могутъ возразить, что и Намѣстникъ-Главнокомандующій, настаивавшій на скорѣйшей выручкѣ П.-Артура, преувеличивалъ силы японцевъ, направленныя противъ этой крѣпости. Выше мною были приведены соображенія въ доказательство того, что опасенія ген.-ад. Алексѣева за П.-Артуръ имѣли весьма реальную основу, но даже тѣ изъ читателей, которыхъ мнѣ не удалось убѣдить, должны будутъ признать, что въ преувеличеніяхъ К—щаго арміей и Главнокомандующаго была существенная разница: первый преувеличивалъ силы японцевъ, гдѣ это было выгодно, *чтобы оправдать отказъ отъ наступленія*, второй оцѣнивалъ ихъ въ бо́льшую сторону тамъ, *гдѣ это вызывало необходимость въ активныхъ дѣйствіяхъ*. Это коренное различіе выразилось не только въ перепискѣ генералъ-адъютантовъ Алексѣева и Куропаткина по поводу наступленія для выручки П.-Артура, но и въ послѣдующее время, когда Намѣстникъ, высказывая сомнѣнія относительно правильности исчисленія японскихъ силъ, постоянно указывалъ на необходимость наступательныхъ дѣйствій, а К—щій арміей, вплоть до Ляоянскаго боя, всегда находилъ къ тому какія-нибудь препятствія. Къ сожалѣнію, преувеличенныя представленія о силахъ, выставленныхъ японцами, по отсутствію во время войны и въ первые годы послѣ нея иныхъ источниковъ, кромѣ нашихъ оффиціальныхъ донесеній и отчетовъ, укоренились настолько въ русскомъ обществѣ, что создали легенду о подавляющемъ численномъ превосходствѣ нашего бывшаго противника, которое, будто бы, было основной причиной всѣхъ нашихъ неудачъ. Это представленіе лежитъ и въ основѣ признанія нѣкоторыми авторами авантюристичности вафангоуской операціи, мнѣнія, которое я посильно старался опровергнуть на предъидущихъ страницахъ.

Только въ одномъ сочиненіи, въ которомъ вопросъ о вафангоуской операціи затронутъ попутно, пришлось встрѣтить авторитетное мнѣніе, не совпадающее съ установившимися по поводу ея взглядами. „Но если грозила такая отъ гибели П.-Артура опасность“,

[1]) Рус.-Яп. война 1904—5 гг. стр. 140. (Курсивъ мой).

Библиотека "Руниверс"

спрашиваетъ авторъ, „нельзя ли было П.-Артуръ выручить?“.— *Безпристрастное* изслѣдованіе показываетъ, что *во время іюньской попытки*—было можно...“ (А. Г. Елчаниновъ. Тактика въ дѣйствіяхъ... стр. 240—241, Курсивъ автора).

„Наступающій“, говоритъ другой авторъ, „лучше всего обезпечиваетъ себя быстротой и энергіей своего наступленія;... но... эта „безопасность“ по плечу только тѣмъ, которые не задумываются бросить въ огонь послѣдній баталіонъ. И, понятно, не по плечу она тѣмъ, для которыхъ *отсутствіе риска есть верхъ мудрости.* Нѣтъ, надо рисковать и рисковать крупно! Моральные факторы единственные, играющіе роль на войнѣ; все остальное имѣетъ цѣнность, опредѣляемую лишь степенью его вліянія на духовную сторону бойцовъ“.

Эти слова, заимствованныя изъ отзыва г. В. Бѣляева о лекціяхъ французскаго полковника Гранмэзона (Р. Инв. 1911 г. № 255, фельетонъ), какъ нельзя лучше подходятъ къ характеристикѣ разобраннаго эпизода Маньчжурской кампаніи. Если послѣдній кончился неудачей, то именно потому, что у насъ процвѣтало осуждаемое французскимъ авторомъ правило: *стараться все знать, прежде чѣмъ рѣшиться.*

П.-Артуръ стоилъ того, чтобы изъ-за него рискнуть. „Взятіе японцами П.-Артура будетъ новымъ и наиболѣе тяжелымъ ударомъ, который подорветъ и политическій и военный престижъ Россіи не только на Дальнемъ, но и на Ближнемъ Востокѣ, и въ Средней Азіи и въ Европѣ, и несомнѣнно наши недруги воспользуются этимъ, чтобы затруднить насъ елико возможно, а друзья отвернутся отъ Россіи, какъ отъ безсильной союзницы“... (Т. II ч. 1 стр. 420). Такъ писалъ 31 мая 1904 года ген.-ад. Куропаткину покойный Викторъ Викторовичъ Сахаровъ, который, хотя и изъ Петербурга, однако настолько же ясно представлялъ себѣ положеніе въ далекой Маньчжуріи, какъ и находившійся въ самомъ средоточіи событій, но не понятый тамъ, одинокій и въ сущности безсильный, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. Еще въ началѣ третьяго мѣсяца войны безуспѣшно просившій о сложеніи съ него обязанностей Главнокомандующаго (Т. II Ч. 1 стр. 107), въ отвѣтъ на это признанный съ высоты Престола „отличнымъ исполнителемъ многотрудныхъ обязанностей стражника русскаго имени на дальней окраинѣ [1])“, Намѣстникъ тѣмъ не менѣе оказывался вынужденнымъ обращаться къ содѣйствію Верховной Власти для того, чтобы указанія его, какъ

[1]) Выраженіе Высочайшей телеграммы на имя ген.-ад. Алексѣева отъ 7-го апрѣля 1904 года (Т. II Ч. 1 стр. 108).

Библиотека "Руниверс"

Главнокомандующаго, исполнялись номинально подчиненными ему органами. Но это не освободило его отъ тяжелой отвѣтственности. Подобно другому, командовавшему сухопутными войсками адмиралу, надъ которымъ десятки лѣтъ тяготѣло обвиненіе въ провалѣ плана по плѣненію Наполеона на Березинѣ, пока заблужденіе это не было разсѣяно талантливымъ изслѣдователемъ кампаніи 1812 года, В. Харкевичемъ, и ген.-ад. Алексѣевъ общественнымъ мнѣніемъ былъ признанъ виновникомъ вафангоуской неудачи, на которую онъ будто бы легкомысленно толкнулъ несочувствовавшаго идеѣ наступленія къ П.-Артуру, прозорливаго и осторожнаго К—щаго М. арміей...

Закончу свой очеркъ пожеланіемъ, чтобы въ XX вѣкѣ судъ исторіи былъ болѣе скорымъ, чѣмъ тотъ, который произнесъ свой приговоръ надъ адмираломъ Чичаговымъ, и чтобы истинная оцѣнка плана наступленія для выручки Портъ-Артура въ маѣ 1904 года и вообще событій минувшей войны утвердила въ сознаніи русскихъ военныхъ людей истину, что побѣду на войнѣ даетъ только *превосходство въ силѣ духа.*

В. Ф.

Приложеніе.

Извлеченіе изъ статьи г. Эль-Эсъ „Японецъ о Русскихъ“, помѣщенной въ № 11072 газ. „Новое Время“ отъ 8-го января 1907 г. [1]).

...Съ особеннымъ чувствомъ удовлетворенія и удивленія прочелъ я недавно отзывъ о насъ нашихъ недавнихъ счастливыхъ враговъ въ одномъ замѣчательно интересномъ сочиненіи японца о послѣдней войнѣ. Обстоятельно, подробно, съ любовью и уваженіемъ къ дѣлу, японецъ въ 18 томахъ (сочиненіе еще не закончено) описываетъ эту величайшую войну, громадно-роковое значеніе которой скоро станетъ всѣмъ осязательно-ясно. Описаніе интересно и любопытно тѣмъ, что въ немъ много разбросано характерныхъ и любопытныхъ замѣчаній объ офицерахъ, солдатахъ и высшемъ командномъ элементѣ русской арміи...

Я возьму одинъ изъ яркихъ эпизодовъ минувшей войны,—бой при Вафангоу, исходъ котораго предрѣшилъ тяжкую участь Портъ-Артура. Въ японской арміи прекрасно оцѣнили и поняли значеніе этого боя и, какъ всегда, приняли его въ полной готовности, съ

---

[1]) Подлинныя слова японскаго автора, заключенныя у г. Эль-Эсъ въ кавычки, подчеркнуты мною.

В. Ф.

Библиотека "Руниверс"

опредѣленнымъ и обдуманнымъ планомъ и твердой рѣшимостью не отступать ни шагу, такъ какъ въ случаѣ пораженія арміи ген. Оку *„великій планъ разбить непріятеля тремя арміями въ долинѣ Ляохэ—рушился бы окончательно. Если бы ген. Куропаткинъ, который располагалъ въ Ляоянѣ большими силами, стремительно двинулъ на югъ вдвое большее количество войскъ и орудій, чѣмъ то, которое было отправлено имъ подъ начальствомъ ген. Штакельберга, наша армія не могла бы отразить удара“*, говоритъ откровенно японецъ. Но о какой „стремительности“ можно было мечтать у насъ, гдѣ чернилами канцеляріи заливали кровь арміи?

Послѣ долгаго топтанія на мѣстѣ, выждавъ, когда Оку взялъ Кинджоу, и вся его армія получила свободу дѣйствій, рѣшились на посылку одного корпуса (1 и 9 В.-С. стр. дивизіи) съ неполнымъ числомъ рядовъ и ослабленнаго различными командировками. Корпусомъ онъ могъ называться только по недоразумѣнію. При этомъ наши войска даже не были собраны для боя, хотя времени было больше чѣмъ достаточно, и прибывали на позицію по частямъ . .

. . . . . .

Но вотъ пришелъ день Вафангоу. *„Пока ген. Куропаткинъ, постоянно мѣняя свои намѣренія, колебался, обдумывая, что лучше, нападать ли, отступать ли или защищаться, имъ было получено повелѣніе идти къ Портъ-Артуру, чье паденіе сильно повредило бы величію Россіи среди всѣхъ народовъ“*...

1-го іюня загорѣлся жестокій бой. Сначала загремѣли батареи... *„Положеніе было крайне тяжелое... Непріятельская артиллерія точно опредѣлила дистанцію и ея снаряды попадали въ самую цѣль... Къ 2 час. 30 мин. пополудни снаряды совершенно истощились, и наша артиллерія, положительно сложа руки, должна была наблюдать за ходомъ боя“*. Пѣхота японцевъ остановила наступленіе и, не будучи въ состояніи подвинуться ни на шагъ, окопалась, *„готовясь провести опасную ночь, которая была одной изъ самыхъ тревожныхъ. Японскія войска страшно опасались ночной атаки, не будучи увѣрены въ побѣдѣ. Къ счастью, это не входило въ стратегическіе планы непріятеля“*,—саркастически замѣчаетъ японецъ.—Въ этихъ словахъ видно открытое признаніе нашего успѣха въ первый день боя, хотя съ нашей стороны дѣйствовала почти исключительно одна дивизія (1 В.-С. стр.).

Ночью мы бездѣйствовали. Наступилъ второй день боя, когда японцы рѣшились *„отомстить за свою неудачу“*. Но бой опять начался неудачно для японцевъ. Цѣлыя ихъ батареи должны были прекращать огонь, такъ какъ *„до того были засыпаны снарядами,*

Библиотека "Руниверс"

что были не въ состояніи разсмотрѣть непріятельскія позиціи". Нашъ лѣвый флангъ перешелъ въ наступленіе . . . . . .

. . . . . .

Положеніе японскаго праваго фланга было критическое: „*Команд. дивизіи ген. Осима, а затѣмъ и Командующій арміей стали очень тревожиться положеніемъ дѣлъ. Бригада ген. Кодамы находилась въ критическомъ положеніи. Было вполнѣ ясно, что пораженіе тамъ, подобно прорыву плотины, охватило бы всю армію. Команд. арміей уже выдвинулъ резервы на правый флангъ и въ его распоряженіи не оставалось ни одной части*". . . . . .

. . . . . .

„*Непріятель, поражаемый* [1]) *убійственнымъ огнемъ съ нашихъ высокихъ позицій, проявилъ отчаянную храбрость*", говоритъ нашъ врагъ и не скрываетъ своего восхищенія и уваженія къ блистательной храбрости нашихъ офицеровъ.

„*Ген. Осима разсказывалъ, насколько мужественно и отважно велъ себя непріятель*"...

[1]) Рѣчь идетъ объ отступленіи русскихъ изъ боя.

В. Ф.

Библиотека "Руниверс"

Въ Румыніи передъ войной 1877 г.

I.

Одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній принадлежитъ Румыніи, гдѣ я въ первый разъ былъ на большихъ маневрахъ, которыми князь Карлъ рекомендовалъ представителямъ иностранныхъ армій свои воспитанныя имъ войска. Второй разъ я прибылъ въ Бухарестъ военно-уполномоченнымъ главнокомандующаго нашею арміею, сосредоточенной въ Бессарабіи осенью 1876 года. И въ первый разъ, и во второй, благодаря счастливой случайности, я обезпечилъ себѣ большой успѣхъ, имѣя въ странѣ больше друзей, чѣмъ недоброжелателей.

Отъ какихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, иногда, зависитъ успѣхъ дѣла, показываетъ знакомство мое въ первый мой пріѣздъ съ военнымъ министромъ генераломъ Флореско. Я былъ первымъ изъ русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Валахіи гостемъ княжества, а не распорядителемъ его судебъ. Считаясь съ этимъ, я надѣлъ для визита министру полную парадную форму и этимъ очаровалъ милѣйшаго генерала. Оказалось, что иностранные офицеры заѣзжали къ нему въ домашней формѣ. Довольный мною, министръ далъ мнѣ чудную верховую лошадь въ то время, какъ подъ остальными иностранцами была калечь. Благодаря этому обстоятельству, во все время маневровъ я былъ постоянно впереди рядомъ съ княземъ. Естественно поэтому, что всѣ свои впечатлѣнія онъ повѣрялъ только мнѣ, и тѣмъ создалось мое привилегированное положеніе. Впрочемъ еще одно обстоятельство поднимало мой престижъ. Проѣзжая по улицамъ Бухареста группой, иностранцы поражались, какъ кучера

Библиотека "Руниверс"

лучшихъ экипажей, наши раскольники-старовѣры, не только снимали свои шляпы, но вставали на козлахъ и кланялись мнѣ въ поясъ. Все это мелочи, которыми однако не слѣдуетъ пренебрегать. Еще одна подробность. Маневры происходили въ окрестностяхъ Бузео, куда мывыѣзжали съ княземъ въ особомъ вагонѣ. Корректный до педантизма, князь удѣлялъ разговору съ каждымъ иностранцемъ по равному времени. Сторонясь при перегонѣ, я приближался къ нему предъ подходомъ къ станціи. Выходило такъ, что встрѣчающая на платформахъ публика и власти вездѣ видѣли выходящаго князя въ разговорѣ со мной. Отсюда появлялись въ газетахъ статьи, оттѣнявшія мое выдающееся положеніе. И это мелочь, но въ общемъ имѣвшая свое значеніе.

Почти полугодовое мое пребываніе въ Бухарестѣ передъ войной меня чрезвычайно сблизило съ предсѣдателемъ Совѣта министровъ, Иваномъ Братіано, соединявшаго тогда въ своихъ рукахъ портфели министерства внутреннихъ дѣлъ и военнаго; по отзывамъ многихъ ультра красный, румынскій Мадзини, Братіано для меня былъ въ высшей степени любезнымъ, разумнымъ и распорядительнымъ человѣкомъ, всегда ставившимъ на первый планъ сущность дѣла и пренебрегавшимъ формой. Съ его помощью мнѣ удалось подробно разработать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя могли представить интересъ для нашей арміи, наступающей черезъ княжество въ Болгарію. Но въ особенности насъ сблизила суматоха, сопровождавшая движеніе нашихъ войскъ по румынской территоріи. Хотя времени, предшествовавшаго объявленію войны, было вполнѣ достаточно для принятія всѣхъ мѣръ, на дѣлѣ однако оказалось, что распоряженій никакихъ сдѣлано не было. Въ результатѣ рядъ недоразумѣній и столкновеній съ мѣстною властью. Въ такую-то минуту я застаю нашего милѣйшаго дипломатическаго агента, барона Стуарта, въ отчаяніи воздѣвающаго руки надъ кипою нотъ министра иностранныхъ дѣлъ, Кагольничано.

„Все по Вашей милости, дѣйствующей арміи, заварилась такая каша, а мнѣ приходится расхлебывать“, встрѣчаетъ онъ меня съ укоризной.

„Если по моей милости, то и отдайте мнѣ эту кашу, съ которой постараюсь Вамъ больше не досаждать“.

А нотъ было не мало, съ трудомъ я могъ ихъ засунуть въ портфель, а замкнуть уже было нельзя. Отправляюсь къ Братіано. Всегда привѣтливый и ласковый, справляется о моемъ здоровьѣ и садится за столъ скручивать для меня папироску, а табакъ у него былъ необыкновенно хорошій.

„Что это у Васъ за сенаторскій портфель?“.

Библиотека "Руниверс"

„Да вотъ Вашъ Кагольничано забросалъ барона дипломатическими депешами. Приходится распутывать узлы, для чего я и явился къ Вамъ".

„Ахъ да, я слыхалъ, рядъ столкновеній на пути Вашихъ войскъ съ населеніемъ. Погибель куръ и живности, даже кружки отрываются отъ фонтановъ и уносятся. Все въ этомъ родѣ".

— „Это въ депешахъ, а у меня коробъ заявленій войскового начальства. Рубль размѣниваютъ на полтора франка, дрова и солома прячутся и много подобнаго, конечно, это результатъ отсутствія комиссаровъ при колоннахъ. Теперь все это больше не повторится. Въ настоящую минуту безполезно разбирать, кто правъ, кто виноватъ. Разборъ и взысканія только обострятъ отношенія, и потому я предлагаю предать все забвенію".

„Понимаю и раздѣляю Ваше мнѣніе".

И, не отдѣляя слова отъ дѣла, благодушный Братіано собственноручно рветъ на столѣ Совѣта румынскихъ министровъ оффиціальныя ноты своего министра иностранныхъ дѣлъ. Развѣ это не умница?!

Точно такъ, быстро и безповоротно, рѣшались нами сообща множество дѣлъ, на каждомъ шагу возникавшихъ при соприкосновеніи нашихъ войскъ къ мѣстнымъ румынскимъ войскамъ и населенію. Военная конвенція была заключена слишкомъ поздно, да она и не содержала въ себѣ массу условій, безъ оговорки которыхъ являвшіяся недоразумѣнія легко могли повести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Все обсуждалось нами во-время и затрудненія устранялись моментально. Въ этомъ слѣдуетъ отдать Братіано полную справедливость.

Помню разъ, Великій Князь главнокомандующій пенялъ мнѣ, что представительное правительство княжества связываетъ своего князя по рукамъ и ногамъ, даже въ вопросахъ чисто-военнаго характера, и что самъ Великій Князь находится въ неизвѣстности и нерѣшительности, какъ производить рекогносцировку Дуная и чѣмъ обезпечить успѣхъ предпріятія.

„Во всемъ этомъ навѣрно кроется какое-нибудь недоразумѣніе", позволилъ я себѣ доложить Его Императорскому Высочеству. „Нѣтъ такого Вашего распоряженія, которое не было бы немедленно приведено въ исполненіе. Что бы Вашему Высочеству угодно было приказать?"

— „Вотъ видишь ли, при производствѣ рекогносцировокъ на такомъ обширномъ пространствѣ, какъ Дунай, нѣтъ возможности дать имъ всѣмъ прикрывающіе отряды; а находящіяся на мѣстѣ румынскія войсковыя части, пожалуй, откажутся отъ непосредствен-

Библиотека "Руниверс"

наго содѣйствія. Такъ вотъ, хотя бы только тремъ партіямъ обезпечить помощь отъ румынъ".

„Слушаюсь и отвѣчаю, что будетъ исполнено".

Это было въ Плоэштахъ.

Несмотря на позднее время моего возвращенія въ Бухарестъ, я въ тотъ же вечеръ былъ у Братіано.

Ни одного слова не обронивъ противорѣчія, онъ молча сѣлъ за столъ, взялъ листъ бумаги и перо и лаконически сказалъ: будемъ писать. И вотъ, что общими усиліями, мы выработали для помѣщенія на оффиціальномъ листѣ за государственною печатью:

„Les autorités militaires sont commandés de donner à l'officier de l'armée Impériale Russe, №№ , qui se présenterait avec cet ordre, tout le concours qu'il leur demanderait, mettre à sa disposition les troupes ou les instruments dont il aurait besoin, enfin chercher a mettre en execution les dispositions qu'il jugerait convenable dans le but de toute réconnaissance ou opération militaire".

„Приказывается всѣмъ войсковымъ начальникамъ, при предъявленіи настоящаго приказа россійской арміи, №№ , оказывать предъявителю полное содѣйствіе во всемъ, что онъ потребуетъ, предоставляя въ его распоряженіе войска и всякій матеріалъ, вообще употребляя всѣ средства для успѣшнаго достиженія имъ развѣдки или боевого дѣла".

Вотъ что называется исполнить желаніе Великаго Князя въ полномъ объемѣ, до крайнихъ предѣловъ. Русскому генералу или офицеру предоставлялось право, на основаніи этого приказа, даже перебросить черезъ Дунай воинскую часть и сдѣлать на томъ берегу поискъ.

Нужно было видѣть, какъ самъ Братіано былъ доволенъ.

„Хотя я самъ и не военный, но люблю военное дѣло и хорошо его понимаю. Нельзя безъ крайняго вреда связывать руки военноначальникамъ. Думаю, что и Великій Князь наконецъ меня оцѣнитъ. Завтра поѣздъ въ Плоэшти идетъ въ 3 часа. До второго звонка всѣ три листа будутъ Вамъ вручены на желѣзно-дорожной платформѣ".

Все было исполнено, какъ было обѣщано, и въ пятомъ часу я уже былъ въ кабинетѣ главнокомандующаго.

— „Какъ это тебѣ удалось такъ полно и такъ быстро исполнить мое желаніе. А Князь говорилъ мнѣ о неодолимыхъ затрудненіяхъ. Что, очень трудно было урезонить Братіано?"

„Ваше Высочество! Замокъ отпирается ключемъ, только для него приспособленнымъ. Вы не за тотъ ключъ взялись. Что же ка-

Библиотека "Руниверс"

сается до Братіано, то смѣю Васъ увѣрить, что это человѣкъ прямой и преисполненъ относительно насъ добрыхъ намѣреній. Князь Карлъ безукоризненъ, но онъ значительно менѣе практиченъ— чѣмъ Братіано. Между правительственными лицами есть много весьма способныхъ людей, но ихъ нужно близко знать, чтобы оцѣнить, на что каждый способенъ".

— „Какъ бы то ни было, а я очень радъ, что такъ дѣло скоро и хорошо оборудовалось, передай Братіано мою благодарность. Да и тебя благодарю, твоею службою я очень доволенъ. Спасибо тебѣ отъ души".

— Какъ я былъ всѣмъ доволенъ! Радостнымъ я возвращался домой, мечтая, съ какимъ удовольствіемъ буду передавать моему Братіано благодарность Великаго Князя, какъ до сихъ поръ мы съ нимъ отличились и заслужили похвалу.

Не съ однимъ Братіано я дѣла дѣлалъ. По военной части мнѣ во многомъ помогали генеральнаго штаба полковникъ Сланичано, а потомъ военный министръ генералъ Чернатъ. По внутреннимъ сообщеніямъ и желѣзнымъ дорогамъ полковникъ Фалькояно, весьма дѣльный и въ высшей степени предупредительный. Всѣхъ именъ не припомню, но безъ исключенія всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ относились къ моимъ запросамъ и въ самое короткое время сообщали мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія. Благодаря такому содѣйствію, я успѣлъ представить въ штабъ дѣйствующей арміи рядъ самыхъ важныхъ свѣдѣній въ отношеніи организаціи и свойствъ румынскихъ войскъ, относительно средствъ продовольствія, подъемныхъ силъ желѣзныхъ дорогъ, путей сообщенія и расквартированія, урожая послѣдняго года, судовъ и плавучихъ средствъ на Дунаѣ и по притокамъ, мѣстонахожденій лѣсовъ на верховьяхъ сплавныхъ рѣкъ, картъ страны и плановъ позицій и т. д. Зимой полевой штабъ, въ кишиневскомъ сидѣніи, больше думалъ о возвращеніи домой, чѣмъ о наступленіи во внутрь непріятельской страны. Мои донесенія складывались въ кучу и такъ и остались безъ разработки и примѣненія къ дѣлу. Всѣ вѣрили въ благопріятный исходъ конференціи, засѣдавшей въ Константинополѣ. Мирное настроеніе преобладало.

Въ особенности настойчиво я рекомендовалъ скупку послѣдняго богатаго урожая. Надвигавшаяся гроза съ сѣвера ни для кого не была секретомъ. Большинство сельскихъ хозяевъ и крупные скупщики торопились освободиться отъ хлѣбныхъ запасовъ и складовъ, которые по ихъ мнѣнію задаромъ могли достаться наступавшимъ войскамъ. Все съ лихорадочною поспѣшностью грузилось на суда, спускалось къ Дунаю и по Дунаю къ Браилову и Галацу, чтобы

Библиотека "Руниверс"

какъ можно скорѣе увезти отъ опасности за границу. Цѣна баснословно пала. За 200—300 т. рублей можно было скупить то, что въ обыкновенное время стоило въ десять разъ дороже. Скупка хлѣба за счетъ арміи, доказывалъ я, во 1-хъ, сильно поддержитъ нашихъ представителей на конференціи и, во 2-хъ, обезпечитъ нашу армію чуть на годовымъ продовольствіемъ. Если война все-таки будетъ, мы будемъ имѣть громадные хлѣбные запасы подаркомъ. Если наоборотъ натянутое положеніе разрѣшится мирнымъ исходомъ, мы заработаемъ на продажѣ большія деньги. Начальникъ штаба арміи мнѣ отвѣчалъ, что если въ главной квартирѣ существуетъ сомнѣніе на счетъ войны, то въ Петербургѣ—полная увѣренность въ мирѣ, и что Министръ Финансовъ не дастъ на эту операцію ни одного рубля.

Я настаивалъ на своемъ, упрямо повторяя, что къ военному дѣлу нельзя прилагать мирныхъ масштабовъ, что, наконецъ, съ уходомъ хлѣба изъ дунайскаго бассейна уходятъ и всѣ судовыя средства, безъ которыхъ переправа черезъ такую широкую рѣку, какъ Дунай, затруднится до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ такомъ случаѣ необходимо приступить теперь же къ постройкѣ судовъ и плотовъ въ вершинахъ сплавныхъ притоковъ. Мнѣ отвѣчали: хорошо, но пусть заготовкой займутся румыны на свой страхъ и рискъ.

Г. И. Бобриковъ.

Библиотека "Руниверс"

Николай Гавриловичъ Чернышевскій [1]).

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

3. Невѣста.

Всѣ родные и знакомые Чернышевскихъ были поражены такимъ сватовствомъ. Даже подруги Ольги Сократовны не стѣснялись говорить Николаю Гавриловичу о неудачномъ выборѣ.

„Зачѣмъ вы, Николай Гаврилсвичъ, хотите жениться на ней", говорили онѣ, указывая на странности невѣсты: „видите, какая она... Она сдѣлаетъ васъ несчастнымъ".

Но во всѣхъ такихъ случаяхъ Н. Г. непремѣнно найдетъ причину, оправдывающую О. С. Чаще всего указывали ему на то, что она будетъ помыкать имъ, какъ малымъ ребенкомъ.

— „Мнѣ и нужна такая жена, которая бы управляла мною", отвѣчалъ Н. Г.

4 Двѣ смерти.

Въ пятницу на второй или третьей недѣлѣ великаго поста была послѣ литургіи помолвка; въ квартирѣ Васильевыхъ отслуженъ молебенъ приходскимъ священникомъ Михаило-Архангельской церкви, И. И. Поздневымъ, при чемъ, кромѣ жениха и невѣсты и родствен-

[1]) См. „Русская Старина" апрѣль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

никовъ, присутствовала и мать Николая Гавриловича. Съ большимъ умиленіемъ, съ трудомъ держась на ногахъ, стояла она при помолвкѣ своего единственнаго сына.

Рѣшено было, чтобы свадьба была тутъ же, послѣ Пасхи, на красную горку, а послѣ нея—сразу же отправиться въ Петербургъ, гдѣ Н. Г. надѣялся приготовиться къ профессурѣ.

Между тѣмъ, въ семьѣ Чернышевскихъ собиралась гроза. Евгенія Егоровна уже издавна была женщина болѣзненная; она всегда имѣла вялый видъ и часто болѣла, такъ что приходилось ложиться въ постель. Несмотря на это, она, какъ женщина религіозная, не пропускала ни одной преждеосвященной литургіи; была она на литургіи и въ ту пятницу, когда произошла помолвка ея сына. Болѣзненное состояніе Е. Е. брасалось въ глаза всѣмъ. Вскорѣ послѣ помолвки, она пошла къ своимъ родственникамъ, Акимовымъ; они передали ей всѣ сплетни, ходившія по городу объ Ольгѣ Сократовнѣ. Ужаснулась она за судьбу своего горячо любимаго сына. „Свѣта не взвидѣла“ Евгенія Егоровна,—такъ была поражена разсказомъ Акимовыхъ, что не помнила, какъ она вышла изъ квартиры, какъ ѣхала и какъ прибыла домой. Погода была скверная: дулъ вѣтеръ, было грязно, а мать Н. Г., потная, взволнованная, и не запахнулась въ сильномъ безпокойствѣ; вѣтеръ пронизалъ ее насквозь. Въ эту же ночь она заболѣла воспаленіемъ легкихъ, и уже болѣе не вставала съ постели. Лучшіе саратовскіе доктора, Покасовскій и Васильевъ, лечившіе Е. Е., ничего не могли сдѣлать. Съѣхались всѣ родственники Чернышевскихъ ухаживать за больной; пріѣхала Александра Егоровна Пыпина изъ Аткарска, гдѣ служилъ ея мужъ. Постоянно бывала при больной и старуха-тетка, жившая въ Саратовѣ. Наканунѣ дня Пасхи Гавріилъ Ивановичъ самъ служилъ для нея всенощную. Всѣ похристосовались съ больной, а въ самый день Пасхи она умерла (19. IV. 1853).

Кто не зналъ этихъ двухъ семействъ, Пыпиныхъ и Чернышевскихъ, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ горевали они, будучи связаны самою нѣжной любовью. Горе послѣ смерти всѣми любимой и уважаемой Евгеніи Егоровны было такъ велико, что со старушкой-теткой сдѣлалось дурно. Она велѣла заложить лошадь, но тутъ же свалилась въ постель,—съ теткой сдѣлался ударъ, и когда Евгенію Егоровну выносили изъ дома въ церковь для отпѣванія, въ томъ же домѣ умерла и старушка-тетка. Такимъ образомъ, въ домѣ были двѣ покойницы.

Нормандскій, родственникъ Чернышевскихъ, прямо говорилъ, что Е. Е. убили Акимовы, передавшіе ей сплетни объ Ольгѣ Сократовнѣ.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ, Николаю Гавриловичу нужно было ѣхать въ Петербургъ; онъ уже вышелъ изъ гимназіи. Безъ дѣла онъ не хотѣлъ оставаться ни одной минуты. Но оставить отца одного, привыкшаго къ семейной жизни и находящагося въ большомъ горѣ, было нельзя. Рѣшено было, что семейство Пыпиныхъ переѣдетъ изъ Аткарска въ Саратовъ для совмѣстной жизни въ домѣ Гавріила Ивановича. Н. Г. выхлопоталъ Николаю Дмитріевичу (Пыпину) и мѣсто въ Саратовѣ, куда тотъ и переѣхалъ на слѣдующую весну. Такъ какъ Чернышевскіе были знакомы съ большинствомъ начальствующихъ лицъ въ саратовскихъ учрежденіяхъ, то переводъ этотъ устроить было легко. Такимъ образомъ, оба семейства опять зажили вмѣстѣ.

Сама Александра Егоровна была пресимпатичная и умная особа. Выросши на глазахъ Г. И. (1806—1884), она, при его посредствѣ два раза была замужемъ. Гавріилъ Ивановичъ всегда относился къ ней съ особеннымъ уваженіемъ и любилъ ея общество. Всѣ знавшіе говорятъ о ней, какъ объ образцовой матери. Вѣчно занятая своимъ дѣломъ, она была хорошая хозяйка и хорошая воспитательница Шьетъ она, бывало, что-нибудь, вспоминаютъ знавшіе А. Е., а около сидятъ и дѣти за столомъ; читаютъ или учатъ уроки.

„Мамочка! Позвольте мнѣ прочитать „Московскія Вѣдомости“.

И если дѣти хорошо ведутъ себя,—она давала. У дѣтей считалось удовольствіемъ читать то, что читаютъ взрослые. Если случалось какое-нибудь горе, то никогда, бывало, не скажетъ постороннимъ; только поплачетъ сама или подѣлится съ близкими. Получивъ только домашнее образованіе, и не безъ посредства Гавріила Ивановича, она находила время среди хозяйственныхъ заботъ на чтеніе книгъ и журналовъ. Свои мнѣнія она высказывала открыто, не заботясь о томъ, приходятся ли по вкусу они другимъ или нѣтъ. Правда для нея дороже всего. Поэтому ее называли либералкой. Это вполнѣ понятно: ея мнѣніе иногда шло въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Такъ, напр., въ то время слишкомъ жестоко наказывали преступниковъ. А. Е. выражала къ нимъ жалость и не сочувствовала судьямъ.

„Что это вы, Александра Егоровна, такъ заступаетесь за убійцъ? скажутъ ей. „Вѣдь, вы противъ закона идете: законъ велитъ наказывать“, возражаютъ ей: „какъ же простить вину преступнику?“

— „Вовсе не заступаюсь, а зачѣмъ же ихъ тиранить“, возразитъ она. „За преступленіе его всю жизнь совѣсть терзать будетъ, а это—самое сильное наказаніе“.

Вотъ, по этимъ-то добрымъ качествамъ она была особенно дорога для Гавріила Ивановича; поэтому-то именно на нее и палъ выборъ.

Библиотека "Руниверс"

5. *Свадьба.*

И. И. Введенскій, занимавшій тогда должность въ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, писалъ Чернышевскому, чтобы тотъ какъ можно скорѣе ѣхалъ въ Петербургъ, иначе должность преподавателя, которой добивался Николай Гавриловичъ, займутъ другіе. Это и было причиной того, что свадьба была черезъ десять дней послѣ смерти матери Н. Г. Хотя Гавріилъ Ивановичъ и Николай Гавриловичъ желали, чтобъ свадьба состоялась въ маѣ, но Ольга Сократовна знала примѣту, что выйти замужъ въ маѣ—цѣлый вѣкъ маяться, и потому настояла на томъ, чтобы свадьба была въ апрѣлѣ.

29. IV. Была свадьба. А Гавріилъ Ивановичъ записалъ въ метрикѣ (см. слѣд. стр.).

Въ городѣ кумушки говорили: „Черезъ два гроба перешелъ къ вѣнцу, не бывать счастью этой четѣ“.

Молодые намѣревались тутъ же, послѣ вѣнца, отправиться въ Петербургъ, но Гавріилъ Ивановичъ упросилъ сына остаться на нѣкоторое время. „Миленькій сыночекъ“, говорилъ онъ, „останься денечекъ—другой; утѣшь меня, старика-отца“. Къ тому же, отъ всѣхъ предшествовавшихъ событій съ Н. Г—чемъ была нервная лихорадка; поэтому, молодые уѣхали въ Петербургъ лишь черезъ пять дней послѣ брака.

Отецъ и сынъ условились постоянно переписываться между собой. Даже назначили дни, въ которые письмо непремѣнно должно быть послано. И если письмо почему-либо не приходило въ извѣстный день, — то обыкновенно безпокоились и тотъ, и другой, такъ что посылали въ почтовую контору узнать, получена ли почта. Когда Николай Гавриловичъ учился въ Петербургѣ и Москвѣ, то почта изъ Петербурга приходила только два раза въ Саратовъ (письмо шло 14 дней, а изъ Москвы—восемь, а иногда и меньше, смотря по времени года). Съ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги, письма получались гораздо скорѣе, а съ развитіемъ пароходства—почта приходила нѣсколько разъ въ недѣлю. Изъ Петербурга теперь письмо получалось на шестой день. Какъ радовался Гавріилъ Ивановичъ, когда письма стали получаться на шестой день! „Какая скорь стала въ передвиженіи“, говорилъ онъ. „Какъ вы думаете, черезъ сколько времени получается почта изъ Петербурга? На шестой день! Удивительное дѣло! А прежде-то какъ долго ходила изъ Петербурга почта!“

Библиотека "Руниверс"

[НЕРУКОТВОРЕННО-СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ].

Метрической книги на (1853) годъ, часть вторая о бракосочетавшихся.

Счетъ браковъ.	Мѣсяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха, и которымъ бракомъ.	Лѣта жениха.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты, и которымъ бракомъ.	Лѣта невѣсты.	Кто совершалъ таинство.	Кто были поручители.	Подпись свидѣтелей записи по желанію.
7	Апрѣль. 29.	Николай Гавриловъ Чернышевскій, состоящій въ Саратовской Гимназіи Старшимъ Учителемъ Русской Словесности, православнаго вѣроисповѣданія, первымъ бракомъ. Протоіерей Ѳеодоръ Вязовскій. Діаконъ Яковъ Подольскій. Дьячекъ Максимъ Семеновскій. Пономарь Иродіонъ Траецкій.	24.	Дѣвица Ольга Сократова, Коллежскаго Совѣтника Сократа Евгеніева Васильева дочь, православнаго вѣроисповѣданія.	20.	Саратовскій Каѳедральный Протоіерей Ѳеодоръ Стефановъ Вязовскій съ діакономъ сей церкви Яковомъ Подольскимъ, Дьячкомъ Максимомъ Константиновымъ Семеновскимъ и Пономаремъ Иродіономъ Іовлевымъ Траецкимъ.	По женихѣ — отецъ его Протоіерей Гавріилъ Ивановъ Чернышевскій и Учитель Саратовской Духовной Семинаріи Михаилъ Ивановъ Смирновъ. По невѣстѣ — отецъ ея, Коллежскій Совѣтникъ Сократъ Евгеніевъ Васильевъ и Коллежскій регистраторъ изъ дворянъ Василій Димитріевъ Чесноковъ.	

[Изъ архива Саратовской духовной консисторіи].

Библиотека "Руниверс"

Тщательно хранилъ Гавріилъ Ивановичъ письма своего сына. Онъ собиралъ ихъ въ пачки, сложенныя по-годно, съ надписью: „Письма милаго сыночка“ такого-то года. Каждое письмо, полученное имъ, радовало Г. И—ча, и онъ прочитывалъ его вслухъ всѣмъ роднымъ, если они бывали въ домѣ Чернышевскаго во время полученія письма, въ противномъ же случаѣ только на вопросъ родныхъ Г. И. передавалъ содержаніе письма.

Разъ Н. Г. очень успокаивалъ отца въ письмѣ; вѣроятно, Г. И. въ своемъ письмѣ, отвѣтомъ на которое было письмо сына, дѣлалъ какія-нибудь рѣзкія замѣчанія. Случалось, сынъ присылалъ ему и деньги. Разъ, когда Николай Дмитріевичъ Пыпинъ сталъ при родныхъ, пришедшихъ къ нему въ гости, показывать подарки, присланные ему изъ-за границы сыномъ, Гавріилъ Ивановичъ сказалъ: „И мнѣ тоже сыночекъ прислалъ подарокъ“ и при этомъ вынулъ изъ стола 400 рублей.

VII. Николай Гавриловичъ—писатель.

До Москвы ѣхали на перекладныхъ, а изъ Москвы—по желѣзной дорогѣ, которая уже была готова. Изъ пассажировъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ Чернышевскими, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они были *молодые*: они говорили другъ другу *вы*. Николай Гавриловичъ былъ необыкновенно вѣжливъ къ Ольгѣ Сократовнѣ и ухаживалъ за ней, какъ за малымъ ребенкомъ. Когда поѣздъ сталъ подъѣзжать, наконецъ, къ Петербургу, и городъ сталъ виденъ, случилось одно маленькое обстоятельство. Н. Г. высунулся изъ окна, чтобы взглянуть на Петербургъ, и у него сорвало вѣтромъ его шелковую фуражку. О. С. сочла это за дурное предзнаменованіе.

„Неужели тебѣ тамъ снесутъ голову? Дай Богъ, чтобы вы не потеряли тамъ головы“, говорила она. (Впослѣдствіи О. С., разсказывая объ этомъ случаѣ, говорила: „Я шутила надъ нимъ: снесутъ тебѣ голову въ Петербургѣ, потеряешь ее тамъ“). Николай Гавриловичъ отшучивался. Въ чемоданѣ былъ другой картузъ плюшевый, который и надѣлъ Чернышевскій.

Въ Петербургѣ они нашли себѣ квартиру около 2-го корпуса (Петербургская сторона д. Бородиной, противъ Жуковки). Финансы Чернышевскихъ были очень ограничены: Н. Г. получалъ 40 рублей въ мѣсяцъ, какъ учитель, и около десяти рублей въ мѣсяцъ зарабатывалъ, какъ писатель. Сразу, по пріѣздѣ Чернышевскихъ въ Петербургъ, Краевскій предложилъ ему работать въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Вскорѣ Н. Г. познакомился съ Некрасовымъ, который просилъ его участвовать въ „Современникѣ“.

Библиотека "Руниверс"

Учительство въ кадетскомъ корпусѣ не понравилось Николаю Гавриловичу: тутъ было еще болѣе стѣсненій, чѣмъ въ Саратовской гимназіи, почему онъ скоро и ушелъ оттуда. Некрасовъ и Краевскій другъ передъ другомъ старались залучить Чернышевскаго къ себѣ въ сотрудники. Изъ-за него между Некрасовымъ и Краевскимъ шла настоящая торговля. Некрасовъ очень понравился Н. Г—чу, и онъ сдѣлался фактическимъ редакторомъ „Современника".

„Разъ приходитъ Николай Гавриловичъ со службы домой", разсказывала О. С. „и говоритъ мнѣ: „Что ты больше желаешь: или чтобы я получалъ больше денегъ, или чтобы я, служа въ корпусѣ, имѣлъ меньше денегъ, но получалъ чины? Признаюсь, я терпѣть не могу чиновъ". Я согласилась больше получать денегъ, и тогда онъ оставилъ службу, и сдѣлался сотрудникомъ „Современника".

Въ то время этотъ журналъ имѣлъ около 5.000 подписчиковъ.

Живя въ Петербургѣ, Чернышевскіе были знакомы съ Семевскими. Когда Николай Гавриловичъ съ женой былъ разъ у И. Н. Виноградова (въ Саратовѣ), то онъ говорилъ И. Н—чу, что Ф. В. Духовниковъ собиралъ свѣдѣнія о Г. Е. Благосвѣтловѣ для М. И. Семевскаго. „Ты помнишь Мишу? спросила Ольга Сократовна Н. Г—ча. „Помню", отвѣтилъ тотъ.

Интересный разсказъ о петербургской жизни Чернышевскихъ сохранили бумаги Ф. В. Духовникова.

„У меня", разсказывала Ольга Сократовна впослѣдствіи „бывали свои гости, у Николая Гавриловича—свои. Мои гости, какъ люди, большею частію, пустые, его не интересовали: онъ не принималъ участія въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя я устраивала, къ тому же ему было и некогда. Со своей стороны и я не могла присутствовать въ то время, когда къ Н. Г. собирались его гости. Я не понимала ихъ ученыхъ разговоровъ, да и, кромѣ того, отъ ихъ куренья у меня разбаливалась голова. Этотъ дымъ заставлялъ меня бѣжать изъ дома. Поэтому напоивъ гостей чаемъ и отдавъ распоряженія, какъ подавать закуску, я отправлялась въ театръ. Безъ меня никто изъ гостей не стѣснялся. Но если разговаривали о житейскихъ дѣлахъ, или читали стихотворенія, которыя я очень любила, или же разговоръ касался такихъ предметовъ, которые я понимала, я съ удовольствіемъ оставалась и слушала. Иногда Некрасовъ читалъ свои импровизаціи по поводу какого-нибудь разсказа. Здѣсь стихи составлялись шутя, между разговоромъ, такъ что не всѣ эти импровизаціи попадали въ печать. Разъ онъ произнесъ стихотвореніе, которое всѣмъ понравилось. Н. Г. былъ увѣренъ, что тотъ его записалъ, но Некрасовъ, занятый другими дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лами, совершенно позабылъ стихи. Когда Николай Гавриловичъ составлялъ книжку „Современника“, то оставилъ страницы для стихотворенія Некрасова, и напомнилъ Н. А—чу объ этомъ. Тотъ, оказалось, не могъ даже и припомнить, что онъ говорилъ. Тогда Николай Гавриловичъ прочиталъ ему стихотвореніе, съ начала и до конца, и даже записалъ его, такъ что Некрасову оставалось только исправить стихотвореніе.

Самъ Н. Г. не зналъ ни жизни, ни людей: ему было некогда знать, такъ какъ все время онъ проводилъ за книгами.

Но эти знакомые сослужили ему свою службу: онъ съ нихъ взялъ нѣкоторыя черты, которыми надѣлилъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Что дѣлать?“. Турчаниновъ, Боковъ, одинъ офицеръ и я послужили Николаю Гавриловичу матеріаломъ для изображенія лицъ въ романѣ. Черты моего характера разсѣяны на нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицахъ „Что дѣлать?“. Вѣрочка—я, Лопуховъ взятъ съ Бокова, офицеръ—съ Кирсанова [1]). Послѣ меня спрашивали: „Кто этотъ Кирсановъ? Правда ли, вы съ нимъ живете?“.

Въ Петербургѣ, конечно, Н. Г. жилъ только литературой. Много времени отнимало хожденье въ типографію. Когда идетъ, бывало, туда, то зайдетъ нарочно въ лавочку и купитъ рѣпу: онъ очень ее любилъ. Идетъ и кожурки съ рѣпы бросаетъ по тротуару. По этимъ кожуркамъ близко знавшіе Н. Г. и узнавали, что онъ уже пошелъ въ типографію.

Жизнь Чернышевскаго въ Петербургѣ была лихорадочная: руки тряслись, мозги усиленно работали. Онъ никогда не могъ спать послѣ обѣда, да и ночью иногда спалъ по два, по три часа. Бывало, и ночью проснется, вскочитъ и начнетъ писать. Дома онъ все сидѣлъ въ кабинетѣ. Минутъ на пять зайдетъ въ половину, занимаемую Ольгой Сократовной, поцѣлуетъ руку.

Штралеръ и скрипачъ Николай Поповъ часто бывали у О. С., играя ей разныя вещи. „Ступайте, оправьте мою постель“, скажетъ она,—и тѣ повинуются. Живя въ Петербургѣ, О. С. старалась подыскать партію то одному, то другому сыну. Здѣсь Чернышевскіе получали болѣе 6.000 рублей въ годъ, и все-таки трудно было сводить концы съ концами. Ольга Сократовна говорила: „Мы постоянно нуждаемся. Какія у писателей могутъ быть деньги?“.

Одна изъ родственницъ Чернышевскихъ разсказывала про себя: „Я тогда играла, плясала, веселилась. Николай Гавриловичъ цѣнилъ во мнѣ то, что я всѣмъ въ глаза говорила правду. Я писала стихи. Онъ нѣсколько разъ говорилъ, чтобы я отдѣлала ихъ и напечатала,

[1]) Т. е., должно быть наоборотъ. А. Л.

Библиотека "Руниверс"

но я не соглашалась. „Осмѣютъ, обругаютъ меня за нихъ“, говорила я ему.

— „Это лучше, если тебя обругаютъ,—больше, значитъ, чести“.

Придешь, бывало, съ гулянья, и примешься ему разсказывать, съ кѣмъ я гуляла, что говорила, какъ заставляла въ себя влюбляться. Бывало, и стыдно, а все говоришь; не скрываешь, кѣмъ увлекалась... Я любила красивыхъ мужчинъ, съ которыми весело проводила время. Это-то [1]) и цѣнилъ Н. Г. „Ты заняла меня своими разсказами“, скажетъ онъ; „ты—самородокъ, у тебя—природный умъ. Вотъ, ты и записала бы, моя несравненная“. Онъ не могъ меня съ кѣмъ-либо сравнить“.

Послѣ того, какъ Н. Г. исключительно посвятилъ себя литературѣ и сталъ пріобрѣтать извѣстность,—о немъ заговорили. Заговорили и въ Саратовѣ. Радовался Гавріилъ Ивановичъ, что сынъ сталъ пользоваться популярностью, но какъ всегда сдержанный, не хвалился его литературными успѣхами. Постоянно отъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ слышалъ старикъ похвалы сыну за журнальныя статьи, но онъ отвѣчалъ молчаніемъ въ отвѣтъ на эти похвалы. Изъ желанія сдѣлать Г. И—чу пріятное, многіе, даже незнакомые ему, расхваливали сына, но Гавріилъ Ивановичъ не считалъ нужнымъ отвѣчать; только когда дома и въ интимной бесѣдѣ родные или знакомые заведутъ разговоръ объ успѣхахъ Николая Гавриловича, то Г. И. скажетъ въ отвѣтъ: „Да, сынъ мой пріобрѣтаетъ извѣстность въ Петербургѣ“, но болѣе—ни слова. Иногда по поводу его статей проговорится: „Хорошо-то, хорошо, и полезны для Россіи тѣ преобразованія, о которыхъ пишетъ сынъ, да раненько“. Рѣзкія статьи Н. Г—ча побуждали отца писать ему рѣзкія письма, въ отвѣтъ на которыя сынъ слалъ свои оправданія.

Въ 1855 году Саратовъ постигло бѣдствіе: были большіе пожары. Постоянно то одному, то другому домовладѣльцу подбрасывались подметныя письма, угрожавшія пожаромъ. Въ городѣ была сильнѣйшая паника. Почти во всѣхъ домахъ имущество было уложено въ возы, чтобы, въ случаѣ близкаго пожара, вывести его въ безопасное мѣсто. Нѣкоторые жители даже выѣхали изъ города и жили около него въ шалашахъ, гдѣ держали и имущество.

Всѣ пожарные и полиція измучились: иногда бывало до ста пожаровъ въ день въ разныхъ мѣстахъ города. Надъ Саратовомъ все всемя носился дымъ отъ пожара. Образовалась изъ жителей полиція для караула. Весь городъ раздѣлили на участки, которыми завѣдывали выборные. Начальникомъ надъ такой полиціей былъ

[1]) Т. е., эту искренность. А. Л.

Библиотека "Руниверс"

Ганъ, предсѣдатель казенной палаты. Но ничто не помогало; пожары все возрастали. Много говору вызывали эти пожары. Говорили тогда, что поджигатели клали въ яичную скорлупу воспламеняющійся составъ и бросали яйцо на дворы. Говорили также, что заборы поливались воспламеняющимся составомъ. О пожарныхъ трубахъ говорили, что онѣ не дѣйствуютъ, такъ какъ злоумышленники вбивали въ нихъ гвозди.

Подкинуты были письма о поджогахъ и Сергіевской улицы; Г. И. и Пыпины предприняли мѣры предосторожности; запаслись на трехъ лошадяхъ водой для тушенія; вся посуда была занята водой. Въ назначенный день загорѣлось какое-то зданіе около Краснаго Креста (очень далеко отъ Чернышевскихъ, болѣе версты). Когда пожарные были измучены тушеніемъ тамъ пожара, начался новый пожаръ, на задахъ дома Кирѣева (теперь [писано въ 1890-тыхъ г.г.] И. Е. Аносова), на Московской улицѣ. Мѣсто для поджога было выбрано самое удачное: постройки Кирѣева примыкали къ деревяннымъ службамъ двухъ домовъ, выходящихъ на Сергіевскую улицу. Такъ какъ во всемъ городѣ не было другого брандъ-маіора, кромѣ И. И. Мордвинкина, всѣми уважаемаго въ Саратовѣ, то загорѣлись всѣ деревянныя постройки, которыя тянулись по Сергіевской улицѣ, по направленію къ Волгѣ. Пожаръ распространялся и на сосѣдніе кварталы, особенно на деревянные трактиры. Подулъ сильный вѣтеръ и поднялъ песокъ и пыль, которые покрывали немощенныя тогда улицы Саратова. Опасность угрожала и дому Чернышевскихъ; противъ него все горѣло, а въ домѣ и крыша, и ставни, были деревянные. Только благодаря тому, что набѣжало много знакомыхъ и причетниковъ, домъ былъ спасенъ. Сгорѣла часть Московской улицы, до дома Образцова, исключая дома Мордвинкина, который отстояли собственно потому только, что владѣлецъ его давалъ по серебряному рублю за бочку; сгорѣла и часть Сергіевской улицы, до гимназіи и Бабушкина взвоза, и то только потому, что генералъ Граббе, спасая свой домъ, распорядился вызвать весь батальонъ солдатъ, который и разломалъ всѣ постройки сосѣдей, а по этимъ постройкамъ огонь неминуемо распространился бы по другимъ домамъ.

Гавріилъ Ивановичъ сильно скучалъ безъ сына, жившаго въ Петербургѣ. Желая утѣшить его, Николай Гавриловичъ прислалъ своихъ двоихъ дѣтей на житье у Г. И. Впослѣдствіи къ дѣду прибылъ и третій внукъ. Внуки доставляли Гавріилу Ивановичу много удовольствія и служили утѣшеніемъ въ старости. Когда настало время учить старшаго, Александра,—его взяли въ Петербургъ, а Г. И—чу привезли средняго сына. Саратовскій климатъ, конечно, гораздо

Библиотека "Руниверс"

лучше петербургскаго, къ тому же здѣсь дѣти всегда могли быть на свѣжемъ воздухѣ.

Въ ноябрѣ 1860 г. заболѣлъ отецъ Ольги Сократовны. Николай Гавриловичъ далъ женѣ 700 рублей, чтобы за нимъ ухаживать. Она поѣхала въ Саратовъ, но уже не застала отца въ живыхъ. Когда О. С. подъѣхала къ дому Сократа Евгеньевича,—дворникъ сказалъ ей, что тотъ уже умеръ (10 ноября 1860 г.). Она отправилась къ Гавріилу Ивановичу. Тотъ оказался больнымъ. Сначала Ольга Сократовна подумала, что онъ заболѣлъ отъ огорченія, вслѣдствіе смерти С. Е—ча, котораго онъ искренно уважалъ. Но оказалось, что дней черезъ десять послѣ смерти Сократа Евгеньевича, умеръ отъ скарлатины внукъ Г. И—ча. Это такъ поразило старика, что у него отъ неутѣшнаго плача разболѣлись и безъ того разстроенные работой по ночамъ глаза, и онъ долженъ былъ носить козырекъ. Когда ребенокъ умеръ, Гавріилъ Ивановичъ взялъ его, мертваго, на руки и долго, долго прижималъ къ сердцу. Жаль было внука старику, и онъ считалъ себя отвѣтственнымъ предъ дѣтьми за его смерть. Это безпокойство было причиной того, что старикъ страшно похудѣлъ. Не могъ безъ рыданія повѣдать о случившемся Ольгѣ Сократовнѣ убитый горемъ Г. И—чъ.

Между тѣмъ въ служебной дѣятельности Г. И—ча произошла большая перемѣна. Еще въ 1850 г. указомъ Синода дѣло Протопопова (о немъ см. ранѣе) велѣно было не считать препятствіемъ на будущее время къ награжденію его знаками отличія, установленными для бѣлаго духовенства. Въ 1853 г. онъ получилъ за службу орденъ Анны 3-ей степени.—Въ Саратовѣ произошла смѣна архіереевъ: вмѣсто преосвященнаго Аѳанасія, бывшаго здѣсь съ 1847 г. и переведеннаго въ Астрахань въ 1856 г., сюда назначили Іоанникія (Горскаго).

Новый преосвященный, еще будучи въ Сергіевой лаврѣ, разспрашивалъ монаховъ о саратовскомъ духовенствѣ. Въ Саратовѣ никто не зналъ, откуда и когда именно пріѣдетъ новый архіерей. Поэтому онъ пріѣхалъ безъ встрѣчи. Происходила служба наканунѣ праздника воспоминанія Полтавской побѣды. Во время всенощной, когда все духовенство было въ церквахъ, пріѣхалъ съ парохода новый архіерей, взявъ съ пристани простого извозчика. Такъ какъ прежніе саратовскіе архіереи имѣли постели свои, которыя и увозили при своемъ отъѣздѣ изъ епархіи, то въ архіерейскомъ домѣ не было приготовлено постели для Іоанникія. Онъ проспалъ ночь на диванѣ, одѣтый своей шубой. „Я“, говорилъ онъ послѣ, „цѣлую ночь проплакалъ“. Когда на слѣдующій день представлялся Іоанникію каѳедральный протоіерей, Вязовскій, бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

и экономомъ архіерейскаго дома, архіерей высказалъ ему свое неудовольствіе, прибавивъ къ этому и многое изъ того, что говорили ему въ лаврѣ монахи о саратовскомъ духовенствѣ. Не совсѣмъ здоровый Вязовскій, уважаемый всѣми предшествующими архіереями, Моисеемъ, Іаковомъ и Аѳанасіемъ, такъ огорчился, что слегъ въ постель и заболѣлъ. Іоанникій навѣщалъ больного. Вскорѣ протоіерей умеръ. На его мѣсто назначили Гавріила Ивановича. Когда секретарь, по порученію преосвященіаго, 29 августа пришелъ на домъ къ Чернышевскому и передалъ ему о новомъ назначеніи, Гавріилъ Ивановичъ отвѣтилъ: „Не хотѣлось бы переходить отъ Сергіевой церкви, гдѣ я всю свою священническую жизнь провелъ (около тридцати лѣтъ), да и жить-то мнѣ осталось недолго. Много-много проживу я четыре года“. Слова его были пророческими. У Г. И—ча уже давно была та болѣзнь, которая свела его въ могилу.

Въ то время литературная слава Николая Гавриловича распространялась все болѣе и болѣе, и, по мѣрѣ того, какъ росла его извѣстность,—по Саратову начали ходить слухи, которые старались не доводить до Г. И—ча. Это было необходимо потому, что болѣзнь сердца, которой страдалъ престарѣлый отецъ писателя, все усиливалась. Особенно часто изъ женскаго монастыря направлялись укоризны, что Н. Г. пишетъ статьи антирелигіознаго и антиправительственнаго содержанія. А. Е. Пыпина, которой приходилось часто выслушивать такія вещи, обычно отвѣчала: „Укажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ видите вредное направленіе“.

Г. И—чъ, занятый постоянно дѣлами, не могъ читать всѣхъ статей сына, но А. Е. прочитывала все, что только выходило изъ-подъ пера Николая Гавриловича, и не находила въ его статьяхъ ничего предосудительнаго. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что тѣ самыя лица, которыя, во время наибольшей славы Н. Г., восторгались его статьями, всегда просили Гавріила Ивановича передать сыну благодарность за возбужденіе многихъ вопросовъ въ „Современникѣ“ и выискивали случай познакомиться съ Николаемъ Гавриловичемъ, затѣмъ не только отшатнулись отъ него, но начали даже, по возможности, мстить. Они выдумывали на Николая Гавриловича разныя небылицы, бросали въ него грязью и искажали такіе факты, относящіеся къ Чернышевскому, въ которыхъ даже самые завзятые враги Н. Г. не могли отыскать ничего чернаго.

Однажды истинныхъ и мнимыхъ почитателей Чернышевскаго очень встревожилъ слухъ объ его арестѣ. Дѣло происходило такимъ образомъ. Воскресенскій, бывшій учитель Н. Г. по семинаріи будучи въ то время предсѣдателемъ Саратовской палаты уголовнаго

Библиотека "Руниверс"

суда, сообщилъ архимандриту Никанору объ арестѣ Н. Г. Никаноръ, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гавріиломъ Ивановичемъ, нарочно поѣхалъ къ нему, съ цѣлью узнать, насколько справедливъ этотъ слухъ. Въ случаѣ же, если Г. И. не зналъ объ арестѣ,—то Никаноръ имѣлъ цѣлью подготовить его къ этому тяжелому событію. Свою миссію онъ исполнилъ такъ ловко, что нисколько не напугалъ Г. И—ча. Оказалось, извѣстіе было ложное. Почти одновременно Г. И. и Пыпины получили отъ своихъ дѣтей письма, въ которыхъ не было и намека на арестъ. Между прочимъ тамъ были такія фразы: „Что дѣлается въ мірѣ политическомъ и литературномъ, Вы узнаете изъ газетъ“.

Обычно, живя въ Саратовѣ, Николай Гавриловичъ не высказывалъ при отцѣ рѣзкихъ сужденій, которыя могли бы оскорбить убѣжденія Г. И—ча: любовь къ отцу была у него очень сильна, и сынъ дорожилъ любовью Г. И—ча. Интересный фактъ разсказываетъ В. И. Дурасовъ. Пріѣхалъ однажды Н. Г. къ отцу. Пришли къ Чернышевскимъ В. И. Дурасовъ и Н. И. Костомаровъ. Подана была закуска, скоромная и постная. Н. Г. сталъ ѣсть постное. Отецъ и говоритъ ему: „Вы, петербуржцы, ѣдите тамъ, вѣроятно, скоромное. Отчего же ты не ѣшь? У насъ здѣсь и монахи ѣдятъ скоромное въ посты. Я самъ видѣлъ, какъ у Мордвинова (управляющаго Саратовской удѣльной конторой) архимандритъ Никандръ ѣлъ въ великій постъ скоромное“. Надо замѣтить, что и въ пищѣ, и въ другихъ отношеніяхъ, Н. Г. довольствовался малымъ, такъ что возбуждалъ къ себѣ удивленіе. Въ Петербургѣ, когда онъ жилъ одинъ въ большой квартирѣ, а Ольга Сократовна занимала дачу, Н. Г. ѣлъ овсянку и подобную неприхотливую пищу. Поэтому, онъ отказался отъ предложенія отца и ѣлъ постное. „Какой Чернышевскій притворщикъ!“ сказалъ мнѣ дорогою Костомаровъ, когда мы шли отъ Чернышевскихъ. „А въ Петербургѣ-то что онъ дѣлаетъ!“ (Говорятъ, Н. Г. много способствовалъ переводу Костомарова изъ Саратова въ Петербургъ). Я отвѣтилъ ему: „Онъ, вѣроятно, не хочетъ огорчать своего отца“.

Основавшись въ Петербургѣ, Н. Г. не могъ часто бывать у отца: дѣла „Современника“, лежавшія главнымъ образомъ на немъ, требовали его постояннаго присутствія. Зналъ это Гавріилъ Ивановичъ и, поэтому, не только не настаивалъ на пріѣздахъ сына въ Саратовъ, но даже совѣтовалъ ему заниматься этими дѣлами, чтобы не ставить редакцію въ неловкое положеніе. Г. И. видѣлъ самъ, что даже тогда, когда сынъ пріѣзжалъ къ нему въ Саратовъ,—ему присылалась масса писемъ, рукописей, корректуры и пр. для чтенія. Особенно много времени требовала корректура, за которой

Библиотека "Руниверс"

долго просиживалъ Н. Г., почему онъ иногда не приходилъ обѣдать и не спалъ по цѣлымъ ночамъ. Зато сынъ не лишалъ себя удовольствія поговорить съ отцомъ. Часовъ въ десять вечера, когда въ домѣ все утихало, Н. Г. спускался съ балкона къ отцу, и долго, долго шли ихъ задушевныя бесѣды. Понятно, что сынъ только изрѣдка появлялся при гостяхъ, бывавшихъ у его отца, а самъ не только не имѣлъ времени заводить новыя знакомства, чего многіе желали и усиленно добивались, но даже не бывалъ у тѣхъ, кого очень желалъ бы видѣть, о чемъ прямо говорилъ имъ, при личномъ свиданіи. Люди, знавшіе Николая Гавриловича, извиняли его и нисколько не обижались. Ихъ удивляло только то, когда онъ успѣвалъ столько работать: почти каждую почту онъ отправлялъ посылки и письма. Только тѣ, которые желали знакомиться съ Чернышевскимъ изъ-за самолюбія, очень сердились на него и называли Н. Г. гордымъ и высокомѣрнымъ. Точно такъ же велъ себя Н. Г. и въ Петербургѣ: въ то время, когда въ половинѣ О. С—ны молодежь веселилась до упаду,—онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ, совершенно забывая о томъ, что дѣлалось внѣ кабинета.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ [1]).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

30-го апрѣля. Мысовая.

Третьи сутки сидимъ на ст. Мысовой и не можемъ добиться отъ Домелунксена отвѣта, когда же прибудутъ къ намъ наши лошади и казаки. Творится что-то возмутительно безобразное; на двѣ вчерашнія телеграммы отвѣта не получилъ. Можно ли было когда-нибудь представить себѣ такіе порядки и условія движенія на театрѣ войны, и все тотъ же вопросъ о ледоколѣ терзаетъ и умъ и сердце... Проклятіе строителямъ дороги...

Сегодня въ ночь здѣсь выпалъ снѣгъ. Около часа ночи было землетрясеніе: 3 довольно сильныхъ толчка послѣдовательно подбрасывали насъ вмѣстѣ съ вагонами и заставили было подумать о своевременности покинуть наши вагоны; однако толчковъ больше не повторялось, и мы всѣ успокоились. Были даже молодцы, которые сладко спали и этого землетрясенія не замѣтили.

---

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1911 г.

Библиотека "Руниверс"

2-го мая. Разъѣздъ Коновалово.

Вчера я не вытерпѣлъ и самъ отправился за казаками и лошадьми штаба дивизіи въ Кунтукъ. Со станціи „Мысовая“ ѣхалъ на тормозѣ товарнаго вагона, а часть пути въ теплушкѣ. Было холодно, вѣтряно и шелъ дождь со снѣгомъ.

Пріѣхавъ на ст. Танхой, я неожиданно замѣтилъ знакомыя лица казаковъ. Оказалось, что давно желанныхъ казаковъ и лошадей отправили изъ Кунтука, и я засталъ ихъ уже здѣсь. Стоянка въ Кунтукѣ была отвратительная. Было сыро, кругомъ болото, туманы... Появились больные среди казаковъ (классный фельдшеръ Кривихъ), захворалъ и М. В. Левинъ.

Сѣна не было, и лошадей отъ голода спасали буряты, доставляя сѣно по 1 руб. 50 коп. за пудъ.

При движеніи эшелона отъ Кунтука вагоны дважды сходили съ рельсъ. Бѣды не произошло лишь вслѣдствіе крайне медленнаго хода поѣзда. Казаки и здѣсь отличились: подлѣзли подъ вагонъ, понатужились, да и поставили вагонъ снова на рельсы...

На Мысовую пріѣхали въ 10 часовъ вечера, а около часа ночи, на 2-е мая, нашъ эшелонъ двинулся дальше въ путь...

Итакъ, съ 19-го апрѣля по 1-е мая включительно, было потрачено лишь на то, чтобы одолѣть переправу черезъ Байкалъ. Фактъ, который исторія перевозки войскъ забыть не должна.—Стоитъ на разъѣздѣ Коновалово среди величественныхъ Забайкальскихъ горъ; теперь 8 час. 30 м. по иркутскому времени. Здѣсь въ данную минуту происходитъ свиданіе адмирала Скрыдлова (обгоняетъ насъ) съ министромъ путей сообщенія княземъ Хилковымъ (ѣдетъ изъ Маньчжуріи въ Иркутскъ)... Здѣсь эти могучія горы, покрытыя снѣгомъ, да мы, были сегодня свидѣтелями встрѣчи людей, отъ работы которыхъ такъ много зависитъ въ судьбахъ Россіи въ настоящее тяжелое время.

Помогай имъ Богъ!

5-го мая. Куку-Норъ.

Пока что двигаемся безъ неожиданныхъ задержекъ и остановокъ. Проѣхали Верхнеудинскъ съ его маленькимъ вокзаломъ около сосновой рощицы, Петровскій заводъ и Оловянную; 3-го мая миновали Читу при великолѣпной лѣтней погодѣ; успѣли побывать на почтѣ, получили часть вещей для 5-го полка, побывали въ магази-

Библиотека "Руниверс"

нахъ, гдѣ накупили опять въ запасъ продукты и сладости; надо было запастись теперь ужъ до Харбина; наконецъ, 4-го мая приблизились къ границѣ Маньчжуріи, и сегодня почти въ полночь мы вступили въ эту страну. Минута знаменательная. Никто не ложился спать, всѣ ждали момента переѣзда государственной границы, чтобы послать родной землѣ послѣдній поклонъ, чтобы взглянуть на нее... быть можетъ, послѣдній разъ. Только бездушная машина ничего не испытывала въ эти минуты и, не убавляя хода, перенесла насъ въ Маньчжурію.

Много разъ приходилось задумываться надъ значеніемъ и ролью этой Маньчжуріи въ историческихъ судьбахъ Россіи. Часто приходилось слышать и читать, что Маньчжурія—это лишнее бремя для Россіи, что постройка здѣсь русской желѣзной дороги—это политика авантюры: куда намъ возиться съ этими 10 милл. маньчжурцевъ и китайцевъ, бытъ и нравственный укладъ которыхъ мы не понимаемъ!.. Не знаю, кто и какими соображеніями руководствовался здѣсь, только для меня всѣ эти сужденія казались непонятными, чуждыми моей душѣ русскаго человѣка. Я сознаю всю искусственность нашей границы по Амуру, я знаю, что сѣверный берегъ Амура—страна мало пригодная для жизни нашего русскаго человѣка, которому необходима прежде всего земля подъ пашню и просторъ; я глубоко вѣрю въ неизбѣжность историческаго движенія русскаго племени къ берегамъ Тихаго океана, ибо нельзя остановить это движеніе на полпути... Маньчжурія обладаетъ всѣми свойствами богатой земледѣльческой страны, которая сама манитъ насъ приложить свой трудъ, который здѣсь долженъ окупаться сторицею; сами обитатели ея настолько дешево отдали намъ эту страну въ 1900 году, что, мнѣ казалось, нѣтъ ничего легче, какъ ихъ совершенно выселить и занять эти земли нашими русскими людьми. Какъ я глубоко сожалѣлъ, что присоединеніе Маньчжуріи тогда не состоялось, и что теперь мы ѣдемъ не по своей территоріи... Такова видно судьба, которая заставляетъ два народа вступать въ борьбу и умирать на чужой для нихъ обоихъ землѣ. Чѣмъ бы ни кончилась эта борьба, но вѣрю я, что Маньчжурія для насъ станетъ и ближе, и дороже, а будетъ и день, когда она станетъ и русскою. Это неизбѣжно.

Около станціи „Маньчжурія“ устраивается довольно значительный поселокъ; начаты постройки многихъ зданій, повидимому, все казенныхъ.

Впервые увидѣлъ здѣсь китайцевъ съ длинными косами, въ синихъ курткахъ, такихъ же, повидимому, теплыхъ штанахъ и туфляхъ на войлочныхъ подошвахъ. На головѣ они носятъ войлочныя

Библиотека "Руниверс"

шапки совершенно такія же, какъ и наши татары и башкиры Оренбургской и Уфимской губерніи. Выдающіяся скулы ихъ, впалыя щеки, темно-желтый цвѣтъ лица, жилистыя руки, длинный высокій станъ говорили и объ отличительныхъ свойствахъ людей этой расы и вмѣстѣ съ тѣмъ точно свидѣтельствовали о голодѣ и недоѣданіи этихъ людей, ибо они отчасти напоминали мнѣ изображенія голодныхъ индусовъ.

На ст. Маньчжурія опять случилось что-то неладное съ нашими сотнями.

По распоряженію изъ Цицикара, или Харбина, я не разобралъ этого, но комендантъ ст. Маньчжурія (капитанъ Всеволожскій) остановилъ двѣ сотни 7-го полка. Не успѣлъ я выйти изъ вагона, какъ всѣ офицеры этихъ сотенъ стали жаловаться на этотъ произволъ, на эту остановку, на выдѣленіе изъ полка и т. п. Не было никакого сомнѣнія, что это недоразумѣніе, и такой поступокъ капитана Всеволожскаго явился результатомъ запоздалыхъ свѣдѣній и распоряженій о высадкѣ вообще двухъ сотенъ нашихъ казаковъ, но, конечно, не на ст. Маньчжурія; все это было понятно однако только намъ, а не капитану Всеволожскому, и много ненужныхъ разговоровъ и усилій пришлось употребить генералу Симонову и мнѣ, чтобы добиться освобожденія нашихъ сотенъ изъ плѣна на ст. Маньчжурія.

Такъ какъ помимо начальника дивизіи никто не можетъ распорядиться выдѣленіемъ частей нашей дивизіи, особенно безъ его вѣдома, то, на всякій случай, дали указанія командирамъ полковъ и сотенъ, чтобы они ждали указаній изъ штаба дивизіи относительно высадки, а коменданту станціи сказали, что если послѣдуетъ распоряженіе штаба арміи о высадкѣ сотенъ, то должны остаться 4 и 5 сотни 7-го полка.

Въ общемъ, конечно, одно безобразіе...

Нельзя выхватывать части, идущія въ раіонъ сосредоточенія. Для охраны пути должны быть спеціально для того назначенныя войска. Наконецъ, мнѣ теперь ясно, что даже распоряжаться въ пути и давать указанія, кому и что дѣлать, нельзя: ни одного изъ сдѣланныхъ нами въ пути распоряженій, начиная съ Красноярска, о высадкѣ двухъ сотенъ командирами полковъ своевременно не получено. Ни одну изъ нашихъ телеграммъ на указанныхъ станціяхъ въ нихъ нашимъ командирамъ не доставили, такъ что всѣ наши волненія и хлопоты не достигли своей цѣли; полки даже не знали объ этихъ распоряженіяхъ; да и надежда генерала Волкова получить просимыя сотни въ дѣйствительности была тщетной.

Библиотека "Руниверс"

9-е мая. Хуланченъ.

Добрались до Хуланчена. Желѣзная дорога идетъ здѣсь все время среди чрезвычайно красивой долины рѣки Ялъ или Ялу. Обращаютъ на себя вниманіе крайне причудливыя обнажившіяся каменныя вершины горъ около самой станціи „Ялъ".

Хуланченъ имѣетъ уже большой и, повидимому, благоустроенный поселокъ. Общій видъ здѣсь значительно выигрываетъ отъ молодой зелени, которая одѣла уже всѣ деревья.

Еще на станціи „Маньчжурія" всѣхъ поразилъ сильный вѣтеръ, который дулъ съ удивительнымъ постоянствомъ и напряженіемъ; здѣсь этотъ вѣтеръ дуетъ, пожалуй, еще сильнѣе: постоянство и сила его прямо поразительны.

Изъ вагона выходилъ только на пять минутъ; прошелся вдоль вагоновъ, да и вернулся въ свое купэ, съ которымъ успѣлъ сродниться за этотъ длинный путь. Сегодня поздно вечеромъ должны быть въ Цицикарѣ, вѣрнѣе сказать, на станціи этого наименованія, самый же городъ, столица Хей-Лунъ-Дзянской провинціи, далеко отстоитъ къ сѣверу отъ желѣзной дороги.

8-го мая. Гунчжулинъ.

Катимъ уже по южной вѣткѣ и, видимо, здѣсь уже торопятъ насъ: остановки короткія, больше порядка, да лица серьезнѣе и сосредоточеннѣе.

Миновали Яомынъ, рѣку Сунгари (вторую), Куанчендзы.—Встрѣчи съ знакомыми не дали мнѣ возможности записать остановку въ Харбинѣ. До Харбина добрались вчера. Былъ въ городѣ. Задуманъ онъ на широкую руку и сильно обстраивается. Со временемъ онъ обѣщаетъ быть огромнымъ европейскимъ городомъ. Строятся огромныя зданія окружныхъ управленій Приамурскаго военнаго округа; видѣлъ цѣлый городокъ бараковъ для войскъ и лазаретовъ; самая станція съ большими депо и мастерскими; показалось мнѣ, что мало запасныхъ путей, вслѣдствіе чего возможна „забивка" станціи и вообще этого желѣзнодорожнаго узла вагонами; мѣсто для этихъ путей имѣется... Былъ въ штабѣ округа.

Получилъ кое-какія карты (20,10,4 и 2 верстныя по два экземпляра... немного). Повидалъ генеральнаго штаба капитана Ремизова, съ которымъ мнѣ необходимо было поговорить, дабы выяснить судьбу нашихъ двухъ сотенъ, оставляемыхъ въ пути. Окончательно выяснить этотъ вопросъ не удалось; я понялъ только одно: настоятельной надобности въ нихъ нѣтъ, распоряженіе сдѣлано на осно-

Библиотека "Руниверс"

ваніи какихъ-то слуховъ, или гадательныхъ данныхъ, опредѣленно сказать это, капитанъ Ремизовъ не могъ, или не хотѣлъ. Намѣтили оставить 4 и 5 сотни 7-го полка, то есть тѣ, которыя указалъ я на основаніи рѣшенія генерала Симонова... Богъ дастъ, минуетъ насъ и эта чаша. Приходится понадѣяться на наше „авось", такъ какъ авось „дѣятельность какихъ-то хунхузовъ въ раіонѣ Цицикара и Харбина не обнаружится въ дѣйствительности и наши 4 и 5 сотни 7-го полка благополучно проѣдутъ въ Ляоянъ"... Другія части войскъ, вѣроятно, ѣдутъ подъ такимъ же пріятнымъ сознаніемъ неожиданной высадки по всей линіи отъ ст. Маньчжурія до ст. Харбина. Идетъ сильный дождь. Вся окружающая мѣстность мнѣ сильно напоминаетъ наши малороссійскія губерніи: степь, глиняныя мазанки (а здѣсь фанзы), около деревень деревья въ родѣ нашего береста...

Было бы гдѣ разгуляться нашему пахарю-землеробу!..

Больныхъ казаковъ и лошадей въ нашемъ эшелонѣ нѣтъ. На выводкѣ лошади всѣ были веселы. Въ общемъ лошади всѣ сохранились не только хорошо, но всѣ раздобрѣли въ тѣлахъ. Хорошо ли только это будетъ, если работа сразу будетъ тяжелою, да еще въ горахъ и на непривычномъ кормѣ; здѣсь говорятъ—скоро придется отвыкать лошадкамъ отъ овса и ячменя и переходить на гаолянъ да чумизу.

9-го мая. Около Телина.

Сегодня воскресенье; сегодня мы должны прибыть въ Ляоянъ. День знаменательный. Въ праздникъ прибываютъ наши казаки въ раіонъ сосредоточенія. Дай Богъ съ праздникомъ въ душѣ и возвращаться имъ домой, покончивъ съ дѣломъ борьбы съ японцами. Вчера еще горы въ сторонѣ Кореи казались чрезвычайно отдаленными, очертанія ихъ вершинъ сливались въ синевѣ дали. Кругомъ была равнина съ хорошо воздѣланными полями, частыми небольшими китайскими поселками. Я уже писалъ и сегодня не могу не отмѣтить, что страна эта очень напоминаетъ мнѣ нашу Малороссію или части Херсонской и Бессарабской губерній, особенно южныхъ частей ихъ. Китайцы мирно и спокойно работаютъ на своихъ поляхъ; только посты пограничной стражи, со своими крѣпостями изъ дикаго камня, съ бойницами въ степяхъ, съ окопами по сторонамъ, да мосты съ поставленными около нихъ орудіями (старыхъ системъ) и прикрытіями для нихъ изъ мѣшковъ, проволочными заграждеиіями и часовыми, говорятъ о близости врага. Иначе трудно было бы себѣ представить, что здѣсь рѣшается міровой вопросъ о господствѣ на Дальнемъ Востокѣ одного изъ народовъ: Россіи или Японіи.

Библиотека "Руниверс"

Горы около Телина совсѣмъ близко подходятъ къ станціи. На этихъ горахъ я вижу войска во многихъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь укрѣпляются позиціи. Это наводитъ на печальныя соображенія...

Приближаемся къ Мукдену. Виденъ и городъ съ его высокими стѣнами и башнями надъ воротами. Видна еще какая-то причудливая китайская башенка, здѣсь же императорскія знаменитыя могилы. Удастся ли ихъ посмотрѣть?

9-го мая. Ляоянъ.

Около 9 часовъ штабъ дивизіи прибылъ въ Ляоянъ. Ровно мѣсяцъ были мы въ пути отъ Омска до этого центра сосредоточенія нашей арміи.

Только-что являлся начальнику штаба арміи генералъ-лейтенанту Сахарову и генералъ-квартерм. ген.-маіору Харкевичу. Получилъ распоряженіе относительно 5 и 8 Сиб. каз. полковъ нашей дивизіи: вся 2-я бригада завтра выступаетъ въ Кайджоо на усиленіе конницы 1-го Сиб. ар. корпуса ген.-лейт. барона Штакельберга.

Послѣ высадки въ Ляоянѣ полки наши второй бригады стали бивакомъ къ юго-западу отъ города, около деревни Яндзелиндзы. Завтра будемъ ихъ провожать.

Штабъ дивизіи пока остается въ Ляоянѣ.

Генералъ Симоновъ былъ крайне огорченъ, что его дивизія, не успѣвъ еще собраться вся вмѣстѣ, уже разбивается на части и выходитъ изъ-подъ его власти; невольно всѣ мы были опечалены съ нимъ вмѣстѣ, и всѣ спрашивали его, сколько времени мы будемъ здѣсь, въ Ляоянѣ, и какое дадутъ намъ назначеніе? Неизвѣстность дѣйствовала на всѣхъ удручающе.

10-го мая. Ляоянъ.

Штабъ дивизіи живетъ пока въ тѣхъ вагонахъ, въ которыхъ пріѣхалъ на ст. Ляоянъ. Казаки только сегодня стали выгружать лошадей, повозки и имущество; къ вечеру будетъ разбитъ бивакъ къ западу отъ станціи, тутъ же на площадкѣ около полотна желѣзной дороги. Удобства мало, но я надѣюсь сегодня же выяснить и разрѣшить вопросъ о временномъ расквартированіи всего штаба дивизіи. Тутъ же среди суеты станціонной жизни, на солнцѣ и пыли казакамъ и лошадямъ очень плохо, да и за имуществомъ смотрѣть трудно. Китайцы здѣсь толпятся цѣлый день и лѣзутъ всюду са-

Библиотека "Руниверс"

мымъ назойливымъ образомъ; дежурные и дневальные казаки то и дѣло гонятъ ихъ прочь отъ бивака. Около 11 часовъ утра генералъ Симоновъ со всѣмъ штабомъ и конвоемъ отправился провожать 5 и 8 полки въ д. Яндзелиндзы. Бригада сибирскихъ казаковъ во главѣ съ командиромъ бригады генералъ-маіоромъ Чириковымъ была построена въ резервной колоннѣ. Генералъ Симоновъ обошелъ полки; привѣтливо здоровался съ каждой сотней; благодарилъ казаковъ за хорошее сохраненіе лошадей въ этотъ длинный переѣздъ по желѣзной дорогѣ, за отличное поведеніе казаковъ въ пути... поздравилъ съ боевымъ походомъ и благословилъ на работу: „Царь батюшка, родина, родныя станицы, ждутъ отъ васъ, братцы, успѣха. Постарайтесь, помните славу отцовъ и дѣдовъ“...

Дружное „рады стараться“ было отвѣтомъ...

Выстроился авангардъ.

Генералъ Симоновъ провозгласилъ „ура“ въ честь Государя Императора и оркестръ 2-й бригады заигралъ „Боже, Царя храни“, а изъ рядовъ сотенъ понеслось могучее „ура“..., которое смѣшалось съ общей молитвой: вся бригада, снявъ шапки, пѣла „Отче нашъ“ и „Спаси, Господи“... Лица казаковъ были серьезны, но какое-то особенно вдумчивое, славное выраженіе ихъ, искренняя молитва, торжественная тишина наполняли душу какой-то глубокой вѣрой въ этихъ дорогихъ людей, какимъ-то яснымъ сознаніемъ, что они непоколебимо исполнятъ свой долгъ, ниспосланный Богомъ... Храни ихъ Богъ и помоги.

Въ эти минуты эти, дорогіе мнѣ, казаки казались святыми людьми. Опять грянули „ура“, опять оркестръ заигралъ „Боже, Царя храни“, и съ послѣдними звуками сотня за сотней пошли на югъ; во главѣ бригады шелъ генералъ Чириковъ; во главѣ 5-го полка—войсковой старшина Путинцевъ, а во главѣ 8-го полка—войсковой старшина Алексѣевъ.

Со 2-й бригадой въ походъ пошелъ и есаулъ Егоровъ въ качествѣ начальника отряднаго штаба бригады генерала Чирикова.

Каждый полкъ запасся двумя переводчиками китайцами.

Полки оставили въ Ляоянѣ свои парныя повозки; имущество ихъ (сухари, крупы, патроны и пр.) взяли на вьюки, которые имъ приказано было немедленно пріобрѣсти и, такимъ образомъ, перейти съ колеснаго обоза на вьюкъ, кромѣ вьюковъ взяли въ походъ и двуколки. Горе въ томъ, что полнаго числа вьюковъ полки пріобрѣсти и пригнать не успѣли за этотъ короткій срокъ (3—4 дня) и, такимъ образомъ, пошли, что называется, налегкѣ.

Вотъ она правильная-то организація обозовъ.

Библиотека "Руниверс"

11-го мая. Ляоянъ.

Къ 6 часамъ утра сегодня прибылъ въ Ляоянъ весь 7-й сиб каз. полкъ. Командующій полкомъ только не прибылъ съ полкомъ, задержавшись въ пути. Войсковой старшина Старковъ прибудетъ сегодня съ однимъ изъ эшелоновъ 4-го полка.

Въ 10 часовъ утра штабъ дивизіи и весь 7-й каз. полкъ былъ на смотру командующаго Маньчжурской арміи генералъ-адъютанта Куропаткина. Смотръ происходилъ на большомъ полѣ къ югу отъ стараго Ляояна. Первую линію составляла бригада пѣхоты 2-й Сибирской дивизіи; вторую линію—штабъ дивизіи, конвой и 7-й Сиб. казачій полкъ. Этимъ полкомъ на смотру командовалъ есаулъ Панковъ (командиръ первой сотни).

Генералъ Куропаткинъ прибылъ на смотръ въ сопровожденіи огромной свиты своего штаба и со всѣми военными агентами иностранныхъ государствъ. Объѣхавъ всѣ сотни и поздоровавшись съ каждой, командующій арміей пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Шли—шагомъ. Всѣ сотни заслужили благодарность; первая даже два раза. Вообще, 7-мъ Сиб. каз. полкомъ генералъ Куропаткинъ остался очень доволенъ, что и высказалъ генералу Симонову. Дѣйствительно, хорошій видъ коней, молодецкій подборъ казаковъ, отсутствіе безоружныхъ, представленіе полка на смотръ черезъ три часа послѣ прибытія въ Ляоянъ послѣ мѣсяца похода, все это факты, которые говорили сами за себя.

Теперь у насъ большое дѣло, которое создалось неожиданнымъ для насъ распоряженіемъ штаба арміи перейти съ колеснаго на вьючный обозъ.

До поздняго времени обдумывали сегодня этотъ вопросъ со всѣми командирами сотенъ 7-го полка, съ полковникомъ Путинцевымъ и съ М. В. Левинымъ. Эта импровизація обозовъ съ первыхъ же дней похода поразила насъ до невѣроятія. Въ этой новой для насъ странѣ мы совершенно не знаемъ еще рынка; никому не извѣстно даже, имѣется ли вообще возможность выполнить это требованіе. Спасибо Н. В. Третьякову, который уже обѣжалъ всѣ лавки Ляояна съ нашимъ переводчикомъ Асановымъ (Сиб. казакъ, дѣлопроизводитель по хозяйственной части 2-го Сиб. каз. полка) и выяснилъ, что вьючныя сѣдла пріобрѣсти можно у китайцевъ; можно будетъ смастерить и переметныя сумы; выяснилъ примѣрно и цѣны на эти предметы. Тѣмъ не менѣе разрѣшить сегодня этотъ вопросъ не удалось, такъ какъ для составленія смѣты расходовъ многаго еще не хватало да и безъ колеснаго обоза, именно, безъ

Библиотека "Руниверс"

нашихъ двуколокъ, обойтись нельзя при вьючномъ обозѣ. Принадлежности кухонь, запасы подковъ, казну и много другое въ этихъ китайскихъ вьюкахъ возить нельзя и лишиться ихъ тоже въ походѣ невозможно; нельзя взять на вьюки всѣ патроны; возникъ вопросъ о томъ, гдѣ взять лишнихъ казаковъ, дабы обслуживать большое количество добавляемыхъ лошадей подъ вьюки; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ вьюковъ явится ослабленіе состава рядовъ во взводахъ. Двѣ парныхъ сотенныхъ повозки придется замѣнить 12 вьюками и, такимъ образомъ, вмѣсто двухъ казаковъ, ко вьюкамъ надо дать 12 казаковъ. Хорошо еще, что въ полкахъ Сиб. каз. дивизіи всѣ казаки, даже обозные, имѣютъ своихъ верховыхъ лошадей. Помимо всего этого, этотъ переходъ на вьюкъ пахнетъ сотнями тысячъ для одной нашей дивизіи, ибо приходится купить не только вьюки, но и лошадей... Это ужасно! Зачѣмъ тогда мы взяли наши обозы сюда? Вѣдь перевозка ихъ отъ Омска до Ляояна обошлась въ огромную сумму денегъ, да и стоимость бросаемыхъ здѣсь парныхъ повозокъ не малая... Въ общей сложности дѣло это трудно переваримое; сдѣланное же наспѣхъ обѣщаетъ прямо быть никуда негоднымъ... тѣмъ не менѣе генералъ Симоновъ сегодня передалъ мнѣ приказаніе разработать этотъ вопросъ возможно тщательно и всѣ расходы обосновать точными данными и дѣйствительной необходимостью; таково требованіе штаба арміи. Нечего дѣлать: надо работать...

13-го мая. Ляоянъ.

Сегодня утромъ, наконецъ, прибылъ и весь 4-й Сиб. каз. полкъ. Прибыли съ нимъ командующіе 4-мъ полкомъ войск. старшина Калачевъ, 7-мъ полкомъ войск. старшина Старковъ и командующій 1-й бригадой полковникъ Ерковскій.

Итакъ, теперь вся наша дивизія собралась въ раіонѣ сосредоточенія.

Вторая бригада теперь уже у Кайджоо, а завтра уходитъ и 7-й нашъ полкъ къ генералу Мищенко въ Сюянь. Съ 7 полкомъ идетъ и подполковникъ Посоховъ съ тѣмъ же назначеніемъ, какъ и есаулъ Егоровъ (при второй бригадѣ).

Переходъ съ колеснаго обоза на вьючный въ окончательной формѣ принялъ слѣдующій характеръ: высчиталъ общую тяжесть, которую необходимо взять на вьюки; опредѣлилъ вѣсъ вьюка (полезный грузъ) въ 5 пудовъ; принадлежности вьючнаго сѣдла и самыя сѣдла заказалъ въ магазинахъ Ляояна (по 10 рублей каждое); переметныя сумы шьемъ изъ овсяныхъ мѣшковъ; вьючныхъ лошадей покупаемъ для штаба дивизіи 25 штукъ; да 9 привезли изъ Омска

Библиотека "Руниверс"

(монгольской мѣстной породы); маньчжурки черезъ подрядчика по 100 и 120 руб. каждую. Въ 4—5 дней работа будетъ окончена.

Такую же работу выполняютъ и всѣ полки дивизіи.

Дабы помочь 7-му полку скорѣе закончить всѣ эти работы сегодня, передалъ ему своихъ 14 лошадей, уже пріобрѣтенныхъ для штаба дивизіи.

Вся эта операція обойдется для штаба дивизіи въ 4.500 рублей, а для каждаго полка въ 57.000 руб.—И работы головокружительной много и расходъ колоссальный. Легче было бы прямо оставить парныя повозки и обходиться съ однѣми двуколками. При всемъ приложенномъ трудѣ къ этому дѣлу, я не могу безъ грусти смотрѣть на этотъ безобразный вьючный обозъ, который пришлось здѣсь создавать. Двуколки все равно необходимы, ибо безъ нихъ обойтись нельзя.

На каждую сотню пришлось заводить по 12 вьюковъ.

18-е мая. Ляоянъ.

13-го мая штабъ дивизіи занялъ квартиры въ самомъ городѣ Ляоянѣ; намъ отвели квартиры въ домѣ купца Лин-джин-чана на углу небольшой площади въ сѣверной части города, недалеко отъ Куропаткинскаго пролома (такъ стали называть новое отверстіе, продѣланное въ городской стѣнѣ западнаго ея фаса).

Конвой и лошади съ вьюками и обозомъ разбили свой бивакъ на площади, около нашихъ фанзъ...

Въ общемъ всѣ расположились съ большими удобствами, только хорунжіе Зарубаевъ и Путинцевъ поставили свои палатки около бивака казаковъ и предпочли помѣститься въ нихъ. Начали свою работу казачья и офицерскія кухни. Пища хорошая; въ большомъ ходу китайская капуста, лукъ, чеснокъ, редиска и огурцы. Мясо только очень неважное.

Большія услуги оказываетъ намъ нашъ сибирскій казакъ, сынъ родного войска, господинъ Бородавкинъ. Онъ уже долгое время живетъ въ Китаѣ въ качествѣ торговаго агента, теперь онъ съ нами и живетъ пока въ штабѣ дивизіи; его знаніе китайскаго языка, быта и характера китайцевъ прямо неоцѣнимы. Безъ него положительно нельзя было бы справиться съ работой надъ созданіемъ этихъ вьюковъ. Большое ему спасибо. Братъ его у меня казакомъ въ конвоѣ.

14-го мая проводили 7-й каз. полкъ въ отрядъ генерала Мищенко—въ Сюянь. Шелъ порядочный дождь. Генералъ Симоновъ такъ же торжественно проводилъ и этихъ дорогихъ сыновъ Сибирскаго войска и благословилъ на боевую работу. Сердечно обнялись

Библиотека "Руниверс"

съ командующимъ полкомъ В. Ст. Старковымъ и офицерами; помолились Богу... По извилистой дорогѣ, среди китайскихъ селеній, полкъ скоро исчезъ изъ нашихъ глазъ, направляясь на югъ изъ той же деревни Яндзелиндзы.

Добрый путь!

Полкъ съ вьюками окончательно справиться не успѣлъ, какъ ни торопился съ этой работой. Многія сѣдла доставили китайцы только 13-го мая. При началѣ движенія уже нѣсколько сѣделъ поломалось... Одно несчастье съ этимъ дѣломъ. Во взводахъ сотенъ было всего по 11 рядовъ (вмѣсто 16); остальные казаки были въ обозѣ, да вели вьюки. Вотъ еще послѣдствія введенія этихъ вьюковъ при старыхъ штатахъ полковъ... Вьюки эти длинной вереницей потянулись за полкомъ (по 12 штукъ на каждую сотню).

Съ работой этою вьючнаго обоза все еще бьюсь и ломаю голову. Представленіе со всѣми разсчетами и соображеніями о переходѣ съ колеснаго обоза на вьючный сдѣлали. Въ разсчетѣ этомъ сдѣлалъ два предложенія: 1, полное уничтоженіе колеснаго обоза и 2, сохраненіе двуколокъ и переходъ на смѣшанный видъ обоза: двуколки и вьюки.

При первомъ рѣшеніи требуется: 255 вьюковъ, 146 казаковъ посадить верхомъ и дать имъ верховыя сѣдла; стоимость всѣхъ вьючныхъ принадлежностей въ Ляоянѣ опредѣлилась въ 25 рублей, вьючной лошади—около 120 рублей (мулъ 200—250 рублей); сѣдло для казаковъ—около 50 рублей. Всего на полкъ 57.000 рублей, да на штабъ дивизіи 4.500 рублей.

При второмъ рѣшеніи сохраняются 76 двуколокъ и при нихъ 76 казаковъ; для остальныхъ (70 казаковъ) является возможность дать лошадей изъ числа 31 оставляемыхъ парныхъ повозокъ (всего $62 + 6$ запасныхъ $= 68$ лошадей), а для двухъ казаковъ лошадей и сѣдла надо купить. При этомъ требуется всего 155 вьюковъ (при 16 запасныхъ). Для штаба дивизіи, сохраняя 4 двуколки, надо дать 23 вьюка и два запасныхъ, на одну запасную лошадь (всего на штабъ 30 лошадей).

Для всей дивизіи расходъ тогда будетъ почти вдвое меньше—всего около 116.000 рублей. По-моему это рѣшеніе лучше; оно дешевле, проще и надежнѣе.

Послѣ переговоровъ съ начальникомъ канцеляріи полевого штаба арміи полковникомъ Н. А. Даниловымъ остановились на послѣднемъ рѣшеніи. Теперь всѣ полки и штабъ дивизіи такъ и заканчиваютъ эту работу. Слава Богу, одна неожиданная обуза свалилась съ плечъ...

Библиотека "Руниверс"

Для штаба дивизіи 16 вьюковъ вполнѣ готовы, лошади (21) всѣ куплены. Офицеры свои вьюки тоже уже пріобрѣли. Овсяныя и сухарныя сумы я сдѣлалъ такъ: вложилъ ихъ во вторые мѣшки и все это въ веревочную сѣтку... Вышло, кажется, надежно. Деревянный приборъ сѣделъ оковали желѣзомъ для прочности; словомъ, приняли мѣры, которыя только были доступны для насъ здѣсь, но я все же убѣжденъ, что всего этого слишкомъ мало для правильной организаціи вьючнаго обоза и безъ двуколокъ съ нимъ идти въ походъ—большой рискъ.

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Въ дружескомъ кругу.

(Изъ воспоминаній о графѣ Д. А. Милютинѣ).

Я познакомилась съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ и его семьей въ Крыму, въ началѣ 80-хъ годовъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ, въ 1881 году, удалился отъ дѣлъ и поселился съ семьей въ своемъ имѣніи, Симеизъ. При родителяхъ жили тогда три незамужнія дочери: Ольга Дмитріевна, Надежда Дмитріевна и Марія Дмитріевна. Старшая, Елизавета Дмитріевна была замужемъ за княземъ Шаховскимъ, эстляндскимъ губернаторомъ; меньшая—Елена Дмитріевна за офицеромъ генеральнаго штаба,—Гершельманъ.

Мой братъ, главный редакторъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“, въ бытность Дмитрія Алексѣевича военнымъ министромъ, имѣя непосредственное съ нимъ сношеніе по службѣ, посѣщалъ ихъ домъ и какъ близкій, радушно принимаемый знакомый; а такъ же и мы, его жена и я, — начавъ наше съ ними знакомство въ Крыму, гдѣ часто проводили лѣто въ имѣніи моей невѣстки,—какъ-то сразу сблизились съ семьей и съ удовольствіемъ посѣщали другъ друга. Конечно, посѣщенія эти не могли быть частыми, такъ какъ имѣнія лежали на противуположныхъ одно отъ другого сторонахъ: Симеизъ, по ту сторону Ялты, за Алупкой, а наше, Наташино,—по эту, между Ялтой и Гурзуфомъ, такъ что разстояніе простиралось до 27-ми верстъ и продѣлывалось, конечно, въ экипажѣ; почему, какъ они къ намъ, такъ и мы къ нимъ, пріѣзжали съ утра, на цѣлый день.

Путь былъ длинный, но очень живописный, начиная съ тѣнистаго парка нижней Массандры, доходившаго почти до самой Ялты.

Библиотека "Руниверс"

Имѣя разрѣшеніе, мы проѣзжали затѣмъ, черезъ Ливадію и Оріанду, съ изумрудными газонами и цвѣтниками, первой и таинственной сѣнью чудеснаго парка второй. Мчались, на лихой тройкѣ, по гладкому шоссе, мимо суровыхъ скалъ мыса Ай-Тодоръ, съ его маякомъ; мимо татарскихъ саклей, лѣпившихся, какъ гнѣзда, среди вѣковой грязи и застывшей дикости. Мимо, лежавшихъ ниже, ближе къ морю, блиставшему сверкающей лазурью, велико-княжескихъ и частныхъ имѣній, тонувшихъ, — какъ и проѣзжаемый, дальше нами,—Мисхоръ, въ чащѣ садовъ; пролетами черезъ оплетенные густой зеленью, поэтичные дворы сказочной Алупки и, миновавъ первый, — Мальцовскій Симеизъ, съ его стекляннымъ дворцомъ,— позже превращеннымъ въ прозаическій пансіонъ,—подъѣзжали къ Симеизу Милютинскому, съ его обширными виноградниками и, пролетѣвъ ворота, останавливались передъ гостепріимнымъ домомъ, осѣненнымъ зеленью сада.

Какъ хорошо чувствовалось всегда среди этой милой, радушной семьи, съ ея простотой истинно-культурныхъ людей; съ ихъ многосторонними интересами, отвѣчавшими на всѣ ваши запросы; съ тѣмъ миромъ, что царилъ, какъ-то, во всемъ, ихъ окружавшемъ, начиная съ ихъ прекраснаго, вполнѣ, по всѣмъ отраслямъ, культивированнаго имѣнія, съ выхоленными цвѣтниками сада, съ обширными виноградниками и зелеными чаирами, съ повсюду журчавшими источниками, — этой драгоцѣнностью знойнаго юга,—и кончая видимымъ благоденствіемъ, какъ живущихъ въ имѣніи, такъ и странно-пріимныхъ собакъ, пользующихся расположеніемъ всѣхъ членовъ семьи, такъ и разнородныхъ, вольныхъ пернатыхъ, для которыхъ, на всѣхъ балконахъ гостепріимнаго дома, находились подвѣшанныя на веревкахъ доски, обильно уснащенныя, подлежащимъ разнымъ породамъ,—кормомъ.

Двухъ-этажный, съ небольшой вышкой, — домъ представлялъ полный комфортъ въ комнатахъ, какъ самихъ хозяевъ, такъ и безпрестанно гостящихъ родныхъ, а иногда и друзей,—съ балконами, въ чащу зелени или на море, въ которое справа, далеко выдвигались, причудливой формы, голыя скалы, съ оригинальной скалой посрединѣ, носящей названіе „Диво-камень“ или „Монахъ“. А надъ имѣніемъ царилъ гигантъ Ай-Петри, съ его острыми зубцами.

Среди комнатъ, особенный интересъ представлялъ кабинетъ Дмитрія Алексѣевича, съ его громадной библіотекой, со всевозможными книгами, расположенными въ нѣсколько ярусовъ, размѣщенными въ строгомъ порядкѣ, по каталогамъ, составленнымъ самимъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, съ помощью его дочери, Ольги Дмитріевны. Чего-чего не было тутъ, начиная съ дорогихъ фоліантовъ,

Библиотека "Руниверс"

подносимыхъ ему издателями! Эта библіотека была дорогимъ дѣтищемъ Дмитрія Алексѣевича, и онъ съ удовольствіемъ показывалъ ее тѣмъ, въ комъ видѣлъ особенный интересъ. Мнѣ приходилось, каждый разъ моего пребыванія въ Симеизѣ, съ удовольствіемъ побывать въ заповѣдномъ кабинетѣ и, при указаніи самого хозяина, полюбоваться не одной рѣдкостью! Библіотека еще увеличилась, послѣ завѣщанія Дмитрію Алексѣевичу его умершимъ родственникомъ рѣдкаго собранія книгъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были уже сильно попорчены безпощаднымъ временемъ, и Дмитрій Алексѣевичъ собственноручно принялся тщательно за исправленіе и подклеиванье, на что тоже любилъ обращать мое вниманіе. Въ этомъ же кабинетѣ, хранились, какъ реликвіи, дорогія ему воспоминанія, касавшіяся Императора Александра II, какъ-то: его портреты, въ интимной обстановкѣ; его мундиръ, въ ящикѣ, подъ стекломъ и другія.

Какъ онъ беззавѣтно любилъ этого,—дорогого, всѣмъ истиннымъ русскимъ, — Царя Освободителя, которому былъ вѣрнымъ другомъ и мудрымъ сподвижникомъ! Нужно было видѣть, какой нѣжностью озарялось его, всегда немного меланхолическое, лицо при разговорѣ о Государѣ съ людьми, чутко его понимавшими. Какимъ прелестнымъ письмомъ отвѣтилъ онъ мнѣ, на мое ему поздравленіе— въ августѣ 1898 г. — съ высокимъ званіемъ, примѣненнымъ къ чествованію незабвеннаго Царя-Мученика! Я тогда чутко поняла, что это-то соединеніе и должно было быть дороже высокаго титула ему, чуждому честолюбія; и эта чуткость нашла отзвукъ въ его сердцѣ и вызвала въ его, длинномъ ко мнѣ письмѣ, такую фразу „Вы придали ей (т. е. наградѣ) то именно значеніе, которое я самъ въ ней вижу, и которое поняли немногіе“.

Не касаясь государственныхъ и вообще общественныхъ дѣяній Дмитрія Алексѣевича, — скажу, что для меня это была одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей, встрѣченныхъ на моемъ длинномъ, жизненномъ пути! Васъ сразу озарялъ этотъ ясный, тихій свѣтъ его ума, не бившій на эффектъ, не старавшійся ослѣпить фейерверочными вспышками; лившійся ровно, мягко; озаряя, а не ослѣпляя; согрѣвая и подбодряя; эта мягкость въ сужденіяхъ и снисхожденіе къ людямъ. При всей серьезности его ума, вы никогда не чувствовали себя стѣсненнымъ. Вамъ не приходило на умъ: „Вдругъ я не такъ умно скажу? Не сказала ли я какой глупости?“ Онъ не только не подавлялъ васъ своимъ умомъ, не возвышался имъ надъ вами, но всегда готовъ былъ спуститься до самыхъ вашихъ маленькихъ интересовъ, даже до вашихъ шуточекъ и пустячковъ; и не съ видомъ, принимающаго васъ, снисхожденія, а съ видомъ добродушнаго

Библиотека "Руниверс"

человѣка, заинтересованнаго этими пустячками! Помню, какъ,—по просьбѣ Ольги Дмитріевны, съ которой мы сразу дружески сошлись, — пріѣхавъ изъ нашего Наташина, погостить къ нимъ въ Симеизъ, — я нашла Ольгу Дмитріевну за окраской различными эмалевыми красками металлическихъ столиковъ для разныхъ балконовъ. Я тоже принялась за эту работу; но, въ качествѣ художницы, начала въ ней изощряться и, на одинъ изъ круглыхъ столиковъ, по черному фону, стала набрасывать пышный вѣнокъ цвѣтовъ. Нужно было видѣть, какъ это заинтересовало Дмитрія Алексѣевича, приходившаго изъ своего строгаго кабинета, слѣдить за нашими работами, на большой балконъ, съ чуднымъ видомъ на море; слѣдить особенно за расцвѣтомъ моего вѣнка и одобрительно похваливать! Выразивъ еще большія похвалы по окончаніи его, онъ скромно замѣтилъ:

— А знаете, Софья Ивановна,—хорошо бы на верху, надъ цвѣтами, помѣстить бабочку!

Конечно, не прошло и десяти минутъ, какъ бабочка уже порхала надъ цвѣтами, встрѣченная Дмитріемъ Алексѣевичемъ съ полнымъ удовольствіемъ и умильно-привѣтливой улыбкой!

Пріѣхавъ къ намъ въ Наташино, на празднованіе, въ іюнѣ 1892 г. серебряной свадьбы моего брата, когда къ намъ съѣхалось много и совсѣмъ юной, родственной молодежи, — онъ самъ сталъ юно-молодымъ; лазилъ съ ними по разнымъ трущобнымъ высотамъ; становился въ полной группѣ подъ фотографическимъ аппаратомъ одного родственника, терпѣливо ставившаго насъ и долго державшаго,—подъ солнцемъ; шутилъ съ дѣтьми, смѣясь вмѣстѣ съ ними ихъ дѣтскимъ смѣхомъ; и смотря въ ихъ глаза такимъ же дѣтски-правдивымъ взглядомъ человѣка, которому чужда была ложь; такимъ правдивымъ взглядомъ, какимъ онъ смотрѣлъ и въ глаза „великимъ міра сего“ и рабочимъ на своихъ виноградникахъ, среди которыхъ онъ жилъ теперь, какъ истинный Цинциннатъ. И при томъ, это былъ вполнѣ „джентльменъ“—тонко-любезный и до крайности корректный.

— Я не знаю человѣка болѣе его корректнаго!—говорилъ одинъ генералъ, товарищъ брата, глубоко-уважавшій Дмитрія Алексѣевича и самъ превосходный человѣкъ, теперь уже тоже умершій.

Эта корректность даже заставила меня, иногда писавшую Дмитрію Алексѣевичу, раза два-три въ годъ къ особымъ праздникамъ,—прекратить это, чтобы не заставлять его, и безъ того имѣвшаго большую переписку,—собственноручно отвѣчать мнѣ, не удовлетворяясь передачей привѣта и благодарности въ письмахъ

Библиотека "Руниверс"

Ольги Дмитріевны, съ которой мы постоянно переписывались, когда я была въ Петербургѣ или за границей.

Корректность эта проявлялась у него во всемъ. По вечерамъ, въ Симеизѣ, послѣ ужина, который подавался въ 7 часовъ (обѣдали въ часъ; въ четыре пили чай), мы собирались въ салонѣ, около круглаго стола; дамы съ работой, при чемъ Дмитрій Алексѣевичъ читалъ намъ вслухъ. Къ этому чтенію онъ приготовлялся заранѣе, отмѣчая карандашемъ, что можетъ заинтересовать насъ въ нѣсколькихъ, въ тотъ день полученныхъ газетахъ, и выбравъ статью въ какомъ-нибудь изъ толстыхъ журналовъ, преимущественно „Вѣстника Европы“. Но, усѣвшись, съ газетами и книгой за круглымъ столомъ, по своей обычной во всемъ корректности, онъ до тѣхъ поръ не приступалъ къ чтенію, пока Наталья Михайловна не произносила, немного властнымъ, присущимъ ей, тономъ:

— Ну, что же, Дмитрій (сильно картавя на буквѣ *р*), — ты прочтешь намъ что-нибудь?

Вѣрная неизмѣнная подруга 70-ти лѣтней совмѣстной брачной жизни, Наталья Михайловна, какъ истая француженка [1]), живая, съ свѣжимъ румянцемъ, бойкой рѣчью и интересомъ ко всему, несмотря на свою многолѣтнюю слѣпоту, вела весь строй обширнаго хозяйства по имѣнію, главное, увлекаясь проведеніемъ повсюду воды, что ей какъ-то особенно удавалось.

Въ началѣ нашего знакомства, эта слѣпота не была еще абсолютной; кое-что она еще смутно различала, особенно свѣтло-голубые тона, почему въ домѣ практиковали повсюду вещи этого цвѣта. Подлѣ ея постояннаго кресла въ салонѣ ставили ширму свѣтло-голубого цвѣта. За столомъ того же цвѣта была ея салфетка, чайная и столовая посуда. Она еще могла тогда полу-ощупью водить грифелемъ по доскѣ, записывая свои воспоминанія и вязать на рогулькѣ, безпрестанно спуская петли. Ходила она со своей палочкой совершенно бодро и даже бойко; конечно, по извѣстнымъ уже ей, еще въ зрячемъ состояніи, мѣстамъ, какъ въ домѣ, такъ и въ саду, который любила показывать гостямъ, не позволяя себѣ помогать или указывать. Поднималась даже одна по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Понемногу слѣпота усилилась и вполнѣ ею завладѣла; но и тогда она отвергала всякую помощь, прохаживаясь по знакомымъ мѣстамъ въ саду, прося только предупредить ее, если случалась новая, недавно проложенная дорожка, а въ домѣ ловко лавируя между знакомой, уже не передвигаемой съ мѣста, мебелью.

Пріѣзжая къ намъ, въ Наташино, Наталья Михайловна, какъ

[1]) Понсетъ, дочь обрусѣлаго генерала русской службы.

Библиотека "Руниверс"

истая хозяйка, очень интересовалась хозяйствомъ моей невѣстки и бойко слѣдовала за ней по виноградникамъ, хотя и не видя, но слыша ея разсказы, повѣряя ихъ своими знаніями и охотно давая совѣты, особенно касательно изысканія воды. Не ходила она только въ общей компаніи съ нами на прогулки. Зато Дмитрій Алексѣевичъ, при его неутомимости, превосходилъ всѣхъ насъ въ этихъ прогулкахъ! Идутъ они впереди, съ моимъ братомъ (на 15 лѣтъ его моложе), поднимаясь въ горы. Мы идемъ тише, да еще иногда остановимся, чтобы и видомъ какимъ полюбоваться, да и передохнуть немного; пріостановятся и наши вожаки; братъ тоже запыхался. Вдругъ оглянемся: „А Дмитрій Алексѣевичъ гдѣ?“

— Я здѣсь!—откликнется онъ съ верху. Взглянемъ, а онъ ужъ на вершинѣ; стоитъ молодцомъ, въ бѣломъ кителѣ, и хоть бы что! Даже не дышитъ такъ тяжело, какъ мы всѣ.

Во время моего гощенья въ Симеизѣ, сидимъ мы, дамы, утромъ въ 8 часовъ за кофе, Дмитрій Алексѣевичъ возвращается съ прогулки.

— Что,—спросишь—Дмитрій Алексѣевичъ, далеко ходили?

— Нѣтъ,—просто отвѣтитъ: Сегодня я маленькую прогулку сдѣлалъ. Дошелъ до Алупки (отъ нихъ 4 версты), обошелъ верхній паркъ („дистанція огромнаго размѣра!“) и домой.

Потомъ, среди дня еще пройдетъ по хозяйству; да съ нами по имѣнію, въ чаиры; къ морю. Еще иногда привяжется съ нами какая-нибудь изъ любимыхъ комнатныхъ собачекъ,—ихъ у каждой барышни было, и всѣ были любимицами и Дмитрія Алексѣевича: устанетъ какая изъ баловницъ, и онъ еще ее на рукахъ домой тащитъ! Эта любовь и снисхожденіе къ собакамъ простиралась до того, что разъ, во время пребыванія Дмитрія Алексѣевича, по какому-то торжественному случаю въ Петербургѣ,—посѣтивъ насъ, онъ, среди дружеской бесѣды, видимъ, самымъ неудобнымъ образомъ лѣпится на кончикѣ кресла, не желая,—какъ оказалось,—обезпокоить растянувшагося сзади него, нашего толстаго мопса, Боби (чуткимъ сердцемъ угадавшаго покровителя своихъ собратій), увѣряя, что онъ ему нисколько не мѣшаетъ!

Я сказала въ началѣ, что когда мы познакомились, то въ семьѣ было три незамужнихъ дочери. Третья изъ нихъ, Марія Дмитріевна, вскорѣ умерла и при очень грустныхъ обстоятельствахъ. Наталья Михайловна поѣхала съ ней въ Сибирь, гдѣ въ то время служилъ Гершельманъ мужъ Елены Дмитріевны, — чтобы присутствовать при ея родахъ. Эти,—вторые уже роды,—прошли благополучно, но, уже больная сердцемъ,—молодая женщина, вскорѣ послѣ родовъ, внезапно умерла.

Въ то же время Марія Дмитріена заболѣла, свирѣпствовавшей

Библиотека "Руниверс"

тогда, въ Сибири, черной оспой и умерла, заразивъ и ухаживавшую за ней мать, по счастію, очень легкой и не оставившей слѣдовъ, болѣзнью. Елену Дмитріевну я не знала совсѣмъ.

Позднѣе, Надежда Дмитріевна вышла замужъ за князя Долгорукова и, проживъ съ нимъ всего четыре года, овдовѣла почти въ одно время съ Елизаветой Дмитріевной и затѣмъ,—лишь кратковременно отлучаясь въ имѣніе, оставленное мужемъ,—по-прежнему жила съ родителями въ Симеизѣ. Единственный сынъ ихъ, Алексѣй Дмитріевичъ,—курскій губернаторъ,—рѣлко бывалъ въ Симеизѣ, хотя и построилъ тамъ себѣ, при самомъ въѣздѣ въ имѣніе, красивый домикъ, почти и не поживъ въ немъ, какъ-то рано свернувшись. Смерть его совпала съ началомъ нашей Японской войны, неудачи которой такъ больно отзывались въ сердцѣ такого истиннаго патріота, какимъ былъ Дмитрій Алексѣевичъ, что даже парализовали горе кончины сына!

Въ этомъ сказался истинный сынъ своего отечества, скорбѣвшій за то униженіе, что оно переносило, благодаря слишкомъ долгому „*терпѣнію*“ главарей арміи!..

Пріятной неожиданностью была наша встрѣча съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, въ одну изъ нашихъ заграничныхъ поѣздокъ, чередовавшихся съ поѣздками въ Крымъ, именно, въ сентябрѣ 1889 г. во Флоренціи. Въ одно утро, когда я одна отправилась въ какой-то музей, а братъ съ женой—въ садъ Boboli,—возвращаются они оттуда и, сначала, желая меня заинтриговать, начинаютъ разсказывать, какъ, отдыхая на одной изъ таинственныхъ аллей чудеснаго сада, видятъ: идетъ, приближаясь къ нимъ, пожилой статскій, по осанкѣ такой джентльменъ, что они рѣшили, что это непремѣнно какой-нибудь итальянскій „Conte“ или „Principe“... И вдругъ, не кончивъ фразы, братъ радостно срывается со скамейки, навстрѣчу этому „истинному Conte“, тоже порывисто направлявшемуся къ нему, съ распростертыми объятіями! Вслѣдъ затѣмъ, милый „Conte“ пришелъ къ намъ въ отель, и мы, всѣ вмѣстѣ, отправились въ знакомый уже намъ ресторанъ, обѣдать въ саду, закончивъ вечеръ снова у насъ, за русскимъ чаемъ, всегда имѣвшимся у моей невѣстки, такъ какъ въ тѣ годы было еще трудно найти гдѣ-либо, а тѣмъ болѣе въ Италіи, порядочнаго чаю.

Не забуду того соленаго чаю, можетъ быть завареннаго на морской водѣ, которымъ разъ угостили насъ въ Венеціи!

Слѣдующіе дни были расположены такъ, что Дмитрій Алексѣевичъ приходилъ къ намъ утромъ, пить съ нами чай, послѣ котораго мы отправлялись кто куда; иногда и встрѣчаясь позднѣе, въ какомъ-нибудь музеѣ, но всегда порознь; потому что мы туда ѣхали,

Библиотека "Руниверс"

а Дмитрій Алексѣевичъ, по своей привычкѣ къ большой ходьбѣ, отъ нашего экипажа отказывался, предпочитая идти пѣшкомъ.

— Нѣтъ, ужъ я вамъ не товарищъ,—говорилъ онъ; я лучше пѣшкомъ!

Обѣдали всегда вмѣстѣ, въ саду нашего „Cornelio", гдѣ потомъ долго сидѣли, въ дружеской бесѣдѣ; а затѣмъ, всѣ, уже пѣшкомъ, тихонько направлялись домой въ свой отель, на вечерній чай. Дорога наша всегда лежала черезъ piazza Duomo; и каждый разъ мы останавливались передъ нимъ и, прислонясь къ зданію „Бабтистеріи", долго любовались чуднымъ фасадомъ собора, который, въ первый нашъ пріѣздъ во Флоренцію, видѣли еще снаружи незаконченнымъ, а теперь облицованнымъ сверкающимъ мраморомъ и блестящими фресками, съ рисовавшейся подлѣ него, какъ свѣтлая мечта, на ясной лазури неба,—дивной колокольней Джіотто.

Какъ онъ радъ былъ, дорогой Дмитрій Алексѣевичъ, нашей встрѣчѣ, такъ оживившей его одиночество; и въ то же время, какъ онъ наслаждался своимъ первымъ, самостоятельнымъ путешествіемъ, до того постоянно совершавшимся имъ только оффиціальнымъ образомъ, сопровождая Государя и безпрестанно парадируя. Грустно провожалъ онъ насъ, уѣхавшихъ изъ Флоренціи раньше него. Онъ же, затѣмъ, направлялся въ Испанію; и какіе интересные разсказы о ней передавалъ онъ намъ позднѣе, при нашемъ новомъ свиданіи въ Крыму. Помню его разсказъ о Кордовѣ и ея удивительномъ соборѣ,—дышавшемъ такой восторженной поэзіей, какую трудно было ожидать отъ серьезнаго государственнаго дѣятеля!

Чередуя наше лѣтнее пребываніе то поѣздками за границу, то въ Крымъ, гдѣ иногда бывали и по два года подъ рядъ, зиму 1893—94 года мы даже провели не въ имѣніи, а въ Ялтѣ, по причинѣ серьезной болѣзни брата, гдѣ онъ въ мартѣ 1894 г. и скончался. Нечего и говорить о томъ, какъ трогательно-сочувственно отнеслась семья Милютиныхъ къ нашему горю.

Проводивъ тѣло брата въ Симферополь, для погребенія въ фамильномъ склепѣ моей невѣстки, и проведя нѣкоторое время въ имѣніи ея родныхъ, подъ Симферополемъ, мы снова вернулись на южный берегъ, но, раньше чѣмъ поселиться въ своемъ Наташинѣ, погостили въ Симеизѣ; и милые хозяева окружали насъ самымъ нѣжнымъ, дружескимъ вниманіемъ, въ которомъ, теплымъ огонькомъ, свѣтилось ихъ расположеніе къ намъ и ихъ дружеская память къ нашему дорогому усопшему.

Съ 1896 года, я начала чаще, уже одна ѣздить за границу, всего долѣе пребывая во Флоренціи, и потому рѣже бывала въ Крыму. Затѣмъ, начавшіеся безпорядки, вызванные волненіями „освободи-

Библиотека "Руниверс"

тельнаго движенія“ и въ Крыму, соединенные съ грустными воспоминаніями утраченнаго, и въ самомъ Наташинѣ,—побудили мою невѣстку продать имѣніе, что и было совершено въ 1905 году, когда я вернулась туда изъ моей поѣздки въ Баварію, именно изъ Байрейта, подъ впечатлѣніемъ только что прослушаннаго „Парсифаля“, и эта осень была моимъ послѣднимъ пребываніемъ въ Крыму и послѣднимъ посѣщеніемъ Симеиза.

Не теряя надежды встрѣтиться еще съ болѣе молодыми членами милой семьи, особенно съ Ольгой Дмитріевной, часто пребывавшей въ Москвѣ и иногда заглядывавшей и въ Петербургъ, мнѣ было грустно разставаться со стариками, особенно съ дорогимъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, прощаясь съ ними навсегда, не имѣя намѣренія когда-либо посѣтить Крымъ. Грустно было это прощаніе.

Димитрій Алексѣевичъ, по обыкновенію вышелъ проводить насъ на крыльцо. Послѣднее прощальное рукопожатіе, садясь въ экипажъ. Онъ взялъ мою руку въ обѣ свои руки и взволнованнымъ, дружескимъ голосомъ проговорилъ:

— Софья Ивановна, не говорите прощайте! Скажите до свиданья!

Но свиданья больше не было. Я не была послѣ того въ Крыму, хотя постоянно имѣла свѣдѣнія о милыхъ жильцахъ Симеиза и изъ писемъ Ольги Дмитріевны, и отъ, навѣщавшей Сименъ, племянницы ихъ, Прасковьи Николаевны Милютиной, съ которой видалась зимою въ Римѣ.

Этой зимой, которую я проводила въ Петербургѣ, мнѣ пришлось увидѣться и съ Ольгой Дмитріевной. Только что вернувшись изъ Симеиза въ Москву, она пріѣхала въ Петербургъ на похороны своего двоюроднаго брата, Юрія Николаевича Милютина, и навѣстила насъ. Это было ровно за двѣ недѣли до кончины Дмитрія Алексѣевича, котораго она оставила совсѣмъ молодцомъ, поражавшимъ всѣхъ, его навѣщавшихъ, бодростью и неослабѣвавшимъ ко всему интересомъ; только жаловавшимся на то, что слабѣетъ зрѣніе и измѣняетъ слухъ; отказываясь завести очки, но читавшимъ и писавшимъ съ увеличительнымъ стекломъ. Про мать же она говорила, что та значительно ослабѣла. И вслѣдъ затѣмъ эта трогательная кончина обоихъ, не разлученныхъ и смертью!..

Такой мирной кончиной завершилась свѣтлая жизнь этого „рыцаря, безъ страха и упрека“, не измѣнявшаго себѣ ни въ чемъ до конца своей долголѣтней жизни, лучшей эпитафіей которому служатъ слова: „Человѣкъ онъ былъ!“

С. Лаврентьева.

Библиотека "Руниверс"

Рескриптъ Императора Павла I новгородскому губернатору Митусову.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Новогородскій Губернаторъ Митусовъ. Попеченіе ваше о сбереженіи зазимовавшаго въ Новогородской Губерніи казеннаго хлѣба изъ Пензенской Губерніи для Адмиралтейской Коллегіи отправленнаго и мѣры употребленные вами къ доставленію онаго въ Санктъ-Петербургъ съ уменшеніемъ казенныхъ расходовъ, доказываютъ усердіе ваше къ службѣ и похвальную ревность къ пользѣ Интересовъ Нашихъ; и Мы не можемъ оставить, чтобъ не изъявить вамъ за то Монаршаго Нашего благоволенія, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ Москвѣ апрѣля 12 1797 года.

Сообщилъ С. Н. Митусовъ.

Библиотека "Руниверс"

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкинъ, И. Я. Горловъ).

И. Е. Андреевскій.

Привѣтствую тебя на склонѣ лѣтъ, милый мой руководитель въ первыхъ научныхъ работахъ!

Написалъ я эти строки и задумался. Онѣ у меня вылились изъ сердца, и тѣмъ не менѣе въ нихъ есть неправда, хотя я дѣйствительно магистрировалъ по каѳедрѣ добрѣйшаго Ивана Ефимовича. Почему же извѣстный профессоръ и ученый, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и признаніемъ, такъ что его выбирали и въ ректоры университета, и въ директоры археологическаго института, и въ предсѣдатели всевозможныхъ ученыхъ и неученыхъ обществъ, поражавшій своихъ современниковъ богатствомъ и разносторонностью знаній, блестящимъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ, не могъ быть моимъ руководителемъ въ первыхъ научныхъ работахъ? Да по той простой причинѣ, что онъ, несмотря на всѣ его ученыя степени и признаніе его ученыхъ заслугъ, никогда ученымъ не былъ.

Это можетъ казаться парадоксомъ, да и было бы парадоксомъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, но въ Россіи это—фактъ возможный и, скажу даже, повторяющійся ежедневно, ибо ученыя заслуги у насъ далеко не единственный и не самый надежный путь къ пріобрѣтенію репутаціи ученаго. Сколько у насъ было и есть ученыхъ, которые, защитивъ съ грѣхомъ пополамъ или съ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

блескомъ магистерскую и докторскую диссертаціи, преподавали затѣмъ свой, а иногда и чужой предметъ одновременно въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, не находя досуга заниматься наукой и, кончивъ такимъ образомъ свою многотрудную жизнь, не оставляли ни малѣйшаго слѣда—не говорю уже—въ наукѣ вообще, но даже и въ убогой россійской наукѣ. Очевидно, такіе ученые могутъ называться учеными только по недоразумѣнію: они являются преподавателями высшихъ учебныхъ заведеній,—вотъ и все, но не двигаютъ науки, да и не могутъ помочь разобраться въ ней начинающимъ ученымъ. Моими руководителями въ этомъ отношеніи были изъ иностранцевъ Моль и Штейнъ, изъ русскихъ—П. Г. Рѣдкинъ, но И. Е. Андреевскій моимъ руководителемъ никогда не былъ, и я даже уже на студенческой скамьѣ уяснилъ себѣ, что его научные взгляды лишены той глубины и продуманности, безъ которыхъ истинный ученый немыслимъ.

Дѣло въ томъ, что у Ивана Ефимовича было очень много выдающихся качествъ, но только не тѣ, которыя требуются для ученаго. По своей натурѣ онъ былъ не ученымъ, а общественнымъ дѣятелемъ; для послѣдняго въ немъ все соединялось—и большая отзывчивость къ вопросамъ, касавшимся общаго благополучія, и усидчивость въ ихъ изученіи, и необычайная подвижность, когда это требовалось обстоятельствами, и находчивость въ отраженіи аргументовъ противника, и несомнѣнный даръ слова, заставлявшій и равнодушныхъ людей внимательно прислушиваться къ его рѣчи, и готовность приносить жертвы для общества, и гуманность...

Помню, шли мы съ нимъ по Б. Садовой, углубленные въ бесѣду. Какой-то мальчикъ съ ношей на головѣ чуть не сшибъ меня съ ногъ, такъ что я разсердился и пригрозилъ ему полиціей. Андреевскій остановилъ мой порывъ словами: „Да, полиція нехорошо дѣлаетъ, что позволяетъ безсердечнымъ торговцамъ такими тяжестями мучить дѣтей и разрушать ихъ здоровье“. Я по молодости лѣтъ никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ; возбужденіе же его Андреевскимъ сразу отвлекло мое вниманіе отъ соображеній личной безопасности и направило его на вопросъ общественнаго значенія и гуманнаго характера—вопросъ, который только теперь, сорокъ лѣтъ спустя, включенъ градоначальникомъ въ кругъ вѣдомства петербургской полиціи.

Возьму другой мнѣ памятный примѣръ. Экзаменуется у Андреевскаго изъ полицейскаго права студентъ довольно самоувѣренный и довольно плохо знающій предметъ. На мягкое указаніе профессора, что студентъ недостаточно вникъ въ прозаическій вопросъ, по которому отвѣчаетъ, онъ имѣетъ неосторожность буркнуть, что это—

Библиотека "Руниверс"

не философія Платона. Андреевскій при общей улыбкѣ аудиторіи вкрадчиво замѣчаетъ: „Можно прекрасно знать философію Платона, быть даже самому великимъ философомъ и заболѣть или умереть отъ міазмомъ изъ выгребной ямы, находящейся подъ окномъ“.

Немногимъ еще живымъ лицамъ, бывшимъ одновременно со мною въ Петербургскомъ университетѣ, никогда не забыть впечатлѣнія, которое произвели на насъ его возраженія на диспутѣ А. Д. Градовскаго.

Докторская диссертація Александра Дмитріевича Градовскаго была посвящена исторіи русскаго мѣстнаго управленія, при чемъ львиная ея доля была озаглавлена: „Уѣздъ Московскаго государства“. Какъ многія диссертаціи, это было начало изслѣдованія, оставшагося навѣки неоконченнымъ, ибо не авторы подобныхъ диссертацій владѣютъ матеріаломъ, а матеріалъ владѣетъ ими, т. е. начавъ свое изслѣдованіе, когда они еще не ознакомились съ матеріаломъ, они впослѣдствіи убѣждаются, что ни время, ни мѣсто не позволяютъ имъ исчерпать его, и что придется къ первому тому прибавить второй, третій, четвертый, можетъ быть, девятый, десятый. Такъ и диссертація Градовскаго осталась навсегда неоконченной, а Андреевскій на диспутѣ прекрасно выяснилъ, почему такъ должно было случиться.

Онъ началъ возраженіе съ похвальнаго слова докторанту. Никогда, кажется, Иванъ Ефимовичъ не былъ такъ краснорѣчивъ. Похвалы лились безъ конца, а Градовскій скромно улыбался, чувствуя себя побѣдителемъ, и видимо ихъ благосклонно принималъ за слабую дань своимъ заслугамъ; слушатели же все болѣе убѣждались, что передъ ними на каѳедрѣ стоитъ замѣчательный ученый. Вдругъ Иванъ Ефимовичъ пріостанавливается, какъ будто подъ наплывомъ слишкомъ сильнаго чувства, и тысячная аудиторія, затаивъ дыханіе, прислушивается къ тому, чѣмъ кончится этотъ блестящій панегирикъ. Послѣдняго слова ораторъ очевидно еще не произнесъ.

Дѣйствительно, послѣднее слово было еще впереди...

Иванъ Ефимовичъ продолжалъ приблизительно такъ.

Какъ я обрадовался, когда талантливый молодой ученый посвятилъ объемистый трудъ вопросу, который меня давно уже занималъ и который не получилъ еще въ наукѣ должнаго разъясненія. Всѣ поймутъ, съ какимъ захватывающимъ интересомъ я началъ изучать диссертацію, въ которой наконецъ не только для меня, но и для всѣхъ русскихъ юристовъ долженъ былъ выясниться вопросъ, что такое уѣздъ Московскаго государства, ибо не могъ же докторантъ выбрать предметомъ своего изслѣдованія вопросъ, который для него самого неясенъ. И вотъ я началъ изучать его диссертацію: прочелъ

Библиотека "Руниверс"

ее внимательно разъ, прочелъ два, прочелъ три, но... все-таки не знаю, что такое уѣздъ Московскаго государства...

И Иванъ Ефимовичъ умолкъ, недоумѣвающе взглянувъ на Градовскаго.

Вся зала чувствовала, что если тотъ не отвѣтитъ вразумительно и ясно, его ученая репутація сильно пострадаетъ. Но какъ онъ ни изворачивался, все же ему не удалось выяснить ни въ административномъ, ни въ территоріальномъ отношеніи, что такое былъ уѣздъ Московскаго государства. Вдобавокъ Андреевскій еще отмѣтилъ, что Градовскій въ общей части своего труда доказываетъ, что человѣкъ можетъ себя чувствовать совершенно свободнымъ даже и въ несвободномъ государствѣ. Такимъ образомъ и въ глазахъ либераловъ Градовскому былъ нанесенъ тяжеловѣсный ударъ.

Все это выясняетъ, какимъ остроумнымъ и находчивымъ человѣкомъ былъ Андреевскій. Но все-таки отсюда до выдающагося ученаго еще далеко. Андреевскій въ сущности къ наукѣ былъ равнодушенъ. Онъ то и дѣло мѣнялъ одну науку на другую. Смотря по надобности, онъ читалъ и государственное право, и юридическую энциклопедію, и исторію права, и русское право, и полицейское право, и городовое право. Все зависѣло отъ того, какую каѳедру ему предложатъ; если предметъ былъ ему не совершенно чуждъ, онъ ее принималъ, увѣренный, что блестящія способности „вывезутъ“. Онѣ дѣйствительно „вывозили“, и слушатели слушали его охотно. Но какъ и многія другія богато одаренныя натуры, онъ ни на чемъ долго не могъ сосредоточиться: онъ хваталъ все на-лету—схватитъ и броситъ; ему постоянно казалось, что онъ вопросъ уяснилъ себѣ вполнѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ улавливалъ только одну—другую его сторону, болѣе яркую. Въ простой бесѣдѣ это—незамѣнимое качество, и Андреевскій тутъ былъ прямо виртуозъ. Его субботы были такъ интересны, что небольшая его квартира на Фонтанкѣ была по большей части переполнена. Хотя ужинъ, карты и танцы были совсѣмъ изгнаны, но зато всѣхъ ожидала бесѣда хозяина, которая была заманчивѣе всякихъ яствъ, карточнаго задора или бальной суеты. Андреевскій былъ неистощимъ на самыя разнообразныя воспоминанія, мѣткія сопоставленія, остроумныя реплики или замѣчанія. Бесѣда эта подчасъ была настоящимъ фейерверкомъ, подчасъ наводила на размышленія интересомъ сообщаемыхъ жизненныхъ фактовъ, подчасъ смѣшила до упаду комичностью замѣченныхъ имъ положеній. И все это было всегда безобидно: онъ никого не задѣвалъ, никого не оскорблялъ и не могъ этого, потому что былъ человѣкъ большой душевной доброты.

Но я въ жизни не знавалъ человѣка, у котораго письменное

Библиотека "Руниверс"

слово такъ не походило на устное, какъ у Андреевскаго. Этотъ блестящій ораторъ и остроумный собесѣдникъ становился неузнаваемымъ, когда онъ бралъ въ руки перо.

Послѣ одного вечера, когда онъ былъ особенно въ ударѣ, я его спросилъ, записываетъ ли онъ свои воспоминанія? Со свойственною ему скромностью онъ мнѣ отвѣтилъ, что пробовалъ записывать, но что у него ничего не выходитъ. Я его попросилъ сдѣлать еще одинъ опытъ.

Черезъ нѣкоторое время, когда я къ нему зашелъ вечеркомъ, онъ мнѣ дѣйствительно прочелъ отрывки изъ своихъ воспоминаній, и я былъ удивленъ, какъ все у него выходило блѣдно и неинтересно. Мало того, и просто въ стилистическомъ отношеніи все имъ прочитанное было очень неудачно. Онъ, должно быть, замѣтилъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на меня его чтеніемъ, потому что вскорѣ сталъ читать вяло, а потомъ и совсѣмъ прекратилъ чтеніе.

Его тяжелый слогъ, его скучное изложеніе по большей части мало оригинальныхъ мыслей послужили поводомъ къ нашей размолвкѣ, доставившей мнѣ горькія минуты въ жизни, такъ какъ я искренно его любилъ и какъ человѣка, и какъ общественнаго дѣятеля. Когда я сталъ редактировать разныя изданія, онъ присылалъ мнѣ свои статьи. При лучшемъ желаніи я, дорожа интересами довѣреннаго мнѣ журнала, рѣдко могъ ихъ помѣщать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ ихъ присылалъ. Большинство приходилось исправлять, а нѣкоторыя даже возвращать. Отъ этого видимо страдало его самолюбіе. Онъ, къ сожалѣнію, не хотѣлъ стать на ту точку зрѣнія, что мой образъ дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не могъ его обидѣть, потому что мы оба не были судьями, кто изъ насъ правъ, а оба мы хотѣли только быть честными, т. е. онъ добросовѣстно писать, а я добросовѣстно редактировать. Но въ человѣческихъ отношеніяхъ объективный взглядъ на вещи—рѣдкость, а субъективизмъ—правило.

Ученые труды Андреевскаго, его курсы государственнаго или полицейскаго права позволяютъ и современному читателю составить себѣ ясное понятіе объ его слогѣ и невольно вызываютъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онъ былъ краснорѣчивымъ ораторомъ. Поэтому я и указываю съ особеннымъ удареніемъ на этотъ фактъ. Если бы его не было, то многое въ біографіи самого Андреевскаго и въ былой жизни Петербургскаго университета могло бы показаться неяснымъ. Сколько разъ Андреевскій своимъ находчивымъ и краснорѣчивымъ словомъ доставлялъ во время студенческихъ безпорядковъ побѣду благоразумію, сколько разъ онъ имъ распутывалъ самое запутанное и опасное положеніе!

Библиотека "Руниверс"

Подъ конецъ жизни онъ посвятилъ свои силы работѣ преимущественно письменной, а не устной: онъ редактировалъ Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, и въ этой работѣ вполнѣ сказалось, насколько онъ былъ сильнѣе, какъ ораторъ и общественный дѣятель, чѣмъ какъ ученый и редакторъ. Первые томы этого Словаря, имъ редактированные, поражаютъ небрежною стилистикою и грубыми промахами, въ значительной степени дискредитировавшими этотъ Словарь въ началѣ его появленія. Нѣкоторые изъ этихъ промаховъ стали даже притчею во языцѣхъ, какъ напримѣръ пресловутые 32 баталіона фельдьегерей, фигурирующіе въ составѣ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ.

Но забудемъ объ этомъ. Ивана Ефимовича есть за что помянуть добромъ. Его сердечная доброта, его отзывчивость, его гуманность, его готовность придти на помощь кому только можно, его изумительная работоспособность, его краснорѣчіе, возбуждавшее въ другихъ добрыя чувства, его любовное отношеніе ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, въ основѣ которыхъ лежали гуманныя или разумно-прогрессивныя стремленія, его служеніе обществу часто до забвенія собственной личности, — всего этого было столько у Андреевскаго, что хватило бы, чтобы помянуть добромъ десятокъ другихъ дѣятелей. Но я тутъ не пишу біографію этого замѣчательнаго человѣка, а отмѣчаю только нѣкоторые факты, извѣстные мнѣ изъ личныхъ встрѣчъ съ нимъ. Разскажу съ его словъ о слѣдующемъ интересномъ инцидентѣ, такъ какъ опасаюсь, что никто его не записалъ.

Въ свое время въ Петербургѣ успѣшно дѣйствовалъ извѣстный практикъ-цивилистъ, С., Андреевскій обратилъ на него вниманіе еще въ университетѣ. Онъ ему сразу своими способностями полюбился, хотя былъ далеко не симпатичный еврей. Плѣняясь его выдающимися способностями, Андреевскій всячески уговаривалъ его остаться при университетѣ. На всѣ уговоры Андреевскаго С. отвѣчалъ однимъ только вопросомъ: „А сколько мнѣ университетъ дастъ, если я останусь?“ Андреевскій объяснилъ ему, что средства университета ограничены, и что магистрантамъ выдаютъ только 50 рублей въ мѣсяцъ. С. поморщился и сказалъ, что подумаетъ.

Спустя нѣкоторое время Андреевскій встрѣчаетъ его въ какомъ-то собраніи, но отъ прежняго С. почти и слѣда не осталось: грязный еврей исчезъ, и передъ Андреевскимъ стоялъ расфранченный молодой человѣкъ, уже свысока подавшій Андреевскому руку. Тотъ такъ смутился при видѣ этой метаморфозы, что только когда собраніе кончилось, улучилъ моментъ и спросилъ С. объ его рѣшеніи, т. е. не надумалъ ли онъ остаться при университетѣ? С. опять спросилъ: „А сколько дадите?“ Андреевскій же, опять извиняясь,

Библиотека "Руниверс"

сказалъ, что университетъ больше 50 р. въ мѣсяцъ дать не можетъ. „Мало,—замѣтилъ С.—Зарабатываю 300“.

Проходитъ опять нѣкоторое время, на этотъ разъ года два-три. Андреевскому пришлось быть на Невскомъ и переходить позднею осенью черезъ улицу. Стояла грязь, и все вниманіе почтеннаго профессора было направлено на то, какъ бы избѣжать экипажей и не слишкомъ загрязниться. Но все-таки одного экипажа не удалось избѣжать: это была шикарная коляска, запряженная парою прекрасныхъ вороныхъ рысаковъ. Андреевскій еле успѣлъ отскочить и, стоя въ сторонкѣ, увидѣлъ въ колескѣ... кого же? С—го. Тотъ, замѣтивъ его, любезно раскланялся. Андреевскій крикнулъ: „Не останетесь ли при университетѣ?“—„Сколько дадите?“—„50 рублей“.—„Мало. Зарабатываю 1.500“.

И коляска пронеслась мимо.

Печально-насмѣшливая улыбка, которою Иванъ Ефимовичъ сопровождалъ этотъ разсказъ, показывала, какъ глубоко онъ сожалѣетъ, что можетъ быть самые способные люди бѣгутъ отъ науки, страшась нужды, на которую она обрекаетъ въ Россіи своихъ жрецовъ. Дѣйствительно, помню, уже въ мое время эти 50 рублей, которые выдавались молодымъ ученымъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, казались очень мизерными и могли прокормить развѣ холостого человѣка. Я самъ могъ остаться при университетѣ только потому, что тогда располагалъ нѣкоторыми средствами, и вынужденъ былъ бы отказаться отъ науки, если бы мнѣ пришлось жить на 50 р. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что если человѣкъ готовъ для науки подвергнуть себя лично всевозможнымъ лишеніямъ, то онъ, будучи честнымъ человѣкомъ, не можетъ подвергать тому же близкихъ людей, напримѣръ, родителей, которые долгіе годы уже отказывали себѣ во всемъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ гимназическое и университетское образованіе. Можетъ быть, теперь, когда мы дожили до сильнаго перепроизводства университетскихъ, находятся больше лицъ, готовыхъ получать эти 50 рублей, но и теперь ихъ врядъ ли къ этому побуждаетъ любовь къ наукѣ, а скорѣе необходимость зарабатывать хотя бы и только скудныя средства, чтобы не умереть съ голоду, и остаются при университетѣ далеко не самые способные—тѣ найдутъ себѣ хлѣбъ и помимо университета.

Какъ бы то ни было, Андреевскій скорбѣлъ душой, что университетъ не располагаетъ достаточными средствами, чтобы удерживать способныхъ своихъ воспитанниковъ для служенія наукѣ. Но онъ не столько любилъ науку, сколько Россію: онъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, зналъ, что не можетъ процвѣтать страна, въ которой не процвѣтаетъ наука, и потому старался привлекать къ

Библиотека "Руниверс"

ней способныхъ людей. Патріотизмъ, понятно, не красной, а просвѣщенный (Иванъ Ефимовичъ былъ европеецъ въ лучшемъ значеніи слова) лежалъ въ основѣ его дѣятельности, и въ немъ соединялось все, что уполномочиваетъ человѣка посвятить себя общественному служенію. Поэтому, когда я теперь вспоминаю о немъ, я невольно сожалѣю, что онъ родился такъ рано, что умеръ уже 20 лѣтъ тому назадъ. Если бы онъ жилъ въ наши дни, если бы расцвѣтъ его силъ совпалъ съ нарожденіемъ русскаго парламента, то каждая его рѣчь въ немъ вознаградила бы насъ за десятки ненужныхъ, бездарныхъ или глупыхъ рѣчей, которыя приходится теперь выслушивать и Думѣ, и Россіи.

П. Г. Рѣдкинъ.

Вотъ ужъ кто никогда не былъ бы парламентскимъ дѣятелемъ, это—незабвенный Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Если Иванъ Ефимовичъ весь уходилъ въ общественное служеніе, то Петръ Григорьевичъ весь уходилъ въ науку. И Рѣдкинъ былъ преданнымъ сыномъ родины, но онъ не хотѣлъ ей служить иначе, какъ на почвѣ науки. Если онъ поступилъ на службу, если онъ былъ чиновникомъ, то противъ воли, именно только потому, что онъ слишкомъ любилъ науку. Его хотѣли заставить преподавать не такъ, какъ ему приказывала совѣсть, и онъ, любившій каѳедру пламенно, отрекся отъ нея на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, пока не настало время, когда онъ могъ преподавать, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Рѣдкинъ былъ, въ отличіе отъ Андреевскаго, истиннымъ ученымъ, хотя и у него, быть можетъ, на первомъ планѣ стояла не наука, а потребность служить родинѣ подготовкою хорошихъ юристовъ, проникнутыхъ сознаніемъ правды и справедливости или, какъ онъ выражался, правосознаніемъ. Но онъ думалъ, что руководить молодежью и пользоваться ея довѣріемъ долженъ только профессоръ, который самъ глубоко изучилъ науку. Поэтому онъ былъ неутомимымъ работникомъ, а такъ какъ онъ неустанно работалъ всю жизнь надъ наукой и, кромѣ того, отличался выдающимися способностями, то можно себѣ представить, чѣмъ мы, зеленая молодежь, себя чувствовали передъ нимъ. Пигмеями передъ великаномъ!

Андреевскій преподавалъ. Онъ краснорѣчиво обучалъ насъ наукѣ, понимая подъ нею запасъ приложимыхъ къ жизни знаній, подведенныхъ подъ извѣстную систему. Андреевскій съ своимъ темпераментомъ общественнаго дѣятеля былъ такъ близокъ къ жизни съ ея непосредственными требованіями, что и на науку смотрѣлъ съ этой точки зрѣнія. Если ему вопросъ о выгребной ямѣ и не казался

Библиотека "Руниверс"

важнѣе философіи Платона, то они въ его представленіи занимали одинаково важное мѣсто. Какую пользу принесетъ родинѣ философія Платона — можетъ быть, ему еще казалось сомнительнымъ, но что устраненіе вреда отъ небрежнаго содержанія выгребныхъ ямъ спасетъ здоровье и даже жизнь многихъ людей, онъ твердо зналъ. Поэтому и наука, изучающая вопросы этого рода, казалась ему очень важной, и онъ преподавалъ ее съ увлеченіемъ, стараясь включить въ нее всѣ свѣдѣнія, которыя могли помочь людямъ лучше устроиться въ жизни.

Рѣдкинъ не преподавалъ, не сообщалъ знаній — онъ воспитывалъ, онъ училъ, какъ надо работать. Возьметъ какого-нибудь древне-греческаго философа и начнетъ его изучать до мелочей, останавливаясь чуть ли не на каждомъ его словѣ, стараясь уяснить себѣ самому и намъ истинный смыслъ его ученія, точно воспроизвести его міросозерцаніе, чтобы имѣть право потомъ подвергнуть его оцѣнкѣ, опредѣлить его мѣсто среди другихъ философовъ. Мало ли что можно съ чужихъ словъ приписать мыслителю или писателю! Нѣтъ, надо самостоятельно его изучить, ибо какъ же мы будемъ изучать право, т. е. воплощеніе правды и справедливости, если мы будемъ сами несправедливы къ нашимъ учителямъ, къ тѣмъ, кому мы обязаны сознаніемъ, что правда и справедливость высшее, къ чему долженъ стремиться человѣкъ? Начнемъ же съ признанія за каждымъ мыслителемъ или писателемъ, какъ бы его взгляды ни расходились съ нашими, права на безпристрастное къ себѣ отношеніе, на то, чтобы его мысль не подвергалась никакимъ искаженіямъ. И Рѣдкинъ начиналъ разбирать какого-нибудь Ѳалеса или Эмпедокла необычайно тщательно, со всей эрудиціей выдающагося ученаго. Это происходитъ зимою въ девять часовъ утра. На дворѣ еще стоитъ полумракъ, каѳедра профессора и его сѣдая стриженая голова тускло освѣщаются двумя свѣчами, онъ самъ считываетъ лекцію съ своихъ неизмѣнныхъ записокъ, потому что никакимъ краснорѣчіемъ не обладаетъ, но голосъ его звучитъ вдохновенно, вся аудиторія, самая большая въ университетѣ, несмотря на ранній часъ, биткомъ набита, всѣ слушаютъ, затаивъ дыханіе, потому что и надъ профессоромъ, и надъ нами рѣетъ что-то высокое и благородное, мы сами въ сущности не знаемъ что, но чувствуемъ, что старый профессоръ насъ, маленькихъ людей, поднимаетъ и приводитъ туда, гдѣ человѣкомъ овладѣваетъ священный трепетъ приближенія къ истинѣ, къ ея воплощенію въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ правдѣ и справедливости...

Какъ далеки мы были, повидимому, въ эти минуты отъ всякихъ практическихъ знаній, даже казалось, отъ самой жизни, и какъ въ

Библиотека "Руниверс"

сущности мы были близки къ ней. Тамъ у Андреевскаго и другихъ профессоровъ, мы занимались тѣмъ, что, казалось, имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ жизни: насъ учили и какіе бываютъ налоги, прямые и косвенные, и какія преступленія люди совершаютъ, и какъ ихъ наказываютъ, и какіе бываютъ виды имущества, или какъ оно наслѣдуется, и какія мѣры принимаетъ государство для обезпеченія безопасности или для доставленія народу благосостоянія... Чему насъ только не учили! Кажется, вотъ пусти насъ въ жизнь—и болѣе знающихъ администраторовъ, дипломатовъ, финансистовъ, судей, адвокатовъ, прокуроровъ не найти! Насъ учили всему, что нужно для исполненія обязанностей всѣхъ этихъ профессій, а каждая изъ нихъ предполагаетъ массу знаній. Понятно, что это море знаній умѣщалось въ нашихъ бѣдныхъ головахъ только на время экзаменовъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, но тотчасъ же послѣ экзаменовъ улетучивалось, по большей части оставляя послѣ себя только какой-то мутный осадокъ ничѣмъ не связанныхъ цифръ, фактовъ, идей и опредѣленій.

Рѣдкинъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изучалъ съ нами, напримѣръ, философію Пиѳагора и пифагорейцевъ, и, странное дѣло, намъ всѣ практическія знанія, сообщаемыя другими профессорами, казались чѣмъ-то суетнымъ, ненужнымъ, а философскія системы Пиѳагора и пиѳагорейцевъ чѣмъ-то безконечно важнымъ и нужнымъ. Это шло въ разрѣзъ съ тогдашнимъ утилитарнымъ настроеніемъ русскаго общества, со взглядами родителей, большинство которыхъ смотрѣли на науку, какъ на дойную корову, какъ на средство обезпеченія за ихъ чадами тепленькихъ мѣстечекъ, шло, наконецъ, въ разрѣзъ и съ настроеніемъ самой молодежи, увлекавшейся въ 60-е годы матеріалистическими воззрѣніями, и тѣмъ не менѣе это было такъ. Можетъ быть, не всѣ слушатели отдавали себѣ отчетъ, въ чемъ собственно дѣло (я думаю даже, что такихъ слушателей было мало), но никто не сомнѣвался, что слушать Рѣдкина необходимо (объ этомъ свидѣтельствовала всегда переполненная его аудиторія), что быть въ университетѣ и не слушать Рѣдкина немыслимо, потому что если не слушать такого профессора, то кого же и слушать? Это было общераспространенное—не скажу—мнѣніе, а чувство.

Но уже въ мое время были студенты, которые, правда, еще только смутно, сознавали, что задача университета—не сообщеніе знаній, пригодныхъ для жизни, и не выдача соотвѣтственнаго диплома, а нѣчто другое, чему именно удовлетворяли лекціи Рѣдкина. Они понимали, что важно знать, какъ должна быть устроена выгребная яма, но что большинство лицъ, отъ которыхъ зависитъ то

Библиотека "Руниверс"

или другое устройство выгребныхъ ямъ, прекрасно знаетъ, какъ онѣ должны быть устроены, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни людей, и тѣмъ не менѣе онѣ почти вездѣ устраиваются именно такимъ антисанитарнымъ способомъ. Почему? Потому что раціональное ихъ устройство сопряжено съ лишними расходами, а большинство людей избѣгаютъ лишнихъ расходовъ, а тѣ, кому порученъ надзоръ за выгребными ямами—люди либо небрежные, либо лицепріятные, либо наконецъ склонные къ взяточничеству. Такимъ образомъ вопросъ усложнялся. Надо знать не только, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, но и какія надо принять мѣры, чтобы справиться съ небрежностью, лицепріятіемъ и лихоимствомъ администраціи. Но и этого мало: какъ бы хороша, какъ бы безупречна ни была администрація, если большинство гражданъ корыстолюбивы и не сознаютъ общественнаго своего долга, то и самая совершенная администрація врядъ-ли дѣлу поможетъ. Слѣдовательно, дѣло не въ одномъ знаніи, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, и не въ одной администраціи. Надо еще, чтобы каждый гражданинъ сознавалъ свой общественный долгъ, а для этого надо передѣлать администрацію, надо передѣлать гражданъ. Скоро-ли подобная грандіозная задача достижима? А выгребныя ямы должны быть немедленно приведены въ такое состояніе, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни гражданъ. Какъ же за это приняться? Однѣми законодательными или административными мѣрами тутъ не поможешь. Надо, чтобы каждый изъ насъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ въ частности можетъ сдѣлать для устраненія опасности, угрожающей здоровью и жизни согражданъ, въ данномъ народѣ и въ данное время. Словомъ, простой на видъ вопросъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывался чрезвычайно сложнымъ и труднымъ.

Андреевскій насъ просто училъ, что для исправнаго состоянія выгребныхъ ямъ администрація должна дѣлать то-то и то-то. Рѣдкинъ насъ училъ, какъ надо работать въ политическихъ, общественныхъ и юридическихъ вопросахъ, чтобы ихъ себѣ уяснить во всѣхъ ихъ сложныхъ деталяхъ. Это была выправка ума, опирающагося на идею правды и справедливости. То, что намъ давалъ Рѣдкинъ, требовалось для рѣшенія всѣхъ общественныхъ, политическихъ и юридическихъ вопросовъ, въ какое бы положеніе насъ ни поставила жизнь. Мы легко могли забыть то, что намъ преподавалъ Андреевскій, но то, что намъ не преподавалъ, а давалъ Рѣдкинъ, мы не могли никогда забыть, потому что это превращалось въ нашу плоть и кровь, дѣлалось привычкой и умѣніемъ пра-

Библиотека "Руниверс"

вильно рѣшать все многообразіе жизненныхъ вопросовъ на почвѣ не отвлеченной справедливости, а той справедливости, которая вытекаетъ изъ внимательнаго изученія и теоріи окружающихъ условій. Если великіе мыслители были въ то же время и великими учителями, то Рѣдкинъ, вводившій насъ въ ихъ храмъ, былъ вдохновеннымъ посредникомъ между нами и ими, и если разумная и плодотворная практика заключается въ томъ, чтобы умѣть осуществить вѣрную идею наиболѣе правильнымъ путемъ въ самой жизни, то истиннымъ учителемъ жизни былъ опять-таки Рѣдкинъ Когда мы слушали его лекціи, мы чувствовали, что пріобрѣтаемъ нѣчто безконечно цѣнное для жизни вообще, а не для той или другой спеціальной ея сферы, что это намъ нужно будетъ и какъ будущимъ отцамъ семейства, и какъ будущимъ воспитателямъ нашихъ дѣтей, и какъ членамъ общества, и какъ служителямъ государства. Мы не спрашивали себя, либерально или консервативно то, что говорилъ профессоръ, намъ даже этотъ вопросъ не могъ придти на умъ, какъ не могло намъ придти на умъ спросить, либерально или консервативно здоровье и все, что къ нему приводитъ. Мы чувствовали, что преподаваніе Рѣдкина приводитъ нашъ умъ къ здоровью. Революціонеръ и бѣлоподкладочникъ одинаково внимали старому профессору, сознавая, что то, что онъ преподаетъ, не умѣщается ни въ рамки политики, ни въ рамки соціологіи, ни въ рамки, созданныя общественными или политическими предразсудками и разными модными теченіями, что это выше семьи, общества, государства. Мы чувствовали, чѣмъ можетъ и должно быть университетское преподаваніе, охватывающее всю жизнь со всѣми теоріями, ею созданными, и освѣщающее все: и природу, и людей, и ихъ общества, въ томъ числѣ и государство, свѣтомъ, почерпнутымъ изъ всѣхъ доступныхъ человѣку источниковъ, мы входили дѣйствительно въ храмъ науки и понимали, что онъ долженъ быть намъ священнымъ, потому что онъ одинъ въ житейской сутолокѣ борющихся личныхъ, общественныхъ и политическихъ интересовъ созданъ и живетъ для раскрытія истины, насколько она доступна человѣку.

Съ тѣхъ поръ, какъ я слушалъ вдохновенный голосъ Рѣдкина, прошло почти полъ-вѣка, но то, о чемъ онъ мечталъ, все еще не осуществилось. Увы, мы, можетъ быть, теперь даже дальше отъ этого, чѣмъ были въ его дни! Все еще прочно держится взглядъ, будто бы назначеніе университета состоитъ въ томъ, чтобы дать воспитанникамъ знанія, непосредственно приложимыя къ дѣлу, а не любовь къ призванію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе учиться всю жизнь; все еще на университетъ смотрятъ какъ на орудіе поли-

Библиотека "Руниверс"

тики, консервативной, либеральной или радикальной, а не какъ на установленіе, преслѣдующее задачи, далеко выходящія за предѣлы государственнаго вѣдѣнія, изучающее человѣка въ его отношеніи къ другимъ людямъ, къ природѣ, къ Богу, охватывающее прошлое, настоящее, будущее человѣчества и черпающее свое настроеніе и свои руководящія начала тамъ, гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца, гдѣ человѣческій духъ приближается къ сознанію истины, предъ которою, какъ передъ Богомъ, всякая экономическая, соціальная и политическая борьба исчезаетъ, таетъ, какъ воскъ передъ лицомъ солнца. Рѣдкинъ убѣждалъ насъ, что такое отношеніе къ наукѣ возможно, что это не утопія, а дѣйствительность, которую мы сами устраняемъ, внося въ храмъ науки то, чего въ немъ не должно быть—не служеніе истинѣ, не желаніе отрѣшиться отъ всего, что можетъ затемнить наше сужденіе, а борьбу, страсть, все то, что дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ объективному анализу, безъ котораго наука немыслима. Рѣдкинъ былъ единственнымъ нашимъ профессоромъ, который держался совершенно съ сторонѣ отъ политической борьбы и въ то же время пользовался авторитетомъ и довѣріемъ въ политическихъ вопросахъ, потому что никто изъ насъ ни на минуту не сомнѣвался, что онъ въ своей дѣятельности руководствуется исключительно желаніемъ служить истинѣ и ставитъ ее выше всего не только на словахъ, какъ другіе профессора, но и на дѣлѣ, т. е. съ готовностью пожертвовать для нея всѣмъ.

Мы знали, что Рѣдкинъ пострадалъ за науку, что онъ отказался отъ каѳедры, когда не могъ преподавать такъ, какъ хотѣлъ. При насъ онъ срѣзалъ племянника очень вліятельнаго министра и непосредственнаго своего начальника по службѣ, хотя тотъ недвусмысленно его попросилъ быть снисходительнымъ къ его родственнику. Это были факты, и въ то же время Рѣдкинъ никогда не либеральничалъ такъ, какъ либеральничали другіе профессора изъ первоклассныхъ тогда университетскихъ свѣтилъ, т. е. скверно, при помощи неясныхъ намековъ, анекдотовъ, аллегорій или скрытыхъ сопоставленій. Рѣдкину, его честной хохлацкой натурѣ, такой эзоповскій рабій языкъ былъ глубоко противенъ, да онъ считалъ его недостойнымъ званія профессора и не нуждался въ немъ, потому что преслѣдовалъ цѣли не политическія, а научныя и никогда не унизилъ бы себя, какъ другіе профессора, до заигрыванія съ молодежью, до исканія у нея дешевой популярности. Но тамъ, гдѣ это нужно было, онъ вступался за науку честно и открыто, чего бы это ему ни стоило. Онъ тутъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ или послабленій. Въ стѣнахъ университета онъ даже не давалъ воли своимъ безобиднымъ симпатіямъ.

Библиотека "Руниверс"

Помню я экзаменъ у него. Хотя онъ былъ крѣпышъ, но все-таки, экзаменуя съ утра до поздняго вечера, при далеко немолодыхъ своихъ годахъ, утомлялся: тяжело было старику, но онъ продолжалъ экзаменовать, чтобы не заставлять студентовъ томиться нѣсколько дней. Уже поздно вечеромъ къ экзаменаціонному столу подходитъ студентъ-хохолъ. Начинаетъ онъ нехорошо, именно съ заявленія, что онъ двухъ послѣднихъ билетовъ не знаетъ. По лицу Рѣдкина пробѣгаетъ тѣнь. Онъ однако не отказываетъ земляку.

— А остальные билеты знаете?—спрашиваетъ онъ мрачно.

— Знаю,—отвѣчаетъ студентъ не менѣе мрачно.

— Возьмите билетъ,—приглашаетъ его Рѣдкинъ.

Хохолъ вынимаетъ билетъ и тотчасъ же отвѣчаетъ на него прекрасно,—такъ, какъ любилъ Рѣдкинъ, отчетливо, кратко, безъ лишнихъ словъ. Нельзя было сомнѣваться, что студентъ много занимался предметомъ и занимался имъ любовно. Когда онъ кончилъ, Рѣдкинъ самъ вынимаетъ ему еще билетъ. Студентъ отвѣчаетъ и на него прекрасно при общемъ молчаливомъ одобреніи аудиторіи. Дѣло кончается тѣмъ, что Рѣдкинъ ставитъ ему пятерку, но освѣдомляется, почему онъ не дочиталъ послѣднихъ билетовъ.

— То не успѣлъ: холова заболивъ.

— Хорошо, ступайте.

Уже совсѣмъ ночью, часовъ въ одиннадцать, выходитъ студентъ, тоже не знавшій нѣсколькихъ билетовъ и думавшій воспользоваться послабленіемъ, которое профессоръ оказалъ своему земляку.

— Какіе же билеты вы не знаете?—спросилъ Рѣдкинъ.

Студентъ назвалъ ему два билета, самые трудные во всемъ курсѣ.

— Хорошо,—лаконически отозвался Рѣдкинъ.

Студентъ взялъ билетъ и началъ на него отвѣчать такъ, какъ отвѣчаютъ студенты, которые механически вызубрили курсъ и поминутно упускаютъ изъ виду преемственную и логическую связь между разными философскими ученіями, чѣмъ преимущественно и дорожилъ профессоръ. Когда студентъ кончилъ, Рѣдкинъ попросилъ его взять второй билетъ, далъ ему отвѣтить, но потомъ сталъ ему предлагать безконечные вопросы. Для насъ уже давно выяснилось, что экзаменующійся плохо знаетъ предметъ, но профессоръ все продолжалъ экзаменовать, несмотря на очевидное крайнее утомленіе. Что-то мѣшало ему кончить экзаменъ, и мы всѣ прекрасно знали что. Онъ проявилъ нѣкоторую слабость по отношенію къ земляку, позволивъ ему держать экзаменъ и даже поставивъ ему высшую отмѣтку, несмотря на то, что тотъ всего курса не прошелъ, и теперь опасался, какъ бы его не заподозрили въ неспра-

Библиотека "Руниверс"

ведливости. Но, наконецъ, повидимому, Рѣдкинъ убѣдился, что во всей аудиторіи не можетъ найтись человѣка, который былъ бы иного мнѣнія, чѣмъ самъ профессоръ, поставилъ студенту неудовлетворительную отмѣтку и, заявивъ, что на сегодня вслѣдствіе поздняго часа, довольно, всталъ и ушелъ.

Студенты не вскочили, какъ обыкновенно, по окончаніи экзамена со своихъ мѣстъ, чтобы, громко разговаривая, гурьбою выбѣжать въ коридоръ, а какъ-то нехотя встали, словно что-то недодѣлано. Врядъ-ли всѣ отдавали себѣ точный отчетъ, въ чемъ собственно дѣло, и только экзаменовавшійся студентъ поставилъ точку надъ і, сказавъ:

— Да я же не виноватъ, господа! Почемъ я зналъ, что онъ будетъ такъ долго экзаменовать?

Никто, сколько помню, студенту не отвѣтилъ. Всѣ чувствовали, что онъ несетъ должное наказаніе за уловку, можетъ быть умѣстную по отношенію къ другимъ профессорамъ, но никакъ не по отношенію къ Рѣдкину, въ чувствѣ справедливости котораго никто не сомнѣвался, и заслуги и лѣта котораго должны были заставить студента не умолять его напрасно, а заявить, что онъ самъ убѣдился въ своей неподготовленности.

Таковы были чувства студенчества по отношенію къ Рѣдкину.

Не могу здѣсь не разсказать, какъ я разстался съ Петербургскимъ университетомъ, такъ какъ въ этомъ прощаньи Рѣдкину принадлежитъ видная роль.

Сдавъ магистерскій экзаменъ изъ полицейскаго права и политической экономіи, я принялся за диссертацію. Темою я избралъ вопросъ, который мнѣ казался очень важнымъ съ точки зрѣнія народнаго благополучія, именно вопросъ объ отношеніи государства къ женскому образованію. Я представилъ въ факультетъ изслѣдованіе, въ которомъ далъ очеркъ философіи исторіи этого вопроса, а затѣмъ на основаніи тогдашняго положенія законодательства въ цивилизованныхъ странахъ старался выяснить, что мы идемъ къ предоставленію женщинѣ свободы въ выборѣ профессіи, къ уравненію женскаго образованія съ мужскимъ и къ совмѣстному обученію лицъ обоего пола какъ въ народныхъ школахъ, такъ со временемъ въ гимназіяхъ и университетахъ.

Диссертація моя удостоилась лестныхъ отзывовъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ, но, кажется, всѣ единодушно рѣшили, что, защитивъ ее, я стану человѣкомъ невозможнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, другими словами, закрою себѣ доступъ къ университетской каѳедрѣ. Кромѣ того, большинство рѣшило, что имъ неудобно пропускать моей диссертаціи, потому что

Библиотека "Руниверс"

это значило до нѣкоторой степени признать себя солидарными со взглядами, черезъ-чуръ уже прогрессивными. Это послѣднее соображеніе не дѣлаетъ чести гражданскому мужеству профессоровъ, но всякому своя рубашка ближе къ тѣлу, а что касается перваго соображенія, то оно мнѣ теперь представляется безусловно вѣрнымъ, хотя я и проводилъ въ своей диссертаціи сорокъ лѣтъ тому назадъ взгляды, которые теперь уже въ значительной степени осуществлены самимъ правительствомъ. Но тогда я этого не понялъ и, сказавъ себѣ, что въ университетѣ наука несвободна, рѣшилъ разстаться съ нимъ и избрать другую дѣятельность.

Да, съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и я понялъ многое, чего тогда не понималъ. Я понялъ, что свобода мысли—идеалъ, къ которому, какъ ко всякому идеалу, можно только приблизиться, я понялъ, что ее часто столько же стѣсняетъ правительство, сколько и общество (можетъ быть, второе больше перваго), что уступки въ жизни необходимы даже съ точки зрѣнія торжества идеаловъ, которые намъ дороги, что общіе идеалы безсильны, когда мы не умѣемъ придать имъ форму, доступную данному времени и данному мѣсту. Я понялъ все это цѣною многихъ жертвъ, многихъ страданій, но тогда никто мнѣ на все это не указалъ. Одни пожимали плечами надъ моею наивностью, другіе сожалѣли меня, третьи сочувствовали и старались придти мнѣ на помощь пріисканіемъ мнѣ хлѣбныхъ занятій до составленія другой диссертаціи. Я убѣдился въ участливости и добротѣ профессоровъ, но основной вопросъ остался невыясненнымъ: я не зналъ, правъ ли я или неправъ, принялъ ли я вѣрное или ложное рѣшеніе. Напротивъ, я все болѣе убѣждался, что, разставаясь съ университетомъ, я дѣлаю то, что велитъ совѣсть, т. е. поступаю честно.

Въ такомъ настроеніи я зашелъ къ Рѣдкину, избранному тогда ректоромъ и жившему въ ректорскомъ домикѣ возлѣ университетскаго зданія. Онъ меня встрѣтилъ словами:

— Ахъ, зачѣмъ вы не написали диссертаціи о пожарныхъ инструментахъ!

Въ этомъ возгласѣ было столько горькой иронiи, но въ то же время и добраго чувства ко мнѣ, что я невольно улыбнулся.

— Развѣ пожарные инструменты—тема, болѣе подходящая, чѣмъ женское образованіе?—спросилъ я.

— Для полицейскаго права—пожалуй,—улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ Рѣдкинъ и началъ меня убѣждать не смущаться постигшей меня неудачей. Онъ говорилъ долго и убѣдительно и говорилъ именно о томъ, о чемъ нужно было говорить. Онъ не выражалъ ни жалости, ни состраданія, ни готовности придти къ намъ на по-

Библиотека "Руниверс"

мощь. Онъ сразу понялъ, что боль, которую я испытываю,—не моя личная боль, а боль, такъ-сказать общественная, что мнѣ обидно не столько за себя, сколько за страну, въ которой живу, за университетъ, въ которомъ воспитывался, за профессоровъ, отнесшихся именно такъ къ моей диссертаціи. Онъ старался меня убѣдить, что чѣмъ ниже умственный и нравственный уровень общества, тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе должны дѣйствовать тѣ, кто чувствуетъ себя призваннымъ вносить въ него лучъ свѣта. Словомъ, онъ старался сохранить во мнѣ вѣру въ возможность успѣшно дѣйствовать на пользу высшихъ человѣческихъ благъ, оставаясь въ университетской средѣ.

Я ему тогда не повѣрилъ. Я даже не подумалъ о томъ, что онъ, какъ профессоръ, самъ представляетъ убѣдительнѣйшее доказательство вѣрности своихъ словъ. Я подчинился исключительно оскорбленному чувству, а не разуму и навсегда разстался съ университетомъ. Что я такъ поступилъ, мнѣ не жаль, потому что я нашелъ себѣ другую, болѣе подходящую каѳедру. Но свою вину передъ Рѣдкинымъ я теперь сознаю: я ему единственный разъ въ жизни не повѣрилъ. Прости, незабвенный учитель!

И. Я. Горловъ.

Вспоминая моихъ университетскихъ профессоровъ, я всегда съ пріятнымъ чувствомъ останавливаюсь на профессорѣ Горловѣ, который намъ читалъ политическую экономію по составленному имъ учебнику. Ораторъ былъ онъ болѣе чѣмъ посредственный, ученый тоже лишь настолько, насколько можно признать ученымъ болѣе или менѣе заурядnаго русскаго профессора. Но въ немъ было много для меня симпатичнаго: въ немъ соединялась большая доброта, заставлявшая его приходить на помощь нашему брату—студенту, съ большою добросовѣстностью, побуждавшею его относиться серьезно къ наукѣ. Но это серьезное къ ней отношеніе было особаго рода, и оно-то побуждаетъ меня посвятить нѣсколько строкъ почтенному Ивану Яковлевичу, какъ типичному представителю цѣлой полосы русской университетской науки.

Если въ Россіи возможны Рѣдкины или Андреевскіе, то общимъ правиломъ у насъ должны были бы быть Горловы, и это было бы въ сущности не такъ ужъ плохо, потому что въ нихъ было много хорошаго. Салтыковъ ихъ конечно бы осмѣялъ, прошелся бы по ихъ поводу насчетъ „аккуратности и умѣренности“, но я въ данномъ случаѣ не могу послѣдовать его примѣру, потому что акку-

Библиотека "Руниверс"

ратность да и умѣренность въ русскомъ человѣкѣ, столь склонномъ къ халатности въ дѣлахъ и неумѣренности въ дурныхъ наклонностяхъ и привычкахъ, вовсе уже не такой крупный недостатокъ, чтобы заслуживать сатирическаго бича.

Иванъ Яковлевичъ входилъ въ аудиторію ровно 5 минутъ послѣ звонка, степенно занималъ свое привычное мѣсто на каѳедрѣ, методически откашливался, затѣмъ вынималъ часы, клалъ ихъ передъ собою на каѳедру и начиналъ читать лекцію пріятнымъ, слегка надтреснутымъ баскомъ. Его густая шевелюра и широкія бакенбарды съ просѣдью были тщательно причесаны, такъ что ни одинъ волосокъ не отдѣлялся отъ другого, подбородокъ пробритъ отчетливо, ясною дорожкою, его глаза смотрѣли на насъ внушительно, такъ что не могло быть и тѣни сомнѣнія, что онъ очень серьезно относится къ своему дѣлу, рѣчь его лилась не то, чтобы очень плавно, но все-таки безъ всякихъ ощутительныхъ задержекъ или толчковъ, и мы слушали профессора далеко не съ напряженнымъ вниманіемъ, но съ интересомъ, который вызывается сознаніемъ, что мы, слушая лекцію, дѣлаемъ дѣло, во всякомъ случаѣ не пустое.

Я между прочимъ отмѣтилъ, что Горловъ во время лекцій всегда клалъ передъ собою часы. Извѣстный издатель „Голоса“, Краевскій, тоже, принимая посѣтителя, демонстративно клалъ передъ собою часы, заявляя, что у него только пять минутъ свободныхъ. Оба они были чиновники—одинъ изъ газетнаго дѣла, другой—отъ науки; но у Краевскаго это была политика, а у Горлова политики никакой не было, да я думаю, онъ вообще былъ на нее не способенъ. Аккуратность была такъ-сказать врожденнымъ его качествомъ, а какая можетъ быть аккуратность безъ часовъ? Культурный человѣкъ всегда аккуратенъ, ибо, если степень культуры, какъ говорятъ, опредѣляется количествомъ потребляемаго даннымъ народомъ мыла, то подавно она опредѣляется количествомъ часовъ, имъ покупаемыхъ. „Время—деньги“. Всѣ любятъ подсчитывать свои деньги, но только культурные люди любятъ такъ же бережно относиться къ счету времени, т. е. дѣйствительно понимаютъ глубокое значеніе англійской поговорки. Горловъ несомнѣнно обладалъ тѣми качествами, которыя позволяютъ называть человѣка культурнымъ. Онъ велъ точный счетъ времени, распредѣлялъ свои занятія по часамъ дня, прекрасно владѣлъ собой, умѣлъ выслушивать другихъ, уважая чужія убѣжденія, никогда не былъ рѣзокъ въ спорахъ, былъ очень опрятенъ, столько же въ мысляхъ, сколько въ своей внѣшности, очень добросовѣстно исполнялъ всѣ свои обязанности, и если все это далеко не исчерпываетъ культуры, то съ

Библиотека "Руниверс"

другой стороны нельзя не признать, что безъ этого культура немыслима. Много требовалось ума, напряженія, жертвъ, чтобы распространить и упрочить эти качества въ русскихъ образованныхъ классахъ, и нельзя отрицать, что наша бюрократія, штатская, военная и духовная, представляетъ тотъ классъ, въ которомъ эти качества наиболѣе распространены. Если бюрократія не пользуется популярностью среди извѣстной части нашего общества, то это ни въ какомъ случаѣ не можетъ послужить основаніемъ для пренебрежительнаго, а тѣмъ болѣе для презрительнаго отношенія къ вышеупомянутымъ качествамъ. Можно только удивляться Щедрину, что его нерасположеніе къ чиновничеству увлекло его до осмѣянія этихъ качествъ, которыхъ такъ сильно недостаетъ именно той части русскаго общества, которая, можетъ быть, мнитъ себя лучше и выше остальныхъ.

Горловъ былъ типичнымъ представителемъ русской бюрократіи въ ученой средѣ. Онъ высоко ставилъ русское государственное начало, науку, званіе профессора, былъ проникнутъ ихъ значеніемъ, и всякія сомнѣнія тутъ ему были совершенно чужды. Такъ-называемые проклятые вопросы его не занимали: онъ, кажется, на нихъ не останавливался, считалъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ бредней, недостойныхъ отвлекать серьезный умъ отъ университетской науки и отъ задачъ русскаго государства. Онъ не столько критиковалъ или сомнѣвался, сколько изучалъ, старался усвоить положительные выводы, къ которымъ наука пришла въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей. Сомнѣваться въ авторитетности Адама Смита, Рикардо, Мальтуса казалось ему чуть-ли не святотатствомъ, какъ ему казалось преступнымъ подрывать авторитетъ государственной власти, главной насадительницы культуры въ нашемъ еще полу-варварскомъ народѣ. Духъ Петра, Екатерины и ихъ преемниковъ, казалось, еще не угасъ въ этомъ скромномъ ученомъ и придавалъ ему, маленькому человѣку, обаяніе, хотя и минувшаго, но реальнаго величія. Въ немъ чувствовался атомъ той силы, которая создала великую Россійскую имперію.

Убивала ли въ Горловѣ государственность или, какъ нынѣ любятъ выражаться, бюрократизмъ—потому что въ сознаніи такъ-называемаго русскаго интеллигентнаго человѣка бюрократъ и представитель русской оффиціальной государственности почти одно и то же—убивала ли, повторяю, въ Горловѣ государственность любовь къ наукѣ? Отнюдь нѣтъ. Я помню, какъ передъ самымъ моимъ магистерскимъ экзаменомъ онъ меня встрѣтилъ въ коридорѣ и поздравилъ съ выходомъ перваго выпуска моего перевода „Науки Полиціи“ Роберта фонъ-Моля, заявивъ мнѣ, что всегда очень интере-

Библиотека "Руниверс"

совался теоріею народонаселенія. По этому поводу онъ пустился въ длинную бесѣду со мной, а я все не понималъ, съ чего это онъ во время лекцій въ коридорѣ, среди сутолоки снующихъ взадъ и впередъ студентовъ и профессоровъ, началъ вдругъ обсуждать со мною, вчерашнимъ студентомъ, одинъ изъ сложныхъ и трудныхъ научныхъ вопросовъ. Занятый въ ту минуту всецѣло предстоявшимъ мнѣ экзаменомъ, я невольно приводилъ этотъ странный разговоръ въ связь съ экзаменомъ, и въ то же время чувство мое къ Горлову раздвоилось: съ одной стороны я его мысленно благодарилъ за то, что онъ, сознавая всю безцѣльность магистерскаго экзамена (развѣ можно въ годъ серьезно изучить всѣ вопросы, входящіе въ составъ данной науки, и зачѣмъ приравнивать молодыхъ ученыхъ къ школьникамъ, занятія которыхъ надо контролировать?) указываетъ мнѣ на вопросъ, который онъ мнѣ предложитъ на экзаменѣ, чтобы я могъ успѣшно сбыть эту формальность; съ другой—у меня зародилось недоброе чувство, потому что подобный пріемъ мнѣ казался не достойнымъ и профессора, и магистранта. Но на экзаменѣ выяснилось, тотчасъ же, что я ошибся: Горловъ мнѣ задалъ совершенно другой вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что нашъ разговоръ былъ вызванъ исключительно любовнымъ отношеніемъ Горлова къ наукѣ, т. е. интересомъ, который она въ немъ возбуждала.

Если Горловъ ничего выдающагося въ наукѣ не сдѣлалъ, то вовсе не по недостатку любви къ ней, а просто потому, что способности его этого не допускали. Наоборотъ, слѣдуетъ удивляться, какъ онъ при своихъ небольшихъ способностяхъ могъ сдѣлать такъ много, обогативъ напримѣръ русскую науку прекраснымъ для того времени учебникомъ. Еслибы среди русскихъ профессоровъ было побольше Горловыхъ, т. е. людей, какъ онъ, преданныхъ культурѣ, наукѣ и государственности, то наша университетская жизнь сложилась бы нѣсколько иначе. Во всякомъ случаѣ Горловъ всецѣло принадлежалъ къ старой Россіи, которая уже въ его время все чувствительнѣе замѣнялась новою, современною.

Р. Сементковскій.

Библиотека "Руниверс"

Яковъ Іоганъ Урсинусъ [1]).

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

Записка Урсинуса, содержаніе которой выше изложено, была прочтена — какъ уже сказано — въ засѣданіи Большой комиссіи 14 мая. Въ этомъ засѣданіи производилась баллотировка 7-ми кандидатовъ въ частную комиссію „о рудокопаніи, сбереженіи и растеніи лѣсовъ и о торговлѣ вообще". Урсинусъ былъ въ числѣ баллотируемыхъ, но получилъ избирательныхъ голосовъ только 148 при 158 неизбирательныхъ. Трудно сказать, что было причиною такого исхода баллотировки. Можно думать, что прочтенное предложеніе Урсинуса, противорѣчившее большому числу до тѣхъ поръ сдѣланныхъ предложеній— образовать суды отдѣльные для каждаго сословія изъ лицъ, сословіями выбранныхъ—создало автору значительное число противниковъ. Принимая во вниманіе, что между забаллотированными въ этотъ день кандидатами нѣкоторые получили избирательныхъ голосовъ еще менѣе Урсинуса—131 и даже 121—можно придти и къ противоположному предположенію: можно думать, что слишкомъ мало извѣстный до сихъ поръ депутатъ своимъ послѣднимъ выступленіемъ вызвалъ въ составѣ комиссіи, на-ряду съ противниками, и значительное число сторонниковъ.

Въ пятое послѣ 14-го мая засѣданіе—22-го мая—по предложенію маршала члены комиссіи подавали записки о предлагаемыхъ ими кандидатахъ въ новую частную комиссію „объ училищахъ и

[1]) См. „Русская Старина" апрѣль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

призрѣнія требующихъ". Представленные кандидаты были подвергнуты баллотировкѣ въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе—23 мая. Во всѣ эти частныя комиссіи назначались по 5 членовъ, изъ которыхъ трое—получившіе наибольшее число голосовъ при баллотировкѣ, одинъ по избранію маршала, одинъ по избранію генералъ-прокурора, при чемъ на назначеніе двухъ послѣднихъ испрашивалось согласіе Большой комиссіи (согласіе давалось всегда, такъ что испрошеніе его обратилось въ простую формальность). Результаты баллотировки 23 мая были таковы. Наибольшее число избирательныхъ голосовъ получилъ Козелецкаго и Остерскаго повѣтовъ Кіевскаго полка депутатъ отъ шляхетства, секретарь штата генерала графа Панина, Золотницкій (164 избирательныхъ при 102 неизбирательныхъ); слѣдующее затѣмъ число получили двое: депутатъ отъ города Переяславля Залѣсскаго Угрюмовъ и Урсинусъ (141 избирательный при 125 неизбирательныхъ). Эти трое и вошли въ составъ названной комиссіи, окончательно образовавшейся 27 мая, при чемъ маршалъ отъ себя представилъ депутата медицинской коллегіи барона Аша и отъ генералъ-прокурора—депутата Тульскаго отъ дворянства Ивашкина.

Чѣмъ можно объяснить болѣе благопріятный для Урсинуса исходъ баллотировки 23 мая предъ баллотировкой мая 14? Времени прошло немного; между этими 2 засѣданіями Урсинусъ голоса не подавалъ, по поводу поданныхъ имъ голосовъ никакихъ преній не происходило... Можно, кажется, съ вѣроятностью предположить, что, какъ профессорское званіе Урсинуса, такъ и мнѣнія, имъ уже высказанныя, давали право думать, что этотъ депутатъ обладаетъ весьма обширными познаніями, и потому въ особенности будетъ пригоденъ для обсужденія вопросовъ, относящихся къ образованію, а стало быть къ одному изъ главнѣйшихъ предметовъ дѣятельности частной комиссіи „объ училищахъ".

Такъ какъ эта комиссія единственная частная комиссія, въ которой Урсинусу пришлось быть членомъ, то я тутъ же скажу, какъ измѣнялся ея составъ въ теченіе всего времени существованія Большой комиссіи. Члены комиссіи Ивашкинъ и Угрюмовъ передали свои депутатскія полномочія другимъ лицамъ—Ивашкинъ на время въ засѣданіи 23 іюля, Угрюмовъ навсегда въ засѣданіи 28 іюля. Такимъ образомъ оба названные депутаты занимались въ комиссіи объ училищахъ всего около 2-хъ мѣсяцевъ (съ 27 мая до 23 или 28 іюля). Въ Большой комиссіи ихъ дѣятельности вовсе не было видно. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы въ частной комиссіи ихъ роль была значительна.

На мѣсто Угрюмова предложено маршаломъ избрать другое лицо. Баллотировка состоялась въ засѣданіи 1-го сентября изъ

Библиотека "Руниверс"

числа 17 кандидатовъ, предложенныхъ записками въ одно изъ предыдущихъ засѣданій. Большинство голосовъ получилъ депутатъ юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ фонъ Клингштетъ. Объ его назначеніи маршалъ объявилъ въ слѣдующемъ засѣданіи, при чемъ заявилъ, что вмѣсто Ивашкина, назначеннаго по представленію генералъ-прокурора, послѣдній представляетъ депутата Уфимской провинціи отъ государственныхъ крестьянъ, казначея сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса подполковника Беклешова. Въ такомъ составѣ комиссія „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“ оставалась почти до конца года, когда по поводу начала военныхъ дѣйствій противъ турокъ были уволены отъ комиссіи: Беклешовъ и докторъ Ашъ. На мѣста выбывшихъ членовъ представлены: отъ генералъ-прокурора—депутатъ Курскаго дворянства Стромиловъ, отъ маршала—Мензелинскій депутатъ отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ, капитанъ-поручикъ л.-гв. Измайловскаго полка Леонтьевъ. Такимъ образомъ, членами частной комиссіи „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“ по закрытіи Большой комиссіи оставались слѣдующіе члены: Золотницкій, Урсинусъ, Клингштетъ, Леонтьевъ и Стромиловъ (XXXII, 69, 91, 92, 98, 197, 214, 231, 331, 332, 341; XXXVI, 149, 151, 153). Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности комиссіи дошли до насъ. Но о ней будетъ сказано послѣ—въ дополненіи къ настоящей статьѣ.

Урсинусъ принималъ участіе еще въ одной частной комиссіи: въ дневной запискѣ засѣданія 10 апрѣля 1768 г. (XXXII, 70) читаемъ: „... объявилъ господинъ маршалъ, что г. депутатъ Владимірскій отъ дворянства, членъ комиссіи о имѣніяхъ, князь Петръ Трубецкой выбралъ себѣ въ помощники г. депутата Дерптскаго отъ города Якова Урсинуса... на что собраніе и согласилось“. О дѣятельности Урсинуса здѣсь мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и потому приходится ограничиться лишь указаніемъ на его согласіе на призывъ къ этой дѣятельности. Далѣе придется указать еще одну попытку призвать Урсинуса къ участію въ одной изъ главныхъ частныхъ комиссій, но такъ какъ эта попытка осталась безрезультатною, то говорить объ ней должно тогда, когда послѣ изложенія всей извѣстной намъ дѣятельности Урсинуса въ комиссіи станетъ интереснымъ отношеніе къ нему, какъ сочленовъ, такъ и лицъ, стоящихъ надъ комиссіею. Теперь возвращаемся къ изложенію того, что происходило въ Большой комиссіи послѣ образованія частной комиссіи „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“.

Чтеніе законовъ „о юстиціи“ и обсужденіе ихъ продолжалось въ Большой комиссіи до 10 іюля 1768 года, когда былъ внесенъ

Библиотека "Руниверс"

въ нее составленный въ частной комиссіи „о родахъ государственныхъ жителей“ проектъ закона „о правахъ благородныхъ“.

Главный интересъ этого періода исторіи Екатерининской комиссіи до 10 іюля сосредоточился на вопросахъ объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ крестьянъ.

Пренія главнымъ образомъ происходили по поводу предложенія, сдѣланнаго депутатомъ Козловскаго дворянства, артиллеріи поручикомъ Коробьинымъ, ограничить власть помѣщиковъ въ доходахъ и надъ имѣніями ихъ крестьянъ и дать послѣднимъ нѣкоторую собственность (XXXII, 54, 55, 406—410). Предложеніе это прочитано въ засѣданіи 5 мая 1768 г. въ виду обсужденія законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ и обсужденія причинъ, побуждающихъ крестьянъ къ побѣгамъ. Оно совершенно соотвѣтствуетъ мысли, выраженной въ 261 статьѣ Наказа Императрицы, гдѣ говорится: „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“. Можно думать, что депутатъ Коробьинъ дѣйствовалъ прямо подъ вліяніемъ идей Наказа, а быть можетъ и при непосредственномъ вліяніи автора Наказа. Затрагивая слишкомъ близко матерьяльные интересы дворянства, предложеніе Коробьина вызвало сильное движеніе среди представителей этого сословія. Возраженія посыпались градомъ. Но движеніе распространялось не только среди дворянства, но и среди представителей низшихъ классовъ, которые—иногда весьма краснорѣчиво—доказывали, что положеніе крестьянства настоятельно требуетъ реформъ. Урсинусъ не принималъ участія въ преніяхъ по крестьянскому вопросу. Почему? Положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ. Остается возможность дѣлать разныя предположенія. Мнѣ кажется совершенно невозможнымъ остановиться на предположеніи, что Урсинусъ не сочувствовалъ стремленію къ улучшенію быта крестьянъ, или не понималъ важности затронутыхъ вопросовъ. Изъ сказаннаго Урсинусомъ позже (въ засѣданіи 17 сентября—XXXVI, 26), что „владѣніе деревнями разумѣетъ онъ равно, какъ крѣпостными, такъ и вольными (напр. населенными колонистами)—по контрактамъ“, можно заключить, что онъ стремился къ цѣли: отношенія помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ замѣнить отношеніями договорными. Но мнѣ кажется возможнымъ допустить, что онъ понималъ трудность задачи и, будучи болѣе знакомъ съ условіями жизни европейской и жизни русской городской, нежели русской сельской, не чувствовалъ себя въ силахъ предложить практически полезныя мѣры для рѣшенія задачи. Нужно сказать, что мѣра, предложенная Наказомъ Императрицы и депутатомъ Коробьинымъ, едва-ли могла назваться практичною, какъ то и было показано многими изъ депутатовъ, возра-

Библиотека "Руниверс"

жавшихъ Коробьину. „Не имѣть надъ имѣніемъ крестьянскимъ никакой власти, а въ самое то время быть безпосредственно надъ нимъ господиномъ, какъ въ голосѣ г. Коробьина значится“—писалъ депутатъ Гороховецкаго дворянства Протасовъ—„есть дѣло невозможное; ибо сколько найдется такихъ развращенныхъ владѣльцевъ, кои будутъ стараться отмщать крестьянамъ“ (XXXII, 447). „Оставляя прежнюю власть помѣщикамъ надъ человѣкомъ“,—писалъ депутатъ Кромскаго дворянства Похвисневъ—„ограничивать оную надъ малымъ его имѣніемъ—можетъ ли сіе быть препятствіемъ къ обремененію крестьянъ отъ жестокости помѣщика. Къ сему только подлость души потребна... Желая притѣснить онаго, могу всегда найти способъ насиліе укрыть видомъ справедливости“ (XXXII, 451). Невыгоды соединенія несоединимаго сознавались и защитниками крестьянскихъ интересовъ, и одинъ изъ нихъ—депутатъ Бѣлогородской провинціи отъ однодворцевъ Масловъ—предложилъ (XXXII, 97 и 513—517) взять крѣпостныхъ крестьянъ въ казенное управленіе, учредить особую коллегію въ столицѣ и канцеляріи по провинціямъ, которыя бы собирали съ крестьянъ слѣдуемое въ пользу помѣщиковъ, вѣдали судъ надъ крестьянами и проч. Мнѣніе Маслова однако никѣмъ изъ депутатовъ поддержано не было. Напротивъ: одинъ изъ самыхъ энергическихъ противниковъ дворянскихъ привилегій, депутатъ однодворцевъ Тамбовской провинціи Веденѣевъ (выразившійся между прочимъ о проектѣ правамъ благородныхъ: „благородные отъ всего свободностью себя ограничили и пользованіемъ всякимъ обременены“, и настаивавшій на сохраненіи тѣлеснаго наказанія для дворянъ за насиліе надъ людьми низшихъ сословій—XXXII, 218, 219), оказался горячимъ противникомъ проекта Маслова (XXXII, 534—537), подавъ противъ него протестъ, довольно безсвязный и—можно сказать—недостойный депутата. Можетъ быть въ такомъ отношеніи къ проекту Маслова выказалось раздѣлявшееся многими современниками недовѣріе къ тогдашнему чиновничеству и къ полезности его вмѣшательства въ отношенія между помѣщиками и крестьянами. Вопросъ очевидно былъ не изъ легкихъ, и весьма вѣроятно, что человѣку, привыкшему высказывать свое мнѣніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно можетъ быть достаточно обосновано, представлялось наилучшимъ уклониться отъ подачи голоса по предмету, столь важному и въ то же время не вполнѣ изученному.

Какъ бы то ни было, но до окончанія чтенія и обсужденія законовъ о юстиціи голоса Урсинуса въ Большой комиссіи слышно не было. Энергическая дѣятельность его въ Большой комиссіи

Библиотека "Руниверс"

начинается со дня внесенія въ комиссію проекта правамъ благородныхъ, т. е., какъ уже сказано, съ 10 іюля.

Чтенію и обсужденію этого проекта комиссія посвятила 24 засѣданія до засѣданія 29 сентября включительно. Изъ нихъ въ 18-ти Урсинусъ принималъ активное участіе. Къ этому участію мы теперь и обращаемся. Въ первое же засѣданіе комиссіи по внесеніи проекта (10 іюля) Урсинусъ высказался по поводу нѣкоторыхъ поднятыхъ тогда вопросовъ чисто редакціоннаго свойства. Не останавливаясь на нихъ, перейдемъ къ слѣдующему засѣданію—17 іюля—въ которомъ началось обсужденіе предмета большой важности—3-ей статьи I главы проекта. Статья эта по первоначальному проекту комиссіи „о государственныхъ родахъ“ имѣла такую редакцію [1]):

„Благородные разумѣются всѣ тѣ, которые отъ предковъ того имени рождены или вновь Монархами симъ нарицаніемъ пожалованы“. Дирекціонная комиссія предложила вмѣсто: „отъ предковъ *того имени* рождены“, поставить: „отъ предковъ *благородныхъ* рождены“. И въ томъ и въ другомъ случаѣ выходило, что право на дворянское достоинство получалось или по наслѣдству, или по непосредственному пожалованію его Монархомъ. Право получать дворянство пріобрѣтеніемъ чина (оберъ-офицерскаго въ военной службѣ и штабъ-офицерскаго въ гражданской), соотвѣтственно узаконеніямъ Петра Великаго, въ будущемъ отрицалось совершенно. Права лицъ, уже достигшихъ указанныхъ чиновъ и, слѣдовательно, уже пріобрѣтшихъ дворянское достоинство на основаніи законовъ помимо непосредственнаго пожалованія его Высочайшею властью, оставались подъ сомнѣніемъ. Проектъ, слѣдовательно, рѣшалъ вопросъ о пріобрѣтеніи дворянскаго достоинства соотвѣтственно желаніямъ, высказаннымъ представителями стараго русскаго дворянства въ началѣ дѣятельности комиссіи—въ ея московскій періодъ, во время обсужденія прочтенныхъ въ комиссіи дѣйствующихъ законовъ о дворянствѣ. Предложенія объ измѣненіи Петровскихъ законовъ вызвали тогда оживленный обмѣнъ мнѣній. Старые дворяне указывали главнымъ образомъ на заслуги дворянства передъ отечествомъ въ теченіе всего длиннаго періода образованія обширнаго Русскаго государства. Нѣкоторые выдвигали на первый планъ тѣ свойства, которыми долженъ обладать правящій классъ страны, и старались показать, что эти свойства не часто встрѣчаются у только что выслужившихъ чины. „Такіе люди“—говорилъ депутатъ Ярославскаго

[1]) „Проектъ правамъ благородныхъ“ помѣщенъ въ XXXII т. Сб. И. Р. И. О., во II приложеніи, стр. 577—585.

Библиотека "Руниверс"

дворянства кн. Щербатовъ (IV, 151)—„дабы дослужиться до офицерскаго чина, и чрезъ то пріобрѣсти званіе дворянина, зная, что это зависитъ отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что конечно послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ“... Депутатъ Курскаго дворянства Стромиловъ говорилъ (IV, 206), что тотъ родъ государственныхъ жителей, изъ среды котораго замѣщаются среднія власти, поставленныя между государемъ и народомъ, должны „воспитываться въ правилахъ и знаніяхъ, приличныхъ тому состоянію, какое онъ въ государствѣ занимать будетъ“. О необходимости для высшаго класса общества особой подготовки, для чего требуется воспитаніе, говорилъ также депутатъ Муромскаго дворянства Чаадаевъ (IV, 154): „Достигающіе дворянскаго достоинства легкимъ способомъ, т. е. съ офицерскимъ чиномъ, не имѣя никакихъ способовъ получить такое же воспитаніе, какъ дворяне, и чрезъ то лишась всякой надежды достичь тѣхъ высшихъ степеней, съ которыми также соединены и средства къ безбѣдному существованію, находятся принужденными разными неправильными и недозволенными способами пріобрѣтать иждивеніе для содержанія себя въ старости“. Многіе дворяне выражали главнымъ образомъ заботу о томъ, чтобы „не причинить ущерба чести сего званія, не затмить его славы, не сдѣлать его столь общимъ, что полученіе этого званія не будетъ уже почитаться столь важнымъ, сколько оно быть должно. Извѣстно, что всякая вещь теряетъ свою цѣну, какъ скоро она дѣлается многоупотребительною“... (IV, 190).

Сторонниками сохраненія Петровскаго закона явились депутаты дворянства южныхъ провинцій, депутаты казаковъ и другихъ служилыхъ людей и многіе депутаты другихъ низшихъ сословій.

По поводу указанія на заслуги дворянъ въ дѣлѣ защиты отечества депутатъ Терскаго семейнаго войска Мироновъ говорилъ (IV, 200): „Одни ли дворяне защищаютъ свое отечество? Конечно нѣтъ! Какъ предки ихъ (*при предкахъ* ихъ?), такъ и въ новѣйшее время, въ Прусскую войну, не съ ними ли и другіе вѣнчались тою же кровію? Также и впредь, если паче чаянія (отъ чего Боже сохрани) возникнетъ гдѣ-нибудь отъ непріятеля война, то одни ли дворяне будутъ защищать государство? не съ ними ли будутъ люди всякаго званія? и послѣднихъ еще больше, чѣмъ дворянъ. Если же вышедшимъ вѣрною своею службою не изъ дворянъ въ оберъ-офицерскіе чины не будетъ дано дворянства, то какое же будетъ для нихъ поощреніе къ службѣ?“

На указаніе на особыя добродѣтели, которыми должны отли-

Библиотека "Руниверс"

чаться члены высшаго класса, призываемаго къ занятію правительственныхъ, властныхъ должностей, и которыя пріобрѣтаются легче дворянами, получающими соотвѣтствующее воспитаніе и образованіе, депутатъ Галицкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства Мотонисъ говорилъ слѣдующее (IV, 170): „Въ нашемъ пространномъ государствѣ можно сыскать множество людей всякаго званія, которые преизрядно воспитываютъ своихъ дѣтей; порочные бываютъ во всякомъ званіи; учатся наукамъ и художествамъ и мѣщанскія и другихъ сословій дѣти; а отцы ихъ служатъ ревностно государю и отечеству".

Изъ высказанныхъ по поводу чтенія въ Москвѣ законовъ о дворянствѣ мнѣній о способахъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства самое радикальное принадлежало депутату отъ города Рузы Смирнову (IV, 214 и 215), къ которому присоединился также депутатъ города Путивля Рожновъ. Смирновъ, выразивъ съ одной стороны желаніе, чтобы „наслѣдники не могли пользоваться чужими трудами безъ своихъ заслугъ", съ другой же стороны, чтобы потомковъ дворянъ не лишать вовсе ихъ достоинства, не принимая въ уваженіе заслугъ ихъ предковъ, предложилъ не оставлять дворянское званіе „по наслѣдству въ вѣчное потомство", но распространить его „по заслугамъ и чину всякаго на нѣсколько колѣнъ", такъ напр., чтобы штабъ или оберъ-офицеръ былъ самъ дворянинъ, его дѣти и внуки; для чиновъ генеральскихъ дворянское достоинство распространялось бы на правнуковъ.

А. Вороновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Николай Михайловичъ Пржевальскій [1]).

Преждевременная смерть у порога пятаго путешествія...

Возвращеніе четвертой экспедиціи Пржевальскаго Петербургъ привѣтствовалъ такъ же горячо, какъ и возвращеніе предыдущей. Великій путешественникъ былъ въ апогеѣ славы. Его заслуги прежде всего были оцѣнены Государемъ. Императору Александру III угодно было наградить полковника Пржевальскаго производствомъ въ генералъ-маіоры и выразить желаніе видѣть его въ генеральскихъ эполетахъ... Обласканный вниманіемъ монарха начальникъ экспедиціи былъ далекъ отъ мысли, что успѣхъ и блестящіе результаты путешествія принадлежатъ ему одному. За нѣсколько дней до производства въ генералы, онъ доносилъ въ Главный штабъ, что большая часть заслугъ экспедиціи „принадлежитъ не мнѣ, а моимъ сподвижникамъ. Безъ ихъ отваги, энергіи и беззавѣтной преданности дѣлу, конечно, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сдѣлано за два года путешествія. Да будетъ же и воздаяніе, достойное подвига". — Всѣ участники экспедиціи удостоились получить по двѣ почетныхъ награды...

Императорское Географическое общество привѣтствовало путешественника въ чрезвычайномъ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны... Въ этомъ собраніи Пржевальскій блестяще прочиталъ первую лекцію, за которой послѣдовалъ рядъ чтеній въ Глав-

[1]) См. „Русская Старина" апрѣль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

номъ штабѣ, Городской думѣ, Академіи Генеральнаго штаба и проч... Интересъ къ путешествію Пржевальскаго увеличивался съ каждымъ разомъ. Друзья и знакомые также не оставляли его въ покоѣ, и Николай Михайловичъ вскорѣ началъ тяготиться Петербургомъ.

„Пребываю еще въ Питерѣ, писалъ онъ А. М. Лушникову, и мучаюсь несказанно; не говоря уже про различныя чтенія и оффиціальныя торжества, мнѣ просто невозможно пройти ста шаговъ по улицѣ—сейчасъ обознаютъ, и пошла писать исторія, съ разными разспросами, привѣтствіями и т. п.

„Искренно благодарю за ваше письмо и за поздравленіе. Только рѣчь о *генеральшѣ* вѣроятно останется безъ исполненія... Въ Центральной Азіи у меня много оставлено потомства—не въ прямомъ, конечно, смыслѣ, а въ переносномъ: Лобъ-норъ, Куку-норъ, Тибетъ и проч.—вотъ мои дѣтища“.

Приволье и просторъ имѣнія Слободы манили Николая Михайловича, и онъ торопился скорѣе оставить Петербургъ и уѣхать въ любимую деревню... Только въ деревнѣ — въ тиши онъ могъ спокойно работать надъ исторіей своего путешествія. .... „Года два, писалъ онъ консулу Петровскому, придется сидѣть за разработкою привезенныхъ матеріаловъ. На счетъ истиннаго положенія Восточнаго Туркестана мнѣ приходилось говорить съ сильными міра сего, но они, сколько я знаю, считаютъ мои слова преувеличенными, другими словами — ложными... Время сдѣлаетъ свое дѣло, и истина всегда возьметъ верхъ надъ ложью и проходимствомъ“...

Двадцатаго марта Пржевальскій прибылъ въ Слободу, и черезъ нѣсколько дней отправился въ лѣсъ, на ночевку, но такъ какъ погода еще стояла холодная, и тетерева токовали плохо, то пришлось возвратиться ни съ чѣмъ, не сдѣлавъ даже ни одного выстрѣла... Въ ожиданіи тепла Николай Михайловичъ занялся осмотромъ „своего маленькаго хозяйства“. Садъ уже почти освободился отъ снѣга; яблони, вишни и сливы выглядѣли отлично; посаженные перваго марта хотанскіе и аксуйскіе дыни и арбузы дали большіе ростки. Разгуливая по саду и наблюдая за его совершенствомъ и весеннимъ пробужденіемъ, Пржевальскій напоминалъ собою лучшаго помѣщика. Всякій новый побѣгъ, всякій новый цвѣточекъ его очень радовалъ. Съ первыми яркими лучами солнца весна незамѣтно развернулась и наполнила воздухъ благоуханіемъ. Съ утра до вечера въ саду и передъ домомъ раздавались голоса прилетныхъ пѣвчихъ птичекъ. Чуткая душа въ общеніи съ весенней природой восторгалась и не давала засиживаться въ комнатахъ: Николай Михайловичъ то уѣзжалъ въ лѣсъ, то разгуливалъ по усадьбѣ и сильно

Библиотека "Руниверс"

сожалѣлъ, что съ нимъ нѣтъ ни Роборовскаго, ни меня, чтобы полнѣе радоваться и полнѣе жить жизнью природы, какъ въ путешествіи. Въ письмахъ къ обоимъ намъ онъ старался сообщить обо всемъ, но главнымъ образомъ о развитіи сада, объ охотахъ, поддерживая въ насъ энергію къ усидчивымъ занятіямъ наукой.

„Какъ ты устроилъ свои занятія? спрашивалъ онъ товарища. Зубри съ утра до вечера, иначе не успѣешь приготовиться. Не отступай передъ трудностями поступленія въ академію, въ этомъ вся твоя будущность".

„Воображаю, писалъ онъ мнѣ, какъ тебѣ бываетъ грустно при хорошей погодѣ. Но, нечего дѣлать, нужно покориться необходимости. Твоя *весна* еще впереди, а для меня уже близится осень. Пожалуйста, *не часто* пиши, лучше учись къ экзамену, послѣ же экзамена пиши каждую недѣлю".

„Не взыщите за то, сообщалъ Пржевальскій супругѣ брата Владиміра Михайловича, что пишу только о тетеревахъ и вальдшнепахъ. Больше отсюда писать не о чемъ. Сейчасъ опять ѣду въ лѣсъ на ночевку".

„Среди лѣсовъ и дебрей смоленскихъ, говорилъ онъ одному изъ петербургскихъ друзей, я жилъ все это время жизнію экспедиціонною, рѣдко когда даже ночевалъ дома — все въ лѣсу, на охотѣ за глухарями, рябчиками и т. п. Вздохнулъ свободно и отошелъ послѣ петербургской суматохи. На-дняхъ (половина апрѣля 1886 года) примусь за писаніе отчета"...

Такимъ образомъ дни за днями проходили въ Слободѣ мирно и спокойно. Большимъ развлеченіемъ служила почта, по временамъ приносившая массу писемъ со всѣхъ концовъ Россіи: Кяхты, Кашгара, Вѣрнаго, Тифлиса и проч. Мнѣ и Роборовскому Николай Михайловичъ писалъ, что до осени никуда не поѣдетъ изъ Слободы, а въ концѣ лѣта будетъ для него праздникъ, когда мы прибудемъ къ нему на отдыхъ. Обстоятельства, однако, сложились такъ, что пріѣздъ Пржевальскаго въ столицу состоялся ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Двадцатаго мая онъ получилъ телеграмму, вызывавшую его въ Петербургъ для присутствованія въ особомъ комитетѣ по обсужденію принятія мѣръ на случай войны съ Китаемъ. Захвативъ съ собою только-что составленную имъ записку, подъ заглавіемъ: „Новыя соображенія о войнѣ съ Китаемъ", Пржевальскій явился на совѣщаніе во всеоружіи. „Вообще на совѣщаніяхъ, говорилъ онъ намъ, длившихся часа по четыре, мое торжество было полное. Мой отчетъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Оппоненты, конечно, были, но они слабы своимъ незнаніемъ...".

Библиотека "Руниверс"

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Петербургѣ, Пржевальскій узналъ, что въ началѣ мая, въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ читалось слѣдующее заявленіе: „Экспедиціи Николая Михайловича Пржевальскаго въ Центральную Азію составляютъ одно изъ самыхъ выдающихся явленій въ исторіи ученыхъ путешествій вообще. Первымъ изъ европейцевъ нашъ знаменитый путешественникъ проникъ въ самый центръ высокой нагорной Азіи и познакомилъ насъ съ мѣстностями, извѣстными до него, и то лишь отчасти, только по скуднымъ китайскимъ источникамъ. Тамъ онъ произвелъ цѣлый рядъ крайне важныхъ открытій и изслѣдованій, вполнѣ оцѣненныхъ какъ у насъ, такъ и за границею и поставившихъ имя его на-ряду съ именами знаменитѣйшихъ путешественниковъ всѣхъ временъ и народовъ.

„Но Н. М. Пржевальскій отнюдь не довольствовался чисто географическими изслѣдованіями, какъ большинство другихъ путешественниковъ, а во всѣхъ четырехъ совершенныхъ имъ экспедиціяхъ собиралъ также и естественно-историческія коллекціи. Добытые имъ изумительно богатые зоологическіе и ботаническіе матеріалы дали намъ возможность опредѣлить составъ и характеръ фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ мы до него, въ этомъ отношеніи, не имѣли ни малѣйшаго представленія.

„Какъ извѣстно, зоологическія коллекціи Н. М. Пржевальскаго принесены имъ въ даръ Академіи и составляютъ безусловно самое важное и существенное обогащеніе, когда-либо поступившее въ нашъ музей. Въ виду этого, Академіи надлежитъ выразить неутомимому путешественнику особенную признательность и выбить въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изобразить портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: „*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*“, а на оборотѣ слова: „*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи 1886 г.*“, окруженныя лавровымъ вѣнкомъ“.

Только теперь разъяснилось загадочное письмо академика Штрауха, и то, для какой цѣли онъ просилъ Пржевальскаго прислать въ академію его фотографическій портретъ, снятый въ профиль...

Восьмого іюля Николай Михайловичъ опять уѣхалъ въ Слободу и вскорѣ съ увлеченіемъ предался лѣтней охотѣ.—Въ жаркую погоду писать невозможно, говорилъ онъ; вплотную я засяду только осенью. Послѣ питерской каторги, теперь отдыхаю въ деревнѣ и ни за что никуда не поѣду до глубокой осени.

Московскій докторъ Остроумовъ, къ совѣту котораго Пржевальскій вынужденъ былъ обратиться изъ-за неожиданной болѣзни

Библиотека "Руниверс"

ногъ, объявилъ ему, что онъ боленъ отъ избытка здоровья.—Вашъ организмъ работаетъ отлично, говорилъ докторъ, но мускульнаго употребленія мало, и избытокъ отлагается въ жиръ въ животѣ. Этотъ жиръ затрудняетъ кровообращеніе и увеличиваетъ вѣсъ тѣла—оттого и опухоль ногъ. Николаю Михайловичу предписана была діэта и купанье два раза въ день.

— Обидно, говорилъ онъ, что квасъ и усладеньки запрещены... можно лишь пить клюквенный морсъ безъ сахару не болѣе восьми стакановъ въ сутки...

На приглашеніе родныхъ прокатиться въ ихъ подмосковную усадьбу, Пржевальскій отвѣчалъ: „Много благодаренъ за ваше любезное предложеніе, жаль только, что мнѣ трудно имъ воспользоваться. Къ Слободѣ я весьма привыкъ, одиночество меня нисколько не стѣсняетъ, охота вокругъ отличная, мѣсто дикое. Словомъ, налицо все, что для меня требуется. Діэту я держу по возможности, купаюсь ежедневно два раза. Что касается до опухоли ногъ, то эту опухоль вѣроятно вылечитъ только пустыня, какъ то и было въ минувшую мою экспедицію. Какъ вольной птицѣ трудно жить въ клѣткѣ, такъ и мнѣ не ужиться среди „*цивилизаціи*“, гдѣ каждый человѣкъ, прежде всего, рабъ условій общественной жизни. Но просторъ въ пустынѣ—вотъ о чемъ я день и ночь мечтаю. Дайте мнѣ горы золота, я за нихъ не продамъ своей дикой свободы... Еще разъ искренно благодарю за вниманіе. По временамъ, ласки пріятны и дикому звѣрю“.

Осенью, въ ноябрѣ, Николай Михайловичъ, какъ и предполагалъ, оставилъ Слободу и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ узналъ, что Императорская германская академія естественныхъ и медицинскихъ наукъ избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а Императорское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ — своимъ почетнымъ членомъ. Но самымъ великимъ днемъ для нашего путешественника былъ день 29 декабря 1886 года—день годового торжественнаго собранія Императорской Академіи Наукъ, въ которой ему была поднесена Академіей золотая медаль его славнаго имени...

„Есть счастливыя имена, сказалъ непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго. Я не думаю, чтобы на всемъ необъятномъ пространствѣ земли русской нашелся хоть

Библиотека "Руниверс"

одинъ сколько-нибудь образованный человѣкъ, который бы не зналъ, что это за имя. Тѣмъ менѣе имѣю я надобность, скажу даже, право, говорить о значеніи Пржевальскаго здѣсь передъ вами. Да и что я могъ бы сказать для васъ новаго, вамъ неизвѣстнаго, даже если бы мнѣ приходилось въ пространной рѣчи развернуть передъ вами длинную одиссею этихъ многолѣтнихъ, нескончаемыхъ, опасныхъ странствованій, по необозримымъ протяженіямъ неизвѣданныхъ еще странъ, гдѣ только одна непреклонная воля, находчивость и отвага помогли путешественнику одолѣть всѣ препятствія, какими на каждомъ шагу преграждали ему путь то силы природы,—высочайшіе на землѣ хребты горъ, съ ихъ холодомъ и бурями, или безбрежныя безлюдныя пустыни, со всѣми ихъ азіатскими ужасами—удушливымъ зноемъ, безводіемъ, ураганами,—то, наконецъ, еще болѣе опасныя преграды—невѣжество, подозрительность и враждебность туземцевъ, а невѣжество есть также сила и даже очень большая, часто неодолимая. Были минуты и не разъ, когда при столкновеніи съ этою силою, одна смѣлость путешественника спасала его отъ вѣрной смерти, и я увѣренъ, что богатырски отстаивая себя въ этихъ случаяхъ, онъ не столько думалъ о спасеніи самого себя, сколько объ охраненіи тѣхъ научныхъ сокровищъ, носителемъ которыхъ онъ былъ въ то время. Да, всѣ лишенія, претерпѣнныя нашимъ путешественникомъ, всѣ опасности—погибнуть въ неравной борьбѣ съ силами природы или сложить свою голову гдѣ-нибудь въ глухой пустынѣ, подъ ножомъ какого-нибудь темнаго азіатца—были жертвами, цѣною которыхъ куплены неисчерпаемыя богатства для науки.

„Эти богатства, зоологическія и ботаническія, составлявшія сами по себѣ цѣлый музей, были подарены имъ музею Академіи наукъ и Императорскому Ботаническому саду. Въ нихъ находится неисчерпаемый источникъ для изученія фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ до Пржевальскаго ученые не имѣли ни малѣйшаго представленія.

„Не смѣю поддаваться искушенію говорить долѣе о такой заманчивой темѣ, какъ заслуги Николая Михайловича. Я обязанъ быть краткимъ и потому скажу только, что имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ—безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ. Поднося ему сегодня выбитую въ честь его медаль, Академія желала какъ бы приложить свою скрѣпу къ давно состоявшемуся единодушному приговору всего ученаго свѣта о великости услугъ, оказанныхъ славнымъ русскимъ путешественникомъ ближайшему познанію природы на огромныхъ, трудно доступныхъ, пространствахъ земного шара“.

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ прекрасный некрологъ для меня и готовъ, повторялъ Пржевальскій подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этой рѣчи; теперь я знаю, что̀ скажутъ послѣ моей смерти...

Быстро прошла зима, наступила весна, а съ нею открылась и выставка коллекцій Николая Михайловича. Въ день открытія, выставку посѣтила царская семья. Августѣйшіе гости провели въ ея обозрѣніи свыше часа времени, при чемъ Императоръ Александръ III нѣсколько разъ благодарилъ Пржевальскаго. Вскорѣ затѣмъ, Николай Михайловичъ получилъ возможность уѣхать въ деревню, чтобы тамъ продолжать описаніе четвертаго путешествія.

Лѣтомъ, 1887 года, въ Слободѣ былъ оконченъ, находившійся въ постройкѣ новый домъ съ мезониномъ, внизу котораго было шесть комнатъ съ прочною мебелью, заказанною въ Петербургѣ. Въ гостиной стоялъ, въ видѣ чучела, тибетскій мишка, державшій въ переднихъ лапахъ подносъ, на которомъ обычно складывались соблазнительныя яблоки и сливы... Надъ медвѣдемъ висѣла превосходная акварель, исполненная другомъ хозяина, А. А. Бильдерлингомъ, и представлявшая возвращеніе Николая Михайловича съ охоты на Лобъ-Норѣ съ богатою добычею [1]). На другихъ стѣнахъ были развѣшаны портреты съ надписями—Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, и нѣсколько фотографій самого владѣльца изъ разныхъ эпохъ его жизни. Въ столовой вдоль стѣнъ красовались художественно исполненныя чучела азіатскихъ фазановъ и голова рогатой красавицы — тибетской антилопы оронго... а въ кабинетѣ, по стѣнамъ, висѣли карты Азіи и хранилось одно бронзовое изваяніе Будды на алмазномъ престолѣ; въ кабинетѣ же, подлѣ письменнаго стола, въ углу, стоялъ шкафъ для ружей, содержавшихся въ образцовомъ видѣ... Возлѣ кабинета была спальня съ могучею оттоманкою-кроватью и матрацомъ изъ хвостовъ дикаго яка.

— Такого матраца нѣтъ ни у кого изъ царей, говорилъ Николай Михайловичъ.

Во второмъ этажѣ было три комнаты, изъ которыхъ въ одной находилась большая библіотека съ книгами преимущественно по географіи и естествовѣдѣнію Азіи.

---

[1]) Послѣ смерти Н. М. Пржевальскаго акварельный портретъ этотъ былъ возвращенъ его автору — барону генералу Бильдерлингу, который по прибытіи моемъ изъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи подарилъ его мнѣ, при письмѣ: „вамъ, какъ ученику и достойному послѣдователю Николая Михайловича, портретъ этотъ можетъ служить пріятнымъ воспоминаніемъ“.

Библиотека "Руниверс"

Дверь изъ гостиной вела черезъ обвитую дикимъ виноградомъ террасу въ садъ, въ которомъ, между прочимъ, росли кусты дикаго ревеню, привезенные изъ Гань-су, въ грунтовомъ сараѣ—сливы, въ парникахъ—хотанскіе арбузы и дыни, въ грядахъ—всевозможныя ягоды... Многія яблони носили имена или самого владѣльца или его друзей-спутниковъ, смотря по тому, кто изъ насъ сажалъ ихъ. Въ саду были дорожки, которыя посыпались пескомъ и вообще содержались въ порядкѣ только ради гостей, въ знакъ вниманія къ нимъ; самъ же Николай Михайловичъ по большей части не признавалъ дорожекъ и ходилъ напрямикъ...

Въ глубинѣ сада находилась „знаменитая хатка", состоявшая изъ трехъ маленькихъ комнатъ. Въ этой хаткѣ, какъ то и было замѣчено выше, Пржевальскій написалъ свои двѣ послѣднія книги. Среди природы работалось какъ-то лучше, дышалось свободнѣе. Завѣтною мечтою владѣльца Слободы было развести зелень у самаго дома такъ, чтобы всю весну пѣли соловьи. И когда онъ этого достигъ, то былъ страшно счастливъ. Едва бывало соловей подастъ вечерній голосъ, какъ Николай Михайловичъ оставлялъ работу, садился у окна и погружался въ думы... Воображенію его рисовались уголки Гань-су, красавецъ Тэтунгъ и его пернатые обитатели... Я неоднократно заставалъ его въ такомъ видѣ, и всегда Николай Михайловичъ замѣчалъ мнѣ: „вѣдь я здѣсь только тѣломъ, духъ же мой постоянно витаетъ въ Азіи"...

.... „Видъ изъ дома на озеро и лѣсъ великолѣпный, писалъ Пржевальскій своему другу-родственнику, у самаго балкона ключевой прудъ; кругомъ садъ, очень хорошій для здѣшнихъ мѣстъ. На-дняхъ я купилъ въ Смоленскѣ еще грунтовый сарай, — изъ сливъ и вишенъ. Новый домъ законченъ и удачно обставленъ. Не думайте только, что я желаю уже осѣсться,—нѣтъ, до этого, я полагаю, еще далеко".

Въ тайникѣ души Николай Михайловичъ мечталъ о „блаженной минутѣ" новаго путешествія, о той минутѣ, которая могла наступить только по окончаніи описанія четвертаго путешествія, а оно подвигалось „черепашьимъ шагомъ"...—„Какъ вы думаете, спрашивалъ онъ консула въ Кашгарѣ, можно ли *безъ приключеній* пройти черезъ Кашгаръ, Яркендъ, въ Хотанъ и Лобъ-Норъ, а оттуда въ Тибетъ, отрядомъ человѣкъ въ тридцать. По-моему, китайцы нарочно вызовутъ столкновеніе, чтобы затормозить путь въ Тибетъ... Идти изъ Кяхты несравненно надежнѣе, за то нужно даромъ тащиться черезъ Гоби. Обо всемъ этомъ я спрашиваю такъ себѣ, на всякій случай".

Библиотека "Руниверс"

Такъ разсуждалъ Пржевальскій весною, а осенью уже болѣе опредѣленно говорилъ: „Хочу еще разъ сходить въ Тибетъ, хочу посмотрѣть Далай-Ламу. Нужно двадцать-тридцать стрѣлковъ и головой ручаюсь, что буду въ Лхасѣ. Пусть попробуютъ туда сходить синологи, съ своею китайскою грамотою и плаксивыми проповѣдями мира".

Какъ разъ въ это время, послѣ окончанія училища, я гостилъ у Николая Михайловича. Здѣсь меня ожидалъ чудный подарокъ—ружье-дробовикъ, изготовленное по заказу въ Вѣнѣ. Нѣжный сердцемъ, обаятельный душою, отецъ-другъ — Пржевальскій встрѣтилъ меня самымъ удивительнымъ образомъ. Никогда я не забуду счастливыхъ минутъ, когда „слободская" тройка подкатила меня къ крыльцу новаго дома, гдѣ, оріентировавшись по колокольчику подъ дугой, уже стоялъ радушный хозяинъ. На лицѣ Николая Михайловича играла очаровательная улыбка... Весь его штатъ—няня Макарьевна, управляющій Денисовъ, гренадеры - охотники, даже дворовый поваръ Архипъ—всѣ эти хорошіе люди находились тутъ же, и всѣ они такъ же улыбались и такъ же крѣпко обнимали меня, какъ и самъ Николай Михайловичъ. Прежде нежели войти въ домъ, Пржевальскій повелъ меня къ вѣсамъ, опредѣлилъ мой вѣсъ, отмѣтилъ цифру въ своей памятной книжкѣ, чтобы потомъ, передъ отъѣздомъ сдѣлавъ то же самое, знать результатъ пребыванія гостя въ Слободѣ. Только потомъ, взявъ подъ руку, Николай Михайловичъ повелъ меня въ домъ, на верхъ, въ „*мою*" комнату, „чтобы привести себя въ порядокъ". Затѣмъ, мы спустились внизъ — въ кабинетъ, гдѣ невольно остановились у шкафа съ оружіемъ. Николай Михайловичъ или „Пшева", какъ я часто называлъ его, заставилъ меня взять въ руки, „поздороваться" сначала съ штуцеромъ Ланкастеромъ, потомъ съ дробовикомъ Пёрде, тѣмъ и другимъ прицѣлиться или приложиться. „Вотъ, иносказательно замѣчаетъ Пржевальскій, „Лянъ" (сокращенное Ланкастеръ) скучаетъ по тибетскимъ медвѣдямъ и дикимъ якамъ, и зоветъ меня опять *туда*. Пожалуй, пойдемъ, какъ ты думаешь? — Я, улыбаясь, тихо произнесъ: „конечно пойдемъ!" Изъ кабинета, черезъ гостиную, проходимъ въ столовую, гдѣ насъ ожидаютъ всякаго рода заѣдочки, усладеньки, запивочки... Говоримъ не наговоримся... при видѣ чучелъ голубого фазана, зеленаго всэре, вспоминаемъ Гань-су, Тэтунгъ; при видѣ оронго—Тибетъ... А виды въ окна манятъ въ садъ. Вотъ терраса, вотъ прудъ, вотъ родная хатка, а вотъ и холмъ съ знакомыми березами, подъ сѣнью которыхъ мы столько разъ подолгу

Библиотека "Руниверс"

засиживались, любуясь на открытыя воды озера Сопша и на заозерный лѣсъ, убѣгавшій вдаль темной синевою...

Дыша полной грудью, я скоро опьянѣлъ отъ здороваго деревенскаго воздуха, слободская же тишина и дружеское общеніе съ Пржевальскимъ очаровали мою душу... я долго не могъ заставить себя уйти съ холма, а между тѣмъ на землю спустилась ночь, небо заискрилось звѣздами...—А помнишь ли, Кизо, заговорилъ вдругъ Николай Михайловичъ, тотъ вечеръ, который рѣшилъ твою судьбу, тотъ вечеръ — когда ты одинъ сидѣлъ на крыльцѣ пашеткинскаго домика и любовался небомъ; помнишь ли, какъ я, проходя тогда въ свою хатку, спросилъ тебя: „чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?“ а ты отвѣтилъ мнѣ: „любуюсь красотою неба, которое *тамъ* у васъ, въ Азіи, должно быть еще чище, еще прозрачнѣе!... Тотъ вечеръ ты долженъ помнить: въ тотъ вечеръ твоя душа открылась мнѣ, и я узналъ въ тебѣ своего будущаго спутника—родную, близкую душу“. Мечты наши далеко унеслись по пространству и по времени и еще сильнѣе манила насъ къ себѣ наша *завѣтная* даль...

Въ ближайшіе дни я объѣхалъ всѣ знакомыя красивыя окрестности, но по-прежнему самымъ любимымъ моимъ мѣстомъ оставалась Чортова гряда, открывавшая во всю ширь Слободское озеро. За все время моего пребыванія въ Слободѣ стояла пріятная—ясная погода, давшая возможность отлично поохотиться и на рѣкѣ и въ лѣсу „съ загономъ“. Въ тѣ дни, когда Николай Михайловичъ сидѣлъ за писаніемъ книги, я приводилъ въ порядокъ и разставлялъ въ шкафы его интересную библіотеку. Такимъ образомъ незамѣтно промелькнуло время моего отпуска, за которое я хорошо отдохнулъ, еще лучше поправился и прибылъ въ вѣсѣ, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе гостепріимному хозяину. Теперь я долженъ былъ ѣхать къ мѣсту новой службы въ Москву, и ждать оффиціальнаго назначенія въ составъ пятой экспедиціи Пржевальскаго...

Разставаніе со Слободой было самое трогательное: рѣдкій родной отецъ такъ сердечно, съ такою горячею любовью напутствуетъ и провожаетъ своего сына, какъ напутствовалъ и проводилъ меня мой незабвенный учитель...

Самъ Николай Михайловичъ засидѣлся въ Слободѣ до полнаго окончанія книги, — до марта 1888 года, когда прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же представилъ совѣту Императорскаго Географическаго Общества программу своего будущаго *пятаго* путешествія и на этотъ разъ исключительно въ Тибетъ. Срокомъ для путешествія онъ назначалъ два года и исходнымъ пунктомъ для

Библиотека "Руниверс"

Прапорщикъ
Николай Михайловичъ
Пржевальскій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

окончательнаго снаряженія экспедиціи—городъ Караколъ въ Семирѣчьи. Отсюда, осенью 1888 года, онъ предполагалъ двинуться черезъ Тянь-Шань на Аксу и по Хотанской рѣкѣ въ Хотанъ; далѣе, черезъ Кэрію и Черченъ въ Гасъ, гдѣ разсчитывалъ устроить складъ, подъ охраною семи или восьми казаковъ. Весна и лѣто 1889 года назначались для изслѣдованія сѣверо-западнаго Тибета, къ югу и юго-западу отъ Гаса. Возвратившись затѣмъ къ складу, обновивъ запасы и перемѣнивъ вьючныхъ животныхъ, онъ располагалъ раннею осенью двинуться къ Лхасѣ.

„Если, писалъ Пржевальскій, пріемъ намъ будетъ радушный,—пойдемъ изслѣдовать восточную тибетскую провинцію Камъ. Если же встрѣтимъ въ Лхасѣ недружелюбіе, то придется возвратиться отсюда тѣмъ или другимъ путемъ въ Цайдамъ, куда зимою 1889—90 гг. перейдетъ изъ Гаса и нашъ складъ. Весна и лѣто 1890 года будутъ тогда посвящены, смотря по обстоятельствамъ, или изслѣдованіямъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ или въ Тибетѣ западномъ, по направленію къ Ладаку. Позднею осенью того же 1890 года путешествіе, вѣроятно, закончится“.

Такова была, въ общихъ чертахъ, программа новаго путешествія, на расходы которой, сверхъ получаемаго по службѣ содержанія, исчислялось около пятидесяти тысячъ рублей. Въ составъ экспедиціи назначались: поручикъ Роборовскій, пишущій эти строки—подпоручикъ Козловъ, шесть нижнихъ чиновъ изъ Московскаго военнаго округа, пять человѣкъ солдатъ и казаковъ изъ Забайкалья и тринадцать стрѣлковъ и казаковъ изъ Туркестана.

Получивъ разрѣшеніе предпринять новое путешествіе, Пржевальскій сталъ дѣятельно готовиться къ отъѣзду и прежде всего торопился окончаніемъ печатанія своей книги, а затѣмъ обезпеченіемъ изданія научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій, за счетъ двадцати пяти тысячъ рублей, пожалованныхъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. „При этомъ, писалъ онъ, рѣшаюсь высказать свое личное желаніе о томъ, дабы деньги, вырученныя отъ продажи предполагаемаго изданія, были обращены въ капиталъ моего имени, устроенный съ Высочайшаго соизволенія, при Академіи Наукъ, для зоологическихъ цѣлей“.

Выяснивъ эти вопросы и сознавая въ глубинѣ души, что опубликованіемъ своихъ научныхъ результатовъ экспедиціи онъ всецѣло обязанъ покровительству Государя Наслѣдника Цесаревича, Николай Михайловичъ считалъ своею нравственною обязанностью принести посильную дань благодарности Его Высочеству, и просилъ военнаго министра ходатайствовать предъ Государемъ Императо-

Библиотека "Руниверс"

ромъ о дозволеніи посвятить Государю Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія въ Центральной Азіи.

Разрѣшеніе послѣдовало, и въ началѣ августа книга была издана, подъ заглавіемъ: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. *Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета, и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима*“.

Между тѣмъ вѣсть о новой экспедиціи Пржевальскаго облетѣла весь Западъ. Встревоженныя лондонскія газеты указывали на странное, по ихъ мнѣнію, совпаденіе этого путешествія съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій между Англіей и Тибетомъ, при чемъ выставляли на видъ, что такъ какъ политика всѣхъ азіатскихъ дворовъ основана отчасти на соперничествѣ между Англіей и Россіей, то въ Тибетѣ уже начинаютъ обнаруживаться симпатіи къ послѣдней. Газеты эти присовокупляли, что азіатская политика Россіи всегда искусно умѣла пользоваться проявляющимся въ азіатскихъ народахъ сочувствіемъ къ Россіи, а потому весьма возможно, что экспедиція Пржевальскаго имѣетъ цѣлью именно поощреніе тибетцевъ къ сопротивленію Англіи...

Но самая главная задержка была устроена китайцами, долгое время не соглашавшимися выдать экспедиціи паспортъ.

Все это крайне безпокоило Пржевальскаго, и онъ рѣшился идти на проломъ. ...„Я готовъ идти въ Тибетъ, говорилъ онъ, и безъ китайскаго паспорта, если получу на то Высочайшее соизволеніе. Двинуться въ путь необходимо, по мѣстнымъ условіямъ, предстоящею осенью, въ видахъ чего снаряженіе экспедиціи почти все уже заготовлено. Кромѣ того, объ этомъ путешествіи уже заявлено не только въ нашей, но и въ заграничной печати“...

Къ счастью, энергичное настояніе нашего посланника въ Пекинѣ сдѣлало свое дѣло, и китайское министерство согласилось, наконецъ, выдать Пржевальскому паспортъ на путешествіе въ Тибетъ, но только съ конвоемъ не болѣе шестнадцати человѣкъ. Впрочемъ, маркизъ Ценгъ присовокупилъ, что увеличеніе состава экспедиціи можетъ быть сдѣлано прибавкою людей подъ кличкою прислуги или препараторовъ, переводчиковъ и проч.

Собираясь въ новый далекій путь, Пржевальскій не выказывалъ уже того увлеченія, которымъ сопровождались обыкновенно

Библиотека "Руниверс"

прежніе его отъѣзды изъ Петербурга.—„Умно Иринчиновъ [1]) сдѣлалъ, говорилъ онъ, что не идетъ въ путешествіе. Онъ умнѣе въ этомъ случаѣ меня; нравственно я тоже чувствую себя слабымъ, усталымъ, хотя физически крѣпокъ".

Николаю Михайловичу было тяжело оставить свою няню и Слободу, къ которой онъ сильно привязался. „Поѣдемъ въ экспедицію въ половинѣ августа, писалъ онъ своему управляющему, Макарьевнѣ передайте какъ-нибудь помягче о томъ, что я ѣду на два года. Увѣрьте ее, и это совершенно справедливо, что въ это время здѣсь можетъ быть война, такъ что мнѣ въ пустыняхъ Азіи будетъ безопаснѣе. Нужно только какъ-нибудь обставить Макарьевну, чтобы она не скучала. Расходы я для этого сдѣлаю, какіе угодно. Пусть откуда хочетъ выпишетъ себѣ подругу, или возьметъ кого-либо изъ родственниковъ,—я на все согласенъ, лишь бы моя любимая старуха могла жить спокойно. Затѣмъ, на васъ я вполнѣ надѣюсь; откровенно говорю, что туго я привязываюсь къ человѣку, за то эта привязанность бываетъ прочная".

Въ іюлѣ Пржевальскій въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ свою любимую Слободу, составилъ инструкцію для управляющаго и сдѣлалъ послѣднія хозяйственныя распоряженія. Въ это время, къ его большому огорченію, заболѣла Макарьевна воспаленіемъ почекъ,—болѣзнью весьма серьезною и не дававшею надежды на выздоровленіе. Это обстоятельство очень сильно печалило Николая Михайловича, и онъ тѣмъ болѣе сокрушался, что долженъ былъ оставить ее въ такомъ видѣ передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе. На пятое августа назначенъ былъ отъѣздъ изъ Слободы.

Николай Михайловичъ грустилъ и видимо не торопился ѣхать. Вставъ ранѣе обыкновеннаго, онъ наскоро напился чаю и распорядился о завтракѣ. Вскорѣ пріѣхали сосѣди попрощаться и проводить отъѣзжающаго; собрались также всѣ служащіе, не исключая и рабочихъ. Не сказавъ никому ни слова, съ опущенной головой, Николай Михайловичъ вышелъ черезъ террасу въ садъ, побывалъ въ любимой хаткѣ, обошелъ всѣ знакомыя мѣста, порою останавливался, словно прощался съ родной слободской природой: на глазахъ его были слезы...

---

[1]) Урядникъ Иринчиновъ—заслуженный спутникъ Н. М. Пржевальскаго, принимавшій участіе во всѣхъ его четырехъ экспедиціяхъ въ Центральной Азіи. На этотъ разъ Иринчиновъ не рѣшился идти въ путешествіе, чувствуя себя слабымъ и сознавая, что если отправится съ экспедиціей, то домой не вернется.

Библиотека "Руниверс"

Собравъ всѣхъ насъ—спутниковъ, онъ отправился къ больной нянѣ; тяжелыя, горькія рыданія огласили комнату...—Въ послѣдній разъ!.. сказала со вздохомъ старушка и смолкла... На исхудаломъ пожелтѣвшемъ лицѣ перемѣщались судороги; сухія губы какъ-то произвольно двигались, влажные глаза скользили по нашимъ лицамъ... Прощаясь съ нянею, Николай Михайловичъ горько плакалъ и просилъ ее себя благословить.

Еще болѣе грустнымъ вернулся онъ къ себѣ въ домъ и прямо прошелъ въ кабинетъ. Чтобы хоть немного успокоить его, вслѣдъ за нимъ направился г. Денисовъ, обѣщая все, что не будетъ превышать его силъ, исполнить въ точности и слѣдовать его приказаніямъ.

— На счетъ Слободы я спокоенъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ; но меня больше всего печалитъ то, что моя любимая няня должна умереть безъ меня.

Завтракъ прошелъ въ самомъ грустномъ, подавленномъ настроеніи. Перецѣловавъ всѣхъ присутствующихъ, Николай Михайловичъ снова вышелъ на террасу и на одной изъ колоннъ краснымъ карандашемъ написалъ: *„5 августа 1888 г. До свиданія, Слобода. Н. Пржевальскій.* Затѣмъ подозвалъ всѣхъ насъ, чтобы и мы по-старшинству подписались—В. Роборовскій, П. Козловъ, Телешовъ, Нефедовъ...

Сѣвъ въ телѣжку, Пржевальскій тронулся въ путь, и когда Слободское озеро стало уходить изъ глазъ, онъ всталъ, обернулся назадъ и сказалъ: „ну, теперь прощай, мое озеро!“ Съ дубовыхъ же вѣтокъ, спускавшихся надъ экипажемъ, онъ сорвалъ два слободскихъ желудя и, бережно завернувъ въ бумажку, спряталъ ихъ къ себѣ въ дорожную сумочку...

— День этотъ, говорилъ Николай Михайловичъ, былъ для меня такой тяжелый, какихъ я, кажется, еще не испытывалъ въ своей жизни. Приходилось прощаться съ Макарьевной, безъ надежды когда-либо ее увидѣть.

„Никогда онъ не плакалъ такъ при разставаніи съ нами, говоритъ и его племянникъ Владиміръ Владиміровичъ Пржевальскій—теперешній владѣлецъ Слободы, какъ послѣдній разъ; онъ сталъ прощаться и первый заплакалъ. Вѣроятно, тяжелое предчувствіе давило ему сердце“...

Вообще, передъ послѣднимъ отъѣздомъ Пржевальскій не былъ похожъ на прежняго Пржевальскаго. Онъ каждый разъ сердился, когда мы, его спутники, говорили между собою, что будемъ дѣлать по возвращеніи въ Слободу.—Развѣ объ этомъ можно говорить,

Библиотека "Руниверс"

замѣчалъ онъ, развѣ вы не знаете, что жизнь каждаго изъ насъ не одинъ разъ будетъ висѣть на волоскѣ. Еще будучи лѣтомъ въ Петербургѣ и сидя вдвоемъ въ Столярномъ, Николай Михайловичъ строго сказалъ мнѣ: „вотъ попомни мое слово—не добромъ кончится наша экспедиція!"... Тогда я конечно не обратилъ на эти слова никакого вниманія, а черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца пророчество ихъ сбылось...

Въ среду, десятаго августа, Пржевальскій имѣлъ счастіе представиться въ Петергофѣ Государю Императору и поднести свою книгу: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи"... „Пріемъ былъ такой милостивый, говорилъ онъ, о какомъ я и не воображалъ. Меня провожали и напутствовали, какъ родного. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ просилъ писать ему и вообще чаще давать знать о себѣ и экспедиціи".

Восемнадцатаго августа, провожаемый самымъ тѣснымъ кружкомъ друзей, Николай Михайловичъ въ послѣдній разъ оставилъ Петербургъ. Уже на ходу, въ открытое окно, онъ проронилъ орнитологу Ѳ. Д. Плеске: „Если меня не станетъ, то обработку птицъ поручаю вамъ". Поѣздъ быстро скрылся, и путешественники остались одни. На глазахъ Николая Михайловича замѣтны были слезы.— „Что же! надо успокоиться, говорилъ онъ, какъ бы оправдываясь въ небываломъ явленіи, ѣдемъ на свободный, пріятный, славный трудъ. Теперь мы вооружены прекрасно, и жизнь наша дешево не достанется; умереть же за славное дѣло—пріятно!"

Въ Москвѣ была получена телеграмма на мое имя о кончинѣ няни Пржевальскаго Макарьевны. „Роковая вѣсть, писалъ онъ Е. С. Денисову, о смерти Макарьевны застала меня достаточно уже подготовленнымъ къ такому событію. Но все-таки тяжело, очень тяжело. Вѣдь я любилъ Макарьевну, какъ мать родную... Тѣмъ дороже для меня была старуха, что и она любила меня искренно... Прощай, прощай, дорогая—такъ скажите отъ меня на ея могилѣ.

„Оставьте для меня чашку и блюдце, изъ которыхъ Макарьевна пила чай, и еще что-нибудь изъ ея вещей на память. Книгу, посланную Макарьевнѣ, положите въ мою библіотеку"...

...„Горе, которое стряслось надо мною, писалъ онъ двѣ недѣли спустя, я не забылъ еще до сихъ поръ. Нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнишь о Макарьевнѣ. На похороны ея я не поѣхалъ только потому, что не могъ, по чувству долга, отложить свой отъѣздъ изъ Москвы въ путешествіе. Съ другой стороны, эта вторая поѣздка въ Слободу,

Библиотека "Руниверс"

навѣрное, повліяла бы на мое здоровье болѣе, чѣмъ все путешествіе, чего я также не имѣлъ права допустить надъ собою".

Двадцать четвертаго августа экспедиція выѣхала изъ Москвы. „Въ четыре часа, записалъ Пржевальскій въ дневникѣ, почтовый поѣздъ Нижегородской дороги повезъ меня въ *„пятое"* путешествіе въ Центральной Азіи. Радость великая!.. Опять впереди свобода и дѣло по душѣ... Но для успѣха его необходимо прежнее счастіе, которое да не отвернется нынѣ отъ меня"...

На слѣдующій день мы пересѣли на пароходъ „Фельдмаршалъ Суворовъ" и поплыли „внизъ по матушкѣ Волгѣ"... Погода стояла превосходная, въ особенности по вечерамъ, когда мы долго засиживались на палубѣ, бесѣдуя то о Слободѣ, то объ Азіи. Азія навѣвала развлеченіе, Слобода же и смерть Макарьевны повергали въ тяжелое раздумье.—„Дай-ка ты мнѣ твою руку", обращаясь ко мнѣ, говорилъ Николай Михайловичъ, „я посмотрю на ней линіи; ты вѣдь знаешь, что мнѣ сказалъ Л. К. Артамоновъ—„жизнь моя коротка", а твоя... твоя длиннѣе моей... Завидую я твоей молодости... А что, если меня не станетъ, пойдешь ли ты съ кѣмъ-нибудь или нѣтъ?" На этотъ вопросъ, много разъ предложенный мнѣ Николаемъ Михайловичемъ, я не въ состояніи былъ отвѣтить и не отвѣтилъ, а онъ продолжалъ:—„искренняго друга трудно найти, а безъ искренняго друга не надо пускаться... А я, увидишь, долго не проживу, а ужъ если умирать, то я желалъ бы не дома, а гдѣ-либо въ путешествіи—въ горахъ или на берегу большого озера"...

Оставивъ Волгу и Каспійское море, мы покатили по Закаспійской желѣзной дорогѣ и седьмого сентября прибыли въ Самаркандъ. Эта новая дорога произвела на Пржевальскаго отрадное впечатлѣніе. „Словно въ сказкѣ, писалъ онъ Ѳ. А. Фельдману, несешься въ вагонѣ по сыпучимъ пескамъ, или по безплодной и безводной равнинѣ. Послѣ первой ночи ѣзды отъ Каспія является Кизылъ-Арватъ, къ вечеру того же дня Асхабадъ, на-завтра утромъ Мервъ и т. д. до Самарканда. Черезъ Аму-Дарью переброшенъ мостъ, который, правда, трещитъ и колышется, но тѣмъ не менѣе поѣздъ проходитъ благополучно изъ Туркменіи въ бухарскіе предѣлы. Вообще Закаспійская дорога—созданіе смѣлое и съ большимъ значеніемъ въ будущемъ и въ своемъ цѣломъ заслуживаетъ больше похвалы и удивленія, чѣмъ порицанія и нападокъ"...

Въ Самаркандѣ экспедиція остановилась въ домѣ инженера Н. И. Толпыго—своднаго брата Пржевальскаго, который, зная привычки Николая Михайловича, позаботился пріютить и размѣстить

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ насъ самымъ наиудобнѣйшимъ образомъ. Главное, домъ былъ въ саду и затѣненъ высокими и развѣсистыми деревьями абрикосовъ... Городского шума не было слышно, улицы поливались, дышалось легко. Заѣдочекъ и усладенекъ, въ родѣ мѣстныхъ фруктовъ, было вдоволь, и Николай Михайловичъ чувствовалъ себя хорошо, бодро распоряжаясь о приготовленіяхъ къ дальнѣйшему движенію экспедиціи.

Н. И. Толпыго проводилъ насъ до Ташкента. Прощаясь съ нимъ, Пржевальскій говорилъ: „Теперь для насъ одинъ маршрутъ—впередъ до Лхасы. Черезъ два года увидимся. Срокъ этотъ крупный въ обыденной жизни, но не особенно дологъ для великихъ дѣлъ“.

Дальнѣйшій путь до Каракола предстоялъ исключительно почтовый съ продолжительной остановкой въ Пишпекѣ, изъ котораго Николай Михайловичъ уѣзжалъ въ Вѣрный за полученіемъ купленнаго тамъ китайскаго серебра, на расходы въ предстоявшемъ путешествіи. На обратномъ пути уже вблизи Пишпека, среди камышевыхъ зарослей, онъ встрѣтилъ массу фазановъ и на слѣдующій день отправился съ Роборовскимъ поохотиться за этими красивыми пернатыми. Эта поѣздка вышла роковой: охотясь въ камышахъ, Николай Михайловичъ нѣсколько разъ пилъ сырую воду какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ жили киргизы, повально-страдавшіе тифомъ. Мы долгое время не хотѣли вѣрить, чтобы Пржевальскій могъ позволить себѣ дѣлать то, чего не позволялъ намъ, въ данномъ случаѣ—никогда не пить некипяченую воду, а самъ... самъ пилъ и самъ признался въ этомъ...

Покончивъ вопросъ съ покупкой верблюдовъ и другими менѣе сложными дѣлами, Николай Михайловичъ восьмого октября оставилъ Пишпекъ, а десятаго уже прибылъ въ Караколъ. На слѣдующее утро пріѣхали туда и я съ Роборовскимъ. На наше замѣчаніе, послѣ первыхъ привѣтствій, какой Николай Михайловичъ чистенькій и приличный, онъ намъ отвѣтилъ: „да, братцы! я видѣлъ себя сегодня въ зеркало такимъ старымъ, страшнымъ, что просто испугался и скорѣе выбрился“.

Въ небольшихъ каракольскихъ домишкахъ, Пржевальскому не нравилось—не хватало простора, чистоты, воздуха... Въ одинъ день пришлось перемѣнить нѣсколько квартиръ, и даже та, на которой онъ, наконецъ, остановился—его не удовлетворяла.—Здѣсь, говорилъ онъ, тоже мрачно, гадко и выйти некуда; по улицамъ же шляться я не люблю. Надо посмотрѣть мѣсто за городомъ, ближе къ горамъ, тамъ поселимся въ юртахъ, по-экспедиціонному. Оттуда

Библиотека "Руниверс"

можно сходить и на охоту, въ ущелье, устроить облаву на дикихъ козъ; тяньшанская коза должна быть интересна—въ музеѣ нѣтъ.

Четырнадцатаго октября мы расположились бивуакомъ за городомъ. Пржевальскій самъ приводилъ въ порядокъ бумаги, денежные разсчеты и выдалъ намъ записочки, сколько нашихъ денегъ находится у него на храненіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, переходя изъ города на бивуачное расположеніе, онъ отдалъ приказъ по экспедиціонному отряду, въ которомъ перечислилъ поименно всѣхъ въ него вошедшихъ лицъ, распредѣлилъ между ними должности и разные виды занятій во время путешествія и проч.

„Итакъ, писалъ онъ въ заключеніе, начинается наше путешествіе! Дѣло это будетъ трудное, за то и славное. Теперь мы на виду не только всей Россіи, но даже цѣлаго свѣта. Покажемъ же себя достойными такой завидной участи и сослужимъ для науки службу молодецкую...

„Впереди, на цѣлые два года, насъ ждетъ непрерывный рядъ трудовъ, лишеній и опасностей, но помните, что смѣлымъ Богъ владѣетъ, и что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба—не пропадаютъ“.

На слѣдующій день Николай Михайловичъ имѣлъ уже видъ больного человѣка и впервые пожаловался на нездоровье, но пригласить доктора не соглашался.—Не въ первый разъ это, говорилъ онъ, и такъ пройдетъ. Все время, въ теченіе дня, онъ находился въ юртѣ въ полу-лежачемъ положеніи и самъ себѣ измѣрялъ температуру и отсчитывалъ пульсъ. У пріѣхавшаго навѣстить его штабсъ-капитана Хацитовскаго онъ спрашивалъ, часто ли бываетъ здѣсь тифъ, въ какихъ формахъ проявляется эта болѣзнь и проч.

Въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое октября больной спалъ не спокойно, температура повысилась, но утромъ онъ почувствовалъ маленькое облегченіе и вышелъ на воздухъ. Шагахъ въ трехстахъ расположился бурый грифъ и привлекъ вниманіе Пржевальскаго. Николай Михайловичъ спросилъ его любимую „американку“—и выстрѣломъ изъ нея эффектно убилъ грифа. Стоявшіе поодаль киргизы ахнули отъ удивленія. Вскорѣ грифа притащили на бивуакъ и, любуясь этой царственной птицей, Пржевальскій замѣтилъ: вотъ это для меня самое лучшее лекарство...

...Утромъ семнадцатаго числа, болѣзнь Николая Михайловича усилилась, и онъ согласился, наконецъ, послать за докторомъ. Докторъ И. И. Крыжановскій нашелъ больного въ юртѣ, въ сидячемъ положеніи, въ мѣховой тужуркѣ, такъ какъ на дворѣ и въ юртѣ

Библиотека "Руниверс"

было порядочно холодно. Больной жаловался на боль подъ ложечкой, тошноту, рвоту, отсутствіе аппетита, жажду, боли въ ногахъ и затылкѣ и тяжесть въ головѣ. Докторъ тщательно осмотрѣлъ его и выслушалъ. При изслѣдованіи оказалось: цвѣтъ лица съ самымъ незначительнымъ желтоватымъ оттѣнкомъ; языкъ сухой, животъ очень большой и вздутый, толчки сердца и пульсъ слабые.

Прописавъ лекарство, докторъ обѣщалъ заѣхать на слѣдующій день и, хотя лекарство его оказало свое дѣйствіе, но къ утру положеніе больного улучшилось весьма немного. Въ юртѣ было холодно, топить же ее Николай Михайловичъ не позволялъ, такъ какъ ему трудно было смотрѣть на мерцающій огонь, да кромѣ того, пока разгораются дрова, обыкновенно юрта наполняется дымомъ, который ѣстъ глаза, а когда дрова разгорятся, то дѣлается жарко.

Весь этотъ день больной ничего не ѣлъ, пилъ только чай съ клюквеннымъ экстрактомъ, немного дремалъ и изъ юрты не выходилъ.

Болѣзнь не поддавалась леченію, и докторъ Крыжановскій предложилъ ему возвратиться въ городъ и помѣститься въ какомъ-нибудь домѣ. Жизнь въ холодной юртѣ, постоянное нахожденіе въ мѣховой одеждѣ, лежаніе на войлокѣ и на землѣ—все это могло только ухудшить и безъ того тяжелое положеніе больного. Пржевальскій соглашался переѣхать въ домъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы отыскали ему помѣщеніе внѣ города и при томъ такое, возлѣ котораго можно было бы расположить весь отрядъ, багажъ и верблюдовъ. Такимъ требованіямъ удовлетворялъ вполнѣ глазной баракъ каракольскаго лазарета. Это было кирпичное зданіе, сухое и теплое, съ хорошимъ поломъ и печкой. Стѣны были немедленно выбѣлены, полъ вымытъ и баракъ протопленъ съ открытыми окнами. На дворѣ было поставлено нѣсколько юртъ для насъ, офицеровъ, и для конвоя. Барачный дворъ далъ возможность свободно размѣститься всей экспедиціи. Площадь двора была обсажена аллеями ивъ, орошаемыхъ сѣтью арыковъ, проведенныхъ изъ горной рѣчки Караколки.

Съ самаго ранняго утра восемнадцатаго октября у Николая Михайловича открылось непрерывное кровотеченіе. Освѣдомленный объ этомъ Крыжановскій явился въ сопровожденіи старшаго врача мѣстнаго лазарета Барсова. Они нашли Пржевальскаго въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки, за которымъ послѣдовалъ обильный потъ. Передъ выступленіемъ пота, больной чувствовалъ себя очень скверно.

— Воздуху не хватаетъ, твердилъ онъ.

Лишь только сдѣлалось нѣсколько легче, какъ Николай Михайловичъ изъявилъ желаніе переѣхать въ приготовленный для него домъ. Ему надѣли шубу и валенки, посадили въ тарантасъ и ша-

Библиотека "Руниверс"

гомъ перевезли въ баракъ. Это новое помѣщеніе ему, повидимому, понравилось, и возбудился нѣкоторый аппетитъ: онъ съѣлъ куринаго супа и выпилъ немного вина.

Вслѣдъ за симъ ему сдѣлалось опять хуже—опять появилось кровотеченіе носомъ, и температура поднялась до 40,4°. Находившійся безотлучно при больномъ фельдшеръ показалъ намъ глазами на термометръ.

— Сколько? спросилъ Николай Михайловичъ, слѣдившій за глазами фельдшера.

— Тридцать восемь съ небольшимъ, почти тридцать девять, отвѣчалъ фельдшеръ.

Больной приказалъ показать себѣ термометръ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ—порядочно выше.

Въ двѣнадцать съ половиною часовъ ночи пришелъ докторъ, которому больной жаловался, что животъ давитъ ему грудь и не даетъ дышать. Его вытерли камфорнымъ спиртомъ, послѣ чего сталъ замѣчаться упадокъ силъ, больной началъ дремать и изрѣдка бредилъ (картинами путешествія, пролетными птицами и проч.). Приходя въ сознаніе и видя себя окруженнымъ нами, онъ говорилъ совершенно спокойно и твердо о своей близкой смерти.

— Я нисколько не боюсь смерти, говорилъ онъ, и нѣсколько разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней. Замѣчая на нашихъ глазахъ слезы, онъ называлъ насъ *„бабами“*.

— Похороните меня непремѣнно на Иссыкъ-кулѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте простую: „Путешественникъ Пржевальскій“. Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты, обращаясь къ Роборовскому, сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Пердё—Козлову, Слободу *передаю* Володѣ, въ майоратъ; если онъ откажется, Лялѣ—дочери брата Евгенія Михайловича. Ефиму Сергѣевичу наградныхъ триста рублей. „Нефедку“—гренадера-спутника—пристроить навсегда въ Слободѣ. Мои спеціальные журналы: съ замѣтками о звѣряхъ—Бихнеру, съ замѣтками о птицахъ—Плеске...

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ.

— Скажите, докторъ, долго ли я проживу? спросилъ Николай Михайловичъ. Мнѣ надо многое передать спутникамъ. Вы меня не испугаете, если скажете правду; смерти я не боюсь нисколько.

Докторъ старался, конечно, успокоить больного.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я все сдѣлаю завтра, все скажу, проговорилъ онъ, завтра пошлемъ и телеграммы.

Къ восьми часамъ утра двадцатаго октября ему стало очень

Библиотека "Руниверс"

худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, сказалъ: *„ну, теперь я лягу“*.

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть... нѣсколько учащенныхъ дыханій, два—три глубокихъ вздоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы, горькія слезы душили каждаго изъ насъ... Мнѣ казалось такое горе пережить нельзя...—*да оно и теперь еще не пережито*!

Конвой рѣшилъ никого не допускать къ драгоцѣннымъ останкамъ покойнаго, и необходимыя въ данномъ случаѣ приготовленія исполнилъ самъ. Омылъ бездыханный прахъ, одѣли въ походную экспедиціонную одежду и положили его въ переднемъ углу того же барака.

По общему совѣту мѣсто для могилы было выбрано въ двѣнадцати верстахъ отъ Каракола, на высокомъ обрывистомъ берегу Иссыкъ-куля. По твердости грунта, могилу копали сами солдаты и казаки въ теченіе двухъ дней; два гроба: одинъ деревянный, а другой желѣзный, для внѣшней стороны, приготовляли въ батареѣ и убирали ихъ матеріей и галуномъ. Мѣстныя дамы сдѣлали прекрасный вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и возложили его на гробъ; солдатики сдѣлали огромный вѣнокъ и гирлянду изъ ели, которую такъ любилъ покойный.

Два раза въ день служились панихиды, которыя обыкновенно посѣщались всѣмъ интеллигентнымъ Караколомъ. Такъ прошло до двадцать шестого октября, когда, вечеромъ, была получена телеграмма командующаго войсками округа, разрѣшавшая предать тѣло землѣ.

На слѣдующій день, въ 8½ часовъ утра, былъ назначенъ выносъ, и къ этому времени передъ баракомъ выстроились 5-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ съ хоромъ музыки и батарея горной артиллеріи. Вмѣсто дрогъ для гроба былъ приспособленъ полевой лафетъ. Тяжесть гроба была такъ велика, что его едва донесли до лафета.

Послѣ обѣдни и отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много, и всѣ, даже дамы, шли пѣшкомъ... На перекресткахъ дорогъ встрѣчалась масса всадниковъ—киргизъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода, солнце пригрѣвало по-лѣтнему, верхи Тянь-Шаня искрились словно въ серебрѣ, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи...

Библиотека "Руниверс"

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должною почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатости внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое рыданіе возносилось вмѣстѣ съ душевною мольбою ко Всевышнему, успокоить великую душу усопшаго раба Николая...

Прощай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ—и душой и тѣломъ, самъ же ты со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азіи и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ: да будетъ же твой завѣтъ навсегда хранимъ нами...

Завѣтное желаніе покойнаго было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азіи, и могила его находится у подножья Небеснаго хребта.

„Мѣстность эта, говоритъ П. П. Семеновъ, хорошо мнѣ знакома; она такъ врѣзалась неизгладимыми чертами въ моей памяти, что я какъ бы вижу ее передъ собою, обращаясь отъ только-что закрывшейся могилы къ завѣтному югу. Широко раскинулась вправо синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окраину озера, увѣнчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ бѣлоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-куля...

„Этотъ величественный рядъ закутанныхъ въ бѣлоснѣжные саваны великановъ стоитъ на стражѣ дорогой намъ могилы, обозначая собою ту грань русской земли, за предѣлы которой нашъ славный путешественникъ дѣлалъ свои отважные набѣги въ почти невѣдомыя до него въ научномъ отношеніи страны. Изъ-за этой грани привозилъ онъ намъ богатую добычу планшетовъ, записей и естественно-историческихъ коллекцій. Несравненно дороже серебра и золота, которое такъ бережно тратилъ онъ на свои экспедиціи, была эта добыча, такъ какъ она представляетъ собою тотъ драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго, впослѣдствіи, кропотливымъ трудомъ ученыхъ въ ихъ кабинетахъ, постоянно достраивается и ремонтируется величественное общечеловѣческое зданіе науки.

„Не могли мы усыпать дорогую намъ могилу сплошнымъ ковромъ любимыхъ съ ранняго дѣтства Пржевальскимъ цвѣтовъ, не

Библиотека "Руниверс"

могли положить въ ея изголовьи того лавроваго вѣнка, которымъ украшенъ находящійся передъ вами его портретъ, но собрались сегодня въ той самой, родной ему по духу, средѣ, въ которой постепенно созидалась его слава, и которая такъ дружно его поддерживала и давала просторъ его широкимъ стремленіямъ,—собрались для того, чтобы почтить память Пржевальскаго воспоминаніемъ о дорогомъ усопшемъ.

„Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много... Въ нашей средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій вглубь Азіи, передъ нами писалъ онъ, съ свойственною ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій, свои томы, многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоцѣнные матеріалы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій, при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго Общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

„Меня не было въ Петербургѣ при отъѣздѣ Пржевальскаго въ его послѣднюю экспедицію, но одному изъ близкихъ мнѣ передалъ онъ, съ свойственною ему живостью, свои впечатлѣнія при послѣднемъ въ его жизни прощаніи съ нимъ Царской Семьи. Слезы умиленія и признательности блестѣли въ хорошо знакомыхъ намъ умныхъ, живыхъ глазахъ, не знавшаго страха и упрека, мощнаго тѣломъ и духомъ богатыря. Съ неменьшимъ, чѣмъ когда-либо мужествомъ и самоотверженіемъ, казалось, бросился онъ и въ это новое, самое завѣтное для него предпріятіе, пріѣхалъ на грань русской земли, и въ пять дней его не стало.

„Совѣтъ Императорскаго русскаго Географическаго Общества постановилъ уже почтить память усопшаго учрежденіемъ медали и преміи имени Н. М. Пржевальскаго для увѣнчанія его научныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ путешествіями.

„Нѣкоторые члены нашего Общества возбуждаютъ чрезвычайно симпатичную мысль поставить бюстъ Пржевальскаго въ лучшемъ изъ скверовъ города Петербурга [1]).

---

[1]) Двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ достойномъ славнаго путешественника мѣстѣ.

Нѣсколько позднѣе поставленъ, величественный памятникъ на могилѣ Пржевальскаго, на высокомъ берегу Иссыкъ-куля. Авторъ памятника—то-

Библиотека "Руниверс"

„Но есть еще одинъ *нерукотворный* памятникъ, который можетъ быть созданъ Пржевальскому на почвѣ дѣятельности Императорскаго русскаго Географическаго Общества... Нерукотворный памятникъ Пржевальскому, наиболѣе ему симпатичный, въ его духѣ, могутъ поставить тѣ изъ насъ, сочленовъ, которые послѣдуютъ его доблестному примѣру и отдадутъ свои силы продолженію тѣхъ изслѣдованій, которыя онъ началъ, скромно называя ихъ научными рекогносцировками и считая себя только піонеромъ этихъ изслѣдованій. Чуждый мелкому самолюбію, преданный только своей идеѣ, Пржевальскій посвятилъ, съ особенною любовью, часть своего послѣдняго сочиненія инструкціи для будущихъ путешественниковъ въ Средней Азіи, полагая, что къ памятнику величія Россіи, имъ тамъ заложенному, „не зарастетъ народная тропа“.

„Не бредомъ больного воображенія было послѣднее выраженное дорогимъ намъ усопшимъ желаніе быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-куля. Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполнѣ соотвѣтствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. Въ русскомъ народномъ творчествѣ сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перепутьѣ, какъ бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.

варищъ и другъ покойнаго — генералъ А. А. Бильдерлингъ за проектъ этого художественнаго мавзолея, удостоился особой похвалы Государя Императора.

Иссыкъ-кульскій памятникъ, рисунокъ котораго при семъ прилагается, изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тяньшанскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ,—выраженіе ума, силы и безстрашія. Подъ когтями орла карта Азіи, на бронзовомъ листѣ; въ клювѣ оливковая вѣтвь—эмблема мирныхъ завоеваній науки. На лицевой сторонѣ скалы бронзовый крестъ, подъ нимъ надпись, высѣченная на камнѣ: *„Николай Михайловичъ Пржевальскій“*, мѣсяцъ, число, годъ рожденія и кончины. Подъ надписью, въ серединѣ скалы, вставлена бронзовая медаль, въ увеличенномъ видѣ, выбитая Императорскою Академіею Наукъ. На медали изображенъ Пржевальскій, а подъ нею высѣчена въ камнѣ надпись, помѣщенная на оборотной сторонѣ медали: *„Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“*.

Баракъ, въ которомъ скончался Николай Михайловичъ, наименованъ *баракомъ „генералъ-маіора Пржевальскаго“*. Въ баракѣ этомъ, противъ того мѣста, гдѣ умеръ путешественникъ, прибита мѣдная доска съ надписью: *„Здѣсь скончался генералъ-маіоръ Пржевальскій 20 октября 1888 года въ 9 часовъ утра“*.

Городъ Караколъ переименованъ въ *Пржевальскъ*.

Библиотека "Руниверс"

„Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тѣни, и она охотно передастъ вамъ весь нехитрый запасъ своего оружія, который слагается изъ чистоты душевной, отваги богатырской, изъ живой любви къ природѣ и высшему проявленію человѣческаго генія—наукѣ, и изъ пламенной и безпредѣльной преданности своему отечеству, и олицетворяющему его въ нашемъ русскомъ народномъ понятіи русскому царю.

„Берите же смѣло это оружіе съ изголовья могилы усопшаго изъподъ его лавроваго вѣнка, идите съ нимъ отважно впередъ на любомъ пути истины и знанія на славу дорогой Россіи, и вы сооруднте *нерукотворный памятникъ Николаю Михайловичу Пржевальскому*“.

П. Козловъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXIII [1]).

Дни шли за днями, іюнь уже приближался къ исходу, а Ибрагимъ все еще не возвращался. Положимъ, что путь туда былъ длиненъ и труденъ, такъ какъ вилайетъ, куда отправилось мое письмо, находился за хребтомъ Антитавра у восточной границы Малой Азіи съ Кавказомъ. Но сердце обыкновенно никогда не ладитъ съ разсудкомъ, а потому и мое нетерпѣніе находило себѣ оправданіе въ недостаткѣ логики.

Мною овладѣло дикое чувство: все перестало существовать для меня, точно жизнь проходила мимо, не касаясь моего вниманія. Я бродила цѣлыми днями, какъ тѣнь, ничѣмъ не хотѣла заняться, а призракъ вѣчной разлуки уже надвигался и леденилъ сердце.

Такимъ образомъ, любовь принесла мнѣ больше страданій, чѣмъ радости и свѣта; но, говорятъ, всему бываетъ конецъ: наступила неизбѣжная реакція, и когда я оглянулась вокругъ себя, то узнала, что грозовыя тучи уже заволакивали политическій горизонтъ, предвѣщая бурю, которая могла унести меня въ другую колею...

Не повезло бѣдному Мураду на оттоманскомъ престолѣ, и одно кровавое событіе за другимъ слѣдовали точно въ предписанномъ чьей-то непреложной волею строгомъ порядкѣ; рѣзня въ Болгаріи, объявленіе войны Сербіей и Черногоріей съ перемѣннымъ счастьемъ

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

для турокъ. волненіе софтъ, угрозы державъ, безпрерывныя вспышки мусульманскаго фанатизма съ христіанами на религіозной почвѣ—однимъ словомъ, розовыя надежды не оправдались, и будущее рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Въ концѣ іюня Сербія объявила Турціи войну; Черногорія немедленно присоединилась къ ней.

Отряды Хорватовича, а затѣмъ Лѣшанина въ первую же стычку были опрокинуты Керимъ-пашою у Княжеваца и переброшены на лѣвый берегъ Моравы. Зато къ маленькой Черногоріи судьба оказалась благосклоннѣе, надѣливъ ее лаврами побѣды въ неравной борьбѣ съ огромными силами Дервишъ-паши; имена славныхъ вождей геройскаго племени князя Николая и Божидара Петровича сдѣлались даже популярными на всемъ турецкомъ Востокѣ; но бѣшеному озлобленію, которое неудержимой лавиной изливалось иностранной печатью на Сербію, много способствовало прямое участіе русскихъ добровольцевъ въ дѣйствіяхъ противъ оттоманскихъ войскъ, а главное командованіе ея арміей нашимъ генераломъ. Всему, конечно, давали тонъ Англія и Австрія.

О, Боже мой, что же тутъ не было и чего не говорилось?! Въ какихъ ситуаціяхъ и позахъ не изображался славянскій герой! Его рисовали: на барабанѣ, на палочкѣ верхомъ, на спинѣ козла лицомъ къ хвосту, на штыкѣ башибузука и въ заключеніе посадили на колъ...

Исторія уже давно опредѣлила весь ходъ событій той интересной эпохи, а если я касаюсь здѣсь лицъ, отмѣченныхъ на ея страницахъ, то лишь по естественному праву каждаго добавлять и свои впечатлѣнія о тѣхъ, кого приходилось видѣть или знать тамъ, на мѣстѣ. У меня также сохранилось много курьезовъ изъ области прессы, руководимой въ тѣ времена британскимъ цензоромъ—возьмемъ хотя на выдержку меню завтрака, которымъ собирался угостить на Южномъ берегу Крыма адмиралъ турецкаго флота Гобартъ-паша князя Горчакова и генерала Игнатьева. Перевожу буквально съ англійскаго текста: 1) „Росбифъ—шапка; 2) макароны—кнутъ; 3) кабанья голова, фаршированная турецкими пулями à la Княжеваць; 4) спаржа—казацкія пики; 5) самоваръ (?); 6) дессертъ: сальныя свѣчи и водка.

Здѣсь читатель, вѣроятно, подумаетъ: „ахъ, опять та же сказка про бѣлаго бычка: кнутъ, свѣчи, казаки! Но „росбифъ—шапка“—это еще что?“

Вотъ я и веду къ тому рѣчь, чтобы объяснить, гдѣ именно заключалась соль остроумія автора меню. Дѣло было такъ: однажды генералъ Игнатьевъ, какъ разсказывали люди, близко стоявшіе къ

Библиотека "Руниверс"

нему, оспаривая доводы сэра Эліотта, утверждавшаго, что турецкая армія по численности и боевымъ качествамъ составляла замѣтную величину даже въ Европѣ, возразилъ ему якобы слѣдующее: „ну этихъ оборванцевъ съ ихъ башибузуками мы и шапками закидаемъ“. Печать, конечно, подхватила, разукрасила небылицами, и летучее словечко, такимъ образомъ, стало ходячимъ изреченіемъ.

Но развѣ только это? Вся атмосфера тогда была захвачена политическими сплетнями и злобной, яростной клеветой на Россію, при чемъ не брезгали положительно никакими средствами, лишь бы затемнить истину: достаточно упомянуть, что газетные писаки наперекоръ стихіямъ отрицали даже фактъ избіенія башибузуками христіанъ въ Болгаріи, называя его легендой русской дипломатіи— однимъ словомъ, выходило такъ, что болгары сами себя рѣзали, чтобы досадить Англіи и Австріи...

Впрочемъ, оставимъ пока эту щекотливую тему, а иначе по невольному сцѣпленію идей я могу зайти въ такія дебри мудреныхъ комбинацій, что выбраться оттуда мнѣ будетъ уже не подъ силу.

Промелькнулъ и знойный іюль, но Ибрагимъ не вернулся съ желаннымъ отвѣтомъ, такъ какъ его перечислили въ Малоазіатскій низамъ, гдѣ онъ и остался.

Къ тому времени въ моей душѣ совершился незамѣтно громадный переломъ, а жизнь потянула къ новымъ впечатлѣніямъ—такова уже природа человѣка!

И вотъ, оплакивая погибшую мечту, я невольно ловила себя на томъ, что все якобы дѣлается къ лучшему: это, конечно, давало мнѣ иллюзію и другое настроеніе. Тогда волшебно прекрасный образъ блѣднѣлъ и удалялся, какъ это бываетъ иногда въ первую минуту пробужденія отъ глубокаго сна.

Въ началѣ августа мы собрались на нѣсколько дней въ Константинополь, чтобы повидаться съ братомъ Магіе, директоромъ Оттоманскаго банка, гдѣ хранилась часть капитала моего дяди въ турецкихъ бумагахъ, о которыхъ необходимо было позаботиться вслѣдствіе того, что ожидали сильнаго паденія ихъ на биржѣ; но по пути намъ пришлось заѣхать еще въ Смирну и остаться тамъ до слѣдующаго рейса.

Нашъ компанейскій пароходъ „Цесаревна“ бросилъ якорь и подалъ сигналъ. Въ обширной бухтѣ, наполненной всегда торговымъ движеніемъ судовъ подъ флагами всѣхъ государствъ въ мірѣ, теперь царила какая-то необычайная суматоха.

Нѣсколько турецкихъ военныхъ транспортовъ разводили паръ и готовились къ плаванію. Великое множество шлюпокъ, баркасовъ,

Библиотека "Руниверс"

лодокъ, арабскихъ фелукъ длинными вереницами тянулись къ ихъ бортамъ съ грузами и лошадьми.

На громадномъ пространствѣ береговой линіи, колыхаясь, рокотала подобно океану въ часы прилива несмѣтная толпа народу—издали казалось, что все населеніе города собралось къ морю.

— Что такое? что случилось у васъ?—спрашиваютъ пассажиры комиссіонеровъ, забиравшихъ вещи съ палубы, чтобы перевезти ихъ въ гостиницу.

— Изъ дальнихъ вилайетовъ прибываютъ сегодня части низама и редифа съ конницей башибузуковъ, для отправленія на Балканы—война съ Россіей!—отвѣчаютъ имъ.

Мы взяли каикъ и съѣхали на берегъ. Здѣсь насъ встрѣтили родственники моей тетушки, увѣдомленные телеграммой, а также друзья и знакомые.

Смирна по-турецки „Исмиръ“, какъ уже говорилось выше, носитъ типичную физіономію большого коммерческаго порта, являя собою главный центръ малоазіатской торговли между Востокомъ и Западомъ. На ея улицахъ вѣчный калейдоскопъ племенъ и народностей, собравшихся сюда, какъ на базаръ, со всѣхъ концовъ земного шара для эксплоатаціи страны, богатствомъ которой они безраздѣльно пользуются, не встрѣчая къ тому ни малѣйшихъ препятствій со стороны деспотическаго режима султанскаго правительства.

Мы направились къ дому, выходившему окнами на широкую гранитную набережную; проталкиваясь впередъ сквозь густую массу людей, я съ невольнымъ любопытствомъ прислушиваюсь къ говору. Вотъ оживленно бесѣдуетъ кучка левантинцевъ о злобѣ дня.

— Плохи дѣла Россіи! И куда только лѣзетъ со своими бѣлыми медвѣдями и сальными свѣчами—вѣдь Турція пойдетъ не одна: за ея спиной Англія!—горделиво заявляетъ мѣстный британецъ.

— Ну, такъ ей и надо—забыла, отъ кого приняла вѣру и цивилизацію! отлично безъ нея управились бы съ проклятыми болгарами,—говорятъ наши друзья греки, всей душой ненавидящіе славянъ больше, чѣмъ мусульмане.

— Пошли, Господи, чтобы ее хорошенько растрепали—заберемъ Кавказъ!—молятся о побѣдѣ турецкаго оружія армяне.

— Гобартъ-паша уже приготовилъ мѣрку самаго лучшаго крупнаго овса, чтобы угостить имъ въ севастопольской конюшнѣ во славу русскаго флота, какъ въ 54-мъ году эту старую лошадь, князя Горчакова!—надрываясь отъ хохота, выкрикиваетъ бравый морякъ съ французскаго авизо, стоявшаго въ гавани. Взрывъ не-

Библиотека "Руниверс"

обычайнаго веселія слѣдуетъ за тѣмъ. И ни одного, рѣшительно ни одного слова доброжелательства къ намъ!..

Передавая сейчасъ отрывочныя уличныя сужденія толпы, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, утверждая, что этого вполнѣ достаточно для иллюстраціи настроеній и чувствъ, которыми охвачена была разноязычная масса христіанскаго населенія въ Турецкой Имперіи передъ кампаніей 1877 года.

Какъ ни грустно сознаться въ томъ, но фактъ останется фактомъ...

Вдругъ стали доноситься звуки барабанной дроби: море человѣческихъ головъ заколыхалось, разговоры умолкли, и вотъ изъ прилегающихъ къ набережной улицъ начали выходить полки низама.

Стройными рядами, свободные въ движеніяхъ, чуждые автоматической выправки, широкимъ, вольнымъ шагомъ въ ногу проходили рослые солдаты, веселые, довольные, точно отправляясь на парадъ.

— Башибузуки!! башибузуки!—раздались тревожные выкрики, и все перемѣшалось тогда въ одинъ хаотическій шумъ. Напоромъ толпы меня отбросило въ сторону, а затѣмъ вынесло дальше, и я увидѣла себя прижатой у входа въ какой-то ресторанъ, гдѣ подъ навѣсомъ изъ живой зелени за разставленными прямо на улицѣ столиками дѣловая публика пила свой утренній кофе.

Къ счастію, здѣсь оказалось много знакомыхъ; одинъ изъ нихъ австрійскій вице-консулъ, Крамеръ, немедленно взялъ меня подъ свою защиту. Вскорѣ, однако, тѣмъ же потокомъ живой рѣки и еще нѣсколько дамъ были занесены также сюда; но изъ предосторожности хозяинъ гостиницы устроилъ насъ во второмъ этажѣ на балконѣ, откуда мы безъ всякихъ опасеній могли наблюдать интересное зрѣлище.

Вотъ показались банды редифа и стали дефилировать мимо, направляясь къ пристани. Внушительными казались только зейбеки въ огромнѣйшихъ тюрбанахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за широкими поясами и длинными мушкетами въ рукахъ—на бедрѣ у каждаго висѣла кривая сабля. Они шли подъ командой турецкихъ офицеровъ, на которыхъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, отставая, разбѣгаясь и безобразничая по пути.

Курды и лазы представляли собой безпорядочныя кучки оборванцевъ, живописныхъ даже въ лохмотьяхъ; бедуины красиво драпировались въ широкіе бурнусы; наши сородичи, черкесы, поражали чрезвычайно неряшливымъ видомъ своего обмундированія: на нихъ были до невѣроятія грязные, бараньи тулупы, а клочки тряпокъ вмѣсто папахъ украшали ихъ головы.

Библиотека "Руниверс"

На моихъ глазахъ разыгралась такая сценка.

За однимъ изъ столиковъ внизу подъ нашимъ балкономъ сидѣлъ мѣстный коммерсантъ, нѣкто Джонъ Гарди, очень толстый, флегматичный англичанинъ и, заложивъ ногу за ногу, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ пилъ свой портеръ.

Вдругъ изъ партій зейбековъ, проходившихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ресторана, выбѣжалъ настоящій атлетъ, косая сажень въ плечахъ и остановился передъ мистеромъ Гарди.

— Это мнѣ не нравится!—заоралъ великанъ, хлопая ладонью по колѣнямъ невозмутимаго Джона:—такъ не сидятъ въ присутствіи воиновъ падишаха!

Толстякъ даже не шевельнулся, считая, вѣроятно, ниже своего національнаго величія безпокоить себя ради нелѣпыхъ претензій какого-то разбойника. Но малоазіатскій Рокамболь не унимался, заставляя упрямаго бритта перемѣнить позу, на что послѣдній отвѣтилъ лишь презрительнымъ взглядомъ и закинулъ ногу еще выше.

Однако, случилось то, чего никакъ не ожидалъ гордый сынъ Альбіона: моментъ, и силачъ, точно играя въ бильбоке, подбросилъ его, какъ мячикъ, выше своей головы, а затѣмъ при бѣшеномъ взрывѣ хохота публики съ комической осторожностью усадилъ ошеломленнаго британца на прежнее мѣсто.

Намъ разсказывали въ Константинополѣ, что инцидентъ съ мистеромъ Гарди былъ предметомъ запроса англійской дипломатіи къ Высокой Портѣ и требованія указать виновнаго; но такъ какъ это значило все равно, что если бы вздумали искать въ полѣ вѣтра или слѣдовъ улетѣвшей за моря птицы, то Рушди-паша, всегда находчивый, далъ отвѣтъ въ слѣдующей редакціи: „дерзкій уже несетъ плоды возмездія въ глубинѣ своего сердца“...

И торжественно и растяжимо—понимай, какъ хочешь, молъ! Впрочемъ, сэръ Элліотъ остался вполнѣ доволенъ распорядительностью турецкаго администратора...

Даровому спектаклю, которымъ угостилъ насъ „остроумный“ башибузукъ, суждено было имѣть весьма интересный финалъ: изъ другой банды редифа отдѣлился еще болѣе свирѣпаго вида Геркулесъ и направился бѣглымъ шагомъ прямо въ нашу сторону.

Поднявъ случайно кверху голову, онъ замѣтилъ меня, а рядомъ со мной нѣсколькихъ дамъ, также приглашенныхъ на балконъ.

Зейбекъ остановился, точно пораженный удивительнымъ для него зрѣлищемъ, и вдругъ, совершенно неожиданно, принялся осыпать насъ такими любезностями:

Библиотека "Руниверс"

— Эй, вы, гуріи христіанскаго рая,—кричалъ онъ во все горло, размахивая кулаками:—чего повылѣзли изъ щелей и норъ, какъ тараканы, да еще уставились на мужчинъ — сію минуту маршъ по гаремамъ, а иначе я васъ!...

Съ этимъ восклицаніемъ онъ сорвалъ съ какого-то франта щегольскую панаму и швырнулъ ею въ нашу компанію.

Мы, конечно, не замедлили исполнить его желаніе и тотчасъ же убѣжали въ комнаты.

Таково было начало гастролей буйныхъ сыновъ Тавра, а продолженіе ихъ видѣли уже болгары.

Глава XXIV.

Въ августѣ Черняевъ успѣлъ нѣсколько оправиться отъ жестокихъ пораженій въ началѣ кампаніи и вернуться къ берегамъ Моравы. Здѣсь борьба сторонъ уже продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Этому, конечно, посодѣйствовалъ значительный приливъ нашихъ добровольцевъ въ сербскую армію. Но въ полосѣ военныхъ дѣйствій между черногорцами и Мухтаръ-пашою картина рисовалась въ другомъ освѣщеніи, и счастье улыбалось маленькому, геройскому племени: въ іюлѣ отрядъ воеводы Божидара Петровича, переступивъ границы Босніи, разбилъ турецкія полчища, захвативъ даже въ плѣнъ двухъ пашей. Такая несравненная отвага борцовъ съ Черной Горы вызывала единодушное восхищеніе Европы, но не приносила имъ ни малѣйшей пользы, озлобляя еще болѣе враговъ славянства, а кончилось тѣмъ, что въ отместку за тріумфъ устроили кровавую бойню въ несчастной Болгаріи. Ни для кого не было тогда секретомъ, что именно либеральная партія, руководившая убійствомъ Абдулъ-Азиса, направляла свирѣпыя банды малоазіатскаго редифа на христіанъ. И вотъ, такимъ образомъ, новые люди, ставшіе у руля государственной власти, обѣщая зорю прекрасныхъ дней и скрываясь подъ маской высокопарныхъ пышныхъ тенденцій, дѣйствовали заодно въ полнѣйшемъ согласіи съ тѣми же башибузуками.

Къ тому времени Турція нѣсколько осложнила свое и безъ того запутанное международное положеніе убійствомъ въ Салоникахъ двухъ консуловъ, французскаго и германскаго; но это ей великодушно простили, въ счетъ будущей расплаты не поставили, такъ какъ всѣ усилія европейской дипломатіи клонились лишь къ тому, чтобы заставить насъ подраться и уйти съ береговъ Босфора къ устьямъ Дуная.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдующимъ рейсомъ мы отправились въ Константинополь. Нашъ пароходъ запоздалъ почему-то въ пути и бросилъ якорь въ глубину Золотого Рога, когда послѣдній лучъ солнца уже догоралъ на высочайшихъ точкахъ необъятной панорамы Царьграда.

По существующему правилу иностраннымъ судамъ въ Босфорѣ не даютъ практики послѣ вечерней зари, вслѣдствіе чего мы оставались до утра на рейдѣ.

Нашъ пріѣздъ въ столицу Оттоманской имперіи весьма удачно совпадалъ для меня съ кануномъ торжества Курбанъ-Байрама и, такимъ образомъ, предстояло видѣть очень интересное зрѣлище.

Я уже говорила о подвижности мусульманскаго календаря сообразно фазамъ луны, а потому въ зависимости отъ начала года всѣ праздники Ислама также перемѣщаются изъ одного сезона въ другой; но опредѣленно этотъ байрамъ всегда бываетъ на 10-й день мѣсяца Дзулгаше и по своему важному значенію соотвѣтствуетъ нашей Пасхѣ.

Едва только удары пушекъ съ высотъ Топхане возвѣстили „акшамъ“, т. е. закатъ, какъ волшебная декорація праздника уже развернулась надъ грандіознымъ амфитеатромъ Константинополя: весь онъ засіялъ, отражаясь въ прозрачномъ Босфорѣ свѣтовыми эффектами иллюминаціи и пиротехники. Вотъ его картина: по берегамъ двухъ материковъ Европы и Азіи тянутся огненныя ленты плошекъ; военные корабли и вся громада торговаго флота украсились гирляндами разноцвѣтныхъ фонариковъ; съ холмовъ Стамбула взлетаютъ къ облакамъ ракеты; здѣсь, тамъ, повсюду шипитъ бенгальскій огонь и жгутъ фейерверкъ; но меня чаруетъ болѣе всего видъ освѣщенныхъ минаретовъ: въ глубокой тьмѣ южной ночи ихъ очертанія скрыты отъ глазъ, а горящіе вокругъ балкончиковъ ряды шкаликовъ создаютъ удивительно прелестную иллюзію, какъ будто между небомъ и землей висятъ золотыя, блестящія кольца.

Я проснулась очень рано въ душной каютѣ и вышла на верхнюю площадку, чтобы освѣжиться. Рейдъ уже былъ наполненъ звуками и движеніемъ: необозримое множество каиковъ, шлюпокъ, парусныхъ лодокъ, грузовыхъ баржъ по всѣмъ направленіямъ рѣзали синюю воду; въ дымкахъ туманныхъ испареній качался на волнахъ цѣлый лѣсъ мачтовыхъ судовъ; гремѣли выстрѣлы Езана [1]) и будили правовѣрныхъ къ молитвѣ; точно задернутые голубымъ тюлемъ берега просыпались навстрѣчу первымъ лучамъ восхода, и шумъ жизни необъятнаго города захватывалъ дремавшую атмосферу.

Вскорѣ намъ разрѣшили подчалить ближе къ Галата, и паро-

[1]) Восходъ солнца.

Библиотека "Руниверс"

ходный свистокъ еще не успѣлъ закончить своей тягучей, оглушительной трели, возвѣщая о прибытіи, какъ уже мы были взяты на абордажъ несмѣтной флотиліей Константинопольскихъ „пиратовъ“: не ожидая трапа, словно обезьяны, цѣпляясь ногтями за что ни попало, карабкаются эти господа на палубы и рубки, вступая даже въ рукопашную съ матросами, толкавшими ихъ обратно за борта; но ничто не дѣйствуетъ: легіоны комиссіонеровъ раздаютъ пассажирамъ карточки, снимки магазиновъ, ресторановъ, афиши увеселительныхъ заведеній и пр. Швейцары отелей лѣзутъ, бѣдные, изъ кожи; гиды разнообразныхъ типовъ и видовъ клянутся, что туристы погибнутъ безъ нихъ въ Константинополѣ; армія продавцовъ всякой дряни предлагаетъ купить античные предметы, якобы найденные въ развалинахъ Ефеса; здѣсь же шныряютъ проводники лошадей, хамалы, банщики, парикмахеры, кафеджи, чибукчи — словомъ, нѣтъ рода занятій, представитель котораго не явился бы сюда. Идетъ суматоха великая! Слышна рѣчь на всѣхъ языкахъ, и надо думать, что въ дни вавилонскаго столпотворенія было куда больше порядку, чѣмъ въ минуты прибытія иностранцевъ въ гавань Золотого Рога.

Но это все ничего—самое интересное еще впереди.

Якори, наконецъ, брошены, трапъ спущенъ, и что затѣмъ происходитъ — изобразить на бумагѣ невозможно: были даже моменты, когда такъ и казалось, что вотъ-вотъ насъ разорвутъ въ клочки.

И дѣйствительно, едва только злополучный пассажиръ достигаетъ нижней площадки сходней, а уже десятки рукъ перевозчиковъ тянутся къ нему: начинается потасовка, арабская, турецкая брань, крикъ, гвалтъ и въ заключеніе его швыряютъ на дно какой-нибудь лодки. Съ дамами еще того хуже: ихъ просто безъ всякой церемоніи хватаютъ съ трапа, перекидываютъ какъ свертки и везутъ къ таможнѣ, а потому нерѣдко случается, напримѣръ, что мужъ уплываетъ въ одной шлюпкѣ, жена въ другой, дѣти, багажъ еще съ кѣмъ-либо и т. д. „Сейчасъ пристань — тамъ и разберетесь“,—хладнокровно отвѣчаютъ на всѣ протесты.

Я также попала къ чужую компанію, хотя все обошлось какъ нельзя лучше. Но вернемся къ Байраму.

Праздникъ этотъ установленъ Магометомъ въ память жертвоприношенія Авраамомъ не Исаака, какъ гласитъ библія, а Измаила, сына Агари, отъ котораго арабы ведутъ свое происхожденіе.

Религіозный обрядъ Курбанъ-Байрама заключается въ слѣдующемъ: послѣ утренняго богослуженія каждый мусульманинъ, не исключая даже султана и высшихъ сановниковъ, обязанъ собственно-

Библиотека "Руниверс"

ручно заколоть ягненка, а жертвенное мясо предоставить кому угодно взять себѣ.

Обыкновенно церемонія жертвоприношенія совершается гдѣ-нибудь за городомъ по преимуществу на холмѣ или на вершинѣ горы.

Толпы бѣдняковъ, нищихъ, въ большинствѣ христіане, заранѣе приходятъ къ извѣстному мѣсту и уносятъ колотыхъ животныхъ.

Всѣ четыре дня Байрама проводятся очень шумно въ Константинополѣ: пять разъ въ сутки муэдзины призываютъ правовѣрныхъ въ мечети, что возвѣщается грохотомъ 101 пушечнаго выстрѣла.

Нарядныя группы женщинъ снуютъ по улицамъ, направляясь за городъ къ монастырямъ дервишей за благословеніемъ или же въ роскошный паркъ Анадоли-Хиссаръ съ его вѣковыми платанами—любимое мѣсто прогулки турецкихъ дамъ; но мужчины предпочитаютъ всему кладбище въ Скутари, гдѣ подъ тѣнью густыхъ кипарисовъ на зеленыхъ лужайкахъ они располагаются, какъ у себя дома.

Съ тѣмъ же торжественнымъ блескомъ празднуется и другое важное событіе въ исторіи Ислама, вознесеніе Пророка на небо. Тамъ онъ, какъ разсказывала мнѣ Элиме, прежде всего усѣлся на серпъ луны, а на мой вопросъ: зачѣмъ? объяснила, что по интригамъ дракона были нарочно затеряны ключи отъ рая; но командированный на розыски архангелъ Гавріилъ принесъ ихъ вскорѣ обратно.

Къ моему глубокому разочарованію на церемонію Селямлика Мурадъ V не прибылъ: хотя печать упорно замалчивала фактъ, но тѣмъ не менѣе вездѣ уже ходили зловѣщіе слухи, что онъ, и прежде не совсѣмъ нормальный, съ каждымъ днемъ слабѣлъ, обнаруживая признаки полнѣйшаго разстройства душевныхъ силъ.

Такъ или иначе, а участь несчастнаго султана уже была предрѣшена, и замѣстителемъ его общественное мнѣніе называло сына покойнаго Абдулъ-Азиса Юсуфъ-Изединъ-эфенди; но судьба въ лицѣ роковаго генія славянства, еврея Дизраэли, распорядилась, какъ извѣстно, совсѣмъ иначе...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Настроеніе русской арміи на поляхъ Венгріи въ 1848—49 г.г. [1]).

Въ интересной и содержательной статьѣ молодого ученаго Борецкаго-Бергфельда, помѣщенной въ мартовской книжкѣ „Revue de Hongrie“, на основаніи отзывовъ, извлеченныхъ изъ дневниковъ и записокъ русскихъ офицеровъ, дается любопытная картина чувствъ и настроеній русской арміи, сражавшейся вмѣстѣ съ австрійскими войсками, по выраженію Императора Николая I, „для возстановленія въ Европѣ порядка“ и для „утвержденія пошатнувшихся троновъ“.

Цѣлый рядъ фактовъ, изложенныхъ въ запискахъ, на которыя ссылается авторъ вышеупомянутой статьи, свидѣтельствуютъ о томъ, что наша армія далеко не сочувствовала въ то время австрійцамъ и не понимала истиннаго смысла похода противъ народа, къ которому русскіе никогда не питали никакихъ враждебныхъ чувствъ; какъ бы чувствуя всю несправедливость этого военнаго предпріятія, русскіе солдаты и офицеры нерѣдко пытались загладить ее почти демонстративнымъ проявленіемъ своего расположенія къ венгерцамъ.

Въ своей статьѣ Борецкій-Бергфельдъ освѣщаетъ попутно и роль блюстителя европейскаго порядка, принятую на себя въ то время Императоромъ Николаемъ.

„Событія, происходившія въ австрійской имперіи въ 1848 году, говоритъ авторъ упомянутой статьи, очень волновали Императора

[1]) La Russie et la révolution hongroise de 1848—49. par. N. Boretzky-Bergfeld. Revue de Hongrie. 15 Mars 1912.

Библиотека "Руниверс"

Николая I. Въ своихъ письмахъ къ генералу Паскевичу [1]), предшествовавшихъ посылкѣ русскихъ войскъ въ Венгрію, обсуждая вопросъ о томъ, какъ Императору надлежало держать себя по отношенію къ Европѣ, онъ повторяетъ неоднократно, что ему слѣдуетъ быть „на стражѣ“ и высказываетъ опасеніе, что нерѣшительному и трусливому Императору Фердинанду не удастся подавить разгорающееся возстаніе и что „оно охватитъ Галицію и Венгрію изъ конца въ конецъ“.

Если революціонная пропаганда не будетъ скоро прекращена, „именемъ самого Императора Фердинанда, писалъ Императоръ Николай I, я займу край и задушу замыслы мятежниковъ“.

Такимъ образомъ Венгріи суждено было стать театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ впервые были мобилизованы силы реакціи, стремившейся подавить въ Европѣ революціонное движеніе.

„Между Россіей и Венгріей не существовало въ то время никакого историческаго антагонизма, во всякомъ случаѣ между ними происходило несравненно менѣе дипломатическихъ и политическихъ конфликтовъ, нежели между Россіей и Австріей, такъ какъ между этими двумя державами существовало уже въ XVIII вѣкѣ тайное соперничество относительно Балканскаго полуострова и придунайскихъ княжествъ, изъ которыхъ образовалась впослѣдствіи Румынія.

„Въ тотъ роковой и тревожный годъ, когда отзвуки февральской революціи докатились до предѣловъ Россіи, Императоръ Николай I сдѣлалъ серьезныя приготовленія для занятія Галиціи и Буковины. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время первыхъ революціонныхъ вспышекъ Императоръ не уяснилъ еще себѣ опасность, угрожавшую монархическому принципу на континентѣ, и не рѣшилъ еще связать воихъ личныхъ интересовъ (оккупировать упомянутыя австрійскія провинціи) съ безпощадной ненавистью къ революціи. 1 (13) апрѣля 1849 г. онъ былъ занятъ только этими двумя провинціями и не думалъ еще о подавленіи „революціонной гидры“.

„Австрійцы, писалъ Императоръ Паскевичу 1 (13) апрѣля 1849 г., не сладивъ сами (съ венгерцами), хотятъ теперь чужими руками жаръ загребать, это и легко и пріятно; но я того не хочу. Занять Галицію согласенъ. Ежели мятежники ворвутся туда, ихъ уничто-

---

[1]) Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ; его жизнь и дѣятельность, т. VI, приложенія.

Библиотека "Руниверс"

жить тамъ или въ Буковинѣ будетъ наше дѣло, но входить въ Трансильванію намъ нѣтъ причины, это дѣло прямо австрійцевъ... было бы глупо мнѣ поправлять русской кровью ихъ ошибки".

„Но по мѣрѣ того какъ борьба австрійскаго абсолютизма съ венгерскимъ возстаніемъ обозначалась яснѣе и яснѣе, и по мѣрѣ того какъ венгерцы начали брать верхъ, отношеніе Императора Николая I къ событіямъ совершенно измѣнилось.

Революціонное движеніе, въ сущности, нисколько не угрожало въ то время Россіи: даже близость венгерской границы, гдѣ оно какъ будто локализировалось, не представляла никакой опасности; по свидѣтельству Литухина, русскаго офицера, служившаго въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ и оставившаго интересныя записки о венгерскомъ походѣ, въ началѣ апрѣля 1848 г. въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ пограничныхъ Галиціи, не было никакихъ безпорядковъ".

Но побужденія высшаго порядка, необходимость утвердить въ Европѣ престижъ неограниченной власти, побудили въ концѣ концовъ Императора Николая I принять рѣшительныя мѣры. Всего недѣлю спустя послѣ вышеприведеннаго письма его къ Паскевичу, Царь писалъ ему дословно слѣдующее:

„Признаюсь, крѣпко не хочется вступаться во все это; по примѣру прежняго, предвижу одну зависть, злость и неблагодарность и вѣрно не вмѣшался бы, ежели бы не видалъ въ Бемѣ и прочихъ мошенникахъ въ Венгріи не однихъ враговъ Австріи, но враговъ всемірнаго порядка и спокойствія, олицетворенныхъ злодѣевъ и губителей, которыхъ истребить надо, для нашего же спокойствія [1])".

Послѣ каждаго новаго пораженія австрійцевъ въ войнѣ съ революціонной венгерской арміей, намѣренія Императора Николая I становятся болѣе угрожающими. Венгрія становится въ его глазахъ пугаломъ; она егоспреслѣдуетъ, и онъ сознаетъ необходимость подавить ея возстаніе.

Въ его частыхъ письмахъ къ будущему умиротворителю Венгріи, Паскевичу, въ которыхъ рѣчь идетъ почти исключительно объ этой войнѣ, роль Императора обнаруживается все яснѣе. 13 (25) апрѣля 1849 года онъ пишетъ: „Не одна помощь

---

[1]) Письмо отъ 8 (20) апрѣля 1849 г.

Библиотека "Руниверс"

Австріи для укрощенія внутренняго мятежа, и по ея при-зыву, меня къ тому побуждаетъ; чувство и долгъ защиты спокойствія предѣловъ Богомъ ввѣренной мнѣ Россіи меня вызываютъ на бой, ибо въ венгерскомъ мятежѣ явственно видны усилія общаго заговора противъ всего священнаго и въ особенности противъ Россіи, ибо во главѣ мятежа и главными орудіями его—вѣчные враги наши поляки".

Нѣсколько дней спустя, давая послѣднія инструкціи Паскевичу, передъ его отправленіемъ въ Венгрію во главѣ двухсоттысячной арміи, Императоръ напутствуетъ его слѣдующими, весьма характерными для даннаго момента, словами:

„Дѣйствуй на нашихъ враговъ быстро, по-русски". При этомъ Императоръ говоритъ, что если вступаться, то „вмѣшательство должно быть рѣшительное, все ниспровергающее"; „вразуми Ридигера, пишетъ онъ Паскевичу, сколь нужно ему будетъ дѣйствовать быстро, осторожно и рѣшительно, надо, чтобы съ перваго удара нашего дѣло было переложено въ пользу праваго дѣла".

„Такъ какъ успѣхи венгровъ приняли самые опасные размѣры, то они явно заодно съ поляками, потому и намъ прямо угрожаетъ опасность; отказать въ помощи (австрійцамъ) мы не можемъ, но дать ее должны осторожно, дабы успѣхъ былъ елико можно безъ сомнѣнія".

II.

Таково было положеніе, занятое по отношенію къ Венгріи Императоромъ Николаемъ и русскимъ правительствомъ. Но русское общество думало иначе о событіяхъ, происходившихъ въ этой странѣ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ оно отнеслось къ пораженію, нанесенному Паскевичемъ венгерскимъ мятежникамъ, сражавшимся не только за независимость своей страны, но и за политическую свободу, надобно прослѣдить отзывы русской печати того времени.

Почти во всѣхъ брошюрахъ и во всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ той эпохи выражается глубокое сожалѣніе по поводу того, что венгерскій народъ утратилъ свою независимость вслѣдствіе вмѣшательства Россіи.

Эта мысль проходитъ красной нитью во всѣхъ статьяхъ, трак-

Библиотека "Руниверс"

тующихъ о событіяхъ 1848 года. Развитіе либеральныхъ идей въ Европѣ подготовило русское общество къ сочувствію событіямъ, разыгравшимся въ Венгріи въ 1848—49 г. г.

„Изучая внимательно эту эпоху и въ особенности исторію сближенія русскаго и австрійскаго правительства, послѣ побѣды подъ Вилагосомъ, мы убѣдились говоритъ г. Борецкій-Бергфельдъ, въ томъ, что за исключеніемъ правительственныхъ лицъ русскіе, вообще говоря, порицали эту политику, не сочувствовала ей и русская армія, посланная царемъ въ Венгрію подъ начальствомъ Паскевича.

„Офицеры, находившіеся во главѣ войска, составляли лучшую часть русскаго общества того времени, и что же? если просмотрѣть записки, веденныя ими во время этого злополучнаго похода, то окажется, что русская армія не сочувствовала дѣлу, которое ее заставили выполнить.

„Весьма интересны въ этомъ отношеніи воспоминанія русскаго офицера Фатѣева, появившіяся десять лѣтъ спустя послѣ венгерскаго похода.

„1 августа (ст. ст.) 1849 было несчастнымъ днемъ для венгерцевъ,—такъ начинаетъ Фатѣевъ свою статью; шестимилліонный, храбрый и благородный народъ потерялъ въ этотъ день надолго, если не навсегда, надежду отстоять съ оружіемъ въ рукахъ свою свободу противъ деспотической власти Австріи“. Говоря далѣе, о „безнадежномъ положеніи“, въ какомъ очутились венгерцы, окруженные австрійцами и русскими, когда Гергей былъ вынужденъ „отступить передъ роковой силой событій“, Фатѣевъ говоритъ съ искренней и глубокой грустью, что эти прискорбныя событія „надолго подавили въ душѣ венгерцевъ всякую мысль объ освобожденіи“.

Общественное мнѣніе Россіи высказалось по поводу этого событія совершенно опредѣленно; тотчасъ послѣ побѣды, одержанной надъ венгерцами генераломъ Паскевичемъ, весьма многіе единодушно выражали свое отрицательное отношеніе къ участію русскаго войска въ усмиреніи венгерскаго мятежа.

„Мы хорошо помнимъ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ похода, скрывшій свою фамилію подъ иниціалами А. Л., что въ русской арміи, направленной для спасенія Габсбурговъ, несмотря на безусловное и строгое исполненіе воинскаго долга, вовсе не обнаруживалось на малѣйшей симпатіи къ Австріи. Армія шла и дѣйствовала потому, что ей это было высочайше повелѣно, и тѣмъ исполнила свой святой долгъ. Но въ то же время, весьма нерѣдко, въ

Библиотека "Руниверс"

рядахъ ея проявлялось нерасположеніе не только къ австрійскому правительству, но и къ временнымъ соратникамъ и союзникамъ— къ австрійской арміи".

Но возвратимся еще разъ къ воспоминаніямъ Фатѣева, изъ коихъ отрывокъ приведенъ выше.

„Утро было восхитительное, пишетъ онъ, наши войска двинулись въ разныхъ направленіяхъ, заняли позиціи и приготовились къ бою. Равнина огласилась тысячею разнообразныхъ голосовъ: гомономъ людей, ржаньемъ лошадей, грохотомъ орудій; все это сливалось въ одинъ оглушительный шумъ. Венгерская армія еще не появлялась. Нашъ эскадронъ выстроился въ линію, послѣ чего всѣ спѣшились. Я также сошелъ съ лошади, легъ на траву влажную отъ росы и принялся думать. О чемъ думалъ я въ эту минуту? До сихъ поръ помню это вполнѣ ясно. Во-первыхъ, моему національному самолюбію льстило и втайнѣ радовало меня, что *эта кровопролитная и ненужная война скоро кончится.* Но преобладающимъ чувствомъ въ душѣ моей было *сожалѣніе объ униженіи непріятеля.* Я не только не чувствовалъ къ нему въ душѣ никакой ненависти, напротивъ, я ощущалъ къ нему уваженіе и искреннюю симпатію, а къ австрійцамъ равное этому отвращеніе".

Другой участникъ похода, Дроздовъ, адъютантъ начальника штаба 3-го армейскаго корпуса, генерала Фролова, описывая свои впечатлѣнія при первой встрѣчѣ съ генераломъ Гергеемъ, говоритъ о Вилагосской катастрофѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и его воспоминанія о ней проникнуты такою же грустью, какъ и воспоминанія прочихъ участниковъ похода.

Когда Гергей рѣшилъ прекратить неравную борьбу и сложить оружіе, то онъ извѣстилъ генерала Ридигера о томъ, что это будетъ исполнено только передъ войсками русскаго Императора, „ибо я торжественно объявляю, писалъ онъ, что скорѣе рѣшусь подвергнуть весь мой корпусъ истребленію въ отчаянной битвѣ противъ сильнѣйшаго противника, чѣмъ безусловно сложить оружіе передъ австрійскими войсками". Тогда Ридигеръ послалъ въ Вилагосъ, къ Гергею, генерала Фролова, чтобы условиться относительно церемоніала сдачи венгерскаго войска и сложенія оружія. Фроловъ и его свита, въ которой находился Дроздовъ, были приглашены Гергеемъ къ столу. Дроздовъ пишетъ:

„Всѣ были въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа. Даже мы сами находились въ странномъ, никогда не испытанномъ положеніи.

Душу мою наполняла мрачная мысль: неужели, по страшному

Библиотека "Руниверс"

опредѣленію судьбы, они собрались здѣсь для рокового празднованія своей собственной тризны. Несчастные! многіе изъ нихъ не ошиблись въ предчувствіи своей погибели“ [1]).

Фатѣевъ, присутствовавшій при сдачѣ венгерцами оружія, говоритъ, что русская армія пережила весьма тягостныя минуты, присутствуя при этомъ печальномъ зрѣлищѣ, и описываетъ его такъ:

„Пройдя передъ войсками, генералъ Ридигеръ, которому сдался Гергей, подошелъ ближе, остановился и приказалъ передать ему знамена. Это приказаніе произвело на венгерцевъ тяжелое, ошеломляющее впечатлѣніе. Казалось, какъ будто до этой минуты они считали возможнымъ иной исходъ. Но приказъ отданъ и глухо передается по рядамъ изъ устъ въ уста. Раздается похоронный маршъ, и трехцвѣтное знамя, священный символъ отечества и чести венгерской арміи, послѣдній разъ проходитъ передъ фронтомъ и какъ бы тихо склоняется прежде, нежели его передадутъ въ руки русскихъ.

„Въ этой церемоніи было нѣчто чрезвычайно тяжелое не для однихъ венгерцевъ. Тягостное впечатлѣніе этого дня надолго будетъ запечатлѣно въ памяти многихъ изъ насъ, бывшихъ свидѣтелями этой душу раздирающей сцены. Дѣло въ томъ, что всѣ солдаты и офицеры русской арміи, безъ различія, словно чувствовали сожалѣніе по поводу того, что они были сообщниками въ великомъ несчастіи, постигшемъ венгерцевъ; потому мы были печальны и удручены.

„Ровно въ часъ, Гергей, сопровождаемый своимъ блистательнымъ штабомъ, быстро мчался къ намъ, разсказываетъ Дроздовъ, на прекрасномъ золотисто-гнѣдомъ конѣ, въ своемъ скромномъ пальто, съ сумкой черезъ плечо и въ бѣлой круглой пуховой шляпѣ съ перомъ. Остановивъ штабъ свой въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, онъ, съ поникнутой головой, приблизился къ графу Ридигеру и открылъ торжественный актъ сложенія оружія продолжительнымъ объясненіемъ; въ заключеніе подалъ графу рапортъ о числѣ сдавшихся войскъ и оружія... Пѣхота съ грустью снимала съ себя боевую аммуницію и ставила ружья въ козлы; солдаты, прощаясь, плакали и цѣловали знамена своихъ полковъ. Гусары, остав-

---

[1]) Дроздовъ. Сдача венгерской арміи нашему войску передъ Вилагосомъ (Воен. Сборникъ, 1870, № 9).

Библиотека "Руниверс"

ляя своихъ коней, обнимали ихъ и, рыдая, прощались съ ними; столь же горько прощались они со своимъ ружьемъ.

„Невыразимо трогателенъ былъ видъ этого войска, стройнаго, сильнаго и бодраго, которое за нѣсколько мѣсяцевъ было такъ страшно для Австріи, а въ эту минуту стояло обезоруженное, покорное и какъ бы обреченное на казнь, ожидало исполненія своего приговора!.. Грустнымъ взглядомъ провожали насъ. Солдаты и офицеры, поникнувъ головами, плакали". Есть основаніе думать, что впечатлѣніе, произведенное Вилагосской катастрофой на офицеровъ—участниковъ похода, вполнѣ согласовалось съ состояніемъ духа всей русской арміи. Является вопросъ, дѣйствительно ли русская армія, приведенная въ Венгрію генераломъ Паскевичемъ, ясно представляла себѣ, что ее заставляли дѣлать? Война требуетъ увлеченія: она пробуждаетъ патріотизмъ и требуетъ энтузіазма. Въ данномъ случаѣ, какъ свидѣтельствуетъ Фатѣевъ и другіе, было обратное: русское войско было глубоко удручено. Одною изъ причинъ этого подавленнаго состоянія духа было отсутствіе настоящаго врага. Передъ лицомъ его, солдатъ вспоминаетъ объ обидѣ, причиненной его отечеству, о страданіяхъ, за которыя онъ долженъ отомстить. Невольно является вопросъ, какой оборотъ приняли бы событія, если бы армія Гергея могла оказать нѣкоторое время сопротивленіе? Быть можетъ, удрученное состояніе духа русскаго войска произвело бы поворотъ, благопріятный для венгерцевъ. Но судьба судила иначе.

Вотъ что разсказываетъ Фатѣевъ объ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ.

„Подъ вліяніемъ событій этого дня (сдачи оружія), я шелъ задумчиво во главѣ моего эскадрона, эскортировавшаго баталіонъ плѣнныхъ. Ко мнѣ подошелъ венгерскій офицеръ, въ гусарскомъ ментикѣ, съ большой каштановой бородой.

— Consummatum est—сказалъ онъ серьезно, вопросительно глядя на меня.

— Я не нашелъ абсолютно ничего отвѣтить ему. Я хотѣлъ пожать ему руку, но не смѣлъ.

— Neška priide na nas zli čas, bratė? (Неужели же для насъ настанетъ ужасный часъ?), прибавилъ онъ, вздыхая и качая головой. Вся его наружность храбраго солдата ясно говорила о его нравственномъ страданіи".

Негодованіе, испытанное солдатами и офицерами при видѣ униженія, причиненнаго венгерцамъ проявилось съ особенной силой послѣ капитуляціи Гергея, когда венгерцы стали плѣнными арміи Паскевича.

Библиотека "Руниверс"

Въ арміи былъ пущенъ слухъ, что походъ 1849 года былъ необходимъ для освобожденія братьевъ славянъ, порабощенныхъ венгерцами. Извѣстно, что оффиціальное толкованіе вмѣшательства Россіи въ дѣла Австріи было основано на этой идеѣ. Но „славянскій патріотизмъ“ былъ пустымъ звукомъ для русской арміи, сражавшейся въ Венгріи.

Офицеръ Лихутинъ, оставившій интересныя записки о походѣ въ Венгрію, говоря о состояніи духа русской арміи въ 1849 г., доказываетъ, что мысль о помощи славянамъ въ Венгріи была для солдатъ дѣломъ второстепеннымъ. Главнымъ поводомъ войны въ ихъ глазахъ былъ союзъ Россіи съ Австріей.

„Являясь союзникомъ австрійскаго правительства, пишетъ Лихутинъ—и разрушая могущество мадьяръ, мы дѣйствовали тѣмъ самымъ въ пользу славянъ и пріобрѣли благодарность и расположеніе ихъ. Они положительно сочувствовали нашему вмѣшательству, это фактъ. Можно было думать, что мысль о союзѣ съ Австріей вызоветъ въ нашей арміи чувство солидарности и уваженія къ австрійцамъ. Но, по словамъ очевидцевъ, случалось какъ разъ обратное“.

„Произошло, какъ пишетъ другой офицеръ, явленіе, свидѣтельствующее о христіанскихъ воззрѣніяхъ, глубоко коренившихся въ болѣе просвѣщенной массѣ нашего народа, среди которой армія, безъ сомнѣнія, занимаетъ весьма замѣтное мѣсто“.

Вопреки законамъ военной логики, вопреки историческому ходу событій, вызванныхъ единственно недоброжелательствомъ Императора Николая и русскихъ реакціонеровъ къ венгерскимъ мятежникамъ, симпатія русскихъ къ побѣжденной арміи и народу возростала съ каждымъ днемъ.

Вчерашніе враги сдѣлались, послѣ сдачи Вилагоса, искренними друзьями.

„Наша дружба съ венгерцами тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, говоритъ Лихутинъ, что въ то же время между русскими и австрійцами, коихъ было много въ Гроссвардейнѣ, сближенія, не было и случались ссоры. Все это могло показаться страннымъ и заслуживало вниманія. Мы пришли помогать австрійцамъ и помогли имъ, и вдругъ наши симпатіи оказались на сторонѣ тѣхъ, во вредъ которымъ мы дѣйствовали“.

Фатѣевъ разсказываетъ, что русскіе солдаты дружески бесѣдовали съ венгерцами, на томъ языкѣ, который наши солдаты придумали сами, чтобы разговаривать съ иностранцами. Они раздѣляли съ плѣнными пищу, въ которой послѣдніе терпѣли недостатокъ.

Библиотека "Руниверс"

Словомъ, ничто не напоминало о томъ, что еще наканунѣ они были врагами.

Лихутинъ пытается объяснить дружбу нашихъ солдатъ съ венгерцами. „Причины этому были разнообразны, пишетъ онъ: отчасти, великодушіе, сожалѣніе къ побѣжденному, но выказывавшему намъ расположеніе непріятелю. Съ другой стороны, это былъ какъ бы молчаливый протестъ противъ того, что сами исполнили,—отчасти заносчивость нѣкоторыхъ австрійскихъ офицеровъ или, можетъ быть, отчасти напускной либерализмъ“ и т. д.

По мнѣнію Лихутина, присутствіе въ рядахъ обѣихъ армій поляковъ и нѣмцевъ, которые не могли не сочувствовать венгерцамъ, въ рядахъ которыхъ служило также много поляковъ и нѣмцевъ, также объясняетъ странный фактъ братанья русскихъ съ венгерцами.

Такимъ образомъ, благодаря отсутствію традицій племенной ненависти, слагающейся путемъ историческихъ столкновеній, русская армія не имѣла ни малѣйшей причины питать къ венгерцамъ враждебныя чувства, и венгерцы, со своей стороны, не питали, никакой злобы къ этимъ солдатамъ, вторгнувшимся въ ихъ страну и вызвавшимъ Вилагосскую катастрофу.

Находясь въ главной квартирѣ русской арміи, гдѣ были плѣнные венгерскіе офицеры, Фатѣевъ имѣлъ случай близко наблюдать ихъ, и онъ говоритъ вполнѣ искренно, что „всѣ они откровенно выражали свою симпатію къ русскимъ“. Вмѣшательство Россіи въ австро-венгерскія дѣла было для нихъ не только неожиданно, но и непонятно.

„Послѣ того какъ генералъ Гергей сложилъ оружіе, говоритъ Фатѣевъ, когда многіе были убѣждены въ томъ, что Венгрія навсегда утратила свою независимость, и когда въ рядахъ венгерской арміи то и дѣло происходили самоубійства, многіе полагали, что Венгрія отойдетъ къ Россіи“, и были этимъ довольны.

Въ тотъ моментъ вражда къ Австріи была такъ сильна, что венгерцы готовы были бы присоединиться къ любому народу, лишь бы ихъ не принуждали подчиняться австрійской реакціи.

„Трудно было ожидать, чтобы Австрія оказалась великодушной, говоритъ Фатѣевъ,—какъ только слухи о сдачѣ венгерской арміи подтвердились, многіе венгерцы поспѣшили исчезнуть“.

Эта симпатичная для венгерцевъ атмосфера, созданная русской арміей, до такой степени мало соотвѣтствовала тому, чего могли ожидать мятежники, что она породила въ умѣ венгерскаго народа

Библиотека "Руниверс"

самые фантастическіе проекты; временами страхъ смѣнялся въ ихъ душѣ самымъ слѣпымъ довѣріемъ. Чтобы понять это состояніе духа, любопытно прочесть разговоръ, который имѣлъ въ то время Лихутинъ въ Гроссвардейнѣ съ молоденькой дочерью одного знатнаго венгерца. Она высказала ему между прочимъ, что прежде она была республиканкой, а послѣ пораженія стала роялисткой.

„Теперь я не желаю республики, сказала дѣвушка; теперь всѣ мадьяры желали бы принадлежать Россіи, великой націи, прославленной великими дѣлами".

По словамъ Лихутина, мысль и желаніе принадлежать къ Россіи высказывались въ это время многими мадьярами.

По свидѣтельству офицеровъ, сами вожди венгерской арміи были удивлены великодушнымъ отношеніемъ къ венгерскимъ плѣннымъ. Дроздовъ передаетъ, что Гергей, въ письмѣ къ коменданту крѣпости Арадъ, генералу Дамьяничу, пославшему въ штабъ русскихъ войскъ парламентеровъ, чтобы вести переговоры о сдачѣ этой крѣпости, писалъ:

„Съ нами такъ обходятся, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся. Ибо если бы мы были въ обратномъ положеніи, то я не могъ бы, кажется, ручаться за такое же милое великодушное обхожденіе со стороны нашихъ офицеровъ въ отношеніи къ непріятельскимъ военно-плѣннымъ".

Лихутинъ также подтверждаетъ этотъ фактъ и присовокупляетъ, что Гергей, прощаясь съ арміей, совѣтовалъ ей поддерживать дружескія отношенія съ русскими, которые въ отношеніи ихъ были безупречны.

„И дѣйствительно, говоритъ Лихутинъ, мы всегда встрѣчали у жителей Венгріи ласковый пріемъ,—обстоятельство, доказывающее политическій тактъ, который, надо замѣтить, бываетъ не у всѣхъ народовъ".

III.

„Послѣ всего сказаннаго, мы считаемъ возможнымъ высказать опредѣленное мнѣніе о душевномъ настроеніи русской арміи во время достопамятнаго венгерскаго похода 1849 г. Все то, что говорятъ въ своихъ запискахъ участники этого похода, даетъ право утверждать, что между монархическими взглядами Императора Николая I и душевнымъ построеніемъ русской арміи въ 1848—49 годахъ не было согласія.

Библиотека "Руниверс"

Когда горячія симпатіи, которыя питали въ рядахъ нашей арміи къ венгерцамъ, оказали на побѣжденныхъ воздѣйствіе, и когда со всѣхъ сторонъ стали получаться извѣстія о томъ, что венгерскія войска и крѣпости были готовы сдаться русскимъ, но не австрійцамъ, и главный штабъ увѣдомилъ объ этомъ Императора Николая I, то Императоръ высказался въ письмѣ къ Паскевичу:

„Удовлетворить прихоти венгровъ, сдавать крѣпости однимъ намъ нахожу противнымъ разсудку и *здравой политикѣ*. Это не арміи въ полѣ, отъ упорства которыхъ война продлиться могла бы; армій не существуетъ, крѣпости рано или поздно сдаться должны, и *сдаться своему законному Государю*, а никакому другому“ [1]).

Императоръ Николай I не забывалъ ни на минуту, что русское войско было послано въ Венгрію, чтобы усмирить народъ, поднявшій знамя мятежа противъ своего законнаго монарха. Поэтому онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какія отношенія установятся между русскими и венгерцами. Онъ боялся, чтобы эти отношенія не принесли опасныхъ плодовъ для его имперіи.

„Прошу настоятельно—пишетъ Императоръ Паскевичу 7 (19) авг., получивъ отъ Главнокомандующаго извѣстіе о капитуляціи Вилагоса—чтобы не было со всей этою с. никакихъ у насъ близкихъ сношеній, ибо легко отъ этого сближенія и наша молодежь заразиться можетъ. Они бунтовщики, и намъ подло и низко съ ними сближаться. Довольно и того, что ихъ милуемъ“.

Какъ только всѣ формальности, связанныя со сдачей венгерскихъ войскъ нашей арміи, были окончены, отъ Императора немедленно было получено приказаніе вывести русскія войска изъ Венгріи и покинуть этотъ „очагъ революціи“.

Но въ то время какъ генералу Паскевичу отдавали по повелѣнію Императора, по всему пути его тріумфальнаго шествія въ Россію, царскія почести русская армія осталась, по возвращеніи на родину, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ сознанія, что она помогла совершить большую историческую несправедливость.

Со смутнымъ чувствомъ покидали войска страну, гдѣ они стяжали побѣдные лавры и проливали свою кровь, защищая интересы Габсбургской монархіи.

„Оставляя очаровательныя долины и равнины Венгріи, пишетъ одинъ изъ участниковъ похода, мы всѣ невольно часто останавливались и смотрѣли назадъ. Наконецъ, въ послѣдній разъ мы долго

---

[1]) Письмо къ Паскевичу отъ 2 (14) августа 1899 г.

Библиотека "Руниверс"

смотрѣли на отдаленную, безконечную степь, виднѣвшуюся узкою полосой между боками зеленыхъ горъ. Прощай, Венгрія, строптивая и укрощенная красавица, поприще нашихъ трудовъ и славы, будущее свѣтлое воспоминаніе нашей старости! Не даромъ полюбили тебя гунны и угры. Наша мысль будетъ часто перелетать съ нашихъ снѣжныхъ полей на твои зеленыя поля и виноградники, на твои высокія горы, покрытыя лѣсомъ и облаками, и безпредѣльныя равнины съ безоблачнымъ горячимъ небомъ. Какъ прелестная женщина, ты, можетъ быть, привлечешь еще когда-нибудь влюбленный, но роковой взглядъ завоевателей".

В. Т.

Библиотека "Руниверс"

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одепталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

11.

С.-Петербургъ. Февраля 2-го, 1812.

Письмо Ваше, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, отъ 25-го января имѣлъ я удовольствіе получить. Благодарю Васъ за отвѣты по моимъ запросамъ. Благодарю за забавныя новости.—Итакъ, гр. Ѳедоръ Васильевичъ долженъ быть уже у насъ. Поздравляю Васъ, что Вы съ этимъ настоящимъ русскимъ бариномъ познакомились. Мы, почтовые чиновники, ни его, ни Дм. Прокофьевича [2]) по сіе время забыть не можемъ. Это благодѣтели рода человѣческаго. Отечество лишилось въ нихъ надежнѣйшихъ опоръ. Государь теряетъ, что не приближаетъ ихъ къ себѣ. Но не будемъ ли мы чѣмъ-нибудь обрадованы въ настоящій пріѣздъ гр. Растопчина? Я надѣюсь съ нимъ видѣться у Калинина [3]).

Неудачно зажигавшій себѣ мозгъ долженъ быть тотъ самый, который имѣлъ дуэль съ кн. Голицинымъ за оброненный кадансъ. Отъ него лучшаго нельзя было ожидать.

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

[2]) Трощинскій. Одно время завѣдывалъ управленіемъ почтъ и удѣловъ; въ 1812 году былъ въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ.

[3]) Калининъ, Николай Игнатьевичъ, былъ въ то время петербургскимъ почтъ-директоромъ.

Библиотека "Руниверс"

Здѣсь съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія кн. Куракина изъ Москвы. Онъ обѣщалъ унять одного пакостника. Дай Богъ, чтобы онъ сдержалъ свое слово!

Гр. Викторъ Павловичъ [1]) заступилъ, наконецъ, въ Государственномъ Совѣтѣ мѣсто гр. Завадовскаго.

Поговариваютъ теперь, что у насъ скоро будетъ новый министръ просвѣщенія, и именно Оленинъ [2]).

Ждите о мирѣ извѣстія отъ братца, а отъ меня побочныхъ свѣдѣній токмо въ то время, когда еще дѣло нейдетъ на ладъ. Турецкіе уполномоченные находятся еще однакожъ въ Бухарестѣ. Музюльмане насъ боятся: рады бы помириться, да не смѣютъ.

Я не понимаю, откуда взялся здѣсь неимовѣрный слухъ о нѣкоторомъ происшествіи между нашимъ Стакельбергомъ и фран. посломъ въ Вѣнѣ. До сихъ поръ считаю я происшествіе сіе выдумкою.—Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вскорѣ услышимъ или подтвержденіе, или опроверженіе.

Былъ у Лаваля [3]) во вторникъ большой праздникъ. Званныхъ было 400 особъ. Говорятъ, что угостилъ такъ, что и настоящему россійскому барину не стыдно бы было въ тотъ вечеръ занять его мѣсто.

Сколько слышу эпиграммъ на сего урода!

Хитровъ, какъ мнѣ сказывали, уже уѣхалъ въ Вѣну.—Свадьба кн. Щербатова будетъ 18-го сего мѣсяца.—Камеръ-юнкеръ Байковъ женится на какой-то пребогатой молдаванкѣ или гречанкѣ.—Изъ Вильны пишутъ мнѣ отъ 21 генваря, что тамъ дрался молодой кн. Четвертинскій съ какимъ-то полякомъ на сабляхъ. Полякъ раненъ небережно въ руку, а Четвертинскій тяжело въ голову. Поссорились въ Казино на пикникѣ за генеральшу Беннигсенъ.—Вотъ все, что могу Вамъ сей разъ сообщить.

Да! Я чай не писалъ Вамъ, что генералъ баронъ Розенъ женится на гр. Дмитрія Александровича Зубова дочери, а можетъ быть, уже женился? A ce moment arrive le courier et apporte la nouvelle, que Valence est prise par les français.

---

[1]) Кочубей.

[2]) Алексѣй Николаевичъ.

[3]) Графъ Лаваль, Иванъ Степановичъ, французскій эмигрантъ, дѣйствительный камергеръ и церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора.

Библиотека "Руниверс"

12.

С.-Петербургъ. Февраля 6-го 1812 г.

Не сравняйте меня, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, съ Крюковою. Я, передавая слухи, могу впадать въ тѣ же ошибки, которыхъ причастны и тѣ, которые передаютъ мнѣ враки, бредни, сплетни или, какъ хотите назовите, неосновательныя новости. Въ моихъ послѣднихъ долженъ однако же сдѣлать одни токмо варіанты, ибо онѣ по существу своему не опровергаются, а только по локальности и персонажамъ.

Вмѣсто Вѣны прошу поставить Неаполь, вмѣсто Стакельберга кн. Долгорукова и секунданта его Бенкендорфа. Божусь вамъ, что сколь обстоятельно ни разсказываютъ здѣсь о семъ чрезвычайномъ происшествіи, я все-таки остаюсь при прежней моей погудкѣ, что cela n'est pas cela.

Сочиненные покойному фельдмаршалу гр. Каменскому стихи можно теперь возобновить для Беннигсена. Il ne faut pas parler aux Prusses, wie machtman ein Wolkfayfer. Поведи ихъ токмо хорошо, такъ докажутъ себя.

Я еще не слыхалъ о пріѣздѣ сюда гр. Растопчина. То-то будутъ пялить глаза! Чтобы, отдавъ сына въ военную службу, самъ не вступилъ въ штатскую! Дай Господи! Я, по крайней мѣрѣ, много добра ожидаю для Россіи отъ этого вельможи. Еще у васъ сидитъ въ Москвѣ одинъ умный человѣкъ. Давайте намъ его сюда въ работу!

13.

С.-Петербургъ. 9 Февраля 1812 года.

Почтовый день. Надобно писать къ любезнѣйшему Александру Яковлевичу,—И новыя газеты пришли. Зовутъ ихъ цензировать. Нужды нѣтъ! Да что же сообщить Вамъ интереснаго? Право, я самъ почти ничего не знаю, ничего не слыхалъ.—Сказать Вамъ, что 6-го числа во вторникъ былъ спландидный балъ у французскаго посла: не все ли одно, что говорить Вамъ о дурной и хорошей погодѣ? Монаршія милости велики! Заслуги нынѣ не остаются безъ награжденія. Дмитрію Александровичу Гурьеву пожаловано нѣсколько тысячъ десятинъ земли.

Всѣ здѣшніе офицеры смотрятъ марціональнѣе. Не нужно ихъ спрашивать, отъ чего?—Это видно, кто умѣетъ читать лица, какъ книги,—что русская кровь закипѣла при извѣстномъ словѣ.

Библиотека "Руниверс"

14.

С.-Петербургъ. Февраля 13. 1812 года.

Такъ гр. Ѳедоръ Васильевичъ обрадуетъ насъ пріѣздомъ своимъ не прежде марта? Tous les vils intriguans ont changé de couleur dès qu'ils ont appris son apparition. Правду сказать, канальи всегда боятся честныхъ людей, да еще такихъ, которые и съ грознымъ царемъ никогда не терялись въ духѣ. Я видалъ его, Александръ Яковлевичъ, говорящимъ съ Государемъ Павломъ Петровичемъ. Однимъ словомъ—это хватъ—это мой человѣкъ!—Ежели будетъ кстати, произнесите сему многоуважаемому мною мужу мизерную мою фамилію. Онъ при хорошей своей памяти долженъ меня помнить. Я былъ имъ командированъ по важной комиссіи въ Ригу. Я имъ былъ весьма доволенъ, не менѣе того долженъ заключить изъ сего, что и онъ мною. За душу его могу, могу поручиться. Прекрасное дѣло мирить Государя съ подданными!

Вамъ было больно говорить о несчастной Каленбергъ, а мнѣ прискорбно слушать. Кто былъ родитель ея?—И Фридрихъ Второй называлъ его диктаторомъ! Я увѣренъ, что Семеновъ взбѣситъ задорную Жоржъ. Предварите обнемогающагося друга Вашего чтобы онъ не допустилъ ихъ до драки. Французская Аѳинея дерзка на руку, жретъ всякій день птичьи мозги и отъ того непомѣрно сильна. Здѣсь она доказала свою мощь надъ одною знатною дамою. Боже! и эту Перонелль не выслали за границу!—Въ Парижъ ее обратно! Тамъ ожидаютъ ее кредиторы и тюрьма.

Какова сцена была въ Астрахани!—Губернаторы съ вице-губернаторами представляютъ нынѣ атлетовъ. Генералъ Ильинъ посланъ смѣнить старшаго.—У насъ 11 числа въ началѣ 6-го часа ввечеру была молнія.—Страшенными глыбами упадаетъ съ нечищенныхъ крышъ снѣгъ. Онъ замѣняетъ тотъ, который былъ свезенъ съ улицъ.

15.

С.-Петербургъ. Февраля 16. 1812 года.

Благодарю моего принца де Линья за другое письмо отъ одного и того же числа. Оба отъ 7-го февраля.

Дѣлайте чаще такіе анахронизмы, только не лишайте поклонника талантовъ отрады, которую онъ находитъ въ Вашихъ эпистолахъ. Приложеніе стиховъ Ю. А. Нелединскаго заслуживаетъ особенную признательность къ труду Вашему. Cela prouve

Библиотека "Руниверс"

beaucoup selon ma façon de penser. Спасибо вамъ, москвичамъ-патріотамъ, что вы не даете любимицы музъ, въ Россіи взлелѣянной, въ обиду иностранной шлюхѣ, которая не стоитъ лѣваго мизинца плѣнительницы моей Семеновой.

Что хотите Вы знать?—О мирѣ?—О немъ еще самъ ничего не слыхалъ.—О новыхъ налогахъ, поборахъ, пошлинахъ?—Извольте.—Я воображаю, что Вы меня назовете несноснымъ, нестерпимымъ за мои извѣщенія. Пожалуйте, будьте справедливы! Я бы самъ желалъ Вамъ описывать вѣчно очаровательность игры Семеновой, но насъ всѣхъ умѣютъ разочаровывать обстоятельства, случайные люди. Ихъ за то награждаютъ.

Prions Dieu.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда шведскій министръ.

Не удалось узнать его фамиліи: но къ чему и фамилія, когда уже извѣстно, что онъ хватъ. Cela veut dire—супостатъ.

Въ воскресенье въ придворной церкви будутъ совершены три свадьбы, въ томъ числѣ и князя Щербатова.

16.

С.-Петербургъ, февраля 20 1812 г.

Сію минуту кончилъ цензуру новыхъ газетъ. Видѣлъ съ удовольствіемъ, какъ у французовъ оттягали Ціудадъ-Рогдриго, какъ отогнали ихъ отъ Тариффы, какъ гишпанскіе инсургенты не унываютъ при всѣхъ неудачахъ. Тревожьте, тревожьте! не давайте покою тѣмъ, которые нарушаютъ спокойствіе всей Европы!

Ich veiss nicht, was ich Ihnen sagen soll vom Preussen.

Туда вступили уже войска. Отгадывайте сами, чьи. Надобно Вильгельму сказать: Je suis pour ou contre.—Кажется, что Берлинъ скоро будетъ занятъ чужестранными войсками. Кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ.—Какихъ важныхъ происшествій должно ожидать!—Пруссаки хотѣли прежде поѣсть картофелю, а потомъ уже приступать къ категорическому отвѣту. Имъ не даютъ времени. Ихъ вопрошаютъ, за нихъ и отвѣчаютъ. On joue le proverbe. И у насъ есть актеръ Фрожеръ, который препорядочно играетъ этотъ фарсъ; да чортъ ли въ фарсахъ, когда надо тягаться въ силахъ! Наступай! Налегай! Тискай! Дави! Бей и добивай!—Вотъ какъ безсмертный Суворовъ въ катехизисѣ своемъ велитъ дѣйствовать противъ стоглавой гидры.

Меня спрашиваютъ многіе: пріѣхалъ ли сюда Дюрокъ?—Да мнѣ почему знать!

Библиотека "Руниверс"

На прошедшей недѣлѣ выступило отсюда нѣсколько полковъ только не гвардейскихъ. Съ ними прощались по-русски, провожали ихъ по-русски, обѣды дѣлали за нихъ по-русски.—Они будутъ дѣйствовать по русски.

Три возвѣщенныя мною свадьбы совершены въ воскресенье. Какое восхитительное время для молодыхъ, а особливо для кн. Любомірскаго!

17.

С.-Петербургъ, февраля 23 1812 г.

У насъ новостей никакихъ не слышно, или, лучше сказать, въ моемъ лазаретномъ углу.—Здѣсь теперь отмѣчается пріѣхавшая изъ Германіи славная мимическая актриса Шицъ. Въ нѣмецкій театръ мудрено нашему брату попасть, когда она играетъ.

Давка престрашная. Платятъ по 15 р. за кресло, а по 50 за ложу. О ней мнѣ что-то много наговорили, но я, пока самъ ее не увижу, ничего Вамъ не скажу.

18.

С.-Петербургъ, февраля 27 1812 г.

Что жъ бы мнѣ Вамъ, умница мой, перекинуть отсюда изъ новостей?—Говорятъ, что Государевы походные экипажи уже отправились въ путь. Войска попеременно продолжаютъ оставлять резиденцію. Дневные для нихъ переходы назначены въ 40 верстъ. Александръ Львовичъ [1]) дѣйствительно прежде Вашего письма прикатилъ сюда какъ гонецъ, даромъ что ѣхалъ въ тяжелыхъ экипажахъ. Сегодня у него нарядный балъ. У Дмитрія Львовича [2]) на сихъ дняхъ приготовляется удивительный праздникъ.

Онъ передѣлалъ парадныя комнаты: надобно ихъ показать.

Спасибо гр. Ростопчину, что онъ ни въ чемъ не измѣняетъ тому высокому мнѣнію, которое я о немъ имѣю. Ѣзди чаще, Ѳедоръ Васильевичъ, къ Булгакову! ходатайствуй за него, за брата его!—

19.

С.-Петербургъ, марта 1-го 1812 г.

У Алекс. Львовича отмѣненъ балъ во вторникъ. Тутъ вышли обстоятельства. За то гр. Орловъ въ ту ночь продержалъ у себя

---

[1]) Нарышкинъ.

[2]) Нарышкина.

Библиотека "Руниверс"

на праздникѣ гостей до 6 часовъ утра. Едва-ли не запрещены теперь подъ рукою балы. Такъ, по крайней мѣрѣ, я подъ рукою слышалъ.—Идутъ, ѣдутъ на рать.

Однѣ и тѣ же вѣсти. Я по этимъ движеніямъ крайне занятъ. Формируется полевой почтамтъ. Кто гуще смыслитъ, на томъ и выѣзжаютъ, а послѣ покажутъ шишъ.

20.

С.-Петербургъ, марта 5-го 1812 г.

Наша масленица провалила съ свистомъ, гаркомъ. Сегодня провожаемъ маскарадомъ въ двухъ мѣстахъ нѣмецкій карнавалъ. И я на старости плетусь за молодыми.

Хотя гвардіи продолжаютъ выходить, по нѣкоторымъ слухамъ однакожъ могутъ еще ихъ поворотить съ дороги. Для меня слухи десятая вода на киселѣ.

Курьеровъ нашихъ изъ Лутеціи пріѣзжаетъ множество, и чужестранныхъ не меньше. О нихъ говорятъ, какъ о добрыхъ вѣстникахъ. Я остаюсь на одномъ пунктѣ, и повторяю пословицу: мягко стелетъ, да жестко будетъ лежать.

Балы, которые здѣсь собирались давать по случаю богатыхъ и знатныхъ свадебъ, всѣ почти не состоялись. Кончились такія затѣи вечеринками безъ плясокъ. Не слыхалъ, чѣмъ замѣнилъ Дмитрій Львовичъ великолѣпный праздникъ въ новоотдѣланныхъ своихъ покояхъ. О пріуготовленіяхъ къ оному за мѣсяцъ говорили въ городѣ. Дмитрій Львовичъ болѣе другого обязанъ съ братомъ своимъ дѣлать угодное общему нашему повелителю. И нашъ министръ при fureur'ѣ своемъ къ баламъ нашелся въ необходимости обуздать себя на сей разъ. Племянница хоть и поплакала, а дядюшка представилъ таки во всей наружной формѣ царедворца. То-то, сударь, дѣтина! Я, приближаясь къ нему, всегда беру платокъ въ ротъ. Угадайте, для чего? Для него у меня дурной запахъ изо рту.

Сужу по молчанію любезнаго Максима Ѳедоровича, что бригадная формировка кругомъ отрѣзываетъ у него свободное время. Слышу, что онъ даже и къ супругѣ своей не пишетъ. Да! ужъ онъ службы не покинетъ назади. C'est un vrai militaire, je l'aime et je l'estime. Прошу лично ему кланяться съ моимъ почтеніемъ.

21.

С.-Петербургъ, марта 8 1812 г.

Говорятъ, что Лутецкій Юпитеръ въ крайности. Давай Богъ, чтобы это была не ложь!—У него-де нѣтъ денегъ!—Кабы намъ чу-

Библиотека "Руниверс"

жими устами пить этотъ медъ!—Жена его поскакала въ Вѣну просить на колѣняхъ у отца пособія.—Совѣтую ей не просить ничего, а остаться у родителя своего.—Молодецъ-де тягу далъ во Франкфуртъ.

Вчерась ожидали сюда Екатерину Павловну [1]). Не знаю, изволила ли прибыть.

22.

С.-Петербургъ, марта 12 1812 г.

О гр. Ѳедорѣ Васильевичѣ уже идетъ здѣсь между угадчиками слухъ, что онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ Государемъ къ арміи. Въ числѣ сопровождающихъ Высочайшую его Особу считаютъ между прочими и гр. фонъ-деръ Палена. Поелику Балашовъ [2]) тоже съ ними отправляется, то градоначальникомъ здѣсь, какъ говорятъ, останется Вязмитиновъ [3]). Въ будущую субботу походъ отсюда войскъ заключится кавалергардами. Судя по хорошему состоянію зимняго пути, должно думать, что Государь не поспѣшитъ отъѣздомъ своимъ.

Снѣгу до Вильны выпало много, и морозы по утрамъ простираются до 15-ти градусовъ.

Man spricht hier immer fort, dass es nicht zum Hauen kommen wird. Ja, du, lieber Gott! wer kann hier genug klug sein, wie nicht durch das allerlei Gerede in Verwirrung zu gerathen? Also viel Lärmen und Nichts.

Какъ мастерски отдѣлалъ гр. Ростопчинъ Стройновскаго! [4]) Для меня теперь возраженіе сіе переписывается. Вы мнѣ о немъ ни разу не упоминали: развѣ Вы его не читали? У насъ здѣсь ходитъ по рукамъ и другое —Лѣнивцова: но это брань, и брань вздорная, скучная, несносная. Онъ, впрочемъ и самъ теперь это чувствуетъ, и желалъ бы лучше не писать его.

Письмо кн. Козловскому доставлено.

23.

С.-Петербургъ, марта 15 1812 г.

Que voulez vous, que je vous communique d'içi?—Les préparatifs sont à la guerre, les bruits à la paix. Узелъ хотятъ те-

---

[1]) Великую Княгиню.

[2]) Александръ Дмитріевичъ, военный губернаторъ Петербурга и министръ полиціи.

[3]) Сергѣй Козьмичъ, с.-петербургскій главнокомандующій.

[4]) Валеріанъ Венедиктовичъ, авторъ сочиненія „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“. Вильна 1809 г.

Библиотека "Руниверс"

перь развязывать раздѣломъ Пруссіи. На сіе потребна вѣра, коей я не имѣю. Il y va à qui réussira à tricher l'autre. Я занимаюсь только финальностію. Имброглiо чудесное. Всякая проницательность о него притупляется.—Я имѣю самыя свѣжія письма изъ Вильны. Въ тамошнемъ краю все подружейное въ движеніи.—О гр. Ѳедорѣ Васильевичѣ еще ничего достовѣрнаго не узнаю.—Гр. Кочубей отправится съ Государемъ докладывать по части Государственнаго Совѣта.—Полковъ теперь здѣсь осталось столько, что и считать ихъ нельзя.

Конная гвардія выступаетъ, какъ мнѣ сказывали, сегодня. Кавалергардамъ, стало быть, достанется идти уже на будущей недѣлѣ.

24.

С.-Петербургъ, марта 19 1812 г.

О гр. Ѳедорѣ Васильевичѣ идутъ здѣсь разные выгодные для него слухи, и хотя положительнаго еще ничего не знаю, но достовѣрнымъ мнѣ кажется то, что въ Москву его назадъ не пустятъ. Ему приписываютъ о сю пору большое вліяніе на чрезвычайную перемѣну, которая послѣдовала въ теченіе вчерашнихъ сутокъ. Въ 3 часа по полуночи помчали куда-то статсъ-секретаря Магницкаго [1]), а въ 4 часа по полудни повезли также въ надежное мѣсто страшнаго моего антагониста—Сперанскаго [2]). Къ Трощинскому писалъ я ровно за два года то, что теперь рѣшились токмо вывести наружу. Еще много осталось здѣсь изверговъ ихъ шайки. Худо сдѣлаютъ, ежели и ихъ не заберутъ.—Служившій у министра полиціи по особенной части нѣкто Дезангленъ [3]) взятъ въ статсъ-секретари. Онъ какъ неблагодарный человѣкъ разстался съ Балашовымъ. Я почитаю нравственность его не лучше Сперанской. Большія вышли денежныя награды. Гр. Кочубей получилъ 100 тысячъ рублей; Козодавлевъ 90 т., Тючкову 50 тысячъ, а тамъ еще другимъ военнымъ, и въ томъ числѣ барону Розену, который, кажется, недавно женился на графинѣ Зубовой.—Сегодня отъѣзжаетъ Цесаревичъ, которому выдано 150 тысячъ.—День Государева отъѣзда назначенъ 27 марта.—На границахъ прусскихъ и герцогства Варшавскаго составлено три арміи.

---

[1]) Михаилъ Леонтьевичъ, впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебнаго округа.

[2]) Гр. Михаилъ Михайловичъ, государственный секретарь.

[3]) Де-Сангленъ, Яковъ Ивановичъ, начальникъ тайной полиціи.

Библиотека "Руниверс"

Главнокомандующіе суть: гр. Кутузовъ, кн. Багратіонъ и Барклай-де-Толли. Главное начальство надъ молдавскою арміею поручено генералу Дохтурову.—Послѣдніе кавалергарды выступили отсюда 17-го числа. Теперь не осталось намъ провожать никакихъ полковъ.—Сегодня отпѣваютъ въ Невскомъ монастырѣ князя Василія Васильевича Долгорукова, коего тѣло повезутъ послѣ великолѣпной церемоніи въ деревню.

Важное наше событіе произвело здѣсь сильное ощущеніе. Что-то еще откроется по бумагамъ, которыя забраны и разсматриваются? Кого-то еще поддѣнутъ за добрый промыселъ? Не знаю, куда дѣвалъ Сперанскій деньги свои и гдѣ онѣ пласированы, но по моимъ соображеніямъ у него должны быть милліоны. Ежели хорошенько примутся, такъ много найдутъ прихвостниковъ у бывшаго государственнаго секретаря!—Боже! какъ я коротко этого человѣка зналъ, когда еще онъ былъ въ Невской академіи префектомъ и партикулярнымъ секретаремъ и учителемъ у князя Алексѣя Борисовича [1]). Не понимаю, что въ немъ нашли отмѣннаго, кромѣ езуитства, котораго онъ впрочемъ отъ разборчивыхъ глазъ скрывать не умѣлъ. Помудрилъ же онъ на свой пай! Едва, едва не утопилъ онъ насъ всѣхъ!

Что онъ дѣлалъ съ дворянскимъ сословіемъ! Какихъ людей съ адскимъ намѣреніемъ ввелъ онъ въ правительствующіе члены!—Wass die grossen Vorbereitungen anbetrifft; so will man noch durchaus wiessen dass diese Keinen Krigerischen Zweck haben. Es soll den armen Preussen aufs Tell gehen.

Наполеонъ ѣдетъ съ супругою въ Варшаву, а австрійскій императоръ въ Дрезденъ. Это напечатано въ берлинскихъ газетахъ.

25.

С.-Петербургъ, марта 23. 1812.

Меня утащили по утру въ четвертокъ въ Кронштадтъ, съ тѣмъ чтобъ въ ночь возвратиться; но планы наши испровергнуты. Насъ едва выпустили добрые пріятели нынѣшнимъ утромъ. Я прогулялъ чрезъ то вчерашнюю легкую почту въ Москву. Какая досада!—Засталъ у себя на столѣ посланіе любезнѣйшаго Александра Яковлевича.

Сейчасъ имѣлъ двухъ посѣтителей, но отъ нихъ ничего путнаго не могъ отобрать. Говорятъ, что Сперанскаго дочь умерла, что у него найдено въ потаенныхъ ящикахъ 400 тысячъ червонныхъ,

[1]) Куракина.

Библиотека "Руниверс"

что за Трощинскимъ, графами Панинымъ и Марковымъ посланы курьеры, что многихъ сообщниковъ посадили еще въ крѣпость etc. etc.; но за достовѣрность всѣхъ сихъ слуховъ Вамъ не ручаюсь.

Флигель-адъютантъ и полковникъ Воейковъ за похищеніе важныхъ бумагъ въ тотъ же день сосланъ, какъ и Кутейникъ [1]) съ другомъ своимъ. C'est une mer à boire, que les bruits du jour.

О гр. Ростопчинѣ говорятъ сто различными манерами, всякая дѣлаетъ ему однако же честь.

Разноглаголаній нѣсть конца.—До дипломата Жерве [2]), ежели еще не добрались, то, нѣтъ сомнѣнія, что доберутся. Онъ былъ закадычный другъ Сперанскаго. Ожидаемъ большихъ перемѣнъ въ правительствѣ, и надобно думать, что онѣ послѣдуютъ до Высочайшаго отъѣзда, который наипозднѣе назначенъ 29-го марта. Барклай-де-Толли [3]) уже отправился къ ввѣренной ему арміи.—Денежныя награды статскимъ особамъ, о которыхъ я писалъ Вамъ, сказываютъ, пріостановлены, ибо за нашего Капристрангулатора ходатайствовалъ Кутейникъ. Князю Багратіону [4]) и прочимъ военнымъ денежныя вспоможенія тотчасъ состоялись, Кутейникъ здѣсь въ крѣпости, дочь его не умерла. Иные увѣряютъ, что она съ бабкою поѣхала въ Нижній-Новгородъ.

Не далъ-ли хитрякъ заблаговременно комиссіи увидѣться съ эмиссаромъ своимъ Фесслеромъ [5]), котораго опредѣлилъ онъ къ Злобину? Это шельма иллюминатъ, котораго привезъ онъ изъ Эрфурта. На каретѣ былъ у измѣнника девизъ: *„je l'atteindrai pour sûr“*, это говоритъ стрѣла, летящая къ цѣли. Далеко мѣтилъ злодѣй. Нѣтъ сомнѣнія, что шайка его велика. И у васъ въ Москвѣ найдется довольно изверговъ. Теперь всякому ясно, почему дозволили печа-

---

[1]) Т. е. Сперанскій.

[2]) Жерве, Андрей Андреевичъ, д. ст. сов., управлялъ дѣлами заграничныхъ миссій и завѣдывалъ экспедиціей дешифровки депешъ.

[3]) Кн. Барклай-де-Толли, Михаилъ Богдановичъ, военный министръ, главнокомандующій I-й Западной арміей.

[4]) Кн. Багратіонъ, Петръ Ивановичъ, главнокомандующій II-й Западной арміей.

[5]) Фесслеръ, Игнатій-Аврелій, по происхожденію эльзасецъ. Род. въ маѣ 1756, † въ декабрѣ 1839 г. въ Петербургѣ, орд. профессоръ Львовскаго университета, докторъ богословія и масонъ. Въ 1810 г., по приглашенію Сперанскаго занялъ каѳедру еврейскаго языка въ СПБ. Духовной академіи, а потомъ философіи, гдѣ пробылъ 5 мѣсяцевъ, былъ зачисленъ корреспондентомъ въ комиссіи составленія законовъ по части уголовнаго права. Жилъ сначала въ Саратовѣ, потомъ въ Сарептѣ. Въ 1826 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и остался жить.

Библиотека "Руниверс"

тать Стройновскимъ революціонныя книги, переводить Котеньшинъ романъ о Пугачевѣ. Et qui n'a pas vu de nous dans les actes du g... l'intention infernal du scélérat! Намъ не совѣтовали о томъ и заикаться. Насъ намѣревались уходить. И Капристрангулярный человѣкъ былъ на насъ напущенъ яко на сумасшедшихъ, и врачъ разстраивалъ здоровье наше по возстановленіи извѣстныхъ ложъ. Неужели ихъ не уничтожатъ! Будетъ бѣда!.

О Трощинскомъ продолжаютъ говорить, что его вызываютъ, но я достовѣрно еще до сихъ поръ не знаю, рѣшенъ ли этотъ вопросъ.

Полагаю, что для гр. Ѳедора Васильевича приготовляется что-нибудь важное.—На сихъ дняхъ Государь долженъ отправиться въ путь. Вчерась говорили даже, что, можетъ быть, по обстоятельствамъ поѣдетъ и сегодня.—Пестель [1]) ходилъ нѣсколько дней съ завязанною головою и тужилъ, что ему нельзя было ѣхать на аудіенцію во дворецъ. Присутствіе гр. Ѳедора Васильевича для него очень непріятно. Онъ что-то для себя приготовлялъ.—На прошедшей недѣлѣ Монархъ изволилъ удостоить своего посѣщенія фельдмаршала гр. Салтыкова [2]). Изъ этого выводятъ, что ему поручено въ отсутствіе Государя какое-нибудь главное управленіе.—Ни на кого еще не могъ напасть, который бы обѣщалъ мнѣ доставить Лѣнивцево возраженіе. Меня нѣкоторые увѣряли, что два или три рукописные экземпляра, имъ друзьямъ своимъ данные, опять имъ же отобраны при появленіи по сему предмету сочиненія гр. Ростопчина. Эдакій отзывъ меня однакожъ не остановитъ. Я буду домогаться всячески удовлетворить желанію Александра Яковлевича.

Вотъ каковъ Вашъ корреспондентъ, что въ самое изобилующее новостями время онъ менѣе ихъ Вамъ сообщаетъ, нежели когда мало ихъ знаетъ. Мимоходомъ столько ихъ слышалъ и столь между собою несогласующихся, что благоразумнѣйшимъ почитаетъ ожидать дальнѣйшаго вскрытія. Одни дипломата Жерве видятъ всякій день прогуливающимся по бульварамъ, а другіе разсказываютъ о трагическомъ его прощаніи съ его семействомъ. Кажется, вѣрнѣе то, что онъ и Кавелинъ [3]) живутъ до сихъ поръ въ прежнихъ своихъ квартирахъ.

---

[1]) Пестель, Иванъ Борисовичъ, р. 1765 † 1843. Съ 1806 г. былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, но съ 1809 г. управлялъ Сибирью заочно, живя въ Петербургѣ.

[2]) Кн. Салтыковъ, Николай Ивановичъ, р. 1736 † 1816 г., воспитатель Государя Александра Павловича, фельдмаршалъ.

[3]) Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ, р. 1780 † 1851 г., былъ директоромъ медицинскаго департамента министерства полиціи.

Библиотека "Руниверс"

Государственный канцлеръ [1]) очень не веселъ: не ходитъ болѣе и прогуливаться, какъ мнѣ сказывали.

Валилъ черезъ пень колоду. Ожидаю каждую минуту иностранной почты.

27.

С.-Петербургъ, марта 29. 1812.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ уже теперь у Васъ въ Москвѣ. Можетъ быть, отъ него любезнѣйшій мой Александръ Яковлевичъ болѣе узнаетъ, нежели что я ему въ нынѣшней бесѣдѣ сказать могу.

Въ среду взяли еще дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бека который находился въ иностранной коллегіи. Въ тотъ же день удаленъ отъ должности и Жерве. Его мѣсто заступилъ знакомецъ Вашъ князь Козловскій.—Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ сдѣланъ, кажется, въ Высочайшее отсутствіе президентомъ Совѣта.

Военнымъ губернаторомъ назначенъ Вязмитиновъ [2]). Онъ же будетъ завѣдовать до возвращенія Балашова и полицейскую часть.

Пестелю, какъ мнѣ сказывали, велѣно наконецъ ѣхать отсюда въ свои губерніи. Хотя по его доказательствамъ побывавшіе въ Сибири и за семь тысячъ верстъ видятъ такъ же хорошо, какъ мы съ Вами на разстояніи полуаршина можемъ читать Сѣверную Почту, однакожъ уѣхавшій къ Вамъ патріотъ [3]) успѣлъ опровергнуть таковые его доводы. Онъ во многомъ исполнилъ желаніе цѣлой Россіи. Она ожидаетъ его въ маѣ на дѣйствительную службу.—Вы уже вѣрно читали манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.

О содержаніи его мнѣ говорить Вамъ нечего, но, можетъ быть, захотите знать, кто его сочинялъ?—Такъ это Александръ Семеновичъ Шишковъ [4]).—Nouvelle preuve, что можно быть изрядным литераторомъ, но не годиться для составленія манифестовъ.

Лѣнивцово возраженіе я уже досталъ для Васъ, остается его только переписать. Оно однако же не въ томъ болѣе видѣ, въ каковомъ видѣлъ я его прежде. Многія мѣста умягчены, а иныя и совсѣмъ выброшены.—Государь, по словамъ достовѣрнѣйшихъ, изволитъ отправиться въ путь 2-го апрѣля.

---

[1]) Гр. Николай Петровичъ Румянцовъ.

[2]) Вязмитиновъ, Сергѣй Козьмичъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

[3]) Гр. Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

[4]) Государственный секретарь послѣ Сперанскаго; генералъ-адъютантъ, адмиралъ, президентъ Россійской академіи и министръ народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

Гр. Кочубей и Козодавлевъ освобождены отъ казенныхъ долговъ. Первому простили 100, а послѣднему 96 тысячъ. Это та самая награда, о которой я Вамъ уже писалъ.—Комиссія, которая составлена изъ Вязмитинова, кн. Голицына, Балашова и Молчанова [1]) для изслѣдованія Сперанскаго шашней, собирается въ собственномъ его домѣ.—Дочь измѣнника дѣйствительно съ бабкою своею Стефенсъ [2]) уѣхала въ Нижній-Новгородъ. Отправилась также къ мужу и Магницкая, но куда именно, того не знаю. Милосердіе Монарха ознаменовало надъ сею несчастною выдачею ей трехъ тысячъ рублей.—Что-то вымотаютъ теперь изъ хитраго Бека? Это креатура графа фонъ-деръ-Палена, у котораго онъ былъ учителемъ. Все учители! Змѣевъ, Сперанскій, Бекъ.

Отъ Дмитрія Прокофьевича [3]) получилъ третьяго дня письмо отъ 13-го марта изъ Кіева. Онъ здоровъ: стало быть, ежели его потребуютъ, онъ можетъ ѣхать. Здѣсь не перестаютъ говорить, что за нимъ послали. Мы радуемся, что добраго графа Головина опредѣлили хотя ко двору. Да воскресаетъ коренная знать!—Nun habe ich mein Wortwefflicher Bulgacoff, meinen Sack ausgeleert. До послѣдняго зернышка все изъ него вытряхнулъ для Васъ. Я всегда такъ поступалъ съ покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ [4]), могу ли быть не откровеннымъ и предъ достойнѣйшимъ его сыномъ. Смотрите! Ежели гр. Ростопчинъ пособитъ Вамъ теперь скорѣе кончить Вашъ процессъ, такъ обязываемъ Васъ тотчасъ вступить въ такую службу, гдѣ бы таланты Ваши для отечества не пропадали.

28.

С.-Петерб. Апрѣля 2. 1812 г.

Нынѣшній день назначенъ для Высочайшаго отъѣзда. Вчерась за болѣзненными моими припадками, за ненастною погодою нигдѣ не былъ, никого не видалъ. Посему точно и не могу сказать, послѣдуетъ ли по назначенію путешествіе: но кажется, по состоянію дорогъ отлагать его долѣе невозможно.—Слышу, что Бекъ оправдался и пользуется опять свободою.

Истинные патріоты начинаютъ тревожиться, чтобъ и всѣ преступники не успѣли себя очистить. Правду сказать, какъ идутъ теперь дѣла, то ничему удивляться не должно. Quel menagement

[1]) Молчановъ, Петръ Степановичъ, съ 1868 г. управляющій дѣлами комитета министровъ.

[2]) Теща Сперанскаго.

[3]) Трощинскаго.

[4]) Булгаковымъ, отцомъ Александра Яковлевича.

Библиотека "Руниверс"

y-a-t-il a faire avec des traitres? On compromettroit de la sorte la sureté publique.—И Пестель остается здѣсь въ какомъ-то комитетѣ членомъ наравнѣ съ министрами. Зная этого человѣка вдоль и поперекъ, я не могу удерживаться отъ вздоховъ. Чего ожидать отъ лазутчиковъ, кромѣ эгоизма? Общее благосостояніе приносится въ жертву наушничества. И его поддерживаютъ кн. Лопухинъ и Чичаговъ.

Какъ прикажете разумѣть покровителей? On les reconnoit d'après leurs protegés. Es ist unmöglich seinen Unwillen darüber zu aussern.

Боже! спаси Россію.

Съ Лѣнивцовымъ возраженіемъ я еще вожусь, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ. Не могъ найти порядочнаго писца въ нашемъ департаментѣ свободнымъ. Подождите, самъ какъ-нибудь управлюсь. Вы мнѣ повѣрите, что я не празденъ; а то бы охотно посвятилъ вамъ цѣлое утро для сей потребы.

Жерве ни въ чемъ до сихъ поръ уличить не могли, и для того при удаленіи отъ прежней его должности оставленъ онъ въ коллегіи съ сохраненіемъ стараго оклада, который со всѣми эмолюментами хватаетъ за 10-ть тысячъ рублей. По подозрѣніямъ невинныхъ не удаляютъ отъ должностей, а преступниковъ не оставляютъ безъ соразмѣрнаго наказанія. Vous voyez, que tout est encore enigmatique.

Гр. Александру Николаевичу Салтыкову [1]) поручено управленіе иностраннымъ департаментомъ во время Высочайшаго отсутствія. Нѣкоторые хотятъ знать, что гр. Ник. Петр. Румянцовъ ѣдетъ въ Москву. Изволь теперь токмо растопыривать уши, чтобъ впускать въ нихъ разноглаголанія. Здравый разсудокъ для разбора настоящихъ обстоятельствъ совершенно безполезенъ.

Вы недавно обнаружили мнѣ свое мнѣніе о нашемъ Лафонтенѣ, а я вчерась получилъ изъ Вильны отъ истиннаго мнѣ друга слѣдующіе стихи, рожденные въ немъ чувствованіями подобными Вашимъ.

Когда еще на той
Ты не былъ степени высокой,
На кою Царскою взведенъ теперь рукой,
Твой умъ, нашъ Лафонтенъ, обширный и глубокій,
И кисть пріятная и вольная твоя,
Какъ бы предчувствіе какое-то тая,
Въ двухъ пастухахъ примѣръ царямъ нарисовала [2]),

[1]) Кн. Салтыковъ, Александръ Николаевичъ, р. 1775 † 1837 г., тайный совѣтникъ гофмейстеръ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ.

[2]) Царь и два пастуха, г—на Дмитріева.

Библиотека "Руниверс"

Тамъ! правду баснь твоя сказала:
Спокойство стада, пастуховъ,
Зависитъ все отъ *добрыхъ* псовъ;
Ихъ выборъ къ общему даетъ блаженству знаки:
Такъ будь же *добръ* и ты, когда попалъ въ собаки.

29.

С.-Петербургъ, апрѣля 5. 1812.

Отзывъ вашъ о Кутейникѣ почитаю я гласомъ Москвы, слѣдовательно, и цѣлой Россіи. Бѣда той землѣ, гдѣ иначе подобныхъ ему людей разумѣютъ. Я начинаю по нѣкоторымъ слухамъ страшиться, чтобы волку опять не поручили стеречь стада. Вообще можно сказать, что мы находимся въ Strudel-ѣ. Есть люди, которые хотятъ насъ изъ него вытащить, но, кажется, тщетно. Монархъ еще съ нами, и теперь уже неизвѣстно, когда намѣревается онъ и ѣхать. Я былъ вчера въ такомъ домѣ, гдѣ обѣдалъ Чичаговъ [1]). И онъ ничего положительнаго о Высочайшемъ отъѣздѣ не знаетъ.

Здѣсь разные слухи бродятъ о преображенскомъ полковникѣ Дризенѣ. Ежели онъ лишился жизни на поединкѣ, то легче бы было дижерировать, нежели смерти его приписывать неповиновеніе рядовыхъ. Его уже и до похода называли бѣльмомъ на глазу. Это сынъ курляндца, измѣнившаго отечеству своему. Хорошаго плода отъ худаго дерева ожидать нельзя.

Вы какъ будто въ конкурренцію пускаетесь съ Сѣв. Почтою. Въ то самое время, какъ Вы сообщили мнѣ происшествіе съ мальчикомъ при водвореніи статуи въ Благородномъ вашемъ собраніи безсмертной Монархини,

Которая бъ и въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ,
Была великою женой,

и этотъ эфемерный листъ поѣхалъ въ болото за сѣномъ, когда Вы скосили его на ароматныхъ лугахъ. Ich sage noch einmal, wir sind im Strudel.

Вчерась у главнаго редактора сей постыдной для Россіи эмблемы было ввечеру большое собраніе. Онъ былъ именинникъ. Меня,

---

[1]) Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, р. 1767 † 1849 г., извѣстный адмиралъ, бывшій морской министръ, членъ Государственнаго Совѣта, пользовавшійся большимъ довѣріемъ и расположеніемъ Императора Александра I.

Библиотека "Руниверс"

возвращавшагося домой мимо шумнаго его подъзда, чуть было не задавили какъ козу. — Промѣняли мы кукушекъ на ястребовъ. Чѣмъ-то вся настоящая фантасмагорія кончится! Худо всѣмъ намъ будетъ, ежели ей не сдѣлаютъ скоро конца. Autrement tout sera mis sens dessus dessous. Вотъ гдѣ очевиденъ адскій умыселъ Кутейника! Это все его креатуры. — Да! Дезангленъ сдѣланъ какимъ-то главнымъ директоромъ по особенной части при арміяхъ. Er wird über Todt und Leben ausshrechen. Спаси, Господи, люди твоя! So gehen die Sachen!—Que fait le patriote R...? Ah! Dieu! je tremble qu'il ne nous ait abandonné pour toujours. Не махнулъ ли онъ руками и не поѣхалъ ли удалиться отъ нечестивыхъ? То-то видѣлъ онъ бурду! Ахта! ахти! Je vous embrasse.

30.

С.-Петербургъ, апрѣля 9. 1812.

Оба приложенія отъ 1 апрѣля немедленно черезъ нарочнаго доставлены по надписи. Послѣ оговорки вашей, ловкій Александръ Яковлевичъ, на счетъ обманчиваго числа стоило бы прямому Оденталю что-нибудь сказать о той мистификаціи, которую хотите Вы выдать за подлинное мнѣніе Ваше. Царь Отецъ, отецъ Царь, Надежа-Государь, и въ какомъ бы отношеніи къ подданнымъ своимъ мы Его ни взяли, онъ все земной Саваоѳъ. Соотвѣтственно понятію сему и должно Его изображать, приличныя сану Его влагать въ уста и словеса.

Ne me taxez pas de pédanterie. Que j'en suis loin! Не дѣепричастіями, отъ которыхъ, дѣйствительно, пошелъ смрадъ, осрамлю я себя въ сравненіяхъ: нужно только взять манифестъ на учрежденіе 20-ти лѣтняго банка: „Двадцать пятое лѣто любезный намъ народъ, Россія, господствуемъ Мы надъ тобою etc.“—чтобы имѣть идею о языкѣ царей земныхъ, а я еще служилъ у Безбородки.

Вотъ бы вышло большое вычисленіе манифестамъ, на которые я мѣчу! Да что говорить о вещахъ, до насъ не касающихся, que par bricole. Вы мнѣ сообщили, надѣюсь, не мистификацію, когда говорите, что убѣдились представленіями друзей Вашихъ вступить въ службу. Я восхищенъ до третьяго неба симъ извѣстіемъ. За что же при семъ радостномъ возвѣщеніи сдѣлали Вы Дмитрія Прокофьевича затворникомъ, схимникомъ? Cela m'a fait à coté de la joie de la peine. Одинъ патріотъ развѣ не захочетъ себѣ въ помощь взять другихъ патріотовъ? Пусть дѣлаютъ, творятъ, мудрятъ, что хотятъ, или что удастся, намъ, мизернымъ людямъ, да позволено будетъ по крайней мѣрѣ воздыхать. Ай, ай, воздыхать по

Библиотека "Руниверс"

неволѣ. Какъ можешь догадываться. Мнѣ-то надобно теперь, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, помышлять о уединенной жизни, буде, какъ Вы, вѣрно, лучше меня знаете, Дмитрій Прокофьевичъ дѣйствительно ужъ затворникъ.

Изъ Вильны не получилъ я некрологическаго возвѣщенія о Стройновскомъ. Да полно правда ли, что онъ умеръ? Здѣсь пять разъ принимались его морить, а онъ еще все живъ съ водяною въ груди. Черезъ десять дней буду имѣть подтвержденіе или опроверженіе отъ самаго достовѣрнаго человѣка.

Выставленныя для Государя лошади распущены съ прошлаго четверга, и до сихъ поръ нѣтъ о новой выставкѣ никакого приказанія, да и вообще говорятъ, что Государь поѣдетъ уже послѣ Пасхи.

Оберъ-гофмейстеръ Кошелевъ отставленъ. Не знаю, какъ это случилось. Celui, qui ne cesse de repéter le mot la base, ne pouvait pas sans *base* demander ou obtenir son congé.

Въ Вильну уже пріѣхалъ 30-го марта Барклай-де-Толли. Онъ и нашею почтою не доволенъ и тѣми войсками, которыя уже видѣлъ. Въ то же время подоспѣлъ туда изъ Бухареста и віолончелистъ Ромбергъ. Я сего виртуоза считаю главнымъ инспекторомъ всѣхъ нашихъ армій. 26-го числа сего мѣсяца онъ долженъ дать здѣсь концертъ. Вѣрно будетъ играть дуэтъ съ Лористономъ въ его отелѣ. Сюда пріѣхалъ въ субботу англійскій курьеръ. Сахаръ уже подешевѣлъ, и сукна должны, какъ меня увѣряютъ, весьма скоро упасть въ цѣнѣ.

Какой-то нашъ гонецъ удивительно скоро совершилъ путь свой изъ Стокгольма, черезъ Торнео сюда съ важными депешами. Сей разъ только и всего. Дожидайтесь пятничной почты.

31.

С.-Петербургъ, апрѣля 12. 1812.

Около 9 дней перевожу и изготовляю бумаги для аппеляціи въ Сенатъ одному моему курляндскому знакомому, у котораго герцогъ Александръ Виртембергскій отнимаетъ 40 т. талеровъ.

Нельзя ли мнѣ достать копію съ возраженія гр. Ѳедора Васильевича? Можетъ быть, я читалъ изуродованную.

Оленина чуть было не хватилъ параличъ, когда узналъ о новомъ званіи Шишкова. Сего послѣдняго я знаю столь же хорошо, какъ и перваго.

Одинъ—самыхъ честнѣйшихъ правилъ, а другой далеко умнѣе, ученѣе, дѣятельнѣе и имѣетъ лучшее перо.

Библиотека "Руниверс"

Графиня Головкина, урожденная Нарышкина, 11 день въ жестокой плёрези. Еще вчерашній день она не была внѣ опасности.

Разные министры собираются отсюда ѣхать.

Wir werden bald vie gange Sizzschaft nicht mehr sehen. Кажется, намъ будетъ легче.

Отчего-то велѣно раздавать 2 милліона порцій румфордова супу?—Отвратятъ ли таковымъ пособіемъ мятежъ 2-хъ милліоновъ голодныхъ, разоренныхъ войною, доведенныхъ до отчаянія?

Сто когортъ вездѣ ли успѣютъ отсѣкать головы гидрамъ мятежа? Чтобы не заняли токмо опять слишкомъ извнѣ ярую неистовую націю, когда дойдетъ дѣло до междоусобій!

Вмѣсто того, дабы рѣзаться между собою, они кинутся давить душить, грабить другихъ.

Серебро хотя пошло на сихъ дняхъ въ гору, надѣются однакожъ скоро пониженія и дешевизны на иностранные товары и продукты. Въ Вильнѣ 3 апрѣля давали 18 р. сер. за сто рублей ассиг., и мѣдный пятакъ стоилъ только 1 коп. серебромъ.

Начала и у насъ весна показывать свой носъ.

Бекъ еще содержится. Неправду сказали, что онъ оправдался.

32.

С.-Петербургъ. Апрѣля 16. 1812 г.

Бѣдны мы теперь безъ земного нашего Владыки новостями. Слышалъ токмо, какъ уже и между знати начинаютъ многіе заступаться за Кутейника. Cela me revolte. Они въ душѣ его ненавидятъ, но надобно къ чему-нибудь придираться, находить пятна въ людяхъ, къ коихъ партіи они пристать не надѣются. Я вижу приготовленіе безсмѣтныхъ крамолъ.

Нашли же моментъ производить оныя въ дѣйство!

Je gemis en voyant, en apprenant toutes les machinations sourdes. Россіяне! берите примѣръ съ англичанъ! Какія бы личности между собою они ни имѣли, но когда дѣло идетъ о пользѣ отечественной, то всякое другое чувство передъ нею молчитъ. Воздвигните тому монументъ, кто низвергъ Кутейника! Онъ спасъ васъ всѣхъ, цѣлую Россію! Вы твердите: да не было явной измѣны, онъ ни въ чемъ не уличенъ.—Прочтите же всѣ его акты. Что Вы въ нихъ найдете? Окиньте глазомъ тѣхъ, которыхъ онъ токмо допускалъ къ участію въ правленіи.

Гр. Румянцевъ вскорѣ уѣхалъ за Государемъ; послѣ него и супругъ Екатерины Павловны. О прочихъ отъѣхавшихъ или отъѣзжающихъ не удалось слышать.

Библиотека "Руниверс"

Говорятъ, что изъ Финляндіи пишутъ, что наши войска въ соединеніи съ шведскими будутъ подъ начальствомъ Бернадота. Какъ прикажете сіе принять? Я готовъ всему вѣрить, ежели того потребуютъ.

Главнокомандующій Барклай-де-Толли издалъ уже въ Вильнѣ прокламацію. Едва-ли не будетъ она напечатана въ завтрашней Сѣв. Почтѣ.

Это къ войскамъ, а то есть бумага и къ Литовскому дворянскому сословію въ разсужденіи замедленія въ поставкѣ для арміи хлѣба, который долженствовалъ замѣнить прощенную ему недоимку по другимъ сборамъ.

33.

С.-Петербургъ, апрѣля 19-го. 1812.

Наша Нева исподтишка вскрылась 16 числа въ исходѣ второго часа по полудни. О семъ и Сѣв. Почта краснорѣчиво уже возвѣстила въ прошедшую среду. Итальянецъ содрогнется въ Неаполѣ, когда прочтетъ, что величественная рѣка сія полгода находится въ ледяныхъ оковахъ. Надобно быть дѣйствительно сѣвернымъ жителемъ, чтобы безъ непріятнаго ощущенія представлять себѣ такое продолженіе Бореева дыханія.

Гр. Аракчеевъ, Кочубей, Чичаговъ уже уѣхали.

Сегодня отправляется и Балашовъ. Кажется, болѣе назначенныхъ къ Высочайшей Особѣ чиновъ изъ здѣшней резиденціи и ѣхать некому.

Улицы у насъ почти всѣ очистились отъ льду.

Ежели сверху не будетъ падать влаги, и атмосфера не подвергнется холоднымъ вѣтрамъ, то мы можемъ считать на сухую и теплую Пасху.

Качелей, лѣтнихъ горъ, лубочныхъ театровъ строятъ на Исаакіевской площади безъ недостатку. Черному народу приготовляется порядочная оказія спустить тяжело заработанныя денежки. И я, грѣшный, при хорошей погодѣ для дѣтей собираюсь туда же тащиться.

Я думаю, что и Александръ Яковлевичъ хотя однажды махнетъ подъ Новинское. Простите до вторника. Можетъ быть, тогда удастся Вамъ сообщить Виленскихъ новостей. До сей минуты не имѣю еще свѣжихъ оттуда писемъ. Послѣднія отъ 7-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

34.

С.-Петербургъ, апрѣля 23. 1812.

Хвостъ обличаетъ Державина въ неправильности утвержденія: „Глава не ждетъ отъ ногъ ума“.

Подлинно хвостъ будетъ теперь начальствовать надъ головою. Но, можетъ быть, что все поправится тѣмъ, что хвостъ покорится головѣ. Этого по крайней мѣрѣ желать должно для общей пользы.

Вы здраво судите, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, о произведеніи Магницкаго. Не токмо ни противъ одного пункта мнѣнія Вашего спорить не буду, но даже всѣ подмахну крупными словами: *Основательнѣе ничего сказать не можно*. Есть еще здѣсь другая пьеса, данная руководствомъ извѣстному комитету по случаю отбытія того, съ кѣмъ Вы имѣете счастье носить одинаковое имя. Il faut être la cause d'un mal pour l'appréhender.

Имѣю изъ Вильны извѣстія. Государь изволилъ туда прибыть въ вербное воскресенье въ два часа по полудни, точно какъ Христосъ въ Іерусалимъ. Его между прочими встрѣчали и дѣти еврейскія.

Здѣсь церемоніальный департаментъ не зналъ до самой страстной субботы, что дѣлать ему на второй день Пасхи съ иностранными министрами. На отношеніе получилъ апробованную неизвѣстно кѣмъ записку, чтобы послать нотификацію къ чужестраннымъ посламъ и министрамъ о имѣющемъ быть 22 числа въ Зимнемъ дворцѣ въ большомъ нарядѣ съѣздѣ; но ничего не упомянуто, что это для принесенія поздравленій Высочайшимъ особамъ.

Графиня Головина оправляется. Она на себя не похожа. При ея сухощавости лишиться послѣдняго значитъ сравниться съ остовомъ. За то она никого почти къ себѣ не пускаетъ.

О заграничныхъ извѣстіяхъ я ничего порядочнаго не слышу. Достовѣрно токмо то, что первая противничья позиція утверждена на Вислѣ.

Скоро ли Патріотъ нашъ отправится въ Вильну? Не поѣдете ли и Вы за нимъ? Какъ бы я желалъ, чтобы онъ соблюлъ такимъ выборомъ и свой, и общій интересъ. Простите до пятницы.

Да, забылъ сказать, что главная квартира 1-ой Западной арміи скоро будетъ подвинута ближе къ Вислѣ изъ Вильно.

С. О. Долговъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ маѣ 1812 года.

Приводимъ въ этой статьѣ выдержки изъ изданныхъ интересныхъ матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго штаба. Томъ XII и т. XVIII даютъ цѣнныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ этомъ мѣсяцѣ въ 1812 году: какія свѣдѣнія были получаемы въ Россіи о французскихъ войскахъ, что дѣлалось у насъ; здѣсь приведены также два письма Императора Александра I Салтыкову, рисующія общее положеніе дѣлъ за это время, а также переводъ письма Наполеона князю Куракину. *Т.*

Собственноручное письмо Императора Александра I кн. Николаю Ивановичу Салтыкову, 13 мая 1812 г. изъ Вильно [1]).

„Разныя поездки не позволили мнѣ ответствовать вашему сіятельству на три письма ваши и васъ за оныя благодарить.

Весьма согласенъ съ мненіемъ вашимъ о Лисенціяхъ. Нужно съ симъ повременить, темъ более что решеніе не замедлится. По известіямъ Наполеонъ выехалъ изъ Парижа въ Дрезденъ. Онъ ко мнѣ присылалъ гр. Нарбона съ письмомъ въ коемъ уверяетъ еще все о желаніи своемъ сохранить съ нами миръ.

Другое письмо было отъ ихъ министра иностранныхъ дѣлъ къ канцлеру гдѣ послѣ весьма долгаго изчисленія разныхъ неудовольствій на нашъ щетъ кои однакожѣ всѣ безъ изъятія несправедливы, а иныя и выдуманныя, изъявляется равнымъ образомъ желаніе сохранить миръ, и въ семъ намереніи сообщаютъ намъ новый подвигъ которой они зделали дабы взойтить въ сношеніе о мирѣ съ англинскимъ кабинетомъ. Кондиціи таковы что сумнительно чтобы сіе

[1]) Орѳографія сохранена. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

имело далнее последствіе. Я ответствовалъ на все сіе что съ моей стороны онаго желанія никогда не было какъ сохранить согласіе между нами, и что всѣ неудовольствія на нашъ щетъ суть пустыя.

При семъ возвращаю журналъ комитета 13-го генваря 1807 года.

Равномерно прилагаю здесь записку присланную отъ С. К. Вязмитинова съ вложеніемъ въ оную письма довольно дерзскаго. Нужно подробно добраться кто сочинитель подобныхъ бумагъ. Сіе письмо уже дошло до меня и другимъ путемъ, какъ равно и другое здесь приложенное отъ имени сенатора Теплова. Оно не новое и несколько летъ уже ходило подъ подписію Маркова. Желательно весьма обратить на сіи предметы должное вниманіе. При семъ прилагаю также рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его нужно обратить въ комитетъ 13-го генваря. Наконецъ записку о толкахъ ходящихъ по Петербургу единственно для соображенія.

Важный предметъ на которой долженъ я обратить вниманіе вашего сіятельства есть отпускъ суммъ для потребностей арміи. Министръ финансовъ весьма медленно ихъ высылаетъ. Отъ сего происходитъ совершенный въ оныхъ недостатокъ въ арміи. Полки нуждаясь принуждены брать отъ земли безъ платы что заводитъ разныя безпорядки. Великую услугу окажетѣ государству взойдя подробно въ сей предметъ въ секретномъ комитетѣ финансовъ. Те же суммы но бывъ ранее высылаемы отвратили бы совершенно весь недостатокъ и безпорядки отъ онаго происходящія.

Пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ

АЛЕКСАНДРЪ".

Письмо Императора Александра I кн. И. Н. Салтыкову. 22 мая 1812 г. изъ Вильно.

„У насъ новаго ничего не происходитъ, но рѣшеніе не замедлится и въ теченіе нѣсколькихъ дней явно узнаемъ какой оборотъ все приметъ.

Пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ

АЛЕКСАНДРЪ".

Копія письма Императора Наполеона I князю Куракину, мая (?) 1812 г. [1]).

(Переводъ). „Князь Куракинъ! Скажите Вашему Императору, что не бездѣйствіемъ сохраняютъ и увеличиваютъ Имперіи. Съ тѣхъ

[1]) Резолюція ген. Барклая-де-Толли: „Сія тайна государственная и Высочайше повелѣно изслѣдовать, у кого есть этакія копіи и взять строгія мѣры, чтобы не простирались (?)".

Библиотека "Руниверс"

поръ какъ сраженія рѣшаютъ судьбы Европы, монархи вынуждены защищать и увеличивать свои владѣнія съ оружіемъ въ рукахъ. Нерѣдко великія державы бываютъ слабы; только большія семьи процвѣтаютъ. Я назвалъ вашего Императора Властелиномъ сѣвера, это могло служить для него указаніемъ того, что я хотѣлъ изъ него сдѣлать. Его существованіе было необходимо для моей системы, но если онъ хочетъ нарушить ее, я измѣню свои планы и предоставлю другимъ державамъ тѣ преимущества, которыя я предназначилъ для него.

Свиданіе въ Мемелѣ настроило Александра благопріятно. Онъ обѣщалъ мнѣ не слѣдовать долѣе совѣтамъ какихъ-то Строгановыхъ или Салтыковыхъ, продавшихся англичанамъ, и устранить ихъ вліяніе. Ничего этого не было сдѣлано! Я узналъ, что онъ приблизилъ ихъ къ себѣ — что въ Петербургѣ всѣ преданы Англіи. Монархъ, который терпитъ подлѣ себя постороннее вліяніе, не есть монархъ, а лишь орудіе нѣсколькихъ шпіоновъ или льстецовъ. Князь Куракинъ! Я управляю самъ, я управляю одинъ; мною никто не управляетъ; управляя, я пріобрѣлъ много опытности. Я преподалъ, насколько было въ моей власти, совѣты моему брату Александру, Императору Россійскому; если бы онъ имъ послѣдовалъ, они сдѣлали бы его могущественнымъ и снискали бы ему уваженіе; но англійская партія испортила его; я боюсь, что онъ объ этомъ пожалѣетъ, быть можетъ слишкомъ поздно.

Австрія такъ же предалась этой партіи, которую англичане создаютъ себѣ вездѣ, гдѣ берутъ ихъ деньги и вѣрятъ ихъ обѣщаніямъ.

Вы видите, что сталось съ Австріей, это была первоклассная держава, нынѣ эта держава второстепенная. Взгляните, какъ упали ея финансы; у нея обращаются нынѣ однѣ бумажныя деньги; это паденіе произошло благодаря англичанамъ. Въ настоящее время Австрія присоединилась къ континентальной системѣ, и ея финансы начинаютъ уже процвѣтать; я далъ этой державѣ обѣщанія, которыя я выполню, но вашъ Государь не долженъ завидовать ей. Его Имперія достаточно велика, чего онъ желаетъ еще? У васъ не было средствъ для осуществленія его предпріятій, я далъ ему эти средства и желалъ бы, чтобы они были выполнены Имъ, а не кѣмъ инымъ, но онъ испугался и пересталъ повиноваться внушеніямъ своего сердца.

Горе монархамъ, которые не принимаютъ рѣшеній самостоятельно, подчиняются постороннимъ вліяніямъ. Вашъ повелитель хочетъ быть непричастнымъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя я счелъ нужнымъ принять, чтобы уничтожить вліяніе Англіи на континентѣ.

Библиотека "Руниверс"

Повѣрьте мнѣ, князь, этотъ нейтралитетъ погубитъ его, ибо въ борьбѣ, во главѣ которой я стоялъ, должны неминуемо погибнуть либо Англія, либо континентъ—это результатъ неизбѣжный.

Горе тому, кто разойдется со мною, или кто образуетъ коалицію противъ меня. Сугубое горе ихъ престоламъ, ибо они превратятся въ прахъ; какъ возникли эти безумные планы, которые вашъ монархъ считаетъ себя призваннымъ выполнить? Къ чему эти усиленные наборы, которые,—не правда ли, князь?—не соотвѣтствуютъ количеству населенія Россіи?

Къ чему эти форсированные марши, къ чему этотъ разрывъ, коимъ онъ мнѣ угрожаетъ. У меня нѣтъ близъ вашей границы ни одного солдата. Всѣ войска, которыя имѣются у меня въ Германіи, удалены отъ васъ на сотни верстъ. Не думаетъ ли онъ угрожать мнѣ?

Я поставлю въ двѣ недѣли на ноги противъ него 500 тысячное войско, чтобы занять снова позиціи, которыя я занималъ на Мемелѣ пять лѣтъ тому назадъ.

Если французская армія пойдетъ на Петербургъ, чтобы отомстить за нарушеніе мира на континентѣ, и разгонитъ властвующую тамъ англійскую партію — виновною въ этомъ будетъ Англія, а не я.

Я ничего не хочу отъ вашего Императора, чего же онъ хочетъ отъ меня? Весь континентъ замиренъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мятежниковъ, состоящихъ на жалованьи у Англіи, которые возбуждаютъ волненія въ Испаніи, и которыхъ мое войско съумѣетъ покарать; не думаютъ ли, что это есть благопріятный моментъ для того, чтобы атаковать меня? Въ Испаніи и Португаліи у меня не болѣе 80 т. человѣкъ, но у меня есть 500 т. человѣкъ самаго храбраго войска, не считая моихъ вѣрныхъ союзниковъ — членовъ Рейнской конфедераціи. Не думаютъ ли запугать меня? Не думаютъ ли, что я откажусь отъ своихъ плановъ въ Испаніи! Что я откажусь отъ мѣръ, принятыхъ мною противъ Англіи? Ошибаются. Вмѣсто того, чтобы помѣшать имъ, какъ полагаютъ, этимъ могутъ ускорить осуществленіе этихъ мѣръ. Англія, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, продавала континентальнымъ державамъ свои колоніальные продукты и свои товары по цѣнамъ, установленнымъ ею по своей доброй волѣ; въ настоящее время англичане не смѣютъ привезти въ европейскіе порты ни одной унціи индиго, ни одного фунта сахара, ни куска камеди — исключеніе составляютъ только русскіе порты, которые готовы предаться всецѣло Англіи. Не то обѣщалъ мнѣ Александръ. Когда монархи не соблюдаютъ даннаго другъ другу слова, тогда на землѣ нѣтъ болѣе лояльности, нѣтъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

вѣрности, нѣтъ болѣе гарантій для трактатовъ, тогда безполезны всѣ мирные трактаты.

Когда Австрія атаковала меня послѣдній разъ, я имѣлъ въ Испаніи 150 т. человѣкъ, я рѣшилъ наказать Австрію, и мѣсяцъ спустя я былъ въ Вѣнѣ, куда вступилъ вторично; пусть не вынуждаютъ меня идти на Петербургъ, ибо, вступивъ, въ эту столицу, я не покину ее прежде, нежели я оттѣсню имперію царей въ пустыни Сибири или въ Камчатскія степи.

Человѣку, стоящему во главѣ Франціи, державы, которая уже 1.500 лѣтъ имѣетъ вѣсъ въ Европѣ, нельзя терпѣть оскорбленіе отъ имперіи, едва начинающей свое существованіе, существующей не болѣе 150 лѣтъ и извѣстной только жестокостью своихъ царей и варварствомъ своихъ жителей. Я прекрасно знаю, что подобныхъ вещей не говорятъ Императору, въ особенности въ присутствіи Нарышкиныхъ; я знаю, что его окружаютъ людьми, имѣющими на него вліяніе. Ну что же, если меня къ тому вынудятъ, я постараюсь уничтожить ихъ обаяніе быстрыми и энергичными дѣйствіями. Еще живы храбрые воины Аустерлица и Эйлау, они полны храбрости и отваги, они съумѣютъ снова занять позиціи на Мемелѣ, которыя были очищены мною только тогда, когда Александръ посулилъ мнѣ свою дружбу и поклялся, что онъ никогда не будетъ воевать противъ меня. Я полагалъ тогда, что между нами все кончено; быть можетъ онъ не хочетъ вынудить меня еще разъ обнажить мечъ? Да будетъ ему извѣстно, что я не вложу его въ ножны такъ легко, какъ въ то время, когда, подкупленный его обѣщаніями, я увелъ свои храбрыя войска съ путей, ведущихъ въ Петербургъ, женщины обольщаютъ монарховъ — всѣ принцессы, подкупленныя англичанами или ихъ друзьями, дорого заплатили за свои ошибки, онѣ ихъ горько оплакали и оплакиваютъ до сихъ поръ. Женщины предназначены природою рожать дѣтей и воспитывать ихъ,—вотъ чего мы должны ожидать отъ нихъ, но не допускать, чтобы онѣ заходили дальше, и чтобы въ ихъ рукахъ былъ скипетръ. Напишите вашему двору, скажите ему, что его политика мнѣ не нравится, что его шаги тревожатъ меня. Я хочу, чтобы было прекращено вліяніе женщинъ и льстецовъ, подкупленныхъ англійскимъ золотомъ; мнѣ нуженъ покой, я не хочу войны; благо моихъ народовъ требуетъ моихъ заботъ, поэтому я жажду спокойствія. Если же будутъ пресѣчены мѣры, принятыя мною для обезпеченія блага народовъ, это поведетъ только къ его вящему упроченію. Замѣтьте это себѣ, князь, пока я считаю себя въ правѣ разсчитывать на ваше усердіе—я считаю себя въ правѣ вѣрить, что вы не допустите до оскорбленія вашего государя, тѣмъ болѣе, что я имѣю

Библиотека "Руниверс"

собственноручныя доказательства его неоспоримаго ко мнѣ уваженія. Въ вашихъ рукахъ, князь, основы вашего будущаго блага и вашего будущаго величія. Я знаю, князь Куракинъ, что вы принадлежите къ французской партіи и что вы одобряете мою систему. Слушайте же! Вы еще можете спасти своего повелителя, если вы передадите ему откровенно то, что я сказалъ вамъ; скажите ему, съ какой энергіей я дѣйствую во всемъ, что я дѣлаю, и въ особенности въ томъ, что касается англичанъ. Вы согласитесь съ тѣмъ, что вашего императора напрасно напугали. Занятіе Ганзеатическихъ городовъ есть естественное послѣдствіе Континентальной системы, придуманной вами же и вами осуществленной.

Города эти до того были склонны возродить контрабандную торговлю и служить складочнымъ мѣстомъ англійскихъ товаровъ, что было бы крайне неприлично передъ лицомъ всей Европы терпѣть болѣе существованіе этихъ тайныхъ и гнусныхъ предпріятій, существовавшихъ тамъ, несмотря на мое могущество и вопреки заключенной нами конвенціи;—я овладѣлъ этими городами, не изъ властолюбія, они были мнѣ необходимы во время мира. Чтобы воевать, мнѣ нужны порты, матросы и суда. Вашъ императоръ жалуется на то, что я занялъ города маленькаго принца Ольденбургскаго и что я вынудилъ его бѣжать въ Россію; къ чему же онъ противился мнѣ? Почему отказывалъ онъ мнѣ въ томъ, что я требовалъ отъ него? Обязанъ ли я ради покровительства вашего императора щадить такихъ принцевъ, которые во Франціи считались бы даже вельможами и которые вздумаютъ, быть можетъ, отвѣчать отказомъ на мои требованія;—въ особенности могу ли я дать понять имъ, что на землѣ есть монархъ, имѣющій право стать посредникомъ между ними и мною, или пріостановить сдѣланныя мною распоряженія къ походу. Права собственности не заслуживаютъ никакого вниманія, коль скоро они не соотвѣтствуютъ разсчетамъ, сдѣланнымъ по моей волѣ, не принимая во вниманіе интересовъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ.

Я прекрасно знаю, что при вашемъ дворѣ не дошли до высоты этихъ принциповъ, что всѣ сожалѣютъ несчастнаго принца Ольденбургскаго, но я далъ бы этому Ольденбургскому принцу вознагражденіе, если бы онъ своимъ упрямымъ упорствомъ не былъ недостоинъ моего покровительства и той благосклонности, какую я хотѣлъ оказать ему.

Мой братъ царь персидскій отослалъ въ угоду англичанамъ моего посланника и тѣмъ вызвалъ мой гнѣвъ.

Князь! желать причинить намъ безпокойство равносильно лишить самихъ себя покоя; ничто не можетъ противиться намъ. Мы

Библиотека "Руниверс"

обладаемъ такой силою, передъ которой всѣ державы были вынуждены преклониться. Я не хочу уничтожить европейскіе троны, это не входитъ въ мои планы, ибо всѣ тѣ, кои занимаютъ ихъ, близки моему сердцу, но когда заключаютъ союзы противъ меня, когда мнѣ не только отказываютъ въ содѣйствіи, но когда пытаются задержать меня пустыми интригами и противодѣйствіемъ,— тогда долгъ по отношенію къ самому себѣ, къ интересамъ моихъ народовъ и къ успѣху моихъ замысловъ, равно какъ и забота о безопасности моей Имперіи требуютъ, чтобы я наказалъ тѣхъ, кто оскорбляетъ меня и кто подвергаетъ опасности мою священную систему.

Европа давно уже пользовалась бы миромъ, если бы великія державы захотѣли столковаться со мною; вмѣсто того онѣ образовали коалиціи подъ предлогомъ защиты интересовъ, для завоеванія странъ, претендовать на которыя они не имѣли никакого права, и для того вообще, чтобы доставить преуспѣяніе исключительно англійской торговлѣ и тиранніи. Маленькія державы—эти полумонархіи, нуждающіяся въ покровительствѣ болѣе сильныхъ, не могущія и не умѣющія защищать самихъ себя, не должны обладать полнотой такою, какою она была въ моментъ монархической власти. Если бы меня оставили въ покоѣ, я бы удовлетворился Франціей такою, какою она была въ моментъ моего вступленія на престолъ; но войны, веденныя мною, показали мнѣ, что Европа должна быть преобразована по новому образцу и на основаніи новыхъ принциповъ. Я испыталъ всю тяжесть обязательства совершить это всеобщее преобразованіе во всѣхъ отрасляхъ—но если бы монархи повиновались исключительно своимъ личнымъ склонностямъ или сердечнымъ чувствамъ, то они подвергали бы себя часто опасности и рѣдко могли бы осуществить реформы, требуемыя обстоятельствами. Если, для достиженіи этой великой цѣли, я заставляю подчиниться моей власти второстепенныя мелкія государства, это не должно тревожить великія державы; я это доказалъ, сохранивъ даже существованіе Пруссіи, въ угоду вашему императору; я доказалъ это, разведясь съ женою, чтобы взять себѣ супругу изъ австрійскаго дома. Я знаю, что вашъ императоръ былъ встревоженъ этимъ бракомъ; быть можетъ, его тщеславіе и ложная гордость одного изъ членовъ его семьи были этимъ оскорблены. Мы въ то время были связаны гораздо тѣснѣе, но это не бѣда, онъ не долженъ думать, что я отношусь къ Австріи и ея монарху съ какимъ-нибудь особеннымъ чувствомъ съ тѣхъ поръ, какъ я съ нимъ сблизился. Эти соображенія не заставятъ меня отказаться отъ моихъ принциповъ, они не заставятъ меня отнестись снисходительно ко всякому

Библиотека "Руниверс"

дерзкому поступку или уступить передъ какими-либо препятствіями. Все должно идти своимъ обычнымъ ходомъ; надобно быть готовымъ понести наказаніе, даже быть расчлененнымъ и уничтоженнымъ, смотря по тому, какъ велика опасность, которой себя подвергаешь.

Сообщите Вашему двору все вами слышанное отъ меня.

(подписано) Наполеонъ".

Капитанъ Гирсъ ген.-отъ-инф. Дохтурову 1 мая 1812 г. изъ Радзивилова.

Французская армія весьма обдерта, и во многомъ, особливо въ продовольствіи, весьма нуждается. Кавалерія весьма изнурена, особливо тѣ полки, кои пришли изъ Испаніи. Пудъ сѣна продается по два талера серебромъ.

Приказъ прусскаго генерала Граверта въ гл. кварт. въ Кенигсбергѣ, 1 мая 1812 г. [1]).

Симъ объявляю корпусу, что онъ пользуется преимуществами состоять подъ главнымъ начальствомъ его сіятельства, г. маршала Ауэрштедскаго и принца Экмюльскаго. Я просилъ его сіятельство въ случаѣ открытія войны доставить прусскимъ корпусамъ сколь возможно скорѣе случай оказать себя дѣлами, достойными чести сражаться въ глазахъ знаменитаго героя и близь привыкшихъ къ побѣдѣ французскихъ армій.

Полковникъ Эйхень 2 ген.-ад. кн. Волконскому 4 мая 1812 г. изъ Дриссы.

Доноситъ о произведенныхъ по 4 мая работахъ по устройству укрѣпленій въ лагерѣ подъ Дриссой, и затѣмъ, 27 мая доноситъ вторично, что къ концу мая всѣ работы будутъ готовы.

Кн. Ливенъ ген. Барклаю де-Толли 4 мая изъ Берлина.

Наполеонъ 9 мая выѣхалъ изъ Парижа, вмѣстѣ съ императрицей и 17-го мая пріѣдетъ въ Дрезденъ. Макдональдъ третьяго дня выѣхалъ изъ Берлина, Жюно съ своими войсками выступилъ изъ Силезіи.

Иванъ Жисъ ген.-отъ-инф. кн. Багратіону, 4 мая 1812 г. изъ Кобрина.

Польскія войска выступили изъ Модлина по дорогѣ въ Тикоцинъ, на мѣсто ихъ въ Модлинъ ожидаютъ прусскія войска. Генералъ Заенчикъ, имѣя при себѣ князя Радзивила, отправился съ войскамъ изъ Кассіенска въ Островъ.

Въ Варшавѣ нынѣ 10.000 поляковъ.

---

[1]) Очевидно переводъ. Подлиннаго приказа на нѣмецкомъ языкѣ въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива не сохранилось. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Вестфальской король съ 30-ю человѣками своей гвардіи 20-го числа къ вечеру прибылъ въ Варшаву, на другой день былъ онъ при разводѣ, 23-го числа ожидаютъ маршала Даву въ Варшаву.

Ген.-отъ-инф. гр. Кутузовъ Государю Императору, 7 мая 1812 г. изъ Бухареста.

Его Императорскому Величеству ген.-отъ-инф. гр. Голенищева-Кутузова рапортъ.

Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе съ прибывшимъ сюда вчерашняго числа адмираломъ Чичаговымъ, удостоившись получить, съ вѣрноподданническою признательностью исполнить оное не замедлю, какъ скоро получится мною отъ верховнаго визиря ратификація посланнаго мною къ нему мирнаго трактата, съ чѣмъ и надобность присутствія моего здѣсь сама собою прекратится.

Подписалъ: ген.-отъ-инф. гр. Кутузовъ.

С. Щербининъ Военному министру, 13 мая 1812 г. Секретно.

Г-ну воен. мин. главнокомандующему 1-ю Западною арміею.

Вашему высокопр-ству имѣю честь почтеннѣйше донести, что польскія войска, стоявшія по сіе время сосредоточенными около Варшавы, на сихъ дняхъ перешли и расположились двумя линіями, изъ коихъ одна начинается у Нура, проходитъ чрезъ Высокій и кончается въ Тыкочинѣ, а другая начинается у Брока и простирается чрезъ Островъ, Снядовъ, Ломжу и Щучинъ. Они составляютъ пять дивизій, изъ коихъ одна подъ командою Домбровскаго, другая—Заіончека, третья—Рожнецкаго, четвертая—Конопки и пятая—Каминскаго.

Ген.-маіоръ Иловайскій 4-й ген. Платову, 15 мая 1812 г. изъ Кнышина.

Полка имени моего отъ сотника Сиротина, состоящаго на пограничномъ татарскомъ кордонѣ, по достовѣрнымъ тайнымъ словамъ ему отъ обывателей герцогства Варшавскаго, сего числа получилъ я рапортъ, что французскій императоръ Наполеонъ въ ночь подъ 13-е число сего мѣсяца прибылъ въ городъ Варшаву, и что французскія войска, переправляясь чрезъ рѣку Вислу, дѣлаютъ движеніе къ Брестъ-Литовску и мѣстечкамъ Бѣлой и Мезеричу; о чемъ вашему высокопр-ству долгомъ поставляю донесть.

Подпись: Ген.-маіоръ Иловайскій 4-й.

Г.-м. Иловайскій 4-й ген. Платову, 16 мая 1812 г. изъ Кнышина.

Находящійся въ заграничномъ городѣ Тикочинѣ подпрефектъ

Библиотека "Руниверс"

Бель-Фруа на сихъ дняхъ получилъ отъ маршала Даву повелѣніе: всю коммуникацію города съ нами прекратить. почему теперь рогатка со стороны ихъ замкнута и ключъ хранится расположеннаго тамъ уланскаго полка у полковника Домбровскаго. Кромѣ сего, достовѣрно извѣстно мнѣ, что помянутый маршалъ Даву находится въ Варшавѣ, пять польскихъ, кромѣ французскихъ, подъ командою его состоящихъ дивизій придвинулись къ границѣ и расположились отъ оной не далѣе четырехъ и пяти миль: 1-я Домбровскаго—въ Высокомъ Мазовецкомъ, 2-я Заіончека—въ Зомбровѣ, 3-я Конопки—въ Островѣ, 4-я Рожнецкаго—въ Снядовѣ, 5-я Каменскаго—въ двухъ отъ пограничнаго Пяткова Двора миляхъ и въ Ломжѣ два кавалерійскихъ полка. При Сельцахъ же между Брестомъ и Дрогичина находится армія вице-короля Италійскаго Евгенія изъ 80 т. италіанцевъ, баварцевъ и саксонцевъ состоящая; они предполагаютъ сдѣлать атаку на Россіянъ и тѣмъ предупредить всему нашему дѣйствію; а тѣмъ изъ ихъ арміи, кои доставятъ плѣнныхъ, давать въ награду за офицера по три, а за рядового по одному червонцу.

Вашему высокопр-ству я честь имѣю о семъ почтеннѣйше донесть.

Подпись: Ген.-м. Иловайскій 4-й.

Ген.-лейт. Тучковъ 1-й ген.-лейт. Лаврову, 18 мая 1812 г. изъ Вильно.

Отъ обывателей герцогства Варшавскаго берутъ въ реквизицію 10-ю часть скота и птицъ; съ каждой влоки земли—30 гарнцевъ варшавскихъ овса и другого хлѣба, центеръ или три пуда сѣна и 60 фунтовъ соломы. Сверхъ того наличный провіантъ и фуражъ у всѣхъ жителей осмотрѣнъ, исчислено его количество и назначенъ для отдачи по первому требованію въ казну, оставляя только хозяевамъ небольшую часть для домашняго расхода; причемъ замѣчено, что вообще у помѣщиковъ хлѣба достаточно.

Дороги во всѣхъ мѣстахъ починяются, на перекресткахъ дѣлаются столбы съ надписью, куда дорога идетъ, и разстоянія мѣста отъ мѣста.

Сверхъ того, посредствомъ помѣщика, живущаго на самой границѣ, въ селеніи Живульчишкахъ, получено слѣдующее увѣдомленіе:

1) Что якобы маршалъ Ней съ войскомъ французскимъ слѣдуетъ въ Пруссію къ Кенигсбергу въ числѣ 6.000.

2) Маршалъ Удино съ французскими и прусскими войсками, въ 60 тысячахъ, въ томъ числѣ и нѣсколько польскихъ войскъ, имѣетъ направленіе къ Меричу и Олитѣ.

3) Маршалъ Даву съ арміей въ 130.000 противъ Бреста, въ томъ числѣ 24.000 поляковъ, подъ командою князя Понятовскаго.

Библиотека "Руниверс"

4) Конскрипція брана нынѣшняго времени изъ пяти дымовъ одного человѣка.

Подпись: Ген.-лейт. Тучковъ 1-й.

Ген. Тормасовъ Военному министру, 19 мая 1812 г. изъ Житоміра.

Получа именное Его Императорскаго Величества повелѣніе объявленное мнѣ вашимъ высокопр-вомъ, о всемилостивѣйшемъ удостоеніи меня Высочайшей довѣренности начальствовать надъ 3-й Западною арміею и о усиленіи оной войсками отъ 2-й арміи, поспѣшаю довести до свѣдѣнія вашего, что я немедленно вошелъ въ сношеніе съ главнокомандующимъ 2-ю Западною арміею господиномъ генераломъ княземъ Багратіономъ и распорядился, чтобы, по мѣрѣ выступленія войскъ, назначенныхъ къ движенію, сосредоточить на мѣста ихъ войска мнѣ ввѣренныя, а между тѣмъ, составя примѣрное росписаніе всѣмъ войскамъ 3-й Западной арміи, имѣю честь представить оное при семъ на разсмотрѣніе.

Подпись: Генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ.

Ген.-отъ-инф. кн. Багратіонъ ген.-лейт. Эссену 1-му, 20 мая 1812 г. изъ Луцка.

Войска ввѣренной мнѣ 2-й Западной арміи уже на походѣ. Первая колонна изъ оныхъ, имѣя направленіе по Ковельской дорогѣ чрезъ Кобринъ, будетъ въ окрестностяхъ Пружанъ къ 25-му мая. Вторая, слѣдуя по дорогѣ Колковской чрезъ Яново и Хомскъ, прибудетъ къ Пружанамъ 4-го іюня. Казачьи же полки пойдутъ проселочными дорогами между Бугомъ и первою колонною, держась ближе дороги, по коей пойдетъ первая колонна, чтобы быть далѣе отъ границы. О расположеніи сихъ войскъ въ окрестностяхъ Пружанъ я покорнѣйше прошу ваше пр-ство сдѣлать ваше распоряженіе, держась дислокаціи, отправленной по моему приказанію начальникомъ главнаго штаба къ таковому же, при ввѣренномъ вамъ корпусѣ состоящему.

Подпись: Князь Багратіонъ.

Извѣстія изъ Германіи отъ 23 мая (7 іюня) 1812 г.

Король Неаполитанскій и Императоръ Наполеонъ были въ Данцигѣ. Французская армія наступаетъ двумя колоннами отъ средней и нижней Вислы, одна направляется на Гродно, другая на Гумбинненъ. На Прегелѣ около Велау расположенъ значительный корпусъ.

Ген.-лейт. гр. Витгенштейнъ Военному министру, 24 мая 1812 г. изъ Шавель.

Но, какъ извѣстно мнѣ изъ полученныхъ изъ-за границы свѣдѣ-

Библиотека "Руниверс"

ній, что непріятель силы свои направляетъ болѣе противъ большой арміи, то навѣрное полагать должно, что тамъ прежде начнутся и дѣйствія.

Гр. Ливенъ ген. Барклаю де-Толли, 25 мая (6 іюня) 1812 г. изъ Берлина. Воен.-Учен. Арх., отд. II, № 1882, л. 398.

Наполеонъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Дрездена отдалъ приказаніе своимъ войскамъ наступать.

Извѣстія изъ герцогства Варшавскаго 25 мая 1812 г.

Мая 13-го въ ночи прибылъ Наполеонъ въ Варшаву, въ конвоѣ его находилось не болѣе 12-и солдатъ; остановясь у Саксонскаго дворца, не выходя изъ коляски, по перемѣнѣ только лошадей, тотъ же часъ поѣхалъ въ Модлинъ; при немъ находился италіанскій вице-король, а изъ Варшавы съ нимъ отправился и вестфальскій король. Изъ Модлина уже куда поѣхалъ Наполеонъ—неизвѣстно. Вестфальскій же король отправился въ Луковъ для осмотра войскъ; для сего ревю собраны были: изъ союзныхъ войскъ—баварцы, саксонцы, вестфальцы и поляки; начальники, производящіе ревю—король вестфальскій, изъ польскихъ—генералъ Рожницкій, генералъ Каминскій и генералъ Турнеръ.

Выдержки изъ „Кенигсбергскихъ вѣдомостей“ отъ 25 мая 1812 г.

Парижъ, 11 мая.

Въ сегодняшнемъ „Монитерѣ“ помѣщено слѣдующее: Его Величество Императоръ и Король 9-го сего мѣсяца отправился осматривать собравшіяся на берегу Вислы войска свои. Ея Величество Императрица сопровождаетъ его до Дрездена, гдѣ она надѣется видѣться со своими родителями, а оттуда намѣревается возвратиться въ Парижъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Изъ Саксоніи 15 мая.

Ихъ Величествъ Императора французскаго и Императрицу ожидаютъ навѣрное 17 сего мѣсяца въ Дрезденъ. (Они, дѣйствительно, прибыли туда 16-го ввечеру). Прежде ихъ, сказываютъ, прибудутъ Императоръ и Императрица австрійскіе. Ихъ Величества саксонскій король и королева поѣхали навстрѣчу Императору Наполеону и супругѣ его во Фрейбергъ. Въ свитѣ Императора находятся неаполитанскій король и королева и вел. герц. Вюрцбургскій. Полагаютъ, что сіи высокія особы пробудутъ недѣлю въ Дрезденѣ. По другимъ извѣстіямъ Его Величество Императоръ пробудетъ тамъ два дня.

Варшава, 2 мая.

Его Величество Король Вестфальскій прибылъ въ прошедшую ночь въ сей городъ и остановился въ такъ называемомъ домѣ Брюля, который былъ для него приготовленъ.

Библиотека "Руниверс"

Кенигсбергъ, 23 мая.

По сегодняшнимъ письмамъ изъ Берлина король неаполитанскій прибылъ туда неожиданно и остановился въ Липовой улицѣ (Unter den Linden) въ трактирѣ подъ знакомъ солнца. Онъ пробылъ только одинъ день и на другое утро въ 4 часа отправился черезъ Позенъ въ Маріенвердеръ. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Берлинъ маршалъ Мортье, герцогъ Тревизскій, но не останавливаясь поѣхалъ немедленно далѣе черезъ Франкфуртъ.

По полученнымъ въ Берлинѣ партикулярнымъ извѣстіямъ, Императоръ Наполеонъ прибылъ 16 мая въ Дрезденъ, но оффиціальнаго свѣдѣнія о томъ еще не получено, между тѣмъ ежеминутно ожидаютъ курьера, который не прежде будетъ отправленъ, пока князь Галцфельдъ будетъ имѣть аудіенцію у Императора, причемъ король прусскій узнаетъ, когда и гдѣ онъ можетъ видѣть Императора, который можетъ быть поѣдетъ черезъ Берлинъ. По полученной эстафетѣ изъ Ольса корпусъ прусскаго генерала Клейста долженъ былъ остановиться, поелику 50 тыс. корпусъ французовъ взялъ ту же дорогу черезъ Калишъ и онъ долженъ дожидаться покуда сей пройдетъ далѣе. Въ Эльбингѣ и Брансбергѣ начинаютъ дѣлать движенія французы и уже пошли къ Гейлигенбейлю. Говорятъ, что они пойдутъ къ сторонѣ Растенбурга.

П. Чичаговъ А. П. Тормасову, 25 мая 1812 г. изъ Бухареста. Секретно.

М. г. мой, Александръ Петровичъ!

Вашему высокопр-ству конечно уже извѣстно, что Государю Императору угодно было назначить меня главнокомандующимъ Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ. По всѣмъ предположеніямъ миръ съ Турціею долженъ вскорѣ совершиться, и сіе счастливое событіе положитъ съ сей стороны конецъ дѣйствіямъ ввѣренной мнѣ арміи. Но настоящее поведеніе Австріи заставляетъ насъ озабочиваться съ другой стороны. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ австрійцы начинаютъ дѣлать движенія, изъ которыхъ примѣчаются пріуготовленія ихъ къ непріязненнымъ противу насъ дѣйствіямъ. Они приближаютъ къ границамъ Молдавскимъ нарочитые отряды войскъ, отправляютъ къ онымъ артиллерію и заготовляютъ въ Буковинѣ провіантъ и фуражъ.

Польза Имперіи требуетъ принять и съ нашей стороны мѣры осторожности на случай внезапнаго нападенія. Для сего я необходимымъ считаю войти съ вашимъ высокопр-ствомъ въ сношенія, за-

Библиотека "Руниверс"

ключая изъ описанныхъ мною обстоятельствъ, что войскамъ, вамъ и мнѣ ввѣреннымъ, должно будетъ сблизиться, и можетъ быть взаимно подкрѣплять себя.

Но чтобы въ семъ общемъ дѣлѣ мы могли надежнѣе другъ на друга полагаться и, въ случаѣ надобности, въ подкрѣпленіе успѣшнѣе удовлетворять взаимнымъ нашимъ требованіямъ, я не излишнимъ поставляю увѣдомить васъ, что находящаяся въ моемъ распоряженіи армія состоитъ изъ 4 дивизій пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ. Также прошу и васъ, м. г. мой, дать мнѣ знать, до какой степени ввѣренныя вамъ силы простираются, и какія мѣста нынѣ занимаютъ.

Равнымъ образомъ нужно мнѣ имѣть свѣдѣніе и о мѣстѣ пребыванія вашего, дабы я могъ по дѣламъ службы сноситься съ вами безостановочно.

Съ совершеннымъ почтеніемъ . . . . . слуга.

Подпись: П. Чичаговъ.

Письмо изъ Вѣны 27 мая 1812 года.

Появилась прокламація, въ которой французскій императоръ говоритъ, что онъ принужденъ начинать войну противъ русскихъ. Она слѣдующаго содержанія:

„Солдаты! Я поведу Васъ противъ Россіи; въ началѣ іюня вы будете въ Петербургѣ. Король Прусскій обѣщалъ мнѣ свою дружбу. Его армія уже состоитъ подъ моимъ командованіемъ. Пруссаки не питаютъ къ намъ больше ненависти, они поступаютъ хорошо...“ Обращаясь къ полякамъ, онъ говоритъ: „Я Вамъ дамъ короля! Вы образуете націю, болѣе великую, чѣмъ подъ властью Станислава. Я въ Петербургѣ буду устанавливать границы Александру. Вашимъ королемъ будетъ мой дядя великій герцогъ Вюрцбургскій“...

Донесеніе консула Фаціуса отъ 27 мая изъ Кенигсберга.

Корпусъ войскъ подъ начальствомъ принца Экмюльскаго состоитъ изъ 120 тысячъ.

Донесеніе шт.-кам. Вульфета изъ Ковно въ концѣ мая.

Въ 8-ми миляхъ отъ Ковно къ Ломжѣ, въ городкахъ Маріенполѣ, Ентреновѣ и Кальвари стоятъ 80.000 польскихъ и французскихъ войскъ и между оными много артиллеріи. Корпусамъ симъ командуетъ Даву, коего главная квартира близъ Маріенполя, въ деревнѣ Елыбедшики. У помѣщиковъ отнимаютъ весь хлѣбъ и часть скота; въ Остроленкѣ заложены большіе запасные магазины.

На той сторонѣ выбраны непріятелями три мѣста для наведенія мостовъ на случай надобности въ томъ: 1-е между — Ковно и Вар-

Библиотека "Руниверс"

швисомъ, 2-е противъ Вилони, въ 5-ти миляхъ за Юрбургомъ и 3-е противъ Борека, въ 1½ милѣ по ту сторону Юрбурга.

Ф. Сиверсъ ген.-лейт. гр. Витгенштейну, 29 мая 1812 г. Секретно.

М. г. графъ Петръ Крестьяновичъ!

Получа предписаніе г-на военнаго министра отъ 25 сего мая съ изъявленіемъ Высочайшаго повелѣнія, чтобъ всѣ казенныя суммы въ пограничныхъ мѣстахъ хранящіяся, перевезти немедленно оттуда въ казенныя палаты внутрь Имперіи, какъ-то изъ Юрбурга и Полангена въ Митаву и т. д., о каковой Высочайшей волѣ извѣщая, я покорнѣйше прошу, такъ какъ оныя таможни состоятъ въ вѣдомствѣ Виленской губ. учинить имъ о семъ предписаніе и для препровожденія оной суммы соблаговолите приказать отрядить конвой.

Съ истиннымъ пожеланіемъ . . . . . слуга.

Подпись: Федоръ Сиверсъ.

Извѣстія изъ Германіи въ маѣ 1812 года.

Наполеонъ выступаетъ съ главной арміей изъ Торна, Плоцка и Варшавы къ Гродно и постарается встать между 1-й и 2-й арміями, чтобы быть въ состояніи раздѣлить ихъ совершенно, бить ихъ по частямъ и обезпечить себѣ *операціонную* линію на Москву.

Въ такомъ положеніи представлялось русскимъ начальникамъ въ концѣ мая расположеніе французской арміи и намѣренія Наполеона.

Въ концѣ мая русскія войска были расположены такъ: 1-я армія, подъ командой — Барклая-де-Толли имѣла главную квартиру въ Вильно и состояла изъ 8 корпусовъ (127 т.), кромѣ того въ Бѣлостокѣ стоялъ Платовъ съ 15 казачьими полками.

Въ окрестностяхъ Пружанъ была расположена 2 армія Багратіона, въ составѣ 6 корпусовъ—48 т.

Третья обсерваціонная армія Тормасова 49 т. была въ нынѣшнемъ Кіевскомъ округѣ и наблюдала за Австріей.

Въ нынѣшней Румыніи находилась армія Чичагова, которая состояла изъ 6 дивизій.

Войска Наполеона состояли изъ 610 т.

Т.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Библиотека "Руниверс"

лѣтія. Этотъ монументальный сборникъ разносторонне важныхъ историческихъ матеріаловъ теперь систематизируется и издается весь. Въ вышедшихъ двухъ томахъ помѣщено множество писемъ самого Стасюлевича и писемъ къ нему П. А. Плетнева, А. В. Головнина, О. Б. Рихтера, В. А. Бильбасова, И. Д. Делянова, Ѳ. И. Буслаева, С. М. Соловьева, М. И. Драгомирова, Ѳ. И. Тютчева, графа П. А. Валуева, Н. И. Костомарова, В. В. Стасова, В. Д. Спасовича, А. Н. Островскаго, графа А. К. Толстого, М. И. Семевскаго, И. Е. Забѣлина, бар. Н. А. Корфа, В. Ѳ. Корша, П. Л. Лаврова, О. Ѳ. Миллера, А. Н. Веселовскаго и друг. Изданіе ведется вполнѣ добросовѣстно, снабжено портретами, снимками, примѣчаніями и литературными приложеніями, и стоитъ не дорого.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 46 и № 47. Симферополь. 1912.

Занимающіеся исторіей Крыма и греческихъ и итальянскихъ черноморскихъ колоній, а также южно-русской археологіей, давно цѣнятъ труды Таврической комиссіи, много сдѣлавшей для изученія крымской старины и сохраненія ея остатковъ. Весь 46-й выпускъ ея „Извѣстій“ занятъ обширной работой Е. Э. Иванова—„Херсонесъ Таврическій“, политической, культурно-бытовой и археологической исторіей славнаго города, прожившаго двѣ тысячи лѣтъ и оставившаго въ лѣтописяхъ міровой культуры незгладимые слѣды. Въ 47-мъ выпускѣ помѣщено нѣсколько статей по исторіи и археологіи Крыма и Южной Россіи (А. И. Маркевича, А. П. Колли, В. В. Шкорпила и др.).

Матеріалы для исторіи цѣнъ на книги въ древней Руси XVI—XVIII в.в. Собрала и обработала В. Адріанова. Изданіе Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1912.

Очень старательная и интересная работа. Продажная цѣна книгъ помогаетъ уяснить общее значеніе книги, какъ культурной цѣнности. Люди, которые платили за октоихъ 102 руб. на нынѣшнія деньги или 146 руб. за тріодь постную, несомнѣнно, любили книгу и дорожили ею. Читатель того времени смотрѣлъ на пріобрѣтеніе книги какъ на выдающееся событіе и прилежно записывалъ на ней, когда, у кого и за сколько ее купилъ. Эти-то надписи и составили исторію стоимости книги, любопытную страницу исторіи русской культуры, умѣло разсказанную собирательницей. (Напрасно только причислены къ „древнимъ“ книги, напечатанныя въ XVIII вѣкѣ; свѣдѣнія о цѣнахъ послѣднихъ могли бы быть полнѣе).

Справочный указатель художественныхъ изданій С.-Петербургскаго попечительства комитета о сестрахъ Краснаго Креста. Изданіе пятое. Спб. 1911.

Главное мѣсто въ ряду изданій общины Св. Евгеніи занимаютъ—по крайней мѣрѣ до сихъ поръ занимали—открытыя письма, несмѣтное число которыхъ распространяется не только въ Россіи, но и за границей. На добываемыя средства содержатся община и находящіяся при ней больница, амбулаторія и курсы сестеръ милосердія. Издательская дѣятельность общины скромно началась въ 1896 г., а теперь выросла въ крупное предпріятіе. Ею издано огромное количество художественныхъ произведеній. Главнымъ образомъ обращено вниманіе на картины и скульптуру Эрмитажа, Академіи Художествъ, Музея Императора Александра III, Румянцевскаго Музея, Третьяковской галлереи, на драгоцѣнности Оружейной Палаты и проч. Воспроизведены картины и убранства Императорскихъ Дворцовъ. Не менѣе полно представлена и современная русская школа живописи безъ различія направленій. Много вниманія удѣлено также архитектурнымъ и художественнымъ памятникамъ Россіи, видамъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей Россіи. Изъ недавно вышедшихъ, нельзя не отмѣтить виды Севастополя по фотографіямъ, снятымъ въ 1856 г., сразу послѣ осады, представляющимъ драгоцѣнный историческій документъ осады Севастополя. Серія эта является яркимъ дополненіемъ и какъ бы иллюстраціей, взятой съ натуры, къ Севастопольскимъ разсказамъ Льва Толстого. Великій Сибирскій путь и виды Сибири выпускаются въ громадномъ количествѣ рисунковъ и фотографій. Теперь готовится нѣсколько серій открытыхъ писемъ, иллюстрирующихъ Отечественную войну. Значительно расширивъ издательство, попечительный комитетъ выдѣлилъ его въ особое управленіе, и въ декабрѣ 1903 г. была образована комиссія для веденія изданія съ приглашеніемъ въ нее извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Расширяя свою дѣятельность, комитетъ перешелъ къ изданію книгъ. Недавно имъ выпущенъ „Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа“, составленный Алекс. Бенуа; скоро выходятъ книги В. Я. Курбатова „Павловскъ, художественно-историческій очеркъ и путеводитель“ и „1812 г. въ баснях Крылова“ съ рисунками Е. П. Нарбута и статьей и примѣчаніями Н. Лернера. Содержаніе художественныхъ и литературныхъ изданій общины Св. Евгеніи весьма разнообразно, но больше всего вниманія удѣлено прошлому Россіи. Нельзя не пожелать общинѣ успѣха въ ея благородной дѣятельности, которою она служитъ и благотворительности, и искусству, принося русскому обществу двойную пользу.

И. Г. Максимовъ. Систематическое чтеніе по словесности. (Опытъ библіографическаго указателя для юношества). Тифлисъ. 1911.

Справочный указатель пособій по всеобщей и русской литературѣ составленъ весьма недурно и пригодится ученикамъ старшихъ классовъ средней школы и студенческой молодежи. На полноту онъ не претендуетъ, но полнота только повредила бы ему, и своему назначенію—указывать главные и наиболѣе доступные источники—онъ служитъ хорошо, несмотря на нѣкоторые пропуски и ошибки.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Отлоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ: признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. ІЮНЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Приказъ нашимъ арміямъ и два манифеста Императора Александра I вначалѣ Отечественной войны.** . . . . . 445—447

II. **Императоръ Александръ Павловичъ въ дѣйствующей арміи въ началѣ Отечественной войны, и возвращеніе его, черезъ Москву, въ Петербургъ.** 448—466

III. **1812-й годъ. Послѣдніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями.** (Періодъ современи окончанія боевъ подъ Смоленскомъ 8-го августа до прибытія къ арміямъ Кутузова 17-го августа). Б. М. Колюбакина. 467—476

IV. **Манифесты, написанные Шишковымъ въ Отечественную войну, и патріотическое ихъ значеніе.** П. А. Палицына. . 477—491

V. **Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.** А. А. Мазона. 492—527

VI. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 528—535

VII. **Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой.** Е. Юнге . . 536—545

VIII. **Прошлое Сибири.** (Потребность въ изученіи его). Энъ-Пэ. . . . . 546—554

IX. **Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни.** (1870—1875 г.). В. С. Чеважевскаго. . . . . 555—585

X. **Иванъ Александровичъ Гончаровъ.** Е. Ш. . . . 586—592

XI. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма П. П. Одинталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. . . 597—614

XII. **Изъ записной книжки „Русской Старины":**
а) **Пруссаки стараго времени и командовавшій прусскимъ корпусомъ въ 1812 г. маршалъ Макдональдъ.** . . . . . 593—596

XIII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

XIV. **Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 11 августа 1911 г.** (на оберткѣ).

Въ приложеніи къ „Русской Старинѣ" — Записки генерала Ермолова, въ Отечественную войну 1812 года. . . . 1— 15

Къ этой книгѣ приложены: 1) Портреты: Императора Александра I, И. А. Гончарова, А. Ф. Мишо, гр. А. А. Аракчеева, А. Д. Балашова, А. С. Шишкова. 2) Рисунокъ—Императоръ Александръ I, въ Вильно въ 1812 г. 3) Докладъ Императору Александру I, написанный гр. А. Аракчеевымъ, А. Балашовымъ и А. Шишковымъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва и. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой". Знаменская, 27.

1912.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1912 года.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1812 г. Съ 12 картинами изъ эпохи Отечественной войны и картою. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к. Изд. книжнаго магазина П. В. Луковникова. **Его-же. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы.** Съ 53 рисунками. Изд. книжнаго магазина Луковникова.

Всѣ произведенія В. П. Авенаріуса всегда пользуются вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Его новая повѣсть „Среди враговъ“ вышла вполнѣ своевременно къ юбилею 1812 г. Въ формѣ дневника одного изъ современниковъ авторъ образно и увлекательно передаетъ характерныя событія великой эпохи 1812 г. Книжка, украшенная удачно выбранными и хорошо исполненными иллюстраціями, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

„Дочь посадничья“ воскрешаетъ передъ читателемъ жизнь и бытъ великаго русскаго вольнаго города, его высокую по тому времени культуру и его сношенія съ иностранцами и, кромѣ того, понравится юнымъ читателямъ своей интересной фабулой. Вообще, цѣнность историческихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса въ томъ, что своимъ живымъ, талантливымъ изображеніемъ различныхъ эпохъ, пережитыхъ нашей родиной, онъ несомнѣнно возбуждаетъ въ юныхъ читателяхъ интересъ къ русской исторіи и къ ея изученію.

Очень хороши также и его ранѣе вышедшіе біографическіе разсказы: „Первый русскій изобрѣтатель Кулибинъ“ и „Молодость Пирогова“, имѣющіе серьезное воспитательное значеніе. *Н.*

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 11 августа 1911 г.

Александровскій, Г. Б. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. II. Кіевъ. 1911. Изд. 3-е. Тип. 1-й Кіев. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятит., 5). 8⁰ (18×27), VIII+219 стр. Складъ: кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 31 л. 5.000 экз.

Содержаніе. Графъ Л. Н. Толстой и его художественное творчество перваго періода.—Общая характеристика народническаго направленія въ русской литературѣ въ 40—70-е годы XIX вѣка.—Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.—Графъ А. К. Толстой и его стихотворенія.

Аплаксинъ, А. П. Русское церковное искусство и его современныя задачи (Докладъ, прочитанный 8-го января 1911 года на IV Съѣздѣ Русскихъ Зодчихъ въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Петра Николаевича). Спб. 1911. Тип. Алек.-Невск. Общ. Трезвости (Обводный, 116). 16⁰ (10×14). 72 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Библіографическій указатель книгъ, сочиненій и статей, относящихся къ статистикѣ, исторіи и этнографіи Сѣвернаго Кавказа. Ставрополь губ. 1911. Тип. Сѣверный Кавказъ. 8⁰ (18×28). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 400 экз.

Бречкевичъ, М. В. Введеніе въ соціальную исторію Княжества Славіи, или Западнаго Поморья. Изслѣдованіе по исторіи прибалтійскихъ поморянъ за первые полтора вѣка со времени принятія ими христіанства (1128—1278 г.). Юрьевъ. 1911. Тип. К. Маттисена. 8⁰ (16×25). VI+267 стр. Вѣсъ 1 ф. 600 экз.

Вольтеръ. Исторія Карла XII, короля Шведскаго. Переводъ съ французскаго А. Л. Библіотека французскихъ писателей въ русскомъ переводѣ. Житомиръ. 1911. Изд. Южно-Рус. Книгопад. Ф. А. Іогансона. Тип. Е. А. Синькевича. 16⁰ (11×15). 131 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 5.000 экз.

Воскресенскій, А. Городъ Елецъ въ его настоящемъ и прошломъ. (Опытъ историческаго очерка). Елецъ. 1911. Изд. и тип. газ. Голосъ Порядка. 8⁰ (13×22). 186 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 14 л. 5.000 экз.

Житіе и чудеса Святителя Іоасафа, Епископа Бѣлгородскаго. Спб. 1911. Тип. Бр. Лукшевицъ (5 Рожд., 44). 8⁰ (16×22). 70 стр. Съ 4 рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 40.000 экз.

Ивановъ, К. А. Учебникъ новѣйшей исторіи (для реальныхъ училищъ). Спб. 1911. Изд. 2-е, перераб. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8⁰ (16×23). 250+III+1 неп. стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

Каталогъ „Шведскаго Архива“ въ Ригѣ. Рига. 1911. Тип. В. Ф. Геккеръ. 8⁰ (15×22). 78 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Кауфманскій сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя туркестанскаго края генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана 1-го. М. 1911. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, св. д.). 8⁰ (18×27). LXXXIV+17—247 стр. Съ рис.+16 лист. рис. Вѣсъ 3 ф. 4 л. 600 экз.

Кирхгофъ. Морская сила въ Балтійскомъ морѣ. Ч. II. Ея вліяніе на исторію прибалтійскихъ странъ въ девятнадцатомъ столѣтіи. Перевели съ нѣм. бар. Гревениць и кап.-лейт. Бойль. Спб. 1910. Тип. Морск. Министерства (Глав. Адмиралтейство). 8⁰ (17×24). XX+347 стр.+6 картъ и 9 плановъ. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 2.000 экз.

Козловъ, П. Къ вопросу о „Цезаро-папизмѣ“. (Святоотеческія, каноническія, историческія справки). Народно-Миссіонерская Библіотечка. Спб. Изд. В. М. Скворцова (Невскій, 153). Тип. „Колоколъ“ (Невскій 127). 8⁰ (15×21). 20 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ монхъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсинусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Библиотека "Руниверс"

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Приказъ Нашимъ арміямъ [1]).

Изъ давняго времени примѣчали Мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска Наши при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ Вами. „На зачинающаго Богъ“.

Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

Александръ.

Въ Вильнѣ.
Іюня 13 1812 г.

---

[1]) Редакція предполагаетъ помѣщать наиболѣе характерные манифесты, воззванія Императора Александра I, написанные 100 лѣтъ тому назадъ А. С. Шишковымъ.

Библиотека "Руниверс"

Божіею Милостію

МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. МЫ призвавъ на помощь Бога поставляемъ въ преграду ему войски НАШИ, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется не истребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ не усыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство полагаемъ МЫ за необходимонужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мирскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское Сословіе! Ты во всѣ времена было Спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда Теплыми молитвами своими призывали Благодать на главу Россіи; народъ Руской! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ Губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ

Библиотека "Руниверс"

себя Начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми Предводитель.

На подлинномъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано тако:

Александръ.

Въ лагерѣ близъ Полоцка.
1812 года Іюля 6 дня.

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦѢ НАШЕЙ МОСКВѢ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ раззорять любезное НАШЕ отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ по отеческому сердоболію и попеченію НАШЕМУ о всѣхъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, не можемъ МЫ оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности НАШЕЙ преимущество врагу. Того ради имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, на ипервѣе обращаемся МЫ къ древней Столицѣ предковъ НАШИХЪ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ недръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда ненастояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ Спасенія вѣры, престола, царства, того требуютъ. И такъ да разпространится въ сердцахъ знаменитаго Дворянства НАШЕГО, и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ, духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи. МЫ не умедлимъ САМИ стать посреди народа СВОЕГО въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства НАШЕГО мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми НАШИМИ ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

Александръ.

Въ лагерѣ, близъ Полоцка.
6 Іюля 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Александръ Павловичъ въ Дѣйствующей Арміи въ началѣ Отечественной войны, и возвращеніе его, черезъ Москву, въ Петербургъ.

Исторія Государевой Свиты т. II [1]).

Приводимъ выдержки [2]) изъ интереснаго II тома Исторіи Государевой Свиты, т. к. это изданіе недоступно широкимъ кругамъ читающей публики.

Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго въ Казанскомъ соборѣ, Императоръ Александръ Павловичъ въ два часа дня 9 апрѣля 1812 г. отбылъ изъ С.-Петербурга въ Вильно, куда повелѣлъ также прибыть: Принцу Георгію Ольденбургскому, герцогу Александру Виртембергскому, государственному канцлеру графу Румянцеву, графу Нессельроде, графу Кочубею, оберъ-гофмаршалу графу Н. А. Толстому, государственному секретарю адмиралу А. С. Шишкову, барону Беннигсену, графу Аракчееву, Фулю, генералъ-адъютантамъ Балашову, князю П. М. Волконскому и графу Комаровскому, генералу Армфельду и другимъ [3]).

Черезъ пять дней, въ Вербное Воскресенье, 14 апрѣля, въ шести верстахъ отъ Вильно, Государь былъ встрѣченъ Военнымъ

---

[1]) Столѣтіе Военнаго Министерства 1802—1902. Императорская Главная Квартира. Исторія Государевой Свиты т. II. Царствованіе Императора Александра I. Главный редакторъ генералъ-лейтенантъ Д. А. Скалонъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри, помощникъ составителя по сбору историч. матеріаловъ М. К. Соколовскій.

[2]) Стр. 207—211, 224—225, 211—214, 113—119, 214, 219—220, 214—218.

[3]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб., 1897 г., т. III, стр. 75—76.

Библиотека "Руниверс"

Министромъ и въ то же время Главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли, а въ два часа, при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ салютахъ, вступилъ въ городъ, привѣтствуемый представителями всѣхъ сословій и толпами собравшагося народа. На другой день, утромъ, Государь принималъ чиновниковъ, которыхъ представлялъ ему губернаторъ Лавинскій, и знатнѣйшихъ дворянъ, представленныхъ губернскимъ маршаломъ; потомъ Государь ѣздилъ верхомъ и пригласилъ къ обѣду высокопоставленныхъ лицъ [1]).

Первое время своего пребыванія въ Вильно Государь посвятилъ преимущественно объѣзду и осмотру войскъ Первой арміи, для чего посѣтилъ Шавли, Гродно и Вилькоміръ [2]). Всѣ войска нашелъ

Императоръ Александръ I въ Вильно въ 1812 г.

Лит. съ рисунка Шеле.

Императоръ въ отличномъ порядкѣ, особенно же въ блестящемъ состояніи находились: дивизія генерала Коновницына и артиллерія, о чемъ Государь Самъ писалъ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову. Въ первый день св. Пасхи состоялся большой парадъ всѣмъ, расположеннымъ близъ Вильно войскамъ, а въ серединѣ Святой недѣли въ честь Государя виленскимъ дворянствомъ былъ данъ большой блестящій балъ. По словамъ князя С. Г. Волконскаго [3]), „въ тотъ годъ праздникъ Пасхи былъ празднованъ по обычаю русскому и церковной службой и съѣздомъ во дворецъ, и это приводитъ мнѣ на память маленькій анекдотъ. Къ извѣстному часу передъ полночью, въ день Пасхи, всѣ чины царской свиты, многіе чины военные и гражданскіе, имѣющіе право на дворцовый этого дня входъ, и многіе мѣстные поляки и польки, допущенные на эту церковную службу, собрались во дво-

[1] Сѣв. Почта, 1812 г., № 34. 27 апр.

[2]) Кукольникъ. Истор. замѣтки 102—104.

[3]) Записки, 153—154.

Библиотека "Руниверс"

рецъ. Я и товарищъ мой Лопухинъ [1]) опоздали къ назначенному часу, а какъ мы обязаны были находиться въ той комнатѣ, гдѣ свита государева его ждала, то, боясь встрѣтить государя, для избѣжанія онаго, хотѣли пробраться черезъ церковь домашнюю, удобный для насъ входъ, чтобъ добраться до нашего мѣста. Но едва подошли къ церкви по заднему ходу, какъ у дверей, видимъ, придворный лакей воспрещаетъ намъ взойти въ церковь. На спросъ нашъ—почему, онъ отвѣчалъ: „нельзя, тамъ Государь".—„Да что же онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?—На это онъ отвѣчаетъ намъ: „дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія".—Мы, дай Богъ ноги!.."

Въ Вильнѣ Государь принималъ посланца Наполеона, его ген.-адъют. Нарбонна. Во время аудіенціи Государь „съ благороднымъ краснорѣчіемъ изложилъ умѣренность своего образа дѣйствій, свои неудовольствія, невозможность, въ которой онъ находился, согласовать дѣлаемыя ему предложенія съ достоинствомъ своего сана, съ интересами своего государства и съ желаніемъ избѣжать кровопролитія" [2]). Между прочимъ, тайная причина посылки Нарбонна заключалась въ желаніи, чтобы онъ, какъ военный, „высмотрѣлъ состояніе русскихъ войскъ, главнаго штаба и вообще императора и окружающихъ его лицъ и общее всѣхъ настроеніе" [3]).

Несмотря на обоюдныя враждебныя приготовленія и очевидную серьезность положенія, только весьма немногіе, ближайшіе сотрудники Государя, вполнѣ знали истинную близость предстоящаго разрыва, хотя самъ Государь во время одного обѣда сказалъ: „мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники и, кажется, исполняли свой долгъ, какъ слѣдовало; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія; поэтому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность и что мы не помрачимъ пріобрѣтенную нами военную славу" [4]).

Стараясь внести разнообразіе въ скучную жизнь томительнаго ожиданія и въ то же время отвѣтить взаимностью виленскому дворянству, въ началѣ іюня генералъ и флигель-адъютанты испросили согласіе Государя посѣтить балъ, который предполагали они дать въ Закретѣ, загородномъ домѣ генерала Беннигсена,—Версалѣ, какъ выражается Шуазель-Гуфье [5]).

---

[1]) Очевидно, здѣсь подразумѣвается фл.-ад. П. П. Лопухинъ.

[2]) Воспомин. Шуазель-Гуфье, стр. 33.

[3]) Р. Арх. 1892, № 3, стр. 352. Эпизоды изъ исторіи двѣнадцатаго года, Попова.

[4]) Записки ген.-ад. Комаровскаго. Рус. Арх. 1867 г., стр. 765.

[5]) Воспомин., 34 стр. Шуазель-Гуфье напираетъ на то, что балъ устраивали чины Свиты: „весь императорскій штатъ, флигель-адъютанты, генералы

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ въ Закретѣ не оказалось достаточно обширной залы, то рѣшено было возвести въ саду спеціальную для этого случая деревянную галлерею, и работа эта была поручена мѣстному архитектору. Вслѣдствіе полученнаго Императоромъ доноса о непрочности этой галлереи и о томъ, что она должна обрушиться во время бала, начальнику военной полиціи де-Санглену приказано было въ этомъ удостовѣриться. Постройка дѣйствительно обрушилась какъ разъ въ то время, когда пріѣхалъ де-Сангленъ, а возводившій ее архитекторъ исчезъ. Несмотря на это, Государь сказавъ: „мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ", приказалъ очистить уцѣлѣвшій полъ и въ заранѣе назначенный день 12 іюня балъ все-таки состоялся [1]). Здѣсь-то, на блестящемъ празднествѣ, застало Государя извѣстіе о переходѣ великой французской арміи черезъ Нѣманъ. Приказавъ сообщившему это извѣстіе, генералъ-адъютанту Балашову, хранить его въ секретѣ, Императоръ продолжалъ оказывать любезности приглашеннымъ и до такой степени сохранилъ полное наружное спокойствіе, что никто изъ присутствовавшихъ до конца бала, продолжавшагося еще около часа, не могъ угадать всей важности извѣстія. Почти весь остатокъ ночи Государь посвятилъ работѣ: сначала съ Главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли— давая ему указанія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, а затѣмъ съ государственнымъ секретаремъ, адмираломъ А. С. Шишковымъ, желая подготовить народное движеніе въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Черты пребыванія Государя въ западномъ краѣ передаетъ графиня Шуазель-Гуфье въ своихъ воспоминаніяхъ. Однажды Государь, выходя изъ церкви, увидѣлъ, какъ какая-то престарѣлая женщина готовилась влѣзть въ свой скромный, плохой рыдванъ. Государь пригласилъ ее къ себѣ въ экипажъ и дорогою вступилъ съ ней въ разговоръ. Оказалось, что женщина имѣла процессъ, который никакъ не могъ придти къ окончанію. На вопросъ Государя, почему она не подаетъ просьбы виленскому генералъ-губернатору, старушка, не знавшая, что она говоритъ съ Государемъ, отвѣчала: „конечно онъ человѣкъ честный, да у него секретарь ни одного дѣла не сдѣлаетъ даромъ, а я не въ состояніи дать ему взятку". Наивный отвѣтъ старушки вызвалъ высокомилостивое предложеніе Государя самому принять участіе въ ея дѣлѣ. Понятно, удивленію

и проч., но никакъ не одна одна г-жа Беннигсенъ, какъ говоритъ г-жа д'Абрантесъ въ своихъ запискахъ, пожелали устроить празднество въ честь Его Величества". Государь пожаловалъ отъ себя на этотъ расходъ 300 имперіаловъ.

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб., 1897 г., т. III, стр. 83.

Библиотека "Руниверс"

женщины по пріѣздѣ въ Вилькомиръ, когда открылось, кто былъ ея спутникомъ, не было предѣла.

Былъ также и такой случай. Католическій священникъ одной сельской церкви вышелъ на встрѣчу Государя съ крестомъ въ рукѣ. Лишь только Государь его увидѣлъ, какъ тотчасъ же вышелъ изъ экипажа, взялъ изъ его рукъ крестъ, приложился къ нему, а когда священникъ хотѣлъ поцѣловать руку Государя, Онъ отдернулъ свою и поцѣловалъ его руку.

Намѣреваясь испытать послѣднее средство остановить, можно сказать, уже начавшуюся войну, на что, впрочемъ, Государь весьма мало разсчитывалъ, и желая уничтожить значеніе послѣдней ноты, предъявленной французскимъ посломъ, графомъ Лористономъ, въ которой Наполеонъ объявлялъ, что усиленное требованіе русскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Куракинымъ, паспортовъ, принимаетъ онъ за разрывъ дипломатическихъ сношеній,—13 іюня, поздно вечеромъ, отправилъ Императоръ Александръ Своего генералъ-адъютанта Балашова къ Наполеону съ письмомъ.

Про командировку генералъ-адъютанта Балашова къ Наполеону въ 1812 г. читаемъ въ собственноручной его запискѣ [1]) „1812 года, іюня 13-го дня, въ пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ, Его Величество, въ 10 часовъ вечера призвавъ меня, сказать мнѣ изволилъ, улыбаясь: „Ты вѣрно ожидаешь, зачѣмъ тебя я призвалъ; я намѣренъ тебя послать къ Императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ прислана нота французскаго посольства, въ которой изъяснено, что какъ нашъ посолъ въ Парижѣ, кн. Куракинъ, неотступно требовалъ, два раза въ одинъ день, паспортовъ, ѣхать изъ Франціи, то сіе принимается за разрывъ и повелѣвается равномѣрно и гр. Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи“. Государь прибавилъ: „Итакъ, я хотя весьма слабую, но вижу причину, въ первый еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны, но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собою, а отъ меня не имѣлъ повелѣнія. Онъ видѣлъ что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ вытребовать себѣ паспортъ, и для того настоятельно требовалъ его прежде ихъ еще выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко мнѣ отъ Наполеона его ген.-ад. гр. Нарбонна, который и министромъ былъ военнымъ прежде, то въ соотвѣтственность того, и рѣшился я послать тебя. Хоть впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей посылки прекращенія

[1]) Н. Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ, стр. 14—31.

Библиотека "Руниверс"

войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы....“ Государь сказалъ мнѣ, что намѣренъ, сверхъ того, написать Наполеону письмо и чтобы я приготовился къ отъѣзду въ сію же ночь, а Его Величество пришлетъ за мною и, удостоивъ меня прочтеніемъ письма своего, вручилъ мнѣ его и дополнилъ, чтобъ я не упустилъ сказать Наполеону словесно, что если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ условіемъ однимъ, но непреложнымъ, т. е. чтобы арміи его вышли за границу; въ противномъ же случаѣ Государь даетъ ему слово, докуда хотя одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова о мирѣ“.

Это письмо Александра I должно было показать Европѣ, что зачинающимъ является Наполеонъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ послѣднюю попытку къ миру, Государь, на зарѣ 14 іюня, выѣхалъ изъ Вильно въ Свенцяны, куда сосредоточивались разбросанныя колонны первой Западной арміи и гдѣ, быть можетъ, предполагали принять сраженіе. „Лишь только уѣхалъ Императоръ“, пишетъ Шуазель-Гуфье, „какъ всѣ лошади въ городѣ были забраны для русскихъ чиновниковъ, которые уѣзжали изъ Вильны съ семействами и имуществомъ. Улицы были наполнены экипажами, загромождены разными пожитками. Всю ночь продолжалось это движеніе и на другой день нельзя было услышать звука колеса, какъ въ Венеціи [1]). Въ заботахъ о сосредоточеніи войскъ провелъ Императоръ Александръ въ Свенцянахъ шесть дней, отдавая непосредственно необходимыя распоряженія не только начальникамъ отдѣльныхъ колоннъ, но иногда даже и начальникамъ болѣе мелкихъ отрядовъ, всегда, однако, сообщая объ этомъ находившемуся тогда въ Вильно Барклаю-де-Толли, съ которымъ все время поддерживалъ Государь самыя тѣсныя и непрерывныя письменныя сношенія. На пути отступленія не было сдѣлано никакихъ приготовленій для принятія Государя Императора и сопровождавшей Его Свиты. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ Свенцянахъ государственному секретарю, А. С. Шишкову, пришлось помѣститься въ тѣсной и грязной кормчѣ, все убранство которой состояло изъ скверной кровати, трехногаго стула и маленькаго стола, на которомъ, по его словамъ, едва помѣщались листъ бумаги и чернильница [2]). Вообще нѣкоторыя подробности жизни Государевой Квартиры въ началѣ 1812 г. образно рисуетъ Шишковъ, коему въ то время Государь

[1]) Р. Арх. 1892, № 3, стр. 378.

[2]) Краткія записки адмирала А. Шишкова. Спб., 1831 г., стр. 11 и 12.

Библиотека "Руниверс"

поручалъ составленіе Высочайшихъ манифестовъ и приказовъ. Послѣ перехода Наполеона чрезъ Нѣманъ, пишетъ Шишковъ, „пребываніе наше въ Вильнѣ сдѣлалось не безопасно и Главная Квартира, отъѣхавъ верстъ около двадцати пяти, остановилась въ мѣстечкѣ, называемомъ Свенцяны"; здѣсь Государь поручилъ адмиралу Шишкову переводъ бумаги Фуля. „Я по грязной улицѣ и въ проливной дождь бросился скорѣе въ мою корчму, сѣлъ на деревянномъ треножномъ стулѣ за столикъ, на которомъ едва могла помѣститься чернильница съ листомъ бумаги, и при копѣечной сальной свѣчѣ принялся за работу; крайнее поспѣшеніе мое сопряжено было еще съ посторонними предосадными обстоятельствами; къ окну моему поминутно приходили солдаты, стуча въ него, чтобъ ихъ пустили въ кормчу, такъ что я всякій разъ принужденъ былъ кричать имъ: „поди прочь, здѣсь стоитъ генералъ". Этого мало, сверху, на бумагу, падали тараканы, которыхъ я безпрестанно долженъ былъ отщелкивать".

При началѣ войны не довѣряли получаемымъ свѣдѣніямъ о размѣрахъ собранныхъ непріятелемъ силъ, видя въ этихъ свѣдѣніяхъ лишь естественный, давно свойственный Наполеону, обычай умышленнаго преувеличенія своихъ военныхъ средствъ съ цѣлью застращиванья противника. Когда же разсѣялось это заблужденіе и выяснилась вся огромность численнаго превосходства французской арміи на всѣхъ пунктахъ, тогда 20 іюня тронулась 1-я армія изъ Свенцянъ къ Дрисскому укрѣпленному лагерю, куда отбылъ вмѣстѣ съ нею и Государь.

Почти тотчасъ по прибытіи Императора въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, по ходатайству генералъ-адъютанта князя Волконскаго, представился Государю инженерный полковникъ, впослѣдствіи получившій званіе флигель-адъютанта, Мишо, желавшій всеподданнѣйше доложить Монарху о многихъ, замѣченныхъ имъ, недостаткахъ и даже полной негодности для обороны занятаго арміей лагеря.

Удостовѣрясь личнымъ осмотромъ позицій и укрѣпленій въ совершенной основательности, сдѣланнаго полковникомъ Мишо, доклада, Государь приказалъ собраться къ Нему: принцу Ольденбургскому, графу Аракчееву, Барклаю-де-Толли, генералъ-адъютанту князю Волконскому и флигель-адъютанту Вольцогену [1]). Передъ этими лицами долженъ былъ полковникъ Мишо еще разъ повторить всѣ свои, уже доложенныя имъ Государю, соображенія и замѣчанія. Никто изъ присутствующихъ не

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г., Спб., 1839 г., ч. I, стр. 226.

Библиотека "Руниверс"

оспаривалъ основательности замѣчаній, изложенныхъ полковникомъ Мишо, и рѣшено было оставить Дрисскій лагерь, но такъ какъ французы наступали не очень энергично, то оказывалось возможнымъ простоять здѣсь нѣсколько дней. Расположеніе Императора и сопутствующихъ Ему государственныхъ сановниковъ и лицъ Свиты въ Дрисскомъ укрѣпленномъ лагерѣ представляло весьма мало удобствъ и отличалось крайней разбросанностью. Самъ Государь занималъ небольшой домикъ, близъ котораго не было никакихъ жилыхъ построекъ. Большая часть Свиты вынуждена была размѣститься по окрестнымъ мѣстечкамъ, а, напримѣръ, Балашову и Шишкову былъ отведенъ домъ на другой сторонѣ рѣки [1]. Когда же въ Главной Квартирѣ получено было извѣстіе о движеніи Мюрата на Глубокое, армія принуждена была 2 іюля сняться со своей позиціи съ цѣлью предупредить не-

Александръ Францевичъ Мишо.

пріятеля въ Витебскѣ или Полоцкѣ. Государь еще нѣсколько дней продолжалъ слѣдовать при арміи.

Возникшее съ пріѣздомъ Государя въ кругу высшихъ сановниковъ сомнѣніе въ томъ, кто является дѣйствительнымъ Главнокомандующимъ войсками первой арміи—Императоръ или Барклай де-Толли, съ теченіемъвремени, не только не было устранено, но, повидимому, постепенно все возрастало, вредно отражаясь на ходѣ военныхъ операцій. Въ концѣ іюня ненормальность этого положенія достигла столь ощутительныхъ размѣровъ, что обезпокоенному ею Шишкову пришла мысль сдѣлать попытку склонить Государя оставить армію и возвратиться черезъ Москву въ Петербургъ. Съ этою цѣлью имъ было составлено письмо къ Государю, вручить которое А. С. Шишковъ нѣкоторое время не рѣшался. Въ письмѣ этомъ онъ указывалъ высшія соображенія, требовавшія немедленнаго присутствія Государя не въ арміи, а внутри Имперіи, и тѣмъ маскировалъ главную причину. Обдумывая способъ, какимъ можно

[1]) Краткія записки адмирала Шишкова, Спб., 1831 г., стр. 12.

Библиотека "Руниверс"

было бы доставить такое письмо Государю, адмиралъ Шишковъ вспомнилъ, что однажды Государь, разговаривая съ генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, сказалъ ему: „Вы бы трое (подразумѣвая подъ этимъ генералъ-адъютанта Балашова, графа Аракчеева и адмирала Шишкова) сходились иногда и что-нибудь между собой разсуждали". Поэтому адмиралъ Шишковъ рѣшилъ доставить письмо за такой тройной подписью. Балашовъ немедленно согласился присоединиться къ мысли Шишкова и подписать письмо, но графъ Аракчеевъ, на доводы Шишкова и Балашова, что это можетъ быть спасеніемъ отечества, отвѣчалъ вопросомъ: „Что мнѣ до отечества, а скажите мнѣ, не будетъ ли въ опасности Государь, оставаясь долѣе при арміи?" и только послѣ словъ Балашова: „Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ Государемъ?"—подписалъ письмо и вечеромъ самъ положилъ на письменный столикъ Государя. На слѣдующее утро Императоръ во время доклада коротко сказалъ графу: „Я читалъ ваше посланіе", а на другой день вечеромъ приказано было приготовить къ ночи коляски для отъѣзда Государя черезъ Смоленскъ и Москву.

Приводимъ содержаніе этого интереснаго письма [1]).

Его Императорскому Величеству угодно было изъявить волю свою, чтобъ мы трое (нижеподписавшіеся) имѣли между собою сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ быть къ пользѣ Государя и государства.

Во исполненіе сего Высочайшаго намъ порученія, входя обстоятельно во всѣ подробности настоящаго времени и состоянія дѣлъ, мы по долгу присяги и по чувствамъ горячаго усердія и любви къ Государю и отечеству разсуждаемъ слѣдующее:

Государь и Отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другаго не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А посему, сколько во всякое время, а наипаче военное, нуженъ Отечеству Царь, столько же Царю нужно Отечество. Утверждаясь на сей важной истинѣ, почитаемъ мы размышленіе о семъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ самонужнѣйшимъ, и дерзаемъ, аки вѣрные подданные, представить мнѣніе наше на Высочайшее усмотрѣніе.

Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: войска наши раздѣлены; непріятель, имѣя во власти своей всѣ Польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Хотя и

[1]) Напечатано это письмо впервые въ краткихъ запискахъ адмирала А. Шишкова, веденныхъ имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Первомъ въ бывшую съ французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. Изд. 1831 г., 17—25.

Библиотека "Руниверс"

Его императорскому величеству угодно было изъявить волю свою, чтобы мы трое (нижеподписавшіеся) имѣли между собою сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ быть къ пользѣ государя и государства

Во исполненіе сего высочайшаго намъ порученія, входя обстоятельно во всѣ подробности настоящаго времени и состоянія дѣлъ, мы по долгу присяги и по чувствамъ горячаго усердія и любви къ государю и отечеству разсуждаемъ слѣдующее

Государь и отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другаго не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А посему сполчіе во всякое время, а нынѣ военное, нуженъ отечеству царь, столько же царю нужно отечество: утверждаясь на сей важной истинѣ постигаемъ мы размышленіе о семъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ самонужнѣйшимъ, и дерзаемъ, ваши вѣрные подданные, представить мнѣніе наше на высочайшее усмотрѣніе.

Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Войскъ наши раздѣлены, непріятель, имѣя во власти своей всѣ Польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Хотя и полагаемъ мы надежду, что онъ отраженъ будетъ и возвратится вспять; но желая сего, и даже надѣясь, было бы крайнею неосторожностію несомнѣнно въ томъ увѣриться, и не брать никакихъ мѣръ на случай нещастія, тѣмъ паче, что оное можетъ случиться весьма скоро, и естьли случится, то уже всякія тогда только начинаемыя мѣры будутъ поздны.

Не надлежитъ скрывать отъ себя дѣйствительныхъ происшествій, но напротивъ должно ихъ представлять себѣ хуждшими, нежели они въ самомъ дѣлѣ есть. Первое обманываетъ, и отпрянувшись вдругъ, вводитъ въ пагубное недоумѣніе, второе, внушая осторожность, спасаетъ отъ безплоднаго разсѣянія умыслъ при всей увѣренности и надежду на храбрость воиновъ нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю простирать далѣе стремленіе свое, нужно и должно подумать о томъ, что можетъ и противное тому воспослѣдовать. Щастіе у судьбы въ рукахъ. Нынѣшнія обстоятельства таковы, что непріятель стремится быстро внутрь царства и мнитъ потрясеніемъ онаго ударомъ отрѣзать войскъ наши отъ связи со внутренностію имперіи самое опаснѣйшее для насъ намѣреніе! Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, изъ которыхъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Когда сіе смятеніе нынѣ существуетъ уже, то нужно при малѣйшихъ его успѣ

Библиотека "Руниверс"

хахъ несравненно умножится, не столько отъ его дѣйствій, сколько отъ того, что самая внутренность государства, лишенная присутствія государя своего, и не видя никакихъ оборонительныхъ въ ней приуготовленій, сочтетъ себя какъ бы оставленною и впадетъ въ уныніе и разстройство, тогда, когда бы, видя съ собою монарха своего, она имѣла сугубую надежду: первое на войскахъ, второе на внутреннія силы, которыя безъ всякаго сомнѣнія мгновенно составятся около главы отечества, царя.

При обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, необходимость требуетъ скораго и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и кто дѣлать надлежитъ; ибо малѣйшее промедленіе времени можетъ причинить невозвратное зло.

Всего важнѣе здѣсь изслѣдованіе, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе государя, при войскахъ ли, или внутри россіи? что какъ присутственно къ разсмотрѣнію сего.

1е. Государь императоръ находясь при войскахъ не предводительствуетъ ими, но предоставляетъ начальство надъ онѣми военному министру, которой хотя и называется главнокомандующимъ, но въ присутствіи его величества не беретъ на себя въ полной силѣ быть начальникомъ съ полною отвѣтственностію.

2е. Присутствіе императора при войскахъ хотя и служитъ къ нѣкоторому ободренію онѣхъ; но они защищаютъ вѣру, свободу, честь, государя, отечество, семейства и домы свои: довольно для нихъ причинъ къ ободренію; притомъ же имя его всегда съ ними.

3е. Примѣры государей, предводительствовавшихъ войсками своими, не могутъ служить образцами для царствующаго нынѣ государя императора; ибо не тѣ были побудительныя причины. Петръ великій, фридрихъ второй, и нынѣшній нашъ непріятель наполеонъ, должны были дѣлать то: первый потому, что заводилъ регулярныя войска; второй потому, что все королевство его было, такъ сказать, образцово въ военныя силы; третій потому, что не рожденіемъ но случаемъ и щастіемъ взошелъ на престолъ. Всѣ сіи причины несуществуютъ для Александра перваго.

4е. Храбрость безспорно есть достоинство приносящее славу. Но часто она же самая служитъ къ помраченію славы того, что ею худо пользуется. Храбрость въ простомъ воинѣ всегда похвальна, ибо онъ во всякомъ случаѣ приноситъ чрезъ то пользу цѣлому воинству. Храбрость въ полководцѣ, подвергающемъ себя безъ важныхъ причинъ опасности, предосудительна; ибо онъ для снисканія лучной себѣ похвалы забываетъ, что попеченію его вверены войска. Храбрость въ царѣ тѣмъ предосудительнѣе быть можетъ, чѣмъ цѣлое царство больше войскъ; ибо ежели онъ будетъ убитъ, или взятъ въ плѣнъ, то государство, оставшись въ смутное время безъ главы, дорого заплатитъ за привязанность его къ лучной славѣ. Представитъ себѣ двухъ

Библиотека "Руниверс"

Царех, изъ исторіи одинъ внутри государства своего, опружен-
ный вельможами, разторажаетъ оборону предѣловъ своихъ.
другой послѣдуетъ всюду за своими войсками. Какую бы тер-
вій изъ нихъ не велъ нещастную воину, сколько бы ни поте-
рялъ провинцій, оставшаяся земля его всегда составляютъ
еще царство, и онъ въ нихъ царь посреди народа своего. По-
бдитель, вступая съ нимъ въ переговоры, почитаетъ еще
въ немъ царя. Но ежели войски втораго будутъ разбиты,
тогда что останется ему дѣлать? уйти внутрь земли сво-
ей: но онъ найдетъ уже ее въ страхѣ, въ смятеніи, безъ дов-
ренности къ нему. Оставатбся три разбитыхъ войскахъ и
требовать помощи у народа: но въ паніи духомъ и сторо
ихъ устрашенныхъ, унылыхъ народъ, не видя его посреди себя
будетъ собирать сію помощь, и кто приведетъ ее въ должное
устройство? Между тѣмъ торжествующій побдитель, про-
должая отдѣлять войски отъ царства и нападая на оста-
тніе оныхъ, можетъ самого царя захватить въ плѣнъ: то-
гда безславіемъ своимъ умножитъ онъ гордость побдителя,
и строе царство его должно будетъ упасть предъ врагомъ
своимъ и ожидать отъ воли его горбіой своей участи.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: 1е, что нѣтъ госу-
дарю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоеди-
нилась къ одной толпѣ части войскъ, оставляя всѣ прочія
силы и части государственнаго управленія другимъ. Особли-
во же въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и опасныхъ не-
обходимо нужно ему избирать тунніть предѣланія своего та-
кимъ образомъ, чтобы паки всѣмъ частямъ военнымъ, такъ
и всѣмъ государственнымъ внутреннимъ мѣстамъ и обще-
ствамъ мочь онъ подавать нужныя пособія, и повелѣніями
и лично присутствіемъ своимъ оживлять тѣ, которыя
въ вящшую дѣятельность приводить должно. 2е, что и лич-
ная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается: Исто-
рія непохваляетъ никогда поступки и царствованіе Карла
XII, короля Шведскаго. Феофанъ о Петрѣ первомъ, сдавшемся
опасности на раду съ прочими, сказалъ: <u>Вострепетала Рос-
сія Едина смерти ю вся умрети дабщеся</u>. Ежели прямой долгъ
царей есть жить для благодѣнствія внутреннихъ имъ народовъ,
то едва ли похвально допускать отъ одного своего лица убить
цѣлое царство.

Соображая все сіе и находя притомъ, что нынѣшнее на-
ше положеніе требуетъ непремѣнно всевозможнаго вниманія
и сторой рѣшимости, поставляемъ мы поднесть его импера-
торскому Величеству мнѣніе наше, какое долгъ вѣрноподу-
данныхъ и прямая любовь къ нему и къ отечеству въ насъ
влагаетъ.

Естьли государю императору угодно будетъ нынѣ же,
не ожидая рѣшительной битвы, претворить войски въ полное

Библиотека "Руниверс"

распоряженіе главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ, которыя бы внутри государства подъ назначеннымъ предводителемъ составили вторыя оттоманскія силы, то нетъ никакова сомнѣнія, что онѣ встрѣчены будутъ съ радостнымъ восторгомъ, и одушевленныя присутствіемъ Его народъ воздвигнется весь съ небываннымъ духомъ мужества. Тогда положеніе здѣшнихъ войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ Царство опасности, и непріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одерживалъ успѣхи, но истощенный и разстроенный всегда страшился бы новыхъ силъ въ тылу. Единственная надежда его, привесть скоро къ окончанію войну, была бы совершенно отнята.

Мы отбытіе отсель Государя Императора прежде сраженія потому почитаемъ нужнымъ, что во первыхъ время не терпитъ, и каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій перевѣсъ въ дѣлахъ, во вторыхъ, естьли непріятель нечаянно настигнетъ, и чего Боже сохрани, одержитъ знатную повѣжность, тогда по неволѣ должно будетъ сдѣлать то, на что нынѣ по доброй волѣ и къ общей всѣхъ радости и спасенію рѣшиться можно. Нынѣ отзовется отсель Государя долженое попеченіе о государствѣ, превосходящее попеченіе о части войскъ, ввѣренныхъ военачальнику. Но тогда отзывъ Его покажется принужденнымъ, страхъ разсѣется уже по всей россіи, прибытіе Его будетъ менше вождѣленно, воззванія къ народу менше дѣйствительно, и способы къ приготовленію новыхъ силъ несравненно трудне. Непріятель выиграетъ время, шаги его будутъ смѣлѣе, дерзновеннѣе, и можетъ быть успѣетъ онъ уничтожить всѣ позди предпріемлемыя противъ него мѣры.

Всемилостивѣйшій Государь! сіе мнѣніе наше основано на вѣрности и любви къ священной ТВОЕЙ особѣ. Обрати, надежда россіи! обрати вниманіе СВОЕ на него. Молимъ ТЕБЯ со слезами. Мы увѣрены, что сей нашъ гласъ и моленіе предъ ТВОИМЪ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ ТВОИХЪ подданныхъ, и готовы въ томъ подписаться кровью.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданные.

на подлинномъ подписано: Графъ А. Аракчеевъ.
Александръ Балашевъ.
Александръ Шишковъ.

На двинѣ близъ дрисы. Іюня 30 дня 1812 года.

Библиотека "Руниверс"

полагаемъ мы надежду, что онъ отраженъ будетъ и возвратится вспять; но, желая сего, и даже надѣясь, было бы крайнею неосторожностію несомнѣнно въ томъ увѣриться, и не брать никакихъ мѣръ на случай нещастія, тѣмъ паче, что оное можетъ случиться весьма скоро, и естьли случится, то уже всякія тогда только начинаемыя мѣры будутъ поздны.

Не надлежитъ скрывать отъ себя дѣйствительныхъ происшествій, но напротивъ должно ихъ представлять себѣ худшими, нежели оныя въ самомъ дѣлѣ есть. Первое обманываетъ и, открывшись вдругъ, вводитъ въ пагубное недоумѣніе; второе, внушая осторожность, спасаетъ отъ безплоднаго раскаянія. Итакъ, при всей увѣренности и надеждѣ на храбрость войскъ нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю простирать далѣе стремленіе свое, нужно и должно подумать о томъ, что можетъ и противное тому воспослѣдовать. Щастіе у судьбы въ рукахъ. Нынѣшнія обстоятельства таковы, что непріятель стремится быстро внутрь царства и мнитъ потрясеніемъ онаго какъ бы отдѣлить войска наши отъ связи со внутренностію имперіи. Самое опаснѣйшее для насъ намѣреніе! Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, къ которымъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Когда сіе смятеніе нынѣ существуетъ уже, то конечно при малѣйшихъ его успѣхахъ несравненно умножится, не столько отъ его дѣйствій, сколько отъ того, что самая внутренность государства, лишенная присутствія Государя своего, и не видя никакихъ оборонительныхъ въ ней пріуготовленій, сочтетъ себя какъ бы оставленною и впадетъ въ уныніе и разстройство, тогда когда бы, видя съ собою Монарха своего, она имѣла сугубую надежду: первое на войски, второе на внутреннія силы, которыя безъ всякаго сомнѣнія мгновенно составятся окрестъ главы Отечества, Царя.

При обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, необходимость требуетъ скораго и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и что дѣлать надлежитъ: ибо малѣйшее пропущеніе времени можетъ приключить невозвратное зло.

Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованіе, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе Государя, при войскахъ ли, или внутри Россіи? Итакъ, приступимъ къ разсмотрѣнію сего:

1-е. Государь Императоръ, находясь при войскахъ, не предводительствуетъ ими, но предоставляетъ начальство надъ онымъ Военному Министру, который хотя и называется Главнокомандующимъ, но въ присутствіи Его Величества не беретъ на себя въ полной силѣ быть таковымъ съ полною отвѣтственностью.

2-е. Присутствіе Императора при войскахъ хотя и служитъ къ

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторому ободренію оныхъ; но они защищаютъ вѣру, свободу, честь, Государя, Отечество, семейства и домы свои: довольно для нихъ причинъ къ ободренію; притомъ же имя Его всегда съ ними.

3-е. Примѣры государей, предводительствовавшихъ войсками своими, не могутъ служить образцами для царствующаго нынѣ Государя Императора; ибо не тѣ были побудительныя причины. Петръ Великій, Фридрихъ Второй, и нынѣшній нашъ непріятель Наполеонъ, должны были дѣлать то: первый потому, что заводилъ регулярныя войска; второй потому, что королевство его было, такъ сказать, обращено въ воинскія силы; третій потому, что не рожденіемъ, но случаемъ и щастіемъ взошелъ на престолъ. Всѣ сіи причины не существуютъ для Александра Перваго.

4-е. Храбрость безспорно есть достоинство, приносящее славу. Но часто она же самая служитъ къ помраченію славы того, кто ей излишно повинуется. Храбрость въ простомъ воинѣ всегда похвальна; ибо онъ во всякомъ случаѣ приноситъ чрезъ то пользу цѣлому воинству. Храбрость въ полководцѣ, подвергающемъ себя безъ важныхъ причинъ опасности, предосудительна; ибо онъ для снисканія личной себѣ похвалы забываетъ, что попеченію его ввѣрены войски. Храбрость въ Царѣ тѣмъ предосудительнѣе быть можетъ, чѣмъ цѣлое царство больше войскъ; ибо ежели онъ будетъ убитъ, или взятъ въ плѣнъ, то государство, сдѣлавшись въ смутное время безъ главы, дорого заплатитъ за привязанность его къ личной славѣ. Представимъ себѣ двухъ Царей, изъ которыхъ одинъ внутри государства своего, окруженный вельможами, распоряжаетъ оборономъ предѣловъ своихъ. Другой послѣдуетъ всюду за своими войсками. Какую бы первый изъ нихъ ни велъ нещастную войну, сколько бы ни потерялъ провинцій,—оставшіяся земли его всегда составляютъ еще царство, и онъ въ нихъ Царь посреди народа своего. Побѣдитель, вступая съ нимъ въ переговоры, почитаетъ еще въ немъ Царя. Но ежели войски второго будутъ разбиты, тогда что останется ему дѣлать?—уйти внутрь земли своей; но онъ найдетъ уже ее въ страхѣ, въ смятеніи, безъ довѣренности къ нему. Оставаться при разбитыхъ войскахъ и требовать помощи у народа; но съ какимъ духомъ и скоро ли устрашенный, унылый народъ, не видя его посреди себя, будетъ собирать сію помощь, и кто приведетъ ее въ должное устройство? Между тѣмъ торжествующій побѣдитель, продолжая отдѣлять войски отъ царства и нападая на остатки оныхъ, можетъ самого Царя захватить въ плѣнъ: тогда безславіемъ своимъ умножитъ онъ гордость побѣдителя, и сирое царство его должно будетъ упасть предъ врагомъ своимъ и ожидать отъ воли его горькой своей участи.

Библиотека "Руниверс"

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: 1-е, что нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединилась къ одной только части войскъ, оставляя всѣ прочія силы и части государственнаго управленія другимъ. Особливо же въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и опасныхъ необходимо нужно ему избирать пункты пребыванія своего такимъ образомъ, чтобы какъ всѣмъ частямъ военнымъ, такъ и всѣмъ государственнымъ внутреннимъ мѣстамъ и обществамъ могъ онъ подавать нужныя пособія, и повелѣніями и личнымъ присутствіемъ своимъ оживлять тѣ, которыя въ вящшую дѣятельность приводить должно; 2-е, что и личная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается: исторія не похваляетъ никогда поступки и царствованіе Карла XII, короля шведскаго; Феофанъ о Петрѣ первомъ, вдавшемся опасности на ряду съ прочими, сказалъ: вострепетала Россія Единаго смертію вся умрети боящеся. Ежели прямой долгъ Царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ, то едва ли похвально допускать въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство.

Соображая все сіе и находя притомъ, что нынѣшнее наше положеніе требуетъ непремѣнно всевозможнаго вниманія и скорой рѣшимости, поспѣшаемъ мы поднесть Его Императорскому Величеству мнѣніе наше, какое долгъ вѣрноподданнаго и прямая любовь къ Нему и къ Отечеству въ насъ влагаетъ.

Естьли Государю Императору угодно будетъ нынѣ же, не ожидая рѣшительной битвы, препоручить войски въ полное распоряженіе Главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ, которыя бы внутри государства подъ назначеннымъ предводителемъ составили вторыя отпорныя силы, то нѣтъ никакова сомнѣнія, что Онъ встрѣченъ будетъ съ радостнымъ восторгомъ, и одушевленный присутствіемъ Его народъ воздвигнется весь съ неслыханнымъ духомъ мужества. Тогда положеніе здѣшнихъ войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ Царство опасности, и непріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одерживалъ успѣхи, но истощенный и разстроенный всегда страшился бы новыхъ силъ въ переди. Единственная надежда его, привесть скоро къ окончанію войну, была бы совершенно отнята.

Мы отбытіе отселѣ Государя Императора прежде сраженія потому почитаемъ нужнымъ, что во-первыхъ время не терпитъ, и каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій перевѣсъ въ дѣлахъ; во-вторыхъ, естьли непріятель нечаянно настигнетъ и, чего Боже сохрани, одержитъ знатную поверхность, тогда по неволѣ должно будетъ сдѣлать то, на что нынѣ по доброй волѣ и къ общей всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

радости и спасенію рѣшиться можно. Нынѣ отзоветъ отселѣ Государя должное попеченіе о государствѣ, превосходящее попеченіе о части войскъ, ввѣренныхъ военноначальнику. Но тогда отъѣздъ Его покажется принужденнымъ, страхъ разсѣется уже по всей Россіи, прибытіе Его будетъ менше вожделѣнно, воззваніе къ народу менше дѣйствительно, и способы къ пріуготовленію новыхъ силъ несравненно труднѣе. Непріятель выиграетъ время, шаги его будутъ смѣлѣе, дерзновеннѣе, и можетъ быть успѣетъ онъ уничтожить всѣ поздно предпріемлемыя противъ него мѣры.

Всемилостивѣйшій Государь! сіе мнѣніе наше основано на вѣрности и любви къ священной Твоей особѣ. Обрати, надежда Россіи! обрати вниманіе Свое на него, молимъ Тебя со слезами. Мы увѣрены, что сей нашъ гласъ и моленіе передъ Твоимъ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ Твоихъ подданныхъ, и готовы въ томъ подписаться кровью.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные графъ А. Аракчеевъ, Александръ Балашовъ, Александръ Шишковъ.

На Двинѣ близъ Дрисы, іюня 30 дня 1812 г.

А. Аракчеевъ.

Собираясь покинуть Дрисскій укрѣпленный лагерь, Государь командировалъ флигель-адъютанта Чернышева и полковниковъ Мишо и Эйхена для выбора удобныхъ для обороны мѣстъ подъ Москвою, а, если

Библиотека "Руниверс"

потребуется, то и еще болѣе въ глубь страны—на Волгѣ, а флигель-адъютанту графу Потоцкому было повелѣно истребить переправу противъ Дисны[1]).

Достигнувъ Полоцка, Государь, вслѣдствіе ранѣе сего приведеннаго письма А. С. Шишкова, покинулъ въ ночь съ 6 на 7 іюля армію и поѣхалъ черезъ Смоленскъ въ Москву для поднятія народнаго движенія въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Александръ Балашовъ.

Александръ Шишковъ.

Оставленіе Государемъ арміи не могло вызвать, конечно, вполнѣ отраднаго чувства въ дѣйствующей арміи, и Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 133, по изд. 1865 г.): „отъѣздъ Государя произвелъ на войска непріятное впечатлѣніе; появляясь каждый день веселымъ и сохранявшимъ спокойную наружность, не только не было мысли объ опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми и каждый оживлялся его присутствіемъ; но оно не менѣе

[1]) Этому порученію А. П. Ермоловъ посвящаетъ нѣсколько строкъ. „Онъ, пишетъ Ермоловъ про Потоцкаго, пылая усердіемъ исполнить пору-

Библиотека "Руниверс"

нужно было и въ Россіи: надобно было унылый духъ возбудить къ бодрости, или постепенно пріуготовить къ перенесенію большихъ бѣдствій; Москва, въ сердцѣ коей двѣсти лѣтъ тишины и благоденствія, цѣлый вѣкъ величія и славы, закрыли прежнихъ несчастій глубокія раны, ожидала утѣшенія. Москва! когда срѣтала ты Царя своего безъ восхищенія? Гдѣ болѣе являема была ему сыновъ его приверженность? Отъѣздъ былъ необходимъ! Сѣтующему войску обѣщано скорое его возвращеніе, и все возвратилось къ прежнему порядку, или, по крайней мѣрѣ, не увеличился безпорядокъ". Съ Высочайшимъ отъѣздомъ, квартира потеряла весь блескъ своего персонала. И опять таки, Ермоловъ отмѣчаетъ это обстоятельство: „по отъѣздѣ Государя, случилось мнѣ обѣдать вмѣстѣ съ оставшеюся его Свитою, и я замѣтилъ разность въ тонѣ, какую-то перемѣну въ обращеніи! Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждаго при собственныхъ средствахъ. Люди, осужденные быть придворными, умѣйте снискать уваженіе собственными достоинствами, или, заимствуя блескъ другого, умѣйте отражать его. Не мое дѣло толковать мысль сказаннаго однимъ изъ древнихъ писателей: exeat aula qui vult esse pius; неужели думать надобно, что мало было сходства между придворными людьми всѣхъ временъ? съ нами вмѣстѣ обѣдалъ и генералъ Фуль, готическую свою важность, вывѣску общаго ко всѣмъ неуваженія, перемѣнившій на придворную вѣжливость; онъ кланялся прежде не ожидая приносимыхъ ему въ дань поклоновъ; исчезло рабственное къ нему почтеніе; были уже примѣтившіе въ немъ признаки сумасшествія, а Вилліе увѣрялъ, что испытанныя средства не возстановили ума въ полной мѣрѣ; воля Государя присвоила и не бывалый" [1]). Съ своей стороны, Кочубей писалъ Аракчееву 11 іюля 1812 г.: [2]) „сближеніе его (т. е. Государя) къ центру государства утѣшитъ столько всѣхъ, сколько, напротивъ, разныя неудобства, съ первымъ его пребываніемъ (при войскахъ) сопряженныя, могли

ченіе, сообщилъ пламень и провіантскому магазину, довольно значительному, тогда какъ французы были не ближе 70 верстъ разстоянія, и съ такою возвратился поспѣшностію, что не замѣтилъ, какъ жители растащили запасы, которые довольствовали послѣ и авангардъ 6-го корпуса и самый корпусъ" (Записки, 131). Въ указѣ же, данномъ 30 іюня Потоцкому, излагается требованіе изслѣдовать: „почему провіантъ, въ оном городѣ находящійся, сожженъ былъ прежде времени, тогда когда по приказанію, вами данному, истребленіе онаго только должно было воспослѣдовать по приближеніи непріятеля къ г. Днѣпѣ". (Сборн. ист. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, стр. 88).

[1]) Ермоловъ, Записки, стр. 135.

[2]) Дубровинъ. Отечественная война въ письмахъ современниковъ, 48.

Библиотека "Руниверс"

быть прискорбны всѣмъ тѣмъ, кои и Ему, и отечеству своему, всѣхъ благъ желаютъ".

А. П. Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ объ оставленіи Свиты при арміи въ такихъ выраженіяхъ [1]): „изъ Полоцка Государь Императоръ отправился въ Москву, сопровождаемый графомъ Аракчеевымъ, министромъ полиціи господиномъ Балашевымъ и государственнымъ секретаремъ Шишковымъ; при немъ были генералъ-адъютантъ князь Трубецкой и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Всѣ прочіе, особѣ Государя принадлежащіе чиновники, остались при арміи. Остался и генералъ Фуль съ горькимъ въ сердцѣ чувствомъ, что онъ не столько уже необходимъ Государю, съ отчаяніемъ въ душѣ, что лагерь при Дриссѣ найденъ безполезнымъ и усмотрѣны его недостатки. Ни рабъ-почитатель его, флигель-адъютантъ полковникъ пруссакъ Вольцогенъ, ни генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій, имъ въ ремеслѣ военномъ просвѣщаемый, не проповѣдывали его славы. Умолкли мудрыя его предположенія продолжать отступленіе даже за Волгу; уже не внемлютъ благодѣтельнымъ попеченіямъ его о Россіи. Судьба казнитъ неблагодарность вашу, Россіяне: вы не узрите береговъ Волги".

Передъ отъѣздомъ въ Смоленскъ, графъ Аракчеевъ писалъ Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ С. К. Вязмитинову [2]), чтобы „фельдъегерямъ и курьерамъ изъ С.-Петербурга въ армію ѣздить по бѣлорусской дорогѣ на Порховъ и Великіе Луки, а изъ онаго мѣста въ Невель, гдѣ уже должны они будутъ узнавать, какою дорогою могутъ ѣхать въ армію до Главной квартиры, отъ тамошняго городничаго"; въ этомъ же письмѣ Аракчеевъ сообщалъ, что „Государь Императоръ усматриваетъ здѣсь пріѣзжающихъ изъ С.-Петербурга многихъ другихъ курьеровъ отъ разныхъ лицъ, кромѣ фельдъегерей, то Онъ находитъ, что сіе можно бы нѣкоторымъ образомъ ограничить, чѣмъ бы самымъ менѣе было способовъ развозить пустые толки, да и самой бы почтѣ менѣе было отяготительно".

Слѣдуетъ здѣсь еще упомянуть, что Императоръ Александръ, покидая армію и садясь въ карету, сказалъ провожавшему Его Барклаю: „поручаю вамъ Мою армію; не забывайте, что у меня нѣтъ другой, и пусть эта мысль васъ не оставляетъ" [3]). Предъ этимъ Главнокомандующій имѣлъ аудіенцію у Государя въ теченіе цѣлаго часа. Въ письмѣ же кн. Багратіона къ гр. Ростопчину отъ 14 августа, между прочимъ, имѣются слѣдующія строчки [4]): „Барклай

[1]) Записки Алексѣя Петровича Ермолова. 1865 г. I, с. 132—133.

[2]) Сборн. истор. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, стр. 90; 4 іюля, № 18.

[3]) M. Weil. Mémoires du général-major russe, baron de Löwenstern.

[4]) Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ.

Библиотека "Руниверс"

говоритъ, что Государь ему запретилъ давать рѣшительныя сраженія". Слѣдовательно, Государь, оставляя армію, преподалъ Барклаю общій планъ дѣйствій. Въ Смоленскъ Государь прибылъ въ 11 ч. утра 9 іюля и, встрѣченный восторженнымъ привѣтствіемъ народа, остановился въ такъ называемомъ Инспекторскомъ домѣ. Немедленно по прибытіи, Государь принималъ смоленское дворянство, первое выступившее съ предложеніемъ тѣхъ огромныхъ пожертвованій, которыя вскорѣ принесъ русскій народъ для защиты своего отечества. Выразивъ дворянству свою благодарность, Государь отправился въ Успенскій соборъ, а затѣмъ на площади произвелъ смотръ запаснымъ войскамъ, закончившійся прохожденіемъ церемоніальнымъ маршемъ. Сформированнымъ изъ этихъ войскъ отрядомъ Государь повелѣлъ командовать генералъ-адъютанту барону Винценгероде [1]), возложивъ на него двоякую цѣль: обезпечивать сообщенія обѣихъ западныхъ армій и въ то же время прикрывать Смоленскъ.

Покинувъ армію, Государь не прекратилъ общаго руководства военными дѣйствіями. Ермоловъ 27 іюня въ разговорѣ съ Императоромъ выразился: „Государь, нужно единоначаліе [2])". Генералъ-адъютантъ Шуваловъ 31 іюля писалъ: „если Ваше Императорское Величество не дадите общаго Главнокомандующаго надъ обѣими арміями, ручаюсь моею честью и совѣстью, дѣло можетъ быть безвозвратно потеряно" [3]). 8 іюля Государь, поздравляя Барклая съ блестящими побѣдами графа Витгенштейна и генерала Тормасова и съ соединеніемъ армій, писалъ между прочимъ: „Я надѣюсь, что вы, съ помощью Всевышняго, будете имѣть возможность начать наступательныя дѣйствія" [4]).

Вечеромъ послѣ прогулки, во время которой Императоръ восхищался красотой города и его окрестностей, занимаясь дѣлами, Государь получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира съ Турціей и, найдя въ залѣ только городского голову, приказалъ ему немедленно обнародовать это радостное въ такую минуту событіе [5]).

9 іюля графъ Аракчеевъ писалъ графу Ростопчину о полученіи извѣстія о мирѣ съ Турціею и о Высочайшемъ отъѣздѣ въ Москву: „сего числа Государь Императоръ изволилъ получить ратификацію

---

[1]) Богдановичъ. Исторія Отечественной войны въ 1812 г. Спб. 1859 г., т. I, стр. 180.

[2]) В.-уч. арх., д. 5827.

[3]) Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ.

[4]) Харкевичъ. Барклай-де-Толли въ Отечеств. войну. Прилож., стр. 13.

[5]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г. Спб., 1839 г., ч. I, стр. 263—264.

Библиотека "Руниверс"

турецкаго султана, слѣдовательно, теперь уже миръ съ турками совершенно оконченъ; завтра по утру Государь Императоръ изволитъ выѣзжать отсюда въ Москву и проситъ Ваше-Сіятельство, дабы вы 11 числа сего мѣсяца, т. е. въ четвергъ пополудни, выѣхали сами одинъ на встрѣчу Государю на послѣднюю станцію; молебствіе о мирѣ Государь сдѣлаетъ при Себѣ, по пріѣздѣ въ Москву“ [1]).

Не менѣе восторженно, чѣмъ въ Смоленскѣ, встрѣчали Императора и на всемъ дальнѣйшемъ пути — въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гжатскѣ и Можайскѣ, а когда въ Москвѣ разнеслась вѣсть объ ожидаемомъ скоромъ прибытіи Монарха, огромныя толпы жителей, соперничая между собой въ желаніи отпречь лошадей и на себѣ везти коляску Государя, далеко вышли впередъ для встрѣчи Его Величества. Между тѣмъ Императоръ, избѣгая этого, объявилъ, что остановится ночевать на послѣдней передъ Москвою станціи Перхушково, гдѣ ожидалъ уже Государя московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ, и рѣшилъ выѣхать поздно вечеромъ и прибыть въ Москву ночью. Намѣренія и надежды жителей столицы поэтому не осуществились и только жители села Покровскаго или Филей, увѣдомленные о выѣздѣ Государя изъ Перхушкова нарочно отправленными ими съ этою цѣлью конными гонцами, во главѣ съ приходскимъ духовенствомъ, несшимъ Распятіе, восторженно встрѣтили Императора на Поклонной горѣ хлѣбомъ и солью. Приблизившись къ духовенству, Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и приложился къ Распятію. Въ полночь съ 11 на 12 іюля прибылъ Императоръ въ Кремлевскій Дворецъ. Въ Свитѣ Государя въ это время находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Ростопчинъ, графъ Аракчеевъ, А. С. Шишковъ, генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь Волконскій и графъ Комаровскій, баронъ Штейнъ, флигель-адъютантъ Чернышевъ и генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, прибывшій въ Москву ранѣе съ воззваніемъ, отправленнымъ изъ Ляхова [2]).

На слѣдующее утро огромныя толпы народа собрались на Кремлевскую площадь въ ожиданіи выхода Государя и восторженно встрѣтили Его криками и колокольнымъ звономъ, когда около десяти часовъ вышелъ Императоръ Александръ на Красное Крыльцо, направляясь въ Успенскій соборъ, у входа въ который со знаменемъ побѣды въ рукѣ привѣтствовалъ Государя московскій викарій Августинъ короткою рѣчью. Насколько было велико стеченіе народа— можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ очевидца событія: „нахо-

[1]) Сборн. истор. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, 92.

[2]) Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб. 1887 г., т. III, стр. 80.

Библиотека "Руниверс"

дившіеся при Государѣ, генералъ-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести Императора отъ Краснаго Крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное „ура“ заглушало почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“ [1]).

Въ Успенскомъ соборѣ, послѣ Божественной литургіи, Государь присутствовалъ на торжественномъ благодарственномъ молебствіи съ колѣнопреклоненіемъ, сопровождавшемся радостными пушечными салютами, по причинѣ удачнаго окончанія войны и заключенія фельдмаршаломъ Кутузовымъ мира съ Турціей. Миръ этотъ, вслѣдствіе огромнаго превосходства силъ Наполеона, пріобрѣталъ теперь чрезвычайно важное значеніе.

15 іюля, послѣ молебна, совершеннаго въ придворной церкви Слободскаго дворца, Императоръ Александръ вышелъ къ ожидавшимъ, собравшимся, каждое отдѣльно, въ особыхъ залахъ дворца—дворянству и купечеству. Они были собраны по предварительно разосланнымъ пригласительнымъ повѣсткамъ для выслушанія Высочайшаго манифеста, призывающаго всѣхъ русскихъ людей на борьбу съ врагомъ. Узнавъ о немедленной безграничной готовности, съ которой тѣ и другіе сдѣлали постановленія для защиты ввергнутаго въ опасность отечества, Государь благодарилъ оба сословія и сказалъ дворянству: „Иного Я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать,—вы оправдали Мое о васъ мнѣніе“ [2]).

Все время, проведенное Государемъ въ Москвѣ, было посвящено неустаннымъ занятіямъ.

Послѣ семидневнаго пребыванія, въ ночь съ 18 на 19 іюля, Государь покинулъ Москву, полтора дня пробылъ въ Твери, посѣтивъ Великую Княгиню Екатерину Павловну, и возвратился въ Петербургъ къ 22 іюля,—дню Тезоименитства Вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны [3]).

---

[1]) Записки графа Комаровскаго. Рус. Арх., 1867 г., стр. 775.

[2]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г. Спб. 1839 г., т. I, стр. 268

[3]) Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Спб., 1859 г., т. I, стр. 189.

Библиотека "Руниверс"

1812-ый годъ.

Послѣдніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями.

Періодъ со времени окончанія боевъ подъ Смоленскомъ 8-го августа до прибытія къ арміямъ Кутузова 17-го августа).

8-го августа послѣдовало назначеніе *Кутузова* „общимъ главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями". Въ тотъ же день наша 1-ая и 2-ая западныя арміи, послѣ цѣлаго ряда кризисовъ, пережитыхъ ими сначала для удержанія *Смоленска*, а затѣмъ для выхода и удержанія за собой большой Московской дороги, соединились, наконецъ, вновь на этой дорогѣ, у пересѣченія ея р. *Днѣпромъ*, у *Соловьевой переправы*.

День назначенія *Кутузова* совпалъ такимъ образомъ съ вторымъ соединеніемъ нашихъ армій и съ постановкой ими новой цѣли.

Съ этого дня силой неотвратимыхъ обстоятельствъ русская армія была вынуждена, раньше или позже, такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ въ ближайшемъ будущемъ, прибѣгнуть къ рѣшительному и генеральному сраженію, такъ какъ французская армія объектомъ дальнѣйшихъ дѣйствій ставила отнынѣ *Москву*. Открытымъ оставался только вопросъ: когда и гдѣ именно дадимъ мы отпоръ *Наполеону*; и то и другое силой вещей должно было быть отложено до наиболѣе благопріятныхъ условій силы, мѣста и времени.

Выйдя изъ всѣхъ трудностей и кризисовъ подъ *Смоленскомъ* и по оставленіи его, перейдя на лѣвый берегъ *Днѣпра*, выйдя изъ сферы движеній и дѣйствій противника и не испытывая болѣе его непосредственнаго давленія, Барклай проникается убѣжденіемъ и рѣшимостью дать здѣсь генеральное сраженіе Наполеону. Этой рѣшимостью *Барклай* полонъ въ дни 8-го, 9-го и еще въ утро

Библиотека "Руниверс"

10-го августа, когда онъ пишетъ графу *Ростопчину*: „Послѣ отступленія армій отъ *Смоленска* нынѣшнее положеніе дѣлъ, чтобы судьба наша была рѣшена генеральнымъ сраженіемъ. Мы въ необходимости возлагать нашу надежду на генеральное сраженіе.

Всѣ причины, воспретившія давать оное, нынѣ уничтожаются. Мы принуждены взять сію рѣшительную мѣру. Отечество можетъ избавиться отъ опасности общимъ сраженіемъ, къ которому мы съ кн. Багратіономъ избрали позицію у д. *Умолье*“ [1]).

Однако къ полудню эта рѣшимость какъ бы оставляетъ *Барклая* и онъ позднѣе доноситъ Государю: чтобы предупредить случайности какого-либо слишкомъ поспѣшнаго предпріятія, я буду вмѣстѣ съ *кн. Багратіономъ* стараться избѣгать генеральнаго сраженія. Однакоже мы въ такомъ положеніи, что сомнѣваемся въ этомъ успѣхѣ“. Слѣдовательно, въ сраженіи *Барклай* видитъ лишь крайнее и нежелательное средство, даже опасное, и считаетъ успѣхомъ—избѣжать его.

Несомнѣнно, что пока французы были далеко, *Барклай* полонъ рѣшимости дать бой, а съ ихъ приближеніемъ рѣшимость его падаетъ и именно такъ объясняетъ рядъ послѣдующихъ событій до прибытія армій къ *Цареву-Займище*, бывшій при штабѣ 1-ой арміи, столь извѣстный впослѣдствіи военный мыслитель, офицеръ прусскаго генеральнаго штаба *Клаузевицъ*, считавшій и эту позицію довольно сильной [2]).

Послѣ оставленія *Смоленска* идея прекратить отступленіе и заградить дальнѣйшее движеніе *Наполеона* стала общей во всей арміи, и естественно тому должна была служить первая встрѣтившаяся позиція, каковой и была позиція на р. *Ужъ*.

Но дѣло было не въ позиціи, а, во-первыхъ, въ несвоевременности сраженія, во-вторыхъ, въ отсутствіи единства, въ постоянномъ разногласіи между двумя главнокомандующими и въ отсутствіи у Барклая опредѣленной цѣли дѣйствій, отвѣчавшей обстановкѣ и въ его колебаніяхъ, хотя въ рѣшительную минуту расчетъ повидимому бралъ у него верхъ надъ всѣми остальными побужденіями.

Общій осмотръ на р. *Ужъ* привелъ къ тому, что рѣшено ее оставить и отойти на предложенную кн. Багратіономъ позицію у *Дорогобужа*, а задержаніе непріятеля возложено на казачьи полки

---

[1]) Читать слѣдуетъ д. *Усьвятье*, такъ какъ у д. *Умолье* было возможно дать бой 8-го, но 9-го и 10-го арміи отошли на р. *Ужу*, гдѣ у д. *Усьвятье* и готовили позицію.

[2]) *Клаузевицъ* по всей справедливости долженъ быть поставленъ первоисточникомъ, какъ очевидецъ и участникъ, а по его уму, знаніямъ и объективности—еще и какъ первоисточникъ большой цѣнности.

Библиотека "Руниверс"

Платова, подкрѣпленные слабымъ въ 7 баталіоновъ съ 4-мя орудіями арріергардомъ *барона Розена*, что конечно было недѣйствительно. Вечеромъ Вел. Кн. Константинъ Павловичъ оставилъ армію и повезъ Государю письмо *Ермолова*, въ которомъ послѣдній, порицая операціи *Барклая* къ *Порѣчью* и *Руднѣ* и характеризуя дѣйствія армій съ 3-ье по 7-ое августа, повергаетъ на усмотрѣніе Императора вредное вліяніе на войска непрерывнаго отступленія, тяжесть и безцѣльность маршей, вызывающихъ ропотъ въ войскахъ и неудовольствіе на главнокомандующаго, и докладываетъ о неизбѣжной необходимости въ ближайшемъ будущемъ генеральнаго сраженія. Далѣе, дальновидный *Ермоловъ*, предвидя въ будущемъ возможность занятія французами *Москвы*, высказываетъ личное мнѣніе свое о значеніи занятія французами первопрестольной столицы нашей и докладываетъ: „не все Москва въ себѣ заключаетъ и съ паденіемъ столицы не разрушаются всѣ государства способы“ и заканчиваетъ словами: „дарованіямъ главнокомандующаго здѣшней арміи мало есть удивляющихся, еще менѣе имѣющихъ къ нему довѣренность, войска же и совсѣмъ ее не имѣютъ“.

Между тѣмъ французская армія, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, форсируетъ *Днѣпръ*, переходитъ его и только на полпути къ р. *Ужѣ*, у с. *Михайлово*, нашъ слабый арріергардъ лишь нѣсколько задерживаетъ противника до ночи, но въ 3 часа дня слѣдующаго дня 11-го августа французы появляются передъ нашимъ расположеніемъ на р. *Ужѣ*. Согласно рѣшенію *Барклая* еще 10-го, онъ отходитъ въ ночь на 12-ое къ *Дорогобужу* и *Бражину*, оставивъ на р. *Ужѣ* тотъ же слабый арріергардъ, обезпеченный теперь слѣва арріергардомъ кавалерія отъ II-ой арміи. Арріергардамъ вообще указывалось не ввязываться въ бой и держаться въ переходѣ отъ арміи.

Преслѣдуя теперь общую задачу отступленія уже къ *Вязьмѣ*, Барклай принимаетъ мѣры „на случай“ возможнаго боя у *Дорогобужа*, остается недоволенъ позиціею и расположеніемъ войскъ и рѣшаетъ въ три перехода достигнуть *Вязьмы*. Справедливо уклоняясь отъ рѣшительнаго боя, *Барклай*, тѣмъ не менѣе, исходя изъ предвзятаго мнѣнія, что *Наполеонъ* намѣренъ упредить его въ *Вязьмѣ*, ставить цѣлью *скорѣйшее достиженіе Вязьмы, а не возможную задержку дальнѣйшаго здѣсь наступленія противника для столь необходимаго для насъ выигрыша времени.*

Не рѣшивъ еще вполнѣ опредѣленно и окончательно не отходить далѣе *Вязьмы*, *Барклай* облюбовалъ идею подготовки въ

Библиотека "Руниверс"

Вязьмѣ укрѣпленнаго на 25.000 чел. опорнаго пункта (что слѣдовало исполнить въ Смоленскѣ), опираясь на который сохранить съ остальными силами свободу дѣйствій.

„Непріятель съ многочисленнѣйшей кавалеріею старается обходить наши фланги", пишетъ *Барклай Ростопчину*, „и предупредить насъ прибытіемъ въ *Вязьму*, почему спѣшу туда съ арміею слѣдовать и выступая сего (12-го) ночью и выбравъ тамъ позицію, буду ждать арміи непріятельной". Прикрываясь 3-мя арріергардами, армія, слѣдуя тремя колоннами, въ два перехода достигли линіи сс. *Афанасьева, Семенево, Лужки. Князь Багратіонъ*, негодуя на спѣшность и безостановочность отступленія, выражаетъ *Ростопчину* свои чувства: „Все его отступленіе для меня и для арміи непостижимо, снимайся съ позиціи и бѣги и въ жаръ и по ночамъ назадъ, моримъ людей и на пагубу несемъ (непріятеля) за собой. Боюсь, чтобы Москва также не потерпѣла, какъ Смоленскъ".

Слабый арріергардъ, не задерживаясь, отходитъ за главными силами и только 13-го даетъ бой на р. *Осьмѣ* (близъ *Дорогобужа*), гдѣ удерживается до ночи, быстро отойдя 14-го на значительное разстояніе до второго пересѣченія р. *Осьмой* Московской дороги, хотя свойства мѣстности способствовали задержать здѣсь противника на продолжительное время и исчезло всякое опасеніе упрежденія насъ Наполеономъ у *Вязьмы*. Еще 14-го утромъ *Барклай* остается въ намѣреніи задержать Наполеона у *Вязьмы* и доноситъ Государю, что „настала минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться". Между тѣмъ необходимость дать отдыхъ войскамъ, не имѣвшимъ отдыха все это время, и дать время выбраться жителямъ требовала пріостановки отступленія хотя на время, и *Барклай* рѣшилъ дать дневку 15-го, но не усиливаетъ арріергарды и не указываетъ имъ гдѣ-либо задерживаться. Быстрое отступленіе арріергарда на главныя силы вынуждаетъ арміи поспѣшно сняться и продолжать отступленіе, что вызываетъ новое общее недовольство и спѣшку. Бросивъ идею пріостановки у *Вязьмы* и не усиливая арріергарды, *Барклай* продолжаетъ спѣшное отступленіе 15-го къ *Вязьмѣ*, 16-го къ с. *Федоровскому* и 17-го къ *Цареву-Займище*. Общее недовольство арміи достигаетъ высокой степени и его раздѣляетъ и населеніе. 15-го слабый арріергардъ нашъ задерживаетъ противника на р. *Осьмѣ*, геройски дерется здѣсь у сс. *Бѣломорскаго* и *Лужки* цѣлый день до вечера, а 16-го отходитъ за Вязьму и далѣе, исполнивъ отступленіе довольно спѣшно и живо преслѣдуемый войсками авангардовъ противника, который побуждался Наполеономъ къ безостановочному слѣдованію.

Библиотека "Руниверс"

Барклай, видимо, принялъ на этотъ разъ твердое рѣшеніе дать здѣсь у Царево-Займище генеральное сраженіе и началъ укрѣплять позицію. „Начались работы инженеровъ и армія заняла боевое расположеніе“, говоритъ *Ермоловъ*. Много разъ наша армія, пріуготовляемая къ сраженію, переставала уже вѣрить возможности онаго, хотя желала его нетерпѣливо, но пріостановленное движеніе арміи, ускоряемыя работы показывали, что намѣреніе Барклая рѣшительно, и всѣ вернулись къ надеждѣ видѣть конецъ отступленія.

Получено извѣстіе о назначеніи *Кутузова* Главнокомандующимъ всѣми арміями и о скоромъ прибытіи его изъ *Петербурга*. „Сомнительно, чтобы Главнокомандующій (Ермоловъ говоритъ о Барклаѣ) не имѣлъ извѣстій о назначеніи *Кутузова*. Ускореніе работъ на позиціи обнаруживаетъ намѣреніе его дать сраженіе до его пріѣзда. Какъ военный министръ, онъ зналъ, что армія подкрѣпленій (т. е. у Царево-Займище) имѣть не будетъ, что Кутузовъ равными, какъ и онъ, распоряжая способами, не большую можетъ допускать надежду на успѣхъ, рѣшился предупредить его въ томъ, что конечно было поставлено на видъ однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ“.

Въ своемъ трудѣ, составленномъ для личнаго пользованія Императора Александра и для оправданія своихъ дѣйствій, озаглавленномъ „Изображеніе военныхъ дѣйствій въ 1812-мъ году“, *Барклай* такъ представляетъ свою дѣятельность 17-го: „17-го прибыли сюда (въ Царево) обѣ арміи; расположенныя въ небольшомъ пространствѣ, имѣли передъ собой открытое пространство, на коемъ непріятель не могъ скрывать своихъ движеній; въ 12-ти верстахъ отъ сей позиціи была другая удобная у *Гжатска*; *Милорадовичъ* прибывалъ 18-го съ своими резервами. Всѣ сіи причины были достаточны къ уготовленію тамъ (т. е. у Царева-Займище) рѣшительнаго сраженія; *я твердо рѣшился на томъ мѣстѣ исполнить оное*“ [1]). Излагая свою дѣятельность 17-го до прибытія *Кутузова*, далѣе онъ говоритъ: „ибо въ случаѣ неудачи, могъ я удержаться подъ *Гжатскомъ*“. Далѣе Барклай говоритъ о построеніи на позиціи у *Царева-Займище* нѣсколькихъ редутовъ на фронтѣ и флангахъ, усиленіи арріергарда 3-ей дивизіею и объединеніи командованія арріергардами въ рукахъ *Коновницына*, что, замѣтимъ, слѣдовало исполнить *Барклаю* еще 8-го августа и тогда арміи и населеніе получили бы все необходимое для нихъ время и не было бы всей этой спѣшки, форсировки и неустройствъ разнаго рода.

Щербининъ [2]) свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Щербининъ—офицеръ квартирмейстерской части.

Библиотека "Руниверс"

опасности принятія сраженія у *Царева-Займища*. „Приходимъ въ лагерь“, говоритъ онъ, „рѣчка съ чрезвычайно болотистыми берегами находится непосредственно позади линій нашихъ. Слишкомъ опасно принять сраженіе въ такой позиціи. Не менѣе того, *Барклай* на то рѣшиться хочетъ. *Толь* до такой степени убѣжденъ въ опасности этого лагеря (т. е. боевого расположенія), что бросается передъ *Барклаемъ* на колѣни, чтобы отклонить его отъ намѣренія сражаться здѣсь. *Барклай* не внимаетъ его убѣжденіямъ, но вдругъ извѣщается о прибытіи *Кутузова*“.

Нѣсколько часовъ спустя по вступленіи войскъ въ лагерь у *Царева-Займище*, *Барклай* получаетъ Высочайшій рескриптъ о назначеніи *Кутузова*, въ которомъ Императоръ обращается къ Барклаю: „Я увѣренъ, что любовь Ваша къ Отечеству и усердіе къ службѣ откроетъ Вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ“.

Въ тотъ же день *Барклай* доноситъ Государю о полученіи рескрипта и всеподданнѣйше присоединяетъ: „Всякій вѣрноподданный и истинный слуга Государя и Отечества долженъ ощущать истинную радость при извѣстіи о назначеніи новаго Главнокомандующаго, который уполномоченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе радости, которою я исполненъ. Возсылаю мольбы, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего Величества. Что касается до меня, то я ничего иного не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни доказать готовность мою служить Отечеству во всякомъ званіи и достоинствѣ. Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйствіи арміи, которая была мнѣ ввѣрена, успѣхъ докажетъ, могъ ли я сдѣлать что-либо лучше для спасенія Государства. Если бы я былъ руководимъ слѣпымъ, безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ быть, Ваше Императорское Величество изволили бы получать донесенія о сраженіяхъ и, не взирая на то, непріятель находился бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣтя достаточныхъ силъ, которыя могли бы ему сопротивляться“.

При такихъ условіяхъ и въ *Царевѣ-Займище* кончилось главное командованіе *Барклаемъ* двумя Западными арміями. Прошло сто лѣтъ, и дѣйствія *Барклая* за время его командованія принадлежатъ исторіи.

Историкъ *Поповъ* по поводу окончанія этого командованія съ пріѣздомъ *Кутузова* къ арміямъ высказываетъ слѣдующій суровый надъ Барклаемъ приговоръ: „Такъ кончилось командованіе *Барклая*, грозившее погибелью обѣимъ арміямъ, чего Императоръ, при всемъ

Библиотека "Руниверс"

своемъ расположеніи къ *Михаилу Богдановичу*, далѣе не могъ допустить".

Далеко не раздѣляя всецѣло этого приговора, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ немъ заключается своя извѣстная доля справедливости. Оцѣнивая здѣсь періодъ только послѣднихъ всего девяти дней командованія *Барклаемъ* двумя арміями, замѣтимъ прежде всего, что на всемъ протяженіи этого времени Барклай не имѣлъ строго и ясно опредѣленнаго общаго и единаго плана дѣйствій, все это время имѣя цѣлую серію плановъ дѣйствій, находясь постоянно въ поискахъ и оцѣнкѣ позади себя позицій, которымъ онъ придавалъ несоотвѣтственное положенію дѣлъ значеніе, при чемъ рѣшимость *Барклая* дать сраженіе на той или другой позиціи каждый разъ падала съ приближеніемъ противника и приближеніемъ времени боя, почему въ тылу подыскивалась новая позиція, прежняя поспѣшно бросалась, и арміи, слабо обезпеченныя малочисленнымъ и несоотвѣтственно руководимымъ арріергардомъ, торопливо отходили на новую позицію, у которой разыгрывалась та же исторія, и такъ дѣло шло до *Царево-Займище* и вѣроятно протянулось бы до *Гжатска*.

Нигдѣ на выбранныхъ *Барклаемъ* позиціяхъ, ни у д. *Умолье*, ни на р. *Ужѣ* у д. *Усьвятье*, ни у *Вязьмы*, ни у с. Федоровскаго, ни у *Царева-Займище* и *Гжатска*, нигдѣ принятіе генеральнаго сраженія не отвѣчало общему положенію дѣлъ, не говоря уже о томъ, что никакими достоинствами позиціи нельзя было поправить общее положеніе дѣлъ и склонить шансы успѣха на нашу сторону.

Единственный,—отвѣчавшій всѣмъ условіямъ обстановки, планъ дѣйствій—*возможный выигрышъ времени, избѣгая общаго сраженія*, никогда за этотъ періодъ Барклаемъ не принимался, не говоря уже во всей цѣльности и полнотѣ, а постоянныя колебанія и перемѣны плана дѣйствій привели къ тому, что мы *съ малымъ сопротивленіемъ противнику*, скачками, *спѣшно и въ хлопотахъ отступая въ теченіе 9-ти всего сутокъ отдали огромное пространство отъ Соловьевой* переправы до *Царево-Займище*, сражаясь у себя и имѣя возможность задерживать противника на значительное время на каждомъ рубежѣ, лишая его одновременно всякой возможности пользоваться мѣстными средствами, въ чемъ онъ настоятельно нуждался; всякая пріостановка на болѣе или менѣе продолжительное время и вслѣдствіе этого сосредоточеніе войскъ, столпленіе ихъ у мѣста остановки стѣсняло армію Наполеона въ пользованіи мѣстными средствами, что, въ свою очередь, вызывало ее на лишенія, гибельно отражавшіяся на арміи.

Библиотека "Руниверс"

Дорогое въ данныхъ условіяхъ время не было выиграно во всей возможной и необходимой полнотѣ, еще менѣе удержано пространство, а выигрышъ того и другого былъ совершенно посиленъ нашей арміи 1812 г., и условія мѣстности, особенно между *Дорогобужемъ* и *Вязьмой*, достаточно тому отвѣчали, а этотъ выигрышъ, имѣя первоклассное значеніе, былъ необходимъ, какъ важнѣйшее условіе, какъ—спасенія *Москвы*, такъ и подготовки неизбѣжно предстоявшаго общаго и рѣшительнаго сраженія [1]), такъ какъ чѣмъ позже было бы оно дано, тѣмъ болѣе были бы мы къ нему готовы, и тѣмъ выгоднѣе сложились бы для насъ условія силы, мѣста и времени, и тѣмъ вѣроятнѣе было бы спасеніе *Москвы*.

Въ виду естественной убыли во французской арміи отсталыми, больными и отъ лишеній, еще и потерь на фуражировкахъ и въ арріергардныхъ дѣлахъ и особенныхъ лишеній на маршѣ отъ *Смоленска* къ *Вязьмѣ*, которыя все увеличивались, и нашего, наоборотъ, прогрессивнаго усиленія, было чрезвычайно важно возможно оттягивать время наступленія рѣшительнаго сраженія, а потому дать сраженіе у *Царева-Займище* являлось весьма нецѣлесообразнымъ, а между тѣмъ *Барклай* настаивалъ на этомъ сраженіи.

Далъ ли бы *Барклай* въ дѣйствительности это сраженіе, если бы не прибылъ *Кутузовъ*, или нѣтъ, остается неизвѣстнымъ, но возможно, что отходилъ бы далѣе, тѣми же скачками, не задерживая и не выигрывая время.

Многое конечно можно сказать въ оправданіе *Барклая*: сложная обстановка войны 1812-го года, несоотвѣтственная организація верха арміи, необъединеніе въ его рукахъ полной власти, тяготѣніе столицы, треніе его съ княземъ Багратіономъ, сознаніе тактическаго превосходства арміи противника, управляемой величайшимъ геніемъ, и постоянное опасеніе какого-либо новаго искуснаго маневра великаго полководца, что вынуждало *Барклая* уклоняться отъ боя даже своими арріергардами, которымъ постоянно указывалось „не ввязываться въ серьезный бой“, но безъ чего однако естественно нельзя было и задерживать дальнѣйшаго наступленія арміи Наполеона, а слѣдовательно и выигрывать время.

Слѣдуетъ конечно также принять въ расчетъ трудное, состоящее изъ ряда кризисовъ время командованія *Барклая*, начиная съ 12-го іюня и все послѣдующее время, время столь тяжелыхъ условій личнаго положенія *Барклая* во главѣ двухъ армій.

---

[1]) Говоримъ—„неизбѣжно“ потому, что никто тогда не рѣшился бы взять на себя отвѣтственность отдать Москву безъ боя, но это еще не значитъ, чтобы мы утверждали, что его вообще нельзя было бы избѣжать.

Библиотека "Руниверс"

Во всякомъ случаѣ за *Барклаемъ* навсегда остается заслуга сохраненія арміи въ цѣлости, но эта заслуга была бы безусловной и, скажемъ, громадной, если бы *Барклай*, избѣгая общаго сраженія, *къ 17-му августа не пустилъ Наполеона далѣе Дорогобужа или Славково*, или *привелъ бы эту цѣльную армію къ Цареву-Займище двумя, въ крайности—хотя бы недѣлей позже.* И тогда еще вопросъ, дошелъ ли бы Наполеонъ до Москвы.

Честный, скромный, скорѣе застѣнчивый, простой, непритязательный, безхитростный, замкнутый, необщительный и скорѣе недоступный чужимъ вліяніямъ, спокойный и храбрый въ опасности, таковъ былъ Барклай по отзывамъ и представленіямъ большинства знавшихъ его лицъ, но все же не отвѣчавшій идеалу русскаго главнокомандующаго, особенно же въ исключительныхъ условіяхъ войны 1812-го года.

Не отличаясь рѣшительностью въ широкомъ значеніи слова, *Барклай* постоянно находился подъ гнетомъ заботъ, неудачи дѣйствовали на него подавляющимъ образомъ, и онъ не умѣлъ скрывать ни заботы, ни волновавшихъ его чувствъ. „На его всегда печальномъ и озабоченномъ лицѣ“, свидѣтельствуетъ Клаузевицъ, „каждый солдатъ читалъ безъисходное положеніе арміи и государства“.

Хорошо въ военномъ отношеніи подготовленный теоретически и практически, будучи въ нашей арміи во многомъ передовымъ, *Барклай* не отличался глубокимъ умомъ и дальновидностью; „avec son intelligence un peu étroite“, какъ его изображаетъ *Клаузевицъ*, Барклай не былъ богатъ идеями и комбинаціями, не оцѣнивалъ и не понималъ сущности условій обстановки войны 1812-го года и все время отчаявался въ благопріятномъ исходѣ войны и даже въ то время (даже въ октябрѣ), когда это понималось уже въ массѣ; въ частности, это непониманіе выразилось въ періодѣ съ 8-ое по 17-ое августа въ непримѣненіи отвѣчавшаго обстоятельствамъ плана дѣйствій.

Барклай не имѣлъ русскаго имени и русскаго облика (и можетъ быть сознаніе этого дѣлало его еще болѣе замкнутымъ и необщительнымъ), что было вредно уже по одному тому, что подавало поводъ къ разнообразнымъ и многочисленнымъ навѣтамъ, толкованіямъ и обвиненіямъ въ массахъ вплоть до возможности измѣны, но *Барклай* не былъ иностранцемъ въ рядахъ русской арміи, подобно *Беннигсену*, *Ланжерону*, *Винценгероде*, *Вольцогену*, *Пфулю*, *Ланжерону*, *Мишо*, *Клауззвицу*, *Гофману* и другимъ подобнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Уроженецъ нашихъ Балтійскихъ губерній, съ молодыхъ лѣтъ въ строю нашей арміи, участникъ съ отличіемъ ряда войнъ, *Барклай* былъ вполнѣ русскій офицеръ, но принадлежавшій къ многочисленной тогда, какъ и нынѣ, категоріи такъ называемыхъ русскихъ нѣмцевъ, при чемъ *Барклай* отличался еще и дурнымъ произношеніемъ русскаго языка и предпочтеніемъ изъясняться по-нѣмецки.

Да впрочемъ вопросъ заключался не въ происхожденіи и не въ нерусскомъ обликѣ *Барклая*, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ арміи съ 1807-го года, а въ складѣ его ума и характера.

Оцѣнивая *Барклая*, какъ главнокомандующаго въ исключительныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствахъ войны 1812-го года вообще и августа мѣсяца въ частности, слѣдуетъ признать, что *Барклай*, при всѣхъ достоинствахъ и заслугахъ, не отвѣчалъ этимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ войны 1812 года, что онъ не былъ на высотѣ положенія и по всей справедливости долженъ былъ уступить главное командованіе *Кутузову*, неизмѣримо превосходившему *Барклая* своими природными дарованіями, особенно своимъ умомъ, яснымъ и здравымъ, и, одновременно, тонкимъ, шириной и глубиной взгляда, затѣмъ громаднымъ опытомъ, превосходнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, знаніемъ свойствъ и качествъ русской арміи, дальновидностью, даромъ обнять общее положеніе дѣлъ и схватить сущность этого положенія, даромъ повелѣвать,—господствовать, необходимымъ особенно въ данныхъ условіяхъ авторитетомъ въ арміи и въ имперіи, умѣньемъ пользоваться людьми и обстоятельствами и, наконецъ, вообще даромъ главнаго командованія русской арміею въ чрезвычайной, трудной и сложной обстановкѣ войны 1812-го года.

Б. Колюбакинъ.

Библиотека "Руниверс"

Манифесты, написанные Шишковымъ въ отечественную войну, и патріотическое ихъ значеніе.

Ближайшимъ поводомъ приближенія Александромъ Первымъ къ себѣ Шишкова предъ началомъ войны 1812 года было написанное послѣднимъ и читанное имъ въ „Бесѣдѣ“ разсужденіе о любви къ отечеству. Въ немъ Шишковъ горячо настаивалъ на необходимости чувства національной гордости. „Гдѣ любовь къ народу своему, тамъ“,—говорилъ онъ,—„и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими царствами, тамъ всякій словами и душой не сравняетъ имени отечества своего ни съ какимъ другимъ,—пользуется чужими изображеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только свои. Когда одинъ народъ идетъ на другой съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ, откуда у сего послѣдняго возьмутся силы отвратить сію страшную тучу, сей громовой ударъ, если любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ“. Отечество требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому.

Указавши, так. обр., въ чемъ состоитъ народная гордость и любовь къ отечеству, Шишковъ далѣе въ своемъ разсужденіи, какъ бы ближе подходя къ современной ему дѣйствительности русской жизни, указываетъ довольно подробно средства, которыми можно воспитать въ народѣ такой горячій патріотизмъ. „Отечественная вѣра, воспитаніе молодыхъ людей, направленное къ возвышенію въ

Библиотека "Руниверс"

нихъ національнаго духа, и общій всему народу языкъ—вотъ тѣ главныя средства къ созиданію славы народной, о которыхъ Шишковъ подробно трактуетъ въ своемъ разсужденіи“ [1]). Эти воззрѣнія Шишкова послужили, повторяемъ, главной причиной того, что въ войну 1812 года Шишковъ назначенъ былъ Государственнымъ секретаремъ [2]). „Я читалъ Ваше разсужденіе о любви къ отечеству, говорилъ Императоръ Александръ Первый Шишкову,—имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезны“. „Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; я бы желалъ, чтобъ вы написали о томъ манифестъ, въ которомъ бы побудительнымъ для народа образомъ изложена была необходимость сей предпріемлемой правительствомъ мѣры“ [3]). Этимъ заранѣе намѣчалась роль Шишкова въ предстоящую войну съ французами. Онъ долженъ былъ манифестами и воззваніями, составлять которые приказывалъ ему Государь, пробуждать въ народѣ горячій патріотизмъ, побуждать его къ дѣятельности на защиту оказавшагося въ такомъ тяжеломъ положеніи дорогого своего отечества. И Шишковъ со всею ревностью и усердіемъ принялся за исполненіе возложенной на него Государемъ великой и святой миссіи. Всѣ составленные въ это время манифесты Шишкова, дѣйствительно, являются замѣчательными твореніями, краснорѣчиво, трогательно и искренно передающими высокія мысли и чувства Благословеннаго Монарха милліонамъ своихъ подданныхъ [4]). И, нужно сказать, что всѣ эти воззванія и обращенія къ войскамъ, народу, дворянамъ и т. п. производили и оказали сильное впечатлѣніе и возбудили такой патріотическій духъ, что, можно сказать, имъ принадлежитъ исключительно особое значеніе и вліяніе на ходъ всей войны [5]). Объ ихъ воздѣйствіи по отзывамъ современниковъ Бартеневъ передаетъ въ своемъ сборникѣ „Девятнадцатый вѣкъ“. „Въ залѣ“ [6])—пишетъ онъ: „гдѣ было купечество, я былъ пораженъ впечатлѣніемъ, которое произвело на нихъ чтеніе манифеста. Въ началѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ, потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ дошелъ до словъ: что непріятель

---

[1]) См. Подробн. Собр. Сочин. А. С. Шишкова, Ч. IV, стр. 147.

[2]) 9 апр. (Д. Арх. М. Н. Просв. № 13953—к. 265).

[3]) Зап., т. I, стр. 121.

[4]) „Русск. Стар.“, 1875 г., 3—8, стр. 383.

[5]) „Девятнадцатый вѣкъ“ Истор. Сборн., изд. Бартеневымъ, Москва, 1872 г. „1812 годъ“,—стр. 115.

[6]) „Русск. Арх.“ 1876 г., 9—12, стр. 498—499.

Библиотека "Руниверс"

приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, произошелъ взрывъ негодованія, били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки, слезы бѣшенства текли по лицамъ, напоминавшимъ древнихъ героевъ и т. д.". Затѣмъ, можно указать еще на то, что даже за границей воззванія Шишкова съ жадностью читались, возбуждали народный духъ и вообще производили сильное впечатлѣніе. „Въ прусскомъ городкѣ Филипсбергѣ", — говоритъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, — „служащій при мнѣ чиновникъ Тимковскій приходилъ просить у меня нѣкоторыхъ переведенныхъ на нѣмецкій и французскій языкъ нашихъ манифестовъ, сказывая, что онъ имѣлъ ихъ нѣсколько, но всѣ роздалъ" [1]). „Пруссаки, дѣйствительно, оказывали великую радость",—замѣчаетъ Шишковъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ еще указываетъ на примѣръ такого дѣйствія манифестовъ. „Здѣсь" [2]),—сообщаетъ онъ, къ намъ доходятъ слухи изъ Пруссіи и изъ другихъ мѣстъ, что сего рода бумаги наши, манифесты и проч. производятъ надъ умами великое дѣйствіе, но жалуются, что ихъ не переводятъ и не разсылаютъ повсюду. Къ графу Толстому, пишетъ Барятинскій, что съ одного присланнаго къ нему экземпляра послѣдняго манифеста въ короткое время списано было 500 экземпляровъ. Одинъ пріѣзжій сюда прусскій офицеръ сказывалъ самому Государю, что обращеніе всегда къ Богу и духъ благочестія въ сихъ бумагахъ привлекаетъ къ себѣ умы и сердца всѣхъ".

Дѣйствительно, въ манифестахъ, писанныхъ Шишковымъ, онъ какъ бы проникалъ въ глубочайшіе тайники народнаго духа и, вызывая въ народѣ сильный патріотизмъ, всю Русь, какъ одного человѣка, поднималъ на защиту отечества [3]). Читая собраніе высочайшихъ манифестовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера А. С. Шишкова, нельзя не замѣтить той невѣдомой, живой силы, которая ключемъ бьетъ въ нихъ. Надежда на Бога, молитва къ небу, борьба вѣры съ невѣріемъ, мужество, храбрость и другія качества, отличавшія издавна русскій народъ, примѣры изъ исторіи (Мининъ, Пожарскій, Палицынъ и др.) и пр., описанное все возвышеннымъ, вѣскимъ и въ то же время живымъ словомъ, — все это какъ бы невольно настраивало каждаго смѣло встать на защиту отечества, съ оружіемъ въ рукахъ и съ вѣрою въ Бога. Недаромъ А. С. Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ о Шишковѣ:

---

[1]) Зап., т. I, стр. 174.

[2]) Ibid., стр. 318. Письмо изъ Коло отъ 6 февр. 1813 г.

[3]) „Русск. Вѣстн." 1870 г., т. 90, стр. 200.

Библиотека "Руниверс"

„Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа"
„Священной памятью двѣнадцатаго года" [1]).

И самъ авторъ этихъ манифестовъ, по справедливости, отличенъ былъ Монархомъ, наградившимъ его орденомъ св. Александра Невскаго съ надписью за вѣрную къ отечеству любовь [2]), а такъ же въ ознаменованіе особеннаго благоволенія къ долговременной, усердной службѣ, понесенной въ послѣднюю войну, Шишкову пожалованъ былъ еще орденъ св. Владиміра 1-ой степени [3]).

Разсмотримъ же теперь нѣсколько подробнѣе дѣятельность Шишкова въ отечественную войну, чтобы видѣть — какъ велики и важны, дѣйствительно, были заслуги его въ это время, и что былъ за патріотизмъ, наэлектризовавшій противъ французовъ всю Россію.

Однимъ изъ первыхъ по времени манифестовъ, написанныхъ Шишковымъ, былъ манифестъ его о рекрутскомъ наборѣ [4]). Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ твердыхъ и рѣшительныхъ мѣръ",—читаемъ мы въ этомъ манифестѣ,—„неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить Великую Имперію нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній. Нынѣ настоитъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми запасными войсками. Крѣпкія о Господѣ воинскія силы наши уже ополчены и устроены въ оборонѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежды престола и державы твердо на нихъ лежатъ. Но жаркій духъ ихъ и любовь къ намъ и отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ?" — Такія глубокія и искреннія мысли и чувства горячей любви къ родинѣ и стремленія къ славѣ своего отечества мы встрѣчаемъ уже въ этомъ первомъ манифестѣ, написанномъ Шишковымъ.

13 іюня французскія войска близъ г. Ковно вступили въ предѣлы нашего отечества, и Шишкову приказано было по этому поводу написать манифесты: Извѣстіе о вступленіи непріятеля въ предѣлы нашего отечества фельдмаршалу гр. Салтыкову и „Приказъ нашимъ арміямъ" [5]). Какимъ искреннимъ и горячимъ патріо-

---

[1]) См. соч. А. С. Пушкина, VII дополн. т., изд. П. В. Анненкова, Спб. 1857 г., стр. 34.

[2]) Цитир. д. Арх. Мин. Нар. Просв. (послужной синисокъ).

[3]) Маниф. отъ 3 авг. 1814 г. (Рукоп. Отд. Имп. Публ. Библ.).

[4]) Зап., т. I, Прилож., стр. 423.

[5]) Ibid., стр. 424—425.

Библиотека "Руниверс"

тизмомъ проникнуты эти творенія Шишкова! Сколько твердой вѣры и сильной надежды на Бога, сколько горячаго убѣжденія въ храбрость и мужество нашего воинства при такомъ печальномъ положеніи видно въ этихъ воззваніяхъ, написанныхъ Шишковымъ по указанію Императора Александра I. Въ манифестѣ на имя гр. Салтыкова съ большею силою подчеркнуты храбрость и мужество нашихъ войскъ. „Я надѣюсь",—пишетъ Шишковъ по указанію Императора Александра Перваго, „на усердіе Моего народа и храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостью и мужествомъ. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ".

Эти первые манифесты читала вся Россія и мужественно готовилась встрѣтить французовъ.

Слѣдующіе манифесты еще болѣе проникнуты мыслью о надеждѣ на Бога, о вѣрѣ въ Его заступничество и убѣжденіемъ въ храбрости и мужествѣ русскаго воинства [1]).

Таковы манифесты: „возваніе къ Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ" и „манифестъ о всеобщемъ ополченіи...". Въ манифестѣ—о всеобщемъ ополченіи, написанномъ Шишковымъ, онъ съ патріотическимъ настроеніемъ призываетъ всѣхъ встрѣтить вступившаго въ наши предѣлы непріятеля. Манифестъ приглашаетъ всѣхъ и каждаго единодушнымъ и общимъ возстаніемъ противодѣйствовать всѣмъ вражескимъ замысламъ и покушеніямъ. „Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина",—сказано было въ манифестѣ. „Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! Соединитель всѣхъ съ крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ,—такими пламенными, глубокопрочувствованными словами законченъ призывъ къ защитѣ отечества. Какое сильное вліяніе имѣлъ этотъ манифестъ можно, судить потому, что уже въ Смоленскѣ по пути отступленія Шишковъ обрадованъ былъ мужественнымъ духомъ и пылающимъ рвеніемъ дворянства, изъ которыхъ многіе приходили къ нему и говорили, „что они всѣхъ своихъ крестьянъ вооружатъ, и сами пойдутъ съ ними навстрѣчу". „Богъ милостивъ,

---

[1]) Зап. ст. I., прилож., стр. 425—427.

Библиотека "Руниверс"

Россія не погибнетъ!"—восклицалъ Шишковъ въ восторгѣ своей души при видѣ этой картины [1]). То же самое наблюдалъ онъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

По прибытіи (11-го іюля) главной нашей военной квартиры въ Москву Шишковъ написалъ здѣсь нѣсколько воззваній, имѣвшихъ, правда, уже болѣе оффиціальный характеръ. Таковы, напр., обращенія къ главнокомандующему въ Москвѣ генералу Ростопчину, московскому митрополиту Платону, генералу Глухову и др. [2])— Отъ лица Государя Александра Перваго написано приказаніе генералу Ростопчину о болѣе цѣлесообразномъ для военныхъ дѣйствій распредѣленіи рекрутскаго набора по округамъ, о порядкѣ вызова, вооруженія и устроенія внутреннихъ силъ. Тутъ же написана благодарность митрополиту Платону за поднесеніе послѣднимъ войску россійскому образа преп. Сергія Радонежскаго и т. д. и т. д.

По пріѣздѣ въ Петербургъ получено было извѣстіе, что земское (народное) ополченіе, для подкрѣпленія силъ графа Витгенштейна, было уже совсѣмъ готово и скоро отправилось въ походъ благодаря энергичнымъ распоряженіямъ графа Голенищева-Кутузова. По этому поводу Шишковъ, по приказанію Государя, пишетъ ему рескриптъ о возведеніи гр. Кутузова съ потомствомъ въ княжеское достоинство [3]). По полученіи отъ Барклая-де-Толли донесенія о соединеніи его со второю арміей и направленіи движенія къ Смоленску, написаны были къ нимъ рескрипты, которыми приказывалось наступательно дѣйствовать противъ арміи Наполеона [4]).

Въ этихъ манифестахъ высказана твердая вѣра въ побѣду и надежда на Провидѣніе Божіе, на Бога и въ то же время—указаніе на мужество, храбрость русскихъ воиновъ и еще болѣе вселить въ нихъ духъ патріотическаго чувства. „Желаю и надѣюсь, что Богъ подастъ вамъ скорое облегченіе для украшенія дѣяній вашихъ новою честью и славою,"—читаемъ мы въ рескриптѣ къ кн. Багратіону. „Рука Господня да будетъ надъ Вами,"—сказано было въ рескриптѣ къ гр. Голенищеву-Кутузову и „надъ храбрымъ нашимъ воинствомъ".

Вскорѣ (26 августа) послѣдовала знаменитая Бородинская битва. Русскіе отступили.

---

[1]) Зап., т. I., стр. 151.
[2]) Ibid., прилож., стр. 428—433.
[3]) Зап., т. I., стр. 430.
[4]) Ibid., стр. 431—434.

Библиотека "Руниверс"

3-го сентября Москва была уже въ рукахъ французовъ. Начались грабежи, пожары и въ теченіе нѣсколькихъ дней первопрестольная столица превращена была въ груду пепла и развалинъ.

Получивъ извѣстіе о такихъ печальныхъ событіяхъ, Шишковъ потрясенъ былъ до глубины души. Но эта печаль смѣнилась скоро въ душѣ его чувствомъ гордости и надежды на избавленіе [1]). Онъ твердо вѣрилъ въ великую силу народа среди этихъ испытаній и старался возбудить патріотическій духъ въ народѣ, вселяя въ сердца его надежду на Бога, на храбрость и мужество русскихъ и, вообще, старался поддерживать унывающихъ и падающихъ духомъ.

И вотъ онъ пишетъ теперь трогательно возвышенныя и умилительныя одно за другимъ воззванія патріотическаго характера, имѣвшія особенно сильное вліяніе въ это время на подъемъ въ народѣ патріотическаго духа. „Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалью симъ возвѣщается“ [2]), читали всѣ въ манифестѣ о взятіи столицы, „что непріятель вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій! Всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войско и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества“. Манифестъ переходитъ къ занятію французами Москвы и рисуетъ въ глазахъ народа уже не такое бѣдственное ея положеніе. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, Москва, совершенно пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Да и самая многочисленная армія Наполеона, сказано было въ манифестѣ, истреблена нашими войсками, частью набѣгами и голодною смертью.

Конецъ этого патріотическаго воззванія таковъ: „Боже Всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую церковь! Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе!“ Шишковъ разсказываетъ о себѣ, что „написавъ сію бумагу, прочиталъ ее нѣсколько разъ, самъ сомнѣваясь въ предвѣщаніяхъ моихъ, и изъ этого манифеста было выключено выраженіе въ первоначальной редакціи, касающееся Наполеона, что онъ затворился въ гробѣ, изъ котораго не выдетъ живъ“ [3]).

---

[1]) Цитир. соч. В. Стоюнина, стр. 158.

[2]) Зап., т. I., стр. 157.

[3]) Зап., т. I., стр. 159.

Библиотека "Руниверс"

Неистовства и жестокости французовъ въ Москвѣ, которыя вскорѣ разсказаны были прибывшимъ въ Петербургъ очевидцемъ ея, вызвали Шишкова на то, чтобы яркими красками нарисовать картину богомерзкихъ дѣйствій французовъ. Подъ вліяніемъ извѣстій о кощунственныхъ безобразіяхъ и неистовствахъ французовъ въ Москвѣ, Шишковъ еще больше воспылалъ ненавистью къ французамъ. Описывая въ своихъ запискахъ случай, когда въ началѣ 1813 года кн. Кутузовъ за столомъ у Государя выражалъ желаніе, чтобы, не взирая на военныя обстоятельства, позволить оставаться въ Петербургѣ французскому театру, Шишковъ говоритъ при этомъ, что вся моя внутренность кипѣла отъ досады. Долго разговоръ сей не выходилъ изъ моей памяти [1]).

Вскорѣ послѣ полученія свѣдѣній отъ прибывшаго изъ Москвы очевидца всѣхъ ужасовъ и варварствъ въ Москвѣ французовъ, появился соотвѣтствующій этимъ свѣдѣніямъ манифестъ: „Смотря на богомерзкія дѣла его въ Москвѣ и слыша получаемыя отъ всѣхъ мѣстъ, которыми онъ проходилъ, печальныя извѣстія, водворяется въ сердцѣ каждаго нѣкоторая доселѣ неизвѣстная степень гнусности и омерзѣнія къ злодѣяніямъ человѣческимъ. Добродѣтельная душа содрогается и отвращаетъ взоры свои отъ сего срамнаго позорища; она можетъ изгладить оное изъ памяти, дабы не осквернять имъ чистоты своихъ мыслей. Мы не можемъ сказать, что ведемъ войну съ непріятелемъ [2]). Далѣе указывается на то, что эти неистовства и жестокость французовъ представляютъ безпримѣрный фактъ въ исторіи. Даже между дикими народами, говоритъ онъ,—не бываетъ того, что дѣлаютъ французы. Вотъ примѣры лютости и злобы, какихъ не замѣчаемъ въ бытописаніяхъ самыхъ грубѣйшихъ африканскихъ и американскихъ обитателей. Неистовые солдаты, офицеры и даже генералы пошли грабить по домамъ и всѣ вещи, которыхъ не могли забрать къ себѣ: зеркала, хрусталь, фарфоръ, картину, мебель и проч., подобно бѣшенымъ, старались разбить, разломать, разрубить, раскидать по разнымъ мѣстамъ. Вино въ бочкахъ, которыхъ ни выпить, ни взять съ собою не могли, разливали по улицамъ. Книги рвали, раздирали и бросали. Многія великолѣпныя зданія превратились въ пепелъ. Къ расхищенію и разрушенію присовокупляли безчеловѣчіе и лютость: набравъ груду вещей,—возлагали бремя сіе на пойманнаго на улицѣ стараго или увѣчнаго человѣка, принуждая его нести оное въ ихъ станъ, и

---

[1]) Ibid, стр. 178:

[2]) Ibid. т. 1. прилож. стр. 438.

Библиотека "Руниверс"

когда сей подъ тяжестью изнемогалъ, то сзади обнаженными палашами убивали его до смерти. Въ многихъ мѣстахъ лежали поруганныя, изувѣченныя и мертвыя женщины. Индѣ могилы разрыты, и гробы растворены для похищенія корыстей съ усопшихъ тѣлъ. Двери у храмовъ Божіихъ отбиты. Иконы обнажены отъ окладовъ, ризы разодраны, иконостасы поломаны и разбросаны по полу [1]).

Такъ какъ многіе отчаявались и потеряли уже всякую надежду на спасеніе, то этотъ же манифестъ старается разсѣять духъ отчаянія и унынія. За всѣ эти дѣйствія свои французы должны понести возмездіе Божественнаго Правосудія. „Посрамятся“ „дѣла нечестивыхъ, и путь ихъ погибнетъ. Онъ уже погибаетъ. Исполнилась мѣра злодѣянія, воспаленные храмы и дымящаяся кровь подвигли на гнѣвъ долготерпѣніе Божіе. Поражаемый со всѣхъ сторонъ врагъ нашъ уже не силами своими, прежде грозными, нынѣ же истощенными, гладными и умирающими, устрашаетъ, но дѣлами злобы и лютости“. Манифестъ заканчивается такъ: „возстанемъ мы, купимъ неложную себѣ славу, доставимъ спокойствіе потомкамъ нашимъ, и благодать Божія пребудетъ съ нами“ [2]).

Манифестъ этотъ оказалъ большое вліяніе на русское войско и общество. Чувства любви къ поруганному французами отечеству и ненависти къ врагамъ усилились еще болѣе и, по выраженію Надлера, энтузіазмъ любви къ отечеству поднялся во всѣхъ уголкахъ Россіи.

Можно указать и на нѣкоторые другіе факты, говорящіе намъ о сильной ненависти и враждѣ народа къ французамъ. Нѣкто чиновный человѣкъ, войдя въ церковь, посматривалъ то на тотъ, но на другой образъ въ лорнетъ. Простой народъ, увидя сіе и подумавъ, что это какой-нибудь французъ, схватилъ его и потащилъ на съѣзжую. Вслѣдствіе этого Шишковъ написалъ даже, по приказанію Государя, объявленіе отъ Управы благочинія [3]). Здѣсь приказывалось, чтобы „никто не дерзалъ ни на улицахъ, ни въ другихъ мѣстахъ, подъ предлогомъ подозрѣнія кого-либо останавливать, дѣлать къ проходящимъ привязки: ибо наблюдать за открытіемъ людей подозрительныхъ есть дѣло полиціи“.

---

[1]) Понятно, совершенно справедливо замѣчаніе по сему поводу В. Стоюнина (стр. 164), что здѣсь говоритъ болѣе разгоряченная фантазія, чѣмъ строгое логическое разсужденіе. но все-таки многое, сообщенное Шишковымъ о французахъ, была правда (Цит. „Русск. Вѣстн.“ 1890 г. стр. 204—205).

[2]) Зап., т. I., стр. 442.

[3]) Ibid., стр. 436.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, мы должны отмѣтить здѣсь еще то, что при видѣ всей этой грустной, печальной картины погибающаго отечества и подъ вліяніемъ чтенія проникнутыхъ горячимъ чувствомъ любви къ отечеству воззваній Шишкова, со всѣхъ концовъ Россіи потекли обильныя пожертвованія. Каждый, по мѣрѣ своихъ силъ, жертвовалъ кто что могъ на спасеніе отечества, а въ случаѣ даже и—свою жизнь. Эти пожертвованія народа были такъ велики, что основанъ былъ особый комитетъ „для сосредоточенія", какъ сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи объ устройствѣ сего Комитета, и совокупнаго „соображенія всѣхъ дѣлъ, до вновь образуемаго внутренняго ополченія относящихся".

Такое дѣйствіе манифестовъ Шишкова, въ связи съ бѣдственнымъ положеніемъ отечества, отражалось преимущественно на средѣ простого народа. Но были въ это время и такіе, которые, подъ вліяніемъ еще прежнихъ громкихъ побѣдъ Наполеона и могущества его,—въ эту войну признавали его какимъ-то непобѣдимымъ „божкомъ" [1]). Въ Петербургѣ, напр., извѣстія о взятіи Москвы навели на многихъ такой страхъ, что, опасаясь пришествія Наполеона въ Петербургъ, готовились вывозить изъ него въ отдаленнѣйшія сѣверныя страны кадетскіе корпуса, дѣвицъ Смольнаго монастыря и друг... Самый памятникъ Петра Великаго (статую) намѣревались снять съ подножнаго камня и отправить въ г. Архангельскъ [2]). Въ самой Москвѣ многіе для безопасности переходили на сторону Наполеона, особенно когда онъ сталъ учреждать въ Москвѣ нѣкоторыя, якобы присутственныя на французскій образецъ, мѣста или начальства. Нѣкоторые изъ русскихъ были даже членами учреждаемыхъ этихъ обществъ „для возстановленія порядка спокойнаго пребыванія въ ней жителей [3]). Даже окружавшіе Государя Императора, по занятіи Наполеономъ Москвы, мечтали о мирѣ, тѣмъ болѣе, что самъ Наполеонъ дѣятельно велъ уже переговоры объ этомъ, думая заключить ихъ на выгодныхъ для себя условіяхъ [4]). „Близкій",—говоритъ Надлеръ,—„къ Государю человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, былъ убѣжденъ въ невозможности бороться съ великимъ человѣкомъ; Румянцевъ и его сторонники всѣ усилія употребляли для прекращенія безполезной, по ихъ мнѣнію, войны... Не было тайной, что самъ наслѣдникъ престола давно

---

[1]) Цитир. соч. Богдановича, Исторія войны, т. I. стр. 31.
[2]) Зап., т. I., стр. 161.
[3]) Цитир. соч. Надлера, т. II, стр. 67.
[4]) Цитир. соч. Надлера, т. II, стр. 67.

Библиотека "Руниверс"

уже высказывался въ пользу мира [1]). Правда, многіе стояли противъ мира и съ негодованіемъ отвергали всѣ предложенія побѣдителя [2]). Особенно это должно сказать про народъ и войска, среди котораго по поводу слуха о предстоящемъ мирѣ наступило всеобщее уныніе" [3]).

Въ виду всѣхъ этихъ слуховъ о мирѣ, объ унынiи многихъ, Шишкову было указано написать воззваніе къ жителямъ С.-Петербурга, гдѣ говорится, что имъ нечего безпокоиться, что никакой опасности не угрожаетъ сей столицѣ. Одинъ только взглядъ на положеніе войскъ нашихъ всякаго долженъ удостовѣрить и успокоить въ этомъ. Описаніемъ расположенія нашего войска указано, что страхъ с.-петербургскихъ жителей совершенно напрасный. Отсюда, если правительство и намѣрено будетъ заблаговременно вывезти изъ Петербурга всѣ „тяжелыя вещи", то въ видахъ облегчить жителямъ ея съ лучшимъ порядкомъ и безъ смятенія выѣзжать отселѣ внутрь земли. И это въ томъ только случаѣ, ежели опасность стала угрожать сему городу, отъ чего да сохранитъ насъ Богъ!

Въ другихъ воззваніяхъ русскому обществу Шишковымъ написано, что правительство строго должно поступить со всѣми перешедшими на сторону французовъ. Онъ страшно возмущается вступленіемъ многихъ въ учреждаемыя въ Москвѣ французами присутственныя мѣста. Онъ увѣщеваетъ всѣхъ, чтобы они опасались вѣрить лукавому гласу враговъ, пришедшихъ сюда устами обѣщать безопасность и покой, а руками жечь, грабить и разорять Царство наше [4]). Правительство, пишетъ Шишковъ, заботится о благѣ каждаго и всѣхъ, а въ особенности о помощи и призрѣніи разоренныхъ отъ непріятеля, скитающихся безъ пристанища людей. И въ доказательство этой заботы, прибавимъ мы уже отъ себя, должно указать на учрежденный даже, о которомъ недавно шла рѣчь, особый Комитетъ въ помощь пострадавшимъ и разореннымъ отъ непріятеля городскимъ и сельскимъ жителямъ. Объ этомъ Комитетѣ Шишковъ, между прочимъ, подробно говоритъ въ одномъ воззваніи [5]). Милосердіе, милость вообще, пишетъ онъ,—похвальна и есть одинъ изъ высшихъ христіанскихъ подвиговъ, а „наипаче же оное нужно и достохвально въ нынѣшнія времена, когда рукою

---

[1]) Ibid., стр. 62.
[2]) Ibid., стр. 23.
[3]) Ibid., стр. 99.
[4]) Зап., т. I, стр. 437—438.
[5]) Ibid., стр. 449—453.

Библиотека "Руниверс"

безчеловѣчнѣйшаго изъ враговъ во многихъ губерніяхъ селенія и домы соотечественниковъ нашихъ истреблены огнемъ, и многіе изъ нихъ... остались въ старости или малолѣтствѣ безъ всякой помощи и пропитанія".

Въ одномъ изъ воззваній приводится указаніе счастливаго исхода нашей войны съ французами въ обширныхъ предѣлахъ Россіи. „Не унывайте", — написано тамъ, — воззрите на обширные размѣры вашего отечества, въ нихъ однихъ заключается уже вѣрный залогъ вашего спасенія [1])... Въ одномъ изъ манифестовъ сообщается разстройство въ самой арміи Наполеона, говорится объ ея истощеніи, голодѣ и проч. „Поражаемый со всѣхъ сторонъ врагъ нашъ", — читаемъ мы въ разсмотрѣнномъ уже нами манифестѣ, „уже не силами своими, прежде грозными, нынѣ же истощенными, гладными и умирающими устрашаетъ, но дѣлами злобы и лютости" [2]).

Всѣ эти обстоятельства настраивали Шишкова на вдохновенныя рѣчи, дышащія искреннимъ поэтическимъ и пророческимъ даромъ убѣжденія. „Горящая Москва", — писалъ онъ, — „да воспалитъ въ душахъ вашихъ огонь мщенія; потушите пожаръ ея кровію враговъ... Да не понесутъ они стыдъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ! Сего ожидаетъ поруганная ими церковь и оскорбленное отечество" [3])...

Напрасно Наполеонъ, сидя въ древней столицѣ, надѣялся склонить наше правительство къ заключенію съ нимъ мира... Войска наши дѣятельно приготовлялись къ новымъ сраженіямъ съ французами. Вся почти наша армія переведена была съ Рязанской дороги на Калужскую... и напрасно Наполеонъ разсчитывалъ проникнуть въ южныя богатѣйшія наши губерніи. Путь туда былъ ему прегражденъ. Взорвавши Кремль, который, случайно, не погибъ совершенно, Наполеонъ возвращается уже чрезъ Смоленскъ и Вильну по опустошенной уже имъ дорогѣ, которой подходилъ онъ къ Москвѣ [4]).

И вотъ,—всѣ эти событія: освобожденіе Москвы отъ французовъ, наши побѣды и постыдное отступленіе послѣднихъ являлись для Шишкова благодарною почвою для изліянія имъ своихъ патріотическихъ чувствъ и призыву къ нимъ же другихъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени глубоко вѣрующій, Шишковъ, разумѣется, оста-

---

[1]) Ibid., т. II, стр. 21.
[2]) Зап., т. I, стр. 441.
[3]) Ibid., стр. 435.
[4]) Цитир. соч. Надлера, т. II, стр. 21.

Библиотека "Руниверс"

навливается на мысли, прежде всего, благодаренія Господу за дарованіе нашимъ войскамъ побѣды надъ врагами. „Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли. Мы пострадали, но Онъ праведный гнѣвъ Свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. О провидѣніе! Кто человѣкъ, или кто люди могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? По краткомъ наказаніи за прегрѣшенія наши, Онъ, какъ праведный Судія сердецъ, обращается къ намъ съ милосердіемъ и покрываетъ невечернимъ свѣтомъ славы. Богъ Сильный низложилъ гордость. Премудрый разогналъ тьму“ [1]). Въ другомъ манифестѣ съ бо́льшею ясностью указывается на Господа Бога, на Промыслъ Божій, спасшій насъ въ минувшую войну. „Кто человѣкъ, или кто люди, — могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явленъ ли здѣсь промыслъ Божій?—Ему единому Слава,—хвала Всевышнему, благодареніе [2]); явно изліенная на насъ благодать Божія. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освѣтило вселенную [3]). Въ воззваніяхъ къ воинамъ указано: „Самъ Богъ укрѣплялъ руки Ваши и напоялъ сердца Ваши мужествомъ [4]), и Онъ призываетъ всѣхъ повергнуть стопы свои предъ Святымъ престоломъ Божіимъ и возблагодарить Бога.

Религіозное настроеніе Шишкова воодушевило его настолько, что онъ даже войну 1812 года сравнивалъ съ взятіемъ Іерусалима и вообще переносилъ съ исторической на библейскую почву всѣ событія войны 12 года. Взявши наиболѣе яркія мѣста св. Писанія (пр. Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, Аввакума и др.), изображающія событія, предшествующія паденію Іерусалима, и самое паденіе его, Шишковъ все это буквально, безъ всякаго измѣненія текста, пріурочивалъ къ переживаемымъ событіямъ войны. Величественно и торжественно описываетъ онъ „вшествіе врага въ царство и гордый помыселъ его“ [5]). И насколько, дѣйствительно, казались параллельными отдаленныя ветхозавѣтныя событія паденія Іерусалима къ современной дѣйствительности, можно судить потому, что и Государь Александръ Первый и самъ Шишковъ безъ слезъ не могли даже читать вышеприведенныя нами выписки изъ св. Писанія [6]). „Въ ознаменованіе благодарности Нашей къ промыслу Божію,

---

[1]) Рукоп. Отд. Имп. Публ. Библ., ibid. Зап., т. I, прил. стр..471—473.
[2]) Ibid., стр. 474.
[3]) Ibid., стр. 459.
[4]) Ibid., стр. 460.
[5]) Ibid., стр. 252—257, примѣчаніе.
[6]) Ibid., стр. 257.

Библиотека "Руниверс"

спасшему Россію отъ грозившей ей гибели", писалъ по указанію Императора Александра Павловича Шишковъ въ одномъ изъ манифестовъ [1]), — „вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа". Построенный тогда храмъ и до нынѣ является примѣромъ глубокаго чувства благоговѣнія и благодарности къ Господу Богу, избавившему Россію въ 1812 году отъ грозящей ей гибели. Наконецъ, „благоговѣя предъ Господомъ, подателемъ всѣхъ благъ, — читаемъ мы въ другомъ манифестѣ [2]), — „возсылая благодарственное моленіе изъ глубины души Нашей", повелѣваемъ: да во всемъ пространствѣ Имперіи Нашей принесется торжественное молебствіе милосердому Богу. И это молебствіе ежегодно совершается съ тѣхъ поръ въ первый день праздника Рождества Христова.

Но при такомъ глубокомъ чувствѣ благодарности къ Господу Богу, спасшему Россію въ минувшую войну, въ манифестахъ нисколько не умаляется значеніе подвиговъ и заслугъ храбраго нашего воинства. Въ одномъ изъ манифестовъ Императоръ Александръ I, указавъ на промыселъ Божій, добавляетъ, что этимъ онъ нисколько не хочетъ отнимать достойной славы ни у Главнокомандующаго войсками нашего знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя заслуги Отечеству, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у храбраго нашего войска [3]). „Вы тѣ русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремѣла и гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ",—обращается онъ въ другомъ мѣстѣ [4]) къ воинамъ. „Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно отечество со слезами благодарило Васъ за храбрость вашу, и церковь Божія молилась о спасеніи Вашемъ". „Храбрыя войска Наши",—читаемъ мы въ манифестѣ, написанномъ по окончаніи войны [5]), — „вездѣ поражали и низлагали врага... Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостью расторгала полки непріятелей, съ какою за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль раздирала плугомъ поля". „Воины" [6]),—

---

[1]) Ibid., стр. 460.
[2]) Ibid., стр. 467.
[3]) Краткія Записки, стр. 72.
[4]) Зап., т. I, стр. 434.
[5]) Ibid., стр. 444.
[6]) Зап., т. I, стр. 172.

Библиотека "Руниверс"

сказано въ другомъ мѣстѣ, — „храбрость и терпѣніе ваше вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ къ внукамъ и правнукамъ вашимъ, до самыхъ позднихъ родовъ".

„Въ ознаменованіе сихъ незабвенныхъ подвиговъ вашихъ повелѣли мы", — сказано было въ манифестѣ, — „выбить и освятить серебряную медаль, которая съ начертаніемъ на ней прошедшаго, толь достопамятнаго 1812 года, долженствуетъ на голубой лентѣ украшать непреодолимый щитъ отечества—грудь вашу".

Н. А. Палицынъ.

Библиотека "Руниверс"

Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.

IX. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ газетъ [1]).

Однако Иванъ Александровичъ не былъ такъ глубоко погруженъ въ обывательскія заботы, какъ позволяла бы предполагать большая часть вышеприведенныхъ писемъ къ редактору „Голоса“. Читатель могъ уже убѣдиться, съ какой живостью и искренностью Гончаровъ отозвался по поводу празднества въ честь учрежденія московскаго университета и по поводу трехсотлѣтней годовщины Шекспира. Послѣднее его письмо, отъ 9-го марта 1865-го г., въ которомъ онъ посылаетъ статейку „о собакахъ, о птицахъ и о грязи“ и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ непритворный интересъ къ предполагаемому празднику въ честь Ломоносова, является какъ бы переходомъ къ другимъ его анонимнымъ замѣткамъ въ „Голосѣ“ болѣе возвышеннаго содержанія. Въ замѣткахъ этихъ можно узнать восторженнаго студента тридцатыхъ годовъ, который шелъ за Карамзинымъ „по горячимъ его слѣдамъ“ [2]) и молодого чуткаго гостя Майковыхъ, въ кругу беллетристовъ и художниковъ увлекавшагося красотой во всѣхъ ея видахъ, который и самъ между прочимъ, когда-то, „точь въ точь какъ Райскій“, занимался живописью [3]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, 1911, кн. 10, стр. 34—62 и кн. 12, стр. 491—499; 1912, кн. 3. стр., 549—568.

[2]) Слова Гончарова въ его автобіографіи, напечатанной въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма за 1859, № 14.

[3]) См. воспоминанія И. И. Ясинскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1898 г., т. LXXI, стр. 568—571.

Библиотека "Руниверс"

25 апрѣля [1865 г.].

„Участвовать въ праздникѣ Ломоносова“ я разумѣлъ обѣдать и только, или, пожалуй, присутствовать на обѣдѣ, какъ подобаетъ всякому грамотному русскому. Распорядительною же способностью я не обладаю, и едва ли найдется какая-либо роль мнѣ по зубамъ; даже билеты раздавать не могъ бы, ибо почти никуда не хожу, и ни съ кѣмъ не вижусь, поэтому билеты оставались бы у меня на рукахъ.

Если же являться въ учредительныя собранія для совѣщаній, то я не считаю себя въ правѣ расходовать мудрость, которую обязанъ блюсти всецѣло, какъ пѣвецъ блюдетъ голосъ для сцены, но которую ангажировалъ для Совѣта [1]), коего состою членомъ. Что же я стану тамъ дѣлать, скажите на милость, да еще утромъ, когда надо заниматься, потому что по вечерамъ глаза плохо видятъ?

Между прочимъ скажите, пожалуйста, будетъ-ли приглашено духовенство къ участію въ праздникѣ: безъ него, т. е. безъ духовенства, кажется, праздникъ Ломоносову немыслимъ.

Меня просили нѣкоторые, и между прочимъ Н. В. Варадиновъ [2]), сказать имъ, какъ, гдѣ и когда записаться на обѣдъ. Будетъ-ли объ этомъ объявленіе?

До свиданія! Если поспѣю, то загляну сегодня въ собраніе изъ любопытства [3]).

Вашъ
И. Гончаровъ.

[1866 г.]

Я вчера говорилъ Князю Вяземскому о желаніи Вашемъ, Андрей Александровичъ, напечатать стихи его въ *Отечественныхъ Запискахъ* [4]), на что онъ и соглашался, только спросилъ—„когда же, скоро-ли это будетъ“, а потомъ прибавилъ, что вѣроятно стихи будутъ напечатаны въ *Сѣверной Почтѣ* [4]). Больше ничего и не было ска-

---

[1]) Т. е. для Совѣта Министра по дѣламъ книгопечатанія.

[2]) Членъ Совѣта Министра по дѣламъ книгопечатанія Николай Васильевичъ Варадиновъ.

[3]) Гончаровъ записался на обѣдъ въ честь Ломоносова и праздновалъ юбилей вмѣстѣ „съ пишущей братіею“. См. письмо Н. П. Грота къ П. А. Плетневу отъ 8-го апрѣля 1865 г.: „Стихи читали Майковъ, Полонскій, да за Розенгейма—Гончаровъ“ („Переписка Я. А. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. III, Спб., 1886, стр. 698).

[4]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

зано, но сегодня въ Сѣверной Почтѣ напечатаны только отрывки изъ его стиховъ [1]: поэтому можно судить, что всѣ они тамъ напечатаны не будутъ.

Нѣтъ-ли у Васъ кого-нибудь, черезъ кого бы Вы могли выпросить ихъ у него, въ виду того, что онъ не прочь былъ напечатать стихи у Васъ?

Это вѣроятно можно бы было сдѣлать завтра, на литературномъ [2] вечерѣ, гдѣ вѣроятно будетъ князь Вяземскій, или не напишете ли Вы ему письмо объ этомъ?...

До свиданія!

Вашъ

И. Гончаровъ.

Пятница.

Можетъ быть, если будетъ досугъ, я передѣлаю читанную Вамъ замѣтку мою о Карамзинѣ и завтра къ вечеру пришлю (если передѣлаю), чтобы, если Вы найдете её подходящею, можно было напечатать ее послѣ завтра.

[1866 г.].

Вчера я хотѣлъ зайти къ Вамъ самъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, но меня удержала простуда: я просилъ Барышова [3] передать Вамъ свою мысль о праздникѣ Карамзина, которую я заявилъ недавно лично Ковалевскому и Некрасову, и они хотѣли переговорить объ этомъ съ Анненковымъ и Гротомъ. Между тѣмъ вчера же я набросалъ эту мысль въ видѣ *замѣтки* [4] и прилагаю ее для *Голоса* [4] (если можно завтра), предоставляя Вамъ ее какъ-нибудь дополнить, если нужно. Но при этомъ прошу Васъ принять во вниманіе то, что можетъ быть уже распорядители, т. е. Анненковъ и К° и сами подумали сдѣлать что-нибудь для Карамзина особенное, въ такомъ случаѣ, не найдете-ли Вы эту замѣтку лишнею—если такъ, то не печатайте ее, чтобъ она не была помѣхой. Впрочемъ, какъ заблагоразсудите, только сохраните мое инкогнито. Я подписался *любитель литературы* [4],—такъ и прошу оставить.

Не знаю, устыдятъ-ли распорядителей Ковалевскій и Некрасовъ, а въ томъ видѣ, какъ задумывали распорядители—это ни на что не похоже.

---

[1]) „Сѣверная Почта“ 3-го декабря 1866 г., № 259, стр. 2—3: стихотвореніе кн. Вяземскаго подъ заглавіемъ: „Тому сто лѣтъ...“

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

[3]) Т. е. Ефремъ Ефремовичъ Барышевъ. О немъ см. на слѣдующей страницѣ примѣч. 1.

[4]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

Я боюсь, что, прочтя эту замѣтку, распорядители уже изъ самолюбія заупрямятся и не захотятъ ничего измѣнить—ну какъ хотятъ, а, мнѣ кажется, такъ праздновать Карамзина юбилей, какъ они захотѣли, судя по газетамъ, просто не прилично: лучше ужъ ничего не дѣлать.—Не только одна [но] и двѣ ласточки (Костомаровъ и Майковъ) весны не сдѣлаютъ.

До свиданія!

Вашъ

И. Гончаровъ.

Понедѣльникъ.

Сейчасъ пришелъ Барышовъ[1]), когда я дописывалъ письмо, и сказалъ, что Вы поддерживаете мою мысль—и я спѣшу отправить къ Вамъ *замѣтку*[2]). Я бы повидался съ Вами лично, но вѣдь не въ положенный день къ Вамъ не пустятъ, а если понадобится, то скажите когда, я приду, а самъ я часа въ 2 и 3 утромъ всегда дома.

Замѣтка Гончарова появилась въ „Голосѣ“ 23 ноября 1866 г., № 321, стр. 1. Она озаглавлена „Замѣтка по поводу юбилея Карамзина“ и, по желанію автора, подписана: „Любитель литературы“. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ:

22-го ноября

„Въ газетахъ кое-гдѣ упомянуто было о предстоящемъ празднованіи юбилея Карамзина, со дня рожденія котораго минетъ въ декабрѣ столѣтіе. Судя по краткимъ, мимолетнымъ извѣстіямъ газетъ, празднованіе это ознаменуется довольно скромнымъ и только приличнымъ случаю торжествомъ. Одинъ день посвящается собранію въ академіи наукъ, другой—въ университетѣ и, наконецъ, общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ дастъ литературный вечеръ: въ извѣстіяхъ упоминается, что въ чтеніи на этомъ вечерѣ будутъ участвовать г.г. Костомаровъ и Майковъ. Вотъ и вся, извѣстная публикѣ программа торжества. Между тѣмъ, юбилей въ память Ломоносова отпразднованъ громко, великолѣпно, достойно родоначальника русскаго просвѣщенія. Празд-

[1]) Ефремъ Ефремовичъ Барышевъ, авторъ поэмы „Еврей“ (1837) и стихотворныхъ переводовъ съ англійскаго и французскаго языковъ, сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, переводчикъ въ одномъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ. О немъ см. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“ С. А. Венгерова, т. II, Спб., 1891, стр. 209—210.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

никъ обошолъ всю Россію, повторился, болѣе или менѣе торжественно, въ разныхъ пунктахъ нашего отечества, гдѣ только мысль, наука и слово находятъ почитателей и послѣдователей.

Скажутъ, что Карамзинъ не Ломоносовъ: онъ не начинатель великаго дѣла просвѣщенія въ Россіи, не геній-самородокъ, открывшій собственными силами русскому духу и уму доступъ въ область знанія и мысли, и т. д. Такъ; но кому же, послѣ Ломоносова, принадлежитъ большая доля дѣятельности въ совершеніи подвига, начатаго Ломоносовымъ, какъ не Карамзину, проводнику знанія, возвышенныхъ идей, благородныхъ, нравственныхъ, гуманныхъ началъ въ массу общества, ближайшему, непосредственно дѣйствовавшему еще на живущія поколѣнія двигателю просвѣщенія? Воспоминанія о немъ, какъ о писателѣ и какъ о благородной, свѣтлой личности, еще живутъ въ современномъ обществѣ, ему принадлежатъ наши живыя симпатіи—и общество, толпою стекавшееся на торжество въ память Ломоносова, конечно, поспѣшило бы и на этотъ, болѣе близкій сердцамъ нашимъ, праздникъ.

Пусть академія наукъ и университетъ почтятъ въ стѣнахъ своихъ память ученыхъ заслугъ знаменитаго исторіографа, сохраняя обычный строгій характеръ ученаго торжества. Этотъ праздникъ, и по оффиціальности характера, и по тѣснотѣ помѣщенія, созоветъ относительно немногочисленныхъ почитателей ученыхъ заслугъ Карамзина; но гдѣ же и когда соберется образованная масса публики, обязанная благотворному вліянію на нее Карамзина, не только какъ ученаго, но вообще, какъ всесторонняго писателя, какъ человѣка, многимъ еще лично памятнаго, какъ общаго нашего наставника?

Вся надежда на такой праздникъ могла бы сосредоточиться на предполагаемомъ вечерѣ литературнаго фонда. Мы не знаемъ, будетъ-ли этотъ вечеръ ознаменованъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, что сдѣлало бы его непохожимъ на обыкновенные литературные вечера, какіе даются всякую зиму нѣсколько разъ и вскорѣ забываются. Пока изъ газетъ извѣстно только, что будетъ данъ вечеръ съ участіемъ г.г. Костомарова и Майкова. Участіе этихъ заслуженныхъ литературныхъ дѣятелей, конечно, необходимо и дорого въ подобномъ торжествѣ, но нельзя не сознаться, что это слишкомъ мало. На праздникѣ въ память Карамзину должна присутствовать вся наша литература, и если физически невозможно участвовать чтеніемъ всѣмъ лучшимъ дѣятелямъ, то могли бы участвовать многіе, хотя бы понемногу. Нѣтъ надобности читать большіе отрывки или цѣлыя поэмы; но значеніе и характеръ праздника требовали бы,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ большинство писателей, начиная съ старѣйшихъ до новѣйшихъ, публично принесли каждый свою лепту въ память нашего просвѣтителя.

Казалось бы справедливымъ, чтобъ и на этомъ вечерѣ, какъ на праздникѣ Ломоносова, всѣ присутствующіе въ городѣ литераторы столпились единодушно, забывъ разность литературныхъ эпохъ, направленій и оттѣнковъ, около увѣнчаннаго бюста юбиляра, начиная съ ветерановъ литературы съ ближайшимъ сподвижникомъ и другомъ Карамзина, княземъ Вяземскимъ во главѣ, съ Ѳ. Н. Глинкою, И. И. Лажечниковымъ, Н. И. Гречемъ, Тютчевымъ, нашими извѣстными историками, журналистами и прочими писателями, и кончая недавно выступившими на литературное поприще.

Желательно было бы также слышать съ эстрады чтеніе изъ сочиненій Карамзина устами его сына, который не отказался почтить участіемъ своего знаменитаго имени память Ломоносова. Можетъ быть къ этому литературному торжеству, также какъ на Ломоносовскомъ юбилеѣ, присоединилась бы музыка: ни въ стихахъ по этому случаю, ни въ переложеніи ихъ на музыку, ни въ исполненіи, препятствія, вѣроятно, не встрѣтилось бы. Дворянское собраніе, конечно, опять гостепріимно открыло бы залы своего дома, смѣло можно сказать, безчисленнымъ гостямъ, которымъ дорого имя Карамзина.

Но можетъ быть, распорядители карамзинскаго юбилея, пока мы пишемъ эти строки, уже нашли способъ ознаменовать предполагаемый вечеръ чѣмъ-нибудь выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ литературныхъ вечеровъ. Въ добрый часъ!

На все сказанное здѣсь могутъ возразить, что для приготовленій къ празднику въ память Ломоносова было больше времени, а именно цѣлая зима, когда вся литература и общество были въ сборѣ и была возможность подготовиться исподволь, а до карамзинскаго торжества остается недѣля съ небольшимъ.

На это можно замѣтить, что вечеръ съ участіемъ, по возможности, большого числа наличныхъ писателей и не потребовалъ бы такихъ приготовленій, какъ литературно-музыкальное торжество съ банкетомъ въ огромныхъ размѣрахъ, даннымъ въ память Ломоносова. Что же касается краткости срока, то кажется, нѣтъ причины стѣсняться непремѣнно днемъ рожденія Карамзина: если вечеръ будетъ отсроченъ еще на недѣлю или болѣе и послѣдуетъ въ теченіе мѣсяца, въ которомъ родился исторіографъ, то отъ этого торжество только выиграетъ.

Любитель литературы.

Библиотека "Руниверс"

29-го ноября [1866 г.]

Я радъ бы душой написать нѣсколько страницъ о Карамзинѣ, но на это мнѣ надо бы было недѣлю времени, а на скоро набросать что-нибудь и какъ-нибудь можно въ фельетонѣ, а не въ серьезной статьѣ. При томъ вся эта исторія съ праздникомъ меня разстроила, и я рѣшительно не способенъ ни къ чему, даже бросилъ и тѣ строки, что читалъ Вамъ въ воскресенье, и махнулъ на все рукой и не пошелъ къ князю Вяземскому, даже я думаю, и въ академію не пойду. Если увижу князя, то предложу ему напечатать стихотвореніе у Васъ: развѣ не обѣщалъ ли онъ уже его въ Сѣв[ерную] Почту, или черезъ Маркевича [1]) (который вѣроятно будетъ читать стихотвореніе) въ московскую газету.

Вчера я сказалъ въ канцеляріи насчетъ газетъ; мнѣ отвѣчали, что министръ уже разрѣшилъ и Вамъ сообщатъ объ этомъ немедленно.

До свиданія.

Вашъ

И. Гончаровъ.

Пятница, 20-го декабря 1868 г.

Вотъ уже много лѣтъ, Андрей Александровичъ, что я ничего въ русской литературѣ, кромѣ „Голоса“, не читаю.

Располагая продолжать это въ наступающемъ году, прошу Васъ о благосклонномъ распоряженіи, о доставленіи мнѣ Вашей газеты.

Не желая однако ѣсть хлѣбъ даромъ, я сочинилъ прилагаемыя замѣтки, которыя, если заблагоразсудите, подъ строгимъ инкогнито (даже женѣ и дѣтямъ не сказывайте) помѣстите гдѣ-нибудь, вставивъ въ чужой или какой-нибудь общій фельетонъ, измѣнивъ, разумѣется, по Вашему усмотрѣнію, все, что найдете лишнимъ, неудобнымъ, нецензурнымъ и т. п.

Вы скажете, что все это одно и тоже: о собакахъ, о тротуарахъ, и объ извощикахъ, что нельзя ли чего-нибудь поновѣе.

Нѣтъ, нельзя: это мой святочный фельетонъ, какъ у Диккенса есть святочные разсказы. Знаю, что это сравненіе не скромное, но чтожъ дѣлать—оно вѣрно.

Я не могу мѣнять своихъ убѣжденій: они святы для меня—и

---

[1]) Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ, чиновникъ особыхъ порученій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и въ то же время петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Библиотека "Руниверс"

правда всегда будетъ моимъ закономъ. Тротуары, собаки и извощики—это общественныя и мои язвы—и буду бороться, пока дышу.

Когда это зло или три зла преодолѣю, тогда только изберу три новыя зла—и буду опять бороться.

Если эти мои *замѣтки* [1]) вовсе не годятся—что тогда?

А газету мнѣ нужно! Платить я по крайней нищетѣ моей, въ качествѣ отставного чиновника, не могу, да и нѣтъ, и не было для меня въ жизни ничего гнуснѣе, какъ платить за книгу или за журналъ—и потому, если эти замѣтки не годятся—я прошу милостыню, т. е. газету.

Прощайте—я никуда не хожу, никого не вижу и къ себѣ никого не принимаю, потому между прочимъ также, что никто не ходитъ ко мнѣ.

Вашъ усердный
И. Гончаровъ.

Среда, 17-го февраля [1871 г.].

Я вчера хотѣлъ самъ повидаться съ Вами, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, по поводу прилагаемой статьи, но не удалось.

Статью эту я написалъ по желанію адмирала Посьета [2]), предсѣдателя комиссіи о береговыхъ станціяхъ, который сообщилъ мнѣ и всѣ заключающіяся въ ней свѣдѣнія и цифры.

Онъ нашелъ ее нужною и весьма подходящею къ дѣлу. Теперь надо, чтобъ и Вы нашли ее удобною для помѣщенія ея въ „Голосѣ“, по возможности скоро; напримѣръ въ *пятницу* [3]) или уже въ *субботу* [3]), ибо Посьетъ сообщилъ такія же цифры и свѣдѣнія и въ Кронштатскую газету. Желательно, чтобы они прежде появились въ Вашей газетѣ.

Если же Вы не пожелаете помѣстить ее, то покорнѣйше прошу мнѣ ее возвратить.

Въ случаѣ же помѣщенія благоволите распорядиться по Вашему усмотрѣнію: т. е. куда ее напечатать: на мѣсто ли фельетона, или

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.—Данныя здѣсь Гончаровымъ указанія показались намъ слишкомъ неопредѣленными, чтобъ установить, какія „замѣтки“ въ слѣдующихъ за 20-мъ декабря номерахъ „Голоса“ принадлежатъ его перу.

[2]) Адмиралъ Константинъ Николаевичъ Посьетъ, плававшій вмѣстѣ съ Гончаровымъ на фрегатѣ Паллада въ качествѣ капитанъ-лейтенанта. См. его письмо „О плаваніи фрегата Паллады изъ Англіи на мысъ Доброй Надежды и въ Зондскій проливъ“ въ „Морскомъ Сборникѣ“ за 1853 г., X. № 9, неоф., стр. 233—245.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

въ *Петерб[ургской] хроникѣ* [1]), — или особо послѣ всѣхъ статей на 3-й и 4-й страницѣ, даже хоть въ видѣ передовой статьи, еслибъ она годилась—конечно не означая нигдѣ подъ ней никакого имени, а какъ бы отъ лица газеты.

Тотчасъ послѣ вступленія на 1-мъ листѣ—я отчеркнулъ карандашомъ до 2-й страницы 2-го листа нѣкоторое разсужденіе къ дѣлу собственно не принадлежащее: его можно и выпустить, но если бы Вы нашли его пригоднымъ, то можно и напечатать. Позвольте это предоставить Вашей редакторской мудрой опытности. Если же и Вы не одобрите его, то можно, напечатавъ краткое вступленіе на *1-мъ листѣ* [1]), продолжать *со 2-й страницы 2-го листа* [1]), гдѣ кончается карандашъ и именно со словъ: *„Дѣло идетъ объ учрежденіи береговыхъ станцій“* [1]) и т. д., а все отмѣченное карандашомъ выпустить.

Вотъ и все объ этомъ дѣлѣ. Теперь другое: Посьетъ просилъ меня освѣдомиться у Васъ, получили ли Вы (кажется изъ Одессы) статью, подписанную *Шкиперъ* [1])? Эта статья принадлежитъ товарищу его капитану *Греве* [2]), который спрашивалъ Васъ телеграммою насчетъ ея помѣщенія, но не получилъ отвѣта.

Посьетъ тоже желалъ бы знать, будетъ ли помѣщена эта статья и если не будетъ, то покорнѣйше проситъ доставить ее къ нему— хоть черезъ меня, или прямо въ Зимній дворецъ съ Адмиралтейскаго подъѣзда.

Но Вамъ ближе прислать ко мнѣ, а я доставлю вѣрно.

Еще слово о моей статьѣ, хотя она разогнана на 8 полулисткахъ, но вѣроятно изъ нея выйдетъ не болѣе трехъ Вашихъ столбцовъ, а можетъ быть и меньше.

Если не хотите напечатать, безъ церемоніи возвратите мнѣ, а я въ претензіи не буду [3]).

Вашъ преданный
И. Гончаровъ.

7-го мая 1874 г.

Если Вы, достопочтеннѣйшій Андрей Александровичъ, сочтете интереснымъ для публики прилагаемую замѣтку о Верещагинскихъ

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Капитанъ Ром. Пет. Греве, преподаватель Морского училища.

[3]) Статья Гончарова была напечатана въ „Голосѣ“, 21-го февраля 1871, на первой страницѣ и первой статьей, подъ заглавіемъ „О береговыхъ станціяхъ“ и безъ подписи автора. Въ виду ея узкаго спеціальнаго содержанія не считаемъ нужнымъ приводить извлеченій изъ нея.

Библиотека "Руниверс"

картинахъ, то не найдете ли удобнымъ помѣстить ее въ *Голосѣ* [1])? Кажется, еще въ другихъ газетахъ объ окончательной участи этихъ картинъ заявлено не было, слѣдовательно, не откладывая вдаль помѣщеніемъ, Вы ранѣе другихъ сообщите послѣднія извѣстія.

Мнѣ сообщилъ ихъ самъ *Третьяковъ* [1]), недавно пріѣзжавшій сюда, и потомъ подтвердилъ *Крамской* [1]), участвовавшій въ переговорахъ Третьякова съ Верещагинымъ, слѣдовательно это можно считать вѣрнымъ.

Закулисная исторія этихъ переговоровъ — довольно длинная и скучная и публику интересовать не можетъ, поэтому я и сообщилъ только послѣдній результатъ.

Боткинъ вызвался съ Третьяковымъ купить галлерею и хотѣлъ раздѣлить пополамъ съ Третьяковымъ, Третьяковъ же на это не согласился — а хотѣлъ купить ее сообща, предоставить публикѣ— тогда Боткинъ отступился, и Третьяковъ купилъ одинъ съ тѣмъ чтобъ сдѣлать ее общественной.

Онъ подарилъ ее *Обществу любителей искусствъ* [1]) въ Москвѣ— тому негдѣ помѣстить—и теперь идетъ дѣло о томъ, куда ее дѣвать.

Но что до всего этого публикѣ за дѣло?

Ей интересно будетъ только знать, гдѣ ее помѣстятъ—а теперь пока у нихъ еще идутъ толки о помѣщеніи, о чемъ я и намекнулъ въ видѣ *слуха* [1]).

Главное же—хотѣлось бы какъ-нибудь сдѣлать, чтобъ въ Москвѣ завели общій публичный музей — и я (хотя нескладно) высказалъ эту мысль.

Впрочемъ Вы, по Вашему усмотрѣнію, могли бы взять одно только извѣстіе о покупкѣ картинъ Третьяковымъ и помѣстить гдѣ-нибудь, какъ антрефиле въ *хроникѣ* [1]), а прочія мечты бросить: какъ хотите. А если все пожелаете помѣстить, то тоже можно бы въ *хроникѣ* [1]), но конечно во всякомъ случаѣ безъ моего имени, а отъ имени *Голоса* [1]).

Замѣтка Гончарова была помѣщена въ № 127 „Голоса“ за 1874 г., 9-го мая, стр. 2, безъ подписи:

„Еще нѣсколько словъ по поводу картинъ Верещагина. Картины эти такъ много обращали на себя вниманіе публики новостью, оригинальностью содержанія и мастерствомъ исполненія, что вопросъ о пріобрѣтеніи ихъ сдѣлался интереснымъ общественнымъ вопросомъ. Всѣ желали знать, кому онѣ достанутся, помѣстятъ ли ихъ въ Петербургѣ, или увезутъ въ Москву, и, наконецъ, будутъ

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

ли онѣ доступны публикѣ. Носились слухи о пріобрѣтеніи ихъ двумя или тремя лицами сообща и о распредѣленіи между послѣдними по частямъ. Потомъ вовсе перестали о нихъ говорить.

Теперь мы можемъ сообщить извѣстія, полученныя нами изъ вѣрнаго источника, объ участи этихъ картинъ. Вся галерея пріобрѣтена однимъ лицомъ, именно извѣстнымъ московскимъ любителемъ живописи П. М. Третьяковымъ, который уже собралъ у себя цѣлую галерею (говорятъ, до 200 картинъ) произведеній русскихъ новѣйшихъ мастеровъ. Но онъ не пріобщилъ послѣдняго богатаго пріобрѣтенія къ своему домашнему музею, а предложилъ все собраніе верещагинскихъ картинъ въ даръ московскому обществу любителей искусствъ. Такимъ образомъ, картины эти становятся общественною, не раздробляемою и всегда открытою публикѣ галереею.

Поступокъ этотъ говоритъ самъ за себя: за границей, гдѣ всякая покупка богатымъ любителемъ одной какой-нибудь замѣчательной картины превозглашается во всеуслышаніе, такой подвигъ возбудилъ бы толки въ журналахъ на всю Европу и пріобрѣлъ бы виновнику его справедливую и громкую признательность общества. Г. Третьяковъ, какъ видно по всему, не нуждается въ этомъ. Дѣло сдѣлалось просто, точно въ тихомолку. Конечно, онъ собиралъ и прежде, въ теченіи многихъ лѣтъ, лучшія картины современныхъ художниковъ и пріобрѣлъ теперь вдругъ цѣлую галерею не затѣмъ, чтобъ о немъ трубили въ обществѣ, а болѣе всего, надо полагать, для удовлетворенія своей симпатіи къ любимому имъ искусству и изъ ревности къ успѣхамъ этого искусства въ Россіи.

Оставимъ же самый актъ пожертвованія въ сторонѣ и скажемъ два слова о томъ, какой, по поводу его, pium desiderium позволительно питать всякому, не равнодушному къ искусству русскому человѣку вообще, а особенно въ настоящемъ случаѣ москвичамъ.

Въ Москвѣ нѣтъ одного, центральнаго обширнаго музея искусствъ. Недостатокъ этотъ, вѣроятно, подалъ поводъ къ перемѣщенію туда изъ Петербурга румянцовскаго музея, гдѣ находится, если не ошибаемся, пожалованная Государемъ Императоромъ музею прянишниковская колекція картинъ и также извѣстная картина Иванова „Явленіе Христа народу“. Есть еще въ Москвѣ вышеупомянутое „общество любителей искусствъ“, имѣющее постоянную выставку случайныхъ картинъ. И кажется, только. Этого мало по части искусствъ для обширной древней столицы, давшей обществу не мало представителей искусства, воспитывающей многочисленное юношество, имѣющей своего рода маленькую академію въ училищѣ живописи и ваянія для приготовленія художниковъ и не имѣю-

Библиотека "Руниверс"

щей образцовой галереи какъ для учащихся искусствамъ, такъ и для многочисленныхъ любителей вообще, живущихъ въ Москвѣ. Наконецъ, совѣстно и передъ заѣзжими иностранцами, которымъ мало приходится показать въ Москвѣ по части искусства, кромѣ византійскихъ и русскихъ древностей.

Не могло ли де настоящее пожертвованіе Г. Третьякова вдругъ цѣлой галереи русскаго художника послужить основаніемъ собственно національнаго русскаго музея живописи (а потомъ и ваянія) въ Москвѣ, такого музея, который современемъ могъ бы сдѣлаться обширнымъ пантеономъ замѣчательныхъ русскихъ талантовъ?

Съ нѣкоторыхъ поръ, и довольно давно, Москва въ лицѣ г.г. Третьякова, Солдатенкова, и нѣкоторыхъ другихъ любителей, уже пріобрѣла много, даже почти всѣ замѣчательныя современныя русскія произведенія живописи съ петербургскихъ выставокъ, или прямо изъ мастерскихъ художниковъ, напримѣръ, картины, г.г. Ге, Крамского, Флавицкаго, Якоби и другихъ, стало быть, начало, уже положено. Самый румянцовскій музей, т. е. собственно колекція картинъ, если не можетъ de jure перейти изъ однѣхъ рукъ въ другія, не могла ли бы de facto занимать помѣщеніе въ одномъ зданіи съ такимъ русскимъ музеемъ? Почемъ знать: можетъ быть, нынѣшніе владѣльцы русскихъ галерей и замѣчательныхъ отдѣльныхъ картинъ, движимые симпатіей къ своей Москвѣ и ревнуя украшенію ея, завѣщаютъ ей свои сокровища, и тогда бы въ Москвѣ могла бы возникнуть своя историческая русская галерея, образоваться цѣлая народная школа живописи и ваянія... и т. д. и т. д.

Какъ бы то ни было, основаніе такому дѣлу положено прочно въ новомъ пріобрѣтеніи верещагинскихъ картинъ. Думаемъ, что остальное могло бы довершится любовью москвичей къ Москвѣ, и примѣръ г. Третьякова безъ поддержки не остался бы. На эти предположенія наводитъ насъ, между прочимъ, дошедшій сюда слухъ, что „Московское общество любителей искусствъ“, помѣщающееся въ наемной квартирѣ, затрудняется относительно достаточно-просторнаго и удобнаго помѣщенія верещагинскихъ картинъ и что, вслѣдствіе этого, нѣкоторые любители живописи и крупные капиталисты, будто бы, не прочь пріобрѣсти или построить постоянное для нихъ помѣщеніе. Вотъ случай украсить Москву достойнымъ ея зданіемъ, которое современемъ могло бы быть и желательною центральною галереею искусствъ!

Не знаемъ, насколько справедливъ этотъ слухъ, но хочется вѣрить ему, въ интересахъ русскаго искусства. У цѣлаго города, и, притомъ, такого щедраго на общественныя пожертвованія, какъ

Библиотека "Руниверс"

Москва, всегда найдутся болѣе широкія средства къ собиранію и удобному помѣщенію и храненію сокровищъ искусства, нежели у частныхъ людей и отдѣльныхъ обществъ. А Москвѣ давно пора, вдобавокъ ко всѣмъ ея достопримѣчательностямъ, имѣть и достопримѣчательный публичный музей живописи и скульптуры, какіе имѣютъ всѣ большіе города въ Европѣ, сначала и болѣе всего, повторимъ, своихъ русскихъ, а современемъ пожалуй, и чужихъ знаменитыхъ художниковъ!

Отъ сосредоточенія тамъ произведеній русскаго искусства выиграютъ много и сама Москва, и Петербургъ, т. е. академія, какъ разсадникъ художниковъ, и общество поощренія художниковъ, какъ ревностный покровитель ихъ, и всѣ русскіе художники, для которыхъ открылась бы новая и обширная арена почотнаго и выгоднаго сбыта ихъ произведеній и постоянной выставки ихъ въ центрѣ Россіи".

1-го декабря 1875 г.

При этомъ кстати позвольте мнѣ, почтеннѣйшій редакторъ, предложить Вамъ нижеслѣдующую коммерческую сдѣлку. Капиталъ—*16 рублей* [1]).

Я безъ *Голоса* [1]) жить не могу и скоро предстоитъ возобновленіе подписки на оный.

Но какъ платить деньги для меня весьма отвратительно вообще, за всякое печатное дѣло въ особенности по причинѣ малаго ихъ у меня количества, принятіе же подарка я нахожу зазорнымъ, то не отпустите ли Вы мнѣ означенную газету на предстоящей 1877 годъ въ кредитъ съ тѣмъ, чтобы я, въ въ теченіи этого года, поставилъ Вамъ статью, въ видѣ фельетона, замѣтки, рецензіи и т. п., суммою на 16 рублей, составляющею стоймость газеты съ доставкою.

Въ случаѣ же неустойки съ моей стороны, повиненъ я означенную стоймость внести къ 1-му январю 1877 г. сполна.

Буде Вы таковое условіе найдете благонадежнымъ, то благоволите сдѣлать надлежащее распоряженіе къ отпуску мнѣ газеты *Голосъ* на 1876 годъ.

Въ противномъ случаѣ не оставьте дать мнѣ знать, дабы я могъ заблаговременно, *скрѣпя сердце* [1]), возобновить опять подписку.

Д. Ст. Сов. и Кавалеръ

И. Гончаровъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

13 декабря [18]75 г.

Не браните меня, Андрей Александровичъ, что не посылаю предпраздничной замѣтки, о которой говорилъ Вамъ. Бѣда та, что я не умѣю писать коротко: непремѣнно расплывусь! Такъ и случилось. Вмѣсто краткой замѣтки или статейки, наплодился было feuilleton-monstre чуть ли не въ пол-листа. Притомъ и тонъ вышелъ шаловливый, *лимонадный* [1]): пожалуй, показался бы не къ лицу серьезному *Голосу* [1]).

Я повозился, повозился и отложилъ, не додѣлавъ конца, за которымъ пришлось бы еще просидѣть вечеръ или два.

Я напишу Вамъ въ непродолжительномъ времени другое, посерьезнѣе и покороче—по условію, чтобъ заработать газету. У меня есть въ виду сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ книгахъ, но это не къ спѣху—потерпите и будьте благосклонны

къ—И. Гончаровъ.

1-го марта [1878 г.].

Возвращая Вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ—книгу *Павловскъ* [1]), препровождаю при этомъ въ свою очередь, на просмотрѣніе, *Исторію попечительнаго Совѣта* [1]), которую по миновании надобности, покорнѣйше прошу мнѣ возвратить. Эти двѣ книги, какъ Вы видите, близнецы *по сходству* [1]) изданія, и даже отчасти и по содержанію и языку.

Я съ большимъ вниманіемъ просмотрѣлъ *Павловскъ* [1]) и если надумаюсь окончательно привести въ нѣкоторый порядокъ показанныя мною Вамъ набросанныя строки, по поводу первой изъ этихъ книгъ, то упомяну и о *Павловскѣ* [1]). Это—какъ нельзя больше—идетъ къ дѣлу. Только не знаю соберусь ли съ силами и съ лѣнью—и скоро-ли [2]).

До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

4-го марта [1878]

Вотъ листки, которые я Вамъ показывалъ въ воскресенье, Андрей Александровичъ, и которые я насилу—насилу вчера въ четыре, привелъ въ порядокъ.

Всѣ Святые видѣли съ небесъ, чего это мнѣ стоило царапать съ слѣпыми глазами—и право стоило бы, чтобъ Вы опредѣлили

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Видно по слѣдующему письму, отъ 4-го марта того же года, что Гончаровъ въ этотъ разъ „собрался таки съ силами“ и даже довольно скоро.

Библиотека "Руниверс"

мнѣ *Голосъ* [1]) à perpétuité, а ужъ за два года—это слѣдуетъ безъ всякой съ Вашей стороны генерозности, включая и нынѣшній! видите! я великодушенъ!

Я поставилъ въ заголовкѣ фельетона *Библіографія* [1]): если это у Васъ принято, то хорошо бы такъ и оставить, а впрочемъ—какъ изволите! Лишь бы осталось только заглавіе книги: *Попечит[ельный] Совѣтъ* [1]) и т. д., какъ у меня.

Имени конечно *никакого не нужно* [1]) ни буквъ, а какъ бы отъ редакціи.

Корректуру нужно бы прислать мнѣ: я много напачкалъ со слѣпа,—и Вашъ корректоръ, пожалуй, моихъ поправокъ не разберетъ.

Если я получу корректуру въ 2 или 3 часа дня, то къ 6 ч. возвращу, а если мнѣ принесутъ съ вечера часовъ въ 9 или 10, то утромъ рано будетъ отослана назадъ.

Въ случаѣ еслибъ Вы сочли почему-нибудь неудобнымъ помѣстить статью у себя, то слезно прошу поскорѣе возвратить мнѣ ее—я уже почти обѣщалъ ее прежде?

Вотъ и все.

Кланяюсь усердно

Вашъ

Гончаровъ.

Фельетонъ Гончарова былъ напечатанъ въ № 67 „Голоса“ 8-го марта 1878 г., безъ подписи. Онъ гласитъ слѣдующее:

Библіографія.

„Попечительный совѣтъ заведеній общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ. Очеркъ дѣятельности за пятьдесятъ лѣтъ 1828—1878 г.“.

Такъ называется громадный томъ in-quarto, составленный и изданный, по порученію совѣта, членомъ совѣта К. Ординымъ.

Это одно изъ самыхъ изящныхъ изданій русской печати. Если положить этотъ волюмъ на столъ въ богатомъ салонѣ, посѣтитель приметъ его за великолѣпный французскій или англійскій альбомъ съ швейцарскими или итальянскими видами, съ портретами красавицъ, знаменитыхъ людей и т. п.—и ошибется, но ошибется пріятно. Тутъ нѣтъ ничего ни французскаго, ни англійскаго. Превосходная блестящая, какъ слоновая кость, бумага, отличная, крупная печать, геліографическіе портреты, планы, чертежи—все это свое, русское.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

Еще пріятнѣе ошибется тотъ, кто раскроетъ книгу съ мыслью о скукѣ, которою грозитъ офиціальное заглавіе: „очеркъ дѣятельности совѣта“. Вмѣсто сухого перечня административныхъ мѣръ, приказовъ, протоколовъ, читатель найдетъ живое изложеніе о томъ, какъ возникъ этотъ совѣтъ, и чѣмъ онъ управляетъ. Акты и документы, приведенные здѣсь, касаются одного изъ самыхъ живыхъ общественныхъ интересовъ—благотворительности и имѣютъ значеніе историческихъ замѣтокъ.

Авторъ удачно ввелъ простой, почти разговорный языкъ въ этотъ офиціальный трудъ. Даже въ своей „торжественной“ рѣчи по случаю пятидесятилѣтія совѣта, за исключеніемъ нѣсколькихъ, общепринятыхъ въ такихъ торжествахъ, парадныхъ фразъ, онъ даетъ свободу простому, обыкновенному языку.

Все это, вмѣстѣ взятое съ внѣшнею роскошью изданія, придаетъ большую цѣну книгѣ и выводитъ этотъ очеркъ изъ ряда обыкновенныхъ офиціальныхъ отчетовъ.

Но это составляетъ только одну второстепенную заслугу этого изданія.

Главный интересъ книги заключается въ группѣ лицъ, создателей и покровителей благотворительныхъ заведеній. Эти лица и ихъ сподвижники и служатъ героями этой офиціальной, но близкой, по своимъ цѣлямъ, всему обществу эпопеи. Характеристики лицъ выступаютъ рельефно, какъ живыя иллюстраціи повѣствуемыхъ фактовъ, представляя галлерею портретовъ, дѣлающихъ почти не нужными геліографическіе снимки съ нихъ.

На первомъ планѣ, среди портретовъ нынѣ царствующихъ Императора и Императрицы и Императора Николая Павловича, красуется величественная фигура Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Изданіе украшено ея превосходнымъ портретомъ и медальономъ. Имя ея блеститъ почти на каждой страницѣ этой исторіи, которой она и есть первенствующая героиня.

Раздѣляя престолъ своего супруга-царя, Марія Ѳеодоровна рядомъ создала особое царство, гдѣ была полновластною царицей—царство „добра и милосердія“, котораго она, по справедливому выраженію автора „Очерка“, была живымъ воплощеніемъ. Царство это созидалось ею паралельно съ великими событіями и подвигами военной, политической и гражданской русской жизни. Она была матерью не однихъ императоровъ и великихъ князей, но и безчисленныхъ призрѣнныхъ и воспитанныхъ ею при жизни ея, послѣдовавшихъ затѣмъ и будущихъ русскихъ дѣтей, и матерью убогихъ, недужныхъ, сирыхъ.

Авторъ „Очерка“ опять справедливо замѣчаетъ, что „цѣлые

Библиотека "Руниверс"

томы едва ли дадутъ полное понятіе о томъ, что ею исполнено". Но ей и не нужно томовъ, также какъ и монументовъ, воздвигаемыхъ героямъ. Она при жизни сама написала и томы, и поставила себѣ памятники по всей Россіи, и продолжаетъ царствовать въ больницахъ, богадѣльняхъ, школахъ—и царствію ея не будетъ конца.

Многіе дѣлали и дѣлаютъ добро; но она ничего другого не дѣлала. Она только любила и благотворила. Она дѣлала добро силою царскаго могущества, какъ царица, и силою любви какъ простой человѣкъ, какъ мать. Безъ послѣдней силы, можетъ быть и не достало бы ея, только какъ царицы, на все ею сдѣланное. Какъ у царицы особаго царства, у нея были свои подданные: дѣти, больные, нищіе; свои министры—помощники, и цѣлая армія учителей, учительницъ, лекарей, а всякихъ слугъ—безъ числа.

Все это царствіе Божіе выросло, какъ евангельское дерево изъ горчичнаго зерна, изъ сердца женщины, и какой безконечный рядъ поколѣній укрывается въ вѣтвяхъ этого дерева!

Это царство остается до сихъ поръ и, вѣроятно, останется всегда неприкосновенною святыней, своего рода status in statu осѣненнымъ ея императорскою мантіей и освященнымъ навсегда ея именемъ. Она завѣщала его дѣтямъ: дѣти, внуки свято чтили и чтутъ наслѣдіе. Два сына, императоры, были послушными исполнителями воли ея сердца. Царствующая чета внуковъ, и вся семья ихъ служатъ вѣрною охраною и опорою этого царства, и оно не умаляется, не разрушается, а разростается, совершенствуется и крѣпнетъ.

Кормить голодныхъ, лечить больныхъ и призрѣвать сиротъ было государственною заботою правительства и до нея. По сознанію необходимости возникали больницы и школы.

Но это одно сознаніе не вносило тепла и свѣта въ темные пріюты нужды и недуговъ. Туда проникало неряшество, небрежность, тля, даже хищничество, какъ повѣствуетъ „Очеркъ".

Если добро не терпитъ блеска внѣшнихъ лучей, суетности, славы, отъ которыхъ оно глохнетъ, какъ сѣмя, упавшее на каменистую почву, то оно также не мыслимо безъ внутренняго огня, безъ любви.

Личная живая любовь царицы къ людямъ превратила сознательный, не рѣдко холодный долгъ общественной благотворительности въ культъ непрестаннаго, горячаго служенія нуждамъ и страданіямъ человѣческимъ. Для этого надо было, чтобъ сердце помогающаго билось тѣми же ощущеніями боли и скорби, какъ сердце самаго скорбящаго и болящаго.

Эти живыя біенія ея сердца, отвѣчавшія всякому кто „просилъ

Библиотека "Руниверс"

и стучалъ", духъ добра, состраданія, облеклись въ плоть и образовали огромный государственный организмъ, который называется „вѣдомство учрежденій императрицы Маріи Ѳеодоровны".

По образу и подобію этого царства создались новыя сферы, новые виды и спеціальности добра и милосердія: пріюты, дѣтскія больницы, школы, и потребовали огромный контингентъ женскихъ рукъ и сердецъ.

Онѣ явились прежде всего въ близкихъ къ покойной императрицѣ высокихъ лицахъ. Наслѣдіе ея перешло въ прямыя и достойныя руки. Эти лица стоятъ во главѣ больницъ, институтовъ, школъ, пріютовъ, богадѣленъ и едва-ли командиры войскъ, гражданскіе правители, обременены дѣлами болѣе ихъ.

Ихъ примѣръ, въ свою очередь, призываетъ къ той же непрестанной и нескончаемой службѣ добру и милосердію женщинъ изъ всѣхъ слоевъ общества, и въ данную минуту (какъ мы видимъ теперь, напримѣръ) являются легіоны ихъ, несущихъ трудъ, достояніе, нерѣдко жизнь.

Тѣнь великой женщины всегда будетъ стоять во главѣ своего царства и никакое другое величіе не сведетъ ее съ ея пьедестала. Трудно стать рядомъ съ нею въ ревности къ добру, а идти далѣе нельзя. Не оскудѣвать въ добрѣ, положить въ него жизнь—вотъ вся задача и программа добра. Императрица не оскудѣла до конца: за два дня до болѣзни, сведшей ее въ могилу, и за двѣнадцать дней до кончины, она, какъ сказано въ „очеркѣ", посѣтила больницу. Едва-ли это былъ не послѣдній ея визитъ.

Она трудилась ежедневно, не уставая, окруженная своими помощниками и помощницами, какъ простая начальница дѣла, какъ будто подлежала отвѣтственности передъ другимъ, высшимъ лицомъ. Къ „очерку" приложены два ея собственноручныя письма; протоколы совѣта испещрены ея резолюціями, съ трогательными замѣтками о покупкѣ дровъ, о какихъ-то мелкихъ починкахъ въ больницѣ, о прибавкѣ прислуги и т. п. Въ „очеркѣ" изложена только одна малая часть или „сторона", какъ говоритъ авторъ, взятая изъ пучины совершоннаго ею добра: разсказана исторія всего трехъ-четырехъ подвѣдомственныхъ совѣту учрежденій. А сколько ихъ еще здѣсь, въ Москвѣ, въ разныхъ краяхъ Россіи созданныхъ ея сердцемъ, мыслью, достояніемъ.

Она принесла свою лепту ближнему, отдала все свое, т. е. всю жизнь. Ей больше и нечего было отдавать.

Кто пожелалъ бы ближе прислушаться къ нѣжнымъ біеніямъ сердца царицы, того отсылаемъ къ перепискѣ Нелединскаго-Мелец-

Библиотека "Руниверс"

каго, изданной, года два назадъ, внукомъ его княземъ Д. А. Оболенскимъ [1]).

Нелединскій-Мелецкій былъ поэтъ, блестящій образованный человѣкъ своего времени и одинъ изъ помощниковъ Императрицы по учебнымъ заведеніямъ.

Въ перепискѣ ея съ нимъ яснѣе и живѣе блеститъ струя ея неистощимой любви и материнской нѣжности къ безчисленнымъ воспитываемымъ ею дѣтямъ. Иногда трудно различить, о своихъ собственныхъ или о чужихъ дѣтяхъ говоритъ и заботится она.

И не въ письмахъ только, а лично являлась она какъ ласковая мать, въ дѣтской толпѣ. Бывшіе свидѣтели ея посѣщеній школъ разсказываютъ, какъ она, окруженная мальчиками или дѣвочками, ласкала ихъ, гладила по головѣ, по щекамъ, раздавала имъ конфекты, какъ добрая бабушка, или просиживала цѣлые часы, не обнаруживая ни усталости, ни нетерпѣнія, въ классахъ, на дѣтскихъ экзаменахъ, разсматривала ихъ рисунки, тетрадки, рукодѣлья.

Чтобъ дополнить эти тонкія и поминутныя ея проявленія неистощимаго въ любви сердца, надо еще прочесть интересную книгу подъ заглавіемъ „Павловскъ“ [2]). Это подробная до мелочей исторія всѣми нами любимаго и посѣщаемаго городка, составленная по порученію нынѣшняго владѣльца его, великаго князя Константина Николаевича и изданная въ прошломъ году, еще съ большею роскошью и изяществомъ, нежели „Очеркъ дѣятельности попечительнаго совѣта“. Обѣ книги можно назвать близнецами по изданію: онѣ вышли изъ одной типографіи.

Книгою „Павловскъ“ не только пріятно, какъ изящнымъ альбомомъ, украсить столъ или этажерку, но и необходимо имѣть ее; какъ гидъ, всякому посѣтителю или жителю Павловска, желающему внимательно осмотрѣть все замѣчательное. Въ книгѣ все есть: все указано, обо всемъ упомянуто и почти все нарисовано. Каждая аллея, почти каждое дерево, имѣютъ свою исторію, не говоря о дворцахъ, памятникахъ, музеяхъ, библіотекѣ. Даже прибавленъ каталогъ замѣчательныхъ книгъ. И какая иллюстрація пейзажей, дворцовъ, монументовъ!

И опять надъ всѣмъ этимъ господствуетъ тотъ же свѣтлый образъ царицы — нѣтъ, просто женщины, той же самой, какою она

---

[1]) „Хроника недавней старины. Изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“. Спб., 1877.

[2]) Павловскъ, очеркъ, исторія и описаніе, 1777—1877, Спб., 1877.

Библиотека "Руниверс"

является у одра больныхъ въ „Очеркѣ“, въ пріютахъ и школахъ, ею созданныхъ. Устраивая свое царское гнѣздо, она среди заботъ, строительства, насажденія садовъ и всякихъ сопряжонныхъ съ этимъ трудовъ, пишетъ къ управляющему ея „милымъ Павловскомъ“, посылая деньги, чтобъ онъ наградилъ крестьянъ, коловшихъ ледъ, и донесъ ей, „не заболѣлъ ли кто-нибудь изъ нихъ“. Въ другомъ письмѣ приказываетъ всякій разъ доносить ей, и даже посылать нарочнаго, если кто-нибудь изъ жителей города „опасно занеможетъ“. Узнавъ, что у крестьянки пала корова, она велитъ дать ей лучшую корову со своей фермы.

У ней, какъ у царицы, были конечно пажи; что они дѣлали между прочимъ? Когда она гуляла верхомъ или пѣшкомъ, дежурный пажъ шелъ съ ея бумажникомъ и кошелькомъ. При встрѣчѣ съ крестьянкой, съ крестьяниномъ, она останавливала ихъ, разспрашивала о житьѣ-бытьѣ, о нуждахъ. Нужды конечно всегда были (когда же ихъ не бываетъ у крестьянъ!) и всегда пажъ выдавалъ деньги, сколько нужно, а часто (сказано въ одномъ мѣстѣ книги) она давала больше, нежели сколько требовалось.

А съ дѣтьми какая неистощимая нѣжность и ласка! Когда они во время спектакля, бала, вообще праздника во дворцѣ, тѣснились снаружи, глядя въ окна, она вводила ихъ въ залу, ставила впереди зрителей, ласкала, кормила лакомствомъ!

Можно сказать, разумѣется, что все это хорошія, но мелкія черты, которыя не чужды многимъ, болѣе или менѣе состоятельнымъ людямъ и въ простомъ быту. Совершенно справедливо: добрыхъ людей, слава Богу, не мало на свѣтѣ! Но эти „мелочи“ приводятся здѣсь только, какъ черты не должностной, по ея положенію царицы, а личной непрестанной и живой доброты женскаго сердца.

Но вотъ и не мелочи. Устраивая себѣ мѣсто лѣтняго отдохновенія, она тутъ же устроила и школу, и богадѣльню, и больницу. Потомъ послѣ войны содержала тамъ на свой счетъ тысячу раненныхъ солдатъ, завела пріютъ для инвалидовъ, основала капиталъ для поощренія крестьянскихъ работъ и т. п. Между тѣмъ, она нерѣдко сама... нуждалась въ деньгахъ. Она занимала, изворачивалась, соблюдала экономію, строго вникала въ счеты издержекъ по постройкамъ и т. д.

Еще одна послѣдняя мелочь въ родѣ горчичнаго зерна. Гуляя въ паркѣ, она встрѣтила одну извѣстную ей даму съ глухонѣмымъ мальчикомъ и разспросивъ, узнала, что въ семействѣ мальчика есть еще двое глухонѣмыхъ дѣтей. На другой день она опять встрѣтила эту даму и сказала ей, что этотъ мальчикъ „не далъ ей уснуть всю ночь“.

Библиотека "Руниверс"

Это сказала простая, добрая, нѣжная женщина, а царица вслѣдъ за этою встрѣчею написала за границу и вызвала спеціалиста по воспитанію глухонѣмыхъ.

Вскорѣ послѣ того въ Павловскѣ собрано было нѣсколько глухонѣмыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ: это былъ зародышъ или зерно обширнаго, всѣмъ извѣстнаго учрежденія училища глухонѣмыхъ на Гороховой улицѣ.

Какъ бы ни было развито въ человѣкѣ сознаніе долга, но оно одно не могло бы побуждать ее сходить ежедневно съ своего царскаго пьедестала, наклоняться къ одру больныхъ, заглядывать въ дѣтскіе пріюты и школы и написать цѣлую литературу писемъ—тѣ томы, о которыхъ упомянуто выше, все объ одномъ и томъ же, что билось у ней въ сердцѣ и поглощало ея умъ.

Письма ея къ Нелединскому-Мелецкому, кромѣ главнаго своего обаянія, душевной красоты, полны еще тонкой граціи просвѣщеннаго женскаго ума. Это литературные образцы эпистолернаго жанра по тонкости мыслей, игривости пера и того abandon, которое свойственно интимной перепискѣ. Но мягкость, доброта преобладаютъ надъ всѣмъ и въ каждомъ словѣ изливается на всѣхъ, кто попадетъ подъ ея перо. Всѣмъ выпадаетъ на долю поклонъ, ласковое слово и всегда готовность сдѣлать добро. Звукъ сердечной доброты слышенъ даже въ ея выговорахъ по службѣ. Сколько такихъ писемъ, писанныхъ ею ко многимъ другимъ лицамъ, должно храниться или въ дворцовыхъ архивахъ, или при дѣлахъ ея учрежденій. Надо думать, что эти сокровища ума и души необыкновенной женщины оберегаются какъ святыня, заботливыми руками отъ тлѣнія и забвенія и тщательно собранныя и пересмотрѣнныя когда-нибудь, можетъ быть, даже скоро, увидятъ свѣтъ! Ими надо дорожить, имъ нѣтъ цѣны.

Эти письма, гдѣ она сама повѣствуетъ о себѣ, да книги, о которыхъ говорится здѣсь, и подобныя имъ, послужатъ драгоцѣнными матеріалами ея исторіографу, для увѣковѣченія памяти о геніи добра, воплотившемся въ свѣтломъ образѣ лучшей изъ женщинъ, какія только являлись въ человѣчествѣ.

Эту память мы обязаны соблюсти свято и передать нашимъ дѣтямъ, чтобъ, прежде всего, не понести отъ нихъ упрека, а они въ свою очередь завѣщаютъ его, какъ примѣръ и назиданіе дальнѣйшимъ поколѣніямъ".

7-го января 1883 г.

Если Вы, многоуважаемый, Андрей Александровичъ, а равно и Василій Алексѣевичъ, не найдете неудобнымъ, то нельзя ли въ

Библиотека "Руниверс"

ближайшемъ № *Голоса* [1]), напримѣръ завтра, напечатать прилагаемое письмо?

Меня продолжаютъ поздравлять съ юбилеемъ посѣтители, также письмами и телеграммами, причемъ всѣ упрекаютъ *девять музъ* [1]) за умолчаніе.

Я полагаю, что прилагаемое письмо разъяснитъ дѣло и положитъ этому конецъ.

Кромѣ того мнѣ надо какъ-нибудь поблагодарить моихъ благожелателей, а отвѣчать на ихъ письма я, какъ видите, не могу—(пишу, глядя въ сторону)—и потому выражаю благодарность печатно, черезъ Вашу газету. Тутъ же объясняю опредѣлительно и болѣзнь глазъ, мѣшающую писать.

Извините и примите мой искренній поклонъ.

Вашъ

И. Гончаровъ.

Въ „Голосѣ“, № 8, 8-го января 1883, стр. 2, можно читать слѣдующее:

„Мы получили отъ И. А. Гончарова слѣдующее письмо:

„М. г. Андрей Александровичъ. Въ „Голосѣ“ было извѣщено объ исполнившемся въ прошломъ 1882 году пятидесятилѣтіе моей литературной дѣятельности и о привѣтствованіи меня по этому случаю небольшою группою лицъ, въ томъ числѣ и Вами самими. Вслѣдъ за этимъ появились въ печати и устно послышались съ разныхъ сторонъ лестныя и драгоцѣнныя для меня укоризны, обращаемыя къ вышеозначеннымъ лицамъ, въ томъ, что о моемъ литературномъ пятидесятилѣтіи не было повѣщено въ публикѣ и что этотъ маленькій праздникъ совершился въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ, какъ бы втихомолку, а не болѣе публично, какъ это обыкновенно дѣлается.

„Позвольте же мнѣ черезъ вашу же газету эти, неправильно обращаемыя къ означеннымъ лицамъ укоризны, направить на настоящій путь: онѣ всецѣло относятся ко мнѣ одному. Узнавъ стороною о намѣреніи нѣкоторыхъ литераторовъ устроить въ честь мою юбилейный обѣдъ, я обратился къ нимъ съ энергическою и убѣдительнѣйшею просьбою, не только отмѣнить это намѣреніе, но и не предавать его гласности. Меня къ тому побуждало, сверхъ собственнаго сознаніи маловажности моего литературнаго значенія, еще особенно и состояніе моего здоровья, которое давно заставляетъ меня

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

избѣгать многолюдныхъ собраній и всякихъ сильныхъ, хотя бы и пріятныхъ впечатлѣній и ощущеній.

Эта моя просьба была уважена, и рѣшено было, какъ я узналъ послѣ, сократить юбилейный праздникъ до размѣровъ обѣда въ тѣсномъ кругу около двадцати болѣе или менѣе близкихъ мнѣ лицъ.

Этому воспрепятствовала, какъ и было заявлено въ „Голосѣ“, внезапно постигшая меня, въ первыхъ числахъ декабря, болѣзнь глазъ, происшедшая отъ непрестаннаго чтенія, особенно при вечернемъ освѣщеніи. Однимъ глазомъ я совсѣмъ пересталъ видѣть, въ другомъ почувствовалъ боль. Это продолжается и понынѣ, не смотря на всѣ принятыя врачами мѣры. Мнѣ строго воспрещены чтеніе, писаніе и всякія сильныя волненія. Въ такомъ положеніи, конечно всякія намѣренія почтить меня какимъ-нибудь торжественнымъ выраженіемъ сочувствія, по случаю моего юбилея, должны были остаться только въ проектѣ. Затѣмъ произошло то, что Вамъ очень хорошо извѣстно и что описано въ вашей газетѣ, т. е. что нѣсколько участниковъ проекта, въ томъ числѣ и вы, зная о моей болѣзни глазъ, неожиданно для меня почтили меня, въ послѣдній день прошлаго года, своимъ посѣщеніемъ и приношеніемъ подарка.

„Въ заключеніе я пріятнѣйшимъ долгомъ считаю засвидѣтельствовать здѣсь чувства величайшей моей признательности всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя уже выразили, и другимъ, которыя еще продолжаютъ выражать дорогое мнѣ сочувствіе къ моему перу. Къ сожалѣнію, я могу исполнить этотъ долгъ только печатно, лишенный возможности, по причинѣ означенной болѣзни глазъ, отвѣчать на посѣщенія посѣщеніями и на письменные привѣты собственноручными письмами.

Примите и проч.

И. Гончаровъ.

14-го января 1883 г.

Извините, многоуважаемый Андрей Александровичъ, что опять безпокою Васъ просьбою напечатать прилагаемыя строки. Вы, вѣроятно, и сами рѣшите, что мнѣ нельзя не сдѣлать этого. Авось онѣ не опоздаютъ къ завтрашнему № газеты.

Примите мой искренній поклонъ

И. Гончаровъ.

P. S. Глазу моему не только не лучше, но еще хуже: я чувствую въ немъ ревматическую боль.

„Прилагаемыя строки“ Гончарова были напечатаны въ № 15 „Голоса“ за 1883 г., 15-го января, стр. 2:

Библиотека "Руниверс"

И. А. Гончаровъ, глубоко тронутый провозглашеніемъ тоста за его здоровье на обѣдѣ бывшихъ студентовъ московскаго университета, 12-го января, и за присланную ему телеграмму, пріятнѣйшимъ долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать душевную признательность г. г. предсѣдателю комитета, распорядителямъ и всѣмъ участвовавшимъ въ обѣдѣ—за оказанныя ему честь и вниманіе, крайне сожалѣя, что болѣзнь воспрепятствовала ему самому раздѣлить годичную трапезу своихъ сотоварищей по ученью.

[Безъ указанія числа].

Милостивый Государь!

Спѣшу вручить Вамъ очерки русской литературы на англійскомъ языкѣ. Если вы найдете, что замѣтка написанная мною не достаточна и не полна, Вы поступите согласно Вашему усмотрѣнію.

Прошу принять увѣреніе въ уваженіи къ Вамъ [1])

И. Гончаровъ.

X. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ дѣтскаго журнала.

20 января 1858 г.

Вотъ и визитъ къ Вамъ, почтеннѣйшій Давидъ Ивановичъ [2]) но личностью своею безпокоить Васъ не стану, а только оставлю свою статью для дѣтскаго журнала *Подснѣжникъ* [3]), съ покорнѣйшею просьбою просмотрѣть, подписать и вручить посланному изъ типографіи Кулиша: онъ придетъ часовъ въ шесть.

Извиняюсь, что безпокою Васъ и свидѣтельствую Вамъ мое почтеніе и преданность.

И. Гончаровъ.

Эта записка, хранящаяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, весьма цѣнна тѣмъ, что указываетъ на двѣ статейки И. А. Гончарова, хотя и подписанныя авторомъ (*И. А. Гончаровъ*), но ускользнувшія до сихъ поръ отъ вниманія всѣхъ его биб-

---

[1]) За отсутствіемъ всякихъ хронологическихъ данныхъ не удалось намъ опредѣлить, была ли напечатана замѣтка Гончарова, о которой рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ. Мы не знаемъ также, кому въ точности это письмо, находящееся среди писемъ къ А. А. Краевскому, было адресовано.

[2]) Давидъ Ивановичъ Мацкевичъ (1819—1859), цензоръ Санктъ-Петербургскаго Цензурнаго Комитета и писатель.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

ліографовъ [1]). Онѣ были напечатаны въ дѣтскомъ журналѣ „Подснѣжникъ", за 1858 г., подъ общимъ заглавіемъ: „Два случая изъ морской жизни" И. А. Гончарова [2]). Одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ общія размышленія о морской жизни. Другая же содержитъ два разсказа, относящіеся, первый къ послѣднимъ числамъ января 1854 г. (описаніе шквала), второй къ іюню того же года (фрегатъ сѣлъ на мели въ Татарскомъ проливѣ) [3]).

XI. Сотрудничество И. А. Гончарова въ сборникѣ „Братская Помочь".

ноября 1875 г.

Многоуважаемый Андрей Александровичъ!

Вновь глубоко сожалѣю я, что у меня самого нѣтъ въ настоящее время ничего подходящаго изъ моихъ сочиненій для литературнаго сборника въ пользу славянъ [4]), но желая хоть косвенно оказать мое содѣйствіе этому благому дѣлу, я постарался найти лучшую меня замѣну—и старанія мои увѣнчались успѣхомъ.

Прилагаю при этомъ стихотвореніе графа *А. К. Толстого* [5]), сообщенное мнѣ, по просьбѣ моей, графиней С. А. [6]), его вдовой. „*Земля цвѣла* [5]). *Въ лугу весной одѣтомъ* [5])"... и т. д. [7]) Его можно бы было назвать „*Лебединая пѣснь* [5])": оно послѣднее, написанное во время болѣзни. Послѣ онъ ничего не писалъ. Но я не уполномоченъ на это названіе. Самъ графъ, говорятъ, называлъ его, шутя, *морфиновымъ* [5]), т. е. писаннымъ въ то время, когда онъ началъ лечиться морфіемъ.

---

[1]) См. „Русская словесность" А. В. Мезіера, ч. II, Спб., 1902, стр. 62—63;—Сборникъ второго отдѣленія Импер. Академіи Наукъ, т. LXXXVI. „Обзоръ трудовъ русскихъ писателей" Д. Д. Языкова, вып. XI, Спб., 1909, стр. 27—41.—„Собраніе сочиненій С. А. Венгерова", т. V, Спб., 1911. стр. 234—237.

[2]) „Подснѣжникъ, журналъ для дѣтскаго и юношескаго возрастовъ, издаваемый В. Н. Майковымъ", 1858, кн. 2, стр. 25—41, и кн. 3, стр. 2—25. Замѣтимъ кстати, что Гончаровъ цензуровалъ „Подснѣжникъ" за 1858—59 годы и за январь 1860-го года

[3]) Первый разсказъ можно было бы помѣстить между III-ей и IV-ой главами, а второй въ концѣ VI-ой главы 2-ой части „Фрегата Паллада".

[4]) Т. е. предполагаемый къ печатанію, по предложенію В. И. Ламанскаго, сборникъ подъ заглавіемъ „Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины" (изд. петербургскаго отдѣла Славянскаго Комитета, Спб., 1876, въ типографіи А. А. Краевскаго).

[5]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[6]) Графиня Софія Андреевна Толстая, урожденная Бахметева.

[7]) См. это стихотвореніе въ „Полномъ собраніи сочиненій гр. А. К. Толстого", изд. Маркса, т. I, Спб., 1907, стр. 435—436.

Библиотека "Руниверс"

Посмотрите, какая это прелесть!

Въ этихъ нѣжныхъ, тихихъ, какъ шепотъ, звукахъ, въ неуловимыхъ, навѣянныхъ весною ощущеніяхъ, въ послѣднемъ вздохѣ умирающаго поэта высказывается творческая тайна его души. Какъ это глубоко таинственно и обаятельно!

При этомъ же письмѣ прилагаю еще небольшой очеркъ, одну черту характеристики самого поэта, но самую лучшую, свѣтлую черту его и личности и поэзіи. Это черта благородной симпатіи его къ правдѣ, гдѣ бы онъ ее ни находилъ. Лучше и проще выразить эту прекрасную черту души и поэзіи графа, кажется, нельзя, какъ это выражено въ небольшомъ очеркѣ, съ приведеніемъ многихъ стиховъ поэта, свидѣтельствующихъ объ этой чертѣ.

Авторъ очерка князь Д. Н. Цертелевъ [1]) (родственникъ графа) сообщилъ мнѣ обязательно, по моему предложенію, эти страницы—для славянскаго же сборника.

Мнѣ казалось, что помѣщеніе въ одной книгѣ съ послѣднимъ стихотвореніемъ поэта, и этого, писаннаго такъ искренно, умомъ и чувствомъ, истолкованія лучшей стороны его личности—было бы очень умѣстно.

Впрочемъ, если бы коммиссія по изданію сборника [2]) не раздѣлила этого моего мнѣнія относительно включенія очерка кн. Цертелева въ сборникъ, то я буду покорнѣйше просить Васъ, Андрей Александровичъ, по возможности, въ непродолжительномъ времени—препроводить мнѣ рукопись обратно для возвращенія автору—и вообще не оставить меня безъ отвѣта о распоряженіи коммиссіи.

Прилагаю здѣсь же и записку ко мнѣ графини С. А., при которой доставлено мнѣ стихотвореніе ея мужа.

---

[1]) Кн. Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ (1852—1911), докторъ лейпцигскаго университета, поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ философъ, посвятившій Шопенгауеру свои важнѣйшіе труды („Философія Шопенгауера, ч. I: теорія познанія и метафизика“, Спб., 1880; „Современный пессимизмъ въ Германіи, очеркъ нравственной философіи Шопенгауера и Гартмана, М., 1885; „Эстетика Шопенгауера“, Спб. 1888). Кн. Д. Н. Цертелевъ переписывался съ И. А. Гончаровымъ: см. его письмо объ „Обрывѣ“ и весьма любопытный отвѣтъ И. А. Гончарова на это письмо въ приложеніи къ „Новому Времени“ 24-го марта 1912 г., № 12943, стр. 16—18. См. также о немъ некрологическую статью Э. Радлова въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ новая серія, ч. XXXV, 1911, октябрь, современная лѣтопись, стр. 88—89

[2]) Коммиссія по изданію сборника „Братская Помочь“ состояла изъ А. Ѳ. Бычкова, Н. В. Гербеля, Ѳ. М. Достоевскаго, А. А. Краевскаго, В. И. Ламанскаго, А. Н. Майкова, О. Ѳ. Миллера, А. В. Никитенки и Н. Н. Страхова; секретаремъ коммиссіи былъ Н. А. Тизенгаузенъ (см. предисловіе къ „Братской Помочи“, стр. 7).

Библиотека "Руниверс"

Конечно эта записка (такъ же какъ и мое письмо), не подлежа оглашенію, послужатъ коммиссіи только, какъ документы, уполномачивающіе печатать стихотвореніе графа.

Въ случаѣ, если бы изданіе сборника почему-нибудь (чего Боже сохрани) не состоялось, я надѣюсь, что коммиссія не забудетъ возвратить мнѣ стихи для передачи графинѣ.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

29 ноября [1875 г.].

По отправленіи къ Вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, давича въ хлопотахъ отвѣта, я вторично взглянулъ въ Ваше письмо ко мнѣ—и съ удивленіемъ прочелъ, что Вы упоминаете о какой-то, доставленной будто *мною статьѣ о гр. Толстомъ и его стихотвореніи* [1]).

Мнѣ приходитъ въ голову мысль: не прислана ли Вамъ какая-нибудь статья о графѣ, принятая Вами за мою? Ибо я кромѣ его стихотворенія *„Земля цвѣла“* [1]) и еще басни *Пруткова* [1])—никакой статьи не доставлялъ.

Надѣюсь, письмо мое, которымъ сопровождалась эта доставка—отнюдь не можетъ и не должно считаться статьей, т. е. какимъ-нибудь литературнымъ истолкованіемъ поэзіи присланныхъ стиховъ.

Да тамъ и ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ, довольно неясныхъ словъ о стихотвореніи, вырвавшихся у меня подъ вліяніемъ только что прочтенныхъ стиховъ. Это мое личное минутное впечатлѣніе, печати вовсе не подлежащее.

Если бы моя догадка была основательна, т. е. если бы Вы на мое безпорядочное письмо, сопровождавшее доставку стиховъ—взглянули, какъ на нѣчто въ родѣ статейки, могущей быть напечатанною при стихахъ—но позвольте Вамъ выразить мое *положительнѣйшее желаніе и убѣдительнѣйшую просьбу* [1]) не давать никакого оглашенія *ни моему письму, ни моему посредничеству* [1]) въ доставленіи сборнику этихъ стиховъ, т. е. просто *не упоминать во всемъ этомъ дѣлѣ моего имени* [1]).

Я хлопоталъ единственно потому, что, не имѣя ничего дать своего, я хотѣлъ послужить дѣлу хоть косвенно и представить лучшую, вмѣсто себя, замѣну. Вотъ и все.

Вмѣшиваться мнѣ тутъ, какъ „дорожной мухѣ“, вовсе не при-

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

стало—и это умаляло бы заслугу графини, вдовы поэта—такъ усердно отозвавшейся на просьбу и *Сборника* [1]) и Литтер[атурнаго] [2]) *фонда* [1]) (чтеніе стиховъ на вечерѣ).

Надѣюсь, что Вы раздѣлите и вполнѣ уважите мои желанія.

Если же Вы скажете, что у Васъ ничего подобнаго въ виду не было, т. е. считать мое письмо за *статью* [1]), тогда опять я спрошу, какую же *статью* [1]) разумѣли Вы, которую я будто бы доставилъ, вмѣстѣ со стихами графа. Нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь ошибки? Я *ничего* [1]) не присылалъ *кромѣ стиховъ* [3]).—До удовольствія свиданія

Вашъ

Гончаровъ.

Суббота, 29 ноября [1875 г.].

Не могу сказать навѣрно—можно ли мнѣ завтра вечеромъ быть у Васъ, многоуважаемый Андрей Александровичъ, зане (какъ говоритъ К. Прутковъ) у всѣхъ почти знакомыхъ назначены свободными днями воскресенья—и мнѣ приходится по очереди бывать, то у тѣхъ, то у другихъ. Можетъ быть, если никуда не нужно идти, то приду къ Вамъ и съ удовольствіемъ.

Но какъ это не совсѣмъ вѣрно, и если Вы пожелаете меня видѣть, то я завтра же, по обыкновенію, буду дома отъ 3 до 5 часовъ до обѣда.

Кстати поспѣшаю при этомъ препроводить къ Вамъ стихотвореніе (изъ славянскихъ преданій), присланное мнѣ изъ Одессы

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

[3]) Подчеркнуто въ подлинникѣ: „кромѣ стиховъ“. Какъ это ни странно, но Гончаровъ, кажется, забылъ о томъ, что прислалъ А. А. Краевскому статью князя Д. Н. Цертелева.—Стихотвореніе гр. А. К. Толстого было напечатано въ „Братской Помочи“ (стр. 34—35) съ слѣдующей замѣткою редакціи: „Это стихотвореніе графа А. К. Толстого было написано имъ весною 1875 года, во Флоренціи, когда жизнь его уже близилась къ концу. Послѣ этого произведенія онъ не писалъ ничего. Это была его лебединая пѣснь [см. вышеприведенное письмо Гончарова], послѣдній поэтическій помыселъ и вздохъ. Подъ вліяніемъ весеннихъ ощущеній, поэта, среди болѣзни и страданій, осѣнилъ внезапный покой; силы его на минуту ожили вмѣстѣ съ природой. Но онъ былъ уже чуждъ внѣшнему міру, или, по словамъ его, умеръ для „тревогъ“ и „злобы дня“ и остался только „чуткъ къ поэтическому трепету своей души“. Въ нѣжныхъ звукахъ лиры онъ высказалъ свою творческую тайну, угадавъ въ ней „соглашеніе творчества“ съ этимъ внезапно-нисшедшимъ на него „покоемъ“.—Статья кн. Д. Н. Цертелева была напечатана вслѣдъ за послѣднимъ стихотвореніемъ гр. А. К. Толстого („Братская Помочь“. стр. 36—39) подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о графѣ А. К. Толстомъ“.

Библиотека "Руниверс"

вчера Г-мъ *Хитрово*, авторомъ, для славянскаго сборника. Онъ генеральный русскій консулъ въ Константинополѣ и женатъ на племянницѣ графа Толстого.

Но это послѣднее обстоятельство не должно стѣснять издательскую коммиссію, если она не найдетъ почему-либо нужнымъ печатать стихотвореніе [1])

До свиданія
Вашъ
Гончаровъ.

XII. Три письма И. А. Гончарова къ А. А. Краевскому, написанныя въ декабрѣ 1866-го года [2]).

1866 г., 21 декабря.

Дѣйствительно, я читалъ у И. М. Т. [3]) три отрывка, по просьбѣ графини, но это даже не отрывки, а выдержки, до того связанныя съ цѣлымъ, что при чтеніи я долженъ былъ дополнять связь разсказомъ о томъ, что находится въ романѣ, т. е. излагать почти всю задачу. Напечатать этого нельзя, или надо совсѣмъ иначе обработать эти статьи, а я еще не знаю самъ, какъ они [4]) должны выйти въ цѣломъ, котораго нѣтъ [5]).

Понедѣльникъ, 26-го декабря [1866 г.]

Я, кажется, нашелъ очень хорошее средство, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ—привести въ приличный видъ беллетристическій отдѣлъ *Отеч[ественныхъ] Записокъ* [6]) и желалъ бы,

---

[1]) Прилагаемое къ письму Гончарова стихотвореніе г. Хитрово не было напечатано въ сборникѣ „Братская Помочь".

[2]) Эти письма такъ же, какъ и предыдущія, входятъ въ собраніе писемъ къ А. А. Краевскому, находящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[3]) Можетъ быть у тогдашняго министра почтъ и телеграфовъ графа Ивана Матвѣевича Толстого, братъ котораго Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой былъ членомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати одновременно съ Гончаровымъ въ 1866—67 годахъ. О гр. И. М. Толстомъ см. „Русскую Старину", 1896, т. LXXXV, кн. 1, стр. 139—140, примѣчаніе З. О Ѳ. М. Толстомъ см. отзывъ И. А. Гончарова въ его письмѣ къ кн. Д. Н. Цертелеву отъ 16-го сентября 1885 г. (Приложеніе къ „Новому Времени" 24-го марта 1912 г., № 12943, стр. 18).

[4]) Такъ въ подлинникѣ.

[5]) Это „цѣлое", о которомъ пишетъ здѣсь Гончаровъ, несомнѣнно неоконченный тогда романъ „Обрывъ".

[6]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

чтобъ Вы узнали короче ту личность и также повѣрили ей, какъ я вѣрю ея вкусу и образованію, а я давно ее знаю—и мысль о ней мнѣ пришла черезъ пять минутъ послѣ-того, какъ Вы ушли. Но я однако же не откажусь отъ содѣйствія ей, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, пока Вы увидите, что дѣло идетъ и безъ меня. Самъ я боюсь за свои глаза и много читать не могу, особенно рукописей. Завтра или послѣ завтра—я зайду къ Вамъ часу въ первомъ на пять минутъ поговорить объ этомъ—прикажите впустить меня. А до тѣхъ поръ желаю Вамъ желаемаго исхода изъ случившихся съ Вами тѣснотъ и остаюсь преданный [1]).

И. Гончаровъ.

29-го декабря [1866 г.].

Будущая Ваша сотрудница, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, явится въ назначенное время, т. е. въ воскресенье. Она съ удовольствіемъ принимаетъ на себя знакомое ей дѣло, для котораго она изощрила вкусъ на чтеніи русской и еще четырехъ иностранныхъ литературъ [2]). Трудолюбіе же ея равняется трудолюбію и аккуратности Ефрема Ефр.—этимъ сказано все. Она также принимаетъ и условіе, т. е. 50 руб. въ мѣсяцъ, а если бы Вамъ понадобилась еще передѣлка компиляціи или переводы по части исторіи и литературы [2]), то она—великая мастерица и также положится и въ этихъ трудахъ, относительно вознагражденія, на добросовѣстную и опытную Вашу оцѣнку. Она очень скромна, робка и тогда только разговорится съ Вами, когда покороче познакомится.

Я хотѣлъ только предупредить Васъ, что если до воскресенья зайдетъ къ Вамъ ея родитель, то Вы скажите ему просто глухо, что я Вамъ говорилъ о его дочери, и что вѣроятно Вы будете посылать ей иностранныя книги для просмотра или извлеченія—вѣроятно, онъ послѣ этого и не будетъ мѣшать ей. А о томъ, чѣмъ собственно будетъ она заниматься, лучше ему не говорить. Она

[1]) Это письмо такъ же, какъ и слѣдующее, не представляетъ особеннаго интереса для исторіи русской литературы: оно приводится здѣсь лишь потому, что оно свидѣтельствуетъ объ одной хорошей чертѣ Гончарова, въ которой иногда сомнѣвались его біографы, именно о его услужливости. См. письмо къ А. Г. Тройницкому отъ 9-го іюня (1-го іюля) 1868 г., въ которомъ Гончаровъ хлопочетъ о назначеніи въ инспектрисы Николаевскаго Института бывшей у своихъ сестеръ гувернантки Варвары Лукинишны Лукьяновой; см. также письмо къ Аннѣ Александровнѣ Музалевской отъ 18-го апрѣля (вѣроятно 1878 г.), въ которомъ онъ предлагаетъ „попросить въ министерствѣ юстиціи...“ для своего илемянника („Вѣстникъ Европы“ 1908, кн. 12, стр. 454 и стр. 444).

[2]) Такъ въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

бы и вовсе ничего не сказала дома, и отъ нея трудно добыть—но нельзя вовсе скрыть отъ домашнихъ сношеній съ редакціей, и потому скажите глухо и неопредѣленно,—да тѣмъ и кончите.

Вѣдь онъ это такъ, отъ праздности вмѣшается куда не нужно, а потомъ и потонетъ опять въ своемъ всеобъемлющемъ равнодушіи и лѣни.

Мнѣ сегодня Туруновъ [1]) сказывалъ, что Вы послѣдовали моему совѣту повидаться съ А. Г. Тр. [2]), и остались довольны. И я очень доволенъ и буду доволенъ вполнѣ, когда Вы добьетесь желаемаго результата и успокоитесь.

Въ самомъ скоромъ времени явится къ Вамъ и Некрасовъ, который продолжаетъ злобствовать за понесенный Вами погромъ и убытки [3]).

До свиданія.

Вашъ

И. Гончаровъ.

XIII. И. А. Гончаровъ лѣтомъ 1873 г.

4 іюля [1873 г.].

Я съ перваго числа аккуратно получаю *Голосъ:* за то, что не забыли желаніе старика—да благословитъ Васъ Св. Андрей Критскій—съ днемъ котораго нынѣ Васъ привѣтствую.

Вашъ

Гончаровъ.

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ Туруновъ, членъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

[2]) Такъ въ рукописи.—Гончаровъ имѣетъ несомнѣнно въ виду тогдашняго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Г. Тройницкаго.

[3]) Гончаровъ намекаетъ, по всей вѣроятности, на непріятныя дѣла А. А. Краевскаго съ цензурою. См. разсказъ о дѣлѣ И. В. Острикова въ „Запискахъ и дневникѣ“ А. В. Никитенки, т. II, Спб., 1905, стр. 272—275, и въ особенности, на стр. 272, подробное примѣчаніе М. К. Лемке. Въ этомъ дѣлѣ Гончарову пришлось сильно стыдиться своей робости: „Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, писалъ А. В. Никитенко 16-го января 1866 г., что сдѣлаетъ судъ по дѣлу Краевскаго. Самъ товарищъ министра видитъ большой промахъ въ этомъ дѣлѣ со стороны министерства. Онъ съ жаромъ выговаривалъ это** [Гончарову], который былъ тутъ же и отвѣчалъ, что же ему было дѣлать? У него ни горла, ни легкихъ не хватило кричать противъ рѣшенія совѣта, да и при томъ, какъ тутъ поступать, когда дѣлается внушеніе свыше, т. е. со стороны министра. Тройницкій сильно напалъ на это послѣднее выраженіе. Мнѣ даже жаль стало бѣднаго ** [Гончарова]“. „Записки и дневникъ“ А. В. Никитенки, т. II, стр. 274).

Библиотека "Руниверс"

7 іюля [1873 г.].

Съ 15-го іюня и до 15-го іюля—тянутся печальные дни моего покаянія, поста и расплаты за весь годъ.

.... Неволя и затворничество мое кончаются 15-го іюля при послѣднемъ стаканѣ Крейцбрунна, но постъ будетъ продолжаться до августа и совпадетъ съ Успенскимъ постомъ. Ни ягоды, ни огурца, ни фрукта никакого, а также и ни пирога вообще, а имянинnаго въ особенности.

Горькая участь, не позволяющая мнѣ отлучиться отъ дома на 20 верстъ до Павловска и воздать подобающую честь Вашимъ да и роднымъ пенатамъ и между прочимъ Святому Андрею Критскому.

Всячески и много кланяюсь.

Вашъ

Гончаровъ.

XIV. Отношеніе И. А. Гончарова къ своимъ произведеніямъ въ письмахъ къ В. В. Стасову.

17 августа 1882 г.

Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, поспѣшаю сообщить Вамъ, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ [1]), что изъ моихъ сочиненій переведенъ на нѣмецкій языкъ, не знаю кѣмъ, кажется, только одинъ „Обломовъ“. Этотъ переводъ я видѣлъ лѣтъ 12 тому назадъ, гдѣ-то въ Германіи, въ витринѣ книгопродавца [2]).

Къ этому прибавлю, что ко мнѣ обращались не разъ, между прочимъ кто-то въ Петербургѣ, за разрѣшеніемъ на переводъ и другихъ моихъ сочиненій, и особенно „Обрыва“. Я всѣмъ давалъ одинъ отвѣтъ: что „разрѣшать“ переводъ я считаю очень не скромнымъ со стороны автора, а „запрещать“ не признаю за собой никакого права и такимъ образомъ предоставляю гг. переводчикамъ поступать относительно перевода моихъ сочиненій, какъ имъ заблагоразсудится [3]).

---

[1]) Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, библіотекарь художественнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки. Приведенныя здѣсь письма Гончарова къ нему хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки.

[2]) Гончаровъ имѣетъ несомнѣнно въ виду слѣдующій переводъ „Oblomow, russisches Lebenbild. Deutsch von B. Horsky“. Vol. I—II, Leipzig, 1868.

[3]) Таково въ самомъ дѣлѣ было всегда отношеніе Гончарова къ переводчикамъ его сочиненій. См., напримѣръ, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ два его письма къ B. Cordte, изъ Юрьева, по поводу предполагаемаго нѣмецкаго перевода „Литературнаго вечера“. (Имп. Публ.

Библиотека "Руниверс"

Вообще я полагаю, что переводъ русскихъ сочиненій чисто національнаго характера, мало извѣстнаго за границею, не заинтересуетъ европейскихъ читателей: такъ, напримѣръ, фигура „Обломова“, или т. п. типа, имъ покажется едва понятною и мало занимательною [1]).

По этому я и отношусь къ попыткамъ передавать на иностранные языки русскихъ беллетристовъ довольно равнодушно.

Во всякомъ случаѣ благодарю Васъ за любезное посредство и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

И. Гончаровъ.

27-го октября 1888 г.

Многоуважаемый
Владиміръ Васильевичъ!

Вы такъ категорически заявили желаніе получить отъ меня для храненія въ Императорской Публичной Библіотекѣ какія-нибудь черновыя рукописи моихъ, уже напечатанныхъ сочиненій, что я, послѣ довольно энергическаго возраженія, наконецъ уступилъ. „Не спорь съ В. Стасовымъ“ завѣщалъ Тургеневъ [2])—и „злу не противься“, поучаетъ графъ Левъ Толстой. Я и не спорю болѣе между прочимъ потому, что я слишкомъ слабый противникъ для Васъ, и у Васъ, конечно, на „беззащитныя сѣдины не поднялася бы рука“. Не „противлюсь и злу“, потому что особеннаго зла въ Вашемъ требованіи не вижу, кромѣ только того, что не совсѣмъ понимаю причину этого требованія. Не исполнить послѣднее—даже довольно трудно: это все равно, если бъ Вы попросили у меня стараго изношеннаго платья—и я бы отказалъ, а старая рукопись—не то же ли самое, что изношенное платье? Когда-то давно покойный

Библ., 12—VIII—2718). См. также письмо, или вѣрнѣе пересказъ письма Гончарова къ Teodor de Wyzewa въ сборникѣ статей Teodor de Wyzewa: „Ecrivains étrangers. Deuxième série“, Paris, 1897, стр. 207—208.

[1]) Князь П. Кропоткинъ держится противоположнаго мнѣнія о „національномъ характерѣ“ Обломова. „Несомнѣнно, пишетъ онъ, что *обломовщину* нельзя разсматривать, какъ расовую болѣзнь. Она существуетъ на обоихъ континентахъ и подъ всѣми широтами...“ См. „Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ“ П. Кропоткина, переводъ В. Батуринскаго, съ англійскаго, подъ редакціей автора, Спб., 1907, стр. 176.

[2]) Гончаровъ намекаетъ здѣсь очевидно на только что опубликованное тогда письмо И. А. Тургенева къ В. В. Стасову отъ 15/27-го января 1875 г. См. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1888, кн. 10, стр. 172.

Библиотека "Руниверс"

профессоръ Никитенко тоже предложилъ мнѣ представить въ публичную библіотеку одну изъ моихъ рукописей—и на мое удивленіе и на мой вопросъ „зачѣмъ“ не могъ отвѣчать опредѣлительно.

Другое дѣло рукописи—Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова—и подобныхъ имъ, просвѣтителей и пролагателей новыхъ путей въ литературѣ, могучихъ піонеровъ русскаго слова—ихъ рукописи и любопытны, и иногда нужны для сличенія варіантовъ и т. д. У Пушкина—этого отца русскаго искусства въ словѣ [1]) было два прямыхъ наслѣдника—Лермонтовъ и Гоголь, породившіе цѣлую плеяду насъ, дѣятелей 40-хъ, 60-хъ годовъ, съ Островскимъ, Тургеневымъ, Писемскимъ, Салтыковымъ и т. д. А затѣмъ уже начался (говоря астрономически) млечный путь, цѣлый безконечный хвостъ, который тянется и до днесь. „Что думается мнѣ, если бы всѣ эти дѣятели слова нанесли свои черновыя рукописи въ Публичную Библіотеку—стѣны ея не вмѣстили бы такого архива“; пришлось бы строить зданіе за зданіемъ. Этому „злу“, кажется мнѣ, можно и должно воспротивиться.

Какъ бы то ни было, но я исполняю, какъ видите, Ваше требованіе и даже, по выраженному Вами же желанію, прилагаю и мою *карточку-портретъ* [2]) къ моимъ рукописямъ—все это подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ и именно: чтобы, вмѣстѣ съ рукописями, хранить и это мое письмо къ Вамъ, *какъ свидѣтельство, что я не самъ, самолюбиво, съ претензіей постучался въ двери библіотеки и принесъ свои рукописи, а побужденъ былъ къ тому Вашимъ желаніемъ* [2]), стало быть желаніемъ отчасти самой Библіотеки, ибо Вы составляете ея часть, будучи библіотекаремъ. Если со временемъ появленіе въ ней моихъ рукописей будетъ сочтено неумѣстнымъ—я желалъ бы, чтобы отвѣтственность за то пала не на меня.

Прилагаю при этомъ:

1. Черновую, собственноручную мою рукопись *Обломова*, всю за исключеніемъ главы *Сонъ Обломова* [2]). Эта глава была напечатана, въ видѣ отрывка, въ *Литературномъ Сборникѣ* [3]), изданномъ при

---

[1]) Ср. слова Гончарова въ его автобіографіи: „Живѣе и глубже всѣхъ поэтовъ пораженъ и увлеченъ былъ Гончаровъ поэзіей Пушкина въ самую свѣжую и блистательную пору силы и развитія великаго поэта и въ поклоненіи своемъ остался вѣренъ ему навсегда, несмотря на позднѣйшее, тѣсное знакомство съ корифеями французской, нѣмецкой и англійской литературъ“ („Русская Старина“, 1911, т. CXLVIII, кн. 10, стр. 38).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Курсивъ нашъ.—Литературный сборникъ съ иллюстраціями изданъ редакціей „Современника“, Спб., въ тип. Эдуарда Праца, 1849, стр. 211—252: Сонъ Обломова, эпизодъ изъ неоконченнаго романа И. А. Гончарова.

Библиотека "Руниверс"

Современникъ [1]), въ 1848 или 1849 году—*не помню* [1]), и отъ того вѣроятно была вынута изъ черновой рукописи. Вся рукопись конечно подверглась коренным измѣненіямъ въ печати, какъ видно изъ поправокъ и безчисленныхъ измѣненій въ текстѣ. Между прочимъ тутъ въ черновой первой части есть какое-то вводное лицо *Почаевъ* [1]), которое во 2-й части исчезаетъ; его нѣтъ и въ печатномъ романѣ.

Обломовъ [1]) начатъ былъ въ 1846-мъ году [2]), когда я сдалъ въ редакцію *Современника* [1]) первый романъ *Обыкновенную Исторію* [1]). Написавъ первую часть—я отложилъ ее въ сторону—и не касался продолженія до 1857-го года. Въ промежутокъ этотъ я плавалъ вокругъ свѣта, возилъ и 1-ю часть *Обломова* [1]) съ собой, но не писалъ, а обрабатывалъ въ головѣ, и параллельно [3]) обдумывалъ и другой романъ *Обрывъ* [1]), планъ котораго родился у меня въ 1849-мъ году на Волгѣ, гдѣ я провелъ лѣто. Уже въ 1857-мъ году, когда я поѣхалъ на воды, я кончилъ 2-ю, 3-ю и 4-ю части *Обломова* [1]) за одинъ присѣстъ, въ *Маріенбадѣ* [1]), гдѣ оставался, противъ правилъ, около 2-хъ мѣсяцевъ—и только послѣднія главы окончилъ зимой въ Петербургѣ.—Вотъ исторія писанія Обломова [4]).

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Можетъ быть „Обломовъ“ былъ *задуманъ* въ 1846 г., но едва-ли онъ былъ *начатъ* тогда. Память, по всей вѣроятности, измѣнила Гончарову. Ср. то, что онъ самъ писалъ въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ Тимма въ 1859 г.: „Въ 1845 и 1846 году онъ (т. е. Гончаровъ) написалъ романъ *Обыкновенная исторія*, который былъ помѣщенъ въ февральской и мартовской книжкахъ „Современника“ 1847 года. *Въ 1848 году задумалъ планъ* большаго романа „Обломовъ“ и *написалъ въ 1849 году первую часть...*“ Ср. также статью „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ (Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, изд. Маркса. Спб., 1899, т. I, стр. 43—44): „Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда задумывался и писался этотъ романъ, я еще не могъ вполнѣ ясно глядѣть въ слѣдующій періодъ, который не наступалъ, но предчувствія котораго жили уже во мнѣ, потому что *вскорѣ послѣ напечатанія*, въ 1847 году въ „Современникѣ“, *Обыкновенной Исторіи—у меня въ умѣ былъ готовъ планъ Обломова*, а въ 1848 г. (или 1849 г.—*не помню*) я помѣстилъ въ „Иллюстрированномъ Сборникѣ“ и „Сонъ Обломова“—эту увертюру всего романа... Ср. также: „Тутъ [*въ 1849 г.*] толпой хлынули ко мнѣ старыя знакомыя лица, я увидѣлъ еще не отжившій патріархальный бытъ, и вмѣстѣ новые побѣги, смѣсь молодого со старымъ. Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства—все это залегло мнѣ въ голову и почти *мѣшало кончать* „Обломова“, *котораго написана была первая часть*, а остальныя гнѣздились въ головѣ...“ (Тамъ же, стр. 38).

[3]) Такъ въ рукописи.

[4]) Ср. вышеуказанныя мѣста статьи „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ и автографіи Гончарова.

Библиотека "Руниверс"

2. *Литературный вечеръ* [1]). Прилагается тоже черновая моя рукопись этого разсказа, который былъ напечатанъ въ журналѣ *Русская рѣчь* [1])—не помню въ которомъ году [2]). А потомъ помѣщено въ полномъ собраніи моихъ сочиненій.

3. Прилагаю также нѣсколько главъ изъ *Обрыва* [1]). Но откровенно говоря, я желалъ бы, чтобъ это не оставалось въ Библіотекѣ: эта рукопись *подлежитъ уничтоженію* [1]). Я посылаю ее *на всякій случай, на ваше усмотрѣніе* [1]). Это сборъ переписанныхъ другими лицами и исправленныхъ мною главъ изъ разныхъ мѣстъ романа, есть тутъ между прочимъ и лишнія, не вошедшія въ печатный текстъ главы; есть и одинъ печатный вырѣзокъ изъ „Современника“, гдѣ была, въ видѣ отрывка, напечатана одна изъ главъ романа [3]) задолго до появленія (кажется въ 60-хъ годахъ) цѣлаго въ *Вѣстникѣ Европы* [1]) 1869 года.

Вотъ все, чѣмъ могу отвѣтить на Ваше приглашеніе, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, представить въ библіотеку мои черновыя рукописи. Да не осудятъ меня въ самомнѣніи и нескромности. У меня ихъ нѣтъ.

Примите выраженіе моего искренняго къ Вамъ уваженія и преданности.

Иванъ Гончаровъ.

Мы не собираемся дать здѣсь подробнаго разсмотрѣнія этихъ рукописей, несомнѣнно представляющихъ очень большой интересъ. Читатель найдетъ относящійся къ этому матеріалъ въ подготовляемомъ къ печати нашемъ общемъ этюдѣ о Гончаровѣ.

А. А. Мазонъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) „Литературный вечеръ“ былъ напечатанъ впервые въ „Русской Рѣчи“ за 1880 г., кн. 1, стр. 1—89. Оно помѣчено *сентябремъ 1877 г.*

[3]) „Современникъ“, 1860, т. LXXIX, кн. 2, стр. 409—454: „Софья Николаевна Бѣловодова (пять главъ изъ романа: *Эпизоды изъ жизни Райскаго*)“. Отрывокъ подписанъ: Ив. Гончаровъ, и помѣченъ 1859-мъ годомъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXV [1]).

Въ послѣднія минуты нашего отъѣзда изъ столицы фатальный образъ Мурада игрою случая, какъ въ сновидѣніи, мелькнулъ передо мной. Это было такъ. Шлюпка, перевозившая насъ къ пароходу, выбираясь изъ толчеи гавани, едва не врѣзалась носомъ въ большой двадцативесельный каикъ, мчавшійся отъ дворцовой пристани Чирагана по направленію къ Принцевымъ островамъ.

— Падишахъ!—въ благоговѣйномъ ужасѣ прошепталъ лодочникъ-турокъ и сильнымъ гребкомъ откинулся назадъ.

Она имѣла видъ прелестной игрушки, эта султанская яхточка: балдахинъ пурпуроваго цвѣта осѣнялъ весь ея корпусъ изъ лакированнаго дерева, великолѣпно разрисованнаго и украшеннаго тонкой рѣзьбой; гребцы въ бѣлыхъ, роскошныхъ костюмахъ и красныхъ фескахъ съ длинными, золотыми кистями дополняли эффектъ.

Теченіемъ насъ заставило держаться минуту, другую подъ угломъ къ ней, благодаря чему я хорошо видѣла сидѣвшаго въ кормѣ на подушкахъ несчастнаго Мурада: что-то несказанно жалкое, безпомощное во всемъ его обликѣ и дикій, растерянный взглядъ произвели на меня крайне грустное, тяжелое впечатлѣніе, а низко опущенная голова такъ ясно выражала, какимъ страшнымъ гнетомъ давила ее корона Османовъ. Вокругъ него размѣщались въ непринужденныхъ позахъ сановники и адъютанты; но въ противоположность мрачному настроенію своего повелителя они, видимо,

[1]) См. „Русская Старина“, май 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

чувствовали себя прекрасно. Между ними находилась большая тогда знаменитость, Редивъ-бей: онъ первый, какъ уже было извѣстно, арестовалъ покойнаго Абдулъ-Азиса и собственноручно перерѣзалъ ему пульсовыя вены—отсюда и пошла его слава...

Въ пути, изъ разговоровъ съ пассажирами я узнала, что больного султана каждый день утромъ и вечеромъ катали по Босфору якобы для того, чтобы разсѣять досадные слухи, ходившіе въ народѣ, о его сумашествіи.

Итакъ, мы вернулись домой въ наше тихое убѣжище, вѣчно зеленый, цвѣтущій Хіосъ, самый очаровательный уголокъ классическаго Архипелага.

Ровно черезъ три мѣсяца послѣ майскаго переворота, почти даже число въ число, моя тетушка и я сидѣли вдвоемъ, такъ же какъ въ тотъ историческій день, у открытаго окна, выходившаго на сѣверъ, и лѣниво просматривали газеты, гдѣ по-прежнему тянулась безконечная сказка о вѣроломныхъ дѣйствіяхъ генерала Игнатьева на Балканахъ...

Стоялъ жаркій полдень. Природа, истомленная зноемъ, дремала въ ослѣпительныхъ лучахъ огненнаго диска, горѣвшаго на южномъ небосклонѣ; раскаленный воздухъ трепеталъ, создавая эффекты миражей надъ горизонтомъ; но въ комнатѣ было такъ уютно, такъ прохладно отъ близости моря, что хотѣлось забыть весь міръ, ровно ни о чемъ не думать, а только любоваться изумрудной волной, сонливо шуршавшей у основанія дома.

Какъ вдругъ оглушительный ревъ канонады съ валовъ крѣпости, а также съ материка изъ Чесмы раскатился грознымъ эхомъ и наполнилъ отъ земли до неба всю атмосферу.

Что такое? опять какое-нибудь важное событіе: побѣда турецкихъ войскъ, султанскій фирманъ или еще что-то необыкновенное?!

— Тафти-бей!—распахивая двери и пропуская впередъ адъютанта Кіамиль-паши, доложилъ кавасъ.

Я не вскрикнула, потому что не хватило голоса, и вотъ лишь на одно мгновеніе блеснулъ мнѣ прямо въ глаза суровый, холодный до жестокости взглядъ, а затѣмъ густая, туманная пелена опустилась между нами.

— Пожалуйте за мной въ кабинетъ—мужъ тамъ! — отчетливо прозвучали слова Магіе, и шаги стали удаляться.

Ошеломленная, словно ударомъ грома, я не двигалась: только въ ушахъ невыносимо больно раздавался шумъ выстрѣловъ, да яркія, огнистыя точки и спирали назойливо мелькали предо мной: онѣ дрожали, сливались, уплывали и снова зажигались вездѣ. Наконецъ головокруженіе прекратилось.

Библиотека "Руниверс"

— Итакъ все кончено! Значитъ, я сама легкомысленно прошла мимо счастія!—съ неудержимой быстротой надвигались мысли, а въ груди колотилось сердце, какъ птица, запутавшаяся въ сѣтяхъ ловца; но я поняла тогда же съ поразительной ясностью, что бороться съ роковой страстью къ этому человѣку для меня было уже невозможно...

— Теперь я знаю, почему Ибрагимъ не исполнилъ своей клятвы, — болѣзненно ныло въ душѣ: — это возмездіе, конечно, за Египетъ и его ревнивыя подозрѣнія—ахъ, если бы умереть сейчасъ!...

— Поздравляю тебя съ новымъ султаномъ, Eugénie!—улыбаясь, сказала мнѣ тетушка, вернувшись изъ кабинета, гдѣ оставила Тафти съ дядей: — ну, отгадай кто? Аа!.. протянула она, мѣняя тонъ, замѣтивъ на моемъ лицѣ еще не остывшіе слѣды жестокаго потрясенія: — что съ тобой?.. а мы думали, и намъ казалось... Въ такомъ случаѣ придется отправить тебя во Францію на нѣсколько мѣсяцевъ—другого исхода не вижу пока...

Уѣхать изъ Хіоса и потерять все, даже иллюзію—нѣтъ! нѣтъ! Но еще болѣе ужаснула меня перспектива жизни у ея родственниковъ, чопорныхъ ханжей, знаменитой въ Лангедокѣ семьи d'Antin, замокъ которыхъ представлялъ собою настоящую цитадель святыхъ отцовъ Игнаціо Лойолы, выселенныхъ тогда изъ Парижа, и гдѣ время проводилось только въ рамкахъ католической набожности.

— Тетя!—вскрикнула я, не помня себя, охваченная снова приступомъ дурноты и падая на колѣни: — клянусь вамъ, ничего уже нѣтъ, и рѣшительно ничего не осталось между нами — вы сами развѣ не замѣтили сейчасъ, что онъ даже не раскланялся со мной хотя бы изъ приличія... ну, я также ненавижу его!..

— Да успокойся, ради Бога — вѣрю тебѣ, вѣрю и радуюсь сердечно, если ты дѣйствительно образумилась,—говорила моя добрая, великодушная тетушка, съ нѣжнымъ порывомъ обнимая меня: — а теперь уходи къ себѣ,—добавила она, прислушиваясь къ голосамъ въ кабинетѣ:—онъ сейчасъ пройдетъ здѣсь, мимо...

Горько и темно было на душѣ, что приходилось бѣжать отъ встрѣчи съ тѣмъ, кого хотѣлось бы видѣть всегда...

Къ пяти часамъ меня позвали въ столовую: туда уже явились приглашенные обѣдать у насъ синьоръ Паскуа; духовникъ тети Магіе патеръ Вентура, недавно вернувшійся изъ командировки въ Римъ съ громаднымъ запасомъ политическихъ сплетенъ, и плантаторъ Варваци, имѣвшій дѣловыя сношенія черезъ наше агентство по экспорту въ Россію оливковаго масла. Разговоръ держался, конечно, на тему о новомъ султанѣ. Оффиціальное извѣщеніе, переданное дядѣ Тафти-беемъ, комментировались на всѣ лады. Я также

Библиотека "Руниверс"

заглянула въ него и прочла буквально то же самое, что и 30 мая: только имя лишеннаго Оттоманской короны было Мурадъ V, а восшедшаго на тронъ полумѣсяца Абдулъ-Гамидъ II. Въ другой бумагѣ отдѣльно заключалось любезное приглашеніе на раутъ къ 8-ми часамъ вечера 2 сентября.

Это захватило меня врасплохъ, и горячая волна хлынула къ сердцу:—я увижу его: онъ будетъ тамъ,—проносилась въ головѣ, озаряя глубину моей души лучемъ надежды...

Что представлялъ собой Абдулъ-Гамидъ, кто онъ и откуда явился на горизонтѣ міровой исторіи, такъ какъ о существованіи его большинство населенія даже не подозрѣвало? Вотъ тѣ вопросы, которые пока еще не находили себѣ отвѣта. Правда, что переворотъ этотъ никого не поразилъ удивленіемъ: такъ или иначе, а его ожидали съ минуты на минуту; но людямъ, не посвященнымъ въ софистическіе изворотъ и всякія мудреныя лазейки дипломатіи, казалось чрезвычайно страннымъ и необъяснимымъ, почему либеральная партія, съ Мидхатъ-пашою во главѣ, желавшая сама помимо султана заправлять дѣлами государства, не удержала на престолѣ такого монарха, лучше котораго для ея честолюбивыхъ затѣй нельзя было бы нарочно придумать, да еще любимаго всемогущей Англіей?

Наши гости спорили, волновались, но загадку такъ никто и не разгадалъ.

Зато на другое утро, едва мы проснулись, а волны Эгейскаго моря уже принесли намъ цѣлый ворохъ удивительныхъ вѣстей, подслушанныхъ ими въ голубомъ Босфорѣ: „его величество Абдулъ-Гамидъ“,—разсказывала Константинопольская пресса:—всегда былъ убѣжденнымъ и фанатичнымъ поклонникомъ самой широкой конституціи съ неограниченнымъ равноправіемъ для всѣхъ безъ исключенія народностей въ Оттоманской державѣ...

Затѣмъ, при дальнѣйшемъ чтеніи мы узнали, какъ говорится, всю подноготную „либеральнаго“ султана, и вотъ что оказалось: въ началѣ кризиса, когда дѣйствительно уже стало невозможнымъ скрывать безуміе Мурада, то въ дворцовыхъ сферахъ рѣшено было предложить корону популярному Юсуфъ-Иззедину, любимцу и кумиру турецкой арміи; но это не отвѣчало политикѣ британскаго кабинета и диктаторскимъ стремленіямъ Мидхатъ-паши. Тогда по камертону изъ Лондона на арену борьбы вышелъ никому невѣдомый принцъ Гамидъ, и переворотъ совершился подъ звуки хвалебнаго гимна европейскаго концерта державъ, а репортеры газетъ, не жалѣя типографскихъ красокъ, рисовали его духовный обликъ съ такой убѣдительной точностью, какъ будто бы они десятки лѣтъ проживали съ нимъ въ одной комнатѣ.

Библиотека "Руниверс"

Режиссеръ этой дипломатической оперетки, Мидхатъ-паша, также увѣрялъ публику, что новый султанъ на протяженіи всего царствованія Абдулъ-Азиса тайно принадлежалъ къ партіи „Молодая Турція“ и называлъ его избавителемъ страны отъ Московскаго варварства, идеаломъ конституціоннаго монарха, обѣщая за него переустройство государства на принципахъ свободы и равенства христіанъ съ мусульманами.

Съ чего однако Европѣ пригрезилось тогда, что Абдулъ-Гамидъ исповѣдывалъ *credo* парламентаризма—остается вопросомъ и по сіе время нерѣшеннымъ?

Когда же этотъ проникнутый якобы насквозь западными идеями младотурокъ внезапно и рѣзко повернулъ фронтъ, обнаруживъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ абсолютной власти, то разочарованные мечтатели въ глубокомъ изумленіи спрашивали другъ друга: „какъ могло такъ случиться: мы же собственными руками усадили на престолъ западника, а вдругъ оказался восточный деспотъ?! Интересно, кто кого одурачилъ—неужели русская дипломатія поумнѣла? Ну, нѣтъ! куда ей тамъ, убогой, прозѣвавшей даже Абдулъ-Азиса—здѣсь, конечно, не ея разума дѣло; тогда кто же? кто? Непостижимо!..

Но удивляться пришлось не слишкомъ долго: на Берлинскомъ конгрессѣ узнали, наконецъ, гдѣ именно и у кого изъ нашихъ добрыхъ сосѣдей, выражаясь нѣмецкой поговоркой: „была зарыта собака“...

Впрочемъ, объ этомъ ниже, а пока возвращаюсь къ рауту 2 сентября у Кіамиль-паши.

Глава XXVI.

Итакъ, Мурадъ V, процарствовавъ ровно 3 мѣсяца и еще одинъ день, ушелъ съ политической сцены, блеснувъ на ней яркимъ метеоромъ, и угасъ такъ же, какъ это огненное явленіе въ темной глубинѣ пространства. Его запрятали въ роскошную, великолѣпную тюрьму, Чираганскій дворецъ, окружили женщинами, евнухами, шпіонами и внушительнымъ по численности карауломъ изъ албанцевъ, черкесовъ, арнаутовъ, зейбековъ—туркамъ Абдулъ-Гамидъ просто не вѣрилъ, и къ охранѣ своей личности никогда ихъ не допускалъ: онъ твердо помнилъ, что туалетная вещица его замученнаго дяди могла бы пригодиться и для него...

Къ сказанному времени пылъ увлеченія федераціей Архипелага уже замѣтно поостылъ въ дѣловой прозѣ жизни населенія Хіоса; но

Библиотека "Руниверс"

громъ пушекъ 31 августа разбудилъ дремавшія страсти, и все опять перемѣшалось въ хаосѣ политиканства.

Вечеромъ 2 сентября мы отправились на раутъ; въ пріемномъ залѣ конака было душно и чрезвычайно тѣсно благодаря необычайному наплыву пріѣзжихъ изъ Чесмы, Самоса, Лемноса, Патмоса и съ острововъ, подвластныхъ хіосскому вилайету, приглашенныхъ Кіамиль-пашою для участія въ торжествѣ.

Мнѣ даже не удалось раскланяться съ хозяиномъ дома, такъ какъ добраться къ нему не имѣлось никакой возможности. Слѣдуя за теченіемъ массы въ толпѣ, я невольно уходила впередъ отъ тети Магіе и, продвигаясь все дальше, попала такимъ образомъ въ галлерею, куда выходилъ рядъ дверей изъ канцеляріи губернатора [1]). Здѣсь было не такъ людно и прохладнѣе, чѣмъ въ залахъ.

Вдругъ какая-то посторонняя сила, чего я никогда не могла себѣ объяснить, безъ всякаго участія моей воли и сознанія толкнула меня къ одному изъ оконъ съ глубокой нишей или, выражаясь правильно, съ тѣмъ, что мы называемъ „фонарикомъ"—излюбленное архитектурное добавленіе на Востокѣ. И вотъ тамъ, въ невѣрномъ освѣщеніи красныхъ и зеленыхъ лампіоновъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, я увидѣла, наконецъ, Тафти: онъ стоялъ у открытой рамы и курилъ сигару. Не размышляя и не помня себя отъ жестокаго волненія, я бросилась туда, къ нему; но холодный, сухой взглядъ былъ отвѣтомъ на мой горячій неудержимый порывъ...

— Только не здѣсь, убѣдительно прошу васъ! Нельзя ли также безъ эффектовъ на глазахъ у людей?...—въ рѣзкой, довольно грубой интонаціи произнесъ онъ и, нервнымъ движеніемъ отстранивъ меня, направился къ выходу въ корридоръ, соединявшій, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, галлерею съ флигелемъ, гдѣ помѣщался кабинетъ Вафиръ-бея, его пріятеля и задушевнаго друга.

Маневръ Тафти я поняла. А такъ какъ любовь всегда находчива, то мнѣ и удалось, не привлекая къ себѣ вниманія публики, скользнуть туда же вслѣдъ за нимъ.

Я догнала его въ тотъ именно моментъ, когда онъ уже открывалъ двери въ канцелярію секретаря:

— Пожалуйте!—съ аффектированной торжественностью, пропуская меня впередъ, сказалъ Тафти и угрюмо добавилъ:

— На скромность моего друга можете разсчитывать вполнѣ.

Комната, куда мы вошли, освѣщалась лампой, горѣвшей на

---

[1]) Въ губернаторскихъ конакахъ обыкновенно сосредоточены всѣ учрежденія вилайета.

Библиотека "Руниверс"

столѣ, заваленномъ грудами бумагъ, въ которыхъ Вафиръ-бей торопливо разбирался.

Ни малѣйшаго удивленія не отразилось въ его чертахъ, когда наши глаза встрѣтились, а напротивъ мнѣ даже показалось, что ему было еще раньше извѣстно объ этомъ. Минуту—другую спустя онъ вышелъ, захвативъ какой-то портфель, и мы остались вдвоемъ.

— Если не ошибаюсь вамъ, кажется, угодно разсказать мнѣ о вашихъ странствіяхъ во всѣ концы земного шара—не такъ ли? Интересно! проговорилъ онъ, насмѣшливо улыбаясь и раскланиваясь передо мной съ дѣланной церемонностью.

— Тафти, мой обожаемый, ты сердишься, но за что? за что? Ты разлюбилъ уже меня?!. А! вотъ она твоя любовь и твоя клятва?!— спрашивала я, глотая слезы и протягивая руки, чтобы обнять его.

Онъ повернулъ ко мнѣ лицо, искаженное злобой, хотѣлъ что-то сказать, но голосъ у него сорвался.

Секунду длилось молчаніе, и это мгновеніе пронеслось надо мной кошмарнымъ сномъ...

Наконецъ, повидимому, Тафти овладѣлъ собой: бѣшеная вспышка уступила вдругъ мѣсто плохо маскированной ироніи высокомѣрнаго тона, и поразилъ меня такою рѣчью:

— Прежде всего, mademoiselle, имѣю честь напомнить вамъ, что я не хедивъ Египта, не сановникъ Оттоманской Имперіи, а только ничтожный армейскій поручикъ безъ всякой опредѣленной карьеры въ жизни и, такимъ образомъ, не партія для благородной европеянки, прибывшей сюда, къ намъ, азіатамъ конечно съ болѣе широкими перспективами... Однако, почему, напримѣръ и не такъ: развѣ Чираганская англичанка лучше, красивѣй, достойнѣй васъ—о, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! но между тѣмъ она была любимой женой Мурада V...

— Какое дикое сравненіе!—перебила я, раздражаясь:—тамъ шахматная игра дипломатіи, но здѣсь только любовь: мнѣ ровно ничего не надо, кромѣ твоего сердца!..

— Не вѣрю! не вѣрю!—стискивая зубы точно отъ сильной боли и вздрагивая, какъ въ лихорадкѣ, говорилъ Тафти:—но какъ ты сама не задыхаешься въ этой атмосферѣ лжи и коварства? Теперь моя очередь сказать тебѣ: „вотъ она, твоя любовь и твоя клятва!“ Да, именно клятва!—повторилъ онъ: —а! забыла? Ну, тогда получи ее обратно—вотъ она чего стоитъ!—и порывисто сдернувъ съ обѣихъ рукъ перчатки, онъ швырнулъ ихъ мнѣ прямо въ лицо.

— Ай!—вскрикнула я, ошеломленная, точно ударомъ бича:—ты не смѣешь оскорблять меня, дьяволъ!

— Зато Измаилъ-паша будетъ ангеломъ, да еще съ крыльями

Библиотека "Руниверс"

изъ золота и драгоцѣнныхъ камней! Впрочемъ, желаю вамъ успѣха, а также всякаго благополучія. Затѣмъ имѣю честь кланяться, прибавилъ онъ, дѣлая нѣсколько быстрыхъ шаговъ по направленію къ двери.

— Измаилъ-паша?! Что онъ тутъ? а! вспомнила! Но нѣтъ! нѣтъ!— пролетѣла мысль, и однимъ скачкомъ черезъ всю комнату я бросилась наперерѣзъ уходившему отъ меня счастію.

— Выслушай меня, умоляю! Это кошмаръ, созданный твоею ревностью и сплетнями изъ гаремовъ: ничего подобнаго нѣтъ, да и не могло быть!—шептали мои губы, такъ какъ звуки голоса не подчинялись мнѣ, а руки обвивались вокругъ его шеи.

— Хорошо!—съ нѣкоторымъ колебаніемъ согласился онъ:—въ такомъ случаѣ потрудитесь прежде всего оправдаться, а дальше увидимъ...

Тогда любовь подсказала мнѣ все: неотразимую убѣдительность доводовъ, нѣжное чувство и правильный тонъ въ освѣщеніи факта моего путешествія въ Египетъ. Удивленный, онъ принялся разспрашивать; но тѣнь облака все еще лежала на его прелестномъ лицѣ, пока я упражнялась въ краснорѣчіи.

И вдругъ опять какая-то другая, новая сила захватила огнемъ всю мою душу.

— Нѣтъ, уже поздно бороться съ тѣмъ, что опредѣлено безвозвратно волею судьбы!—выслушавъ меня, отвѣтилъ съ глубокимъ волненіемъ Тафти:— вотъ оно и случилось!—А теперь узнай же, наконецъ,—продолжалъ онъ съ недобрымъ блескомъ въ глазахъ:— что я, потерявъ надежду быть твоимъ мужемъ, перевелся въ штабъ арміи Мухтаръ-паши и уѣзжаю на Балканы—мы разстаемся навсегда, такъ какъ война съ Россіей у насъ считается только вопросомъ дня—слѣдовательно...

Онъ не договорилъ; но мнѣ показалось, что всѣ громы небесные обрушились на мою голову...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой.

I.

Много болѣе десяти лѣтъ прошло со смерти талантливой художницы Елены Дмитріевны Полѣновой; но яркій, сильный образъ этой замѣчательной женщины остался живымъ въ моемъ воспоминаніи. Дочь просвѣщенныхъ, преданныхъ искусству и наукѣ, родителей, Полѣнова не встрѣчала препятствія своему стремленію учиться. Не знала она и необходимости работать изъ-за куска хлѣба, но обыденная, хотя и содержательная жизнь не удовлетворяла молодую дѣвушку, въ ней горѣлъ священный огонь, который заставлялъ ее искать все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, все новыхъ и новыхъ знаній.

Воспитанная дома, подъ руководствомъ лучшихъ учителей, занимаясь исторіей и археологіей со своимъ отцомъ, Е. Д. выдерживаетъ экзаменъ на домашнюю учительницу. Интересуясь занятіями братьевъ въ университетѣ, она увлекается юридическими и математическими науками и усваиваетъ ихъ настолько, что могла бы сдать экзамены наравнѣ съ братьями. Въ то же время она проходитъ курсъ рисованія въ школѣ Общества Поощренія Художникамъ, беретъ частные уроки живописи, сначала у Чистякова, потомъ у Крамского.

Нѣсколько разъ ѣздитъ Е. Д. за границу, занимается въ мастерской Шаплена; много времени проводитъ она въ деревнѣ, гдѣ пишетъ съ натуры и изучаетъ бытъ народа, даже собирается стать народной учительницей. Въ 1877-мъ г. Полѣнова бросаетъ всѣ свои планы и занятія, отправляется въ Кіевъ, гдѣ ея сестра завѣдывала временнымъ госпиталемъ для раненыхъ, и тамъ, съ само-

Библиотека "Руниверс"

отверженіемъ отдается уходу за больными. Возвратившись послѣ окончанія войны въ Петербургъ, Е. Д. посѣщаетъ женскіе медицинскіе курсы, устраиваетъ у себя курсъ рисованія, преподаетъ въ школѣ Литейно-Таврическаго кружка Общества вспоществованія бѣднымъ женщинамъ, близко сходится съ Надеждой Васильевной Стасовой. Все, что въ то время волнуетъ и занимаетъ общество, ей близко, во всемъ она принимаетъ участіе.

Однако, въ концѣ концовъ, Полѣнова все-таки отдалась спеціально искусству, вновь поступила въ школу Общ. П. Х., гдѣ занялась керамикой. Она кончила курсъ съ медалью и была послана Обществомъ за границу для усовершенствованія въ этой отрасли искусства. Въ Парижѣ она работала подъ руководствомъ извѣстнаго спеціалиста этого дѣла Егорова, посѣщала разныя фабрики и мастерскую знаменитаго Дека. По возвращеніи она была избрана преподавательницей школы и нѣсколько времени руководила въ ней классомъ керамики.

Вотъ краткій перечень, такъ сказать, учебныхъ годовъ этой замѣчательной женщины, которая бралась за все съ необыкновенной страстностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силой воли, дающей выдержку.

Семейныя обстоятельства заставили Полѣнову переѣхать въ Москву, гдѣ ей суждено было примѣнить къ дѣлу накопившійся у нея богатый художественный матеріалъ. Здѣсь Е. Д. попала въ тѣсный кружокъ даровитыхъ художниковъ, собиравшихся у ея брата В. Д. Полѣнова и у С. И. Мамонтова. Лѣто 1885 года она провела въ имѣніи Мамонтова Абрамцевѣ, въ той же средѣ товарищей художниковъ, къ которой присоединился и В. М. Васнецовъ. Въ то время въ русскомъ искусствѣ совершался переворотъ. Дошли до насъ заднимъ числомъ прерафаэлистическія теоріи запада, почувствовалось, что чисто реальное направленіе, которому долго слѣдовало наше искусство, не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ души человѣческой, поднялась реакція противъ слишкомъ матеріалистическихъ и космополитическихъ тенденцій. Художники оглянулись на далекое прошлое, захотѣли отыскать источники чисто русскаго искусства и отъ нихъ идти новымъ путемъ. Чтобы достичь такого возрожденія надо было исходить не отъ имѣющихся подъ рукой полотенецъ, чашекъ, иконъ, а отъ тѣхъ міровоззрѣній, тѣхъ чувствъ, которыя вдохновляли древнихъ художниковъ и давали имъ возможность влагать въ свои произведенія то, что трогаетъ и потрясаетъ насъ до сихъ поръ. Должно быть такая перемѣна направленія была серьезной потребностью въ исторіи нашего искусства и достаточно назрѣла, такъ какъ явился человѣкъ, который сдѣлался выразителемъ этого направленія. Онъ приблизился къ чувствамъ

Библиотека "Руниверс"

монаховъ, расписывавшихъ стѣны монастырей въ XI, XII вѣкахъ, у него была чистая душа, была вѣра и энтузіазмъ. Это не могло не увлечь Полѣнову и, понятно, что, изъ окружающихъ ее художниковъ, Васнецовъ болѣе всѣхъ произвелъ впечатлѣніе на ея чуткую натуру.

Въ имѣніи „Абрамцево“ уже нѣсколько лѣтъ существовала столярная мастерская. „Рѣзьба“, писала Полѣнова, „какъ искусство, еще и теперь живущее въ народѣ, такое родное, такое свое дѣло для мальчика, взятаго изъ крестьянской семьи, что онъ ее чувствуетъ самъ собою и превосходно ее исполняетъ“. Надо было только дать ему хорошіе образцы, и на это обратилъ Васнецовъ вниманіе Елены Дмитріевны. Со свойственной ей энергіей принялась она за плодотворную дѣятельность. Вся пылая интересомъ, охватившимъ ее, она совершила путешествіе по Россіи, собирая по глухимъ деревнямъ произведенія русской старины, срисовывая то, что могло пригодиться для ея цѣли въ древнихъ церквахъ, составляя сама массу рисунковъ стильной мебели и утвари. Окраска древнихъ предметовъ отличается мягкостью тоновъ, простотой, далекой отъ кричащихъ эффектовъ, часть этой неизъяснимой прелести старыхъ вещей надо приписать патинѣ времени, но много зависитъ, кромѣ вкуса самихъ производителей, и отъ употреблявшихся ими красокъ, большею частью растительныхъ. И на это обратила вниманіе Полѣнова: она выпытывала у бабъ разные секреты и рецепты, потомъ сама добывала по нимъ краски, дававшія мягкіе и пріятные тона раскрашеннымъ подъ ея личнымъ руководствомъ абрамцевскимъ издѣліямъ.

Надо было слышать, съ какимъ восторгомъ говорила Е. Д. объ успѣхахъ учениковъ Абрамцевской школы, объ распространеніи ихъ работъ въ продажѣ, чтобъ понять, какъ горячо она относилась къ излюбленному дѣлу. Тутъ было не одно удовлетвореніе художника въ созданіи красивыхъ образовъ, но желаніе провести эти образы въ жизнь, разсыпать ихъ въ народѣ. Не навязывать крестьянину далекіе отъ него, чуждые ему образцы хотѣла Е. Д., а выбрать то, что ему близко, привычно: „цѣль наша“, говоритъ она въ одномъ письмѣ, „подхватить еще живущее народное творчество и дать ему возможность развернуться“. Эти прекрасныя слова вполнѣ характеризуютъ стремленія нашей художницы. Своими рисунками для деревянныхъ издѣлій, мебели, вышиваній, Полѣнова показала, какъ можно пріурочить къ современной жизни богатые мотивы народнаго русскаго творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возрождая старину въ томъ видѣ, какъ художница поняла и полюбила ее, Е. Д. создала нѣчто новое, сказала свое слово въ искусствѣ. Многіе остались бы до-

Библиотека "Руниверс"

вольны такимъ результатомъ, но Е. Д. не могла имъ удовлетвориться, ей хотѣлось всего, ее все интересовало, все увлекало... У нея была удивительная способность находить интересъ во всемъ окружающемъ, она, для созданія своихъ художественныхъ произведеній, пользовалась каждымъ человѣкомъ, каждой былинкой въ природѣ. У какой-нибудь, никѣмъ другимъ не замѣченной, кухарки умѣла она выпытать типичные разсказы, заставить старухъ въ деревняхъ отъискивать и отдавать ей чуть не совсѣмъ изчезнувшее старье; во время ея путешествія по Россіи, около Е. Д. собирались ребята; пѣли, разсказывали сказки, она же записывала ихъ и тогда уже думала изъ этихъ разсказовъ создать тѣ иллюстрированныя русскія сказки, для которыхъ она, потомъ исполнила рядъ прекрасныхъ акварелей.

Бросалась въ глаза способность Е. Д. своей горячностью и силой иниціативы привести всѣхъ окружающихъ въ нужное ей настроеніе, приподнять ихъ энергію, подбодрить...

Стоявшая по уму и образованію выше большинства молодыхъ художниковъ, она, относясь къ нимъ съ равенствомъ товарища, незамѣтно направляла ихъ къ пріобрѣтенію нужныхъ имъ знаній, къ усовершенствованію ихъ способностей. Иногда, впрочемъ, она даже употребляла нѣкоторое насиліе надъ своими юными друзьями, по ихъ собственнымъ словамъ заставляла ихъ работать.

Осенью 1886-го года Е. Д. предложила своимъ товарищамъ, вмѣсто собраній для совмѣстнаго рисованія, отправляться осматривать старинныя церкви и зданія Москвы. Была составлена программа; передъ осмотромъ памятниковъ ихъ всесторонне изучали по имѣющимся увражамъ; въ вечернихъ собраніяхъ читались рефераты о видѣнномъ. Археологическія и историческія знанія Полѣновой были въ высшей степени драгоцѣнны при руководствѣ этими занятіями.

Подъ вліяніемъ Полѣновой составился въ 1895-мъ году кружокъ художниковъ, задавшійся мыслью устроить историческую народную выставку. Выставка именовалась „народной“, потому что должна была быть крайне дешевой (не больше 5-и к. за входъ) и носить характеръ поучительный, т. е. сюжеты изъ Библіи и древне русской исторіи были выбраны систематически и должны были изображать самые выдающіеся моменты исторіи или характеризовать бытъ древнихъ народовъ. Идея была всѣмъ симпатична, но Е. Д. была настоящей вдохновительницей самаго дѣла. Если историческая выставка и не состоялась, то приготовленія къ ней принесли много пользы, соединивъ художниковъ, давъ имъ возможность высказываться другъ передъ другомъ и поднимать интересные вопросы, дѣлавшіеся предметомъ жаркихъ споровъ.

Помню, разъ толковали о томъ, какъ слѣдуетъ трактовать пред-

Библиотека "Руниверс"

ставляемые народу сюжеты: со стороны только дидактической или вмѣстѣ и художественной. Говорили, что для поученія народа надо писать плоскими тонами большія иллюстраціи, предлагали устроить мастерскія, гдѣ бы такія картины фабриковались общими усиліями, высказывали, что народъ не пойметъ сюжеты, трактованные слишкомъ субъективно и современно. Восторжествовало мнѣніе, которому сочувствовала и Полѣнова, гласившее, что то, что хорошо для насъ, хорошо и для народа, что выставка должна быть прежде всего художественная, что живописцы должны сами интересоваться своей работой, творить свободно, сообразно своимъ понятіямъ и чувствамъ; если одно и будетъ непонятно простолюдинамъ, за то другое привлечетъ ихъ вниманіе, и этотъ выборъ послужитъ указаніемъ для будущихъ выставокъ. Оживленіе было большое: ходили по музеямъ, читали, писали эскизы, выставляли ихъ; Сизовъ читалъ лекціи о древнерусскомъ костюмѣ... Къ сожалѣнію, это была кратковременная вспышка: къ сроку, назначенному для выставки, были готовы только немногія картины, и, къ чести женщинъ, онѣ принадлежали ихъ кисти. Выставку отложили до слѣдующаго года, но, послѣ отъѣзда Елены Дмитріевны за границу, всѣ какъ-то охладѣли, кружокъ раздѣлился и хорошее дѣло кануло въ Лету! Полѣнова, однако, кончила задуманныя картины: „Видѣніе Бориса и Глѣба одному изъ воиновъ“ Александра Невскаго и „Убіеніе Бориса“. Впослѣдствіи эти ея произведенія, вмѣстѣ съ другими, предназначавшимися для народной выставки, между которыми находились работы В. Д. Полѣнова, Э. Я. Шанксъ, Рерберга, Турлыгина, Головина и др., были выставлены въ Историческомъ музеѣ и, потомъ, на Смоленскомъ бульварѣ.

Въ то же время Е. Д. была занята заказами образовъ, эскизами для ковровъ, виньетокъ. Послѣ знаменитыхъ тулонскихъ дней, Н. В. Стасова попросила ее сдѣлать заставку для адреса, посылаемаго русскими женщинами французскимъ; по этому поводу Е. Д. писала: „мнѣ пріятно было, что, когда Надеждѣ Васильевнѣ понадобилась работа женщинъ, она подумала обо мнѣ“.

Неутомима была дѣятельность Е. Д. Мысль ея работала даже во снѣ: ей часто снились новые орнаменты или сочетанія красокъ, которые она, проснувшись, зарисовывала. Елена Дмитріевна разсказывала мнѣ, что она обладала цвѣтнымъ слухомъ (audition colorée) и что много орнаментовъ возставали въ краскахъ передъ ея глазами, во время исполненія музыкальныхъ пьесъ. Слушая совершенно незнакомую ей музыку, она зарисовывала одно за другимъ то, что появлялось ей такимъ образомъ и, въ концѣ, выходилъ окончательный и строго стильный рисунокъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

Въ концѣ 1887-го года, я познакомилась съ Е. Д. Полѣновой въ домѣ ея брата Василія Дмитріевича, съ которымъ я была давно знакома. Съ Еленой Дмитріевной мы сошлись не сразу: въ ней не было привѣтливости, милаго и одинаковаго вниманія къ каждому гостю, она была неровна въ обращеніи: то любезна, то рѣзка и, какъ мнѣ казалось, пренебрежительна.

Я заподозрѣла нѣчто, не только равнодушное, но даже не дружелюбное по отношенію ко мнѣ.

Я рѣшила прекратить знакомство съ ней и отказалась отъ ея приглашенія участвовать въ устраиваемыхъ ею вечернихъ занятіяхъ керамикой. Но я не выдержала характера: меня неудержимо тянуло туда, гдѣ говорятъ и спорятъ о моемъ любимомъ искусствѣ, тянуло къ Василію Дмитріевичу, котораго всегда цѣнила и любила; тянуло къ его матери Марьѣ Алексѣевнѣ Полѣновой. Что это была за чудесная старушка! Даже комната ея была проникнута особенной атмосферой, въ которой было уютно и легко дышать. Стариной вѣяло въ этой комнатѣ и любовью къ искусству: стоятъ старыя вещи, разбросаны коврики и подушки, на стѣнахъ акварельные портреты предковъ, масляныя копіи съ большихъ картинъ, работы Марьи Алексѣевны. И въ этой рамкѣ сидитъ она, прелестная старушка, съ выраженіемъ лица безконечно добрымъ и милымъ, встрѣчаетъ васъ съ ласковымъ привѣтомъ, съ чарующей улыбкой; все она про васъ помнитъ, обо всемъ участливо разспроситъ... Молодые люди льнули къ ней, она интересовалась ихъ дѣлами, давала имъ совѣты, радовалась ихъ успѣхамъ. Несмотря на очень преклонный возрастъ, она сохранила всю свѣжесть ума и умѣнье понимать современное и молодое. Тянуло меня, несмотря ни на что, и къ Еленѣ Дмитріевнѣ, дѣятельностью которой я восхищалась. И вотъ, послѣ долгаго времени, я рѣшилась побывать у Полѣновыхъ. На мое счастіе, Е. Д. была въ благодушномъ и оживленномъ настроеніи, втянула меня въ разговоръ, и вечеръ прошелъ для меня пріятно. Весною, передъ отъѣздомъ на югъ, я зашла проститься и застала только Е. Д. и ея матушку. Чайный столъ устроили на обсаженномъ деревьями дворикѣ и, въ этотъ мягкій весенній вечерокъ, мы мирно и хорошо поговорили по душѣ.

При болѣе близкомъ знакомствѣ я замѣтила, что настроеніе Е. Д. можетъ крайне быстро мѣняться, въ зависимости отъ ведущагося разговора: если послѣдній мало интересовалъ ее, она была молчалива, холодна и, будто, сердита, если болѣе—она оживлялась,

Библиотека "Руниверс"

дѣлалась участливой и говорила горячо, красиво. Она не искала возбудить въ людяхъ то или другое чувство къ себѣ, она вся и всегда была проникнута своимъ дѣломъ, кто сочувствовалъ ему, тотъ и былъ ей дорогъ. „Я могу годами не бывать у человѣка", говорила она мнѣ, „но, если меня что-нибудь заинтересуетъ, если явится какое-нибудь общее дѣло, то я приду, точно я съ нимъ вчера видѣлась". Дѣйствительно, мы иногда подолгу не видались, но, когда сходились, всегда долго просиживали вмѣстѣ, имѣя много темъ для разговоровъ. Я чаще всего бывала у Е. Д., когда она писала свою картину „Въ гостяхъ у крестной". Меня привлекала правдивая передача художницей съ натуры окна съ кисейной занавѣской и скользящаго сквозь нея свѣта. Полѣнова любила пейзажъ. „Ахъ, какія крыши!" восклицала она, глядя изъ окна моей квартиры, „что это вы не пишете ихъ, я не понимаю! Такъ интересно. Я къ вамъ непремѣнно приду написать ихъ". Она этого не исполнила, но написала мальчика на крышѣ изъ своего собственнаго окна.

Во время изданія перваго выпуска сказокъ, у Полѣновой было много хлопотъ и непріятностей, ей надоѣдали чисто практическія заботы. Ей приходилось самой раскрашивать фототипіи или поправлять то, что ей портили неумѣлыя личности; такая работа отнимала много времени и была ей не по душѣ, Е. Д. горько жаловалась, что взяла на себя такую обузу. Когда я выразила желаніе пріобрѣсти экземпляръ „Грибовъ", она дала мнѣ нераскрашенный и сказала съ досадой: „по-моему такъ лучше. Захотите, сами раскрасите".

Когда я приняла участіе въ народной выставкѣ, Е. Д. стала часто заходить ко мнѣ и, несмотря на то, что была очень занята, засиживалась подолгу. Мы горячо толковали о лучшемъ осуществленіи этого предпріятія, о раздачѣ остающихся сюжетовъ, объ эскизахъ, которые мы уже видѣли, о томъ, какимъ образомъ устроить помощь неимущимъ художникамъ при ихъ работѣ: добыть помѣщенія, пріобрѣсти имъ холсты, краски... Е. Д. уговаривала меня, кромѣ избраннаго уже мною пейзажнаго сюжета, взять еще другой: „Мозаичисты въ Софійскомъ соборѣ" и ѣхать для этого въ Кіевъ. На мое возраженіе, что я не съумѣю написать большихъ фигуръ, она возражала, что въ этой картинѣ главное не фигуры, а самый храмъ, его архитектура, воздухъ, полумракъ въ немъ. Она тутъ же начала сочинять картину: одинъ художникъ стоитъ и работаетъ на лѣстницѣ, другой подаетъ ему что-нибудь; послѣдній виденъ только верхней частью туловища, оба почти задомъ къ зрителю. „Вы можете, говорила она, весь храмъ, всю мозаику

Библиотека "Руниверс"

написать съ натуры, съ хоровъ, это можно очень хорошо сдѣлать, и вы сдѣлаете, воздухъ вамъ такъ удается! Поѣзжайте, у васъ есть время. Я знаю, что это у васъ выйдетъ"!

Надо сказать, что никто не могъ такъ подговорить, подбить, увлечь, какъ Елена Дмитріевна, если она этого хотѣла.

Въ нашихъ бесѣдахъ, я съ жадностью слушала Полѣнову. Ея сужденіямъ я вполнѣ довѣряла, она много видѣла, была серьёзно художественно образована, безъ самомнѣнія, но увѣренно передавала свои впечатлѣнія. Только разъ, когда я, послѣ одного изъ ея путешествій за границу, спросила ее, какъ ей понравился Бёрнъ Джонсъ, я замѣтила въ ней колебаніе: „сначала какъ-то странно", отвѣтила она, немного подумавъ, „но, когда всмотришься—хорошо. Да, все-таки это очень хорошо"...

Что меня болѣе всего плѣняло въ нашихъ бесѣдахъ съ Полѣновой, это ея безграничное увлеченіе интересовавшимъ ее предметомъ разговора, увлеченіе до того интенсивное, что слова ея принимали силу образовъ. Послѣ такой бесѣды, устаешь физически, но на душѣ хорошо и рука тянется къ кисти...

III.

Въ 1902-мъ году, на посмертной выставкѣ произведеній Полѣновой былъ собранъ весь ея oeuvre. Только увидя вмѣстѣ весь трудъ нашей художницы, можно вполнѣ оцѣнить, сколько таланта, мысли, любви въ ней было. Безконечно сильное впечатлѣніе производила выставка на посѣщавшихъ ее. Двѣ женщины расплакались на ней. „Что съ вами?"—„Не знаю, отвѣчала одна, ужъ такъ хорошо, такъ хорошо"!—„Тутъ вся ея душа", сказала другая. Да, тутъ была вся ея душа; широкая, горячая, нѣжная...

Находясь въ этихъ залахъ, можно было слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ развитіемъ художницы, за перемѣнами, происходившими въ ея сознаніи, здѣсь какъ бы проходила передъ зрителемъ вся ея жизнь, неразрывно связанная съ ея дѣломъ. Эта выставка была біографіей Е. Д. Полѣновой. Чего только не касалась она своею живою мыслью! Здѣсь и реалистическіе этюды, и стилизаціи, и картины масляными красками, и акварели, и пастели, и керамика, и мебель, сдѣланная по ея рисункамъ, и ткани, и альбомы, въ которые зарисовывались мимолетныя впечатлѣнія.

Страстно схватывала Елена Дмитріевна эти впечатлѣнія направо и налѣво, но, взявшись за какой-нибудь трудъ, отдавалась ему вполнѣ, добросовѣстно разработывая со всѣхъ сторонъ задуманное

Библиотека "Руниверс"

произведеніе. Рядъ акварелей наглядно показываетъ, какъ послѣдовательно подходила она отъ перваго этюда съ натуры къ тому обобщенію, которое наиболѣе удовлетворило художницу.

Глядя на масляные и акварельные этюды Полѣновой, на эти окошки избъ, коньки надъ воротами, бугорочки, птичьи гнѣзда; на купающихся дѣвочекъ, на куръ и воронъ, на полянки въ лѣсу, заросшія цвѣтами, чувствуешь, какъ любила она все это и съ какою любовью воспроизводила. И милые уголки природы, и любовь къ нимъ Елены Дмитріевны трогаютъ насъ, какъ нѣчто *наше*, близкое нашему сердцу.

Въ стилизаціи цвѣтовъ у Полѣновой совершенно свой, прелестный жанръ, нѣчто среднее между чистымъ орнаментомъ и живыми цвѣтами: стилизуя цвѣты, художница сохраняетъ имъ ихъ характеръ, ихъ жизнь. Въ классическомъ орнаментѣ вовсе не думаешь о томъ листѣ, который послужилъ ему моделью, въ орнаментѣ Полѣновой, несмотря на измѣненные контуры и фантастическую окраску, сейчасъ узнаешь родной и любимый полевой цвѣтокъ.

Съ какимъ-то благоговѣніемъ останавливаешься передъ альбомчиками Е. Д., этими дневниками художника. Вотъ ея тетрадка путешествія по Италіи въ 1895-мъ году. Какъ внимательно набрасываетъ она акварелью, часто изъ окна вагона, проходящую мимо ея глазъ природу, какъ умѣетъ схватить самое характерное; какъ загорается ея колоритъ по мѣрѣ того, какъ она подвигается къ югу, и какъ тухнетъ опять на обратномъ пути, приближаясь къ Москвѣ! Какъ хороши ея копіи съ древнихъ мозаикъ въ Римскихъ церквахъ: въ крошечныхъ акварелькахъ, сдѣланныхъ на глазъ, она такъ рельефно и вѣрно передала самое характерное въ оригиналахъ, что, кажется, по этимъ рисункамъ можно возстановить самую мозаику.

Трудно оторваться отъ „сказокъ“, съ ихъ юморомъ, съ ихъ чутьемъ понятымъ русскимъ духомъ, „сказокъ“, которыя нравятся дѣтямъ, но имѣютъ глубокій смыслъ и для взрослыхъ. Первая картина Е. Д. масляными красками, хотя и уступаетъ послѣднимъ въ техникѣ, кажется мнѣ наиболѣе оригинальной изъ ея картинъ. Очень симпатиченъ „Урокъ анатоміи“, этотъ ничѣмъ не прикрашенный уголокъ частной жизни съ знакомыми дѣвушками, занятыми серьёзнымъ трудомъ, которому онѣ и на полотнѣ, и въ дѣйствительной жизни глубоко сочувствуютъ.

Необыкновенно правдивая и колоритная вещь „Купающіяся дѣвочки“, особенно хороши, въ этой картинѣ дверь изъ купальни, съ виднымъ за нею пейзажемъ и со стоящею на порогѣ дѣвочкой, голое тѣло которой такъ и утопаетъ въ воздухѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣдніе годы своей жизни Е. Д. сильно увлекалась новыми теченіями въ искусствѣ и все болѣе и болѣе предавалась символизму. Въ этомъ отношеніи самое характерное—ея „Звѣрь“. Это удивительная, наводящая на печальныя размышленія, картина. На первомъ планѣ направо отъ зрителя, крестьянская дѣвочка, приподнявшись „на цыпочки“, рветъ съ дерева сливы; чистое дитя, спокойная, радостная, она все вниманіе сосредоточила на деревѣ со сливами и не замѣчаетъ тихо въ травѣ подкрадывающагося къ ней звѣря-дракона: безпечная, невинная юность и не подозрѣваетъ злого горя жизни, котораго ей не миновать. Дѣвочка трактована совершенно реально, и она очаровательна: въ ней много простоты, это милая русская дѣвочка; поза ея граціозна, нарисована она прекрасно. Звѣрь тоже хорошъ, въ немъ что-то сладострастное и ехидное, и онъ прекрасно подкрадывается.

Но окружаетъ эти два дѣйствующія лица не природа, какъ бы слѣдовало ожидать, а что-то непонятное, невообразимое: какой-то пестрый фонъ изъ стилизованныхъ растеній, изъ яркихъ бляхъ и пятенъ, уничтожающихъ совершенно воздухъ. Это переходъ къ тѣмъ произведеніямъ Е. Д., въ которыхъ нѣтъ уже ничего реальнаго, гдѣ видны слѣды надвигающейся болѣзни, но гдѣ, до послѣдней минуты, все еще сказывается ея талантъ. Въ самомъ послѣднемъ изъ нихъ, въ „Цвѣткѣ папоротника“, громадный, неясной формы цвѣтокъ, занимающій собою большое полотно, положительно свѣтится: сила колорита заставляетъ его горѣть какъ бы внутреннимъ, переливчатымъ огнемъ. Съ нимъ блеснуло въ послѣдній разъ вдохновеніе нашей художницы, какъ ярко вспыхиваетъ лампада, передъ тѣмъ, какъ ей потухнуть.

Тяжело, что такъ рано ушла отъ насъ Елена Дмитріевна, но она оставила намъ яркую память о себѣ, сознаніе, что крѣпнутъ силы русской женщины, и что не даромъ кладетъ она свой камень въ родное зданіе русскаго искусства.

Е. Юнге.

Библиотека "Руниверс"

Прошлое Сибири.

(Потребность въ изученіи его).

„Не жалѣйте того, кто занимается этимъ, повидимому, сухимъ трудомъ (работа въ архивахъ) и черезъ то лишаетъ себя житейскихъ наслажденій. Правда, эти бумаги мертвы; но въ нихъ тлѣетъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе, — изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій".

Леопольдъ фонъ-Ранке.

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ только что пережитаго нами XIX столѣтія, въ русской исторической наукѣ наблюдается новое теченіе мысли и стремленіе возможно ближе и глубже изучить, почти еще неизслѣдованную, сторону того историческаго процесса, который создалъ въ XVI вѣкѣ объединенное изъ великокняжескихъ удѣловъ Московское царство, выдвинувши вмѣстѣ съ нимъ въ первую очередь созидательной и централизующей государственной работы сѣверо-восточное великорусское племя, господство котораго и начинается съ этого новаго „послѣтатарскаго" объединительно-собирательнаго періода исторіи Московской Руси.

Это новое направленіе въ исторической наукѣ коснулось, главнымъ образомъ, изученія внутренней, такъ сказать, народной стороны вопроса, его этнографическихъ и чисто мѣстныхъ бытовыхъ особенностей старой русской федеративно-областной жизни.

Представителями такого новаго направленія въ русской исторической наукѣ, которое можно было бы назвать этнографическо-областнымъ, выступили наши извѣстные историки: Костомаровъ, Буслаевъ, Кавелинъ и особенно Щаповъ и Забѣлинъ.

Библиотека "Руниверс"

Эти корифеи русской исторіи стали указывать на настоятельную необходимость, для пониманія основныхъ историческихъ свойствъ русскаго народа вообще и русскаго государства въ частности, обратить прежде всего особенное вниманіе на изученіе мѣстныхъ народныхъ свойствъ нашего постепеннаго историческаго развитія.

Предлагаемый ими новый методъ историческаго изслѣдованія можно было бы назвать „областнымъ, колонизаціонно-географическимъ“ или же „естественно-федеративнымъ“.

„Только подробнымъ осмотромъ и разслѣдованіемъ мѣстныхъ областныхъ памятниковъ отжившаго быта,—говоритъ историкъ Забѣлинъ [1])—мы достигнемъ возможности выяснить себѣ наши областныя исторіи, а вмѣстѣ съ ними и главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неумолкаемо слышится въ каждомъ испытывающемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности. Теперешнимъ ходомъ нашей внутренней жизни мы поставлены въ рѣшительную необходимость знать это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ... Трудно дѣлать дѣло, и особенно народное дѣло, когда не сознаешь вполнѣ, въ чемъ его истина и гдѣ его ложь. А такое сознаніе только и можетъ дать народная исторія. Безъ точнаго знакомства съ мѣстными особенностями нашей исторической жизни и наше плаваніе по жизненной исторической нашей рѣкѣ будетъ если не опасно, то трудно, тягостно, и можетъ потребовать излишнихъ напрасныхъ усилій, напрасной траты времени и народныхъ дарованій. Мы должны хорошо и въ подробности знать—откуда мы плывемъ, гдѣ и куда плывемъ... Мы вообще думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны“.

Другой нашъ историкъ-сибирякъ по происхожденію—А. П. Щаповъ [2]), занимавшій въ 60-хъ годахъ каѳедру русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ, говоритъ, что „Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть, по преимуществу, исторія различныхъ

---

[1]) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи; т. II, стр. 108—109.

[2]) Первый шагъ „Сборникъ“. Казань. 1876 г. стр. 407—412; „Отечественныя записки“ за 1861 годъ, № 10-й, стр. 579—586.

Библиотека "Руниверс"

областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территоріальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное, территоріальное и этнографическое самообразованіе областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать намъ про вѣковую, особую самобытность, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ, началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи... и мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зиждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи. Русская исторія, основанная только на идеѣ централизаціи, исключающая идею областности, есть то же, что отрицаніе существеннаго жизненнаго значенія областей, какъ разнообразныхъ органовъ въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма—русскаго народа. А кто не знаетъ, что безъ знанія устройства и отправленій различныхъ отдѣльныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма.

„Такъ точно и безъ знанія разнообразной историческо-этнографической организаціи, характера, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ невозможно полное и отчетливо ясное пониманіе русской исторіи. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей...

„Особенно же въ наше время наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо, уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время [1]) кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало-по-малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-

---

[1]) Нужно помнить, что это говорилось и писалось Щаповымъ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX ст., когда дѣйствительно было замѣтно пробужденіе умственной жизни и на нашихъ окраинахъ, въ томъ числѣ и въ Сибири, но, къ сожалѣнію, этотъ подъемъ духовно-умственной дѣятельности сибирскаго общества продолжался недолго и вновь уступилъ мѣсто застою и равнодушію къ умственнымъ запросамъ времени.

Библиотека "Руниверс"

этнографическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самопознанія, но и органами возбужденія въ провинціальныхъ массахъ идеи политическаго самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государства"...

Если на окраинахъ Европейской Россіи, за послѣднее 25-ти-лѣтіе, быть можетъ, дѣйствительно пробудилось общественное самосознаніе и выработалась уже потребность въ изученіи нашихъ окраинныхъ провинцій не только въ географическо-статистическомъ отношеніи, но и въ отношеніи изслѣдованія ихъ историческаго прошлаго, за то наша обширная Сибирь, хотя и встряхнулась уже отъ вѣковой своей спячки и вступила на новый путь культурно-экономическаго развитія, но все же до полнаго ея пробужденія, я думаю, остается еще много времени.

Сибирякъ по рожденію и воспитанію, изъѣздившій Сибирь въ разныхъ направленіяхъ и, насколько было возможно, изучившій многое изъ ея прошлаго и настоящаго, я думаю, что и теперь еще, въ извѣстномъ отношеніи, не потеряли своего значенія и смысла слова, съ которыми въ № 1-мъ газеты „Сибирь" за 1878 годъ, въ передовой статьѣ, ея редакторъ и извѣстный сибирскій дѣятель М. В. Загоскинъ обращался къ дремавшему тогда инертному сибирскому обществу: „кто разбудитъ это спящее царство? Откуда раздастся звонъ и громъ, способные прервать этотъ вѣковой сонъ? Жизнь не ждетъ, проходитъ годъ за годомъ; одно поколѣніе смѣняетъ другое. И все тотъ же мертвенный сонъ, все такъ же, какъ инфузоріи въ стоячей водѣ, копошатся люди въ темномъ житейскомъ омутѣ, ни о чемъ не помышляя, только борясь и поѣдая другъ друга въ жалкой борьбѣ за существованіе! Проснитесь: вѣдь этотъ сонъ можетъ перейти въ смерть; эта глухая борьба можетъ, пожалуй, кончиться истребленіемъ самой человѣческой расы. Слышите ли вы, читатель, хоть отдаленный крикъ пѣтуха, возвѣщающаго зарю дня. Чуете ли вы своимъ сердцемъ приближеніе вѣтра, несущаго весну и благоуханіе. Видите ли вы, въ минуту умственнаго просвѣтлѣнія, признаки пробужденія нашего общества и поворота отъ состоянія нравственнаго застоя къ дѣятельности сознательной и разумной? Тамъ, на западѣ Россіи и Европы, мерцаетъ свѣтъ, обѣщающій людямъ тепло и жизнь. Здѣсь мы не видимъ даже слабаго мерцанія. Достигнетъ ли этотъ свѣтъ до насъ и готовы ли наши свѣтильники, чтобы зажечь ихъ отъ этого свѣта. Понятенъ ли намъ смыслъ этой пѣсни, давно знакомой другимъ народамъ, даже японцамъ: „свѣтъ тихій, свѣтъ науки и просвѣщенія, свѣтъ правды и человѣчности, свѣтъ свободы и самосознанія, приди и вселися въ насъ".

Библиотека "Руниверс"

Дѣйствительность и теперь еще, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ этого призывного набата газеты „Сибирь“, къ сожалѣнію, говоритъ намъ, что современное сибирское, интеллигентное, конечно, общество, въ отношеніи собственнаго самопознанія, слишкомъ еще мало подвинулось впередъ.

Въ особенности же нашей родной Сибири остается многаго желать въ отношеніи изученія ея прошлыхъ судебъ, столь къ тому же оригинально-самобытныхъ и отличныхъ отъ прошлаго своей метрополіи.

Слѣдуетъ всегда и прежде всего помнить, что „не въ будущемъ, котораго еще не было, а въ прошломъ скрыты законы нашей жизни“. Поэтому изучать свое прошлое—значитъ изучать самихъ себя.

„Будущее, по словамъ одного нашего современнаго публициста, пока не существуетъ, настоящее мимолетно—его едва успѣваешь разглядѣть,—и въ сущности вся жизнь наша, вся радость, всѣ мечты и очарованія погребены въ прошломъ. Изученіе нашего прошлаго (исторіи) даетъ безкорыстное познаніе, познаніе того, чего уже нѣтъ, но что составляетъ, можетъ быть, самую душу сущаго. Любовь къ родной старинѣ характеризуетъ наиболѣе глубокій и вдумчивый духъ. Современное, текущее, модное, часто, назойливо лѣзетъ намъ въ глаза и засоряетъ голову...

— Уйти куда-нибудь въ тишину, въ молчаніе, въ міръ величавый, когда-то бывшій,—для многихъ просто спасеніе. Многіе еще не знаютъ, что это за прелесть изученіе прошлаго (исторіи, археологіи) и до какой страсти можно имъ увлекаться, напримѣръ, изучая коллекцію старыхъ монетъ или трудноразбираемыхъ древнихъ рукописей“.

Исторія вообще, какъ многіе удостовѣряютъ, обладаетъ исключительнымъ свойствомъ вызывать особый трансъ, трансъ ясновидѣнія, отвлеченія души въ другія пространства и другія времена. Не даромъ же лучшимъ развлеченіемъ лучшимъ людей всѣхъ временъ и народовъ были „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Извѣстный сибирскій историкъ Петръ Андреевичъ Словцовъ (1767—1843),—„этотъ первый, по словамъ Г. Н. Потанина, будильникъ умственной жизни въ Сибири“, всегда принимавшій близко къ сердцу радости и скорбь родной Сибири, считалъ всегда высокополезнымъ и необходимымъ дѣломъ возобновлять въ памяти новыхъ поколѣній сибиряковъ исторію ихъ угрюмой, далекой и холодной родины,—этой страны человѣческихъ слезъ и страданій.

Говоря объ этомъ, маститый сибирскій историкъ тутъ же, какъ бы, задумывается надъ вопросомъ: да есть ли смыслъ, интересъ и какая-либо надобность изучать исторію „страны не веселой, не знав-

Библиотека "Руниверс"

шей мечтаній славы, проявленія генія, побѣдъ, политики, не видавшей у себя великихъ міра, кромѣ великихъ изгнанниковъ его, не имѣющей яркихъ, величественныхъ памятниковъ и т. п." [1]).

И сейчасъ же на этотъ смущающій его вопросъ „будильникъ умственной жизни Сибири", съ трогательной задушевностью, даетъ утвердительный отвѣтъ, доказывая, что сибирякамъ давно пора знать свою исторію, которая должна быть „потребностью души ихъ".

Не забудемъ, что это было писано и говорено Словцовымъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Позднѣе, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, среди сибирскаго общества замѣтно было повышенное стремленіе къ умственнымъ запросамъ и интересамъ, выдвинувшее на очередь вопросы духовнаго возрожденія Сибири, ея промышленнаго и экономическаго развитія.

Возникновеніе мѣстныхъ сибирскихъ печатныхъ органовъ, ученыхъ и просвѣтительныхъ кружковъ и, наконецъ, открытіе Сибирскаго университета много подвинули впередъ умственную жизнь этой забытой страны, на благо которой не мало въ свое время поработали позднѣйшіе послѣ Словцова „умственные будильники" ея, тоже природные сибиряки,—Вагинъ, Загоскинъ, Шашковъ, Щаповъ, Щегловъ, Щукинъ, Ядринцевъ, Потанинъ, Омулевскій, Федоровъ, Наумовъ, Сулоцкій, Знаменскій, Золотовъ, Нестеревъ, Усовъ, Катанаевъ, Голодниковъ, И. Я. Словцовъ и др.

Теперь же, съ проведеніемъ великаго рельсоваго пути, опоясавшаго всю обширную Сибирь отъ Уральскихъ горъ до береговъ Великаго океана, и съ быстрымъ ростомъ промышленно-экономическаго развитія страны, настала, кажется, пора болѣе живой и сознательной работы въ области изученія прошлаго Сибири,—для чего мѣстная сибирская интеллигенція и должна показать примѣръ, выдвинувши впередъ забытое, какъ будто, и даже заброшеное дѣло изученія прошлаго Сибири.

А что оно дѣйствительно заброшено и забыто,—тому служитъ доказательствомъ отсутствіе въ послѣднее время печатныхъ трудовъ по исторіи Сибири, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ брошюръ и отдѣльныхъ статей въ запискахъ мѣстныхъ отдѣловъ Императорскаго Географическаго общества (Иркутскаго и Омскаго) и изданій губернскихъ статистическихъ комитетовъ и мѣстныхъ музеевъ.

Пріятное въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ вышедшій осенью 1910 года весьма интересный и довольно солидный

---

[1]) Словцовъ „Историческое обозрѣніе Сибири", книга I-ая стр. XXI.

Библиотека "Руниверс"

историческій трудъ Н. Н. Козьмина—подъ заглавіемъ: „Очерки прошлаго и настоящаго Сибири".

Эта прекрасная книжка, заключающая въ себѣ предисловіе и семь отдѣльныхъ статей, касается многихъ весьма интересныхъ сторонъ изъ прошлаго и настоящаго Сибири, какъ-то: объ ясакѣ и Государевой пашнѣ въ Сибири XVII-го вѣка; о дѣятельности С. Б. Броневскаго, бывшаго въ Иркутскѣ генералъ-губернаторомъ, по его же запискамъ; объ извѣстныхъ сибирякахъ А. П. Щаповѣ и М. В. Загоскинѣ и ихъ научной и просвѣтительной дѣятельности; о кустарной промышленности и, наконецъ, о постановкѣ аграрнаго вопроса въ Иркутской губерніи.

Всѣ эти статьи, богатыя по содержанію, безспорно, заключаютъ въ себѣ весьма цѣнный матеріалъ, проливающій свѣтъ на нѣкоторые періоды прошлаго Сибири.

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ Н. Н. Козьминъ, между прочимъ, высказываетъ надежду, что „очерки эти, несмотря на ихъ отрывочность, быть можетъ, до нѣкоторой степени, послужатъ толчкомъ къ оживленію въ области Сибирскихъ историческихъ изученій".

Охотно присоединяемся къ пожеланіямъ почтеннаго Н. Н. Козьмина и сердечно желаемъ, чтобы его призывъ къ совмѣстной и дружной работѣ по изученію прошлаго нашей родной Сибири былъ услышанъ тѣми ея сынами, коимъ еще дороги процвѣтаніе и будущность вообще ихъ родины. Будемъ вѣрить и надѣяться, что этотъ призывъ найдетъ послѣдователей, а изданные Н. Н. Козьминымъ „Очерки"—подражателей и продолжателей.

А для такой научно-исторической работы здѣсь въ Сибири дѣйствительно богатый и непочатый уголъ!..

У насъ вѣдь до сихъ поръ еще нѣтъ ни одной губернской или областной ученой архивной комиссіи. Самые архивы въ главнѣйшихъ сибирскихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Читѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ и др., остаются до сихъ поръ необслѣдованными и даже неприведенными въ порядокъ, удобный для научной обработки ихъ матеріаловъ. Многіе же архивы, довольно цѣнные по содержащимся въ нихъ документамъ, хранятся, какъ я знаю, въ полномъ безпорядкѣ, грозящемъ даже уничтоженіемъ многихъ старыхъ актовъ.

Нѣтъ также у насъ какихъ-либо ученыхъ обществъ или организацій, задавшихся цѣлью собиранія и обработки историческихъ архивныхъ матеріаловъ.

Не выходитъ у насъ въ Сибири никакихъ періодическихъ из-

Библиотека "Руниверс"

даній, въ которыхъ бы печатались письменные памятники прошлаго Сибири или же статьи монографическаго характера, касающіяся извѣстнаго періода изъ этого прошлаго.

Словомъ, въ настоящее время, кромѣ единичныхъ, часто случайныхъ попытокъ изданія отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ, въ родѣ упомянутыхъ „Очерковъ“ Н. Н. Козьмина, Сибирь не имѣетъ ничего цѣльнаго и солидарнаго по своей трехвѣковой исторіи, богатой эпизодами, лицами и фактами, достойными изученія, но бѣдной теперь изслѣдователями и работниками на этой неблагодарной научной нивѣ.

А что же нашъ Сибирскій „свѣтильникъ“ свѣта просвѣщенія, нашъ молодой Томскій университетъ, остается до сихъ поръ, какъ будто, равнодушнымъ къ прошлымъ судьбамъ страны, въ которой онъ призванъ насаждать высшую науку и знаніе?!?

Развѣ не ему, казалось бы, должно принадлежать первое слово, первый призывъ и первый кличъ по всей, изъ края въ край, обширной Сибирской землѣ къ ея сынамъ о совмѣстной научной работѣ на родной исторической нивѣ?!.

Думаемъ, что такой призывъ и починъ университета нашелъ бы живой откликъ среди сибиряковъ и сплотилъ бы многихъ изъ нихъ около этого „разсадника просвѣщенія“ для научной работы въ области историческаго изученія Сибири и этимъ положилъ бы основной камень для новаго хотя, быть можетъ, на первое время и очень скромнаго зданія-храма богини „Кліо Гиперборейской“, для служенія въ немъ на пользу просвѣщенія вообще и изученія Сибирской старины въ частности.

А разъ если бы нашлись такіе работники-жрецы, то, я увѣренъ, найдутся и необходимыя денежныя средства, безъ которыхъ никакое дѣло не можетъ успѣшно развиваться!

Думаемъ, что и наша родная Сибирь не оскудѣла еще щедрыми жертвователями-патріотами и меценатами, всегда готовыми откликнуться и помочь матеріально всякому доброму и полезному просвѣтительному дѣлу, предпринимаемому на пользу родины, какъ напримѣръ: Сибиряковы, Сукачевы, Молчановы, Щербаковы, Второвы, Макушины, Михайловы, Морозовы, Сыромятниковы, Чукмалдины, Игнатовы, Гадаловы, Деровы, Плещеевы, Мартьяновы и многіе другіе!

Будемъ и мы надѣяться, что на этотъ разъ и нашъ слабый голосъ не останется неуслышаннымъ нашими земляками-сибиряками, которые, мы думаемъ, призадумаются хотя нѣсколько надъ этой замѣткой и, быть можетъ, даже удостоятъ ее замѣчаніями, дополненіемъ или развитіемъ проводимой въ ней мысли и т. п.

Библиотека "Руниверс"

Мы были бы несказанно рады, если бы настоящая наша замѣтка вызвала въ нашей періодической печати обмѣнъ мнѣній по затронутымъ здѣсь вопросамъ. Это было бы для насъ самая лучшая награда!!

А теперь все же долгъ подсказываетъ намъ сказать здѣсь большое и сердечное спосибо все тому же Н. Н. Козьмину,—изъ первыхъ заговорившему въ наше безвременье громко о необходимости изученія историческаго прошлаго такой обширной и богатѣйшей страны, какъ наша родная, но многострадальная Сибирь!..

Съ легкой руки Н. Н. Козьмина мы, сибиряки, пойдемъ дружно по пути, указанному намъ нашими предками по работѣ на родной нивѣ изученія своей далекой и суровой родины, имена которыхъ я упомянулъ выше въ настоящей замѣткѣ, и тогда, съ чувствомъ собственнаго удовлетворенія, каждый изъ насъ въ правѣ будетъ вспомнить слова Пушкинскаго старца Пимена: „На старости я сызнова живу, минувшее проходитъ предо мною... Давно ль оно неслось, событій полно, волнуяся, какъ море-океанъ“.

Энъ-Пэ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни.
(1870—1875 г.).

Переживаемый нынѣ нами и нашими дѣтьми революціонный періодъ университетской жизни, рѣзко вспыхнувшій въ 1905 г. и тлѣющій до сихъ поръ, невольно обращаетъ свой взоръ къ прошлому университетской жизни, къ порѣ идеалистическаго настроенія учащейся молодежи, чуждавшейся всякихъ активныхъ, антиправительственныхъ выступленій. Въ общемъ „революціонномъ университетскомъ круговоротѣ“ въ скорбные дни нашей внутренней смуты немалую роль сыгралъ и университетъ Кіевскій, и это обстоятельство навело меня на мысль воспроизвести въ памяти пережитое время своего студенчества, начала 70-хъ годовъ, и печатно подѣлиться своими воспоминаніями о родной „alma mater“ съ читателями и товарищами, ряды которыхъ, увы, съ каждымъ годомъ все рѣдѣютъ и рѣдѣютъ...

Оговариваюсь, что въ задачу предлагаемыхъ замѣтокъ не входили соображенія автобіографическаго свойства, или тенденціознаго характера: вся цѣль замѣтокъ по возможности объективно изложить факты изъ университетской жизни, изъ жизни бытовой и школьной кіевскаго студенчества и профессуры за указаниый выше періодъ времени.

Библиотека "Руниверс"

Глава I.

Первыя впечатлѣнія.

Если время сороковыхъ годовъ совершенно правильно признаютъ временемъ расцвѣта философскаго и эстетическаго идеализма въ образованномъ классѣ общества и въ литературѣ, то начало 70-хъ годовъ съ такой же правильностью слѣдуетъ признать временемъ расцвѣта общественно-культурныхъ и научныхъ идеаловъ, выдвинутыхъ на первый планъ публицистиской 60-хъ г.г. и великими реформами Императора Александра II. Общество, подготовленное до шестидесятыхъ годовъ къ сознанію необходимости преобразованія условій общественныхъ, экономическихъ и правовыхъ сторонъ жизни русскаго народа, съ 1861 г. получаетъ отъ Великаго Преобразователя Россіи цѣлый рядъ величайшихъ государственныхъ соціально-экономическихъ актовъ во главѣ съ самымъ важнымъ изъ нихъ—актомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вслѣдъ за этимъ важнѣйшимъ актомъ для строя нашей народной жизни послѣдовали въ извѣстной постепенности и другія — не менѣе важныя реформы, обнимавшія многостороннія сферы общечеловѣческой культуры, какъ-то: судебная реформа, университетская, печати, земскаго и городского самоуправленій. До 70-хъ годовъ упомянутыя реформы были уже большею частью практически осуществлены; но объ нихъ еще не переставали говорить какъ въ обществѣ, такъ и въ текущей періодической печати, не переставали обсуждать значеніе вновь реформированнаго порядка вещей въ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Теченіе общественной мысли, воздѣйствіе печати обусловливались, въ свою очередь, совокупностью вліяній вновь реформированнаго строя жизни русскаго народа; нарождались новыя, идеальныя требованія въ духѣ времени, и эти-то идеалы наполняли головы молодежи 70-хъ годовъ, и какъ тогдашняя молодежь далека была отъ разной „Арцыбашевщины“ и „Горьковскаго босячества“. Конечно, и здѣсь не обходилось безъ крайностей; но крайности идеализма, выродившіяся, къ сожалѣнію, и въ сторону крайнихъ соціальныхъ ученій, не исключаютъ общаго правила. Такимъ образомъ, поступленію молодежи въ университетъ, въ это время, предшествовала нѣкоторая подготовка на почвѣ идеаловъ 60-хъ годовъ: съ идеальными же требованіями и я вступилъ въ университетъ, имѣя о „храмѣ науки“ самое возвышенное представленіе. Казалось намъ всѣмъ, что дорогая alma mater разъяснитъ, дополнитъ и приведетъ въ систему всѣ тѣ идеи, которыя такъ безпорядочно бродили

Библиотека "Руниверс"

въ головѣ, подъ вліяніемъ великихъ актовъ преобразовательной эпохи и такъ волновали молодое сердце, готовое беззавѣтно и безкорыстно отдаться всему возвышенному, гуманному и доброму. Какъ теперь помнится, съ чувствами большой радости и какого-то неуловимаго душевнаго волненія пришлось намъ впервые переступить порогъ университета. Сознаніе полной личной свободы, свободы въ распоряженіи временемъ для научныхъ занятій, отсутствіе внѣшняго контроля и надзора за тобой, непринужденность и оживленность студенческой „болтовни“, шумная большая и веселая толпа молодежи, собравшейся въ передней, корридорахъ, аудиторіяхъ и библіотекѣ, все это не могло не волновать и особенно хорошо бодрить 18-лѣтняго юношу. Занимали насъ и новыя товарищескія знакомства, любопытство подталкивало скорѣе спѣшить на лекціи, чтобы услышать живое слово профессора, получить ясный отвѣтъ на цѣлый рядъ запросовъ молодого ума...

По соблюденіи разныхъ формальностей и по зачисленіи въ студенты юридическаго факультета, мнѣ съ перваго же дня захотѣлось исправно посѣщать лекціи. Первую лекцію пришлось слушать по римскому праву профессора К. Митюкова (умеръ): представительная фигура лектора, съ классическимъ профилемъ лица, съ немного суровымъ его выраженіемъ, ясная и отчетливая дикція, величественная жестикуляція производятъ самое пріятное, но и внушительное впечатлѣніе. Это настоящій римлянинъ въ костюмѣ 19 столѣтія. Профессоръ Митюковъ читалъ свои лекціи то стоя у каѳедры, то сидя, и громкимъ голосомъ. Лекціи его по содержанію своему представляли серьезный и живой интересъ, а потому исправно и охотно посѣщались студентами въ особенности, когда профессоръ излагалъ курсъ исторіи римскаго права. Правда, профессоръ не рѣдко пополнялъ свои лекціи и цитатами изъ латинскаго текста; но это нисколько не охлаждало интереса къ предмету чтенія. Нерѣдко г. Митюкова приходили слушать изъ ближайшей черезъ залъ аудиторіи студенты-филологи. Свои требованія къ студентамъ г. профессоръ ограничивалъ знаніемъ курса его литографированныхъ лекцій, не былъ особенно строгъ и придирчивъ на экзаменахъ и вообще пользовался глубокимъ уваженіемъ молодежи, хотя и не искалъ популярности.

Вторая лекція, съ которой пришлось познакомиться — это по энциклопедіи права профессора Н. К. Рененкампфа († въ 1899 г.). На лекціи аудиторія его была полна студентами 1 курса. Можно было думать, что лекторъ увлекательно излагаетъ свой предметъ, или предметъ чтенія очень интересенъ; но тутъ не было ни того, ни другого; присутствіе массы студентовъ на первыхъ лекціяхъ по

Библиотека "Руниверс"

энциклопедіи права объяснялось просто особаго рода популярностью этого профессора. Какъ и на другихъ факультетахъ есть свой „грозовой“ профессоръ — и на юридическомъ этой „грозой“ былъ профессоръ Рененкампфъ; а энциклопедія права, вѣдь, главный предметъ въ системѣ курсовыхъ предметовъ и на полукурсовомъ экзаменѣ играетъ первостепенную роль. Профессоръ энциклопедіи права былъ неумолимъ на экзаменахъ, требователенъ страшно. Вотъ почему мы, „фуксы“, такими массами и валили на его первыя лекціи: ходили, чтобы ближе присмотрѣться къ этой „грозѣ“. Чтеніе грознаго профессора, при отчетливости и ясности дикціи, при нѣкоторомъ дѣланномъ паѳосѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ лекціи, не выходило изъ рамокъ того, что значилось въ извѣстной его книгѣ: „Очерки юридической энциклопедіи права“—этой настольной книги юриста до 3 курса. Въ изложеніи же философскихъ воззрѣній на право: Канта, Шеллинга, Фихте и другихъ и въ разъясненіяхъ положительнаго метода, въ примѣненіи его къ изученію науки права, кіевскій энциклопедистъ не мало, какъ говорятъ хохлы, „пидпускавъ туману“. Какъ человѣкъ, г. Рененкампфъ не былъ симпатиченъ и не пользовался расположеніемъ студентовъ и какъ полунѣмецъ, и какъ сухой, черствый педантъ, не обладавшій при томъ и особенно грузнымъ „ученымъ багажемъ“, не говоря уже о его требовательности на экзаменахъ,—но объ этомъ еще впереди. Слѣдующую лекцію по политической экономіи читалъ профессоръ Цѣхановецкій (†), онъ же и проректоръ университета. При всей своей личной симпатичности, уважаемый профессоръ читалъ лекціи довольно вяло, хотя лекціи сами по себѣ представлялись довольно содержательными. Заслуга профессора состояла, впрочемъ, въ томъ, что онъ съ большой охотой предлагалъ свои услуги для руководительства студентовъ при выборѣ авторовъ сочиненій по политической экономіи, для болѣе полнаго изученія этой науки. Правда, что тутъ, при обращеніи къ профессору, имъ указывались большею частію экономисты-классики: А. Смитъ, Милль, Мальтусъ, Рикардо и т. д.; но тутъ же рекомендовались и такіе рутинеры-фритредеры, какъ Бодрильяръ и т. п. Между тѣмъ, нашихъ юристовъ особенно занимала политическая экономія, какъ и вообще въ ту пору молодежь увлекалась или естественными, или соціально-экономическими науками, какъ увидимъ ниже. На экзаменахъ г. Цѣхановецкій былъ снисходителенъ къ студентамъ, а какъ проректоръ, совершенно равнодушно относился къ своему „административному“ положенію, довольствуясь теплымъ и уютнымъ уголкомъ въ казенной квартирѣ, въ зданіи университета.

Лекціи по государственному праву читались профессоромъ Ро-

Библиотека "Руниверс"

мановичемъ-Склаватинскимъ († въ 1911 г.), слывшимъ въ средѣ студентовъ подъ болѣе популярными названіями: „дворянина“ и „полковника“. Дворяниномъ почтеннаго профессора называли одни потому, что имъ написано извѣстное ученое изслѣдованіе: „о дворянствѣ въ Россіи“, а другіе, болѣе сталкивавшіеся съ профессоромъ, объясняли приведенное выше названіе тѣмъ, истинно дворянскимъ, вѣжливымъ, внимательнымъ и благожелательнымъ отношеніемъ, какое проявлялось со стороны профессора къ студентамъ. Званіе полковника присвоено профессору „стариной“ Кіевскаго университета, общеизвѣстнымъ служителемъ „Данилкой“, переведеннымъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ университетомъ изъ г. Вильны и очень популярнымъ между студентами. Кто изъ студентовъ пожелалъ бы узнать и запастись подробными біографическими и интимными даже свѣдѣніями о данномъ профессорѣ, — тотъ, обратившись къ Данилкѣ, будетъ вполнѣ удовлетворенъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ многихъ изъ г.г. профессоровъ Данилка зналъ еще студентами. Поистинѣ удивительною памятью обладалъ этотъ Данилка: о нѣкоторыхъ изъ г. профессоровъ онъ сообщалъ такія подробности изъ былого ихъ жизни, что надо было удивляться, какъ онѣ сохранились въ его памяти. Словомъ „вѣщій“ Данилка могъ всегда удовлетворить самое „ненасытное“ любопытство.—Лекціи г. Романовича-Склаватинскаго читались съ большимъ усердіемъ; но недостаточно сильный голосъ лектора для большой аудиторіи, отсутствіе плавности въ рѣчи—мѣшали почтенному профессору пользоваться успѣхомъ между студентами въ качествѣ лектора, — при безспорномъ уваженіи и симпатіи къ нему, какъ къ человѣку—хорошему и доброму. Добрый этотъ профессоръ всегда былъ къ услугамъ студентовъ и словомъ, и дѣломъ, а на экзаменахъ всѣми способами старался спасать „тонувшихъ“.

Первыя впечатлѣнія отъ лекцій перечисленныхъ г.г. профессоровъ хотя и не оправдали вполнѣ тѣхъ ожиданій чего-то волнующаго и „захватывающаго духъ“ молодого юнца, всецѣло не увлекли новизною мыслей, горячностью проповѣди научныхъ истинъ, что предполагалось встрѣтить въ „храмѣ науки“, — но все-таки лекціи данныхъ профессоровъ посѣщались нами болѣе или менѣе исправно, выслушивались съ серьезнымъ вниманіемъ, при чемъ занимало насъ не столько содержаніе самыхъ лекцій, съ которыми потомъ мы разсчитывали ознакомиться непосредственно по литографированнымъ запискамъ, — сколько интересовали насъ тѣ указанія г.г. профессоровъ на вспомогательныя пособія и руководства, которыми мы могли бы пополнить курсъ даннаго предмета. Охота же къ чтенію у насъ была большая; все хотѣлось скорѣе узнать,

Библиотека "Руниверс"

разъяснить, со всѣмъ ознакомиться энциклопедически. Мы еще вернемся къ этому явленію въ студенческой жизни. Полное же разочарованіе въ насъ, первокурсныхъ студентахъ-юристахъ,—вызвано было чтеніемъ лекцій проф. гражд. права г. Д—ко...

Въ обширной, амфитеатромъ устроенной аудиторіи вы видите передъ собой на каѳедрѣ тощую фигуру человѣка, качающаго головой то въ одну, то въ другую сторону слушателей; слышится тихая, отрывистая рѣчь его, шелестъ переворачиваемыхъ листовъ бумаги и сильныя выкрикиванія отдѣльныхъ фразъ въ направленіи наклоняющагося корпуса фигуры. Выкрикиванія нѣкоторыхъ фразъ были до того сильны и такой непріятной интонаціи, что часто невольно вздрагиваешь всѣмъ корпусомъ. Тембръ профессорскаго голоса глухой, сдавленный; рѣчь монотонная, усыпляющая; изложеніе мыслей сухое, безстрастное, какое-то автоматическое. Однимъ словомъ, такіе важные факультетскіе предметы, какъ гражд. право или судопроизводство, читались самымъ неважнымъ образомъ. Просидѣть лекцію гражд. права было настоящей пыткой, и мы гораздо пріятнѣе и производительнѣе проводили это время дома за чтеніемъ Кавелина, курсовъ Мейера, Побѣдоносцева и другихъ. Кромѣ всего изложеннаго, о данномъ профессорѣ у насъ были свѣдѣнія, что онъ принадлежитъ къ числу „старослуживыхъ“, исправляющихъ должность экстраординарнаго проф., и много работаетъ надъ докторскою диссертаціей „по наслѣдственному праву“. Однимъ словомъ, добрый лекторъ и человѣкъ — какъ профессоръ неудовлетворялъ насъ по своему спеціальному предмету.

На экзаменахъ же, и какъ деканъ факультета, г. Д—ко относился къ студентамъ довольно добродушно. Таковы первыя впечатлѣнія отъ первыхъ лекцій нашихъ профессоровъ-юристовъ по главнымъ предметамъ перваго курса. Приведенныя впечатлѣнія не мои личныя только: они составляютъ сводъ отзывовъ всѣхъ товарищей, съ которыми приходилось дѣлиться своими впечатлѣніями въ общихъ бесѣдахъ внѣ университета и въ антрактахъ между лекціями.

Глава II.

Составъ студенчества и его жизнь.

Хотя первый курсъ товарищей-юристовъ нашего времени былъ большой (до 70 человѣкъ) и представлялъ самую разнообразную смѣсь лицъ по возрасту (были и солидные мужи), происхожденію, достатку и общественному положенію семьи студентовъ,—тѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

менѣе,—эти соціальныя положенія не вносили у насъ розни въ товарищескую среду, не мѣшали быстрому знакомству товарищей между собою и сближенію другъ съ другомъ, смотря, конечно, по личнымъ симпатіямъ и общности цѣлей и интересовъ. Такіе даже студенты-аристократы, какъ князья Манвеловъ, Миша Дондуковъ-Корсаковъ, Цыцуринъ и др., всегда были самыми милыми и предупредительными коллегами. Соединяла насъ подъ своимъ крылышкомъ добрая „alma mater“, сближали насъ общіе запросы культуры, жажда знаній и тѣ порывы добраго, здороваго увлеченія новизной вольнаго „школьнаго“ состоянія, которое такъ неизгладимо врѣзывается въ память всякаго благодарнаго своему университету его питомца.

Между тѣмъ, внѣ стѣнъ университета разница въ матеріальномъ, семейномъ и общественномъ положеніи студентовъ—была огромная. Изъ студентовъ нашего курса лишь $^1/_3$ состояла изъ людей вполнѣ обезпеченныхъ; другая $^1/_3$ была обезпечена въ предѣлахъ минимальной необходимости для существованія, безъ заработковъ на сторонѣ, послѣднюю же $^1/_3$ составляли студенты, жившіе уроками, перепиской лекцій и другими побочными занятіями. Мы говоримъ только о юристахъ, которыхъ почему-то среди студентовъ принято было считать за людей самыхъ состоятельныхъ, и вѣроятно, потому, что въ числѣ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, были самые богатые студенты и они, кромѣ того, какъ-то чище и богаче одѣвались, сравнительно, напр., съ медиками, гдѣ удивительная смѣсь фасоновъ пиджачныхъ паръ, „перевитыхъ пледами“, высокіе ботфорты и суковатыя „дубинки“ поражали съ непривычки сторонняго зрителя на сборныхъ студенческихъ пунктахъ. Стоимость минимально необходимаго достатка для студента, безъ постороннихъ заработковъ, въ наше время обходилась: квартира отъ 5—9 руб.; столъ отъ 7—10 руб.; на сахаръ, чай, стирку бѣлья и проч. было р. 5 въ мѣсяцъ, да на непредвидѣнные расходы р. 3 (театръ и проч.), всего отъ 20—25 р., исключая, конечно, одежды. Обладающіе такими рессурсами студенты были уже въ нѣкоторомъ родѣ „богатѣями“ въ массѣ студенчества, такъ какъ имѣли въ своемъ распоряженіи опредѣленную бюджетную цифру, не состояли въ „отхожихъ промыслахъ“, слѣдовательно, имѣли въ своемъ распоряженіи и больше свободнаго времени для своихъ научныхъ занятій и ужъ, конечно, не знали періодическихъ голодовокъ. Студентами такого, указаннаго выше, матеріальнаго достатка были образованы цѣлыя колоніи въ ближайшемъ разстояніи отъ университета; этой категоріи студенты для вящей экономіи въ ихъ бюджетахъ помѣщались человѣка по 2 и по 3 въ 1 комнатѣ, а обѣдали то въ сту-

Библиотека "Руниверс"

денческой столовой, а то и дома, у квартирныхъ хозяекъ. Студенты же бѣдняки — жили то на урокахъ, то на окраинахъ города, гдѣ и квартиры подешевле, и столъ недорогъ; тѣ же изъ нихъ, которые жили поближе къ университету, „харчились“ въ студенческой столовой и жили то однимъ блюдомъ въ день, чередуясь разнообразіемъ ихъ, то въ „нѣмецкой“ кухмистерской близъ университета, а то и довольствовались, смотря по заработкамъ, и однимъ чаемъ съ колбасой и 3 к. булкой. Студенческіе уроки въ наше время оплачивались очень скудно: отъ 6 до 15 рублей въ мѣсяцъ. Для того же, чтобы обезпечить себѣ уроками сносное существованіе, необходимо было запастись мелкими уроками 2—3, понтируя на нихъ нерѣдко съ одного конца города на другой, съ Тарсавской улицы, или Афанасьевскаго спуска, на Печерскъ, Подолъ, за Софійскій соборъ и т. д. Студенты же, жившіе на урокахъ, т. е. имѣвшіе за уроки квартиру и столъ, проживали большею частью вдали отъ университета и оттуда ходили на лекціи. Правда, были между студентами и такіе счастливцы, которымъ платили по 1 руб. и по 2 за урокъ въ часъ, но такихъ счастливцевъ было очень мало, и самые эти уроки доставались студенту по особой протекціи и по особому „заказу“ родителей учащагося. Происходило это въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо какого-либо мальчугана не только репетировать, но и подготовлять въ какое-либо учебное заведеніе. Были и такіе студенты, которые уѣзжали лѣтомъ на „заработки“ въ деревни къ помѣщикамъ: Кіев., Полт., Чернигов. и друг. губ. На скопленный заработками капиталъ „отъѣзжіе“ студенты проживаютъ затѣмъ въ городѣ до пріисканія здѣсь постоянныхъ уроковъ или передъ наступающими экзаменами. Доставались уроки бѣднякамъ студентамъ или ихъ товарищами, или путемъ случайныхъ знакомствъ, рѣдко публикаціями; въ крайнемъ же случаѣ, уроки поставляла и старая нѣмка md. Фишеръ, державшая контору для поставки прислуги, боннъ, гувернантокъ и жившая на Крещатикѣ. Замѣчательно, что отъ г. Фишеръ попадались уроки въ самыхъ аристократическихъ домахъ, гдѣ—конечно, на рекомендованнаго конторой учителя студента смотрѣли немногимъ снисходительнѣе, чѣмъ на приличнаго лакея; но зато хоть исправно платили деньги. Попадались между студентами, въ особенности — филологами и монополисты „менторскаго“ дѣла, вырабатывавшіе уроками болѣе 50 р. въ мѣсяцъ; нѣкоторыхъ извѣстныхъ изъ нихъ товарищи заставляли дѣлиться уроками съ нуждающимися коллегами, и монополисты, поневолѣ, должны были подчиняться приговору своихъ товарищей. Нѣтъ сомнѣнія, что то или иное матеріальное положеніе даннаго студента должно было отражаться и

Библиотека "Руниверс"

на его занятіяхъ по научнымъ предметамъ, на складѣ его домашней жизни, на отношеніяхъ его къ товарищамъ и на участіи въ общихъ, товарищескихъ и обще-студенческихъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Тѣ изъ студентовъ, которые обладали большимъ достаткомъ и досугомъ,—чаще посѣщали лекціи, студенческія сходки, кружки, студенческую столовую и библіотеку. Между тѣмъ, студенческая столовая, библіотека (есть и студенческій отдѣлъ библіотеки при университетѣ), кассовые и другіе кружки играли огромную роль въ быту нашего студенчества и приносили ему большую и разнообразную пользу, моральную и матеріальную.

Глава III.

Студенческіе кружки и сходки.

Начнемъ съ кружковъ и сходокъ. Кіевское студенчество въ 70 годахъ дѣлилось на множество самыхъ разнообразныхъ кружковъ. Несмотря на отсутствіе внѣшнихъ формальныхъ причинъ, способствующихъ развитію корпоративнаго духа среди университетской молодежи, хотя студенты и находились въ положеніи частныхъ лицъ—посѣтителей лекцій по отношенію къ университету и въ отношеніи другъ къ другу; но стремленіе ко взаимному общенію, вѣяніе высшей научной культуры, потребность экономической самопомощи, сближали учащуюся молодежь то въ отдѣльные кружки кассовые, то земляческіе, факультетскіе, то въ общіе—бо̀льшіе по численному составу; это кружки, въ основаніи образованія которыхъ лежали интересы болѣе „идейнаго“, чѣмъ матеріальнаго свойства. Сообразно дѣленію студентовъ на кружки, интересами этихъ кружковъ обусловливались и студенческія сходки, которыя были и общія, — для обсужденія общихъ студенческихъ нуждъ — теоретическаго и экономическаго характера — и частныя — по частнымъ вопросамъ даннаго кружка. Обще-студенческими вопросами являлись вопросы, касающіеся студенческой столовой, библіотеки, а также и нѣкоторые, неблаговидные съ моральной точки зрѣнія, поступки товарищей-студентовъ, подвергавшіеся суду чести всего студенчества. Члены кассовыхъ кружковъ собирались въ назначенное время на квартирѣ у кого-либо изъ студентовъ, завѣдывавшихъ дѣлами кружковой кассы (кассы образованы были изъ ежемѣсячныхъ взносовъ членовъ кружка). Изъ кружковой кассы выдавались незначительныя ссуды особенно нуждающимся студентамъ—до пріисканія заработка, полученія пособія, стипендіи и т. п. Ссуды максимальныя составляли отъ 5—10 р., а минимальныя—

Библиотека "Руниверс"

отъ 3—5 р. въ однѣ руки. При всей „мизерности“ кассовыхъ взносовъ и выдававшихся изъ нихъ ссудъ, кассы эти были истиннымъ благодѣяніемъ для бѣднаго студенчества, такъ какъ въ жизни студентовъ бывали положенія, когда по нѣсколько дней и ѣсть-то было нечего. На квартиру временно можно было пристроиться то къ факультетскому товарищу, то къ земляку; но ѣсть нужно вѣдь изо дня въ день... Студенческая столовая содержалась на оборотный капиталъ, который былъ и образованъ отъ платы, выручаемой за обѣды и завтраки. Особыми выгодами, какъ коммерческое предпріятіе, столовая не задавалась и не сулила ихъ. Заботились о томъ, чтобы подешевле, да получше накормить своего брата-студента. Блюда отпускались то порціями, то обѣдами (мѣсячные), уплата не превышала 15 — 30 к. за порцію, а мѣсячный обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ стоилъ не болѣе 7 р. Столовой завѣдывалъ особый хозяйственный комитетъ, избранный на общей сходкѣ студентовъ. Студенческая библіотека существовала тоже на средства отъ платы за право чтенія и на особыя пожертвованія нѣкоторыхъ лицъ; управлялась она особыми выборными распорядителями, въ числѣ которыхъ находились студенты разныхъ курсовъ и факультетовъ. Въ студенческой столовой обѣдали исключительно мужчины; библіотеку посѣщали и женщины, преимущественно изъ слушательницъ акушерскихъ курсовъ и публичныхъ лекцій.

Кромѣ этихъ главныхъ центровъ студенческихъ собраній и мѣстъ для сближенія молодежи, студенты болѣе состоятельные развлекались, походомъ съ лекціей или на лекціи, въ кофейнѣ Штифлера, игрой на билліардѣ и безобиднымъ „балагурствомъ“, а то и въ нѣмецкой столовой, вблизи университета. Главнымъ же пунктомъ для студенческихъ сходокъ служила студенческая столовая. Какъ мы уже сказали, въ столовой, кромѣ обсужденія дѣлъ чисто хозяйственныхъ, связанныхъ съ интересами столовой, въ ней же велись дебаты и давались цѣлыя баталіи по вопросамъ чисто-теоретическаго и культурнаго свойства. Эти „баталіи“ намъ особенно памятны, и особенно пріятно воскресить ихъ въ своей памяти. Нужно было только побывать на этихъ теоретическихъ турнирахъ, чтобы видѣть, насколько молодежь нашего времени увлекали и интересовали идеи текущихъ общественныхъ вопросовъ и задачъ, идеи соціально-историческія, экономическія и естественно-научныя. На этихъ сходкахъ, по научно-теоретическимъ вопросамъ—обозначались, главнымъ образомъ, двѣ партіи студентовъ (въ сходкѣ изъ 150—200 чел.), придерживавшихся извѣстныхъ, опредѣленныхъ взглядовъ и направленія на данные вопросы—это партія радикаловъ и партія либераловъ-прогрессистовъ (выражаясь языкомъ по-

Библиотека "Руниверс"

литики). Во главѣ либераловъ стоялъ студентъ-юристъ П—но (впослѣдствіи профессоръ); радикалами руководилъ по странной случайности филологъ-студентъ Ш—нъ. Къ либераламъ примыкали всѣ студенты юристы, часть филологовъ и математиковъ; радикальная же партія состояла исключительно изъ медиковъ (большинство студентовъ) и „естественниковъ". Дебаты въ столовой были всегда бурные; горячіе оппоненты съ книгами въ рукахъ, то со Спенсеромъ, то съ Боклемъ, то съ Дарвиномъ тутъ же цитатами изъ нихъ подкрѣпляли свои доводы, каждый по своему разумѣнію комментируя автора.

На нашихъ студенческихъ сходкахъ говорилось много и горячо, шуму было еще больше; все это шло какъ-то безъ системы, безпорядочно, но сколько молодого задора, сколько горячаго, искренняго чувства, сколько души вкладывалось въ эти „теоретическія схватки". Предметомъ нашихъ дебатовъ, какъ припоминается, ихъ общимъ и, такъ сказать, принципіальнымъ вопросомъ, былъ вопросъ о преимуществѣ реалистическаго и радикальнаго, или либерально-прогрессивнаго взглядовъ на данные явленія и факты: соціально-историческіе, экономическіе и политическіе. За либерально-прогрессивное направленіе стояли юристы и малая часть студенчества другихъ факультетовъ; за радикализмъ и реализмъ — медики и студенты -„естественники". Во взглядахъ первыхъ проглядывало вліяніе идей преобразовательнаго періода 60-хъ годовъ, радикалы же вдохновлялись еще Писаревымъ, Моллешотомъ, Бюхнеромъ, Спенсеромъ, Ляйлеемъ, Дарвиномъ, Фохтомъ и другими ученіями людей этого лагеря; крайніе изъ радикаловъ цитировали и Маркса, Овена, Прудона, Фурье, Сенъ-Симона и Бланки—по вопросамъ политико-экономическимъ. Конечно, какъ горячо ни дебатировались данные вопросы въ нашей общестуденческой аудиторіи, практическихъ послѣдствій отъ этого никакихъ не вышло, такъ какъ обѣ противныя партіи всегда расходились, не установивъ никакого „modus vivendi" для точекъ отправленія при повтореніи споровъ на слѣдующей сходкѣ. Ближайшая, реальная польза отъ нашихъ ученыхъ турнировъ была та, что студенческая аудиторія являлась стимуломъ, побуждавшимъ студентовъ предаваться желанному чтенію самыхъ разнообразныхъ сочиненій и изслѣдованій по разнымъ предметамъ естествознанія, соціологіи, критики, политической экономіи, публицистики и т. д. И въ самомъ дѣлѣ: куда, въ какую колонію студентовъ вы ни загляните: вечеромъ ли, днемъ ли, вездѣ застанете юное общество то за чтеніемъ книгъ, то за горячими спорами по поводу прочитаннаго, то за составленіемъ списковъ того, что нужно прочесть, чтобы являться на ученые турниры въ студенческую

Библиотека "Руниверс"

столовую съ извѣстнаго рода подготовкой. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ студенты первыхъ курсовъ университета, оставляя въ сторонѣ изученіе лекцій, предавались исключительно чтенію книгъ, то относящихся къ предметамъ курсовыхъ чтеній, то касающихся разнообразныхъ отраслей знанія. Юристы, напримѣръ, читали сочиненія по біологіи, геологіи, физіологіи и другимъ наукамъ; увлекались и Дарвиномъ, а медики набрасывались на Милля (въ комментаріяхъ Чернышевскаго), Спенсера, Конта и экономистовъ соціальнаго оттѣнка. Вся молодежь жаждала пріобрѣсти свѣдѣнія не только спеціальныя, но въ извѣстномъ смыслѣ и энциклопедическія. Данное стремленіе къ пріобрѣтенію многосторонних познаній проявлялось въ средѣ студенчества не только относительно чтенія книгъ, но сказывалось и въ посѣщеніи ими лекцій: медики посѣщали лекціи политической экономіи (чтенія Н. Х. Бунге), или всеобщей исторіи (чтенія г. Бильбасова), а юристы—лекціи химіи и физіологіи, не говоря уже о лекціяхъ по психіатріи и судебной медицинѣ.

Указанное выше отношеніе студенчества къ своимъ занятіямъ касается большинства университетской молодежи; но въ частности здѣсь имѣли мѣсто рѣзкія исключенія, явный и глубокій разладъ между группами студентовъ отдѣльныхъ кружковъ, факультетовъ и курсовъ. Такъ какъ болѣе или менѣе серьезныя факультетскія занятія для студетовъ начинались съ 3 курса, то студенты послѣднихъ курсовъ группировались иначе, чѣмъ 1-го и 2-го курсовъ. Студентами первыхъ двухъ курсовъ преимущественно комплектовались всѣ тѣ кружки, въ которыхъ дебатировались разныя популярные среди студенчества научно-литературныя и соціально-экономическія теоріи; студенты же этихъ курсовъ составляли и главную активную силу частной студенческой аудиторіи. Хотя и въ кружкахъ, и въ сходкахъ принимали участіе и студенты высшихъ курсовъ, но ужъ больше въ качествѣ „лидеровъ“ разныхъ партій, или свѣдущихъ людей по общестуденческимъ дѣламъ и интересамъ (столовой, библіотеки и т. п.).

Бросалось въ глаза для посторонняго наблюдателя и подраздѣленіе студентовъ: факультетское и на „profession de foi“ у студентовъ разныхъ факультетовъ, и „курсовое“ (старшихъ курсовъ болѣе опытные спорщики). Такъ, напримѣръ, юристы на общихъ сходкахъ рѣдко были солидарны съ медиками-реалистами, получая отъ послѣднихъ неизмѣнное привѣтствіе „филистеры“. Разногласіе происходило, конечно, по вопросамъ теоретическаго характера. Въ вопросахъ же, касавшихся бытовой стороны студенчества, его жизни, играло роль лишь мнѣніе, удовлетворявшее идеально

Библиотека "Руниверс"

честному отношенію къ дѣлу, къ предмету обсужденія, отъ кого бы оно ни исходило: медика, юриста, или филолога. Когда, напр., одинъ изъ студентовъ радикальнаго лагеря Б. не совсѣмъ благовидно распорядился дѣлами студенческой столовой, то его прежде всего осудили свои же товарищи-радикалы. Въ отношеніяхъ же совершенно частныхъ: въ развлеченіяхъ, пирушкахъ, театрѣ—между студентами существовало трогательное единство симпатіи молодости, увлеченія и непринужденной веселости, что такъ краситъ молодежь въ эту пору ея жизни и съ такимъ удовольствіемъ вспоминается во всю послѣдующую жизнь. Кто видѣлъ общество студентовъ въ ту пору на оперномъ спектаклѣ въ театрѣ, на катаньѣ по Днѣпру, на студенческихъ благотворительныхъ вечерахъ, тотъ зналъ, что видитъ передъ собой студентовъ вообще, безъ подраздѣленія на филологовъ, медиковъ и т. д.

Глава IV.

Студенты крайняго направленія.

Совершенно особое положеніе среди кіевскаго студенчества 70-хъ годовъ занимала группа лицъ, близкихъ къ кружку, заправлявшему частной библіотекой Ил—кого, по Большой Владимірской улицѣ, кружку, организовавшему и чтенія лекцій, вѣрнѣе, безплатное обученіе рабочихъ въ Кіевѣ—это группа такъ называемыхъ „народовольцевъ“. Въ числѣ лицъ этого кружка однимъ изъ выдающихся дѣятелей былъ и извѣстный Каблицъ (Юзовъ). Студенты этого лагеря держали себя какъ-то черезчуръ обособленно отъ нашихъ сходокъ и общестуденческихъ дебатовъ, представляя изъ себя, повидимому, лицъ очень серьезныхъ, занятыхъ, совершенно не посѣщали лекцій, университетъ, презрительно отзывались о факультетскихъ занятіяхъ, о пріобрѣтеніи знаній „академическимъ путемъ“, не признавали никакихъ научныхъ авторитетовъ въ области политико-экономическихъ ученій, кромѣ Маркса и т. п. авторовъ, обзывали филистерами такихъ классиковъ этой науки, какъ Адамъ Смитъ, Рикардо, Ротбертусъ, Кери и т. д. Они всецѣло погружены были въ изученіе авторовъ крайнихъ соціально-экономическихъ ученій, пользовались нерѣдко и произведеніями заграничныхъ „оракуловъ“ крайняго толка. Чрезвычайно безапелляціонныя сужденія студентовъ этой группы по разнымъ вопросамъ науки и литературы, ихъ изолированность отъ остального студенчества, отъ участія студентовъ другого лагеря въ кружкахъ этихъ

Библиотека "Руниверс"

крайнихъ радикаловъ,—все это—вмѣстѣ взятое,—говорило далеко не въ пользу нашихъ не по возрасту серьезныхъ товарищей; и они—эти крайніе отрицатели авторитетовъ—не пользовались симпатіей остального студенчества. Кромѣ чрезвычайно высокаго самомнѣнія и нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ,—группа описываемаго студенчества не внушала къ себѣ довѣрія и страннымъ своимъ внѣшнимъ поведеніемъ: своей таинственностью сходокъ и подозрительностью къ непричастнымъ къ ихъ кружку лицамъ. Между тѣмъ, многимъ изъ насъ было извѣстно, что въ группѣ лицъ даннаго кружка участвовали и студенты первыхъ курсовъ университета съ довольно легкимъ умственнымъ „багажемъ“. Совершенно случайно лишь можно было попасть на интимную сходку студентовъ этой группы; но и то сейчасъ видишь неудовольствіе членовъ сходки при каждомъ появленіи на ней посторонняго, случайнаго посѣтителя. Благодаря неожиданной случайности, и мнѣ пришлось попасть на кружковую сходку данной группы студентовъ. Проходя къ себѣ, домой, по одной изъ улицъ, ведущихъ въ Липки, и вспомнивъ, что по дорогѣ живетъ однокурсникъ — товарищъ — Ваня Бухановскій, я завернулъ къ нему; въ квартирѣ его я засталъ небольшое, но внушительное собраніе малознакомыхъ и совершенно неизвѣстныхъ студентовъ. Съ Бухановскимъ знакомство было заведено мною еще съ первыхъ лекцій въ университетѣ, и такъ какъ онъ оказался довольно добродушнымъ „хохломъ“ (полтавецъ), то вскорѣ завязались между нами чисто товарищескія отношенія. Сколько можно было судить по Ваничкѣ, это совершенно безобидный малый, не бойкій, флегматичный, не особенно развитой, но вполнѣ добродушный малороссъ. Несмотря на неожиданность моего прихода къ Ваничкѣ, его товарищамъ нельзя было отдѣлаться отъ меня молчаніемъ или видимыми знаками неудовольствія относительно неожиданнаго посѣщенія кружка, поэтому и мнѣ, по неволѣ, пришлось узнать настоящую цѣль кружковой сходки. Цѣлью же сходки этого кружка было обсужденіе программы праздничныхъ чтеній и обученіе рабочихъ на кіевскихъ фабричныхъ и промышленныхъ заведеніяхъ, распредѣленіе предметовъ занятій между членами кружка, время ихъ и очередь. Въ числѣ присутствовавшихъ активныхъ членовъ сходки находился, между прочимъ, и еврей Лурье, который, „ни что же сумляшеся“, взялся за объясненіе рабочимъ Закона Божія и, главное,—Новаго Завѣта. Когда я узналъ, что Лурье еврей и берется за изложеніе рабочимъ неподходящаго для него предмета, то не могъ не вмѣшаться въ разговоръ по этому поводу, съ указаніемъ на нецѣлесообразность подобнаго распредѣленія програмныхъ

Библиотека "Руниверс"

чтеній. Къ сожалѣнію, мое возраженіе не только не встрѣтило сочувствія въ собраніи, но мнѣ пришлось выдержать довольно сильную атаку оппонентовъ. Мнѣ возражали съ раціоналистической точки зрѣнія, что и Новый Завѣтъ необходимо толковать съ этой раціоналистической же точки зрѣнія, а потому и безразлично, кто бы этимъ толкованіемъ ни занимался. Уличенный въ филистерствѣ, рутинерствѣ и т. п., я поскорѣе убрался изъ этой суровой компаніи, съ досадой, что меня сопровождаетъ лукавое „хихиканье“ Ванички Б—каго, какъ бы говорившаго: „а что, братецъ, попался“?!.. Кромѣ приведеннаго случая, мнѣ больше не приходилось и случайно попадать въ общество этой группы студентовъ. Къ заправиламъ упомянутой выше библіотеки И—го примыкала и цѣлая группа дѣвицъ, въ своихъ выдѣляющихся полумужскихъ костюмахъ. Дѣвицы эти были то слушательницы акушерскихъ курсовъ, то изъ постоянныхъ посѣтительницъ публичныхъ профессорскихъ лекцій, читаемыхъ въ университетѣ. Изъ группы студентовъ упомянутой нами категоріи и дѣвицъ впослѣдствіи стали организовываться общества соціалистовъ и коммунистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые фигурировали въ политическихъ процессахъ (Лурье, Дейчъ, Б—скій и др.) Товарищъ же мой Ваня Б—скій какъ-то незамѣтно выбылъ изъ студентовъ университета до полукурсовыхъ экзаменовъ, и появился черезъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ одного изъ опаснѣйшихъ „революціонныхъ“ дѣятелей въ извѣстномъ бунтѣ Чигиринскихъ крестьянъ, въ такъ называемомъ: „Чигиринскомъ дѣлѣ“. Объ этомъ дѣлѣ и о Ваничкѣ мнѣ пришлось узнать уже по окончаніи университетскаго курса, изъ газетъ. Какъ-то и не вѣрилось тогда, что такая безцвѣтная и добродушная личность, какъ Ваня, могъ рѣшиться на столь тяжкое и страшное преступленіе, погубить столько своихъ же сосѣдей, земляковъ-чигиринцевъ. Группа соціалъ-коммунистовъ студентовъ не оказывала въ описываемое нами время вліянія на массу студенчества: она жила своей обособленной жизнью, преслѣдовала свои преступныя цѣли довольно скрытно и осторожно, и если ряды ея пополнялись новыми членами изъ студенческой среды, то это были случайно увлеченные, легкомысленные и слабохарактерные субъекты, въ родѣ Ванички Б—скаго, безразлично относившіеся къ университету и къ академическимъ занятіямъ. На общихъ студенческихъ сходкахъ если и присутствовалъ кто изъ студентовъ-соціалистовъ, то инкогнито, такъ какъ, повторяемъ, въ массѣ студенчества эти люди не пользовались ни вліяніемъ, ни довѣріемъ, ни симпатіей, о чемъ мы уже упоминали выше.

Библиотека "Руниверс"

Глава V.

Студенты-фразеры.

Существовала среди нашего студенчества еще одна прелюбопытная группа—это, если можно выразиться, переродившіеся „Рудины“ и „Базаровы“. Нахватившись „верховъ“ изъ авторовъ разныхъ „модныхъ“, такъ называемыхъ, передовыхъ ученій, выработавъ путемъ постояннаго практическаго упражненія извѣстнаго рода діалектическіе пріемы, ничѣмъ серьезно и усидчиво не занимаясь,—эти рыцари „пустопорожней“ болтовни на „ходячія“ темы только тѣмъ и занимались, что ходили со сходки на сходку, отъ одного товарища къ другому, затѣвали пустые споры, вездѣ и всегда жужжали, какъ „шмели“, спорили по самому ничтожному поводу, надоѣдали всѣмъ страшно. Жить съ товарищами такого „пошиба“—чистая пытка: ни самъ ничего не дѣлаетъ и не даетъ возможности и тебѣ взяться за дѣло: то тащитъ на сходку, то убѣждаетъ въ безполезности изученія нашихъ ученыхъ „филистеровъ“, то начнетъ излагать вновь вычитанныя мысли—и все „бубнятъ“ и „бубнятъ“ безъ умолку (типъ—студентъ Т—скій). Замѣчательно, что наши „назойливые говоруны“ рѣдко оканчивали полный университетскій курсъ; все имъ какъ-то не давалась „филистерская“ наука: то не вывезла энциклопедія права на „полукурсовкѣ“, то „зарѣзало“ уголовное право на выпускномъ экзаменѣ. Очень любили эти господа разговаривать и просвѣщать студентовъ 1-хъ курсовъ и юныхъ дѣвицъ; среди этихъ лицъ они преимущественно и искали себѣ поклонниковъ. Поклоненіе же эти „идолы“ любили страшно, такъ какъ обладали чертовскимъ самолюбіемъ; въ спорахъ были нетерпимы къ чужимъ мнѣніямъ, а при серьезномъ на нихъ натискѣ—и ругались.

Типъ студентовъ этой „формаціи“ былъ самый антипатичный въ нашей средѣ и представлялъ грустное явленіе среди университетской молодежи. „Рудины“ преобладали среди юристовъ и филологовъ. Что касается нашихъ Базаровыхъ и „Базаровщины“, то, въ противоположность Рудинымъ, они отличались рѣзкостью и отрывистостью рѣчи, „демократическимъ“ костюмомъ (красныя рубахи), реалистическимъ взглядомъ на вещи и отношенія людей, отсутствіемъ брезгливости, нѣкоторымъ „ухарствомъ“ и усидчивостью въ занятіяхъ экспериментальными науками. „Базаровщина“ преобладала среди медиковъ, переходя въ извѣстныхъ случаяхъ въ слабое

Библиотека "Руниверс"

подобіе „Рахметовщины“ подъ (вліяніемъ извѣстнаго романа: „Что дѣлать“). „Базаровы“ были не въ примѣръ сноснѣе „Рудиныхъ“.

До сихъ поръ, какъ видно изъ изложеннаго выше, намъ приходилось больше указывать на отрицательныя и несимпатичныя стороны студенческой жизни, коснуться вскользь и профессуры. Ниже мы укажемъ и на положительныя, въ высшей степени симпатичныя стороны и студенческаго быта, и профессуры; но пока остановимся на одномъ эпизодѣ, сильно насъ всѣхъ волновавшемъ въ то время. Эпизодъ этотъ—франко-прусская война. Война эта насъ всѣхъ сильно занимала своими перипетіями: телеграммы, газеты вездѣ брались съ бою и въ университетской, частныхъ библіотекахъ, и въ мѣстахъ студенческихъ сходокъ; политическими извѣстіями дня мы зачитывались. По прочтеніи новостей, начинались горячіе споры, комментаріи, рядъ предположеній, предугадываній будущихъ событій: мы негодовали, радовались, разочаровывались. Если бы со стороны посмотрѣть на эту волнующуюся массу молодежи, послушать эти до хрипоты голоса, споры, то можно было подумать, что рѣчь идетъ о дѣлѣ кровномъ, родномъ, близкомъ сердцу каждаго. Университетская молодежь была безусловно на сторонѣ французовъ, но, конечно, какъ націи, потому что режимъ Наполеона III осуждался молодежью безпощадно, а противъ нѣмцевъ пылало страшное, „стихійное“ негодованіе. Нѣмецъ, какъ національный типъ, представлялся намъ бездушнымъ, грубымъ эгоистомъ, готовымъ проглотить Францію—эту носительницу высшей человѣческой культуры, безъ всякаго сожалѣнія. Въ особенности ненавистны были намъ „желѣзный“ Бисмаркъ и „стальной“ Мольтке. Всѣ мы высказывали желаніе, чтобы мы, русскіе, пользуясь удобнымъ случаемъ (послѣ Седана), соединились бы съ французами для того, чтобы остановить нѣмцевъ, воевавшихъ въ то время уже не съ правительствомъ Франціи, а съ ея народомъ. Но мечты наши остались мечтами, и нами выражалось лишь „платоническое“ сочувствіе къ Франціи, побитой, разбитой и униженной нѣмцами... Какъ прекрасенъ и трогателенъ былъ подъемъ патріотическаго духа нашей молодежи въ данное время—хоть сейчасъ изъ нея формируй боевые баталіоны...

Глава VI.

Университетское начальство и общая администрація.

По упраздненному нынѣ университетскому уставу 1863 г.,—студенты университета юридически признавались частными лицами, посѣтителями лекцій, слушателями; посѣщеніе лекцій для нихъ

Библиотека "Руниверс"

было не обязательно; обязательна была выправка „матрикулярнаго“ билета, какъ вида на жительство; обязателенъ былъ взносъ платы за право слушанія лекцій; необходимо было являться на полукурсовыя и курсовыя испытанія. Такое de jure положеніе студентовъ не могло не отражаться и на отношеніи къ нимъ какъ университетской администраціи, такъ и общей администраціи края; оно отражалось и на отношеніяхъ студентовъ другъ къ другу. О послѣдняго рода отношеніяхъ студентовъ мы уже говорили выше. Университетская же администрація, въ лицѣ: ректора, проректора и деканова университета относилась въ наше время къ студентамъ и добродушно, и доброжелательно, безъ формализма и чиновнической субординаціи. Фактическій контроль университетской администраціи надъ частной жизнью студента и надъ его научными занятіями совершенно отсутствовалъ. Кто изъ насъ интересовался лекціями и какими именно,—тотъ тѣ лекціи и посѣщалъ; кто нуждался въ руководительствѣ при изученіи даннаго факультетскаго предмета, тотъ и обращался за совѣтомъ къ профессору избраннаго для изученія предмета; кто желалъ брать книги изъ библіотеки, тотъ имѣлъ дѣло съ библіотечными распорядителями; о пособіяхъ и стипендіяхъ хлопотали черезъ университетскихъ деканова. Съ ректоромъ университета, проректоромъ и совѣтомъ дѣловыя отношенія были очень рѣдки. Однимъ словомъ, при добропорядочномъ своемъ поведеніи въ зданіи университета, при посѣщеніи лекцій, экзаметовъ и при мирной жизни внѣ стѣнъ университета, можно было окончить университетскій курсъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія объ университетской администраціи, какъ учебномъ начальствѣ. Существованіе студенческихъ кассъ, столовой и библіотеки, хотя, по всей вѣроятности, и было извѣстно университетскому начальству, но пока въ этихъ автономныхъ студенческихъ учрежденіяхъ дѣло шло тихо „мирно“ и „благородно“,—не было и повода университетской администраціи вмѣшиваться въ студенческія дѣла, тѣмъ болѣе, что и общей гражданской администраціей эти учрежденія совершенно игнорировались. Добродушное отношеніе нашей университетской администраціи къ студенчеству и его дѣламъ въ 70 годахъ объясняется еще и тѣмъ, что во главѣ университета, какъ его ректоръ, стояло лицо, безукоризненной честности, высокогуманный Н. Х. Бунге (†). Къ своему ректору студенты относились въ высшей степени почтительно, высоко цѣня его нравственныя качества и, надо думать, что глубокое моральное воздѣйствіе этого лица на кіевское студенчество и было причиною того, что за все время нашего пребыванія въ университетѣ мы помнимъ лишь одинъ „скандальный“ случай со стороны нѣкоторыхъ

Библиотека "Руниверс"

студентовъ, потребовавшій вмѣшательства въ дѣло университетскаго начальства—это театральный „дебошъ“ студентовъ Фил—ко и Пол—ко изъ-за вызова любимыхъ оперныхъ пѣвицъ.

Обще-гражданская администрація, не менѣе университетской, относилась къ студентамъ довольно снисходительно: ни на студенческихъ—кружковыхъ сходкахъ, ни общихъ въ студенческой столовой,—не приходилось встрѣчаться съ полицейской агентурой какъ явной, такъ и тайной. Если же въ мѣстахъ публичныхъ собраній: зимнемъ театрѣ, „Chateau de fleur“ и т. п. и приходилось встрѣчаться съ неблаговидными поступками нѣкоторыхъ дебошировъ-студентовъ, то весь инцидентъ исчерпывался простымъ прекращеніемъ безпорядка, безъ дальнѣйшихъ криминальныхъ послѣдствій. Того же, что называется „травлей“ студентовъ, предубѣжденности противъ общаго направленія молодежи, что имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ другихъ университетахъ, въ Кіевѣ въ описываемое время не имѣло мѣста.

Благодушное настроеніе относительно студенчества мѣстной администраціи края и снисходительное ея къ нимъ отношеніе можетъ быть объяснимо, съ одной стороны, тѣмъ, что въ общей массѣ своей и въ своемъ „гражданскомъ“ частномъ быту студенчество вело себя спокойно, прилично и благонамѣренно: ни массоваго „бражничанья,“ ни „дебоширства“, ни внѣшняго проявленія политической неблагонамѣренности не существовало. Кромѣ того, въ сторону благодушнаго отношенія гражданской администраціи къ студенчеству въ извѣстной степени вліяло и то обстоятельство, что начальникомъ края въ наше время былъ кн. М. Дундуковъ-Корсаковъ, просвѣщенный и добрый человѣкъ—самъ бывшій студентъ, при чемъ въ числѣ студентовъ Кіевскаго университета находился и сынъ ген.-губерн., М. М. Дундуковъ-Корсаковъ. Несмотря на хорошее въ общемъ отношеніе гражданской администраціи къ студенчеству,—извѣстный въ свое время кіевскій полицеймейстеръ фонъ-Гюбенетъ пользовался у студентовъ чрезвычайной антипатіей. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаяхъ, кто-нибудь изъ студентовъ въ отдѣльности, или цѣлымъ обществомъ, непремѣнно устроятъ этому господину какую-нибудь пакость: то угостятъ его невкуснымъ напиткомъ, то умышленно надебоширятъ, нагрубятъ и извернутся отъ преслѣдованія. Вездѣ и всегда преслѣдовали студенты этого почему-то нелюбимаго и нетерпимаго человѣка; иронія и смѣхъ преслѣдовали фонъ-Г—та. Объ „интеллектѣ“ же его студенты были самаго невысокаго мнѣнія. Больше всѣхъ надоѣдалъ г-ну Г—ту студентъ Гроссъ.

Библиотека "Руниверс"

Глава VII.

Наши профессора и учебныя занятія студентовъ.

Переходимъ къ нашимъ ближайшимъ руководителямъ по курсовымъ занятіямъ—г.г. профессорамъ. Ранѣе мы набросали относительно профессоровъ лишь тѣ первыя впечатлѣнія, которыя были вынесены нами изъ первыхъ посѣщеній ихъ лекцій. При дальнѣйшемъ слушаніи лекцій и при знакомствѣ съ профессорами старшихъ курсовъ—и лекціи ихъ получаютъ другое значеніе, освѣщеніе, да и сами лекторы представляются въ другомъ свѣтѣ, конечно, не всѣ сплошь, какъ и не всѣ лекціи похожи однѣ на другія: тутъ дѣло въ моральномъ вліяніи личности профессора и въ отношеніи его къ своему дѣлу. Болѣе близкое знакомство студентовъ (мы говоримъ о юристахъ) какъ съ факультетскими предметами занятій, такъ и съ профессорами, начинается лишь со времени полукурсовыхъ экзаменовъ: на 3 и 4 курсахъ. На 1-мъ и частью на 2 курсѣ студенты, какъ уже было сказано ранѣе, большую часть свободнаго времени посвящали чтенію книгъ, то относящихся къ курсовымъ предметамъ (кто работалъ, напр., надъ сочиненіемъ), то къ разнороднымъ отраслямъ знанія вообще. При такого рода отношеніи большинства студентовъ къ своимъ домашнимъ занятіямъ, въ ближайшемъ знакомствѣ ихъ съ „профессурой“ не предстояло особой надобности: всякъ добивался самостоятельно узнать то, что его въ данную минуту, съ обще-культурной точки зрѣнія, интересовало и занимало. Были, впрочемъ, и такіе студенты, которые относились серьезно и къ такому формальному требованію факультетскаго курса, какъ представленіе письменныхъ работъ на заданную или избранную въ году тему по данному факультетскому предмету, и тогда должны были прибѣгать къ совѣту профессора. За подобнаго рода письменныя работы студенты освобождались отъ платы за ученіе, а за лучшія изъ нихъ выдавались и единовременныя пособія до 80 р. Само собою разумѣется, что указанные прилежные студенты и ближе стояли къ своимъ факультетскимъ профессорамъ, чѣмъ остальные ихъ товарищи. Большинство же студентовъ только со 2 курса приступаютъ къ изученію, или, вѣрнѣе, просмотру курсовыхъ лекцій—для полукурсоваго экзамена, при чемъ самая усидчивая работа надъ лекціями наступаетъ мѣсяцевъ за 5 до экзаменовъ.

Готовились къ экзамену, обыкновенно, по два или по три студента вмѣстѣ; были и сверхкомплектные, у кого не было лекцій.

Библиотека "Руниверс"

Распредѣлялись и штудировались факультетскіе предметы съ такимъ разсчетомъ, чтобы умѣть приготовить все необходимое для экзамена ко времени экзаменаціонныхъ сроковъ, промежутки же между отдѣльными экзаменами оставлялись для пополненія неминуемыхъ пробѣловъ въ курсѣ. На юридическомъ факультетѣ изъ самыхъ „страшныхъ“ экзаменаціонныхъ предметовъ 2 курса представляла собой „энциклопедія права“, и за нее-то мы прежде всего и принимались. Хотя полукурсовые экзамены въ сущности были далеко не строги по предъявлявшимся на нихъ требованіямъ къ студентамъ со стороны г. г. профессоровъ, но эту легкость экзаменовъ испытывали на себѣ и шли экзаменоваться со спокойнымъ духомъ лишь тѣ изъ студентовъ, которые систематически и въ теченіе двухъ первыхъ курсовъ, посѣщая аккуратно лекціи профессоровъ, въ то же время параллельно изучали и литографированныя курсовыя записки по предметамъ профессорскихъ чтеній, пользовались и вспомогательными руководствами и пособіями къ лекціямъ, указанными профессорами. Большинство же студентовъ на лекціи и на самые экзамены смотрѣли какъ на неизбѣжное „sine qua non“ для окончанія университетскаго курса. Не мало было и такихъ студентовъ, которые, проживая годъ и болѣе внѣ Кіева, состоя въ „отхожемъ промыслѣ“, запасались курсовыми записками, готовились къ экзамену на мѣстахъ нахожденія своихъ „выѣздныхъ“ уроковъ и лишь за мѣсяца 2 до экзаменовъ являлись въ городъ, начинали усердно посѣщать лекціи по утрамъ, а днемъ и по ночамъ провѣряли пробѣлы въ своихъ курсовыхъ занятіяхъ. Часто приходилось удивляться значительному количеству слушателей на лекціяхъ во время, предшествовавшее экзаменамъ; были посѣтители лекцій, которыхъ въ первый разъ видишь въ аудиторіи; но недоразумѣніе разъясняли сами „незнакомцы“, поясняя, что это нужно (посѣщать лекціи), такъ какъ нѣкоторые изъ экзаменующихъ профессоровъ имѣютъ обыкновеніе знакомиться съ „перелетными“ студентами во время самыхъ экзаменовъ, начиная знакомство фразой: „кажется, я первый разъ имѣю удовольствіе васъ видѣть“ (Проф. Ре—фъ).

Со всѣми изложенными приготовленіями и предосторожностями,—полукурсовые экзамены сходили благополучно для большинства нашихъ юристовъ; но бывали и „массовые провалы“: такъ въ наше время провалились на энциклопедіи права почти всѣ нѣжинскіе лицеисты, перешедшіе изъ лицея кн. Безбородко на юридическій факультетъ Кіевскаго университета. Бѣдные лицеисты должны были послѣ полукурсового экзамена „играть отбой“ и отступить обратно къ стѣнамъ своего лицея, для дальнѣйшаго окон-

Библиотека "Руниверс"

чанія „ученой кампаніи", предпринятой въ Кіевѣ... На полукурсовыхъ экзаменахъ намѣчались и обозначались характерныя черты тѣхъ изъ студентовъ, которые по способу и пріемамъ, практиковавшимся ими при изученіи факультетскихъ предметовъ, получали отъ товарищества и извѣстные „ярлыки". По этимъ „ярлыкамъ" курсовые товарищи раздѣлялись на людей съ серьезно-научной и спеціальной подготовкой, людей талантливыхъ,—на „зубрилъ", довольствовавшихся однѣми записками, но за то знавшихъ ихъ дословно, и на такъ называемыхъ, студентовъ „свободомыслящихъ", смотрѣвшихъ на записки, какъ на необходимое зло для полученія аттестата объ окончаніи университетскаго курса. „Зубрилы" „норовили" все на кандидатскій дипломъ и страшно боялись, чтобы въ экзаменаціонныхъ отмѣткахъ передъ словомъ: „удовлетворительно" не было пропущено: „весьма", что могло мѣшать полученію кандидатскаго диплома.

Серьезно подготовленные по курсовымъ предметамъ товарищи, хотя тоже разсчитывали на кандидатскіе дипломы, но не придавали этому ученому званію особеннаго значенія, не „лѣзли изъ кожи", чтобы получить его. Помнится, нашъ одинъ товарищъ М. Ар. К—въ, который, получивъ по всѣмъ факультетскимъ предметамъ наивысшіе экзаменаціонные баллы, не пожелалъ кандидатскаго диплома и умышленно отказался отъ представленія кандидатской диссертаціи, но за то его аттестатъ весь пестритъ словами: „весьма удовлетворительно". Изъ замѣчательныхъ „зубрилъ" и кандидатовъ правъ были извѣстные Гр—бъ и другіе—въ общемъ далеко и не вполнѣ развитые „культурно" интеллигенты. Студенты же свободомыслящіе — это все большинство дѣйствительныхъ студентовъ (по аттестатамъ): кто повыше, а кто пониже въ рядахъ академическихъ списковъ. Изъ талантливыхъ и серьезно-научно подготовленныхъ товарищей нашего времени можно указать на Ев. К—ва (занимавшаго одно время довольно видный постъ по министерству финансовъ), Тальберга (профессора †), Назимова (†) и студента старшаго курса Аф. А—вича [1]) (тоже профессора), бывшаго нашего сожителя—это юристы. Изъ филологовъ укажемъ: на Дашкевича (бывшаго профессора), Брянцева; изъ медиковъ: Тритшель и С. Колачевскій (недавно умершій милліонеръ) и др. Студенты старшихъ курсовъ университета, всецѣло преданные научнымъ занятіямъ, обыкновенно, старались уже спеціализировать свои занятія факультетскими предметами, усердно посѣщали лекціи, брали для чтенія книги изъ университетской библіотеки, входили

[1]) Б. тов. мин. финансовъ.

Библиотека "Руниверс"

въ ближайшія сношенія съ г.г. профессорами даннаго предмета; усидчиво работали въ лабораторіяхъ, клиникахъ и подъ руководствомъ профессора изучали излюбленный факультетскій предметъ, не упуская изъ виду и основательной подготовки по общимъ курсовымъ предметамъ. Эти же—лучшіе студенты—были и постоянными посѣтителями, докладчиками и главной дѣятельной силой на нашихъ факультетскихъ практическихъ лекціяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ дѣлѣ образованія группы серьезныхъ въ научномъ отношеніи студентовъ „работниковъ" имѣло огромное значеніе то научное и „главное" — моральное вліяніе на студенчество извѣстныхъ профессоровъ, которое распространялось и за предѣлы даннаго факультета. Вліянію профессоровъ скорѣе поддавались студенты высшихъ курсовъ, начиная съ 3-го, когда молодежь, освоившись со своимъ студенческимъ положеніемъ въ его „домашнемъ быту" (сходки, кружки и проч.), расширивъ и свои умственные горизонты (чтеніемъ, научными турнирами), начинали предъявлять болѣе опредѣленные и положительные запросы къ факультетскимъ чтеніямъ лекцій, тѣмъ болѣе, что и самые предметы чтеній на высшихъ курсахъ были болѣе интересны по разнообразію научнаго матеріала, да и профессора, по счастью, оказались и болѣе талантливые, и гораздо симпатичнѣе, чѣмъ на первыхъ курсахъ (говоримъ о юридич. факультетѣ преимущественно). Изъ выдающихся профессоровъ Кіевскаго университета 70-хъ годовъ укажемъ на юристовъ: Н. Хр. Бунге, Кистяковскаго, Митюкова, Зибера и Романовича-Славатинскаго; филологовъ — Бильбасова, Модестова, Вл. Антоновича и Иконникова; медиковъ — Афанасьева (умершій), Коломнина, Иванова, Хрж—скаго, Покровскаго; по физико-математическому—Ковалевскій, Хандриковъ, Алексѣевъ (химикъ) и мн. др. На юридическомъ факультетѣ самое замѣтное вліяніе на своихъ слушателей оказывали профессора: Н. Хр. Бунге и Кистяковскій; на медицинскомъ огромной популярностью пользовались молодыя научныя силы, — доценты: Афанасьевъ и Коломнинъ. Вліяли эти лица на студенчество и своими чтеніями, но болѣе всего свѣтлымъ нравственнымъ обликомъ — это были „кристаллически" чистыя и честныя личности. Профессоръ Бунге излагалъ намъ, — юристамъ 3 курса, курсъ полицейскаго права и статистики. Курсу полицейскаго права въ тѣсномъ смыслѣ предшествовало, обыкновенно, изложеніе исторіи политико-экономическихъ ученій. Лекціи по этому предмету въ устномъ пересказѣ профессора были замѣчательно интересны и глубоко-содержательны. Не обременяя нашей памяти и не ослабляя вниманія излишними цитатами трактуемыхъ авторовъ ученій, лекторъ въ удивительно сжатой и ясной лекціи

Библиотека "Руниверс"

умѣлъ вложить въ память слушателя всю суть даннаго ученія. Почтенный профессоръ не обладалъ сильнымъ голосомъ, но такъ какъ аудиторія была небольшая, чтеніе лекцій происходило экспромптомъ, плавно, живо, съ неизмѣнной улыбкой на лицѣ лектора, при чемъ г. профессоръ имѣлъ обыкновеніе читать свои лекціи стоя у каѳедры, то такой способъ изложенія лекцій чрезвычайно „полюбился“ слушателямъ Н. Хр. Бунге: вся аудиторія выслушивала лектора съ неослабѣвающимъ отъ начала и до конца интересомъ, и оставляли аудиторію студенты вполнѣ удовлетворенные предметомъ чтеній. Прекрасное и глубокое впечатлѣніе производили чтенія Н. Х. Б. не только на насъ, его постоянныхъ слушателей, но и на случайныхъ посѣтителей его лекцій. Я и до сихъ поръ сохранилъ въ памяти восторженный отзывъ знатнаго японца Нисси Токузиро [1]), посѣтившаго въ наше время лекціи Н. Х. Бунге. Съ г-мъ Нисси мнѣ пришлось посѣщать и осматривать многія достопримѣчательности Кіева, и вотъ, дѣлясь своими впечатлѣніями, г. Нисси выразился о Н. Х. Б., какъ о замѣчательномъ профессорѣ. Знатный японецъ, между прочимъ, хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ. Еще болѣе чѣмъ лекторъ Н. Х. Б. вліялъ на студентовъ своей нравственной чистотой и обаяніемъ своей личности. Когда многіе изъ нашихъ профессоровъ-юристовъ всецѣло погружены были то въ банковскія и городскія дѣла, какъ Сидоренко, Рененкампфъ, то въ „совѣтскія“ интриги и дрязги (проф. Томса, Эргардтъ), профессоръ Бунге далеко держалъ себя отъ этихъ „болотъ“. Прекрасное и плодотворное моральное вліяніе Н. Х. Б. на студентовъ проявлялось въ особенности на собесѣдованіяхъ съ нами профессора, на практическихъ лекціяхъ по его предмету.

Глава VIII.

Практическія факультетскія занятія.

Практическія занятія факультетскими предметами у насъ, юристовъ, были заведены лишь двумя профессорами: Н. Х. Бунге и Кистяковскимъ. Предметомъ практическихъ занятій служили разнообразныя темы изъ прочитаннаго курса по предметамъ упомянутыхъ профессоровъ и выражались въ приватныхъ собесѣдованіяхъ профессоровъ со своими слушателями по данному вопросу. Задавались для разработки извѣстныя темы, служившія матеріаломъ

[1]) Бывшій японскій посолъ въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

для письменныхъ докладовъ, рефератовъ; рефераты затѣмъ разрабатывались и дебатировались подъ руководствомъ профессоровъ, совершенно свободно, въ видѣ частныхъ разговоровъ, съ большимъ оживленіемъ и интересомъ съ нашей стороны. Руководитель такихъ приватныхъ лекцій—Н. Х. Б.—здѣсь-то и проявлялъ свою необыкновенную мягкость обращенія съ нами, терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, часто и парадоксальнымъ, и едва уловимую иронію въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ насъ черезчуръ уже, что называется, „зарапортуется“ въ своихъ разсужденіяхъ по данному вопросу.

Наши практическія собесѣдованія между собою подъ руководствомъ профессора по данному предмету были однимъ изъ главныхъ стимуловъ для серьезнаго отношенія съ нашей стороны къ научнымъ занятіямъ: они доставляли намъ, кромѣ высокаго умственнаго интереса, и существенное подспорье въ подготовкѣ къ экзаменамъ. Для профессоровъ практическія лекціи служили самымъ удобнымъ средствомъ для выбора изъ нашей среды выдѣляющихся по своимъ знаніямъ и талантамъ лицъ, которыя потомъ намѣчались профессорами въ стипендіаты для приготовленія ихъ къ профессорскому званію: и въ самомъ дѣлѣ, изъ школы Н. Хр. Б. и г. Кистяковскаго вышло не мало профессоровъ въ Кіевскій университетъ, напр. Пи—но, А. Антоновичъ, Тальбергъ, тогда какъ другіе профессора-юристы рѣдко оставляли послѣ себя подготовленныхъ къ ученой „карьерѣ“ лицъ. Подобно изложенному, слѣдуетъ сказать и о практическихъ лекціяхъ профессора Кистяковскаго, съ тою разницею, что почтенный нашъ криминалистъ, кромѣ темъ курсовыхъ, избиравшихся для обсужденія по уголовному праву, вносилъ еще на обсужденіе студентовъ и нѣкоторыя темы по живо трепещущимъ вопросамъ дня—процессуальнымъ, уголовному праву и судоустройству, даже и изъ публицистики. Какъ на примѣръ, укажемъ на обсужденіе извѣстной статьи Ев. Маркова въ газетѣ „Голосъ“. „Софисты XIX в.“. Отношеніе къ намъ профессора Кистяковскаго на практическихъ лекціяхъ было столь же гуманное, терпѣливое и сердечное, какъ и Н. Х. Б. Благожелательное отношеніе г. Кистяковскаго къ своимъ слушателямъ не обосновывалось на стремленіи профессора къ популярности, такъ какъ скромнѣе человѣка, какъ г. Кистяковскій, несмотря на громадность его ученыхъ заслугъ, трудно было и найти въ средѣ кіевскаго ученаго сословія, и профессоръ терпѣливо работалъ съ нами приватно, исключительно въ интересахъ научной пользы практическихъ лекцій для юристовъ. Профессоръ, конечно, не ошибался. Какъ и Н. Х. Б., г. Кистяковскій своей моральной чистотой былъ намъ также въ высокой степени симпатичнымъ, тѣмъ болѣе, что мы еще его знали, какъ „большого работника“ въ дѣлѣ науки и всегда съ особымъ инте-

Библиотека "Руниверс"

ресомъ прочитывали его капитальные научные труды. Помимо этого, т. е. ученыхъ изслѣдованій проф., самый курсъ уголовнаго права г. Кистяковскаго по своему удивительно ясному изложенію, богатству содержанія и систематической обработкѣ матеріала—представляется едва-ли не серьезнѣйшей и плодотворнѣйшей работой почтеннаго нашего наставника, въ особенности, если сравнить его съ разными новѣйшими курсами, разными началами политической экономіи „и пособіями для слушателей“ нашихъ скороспѣлыхъ ученыхъ! Упомянутые два профессора были нашими идеальными наставниками, красой и факультета, и университета. Относительно чтенія лекцій профессоромъ Кистяковскимъ нужно сказать, что чтенія эти не были вполнѣ безупречны; профессоръ не обладалъ плавностью рѣчи, ораторскимъ талантомъ; не было той живости въ пересказѣ содержимаго лекцій, что такъ плѣняетъ слушателя; но зато приведенные недостатки выкупались удивительной ясностью изложенія: строго послѣдовательнымъ развитіемъ мыслей, богатствомъ фактическаго содержанія лекціи. Оставляя аудиторію Кистяковскаго, слушатель сознаетъ, что къ его міросозерцанію прибавились новые мысли, взгляды, освѣщены цѣлыя, невидимыя области человѣческаго познанія, и постоянный свѣтъ науки глубоко проникаетъ въ сознаніе студента, а не шевелитъ и задѣваетъ его поверхностно игрой „случайно падающихъ свѣтовыхъ лучей“...—Остальные профессора высшихъ курсовъ юридическаго факультета производили на насъ своими чтеніями то же впечатлѣніе, какъ и г.г. профессора 1-го курса: тутъ были: и свой Р—фъ—пр. Незабитовскій и свой Д—ко—проф. Сидоренко. На экзаменахъ проф. Н. Х. Б. и Кистяковскій были снисходительны и справедливы, да и намъ, ихъ слушателямъ, совѣстно было идти экзаменоваться по угол. праву или полицейскому на „ура“, а потому студенты 4 курса готовились къ экзаменамъ по предметамъ нашихъ любимыхъ профессоровъ серьезнѣе, чѣмъ по другимъ курсовымъ предметамъ. Что касается профессоровъ-дѣльцовъ, то эти господа, занятые болѣе внѣ стѣнъ университета, на свои лекціи смотрѣли гораздо снисходительнѣе, чѣмъ „лѣнивые чиновники“ на свои канцелярскія „манипуляціи“: лишь бы быть на лекціи.—Отъ такого „сорта“ лекторовъ, какъ и отъ ихъ лекцій студенчество ничего полезнаго для себя не ожидало, лекціями „дѣловитыхъ“ профессоровъ не интересовалось; мы довольствовались жиденькими профессорскими записками данныхъ своихъ наставниковъ и съ этимъ легкимъ научнымъ багажемъ шли на экзамены. Кто же изъ насъ интересовался предметомъ, бывшимъ въ рукахъ одного изъ профессоровъ „дѣльцовъ“, тотъ изучалъ излюбленную науку совершенно самостоятельно.

Библиотека "Руниверс"

Крайне антипатичными были для студенчества профессора-нѣмцы, не потому собственно, что они нѣмцы, а не русскіе, а въ силу того, что большинство ихъ состояло изъ факультетскихъ и совѣтскихъ интригановъ; развитію же интригъ способствовала выборная система, что дальше можно усмотрѣть и на дѣятельности этихъ лицъ при избраніи профессоровъ. Всѣмъ, или огромному большинству студентовъ доподлинно было извѣстно, что въ совѣтѣ нашего университета постоянно интригуютъ профессора, то изъ-за командировокъ, то изъ-за выбора и баллотировки доцентовъ на профессорскія каѳедры. Боролись, главнымъ образомъ, двѣ партіи—нѣмецкая и русская... Нѣмецкая состояла изъ профессоровъ-нѣмцевъ, преобладавшихъ на медицинскомъ факультетѣ и, частью, на физико-математическомъ; къ русской партіи принадлежали остальные профессора. Лидерами нѣмецкой партіи считались Эргардтъ, Томса и Мацонъ; у русской, кажется, лидера-то и не было, такъ какъ между русскими профессорами было много „дайчландистовъ", если можно такъ выразиться. Въ описываемое нами время въ нашемъ учено-административномъ „ареопагѣ" преобладала партія нѣмецкая. Преобладаніе данной партіи въ университетскомъ совѣтѣ особенно рельефно сказалось при баллотировкѣ на профессорскія каѳедры двухъ доцентовъ медицинскаго факультета—Афанасьева и Коломнина, которыхъ нѣмцы такъ и не пропустили въ „экстраординарные", что вызвало цѣлую бурю негодованія между студенчествомъ вообще и медиками въ особенности, и если дѣло не дошло до явной по этому поводу манифестаціи, то благодаря лишь той популярности и той симпатіи, какими указанные профессора пользовались среди насъ, и устройствомъ манифестацій студентамъ не желательно было любимымъ наставникамъ причинять лишнія непріятности. И въ самомъ дѣлѣ, г. г. Афанасьевъ и Коломнинъ выдѣлялись изъ персонала преподавателей медицинскаго факультета рѣдкой личной нравственной чистотой и беззавѣтной преданностью наукѣ: они не были практиками-„стяжателями" и не проводили цѣлыхъ дней „въ каретѣ", какъ другія наши медицинскія свѣтила, скоро накупившія дома и имѣнія (Мерингъ, Хржанщевскій и др.).

Къ нѣмецкой партіи изъ русскихъ профессоровъ примыкали, главнымъ образомъ, наши „ученые дѣльцы" съ Р—омъ во главѣ, и въ этомъ отношеніи они шли рука объ руку: медикъ съ юристомъ, филологъ съ математикомъ и т. д. Благодаря этой кликѣ университетскихъ ученыхъ мужей, такая свѣтлая и благородная личность, такой рѣдкій труженикъ науки, какъ В. Б. Антоновичъ, долго долженъ былъ пробавляться доцентурой, тогда какъ „ученые ремесленники", вродѣ Г—ля, Суботина и другихъ —

Библиотека "Руниверс"

скоро проскакивали и въ „ординарные“. Всѣ указанные непривлекательныя дѣлишки ученыхъ мужей нашего университета послужили даже матеріаломъ для одного беллетристическаго произведенія „изъ нравовъ кіевскихъ ученыхъ“, и читая этотъ романъ, нельзя сказать, чтобы авторъ много преувеличилъ относительно того, что касается характеристики нашихъ профессоровъ-дѣльцовъ. Наши ученые дѣльцы—они же банковскіе и думскіе дѣятели—могли, конечно, оправдывать свою дѣятельность тѣмъ, что попали въ теченіе дѣловой общественной жизни и были теченіемъ увлечены, растерявъ въ увлеченіи и свой „научный багажъ“... Отмѣченная сторона дѣятельности членовъ нашей ученой университетской корпораціи представляла собою, конечно, „некрасивое пятно“ на свѣтломъ фонѣ картины университетской жизни, но и некрасивое пятно на общемъ ея фонѣ—въ значительной степени теряло свой непривлекательный видъ и „затушевывалось“ дѣятельностью нашихъ лучшихъ профессоровъ.

Глава IX.

Публичныя лекціи и экзамены.

Выше мы уже говорили о практическихъ лекціяхъ Н. Х. Б. и Кистяковскаго по юридическому факультету; но лучшими нашими профессорами читались въ университетѣ, большею частью по вечерамъ, и публичныя лекціи по предметамъ естествознанія: физіологіи, химіи и другимъ. Лекторы публичныхъ лекцій, какъ бы предугадывая живой по времени интересъ общества къ пріобрѣтенію научныхъ познаній по предметамъ прикладныхъ наукъ, безкорыстно и съ полною любовью къ дѣлу шли навстрѣчу запросамъ дня и общественной любознательности. Мы не помнимъ, кому собственно изъ нашихъ профессоровъ принадлежала иниціатива по открытію и правильной организаціи публичныхъ лекцій при университетѣ, кажется, Як. Як. Вальцу, но хорошо помнимъ, что лекціи всегда были переполнены публикой; много посѣщало лекціи студентовъ и еще больше женщинъ и дѣвушекъ. Лекціи излагались хотя и научно, но популярно; выслушивались съ живымъ интересомъ и записывались. На этихъ же лекціяхъ студенчество сближалось съ „прекрасной половиной человѣческаго рода“, и въ этомъ смѣшанномъ обществѣ самымъ серьезнымъ и оживленнымъ образомъ трактовались темы, бывшія предметомъ публичныхъ чтеній. Здѣсь-то, на этихъ лекціяхъ, наши „псевдо-Рудины“ чувствовали себя, какъ нельзя лучше, и „улавливали“ своихъ поклонницъ и поклонниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ профессоровъ, читавшихъ публичныя лекціи, большой извѣстностью и популярностью пользовались г.г. Хржонщевскій (медикъ), Алексѣевъ (химикъ) и многіе другіе.

Публичныя лекціи имѣли полный и заслуженный успѣхъ, и за чтеніе ихъ нельзя не высказать „великой“ благодарности профессорамъ нашего университета; нельзя не благодарить ихъ за тотъ свѣтъ и интересъ къ наукѣ, которые они вносили въ интеллигентную общественную среду, такъ жадно въ данное время интересовавшуюся научными вопросами по предметамъ естествознанія. Бывшіе слушатели профессорскихъ публичныхъ лекцій всегда и съ глубокой признательностью вспоминали этихъ безкорыстныхъ тружениковъ науки, дѣлившихся съ публикой своими знаніями и разъяснявшихъ ей непонятные вопросы по интересующимъ предметамъ научныхъ знаній. Благодаря публичнымъ лекціямъ, и студенты не ограничивались изученіемъ своихъ профессіональныхъ предметовъ, но, какъ уже сказано было выше, съ охотой и съ живымъ интересомъ углублялись въ изученіе и пріобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣній и по предметамъ естествознанія.

Указавъ въ общихъ чертахъ на главныя явленія и факты изъ „былого“ жизни Кіевскаго университета 70-хъ годовъ, мы, въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ окончательныхъ экзаменахъ и курсовыхъ сочиненіяхъ. Такъ какъ выпускными экзаменами подводился общій итогъ профессіональнымъ знаніямъ студента, которыя онъ, предполагалось, долженъ былъ вынести изъ „храма науки“, въ теченіе четырехлѣтняго въ немъ пребыванія, то и экзамены эти были гораздо серьезнѣе полукурсовыхъ, да и профессора къ оканчивающимъ курсъ студентамъ предъявляли болѣе „повышенныя“ и строгія требованія. Другое отношеніе къ выпускнымъ экзаменамъ трудно было, конечно, и допустить, разъ студенту долженъ былъ быть выданъ аттестатъ „университетской зрѣлости“.

Сами студенты, сознавая большую важность окончательныхъ курсовыхъ испытаній, готовились къ нимъ серьезнѣе и заблаговременно, при чемъ, не ограничиваясь штудированіемъ предметовъ по которымъ предстояли экзамены, просматривали изъ пройденныхъ раньше курсовъ такіе ихъ отдѣлы, изъ которыхъ на экзаменахъ можетъ быть предложенъ случайный вопросъ, потребующій отвѣта. Въ свою очередь, профессора въ вопросахъ, предлагавшихся на окончательныхъ испытаніяхъ, не только касались темъ, относящихся къ данному предмету, но интересовались и общей научной подготовкой испытуемаго, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на культурное развитіе даннаго лица. Относились такъ къ студен-

Библиотека "Руниверс"

тамъ на экзаменахъ лишь тѣ изъ профессоровъ, которые во время производства испытаній не обременяли своей головы ни „банковскими“, ни „думскими“ думами... Случайныхъ вопросовъ на экзаменахъ болѣе всего боялись наши студенты изъ „потрошителей“ профессорскихъ записокъ, и нерѣдко случалось, что на этихъ общихъ вопросахъ они и проваливались, несмотря на отличное знаніе содержанія „вынутаго билета“. Бывали и такіе чудаки среди насъ, что, ничего не дѣлая въ теченіе курса по факультетскимъ предметамъ, передъ выпускнымъ экзаменомъ просиживаютъ бывало по 13, 14 часовъ въ сутки въ теченіе полугода за приготовленіемъ къ экзамену. Подобная непосильная усидчивость надъ лекціями оканчивалась для многихъ нашихъ товарищей полнымъ нервнымъ разстройствомъ организма, ослабленіемъ и притупленіемъ умственныхъ способностей (Ю. Кр—скій, Ч—овъ). Окончательные экзамены намъ, юристамъ, можно было держать по выбору въ два срока—или до каникулъ, въ маѣ, или послѣ каникулъ,—въ августѣ. Кто къ какому сроку разсчитывалъ закончить подготовку къ экзамену, въ тотъ срокъ и выступалъ со своимъ „научнымъ грузомъ“ для „генеральной“ его повѣрки. На окончательныхъ экзаменахъ участвовалъ тотъ же грозный Р—фъ, и основательно спрашивалъ по своему предмету Кистяковскій. Мы на этихъ экзаменахъ, понятно, сильно волновались, такъ какъ „провалъ на нихъ“ приносилъ намъ „большой конфузъ“, разочарованіе въ своей культурной и профессіональной пригодности для практической жизни, да и жалко было лишній годъ оставаться въ университетѣ и разбивать свои радужныя „передъэкзаменныя“ мечты и иллюзіи...

Обращаясь къ нашимъ курсовымъ сочиненіямъ, замѣтимъ, что обстоятельно разрабатывались факультетскія темы въ сочиненіяхъ студентовъ только тѣми изъ нихъ, кто разсчитывалъ эти сочиненія „повернуть“ со временемъ въ кандидатскія диссертаціи или еще съ первыхъ курсовъ стремился къ ученой карьерѣ; большинство же студентовъ смотрѣло на эту работу, какъ на пустую формальность; едва-ли не такъ же формально смотрѣли на наши письменныя работы и сами профессора. Не будемъ далѣе говорить о стипендіяхъ, наградахъ студентовъ за работы и другихъ подробностяхъ университетской ученой жизни, такъ какъ эти стороны ея имѣютъ оффиціальную исторію, а мы старались набросать здѣсь лишь общія черты изъ жизни ея неоффиціальной, которая-то по преимуществу и оставляетъ по себѣ глубокій слѣдъ во всей послѣдующей жизни бывшаго студента. Моральное вліяніе былой „alma mater“ на каждаго ея питомца такъ сильно и глубоко, что всякій изъ насъ, сдавъ послѣдній выпускной экзаменъ, испытываетъ

Библиотека "Руниверс"

сперва естественный приливъ радости, вызываемый благополучнымъ окончаніемъ труднаго дѣла; но въ скоромъ же времени проявляются и симптомы хандры, безпричинной тоски; начинаетъ охватывать тебя грустное сожалѣніе о томъ, что настаетъ конецъ славной студенческой жизни, конецъ лучшей поры молодости: разбредется по „бѣлому свѣту“ милое товарищество; порвутся, подъ вліяніемъ запросовъ практической жизни, умственная и моральная связи съ дорогой и „alma mater“, и самое пребываніе въ ней, въ будущемъ, отойдетъ въ область далекаго прошлаго, но, несмотря на все это, былое студенческой жизни всегда и при разныхъ условіяхъ послѣдующей жизни бывшаго студента будетъ вспыхивать и горѣть яркой звѣздочкой, какъ что-то милое и дорогое, много говорящее усталому уму и надорванному сердцу. Такъ думалъ каждый изъ насъ, переступая въ послѣдній разъ порогъ дорогого университетскаго зданія, чтобы вступить на „скользкій путь“ практической жизни...

В. С. Чеважевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

6-го іюня настоящаго года исполняется столѣтіе со дня рожденія одного изъ величайшихъ мастеровъ русскаго слова, Ивана Александровича Гончарова († 1891 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что вся великая Россія единодушно будетъ чествовать въ этотъ день его память. Въ огромный всероссійскій вѣнокъ на его могилу редакція „Русской Старины“ вплетаетъ и свой листокъ, какъ дань уваженія не только къ поэту-художнику, но въ частности къ *романисту-историку*.

Гончаровъ не принадлежалъ къ числу писателей, которые, подобно Лермонтову и Достоевскому, съ трепетомъ ожиданія смотрятъ впередъ, стараются предугадать общественныя настроенія и, по неясно еще обрисовавшимся контурамъ, создавать образы новыхъ людей. Творчество Гончарова, по его собственному сознанію, „требовало спокойнаго наблюденія уже установившихся и успокоившихся формъ жизни, а новая жизнь слишкомъ нова, она трепещетъ въ процессѣ броженія, слагается сегодня, разлагается завтра и видоизмѣняется не по днямъ, а по часамъ“. Говоря словами главнаго героя своего, Обломова, Гончаровъ „приросъ одною больною половиною къ старому“. Онъ рисовалъ безсмертные типы русскихъ людей, но это были типы уже отжившіе или отживающіе, отходившіе въ область исторіи. Какъ всѣ историческіе документы въ широкомъ смыслѣ этого слова, и произведенія Гончарова уясняли современное ему настоящее, но весь ихъ смыслъ заключался въ воспроизведеніи культурнаго прошлаго, пережитаго самимъ авто-

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ромъ вмѣстѣ съ современнымъ ему русскимъ обществомъ. Прошлое это — послѣдніе годы Николаевскаго царствованія и существованія крѣпостного права.

Эпическая трилогія Гончарова — романы: „Обыкновенная исторія", „Обломовъ" и „Обрывъ",—по замыслу автора, представляетъ собою развитіе одной и той же картины состоянія русскаго общества, какимъ его создала эпоха Николая I. „Обыкновенная исторія", говоритъ Гончаровъ, есть первая галлерея, служащая преддверіемъ къ слѣдующимъ двумъ галлереямъ или періодамъ русской жизни, уже тѣсно связаннымъ между собою, т. е. къ „Обломову" и „Обрыву", или къ „Сну" и „Пробужденію". Задачей романиста явилось здѣсь не обличеніе самихъ язвъ николаевскаго времени: ужасовъ крѣпостного права, полицейской опеки надъ мыслью и самодѣятельностію общества и широкаго развитія административнаго произвола,—а уясненіе того вліянія, какое язвы эти имѣли на созданіе культурныхъ типовъ и общественныхъ настроеній. Замѣчательно, что Гончаровъ, „приросши одной больной своей половиной къ старому", проходитъ мимо этихъ язвъ, какъ бы не замѣчая ихъ, въ противоположность обличительной литературѣ, господствовавшей въ его время, но тѣмъ рѣзче, тѣмъ безпощаднѣе оказались изображенныя имъ картины патологіи русскаго общества въ лицѣ Адуевыхъ, Обломова, Райскаго и Волохова... Стихійное „ничегонедѣланіе", неспособность трудиться, безволіе и полная апатія ко всему окружающему, съ одной стороны, и жалкія попытки къ дѣятельной, разумной жизни, принимающія иногда уродливыя формы, какъ напр. у Волохова, съ другой, — вотъ плоды, выросшіе на почвѣ помѣщичьяго быта и чиновничьяго произвола, сковавшаго жизнь великаго народа во всѣхъ ея отрасляхъ. Эпическое спокойствіе, съ которымъ Гончаровъ рисуетъ картины изъ этой жизни, напоминаетъ собою безстрастіе историка, который добросовѣстно излагаетъ событія прошлаго, независимо отъ ихъ моральной цѣнности, стараясь воспроизвести прошлую жизнь именно такъ, какъ она текла, не искажая фактовъ въ угоду какой-либо тенденціи. И глубокое сочувствіе, нѣжная любовь Гончарова къ родному народу и его задачамъ еще болѣе подчеркиваетъ ужасъ описываемой имъ нравственной прострації. Только читая Гончарова, вы легко понимаете, какъ создается нравственное рабство человѣка, какъ атрофируются его силы и чувства и какъ онъ становится наконецъ бременемъ для себя и для окружающихъ. Что сказать наконецъ объ обществѣ, въ которомъ человѣкъ ставитъ себѣ въ особую заслугу, что онъ „глядитъ *на всякаго* такъ, какъ будто проситъ осѣдлать его и поѣхать?"

Библиотека "Руниверс"

Трилогія Гончарова—это тѣ же историческіе мемуары съ тою лишь разницей, что здѣсь факты возведены въ синтезъ геніальнымъ творчествомъ самого современника. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше значенія она будетъ имѣть для исторіи русской жизни и культуры. Развѣ это не характерно, что въ „Обыкновенной исторіи", цѣликомъ относящейся къ первой половинѣ XIX вѣка, положительнымъ типомъ является для русскаго общества тайный совѣтникъ, открывшій заводъ и дѣйствительно занимающійся его дѣлами? Такого только общественнаго дѣятеля могъ представить себѣ Гончаровъ въ то печальное время и, страннѣе всего, въ этомъ согласился съ нимъ даже идеалистъ—Бѣлинскій, какъ ни прозрачно намекаетъ на свое происхожденіе отъ Фамусова самъ Петръ Ивановичъ Адуевъ. При существовавшемъ тогда запретѣ на всякую общественную мысль, на всякую общественную самодѣятельность, и тайный совѣтникъ, имѣвшій смѣлость открыть заводъ, представлялъ собою, быть можетъ, исключительное явленіе, какъ своего рода иниціаторъ, выбившійся изъ чиновничьей колеи и задумавшій дѣлать дѣло. Но не всѣмъ возможно было открывать заводы въ рангѣ тайнаго совѣтника, и не всѣ Александры Адуевы имѣли такого дядю, какъ Петръ Ивановичъ, умѣвшій сдѣлать изъ племянника свое нравственное подобіе. И эти Адуевы постепенно превращались въ Обломовыхъ. Второй романъ Гончарова—„Обломовъ" есть, по собственному его опредѣленію, „воплощеніе сна въ русскомъ обществѣ, застоя, неподвижной мертвой жизни, *переползаніе изо дня въ день* въ одномъ видѣ и въ его обстановкѣ", окрещенное Добролюбовымъ названіемъ „обломовщины". Обломовъ совмѣстилъ въ себѣ основныя черты, объединяющія всѣхъ литературныхъ героевъ того времени: Онѣгина, Печорина, Тентетникова, Рудина, Бельтова. „Надъ всѣми этими лицами, замѣчаетъ Добролюбовъ, тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ... У всѣхъ у нихъ одна общая черта—безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выйти, но не выйдетъ ничего". Самъ Илья Ильичъ Обломовъ „болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ этотъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища". Для историка ясны общія причины существованія этихъ „живыхъ труповъ", но въ то время сознаніе ихъ доступно

Библиотека "Руниверс"

было не всякому... Ликвидація ихъ началась тотчасъ послѣ Крымской войны.

Въ противоположность Обломову Гончаровъ не даромъ вывелъ нѣмца Штольца, какъ образецъ энергіи и дѣловитости. Въ то время нѣмцы и нѣмецкій элементъ, преимущественно остзейскій, играли большую роль въ Россіи. На высшихъ степеняхъ службы въ царствованіе императора Николая ихъ было до 60% всего состава. Покровительствуемые свыше, при всеобщемъ застоѣ, они были профессорами, инженерами, техниками, управляющими и расходились по всей Россіи по городскимъ и деревенскимъ Обломовкамъ. Извѣстная резолюція императора Николая на плохой аттестаціи о гвардейскомъ офицерѣ-нѣмцѣ: „онъ эстляндецъ, и этимъ все сказано", служила руководящимъ началомъ для относительной оцѣнки русскихъ и нѣмецкихъ дѣятелей. Гончаровъ признавалъ пользу служенія нѣмцевъ въ Россіи, хотя указывалъ, что нѣкоторыя партіи остзейскихъ нѣмцевъ, живя въ Россіи, съ русскими, находя въ ней надежную опору своего политическаго существованія и всѣ условія благосостоянія, считаютъ ее чуждою себѣ, своему нѣмецкому духу, пятятся отъ сліянія съ нею и стараются удержать statu quo.

Третій періодъ изображаемой Гончаровымъ русской жизни названъ имъ „Пробужденіемъ" и выразился въ третьемъ романѣ его трилогіи „Обрывѣ". Въ дѣйствительности герой „Обрыва" Райскій недалеко ушелъ отъ Обломова. Оба романа, появленіе которыхъ раздѣлено было десятилѣтнимъ промежуткомъ времени, Гончаровъ писалъ почти одновременно, и оттого въ „Обрывѣ" видимъ обстановку той же крѣпостной Россіи, хотя дѣйствіе романа относится уже къ шестидесятымъ годамъ. Оттого и Райскій, это, по словамъ Гончарова, проснувшійся Обломовъ: „сильный новый свѣтъ блеснулъ ему въ глаза, но онъ еще потягивается, озираясь вокругъ и оглядываясь на свою обломовскую колыбель. Что-то пронеслось новое и живое въ воздухѣ, какія-то смутныя предчувствія, потомъ прошли слухи о новыхъ началахъ и преобразованіяхъ; обнаружилось движеніе въ наукѣ, въ искусствѣ; съ профессорскихъ каѳедръ послышались иныя рѣчи. Въ небольшихъ кружкахъ тогдашней интеллигенціи смѣло выражалась передовыми людьми жажда перемѣнъ. Райскій умомъ и совѣстью воспринялъ новыя сѣмена, но остатки еще не вымершей обломовщины мѣшаютъ ему обратить усвоенныя понятія въ дѣло". Онъ хватается за живопись, скульптуру, поэзію, но, сдѣлавъ первые шаги въ одной области, охладѣваетъ къ ней, бросается отъ одного дѣла къ другому, не кончая ни того, ни другого.

„Въ обществѣ, въ образованной средѣ, разсказываетъ самъ Гончаровъ, побѣги новыхъ, свѣжихъ стремленій мѣшались и путались

Библиотека "Руниверс"

еще съ терніями и волчцами обломовщины всякаго рода—и вольной, и невольной, съ разными приманками празднаго житья-бытья и съ трудностями упорной борьбы со старымъ. Застой, отсутствіе спеціальныхъ сферъ дѣятельности, служба, захватывавшая и годныхъ, и не годныхъ, и нужныхъ, и не нужныхъ, и распложавшая бюрократію, все еще густыми тучами лежали на горизонтѣ общественной жизни... Мы всѣ работали какъ-то въ одиночку тихомолкомъ, съ оглядкой и опаской, и больше изъ нужды. А кому не было нужды—тѣ дилеттанствовали. Напримѣръ, одинъ зналъ отлично технику музыки, былъ меценатъ и другъ всѣхъ иностранныхъ и своихъ знаменитостей, носилъ въ себѣ планы музыкальныхъ серьезныхъ сочиненій: оперъ, можетъ быть ораторій, симфоній, говорилъ о нихъ съ жаромъ и знаніемъ дѣла. Всѣ ждали отъ него чего-либо серьезнаго, а онъ разрѣшился сочиненіемъ одного хорошенькаго романса (гр. Віельгорскій); другой, обладая необыкновенною силою лирическаго паѳоса, написалъ всего десятка два прекрасныхъ стихотвореній (Тютчевъ). И это лучшіе люди извѣстнаго круга. Третій, съ многостороннимъ образованіемъ, большою начитанностію написалъ нѣсколько легкихъ разсказовъ, гдѣ кроются сѣмена серьезнаго таланта (кн. Одоевскій). Много можно привести примѣровъ въ pendant съ этимъ. Во всѣхъ родахъ искусства таланты такихъ Райскихъ не были содержаніемъ и цѣлью жизни, а только средствами пріятно проводить время".

На этотъ разъ противоположностію Райскому Гончаровъ вывелъ русскаго Тушина, человѣка здраваго смысла, хозяйничающаго у себя въ имѣніи на раціональныхъ началахъ хозяйства и строгой справедливости. „Всѣ новыя идеи и преобразованія застали его готовымъ", говоритъ Гончаровъ. Но подобно Штольцу, и Тушинъ очерченъ слабо и бѣдно. „Новые люди" видимо не удались Гончарову, какъ впослѣдствіи не удался Тургеневу Соломинъ въ „Нови". Да и кому удавались въ русской литературѣ положительные типы? И много ли ихъ народилось въ нашей культурной жизни?

Особнякомъ стоитъ у Гончарова виновникъ обрыва, Маркъ Волоховъ, представитель испорченной части молодого поколѣнія, который, подъ вліяніемъ аралиды къ старому строю, отрицаетъ „небесные и земные авторитеты" и проповѣдуетъ новую свободу, не выходящую, впрочемъ, изъ предѣловъ призыва къ свободной любви. Маркъ, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Райскій, и могъ появиться только въ шестидесятые годы, тогда какъ по своему содержанію „Обрывъ" относится еще къ крѣпостной эпохѣ. Этотъ анахронизмъ даетъ возможность Райскому такъ отозваться о Волоховѣ: „Это *наша партія дѣйствія*... Да, изъ кармана показываетъ кулакъ

Библиотека "Руниверс"

полицеймейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ и дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ". Волоховъ является циничнымъ буяномъ, который не гнушался выманивать деньги подложнымъ письмомъ. „Я взялъ, говоритъ о немъ Гончаровъ, не авантюриста, бросающагося въ омутъ для выгоды ловить рыбу въ мутной водѣ, а съ его точки зрѣнія—честнаго, т. е. искренняго человѣка, не глупаго, съ нѣкоторой силой характера. И въ этомъ условіе успѣха. Не умышленная ложь, а его собственное искреннее заблужденіе только и могли вводить въ заблужденіе и Вѣру, и другихъ. Плута узнали бы всѣ сразу и отвернулись бы отъ него". Къ несчастію, этихъ искреннихъ отребьевъ молодого поколѣнія, во вкусѣ Волохова, оказалось впослѣдствіи не мало на русской нивѣ, заросшей сорной травой въ предыдущую, обломовскую эпоху. И лучшія русскія дѣвушки шли на призывъ этой грубой „силы", шли на „свѣтъ", часто оказывавшійся болотнымъ огнемъ. Гордая, тонкая, изящная кузина Райскаго и его идолъ, Вѣра, сдѣлалась жертвою циника Волохова. Незнаніе жизни, отсутствіе серьезнаго образованія, дѣлало изъ лучшихъ женскихъ качествъ русскихъ дѣвушекъ орудіе ихъ гибели. „Это явленіе, какъ холера, какъ тифозная горячка, выхватывало изъ нашихъ родныхъ или знакомыхъ семей жертву за жертвой и наводило почти панику на общество... Сюда не подходятъ, конечно, говоритъ Гончаровъ, тѣ серьезныя женщины новаго поколѣнія, которыя въ самомъ дѣлѣ хотятъ работать и которыя путемъ строгаго, систематическаго образованія, ищутъ усвоить себѣ ту или другую отрасль знанія, профессію и создаютъ для себя самостоятельную дѣятельность и жизнь. Но тутъ путь долгъ и труденъ, и не всѣ выдерживаютъ его до конца. Тѣ женщины не бѣгаютъ тайкомъ отъ своихъ семей: онѣ открыто идутъ въ открытыя имъ двери учебныхъ заведеній, обществъ, курсовъ, при общемъ участіи и уваженіи. Въ рукахъ этихъ женщинъ—прямое рѣшеніе такъ называемаго женскаго вопроса"!

Итакъ, мы видимъ, что историческое значеніе произведеній Гончарова ограничивается по преимуществу эпохой крѣпостного права въ Николаевское царствованіе. На его долю выпало отмѣтить и съ необычайною яркостію обрисовать апатію и дряблость нашего культурнаго общества того времени въ цѣломъ рядѣ художественныхъ картинъ, прослѣдивъ преемственность общественныхъ настроеній. Когда въ лекціяхъ по русской исторіи незабвеннаго Ключевскаго мы читали о развращающемъ вліяніи, какое имѣло крѣпостное право на укладъ всей русской жизни и, между прочимъ,

Библиотека "Руниверс"

на самихъ помѣщиковъ, Гончаровскія картины вставали въ нашемъ воображеніи, какъ яркая иллюстрація къ научнымъ положеніямъ. Нуженъ былъ весь объективизмъ, вся уравновѣшенность творчества Гончарова, чтобы остаться на высотѣ художественнаго изображенія жизни, на анализѣ постепеннаго нравственнаго паденія личности, а не перейти въ сатиру, во вкусѣ обличительной литературы. Оттого мы видимъ въ его произведеніяхъ жизнь, какою она была въ дѣйствительности, а не по предвзятой тенденціи автора. При свѣтѣ историческихъ изслѣдованій Николаевскаго времени многое въ произведеніяхъ Гончарова станетъ яснѣе, даже то, что не было яснымъ самому ему, такъ какъ и онъ, подобно своему герою, „приросши одной больной половиной къ старому“, не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ взглядовъ и симпатій стараго, добраго времени. Любопытно, что современники Гончарова также не всегда понимали смысла его произведеній, и „Сонъ Обломова“ появился въ „Иллюстрированномъ Альманахѣ“ въ видѣ приложенія къ „Современнику“, въ 1849 году, въ самый разгаръ реакціи и дѣятельности Бутурлиновскаго комитета!

Въ Симбирскѣ, на родинѣ Ивана Александровича Гончарова, ему воздвигаютъ памятникъ. Неужели Петербургъ, гдѣ жилъ и трудился великій бытописатель земли русской, не отдастъ должной дани его славной памяти?

Е. Ш.

Библиотека "Руниверс"

Пруссаки стараго времени и, командовавшій прусскимъ корпусомъ въ 1812 г., маршалъ Макдональдъ.

Современные германцы совершенно не признаютъ того несомнѣннаго историческаго факта, что своимъ существованіемъ и настоящимъ положеніемъ они обязаны тѣмъ потокамъ русской крови, которая была пролита за пруссаковъ въ Европѣ въ 1806, 1807, 1813 и 1814 годахъ, а также благожелательному отношенію къ Пруссіи Императора Александра II въ 1866, 1870 и 1871 г.г.

Все это забыто современными германцами. Не такъ смотрѣли на эти историческія событія пруссаки стараго времени.

Высокоинтересные документы XIII тома матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба, касающіеся отечественной войны 1812 г., возсоздаютъ яркую картину отношеній тогдашнихъ пруссаковъ къ Россіи.

За нѣсколько дней до вторженія Наполеона въ Россію главнокомандующимъ 1-й западной арміей, ген.-отъ-инф. Барклай де Толли, былъ командированъ квартирмейстерской части (нынѣ генеральнаго штаба) подполковникъ Чуйкевичъ во французскую армію для передачи маршалу Даву письма отъ главнокомандующаго. Извлеченіе изъ рапорта подполковника Чуйкевича [1]) объ этой командировкѣ и приводимъ въ этой статьѣ.

Подполковникъ Чуйкевичъ 4 іюня 1812 г. отправился изъ Ковно въ герцогство Варшавское, гдѣ не былъ пропущенъ черезъ границу, поѣхалъ къ прусской границѣ, которую свободно переѣхалъ

[1]) Подполк. Чуйкевичъ военному министру и главноком. 1-й запад. арм. квартир. частн. подп. Чуйкевича, рапортъ 8 іюня 1812 г. изъ Вильны. Секретно. Воен. Учен. Арх. отд. II, № 1875 ст. 125—127 т. XIII ст. 74—80.

Библиотека "Руниверс"

въ Шмеленникенѣ. Благодаря любезному отношенію прусскихъ генераловъ Массенбаха, Іорка и Граверта, этотъ офицеръ могъ добраться 5-го іюня къ 9 часамъ вечера до квартиры командовавшаго прусскимъ корпусомъ маршала Макдональда въ Мелацкену. Въ это время маршалъ былъ уже въ постелѣ. Адъютанты не хотѣли его разбудить, и подполковнику Чуйкевичу пришлось здѣсь ночевать.

6-го іюня въ 8 часовъ утра нашъ офицеръ былъ представленъ Макдональду, который принялъ его самымъ любезнымъ образомъ и пригласилъ на смотръ Вестфальскаго пѣхотнаго полка, стоявшаго въ Данцигѣ. Подп. Чуйкевичъ отмѣчаетъ, что во время этого смотра солдаты, пройдя нѣсколько шаговъ отъ маршала, и своего полковника, выбѣгали по нѣсколько человѣкъ отъ взводовъ въ корчму пополнять свои манерки водкой. Маршалъ дѣлалъ видъ, какъ будто ничего не замѣчалъ, и обратясь ко мнѣ, сказалъ:

„N'est ce pas, mon colonel, que les gens sont beaux, lorsque je vois un pareil régiment je regrette de n'être pas son colonel“[1]).

По поводу передвиженій французскихъ войскъ маршалъ Макдональдъ увѣрялъ, что эти передвиженія производятся для смотровъ и сказалъ:

„Nous avons un desir sincère de maintenir la paix. Certainement nous ne savons pas ce qui se passe dans la tête de nos Empereurs, mais qui sait pêut être ils nous font promener parci, par là et finiront ces demonstrations a l'amiable, c'est que nous desirons beaucoup“ [2]).

Говоря о желаніи своего Государя сохранять съ Россіей миръ, маршалъ прибавилъ, что недѣлю тому назадъ войска получили повелѣніе отъ императора не дѣлать непріятныхъ поступковъ противъ россійскихъ границъ.

Макдональдъ не согласился пропустить подп. Чуйкевича далѣе къ маршалу Даву, т. к. онъ не знаетъ мѣсто его пребыванія и не имѣется совершенно свободныхъ лошадей, ибо по тремъ ближнимъ дорогамъ на каждой станціи забрано по 400 лошадей для императора съ строжайшими воспрещеніями оберъ-шталмейстера Коленкура не давать лошадей никому.

---

[1]) „Не правда ли, полковникъ, какіе бравые молодцы! Когда я вижу такой полкъ, мнѣ дѣлается жалко, что не я ихъ полковой командиръ“.

[2]) „Мы искренно хотѣли бы, чтобы миръ не былъ нарушенъ. Намъ, конечно, неизвѣстно, что на умѣ у нашихъ монарховъ; почемъ знать, можетъ быть они заставятъ насъ промаршировать туда-сюда, и закончатъ всѣ эти демонстраціи полюбовнымъ соглашеніемъ, чего мы отъ души желали бы“.

Библиотека "Руниверс"

Подполковнику Чуйкевичу ничего не оставалось дѣлать, какъ отдать письмо Макдональду для передачи Даву и, взявъ съ маршала росписку, воротиться въ Вильно.

Въ приложеніи къ своему донесенію подполковникъ Чуйкевичъ излагаетъ свое мнѣніе о видѣнныхъ имъ военачальникахъ и настроеніе духа пруссаковъ.

„Герцогъ Тарентскій, маршалъ Макдональдъ, имѣетъ отъ роду 44 года, видный и прекрасный мужчина. Свѣтское образованіе имѣетъ въ совершенствѣ и весьма похожъ на придворнаго. Разговоры его открываютъ въ немъ великія свѣдѣнія, но, кажется, слишкомъ недѣятеленъ и любитъ много спать, въ чемъ меня и прусскіе офицеры удостовѣрили, говоря, что въ Кенигсбергѣ онъ спалъ до 10 часовъ утра, съ 5-го и по 6 іюня онъ проспалъ 12 часовъ, и Вестфальскій полкъ ждалъ полтора часа, пока маршалъ проснулся".

„Генералъ Гравертъ важный старикъ 60 лѣтъ; о его достоинствахъ не слишкомъ хорошо отзываются—страсть имѣетъ заниматься мелочами и мучить подчиненныхъ своей копотливостью".

„Генералъ Іоркъ отмѣнно любимъ въ прусскомъ корпусѣ, имѣетъ много свѣдѣній, пылкій и рѣшительный духъ и питаетъ сильную ненависть къ французамъ".

„О генералѣ Массенбахѣ можно только сказать, что онъ добрый старикъ, выслужившій лѣтами генералъ-маіорскій чинъ".

„Воротясь отъ маршала въ Тильзитъ", продолжаетъ подп. Чуйкевичъ, „я остановился въ квартирѣ барона Каница; ко мнѣ тотчасъ явился Г. Гейнце, хозяинъ дома, въ коемъ изволилъ жить Государь Императоръ нашъ во время своего пребыванія въ Тильзитѣ. При нѣсколькихъ бывшихъ тутъ прусскихъ офицерахъ, онъ объявилъ, что, узнавъ о пріѣздѣ россійскаго офицера, онъ поставилъ отдать свое почтеніе и убѣдительнѣйше проситъ его удостоить его домъ своимъ посѣщеніемъ. Со мной пошли еще три прусскіе офицера къ г. Гейнце, который былъ радъ безъ души и, введя въ комнаты, сказалъ съ величайшей живостью: „Государь мой, располагайте моимъ домомъ, Вы подданный Государя, коего я и мои сограждане чтимъ, какъ другое подобіе Божества и на него одного со всѣмъ страждущимъ человѣчествомъ возлагаемъ мы свою надежду. *Король нашъ, добрый король, пропадаетъ отъ французовъ и мы верхомъ блаженства считать будемъ, если Императоръ Россійскій сдѣлаетъ насъ своими подданными*" [1]).

„За ужиномъ Гейнце предложилъ пить за здоровье Государя, что

[1]) Курсивъ нашъ.

Библиотека "Руниверс"

прусскіе офицеры не притворно съ величайшимъ удовольствіемъ сдѣлали.

Въ другомъ мѣстѣ подп. Чуйкевичъ доноситъ;

„Въ Пруссіи говорятъ, что всѣ вообще отставные и находящіеся въ подвижномъ войскѣ прусскіе офицеры желаютъ перейти въ Россію, но встрѣчаютъ многія препятствія въ позволеніи, почему стараются, подъ разнымъ одѣяніемъ переходить границу“.

„Жители прусскіе сильно раздражены противъ французовъ, молятъ Бога о ниспосланіи Россійскому оружію счастія и желаютъ, дабы Императоръ Россійскій присоединилъ ихъ землю къ своей, ибо короля своего полагаютъ пропадшимъ и что Наполеонъ лишитъ его престола во всякихъ случаяхъ.

Меня часто спрашивали:

Wenn wird euer Kaiser uns erlösen? Когда Вашъ Императоръ насъ спасетъ?“

Ф.

Библиотека "Руниверс"

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одонталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

35.

С.-Петербургъ, апрѣля 26 1812.

Пишу къ Вамъ послѣ присылки отъ Козодавлева за мною. Мнѣ велитъ министръ грознымъ тономъ явиться къ себѣ. Что за дьявольщина!

Въ то же самое время получаю отъ весьма почтеннаго человѣка слѣдующую при семъ записку [2]).

Догадываюсь, что отъ меня потребуется такое объясненіе, что я невольно приду въ негодованіе, съ моею раздражительностью долженъ вспыхнуть. Nous verrons jusqu'à quel poins le ministre abusera de son pouvoir. Мое дѣло съ достоинствомъ защищаться. Крѣпость невиннаго, безупречнаго человѣка тверда. Чтобы послѣ остыдилъ себя дѣлающій къ ней приступъ

---

[1]) См. „Русская Старина", май 1912 г.

[2]) Записка эта приложена при письмѣ.

Vous allez vous expliquer aujourd'hui... Ce sera une journée très orageuse, si vous vous échauffez au prémier abord: la chose sera gatée, vous n'y gagnerez rien et tout le tort tombera sur vous. La prudence doit nous guider dans toutes nos actions : c'est par elle qu'on parvient surement au but qu'on se propose.

Tout cela vous le savez vous-meme: je ne fais que vous en rappeller à l'occasion présente.

Ce 26 avril.

Библиотека "Руниверс"

Государь 16 апрѣля изволилъ быть у Беннигсена въ закретскомъ его уединеніи. Мнѣ пишетъ достовѣрный человѣкъ, что онъ съ того дня считается опять въ дѣйствительной службѣ.

Можетъ быть, Вы уже знаете, а можетъ быть и удивитесь, что Чичаговъ сдѣланъ на мѣсто графа Кутузова главнокомандующимъ Молдавскою арміею, да еще будетъ начальствовать и надъ черноморскимъ флотомъ. Братецъ Вашъ [1]) также состоять имѣетъ подъ его вліяніемъ. О гр. Кутузовѣ говорятъ различно. Одни приписываютъ его смѣну внушеніямъ гр. Ланжерона [2]), а другіе жалобамъ какой-то знатной тамошней барыни.

Теперь много толкуютъ о исторіи Чернышева.

Въ Парижѣ присудили подкупленныхъ предать смерти. Обнаружилось хорошо затѣянное дѣло будто бы отъ неосторожности коммиссіонера нашего. Онъ разорванныхъ записокъ не истребилъ огнемъ. По сложеннымъ клочкамъ обо всемъ узнала полиція и сдѣлала конецъ дальнѣйшимъ операціямъ.

36.

С.-Петербургъ, апрѣля 30 1812.

Ходили мы въ пятницу объясняться. Ждали долго грознаго начальника. Съ большою церемоніею вышелъ, вступилъ со мною въ разговоръ. Хоть убейте, умный Александръ Яковлевичъ, я не знаю, что хотѣлъ онъ отъ меня отобрать. Не было ни начала, ни конца, развѣ токмо по входу и выходу моему. La journée n'était donc pas orageuse, comme on l'avait cru. Мнѣ сказывали послѣ, что бурю весьма искусно разогналъ Калининъ [3]).

Знаете ли, что Стройновскій еще дышетъ? Имѣю изъ Вильны отъ достовѣрнаго человѣка непріятное сіе свидѣтельство.

Забылъ въ прошедшій разъ сказать Вамъ, что Ник. Сем. Мордвиновъ [4]) вышелъ въ чистую съ 12-ти тысячнымъ пенсіономъ.

---

[1]) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, р. 31 декабря 1782 † 29 октября 1835 г., во время турецкой и Отечественной войны, состоялъ при главныхъ квартирахъ дѣйствующихъ армій, занимаясь дипломатической перепиской.

[2]) Ланжеронъ, гр. Александръ Ѳедоровичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, новороссійскій генералъ-губернаторъ.

[3]) Калининъ, Николай Игнатьевичъ, р. 1763 † 21 марта 1829 г., петербургскій почтъ-директоръ, котораго въ концѣ 1819 года смѣнилъ К. Я. Булгаковъ.

[4]) Мордвиновъ, гр. Николай Семеновичъ, членъ Государственнаго Совѣта, вице-президентъ Адмиралт. коллегіи и морской министръ.

Библиотека "Руниверс"

На сихъ дняхъ здѣсь заговорили, что изъ Вильны посланъ курьеръ за графомъ Панинымъ. Вы лучше можете судить, можно ли вѣрить сему слуху, ибо гр. Никита Петровичъ въ одномъ съ Вами городѣ.

Изъ Вильны мнѣ ничего замѣчательнаго не пишутъ.

Главнѣйшее извѣстіе состоитъ въ томъ, что Государь находится въ вожделѣнномъ здравіи.

Ваше Благородное собраніе сдѣлалось съ 21 числа текущаго придѣломъ главнаго храма, сооруженнаго Великой Екатеринѣ въ сердцахъ и душахъ тѣхъ, кои населяютъ и будутъ наполнять предѣлы Россійскаго царства. Напрасно послѣ нетлѣнныхъ монументовъ силятся воздвигать ей подверженные разрушенію!

37.

С.-Петербургъ, мая 3-го 1812.

Лебланъ на семъ свѣтѣ больше не будетъ услаждать слуха нашего своимъ пѣніемъ. Вчерась давали здѣсь въ пользу жены и двухъ его дѣтей спектакль.—Филисъ—Андріе, не онъ, а она, на все лѣто удалится въ Ораніенбаумъ лѣчиться, гдѣ велѣно ей отворить всѣ оранжереи и дать лучшія комнаты въ дворцовыхъ строеніяхъ по ея выбору. Для вдовы и сиротъ она въ послѣдній разъ вчерась пѣла. Разумѣется, до поправленія ея здоровья.

Я слышалъ, что Государь изволилъ ѣздить въ Шавлю осматривать собранныя въ тамошнихъ окрестностяхъ войска.

Какъ-то у Васъ, а здѣсь шибко заговорили о гр. Никитѣ Петровичѣ. Сказываютъ, будто-бы гр. Румянцевъ занемогъ на дорогѣ и не доѣхалъ до Вильны.

Къ сему прилагаютъ разныя другія извѣстія, о которыхъ благоразумнѣе дождаться подтвержденія. Вы лучше можете судить о распространившихся слухахъ по нахожденію гр. Панина въ Москвѣ. Ежели онъ дѣйствительно отправился въ Вильну, то вѣрно и то, что канцелярство перешло на него.—Слышу между прочими любопытными вещами, что гр. Кочубей и Чичаговъ вошли въ большую силу.

Мы продолжаемъ по приказанію высшихъ властей удерживать нѣкоторые номера разныхъ газетъ.

Подумаютъ, Богъ знаетъ, что такое! а это преглупыя статьи, которыя ни мало не касаются настоящихъ обстоятельствъ. По-моему, я бы все выпустилъ, а помѣстилъ бы въ нашихъ вѣдомостяхъ возраженія, черезъ что сдѣлались бы онѣ нѣсколько интереснѣе, а

Библиотека "Руниверс"

между тѣмъ, не подали бы повода къ нелѣпымъ слухамъ.—Да! мнѣ сказывали, что кн. Лопухинъ отправляется къ Кавказскимъ водамъ.

38.

С.-Петербургъ, мая 7-го 1812.

Имѣю съ послѣднею почтою Виленскія извѣстія отъ 28-го апрѣля. Въ пятницу на святой недѣлѣ Государь изволилъ уѣхать чрезъ Вилкомиръ и Шавлю до Тельшъ для обозрѣнія войскъ, по тѣмъ мѣстамъ расположенныхъ.

29 или 30-го апрѣля ожидали возвращенія Его Величества въ Вильну. Въ четвергъ наканунѣ сего Высочайшаго отъѣзда дворянство давало нарядный балъ, на которомъ Монархъ былъ довольно веселъ.

Цесаревичъ на нѣсколько дней пріѣзжалъ изъ главной своей квартиры, которая находится въ городѣ Видзы, и послѣ бала отправился туда обратно.

28 апрѣля не доставало еще Чичагова и Армфельда, прочія же знатныя особы, сопровождающія Императора, всѣ благополучно прибыли въ Вильну, кромѣ государственнаго канцлера, который пріѣхалъ туда больнымъ. У него ротъ на сторонѣ, что самъ онъ почитаетъ слѣдствіемъ простуды, а лейбъ-хирургъ Вилліе—посѣщеніемъ паралича.

О пожалованныхъ лентами св. Анны въ первый день Пасхи узнаете Вы изъ Сѣв. Почты, а я присовокуплю токмо къ непомѣщенному еще въ газетахъ назначеніе генерала Римскаго-Корсакова[1]) литовскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ Вильну ожидаютъ шведскаго посланника, для котораго приготовленъ тамъ и домъ.

Какія-то извѣстія имѣете Вы, неоцѣненный мой Александръ Яковлевичъ, а насъ здѣсь хотятъ имовѣрные люди радовать заключеніемъ мира съ чалмоноснымъ народомъ? Свѣдущіе также люди говорятъ, что ежели на западныхъ границахъ и быть войнѣ, то она откроется не такъ скоро. Съѣздъ коронованныхъ главъ, предложенный Наполеономъ въ одномъ изъ германскихъ городовъ, остается отмѣненнымъ, поелику важнѣйшій вѣнценосецъ на то не разсудилъ согласиться. Оный, какъ слышно, замѣнится конгрессомъ чрезвычайныхъ уполномоченныхъ разныхъ державъ, на который будто съ фран. стороны и назначенъ уже принцъ Беневент-

[1]) Римскій-Корсаковъ, Александръ Михайловичъ.

Библиотека "Руниверс"

скій [1]). Съ нашей общая молва указываетъ на гр. Никиту Петровича [2]).

Свѣжія получены извѣстія о благодѣтелѣ моемъ Дмитріѣ Прокофьевичѣ [3]). Онъ живетъ, какъ мудрецъ, въ Кіевѣ и наслаждается наивожделѣннѣйшимъ здоровьемъ. По просухѣ дорогъ собирается ѣхать въ полтавскія свои деревни на цѣлое лѣто для сближенія съ Полтавою въ разсужденіи маршальской своей должности.

Я не касаюсь настоящаго вліянія Чичагова, поелику навѣрное полагаю, что Вы уже о немъ имѣете самое ясное понятіе черезъ того почтеннаго мужа, который часто находитъ удовольствіе посѣщать Васъ. Не можетъ быть, чтобы ему не была извѣстна исторія инструкціи, о которой теперь такъ много различно говорятъ.

39.

С.-Петербургъ, мая 10-го 1812.

Изъ пріятнаго посланія Вашего отъ 2-го мая, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, заключаю почти навѣрное, что Вы письма моего отъ 16 апрѣля съ приложеніемъ копіи извѣстнаго возраженія не получили: ибо непосредственно за 12-мъ апрѣля упоминаете токмо о тѣхъ моихъ посланіяхъ, которыя дошли до Васъ отъ 19 и 23 апрѣля. Некому болѣе сдѣлать такой пакости, кромѣ одной изъ тѣхъ мухъ, которыя садились орлу на хвостъ, чтобы летѣть въ гости къ солнцу. Тщетны и даже смѣшны злые его замыслы. Они во вредъ никоимъ образомъ обратиться мнѣ не могутъ, но досадно токмо, что тогда была у меня самая огромная почта съ поздравительными письмами и что возраженіе было перебѣлено моею рукою. Ожидаю отъ Васъ подтвержденія о семъ похищеніи и когда получу, то, нечего дѣлать, примусь опять переписывать. Чтобы ему лихо за то приключилось, что онъ по пустякамъ задалъ лишнюю работу больной моей спинѣ!

Забавно Ваше описаніе о Торшахъ и Визгахъ [4]). Жаль, что они поприщемъ своимъ не избрали Англіи: тамъ бы публично отхлестали ихъ въ газетахъ. Вы замѣнили мнѣ однакожъ, какъ нельзя лучше, непозволительность сего въ нашей землѣ. Досыта насмѣялся

---

[1]) Талейранъ.

[2]) Панина.

[3]) Трощинскомъ.

[4]) Повидимому, пародія англійскихъ *тори и виги*.

Библиотека "Руниверс"

я инконсеквенціи на обѣихъ сторонахъ *первому*. Каковъ изъ колыбельки, таковъ пойдетъ и въ могилку. Кажется, что неприличнымъ изображеніямъ на пьедесталѣ устоять нельзя. Но весьма любопытно знать, какъ раздоръ сей кончится? Не заставятъ ли кичливыхъ слизать языкомъ именъ своихъ? Не того ли и испугался В., что перекинулся на противную сторону? Да! этому смѣяться должно; но 1,200 комплектъ другія производитъ ощущенія. Зачѣмъ тѣ, которые дѣлаютъ теперь распоряженія, не судятъ такъ здраво, какъ Вы? Ежели нѣтъ еще бѣды, такъ, кажется, хотятъ, чтобы она была.

Спасибо Вамъ, что успокоили меня отъѣздомъ извѣстнаго Патріота[1]). Онъ можетъ дѣлать благія внушенія и отвращать то, что влечетъ за собою худыя слѣдствія. Меня опечалилъ было слухъ, что достойный сей мужъ раздумалъ ѣхать въ Вильну.—Изъ сего города имѣю извѣстія отъ 1-го мая. Государь въ тотъ же день долженъ былъ крестить въ Закретѣ у Беннигсена трехлѣтняго его сына. По сему случаю приготовлялся тамъ thé dansant, а не балъ съ ужиномъ. Финансы престарѣлаго полководца не дохватываютъ до послѣднихъ издержекъ. Чичаговъ 1-го мая еще не пріѣзжалъ въ мѣстопребываніе Монарха, изъ чего заключать должно, что онъ едва-ли не прямо проѣхалъ въ Молдавію. Не пишу Вамъ о возвращеніи Государевомъ въ Вильну постолько, что оно со всѣми подробностями помѣщено въ оффиціальной газетѣ.—Въ Вильну отправился съ экстраординарными депешами или порученіями проѣхавшій здѣсь изъ Стокгольма шведскій генералъ Тавастъ.—Рѣшительныхъ мѣръ никакихъ еще гласно не принято, кабинетныя же никому изъ насъ извѣстны быть не могутъ.

40

С.-Петербургъ, мая 14. 1812 года.

Ожидая отъ Васъ подтвержденіе объ утратѣ письма моего вмѣстѣ съ возраженіемъ, останавливаюсь еще приняться за новую копію. Можетъ быть, обдумавши, лучшимъ почтутъ взвалить вину на какого-нибудь почтальона, а письма мои, хотя и поздно, но все-таки доставятъ тѣмъ, которымъ они слѣдуютъ.

Виленскія извѣстія отъ 5-го мая гласятъ, что Государь Императоръ намѣревался отбыть въ уѣздный городъ Троки для осмотра

[1]) Т. е. графа Ѳ. В. Ростопчина.

Библиотека "Руниверс"

дивизіи генералъ-лейтенанта Коновницына, оттуда ѣхать въ корпусъ генерала Эссена 1-го, стоящій около Кобрина, и, наконецъ, уповательно по дорогѣ отправиться и въ Луцкъ, главную квартиру 2-ой западной арміи.

Въ Вильнѣ дороговизна столь непомѣрна, что когда Монарху послѣ святой недѣли поданъ былъ счётъ столовымъ издержкамъ, то Его Величество весьма онымъ удивился. Думаютъ, что Государь, почитая дороговизну сію отчасти слѣдствіемъ своего тамъ пребыванія, скоро разсудилъ городъ сей оставить.

Пріѣзжавшій въ Вильну съ какими-то предложеніями отъ Тюллерійскаго двора полковникъ Нарбоннъ былъ ласково принятъ, удостоился кушать за императорскимъ столомъ, но съ тѣмъ же и отправился въ обратный путь, съ чѣмъ пріѣхалъ. Наконецъ, гр. Лористонъ собирается отсюда ѣхать. Мнѣ сказывали, что онъ дастъ прощальный для дѣтей балъ. Уже онъ нѣкоторыхъ на оный и приглашалъ на прошедшей недѣлѣ чрезъ родителей ихъ, съ коими онъ въ тотъ день обѣдалъ у австрійскаго посла.

Одной знатной нашей дамѣ, которая изъявила удивленіе свое слову bal d'adieu, отвѣчалъ онъ: „Faites, madame, que je puisse rester ici: mon souverain le désirerait fortement". Дама сконфузилась. Не лучше ли бы было не дѣлать французу комплимента?

У французовъ отбили союзныя арміи Бадаіосъ. О семъ уже напечатано въ послѣднемъ № Journal du Nord, который издается здѣсь при Иностранной коллегіи.

Теперь ни одинъ иностранный курьеръ не можетъ безъ предварительнаго дозволенія одной изъ внутреннихъ властей въѣзжать въ предѣлы наши. Таковая мѣра большимъ сдѣлалась препятствіемъ тѣмъ иностраннымъ министрамъ, которые съ нѣкотораго времени чрезъ однихъ токмо курьеровъ отправляли и получали депеши.

Государственный канцлеръ поправляется въ здоровьѣ своемъ. Чичаговъ прямо проѣхалъ въ Валахію. По послѣднему извѣстію почтенный нашъ графъ долженъ уже теперь быть на пути въ Вильну.

Есть однакоже здѣсь люди, которые утверждаютъ, что онъ свой вояжъ отложилъ. Скоро надѣюсь повѣрить слухъ сей ожидаемымъ посланіемъ.

41.

С.-Петербургъ. Мая 21. 1812.

Письмо къ г. Тургеневу доставлено. За стихи приношу благодарность. Ихъ можно уподобить монетѣ, которая имѣетъ внутрен-

Библиотека "Руниверс"

нее достоинство, но отчеканена не хорошо.—Приводите теперь въ движеніе щекатурныя кисти, чтобы забѣлить живопись.

Вы пишете токмо о графинѣ, а меня увѣряютъ, что почтенный графъ самъ ѣдетъ сюда и будетъ отправляемаго на службу сына представлять Государынямъ. По Виленскимъ извѣстіямъ отъ 12 мая графъ Нарбоннъ 8-го числа съ двумя своими адъютантами отправился въ обратный путь. Государь 14-го намѣревался ѣхать въ Гродно. Я долженъ еще сегодня получить свѣжія извѣстія изъ Вильны, что-то они скажутъ?

По иностраннымъ Наполеонъ 10-го мая выѣхалъ изъ Парижа къ Вислѣ и уже миновалъ Метцъ. Мнѣ сказывали, что онъ весьма дружески простился съ княземъ Александромъ Борисовичемъ [1]), и что въ словахъ его заключался уже не тотъ тонъ, которымъ онъ привыкъ доселѣ говорить.

Мы ожидаемъ на сихъ дняхъ прибытія графа Кутузова. Барону Беннигсену пожалованъ алмазный эполетъ съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени.

Нѣкоторые говорятъ, что ему сданъ на время портфель министра военнаго.

42.

С.-Петербургъ. Мая 24. 1812.

Заговорили у насъ, что графа Кутузова сдѣлали въ Москву Главнокомандующимъ.—Рижскій военный губернаторъ кн. Лобановъ отставленъ. На его мѣсто назначенъ генералъ Эссенъ.—Отъ 15 мая изъ Вильны пишутъ, что къ 18 числу ожидали возвращенія Государя Императора изъ мѣстечка Щучина, гдѣ онъ изволилъ смотрѣть корпусъ генерала графа Шувалова. Болѣе любопытнаго изъ тѣхъ мѣстъ ничего не слыхалъ.

Нашъ Кронштадскій флотъ, обращаемый въ транспортныя суда, стоитъ уже 3-ю недѣлю на рейдѣ въ готовности къ отплытію.

Сказываютъ, что любимый кучеръ Государевъ Илья умеръ въ Вильнѣ.

Цѣлое утро провозился съ цензурою. Берлинскія вѣдомости наполнены статьями о вояжѣ Наполеоновомъ.

Онъ миновалъ уже Берлинъ. Австрійскій императоръ прибылъ

---

[1]) Куракинымъ, русскимъ посломъ.

Библиотека "Руниверс"

въ Дрезденъ съ больною супругою, которую изъ кареты во дворецъ несли на креслахъ.

Не прикажете ли Вамъ высылать Journal du Nord?

P. S. Забываю отъ хворости сообщить, что намѣренъ писать при начинаніи моихъ бюллетеней.

Марья Антоновна [1]), какъ мнѣ сказывали, ѣдетъ и нынѣшнимъ лѣтомъ въ Крымъ.

Жившая у ней дѣвица Шарлотта Васильевна выходитъ на этихъ дняхъ замужъ за Перовскаго.

Даютъ ей приданаго въ разныхъ вещахъ около 100 т. р. Объ этомъ говорятъ теперь въ цѣломъ городѣ.

43.

С.-Петербургъ. Мая 31. 1812 года.

Мнѣ пять человѣкъ одинъ за другимъ подтвердили, что гр. Кутузовъ съ 24 числа уже здѣсь. Теперь однакоже одинъ, да благонадежный, опровергъ этотъ слухъ. Не токмо графа Михаила Иларіоновича, но и никакого другого Кутузова сюда не пріѣзжало.

Виленскія извѣстія отъ 22 мая совершенно ничего въ себѣ не содержатъ любопытнаго. Увѣдомляютъ меня токмо, что тамъ появился изъ Москвы какой-то г. Брокеръ, котораго считаютъ коммиссіонеромъ гр. Ѳедора Васильевича. До самаго отправленія почты полагали, что его сіятельство будетъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

44.

Іюня 4-го 1812 г.

Сердечное принимаю участіе, чувствительный Александръ Яковлевичъ, въ справедливой печали Вашей, которую возвѣстили Вы мнѣ отъ 27-го прошедшаго мѣсяца [2]). Въ бѣдѣ, въ огорченіи утѣшитель подобенъ ангелу хранителю. Поздравляю Васъ и супругу Вашу, что Вы обрѣли его въ достопочтенномъ графѣ. Ѳедоръ Васильевичъ не измѣняется. 14 или 15 лѣтъ чему ни былъ свидѣ-

---

[1]) Нарышкина, урожденная княжна Четвертинская, р. 1779 † 1854 г.

[2]) Смерть свояченицы Булгакова.

Библиотека "Руниверс"

телемъ, или чтобы ни слышалъ о семъ баринѣ, все подтверждаетъ, что онъ болѣе по моральнымъ своимъ качествамъ, нежели по другимъ титламъ заслуживаетъ всякое уваженіе. Вы можете гордиться, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что получаете отъ него billets doux, да и ему дѣлаетъ честь выборъ, который палъ на Васъ. Онъ беретъ поверхность надъ Вами, и Вы ничего не проиграете, поддаваясь ему. Не пуститъ Васъ въ деревню, такъ оставайтесь съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ сдѣланъ онъ главнокоманнующимъ съ переименованіемъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Москва счастлива, но я считаю, что вся Россія много теряетъ чрезъ таковое назначеніе.

Извѣстія отъ 26 мая изъ Вильны худую подаютъ надежду къ выздоровленію Канцлера [1]). Его возятъ въ хорошую погоду въ колескѣ за городъ, но онъ отъ того ни мало не подкрѣпляется въ разслабленіи своемъ и болѣе прежняго наклоненъ къ возобновленію ударовъ: такъ по крайней мѣрѣ думаетъ лейбъ-хирургъ Вилліе.—Есть теперь въ Вильнѣ не одни разслабленные тѣломъ, но и духомъ. Графъ Кочубей что-то очень пасмуренъ. Можетъ быть, и другіе имѣютъ причины быть не веселыми.—Государь, благодаря Бога, въ вожделѣнномъ здравіи.

27 мая гвардейскіе полки должны были вступить на время въ Вильну для смотра. Цесаревичъ изъ Видзы переводилъ туда главную свою квартиру.—Первыя французскія войска показались на границахъ нашихъ за Нѣманомъ противъ Ковно и Юрбурга.—Генералитетъ нашъ скучаетъ медленностію, войска кипятъ враждою къ Зависловскимъ противникамъ. Никто не угадываетъ причины, по которой дѣло уже не начато. Tout ne respire que la guerre, et cependant on ne permet pas de frapper.

Мы третью уже почту не получаемъ изъ Пруссіи ни одного партикулярнаго письма. Видно, взяты тамъ порядочныя мѣры предосторожности.

45.

Іюня 7-го 1812 г.

Поздравляю Васъ съ заключеніемъ въ Бухарестѣ мира. Условія онаго должны Вамъ быть болѣе извѣстны, нежели намъ, которые слышимъ глухо, что рѣка Прутъ опредѣлена будущею границею, и что будто бы оттоманы даютъ намъ значущее число вспомога-

[1]) графа Н. П. Румянцова.

Библиотека "Руниверс"

тельнаго войска. Какъ бы тамъ ни было, а худой миръ лучше доброй брани. Ожидаемъ извѣстія о размѣнѣ ратификацій, дабы принести въ храмахъ торжественное благодареніе покровительствующему намъ Богу. Опоздалъ же Наполеонъ послать архіепископа Мехельнскаго къ султану. Въ послѣднихъ Берлинскихъ газетахъ писали, что сего духовника французской Императрицы отправилъ онъ куда-то съ важными препорученіями, давъ ему секретарей, знающихъ восточные языки. Кажется, кромѣ Константинополя съ такими язычниками ѣхать ему болѣе некуда.—По газетамъ прибытія парижскаго Зевса въ Варшаву еще не видно. Думали, что главная его квартира будетъ или въ Торунѣ, или въ Остеродѣ. Онъ хотѣлъ объѣхать всю линію войскъ, которыя расположены противъ границъ нашихъ. Отдалъ приказъ, чтобы, начиная отъ королей, которые находятся при его арміяхъ, до послѣдняго рядового всякій имѣлъ при себѣ на 14 дней провіанту, равно и для лошадей.

Виленскія извѣстія простираются до 30-го мая. Собирались пѣхотные гвардейскіе полки для смотру въ Вильнѣ, и казалось, что въ движеніи войскъ было болѣе живости.—Канцлеру нѣтъ легче. Не предвѣщаютъ ему эскулапы долгой жизни.

О сближеніи съ альбіонцами [1]) говорятъ подъ рукою, что оно весьма скоро послѣдуетъ. Есть даже съ обѣихъ сторонъ негоціаторы, коихъ не смѣютъ наименовать, ибо все производится въ величайшей тайнѣ и нескромнымъ за болтливость достается.

Изъ Пруссіи нѣтъ уже по третью почту ни одного партикулярнаго письма. Сегодня ожидаемъ новой почты. Что-то привезетъ она намъ новаго изъ за границы и изъ Вильны?

Гр. Лористонъ все уже распродалъ. Теперь онъ боленъ. Ожидаетъ повелѣнія объ отъѣздѣ.

46.

Іюня 11. 1812 г.

Виленскія письма отъ 2-го іюня таковы, что должно ожидать весьма скоро пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣдней почты нашей, отправляемой въ герцогство Варшавское, на границѣ Бѣлостоцкой уже не пропустили, да и варшавской два дня тщетно въ Вильнѣ ожидали.

Наконецъ мы получили задержанныя въ Пруссіи почты, но

---

[1]) т. е. англичанами.

Библиотека "Руниверс"

весьма не комплектными. Наполеонъ изъ Познани отправлялся чрезъ Торунь и Маріенвердеръ въ Гданскъ. Здѣсь, сказываютъ, истощено все инженерное искусство, чтобы при неудачахъ можно было цѣлый годъ выдержать осаду 50-ти тысячной арміи. Вообще онъ болѣе всего озабоченъ Балтійскимъ берегомъ, откуда могутъ ему зайти въ тылъ.

Братъ его, бывшій король голландскій, умеръ въ Грецѣ. Онъ столько полюбилъ этотъ городъ, что отказалъ ему все свое имущество съ тѣмъ, чтобы ежегодно изъ собираемыхъ доходовъ отпускаемо было по 10 т. талеровъ и извѣстное количество хлѣба.

Около Дриссы и Динабурга продолжаютъ съ великою поспѣшностію дѣлать земляные окопы, на каковой конецъ взято изъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеній множество людей.

Въ Троицынъ день, когда было въ Екатерингофѣ гулянье, провезли изъ Вильны къ здѣшнему военному губернатору какого-то польскаго матодора. Карета, очень хорошая, была запряжена 6-ю лошадьми. Съ нимъ сидѣлъ, вѣроятно, полицейскій чиновникъ, а сзади большого роста лакей. За каретою ѣхали на телѣгѣ два фельдегеря, а по бокамъ отъ заставы провожали два казака съ пиками. Здѣсь начали говорить, что Сперанскій отравилъ себя ядомъ.

Сію минуту узнаю, что французскій посолъ потревожилъ ночью въ 5 часовъ какими-то бумагами гр. Александра Николаевича Салтыкова. Онъ долженъ былъ пріѣхать съ дачи въ городъ и работать всю ночь. Послѣ отправилъ нарочнаго въ Вильну. Чичаговъ, протуривъ изъ Бухареста Корронелія и Бароцци, прислалъ сюда при письмѣ къ гр. Салтыкову, рекомендуя ихъ употребить при себѣ съ большею пользою, нежели каковую приносили они при переговорахъ.

47.

Іюня 14. 1812.

Московскіе жители всѣхъ состояній вмѣсто поднесенія золотыхъ и серебряныхъ солонокъ лучше бы принесли благодареніе Богу, что Государь далъ имъ въ графѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ толь рѣдкаго начальника. Когда человѣколюбивыя слова его: „Пусть будетъ хлѣбъ дешевъ, какъ рѣпа“ сбудутся, то да воздвигнетъ ему Россія монументъ на Красной площади. Я увѣренъ, что желаніе сіе, произнесенное устами Ростопчина, есть желаніе благомыслящаго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Онъ попалъ на настоящій пунктъ благоденствія всякой земли, а тѣмъ паче Россіи, которая дотолѣ и будетъ богата и могущественна, покуда земледѣліе останется главнѣйшею ея промышленностію.

Извѣстія изъ Вильны отъ 5-го іюня. Говоря съ вами откровенно, я не могу утерпѣть, дабы не сказать, что они ничего добраго не предвѣщаютъ. Война на носу, но спрашивается, кто кого атакуетъ и гдѣ? Беннигсенъ только и твердитъ: „la danse va commencer". Успѣлъ въ казну за хорошую цѣну продать Закретское свое имѣніе, такъ можетъ равнодушно спускать подобную иронію съ своего языка. Нашелъ на всѣхъ столбнякъ, многіе плачутъ, упаковываются. Не забудьте, что менѣе 70 верстъ отъ Вильны до границы.— Французскій посолъ третьяго дня ночью отсюда уже уѣхалъ. Теперь пришла иностранная почта. Ничего не привезли изъ Пруссіи, даже и самыхъ газетъ берлинскихъ. Вчерась я кое-гдѣ былъ. Съ иными говорилъ, а другихъ видѣлъ токмо, какъ они среди тихихъ объясненій пожимали плечами. Я не коснусь турецкаго мира, ибо о прочности его вы лучше меня судить можете, да и то, что слышу о немъ, скорѣе меня узнаете. О грузинскихъ происшествіяхъ вы также должны имѣть свѣдѣніе. Съ часу на часъ ожидаютъ здѣсь важныхъ извѣстій.

Опроверженія мои состоятъ въ томъ, что Беннигсену не дано эполета, что кн. Зубовъ въ такой же силѣ, какъ и я, съ тою токмо разницею, что я не верчусь мелкимъ бѣсомъ предъ Уваровымъ [1]) и графомъ Ожаровскимъ [2]), что любимый Государевъ кучеръ смѣется надъ завистниками своими, что кн. Трубецкого и не думали посылать въ Варшаву. Кажется, болѣе фальшивыхъ слуховъ до меня не доходило.

Виленскія же извѣстія можете признавать аутентичными, которыхъ я, кромѣ Дмитрія Прокофьевича и васъ, никому не передаю, въ увѣренности, что ни тотъ, ни другой меня никогда не компрометтируетъ.—Слышалъ я о несчастьи, постигшемъ наши транспортныя суда во время бури. Не знаю однакожъ заподлинно, сколько ихъ погибло.

Лебцельтернъ, австрійскій чиновникъ, вскорѣ послѣ прибытія своего отправился обратно изъ Вильны.

---

[1]) Уваровъ, Ѳедоръ Петровичъ, р. 1773 г. † 1824 г., генералъ-адъютантъ; въ 1812 г. командиръ гвардейскаго корпуса. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Императора Александра I-го.

[2]) Гр. Ожаровскій, Адамъ Петровичъ, р. 1776 г. † 1855 г., съ 1807 г. былъ генералъ-адъютантомъ Государя; онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ съ французами, начиная съ 1805 г., и отличался большой храбростью.

Библиотека "Руниверс"

48.

Іюня 18/12 г.

Не тотъ ли это Руничъ [1]) будетъ у графа правителемъ канцеляріи, который доселѣ находился въ Московскомъ почтамтѣ, и который въ Духовъ день былъ еще здѣсь?

Онъ хорошей фамиліи и, сколько я слышалъ, то онъ долженъ быть честныхъ правилъ человѣкъ.

Предвозвѣщанія сбылись. Отъ 13 іюня графъ Николай Ивановичъ получилъ Высочайшій рескриптъ съ извѣщеніемъ, что вѣроломный врагъ безъ всякаго объявленія вторгся въ предѣлы наши.

Уже сила отражается силою, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ оффиціальныхъ извѣстій о военныхъ происшествіяхъ. Мнѣ некогда снять для Васъ копію съ помянутаго рескрипта, да и не кидаюсь за скрибачемъ въ экспедицію, поелику навѣрное полагаю, что такового же содержанія рескриптъ прямо изъ Вильны отправленъ къ графу Ѳедору Васильевичу.—О, Господи! благослови оружіе наше! Возблагоденствуетъ Россія, вся Европа, когда низложено будетъ стоглавое чудовище.—Не знаю, уѣхалъ ли Лористонъ? Въ субботу онъ еще былъ здѣсь.

49.

Іюня 21. 1812 г.

Вы можете себѣ представить, Александръ Яковлевичъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ теперь извѣстій изъ западныхъ нашихъ армій. Вчерась не было еще такихъ, которыя бы вливали отраду въ душу истиннаго россіянина. Не прискакалъ ли развѣ сегодня нарочный съ побѣдою? О ней токмо и на яву и во снѣ помышляемъ. Злодѣй успѣлъ перескочить съ большими силами чрезъ Нѣманъ у Ковны, Юрбурга и Россіенъ. Сколько изъ достовѣрнѣйшихъ слуховъ можно было сдѣлать извлеченіе, то враги, занимая войска наши въ Литвѣ, напираютъ на Курляндію, гдѣ мечтаютъ скорѣе имѣть успѣхъ въ грабежахъ своихъ.

---

[1]) Правитель канцеляріи гр. Ѳ. В. Ростопчина, братъ извѣстнаго Д. П. Рунича.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ 9-го іюня я уже не получалъ писемъ изъ Вильны, а послѣ 14-го, кажется, и никто. Слышно, что Государь Императоръ находится въ Свенціанахъ, а Канцлеръ съ своею канцеляріею въ Видзахъ. Впереди сихъ мѣстъ стоитъ главная сила 1-ой Западной арміи. Ежели врагу вздумается простерть далѣе набѣгъ свой или стать твердою ногою въ Литовскихъ нашихъ предѣлахъ: то, нѣтъ сомнѣнія, что должно произойти самое кровопролитное сраженіе въ самомъ непродолжительномъ времени, буде еще его не было.

Французскій посолъ еще здѣсь въ ожиданіи отъ Канцлера паспортовъ. Одинъ изъ его секретарей уже уѣхалъ.

Внучка княгини Вяземской—графиня Толстая, вышедшая за совѣтника французскаго посольства Ренваля, ѣдетъ съ мужемъ въ отечество его. Такими четами возмущается душа.

Не знаемъ, придутъ ли съ ожидаемою мемельскою почтою иностранныя газеты.

Во вторникъ мы еще ихъ всѣ получили.—Архіепископъ Мехельнскій, котораго почитали отправленнымъ въ Константинополь, явился 5-го іюня въ Варшаву съ какими-то важными предложеніями къ открывающемуся тамъ сейму. По Берлинскимъ газетамъ Макдональдъ и Даву приняли въ Пруссіи противъ — Курляндскихъ границъ начальство надъ двумя арміями, кои составлены изъ французскихъ и прусскихъ войскъ.—Наполеонъ ѣхалъ куда-то изъ Гданска чрезъ Эльбингъ и Кенигсбергъ.

Говорятъ, что кн. Багратіонъ имѣлъ съ непріятелемъ дѣло и одержалъ надъ нимъ верхъ. Считаютъ взятыхъ имъ въ плѣнъ за тысячу.—Какъ достовѣрное происшествіе разсказываютъ также здѣсь, что саксонскій или прусскій генералъ Кокъ или Кохъ застрѣлилъ французскаго генерала Ренье. Сей послѣдній будто бы при осмотрѣ корпуса Коха, долженствовавшаго соединиться съ войсками французскими, дозволилъ себѣ потрепать съ насмѣшкою союзнаго генерала по плечу, изъявляя ему невыгодное мнѣніе на счетъ вспомогательныхъ войскъ. Кохъ, вмѣсто отвѣта, выхватилъ изъ сѣдла заряженный пистолетъ и застрѣлилъ его. Хотя Кохъ уже аркибузированъ по настоянію Наполеона, однакожъ слѣдствіемъ сего происшествія было то, что множество офицеровъ нѣмецкихъ съ рядовыми перешли къ намъ.—Объ австрійцахъ идетъ слухъ, что и они тысячами бѣгутъ въ наши границы.

Транспорты наши, слава Богу! всѣ уцѣлѣли во время бури въ Балтійскомъ морѣ.

Ратификаціи еще нѣтъ. Не далъ ли ужъ султанъ обольстить себя тѣмъ стотысячнымъ вспоможеніемъ, о которомъ нѣкоторые

Библиотека "Руниверс"

здѣсь поговариваютъ? Прилагаю у сего приказъ и стихи на оный [1]),

50.

Іюня 25. 1812 г.

Корресподенты мои, хотя и статской службы, 14 іюня вмѣстѣ съ войсками оставили Вильну. Отъ нѣкоторыхъ имѣю съ дороги къ Двинѣ, къ которой прислониться хотятъ обѣ наши арміи, извѣстія, ни мало не касающіяся до происшествій по дѣламъ военнымъ. И сіи пустыя письма отъ 16-го дошли до меня поздно, ибо почта ходитъ теперь другимъ трактомъ.—Я не коснусь описанія того бала, который 11-го числа данъ былъ въ Вильнѣ.

Важнѣйшіе предметы обращаютъ на себя общее вниманіе. О нихъ знаемъ токмо по реляціямъ, которыя чрезъ день здѣсь получаются. Двѣ послѣднія, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, на всякій случай у сего прилагаю. Ихъ такъ жадно расхватываютъ, что печатной никакъ достать не могъ.

Мнѣ кажется взятіе въ плѣнъ графа Сегюра довольно примѣчательнымъ тѣмъ, что и послѣдняя война съ французами началась плѣненіемъ едва-ли не сего же самаго Сегюра. Онъ долженъ же быть очерченная голова, какова у большой части французовъ сидитъ на плечахъ.

Поелику и въ реляціяхъ сказано, что непріятель раздѣлилъ силы свои на двѣ части, то и здѣсь были слухи съ самаго начала, что кн. Понятовскій и король Вестфальскій достанутся на руки князю Багратіону, а самъ Наполеонъ съ 4-мя своими маршалами наткнется на 1-ую армію. Мы превосходимъ враговъ по крайней мѣрѣ въ два раза силами. Ежели дѣло дойдетъ до битвы, то наши должны одними прикладами разбить въ пухъ французовъ съ невольными ихъ союзниками. Между тѣмъ, не произойдетъ ли волненій въ Пруссіи и Германіи, чего почти навѣрно ожидать надлежитъ, и едва-ли отступленіе наше не имѣетъ отношенія къ симъ предполагаемымъ событіямъ.

Послѣдней почты изъ Мемеля въ прошедшую пятницу мы уже не получили.

Нѣтъ надежды, чтобъ она и сегодня явилась.

---

[1]) При письмѣ не оказалось ни того, ни другого.

Библиотека "Руниверс"

И такъ мы и чрезъ иностранныя газеты не можемъ болѣе знать, что происходитъ за границею.

Въ Швеціи за 30-ть тысячъ войска готово намъ помогать. Часть оныхъ вѣрно теперь плыветъ въ назначенное мѣсто на судахъ, которыя изъ Кронштадта туда давно отправлены.

Супруга графа Кутузова за нѣсколько дней выѣхала уже ему навстрѣчу.

Теперь идетъ слухъ, что будто бы мирныя условія султаномъ ратифицированы.

Желательно, чтобъ радостная сія вѣсть подтвердилась оффиціально въ товариществѣ съ побѣдою надъ проклятыми французами.

У насъ несносная жара третій день. Прежде вечера намъ разслабленнымъ нѣтъ почти возможности выходить изъ комнатъ.

Вотъ 25 № Journal de l'Empire.

51.

Іюня 28. 1812 г.

Увѣдомьте меня, не получаете ли Вы ранѣе реляцій чрезъ другой каналъ: такъ я остановлюсь въ безполезной перепискѣ.

И до насъ дошелъ слухъ о патріотическомъ подвигѣ матушки Москвы.

Разбиваются токмо въ числѣ войскъ, которыя она выставляетъ на защиту отечества.—Графиня Орлова Чесменская сдѣлала также знаменитое пожертвованіе хлѣбомъ для христолюбиваго воинства. Говорятъ и даже утверждаютъ, что Ник. Ник. Новосильцовъ назначенъ въ Лондонъ посланникомъ.

Графъ Лористонъ еще здѣсь, но переѣхалъ со всѣми своими чиновниками въ трактиръ изъ посольскаго дома и живетъ до полученія паспортовъ, какъ частный человѣкъ.

Всѣ прочіе министры собираются отсюда ѣхать, кромѣ португальскаго и сардинскаго. Датскій, г. Бломъ, слагаетъ съ себя званіе свое и проситъ, чтобы ему дозволили остаться здѣсь жить приватно.

Объ англичанахъ заговорили было, что они къ Ригѣ подъѣхали съ вспомогательнымъ войскомъ; но теперь извѣстно, что буря принудила нѣсколько военныхъ ихъ судовъ искать пособія у Динаментскаго коменданта, который удовлетворилъ ихъ во всемъ.

Вчерашній день, воспоминаніе побѣды подъ Полтавою, многимъ вселялъ мысль, не выжидали ли войска наши сей славной эпохи,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ ознаменовать ее новымъ низложеніемъ вражескихъ силъ въ предѣлахъ нашихъ. Пусть Наполеонъ паче Карла накажется за вѣроломство и продерзость свою!

Слышу, что изъ многихъ надписей къ монументу великой Екатерины Юр. Ал. Нелединскаго одна токмо одобрена. Надѣюсь, что вы ее, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, мнѣ сообщите, ибо еще ее не имѣю.

Руничъ, московскаго почтдиректора помощникъ, еще здѣсь, и я уже знаю, что братъ его правителемъ канцеляріи у графа Ѳедора Васильевича.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Приложеніе къ „Русской Старинѣ“.

Изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ печати, записокъ объ Отечественной войнѣ самыми характерными, и интересными представляются записки участника войны Алексѣя Петровича Ермолова.

Съ разрѣшенія высокочтимаго Григорія Петровича Ермолова предлагаемъ эти записки вниманію читателей нашего журнала, тщательно воспроизведенныя съ изданія Григорія Петровича въ 1865 г. *Ред.*

Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г.

Насталъ 1812 годъ, памятный каждому русскому, тяжкій потерями, знаменитый блистательною славою въ роды родовъ!

Въ началѣ марта мѣсяца гвардія выступила изъ С.-Петербурга. Черезъ нѣсколько дней получилъ я повелѣніе быть командующимъ гвардейскою пѣхотною дивизіею [1]). Назначеніе, которому могли завидовать и люди самаго знатнаго происхожденія, и несравненно старшіе въ чинѣ. Долго не рѣшаюсь я вѣрить чудесному обороту положенія моего. Къ чему, однако же, не пріучаетъ счастье? Я начиналъ даже вѣрить, что я того достоинъ, хотя, впрочемъ, весьма многимъ позволяю я съ тѣмъ не согласоваться. Скорое возвышеніе мало извѣстнаго человѣка непремѣнно порождаетъ зависть, но самолюбіе умѣетъ истолковать ее выгоднымъ для себя образомъ, и то же почти сдѣлалъ я, не безъ оскорбленія, однако же, справедливости.

---

[1]) Дивизію составляли полки:

1-я бригада: Преображенскій, Семеновскій — Бригадный командиръ генералъ-маіоръ баронъ Розенъ.

2-я бригада: Измайловскій, Литовскій — Бригадн. командиръ флигель-адъютантъ Удомъ.

3-я бригада: Егерскій, Финляндскій — Бригадный командиръ полковникъ Бистромъ.

Къ сей бригадѣ присоединенъ гвардейскій морской экипажъ.

Библиотека "Руниверс"

Дивизіоннымъ начальникомъ прихожу я на маневры въ Вильну. Всѣ находятъ гвардію превосходною по ея устройству, и часть похвалы, принадлежащей ей по справедливости, удѣляется мнѣ, безъ малѣйшаго на то права съ моей стороны.

Послѣ краткаго пребыванія въ Вильнѣ, гвардія возвратилась на свои квартиры въ городъ Свенцяны.

Французы въ большихъ силахъ находились близъ нашихъ границъ. Слухи о войнѣ не были положительны; къ нападенію, повидимому, никакихъ не предпринималось мѣръ, равно и съ нашей стороны не было особенныхъ распоряженій къ возбраненію перехода границъ. Ближайшіе изъ окружающихъ Государя допускали мысль о возвращеніи графа Нарбонна, адъютанта Наполеона, присланнаго съ порученіями, который, въ разговорахъ своихъ, ловкимъ весьма образомъ, далъ нѣкоторыя на то надежды. Были особы, совершенно въ томъ увѣренныя.

Въ тотъ самый день, когда Государю Императору данъ былъ праздникъ знатнѣйшими сановниками и составляющими его свиту (la maison de l'empereur), въ загородномъ гуляньи близъ Вильны (въ Закретѣ), среди великолѣпія и роскошныхъ увеселеній, пріѣхалъ изъ Ковна чиновникъ съ извѣстіемъ, о которомъ немедленно доведено до свѣдѣнія Государя. Не могло укрыться смятеніе между окружающими, и дало поводъ къ заключеніямъ о причинѣ внезапнаго прибытія, а вскорѣ затѣмъ разгласила молва, что французы перешли Нѣманъ недалеко отъ Ковна, что городъ занятъ ими, и казаки на передовой стражѣ отступаютъ, размѣнявшись выстрѣлами. Исчезъ обоюдный страхъ, долгое время въ нерѣшимости удерживавшій, и мы огромнымъ непріятеля ополченіямъ, ступившимъ на нашу землю, прежде Вильну и вскорѣ всю Литву, едва сопротивляясь, уступили!

Въ Вильнѣ долженъ былъ генералъ-адъютантъ Балашовъ, съ письмомъ отъ Государя къ Наполеону, дождаться его прибытія.

Государь прибылъ къ гвардіи, и ей приказано расположиться при Свенцянахъ лагеремъ.

1-й западной арміи, сильнѣйшей числомъ войскъ, назначенъ главнокомандующимъ генералъ-отъ-инфантеріи, военный министръ, Барклай-де-Толли; главная его квартира въ Вильнѣ.

Составляющіе ее корпуса находятся подъ командою:

1-й пѣхотный корпусъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна. Корпусная его квартира въ мѣстечкѣ Кейданахъ.

2-й корпусъ генералъ-лейтенанта Багговута, въ Вилькомірѣ.

Библиотека "Руниверс"

3-й корпусъ генералъ-лейтенанта Тучкова 1 (Николая Алексѣевича), въ городѣ Трокахъ.

4-й корпусъ генералъ-адъютанта графа Шувалова въ городѣ Лидѣ.

5-й корпусъ Великаго Князя Константина Павловича, въ городѣ Видзахъ.

6-й корпусъ генерала-отъ-инфантеріи Дохтурова, въ мѣстечкѣ Слонимѣ.

Кавалерійскіе корпуса:

1-й генералъ-адъютанта Уварова.

2-й генералъ-адъютанта барона Корфа.

3-й генералъ-маіора графа фонъ-деръ-Палена (Петра Петровича).

Донское войско, подъ начальствомъ атамана, генерала-отъ-кавалеріи Платова, въ городѣ Гроднѣ и Бѣлостоцкой области.

2-й Западной арміи главнокомандующій — генералъ-отъ-инфантеріи князь Багратіонъ. Главная его квартира въ мѣстечкѣ Пружанахъ.

3-я Западная армія, подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Тормасова. Главная его квартира въ Дубнѣ.

Молдавская армія, предводительствуемая адмираломъ Чичаговымъ, находилась, большею частію, въ Валахіи, гдѣ оставалась до заключенія мира съ Оттоманскою Портою, коего прелиминарные пункты были уже подписаны.

Первыя двѣ арміи расположены были на Европейской нашей границѣ и должны были противостать вторженію армій, лично предводимыхъ Наполеономъ; но столько несоразмѣрны были силы и такъ на большомъ пространствѣ разсѣяны наши войска, что единственное средство къ соединенію было отступленіе безъ потери времени.

Извѣстны были огромныя пріуготовленія Наполеона къ войнѣ, съ поспѣшностію дѣлаемыя. Могущественно было вліяніе его на Рейнскій Союзъ, и, послѣ блистательныхъ успѣховъ его въ послѣднюю войну противъ австрійцевъ, не могъ онъ ожидать, чтобы Императоръ Францискъ I дерзнулъ поднять на него оружіе, и даже самая Пруссія, долго льстившая соединеніемъ съ нами, должна была склониться на его сторону.

Война Россіи, совокупно съ Пруссіею, противъ Наполеона въ 1806—1807 годахъ, конченная Тильзитскимъ миромъ, грозила раз-

Библиотека "Руниверс"

рушеніемъ Пруссіи. Могущественное посредничество Государя сохранило ее, но при всемъ томъ взяты въ обезпеченіе нѣкоторыя изъ главныхъ крѣпостей и заняты французскими гарнизонами, ограничено количество войскъ, котораго не должны превосходить прусскія арміи.

Россія тщетно старалась избѣжать войны; должна была наконецъ принять сильныя противъ нея мѣры.

Мнѣнія на счетъ образа войны были различны. Не смѣя взять на себя разбора о степени основательности ихъ, я скажу только то, что мнѣ случалось слышать.

Военный министръ предпочиталъ войну наступательную. Нѣкоторые находили полезнымъ занять Варшавское герцогство и, вступивши въ Пруссію, дать королю благовидную причину присоединиться къ намъ, средство усилить армію и далѣе дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Если бы превосходныя силы непріятеля заставили перейти въ войну оборонительную, Пруссія представляетъ мѣстность, особенно для того удобную, средства продовольствія изобильныя, и война производилась бы внѣ границъ нашихъ, гдѣ пріобрѣтенныя отъ Польши области не допускаютъ большой степени къ нимъ довѣренности.

Несравненно большія могли предстоять выгоды, если бы, годомъ ранѣе занявъ герцогство Варшавское, вступили мы въ союзъ съ королемъ прусскимъ. Польская армія, съ невѣроятною дѣятельностію формированная, не болѣе имѣла тогда пятидесяти тысячъ человѣкъ и не дерзнула бы противостать намъ, или могла быть уничтожена: французскія войска въ Германіи, подъ начальствомъ маршала Даву, не были многочисленны, и въ надеждѣ на содѣйствіе Пруссіи, на большомъ пространствѣ разсыпанныя, не приспѣли бы къ спасенію ея. Гарнизоны по крѣпостямъ, изъ нихъ составленные, были малолюдны, и нѣкоторыя изъ крѣпостей совсѣмъ не заняты. Жестокая война съ Гишпаніею, гибельная для французскихъ ополченій, требовала безпрерывно значительныхъ подкрѣпленій, и только за годъ до начатія войны съ нами (1811) допустила заняться составленіемъ громадныхъ армій Французской и Рейнскаго Союза. Члены сего понуждаемы были къ чрезвычайнымъ усиліямъ, къ отяготительнымъ издержкамъ, которыя не могли поощрять къ добровольному соучастію. Австрія, видя въ рукахъ нашихъ Варшавское герцогство, Пруссію, подъявшую оружіе, вѣроятно, не осталась бы въ виновномъ бездѣйствіи, и тогда, смиривъ всеобщаго врага, можно бы дать миръ утомленной бѣдствіями Европѣ, исхитить царей изъ порабощенія и страхъ, вселенный въ нихъ Наполеономъ, обратить ему въ ужасъ и отмщеніе. Преткнулись бы шаги его на той землѣ,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ каждый изъ нихъ провождалъ къ побѣдамъ и торжествамъ. Предположивъ, что Австрія, не смѣя рѣшиться соединить оружіе свое съ нашимъ, будетъ упорствовать въ сохраненіи нейтралитета, и тогда Наполеонъ, въ борьбѣ съ арміями, нашею и прусскою, и понуждаемый, сверхъ того, разбросать не малое число войскъ для наблюденія за крѣпостьми и для удержанія въ повиновеніи занятыхъ областей, лежащихъ въ тылу арміи, могъ почитать вступленіе въ наши границы не безопаснымъ, и способы его не довольно для того благонадежными.

Въ настоящее время (1812) казалось все пріуготовленнымъ съ стороны нашей къ войнѣ наступательной: войска приближены къ границамъ, магазины огромные заложены въ Бѣлостоцкой области, Гродненской и Виленской губерніяхъ, почти на крайней чертѣ нашихъ предѣловъ. Въ то самое время, однако же, не отвергая возможности отвратить войну переговорами и демонстраціею, ожидали даже вторичнаго пріѣзда присыланнаго Наполеономъ графа Нарбонна; но полученныя наконецъ достовѣрныя свѣдѣнія о чрезвычайныхъ силахъ, сосредоточиваемыхъ въ близкомъ разстояніи отъ границъ, рѣшили отступленіе нашихъ армій.

Нѣкто, бывшій прусской службы генералъ, Фуль, теперь въ нашей генералъ-лейтенантомъ, снискавшій довѣренность, которой весьма легко предаемся мы въ отношеніи къ иноземцамъ, готовы будучи почитать способности ихъ всегда превосходными, между разными соображеніями и проектами предложилъ, какъ многіе утверждаютъ, мысль о пріуготовленіи укрѣпленнаго лагеря на рѣкѣ Двинѣ, близъ мѣстечка Дриссы. Направленіе, на которомъ устроенъ сей лагерь, при первомъ взглядѣ сообщаетъ понятіе о воинскихъ соображеніяхъ господина Фуля. Ему же приписываютъ возраженіе противъ сближенія 1-й арміи со 2-ю арміею, въ томъ предположеніи, чтобы могла она дѣйствовать во флангѣ непріятеля, когда онъ устремится на нашу 1-ю армію.

Не только не смѣю вѣрить, но готовъ даже возражать противъ неосновательнаго предположенія, будто военный министръ одобрялъ устроеніе укрѣпленнаго при Дриссѣ лагеря, и, что еще менѣе вѣроятно, будто не казалось ему нелѣпымъ дѣйствіе двухъ разобщенныхъ армій на большомъ одна отъ другой разстояніи, и когда при томъ дѣйствующая во флангъ армія не имѣла полныхъ пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Если бы Наполеонъ самъ направлялъ наши движенія, конечно, не могъ бы изобрѣсти для себя выгоднѣйшихъ.

Генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Беннигсенъ, бывшій Главнокомандующій въ послѣднюю войну съ французами въ Пруссіи,

Библиотека "Руниверс"

всемѣрно старался склонить на сближеніе армій, такъ чтобы отъ насъ зависѣло—или стать на прямѣйшей дорогѣ, идущей на Смоленскъ, или избрать такое положеніе, которое бы препятствовало непріятелю отклонить насъ отъ оной; но, при всей настойчивости, успѣлъ только согласить на перемѣщеніе 2-й арміи изъ окрестностей Луцка, что на Волыни, въ мѣстечко Пружаны.

Войска наши, приближенныя къ границѣ, охватывая большое пространство, могли казаться Наполеону готовыми возбранять переправу чрезъ Нѣманъ, и, конечно, трудно было предположить, чтобы такое размѣщеніе ихъ сдѣлано было для удобнѣйшаго отступленія, которое раздробленіе сдѣлаетъ необходимо затруднительнымъ, подвергая опасности быть разрѣзаннымъ по частямъ.

Наполеонъ, съ главными силами перешедши Нѣманъ недалеко отъ Ковна, направленіемъ ихъ обнаружилъ намѣреніе корпуса наши не допустить соединиться, въ чемъ, конечно, успѣлъ бы частію, если бы могъ скорѣе совершить переправу, не будучи принужденнымъ сжидаться съ войсками. Имѣя между поляковъ много людей приверженныхъ, безъ сомнѣнія, извѣщенъ былъ обстоятельно о расположеніи войскъ нашихъ [1]), быть можетъ, и о намѣреніи оставить Литву.

6-й корпусъ, для содержанія сообщенія между обѣими арміями, расположенный довольно далеко, присоединился не по причинѣ принятыхъ со стороны нашей мѣръ, но единственно по медленности переправы непріятеля. Отрядъ гусаръ изъ окрестностей Гродна догналъ 6-й корпусъ на пути его, потому что имъ командовалъ генералъ-маіоръ графъ Паленъ, прошедшій, въ продолженіе трехъ дней, почти двѣсти верстъ [2]).

Войско Донское, подъ начальствомъ самого атамана, генерала Платова, расположенное близъ Гродна, будучи назначено дѣйствовать вмѣстѣ съ 1-ю арміею, при всей, свойственной ему, быстротѣ, не могло къ ней присоединиться и, движеніемъ корпуса маршала Даву отброшенное, должно было обратиться къ арміи князя Багра-

---

[1]) Въ бумагахъ, взятыхъ у непріятеля, найдено квартирное расписаніе войскъ, расположенныхъ въ Литвѣ, списокъ нашихъ генераловъ и вѣрное исчисленіе войскъ нашихъ, которыя довольствовались хлѣбомъ, собираемымъ въ замѣнъ податныхъ недоимокъ. Это могло казаться намѣреніемъ не оставить въ краю средствъ для непріятеля.

[2]) Надобно знать графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайнымъ При отличныхъ способностяхъ, пламенный и ледовитый по обстоятельствамъ, предпріимчивый и осмотрительный, когда требуется.

Библиотека "Руниверс"

тіона. Въ командѣ атамана Платова находился отрядъ генералъ-маіора Дорохова изъ одного гусарскаго и двухъ егерскихъ полковъ.

Такимъ образомъ 1-я армія, хотя слабо преслѣдуемая, защищаясь на каждомъ шагу, взяла направленіе на славный по слухамъ при Дриссѣ лагерь [1]). Арріергардъ имѣлъ при селеніи Давгелишки довольно горячую схватку. Далѣе непріятель являлся въ малыхъ силахъ и болѣе наблюдалъ, нежели преслѣдовалъ. За отсутствіемъ атамана, только три Донскихъ казачьи полка находились при арміи, а потому въ арріергардѣ употреблена была легкая гвардейская кавалерійская дивизія.

Наконецъ армія вступила въ лагерь. Авангардъ остановился не въ далекомъ разстояніи. 1-й корпусъ перешелъ на правый берегъ Двины и сталъ у мѣстечка Друи, авангардъ отъ него по направленію къ Опсѣ. Также перешелъ и 6-й корпусъ, сталъ у городка Дриссы, авангардъ отъ него у мѣстечка Дисны. Слѣдованіе арміи такъ было быстро, что далеко назади оставила она непріятеля и должна была посылать партіи отыскивать, гдѣ онъ. Узнали, что въ Бельмонтѣ главная квартира Наполеона при небольшихъ силахъ, но что главныя направляются на Дисну по лѣвую сторону нашего лагеря.

Главнокомандующій, обозрѣвая лагерь, нашелъ, что онъ устроенъ на число войскъ гораздо превосходнѣйшее, нежели съ какимъ прибыла армія. Генералъ баронъ Беннигсенъ осмотрѣлъ въ подробности и замѣтилъ, что многія части укрѣпленій не имѣли достаточной между собою связи, и потому слаба была взаимная ихъ оборона; къ нѣкоторымъ изъ нихъ доступъ непріятелю удобенъ, сообщеніе между нашихъ войскъ затруднительно. Были мѣста близъ лагеря, гдѣ непріятель могъ скрывать свои движенія и сосредоточивать силы. Профили укрѣпленій вообще слабы. Три мостовыя укрѣпленія чрезмѣрно стѣснены, профили такъ худо соображены, что съ ближайшаго возвышенія видно въ нихъ движеніе каждаго человѣка. Всѣ описанные недостатки не изображаютъ еще всѣхъ

---

[1]) Лагерь, требовавшій продолжительнаго времени для работъ, свидѣтельствуетъ дальновидность предложившаго оный. Но выборъ направленія, самаго мѣста для лагеря и образа укрѣпленій, по мнѣнію многихъ, не могъ быть соображеніемъ здраваго ума. Господинъ Фуль можетъ найти утѣшеніе въ одобреніи не малаго числа нашихъ генераловъ и пренебрегать мнѣніемъ французовъ, которые назвали лагерь образцомъ невѣжества въ наукѣ укрѣпленія мѣстъ. Мнѣ не случилось слышать возраженій противъ того.

Библиотека "Руниверс"

грубыхъ погрѣшностей, ощутительныхъ для каждаго, разумѣющаго это дѣло. Лагерь требовалъ не мало времени для построенія, стоилъ трудовъ и издержекъ и, сверхъ того, къ нему проложены военныя дороги.

Здѣсь у мѣста упомянуть о прочихъ укрѣпленіяхъ, прежде войны предпринятыхъ. Въ Ригѣ мостовое укрѣпленіе распространено и прибавлены нѣкоторыя вновь; крѣпость приведена въ оборонительное состояніе.

Крѣпость Динабургская, на рѣкѣ Двинѣ, строилась болѣе года, сдѣлано мостовое необширное укрѣпленіе, пороховой погребъ и караульня. Линіи самой крѣпости едва были означены. По обыкновенному порядку, отчеты въ издержанныхъ суммахъ даны исправные; иноземецъ, давшій проектъ и управлявшій работами, признанъ за человѣка съ превосходными дарованіями, и прежде всякихъ заслугъ данъ ему чинъ. Укрѣпленіе сіе, въ продолженіе войны, два или три дня противостало небольшимъ непріятельскимъ партіямъ легкихъ войскъ, послѣ чего орудія и снаряды были нами потоплены и мостъ сожженъ.

На правомъ берегу рѣки Березины, противъ города Борисова, устроено укрѣпленіе, дабы не допустить непріятеля овладѣть мостомъ, впослѣдствіи у непріятеля взятое нашими войсками.

Крѣпость Бобруйская, на рѣкѣ Березинѣ, хотя непродолжительное время строившаяся, въ такое, однако же, приведена состояніе, что требовала бы осады, для произведенія которой не доставало средствъ у непріятеля, и онъ ограничился обложеніемъ.

При Кіевской крѣпости, на горѣ, называемой Звѣринецкою, вновь построена небольшая крѣпостца, при работахъ которой находился я самъ съ отрядомъ войскъ отъ резервной арміи, и потому знаю всѣ безобразные ея недостатки. Отъ старой крѣпости въ 400 саженяхъ разстоянія, мало вспомоществуетъ ей собою и даже сообщенія довольно свободнаго не имѣетъ; не представляетъ даже и той пользы, что далеко удерживаетъ непріятеля отъ крѣпости; ибо, овладѣвши ею, непріятель чувствительнаго вреда крѣпости нанести не можетъ [1]).

Сила описанныхъ крѣпостей, повидимому, не заключается въ

---

[1]) Мысль устроить крѣпостцу принадлежитъ инженеръ-генералъ-лейтенанту Опперманну, и на него непосредственно возложено составленіе проекта и приведеніе его въ исполненіе. Не рѣшаюсь думать, чтобы у инженеровъ новѣйшаго времени нельзя было заимствовать чего-нибудь достойнаго подражанія.

Библиотека "Руниверс"

нихъ собственно, но въ отдаленіи способовъ непріятеля для предпринятія осадъ. Сему обязаны мы цѣлостію Риги, сохраненіемъ Бобруйска, и можемъ принимать ихъ за твердыни непреодолимыя. Долго еще инженеры наши могутъ довольствоваться фортификаціею Войтяховскаго и ходить на практику на Дунай!

Во время пребыванія 1-й арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, непріятель собирался на лѣвомъ нашемъ крылѣ, направляясь на Диснy. Маршалъ Даву поспѣшалъ къ Минску съ сильнымъ корпусомъ, но только еще голова онаго приближалась къ городу. Князь Багратіонъ могъ бы предупредить Даву въ Минскѣ, и если бы даже встрѣтился съ его войсками, то, конечно, съ одними передовыми, какъ то извѣстно сдѣлалось послѣ; надобно было, и онъ долженъ былъ рѣшиться атаковать, предполагая даже понести нѣкоторую потерю, чтобы овладѣть дорогою на Смоленскъ. Измѣнила князю Багратіону всегдашняя его предпріимчивость. Къ тому же скорость движенія его умедливали худыя отъ Несвижа дороги и переправа чрезъ Нѣманъ у мѣстечка Николаева. Также, получая о непріятелѣ извѣстія преувеличенныя, онъ возвратился къ Несвижу и чрезъ Слуцкъ пошелъ на Бобруйскъ. За нимъ послѣдовали войска въ командѣ короля Вестфальскаго и князь Понятовскій съ польскою конницею. Съ сего времени на соединеніе обѣихъ армій отняты были всѣ надежды. Государь Императоръ изволилъ сообщить мнѣ полученное имъ извѣстіе и не скрылъ, сколько горестно оно было для его сердца, но утѣшительно мнѣ было видѣть, что можно надѣяться на его твердость.

Опредѣлено отступленіе 1-й арміи изъ укрѣпленнаго лагеря. Іюля 1-го дня возложена на меня должность начальника Главнаго штаба арміи. Отъ назначенія сего употребилъ я всѣ средства уклониться, представляя самому Государю, что я не пріуготовлялъ себя къ многотрудной сей должности, что достаточныхъ для того свѣдѣній не имѣю, и что обстоятельства, въ которыхъ находится армія, требуютъ болѣе опытнаго офицера и болѣе извѣстнаго въ арміи. Конечно, не трудно было во множествѣ генераловъ найти несравненно меня способнѣйшихъ; но, или надобны они были въ своихъ мѣстахъ, или видя умножающіяся трудности, сами принять должности не соглашались.

Я просилъ графа Аракчеева употребить за меня его могущественное ходатайство. Онъ, подтвердивши, сколько трудна предлагаемая мнѣ должность, не только не ободрилъ меня въ принятіи оной, напротивъ, нашелъ благоразсудительнымъ намѣреніе мое избавиться отъ нея, говоря, что при военномъ министрѣ она несравненно затруднительнѣе, нежели при всякомъ другомъ. Извѣстно было,

Библиотека "Руниверс"

что онъ поставлялъ на видъ Государю одного изъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ, Тучкова 1-го (Николая Алексѣевича), основательно полагаясь на опытность его, пріобрѣтенную долговременнымъ служеніемъ [1]). Государь, сказавши мнѣ, что графъ Аракчеевъ докладывалъ ему по просьбѣ моей, сдѣлалъ мнѣ вопросъ: „Кто изъ генераловъ, по мнѣнію моему, болѣе способенъ?“—„Первый встрѣтившійся, конечно, не менѣе меня годенъ“, отвѣчалъ я. Окончаніемъ разговора была рѣшительная его воля, чтобы я вступилъ въ должность. „Если нѣкоторое время буду я терпимъ въ этомъ званіи, то единственно по великодушію и постояннымъ ко мнѣ милостямъ Вашего Величества“, сказалъ я, и одну принесъ просьбу не лишить меня надежды возвратиться къ командованію гвардейскою дивизіею, отъ которой показывался я въ командировкѣ. Мнѣ это обѣщано.

Итакъ, въ званіи начальника Главнаго штаба арміи состоя при главнокомандующемъ, который былъ вмѣстѣ и военнымъ министромъ, имѣлъ я случай знать о многихъ обстоятельствахъ, не до одного управленія арміи касающихся, а потому все, описываемое мною, почерпнуто или изъ самыхъ источниковъ, или основано на точныхъ свѣдѣніяхъ, не подверженныхъ сомнѣнію. Въ должности прежде меня находился генералъ-лейтенантъ маркизъ Паулуччи, и послѣ шести дней удаленъ изъ арміи къ другому назначенію, по настоянію недовольнаго имъ главнокомандующаго. Первый помощникъ мой по дѣламъ службы, исправляющій должность дежурнаго генерала, флигель-адъютантъ полковникъ Кикинъ, бывшій при введеніи новаго образа управленія по изданному не задолго положенію о большой дѣйствующей арміи, не желая служить съ моимъ предмѣстникомъ, сказался больнымъ, и въ должность его вступилъ комендантъ главной квартиры, полковникъ Ставраковъ. Если возможно понимать смыслъ слѣдующихъ словъ: „Сіе судебъ преисполненное имя“, то, кажется, болѣе всѣхъ можетъ оно ему приличествовать; ибо судьба преслѣдовала имъ всѣхъ бывшихъ главнокомандующихъ. Суворовъ, превыше своихъ современниковъ, одинъ смѣлъ взять его по собственной волѣ, прочіе не могли отъ него избавиться. Онъ находился при немъ въ Италіи, при графѣ Буксгевденѣ, а потомъ при баронѣ Беннигсенѣ въ Пруссіи, перенесся въ Финлян-

[1]) Многими отличными качествами пріобрѣлъ онъ общее уваженіе, но въ теченіе продолжительнаго служенія его не представился случай, въ которомъ могъ бы онъ обнаружить особенныя способности военнаго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

дію ко всѣмъ перемѣнившимся главнымъ начальникамъ, а теперь не избѣгъ отъ него генералъ Барклай-де-Толли! За что же, по крайней мѣрѣ, терпятъ его въ должности дежурнаго генерала? Я прошу перемѣнить его. Главнокомандующій находитъ его весьма способнымъ. Сколько ни стараюсь уговорить полковника Кикина, не соглашается избавить меня отъ Ставракова!

Въ должности генералъ-квартирмейстера находился полковникъ Толь, офицеръ отличныхъ дарованій, способный со временемъ оказать большія заслуги; но смирять надобно чрезмѣрное его самолюбіе, и начальникъ его не долженъ быть слабымъ, дабы онъ не сдѣлался излишне сильнымъ. Онъ, при полезныхъ способностяхъ, по роду служебныхъ его занятій, соображеніе имѣетъ быстрое, трудолюбивъ и дѣятеленъ, но столько привязанъ къ своему мнѣнію, что иногда, вопреки здравому смыслу, не признаетъ самыхъ здравыхъ возраженій, отвергая возможность имѣть не только превосходныя способности, ниже допускаетъ равныя.

Іюля 2 дня армія перешла за Двину и расположилась у Дриссы. Слишкомъ ощутительно было неудобство имѣть въ тылу рѣку, какова Двина; ибо армія, двигаясь безъ малѣйшихъ препятствій, не въ одно время и не тѣснимая непріятелемъ, не избѣгла, однако же, нѣкоторыхъ замѣшательствъ. Половина мостовъ сохранена для арріергарда генералъ-адъютанта барона Корфа.

1-й корпусъ расположился противъ праваго фланга бывшаго лагеря, отрядъ отъ него у Друи и наблюдательные посты у Динабурга. 6-й корпусъ приблизился къ Диснѣ, дабы подкрѣпить авангардъ графа Палена на лѣвомъ берегу Двины, открывающій непріятеля отряжаемыми вдаль разъѣздами.

Государь поручилъ флигель-адъютанту графу Потоцкому, въ случаѣ надобности, истребить противъ Дисны переправу, и онъ, пылая усердіемъ исполнить порученіе, сообщилъ пламень и провіантскому магазину довольно значительному, тогда какъ французы были не ближе 70 верстъ разстоянія, и съ такою возвратился поспѣшностію, что не замѣтилъ, какъ жители растащили запасы, которые довольствовали послѣ и авангардъ 6-го корпуса и самый корпусъ.

Вѣроятно, подвигу своему онъ успѣлъ дать хорошую наружность, но мнѣ не извѣстно, было ли особое описаніе его (mémoire). Послѣ того не было уже моста, но за рѣкою былъ авангардъ графа Палена, усиленный дивизіею пѣхоты отъ 4-го корпуса, и долженъ былъ оставаться долѣе, дабы подъ закрытіемъ его армія могла отступить къ Полоцку.

Іюля 4 числа армія двинулась и въ три дня пришла къ По-

Библиотека "Руниверс"

лоцку. Оставленный въ прежнемъ расположеніи арріергардъ генералъ-маіора барона Корфа, не видавъ непріятеля, перешелъ на правый берегъ Двины.

1-й корпусъ графа Витгенштейна изъ 24 тысячъ человѣкъ, расположенный близъ Друи, имѣлъ повелѣніе въ случаѣ дѣйствія противъ него превосходныхъ силъ, отступать къ Пскову, прикрывая Петербургъ. Если бы непріятель не помышлялъ о немъ, то довольно робости столицы, чтобы предпринять мѣры къ разсѣянію страха. Подобные маневры можно по справедливости назвать придворными. Непріятель показалъ небольшую часть легкихъ войскъ, занялъ отрядомъ мѣстечко Друю и въ небольшихъ силахъ приблизился къ Динабургу. Графъ Витгенштейнъ донесъ главнокомандующему, что онъ намѣренъ усилить расположенный противъ Друи отрядъ и удерживать Динабургъ. Начальникъ штаба 1-го корпуса, генералъ-маіоръ Довре, увѣдомилъ меня, что для усиленія отряда назначается десять баталіоновъ пѣхоты съ приличнымъ числомъ артиллеріи и конницы, которой и безъ того было весьма недостаточно. Главнокомандующій позволилъ мнѣ сказать мое мнѣніе и подтвердилъ возраженіе мое противъ раздробленія силъ. Странно намѣреніе, зная движеніе непріятеля на лѣвый флангъ, защищать Динабургъ, отдаленный и къ оборонѣ не пріуготовленный, когда впереди его невозможно маневрировать.

Въ сіе время корпусъ Прусскихъ войскъ генерала Іорка вступилъ въ Курляндію, занялъ Митаву, и легкія его войска появились у предмѣстія Риги. Къ нему присоединились войска другихъ націй, составляя вообще до сорока тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ маршала Макдональда.

3-я западная армія генерала Тормасова была около Бреста Литовскаго, противъ корпуса саксонскихъ войскъ, въ командѣ французскаго генерала Ренье, вступившаго въ границы наши совокупно съ австрійскими войсками подъ начальствомъ генерала князя Шварценберга, который находился еще въ нѣкоторомъ разстояніи.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Эртеля, около четырнадцати тысячъ человѣкъ, стоялъ въ бездѣйствіи въ Мозырѣ; слабое отъ него отдѣленіе у города Пинска. Проходя служеніе въ должностяхъ полицейскихъ и въ нихъ достигнувши чина генералъ-лейтенанта и другихъ наградъ, онъ упражнялъ полицейскія свои способности въ утѣсненіи жителей въ окрестностяхъ Мозыря.

Армія Молдавская, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, по заключеніи мира съ Оттоманскою Портою, начинала оставлять предѣлы Валахіи; но дальній путь, ей предлежащій, отдалялъ ее на

Библиотека "Руниверс"

долгое время отъ содѣйствія прочимъ арміямъ, и передовыя ея войска едва еще приближались къ Днѣстру.

Изъ Полоцка Государь Императоръ отправился въ Москву, сопровождаемый графомъ Аракчеевымъ, министромъ полиціи генераломъ Балашовымъ и государственнымъ секретаремъ Шишковымъ. При немъ были генералъ-адъютантъ князь Трубецкой и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Всѣ прочіе, особѣ Государя принадлежащіе, чиновники остались при арміи. Остался и генералъ Фуль съ горькимъ въ сердцѣ чувствомъ, что онъ не столько уже необходимъ Государю, съ отчаяніемъ въ душѣ, что лагерь при Дриссѣ найденъ безполезнымъ и усмотрѣны его недостатки. Ни рабъ-почитатель его, флигель-адъютантъ полковникъ пруссакъ Вольцогенъ, ни генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій, имъ въ ремеслѣ военномъ просвѣщаемый, не проповѣдывали его славы. Умолкли мудрыя его предложенія продолжать отступленіе даже за Волгу; уже не внемлютъ благодѣтельнымъ попеченіямъ его о Россіи. Судьба казнитъ неблагодарность вашу, россіяне; вы не узрите береговъ Волги [1])!

Отъѣздъ Государя произвелъ на войска непріятное впечатлѣніе. Появляясь каждый день веселымъ и сохранявшимъ спокойную наружность, не только не было мысли объ опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми, и каждый оживлялся его присутствіемъ. Но оно не менѣе нужно было и внутри Россіи. Надобно было унылый духъ возбудить къ бодрости, или постепенно пріуготовить къ перенесенію большихъ бѣдствій. Москва, въ сердцѣ коей двѣсти лѣтъ тишины и благоденствія, цѣлый вѣкъ величія и славы закрыли прежнихъ несчастій глубокія раны, ожидала утѣшенія. Москва! Когда срѣтала ты Царя своего безъ восхищенія? Гдѣ болѣе являема была ему сыновъ его приверженность? Отъѣздъ былъ необходимъ! Сѣтующу войску обѣщано скорое его возвращеніе, и все возвратилось къ прежнему порядку, или, по крайней мѣрѣ, не увеличился безпорядокъ.

При выступленіи изъ Полоцка извѣстно уже было, что непріятель въ силахъ показался у Дисны и слѣдовалъ вверхъ по лѣвому берегу Двины. Арріергардъ графа Палена перешелъ уже на правый берегъ и защищалъ переправу до вечера того дня. 6-й корпусъ и

---

[1]) Не была предусматриваема необходимость отступленія, но достовѣрное свѣдѣніе объ изумляющей многочисленности ополченій Наполеона опредѣлило отступленіе необходимымъ средствомъ до нѣкотораго времени.

Библиотека "Руниверс"

при немъ одна дивизія отъ 4-го пѣхотнаго корпуса занимали на ночлегѣ средину разстоянія между арріергардомъ и арміею.

Слѣдованіе арміи продолжалось къ Витебску. 6-й корпусъ въ одномъ маршѣ назади. Графъ Паленъ, отправивши къ арміи довольно большое количество провіанта, оставилъ берегъ Двины. Непріятель, переправившись у Дисны, на другой день началъ преслѣдованіе небольшими силами. Въ подкрѣпленіе графу Палену обращенъ кавалерійскій корпусъ барона Корфа и нѣсколько егерей. Много уже непріятельскихъ войскъ усмотрѣно на лѣвомъ берегу противъ Полоцка, но арріергардъ нашъ прошелъ благовременно сей пунктъ.

Въ Полоцкѣ погрозилъ я кандалами комиссіонеру 7-го класса Юзвицкому, который отправлялся съ суммою денегъ уплатить за купленный будто имъ у евреевъ провіантъ на томъ берегу, гдѣ непріятель, и откуда никто не помышлялъ перевезть его на нашу сторону, хотя въ арміи чувствуемъ уже былъ недостатокъ. Благоразумны были распоряженія генералъ-интенданта Канкрина, который, во время пребыванія арміи въ укрѣпленномъ лагерѣ, заготовилъ большое весьма количество печенаго хлѣба, но много изъ него принужденъ былъ оставить, потому что время отступленія арміи не было опредѣлено, и невозможно было собрать средствъ, перевозкѣ соразмѣрныхъ [1]).

Г. Канкринъ человѣкъ отлично умный, далекъ, однако же, той расторопности, которую люди ловкіе въ изворотахъ провіантской промышленности находятъ необходимою для искуснаго прикрытія казеннаго ущерба. Не рѣшусь, однако же, предположить, чтобы могло укрыться отъ него, если кто другой отличается знаніемъ сего ремесла, какъ и предузнать трудно, всегда ли онъ будетъ упрекомъ для другихъ.

Въ Полоцкѣ также на прочномъ основаніи утвердилась вражда между Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и Главнокомандующимъ. Опоздавшій выступить въ назначенное время командиръ конной гвардіи, полковникъ Арсеньевъ, былъ имъ арестованъ. Довольно сего, чтобы возродить вражду; слишкомъ много, чтобы усилить давно существующую. Великій Князь воспылалъ гнѣвомъ, ледовитый Барклай-де-Толли не охладилъ горячности.

---

[1]) Въ продолженіе четырехъ дней, въ каждый день три тысячи человѣкъ нижнихъ чиновъ, при полковникѣ и офицерахъ, наряжаемы были для хлѣбопеченія; при чемъ соблюдался строгій порядокъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Полоцкѣ, по отъѣздѣ Государя, случилось мнѣ обѣдать вмѣстѣ съ оставшеюся его свитою, и я замѣтилъ разность въ тонѣ, какую перемѣну въ обращеніи! Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ каждаго при собственныхъ средствахъ. Люди, осужденные быть придворными, умѣйте снискать уваженіе собственными достоинствами, или, заимствуя блескъ другого, умѣйте отражать его! Не мое дѣло толковать смыслъ сказаннаго однимъ изъ древнихъ писателей:

. . . exeat aula
qui vult esse pius.

Неужели думать надобно, что много было сходства между придворными людьми всѣхъ временъ? Съ нами вмѣстѣ обѣдалъ и генералъ Фуль, готическую свою важность, вывѣску общаго ко всѣмъ неуваженія, перемѣнившій на придворную вѣжливость. Онъ кланялся прежде, не ожидая приносимыхъ ему въ дань поклоновъ. Исчезло рабственное къ нему почтеніе, были уже примѣтившіе въ немъ признаки сумасшествія, а Вилліе увѣрялъ, что испытанныя средства не возстановили ума въ полной мѣрѣ; воля Государя присвоила и небывалый!

Армія прибыла къ переправѣ при Будиловѣ. Проходя, небольшой отрядъ оставила противъ Бѣшенковичей, для обезпеченія слѣдованія 6-го корпуса и далеко отстающаго арріергарда графа Палена, равномѣрно и для прикрытія производившейся перевозки хлѣба съ другого берега. Непріятель не близко еще былъ отъ сего мѣста, по причинѣ трудной и весьма гористой дороги по лѣвому берегу и, сверхъ того, рѣка къ сторонѣ его дѣлаетъ большой изгибъ, что сокращало путь намъ, а мѣстоположеніе совершенно ровное скорости движенія способствовало.

Между тѣмъ корпусъ французскихъ войскъ маршала Даву, прошедши Борисовъ, овладѣлъ Могилевомъ и занялъ Оршу небольшимъ отрядомъ войскъ.

Армія князя Багратіона, въ слѣдованіи изъ Несвижа къ Бобруйску, имѣла схватки въ арріергардѣ.

Атаману генералу Платову представился первому случай, 27 и 28 іюля, при мѣстечкѣ Мирѣ, и послѣ при мѣстечкѣ Романовѣ, доказать польской конницѣ, что въ насъ сохранилась прежняя поверхность надъ поляками, и казакамъ предоставлена честь возобновить въ сердцахъ ихъ сіе чувство.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО ПЯТИДЕСЯТЫЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Воспоминанія стараго педагога. А. Ѳ. Андріяшевой	21— 29
II. Встрѣчи и столкновенія (М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Ѳ. Марксъ). Р. И. Сементковскаго	47— 58
III. Попечитель Варшавскаго учебнаго округа А. Л. Апухтинъ (изъ воспоминаній педагога). В. Г. Смородинова	73— 83
IV. М. И. Драгомировъ, командующій войсками (изъ отрывочныхъ воспоминаній) А. Е. К. .	114—120
V. Въ Румыніи передъ войной 1877 г. Г. И. Бобрикова	290—295
VI. Въ дружескомъ кругу (изъ воспоминаній о графѣ Д. А. Милютинѣ). С. Лаврентьевой.	323—331
VII. Встрѣчи и столкновенія (И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкинъ, И. Я. Горловъ). Р. И. Сементковскаго.	333—352
VIII. Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой. Е. Юнге.	536—545
IX. Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни (1870—1875 г.). В. С. Чиважевскаго	555—585

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

X. Записки генерала Ермолова въ Отечественную войну 1812 г. (Приложеніе) . . . . 1—15

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Берлинскій Конгрессъ 1878 г. (дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 3— 12, 223—236

II. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г. Сообщилъ Н. А. Вилламовъ. . . . . 13— 20, 237—244

III. По поводу 4 апрѣля 1866 г. Р. Р. Р. . . . 30, 46, 72, 84

IV. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова . . . . . 31— 45, 409—429, 597—614

V. Памятники 1812 г. въ Печерскомъ монастырѣ. Сообщ. Н. Козыревъ. . . . . 59— 62

VI. Николай Гавриловичъ Чернышевскій (наброски по неизданнымъ матеріаламъ). А. А. Лебедева . . . . . 63— 71, 296—309

VII. Изъ дневника русской въ Турціи предъ войной 1877—1878 г. Е. А. Рагозиной. . 85— 98, 386—395, 528—535

VIII. О Пушкинѣ. Н. Лернера . . . . . 99—113

IX. Николай Михайловичъ Пржевальскій. Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. П. Козлова. . . . . 121—161, 361—385

X. Наполеонъ на островѣ св. Елены. Сообщила В. Тимощукъ. . . . . 162—179

XI. Яковъ Іоганъ Урсинусъ. Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, А. Г. Воронова . . 180—187, 353—360

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

XII. Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 г.? Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами). В. Ф. . . . 188—208, 245—289

XIII. Въ апрѣлѣ 1812 г. Т. . . . . 209—221

XIV. Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 г.г. (Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 г. по 30 іюля 1905 г.) Г. А. Данилова. . . . . 310—322

XV. Рескриптъ Императора Павла I новгородскому губернатору Митусову. Сообщ. С. Н. Митусовъ 332

XVI. Настроеніе русской арміи на поляхъ Венгріи въ 1848—49 г.г. В. Т. . . . . 396—408

XVII. Въ маѣ 1812 г. Т. . . . . 430—444

XVIII. Приказъ Нашимъ арміямъ и два манифеста Императора Александра I вначалѣ Отечественной войны. . . . . 445—447

XIX. Императоръ Александръ Павловичъ въ дѣйствующей арміи въ началѣ Отечественной войны и возвращеніе его, черезъ Москву, въ Петербургъ . . . . . 448—466

XX. 1812 годъ (послѣдніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями) Б. М. Колюбакина . . . . . 467—476

XXI. Манифесты, написанные Шишковымъ въ Отечественную войну, и патріотическое ихъ значеніе. Н. А. Палицына . . . . . 477—491

XXII. Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. А. А. Мазона. . . . . 492—527

XXIII. Прошлое Сибири (потребность въ изученіи его). Энъ-Пэ . . . . . 546—554

XXIV. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Е. Ш. . 586—592

XXV. Пруссаки стараго времени и командовавшій прусскимъ корпусомъ въ 1812 г. маршалъ Макдональдъ . . . . . 593—596

Приложенія:

I. Военноуполномоченные Россіи на Берлинскомъ Конгрессѣ: Г. И. Бобриковъ, А. А. Боголюбовъ и Д. Г. Анучинъ. (при 4-й книгѣ).

Библиотека "Руниверс"

II. Къ статьѣ „Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 г.?“—планъ и 1, 2 и 3 №№ схемъ (тамъ же).

III. Памятникъ Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куля (при 5-й книгѣ).

IV. Портретъ прапорщика Николая Михайловича Пржевальскаго (тамъ же).

V. Портретъ Императора Александра I (при 6-й книгѣ).

VI. Портретъ Ивана Александровича Гончарова (тамъ же).

VII. Портретъ Александра Францевича Мишо (тамъ же).

VIII. Портретъ гр. А. А. Аракчеева (тамъ же).

IX. Портретъ А. Д. Балашова (тамъ же).

X. Портретъ А. С. Шишкова (тамъ же).

XI. Рисунокъ. Императоръ Александръ I въ Вильно въ 1812 г. (тамъ же).

XII. Докладъ Императору Александру I, написанный гр. А. Аракчеевымъ, А. Балашовымъ и А. Шишковымъ (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Новгородъ. 1911 г. Составилъ С. С. Минцловъ (на оберткѣ апрѣльской книги).

2. Походъ въ Москву Наполеона и бѣгство его изъ Россіи. Составилъ И. Н. Божеряновъ. Москва 1912 г. (тамъ же).

3. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 14 іюля по 4 августа 1911 г. (тамъ же).

4. Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый (А—Г) Спб. 1912 г. (на оберткѣ майской книги).

5. Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ третій (1833—1837). Спб. 1911 (тамъ же).

6. Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1905 годъ. Спб. 1812 (тамъ же).

7. Ив. Федоровъ. Опытъ хронологической канвы къ біографіи В. Г. Бѣлинскаго, съ приложеніемъ библіографическаго указателя. Смоленскъ. 1911 г. (тамъ же).

8. М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціею М. К. Лемке. Т. I. Спб. 1911.—Т. II. Спб. 1912 (тамъ же).

Библиотека "Руниверс"

9. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи. № 46 и № 47. Симферополь. 1912 (тамъ же).

10. Матеріалы для исторіи цѣнъ на книги въ древней Руси XVI—XVIII в.в. Собрала и обработала В. Адріанова. Изданіе Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1912 (тамъ же).

11. Справочный указатель художественныхъ изданій С.-Петербургскаго попечительнаго комитета о сестрахъ Краснаго Креста. Изд. 5-е. Спб. 1911 (тамъ же).

12. И. Г. Максимовъ. Систематическое чтеніе по словесности (опытъ библіографическаго указателя для юношества). Тифлисъ. 1911 (тамъ же).

13. В. П. Авенаріусъ. Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1812 г. Съ 12 картинами изъ эпохи Отечественной войны и картою. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к. Изд. книжнаго магазина П. В. Луковникова. Его же. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рисунками. Изд. книжнаго магазина Луковникова (на оберткѣ іюньской книги).

14. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 4 по 11 августа 1911 г. (тамъ же).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Кубаловъ, Б. Александръ II, какъ участникъ и вдохновитель крестьянской реформы. Юбилейная рѣчь, произнесенная 19 февраля 1911 г. въ 1-мъ Общественномъ Собраніи г. Иркутска. Одесса. 1911. Тип. М. Прищепова (Коблевская, 36). 8⁰ (12×22). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 150 экз.

Къ столѣтію Отечественной войны 1812—1912. Вып. 1-й М. 1911. Изд. и тип. Худож. фототип. Фишеръ. 8⁰ (21×28). 2 стр.+50 листовъ рис. и портр. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 600 экз.

Къ 125-лѣтію города Ставрополя 1785—1910 г.г. Ставрополь. губ. 1911. Тип. Сѣверный Кавказъ. 8⁰ (18×28). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Острогорскій, М. Хронологія Всеобщей и Русской Исторіи. Древняя и Средняя исторіи. Спб. 1911. Изд. 21-е и 22-е. Тип. Тренке и Фюсно (Максимиліан., 13). 4⁰ (23×31). 24+32 стр. Съ рис. Ц. по 30 коп. Вѣсъ 14 л. По 5.000 экз.

Отечественная война 1812 года (Матеріалы военно-ученаго архива). Томъ XV. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (Іюнь—Декабрь). Спб. 1911. Изд. Главн. Управл. Ген. Шгаба. Тип. Бережливость (Невскій пр., 139). 8⁰ (16×26). V+181+XIV стр. Вѣсъ 29 л. 500 экз.

Отчетъ Кіевскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества за 1910 годъ. Кіевъ. 1911. Тип. Штаба воен. окр. (Банковая, 11). 8⁰ (17×25). 100 стр.+8 лист. рис. Вѣсъ 15 л. 800 экз.

Памяти Н. В. Гоголя. Сборникъ рѣчей и статей. Кіевъ. 1911. Изд. Университета. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мериноговская, 6). 8⁰ (19×26). IV+169 стр. Вѣсъ 20 л. 400 экз.

Покровскій, Н. Русская Хрестоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднеучебныхъ заведеній, съ приложеніемъ примѣрныхъ упражненій для устныхъ и письменныхъ работъ. Часть III. Правописаніе академическое. М. 1911. Изд. 17-е Тип. Н. Н. Кушнерева и К⁰ (Пименовск., св. д.). 8⁰ (15×23). 453 стр. Складъ: Кн. маг. В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова (Моховая, д. Варваринск. ак. О-ва). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 8.400 экз.

Поливановъ, Д. М. Конспектъ Русской Исторіи. Составленъ по учебнику К. А. Иванова. Съ приложеніемъ повторительныхъ, родословныхъ и хронологическихъ таблицъ. Одесса. 1912. Изд. и тип. Порядокъ (Успенская, 40). 16⁰ (9×13). 344 стр.+1 табл. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 5.000 экз.

Поливановъ, М. На каждый день. Указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. 1695—1905. Спб. 1911. Тип. Военная (въ Глав. Штабѣ). 8⁰ (12×19). 408 стр. Вѣсъ 19 л. 2.110 экз.

Программа по исторіи русской литературы въ связи съ теоріей словесности для испытанія зрѣлости въ Ревельской гимназіи Императора Николая I. Ревель. 1911. Тип. В. Эренпрейса. 16⁰ (13×18). 14 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Рубецъ, А. П. Преданія, легенды и сказанія Стародубской сѣдой старины, записанныя по разсказамъ дорогой для меня няни Варвары. Стародубъ. 1911. Тип. А. М. Соркина. 16⁰ (13×17). 71 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Русскій біографическій Словарь. Шебановъ-Шютцъ. Спб. 1911. Изд. Импер. Русскаго Историческаго общества. Тип. Главн. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 4⁰ (20×29). 557 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ. 2 ф 17 л. 1.250 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ сто тридцать пятый. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II. Часть восьмая. 1774—1775. Спб. 1911. Изд. Импер. Русск. Историческаго Общества. Тип. В. Киршбаумъ (Новопсаакіевская, 20). 8⁰ (20 × 28). XXXIX+553+IX стр. Ц. 3 руб. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 1.200 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г. на Балканскомъ полуостровѣ. Выпускъ 74. Дѣйствія войскъ южнаго фронта. Спб. 1911. Изд. Воен.-Ист. ком. Глав. Упр. Ген. Штаба. Тип. Обществ. польза (Б. Подъяческая, 39). 8⁰ (20 × 28). 343 стр. и 1 карта. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 220 экз.

Семеновъ, А. К. Планы и Сочиненія. Вѣкъ Іоанна Грознаго. Эпоха Петра Великаго. Вѣкъ Екатерины II. XVI—XVII—XVIII столѣтія. Курсъ VI класса гимназіи. Одесса. 1912. Изд. и тип. Порядокъ. 8⁰ (17×25). 164 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 16 л. 6.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ II. Вып. 1. Русская литература XVIII—XIX вѣка. Спб. 1911. Изд. 3-е Башмакова и К⁰. Тип. „Трудъ". 8⁰ (17 × 23). 192 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 22 л. 4.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Т. III. вып. 1 Русская литература 40—60 годовъ XIX вѣка. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова, 2-е. Тип. „Трудъ". 8⁰ (17×23). 273 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 29 л. 3.000 экз.

Списокъ оттискамъ съ древнѣйшихъ русскихъ печатей Рижскаго городского архива, поднесеннымъ XV Археологическому Съѣзду въ Новгородѣ отъ Общества исторіи и древностей Прибалтійскаго края. Рига. 1911. Тип. В. Ф. Геккеръ. 8⁰ (15+22). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Титовъ, Ѳ. П., проф. прот. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754 г.г.), бывшій ученикъ и учитель Кіевской Академіи. Кіевъ. 1911. Изд. 2-е, Кіев. Св. Владимірск. Бр. Тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8⁰ (16×25). 62+1 нен. стр.+1 листъ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 9 л. 1.500 экз.

Толстой, Л. Н. Жизнь—благо. Путь жизни. Вып. XIII. М. 1911. Изд. Посредника (Петровскія линіи). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰. (Пименовск., соб. д.). 8⁰ (14×20). 23 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 15.200 экз.

Толстой, Л. Н. Наказаніе. Путь жизни. Вып. XV. М. 1911. Изд. Посредника (Петровскія линіи). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰. (Пименовская, соб. д.). 8⁰ (14×20) 19 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 15.200 экз.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.**

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"